3 1761 03937 2594

Presented to
The Library
of the
University of Toronto
by
BYELORUSSIAN ALLIANCE IN CANADA.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

ГЕНРИКА ИБСЕНА

Переводъ съ датско-норвежскаго

А. и П. Ганзенъ.

Съ критико-біографическимъ очеркомъ и предисловіями къ пьесамъ, составленными А. и П. Ганзенъ, и съ приложеніемъ портрета Г. Ибсена.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1909 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

1909.

PT
8852
R9H3
T. 4.

LIBRARY
758928
UNIVERSITY OF TORONTO

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Маркъ, Измайл. просп., № 29.

ЙОНЪ-ГАБРІЕЛЬ БОРКМАНЪ.

Пьеса эта написана въ Христіаніи, въ окрестности которой авторъ и перенесъ ея дѣйствіе. Ландшафтъ послѣдняго дѣйствія изображаетъ гору Грефсенозенъ. Первое изданіе пьесы заготовлено было въ 12.000 экземпляровъ, но было все разобрано по подпискѣ еще до выхода въ свѣтъ, и пришлось немедленно выпустить дополнительное изданіе въ 3.000 экземпляровъ. Оригиналъ вышелъ въ Даніи и Норвегіи 15-го декабря 1896 года: одновременно или почти одновременно вышли переводы на шведскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, французскомъ и русскомъ языкахъ. Какъ и предыдущія драматическія произведенія Ибсена, „Іонъ-Габріель Боркманъ" обошелъ почти всѣ сцены Норвегіи, Даніи и Швеціи. За границей же пьеса шла въ Германіи, Австріи, Венгріи, Англіи, Голландіи, Франціи, Италіи, Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и у насъ въ Россіи, гдѣ пьеса впервые была поставлена на сценѣ Императорскаго Малаго театра въ Москвѣ (1906 г.). Главныя роли исполняли: Боркмана — А. П. Южинъ, фру Боркманъ—Г. Н. Ѳедотова и Эллы Рентгеймъ — М. Н. Ермолова.

„Маленькій Эйольфъ" — трагедія дѣтства, — пишетъ Шлентеръ: — лѣтняя пьеса. „Іонъ-Габріель Боркманъ" — трагедія старости, напротивъ, зимняя пьеса.

„Лѣсъ и горы всѣ въ снѣгу. Рѣки окованы льдомъ. По снѣгу несутся сани, звенятъ колокольчики. Въ ночномъ сумракѣ падаютъ снѣжные хлопья. Жилой домъ въ усадьбѣ тепло натопленъ. Но въ душахъ его обитателей морозъ, ознобъ застарѣлой лихорадки. Это зимняя пьеса, которую могъ создать лишь семидесятилѣтній авторъ, знающій, что творится въ состарившейся душѣ, когда потушенные огни силятся вновь загорѣться, когда старые глаза озираются на ушедшую, даромъ пропавшую жизнь, когда послѣднія желанія, послѣдняя вѣра изсякаютъ, когда старая вражда, въ силу послѣднихъ утратъ, ищетъ безотраднаго мира.

„Въ драмѣ четыре дѣйствія. Они слѣдуютъ одно за другимъ, если можно такъ выразиться, по пятамъ; единство времени строго соблюдено. Едва ли одна минута отдѣляетъ конецъ предыдущаго отъ начала слѣдующаго дѣйствія. Ибсенъ считается здѣсь съ дѣйствительными минутами, какія указываетъ стрѣлка настоящихъ часовъ. Этотъ великій мастеръ драматической техники пренебрегаетъ здѣсь помощью хрупкой бутафорской стрѣлки.

„Соблюдено, въ сущности, и другое аристотелевское требованіе относительно единства мѣста. Дѣйствіе происходитъ въ двухъ этажахъ барскаго деревяннаго дома, на крыльцѣ его, выходящемъ на площадку двора, и на примыкающей ко двору опушкѣ лѣса, которая, поднимаясь въ гору, уходитъ вдаль. Находясь подъ впечатлѣніемъ движущихся де-

корацій Байрейта и нѣкоторыхъ обстановочныхъ усовершенствованій, видѣнныхъ въ Мюнхенѣ на такъ-называемыхъ шекспировскихъ подмосткахъ мейстера Лаутеншлегера, Ибсенъ предписалъ въ послѣднемъ дѣйствіи перемѣщеніе дѣйствующихъ лицъ на глазахъ зрителей. Послѣднимъ должно казаться въ то время, какъ ландшафтъ медленно, постепенно измѣняется, будто самыя лица перемѣщаются въ пространствѣ.

„Ибсенъ и въ „Іонѣ-Габріелѣ Боркманѣ“ раскрываетъ судьбу человѣка на протяженіи всей его жизни, и тутъ прикладываетъ слуховую трубку къ вскрытымъ и распластаннымъ человѣческимъ душамъ, поэтому и тутъ, въ узкихъ рамкахъ, ставимыхъ единствомъ времени и мѣста, могутъ быть прослѣжены лишь послѣдніе итоги прошлаго. Вечеръ, въ который начинается дѣйствіе пьесы, непосредственно предшествуетъ ночи смерти Іона-Габріеля Боркмана. Въ этотъ самый вечеръ человѣкъ, покинутый всѣми остальными, отталкиваетъ отъ себя послѣдняго друга. Въ этотъ вечеръ онъ вновь, послѣ безконечно долгаго для него промежутка времени, встрѣчается лицомъ къ лицу съ женщиной, бывшей предметомъ его любви въ юные годы. Въ этотъ же вечеръ онъ въ первый разъ за восемь лѣтъ покидаетъ свое обособленное помѣщеніе въ верхнемъ этажѣ, чтобы въ первый же разъ за эти восемь лѣтъ ступить ногой въ помѣщеніе жены и встрѣтиться съ нею. Наконецъ въ этотъ же самый вечеръ покидаетъ его и ее ихъ единственный сынъ, чтобы умчаться въ туманѣ зимней ночи съ двумя женщинами — за счастьемъ. Это накопленіе важныхъ событій усиливается еще тѣмъ, что, одновременно съ ними и благодаря имъ, развертывается картина прошлаго, того, что должно было произойти десятки лѣтъ тому назадъ, чтобы вызвать въ концѣ концовъ эту роковую зимнюю ночь. На недостатокъ дѣйствія въ этой драмѣ жаловаться не приходится, и искусство, съ которымъ, при полнѣйшемъ господствѣ автора надъ формой, такъ удивительно просто и естественно развито дѣйствіе, искусство, съ которымъ освѣщено прошлое и настоящее, — одно другимъ и взаимно, — такъ велико, что нелѣпое утвержденіе, будто въ этомъ произведеніи даетъ себя знать старческій возрастъ писателя, лишь тогда было бы умѣстно, если-бъ подъ словами „старческій возрастъ“ подразумѣвалась наивысшая зрѣлость человѣка. Въ такомъ смыслѣ эта зимняя пьеса Ибсена является дѣйствительно произведеніемъ старца.

„Въ величественной заключительной сценѣ старый Іонъ-Габріель Боркманъ находится у своей конечной цѣли. Съ горнаго выступа, при слабомъ снѣжномъ сіяніи, окидываетъ онъ взглядомъ разстилающуюся подъ его ногами ширь. Съ нимъ его старая возлюбленная, и онъ говоритъ ей: „Видишь, какъ широко, привольно раскинулась передъ нами страна?“. Она въ отвѣтъ на это напоминаетъ ему, что прежде передъ ними развертывались горизонты еще шире, безконечнѣе. То была страна грезъ. „А теперь эта страна погребена подъ снѣгомъ. И старое дерево засохло“. Но чѣмъ меньше различаетъ Іонъ-Габріель Боркманъ дѣйствительно находящійся передъ нимъ ландшафтъ, тѣмъ больше рисуетъ ему воображеніе. Онъ видитъ большіе пароходы. „Они приходятъ и отходятъ; связываютъ между собою народы и страны всего свѣта“. Онъ видитъ кипучую дѣятельность заводовъ и фабрикъ. „Работа кипитъ и днемъ и ночью. Колеса жужжатъ, валы мелькаютъ... вертятся, вертятся“. Онъ видитъ „свое царство“, свое „безконечное, необъятное царство“. Завладѣть этимъ царствомъ, въ которомъ всѣ эти пароходы и фабрики являлись только форпостами, было мечтой и задачей его жизни. Но онъ не дошелъ до цѣли; на полпути силы его надломились, и онъ палъ.

„Въ Іонѣ-Габріелѣ Боркманѣ тоже сидитъ нѣчто сродни „дикой уткѣ“, какъ выразился бы Грегерсъ Верле. Самъ бывшій директоръ банка

называетъ себя „подстрѣленнымъ глухаремъ“. И онъ, подобно старому лейтенанту Экдалю, сидѣлъ въ тюремномъ заключеніи, но не какъ тотъ, ради искупленія чужой вины, а для искупленія собственныхъ проступковъ. У него однако хватило силы выдержать заключеніе; онъ не вышелъ изъ него сломленнымъ. Это не просто глухариная натура. Женѣ его, когда она слышитъ, какъ онъ день-денской шагаетъ взадъ и впередъ по большой залѣ, расположенной надъ ея комнатой, чудится, что надъ головой у нея шагаетъ въ клѣткѣ больной волкъ, тоскующій о волѣ. Въ глазахъ жены этотъ больной волкъ, котораго она и видѣть больше не хочетъ, простой преступникъ, виновникъ всѣхъ ея несчастій. Самъ Йонъ-Габріель Боркманъ иного мнѣнія о себѣ. Не всегда-то легко отличить преступника отъ героя, и онъ считаетъ себя героемъ. Въ то время, какъ лейтенантъ Экдаль лишь тайкомъ облекается въ свой старый мундиръ, видѣвшій былыя счастливыя времена, и пугается, когда его застаютъ въ этомъ жалкомъ маскарадномъ нарядѣ посторонніе, Йонъ-Габріель Боркманъ расхаживаетъ у себя по залѣ въ полномъ парадѣ, въ гордомъ сознаніи собственнаго достоинства, воображая себя Наполеономъ, искалѣченнымъ въ первомъ же сраженіи. При этомъ онъ думаетъ о Наполеонѣ-героѣ, а не о Наполеонѣ-преступникѣ, да и кто же въ наше время представляетъ себѣ Наполеона преступникомъ? Какъ прежде Йонъ-Габріель предоставлялъ людямъ величать себя прямо по имени, à la коронованная особа, такъ и теперь, едва заслышитъ шаги за дверями, спѣшитъ принять величественную позу — въ ожиданіи депутатовъ отъ той части свѣта, которая наконецъ сознаетъ, что не можетъ обходиться безъ его величества.

„Это манія величія больного волка. Онъ ясно помнитъ, какъ десятка полтора лѣтъ тому назадъ онъ—тогда директоръ банка — однажды ночью стоялъ подъ каменными сводами, въ кладовыхъ банка, и смѣло запустилъ руку въ лежавшія тамъ подъ спудомъ сокровища, чтобы пустить ихъ въ оборотъ. Онъ не видѣлъ въ этомъ ничего преступнаго, считая себя „избранникомъ“, стоящимъ высоко надъ сплоченной сѣрой массой, толпой; онъ съ непоколебимой увѣренностью разсчитывалъ на побѣду. И разъ онъ съ помощью заимствованныхъ вкладовъ достигъ бы великой цѣли — все взятое вновь вернулось бы на свое мѣсто. Ни одинъ человѣкъ не потерялъ бы ни гроша; напротивъ, многіе выиграли бы вмѣстѣ съ нимъ.

„Такъ онъ разсчитывалъ. Воображеніе и самомнѣніе высоко возносили этого „сверхчеловѣка“ надъ уложеніемъ о наказаніяхъ и надъ моралью обыкновенныхъ среднихъ людей. Безчисленное множество новыхъ шахтъ, пущенныхъ въ ходъ исполинскихъ водяныхъ силъ, вновь открытыхъ каменоломенъ, путей сообщенія, и водныхъ и сухопутныхъ, по всему свѣту, — вотъ что мерещилось ему въ перспективѣ, какъ дѣло его рукъ, его единичныхъ усилій. Онъ хотѣлъ объединить въ своихъ рукахъ всѣ источники власти, подчинить себѣ всѣ богатства, какія только заключались въ нѣдрахъ земли, горъ, лѣсовъ и моря; надо всѣмъ этимъ хотѣлъ властвовать онъ одинъ — эгоистъ, честолюбецъ. „По всей странѣ были разсыпаны скованные милліоны, зарытые глубоко въ нѣдрахъ скалъ, и взывали ко мнѣ! Молили объ освобожденіи! И никто другой не слышалъ ихъ. Я одинъ!“. Старая возлюбленная Йона-Габріеля, жадно внимавшая его признаніямъ, нашла поэтическій символъ его желаніямъ и стремленіямъ. По ея выраженію, „онъ хотѣлъ разбудить „дремлющихъ духовъ золота“. Для самого же Йона-Габріеля все дѣло свелось скорѣе всего къ удовлетворенію его личнаго тщеславія. Разъѣзжать на четверкѣ лошадей и разыгрывать изъ себя великаго человѣка и кандидата на министерскій постъ—было для него гораздо пріят-

нѣе, чѣмъ вести аккуратный счетъ чужимъ и своимъ грошамъ. Но честолюбіе и тщеславіе его все-таки записались на службу обществу. Предпріятія его должны были облагодѣтельствовать тысячи людей. По крайней мѣрѣ, въ такомъ альтруистическомъ свѣтѣ рисуются впослѣдствіи мотивы его дѣйствій ему самому. Когда жена его рѣзко ставитъ ему на видъ, что онъ никогда не любилъ ничего и никого, кромѣ себя самого, онъ отвѣчаетъ ей съ гордымъ убѣжденіемъ, что „любилъ власть... власть — создавать человѣческое счастье далеко-далеко вокругъ себя“... И въ лихорадочномъ бреду, освобожденный отъ ощущенія дѣйствительности, не дающей мечтать, онъ видитъ передъ собой пароходы, разносящіе свѣтъ и тепло въ сердца тысячъ семействъ человѣческихъ. „Вотъ что было и моей мечтой“. Тутъ эгоизмъ позволяетъ мелькомъ увидѣть обратную его сторону — альтруизмъ. Правда, только мелькомъ. Въ сущности же ничто, исходившее отъ Пона-Габріеля Боркмана, не принесло никому блага. Все превратилось въ зло, въ несчастье. Мнимый благодѣтель страны разорилъ массу людей не хуже любого заурядnаго расхитителя чужого добра. Въ лицѣ его друга молодости Фольдаля мы видимъ одного изъ такихъ обобранныхъ несчастливцевъ, трогательнаго въ своей покорности судьбѣ.

„Невольно напрашивается вопросъ: чѣмъ объяснить, что Іонъ-Габріель Боркманъ, уже бывшій директоромъ банка и стоявшій на пути къ министерскому посту, не смогъ осуществить хоть части своихъ плановъ, потерпѣлъ полное крушеніе и поплатился тюрьмой? Онъ, конечно, не былъ заурядnымъ аферистомъ, сознательнымъ банкротомъ. Но былъ ли онъ дѣйствительно мечтателемъ, фантазеромъ чистой воды, не видѣвшимъ передъ собой ничего, кромѣ страны своихъ грезъ? Безъ сомнѣнія, этотъ сынъ рудокопа, который еще ребенкомъ спускался въ шахты, гдѣ слышалъ, какъ руда звенѣла подъ ударами молотка его отца, и слышалъ въ этомъ звонѣ чувство радости, удовольствія по поводу освобожденія, возможности выйти на свѣтъ Божій и служить людямъ, — жилъ жизнью, полной грезъ и фантазій. Старикъ Экдаль жилъ такою же жизнью, но его фантазія погружала его въ прошлое, кипѣла воспоминаніями, тогда какъ у молодого Пона-Габріеля Боркмана ожиданіями. И когда уже состарившійся Іонъ-Габріель, шестнадцать лѣтъ спустя послѣ своего паденія, говоритъ своему другу Фольдалю, написавшему трагедію: „Ты не поэтъ, Вильгельмъ!“—то хочетъ сказать въ сущности: „а вотъ я такъ поэтъ; я знаю высшую правду, нежели та, что заключается въ сводѣ законовъ, и съ точки зрѣнія этой правды я объявляю себя невиновнымъ“. И въ долгіе годы уединенія—въ предварительномъ заключеніи, въ тюремной камерѣ и въ добровольномъ одиночествѣ въ большой залѣ собственнаго дома—эта жизнь въ мірѣ фантазіи приняла уже прямо болѣзненный характеръ, и манія величія этого мнившаго себя „исключеніемъ“ человѣка стала переходить въ слегка лишь намѣченную въ пьесѣ крайность — манію преслѣдованія. Но если старому Пону-Габріелю Боркману подъ тяжестью ударовъ судьбы уже мерещатся призраки, если минуты вполнѣ яснаго самосознанія выдаются у него лишь изрѣдка, — когда онъ, напримѣръ, говоритъ Фольдалю: „Такъ мы обманывали другъ друга... и, быть-можетъ, самихъ себя при этомъ“, или говоритъ своей старой возлюбленной: „Таковы люди, Элла; они въ одно и то же время и сомнѣваются и вѣрятъ“, — если онъ бредитъ небылицами, то все это нисколько не исключаетъ возможности, что у молодого Пона-Габріеля Боркмана фантазія была и здорова и богата, что въ немъ были не только желанія, но и силы создать счастье и для себя и для другихъ. Почему же этому сыну рудокопа, стремившемуся вглубь, силы измѣнили, какъ и строителю Сольнесу, стремившемуся ввысь?

Авторъ не оставляетъ насъ на этотъ счетъ въ недоумѣніи. Дѣло въ томъ, что эгоизмъ здѣсь не уравновѣшивался мужественной готовностью приносить жертвы. Стремленіе къ власти было въ Боркманѣ достаточно сильно, но одного сильнаго стремленія недостаточно, чтобы создать человѣческое счастье. Вотъ почему Іонъ-Габріель Боркманъ въ одно и то же время и вѣрилъ въ себя и сомнѣвался въ себѣ. Въ силу этого сомнѣнія онъ лишился увѣренности; въ силу этого сомнѣнія онъ пренебрегъ помощью, заключавшей въ себѣ высшее благо, а искалъ помощи, заключавшей въ себѣ проклятіе. Вѣрную подругу жизни, сулившую ему беззавѣтную любовь, онъ оттолкнулъ отъ себя, чтобы опереться на человѣка, который за эту помощь требовалъ платы. Іонъ-Габріель Боркманъ оттолкнулъ отъ себя радостную готовность жертвовать собой и оперся на чистый эгоизмъ; хуже всего при этомъ было то, что онъ изъ-за одного лишился другого.

„Іонъ-Габріель Боркманъ вообразилъ, что ему удастся провести свои планы, лишь ставъ директоромъ крупнаго банка. Достигнуть же этого положенія онъ могъ только съ помощью адвоката Гинкеля. Послѣдній былъ влюбленъ въ возлюбленную молодого Іона-Габріеля Боркмана и требовалъ, чтобы онъ уступилъ ее ему въ благодарность за его помощь, передъ чѣмъ Іонъ-Габріель и не остановился. Ставъ директоромъ банка, онъ женился не на Эллѣ Рентгеймъ, а на ея сестрѣ-близнецѣ Гунгильдъ. Но Элла, отвергнутая имъ, въ свою очередь рѣшительно отвергла навязываемаго ей жениха—Гинкеля. Тотъ заподозрѣлъ въ этомъ вліяніе ея бывшаго возлюбленнаго и, когда подошла удобная минута, отомстилъ тому, раскрывъ дружески довѣренную ему тайну превышенія Іономъ-Габріелемъ директорскихъ полномочій. Послѣдствіями явились арестъ директора, конкурсъ, судъ и приговоръ.

„За нѣсколько часовъ до своей смерти Іонъ-Габріель Боркманъ называетъ всю эту щекотливую исторію довольно пренебрежительно „бабьей исторіей“, а затѣмъ доходитъ и до такого заключенія: „Вотъ оно мое проклятіе,—никто никогда не понималъ меня... ни одна душа въ мірѣ... исключая одной... быть-можетъ. Давно-давно. Еще въ тѣ дни, когда мнѣ казалось, что я не нуждаюсь въ пониманіи“. Итакъ, и до и послѣ крушенія человѣкъ этотъ стоялъ одинокимъ, — только не въ духѣ „врага народа“, рядомъ съ которымъ въ критическую минуту становится его сильная духомъ дочь. Іонъ-Габріель Боркманъ одинокъ не въ смыслѣ силы, но въ смыслѣ покинутости добрыми духами. Онъ имѣетъ полное право сказать о себѣ: „И у меня не было никого, кто бы бодрствовалъ возлѣ меня, былъ бы готовъ воззвать ко мнѣ, когда нужно, пробудить меня, какъ ударомъ утренняго колокола, побудить вновь бодро взяться за дѣло!.. Внушить мнѣ, что я не совершилъ ничего непоправимаго“. Его черствая жена отказалась отъ него, сына у него отняли, возлюбленная подруга юности далеко. Ему и осталось лишь держаться бѣднаго старика Фольдаля, котораго въ концѣ концовъ переѣзжаетъ его родная любимая дочь. Эти двое потерпѣвшихъ крушеніе въ жизни и стараются изо всѣхъ силъ поддержать другъ въ другѣ то, что пронизирующій циникъ Реллингъ („Дикая утка“) называетъ стимулирующимъ принципомъ, „житейской ложью“. Бывшій директоръ банка помогаетъ Фольдалю вѣрить въ его поэтическій даръ, а Фольдаль помогаетъ Іону-Габріелю вѣрить въ то, что для него когда-нибудь да пробьетъ все-таки часъ удовлетворенія. Вотъ почему Іонъ-Габріель Боркманъ постоянно разгуливаетъ у себя по залѣ въ полномъ парадѣ; вотъ почему онъ, едва раздастся стукъ въ дверь, становится въ позу, преисполненную горделиваго достоинства,—онъ каждую минуту готовъ принять тѣхъ, которые тамъ, во внѣшнемъ мірѣ увидятъ, что не въ состояніи долѣе обходиться

безъ него. Сомнѣнія частенько осаждаютъ его, но онъ не хочетъ терять вѣры въ себя, и другъ его Фольдаль нуженъ ему только до тѣхъ поръ, пока этотъ простодушный человѣкъ поддерживаетъ въ немъ эту вѣру. Годы однако идутъ и проходятъ, жизнь уходитъ, а тѣ, которыхъ Іонъ Габріель Боркманъ ждетъ, все не являются. Вмѣсто нихъ приходитъ наконецъ женщина. Она не предлагаетъ ему ни реабилитаціи ни директорскаго поста, но желала бы вернуть ему душевное спокойствіе.

„Это приходитъ къ нему его добрый духъ. Въ тѣ времена, когда молодой Іонъ-Габріель Боркманъ, сынъ рудокопа, устремлялъ взоръ въ глубину и размышлялъ о томъ, какъ ему освободить скованные тамъ внизу милліоны, рядомъ съ нимъ стояла улыбающаяся, полная любви къ нему дѣвушка—Элла Рентгеймъ. Она могла бы быть ему такой женой, которая съ радостью раздѣлила бы не только его успѣхъ, но и позоръ, крушеніе. Іонъ-Габріель Боркманъ въ своемъ душевномъ затменіи оттолкнулъ отъ себя добраго генія въ лицѣ этой дѣвушки, принадлежавшей ему всѣмъ сердцемъ. И въ послѣдній день его жизни эта самая дѣвушка бросаетъ ему упрекъ въ совершеніи имъ тягчайшаго преступленія, грѣха противъ нея и противъ себя самого: „Ты измѣнилъ любимой женщинѣ... мнѣ, мнѣ, мнѣ! Ты могъ, ради выгодъ, продать то, что было тебѣ дороже всего на свѣтѣ! Ты повиненъ въ двойномъ убійствѣ! Убилъ и свою и мою душу!“. Онъ убилъ и свою собственную живую душу, способную любить, и душу живую любимой женщины. Вотъ почему онъ и долженъ былъ, какъ выразилась его неумолимая жена, стать заживо мертвецомъ, вести могильное существованіе. Его черствая жена, правда, думаетъ при этомъ о публичномъ позорѣ и тюремномъ заключеніи. Элла Рентгеймъ, несмотря на все свое негодованіе, не думаетъ объ этомъ. То, что составляетъ проступокъ Іона-Габріеля Боркмана противъ законовъ, для нея имѣетъ не больше значенія, чѣмъ для Норы ея невинный подлогъ и для фру Альвингъ—при извѣстныхъ обстоятельствахъ — бракъ между сводными братомъ и сестрою. Всѣ эти земные грѣхи совершаются тѣми грѣшниками, для которыхъ все же остается открытымъ царство небесное, о раскаяніи которыхъ могутъ еще радоваться ангелы на небесахъ. Великимъ же, непростительнымъ, неискупимымъ грѣхомъ, за который библія отказываетъ въ прощеніи, является для Эллы Рентгеймъ упомянутый грѣхъ ея возлюбленнаго по отношенію къ ней и къ самому себѣ. Она называетъ этотъ грѣхъ умерщвленіемъ въ человѣкѣ живой души, способной любить. Другіе ибсеновскіе герои называютъ это по-иному. Но повсюду идетъ рѣчь о томъ же идеальномъ требованіи, исполненія котораго желаетъ Ибсенъ.

„Вооруженная такимъ идеальнымъ требованіемъ, Элла Рентгеймъ вступаетъ въ рядъ тѣхъ ибсеновскихъ типовъ, которые — независимо отъ положенія и ранга, отъ происхожденія и характера — сознаютъ въ себѣ самихъ тотъ этическій міровой законъ, который диктуется категорическимъ императивомъ готоваго на жертвы эгоизма. Элла Рентгеймъ въ правѣ предъявлять это требованіе. Для нея вся суть въ ея сердечныхъ, душевныхъ дѣлахъ, но сердце ея въ то же время готово на всякія жертвы во имя любви. Она спасаетъ свою ненавистницу-сестру и своего вѣроломнаго возлюбленнаго отъ нужды, отъ нищеты. Она воспитывала сына ихъ, когда домъ ихъ опустѣлъ, когда родители разошлись. Она же спустя долгіе годы, находясь уже на краю могилы, жаждетъ согрѣть остатокъ своихъ дней привязанностью любимаго ею сына друга юности. Но ребенокъ сталъ юношей, и не старая пріемная мать-тетка, а соблазнительная femme de trente ans указываетъ его пробудившимся чувствамъ дорогу къ счастью. И Элла Рентгеймъ понимаетъ это. Подобно тому, какъ она въ концѣ концовъ на основаніи собственнаго опыта вы-

сказываетъ предположеніе, что, быть-можетъ, неудовлетворенная потребность въ любви и питаетъ любовь, такъ она на основаніи собственнаго же опыта могла бы сказать: „недостатокъ счастья, быть-можетъ, и усиливаетъ жажду счастья". И вотъ она доказываетъ свою силу любви тѣмъ, что напутствуетъ своего любимца пожеланіемъ счастья: „Живи своей жизнью... и будь счастливъ, счастливъ... какъ только можешь!" Это говоритъ та же самая женщина, которая только-что молила его: „Эргартъ, я не въ силахъ потерять тебя. Вспомни, я одинокая, умирающая женщина... Или ты не можешь пожертвовать мѣсяцемъ-другимъ, чтобы освѣтить, согрѣть жалкую, догорающую жизнь?". А юный, нетронутый еще жизнью, наивный эгоистъ смѣло, рѣшительно отвѣчаетъ пріемной матери: „Но я не могу теперь принести тебѣ себя въ жертву". Подобный же отвѣтъ даетъ онъ и родной матери, которая предъявляетъ къ нему совсѣмъ иныя требованія, требуетъ жертвы, хотя сама и неспособна на жертвы.

„Фру Гунгильдъ Боркманъ—совершенная противоположность своей сестрѣ-близнецу. Она знать не знаетъ того таинственнаго грѣха. Она сама помогла убить въ Эллѣ Рейтгеймъ душу живую, способную любить, когда согласилась выйти за человѣка, сердце котораго принадлежало ея сестрѣ. Зато она тѣмъ болѣе освѣдомлена относительно всѣхъ тѣхъ проступковъ, нарушеній законовъ и порядковъ, въ которыхъ такъ позорно попался ея мужъ. Она и ненавидитъ мужа за то, что онъ навлекъ на нее бѣдность и позоръ, за то, что сидѣлъ въ тюрьмѣ. Этого она ему никогда не проститъ. И, мучась сознаніемъ своего позора, одолѣваемая тяжелыми думами, она наконецъ додумывается до чего-то особеннаго. Грѣхъ отца долженъ искупить сынъ; сынъ долженъ возстановить честь имени, опозореннаго отцомъ. Въ лицѣ сына растетъ мститель за ея поруганіе. Вотъ какая мысль грѣетъ сердце этой женщины, которая въ несчастьѣ такъ очерствѣла и оледянѣла, что возложила на своего сына однѣ обязанности безъ всякихъ правъ. Но этотъ смѣлый юнецъ, уже закаленный огнемъ молодой страсти, опрокидываетъ все это возводимое матерью за его счетъ изъ грѣха и искупленія сооруженіе непочтительнымъ словомъ: „фразы". Когда же она заговариваетъ о его великой миссіи, онъ заявляетъ, что не годится „въ миссіонеры". Онъ тычетъ въ носъ всѣмъ этимъ „старикамъ" своей молодостью и считаетъ себя въ правѣ жить собственной жизнью. Какъ въ „Маленькомъ Эйольфѣ" инженеръ Борггеймъ, такъ въ этой драмѣ Эргартъ Боркманъ открываетъ дверцу, ведущую изъ сѣраго, туманнаго застѣнка, полнаго призраковъ, на волю, въ настоящую жизнь. Съ высотъ приподнятыхъ чувствъ и провидящихъ взглядовъ, выискивающихъ высшее существованіе для человѣчества, этотъ жизнерадостный юнецъ, недолго думая хватающійся за первое представляющееся ему счастье, переноситъ дѣло на землю. Самый сухой педантъ изъ рецензентовъ не написалъ бы болѣе рѣзкой критики всѣхъ этихъ проблематическихъ кандидатовъ „третьяго царства", чѣмъ та, какой являются созданные самимъ авторомъ контрасты въ лицѣ Борггейма и Эргарта Боркмана—среднихъ людей, истинныхъ дѣтей земли, но веселыхъ и довольныхъ своимъ земнымъ существованіемъ. То, что Йонъ-Габріель Боркманъ сказалъ, лишь доктринерствуя, было для Борггейма насущнымъ дѣломъ: жить—значило для него трудиться; въ трудѣ было его счастье, для полнаго наслажденія которымъ ему недоставало только участницы его радостей. Для Эргарта же жить означаетъ что-то совершенно иное, нежели трудиться. Онъ знать ничего не хочетъ о трудѣ; ему хочется только „жить, жить". И когда онъ, въ компаніи съ кокеткой бальзаковскаго возраста и страдающей блѣдною немочью дѣвушкой-подросткомъ, усаживается въ щегольской

возокъ съ серебряными колокольчиками, намъ представляется, что, кромѣ смятенныхъ, призывающихъ его обратно взоровъ двухъ его матерей, ему напутствуетъ мефистофельскій смѣшокъ автора, которымъ этотъ послѣдній какъ будто хочетъ сказать: „Погоди, молодчикъ! И съ твоего возка когда-нибудь слетятъ серебряные колокольчики!“. Путь, по которому пустился Боркманъ младшій, вѣдь не менѣе опасенъ, нежели тотъ, по которому нѣкогда шелъ Боркманъ старшій.

„Но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ, видимо, благоволительно улыбается вслѣдъ этому возку, который, не разбирая пути, опрокидывая потерпѣвшихъ крушеніе въ жизни, мчится навстрѣчу цвѣтущей радости жизни въ то время, какъ тамъ на горѣ, при слабомъ сіяніи снѣга, двѣ женскія тѣни протягиваютъ другъ другу руки надъ мертвецомъ, заключая между собой безотрадный миръ. Девизу, провозглашенному однажды Ибсеномъ устами Брандта: „Все или ничего“, послѣдовалъ въ жизни и Йонъ-Габріель. Онъ рискнулъ всѣмъ и вынулъ пустышку. Ему на долю досталось—ничего. Жизнь его оскудѣла, завяла, сошла на нѣтъ въ спертомъ комнатномъ воздухѣ, въ воздухѣ тюремной камеры; онъ разучился переносить вѣяніе вольнаго вѣтра, вѣяніе свободы. Въ одиночествѣ онъ утратилъ свою силу. Рука объ руку съ Ребеккой—Росмеръ въ состояніи радостно и благородно пройти единственный путь, по которому они могли идти вмѣстѣ, путь — къ водопаду. Рука объ руку отецъ и мать маленькаго Эйольфа въ состояніи служить людямъ. Но то, что̀ поздно обрѣлъ Альфредъ Альмерсъ, рано утратилъ Йонъ-Габріель Боркманъ: вмѣстѣ съ Эллой Рентгеймъ онъ утратилъ свою душевную силу. Теперь, на старости, зимой, въ снѣгъ и морозъ—уже поздно. Теперь Эллѣ Рентгеймъ оставалось только одно дѣяніе любви: выпустить больного волка изъ его клѣтки и предоставить ему радостно-мечтательно приблизиться къ концу, идя въ чащу лѣса къ ледянящей свободѣ. „Такъ будетъ лучше, Йонъ-Боркманъ. Лучше для тебя“. Ледяная желѣзная рука судьбы, — судьбы, которую человѣкъ куетъ самъ лишь наполовину.—сдавила его больную грудь. И вотъ ледъ растаялъ даже въ груди фру Боркманъ: старая жена примиряется съ старой сестрой въ память ихъ общей юной любви. И бѣдная, скупая душа фру Боркманъ танла зародышъ способности любить. Теперь годами накоплявшаяся злоба исчезла, и „переродившійся взглядъ“ измѣнилъ и „старое дѣйствіе“.

ЙОНЪ-ГАБРІЕЛЬ БОРКМАНЪ.

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Йонъ-Габріель Боркманъ, бывшій директоръ банка.
Фру Гунгильдъ Боркманъ, его жена.
Эргартъ Боркманъ, ихъ сынъ, студентъ.
Фрекенъ Элла Рентгеймъ, сестра-близнецъ фру Боркманъ.
Фру Фанни Вильтонъ.
Вильгельмъ Фольдаль, сверхштатный писецъ въ одной изъ правительственныхъ канцелярій.
Фрида Фольдаль, его дочь.
Горничная фру Боркманъ.

Дѣйствіе происходитъ зимнимъ вечеромъ въ родовой усадьбѣ Рентгеймъ, недалеко отъ столицы.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

Гостиная фру Боркманъ: старинная, роскошная, но уже поблекшая, выцвѣтшая меблировка. Въ глубинѣ открытая выдвижная дверь, ведущая на закрытый балконъ съ окнами и стеклянною дверью, выходящею въ садъ: въ окна и дверь видно, что въ саду сумерки и валитъ хлопьями снѣгъ. У стѣны направо, впереди, большая, старинная желѣзная печка, въ которой пылаетъ огонь; подальше, въ той же стѣнѣ входныя двери изъ передней. Въ лѣвой стѣнѣ, впереди, окно, занавѣшенное плотными гардинами, подальше маленькая одностворчатая дверь. Между окномъ и дверью канапе, обитое волосяной матеріей; передъ нимъ столъ, покрытый ковровой скатертью. На столѣ зажженная лампа подъ абажуромъ. У печки кресло съ высокой спинкой.

Фру Боркманъ, пожилая дама, съ холоднымъ, надменнымъ точно застывшимъ лицомъ и прямою осанкой, сидитъ на канапе, занятая вязаньемъ. Густые волосы ея сильно тронуты сѣдиной; руки бѣлыя, прозрачныя; одѣта въ темное шелковое платье, когда-то очень элегантное, но теперь нѣсколько поношенное и потертое; на плечи накинутъ большой шерстяной платокъ. Нѣкоторое время она сидитъ прямо и неподвижно, погруженная въ свое вязанье. Вдругъ съ улицы раздается звонъ бубенчиковъ проѣзжающихъ саней.

Фру Боркманъ (прислушивается, глаза ея вспыхиваютъ отъ радости, и она невольно шепчетъ). Эргартъ! Наконецъ-то! (Встаетъ и смотритъ въ окно сквозь гардины; затѣмъ, видимо разочарованная, садится на прежнее мѣсто за работу).

(Нѣсколько минутъ спустя изъ передней входитъ горничная, неся въ рукахъ маленькій подносъ съ визитною карточкой).

Фру Боркманъ (живо). Такъ Эргартъ все-таки пріѣхалъ?

Горничная. Нѣтъ, сударыня. Но къ вамъ дама...

Фру Боркманъ (откладывая вязанье). А, фру Вильтонъ...

Горничная (подходя ближе). Нѣтъ. Чужая дама...

Фру Боркманъ (протягивая руку за карточкой). Дайте сюда. (Читаетъ, быстро встаетъ и пристально смотритъ на горничную) Вы навѣрное знаете, что это ко мнѣ?

Горничная. Да, я такъ поняла.

Фру Боркманъ. Она сказала, что желаетъ видѣть фру Боркманъ?

Горничная. Да, да.

Фру Боркманъ (отрывисто, рѣшительно). Хорошо. Скажите, что я дома.

(Горничная открываетъ двери въ переднюю, впускаетъ Эллу Рентгеймъ и удаляется).

(Элла Рентгеймъ похожа на сестру, но лицо ея, хранящее слѣды былой характерной красоты, отличается скорѣе страдальческимъ, чѣмъ суровымъ выраженіемъ. Густые, совершенно сѣдые, вьющіеся отъ природы волосы зачесаны кверху, открывая лобъ. Она въ черномъ бархатномъ платьѣ, въ такомъ же манто, подбитомъ мѣхомъ, и въ шляпкѣ. Обѣ сестры стоятъ съ минуту молча, испытующе глядя другъ на друга; каждая, очевидно, ждетъ, чтобы начала говорить другая).

Элла Рентгеймъ (оставаясь у дверей). Ты, видно, очень удивлена, Гунгильдъ.

Фру Боркманъ (неподвижно стоитъ между канапе и столомъ, упершись кончиками пальцевъ въ скатерть). Ты не ошиблась? Управляющій живетъ вѣдь въ сосѣднемъ флигелѣ, какъ тебѣ извѣстно.

Элла Рентгеймъ. Сегодня мнѣ надо поговорить не съ управляющимъ.

Фру Боркманъ. Такъ тебѣ нужно что-нибудь отъ меня?

Элла Рентгеймъ. Да. Мнѣ надо поговорить съ тобою.

Фру Боркманъ (выходя на середину комнаты). Ну, такъ присядь.

Элла Рентгеймъ. Благодарю. Могу и постоять пока.

Фру Боркманъ. Какъ хочешь. Но хоть разстегни манто.

Элла Рентгеймъ (разстегивая манто). Правда, здѣсь ужасно жарко...

Фру Боркманъ. Я вѣчно зябну.

Элла Рентгеймъ (стоитъ съ полминуты молча, опираясь руками о спинку кресла и глядя на сестру). Да, Гунгильдъ... вотъ ужъ скоро восемь лѣтъ, какъ мы не видались.

Фру Боркманъ (холодно). Во всякомъ случаѣ не разговаривали.

Элла Рентгеймъ. Вѣрнѣе, не разговаривали, да. Видѣть-то ты меня, вѣрно, видѣла иногда... въ мои ежегодные наѣзды къ управляющему.

Фру Боркманъ. Разъ или два, кажется.

Элла Рентгеймъ. И я нѣсколько разъ видѣла тебя мелькомъ. Въ этомъ окнѣ.

Фру Боркманъ. Значитъ, за занавѣсками. У тебя хорошіе глаза. (Жестко и рѣзко) А разговаривали мы въ послѣдній разъ здѣсь, у меня...

Элла Рентгеймъ (какъ бы избѣгая продолженія этого разговора). Да, да, помню, Гунгильдъ!

Фру Боркманъ. ...За недѣлю до... до того, какъ его выпустили.

Элла Рентгеймъ (дѣлая нѣсколько шаговъ въ глубь комнаты). Ахъ, не касайся этого!

Фру Боркманъ (твердо, но глухо). За недѣлю до того, какъ... директоръ банка вышелъ опять на волю.

Элла Рентгеймъ (опять идетъ впередъ). Да, да, да! Мнѣ-то не забыть этого часа! Но слишкомъ тяжело вспоминать объ этомъ... Стоитъ остановиться мыслью хоть на минуту... О-о!

Фру Боркманъ (глухо). А мысли все-таки ничего другого и знать не хотятъ! (Съ внезапнымъ порывомъ, всплескивая руками)

Нѣтъ, не понимаю! Никогда не пойму! Какъ могло все это... весь этотъ ужасъ обрушиться на одну семью! И подумать — на нашу семью! На такую благородную семью, какъ наша! Подумать, что все это должно было обрушиться именно на нее!

Элла Рентгеймъ. О, Гунгильдъ... Ударъ этотъ обрушился не на одну нашу семью, а и на многія-многія другія.

Фру Боркманъ. Положимъ. Но мнѣ-то что до этихъ другихъ? Для нихъ дѣло шло лишь о потерѣ... ну, какихъ-то тамъ денегъ, бумагъ... А для насъ!.. Для меня! Для Эргарта! Онъ былъ тогда еще совсѣмъ ребенкомъ! (Съ возрастающимъ жаромъ) На насъ, невинныхъ, обрушился стыдъ! Позоръ! Безобразный, ужасный позоръ! И полное разореніе вдобавокъ!

Элла Рентгеймъ (мягко). Скажи, Гунгильдъ... какъ онъ переноситъ это?

Фру Боркманъ. Эргартъ?

Элла Рентгеймъ. Нѣтъ... онъ самъ. Какъ онъ переноситъ это?

Фру Боркманъ (презрительно). Ты думаешь, я справляюсь объ этомъ?

Элла Рентгеймъ. Справляешься? Тебѣ, я думаю, и справляться нечего.

Фру Боркманъ (удивленно глядя на нее). Да не думаешь же ты, что я вижусь съ нимъ? Встрѣчаюсь съ нимъ? Вообще заглядываю къ нему?

Элла Рентгеймъ. Даже не заглядываешь!

Фру Боркманъ (попрежнему). Разъ онъ отсидѣлъ подъ замкомъ пять лѣтъ! (Закрываетъ лицо руками) О, этотъ гнетущій стыдъ! (Съ новымъ порывомъ) И вспомнить только, что значило прежде имя Пона-Габріеля Боркмана! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Я не могу его видѣть. Ни за что, никогда!

Элла Рентгеймъ (глядитъ на нее съ минуту). Ты жестокосерда, Гунгильдъ.

Фру Боркманъ. По отношенію къ нему, да!

Элла Рентгеймъ. Онъ вѣдь все-таки мужъ тебѣ.

Фру Боркманъ. Развѣ онъ не сказалъ на судѣ, что это я положила начало его разоренію? Что это я тратила слишкомъ много?..

Элла Рентгеймъ (осторожно). А развѣ въ этомъ не было доли правды?

Фру Боркманъ. Да не самъ ли онъ желалъ этого? Непремѣнно надо было поставить домъ на такую безсмысленно-широкую ногу...

Элла Рентгеймъ. Знаю, знаю. Но оттого-то тебѣ и слѣдовало бы сдерживаться самой. А ты этого, вѣрно, не дѣлала.

Фру Боркманъ. Почемъ же я знала, что онъ давалъ мнѣ

тратить не свои деньги? А самъ-то онъ какъ швырялъ ими? Въ десять разъ хуже моего!

Элла Рентгеймъ (сдержанно). Мнѣ кажется, положеніе того требовало. Въ значительной степени, по крайней мѣрѣ.

Фру Боркманъ (презрительно). Какъ же, только и рѣчи было, что о «представительствѣ»! Вотъ онъ и представительствовалъ — во всю! Разъѣзжалъ на четверкѣ, точно король! Заставлялъ людей ухаживать за собой, кланяться, точно королю! (Смѣется) Его по всей странѣ иначе и не называли, какъ прямо по имени, точно короля: «Йонъ-Габріель», «Йонъ-Габріель»! Всѣ отлично знали, что̀ за сила такая «Йонъ-Габріель»!

Элла Рентгеймъ (твердо и горячо). Онъ и былъ тогда силой.

Фру Боркманъ. Да, съ виду. Но онъ никогда ни единымъ словомъ не обмолвился мнѣ о настоящемъ положеніи дѣлъ. Никогда и не заикнулся о томъ, откуда брались средства.

Элла Рентгеймъ. Да, да... И другіе, вѣрно, не подозрѣвали этого.

Фру Боркманъ. Ну, и пусть бы себѣ другіе. Но мнѣ-то онъ обязанъ былъ открыться. А онъ никогда... Все только лгалъ... вѣчно лгалъ мнѣ!..

Элла Рентгеймъ (перебивая). Едва ли, Гунгильдъ! Онъ, можетъ-быть, утаивалъ. Но лгать—навѣрно не лгалъ.

Фру Боркманъ. Да, да, называй, какъ хочешь. Выходитъ одно и то же... Но вотъ и рухнуло все. Все, какъ есть. Все великолѣпіе пошло прахомъ.

Элла Рентгеймъ (какъ бы про себя). Да, все рухнуло, погибло... для него... и для другихъ.

Фру Боркманъ (грозно выпрямляясь). Но, скажу тебѣ, Элла, я все же не сдамся! Я сумѣю добиться удовлетворенія! Повѣрь мнѣ!

Элла Рентгеймъ (напряженно). Удовлетворенія? Что̀ ты хочешь сказать?

Фру Боркманъ. Удовлетворенія за потерю имени, чести и благосостоянія! Удовлетворенія за всю свою исковерканную судьбу, — вотъ что̀ хочу я сказать. Знай, — у меня есть заручка. Кто-то смоетъ всю ту грязь, которою забрызгалъ насъ директоръ банка.

Элла Рентгеймъ. Гунгильдъ! Гунгильдъ!

Фру Боркманъ (съ возрастающимъ жаромъ). Живъ мститель! Онъ искупитъ все, въ чемъ грѣшенъ передо мной его отецъ!

Элла Рентгеймъ. Значитъ, Эргартъ.

Фру Боркманъ. Да, Эргартъ, мой славный мальчикъ! Онъ

сумѣетъ возстановить честь рода, дома, имени, все, что можно возстановить... И, можетъ-быть, даже больше.

Элла Рентгеймъ. А какимъ же образомъ все это совершится, по-твоему?

Фру Боркманъ. Какимъ придется. Я не знаю, какимъ именно. Знаю лишь, что это совершится, *должно* когда-нибудь совершиться. (Вопросительно глядя на нее) Элла... не задавалась ли, въ сущности, и ты тѣми же мыслями съ самаго дѣтства Эргарта?

Элла Рентгеймъ. Нѣтъ, про себя я, право, не могу сказать этого.

Фру Боркманъ. Нѣтъ? Зачѣмъ же тогда ты взяла его къ себѣ... когда разразилась та буря надъ... этимъ домомъ?

Элла Рентгеймъ. Тебѣ тогда было вѣдь не до него, Гунгильдъ.

Фру Боркманъ. Пожалуй, что такъ. И отцу тоже... по уважительной причинѣ... Крѣпко сидѣлъ.

Элла Рентгеймъ (въ негодованіи). И ты можешь говорить такъ! Ты!

Фру Боркманъ (ядовито). А ты, ты могла заставить себя взять дитя... Йона-Габріеля! Точно это былъ твой собственный ребенокъ... Взять его у меня... и увезти къ себѣ. И воспитывать годъ за годомъ. До тѣхъ поръ, пока мальчикъ сталъ почти взрослымъ. (Подозрительно глядя на нее) Почему собственно ты поступила такъ, Элла? Зачѣмъ оставила его у себя?

Элла Рентгеймъ. Я такъ полюбила его.

Фру Боркманъ. Больше, чѣмъ я, его мать!

Элла Рентгеймъ (уклончиво). Не знаю... Къ тому же Эргартъ въ дѣтствѣ былъ такимъ слабенькимъ...

Фру Боркманъ. Эргартъ... слабенькимъ?

Элла Рентгеймъ. Да; во всякомъ случаѣ мнѣ такъ казалось... тогда. А ты же знаешь, климатъ тамъ, на западномъ берегу, гораздо мягче, чѣмъ здѣсь.

Фру Боркманъ (съ горькой улыбкой). Гм! Будто? (Перемѣнивъ тонъ) Да, ты въ самомъ дѣлѣ ужасно много сдѣлала для Эргарта. (Опять мѣняя тонъ) Само собою, у тебя были и средства на это. (Улыбаясь) Тебѣ-то повезло, Элла. Удалось спасти все, что было у тебя.

Элла Рентгеймъ (видимо оскорбленная). Я шагу не сдѣлала для этого, могу тебя увѣрить. Я долго-долго и не подозрѣвала даже, что положенныя на мое имя бумаги уцѣлѣли.

Фру Боркманъ. Да, да. Я въ этихъ дѣлахъ ничего не понимаю. Говорю только, что тебѣ повезло. (Вопросительно глядя

на нее) Но съ чего все-таки ты тогда сразу взяла на себя воспитаніе Эргарта? Что у тебя было на умѣ?..

Элла Рентгеймъ (глядя на нее). На умѣ?..

Фру Боркманъ. Да, вѣрно, была же у тебя какая-нибудь цѣль. Что ты собиралась дѣлать съ нимъ? То-есть сдѣлать изъ него?

Элла Рентгеймъ (медленно). Я хотѣла облегчить ему возможность стать человѣкомъ счастливымъ.

Фру Боркманъ (презрительно). Э! Людямъ въ нашемъ положеніи не до счастья; есть къ чему другому стремиться.

Элла Рентгеймъ. Къ чему же, по-твоему?

Фру Боркманъ (серьезно, гордо глядя на нее). Эргарту прежде всего предстоитъ стремиться къ тому, чтобы подняться такъ высоко въ глазахъ людей и разливать вокругъ себя такой свѣтъ, чтобы никто и не разглядѣлъ той тѣни, которую его отецъ бросилъ на меня... и на моего сына.

Элла Рентгеймъ (пытливо). Скажи, Гунгильдъ... въ этомъ ли видитъ цѣль своей жизни самъ Эргартъ?

Фру Боркманъ (пораженная). Можно бы, кажется, надѣяться!

Элла Рентгеймъ. Не ты ли скорѣе ставишь ему такую цѣль?

Фру Боркманъ (рѣзко). Мы съ Эргартомъ всегда ставимъ себѣ однѣ цѣли.

Элла Рентгеймъ (медленно и съ усиліемъ). Значитъ, ты такъ увѣрена въ своемъ сынѣ, Гунгильдъ?

Фру Боркманъ (съ сдержаннымъ торжествомъ). Да, слава Богу. Можешь быть спокойна!

Элла Рентгеймъ. Тогда, мнѣ кажется, ты должна въ сущности считать себя счастливой. Несмотря на все остальное...

Фру Боркманъ. Такъ оно и есть — съ одной стороны. Но зато все это остальное постоянно виситъ надо мною, какъ туча.

Элла Рентгеймъ (мѣняя тонъ). Скажи мнѣ... и лучше прямо, сразу... Я вѣдь для этого собственно и пріѣхала къ тебѣ...

Фру Боркманъ. Для чего?

Элла Рентгеймъ. Поговорить съ тобою объ одномъ дѣлѣ. Скажи мнѣ... Эргартъ вѣдь не живетъ здѣсь... съ вами?

Фру Боркманъ (жестко). Эргартъ не можетъ жить здѣсь, со мною. Ему надо жить въ городѣ...

Элла Рентгеймъ. Онъ мнѣ писалъ объ этомъ.

Фру Боркманъ. Ему надо учиться. Но онъ каждый вечеръ навѣщаетъ меня на часокъ.

Элла Рентгеймъ. Такъ нельзя ли мнѣ повидаться и поговорить съ нимъ сейчасъ же?

Фру Боркманъ. Его еще нѣтъ. Но я жду его съ минуты на минуту.

Элла Рентгеймъ. Нѣтъ, Гунгильдъ... онъ, навѣрно, пріѣхалъ. Я слышу его шаги наверху.

Фру Боркманъ (окинувъ ее быстрымъ взглядомъ). Наверху, въ залѣ?

Элла Рентгеймъ. Да. Я, какъ пришла, все время слышу его шаги.

Фру Боркманъ (отводя глаза въ сторону). Это не онъ, Элла.

Элла Рентгеймъ (пораженная). Не Эргартъ?.. (Догадываясь) Кто же тогда?..

Фру Боркманъ. Директоръ банка.

Элла Рентгеймъ (тихо, какъ бы превозмогая боль). Боркманъ... Йонъ-Габріель Боркманъ!

Фру Боркманъ. Такъ онъ ходитъ — взадъ и впередъ, взадъ и впередъ—съ утра до вечера. День за днемъ.

Элла Рентгеймъ. До меня, правда, дошло кое-что...

Фру Боркманъ. Еще бы! О насъ, вѣрно, ходитъ немало разныхъ слуховъ.

Элла Рентгеймъ. ...Дошло черезъ Эргарта. Онъ писалъ, что отецъ все держится особнякомъ... у себя наверху. А ты у себя внизу.

Фру Боркманъ. Да... Такъ мы и живемъ, Элла. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ его выпустили... и прислали сюда ко мнѣ... Всѣ эти восемь долгихъ лѣтъ.

Элла Рентгеймъ. Никогда не думала, чтобы это могло быть такъ на самомъ дѣлѣ, чтобы это было возможно!

Фру Боркманъ (кивая головой). Но это такъ. И иначе быть не можетъ. Никогда.

Элла Рентгеймъ (глядя на нее). Да вѣдь это, должно-быть, ужасная жизнь, Гунгильдъ!

Фру Боркманъ. Больше чѣмъ ужасная. Скоро и невмоготу будетъ.

Элла Рентгеймъ. Вполнѣ понимаю.

Фру Боркманъ. Вѣчно слышать его шаги наверху. Съ ранняго утра до поздней ночи. И здѣсь еще такъ гулко отдается!

Элла Рентгеймъ. Да, очень гулко.

Фру Боркманъ. Мнѣ часто чудится, что тамъ надо мной расхаживаетъ въ клѣткѣ больной волкъ. Прямо у меня надъ головой. (Прислушивается и шепчетъ) Послушай только! Послушай! Взадъ и впередъ... волкъ ходитъ, не переставая, взадъ и впередъ.

Элла Рентгеймъ (осторожно). А развѣ нельзя было бы устроиться по-другому, Гунгильдъ?

Фру Боркманъ (уклончиво). Онъ никогда и шагу не сдѣлалъ для этого.

Элла Рентгеймъ. Такъ тебѣ бы самой сдѣлать первый шагъ.

Фру Боркманъ (запальчиво). Мнѣ? Послѣ того, какъ онъ причинилъ мнѣ столько зла? Нѣтъ, спасибо! Пусть лучше волкъ мечется тамъ наверху—безъ конца.

Элла Рентгеймъ. Однако мнѣ стало слишкомъ жарко. Ужъ позволь мнѣ все-таки снять манто.

Фру Боркманъ. Я вѣдь предлагала...

Элла Рентгеймъ (снимаетъ манто и шляпку и кладетъ на стулъ у входныхъ дверей). Вы не встрѣчаетесь и внѣ дома?

Фру Боркманъ (съ горькой усмѣшкой). Въ обществѣ, что ли?

Элла Рентгеймъ. Нѣтъ, я полагала, когда онъ выходитъ прогуляться. Въ лѣсу или...

Фру Боркманъ. Директоръ банка никогда не выходитъ изъ дому.

Элла Рентгеймъ. Даже въ сумерки?

Фру Боркманъ. Никогда.

Элла Рентгеймъ (взволнованно). Не можетъ рѣшиться?

Фру Боркманъ (равнодушно). Должно-быть. Шинель его и шляпа висятъ въ стѣнномъ шкапу... въ передней, знаешь...

Элла Рентгеймъ (какъ бы про себя). Въ томъ шкапу, куда мы прятались, бывало, дѣтьми...

Фру Боркманъ (кивая головой). Иногда... поздними вечеромъ... я слышу, онъ спускается... чтобы одѣться и выйти. Но на половинѣ лѣстницы... обыкновенно останавливается... и идетъ назадъ. Опять къ себѣ наверхъ, въ залу.

Элла Рентгеймъ (тихо). И къ нему никогда не заходитъ никто изъ старыхъ друзей?

Фру Боркманъ. У него нѣтъ старыхъ друзей.

Элла Рентгеймъ. Однако у него было много друзей... когда-то.

Фру Боркманъ. Гм! Онъ такъ мило постарался раздѣлаться съ ними. Дорого обошелся своимъ друзьямъ Понъ-Габріель!

Элла Рентгеймъ (со вздохомъ). Да, ты, пожалуй, права, Гунгильдъ.

Фру Боркманъ (съ жаромъ). Впрочемъ, я должна сказать, что это подло, низко, гадко, мелочно съ ихъ стороны — такъ раздувать ту ничтожную потерю, которую они, быть-можетъ, понесли изъ-за него. Денежная потеря — и больше ничего.

Элла Рентгеймъ (не отвѣчая ей). И вотъ онъ живетъ тамъ, наверху, одинъ-одинешенекъ. Въ полномъ одиночествѣ...

Фру Боркманъ. Вѣроятно, такъ. Говорятъ, впрочемъ, къ нему заходитъ какой-то старикъ, конторщикъ или переписчикъ.

Элла Рентгеймъ. Вотъ какъ. Такъ это, должно-быть, Фольдаль. Я знаю, они были товарищами въ молодости.

Фру Боркманъ. Кажется. Я его, впрочемъ, не знаю. Онъ

никогда не принадлежалъ къ нашему кругу, — въ тѣ времена, когда у насъ былъ свой кругъ...

Элла Рентгеймъ. Но теперь онъ, значитъ, бываетъ у Боркмана?

Фру Боркманъ. Да, — настолько неразборчивъ. Но, само собой, лишь по вечерамъ, когда стемнѣетъ.

Элла Рентгеймъ. Этотъ Фольдаль... тоже пострадалъ, когда банкъ лопнулъ.

Фру Боркманъ (небрежно). Да, насколько помнится, и онъ потерялъ что-то. Конечно, сущую бездѣлицу.

Элла Рентгеймъ (съ нѣкоторымъ удареніемъ). Все, что у него было.

Фру Боркманъ (улыбаясь). Ну, Боже мой, было-то у него, навѣрно, такъ мало, что и говорить не о чемъ.

Элла Рентгеймъ. Объ этомъ и не было разговора — со стороны Фольдаля... во время процесса.

Фру Боркманъ. Да и, кромѣ того, я могу сказать тебѣ, что Эргартъ съ избыткомъ вознаградилъ его за эту пустячную потерю.

Элла Рентгеймъ (удивленно). Эргартъ! Какъ же онъ могъ?

Фру Боркманъ. Онъ занялся младшей дочерью Фольдаля. Самъ занимался съ нею... такъ что она, пожалуй, выйдетъ въ люди и будетъ со временемъ сама зарабатывать себѣ хлѣбъ. Видишь, — это, конечно, куда больше, чѣмъ могъ бы сдѣлать для нея отецъ.

Элла Рентгеймъ. Да, онъ-то, кажется, въ очень стѣсненномъ положеніи.

Фру Боркманъ. И потомъ Эргартъ доставилъ ей возможность учиться музыкѣ. Она уже сдѣлала теперь такіе успѣхи, что можетъ приходить сюда... наверхъ... играть ему тамъ.

Элла Рентгеймъ. Такъ онъ попрежнему любитъ музыку?

Фру Боркманъ. Вѣроятно. У него вѣдь стоитъ то піанино, которое ты прислала... когда ждали его домой.

Элла Рентгеймъ. Она на этомъ піанино и играетъ ему?

Фру Боркманъ. Да, иногда. По вечерамъ. И это все Эргартъ устроилъ.

Элла Рентгеймъ. Такъ бѣдной дѣвушкѣ приходится шагать сюда, такую даль, изъ города? И потомъ опять назадъ домой?

Фру Боркманъ. Нѣтъ, Эргартъ пристроилъ ее къ одной дамѣ — тутъ по сосѣдству. Къ нѣкоей фру Вильтонъ...

Элла Рентгеймъ (съ живостью). Фру Вильтонъ!

Фру Боркманъ. Это очень богатая дама. Ты ея не знаешь.

Элла Рентгеймъ. Имя мнѣ знакомо. Фру Фанни Вильтонъ, если не ошибаюсь?..

Фру Боркманъ. Именно.

Элла Рентгеймъ. Эргартъ не разъ писалъ о ней. Развѣ она живетъ теперь здѣсь, за городомъ?

Фру Боркманъ. Да, она наняла себѣ тутъ виллу. И недавно переѣхала сюда изъ города.

Элла Рентгеймъ (медленно, какъ бы обдумывая). Говорятъ, она въ разводѣ съ мужемъ.

Фру Боркманъ. Онъ, кажется, давно ужъ умеръ.

Элла Рентгеймъ. Да, но они были въ разводѣ... Онъ потребовалъ развода...

Фру Боркманъ. Онъ бросилъ ее. Насколько знаю, вина была не ея.

Элла Рентгеймъ. Ты, стало-быть, знакома съ ней?

Фру Боркманъ. Такъ, немножко. Она живетъ вѣдь тутъ по ссѣдству. Иногда зайдетъ ко мнѣ.

Элла Рентгеймъ. И она тебѣ, пожалуй, нравится?

Фру Боркманъ. Она необыкновенно чуткая. И поразительно здраво судитъ.

Элла Рентгеймъ. О людяхъ, что ли?

Фру Боркманъ. Да, главнымъ образомъ о людяхъ. Эргарта она положительно изучила... вдоль и поперекъ... до глубины души. И, понятно, обожаетъ его.

Элла Рентгеймъ (пытливо). Такъ она, пожалуй, больше знакома съ Эргартомъ, чѣмъ съ тобой?

Фру Боркманъ. Эргартъ очень часто встрѣчался съ нею въ городѣ. Пока она еще не переѣхала сюда.

Элла Рентгеймъ (невольно). И все-таки она переѣхала?

Фру Боркманъ (пораженная, испытующе глядитъ на нее). Все-таки? Что ты хочешь сказать этимъ?

Элла Рентгеймъ (уклончиво). Ну, Боже мой! Что я хочу?..

Фру Боркманъ. Ты сказала это какъ-то особенно. Ты недаромъ сказала это.

Элла Рентгеймъ (прямо глядя ей въ глаза). Да, Гунгильдъ. Я дѣйствительно недаромъ сказала это.

Фру Боркманъ. Такъ скажи прямо!

Элла Рентгеймъ. Начну съ того, что, по-моему, я также имѣю нѣкоторыя права на Эргарта. Или, можетъ-быть, по-твоему, нѣтъ?

Фру Боркманъ (глядя въ сторону). Помилуй! Ты столько на него потратила...

Элла Рентгеймъ. О, совсѣмъ не потому. Но потому, что я люблю его.

Фру Боркманъ (съ презрительной усмѣшкой). Моего сына? И ты можешь? Ты? Несмотря ни на что?

Элла Рентгеймъ. Могу. Несмотря ни на что. И люблю. Люблю такъ, какъ только вообще могу любить... теперь... въ мои годы.

Фру Боркманъ. Ну, да, да! Положимъ. Но...

Элла Рентгеймъ. Потому-то я такъ и волнуюсь, когда вижу, что ему грозитъ опасность.

Фру Боркманъ. Опасность! Эргарту! Откуда? Или съ чьей стороны?

Элла Рентгеймъ. Прежде всего, пожалуй, съ твоей...

Фру Боркманъ (порывисто). Съ моей!

Элла Рентгеймъ. ...И потомъ со стороны этой фру Вильтонъ... Ея я тоже опасаюсь.

Фру Боркманъ (смотритъ на нее съ минуту, не въ силахъ вымолвить слова). И ты можешь думать что-либо подобное объ Эргартѣ! О моемъ сынѣ! Когда ему предстоитъ такая великая миссія!..

Элла Рентгеймъ (небрежно). Э, какая тамъ миссія!..

Фру Боркманъ (вспыливъ). И ты смѣешь говорить это такъ презрительно!

Элла Рентгеймъ. Да неужели, по-твоему, такой юноша, какъ Эргартъ, въ его годы... здоровый, жизнерадостный... станетъ жертвовать собою... ради какой-то тамъ «миссіи»!

Фру Боркманъ (твердо). Да! Эргартъ такъ и дѣлаетъ! Я твердо знаю. Увѣрена.

Элла Рентгеймъ (качая головой). И не знаешь ты этого и не вѣришь этому, Гунгильдъ.

Фру Боркманъ. Я не вѣрю?!

Элла Рентгеймъ. Все это однѣ твои мечты. Не будь ихъ у тебя, тебѣ бы ужъ не за что было и ухватиться, а тогда — ты это чувствуешь — тебѣ осталось бы одно — отчаяніе.

Фру Боркманъ. Да, отчаяніе. (Горячо) И, пожалуй, этого-то тебѣ больше всего и хотѣлось бы, Элла!

Элла Рентгеймъ (закидывая голову). Да, ужъ лучше бы такъ— разъ ты можешь спасти себя отъ отчаянія, только загубивъ жизнь Эргарта.

Фру Боркманъ (угрожающе). Ты хочешь стать между нами! Между матерью и сыномъ! Ты!

Элла Рентгеймъ. Я хочу высвободить его изъ-подъ твоей власти... изъ-подъ твоего гнета, твоего ига!

Фру Боркманъ (торжествующимъ тономъ). Тебѣ этого больше не удастся! Онъ былъ въ твоихъ сѣтяхъ... до пятнадцати лѣтъ. Но съ тѣхъ поръ я сумѣла завоевать его!

Элла Рентгеймъ. Такъ я снова отыму его у тебя! (Хрипло, почти шопотомъ) У насъ съ тобой уже шла разъ борьба — не на жизнь, а на смерть... изъ-за одного человѣка!

Фру Боркманъ (глядя на нее свысока). И я побѣдила!

Элла Рентгеймъ (презрительно улыбаясь). Тебѣ все еще кажется, что ты выиграла отъ этой побѣды?

Фру Боркманъ (угрюмо). Нѣтъ... Ты права... ужасающе права.

Элла Рентгеймъ. Не выиграешь и на этотъ разъ, если побѣдишь.

Фру Боркманъ. Не выиграю, сохранивъ материнскую власть надъ Эргартомъ?

Элла Рентгеймъ. Нѣтъ. Потому что ты добиваешься только власти надъ нимъ.

Фру Боркманъ. А ты?

Элла Рентгеймъ (съ чувствомъ). Мнѣ нужна его привязанность, его любящее сердце... его душа!..

Фру Боркманъ (порывисто). Никогда въ жизни не добиться тебѣ этого!

Элла Рентгеймъ (глядя ей въ глаза). Ты, можетъ-быть, постаралась объ этомъ?

Фру Боркманъ (съ улыбкой). Да, не безъ того. А ты не вычитала этого изъ его писемъ?

Элла Рентгеймъ (медленно кивая головой). Да; подъ конецъ всѣ его письма были полны одной тобою.

Фру Боркманъ (поддразнивая). Я не потеряла даромъ этихъ восьми лѣтъ... когда онъ опять былъ подъ моимъ надзоромъ.

Элла Рентгеймъ (овладѣвъ собою). Что же ты наговорила Эргарту обо мнѣ? Можешь ли ты, по крайней мѣрѣ, сознаться въ этомъ?

Фру Боркманъ. Отлично могу.

Элла Рентгеймъ. Такъ говори.

Фру Боркманъ. Я говорила ему одну правду.

Элла Рентгеймъ. Ну?

Фру Боркманъ. Я то и дѣло твердила Эргарту: пусть не забываетъ, кому мы обязаны тѣмъ, что можемъ жить такъ, какъ живемъ, что вообще можемъ существовать, — тебѣ!

Элла Рентгеймъ. Только-то!

Фру Боркманъ. О, такое напоминаніе дѣлаетъ свое дѣло. Я по себѣ знаю.

Элла Рентгеймъ. Да вѣдь въ этомъ, въ сущности, было мало новаго для Эргарта.

Фру Боркманъ. Когда онъ вернулся ко мнѣ отъ тебя, онъ воображалъ, что ты дѣлала все это отъ добраго сердца. (Злорадно глядя на нее) Теперь онъ этого больше не думаетъ, Элла.

Элла Рентгеймъ. Что же онъ думаетъ теперь?

Фру Боркманъ. То, что слѣдуетъ думать. Я спросила его, какъ онъ объясняетъ себѣ, почему тетя Элла никогда не пріѣдетъ навѣстить насъ...

Элла Рентгеймъ (перебивая). Опъ и прежде зналъ — почему.

Фру Боркманъ. Теперь онъ знаетъ лучше. Ты вбила ему въ голову, что щадишь меня... и его... того, кто расхаживаетъ тамъ наверху...

Элла Рентгеймъ. Такъ оно и было.

Фру Боркманъ. Теперь Эргартъ не вѣритъ этому ни на волосъ.

Элла Рентгеймъ. Что же ты внушила ему?

Фру Боркманъ. Правду. Что ты стыдишься насъ... презираешь насъ. Развѣ это не такъ? Развѣ ты не замышляла когда-то совсѣмъ отнять у меня сына? Подумай-ка! Вѣрно, вспомнишь!

Элла Рентгеймъ (уклончиво). Это было въ самое тяжелое время... въ самый разгаръ скандала... когда дѣло разбиралось въ судѣ. Теперь я не думаю объ этомъ больше.

Фру Боркманъ. Да и напрасно было бы. А то что сталось бы съ его миссіей! Нѣтъ, спасибо тебѣ! Эргартъ нуждается во мнѣ, а не въ тебѣ. И онъ теперь все равно что умеръ для тебя! И ты для него!

Элла Рентгеймъ (холодно, рѣшительно). Посмотримъ. Теперь я останусь здѣсь.

Фру Боркманъ (впиваясь въ нее взглядомъ). Здѣсь, въ домѣ?

Элла Рентгеймъ. Да.

Фру Боркманъ. Здѣсь... у насъ? На всю ночь?

Элла Рентгеймъ. На весь остатокъ моей жизни, если это понадобится.

Фру Боркманъ (овладѣвъ собою). Что-жъ... домъ вѣдь твой.

Элла Рентгеймъ. Э, полно!..

Фру Боркманъ. Все здѣсь твое. Стулъ, на которомъ я сижу — твой. Кровать, на которой я ворочаюсь ночью безъ сна — твоя. И ѣдимъ мы — твой хлѣбъ.

Элла Рентгеймъ. Другого исхода не было. У Боркмана не можетъ быть собственности. Сейчасъ же отобрали бы.

Фру Боркманъ. Знаю, знаю. Намъ поневолѣ приходится мириться съ мыслью, что мы можемъ жить только по твоей милости.

Элла Рентгеймъ (холодно). Не въ моей власти помѣшать тебѣ смотрѣть на дѣло съ этой точки зрѣнія, Гунгильдъ.

Фру Боркманъ. Конечно, не въ твоей. Когда же тебѣ угодно, чтобы мы перебрались отсюда?

Элла Рентгеймъ (глядя на нее). Перебрались отсюда?

Фру Боркманъ (возбужденно). Да не воображаешь же ты, что я останусь жить тутъ подъ одною кровлею съ тобою! Нѣтъ, лучше въ богадѣльню, лучше на улицу!

Элла Рентгеймъ. Такъ отпусти со мною Эргарта...

Фру Боркманъ. Эргарта! Моего сына! Мое родное дитя

Элла Рентгеймъ. Да. Тогда я сейчасъ же уѣду обратно.

Фру Боркманъ (послѣ нѣкотораго раздумья, твердо). Пусть же Эргартъ самъ выберетъ между нами.

Элла Рентгеймъ (недовѣрчиво смотритъ на нее). Пусть самъ выберетъ? И у тебя хватитъ смѣлости, Гунгильдъ?

Фру Боркманъ (съ горькой усмѣшкой). Хватитъ ли у меня смѣлости! Предложить моему сыну выборъ между матерью и тобой! Разумѣется, хватитъ!

Элла Рентгеймъ (прислушивается). Идетъ кто-то?.. Кажется, я слышу...

Фру Боркманъ. Такъ это, вѣрно, Эргартъ.

(Раздается громкій стукъ въ дверь, и затѣмъ, не дожидаясь приглашенія, входитъ, смѣло распахивая дверь, фру Вильтонъ, нарядно одѣтая, въ манто и въ шляпкѣ. За нею смущенно входитъ горничная, не успѣвшая предупредить о приходѣ гостьи. Дверь остается полуотворенною. Фру Вильтонъ поразительно красивая, пышная брюнетка лѣтъ тридцати: полныя, румяныя, улыбающіяся губы, темные волосы и живые, блестящіе глаза).

Фру Вильтонъ. Здравствуйте, дорогая фру Боркманъ!

Фру Боркманъ (нѣсколько сухо). Здравствуйте, фру Вильтонъ. (Горничной, указывая на балконъ) Возьмите оттуда лампу и зажгите.

(Горничная беретъ лампу и уходитъ).

Фру Вильтонъ (замѣтивъ Эллу). Ахъ, извините! У васъ гостья...

Фру Боркманъ. Нѣтъ, это сестра моя... проѣздомъ.

(Входная дверь растворяется настежь, и вбѣгаетъ Эргартъ Боркманъ, молодой человѣкъ съ веселымъ открытымъ взглядомъ и чуть пробивающимися усиками; одѣтъ очень элегантно).

Эргартъ (сіяя отъ радости; еще на порогѣ). Какъ? Тетя Элла пріѣхала? (Подбѣгая къ ней и схватывая за руки) Тетя! Тетя! Неужели! Ты здѣсь!

Элла Рентгеймъ (обвивая руками его шею). Эргартъ! Мой милый, дорогой мальчикъ! Какой ты сталъ большой! Какъ я рада, какъ я рада свидѣться съ тобой!

Фру Боркманъ (рѣзко). Что это значитъ, Эргартъ? Ты прятался въ передней?

Фру Вильтонъ (поспѣшно). Эргартъ... Боркманъ пришелъ со мною вмѣстѣ.

Фру Боркманъ (смѣривая его взглядомъ). Вотъ какъ, Эргартъ! Такъ ты не къ матери спѣшишь къ первой?

Эргартъ. Мнѣ надо было зайти къ фру Вильтонъ... за Фридой.

Фру Боркманъ. Такъ и фрёкенъ Фольдаль съ вами?

Фру Вильтонъ. Да: мы оставили ее въ передней.

Эргартъ (говоритъ въ дверяхъ). Идите себѣ наверхъ, Фрида.

(Пауза. Элла Рентгеймъ наблюдаетъ за Эргартомъ. Онъ кажется смущеннымъ и обнаруживаетъ признаки нетерпѣнія. Лицо его принимаетъ напряженное и нѣсколько холодное выраженіе. Горничная вноситъ зажженную лампу, ставитъ ее на столъ на балконѣ и уходитъ, притворяя за собою дверь).

Фру Боркманъ (принужденно-вѣжливо). Ну, фру Вильтонъ... если вы собрались провести съ нами вечерокъ, то...

Фру Вильтонъ. Нѣтъ, благодарю васъ, дорогая фру Боркманъ. Я и не думала вовсе. Мы уже приглашены сегодня. Къ адвокату Гинкелю.

Фру Боркманъ (смотритъ на нее). Мы? То-есть кто это мы?

Фру Вильтонъ (смѣясь). Ну, конечно, собственно только я. Но всѣ дамы такъ просили меня привести съ собою и студента Боркмана... если я случайно увижу его.

Фру Боркманъ. И, какъ я вижу, оно такъ и случилось.

Фру Вильтонъ. Да, къ счастью. Онъ былъ такъ любезенъ забѣжать ко мнѣ... за Фридой.

Фру Боркманъ (сухо). А я и не знала, Эргартъ, что ты знакомъ съ этимъ семействомъ... Гинкелей.

Эргартъ (раздражительно). Да я, въ сущности, и незнакомъ. Ты, кажется, сама лучше знаешь, мама, съ кѣмъ я знакомъ и съ кѣмъ незнакомъ.

Фру Вильтонъ. Ну вотъ! Съ этимъ семействомъ недолго свести знакомство. Такіе веселые, радушные люди. Полонъ домъ барышень, молодыхъ дамъ!..

Фру Боркманъ (многозначительно). Насколько я знаю своего сына, подобное общество ему въ сущности не подходитъ, фру Вильтонъ.

Фру Вильтонъ. Но, Боже мой, дорогая фру Боркманъ, онъ вѣдь тоже молодъ!

Фру Боркманъ. Къ счастью. Иначе было бы плохо.

Эргартъ (стараясь скрыть нетерпѣніе). Да, да, да, мама! Само собою, я не пойду сегодня къ этимъ Гинкелямъ. Я, конечно, останусь съ тобою и съ тетей.

Фру Боркманъ. Я такъ и знала, милый Эргартъ.

Элла Рентгеймъ. Нѣтъ, Эргартъ!.. Пожалуйста, не стѣсняйся изъ-за меня...

Эргартъ. Разумѣется, разумѣется, дорогая тетя! Тутъ нечего и разговаривать! (Нерѣшительно глядя на фру Вильтонъ) Но только какъ же это уладить? Ловко ли будетъ? Вы вѣдь обѣщали за меня?

Фру Вильтонъ (весело). Пустяки! Что тутъ неловкаго? Когда

я войду въ ихъ освѣщенныя, разукрашенныя комнаты... одна-одинешенька — подумайте! — я откажусь за васъ.

Эргартъ (медленно). Да, если вы полагаете, что это можно...

Фру Вильтонъ (развязно-весело). О, я столько разъ и обѣщала и отказывалась... за себя лично. А вамъ развѣ можно оставить теперь свою тетушку, когда она только-что пріѣхала? Фи, monsieur Эргартъ, развѣ такъ ведутъ себя добрые сыновья?

Фру Боркманъ (задѣтая за живое). Сыновья!

Фру Вильтонъ. Ну, пріемные сыновья, фру Боркманъ.

Фру Боркманъ. Да, это не лишнее было бы прибавить.

Фру Вильтонъ. А по-моему, пріемной матери бываешь обязанъ еще больше, чѣмъ родной.

Фру Боркманъ. Вы по себѣ это знаете?

Фру Вильтонъ. О, Боже мой, нѣтъ! Родную свою мать я знала очень мало. Но будь у меня хорошая пріемная мать... я, можетъ-быть... не вышла бы такой непутевой особой, какой меня ославили люди. (Оборачиваясь къ Эргарту) Итакъ, будьте нашимъ, оставайтесь съ мамашей и тетей пить чай, господинъ студентъ! (Дамамъ) Прощайте, дорогая фру Боркманъ! Прощайте, фрёкенъ! (Дамы молча отвѣчаютъ на ея поклонъ, и она направляется къ дверямъ).

Эргартъ (идя за ней). Не проводить ли мнѣ васъ немножко?..

Фру Вильтонъ (уже въ дверяхъ, дѣлая отстраняющій жестъ). Ни шагу! Я отлично привыкла ходить одна. (Останавливаясь на порогѣ и кивая ему) Но предупреждаю васъ теперь, господинъ студентъ, берегитесь!

Эргартъ. Чего же мнѣ надо беречься?

Фру Вильтонъ (веселымъ тономъ). А вотъ я, какъ останусь на дорогѣ... одна-одинешенька... возьму да и начну васъ приворажывать.

Эргартъ (смѣясь). Вотъ какъ! Вы опять за то же!

Фру Вильтонъ (полушутя, полусерьезно). Да, берегитесь! Какъ стану спускаться подъ гору, возьму да и скажу про себя, — всю свою силу воли соберу и скажу: студентъ Эргартъ Боркманъ, берите вашу шляпу!

Фру Боркманъ. Онъ и возьметъ, по-вашему?

Фру Вильтонъ (смѣясь). Еще бы! Мигомъ схватитъ! А затѣмъ скажу: извольте надѣть пальто, Эргартъ Боркманъ! И калоши! Смотрите, не забудьте калошъ! И маршъ за мною! Слушайтесь, слушайтесь!

Эргартъ (съ принужденною веселостью). Какъ же, дожидайтесь!

Фру Вильтонъ (подымая указательный палецъ). Слушайтесь, слушайтесь!.. Спокойной ночи! (Со смѣхомъ киваетъ дамамъ головой и закрываетъ за собою дверь).

Фру Боркманъ. Что она, въ самомъ дѣлѣ способна на такія штуки?

Эргартъ. Полно. Какъ ты можешь думать? Такъ, шутка и больше ничего. (Обрывая) Но будетъ намъ говорить о фру Вильтонъ. (Усаживаетъ Эллу въ кресло у печки и съ минуту молча глядитъ на нее). Нѣтъ, какъ ты могла пуститься въ такой дальній путь, тетя Элла! И еще зимой!

Элла Рентгеймъ. Нужда заставила, Эргартъ.

Эргартъ. Да? Какая?

Элла Рентгеймъ. Надо посовѣтоваться здѣсь съ докторами.

Эргартъ. Ну, и отлично!

Элла Рентгеймъ (улыбаясь). По-твоему, это отлично?

Эргартъ. ...Что ты наконецъ рѣшилась на это, хочу я сказать.

Фру Боркманъ (сидя на канапе, холоднымъ тономъ). Ты больна, Элла?

Элла Рентгеймъ (строго глядя на нее). Ты же знаешь, что я больна.

Фру Боркманъ. То-есть слаба здоровьемъ... съ давнихъ поръ.

Эргартъ. Я, когда жилъ у тебя, часто говорилъ, что тебѣ надо бы посовѣтоваться съ докторами.

Элла Рентгеймъ. Тамъ, у насъ, я никому изъ докторовъ не довѣряю особенно. Къ тому же тогда я чувствовала себя еще не такъ плохо.

Эргартъ. А теперь тебѣ развѣ хуже, тетя?

Элла Рентгеймъ. Да, мой мальчикъ. Теперь хуже.

Эргартъ. Но вѣдь нѣтъ ничего опаснаго?

Элла Рентгеймъ. Какъ взглянуть на дѣло.

Эргартъ (живо). Такъ знаешь что, тетя Элла? Въ такомъ случаѣ тебѣ нельзя такъ скоро уѣхать назадъ домой.

Элла Рентгеймъ. Я, пожалуй, и не уѣду.

Эргартъ. Тебѣ надо пожить у насъ въ городѣ. Тутъ къ твоимъ услугамъ лучшіе врачи. Выбирай только.

Элла Рентгеймъ. Я на это и разсчитывала, выѣзжая сюда.

Эргартъ. И тебѣ надо подыскать помѣщеніе получше... уютный, тихій уголокъ въ какомъ-нибудь пансіонѣ.

Элла Рентгеймъ. Я остановилась въ старомъ, гдѣ жила прежде.

Эргартъ. Ну вотъ, тамъ тебѣ будетъ хорошо, уютно.

Элла Рентгеймъ. Но я тамъ не останусь все-таки.

Эргартъ. Да? Почему такъ?

Элла Рентгеймъ. Я перемѣнила намѣреніе, когда пріѣхала сюда.

Эргартъ (удивленно). Вотъ?.. Перемѣнила?..

Фру Боркманъ (вяжетъ, не глядя на нихъ). Тетка твоя рѣшила жить здѣсь, въ собственной усадьбѣ, Эргартъ.

Эргартъ (глядя то на одну, то на другую). Здѣсь! У насъ! Съ нами!.. Правда, тетя?

Элла Рентгеймъ. Да, теперь я такъ рѣшила.

Фру Боркманъ (попрежнему). Все здѣсь принадлежитъ вѣдь твоей теткѣ, какъ ты знаешь.

Элла Рентгеймъ. Такъ вотъ я и остаюсь здѣсь, Эргартъ. Пока. А тамъ видно будетъ. Я устроюсь отдѣльно. Во флигелѣ управляющаго...

Эргартъ. Такъ, такъ. Тамъ для тебя всегда готовы комнаты. (Внезапно, съ живостью) Но ты, должно-быть, очень устала съ дороги, тетя? А?

Элла Рентгеймъ. Да, немножко устала, конечно.

Эргартъ. Такъ, мнѣ кажется, тебѣ надо лечь спать пораньше.

Элла Рентгеймъ (улыбаясь, смотритъ на него). Я такъ и сдѣлаю.

Эргартъ (живо). Мы можемъ вѣдь наговориться досыта и завтра... или въ другой разъ. Обо всемъ, обо всемъ. Всѣ трое. Ты, мама и я. Не лучше ли будетъ такъ, тетя Элла, а?

Фру Боркманъ (порывисто встаетъ съ канапе). Эргартъ! Я вижу, ты хочешь уйти отъ меня!

Эргартъ (вздрогнувъ). То-есть... какъ?..

Фру Боркманъ. Ты хочешь уйти... къ Гинкелямъ!

Эргартъ (невольно). Ахъ, вотъ что! (Спохватясь) А неужели, по-твоему, лучше не давать тетѣ Эллѣ спать до поздней ночи? Она вѣдь больна, мама! Подумай!

Фру Боркманъ. Тебя тянетъ къ Гинкелямъ, Эргартъ!

Эргартъ (съ нетерпѣніемъ). Но, мама! Право, мнѣ кажется, неловко не пойти!.. А ты что скажешь, тетя?

Элла Рентгеймъ. Лучше всего тебѣ быть совершенно свободнымъ въ своихъ поступкахъ, Эргартъ.

Фру Боркманъ (угрожающе подступая къ ней). Ты хочешь разлучить его со мной!

Элла Рентгеймъ (встаетъ). Ахъ, если-бъ я только могла, Гунгильдъ!

(Сверху слышна музыка).

Эргартъ (ежась точно отъ боли). Нѣтъ, это невыносимо! (Озирается) Гдѣ моя шляпа? (Эллѣ) Ты знаешь эту вещь, которую играютъ тамъ наверху?

Элла Рентгеймъ. Нѣтъ. Что это за вещь?

Эргартъ. Danse macabre. Пляска смерти. Ты не слыхала пляски смерти, тетя?

Элла Рентгеймъ (со скорбной улыбкой). Нѣтъ еще, Эргартъ.

Эргартъ (матери). Мама... я прошу тебя... очень прошу... Позволь мнѣ пойти!

Фру Боркманъ (сурово смотритъ на него). Оставить мать! И ты хочешь?

Эргартъ. Я же возвращусь... можетъ-быть, завтра!

Фру Боркманъ (страстно, взволнованно). Ты хочешь уйти отъ меня! Тебя тянетъ къ чужимъ! Да еще къ кому... къ кому!.. Нѣтъ, и думать не хочу!

Эргартъ. Тамъ теперь все залито огнями... столько молодыхъ, веселыхъ лицъ!.. Тамъ музыка, мама!

Фру Боркманъ (указывая на потолокъ). Здѣсь тоже музыка, Эргартъ.

Эргартъ. Да именно эта-то музыка и гонитъ меня изъ дому.

Элла Рентгеймъ. Ты не радуешься, что твоему отцу удается хоть немножко забыться?

Эргартъ. Нѣтъ, радуюсь, отъ всей души радуюсь. Только бы меня не неволили слушать!

Фру Боркманъ (внушительно). Соберись съ силами, Эргартъ! Крѣпись, мой мальчикъ! Не забывай своей великой миссіи!

Эргартъ. Ахъ, мама, оставь эти фразы! Я не гожусь въ миссіонеры! Спокойной ночи, тетя! Спокойной ночи, мама!

(Быстро уходитъ въ переднюю).

Фру Боркманъ (послѣ короткаго молчанія). Пожалуй, все-таки ты скоро опять приберешь его къ рукамъ, Элла.

Элла Рентгеймъ. Ахъ, если-бъ только я могла надѣяться!..

Фру Боркманъ. Но тебѣ не удержать его надолго,—увидишь!

Элла Рентгеймъ. Что же, ты помѣшаешь?

Фру Боркманъ. Я или... та, другая!

Элла Рентгеймъ. Такъ лучше она, чѣмъ ты.

Фру Боркманъ (медленно кивая головой). Я это понимаю. И скажу то же. Лучше она, чѣмъ ты.

Элла Рентгеймъ. Куда бы это въ концѣ концовъ ни привело его?..

Фру Боркманъ. Если на то пойдетъ — даже и это почти безразлично.

Элла Рентгеймъ (перекидывая манто черезъ руку). Въ первый разъ въ жизни мы, сестры-близнецы, одного мнѣнія. Спокойной ночи, Гунгильдъ. (Уходитъ въ переднюю).

(Музыка доносится еще явственнѣе).

Фру Боркманъ (стоитъ съ минуту неподвижно, затѣмъ вздрагиваетъ, съеживается и невольно шепчетъ). Опять волкъ завылъ... больной волкъ. (Стоитъ съ минуту и вдругъ бросается ничкомъ на коверъ, ломаетъ руки и съ отчаяньемъ шепчетъ) Эргартъ, Эргартъ! Будь вѣренъ мнѣ! Вернись и помоги своей матери! Не то мнѣ не вынести больше этой жизни!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Большая, нѣкогда парадная зала въ рентгеймскомъ домѣ. Стѣны обиты старинными выцвѣтшими гобеленами, изображающими сцены изъ охотничьяго и пастушьяго быта. У стѣны налѣво піанино; подальше двустворчатыя двери. Въ лѣвомъ углу задней стѣны дверь подъ обои. У стѣны направо, посрединѣ, большой рѣзной дубовый письменный столъ, на которомъ разложено множество книгъ и бумагъ. У той же стѣны, впереди, диванъ, круглый столъ и стулья. Вся мебель въ строго выдержанномъ стилѣ Empire. На столахъ горятъ лампы. Іонъ-Габріель Боркманъ, заложивъ руки за спину, стоитъ у піанино и слушаетъ игру Фриды Фольдаль, которая допгрываетъ послѣдніе такты Danse macabre.

Боркманъ средняго роста, крѣпко сложенный мужчина. Ему лѣтъ подъ шестьдесятъ: важная осанка, тонко очерченный профиль, пронизывающій взглядъ, курчавые волосы и борода съ сильной просѣдью. Одѣтъ въ черную, не совсѣмъ модпаго покроя пару; на шеѣ бѣлый галстукъ. Фрида Фольдаль, хорошенькая блѣдная дѣвушка лѣтъ пятнадцати, съ нѣсколько усталымъ и напряженнымъ выраженіемъ лица. Скромное свѣтлое платье.

Музыка кончается. Молчаніе.

Боркманъ. Можете догадаться, гдѣ я въ первый разъ слышалъ подобные звуки?

Фрида (взглянувъ на него). Нѣтъ, господинъ Боркманъ.

Боркманъ. Въ рудникахъ.

Фрида (въ недоумѣніи). Да? Въ рудникахъ?

Боркманъ. Я сынъ рудокопа, какъ вы, вѣрно, знаете. Или, можетъ-быть, вы не знаете этого?

Фрида. Нѣтъ, господинъ Боркманъ.

Боркманъ. Сынъ рудокопа. И отецъ бралъ меня иногда съ собою въ рудники. Тамъ, въ глубинѣ, поетъ руда.

Фрида. Вотъ какъ? Поетъ?

Боркманъ (кивая головой). Когда освобождается. Освобождаютъ ее удары молотовъ; это полночные колокола бьютъ и освобождаютъ ее. И вотъ руда поетъ... отъ радости... Поетъ по-своему.

Фрида. Отчего же это такъ, господинъ Боркманъ?

Боркманъ. Ей хочется на свѣтъ Божій, служить людямъ. (Ходитъ взадъ и впередъ по залѣ, заложивъ руки за спину).

Фрида (сидитъ нѣсколько минутъ въ выжидательной позѣ, затѣмъ смотритъ на свои часы и встаетъ). Извините, господинъ Боркманъ... но, къ сожалѣнію, мнѣ, пожалуй, пора.

Боркманъ (останавливаясь передъ ней). Уже уходить собираетесь?

Фрида (складывая ноты въ папку). Да, пожалуй, пора. (Видимо смущенная) Я приглашена сегодня вечеромъ въ одинъ домъ.

Боркманъ. Гдѣ будутъ гости?

Фрида. Да.

Боркманъ. И вы будете занимать гостей своею игрой?

Фрида (закусивъ губу). Нѣтъ... я приглашена играть танцы.

Боркманъ. Только играть танцы?

Фрида. Да. Послѣ ужина будутъ танцы.

Боркманъ (стоитъ и смотритъ на нее). А вы охотно играете танцы?.. По чужимъ домамъ?

Фрида (надѣвая пальто). Да, когда пригласятъ... Все-таки маленькій заработокъ.

Боркманъ (пытливо). Вы объ этомъ главнымъ образомъ и думаете, когда играете?

Фрида. Нѣтъ, я больше всего думаю о томъ — какъ тяжело, что мнѣ самой не приходится принимать участія...

Боркманъ (кивая головой). Вотъ это-то я и хотѣлъ знать. (Нервно ходитъ взадъ и впередъ) Да, да, да... тяжелѣе всего невозможность самому принимать участіе... (Останавливается) Но одно все-таки вознаграждаетъ васъ, Фрида.

Фрида (вопросительно глядя на него). Что же это такое, господинъ Боркманъ?

Боркманъ. То, что вы сами въ тысячу разъ музыкальнѣе всѣхъ этихъ танцоровъ вмѣстѣ!

Фрида (недовѣрчиво улыбаясь). О, это еще далеко не навѣрное.

Боркманъ (предостерегающе подымаетъ указательный палецъ). Не позволяйте себѣ никогда такой глупости — сомнѣваться въ собственныхъ силахъ!

Фрида. Да что же, если о нихъ никто не знаетъ?

Боркманъ. Только бы вы сами знали, и довольно. А куда вы приглашены играть сегодня?

Фрида. Тутъ недалеко... къ адвокату Гинкелю.

Боркманъ (быстро устремляя на нее пытливый взглядъ). Къ Гинкелю?

Фрида. Да.

Боркманъ (съ саркастической улыбкой). И у этого господина бываютъ гости? Онъ можетъ залучить къ себѣ людей?

Фрида. Да; фру Вильтонъ говоритъ, что у нихъ бываетъ страсть сколько народу.

Боркманъ (съ горячностью). Но какого сорта? Вы сумѣете мнѣ это сказать?

Фрида (робко). Нѣтъ, я, право, не знаю хорошенько... Ахъ, да. Я знаю, что студентъ Боркманъ собирался туда сегодня.

Боркманъ (пораженный). Эргартъ! Мой сынъ?

Фрида. Да. Онъ тамъ будетъ.

Боркманъ. Почему вы знаете?

Фрида. Онъ самъ сказалъ. Съ часъ тому назадъ.

Боркманъ. Онъ развѣ здѣсь сегодня?

Фрида. Да; онъ все послѣ-обѣда просидѣлъ у фру Вильтонъ.

Боркманъ (пытливо). А вы не знаете, заходилъ онъ сюда? То-есть къ кому-нибудь тамъ внизу?

Фрида. Да, онъ заходилъ къ фру Боркманъ.

Боркманъ (съ горечью). А! Я такъ и думалъ.

Фрида. И тамъ, кажется, была какая-то чужая дама.

Боркманъ. Вотъ какъ? Впрочемъ, что-жъ? Фру Боркманъ, конечно, навѣщаютъ иногда.

Фрида. Сказать студенту Боркману, если увижусь съ нимъ, чтобы онъ и къ вамъ зашелъ?

Боркманъ (рѣзко). Ничего не нужно говорить! Прошу избавить! Если люди хотятъ меня видѣть, они и сами придутъ. Я никого не зову.

Фрида. Да, да... такъ я ничего не скажу... Спокойной ночи, господинъ Боркманъ.

Боркманъ (продолжая ходить: отрывисто, сквозь зубы). Спокойной ночи!

Фрида. Можно пройти по винтовой лѣстницѣ? Тамъ ближе.

Боркманъ (тѣмъ же тономъ). Ахъ, да идите, гдѣ хотите. Прощайте!

Фрида. Спокойной ночи, господинъ Боркманъ. (Уходитъ черезъ маленькую дверь налѣво).

(Боркманъ задумчиво подходитъ къ піанино и хочетъ закрыть его, но, повидимому, раздумываетъ, озирается въ пустомъ пространствѣ и начинаетъ опять нервно шагать взадъ и впередъ, изъ угла въ уголъ, отъ піанино къ противоположному углу направо. Наконецъ останавливается у письменнаго стола, прислушивается, глядя по направленію большихъ дверей, быстро беретъ со стола ручное зеркало, глядится въ него и оправляетъ галстукъ. Стукъ въ большія двери. Боркманъ бросаетъ на нихъ быстрый взглядъ, но молчитъ. Немного погодя стукъ повторяется уже сильнѣе).

Боркманъ (опираясь лѣвой рукой о письменный столъ, а правую заложивъ за бортъ сюртука). Войдите!

(Въ дверь осторожно входитъ Вильгельмъ Фольдаль, сгорбленный, помятый жизнью пожилой человѣкъ съ кроткими голубыми глазами и жидкими, длинными сѣдыми волосами, спускающимися на воротникъ сюртука. Подъ мышкой у него папка, въ рукѣ мягкая шляпа, на носу большія очки въ роговой оправѣ, которыя онъ, входя, вскидываетъ на лобъ).

Боркманъ (при видѣ вошедшаго мѣняетъ позу, и лицо его принимаетъ полуразочарованное, полудовольное выраженіе). А, вотъ это кто.

Фольдаль. Добрый вечеръ, Понъ-Габріель. Да, это я... того, я.

Боркманъ (строго глядя на него). Поздновато какъ будто.

Фольдаль. Путь-то не близкій. Особенно, коли пѣшкомъ.

Боркманъ. Да зачѣмъ же ты всегда ходишь пѣшкомъ, Вильгельмъ? У тебя вѣдь подъ бокомъ конка.

Фольдаль. Пѣшкомъ здоровѣе. Да и десять эре останутся въ карманѣ... А-а, Фрида недавно была у тебя, играла?

Боркманъ. Сейчасъ только ушла. Вы не встрѣтились на дворѣ?

Фольдаль. Нѣтъ. Я ужъ давно и въ глаза ея не видалъ. Съ тѣхъ поръ, какъ она перебралась къ этой фру Вильтонъ.

Боркманъ (садится на диванъ и указываетъ Фольдалю на стулъ). Что-жъ, присаживайся и ты, Вильгельмъ.

Фольдаль (присаживается на кончикъ стула). Благодарю. (Удрученно смотритъ на него) Ахъ, ты не повѣришь, какъ я одинокъ съ тѣхъ поръ, какъ Фрида переѣхала!

Боркманъ. Ну, что тамъ! У тебя и безъ нея ихъ довольно.

Фольдаль. Правда. Цѣлыхъ пятеро. Но одна Фрида еще понимала меня немножко. (Печально качаетъ головой) Остальные не понимаютъ вовсе.

Боркманъ (мрачно глядя передъ собою и барабаня по столу пальцами). Вотъ-вотъ! Словно проклятіе какое-то тяготѣетъ надъ нами, единичными, избранными людьми. Масса, толпа... всѣ эти средніе люди... не понимаютъ насъ, Вильгельмъ.

Фольдаль (смиренно). Да ужъ Богъ бы съ нимъ, съ пониманьемъ. Запасшись терпѣньемъ, можно бы еще какъ-нибудь крѣпиться. (Со слезами въ голосѣ) А бываетъ и горше того.

Боркманъ (горячо). Горше этого нѣтъ ничего!

Фольдаль. Нѣтъ, есть, Йонъ-Габріель. Я вотъ какъ разъ сейчасъ только выдержалъ дома сцену... передъ уходомъ сюда.

Боркманъ. Вотъ какъ? Съ чего же это?

Фольдаль (въ порывѣ горя). Они тамъ... презираютъ меня.

Боркманъ (вскакивая). Презираютъ!..

Фольдаль (смахивая съ глазъ слезы). Я давно ужъ замѣчалъ. А сегодня все прямо наружу вышло.

Боркманъ (помолчавъ). Вѣрно, ты сдѣлалъ плохой выборъ, когда женился.

Фольдаль. Да у меня почти-что никакого выбора и не было. А вѣдь... жениться тоже всякому хочется, какъ года-то начнутъ уходить. Такъ вотъ въ моемъ положеніи тогда... приниженный, пришибленный...

Боркманъ (вскакивая, гнѣвно). Что это? Обвиненіе противъ меня? Упрекъ!..

Фольдаль (испуганно). Что ты, что ты, Йонъ-Габріель!..

Боркманъ. Конечно, у тебя теперь на умѣ это несчастье съ банкомъ!..

Фольдаль (успокаивающимъ тономъ). Да я вѣдь не виню тебя въ немъ. Сохрани Богъ!

Боркманъ (садясь, ворчливо). Хорошо, что еще такъ.

Фольдаль. Впрочемъ, не подумай, что я жалуюсь на жену. Бѣдняжка не очень образована, это правда. Но все-таки она, что-жъ... она ничего себѣ. А вотъ дѣтки...

Боркманъ. Я такъ и думалъ.

Фольдаль. Дѣтки-то... пообразованнѣе. Ну, и требованій у нихъ больше.

Боркманъ (съ участьемъ глядя на него). И потому эти молокососы презираютъ тебя, Вильгельмъ.

Фольдаль (пожимая плечами). Я, видишь ли, недалеко ушелъ. Надо сознаться...

Боркманъ (подвигаясь къ нему ближе и кладя руку ему на плечо). Они развѣ не знаютъ, что ты написалъ въ молодости трагедію?

Фольдаль. Это-то, конечно, знаютъ. Да, видно, мало обращаютъ на это вниманія.

Боркманъ. Значитъ, они мало смыслятъ. Твоя трагедія хороша. Я твердо убѣжденъ.

Фольдаль (съ прояснившимся лицомъ). Не правда ли, Йонъ-Габріель, въ ней есть кое-что хорошее? Господи! Только бы мнѣ удалось какъ-нибудь пристроить ее!.. (Поспѣшно развязываетъ папку и начинаетъ перелистывать рукопись) Постой! Я покажу тебѣ кое-какія поправки...

Боркманъ. Она у тебя съ собой?

Фольдаль. Да, я захватилъ. Я ужъ такъ давно не читалъ ея тебѣ. Я и подумалъ, что тебя, можетъ-быть, развлечетъ, если я прочту тебѣ дѣйствіе, другое...

Боркманъ (встаетъ). Нѣтъ, нѣтъ, оставимъ лучше до другого раза.

Фольдаль. Какъ хочешь, какъ хочешь.

(Боркманъ ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ; Фольдаль снова завязываетъ папку).

Боркманъ (останавливаясь передъ нимъ). Ты былъ правъ, говоря сейчасъ... что недалеко ушелъ. Но я обѣщаю тебѣ, Вильгельмъ, когда пробьетъ мой часъ... и я получу удовлетвореніе, то...

Фольдаль (собираясь встать). Спасибо тебѣ!..

Боркманъ. Ничего, сиди себѣ! (Съ возрастающимъ жаромъ) Когда для меня пробьетъ часъ удовлетворенія... когда они поймутъ, что имъ не обойтись безъ меня... когда придутъ сюда вотъ, въ эту залу... и смиренно начнутъ умолять меня снова принять бразды правленія въ банкѣ... въ новомъ банкѣ!..

Основать-то они его основали, а справиться не въ силахъ... (Опять останавливаясь у письменнаго стола и принимая ту же позу, какъ передъ приходомъ Фольдаля, ударяетъ себя въ грудь) Вотъ тутъ я и приму ихъ! И по всей странѣ пройдетъ слухъ о томъ, какія условія поставилъ Йонъ-Габріель!.. (Внезапно останавливаясь и впиваясь взглядомъ въ Фольдаля) Да ты какъ будто сомнѣваешься? Ты, можетъ-быть, не вѣришь, что они придутъ? Что они должны придти ко мнѣ когда-нибудь, должны, должны! Не вѣришь?

Фольдаль. Вѣрю, вѣрю. Какъ не вѣрить, Йонъ-Габріель!

Боркманъ (опять садясь на диванъ). Я твердо вѣрю. Знаю, навѣрное знаю, что они придутъ. Не будь у меня этой увѣренности, я бы давно пустилъ себѣ пулю въ лобъ.

Фольдаль (съ испугомъ). Что ты, что ты! Ни за что на свѣтѣ!..

Боркманъ (гордо закидывая голову). Но они придутъ! Придутъ еще! Увидишь! Можно ожидать ихъ каждый день, каждый часъ. И ты видишь, я готовъ принять ихъ.

Фольдаль (со вздохомъ). Только бы они приходили поскорѣе.

Боркманъ (тревожно). Да, да. Время идетъ. Годы уходятъ... жизнь... У!.. Нѣтъ, не смѣю и думать! (Глядитъ на него) Знаешь, какъ я временами чувствую себя?

Фольдаль. Ну?

Боркманъ. Какъ какой-нибудь Наполеонъ, котораго искалѣчили въ первомъ же походѣ.

Фольдаль (кладя руку на папку). Это чувство и мнѣ знакомо.

Боркманъ. Ну да, такъ — въ миніатюрѣ.

Фольдаль (сдержанно). Мой маленькій творческій мірокъ имѣетъ для меня большое значеніе, Йонъ-Габріель.

Боркманъ (горячо). Да, но я-то, я-то могъ создать милліоны! Я хотѣлъ объединить въ своихъ рукахъ всѣ рудники! Новыя шахты до безконечности! Водопады! Каменоломни! Торговыя сношенія и сушею и моремъ со всѣмъ міромъ! Все, все это создалъ бы я одинъ!

Фольдаль. Знаю, знаю. Ты бы ни передъ чѣмъ не остановился.

Боркманъ (стискивая руки). И вотъ сижу теперь здѣсь, какъ подстрѣленный глухарь, да гляжу, какъ другіе опережаютъ меня, вырываютъ у меня изъ-подъ рукъ добычу за добычей.

Фольдаль. И со мною то же.

Боркманъ (не слушая его). Подумать! Я былъ почти у цѣли. Дали бы мнѣ еще одну недѣлю срока! Всѣ вклады были бы выкуплены снова. Всѣ цѣнныя бумаги, которыя я заимствовалъ смѣлою рукой, снова были бы на своихъ мѣстахъ. Уже готовы были создаться затѣянныя мною огромныя, небывалыя акціонерныя общества. Никто не потерялъ бы ни гроша!

Фольдаль. Да; такая жалость!.. Ты былъ такъ близокъ къ цѣли...

Боркманъ (съ сдержаннымъ бѣшенствомъ). Но тутъ-то меня и постигло предательство! Какъ разъ въ тѣ дни, когда все должно было рѣшиться! (Смотритъ на него) Знаешь, какое преступленіе, по-моему, подлѣе всѣхъ, на какія только способенъ человѣкъ?

Фольдаль. Нѣтъ. Какое же?

Боркманъ. Не убійство, не воровство, не ночной грабежъ. Даже не клятвопреступленіе. Въ такихъ случаяхъ человѣкъ имѣетъ большею частью дѣло съ людьми, ему ненавистными, или съ посторонними, совершенно чужими ему людьми.

Фольдаль. Ну, а самое подлое преступленіе, Йонъ-Габріель?

Боркманъ (отчеканивая). Самое подлое — злоупотребленіе довѣріемъ друга.

Фольдаль (покачивая головой). Послушай однако...

Боркманъ (запальчиво). Что ты хочешь сказать?.. Я ужъ вижу — что, по твоему лицу. Но тутъ это не при чемъ. Вкладчики получили бы все свое обратно въ цѣлости. Все, какъ есть, до послѣдней крохи!.. Нѣтъ, самое подлое преступленіе, на какое только способенъ человѣкъ — злоупотребленіе письмами друга... оглашеніе на весь міръ того, что было довѣрено съ глазу на глазъ, какъ бы на ухо, въ пустой, темной, запертой наглухо комнатѣ. Человѣкъ, способный прибѣгать къ подобнымъ средствамъ, насквозь пропитанъ и отравленъ моралью сверхъ-подлецовъ. И такой-то другъ былъ у меня. Онъ и погубилъ меня.

Фольдаль. Догадываюсь, на кого ты намекаешь.

Боркманъ. Не было уголка въ моей душѣ, котораго бы я не открылъ ему. И вотъ, когда минута настала, онъ обратилъ противъ меня то оружіе, которое я самъ же далъ ему въ руки.

Фольдаль. Я никогда не могъ понять, почему онъ, въ сущности?.. Конечно, разное говорили въ ту пору...

Боркманъ. Что говорили?.. Скажи. Я ничего вѣдь не знаю. Меня сейчасъ же... изолировали. Что говорили тогда, Вильгельмъ?

Фольдаль. Говорили, что тебя прочили въ министры.

Боркманъ. Мнѣ предлагали, но я отказался.

Фольдаль. Значитъ, ты не стоялъ ему поперекъ дороги.

Боркманъ. Нѣтъ. Онъ не потому и предалъ меня.

Фольдаль. Тогда я, право, не пойму...

Боркманъ. Я, пожалуй, скажу тебѣ, Вильгельмъ.

Фольдаль. Ну?

Боркманъ. Тутъ вышла... въ нѣкоторомъ родѣ бабья исторія.

Фольдаль. Бабья исторія?.. Но однако?..

Боркманъ (перебивая). Да, да, да!.. Мы не будемъ вспоминать этихъ старыхъ, глупыхъ исторій. Ну, въ министры однако не попалъ ни онъ ни я.

Фольдаль. Но онъ-то далеко шагнулъ.

Боркманъ. А я палъ!

Фольдаль. О, это такая трагедія!..

Боркманъ. Такая же почти, какъ и твоя, если подумать хорошенько.

Фольдаль (простодушно). Да, ужъ по крайней мѣрѣ.

Боркманъ (посмѣиваясь). А съ другой стороны это, право, своего рода комедія.

Фольдаль. Комедія?.. Это?

Боркманъ. Да. Повидимому, такъ выходитъ. Ты вотъ послушай-ка...

Фольдаль. Ну, ну?

Боркманъ. Ты вѣдь не встрѣтилъ сегодня Фриды?

Фольдаль. Нѣтъ.

Боркманъ. Ну вотъ, пока мы съ тобой сидимъ тутъ, она сидитъ и играетъ танцы у того, кто предалъ и разорилъ меня.

Фольдаль. Я и не подозрѣвалъ ничего такого!

Боркманъ. Да, она забрала свои ноты и отправилась отъ меня туда... въ барскій домъ.

Фольдаль (какъ бы извиняясь). Да, да, бѣдняжка...

Боркманъ. И угадай-ка, для кого она играетъ... между прочими?

Фольдаль. Ну?

Боркманъ. Для моего сына.

Фольдаль. Какъ?

Боркманъ. Да. Каково тебѣ покажется, Вильгельмъ? Мой сынъ танцуетъ тамъ сегодня. Ну, такъ не комедія ли это, какъ я говорю?

Фольдаль. Такъ онъ, вѣрно, ничего не знаетъ.

Боркманъ. Чего не знаетъ?

Фольдаль. Вѣрно, онъ не знаетъ, что тотъ... этотъ... ну...

Боркманъ. Да ты называй его, не стѣсняйся. Теперь ничего, я вынесу.

Фольдаль. Я увѣренъ, что твой сынъ не знаетъ всей сути, Понъ-Габріель.

Боркманъ (угрюмо, барабаня пальцами по столу). Онъ знаетъ все... даю тебѣ слово.

Фольдаль. Такъ... какъ же ты миришься съ мыслью, что твой сынъ можетъ бывать въ такомъ домѣ?

Боркманъ (качая головой). Мой сынъ, должно-быть, смотритъ на вещи иными глазами, чѣмъ его отецъ. Я готовъ поклясться.

что онъ на сторонѣ моихъ враговъ! Ему, вѣрно, какъ и имъ, кажется, что адвокатъ Гинкель только исполнялъ свой прямой долгъ, предавая меня.

Фольдаль. Но, дорогой мой, кто же могъ представить твоему сыну дѣло въ такомъ свѣтѣ?

Боркманъ. Кто? Ты забылъ, кто воспитывалъ его? Сначала тетка... съ шести-семи лѣтъ. А потомъ — мать!

Фольдаль. Я думаю, ты несправедливъ къ нимъ въ данномъ случаѣ.

Боркманъ (запальчиво). Я никогда не бываю несправедливымъ къ людямъ! И говорю тебѣ, обѣ онѣ возстановляли его противъ меня!

Фольдаль (робко). Да, да, да; тогда, вѣрно, ужъ такъ.

Боркманъ (гнѣвно). О, эти женщины! Онѣ портятъ и разбиваютъ намъ жизнь! Коверкаютъ всю нашу судьбу, весь нашъ побѣдный путь!

Фольдаль. Не всѣ же.

Боркманъ. Не всѣ? Такъ назови мнѣ хоть одну достойную!

Фольдаль. То-то и есть, — я знаю лишь немногихъ, а изъ нихъ нѣтъ ни одной такой.

Боркманъ (презрительно фыркая). Такъ великъ отъ нихъ прокъ, если онѣ и есть, да ихъ не знаешь!

Фольдаль (горячо). Нѣтъ, Іонъ-Габріель, прокъ все-таки есть. Какое счастье, какая благодать сознавать, что гдѣ-то тамъ, на бѣломъ свѣтѣ, и вокругъ насъ и далеко отъ насъ, есть все-таки настоящія женщины.

Боркманъ (нетерпѣливо передвигаясь на диванѣ). Поди ты со своими поэтическими бреднями.

Фольдаль (глядитъ на него, глубоко оскорбленный). Ты называешь самую святую мою вѣру поэтическими бреднями?

Боркманъ (жестоко). Да, называю! Вотъ тебѣ и причина, почему ты не пробилъ себѣ дороги. Бросилъ бы всѣ эти бредни, такъ я еще, пожалуй, помогъ бы тебѣ стать на ноги, пробиться.

Фольдаль (сдерживая свое негодованіе). Гдѣ тебѣ!

Боркманъ. Да, да,—только бы мнѣ вновь стать у власти.

Фольдаль. Ну, этого, вѣрно, нескоро дождешься.

Боркманъ (запальчиво). По-твоему, пожалуй, никогда не дождаться? Отвѣчай!

Фольдаль. Что-жъ мнѣ отвѣчать!

Боркманъ (встаетъ: холоднымъ, надменнымъ тономъ, указывая на дверь). Такъ ты мнѣ больше не нуженъ.

Фольдаль (привставъ). Не нуженъ!..

Боркманъ. Разъ ты не вѣришь, что въ моей судьбѣ произойдетъ поворотъ...

Фольдаль. Да не могу же я вѣрить наперекоръ здравому смыслу!.. Конечно, тебѣ-то нужно было бы удовлетвореніе, но...

Боркманъ. Дальше, дальше!

Фольдаль. Да, я хоть и не кончилъ курса, а все-таки кое-чему учился и настолько-то смыслю...

Боркманъ (быстро). По-твоему, это невозможно?

Фольдаль. И примѣровъ такихъ не бывало.

Боркманъ. Примѣры излишни для людей исключительныхъ.

Фольдаль. Такихъ соображеній законъ не знаетъ.

Боркманъ (жестко и рѣшительно). Ты не поэтъ, Вильгельмъ.

Фольдаль (невольно складывая руки). Ты это говоришь вполнѣ серьезно?

Боркманъ (уклоняясь отъ отвѣта). Мы только даромъ тратимъ другъ съ другомъ время. Лучше тебѣ не приходить больше.

Фольдаль. Такъ ты хочешь, чтобы я оставилъ тебя.

Боркманъ (не глядя на него). Ты больше мнѣ не нуженъ.

Фольдаль (кротко, взявъ папку). Да, да, да; пожалуй.

Боркманъ. Значитъ, ты все время лгалъ мнѣ.

Фольдаль (качая головой). Никогда я не лгалъ, Йонъ-Габріель.

Боркманъ. Развѣ ты не лгалъ мнѣ, поддерживая во мнѣ все время вѣру, надежду и довѣріе къ самому себѣ?

Фольдаль. Лжи не было, пока ты вѣрилъ въ мое призваніе. Пока ты вѣрилъ въ меня — я вѣрилъ въ тебя.

Боркманъ. Такъ мы обманывали другъ друга. И, быть-можетъ, самихъ себя при этомъ — оба.

Фольдаль. Не въ этомъ ли въ сущности и состоитъ дружба, Йонъ-Габріель?

Боркманъ (съ горькой усмѣшкой). Да, дружба состоитъ въ обманѣ. Ты правъ. Это я уже испыталъ и раньше.

Фольдаль (смотритъ на него). Я не поэтъ!.. И ты могъ высказать это мнѣ такъ безжалостно..

Боркманъ (нѣсколько мягче). Ну, я вѣдь не знатокъ по этой части.

Фольдаль. Пожалуй, большій знатокъ, чѣмъ самъ думаешь.

Боркманъ. Я?

Фольдаль (тихо). Да, ты. На меня на самого, видишь ли, иногда находило сомнѣніе. Да. Ужасное сомнѣніе, что я загубилъ жизнь изъ-за бредней.

Боркманъ. Если ты самъ сомнѣваешься въ себѣ — твое дѣло плохо.

Фольдаль. Вотъ для меня и было такимъ утѣшеніемъ приходить сюда къ тебѣ и находить опору въ тебѣ... Ты вѣдь вѣрилъ. (Беретъ свою шляпу) Но теперь ты мнѣ чужой.

Боркманъ. И ты мнѣ.

Фольдаль. Прощай, Іонъ-Габріель.

Боркманъ. Прощай, Вильгельмъ.

(Фольдаль уходитъ въ дверь налѣво).

(Боркманъ стоитъ съ минуту, вперивъ взоръ въ закрывшуюся дверь, затѣмъ дѣластъ движеніе, какъ бы намѣреваясь вернуть Фольдаля, но одумывается и начинаетъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину. Потомъ останавливается у дивана и тушитъ лампу на столѣ. Въ залѣ распространяется полумракъ. Немного погодя раздается стукъ въ маленькую дверь).

Боркманъ (вздрагиваетъ, оборачивается и спрашиваетъ вполголоса). Кто тамъ?

(Никто не отвѣчаетъ, но стукъ повторяется).

Боркманъ (не двигаясь съ мѣста). Кто тамъ? Войдите!

(Входитъ Элла Рентгеймъ съ зажженною свѣчой въ рукахъ. Она въ томъ же платьѣ; на плечи наброшено манто).

Боркманъ (глядитъ на нее, широко раскрывъ глаза). Кто вы? Что вамъ надо отъ меня?

Элла Рентгеймъ (затворяетъ за собою дверь и приближается къ нему). Это я, Боркманъ. (Ставитъ свѣчу на піанино и сама останавливается около него).

Боркманъ (стоитъ, какъ вкопаный, глядитъ на нее, не отрываясь, и шепчетъ). Это... это Элла? Элла Рентгеймъ?

Элла Рентгеймъ. Да... «Твоя» Элла... какъ ты звалъ меня прежде. Когда-то. Давно... давно.

Боркманъ (попрежнему). Да, это ты, Элла... Теперь я вижу.

Элла Рентгеймъ. Узнаёшь меня?

Боркманъ. Теперь начинаю...

Элла Рентгеймъ. Годы жестоко измѣнили меня, Боркманъ. Не правда ли?

Боркманъ (принужденно). Да, ты нѣсколько измѣнилась. Такъ съ перваго взгляда...

Элла Рентгеймъ. Темные локоны не вьются больше у меня по плечамъ... Ты, бывало, любилъ навивать ихъ на пальцы.

Боркманъ (живо). Да, да! Теперь я вижу, Элла! Ты перемѣнила прическу.

Элла Рентгеймъ (съ грустной улыбкой). Именно. Дѣло въ прическѣ.

Боркманъ (желая замять разговоръ). А я и не зналъ, что ты въ нашихъ краяхъ.

Элла Рентгеймъ. Я только-что пріѣхала.

Боркманъ. Зачѣмъ же ты пріѣхала... теперь, зимой?

Элла Рентгеймъ. Сейчасъ узнаешь.

Боркманъ. Тебѣ что-нибудь надо отъ меня?

Элла Рентгеймъ. И отъ тебя. Но если ужъ говорить объ этомъ, надо начать издалека.

Боркманъ. Ты, вѣрно, устала?

Элла Рентгеймъ. Да, устала.

Боркманъ. Такъ не присядешь ли? Вонъ тамъ... на диванѣ.

Элла Рентгеймъ. Спасибо. Мнѣ надо присѣсть.

(Идетъ направо и садится на диванъ, въ переднемъ углу. Боркманъ остается стоять возлѣ стола, заложивъ за спину руки, и смотритъ на Эллу. Короткое молчаніе).

Элла Рентгеймъ. Давно-давно не встрѣчались мы лицомъ къ лицу, Боркманъ!

Боркманъ (угрюмо). Давно-давно. И вспомнить страшно, что̀ отдѣляетъ насъ отъ того времени.

Элла Рентгеймъ. Цѣлая жизнь человѣческая. Загубленная человѣческая жизнь.

Боркманъ (бросая на нее пронизывающій взглядъ). Загубленная!

Элла Рентгеймъ. Именно загубленная. И даже не одна, а цѣлыя двѣ — обѣ наши жизни.

Боркманъ (сухимъ, дѣловымъ тономъ). Я еще не считаю свою жизнь загубленной.

Элла Рентгеймъ. Ну, а мою жизнь?

Боркманъ. Тутъ ты сама виновата, Элла.

Элла Рентгеймъ (вздрагивая). И это ты говоришь, ты!

Боркманъ. Ты отлично могла быть счастливой и безъ меня.

Элла Рентгеймъ. Ты думаешь?

Боркманъ. Если-бъ только сама захотѣла.

Элла Рентгеймъ (съ горечью). Да, да, знаю, — другой былъ готовъ взять меня, когда угодно...

Боркманъ. Но ты отказала ему...

Элла Рентгеймъ. Отказала.

Боркманъ. И не разъ. А нѣсколько разъ подъ рядъ. Изъ году въ годъ...

Элла Рентгеймъ (презрительно). ...Изъ году въ годъ продолжала отталкивать отъ себя счастье? Такъ, что ли?

Боркманъ. Ты отлично могла бы быть счастливой и съ нимъ. И я тогда былъ бы спасенъ.

Элла Рентгеймъ. Ты?..

Боркманъ. Да, ты бы спасла меня, Элла.

Элла Рентгеймъ. Почему ты такъ думаешь?

Боркманъ. Онъ полагалъ, что это я стою между вами... вызываю твои... вѣчные отказы. И онъ отомстилъ. Ему это было легко... у него были въ рукахъ всѣ мои неосторожныя, донельзя откровенныя письма. Онъ пустилъ ихъ въ ходъ... И я погибъ... на время, то-есть. Видишь, все это твоя вина, Элла!

Элла Рентгеймъ. Вотъ какъ, Боркманъ?.. Въ концѣ концовъ, пожалуй, я останусь виноватой передъ тобой, въ долгу у тебя?

Боркманъ. Какъ смотрѣть на дѣло. Я хорошо знаю, чѣмъ обязанъ тебѣ. Ты оставила за собою на аукціонѣ этотъ домъ, всю усадьбу; предоставила домъ въ полное распоряженіе мнѣ и своей сестрѣ. Взяла къ себѣ Эргарта... заботилась о немъ всячески...

Элла Рентгеймъ. ...Пока мнѣ позволяли...

Боркманъ. ...Пока позволяла твоя сестра, да. Я никогда не вмѣшивался въ эти домашнія дѣла. Такъ я хотѣлъ сказать, что знаю, чѣмъ ты пожертвовала для меня и своей сестры. Но ты вѣдь и имѣла полную возможность сдѣлать это, Элла. И не могла же ты забыть, что безъ меня у тебя ея не было бы.

Элла Рентгеймъ (возмущенная). Жестоко ошибаешься, Боркманъ! Мной руководила одна любовь и горячая привязанность къ Эргарту... и къ тебѣ!

Боркманъ (перебивая). Прошу тебя, не будемъ распространяться о чувствахъ и тому подобномъ. Я хочу, конечно, сказать лишь то, что я далъ тебѣ средства сдѣлать то, что ты сдѣлала.

Элла Рентгеймъ (съ улыбкой). Гм... средства, средства...

Боркманъ (горячо). Именно средства. Передъ генеральнымъ сраженіемъ... когда я не могъ щадить ни родныхъ ни друзей... когда я долженъ былъ ухватиться... и ухватился за довѣренные мнѣ милліоны... я не тронулъ того, что принадлежало тебѣ... сберегъ все твое, хотя могъ бы взять и пустить въ дѣло и это... какъ все остальное.

Элла Рентгеймъ (холодно и спокойно). Это совершенная правда, Боркманъ.

Боркманъ. Да, и вотъ... когда меня взяли, все твое оказалось неприкосновеннымъ въ кладовыхъ банка.

Элла Рентгеймъ (взглянувъ на него). Я часто думала объ этомъ... Почему собственно ты сберегъ все мое? И только мое?

Боркманъ. Почему?

Элла Рентгеймъ. Да, почему? Скажи.

Боркманъ (жестко, презрительно). Ты, пожалуй, подумаешь, что я хотѣлъ оставить себѣ заручку... на случай неудачи?

Элла Рентгеймъ. О, нѣтъ! Въ то время тебѣ это врядъ ли могло придти въ голову.

Боркманъ. Никогда не могло! Я былъ слишкомъ увѣренъ въ побѣдѣ.

Элла Рентгеймъ. Такъ почему же все-таки?..

Боркманъ (пожимая плечами). Ахъ, Элла, не такъ-то легко припомнить мотивы, которыми руководился десятка два лѣтъ тому назадъ. Я припоминаю только, что, подготовляя втихомолку свои грандіозные планы, я чувствовалъ себя въ родѣ

воздухоплавателя. Въ безсонныя ночи я какъ будто накачивалъ свой гигантскій шаръ, готовясь переплыть невѣдомый, полный опасностей, міровой океанъ.

Элла Рентгеймъ (улыбаясь). Да вѣдь ты же никогда не сомнѣвался въ побѣдѣ.

Боркманъ (сдержанно). Таковы люди, Элла. Они и сомнѣваются и вѣрятъ — заразъ. (Какъ бы про себя) Вотъ почему, должно-быть, я и не хотѣлъ взять съ собою на шарѣ тебя съ твоимъ добромъ.

Элла Рентгеймъ (напряженно). Почему же? Скажи, почему?

Боркманъ (глядя въ сторону). Не очень-то охотно берутъ съ собой въ такой путь то, что всего дороже.

Элла Рентгеймъ. Ты бралъ съ собою то, что было тебѣ всего дороже. Все свое будущее... свою жизнь...

Боркманъ. Жизнь не всегда самое дорогое.

Элла Рентгеймъ (задыхаясь). Тебѣ такъ казалось тогда?

Боркманъ. Теперь мнѣ такъ кажется.

Элла Рентгеймъ. Что я была тебѣ дороже всего?

Боркманъ. Да, какъ будто такъ...

Элла Рентгеймъ. Но ты еще задолго до того измѣнилъ мнѣ... и женился на другой!

Боркманъ. Измѣнилъ тебѣ. говоришь? Должна же ты понимать, что были, значитъ, высшія... ну, другія соображенія... которыя принудили меня. Безъ *его* помощи я бы не пробился.

Элла Рентгеймъ (стараясь побороть свое волненіе). Ты, значитъ, измѣнилъ мнѣ изъ высшихъ соображеній!..

Боркманъ. Я не могъ обойтись безъ его помощи. А онъ цѣною своей помощи назначилъ тебя.

Элла Рентгеймъ. И ты не постоялъ за цѣной. Уплатилъ сполна. Не торгуясь.

Боркманъ. Другого выбора не было. Или побѣдить, или пасть.

Элла Рентгеймъ (дрожащимъ голосомъ, глядя на него). Но тогда правду ли ты говоришь, что я была тебѣ въ то время дороже всего на свѣтѣ?

Боркманъ. И въ то время и послѣ. Долго-долго спустя.

Элла Рентгеймъ. И все-таки ты отказался отъ меня. Ты торговалъ своимъ правомъ любить. Продалъ мою любовь за постъ директора банка!

Боркманъ (угрюмо, подавленно). Необходимость заставила меня, Элла.

Элла Рентгеймъ (вся дрожа, внѣ себя, подымается съ дивана). Преступникъ!

Боркманъ (вздрагиваетъ, но овладѣваетъ собою). Это слово я слышу не впервые.

Элла Рентгеймъ. О, не думай, что я намекаю на то, въ чемъ ты могъ провиниться передъ закономъ и правомъ! Что мнѣ за дѣло до того, какъ ты распорядился всѣми этими акціями и облигаціями, или что тамъ было еще! Если бы только мнѣ было позволено стать рядомъ съ тобой, когда все обрушилось на твою голову...

Боркманъ (напряженно). Что тогда, Элла?..

Элла Рентгеймъ. Вѣрь мнѣ, я съ радостью раздѣлила бы съ тобою все. И стыдъ и разореніе, все, все! Помогла бы тебѣ перенести все!

Боркманъ. И ты бы захотѣла? Смогла бы?

Элла Рентгеймъ. И захотѣла и смогла бы! Тогда вѣдь я еще не знала о твоемъ огромномъ, ужасномъ преступленіи.

Боркманъ. О какомъ? На что ты намекаешь?

Элла Рентгеймъ. На преступленіе, за которое нѣтъ прощенія.

Боркманъ (вперивъ въ нее взглядъ). Ты себя не помнишь, Элла.

Элла Рентгеймъ (подступая къ нему). Ты убійца! Ты совершилъ великій, смертный грѣхъ!

Боркманъ (отступая къ піанино). Да ты въ умѣ, Элла?

Элла Рентгеймъ. Ты убилъ во мнѣ душу живую, душу, способную любить! (Подступая къ нему) Понимаешь, что это значитъ? Въ библіи говорится объ одномъ загадочномъ грѣхѣ, за который нѣтъ прощенія. Прежде я никогда не понимала, что это за грѣхъ. Теперь понимаю. Самый великій, неискупимый грѣхъ — это умерщвленіе живой души въ человѣкѣ, души, способной любить!

Боркманъ. И, по-твоему, я повиненъ въ этомъ?

Элла Рентгеймъ. Да. Я собственно и не знала, что въ сущности постигло меня... не знала до сегодняшняго вечера. Твою измѣну мнѣ ради Гунгильдъ я приписывала обыкновенному мужскому непостоянству съ твоей стороны... и безсердечнымъ уловкамъ съ ея. И мнѣ почти кажется, что я презирала тебя немножко... несмотря на все. Но теперь я вижу. Ты измѣнилъ любимой женщинѣ. Мнѣ, мнѣ, мнѣ! Ты могъ ради выгодъ продать то, что было тебѣ самому дороже всего на свѣтѣ! Ты повиненъ въ двойномъ убійствѣ! Убилъ и свою и мою душу!

Боркманъ (овладѣвъ собой, холодно). Какъ я узнаю твой страстный, необузданный нравъ, Элла. Конечно, тебѣ вполнѣ естественно смотрѣть на дѣло такъ. Ты вѣдь женщина. И для тебя, видно, и не существуетъ ничего другого на свѣтѣ...

Элла Рентгеймъ. Нѣтъ, и не существуетъ!

Боркманъ. ...Ничего, кромѣ твоихъ собственныхъ сердечныхъ дѣлъ. Ничего больше...

Элла Рентгеймъ. Ничего больше! Ничего больше! Совершенно вѣрно.

Боркманъ. Но ты помни, что я мужчина. Какъ женщина, ты была мнѣ дороже всего на свѣтѣ. Но, разъ на то пошло, одна женщина всегда можетъ быть замѣнена другой.

Элла Рентгеймъ (смотритъ на него съ усмѣшкой). Ты пришелъ къ этому заключенію, женившись на Гунгильдъ?

Боркманъ. Нѣтъ. Но у меня были свои задачи въ жизни, и онѣ помогли мнѣ перенести и это. Я хотѣлъ объединить въ своихъ рукахъ всѣ источники власти въ этой странѣ, всѣ богатства, которыми кишатъ здѣсь земля и скалы, лѣса и море... хотѣлъ подчинить себѣ все это и облагодѣтельствовать затѣмъ тысячи и тысячи людей.

Элла Рентгеймъ (вся уйдя въ воспоминанія). Я знаю. Много вечеровъ провели мы, бесѣдуя о твоихъ планахъ и задачахъ.

Боркманъ. Да, съ тобою я могъ бесѣдовать, Элла.

Элла Рентгеймъ. Я шутила надъ твоими планами и спрашивала тебя, не затѣваешь ли ты разбудить всѣхъ дремлющихъ духовъ золота?

Боркманъ (кивая головой). Я припоминаю это выраженіе. (Медленно) Всѣхъ дремлющихъ духовъ золота.

Элла Рентгеймъ. Но ты-то не шутилъ. Ты говорилъ: «да, да, Элла, я именно этого и хочу».

Боркманъ. Такъ оно и было. Мнѣ только надо было твердо стать ногой на первую ступень. А это зависѣло тогда отъ одного человѣка. Онъ могъ и хотѣлъ доставить мнѣ руководящее положеніе въ банкѣ, если я, съ своей стороны...

Элла Рентгеймъ. Такъ, такъ! Если ты, съ своей стороны, откажешься отъ любимой... и безгранично любившей тебя женщины.

Боркманъ. Я зналъ его непреодолимую страсть къ тебѣ. Зналъ, что онъ никогда, ни на какомъ другомъ условіи...

Элла Рентгеймъ. И ты ударилъ по рукамъ.

Боркманъ (горячо). Да, Элла! Жажда власти была во мнѣ такъ непреодолима! Я ударилъ по рукамъ. Долженъ былъ. И онъ помогъ мнѣ взобраться до половины той заманчивой высоты, куда я стремился. Я все подымался и подымался. Годъ за годомъ все подымался...

Элла Рентгеймъ. И я была какъ бы вычеркнута изъ твоей жизни.

Боркманъ. И все-таки онъ въ концѣ концовъ столкнулъ меня въ пропасть. Изъ-за тебя, Элла.

Элла Рентгеймъ (послѣ короткаго раздумья). Боркманъ... не кажется ли тебѣ, что надъ нашими отношеніями какъ будто тяготѣло какое-то проклятіе?

Боркманъ (взглянувъ на нее). Проклятіе?

Элла Рентгеймъ. Да. Не такъ ли?

Боркманъ (тревожно). Но почему же собственно?.. (Порывисто) Ахъ, Элла! Скоро я перестану понимать, кто правъ—я или ты!

Элла Рентгеймъ. Ты совершилъ грѣхъ. Ты умертвилъ во мнѣ всякую человѣческую радость.

Боркманъ (со страхомъ). Не говори такъ, Элла!

Элла Рентгеймъ. По крайней мѣрѣ, всякую человѣческую радость, свойственную женщинѣ. Съ того времени, какъ твой образъ потускнѣлъ въ моемъ сердцѣ, для меня какъ бы закатилось солнце жизни. И годъ отъ году мнѣ становилось все труднѣе и труднѣе... подъ конецъ совершенно невозможно любить что-либо живое на свѣтѣ. Ни людей, ни животныхъ, ни растенія. Только одного единственнаго...

Боркманъ. Кого же?..

Элла Рентгеймъ. Да Эргарта, конечно!

Боркманъ. Эргарта?..

Элла Рентгеймъ. Эргарта... твоего, твоего сына, Боркманъ!

Боркманъ. Такъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ тебѣ такъ дорогъ?

Элла Рентгеймъ. Зачѣмъ иначе я взяла бы его къ себѣ? И держала у себя такъ долго, какъ только могла? Зачѣмъ бы я сдѣлала это?

Боркманъ. Я думалъ, изъ жалости. Какъ и все остальное.

Элла Рентгеймъ (съ глубокимъ внутреннимъ волненіемъ). Изъ жалости! Ха-ха! Я не знала жалости съ тѣхъ поръ, какъ ты измѣнилъ мнѣ. Я стала совершенно неспособна къ подобнымъ чувствамъ. Бывало, придетъ ко мнѣ въ кухню бѣдный, голодный, иззябшій ребенокъ и плачетъ, проситъ поѣсть, — я поручала его кухаркѣ. Никогда не чувствовала я потребности взять ребенка къ себѣ, согрѣть его у своего камина, порадоваться, глядя, какъ онъ ѣстъ досыта. Въ молодости я никогда не была такою; я это ясно помню. Лишь благодаря тебѣ, во мнѣ... и вокругъ меня все стало такъ пусто, безплодно, какъ въ пустынѣ. Сердце мое умерло.

Боркманъ. Только не для Эргарта?

Элла Рентгеймъ. Да. Не для твоего сына. А то для всего, для всего живого. Ты обманулъ меня, лишивъ материнскихъ радостей и счастья. И материнскихъ заботъ и слезъ тоже. И послѣднее было, пожалуй, самымъ горькимъ лишеніемъ для меня.

Боркманъ. Что ты, Элла!

Элла Рентгеймъ. Какъ знать? Можетъ-быть, мнѣ именно всего нужнѣе были бы материнскія заботы и слезы. (Съ всевозрастающимъ волненіемъ) Но я не въ силахъ была прими-

риться съ этимъ лишеніемъ тогда. Потому и взяла къ себѣ Эргарта. И сумѣла завоевать его. Завоевала его нѣжную, любящую дѣтскую душу. И онъ былъ моимъ всецѣло, пока... О!..

Боркманъ. Пока?..

Элла Рентгеймъ. Пока его мать... то-есть его родная мать не отняла его у меня.

Боркманъ. Вѣрно, такъ надо было. Надо было перевезти его въ городъ.

Элла Рентгеймъ (ломая руки). Но я не могу выносить одиночества! Пустоты! Утраты любви твоего сына!

Боркманъ (съ недобрымъ огонькомъ во взорѣ). Гм!.. Ты, вѣрно, и не утратила ея, Элла. Мудрено перенести свою любовь на... кого-нибудь тамъ... внизу.

Элла Рентгеймъ. Я лишилась своего Эргарта именно здѣсь. Она вновь завоевала его. Или еще кто-нибудь. Это ясно видно изъ его писемъ, которыя онъ мнѣ пишетъ отъ времени до времени.

Боркманъ. Такъ ты не за нимъ ли и пріѣхала сюда?

Элла Рентгеймъ. Да, будь только это возможно!..

Боркманъ. Возможно, если ты непремѣнно хочешь. Ты вѣдь имѣешь на него самыя большія, неотъемлемыя права.

Элла Рентгеймъ. Ахъ! Права, права! Что мнѣ права! Если онъ не вернется добровольно, онъ не будетъ моимъ всецѣло. А этого-то одного я и хочу! Я хочу, чтобы сердце моего ребенка было теперь моимъ, моимъ всецѣло, безраздѣльно!

Боркманъ. Не забудь, что Эргарту за двадцать. Долго владѣть его сердцемъ ты, конечно, не можешь разсчитывать. Безраздѣльно, какъ ты говоришь.

Элла Рентгеймъ (со скорбной улыбкой). Особенно долго и не нужно.

Боркманъ. Какъ? Я думалъ, что если ты чего добиваешься, такъ ужъ на всю жизнь.

Элла Рентгеймъ. Да. Но это не значитъ надолго.

Боркманъ (пораженный). Что ты хочешь сказать?

Элла Рентгеймъ. Ты, вѣрно, знаешь, что я все хвораю послѣдніе годы?

Боркманъ. Развѣ?

Элла Рентгеймъ. Ты не знаешь?

Боркманъ. Нѣтъ, собственно говоря...

Элла Рентгеймъ (съ изумленіемъ глядя на него). Эргартъ развѣ не разсказывалъ тебѣ?

Боркманъ. Сейчасъ, право, не припомню.

Элла Рентгеймъ. Можетъ-быть, и вовсе не говорилъ обо мнѣ?

Боркманъ. Нѣтъ, говорить то, я думаю, говорилъ. Я, впро-

чемъ, рѣдко вижу его. Почти совсѣмъ не вижу. Кто-то тамъ внизу... отстраняетъ его отъ меня. Понимаешь, отстраняетъ.

Элла Рентгеймъ. Ты увѣренъ въ этомъ, Боркманъ?

Боркманъ. Само собой. (Мѣняя тонъ) Такъ ты все хвораешь, Элла?

Элла Рентгеймъ. Да, хвораю. А теперь, осенью, мнѣ стало ужъ такъ плохо, что пришлось поѣхать сюда посовѣтоваться съ болѣе свѣдущими докторами.

Боркманъ. Ты, вѣрно, уже и совѣтовалась?

Элла Рентгеймъ. Да, утромъ сегодня.

Боркманъ. И что же?

Элла Рентгеймъ. Они подтвердили мои подозрѣнія, такъ что не остается ни малѣйшаго сомнѣнія.

Боркманъ. Ну?

Элла Рентгеймъ (просто и спокойно). Болѣзнь моя смертельна, Боркманъ.

Боркманъ. Э, полно тебѣ, Элла! Не вѣрь!

Элла Рентгеймъ. Отъ этой болѣзни нѣтъ излѣченія, нѣтъ спасенія. Врачи не знаютъ никакихъ средствъ. Надо предоставить ей идти своимъ чередомъ. Остановить нельзя. Развѣ облегчить немного. И то хорошо.

Боркманъ. Но вѣдь это можетъ еще долго протянуться, повѣрь мнѣ.

Элла Рентгеймъ. Зиму протяну, вѣроятно, — сказали мнѣ.

Боркманъ (разсѣянно). Ну да, зима вѣдь долго тянется.

Элла Рентгеймъ (тихо). Во всякомъ случаѣ, довольно долго протянется для меня.

Боркманъ (спохватясь). Но откуда, скажи на милость, взялась у тебя эта болѣзнь? Ты, разумѣется, вела здоровую, правильную жизнь... Откуда же это взялось?

Элла Рентгеймъ (глядя на него). Врачи говорятъ, что у меня, вѣрно, были тяжелыя нравственныя потрясенія.

Боркманъ (запальчиво). Нравственныя потрясенія! А, понимаю! Это, значитъ, моя вина!

Элла Рентгеймъ (съ все возрастающимъ внутреннимъ возбужденіемъ). Объ этомъ поздно толковать! Но, прежде чѣмъ меня не станетъ, мнѣ надо вернуть себѣ свою единственную сердечную привязанность! Мнѣ такъ невыразимо-тяжело думать, что я покину все живое, уйду отъ солнца, свѣта, воздуха, не оставивъ по себѣ здѣсь ни единой души, кто бы думалъ обо мнѣ, вспоминалъ меня съ любовью и грустью... какъ вспоминаетъ сынъ умершую мать.

Боркманъ (послѣ короткой паузы). Возьми его, Элла, если можешь

Элла Рентгеймъ (живо). Ты согласенъ? Ты можешь согласиться?

Боркманъ (угрюмо). Да. И это не Богъ вѣсть какая жертва съ моей стороны. Все равно онъ не мой.

Элла Рентгеймъ. Благодарю! Все-таки благодарю тебя за эту жертву! Но тогда я попрошу тебя еще объ одномъ... и это крайне важно для меня, Боркманъ.

Боркманъ. Такъ говори.

Элла Рентгеймъ. Ты, можетъ статься, сочтешь это ребячествомъ съ моей стороны... не поймешь меня...

Боркманъ. Да говори, говори же!

Элла Рентгеймъ. Меня скоро не будетъ, и послѣ меня останется немало.

Боркманъ. Да, да.

Элла Рентгеймъ. Все это я думаю оставить Эргарту.

Боркманъ. У тебя, въ сущности, и нѣтъ никого ближе.

Элла Рентгеймъ (съ теплымъ чувствомъ). Да, ближе него у меня нѣтъ никого.

Боркманъ. Никого изъ твоего собственнаго рода. Ты послѣдняя.

Элла Рентгеймъ (медленно кивая головой). Именно. И съ моею смертью... умретъ самое имя Рентгеймовъ. Эта мысль удручаетъ меня. Вычеркнута изъ жизни совсѣмъ. Даже имени не останется!..

Боркманъ (вскакивая). А, я вижу, куда ты клонишь!

Элла Рентгеймъ (страстно). Не дай же этому сбыться! Позволь Эргарту принять мое имя!

Боркманъ (сурово глядя на нее). Я понимаю тебя. Ты хочешь избавить моего сына отъ имени отца. Вотъ въ чемъ все дѣло.

Элла Рентгеймъ. Никогда! Я бы сама съ такою гордостью и радостью носила его вмѣстѣ съ тобою! Но пойми... мать, которая скоро умретъ... Имя связываетъ крѣпче, чѣмъ ты думаешь, Боркманъ!

Боркманъ (сухо и гордо). Хорошо, хорошо, Элла. У меня хватитъ мужества одному носить свое имя.

Элла Рентгеймъ (схвативъ его руки, крѣпко сжимаетъ ихъ). Благодарю, благодарю! Теперь мы вполнѣ квиты! Да, да, пусть будетъ такъ! Ты загладилъ все, что могъ. Когда я умру, послѣ меня останется жить Эргартъ Рентгеймъ!

(Маленькая дверь отворяется настежь, и на порогѣ показывается фру Боркманъ въ наброшенной на голову большой темной шали).

Фру Боркманъ (внѣ себя). Никогда въ жизни Эргартъ не будетъ носить этого имени!

Элла Рентгеймъ (отступая). Гунгильдъ!

Боркманъ (жестко, съ угрозой въ голосѣ). Никто не имѣетъ права входить сюда ко мнѣ!

Фру Боркманъ (дѣлая шагъ впередъ). Я присваиваю себѣ это право!

Боркманъ (бросаясь ей навстрѣчу). Что тебѣ нужно отъ меня?

Фру Боркманъ. Я хочу бороться за тебя, защитить тебя отъ злыхъ силъ!

Элла Рентгеймъ. Самыя злыя силы — въ тебѣ самой, Гунгильдъ!

Фру Боркманъ (жестко). И пусть такъ. (Угрожающе подымая руку) Но говорю тебѣ: онъ будетъ носить имя своего отца! И носить его съ честью! Онъ вновь прославитъ его! И я одна хочу быть его матерью! Я одна! Сердце моего сына должно принадлежать мнѣ. Мнѣ, и никому больше! (Уходитъ, закрывая за собою дверь).

Элла Рентгеймъ (вся дрожа, потрясенная до глубины души). Боркманъ!.. Эргартъ погибнетъ въ этой борьбѣ... Вы съ Гунгильдъ должны столковаться. Намъ надо сейчасъ же спуститься къ ней внизъ.

Боркманъ (глядя на нее). Намъ? И мнѣ тоже, по-твоему?

Элла Рентгеймъ. Обоимъ.

Боркманъ (качая головой). Ея не проймешь. Не проймешь, какъ ту руду, которую я когда-то мечталъ вызвать изъ скалъ на свѣтъ Божій.

Элла Рентгеймъ. Попытайся все-таки!

Боркманъ (не отвѣчая, нерѣшительно смотритъ на нее).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Гостиная фру Боркманъ. На столѣ передъ канапе попрежнему горитъ лампа. На балконѣ лампа потушена и темно.

Фру Боркманъ въ наброшенной на голову шали входитъ, сильно взволнованная, изъ передней, направляется къ окну и слегка откидываетъ гардину, затѣмъ садится у печки, но сейчасъ же вскакиваетъ, идетъ и звонитъ въ колокольчикъ. Ожидаетъ съ минуту; никто не является. Она звонитъ вторично сильнѣе. Немного погодя входитъ изъ передней горничная, заспанная, недовольная, въ наскоро наброшенномъ платьѣ.

Фру Боркманъ (съ нетерпѣніемъ). Куда вы пропали, Малѣне? Я звонила два раза!

Горничная. Слышала, барыня.

Фру Боркманъ. И не являлись!

Горничная (недовольнымъ тономъ). Надо же было накинуть на себя что-нибудь

Фру Боркманъ. Да, вамъ надо одѣться, какъ слѣдуетъ. Сейчасъ пойдете за моимъ сыномъ.

Горничная (съ удивленіемъ смотритъ на нее). За господиномъ студентомъ?

Фру Боркманъ. Да. Вы только передайте, что мнѣ надо поговорить съ нимъ, и чтобы онъ сейчасъ же шелъ домой.

Горничная (кисло). Такъ лучше разбудить управительскаго кучера.

Фру Боркманъ. Это зачѣмъ?

Горничная. Чтобы онъ заложилъ санки. Въ такую мятель, вечеромъ...

Фру Боркманъ. Пустяки. Только идите поскорѣе! Вѣдь это сейчасъ за угломъ.

Горничная. Нѣтъ, барыня, вовсе не за угломъ.

Фру Боркманъ. Да конечно же. Не знаете вы, что ли, гдѣ вилла адвоката Гинкеля?

Горничная (колко). Ахъ, вотъ что! Такъ господинъ студентъ тамъ сегодня?

Фру Боркманъ (пораженная). А гдѣ же ему быть иначе?

Горничная (удерживая улыбку). Я думала, гдѣ обыкновенно.

Фру Боркманъ. Гдѣ же?

Горничная. Да у этой... фру Вильтонъ, что ли, какъ ее зовутъ.

Фру Боркманъ. У фру Вильтонъ? Мой сынъ вовсе не бываетъ тамъ такъ часто.

Горничная (бормочетъ). Говорятъ, каждый Божій день.

Фру Боркманъ. Все это однѣ сплетни, Малѣне. Такъ ступайте къ адвокату Гинкелю и постарайтесь вызвать Эргарта.

Горничная (тряхнувъ головой). Да что-жъ, пойти-то пойду.

(Направляется къ дверямъ въ переднюю: въ ту же минуту двери отворяются, и на порогѣ показываются Элла Рентгеймъ и Боркманъ).

Фру Боркманъ (отшатываясь). Что это значитъ?

Горничная (испуганно всплескиваетъ руками). Охъ, Господи!

Фру Боркманъ (шопотомъ ей). Скажите, чтобы онъ шелъ сію минуту!

Горничная (тихо). Хорошо.

(Элла Рентгеймъ и за ней Боркманъ входятъ въ комнату; горничная, прошмыгнувъ мимо нихъ въ дверь, закрываетъ ее за собою. Короткая пауза).

Фру Боркманъ (овладѣвъ собою, обращается къ Эллѣ). Что ему нужно здѣсь у меня?

Элла Рентгеймъ. Онъ хочетъ попытаться объясниться съ тобою, Гунгильдъ.

Фру Боркманъ. Этого онъ еще никогда не пытался.

Элла Рентгеймъ. Сегодня онъ хочетъ.

Фру Боркманъ. Въ послѣдній разъ мы стояли лицомъ къ лицу... на судѣ, когда меня вызывали для объясненій...

Боркманъ (подходя ближе). А сегодня я хочу дать объясненія.

Фру Боркманъ (смотритъ на него). Ты!

Боркманъ. Не насчетъ моего проступка. Онъ извѣстенъ всему свѣту.

Фру Боркманъ (съ тяжелымъ вздохомъ). Да, это святая истина. Онъ извѣстенъ всему свѣту.

Боркманъ. Но свѣту неизвѣстно, почему я дошелъ до него. Почему я долженъ былъ дойти. Люди не понимаютъ, что я долженъ былъ поступить такъ, потому что я былъ самимъ собой — Йономъ-Габріелемъ Боркманомъ, а не кѣмъ инымъ. Вотъ это-то я и хочу попытаться выяснить тебѣ.

Фру Боркманъ (качая головой). Не нужно. Побужденія никого не оправдываютъ. Влеченія тоже.

Боркманъ. Оправдываютъ—въ собственныхъ глазахъ человѣка.

Фру Боркманъ (отмахиваясь рукой). Ахъ, оставь это! Я ужъ довольно думала о твоихъ темныхъ дѣлахъ.

Боркманъ. Я тоже. За тѣ пять безконечныхъ лѣтъ въ одиночной камерѣ... и въ другомъ мѣстѣ... у меня было довольно досуга. А за эти восемь лѣтъ наверху, въ залѣ — еще больше. Я пересмотрѣлъ свое дѣло вновь... самолично. И не разъ. Я самъ былъ своимъ обвинителемъ, своимъ защитникомъ и своимъ судьей. Болѣе безпристрастнымъ, чѣмъ кто-либо другой, — осмѣлюсь сказать. Я ходилъ тамъ взадъ и впередъ по залѣ и разсматривалъ, переворачивалъ на всѣ лады каждый свой поступокъ. Разсматривалъ со всѣхъ сторонъ такъ же безпощадно, такъ же безжалостно, какъ любой адвокатъ. И вотъ постоянный результатъ всѣхъ моихъ размышленій: если я и виноватъ, то лишь передъ самимъ собою.

Фру Боркманъ. Даже не передо мною? И не передъ сыномъ?

Боркманъ. Ты и онъ подразумѣваетесь само собою, разъ я говорю о себѣ.

Фру Боркманъ. А передъ сотнями другихъ? Передъ тѣми, кого ты, говорятъ, разорилъ?

Боркманъ (разгорячаясь). Въ моихъ рукахъ была власть! И потомъ... это непреодолимое внутреннее влеченіе! По всей странѣ были разсыпаны скованные милліоны, зарытые глубоко въ нѣдрахъ скалъ, и взывали ко мнѣ! Молили объ освобожденіи! И никто другой не слышалъ ихъ. Я одинъ!

Фру Боркманъ. Да, къ позору имени Боркманъ.

Боркманъ. Посмотрѣлъ бы я, какъ бы это другіе на моемъ мѣстѣ, будь у нихъ въ рукахъ та же власть, не поступили бы точь въ точь, какъ я!

Фру Боркманъ. Никто, никто, кромѣ тебя, не сдѣлалъ бы этого!

Боркманъ. Можетъ-быть, и нѣтъ. Но тогда потому лишь, что они не обладали бы тѣми силами и способностями, какъ я. А если-бъ они и сдѣлали, то совсѣмъ по инымъ побужденіямъ, чѣмъ я. Тогда и самое дѣло вышло бы инымъ. Однимъ словомъ—я оправдалъ самого себя.

Элла Рентгеймъ (мягко и умоляюще). Тебѣ ли говорить такъ увѣренно, Боркманъ?..

Боркманъ (кивая головой). Оправдалъ себя въ *томъ* дѣлѣ. Но затѣмъ я пришелъ къ страшному, уничтожающему самообвиненію.

Фру Боркманъ. Къ какому же это?

Боркманъ. Я потерялъ даромъ восемь дорогихъ лѣтъ, расхаживая тамъ наверху! Я долженъ былъ тотчасъ же, какъ вышелъ на свободу, вновь отдаться дѣйствительности... несокрушимой, чуждой всякихъ мечтаній дѣйствительности. Я долженъ былъ опять начать снизу и вновь подняться на прежнюю высоту... стать еще выше, чѣмъ прежде. Вопреки всему, что было!

Фру Боркманъ. О, повѣрь мнѣ, это значило бы пережить сызнова все старое и—только.

Боркманъ (качаетъ головой и внушительно смотритъ на нее). Новаго ничего и не бываетъ. Но и то, что было, также не повторяется. Взглядъ измѣняетъ дѣло. Переродившійся взглядъ измѣняетъ и старое дѣйствіе. (Обрывая) Ну, да тебѣ не понять.

Фру Боркманъ (рѣзко). Дѣйствительно не понять.

Боркманъ. Вотъ оно мое проклятіе,—никто никогда не понималъ меня... ни одна душа въ мірѣ.

Элла Рентгеймъ (глядитъ на него). Никто, Боркманъ?

Боркманъ. Исключая одной... быть-можетъ. Давнымъ-давно. Въ тѣ дни еще, когда мнѣ казалось, что я не нуждаюсь въ пониманіи. А послѣ—никогда, никто! И у меня не было никого, кто бы бодрствовалъ возлѣ меня, былъ бы готовъ воззвать ко мнѣ, когда нужно, пробудить меня, какъ ударомъ утренняго колокола... побудить вновь бодро взяться за дѣло!.. Внушить мнѣ, что я не совершилъ ничего непоправимаго!

Фру Боркманъ (съ презрительной усмѣшкой). Такъ ты все-таки нуждаешься въ такомъ внушеніи со стороны?

Боркманъ (вскипая гнѣвомъ). Да, если весь свѣтъ шипитъ хоромъ, что ты погибшій человѣкъ, то поневолѣ иногда поддашься и готовъ бываешь самъ повѣрить этому. (Гордо вскидывая голову) Но затѣмъ во мнѣ опять подымается мое внутреннее торжествующее убѣжденіе. И оно оправдываетъ меня.

Фру Боркманъ (бросая на него холодный, жесткій взглядъ). Почему ты никогда не попытался поискать у *меня* того пониманія,—какъ ты говоришь?

Боркманъ. Что толку—если бы и пытался?

Фру Боркманъ (дѣлая отстраняющій жестъ рукою). Ты никогда не любилъ никого, кромѣ себя самого,—вотъ въ чемъ вся суть.

Боркманъ (гордо). Я любилъ власть...

Фру Боркманъ. Власть, да!

Боркманъ. ...Власть — создавать, распространять человѣческое счастье далеко-далеко вокругъ себя!

Фру Боркманъ. Въ твоей власти было когда-то сдѣлать счастливою меня. Воспользовался ты ею?

Боркманъ (не глядя на нее). Дѣло рѣдко обходится безъ жертвъ... при крушеніи...

Фру Боркманъ. А сына? Пользовался ли ты своей властью... жилъ ли когда-нибудь ради его счастья?

Боркманъ. Я не знаю его.

Фру Боркманъ. Правда. Ты даже не знаешь его.

Боркманъ (жестко). Объ этомъ позаботилась ты, его мать.

Фру Боркманъ (высокомѣрно смотритъ на него). О, ты еще не знаешь, о чемъ я позаботилась!

Боркманъ. Ты?

Фру Боркманъ. Именно. Я одна.

Боркманъ. Такъ скажи.

Фру Боркманъ. Я позаботилась о твоей посмертной славѣ.

Боркманъ (съ отрывистымъ, глухимъ смѣхомъ). О моей посмертной славѣ? Вотъ какъ! Право, точно я уже умеръ.

Фру Боркманъ (многозначительно). Такъ оно и есть.

Боркманъ (медленно). Да, ты, пожалуй, права. (Вдругъ вспыхивая) Но нѣтъ, нѣтъ! Нѣтъ еще! Я былъ близокъ къ этому, очень близокъ. Но теперь я проснулся. Вновь ожилъ. Передо мной еще цѣлая жизнь. Я вижу ее, эту новую, свѣтлую жизнь... Она еще въ броженіи и ждетъ меня. Погоди, и ты ее увидишь.

Фру Боркманъ (поднимая руку). И не мечтай больше о жизни! Оставайся смирно тамъ, гдѣ лежишь!

Элла Рентгеймъ (съ негодованіемъ). Гунгильдъ! Гунгильдъ! Какъ ты можешь!..

Фру Боркманъ (не слушая ее). И я воздвигну памятникъ надъ могилой!

Боркманъ. Позорный столбъ... что ли?

Фру Боркманъ (съ все возрастающимъ жаромъ). Нѣтъ, это не будетъ памятникъ изъ камня или изъ металла. И никто не вырѣжетъ на воздвигнутомъ мною памятникѣ оскорбительной

надписи. Вокругъ твоей могильной жизни словно сгустятся живою изгородью молодые отпрыски — кусты и деревья. Они закроютъ все, что было темнаго въ твоей жизни. Скроютъ отъ глазъ людскихъ Пона-Габріеля Боркмана во мракѣ забвенія!

Боркманъ (хрипло и рѣзко). И ты берешься совершить это доброе дѣло?

Фру Боркманъ. Не собственными силами. Объ этомъ я не смѣю думать. Но я воспитала себѣ помощника, который положитъ на это дѣло всю свою жизнь. Его жизнь будетъ такъ чиста, высока и свѣтла, что всякій слѣдъ твоей темной жизни будетъ стертъ съ лица земли!

Боркманъ (мрачно и грозно). Говори прямо — ты подразумѣваешь Эргарта.

Фру Боркманъ (глядя на нее въ упоръ). Да, Эргарта. Своего сына, отъ котораго ты готовъ отречься... во искупленіе своихъ дѣяній.

Боркманъ (бросивъ взглядъ на Эллу). Во искупленіе самой тяжкой моей вины.

Фру Боркманъ (махнувъ рукой). Вины передъ лицомъ постороннимъ — не больше. Нѣтъ, ты вспомни свою вину передо мною! (Торжествующе глядя на обоихъ) Но онъ не послушается васъ! Когда я крикну ему въ часъ нужды, онъ придетъ! Онъ захочетъ быть со мной! Со мной, и ни съ кѣмъ другимъ! (Прислушивается, и вскрикиваетъ) Я слышу... Это онъ! Это онъ! Эргартъ!

(Дверь распахивается, и вбѣгаетъ Эргартъ въ пальто и шляпѣ).

Эргартъ (блѣдный, испуганный). Мама! Ради Бога... что случилось?.. (Замѣчаетъ Боркмана, стоящаго налѣво у балконной двери, вздрагиваетъ и снимаетъ шляпу. Послѣ короткой паузы) Зачѣмъ ты вызвала меня, мама? Что случилось?

Фру Боркманъ (простирая къ нему руки). Я хочу видѣть тебя, Эргартъ! Хочу, чтобы ты былъ со мной—всегда!

Эргартъ (запинаясь). Былъ съ тобою?.. Всегда! Что ты хочешь сказать?

Фру Боркманъ. Чтобы ты всегда былъ со мной, со мной! Тебя хотятъ отнять у меня!

Эргартъ (пораженный, отступаетъ назадъ). А, такъ ты уже знаешь!

Фру Боркманъ. Да. И ты тоже?

Эргартъ (въ недоумѣніи). И я тоже? Конечно...

Фру Боркманъ. Ага! Вы уже сговорились! За моей спиной! Эргартъ! Эргартъ!

Эргартъ (быстро). Мама! Скажи мнѣ, что ты знаешь?

Фру Боркманъ. Все. Я знаю, что твоя тетка пріѣхала сюда отнять тебя у меня.

Эргартъ. Тетя Элла!

Элла Рентгеймъ. Нѣтъ, выслушай сначала меня, Эргартъ!

Фру Боркманъ (продолжая). Она хочетъ, чтобы я уступила тебя ей! Хочетъ быть тебѣ вмѣсто матери, Эргартъ! Хочетъ, чтобы ты съ этихъ поръ былъ ея сыномъ, а не моимъ. Хочетъ сдѣлать тебя своимъ наслѣдникомъ. Отнять у тебя твое имя и дать взамѣнъ свое!

Эргартъ. Тетя Элла, правда ли?

Элла Рентгеймъ. Правда.

Эргартъ. Въ первый разъ слышу. Зачѣмъ же ты хочешь опять взять меня къ себѣ, тетя?

Элла Рентгеймъ. Я чувствую, что теряю тебя здѣсь.

Фру Боркманъ (жестко). Я отнимаю его у тебя! Что-жъ, это вѣдь въ порядкѣ вещей...

Элла Рентгеймъ (глядя на него съ мольбою). Эргартъ! Я не въ силахъ потерять тебя. Вспомни, я одинокая... умирающая женщина.

Эргартъ. Умирающая?..

Элла Рентгеймъ. Да, умирающая. Такъ хочешь ты остаться при мнѣ до конца? Быть моимъ всецѣло? Быть для меня какъ бы роднымъ сыномъ...

Фру Боркманъ (перебивая). ...И измѣнить своей матери, а быть-можетъ, и своей жизненной задачѣ? Согласенъ ты на это, Эргартъ?

Элла Рентгеймъ. Я приговорена къ смерти. Отвѣчай мнѣ, Эргартъ!

Эргартъ (взволнованно, горячо). Тетя Элла... ты была такъ безгранично добра ко мнѣ. Благодаря тебѣ мое дѣтство было такъ безмятежно-счастливо, какъ только, я думаю, можетъ быть вообще...

Фру Боркманъ. Эргартъ, Эргартъ!

Элла Рентгеймъ (Эргарту). Какая радость для меня, что ты еще можешь смотрѣть на него такъ!

Эргартъ. ...Но я не могу теперь принести тебѣ себя въ жертву. Не могу посвятить тебѣ себя всецѣло, какъ сынъ...

Фру Боркманъ (съ торжествомъ). Я такъ и знала! Тебѣ не взять его, Элла! Не взять!

Элла Рентгеймъ (удрученно). Вижу. Ты отвоевала его.

Фру Боркманъ. Да, да... онъ мой и останется моимъ! Эргартъ... не правда ли?.. Намъ съ тобой предстоитъ еще пройти добрый путь рука объ руку.

Эргартъ (борясь съ собой). Мама! Лучше ужъ признаться тебѣ во всемъ, какъ есть...

Фру Боркманъ (напряженно). Ну?

Эргартъ. Пожалуй, ужъ небольшой путь остался намъ идти съ тобой рука объ руку, мама.

Фру Боркманъ (какъ пораженная громомъ). Что ты хочешь сказать этимъ?

Эргартъ (собравшись съ духомъ). Ахъ, мама, я же молодъ! Право, я наконецъ задохнусь тутъ въ четырехъ стѣнахъ!

Фру Боркманъ. Тутъ... у меня!

Эргартъ. Ну да, у тебя, мама.

Элла Рентгеймъ. Такъ поѣдемъ со мной, Эргартъ!

Эргартъ. О, тетя! И у тебя ничуть не лучше. Только въ другомъ родѣ. Но не лучше. Для меня не лучше. Розы, лаванды... та же духота, что и здѣсь.

Фру Боркманъ (потрясенная, но уже овладѣвшая собою). Здѣсь, у твоей матери, духота, говоришь ты!

Эргартъ (съ возрастающимъ раздраженіемъ). Да я не знаю, какъ и назвать иначе. Эта вѣчная болѣзненная заботливость... это обожаніе... или что тамъ еще! Я больше не вынесу этого!

Фру Боркманъ (устремивъ на него глубокій, серьезный взглядъ). Ты забываешь, чему посвятилъ свою жизнь, Эргартъ?

Эргартъ (порывисто). Скажи лучше, чему ты посвятила мою жизнь! Твоя воля была моей! Я никогда не смѣлъ имѣть своей! Но теперь я больше не вынесу такого ига! Я молодъ! Пойми, мама! (Съ вѣжливо-почтительнымъ взглядомъ въ сторону Боркмана) Я не могу посвятить свою жизнь на искупленіе чужой жизни. Чьей бы то ни было.

Фру Боркманъ (съ возрастающимъ страхомъ). Кто это такъ измѣнилъ тебя, Эргартъ?

Эргартъ (пораженный). Кто?.. Да развѣ я самъ не могъ бы?..

Фру Боркманъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Ты подпалъ подъ чье-то чужое вліяніе! Ты уже не подъ вліяніемъ матери. И даже не подъ вліяніемъ пріемной матери.

Эргартъ (нѣсколько принужденно и въ то же время упрямо). Я самъ себѣ господинъ, мама! У меня своя воля!

Боркманъ (дѣлая шагъ впередъ). Такъ, пожалуй, пора заговорить и мнѣ.

Эргартъ (холодно и формально-вѣжливо). То-есть?.. Что вамъ будетъ угодно сказать, отецъ?

Фру Боркманъ (презрительно). Да, и я спрошу о томъ же.

Боркманъ (невозмутимо). Слушай, Эргартъ... такъ хочешь примкнуть къ отцу? Человѣка павшаго не поднять жизнью, подвигомъ другого человѣка. Все это однѣ пустыя мечты, басни, сплетенныя для тебя тутъ... въ этой духотѣ. Живи ты себѣ хоть какъ всѣ святые вмѣстѣ — мнѣ это не поможетъ ни на волосъ.

Эргартъ (вѣжливо-почтительно). Каждое слово—сама истина.

Боркманъ. Да. И мнѣ тоже не къ чему медленно убивать себя тутъ раскаяніемъ да самобичеваніемъ. Всѣ эти годы... я пытался искать спасенія въ мечтахъ и въ надеждахъ. Но все это не по мнѣ. И я хочу покончить съ мечтами.

Эргартъ (съ легкимъ поклономъ). И что же... вы намѣрены сдѣлать, отецъ?

Боркманъ. Встать самъ. Начать сначала, снизу. Искупить прошлое можно только настоящимъ и будущимъ. Трудомъ, неустаннымъ трудомъ во имя всего того, что въ молодости представлялось мнѣ самою жизнью. А теперь — въ тысячу разъ дороже, чѣмъ тогда. Эргартъ... хочешь примкнуть ко мнѣ и помочь мнѣ начать эту новую жизнь?

Фру Боркманъ (предостерегающе поднимая руку). Не соглашайся, Эргартъ!

Элла Рентгеймъ (горячо). Нѣтъ, согласись! Помоги ему, Эргартъ!

Фру Боркманъ. И ты совѣтуешь это? Ты, одинокая... умирающая?..

Элла Рентгеймъ. О, со мной будь, что будетъ. Все равно.

Фру Боркманъ. Лишь бы не я отняла его у тебя.

Элла Рентгеймъ. Вотъ именно, Гунгильдъ!

Боркманъ. Что же, Эргартъ?

Эргартъ (въ мучительномъ затрудненіи). Отецъ... я не могу теперь. Это прямо невозможно!

Боркманъ. Такъ чего же ты хочешь наконецъ?

Эргартъ (съ жаромъ). Я молодъ! Я тоже хочу пожить настоящею жизнью! Своею собственною жизнью!

Элла Рентгеймъ. И не можешь даже пожертвовать мѣсяцемъ-другимъ, чтобы освѣтить, согрѣть жалкую... догорающую жизнь?

Эргартъ. Не могу, тетя, какъ бы ни хотѣлъ!

Элла Рентгеймъ. Для той, которая такъ безконечно любитъ тебя?

Эргартъ. Клянусь тебѣ жизнью, тетя Элла,—не могу!

Фру Боркманъ (строго глядя на него). И мать также не привязываетъ тебя больше?

Эргартъ. Мама! Я всегда буду привязанъ къ тебѣ! Но я не могу больше жить для тебя одной. Это вѣдь не жизнь для меня, пойми!

Боркманъ. Такъ примкни же ко мнѣ: жизнь — это трудъ, Эргартъ. Пойдемъ, вступимъ въ жизнь вмѣстѣ, будемъ трудиться рука объ руку.

Эргартъ (возбужденно). Да не хочу я теперь трудиться! Я

вѣдь молодъ! Прежде я никогда не чувствовалъ этого. Но теперь чувствую—всѣмъ существомъ! Это чувство жжетъ меня, какъ огнемъ. Я не хочу трудиться! Я хочу жить, жить, жить!

Фру Боркманъ (волнуясь отъ предчувствія). Эргартъ... для чего же ты хочешь жить?

Эргартъ (съ сіяющими глазами). Для счастья, мама!

Фру Боркманъ. А гдѣ думаешь ты найти его?

Эргартъ. Я уже нашелъ его!

Фру Боркманъ (вскрикивая). Эргартъ!..

Эргартъ (быстро идетъ и растворяетъ дверь въ переднюю). Фанни, теперь ты можешь войти.

(На порогѣ показывается фру Вильтонъ въ манто и шляпкѣ).

Фру Боркманъ (воздѣвъ руки). Фру Вильтонъ!..

Фру Вильтонъ (нѣсколько смущенная и вопросительно глядя на Эргарта). Такъ я могу?..

Эргартъ. Да, теперь ты можешь войти, я все сказалъ.

(Фру Вильтонъ входитъ въ комнату. Эргартъ затворяетъ за нею дверь. Она почтительно-холодно кланяется Боркману, который молча отвѣчаетъ на ея поклонъ. Короткая пауза).

Фру Вильтонъ (глухимъ, но твердымъ голосомъ). Итакъ, все уже сказано. И я не могу, конечно, не сознавать, что на меня смотрятъ здѣсь, какъ на человѣка, который внесъ въ домъ большое несчастье.

Фру Боркманъ (пристально глядя на нее; медленно). Вы разрушили послѣднее, что еще привязывало меня къ жизни. (Порывисто) Но это... все-таки совершенно невозможно.

Фру Вильтонъ. Я хорошо понимаю, что вамъ это должно казаться совершенно невозможнымъ, фру Боркманъ.

Фру Боркманъ. Полагаю, вы и сами должны понимать, что это невозможно. Или какъ по-вашему?..

Фру Вильтонъ. По-моему, это скорѣе просто несуразно. И тѣмъ не менѣе это такъ.

Фру Боркманъ (отворачиваясь отъ нея). И ты вполнѣ серьезно рѣшился на это, Эргартъ?

Эргартъ. Въ этомъ мое счастье, мама. Огромное, дивное счастье! Вотъ все, что я могу сказать.

Фру Боркманъ (стискивая руки). О, какъ вы завлекли, обольстили моего несчастнаго сына!

Фру Вильтонъ (гордо закидывая голову). Я этого не дѣлала.

Фру Боркманъ. Не дѣлали!

Фру Вильтонъ. Нѣтъ. Я не обольщала и не завлекала вашего сына. Эргарта самого тянуло ко мнѣ. И я встрѣтила его на полдорогѣ.

Фру Боркманъ (презрительно смѣривая ее взглядомъ). Вы-то, еще бы!

Фру Вильтонъ (сдержанно.) Фру Боркманъ... въ жизни человѣческой дѣйствуютъ такія силы, которыя вамъ, повидимому, мало знакомы.

Фру Боркманъ. Какія же это силы, позвольте спросить?

Фру Вильтонъ. Силы, побуждающія двухъ людей связывать свою судьбу неразрывными узами... несмотря ни на что.

Фру Боркманъ (съ усмѣшкой). Мнѣ кажется, вы были уже неразрывно связаны—съ другимъ.

Фру Вильтонъ (рѣзко). Этотъ другой покинулъ меня.

Фру Боркманъ. Но, говорятъ, онъ живъ.

Фру Вильтонъ. Для меня онъ умеръ.

Эргартъ (убѣдительно). Да, мама! Для Фанни онъ умеръ. Да наконецъ мнѣ нѣтъ до него никакого дѣла.

Фру Боркманъ (строго смотритъ на него). Такъ тебѣ извѣстно... о томъ, другомъ?

Эргартъ. Да, мама, извѣстно, отлично извѣстно все!

Фру Боркманъ. И все-таки тебѣ нѣтъ дѣла до этого!

Эргартъ (съ юношескимъ задоромъ и страстно). Я могу только сказать тебѣ, что хочу одного — счастья! Я молодъ! Я хочу жить, жить, жить!

Фру Боркманъ. Да, ты молодъ, Эргартъ. Слишкомъ молодъ для этого.

Фру Вильтонъ (твердо и серьезно). Не думайте, фру Боркманъ, — я говорила ему то же самое. Я сразу выяснила ему всѣ обстоятельства моей жизни. И постоянно твердила ему, что я на цѣлыхъ семь лѣтъ старше его...

Эргартъ (перебивая). Ахъ, Фанни... Я зналъ это и прежде...

Фру Вильтонъ. ...Но ничто не помогло.

Фру Боркманъ. Вотъ какъ? Не помогло? Почему же вы просто-напросто не оттолкнули его? Не отказали ему отъ дома? Вотъ что вамъ слѣдовало сдѣлать въ свое время.

Фру Вильтонъ (смотритъ на нее и затѣмъ глухо говоритъ). Этого я попросту не могла сдѣлать, фру Боркманъ.

Фру Боркманъ. Почему такъ?

Фру Вильтонъ. Потому что и для меня дѣло шло о счастьѣ.

Фру Боркманъ (презрительно). Гм... Счастье, счастье!..

Фру Вильтонъ. Я никогда не знала прежде, что такое счастье. И не могу же я оттолкнуть отъ себя счастье только потому, что оно явилось такъ поздно.

Фру Боркманъ. А долго ли, по-вашему, продлится это счастье?

Эргартъ (перебивая). Долго ли, нѣтъ ли—все равно!

Фру Боркманъ (гнѣвно). Ты просто ослѣпленъ! Не видишь ты развѣ, куда все это заведетъ тебя?

Эргартъ. Я не хочу заглядывать впередъ! Не хочу озираться! Я только хочу, въ свою очередь, пожить настоящею жизнью!

Фру Боркманъ (горестно). И это ты называешь жизнью, Эргартъ!

Эргартъ. Да! Развѣ ты не видишь, какъ она хороша!

Фру Боркманъ (ломая руки). Итакъ, еще и этотъ позоръ должна я принять на свою голову!

Боркманъ (въ глубинѣ комнаты; жестко и рѣзко). Ну, тебѣ вѣдь не привыкать стать, Гунгильдъ.

Элла Рентгеймъ (умоляюще). Боркманъ!..

Эргартъ (такъ же). Отецъ!..

Фру Боркманъ. Такъ мнѣ изо дня въ день придется видѣть своего сына вмѣстѣ съ такой... такой...

Эргартъ (перебивая, рѣзко). Ничего тебѣ не придется видѣть, мама. Будь спокойна. Я не останусь здѣсь дольше.

Фру Вильтонъ (быстро и рѣшительно). Мы уѣзжаемъ, фру Боркманъ.

Фру Боркманъ (блѣднѣя). И вы тоже? Вмѣстѣ, можетъ-быть?

Фру Вильтонъ (кивая головой). Я уѣзжаю на югъ. За границу. Вмѣстѣ съ одной молодой дѣвушкой. И Эргартъ съ нами.

Фру Боркманъ. Съ вами... и съ молодой дѣвушкой?

Фру Вильтонъ. Да. Это Фрида Фольдаль, которую я взяла къ себѣ. Я хочу, чтобы она тамъ серьезно занялась музыкой.

Фру Боркманъ. Такъ и она будетъ съ вами?

Фру Вильтонъ. Не могу же я бросить тамъ дѣвочку одну.

Фру Боркманъ (подавляя усмѣшку). А ты что скажешь на это, Эргартъ?

Эргартъ (нѣсколько смущенно, пожимая плечами). Что-жъ, если Фанни непремѣнно желаетъ, то...

Фру Боркманъ (холодно). Когда ѣдетъ компанія, если можно спросить?

Фру Вильтонъ. Сейчасъ же, ночью. Мой возокъ готовъ... стоитъ у виллы Гинкеля.

Фру Боркманъ (смѣривая ее взглядомъ). Ага... вотъ, значитъ, какой тамъ былъ вечеръ!

Фру Вильтонъ (съ улыбкой). Кромѣ меня съ Эргартомъ никого и не было. Да еще Фрида, разумѣется.

Фру Боркманъ. А гдѣ же она теперь?

Фру Вильтонъ. Сидитъ въ возкѣ и ждетъ насъ.

Эргартъ (въ мучительномъ смущеніи). Мама... ты поймешь, конечно?.. Я хотѣлъ пощадить тебя... избавить тебя... и всѣхъ насъ отъ всего этого.

Фру Боркманъ (глядитъ на него, глубоко оскорбленная). Ты хотѣлъ уѣхать, не простясь со мною?

Эргартъ. Мнѣ казалось, такъ будетъ лучше. Лучше для всѣхъ. Все вѣдь было въ порядкѣ. Вещи уложены. Но тутъ ты прислала за мною... (Протягиваетъ ей руки) Прощай же, мама.

Фру Боркманъ (отстраняя его). Оставь меня!

Эргартъ (опѣшивъ). И это твое послѣднее слово?

Фру Боркманъ (сурово). Да.

Эргартъ (обращаясь къ Эллѣ Рентгеймъ). Такъ простимся съ тобою, тетя Элла.

Элла Рентгеймъ (сжимая ему руки). Прощай, Эргартъ! Живи своею жизнью... и будь счастливъ... счастливъ... какъ только можешь!..

Эргартъ. Благодарю, тетя! (Дѣлая поклонъ въ сторону Боркмана) Прощайте, отецъ. (Шопотомъ фру Вильтонъ) Уйдемъ же; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Фру Вильтонъ (такъ же тихо). Уйдемъ, уйдемъ.

Фру Боркманъ (съ недоброю усмѣшкой). Фру Вильтонъ... по-вашему, вы умно поступаете, забирая съ собою молодую дѣвушку?

Фру Вильтонъ (также усмѣхаясь; полушутя, полусерьезно). Мужчины такъ непостоянны, фру Боркманъ. Да и женщины тоже. Когда Эргартъ покончитъ со мной... а я съ нимъ, то недурно будетъ для насъ обоихъ, если у него, бѣднаго, останется кто-нибудь въ запасѣ.

Фру Боркманъ. А вы-то сами какъ же?

Фру Вильтонъ. О, я-то ужъ устроюсь, не безпокойтесь! Прощайте!

(Дѣлаетъ общій поклонъ и уходитъ въ переднюю; Эргартъ съ минуту какъ бы колеблется, но затѣмъ поворачивается и слѣдуетъ за нею).

Фру Боркманъ (опустивъ стиснутыя руки). Бездѣтна!

Боркманъ (какъ бы пробудившись и внезапно придя къ рѣшенію). Такъ одинъ навстрѣчу бурѣ! Моя шляпа, моя шинель!.. (Спѣшитъ къ дверямъ).

Элла Рентгеймъ (въ страхѣ останавливаетъ его). Йонъ-Габріель, куда ты?

Боркманъ. Навстрѣчу бурямъ жизни! Пусти, Элла!

Элла Рентгеймъ (крѣпко держа его). Нѣтъ, нѣтъ, не пущу! Ты боленъ. Я вижу по твоему лицу!

Боркманъ. Пусти, говорятъ тебѣ! (Вырывается и уходитъ въ переднюю).

Элла Рентгеймъ (въ дверяхъ). Помоги мнѣ удержать его, Гунгильдъ!

Фру Боркманъ (холодно и сурово, не двигаясь съ мѣста). Я не удерживаю никого. Пусть хоть всѣ уходятъ отъ меня! И тотъ и другой! Хоть на край свѣта... куда хотятъ! (Внезапно, съ раздирающимъ душу воплемъ) Эргартъ, не уѣзжай! (Кидается съ распростертыми руками къ дверямъ. Элла Рентгеймъ удерживаетъ ее).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Открытая площадка передъ главнымъ домомъ, лежащимъ направо. Отъ дома виденъ только одинъ уголокъ съ подъѣздомъ и ведущими къ нему отлогими каменными ступенями. На заднемъ планѣ поросшіе соснами крутые обрывы. Налѣво рѣденькая опушка лѣса. Вьюга прекратилась, устлавъ землю снѣгомъ; сосны также всѣ въ снѣгу. Темно. По небу бѣгутъ облака. По временамъ чуть просвѣчиваетъ луна. Отъ снѣга ложится на все окружающее слабый отблескъ.

Боркманъ, фру Боркманъ и Элла Рентгеймъ стоятъ на верхней ступени подъѣзда. Боркманъ устало прислонился къ стѣнѣ дома. На плечахъ у него старомодная шинель; въ одной рукѣ сѣрая мягкая шляпа, а въ другой суковатая дубинка. Элла Рентгеймъ держитъ свое манто перекинутымъ черезъ руку. Фру Боркманъ въ черной шали, которая сползла у нея съ головы, обнаживъ волосы.

Элла Рентгеймъ (загораживая ей дорогу). Не ходи за нимъ, Гунгильдъ!

Фру Боркманъ (въ страхѣ и волненіи). Пусти меня! Онъ не долженъ покидать меня!

Элла Рентгеймъ. Да вѣдь это же ни къ чему, говорю тебѣ! Тебѣ не догнать его!

Фру Боркманъ. Пусти меня все-таки! Я закричу ему вслѣдъ съ холма. Онъ услышитъ вопль матери!

Элла Рентгеймъ. Онъ не можетъ услышать тебя. Онъ уже, вѣрно, сидитъ въ возкѣ.

Фру Боркманъ. Нѣтъ, нѣтъ... Онъ еще не успѣлъ...

Элла Рентгеймъ. Онъ давно сидитъ въ возкѣ, повѣрь мнѣ.

Фру Боркманъ (въ отчаяніи). А если сидитъ... то сидитъ съ ней, съ ней, съ ней!

Боркманъ (съ глухимъ смѣхомъ). И тогда ужъ навѣрное не услышитъ вопля матери.

Фру Боркманъ. Да, не услышитъ. (Прислушивается) Тсс! Что это?

Элла Рентгеймъ (также прислушиваясь). Какъ будто колокольчики?

Фру Боркманъ (глухо вскрикиваетъ). Это ея возокъ!

Элла Рентгеймъ. Можетъ-быть, и другой чей...

Фру Боркманъ. Нѣтъ, нѣтъ! Это возокъ фру Вильтонъ! Я

узнаю звонъ серебряныхъ колокольчиковъ! Слышишь! Сейчасъ они проѣдутъ мимо насъ... внизу, подъ холмомъ!

Элла Рентгеймъ (быстро). Гунгильдъ, если хочешь крикнуть— крикни сейчасъ! Можетъ-быть, онъ все-таки... (Звонъ колокольчиковъ приближается, раздаваясь въ лѣсу). Скорѣе, Гунгильдъ! Теперь они какъ разъ тутъ внизу!

Фру Боркманъ (стоитъ съ минуту въ нерѣшимости, затѣмъ вдругъ словно застываетъ: твердо и холодно). Нѣтъ. Я не крикну. Пусть Эргартъ Боркманъ проѣдетъ мимо, уѣдетъ далеко-далеко навстрѣчу тому, что̀ зоветъ жизнью и счастьемъ.

(Звонъ колокольчиковъ замираетъ вдали).

Элла Рентгеймъ (немного погодя). Теперь колокольчиковъ не слышно больше.

Фру Боркманъ. Мнѣ чудится, то были погребальные колокола.

Боркманъ (съ сухимъ, глухимъ смѣхомъ). Ого! Надо мной еще не раздавалось послѣдняго звона.

Фру Боркманъ. Такъ надо мной. И надъ нимъ, что̀ покинулъ меня.

Элла Рентгеймъ (задумчиво кивая головой). Кто знаетъ?.. Ему этотъ звонъ, можетъ-быть, все-таки возвѣстилъ жизнь и счастье.

Фру Боркманъ (встрепенувшись, строго глядитъ на нее). Жизнь и счастье, говоришь!

Элла Рентгеймъ. Хоть на краткій мигъ.

Фру Боркманъ. Ты желала бы ему счастья... съ нею?

Элла Рентгеймъ (съ чувствомъ). Отъ всего сердца!

Фру Боркманъ (холодно). Такъ твое сердце богаче любовью, чѣмъ мое.

Элла Рентгеймъ (долго смотритъ передъ собою молча). Можетъ-быть, потому, что мнѣ не на кого было тратить ее.

Фру Боркманъ (глядя на нее въ упоръ). Если такъ... то я, пожалуй, скоро стану богаче тебя, Элла! (Поворачивается и уходитъ въ домъ).

Элла Рентгеймъ (стоитъ съ минуту, грустно глядя на Боркмана, затѣмъ осторожно кладетъ руку на его плечо). Йонъ, пойдемъ съ нами въ домъ.

Боркманъ (какъ бы очнувшись). Я?

Элла Рентгеймъ. Да. Тебѣ вреденъ этотъ рѣзкій ночной воздухъ. Я вижу, Йонъ. Пойдемъ домой. Въ тепло.

Боркманъ (гнѣвно). Не опять ли наверхъ, въ залу?

Элла Рентгеймъ. Лучше въ гостиную къ ней.

Боркманъ (еще болѣе раздражаясь). Никогда въ жизни ноги моей не будетъ больше подъ этой кровлей!

Элла Рентгеймъ. Такъ куда же ты пойдешь? Въ такую пору, ночью?

Боркманъ (надѣвая шляпу). Прежде всего хочу пойти взглянуть на свои погребенныя сокровища.

Элла Рентгеймъ (робко глядя на него). Йонъ... я не понимаю тебя.

Боркманъ (съ хриплымъ смѣхомъ). Не бойся, Элла! Я говорю не о спрятанныхъ награбленныхъ богатствахъ! (Вдругъ останавливается и указываетъ рукой впередъ) Смотри! Кто это?

(Изъ-за угла дома выходитъ, прихрамывая на лѣвую ногу и съ трудомъ пробираясь по снѣгу, **Вильгельмъ Фольдаль**, въ старомъ, запушенномъ снѣгомъ пальтишкѣ, въ мягкой шляпѣ съ отогнутыми полями и съ большимъ зонтикомъ въ рукѣ).

Боркманъ. Вильгельмъ! Зачѣмъ ты ко мнѣ... опять?

Фольдаль (взглянувъ наверхъ). Господи помилуй!.. Ты тутъ на крыльцѣ, Йонъ-Габріель? (Кланяясь) И фру Боркманъ тоже, какъ вижу!

Боркманъ (отрывисто). Это не фру Боркманъ.

Фольдаль. Ахъ, виноватъ. Я какъ разъ потерялъ сейчасъ въ снѣгу свои очки... Но ты-то какъ... какъ?.. Ты никогда вѣдь не выходишь изъ комнаты?..

Боркманъ (весело). Пора, видишь ли, и мнѣ опять свыкнуться съ жизнью на вольномъ воздухѣ! Почти три года въ предварительномъ заключеніи, пять лѣтъ въ одиночномъ и восемь — въ залѣ наверху...

Элла Рентгеймъ (горестно). Боркманъ... прошу тебя...

Фольдаль. Охъ, да, да...

Боркманъ. Но что же тебѣ нужно отъ меня, спрашиваю?

Фольдаль (все стоя внизу у крыльца). Я шелъ къ тебѣ, Йонъ-Габріель. Меня такъ вотъ и потянуло къ тебѣ... въ залу. Господи! Въ эту залу!

Боркманъ. Такъ ты опять шелъ ко мнѣ?.. Я вѣдь прогналъ тебя!

Фольдаль. Ну, велика бѣда!

Боркманъ. Что у тебя съ ногой? Ты хромаешь?

Фольдаль. Да, представь, меня переѣхали.

Элла Рентгеймъ. Переѣхали!

Фольдаль. Да, возокъ...

Боркманъ. Ого!

Фольдаль. Запряженный парой... Лошади неслись, какъ вѣтеръ, съ холма. Я не успѣлъ посторониться, и вотъ...

Элла Рентгеймъ. ...Онѣ переѣхали васъ?

Фольдаль. Прямо наѣхали на меня, фру... или фрёкенъ. Прямо на меня, и я кувыркнулся въ снѣгъ, потерялъ очки, оломалъ зонтикъ и (потирая ногу) вотъ повредилъ немножко ногу.

Боркманъ (съ усмѣшкой въ голосѣ). Знаешь ты, кто сидѣлъ въ возкѣ, Вильгельмъ?

Фольдаль. Нѣтъ, почемъ мнѣ знать? Возокъ крытый, да еще занавѣски спущены. И кучеръ даже не пріостановился, когда я кувыркнулся въ снѣгъ. Ну, да это все равно, потому что... (Съ внезапнымъ порывомъ) Я такъ радъ, безконечно радъ!

Боркманъ. Радъ?

Фольдаль. Да какъ же иначе сказать? Самое подходящее, по-моему, сказать: радъ. Случилось нѣчто просто удивительное! Вотъ я и не могъ не... Я долженъ былъ подѣлиться своей радостью съ тобой, Йонъ-Габріель.

Боркманъ (сурово). Ну, дѣлись, что ли!

Элла Рентгеймъ. Да пригласи же прежде своего друга войти, Боркманъ!

Боркманъ (жестко). Я не войду въ этотъ домъ,— сказалъ я.

Элла Рентгеймъ. Да ты же слышишь, что его переѣхали!

Боркманъ. О, всѣхъ насъ переѣзжаютъ — хоть разъ въ жизни. Надо только опять стать на ноги. Какъ ни въ чемъ не бывало.

Фольдаль. Вотъ глубокая мысль, Йонъ-Габріель. Да ничего, я и тутъ отлично могу разсказать все, вкратцѣ.

Боркманъ (мягче). Ну, ну, разсказывай, Вильгельмъ.

Фольдаль. Ты только послушай! Представь себѣ — прихожу это я отъ тебя сегодня вечеромъ домой... и вижу — письмо. Отгадай, отъ кого?

Боркманъ. Должно-быть, отъ дочки, отъ Фриды?

Фольдаль. Именно! Какъ это ты угадалъ сразу? Да, такое длинное... довольно длинное письмо отъ Фриды. Принесъ его слуга. И какъ бы ты думалъ, что она пишетъ?

Боркманъ. Ужъ не прощается ли съ родителями?

Фольдаль. Именно! Удивительно, какой ты мастеръ отгадывать, Йонъ-Габріель! Да, она пишетъ, что фру Вильтонъ очень добра къ ней и вотъ беретъ ее съ собой за границу... Чтобы Фрида училась тамъ музыкѣ,—говорится въ письмѣ. И еще фру Вильтонъ позаботилась найти хорошаго учителя, который поѣдетъ съ ними... и будетъ заниматься съ Фридой науками. Она, вѣрно, къ сожалѣнію, отстала по нѣкоторымъ предметамъ, понимаешь?

Боркманъ (подавляя клокочущій въ немъ смѣхъ). Такъ, такъ. Отлично, отлично понимаю все.

Фольдаль (съ тѣмъ же увлеченіемъ). И, подумай, она узнала о поѣздкѣ только сегодня вечеромъ. Тамъ, въ гостяхъ, гдѣ она была, — ты знаешь. Гм! И все-таки нашла время написать. Да еще такое теплое, хорошее, сердечное письмо... Увѣряю

тебя! Ни слѣда больше презрѣнія къ отцу. И это тоже такая милая черта, что она пожелала проститься съ нами письменно... передъ отъѣздомъ. (Смѣясь) Только не тутъ-то было!

Боркманъ (вопросительно глядя на него). Какъ такъ?

Фольдаль. Она пишетъ, что ѣдутъ они завтра рано утромъ. Ранымъ-рано.

Боркманъ. Те-те,—завтра? Она такъ пишетъ?

Фольдаль (посмѣиваясь и потирая руки). Да. Но я хитеръ, видишь ли! Я сейчасъ же прямехонько къ фру Вильтонъ...

Боркманъ. Теперь, вечеромъ?

Фольдаль. Ну такъ что-жъ? Не такъ еще поздно. И если у нихъ уже заперто, я позвоню. Безъ церемоній. Во что бы то ни стало хочу повидаться съ Фридой, прежде чѣмъ она уѣдетъ. Спокойной ночи, спокойной ночи! (Хочетъ идти).

Боркманъ. Послушай, бѣдняга Вильгельмъ... избавь себя отъ труда, не ходи...

Фольдаль. Ты насчетъ ноги?..

Боркманъ. Да. И къ тому же ты все равно не попадешь къ фру Вильтонъ.

Фольдаль. Непремѣнно. Буду звонить, звонить до тѣхъ поръ, пока не отопрутъ. Я хочу видѣть Фриду и увижу.

Элла Рентгеймъ. Ваша дочь уже уѣхала, господинъ Фольдаль.

Фольдаль (какъ пораженный громомъ). Фрида уѣхала? Вы навѣрное знаете? Отъ кого же?

Боркманъ. Отъ ея будущаго учителя.

Фольдаль. Да? Кто же онъ?

Боркманъ. Нѣкій студентъ Эргартъ Боркманъ.

Фольдаль (просіявъ отъ радости). Твой сынъ, Понъ-Габріель! И онъ поѣдетъ съ ними?

Боркманъ. Да-а. Онъ-то и будетъ помогать фру Вильтонъ просвѣщать твою Фриду.

Фольдаль. Ну, слава Тебѣ, Господи! Значитъ, дѣвочка въ наилучшихъ рукахъ. Но развѣ это уже навѣрное, что они уѣхали съ нею?

Боркманъ. Они уѣхали съ нею въ томъ самомъ возкѣ, который переѣхалъ тебя по дорогѣ.

Фольдаль (складывая руки). Подумать, что моя дочурка Фрида катила въ такомъ щегольскомъ возкѣ!

Боркманъ (кивая головой). Да, да, Вильгельмъ... твоя дочь покатитъ теперь,—нечего сказать! И студентъ Боркманъ тоже. Ну... а ты замѣтилъ серебряные колокольчики?

Фольдаль. Какъ же!.. Серебряные, ты говоришь? Развѣ серебряные? Изъ чистаго серебра?

Боркманъ. Ужъ будь увѣренъ. У нихъ тамъ все чисто. И снаружи и—внутри.

Фольдаль (растроганно). Ну, не диво ли, какъ можетъ повезти человѣку! Это мой... мой маленькій поэтическій даръ перешелъ въ музыкальный талантъ у Фриды. Все-таки, значитъ, недаромъ я былъ поэтомъ. Теперь она вырвется на бѣлый свѣтъ, наглядится на всѣ чудеса, о чемъ когда-то мечталъ я. И ѣдетъ она въ крытомъ возкѣ... съ серебряными колокольчиками...

Боркманъ. ...И переѣзжаетъ родного отца...

Фольдаль (весело). Э, что тамъ! Стоитъ говорить обо мнѣ, когда мое дитя... Ну, значитъ, я все-таки опоздалъ. Такъ пойду домой утѣшать свою старуху. Сидитъ въ кухнѣ и плачетъ.

Боркманъ. Плачетъ?

Фольдаль (посмѣиваясь). Да, подумай! Такъ и разливалась, когда я уходилъ.

Боркманъ. А ты смѣешься, Вильгельмъ!

Фольдаль. Я — да! А она, бѣдняжка, не понимаетъ хорошенько. Ну, такъ прощай! Хорошо, что у меня конка подъ бокомъ. Прощай, прощай, Понъ-Габріель! Прощайте, фрёкенъ! (Кланяется и медленно, съ трудомъ ковыляетъ обратно по снѣгу).

Боркманъ (стоитъ съ минуту, молча глядя передъ собой). Прощай, Вильгельмъ. Не въ первый разъ въ жизни тебя переѣхали, старый другъ!

Элла Рентгеймъ (смотритъ на него, стараясь побороть волненіе). Какъ ты блѣденъ, Понъ!

Боркманъ. Это все отъ тюремнаго воздуха тамъ наверху.

Элла Рентгеймъ. Я никогда не видала тебя такимъ.

Боркманъ. Да ты, вѣрно, никогда не видала вырвавшагося на волю каторжника.

Элла Рентгеймъ. Пойдемъ же, пожалуйста, домой, Понъ!

Боркманъ. Брось свою пѣсню. Я ужъ сказалъ тебѣ...

Элла Рентгеймъ. Но если я умоляю тебя! Ради тебя самого...

(На порогѣ показывается горничная).

Горничная. Извините, но барыня велѣла запереть двери.

Боркманъ (тихо Эллѣ). Слышишь, они хотятъ запереть меня опять!

Элла Рентгеймъ (горничной). Директору не совсѣмъ хорошо. Онъ хочетъ еще подышать свѣжимъ воздухомъ.

Горничная. Но барыня сказала...

Элла Рентгеймъ. Я сама запру двери. Оставьте только ключъ въ замкѣ.

Горничная. Помилуйте... мнѣ что! Какъ хотите. (Уходитъ въ домъ).

Боркманъ (стоитъ съ минуту молча и прислушивается; потомъ быстро спускается на площадку). Теперь я вырвался изъ застѣнка, Элла! Теперь имъ не поймать меня больше никогда!

Элла Рентгеймъ (спускается за нимъ). Да вѣдь ты же свободенъ и тамъ, Йонъ. Можешь уходить и приходить, когда вздумается.

Боркманъ (тихо, точно опасаясь чего-то). Ни за что не пойду больше подъ крышу. Тутъ такъ хорошо ночью. Вернись я *теперь* къ себѣ въ залу — потолокъ и стѣны сдвинулись бы, раздавили, сплюснули бы меня, какъ муху.

Элла Рентгеймъ. Такъ куда-жъ ты пойдешь?

Боркманъ. Только бы идти, идти, идти! Посмотрѣть, нельзя ли опять выйти на свободу, вернуться въ жизнь, къ людямъ. Хочешь идти со мною, Элла?

Элла Рентгеймъ. Я? Сейчасъ?

Боркманъ. Да, да, сейчасъ!

Элла Рентгеймъ. Далеко ли?

Боркманъ. Какъ только смогу.

Элла Рентгеймъ. Что ты, одумайся! Въ такую сырую, холодную зимнюю ночь...

Боркманъ (дико и хрипло). Ага! Фрёкенъ боится за свое здоровье? Да, да,—оно вѣдь такое хрупкое.

Элла Рентгеймъ. Я боюсь за твое здоровье.

Боркманъ (съ глухимъ смѣхомъ). Хо-хо-хо! За здоровье мертвеца! Ты меня смѣшишь, Элла! (Идетъ дальше).

Элла Рентгеймъ (догоняя и удерживая его). Какъ ты себя назвалъ? Какъ?

Боркманъ. Мертвецомъ. Не помнишь, — Гунгильдъ сказала, чтобы я лежалъ смирно, гдѣ лежу?

Элла Рентгеймъ (набрасывая на себя манто; рѣшительно). Я иду съ тобою, Йонъ.

Боркманъ. Да, мы съ тобою вѣдь пара, Элла. (Идетъ дальше) Идемъ же!

(Боркманъ и Элла Рентгеймъ уходятъ въ лѣсокъ налѣво и мало-по-малу скрываются изъ виду. Понемногу измѣняется и весь ландшафтъ; сначала исчезаютъ изъ виду домъ и дворъ, смѣняясь опушкой лѣса, затѣмъ чащей съ тропинками и обрывами, и становясь все болѣе и болѣе дикимъ).

Голосъ Эллы Рентгеймъ (изъ лѣсу). Куда же мы идемъ, Йонъ? Я не узнаю этихъ мѣстъ.

Голосъ Боркмана (съ болѣе высокаго мѣста). Держись только моихъ слѣдовъ на снѣгу.

Голосъ Эллы Рентгеймъ. Но зачѣмъ же намъ взбираться такъ высоко?

Голосъ Боркмана (ближе). Намъ надо взобраться по этой извилистой тропинкѣ.

Элла Рентгеймъ (еще за деревьями). У меня скоро силъ не хватитъ больше!

Боркманъ (на опушкѣ лѣса). Иди, иди! Теперь недалеко до открытаго мѣста. Тамъ прежде стояла скамейка...

Элла Рентгеймъ (выходя изъ-за деревьевъ справа). Ты помнишь ее?

Боркманъ. Тамъ ты можешь отдохнуть.

(Они выходятъ на небольшую открытую площадку надъ крутымъ обрывомъ. Налѣво открывается видъ на фьордъ и прибрежные кряжи. На краю обрыва засохшая сосна и подъ ней скамейка. Площадка вся занесена снѣгомъ. Боркманъ и Элла съ трудомъ пробираются по снѣгу къ скамейкѣ).

Боркманъ (останавливаясь надъ обрывомъ). Поди сюда, Элла,— ты увидишь...

Элла Рентгеймъ (присоединяясь къ нему). Что ты хочешь показать мнѣ, Понъ?

Боркманъ (указывая внизъ). Видишь, какъ широко, привольно раскинулась передъ нами страна?

Элла Рентгеймъ. На этой скамейкѣ мы съ тобой часто сиживали... и передъ нами открывались горизонты еще куда шире, безконечнѣе.

Боркманъ. Тогда развертывалась передъ нами страна грезъ.

Элла Рентгеймъ (грустно качая головой). Страна грезъ, куда мы съ тобой уносились тогда. А теперь эта страна погребена подъ снѣгомъ. И старое дерево засохло.

Боркманъ (не слушая ея). Различаешь ты вдали, тамъ на фьордѣ, дымъ большихъ пароходовъ?

Элла Рентгеймъ. Нѣтъ.

Боркманъ. Я различаю. Пароходы приходятъ и отходятъ. Связываютъ, братаютъ между собою народы и страны всего свѣта. Разносятъ свѣтъ и тепло въ сердца тысячъ человѣческихъ семей. Вотъ что и было моей мечтой.

Элла Рентгеймъ (тихо). И осталось мечтой.

Боркманъ. Осталось мечтой. (Прислушивается) А слышишь тамъ внизу, на горной рѣчкѣ?.. Шумятъ и гудятъ фабрики, заводы! Мои заводы! Всѣ тѣ, которые я хотѣлъ создать! Послушай только, какой шумъ! Работаетъ ночная смѣна. Работа кипитъ и днемъ и ночью. Слушай, слушай! Колеса жужжатъ, валы мелькаютъ... Вертятся, вертятся... Ты развѣ не слышишь, Элла?

Элла Рентгеймъ. Нѣтъ.

Боркманъ. Я слышу.

Элла Рентгеймъ (тревожно). Ты, вѣрно, ошибаешься, Йонъ.

Боркманъ (все болѣе и болѣе разгорячаясь). И знай, все это— лишь форпосты, окружающіе царство!

Элла Рентгеймъ. Царство? Какое?..

Боркманъ. Да мое же! Царство, которымъ я готовъ былъ завладѣть тогда... тогда, когда я умеръ.

Элла Рентгеймъ (тихо, потрясенная). О, Йонъ. Йонъ!

Боркманъ. И вотъ оно осталось безъ господина, безъ защиты... на произволъ грабителей, опустошителей, Элла! Видишь ли ты... тамъ вдали рядъ скалъ? Онѣ громоздятся одна надъ другой. Одна выше другой. Подъ самыя небеса. Вотъ оно—мое безконечное, необъятное царство съ неистощимыми богатствами!

Элла Рентгеймъ. Оттуда вѣетъ такимъ ледянящимъ холодомъ, Йонъ.

Боркманъ. Онъ вдыхаетъ въ меня жизнь, словно приноситъ мнѣ привѣтъ отъ подвластныхъ мнѣ духовъ. Я чутьемъ угадываю эти скованные милліоны, ощущаю присутствіе этихъ рудныхъ жилъ, которыя тянутся ко мнѣ, точно узловатыя, развѣтвляющіяся, манящія руки. Я видѣлъ ихъ... онѣ вставали передо мной, какъ ожившія тѣни... въ ту ночь, когда я стоялъ съ фонаремъ въ рукахъ въ кладовой банка... Вы просились на волю. И я попытался освободить васъ. Но не смогъ. Сокровища опять погрузились въ бездну. (Простирая руки) Но я хочу шепнуть вамъ въ этой ночной тишинѣ, что я люблю васъ, погребенныя заживо въ безднѣ, во мракѣ, мнимо-умершія! Я люблю васъ, жаждущія жизни сокровища... со всей вашей блестящей свитой почестей и власти... люблю, люблю васъ!

Элла Рентгеймъ (сдерживая все усиливающееся волненіе). Да, тамъ подъ землей сосредоточилъ ты свою любовь, тамъ она и осталась. Йонъ. А здѣсь... здѣсь на землѣ билось горячее живое человѣческое сердце, билось для тебя,—его ты разбилъ! Нѣтъ, хуже, въ десять разъ хуже! Ты продалъ его за... за...

Боркманъ (содрогаясь, точно его пронизываетъ насквозь холодомъ). ...За царство... силу... и славу... да?

Элла Рентгеймъ. Да. Я уже разъ сказала тебѣ это сегодня. Ты убилъ душу живую въ женщинѣ, которая любила тебя и которую ты любилъ. Любилъ, насколько вообще способенъ былъ любить. (Подымая руку) И я предсказываю тебѣ, Йонъ-Габріель Боркманъ,—ты не добьешься этимъ убійствомъ желанной награды, никогда не совершишь побѣдоноснаго въѣзда въ свое холодное, мрачное царство.

Боркманъ (шатается и грузно опускается на скамейку). Боюсь... какъ бы твое предсказаніе не сбылось, Элла.

Элла Рентгеймъ (склоняясь къ нему). Бояться не надо, Йонъ. Для тебя — всего лучше, если бы оно сбылось.

Боркманъ (съ крикомъ хватаясь за грудь). А!.. (Слабымъ голосомъ) Отпустило.

Элла Рентгеймъ (трясетъ его). Что съ тобой, Йонъ!

Боркманъ (откидываясь назадъ на спинку скамейки). Точно кто сдавилъ мнѣ сердце ледяной рукой...

Элла Рентгеймъ. Йонъ! Леляной рукой!

Боркманъ (едва внятно). Нѣтъ... не ледяной... желѣзной... (Тихо валится бокомъ на скамейку).

Элла Рентгеймъ (срывая съ себя манто и накрывая имъ Боркмана). Лежи, лежи спокойно! Я сейчасъ сбѣгаю за помощью! (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ направо, затѣмъ останавливается, возвращается къ Боркману, щупаетъ его пульсъ и долго смотритъ ему въ лицо: тихимъ, твердымъ голосомъ) Нѣтъ, такъ будетъ лучше, Йонъ Боркманъ. Лучше для тебя. (Тщательно укрываетъ его своимъ манто и сама опускается на снѣгъ возлѣ скамейки).

(Короткая пауза. Затѣмъ справа показывается закутанная въ шубу фру Боркманъ и горничная съ фонаремъ въ рукахъ).

Горничная (освѣщая фонаремъ снѣгъ). Вотъ, вотъ, сударыня! Слѣды такъ и ведутъ сюда!..

Фру Боркманъ (озираясь вокругъ) Да, вотъ они! На скамейкѣ! (Кричитъ) Элла!

Элла Рентгеймъ (встаетъ). И ты за нами слѣдомъ?

Фру Боркманъ (сурово). Пришлось.

Элла Рентгеймъ (указывая на Боркмана). Вотъ онъ лежитъ, Гунгильдъ!

Фру Боркманъ. Спитъ?

Элла Рентгеймъ (киваетъ головой). Глубокимъ, крѣпкимъ сномъ.

Фру Боркманъ (съ внезапнымъ порывомъ). Элла! (Овладѣвая собой, глухимъ голосомъ) Это онъ самъ?..

Элла Рентгеймъ. Нѣтъ.

Фру Боркманъ (вздохнувъ свободнѣе). Такъ не отъ своей руки?

Элла Рентгеймъ. Нѣтъ. Ледяная, желѣзная рука сдавила ему сердце.

Фру Боркманъ (горничной). Бѣгите за помощью. Созовите людей изъ дому.

Горничная. Сейчасъ, сейчасъ. (Тихо) Ахъ, ты, Боже мой! (Уходитъ).

Фру Боркманъ (стоя позади скамейки). Такъ ночной воздухъ убилъ его...

Элла Рентгеймъ. Должно-быть.

Фру Боркманъ. ...Такого сильнаго человѣка.

Элла Рентгеймъ (становясь передъ скамейкой). Ты не взглянешь на него, Гунгильдъ?

Фру Боркманъ (дѣлая отстраняющій жестъ). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! (Понижая голосъ) Онъ былъ сыномъ рудокопа... директоръ банка. И не могъ вынести свѣжаго воздуха.

Элла Рентгеймъ. Скорѣе же его убилъ холодъ.

Фру Боркманъ (отрицательно качая головой). Холодъ? Холодъ... убилъ его давнымъ-давно.

Элла Рентгеймъ (кивая головой). А насъ съ тобой превратилъ въ тѣни.

Фру Боркманъ. Ты права.

Элла Рентгеймъ (съ болѣзненной улыбкой). Мертвецъ и двѣ тѣни—вотъ что сдѣлалъ холодъ.

Фру Боркманъ. Холодъ сердца. И теперь мы, пожалуй, можемъ протянуть другъ другу руки, Элла.

Элла Рентгеймъ. Я думаю, теперь можемъ.

Фру Боркманъ (стоя за спинкой скамейки). Мы сестры-близнецы... надъ трупомъ того, кого обѣ любили...

Элла Рентгеймъ (передъ скамейкой). Двѣ тѣни — надъ мертвецомъ.

(Протягиваютъ другъ другу руки черезъ скамейку).

КОГДА МЫ, МЕРТВЕЦЫ, ПРОБУЖДАЕМСЯ.

Драма эта, какъ и три непосредственно ей предшествовавшія, написана въ Христіаніи. До тѣхъ поръ новыя драматическія произведенія Ибсена появлялись обыкновенно съ правильными промежутками въ два года, между предпослѣднею же и послѣднею—„Когда мы, мертвецы, пробуждаемся", прошло цѣлыхъ три года. За этотъ срокъ отпразднована была 70-я годовщина маститаго норвежскаго поэта, что̀ подало поводъ къ дружнымъ чествованіямъ его и земляками и заграничными почитателями его таланта, засвидѣтельствовавшими его популярность почти во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра. Въ этотъ же промежутокъ Ибсенъ началъ-было писать свои „воспоминанія", но, принявшись за новую драму, отложилъ ихъ и, къ сожалѣнію, больше не продолжалъ. Окончилъ Ибсенъ новую драму осенью 1889 г., и въ концѣ ноября она была сдана въ печать, чтобы, по обычаю послѣднихъ лѣтъ, явиться на книжномъ рынкѣ своего рода рождественскимъ подаркомъ для почитателей таланта норвежскаго писателя. Но еще до выхода въ свѣтъ она стала предметомъ живѣйшаго интереса для публики и печати, предававшейся всевозможнымъ гаданіямъ и предположеніямъ относительно замысла и разработки новой драмы. Одна газета даже помѣстила пересказъ содержанія—совершенно вымышленный. Заглавіе пьесы стало извѣстнымъ 9 декабря, и съ этого дня норвежскія и датскія газеты еще съ бо̀льшимъ жаромъ занялись ею, комментируя на всѣ лады оригинальный подзаголовокъ произведенія: „драматическій эпилогъ". Въ дѣйствительности подзаголовокъ этотъ, какъ объяснилъ впослѣдствіи самъ авторъ, означалъ, что данное произведеніе представляетъ какъ бы эпилогъ того ряда драматическихъ его твореній, который начался „Кукольнымъ домомъ", послѣднее звено всего пережитого, передуманнаго и перечувствованнаго, что̀ авторъ хотѣлъ дать въ своихъ пьесахъ, составляющихъ одно цѣлое, теперь законченное... Вышелъ въ свѣтъ этотъ драматическій эпилогъ 19 декабря 1899 г., одновременно во всѣхъ трехъ скандинавскихъ государствахъ, въ количествѣ 12.000 экземпляровъ, но это первое изданіе разошлось все безъ остатка по предварительной записи, такъ что въ продажу и не поступало: для продажи было немедленно выпущено 2-е изданіе. Какъ и другія драматическія произведенія послѣднихъ годовъ творческой дѣятельности Ибсена, драма „Когда мы, мертвецы, пробуждаемся" очень скоро была поставлена на сцену и въ скандинавскихъ странахъ—прежде всего, въ январѣ 1900 г., въ копенгагенскомъ Королевскомъ театрѣ—и за границей. Въ Россіи она была сыграна впервые въ декабрѣ 1900 г. труппой московскаго Художественнаго театра.

И предыдущія пьесы Ибсена, какъ уже упомянуто, вызывали самыя разнородныя и крайнія мнѣнія и истолкованія, но „драматическій эпи-

логъ“ положительно „побилъ“ въ этомъ отношеніи „рекордъ“. Тѣмъ болѣе пріятное впечатлѣніе производитъ замѣчательно простое, здравое и тонкое истолкованіе Шлентера, дополняемое у насъ характеристикой одного изъ дѣйствующихъ лицъ, взятой изъ книги объ Ибсенѣ датскаго критика Торупа.

Коснувшись внѣшнихъ причинъ необычнаго запозданія выхода въ свѣтъ послѣдняго произведенія Ибсена,— причинъ, къ которымъ Шлентеръ относитъ принявшее характеръ народнаго торжества чествованіе писателя по поводу его семидесятилѣтія,—нѣмецкій критикъ переходитъ къ выясненію причинъ внутреннихъ.

„Ибсенъ серьезно рѣшилъ, что это будетъ его послѣднее произведеніе, и назвалъ его „драматическимъ эпилогомъ“, подразумѣвая подъ этимъ— эпилогъ того мощнаго поэтическаго цѣлаго, какое составляютъ всѣ его предыдущія драмы. Въ послѣднее время передъ появленіемъ „эпилога“ много говорили о томъ, что Ибсенъ вообще покончилъ съ драматическимъ творчествомъ, занятый своими воспоминаніями. Слухъ этотъ не подтвердился. Тѣмъ не менѣе старый учитель на рубежѣ семидесятаго года жизни, вѣрно, больше чѣмъ когда-либо возвращался мыслью къ воспоминаніямъ изъ прошлаго, къ тѣмъ воспоминаніямъ, которыми питалось его творчество, — не къ внѣшнимъ событіямъ міровой жизни, а къ внутреннимъ событіямъ его собственнаго духовнаго міра, къ тому, что̀ переживала его творческая душа, которая и опережала современную жизнь и воспроизводила ее. Передъ тѣмъ же, какъ положить послѣдній камень на это зданіе прочнѣе металла и камня, онъ, вѣрно, и помедлилъ нѣсколько, желая сначала еще разъ обозрѣть просвѣтленнымъ, возрожденнымъ взоромъ все это старое твореніе своей жизни. И вотъ передъ нами эпилогъ: „Когда мы, мертвецы, пробуждаемся“. Семидесятидвухлѣтній писатель захотѣлъ на покой, — если только и съ нимъ не случится того же, что̀ съ героемъ послѣдней его драмы, тоже художникомъ, который, удалившись-было на отдыхъ, приходитъ къ заключенію, что такая жизнь не для него: „Я долженъ работать, творить... до послѣдняго издыханія“. Сходство между героемъ и писателемъ въ этомъ отношеніи было бы самымъ желательнымъ: но между ними и кромѣ того есть немало общаго. Нельзя, конечно, буквально всѣ разбросанныя въ этомъ эпилогѣ крупныя и малыя признанія художника отнести къ самому автору. Насколько Ибсенъ вообще превосходитъ всѣхъ своихъ проблематичныхъ „героевъ“, настолько же онъ по силѣ, ясности и спокойствію ума стоитъ выше этого послѣдняго, бродящаго ощупью во тьмѣ. Этотъ герой падаетъ тамъ, гдѣ побѣдилъ самъ авторъ. Во всякомъ случаѣ признанія эти представляютъ значеніе въ смыслѣ разоблаченія нѣкоторыхъ душевныхъ настроеній Генрика Ибсена какъ художника,— Ибсенъ никогда еще такъ не приближалъ къ себѣ ни одного изъ своихъ новѣйшихъ героевъ, какъ этого профессора-скульптора, Арнольда Рубека.

„Альфредъ Альмерсъ („Маленькій Эйольфъ“) съ его капитальнымъ философскимъ трудомъ, и строитель Сольнесъ съ его церковными башнями и стремленіемъ ввысь, и Эйлертъ Лёвборгъ („Гедда Габлеръ“) съ его потерянной рукописью — были воплощеніями стремленій творческой души: да и въ фотографѣ Ялмарѣ Экдалѣ („Дикая утка“) можно видѣть безсознательную карикатуру художественной натуры, которая обожаетъ идеалъ — въ собственной персонѣ. Но не только Ялмаръ, а и всѣ остальные поименованные выше образы *) служатъ объектами для иронiи ихъ творца въ значительно большей степени, нежели Ар-

*) Къ нимъ слѣдовало бы присоединить и Ульрика Бренделя изъ «Росмерсгольма».

нольдъ Рубекъ, который совершенно въ духѣ Ибсена самъ вышучиваетъ тупыхъ поклонниковъ своихъ произведеній. Рубекъ глумится надъ тѣмъ, что люди восхищаются въ его работахъ какъ разъ тѣмъ, чего ему и въ голову не приходило вкладывать въ послѣднія, но зато не видятъ того, что въ нихъ дѣйствительно вложено. Право, какъ будто видишь передъ собой самого старика Ибсена за бокаломъ шампанскаго,— которое иногда развязываетъ языкъ и этому великому молчальнику, — глядя на Рубека, который, попивая шампанское, высмѣиваетъ своихъ заказчиковъ, оплачивающихъ на вѣсъ золота его коварныя произведенія. Если вообще бывали когда какія коварныя художественныя произведенія, такъ это новѣйшія драмы Ибсена. Ко многимъ изъ дѣйствующихъ въ нихъ лицъ можно отнести то, что съ такимъ удовольствіемъ высказываетъ Рубекъ, говоря объ исполненныхъ имъ бюстахъ-портретахъ: „Изъ глубины этихъ бюстовъ-портретовъ выглядываютъ лошадиныя морды, упрямыя ослиныя башки, вислоухія, низколобыя песьи хари, откормленныя свиныя рыла и тупыя грубыя бычачьи рожи... словомъ — всѣ милыя домашнія животныя“.

„Про шедевръ же свой Рубекъ говоритъ дальше: „И вотъ „Возстаніе изъ мертвыхъ“ увидѣло свѣтъ и принесло мнѣ славу... и всѣ прочія блага. Но я больше не любилъ своего произведенія. Всѣ эти людскіе лавры и овиміамъ способны были задушить меня, загнать съ отчаянія въ дремучіе лѣса“. И тутъ мы видимъ передъ собой нигдѣ подолгу не заживавшагося Ибсена, который всякій разъ, какъ толпа зѣвакъ и вопрошателей слишкомъ наступала на него, мѣнялъ свое мѣстожительство или свое насиженное мѣстечко. Поэтому онъ вѣдь въ концѣ концовъ исчезъ и изъ Мюнхена и изъ своего кафе Максимиліана, и вернулся туда, откуда бѣжалъ когда-то — на родину, въ Норвегію, по которой не переставалъ тосковать. Точно такъ же напоминаетъ Рубекъ Ибсена и тѣмъ, въ чемъ упрекаетъ его Майя, говоря, что онъ все бродитъ, какъ потерянный, словно „нигдѣ мѣста себѣ не найдетъ. Ни дома ни въ гостяхъ. Въ послѣднее время даже вообще сталъ нелюдимымъ“.

„Рубекъ послѣ долгаго отсутствія снова вернулся въ узкія условія родной жизни, и когда Майя спрашиваетъ его, радъ ли онъ въ сущности, что вновь на родинѣ, онъ отвѣчаетъ отрицательно, ища причину въ томъ, что, пожалуй, слишкомъ долго находился вдали отъ нея, и за это время мѣстныя условія жизни успѣли перемѣниться настолько, что стали для него совсѣмъ чужими. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находитъ, что земляки его отнюдь не стали симпатичнѣе; самымъ ходомъ жизни родина напоминаетъ ему маленькіе желѣзнодорожные полустанки по ночамъ—полустанки, гдѣ никто изъ пассажировъ не выходитъ, никто не садится, и гдѣ лишь бродятъ взадъ и впередъ по платформѣ, въ потемкахъ, съ фонаремъ въ рукахъ, какіе-то двое, разговаривая между собой тихо, беззвучно—ни о чемъ. Оставляемъ открытымъ вопросъ: намѣревался ли высоко цѣнимый теперь и въ Норвегіи авторъ высказать тутъ свои личныя чувства по отношенію къ своимъ землякамъ. Быть-можетъ, онъ и все человѣчество, какъ на родинѣ, такъ и за предѣлами ея, видитъ въ мутномъ свѣтѣ того же желѣзнодорожнаго фонаря. У Рубека во всякомъ случаѣ можно подмѣтить не только боязнь людей, но и отвращеніе къ людямъ. И все-таки того же Рубека охватываетъ глубокая тоска по родинѣ, того самаго Рубека, прославленнаго художника, которому все его призваніе, вся его художественная дѣятельность и все, что связано съ ними, стало казаться въ самой сущности своей чѣмъ-то безсодержательнымъ, пустымъ и ничтожнымъ, которому представлялась несравненно болѣе цѣнною жизнь, озаренная солнцемъ и сіяньемъ кра-

соты. Жизнь, озаренная солнцемъ счастья и сіяньемъ красоты — вотъ что издавна неизмѣнно представлялось идеалисту Генрику Ибсену самой высокой, единственной цѣлью человѣческихъ стремленій, человѣческой тоски. Измѣнялся же лишь взглядъ его на пути и способы достиженія этой цѣли, и, пожалуй, такъ же часто колебалась его вѣра въ достижимость ея вообще. Перипетіи борьбы этой вѣры съ сомнѣніями всякаго рода и отражаются послѣдовательно въ его произведеніяхъ. Въ то, что жизнь, озаренная солнцемъ счастья и сіяньемъ красоты, возможна въ третьемъ царствѣ, Ибсенъ вѣритъ, сомнѣваясь. То же, что этой жизни пока нѣтъ ни въ современномъ обществѣ, ни въ томъ царствѣ, за которое боролись императоръ и Галилеянинъ — Ибсенъ знаетъ. И каждая изъ этихъ современныхъ драмъ, которыя были созданы имъ послѣ той великой міровой двойной трагедіи, все вновь и вновь подтверждала то же самое міровоззрѣніе въ самыхъ разнообразныхъ формахъ.

„Теперь является эпилогъ и связываетъ все вмѣстѣ еще разъ нѣсколькими тонкими, какъ паутина, прозрачными, какъ лунный свѣтъ, нитями. Подобно Ибсену, и скульпторъ Рубекъ всю свою жизнь искалъ идеалъ — прекрасное. Представителю пластическаго искусства, лѣпившему человѣческіе образы, идеалъ этотъ представляется въ образѣ человѣка, а такъ какъ скульпторъ кромѣ того мужчина — то вдобавокъ въ образѣ женщины. И онъ вообразилъ, что нашелъ живую модель для художественнаго воплощенія своего идеала. Эта нагая женская красота всецѣло открывается его художественному взору, и въ одинъ прекрасный день созданная имъ мраморная фигура стоитъ вполнѣ готовая, одна одинешенька на узкомъ постаментѣ. Идеалъ какъ будто достигнутъ. Самое прекраснѣйшее и чудеснѣйшее налицо. Молодая, нетронутая жизнью дѣвушка, не оскверненная никакими земными вожделѣніями, чистая, свободная отъ малѣйшаго пятна, отъ пылинки земной персти, пробуждается, встаетъ отъ смертнаго сна къ жизни и славѣ.

„Почти - что эллинскій художественный идеалъ, къ которому стремился, между прочимъ, и землякъ Рубека, датскій скульпторъ Торвальдсенъ, воплощенъ рѣзцомъ Рубека въ бѣломъ цѣломудренно-холодномъ мраморѣ. Найденъ, значитъ, все-таки не живой идеалъ во плоти и крови, а лишь художественный—въ холодномъ мраморѣ. Итакъ, цѣль была лишь видна, но не достигнута. И то малое, что достигнуто, достигнуто цѣной самыхъ тяжелыхъ жертвъ, путемъ художественно-нравственнаго облагороженія, которое и здѣсь, какъ въ „Росмерсгольмѣ“, убиваетъ счастье и, какъ въ „Понѣ-Габріелѣ Боркманѣ“, убиваетъ душу живую, способную любить. Мраморная статуя доставила одни страданія обоимъ, и художнику и модели. Смѣло, радостно и беззавѣтно служа художнику своей цѣломудренной, ничѣмъ не прикрытой наготой, эта чистая дѣвушка проснулась для жизни сердца. Юная кровь закипѣла, въ безстрастной прежде груди вспыхнули желанія. Отдавая свою красоту лишь взорамъ художника, она втайнѣ съ трепетомъ, страстно жаждала объятій мужчины. Съ нимъ произошло то же: бывали дни, когда ея красота была готова свести его съ ума. Но ни одинъ изъ нихъ не признался въ своихъ чувствахъ другому.

„Въ Рубекѣ, который почти столь же мало, какъ и Альфредъ Альмерсъ, является натурой животной (фавномъ), одержалъ побѣду чистый художникъ, который дерзаетъ прикасаться къ священному идеалу своего творчества лишь въ мысляхъ, съ благоговѣніемъ, опасаясь, что иначе не сможетъ создать того, что ему такъ страстно хотѣлось создать. Въ Иренѣ одержала верхъ надъ всѣми чувствами цѣломудренная женская гордость. Но такая побѣда не доставила счастья ни ему ни ей. То,

чего опасался за себя Арнольдъ, случилось съ Ireной. Она утратила въ этой побѣдѣ душевное равновѣсіе. Гордость этой смѣло жертвовавшей собой дѣвушки выродилась въ болѣзненный эгоизмъ: она хочетъ, чтобы художнику, обязанному ея нетронутой тѣлесной красотѣ созданіемъ своего шедевра, никогда не удалось больше создать ничего подобнаго, и вотъ она исчезаетъ безслѣдно, а вмѣстѣ съ нею для художника исчезаетъ и его идеалъ.

„Тогда онъ начинаетъ нѣсколько внимательнѣе всматриваться въ жизнь. И чѣмъ основательнѣе онъ всматривается въ нее, тѣмъ больше увеличивается разстояніе между жизнью и идеаломъ. Онъ все еще находитъ свою мраморную статую прекрасною. Но это — прекрасная поэма, опоэтизированная, а не настоящая дѣйствительность: это не сама правда или перестало быть правдой для него. Его и тянетъ изобразить жизнь такой, какова она есть на самомъ дѣлѣ. Онъ расширяетъ базу, все больше и больше отодвигаетъ на задній планъ идеальный образъ, нарушаетъ его величавое одиночество, выставляетъ обнаженную красоту взглядамъ другихъ фигуръ въ этой пластичной группѣ, стушевываетъ на лицѣ Ирены сіяніе радости и заставляетъ выползать изъ треснувшей коры земной всевозможныя фигуры, мужскія и женскія, съ звѣриными лицами, какія онъ за это время научился различать у нихъ. Эти реальные люди-животныя невольно заставляютъ вспомнить павлина Яльмара, стараго барсука Мортена Кійля, разнаго рода дикихъ утокъ, поросенка Йоргена Тесмана, больного волка Йона-Габріеля Боркмана и многіе другіе полузоологическіе образы, созданные Ибсеномъ, да кстати ужъ и самого Арнольда Рубека, котораго его собственная жена называетъ подстрѣленной прирученной хищной птицей.

„Его жена... А она кто? Вмѣстѣ съ художественнымъ міровоззрѣніемъ Арнольда Рубека измѣнялась и внѣшняя его жизнь. Послѣ идеальнаго общенія съ Ireной настало время настоящаго брака съ юной, свѣжей, пышущей жизнью Майей, которая является также однимъ изъ земныхъ червячковъ, выползающихъ изъ трещинъ земной коры. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ эта неровная пара холодно прозябала другъ подлѣ друга. Въ Рубекѣ погасъ художникъ; въ ней спали неудовлетворенныя чувственныя желанія. И вотъ наконецъ они сидятъ въ яркій солнечный день среди весьма строго урегулированныхъ условій жизни въ курортѣ, на берегахъ родного фьорда, и скучаютъ вдвоемъ. Когда эта бездѣтная чета глядитъ на играющихъ дѣтей, то Майю ихъ крикъ и возня раздражаютъ, Рубеку же, который вмѣстѣ съ Ireной способенъ еще играть цвѣтами около воды, и въ дѣтской игрѣ чудится глубокій смыслъ, своего рода гармонія, какъ въ музыкѣ.

„Да и почти на все въ свѣтѣ мужъ и жена смотрятъ различными глазами. И почти одновременно къ каждому изъ нихъ подходитъ ихъ судьба — къ Майѣ въ лицѣ мужчины, къ Рубеку въ лицѣ женщины. Майя, которая еще не испытала въ жизни ничего настоящаго, видитъ свою судьбу впервые, Рубекъ же видитъ, что его судьба встаетъ изъ его богатаго прошлаго. Судьбу Майи олицетворяетъ будущее, судьбу Рубека — прошлое: судьбу Майи — настоящій Немвродъ, здоровякъ, великанъ, тупой, какъ всѣ великаны, котораго можетъ провести женщина, необузданный и грубый, но все-таки услужливый и добрый, уродъ, но все же съ болѣе здоровыми желудкомъ и сердцемъ, нежели всѣ эти „полумертвые мухи и люди“, собранные „тамъ, подъ стекляннымъ колпакомъ“, человѣкъ, презирающій обыкновенныя средства сообщенія, катающійся на собственной яхтѣ, человѣкъ, которому доставляетъ въ жизни удовольствіе одинъ спортъ, притомъ лишь такой, который требуетъ сильнаго физическаго напряженія.

„Такимъ образомъ этотъ помѣщикъ Ульфгеймъ, этотъ дворовый песъ, медвѣжатникъ — какъ разъ человѣкъ по фру Майѣ: настоящій фавнъ и „ни капельки не художникъ“. Сама фру Майя говоритъ о немъ, что „онъ такой уродъ... такой уродъ... фу!“. И то, что онъ разсказываетъ ей о горахъ и о жизни тамъ — „ужасъ, гадость, отвращеніе просто“, ей даже вѣрить этому не хочется, — но ее все-таки манитъ посмотрѣть на все это самой. Какъ Эллиду („Дочь моря“) манитъ и влечетъ въ море таинственный незнакомецъ, такъ манитъ и влечетъ Майю „противный“ медвѣжатникъ ввысь, на страшныя вершины сквозь туманъ и грозовыя облака, и затѣмъ снова внизъ, въ жизнь.

„Контрастомъ этому олицетворенію природы, безобразіе котораго соблазняетъ потому, что въ немъ есть и сила, и мужество, и чувственность, — какъ въ натуралистическихъ сценахъ и образахъ Генрика Ибсена, — является исчезнувшій и вновь вернувшійся идеалъ бѣднаго, превращеннаго изъ эллиниста въ натуралиста, скульптора. И какъ возвращается этотъ идеалъ? Ирена выступаетъ точно мраморная статуя. Она какъ будто застыла, оледянѣла. Идеалъ охваченъ тяжелымъ недугомъ. Душа его окутана туманомъ безумія. Она воображаетъ себя мертвой и думаетъ, что распространяетъ вокругъ себя смерть. Обнаженное тѣло ея служило нѣкогда чистымъ цѣлямъ искусства, теперь она бредитъ, что выставляла его напоказъ всѣмъ и каждому, служа низменнымъ страстямъ толпы. Она чувствовала себя освященной духомъ искусства и въ то же время опозоренной полнымъ желанія взоромъ мужчины, не ставшаго ея мужемъ. Въ этомъ душевномъ разладѣ разумъ ея помутился. Отъ этого она сошла съ ума. Послѣ бѣдной жертвы наслѣдственности — Освальда Альвинга („Привидѣнія“), Ирена единственная дѣйствительно ненормальная среди героевъ и героинь Ибсена, единственная, побывавшая въ домѣ для душевно-больныхъ и теперь еще находящаяся подъ наблюденіемъ. И она-то какъ разъ олицетворяетъ тотъ идеалъ, единственный, быть-можетъ, изъ-за божественныхъ чертъ котораго не выглядываетъ звѣриной рожи. Иронія Ибсена здѣсь еще болѣе жестока, ядовита, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ его произведеніяхъ, гдѣ онъ глумится надъ свѣтомъ и людьми. Рядомъ съ этою чистою трагедіей все предыдущее производитъ впечатлѣніе настоящей трагикомедіи. У стараго непоколебимаго идеалиста все еще есть идеалъ, но идеалъ этотъ боленъ, искаженъ мірской суетой и самъ считаетъ себя мертвымъ.

„Поистинѣ безотрадный эпилогъ, если это дѣйствительно будетъ заключеніемъ творческой мудрости Ибсена! Но уже въ самомъ заглавіи эпилога мерцаетъ лучъ надежды. Быть-можетъ, мертвые, или воображаемые мертвыми, идеалы могутъ все-таки пробудиться. Быть-можетъ, настанетъ и для нашихъ идеаловъ день настоящаго „возстанія изъ мертвыхъ“, или воскресенія. Рубекъ обѣщалъ сначала Иренѣ, а затѣмъ Майѣ возвести ихъ на высокую гору и показать имъ всѣ царства міра и славу ихъ. Онъ не сдержалъ ни обѣщанія, даннаго дочери міра сего, ни даннаго святой. И слишкомъ поздно является сознаніе, что безъ этого взгляда съ высоты на славу міра жизнь не является жизнью, а много-много лишь цѣпью „эпизодовъ“, смѣною свѣта и тѣни мнимаго счастья и несчастья. Но образы двухъ дѣтей міра дѣйствуютъ оживляюще на обѣ души не отъ міра сего. Какъ и тѣ, эти послѣднія видятъ символъ настоящей жизни въ лѣтней ночи въ горахъ, но чѣмъ выше они подымаются, тѣмъ плотнѣе ихъ охватываютъ туманъ, снѣгъ и непогода. И межъ тѣмъ, какъ двое дѣтей міра, тѣсно прижавшись другъ къ другу, спасаются снова въ общество людей, паломники въ страну простора и солнца поднимаются все выше и выше, дальше и дальше, и исче-

заютъ, сливаясь съ необъятно-великой природой. Одинокая, презирая смерть, пробирается на ту же головокружительную высоту изъ круга людей сестра милосердія, слѣдуя за опекаемой ею бѣглянкой. Христіанское милосердіе слѣдуетъ за убѣгающимъ человѣческимъ идеаломъ, который увлекаетъ за собой и творца античной красоты на невѣдомыя высоты. Лавина погребла подъ собой обоихъ. Сестра милосердія является свидѣтельницей и напутствуетъ ихъ въ вѣчность молитвой: „Pax vobiscum!“.

„Не является ли Ирена ангеломъ мира, который укажетъ путь къ міру третьяго царства? Не вооружится ли все-таки старый поэтъ еще разъ, чтобы пророчески показать намъ отблескъ этого третьяго царства? Задача не представляетъ непреодолимыхъ трудностей ни возрасту ни фантазіи Генрика Ибсена. Какъ разъ въ этомъ послѣднемъ его трудѣ мы находимъ признаніе радости, доставляемой серьезнымъ упорнымъ трудомъ. Рубекъ-скульпторъ и Ульфгеймъ-охотникъ, художникъ и фавнъ, поэтъ и дитя міра, идеалистъ и матеріалистъ — сходятся въ одномъ пунктѣ: „Мы оба имѣемъ дѣло съ упорнымъ, неподатливымъ матеріаломъ... И оба мы въ концѣ концовъ одолѣваемъ. Торжествуемъ надъ матеріаломъ. Не отступаемъ, пока не сломимъ непокорнаго... Камню тоже есть изъ-за чего упорствовать. Онъ мертвъ и изо всѣхъ силъ упирается, когда вы молоткомъ вбиваете въ него жизнь...“—говоритъ Ульфгеймъ, а Рубекъ прерываетъ его спичъ задумчивымъ замѣчаніемъ: „Это вы вѣрно говорите“.

„Третье лицо въ этомъ союзѣ, безъ сомнѣнія, господинъ и повелитель самаго хрупкаго матеріала—слова, Генрикъ Ибсенъ. Поэтому мы и привѣтствуемъ эпилогъ „Когда мы, мертвецы, пробуждаемся“, какъ начало новой главы жизни“...

Какъ ни правильно смотритъ вообще нѣмецкій критикъ Шлентеръ и на каждое разбираемое имъ произведеніе Ибсена въ отдѣльности и на общую связь этого произведенія съ предыдущими пьесами, въ данномъ случаѣ онъ невѣрно понялъ одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ—Майю, почему и отвелъ ей второстепенное мѣсто. Тонко отмѣчая при разборѣ другихъ произведеній постоянно повторяющееся у Ибсена положеніе героя между двумя женщинами, какъ бы символизирующими внутренній душевный разладъ послѣдняго, Шлентеръ тутъ сосредоточилъ все свое вниманіе на одной изъ женщинъ—Иренѣ; о другой же—Майѣ упоминаетъ лишь какъ-то мимоходомъ. очевидно, проглядѣвъ истинный смыслъ и значеніе этого лица въ пьесѣ.

Датскій критикъ Торупъ сумѣлъ отнестись къ Майѣ совсѣмъ иначе.

„Весьма характерной чертой существеннаго различія между двумя подпавшими подъ вліяніе Рубека женщинами, Иреной и Майей, является то, что первая постоянно носитъ при себѣ оружіе внѣшней защиты, въ сущности совершенно безполезный для нея кинжалъ, между тѣмъ какъ Майя, являясь вообще совершенно безоружной во внѣшнемъ смыслѣ, отлично умѣетъ постоять за себя во внутреннемъ смыслѣ — защитить свою личность.

„Другая отличительная черта Майи та, что она свободна отъ обычныхъ ламентацій слабыхъ людей, сваливающихъ собственныя неудачи на другихъ. Увидавъ, что ее „провели“, она высказываетъ это тому, кто ее провелъ, прямо въ лицо, но не сваливаетъ всю вину на него одного, а сознаётъ и свою отвѣтственность за то, что поддалась обману, и дѣйствуетъ сообразно этому сознанію.

„Свободна Майя и отъ обычной потребности декадентовъ „нарушить законъ“, стать выше всякихъ порядковъ. Она пошла за Рубекомъ только какъ жена его и лишь съ его согласія отправляется въ смѣлую

экскурсію съ Ульфгеймомъ. И наконецъ не она самовольно порываетъ брачныя узы; она только возвращаетъ мужу свободу послѣ того, какъ онъ заявилъ ей: „Я соскучился, усталъ, разслабъ отъ жизни съ тобой".

„Майя олицетворяетъ ту юность, которая, сознавая въ глубинѣ души, что жизнь есть нѣчто иное, побольше „игры" (того, чѣмъ Рубекъ долго морочилъ Ирену и чѣмъ хотѣлъ заставить удовлетвориться и Майю), все-таки даетъ себя сманить, провести, въ силу своего желанія „пожить хорошо", поддается искушенію взойти на высокую гору, откуда ей обѣщаютъ показать „всѣ царства міра и славу ихъ". Не совсѣмъ съ легкимъ сердцемъ порѣшила Майя этотъ „трудный вопросъ", но все-таки порѣшила — послѣдовала за искусителемъ въ качествѣ его жены. Начиная догадываться, что обманута, Майя на уклончивый отвѣтъ Рубека заявляетъ, что поѣхала съ нимъ не только за тѣмъ, чтобы играть, а окончательно убѣдившись въ обманѣ и рѣшившись разорвать ложныя отношенія, говоритъ мужу: „Я хочу поставить жизнь на мѣсто всего прочаго... Да, право, думаю, что очнулась наконецъ!"

„По свойственному живому, нетронутому существу желанію „посмотрѣть самой" на все, желанію, которое особенно сильно въ Майѣ, она довольно необдуманно даетъ увлечь себя въ несовсѣмъ безопасную „спортивную" экскурсію съ Ульфгеймомъ. На этотъ разъ ее однако соблазнило уже не великолѣпіе связаннаго съ искусителемъ духовнаго міра; напротивъ, впечатлѣніе, которое производитъ на нее медвѣжатникъ Ульфгеймъ и его міръ, скорѣе отталкивающее, отвратительное. Самъ онъ — „такой уродъ, такой уродъ... фу!". А то, что онъ разсказываетъ — „ужасъ, гадость, отвращеніе просто!.." И если ей все-таки хочется самой посмотрѣть на это, то просто, чтобы знать — „правду ли онъ разсказываетъ"; въ ней въ сущности нѣтъ и слѣда декадентскаго сладострастнаго любопытства или нецѣломудреннаго желанія проникнуть въ запретный міръ окольными дорожками, „обходами", какъ у Гедды Габлеръ. Взволновалъ ея воображеніе охотникъ на медвѣдей, а не охотникъ на женщинъ, вотъ почему она и поступаетъ такъ необдуманно-рѣшительно, безъ оглядки.

„Кромѣ того, экскурсія предпринята съ полнаго согласія Рубека, которому Майя больше „не нужна" для осуществленія попытки „жизнью, озаренною свѣтомъ солнца и сіяньемъ красоты"; для него даже весьма кстати отдѣлаться отъ Майи. Онъ уже не совсѣмъ увѣренъ въ этой доброй душѣ, какъ прежде былъ неувѣренъ въ Иренѣ; Майя заставляетъ его задуматься въ первой же бесѣдѣ, когда такъ упорно отказывается назвать ихъ роскошное палаццо „домомъ" въ смыслѣ семейнаго очага, и онъ говоритъ ей на это, что она „въ сущности престранная маленькая особа". А немного спустя Рубекъ, вообще кутающійся въ тогу величія, уже не можетъ скрыть своего раздраженія поведеніемъ и отношеніемъ Майи къ нему и говоритъ ей, что она „собственно и не создана для горнихъ высотъ". Иными словами, если ее и провели обѣщаніемъ возвести на высокую гору и показать ей „всѣ царства міра и славу ихъ", то виновата въ этомъ она сама, „миленькая Майя", какъ онъ называетъ ее, чередуя это обращеніе съ другимъ полупрезрительнымъ, полунасмѣшливымъ „mein Kind".

„Онъ начинаетъ опасаться, что эта „маленькая особа", на которую онъ привыкъ смотрѣть сверху внизъ, пожалуй, раскусила его. Она всегда насторожѣ, не трусливаго десятка и не очень-то даетъ себѣ импонировать. Во второмъ дѣйствіи она, напримѣръ, говоритъ мужу: „...У тебя во взглядѣ появилась какая-то усталость, что-то отжившее. Вотъ когда ты такъ иногда... всемилостивѣйше бросишь на меня взглядъ искоса... И еще—у тебя въ послѣднее время появилось во взглядѣ что-то злое".

„Но не въ меньшей степени Майя насторожѣ и по отношенію къ Ульфгейму. Благодаря своему стремленію все видѣть самой, она увидѣла въ интересномъ медвѣжатникѣ фавна, а въ воспѣтомъ имъ замкѣ — готовый развалиться шалашъ, „старый свиной закутокъ“, гдѣ „ноги ея не будетъ“.

„И у Майи хватаетъ и чувства личнаго достоинства и смекалки, чтобы не дать фавну взять надъ нею верхъ, а затѣмъ—ей уже остается только избавиться отъ его общества и попасть къ людямъ. „О, какъ я буду пѣть и ликовать, когда спущусь внизъ цѣла и невредима!“

„И читателю, подмѣтившему здравый смыслъ Майи, ея быструю, здоровую смекалку, ея потребность называть вещи своими именами, читателю, открывшему серьезную подкладку въ этой молодой миніатюрной женщинѣ съ горячо-чувствующимъ сердечкомъ, которое то и дѣло даетъ себя знать подъ легкомысленной и лѣнивой съ виду внѣшней оболочкой, такому читателю поневолѣ придетъ мысль, что все это — внѣшнее, напускное, легко можетъ быть сброшено въ одинъ прекрасный день, въ серьезную минуту. Видя ея способность твердо рѣшаться, разрушая за собой всѣ мосты, проникаешься вѣрой въ то, что шаловливой „маленькой особѣ“ Майѣ (навряд ли даромъ она и носитъ это имя) дѣйствительно удастся добраться до цѣли „цѣлой и невредимой“ душой и тѣломъ. Она и впредь сумѣетъ удерживать на почтительномъ разстояніи фавновъ, не измѣняя при этомъ своей сердечной добротѣ, примѣняя тотъ именно способъ, который расшевеливаетъ и въ немъ заснувшую было человѣчность. Въ Ульфгеймѣ, пожалуй, сохранилось этой человѣчности и сердечной теплоты даже куда больше, нежели въ холодномъ и высокомѣрномъ профессорѣ.

„А самъ авторъ? Да и онъ, вѣроятно, согласенъ съ такимъ читателемъ. Хороня Рубека съ Ирены на мертво-пустынныхъ снѣжныхъ вершинахъ подъ лавиной, онъ даетъ намъ услышать снизу изъ міра живыхъ людей ликующій голосъ Майи:

Конецъ моей прежней неволѣ!
Я вольная птица теперь!
На волѣ, на волѣ, на волѣ!

„Ей, значитъ, удалось добраться цѣлой и невредимой. Наученная опытомъ, она и не будетъ впредь видѣть главное въ томъ, чтобы „пожить хорошо“ (т.-е. быть свободной отъ трудовъ и заботъ), къ чему Майя стремилась, когда она, по ея собственнымъ словамъ, была еще „глупой дѣвчонкой“, „жила съ отцомъ и матерью довольно-таки бѣдно“ и когда дала важному, богатому барину взять себя на руки и унести.

„Цѣлью юности станетъ въ будущемъ не то, чтобы ее носили на рукахъ, а то, чтобы идти на собственныхъ ногахъ, безъ помочей, своимъ путемъ, какъ къ земному, такъ и къ вѣчному благу.

„Самого будущаго, т.-е. новаго вѣка, новаго свѣжаго поколѣнія, авторъ однако не рисуетъ намъ въ этой драмѣ, которая въ качествѣ эпилога находится въ тѣсной связи съ остальными его драмами изъ современной жизни и вслѣдствіе этого должна носить отрицательный характеръ. Тѣмъ не менѣе „Когда мы, мертвецы, пробуждаемся“ заключаетъ въ себѣ элементы бодрящей надежды, и вся драма въ совокупности вполнѣ согласуется съ слѣдующимъ отрывкомъ извѣстной рѣчи Ибсена, произнесенной имъ въ 1887 г. въ Стокгольмѣ. Изъ этой рѣчи видно, что Ибсенъ не вѣритъ въ то, чтобы новый вѣкъ насталъ; онъ лишь надѣется на него, указываетъ на него. „Было высказано, — сказалъ Ибсенъ: — что и я въ значительной степени содѣйствовалъ наступленію новаго вѣка. Я же думаю, что наше время можно съ полнымъ основа-

ніемъ назвать только „заключеніемъ“, изъ котораго теперь готово вырасти нѣчто новое“... Закончилъ же Ибсенъ свою рѣчь такъ: „Позвольте мнѣ осушить свой бокалъ за будущее. Сегодняшній вечеръ, когда мы собрались тутъ — субботній вечеръ. За нимъ идетъ день отдыха, день праздничный, воскресный — зовите, какъ хотите. Я, съ своей стороны, буду доволенъ результатомъ труда своей жизни, если трудъ этотъ можетъ послужить къ тому, чтобы подготовить настроеніе для завтрашняго дня. Прежде же всего буду я доволенъ, если трудъ этотъ поспособствуетъ закаленію умовъ для той трудовой недѣли, которая, безъ сомнѣнія, наступитъ затѣмъ“.

„Какъ видно, Ибсенъ все указываетъ впередъ, на будущее и на связанное съ нимъ дѣло“.

КОГДА МЫ, МЕРТВЕЦЫ, ПРОБУЖДАЕМСЯ.

Драматическій эпилогъ въ трехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Профессоръ Арнольдъ Рубекъ, скульпторъ.
Фру Майя Рубекъ, его жена.
Инспекторъ курорта.
Помѣщикъ Ульфгеймъ.
Пріѣзжая дама (Ирена).
Сестра милосердія.
Егерь Ульфгейма.
Слуги, посѣтители курорта, дѣти.

Первое дѣйствіе происходитъ на морскихъ купаньяхъ; второе и третье — въ окрестностяхъ горной санаторіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Часть парка, разбитаго передъ гостиницей курорта, главный корпусъ которой виденъ справа; купы кустовъ и большихъ, старыхъ деревьевъ; фонтанъ. Налѣво небольшой павильонъ, стѣнъ котораго почти не видно изъ-за обвивающей ихъ зелени и листвы дикаго винограда. Передъ павильономъ столъ и стулъ. На заднемъ планѣ видъ на фьордъ, вплоть до открытаго моря; вдали видны мысы, островки и маленькіе фьорды. Тихое солнечное лѣтнее утро.

Профессоръ Рубекъ и Майя сидятъ въ плетеныхъ садовыхъ креслахъ у накрытаго столика, на площадкѣ передъ гостиницей. Они покончили съ завтракомъ и пьютъ шампанское и сельтерскую воду. У каждаго въ рукахъ газета. Рубекъ пожилой, видный господинъ: одѣтъ вообще по-лѣтнему, но въ черномъ бархатномъ пиджакѣ. Майя совсѣмъ мо-

лоденькая дама, съ полнымъ жизни лицомъ и веселыми задорными глазами, однако съ оттѣнкомъ усталости. Одѣта въ элегантный дорожный костюмъ.

Майя (сидитъ нѣкоторое время какъ бы въ ожиданіи, что профессоръ заговоритъ. Затѣмъ опускаетъ руку съ газетой и вздыхаетъ). Уфъ! Нѣтъ, нѣтъ!..

Рубекъ (подымая глаза отъ газеты). Ну, Майя? Что съ тобой?

Майя. Да ты послушай только, какое здѣсь безмолвіе!

Рубекъ (съ снисходительной улыбкой). А ты можешь это слышать?

Майя. Что?

Рубекъ. Безмолвіе.

Майя. Конечно, могу.

Рубекъ. А что-жъ, пожалуй, ты и права, mein Kind! Дѣйствительно, безмолвіе можно слышать.

Майя. Еще бы! Вотъ когда оно такъ все подавляетъ, какъ тутъ...

Рубекъ. Какъ тутъ на купаньяхъ, да?

Майя. Всюду здѣсь, на родинѣ, — по-моему. Правда, тамъ, въ городѣ, довольно шуму и гаму. И все-таки... по-моему, въ самомъ шумѣ и гамѣ — что-то мертвое.

Рубекъ (испытующе глядя на нее). Такъ ты ужъ не рада, что опять на родинѣ, Майя?

Майя (смотритъ на него). А ты радъ?

Рубекъ (уклончиво). Я?..

Майя. Да. Ты вѣдь дольше, гораздо дольше меня пробылъ за границей. Ты-то очень радъ, что опять на родинѣ?

Рубекъ. Нѣтъ, откровенно говоря, не такъ, чтобы ужъ очень...

Майя (оживленно). Вотъ видишь! Развѣ я не знала!

Рубекъ. Пожалуй, я слишкомъ долго пробылъ за границей. Совсѣмъ отвыкъ отъ всего этого... родного.

Майя (пододвигая къ нему свое кресло, горячо). Вотъ видишь, Рубекъ! Такъ уѣдемъ же поскорѣе! Какъ можно скорѣе!

Рубекъ (съ оттѣнкомъ нетерпѣнія). Ну, да-да, мы и уѣдемъ, милая Майя. Ты же знаешь.

Майя. Такъ почему не сейчасъ? Подумай! Какъ бы хорошо намъ было въ нашемъ новомъ чудномъ палаццо.

Рубекъ (съ снисходительной улыбкой). Собственно, слѣдовало бы сказать: въ нашемъ новомъ чудномъ домѣ.

Майя (отрывисто). Я предпочитаю говорить — палаццо. Такъ и порѣшимъ.

Рубекъ (долго пристально смотритъ на нее). Въ сущности ты престранная маленькая особа.

Майя. Развѣ я такая странная?

Рубекъ. Да, мнѣ кажется.

Майя. Почему это? Не потому ли, что у меня нѣтъ особой охоты жить тутъ или рыскать по окрестностямъ?..

Рубекъ. А кто изъ насъ, во что бы то ни стало, хотѣлъ провести лѣто на сѣверѣ?

Майя. Ну да, — положимъ, я.

Рубекъ. Да, ужъ никакъ не я.

Майя. Но, Господи, кто же могъ думать, что у насъ тутъ все такъ ужасно перемѣнилось? Да еще въ такое короткое время. Ты подумай! Прошло вѣдь какихъ-нибудь четыре года съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхала...

Рубекъ. ...Въ качествѣ замужней дамы, да.

Майя. Замужней? При чемъ это?

Рубекъ (продолжая). Съ тѣхъ поръ, какъ стала госпожой профессоршей, пріобрѣла чудный домъ... ахъ, извини, надо бы сказать — палаццо! Да еще виллу на берегу Тауницкаго озера, въ самомъ модномъ, аристократическомъ уголкѣ... Да, и все тамъ такъ изысканно, роскошно, — черезчуръ даже, смѣю сказать, Майя. Ну, и просторно. Нѣтъ надобности вѣчно торчать другъ у друга на глазахъ...

Майя (небрежно). Да, да, да... Простора и всего прочаго вдоволь. На это нельзя пожаловаться...

Рубекъ. Вообще ты попала въ болѣе изысканныя и просторныя условія жизни. Въ болѣе избранное общество, чѣмъ то, къ какому привыкла дома.

Майя (смотритъ на него). А, такъ ты полагаешь, что это я перемѣнилась?

Рубекъ. Полагаю, Майя.

Майя. Одна я? А не люди здѣсь?

Рубекъ. Ну, и они тоже. Немножко, пожалуй. И отнюдь не въ привлекательномъ смыслѣ. Съ этимъ я согласенъ.

Майя. Еще бы не согласенъ!

Рубекъ (мѣняя тонъ). Знаешь, въ какое настроеніе я прихожу, какъ погляжу на всю эту жизнь и на людей вокругъ?

Майя. Нѣтъ. Въ какое?

Рубекъ. Мнѣ вспоминается ночь, когда мы ѣхали по желѣзной дорогѣ сюда на сѣверъ...

Майя. Да вѣдь ты тогда спалъ въ вагонѣ.

Рубекъ. Не совсѣмъ. Я замѣтилъ, что на всѣхъ маленькихъ станціяхъ стало такъ безмолвно... Я слышалъ это безмолвіе... какъ и ты, Майя...

Майя. Гм... какъ я; да.

Рубекъ. И я понялъ, что мы переѣхали границу. Очутились дѣйствительно на родинѣ. На всѣхъ полустанкахъ поѣздъ стоялъ... хотя не было ни пассажировъ ни груза.

Майя. Зачѣмъ же онъ стоялъ, если ничего не было?

Рубекъ. Не знаю. Никто не выходилъ, никто не садился. А поѣздъ стоялъ себѣ да стоялъ, долго-долго, до безконечности. И на каждомъ полустанкѣ я слышалъ, какъ по платформѣ ходили двое служащихъ — одинъ съ фонаремъ въ рукахъ — и разговаривали среди этой ночной тишины тихо, беззвучно... такъ, ни о чемъ.

Майя. Ты правъ. Тамъ всегда расхаживаютъ двое такихъ вотъ и разговариваютъ...

Рубекъ. ...Ни о чемъ. (Переходя въ болѣе оживленный тонъ) Но погоди только до завтра. Въ гавань придетъ большой, комфортабельный пароходъ. Сядемъ и поѣдемъ вдоль береговъ... на самый сѣверъ... прямо въ Ледовитый океанъ.

Майя. Но тогда ты не увидишь самой страны... и жизни. А тебѣ вѣдь именно этого и хотѣлось.

Рубекъ (отрывисто, ворчливо). Будетъ съ меня; больше, чѣмъ достаточно.

Майя. Ты думаешь, прогулка по морю тебя больше удовлетворитъ?

Рубекъ. Все-таки перемѣна.

Майя. Да-да, если только это принесетъ тебѣ пользу, то...

Рубекъ. Мнѣ? Пользу? Да мнѣ развѣ чего-нибудь недостаетъ?

Майя (встаетъ и подходитъ къ нему). Да, Рубекъ. Ты самъ долженъ это чувствовать.

Рубекъ. Но, милая Майя... чего же мнѣ недостаетъ, по-твоему?

Майя (стоя позади и наклоняясь надъ спинкой его кресла). А это ты мнѣ скажи. Ты бродишь, точно потерянный. Мѣста себѣ нигдѣ не находишь. Ни дома ни въ гостяхъ. Въ послѣднее время вообще даже сталъ нелюдимымъ.

Рубекъ (съ легкой насмѣшкой). Въ самомъ дѣлѣ?.. Ты это замѣтила?

Майя. Это всякому въ глаза бросится, кто знаетъ тебя. И, на мой взглядъ, очень грустно, что ты совсѣмъ потерялъ охоту къ работѣ.

Рубекъ. И это еще?

Майя. Ты вѣдь, бывало, могъ работать безъ устали... съ утра и до вечера.

Рубекъ (мрачно). Да, прежде; да.

Майя. Но какъ только ты закончилъ свой шедевръ...

Рубекъ (задумчиво кивая головой). «Возстаніе изъ мертвыхъ»...

Майя. ...Который прогремѣлъ по всему свѣту и такъ тебя прославилъ...

Рубекъ. Въ этомъ-то, пожалуй, вся и бѣда, Майя.

Майя. Какъ такъ?

Рубекъ. Когда я создалъ этотъ мой шедевръ... (Съ горячностью взмахивая рукой) Да, «Возстаніе изъ мертвыхъ» все-таки шедевръ! Или былъ имъ сначала. Нѣтъ, и остался. И останется, останется шедевромъ!

Майя (удивленно глядя на него). Да, Рубекъ... это вѣдь знаетъ весь свѣтъ.

Рубекъ (рѣзко). Весь свѣтъ ничего не знаетъ! Ничего не понимаетъ!

Майя. Ну, во всякомъ случаѣ кое-о-чемъ догадывается чутьемъ...

Рубекъ. О томъ, чего вовсе нѣтъ,—да. О томъ, чего у меня самого и въ мысляхъ не было. Этимъ-то, главное, и восхищаются! (Ворчитъ себѣ подъ носъ) Не стоитъ и труда стараться, изъ силъ выбиваться ради этой толпы, массы... ради «всего свѣта»!

Майя. По-твоему, лучше... или достойнѣе тебя изрѣдка вылѣпить тамъ какой-нибудь бюстъ-портретъ?

Рубекъ (съ самодовольной и лукавой улыбкой). Собственно бюстовъ-портретовъ я не лѣплю, Майя.

Майя. Конечно, лѣпишь! Послѣдніе два-три года... съ тѣхъ поръ, какъ ты совсѣмъ отдѣлалъ и сдалъ свою большую группу...

Рубекъ. Все-таки это не простые бюсты-портреты, говорятъ тебѣ.

Майя. А какіе же?

Рубекъ. Въ нихъ и за ними скрывается нѣчто... чего люди не видятъ...

Майя. Вотъ какъ?

Рубекъ (рѣшительнымъ тономъ). Я одинъ это вижу. И меня это отъ души забавляетъ... Съ виду все дѣло какъ будто въ этомъ «поразительномъ сходствѣ» — какъ говорятъ — которому люди дивятся, разинувъ ротъ... (Понижая голосъ) А въ сущности-то изъ глубины этихъ бюстовъ-портретовъ выглядываютъ почтенныя лошадиныя морды, упрямыя ослиныя башки, вислоухія, низколобыя песьи хари, откормленныя свиныя рыла... и тупыя, грубыя бычачьи рожи...

Майя (равнодушно). ...Значитъ — всѣ милыя домашнія животныя.

Рубекъ. Только милыя домашнія животныя, Майя. Всѣ тѣ животныя, которыхъ люди изуродовали по своему образу и подобію и которыя въ отместку изуродовали людей. (Осушаетъ бокалъ шампанскаго и смѣется) Вотъ какія коварныя произведенія искусства заказываютъ мнѣ почтенные богатые люди! И,

не задумываясь, оплачиваютъ ихъ... дорого, очень дорого... чуть не на вѣсъ золота, какъ говорится.

Майя (наливая ему бокалъ). Фи, Рубекъ! Пей же и будь веселѣе!

Рубекъ (нѣсколько разъ проводитъ рукой по лбу и откидывается на спинку кресла). Я и такъ веселъ, Майя. Вполнѣ веселъ. На свой ладъ. (Помолчавъ немного) Есть, конечно, извѣстное счастье въ сознаніи своей полной свободы и независимости. Въ обладаніи всѣмъ тѣмъ, что только взбредетъ въ голову пожелать. Я говорю о внѣшнемъ благополучіи. Развѣ ты не согласна съ этимъ, Майя?

Майя. Да, пожалуй. И это, конечно, недурно. (Смотритъ на него) Но ты помнишь, что обѣщалъ мнѣ въ тотъ день, когда мы столковались насчетъ того... труднаго вопроса...

Рубекъ (кивая головой). ...Столковались, что поженимся... Да, тебѣ было трудновато рѣшиться, Майя.

Майя (невозмутимо продолжая). ...И порѣшили, что я уѣду съ тобой за границу на постоянное житье... и заживу хорошо... Помнишь, что ты обѣщалъ мнѣ тогда?

Рубекъ (отрицательно качая головой). Нѣтъ, право, не припомню. Что же такое я обѣщалъ тебѣ тогда?

Майя. Ты сказалъ, что возьмешь меня съ собой на высокую гору и покажешь мнѣ всѣ царства міра и славу ихъ.

Рубекъ (пораженный). Такъ я это также... тебѣ обѣщалъ?

Майя (смотритъ на него). Также мнѣ? А кому же еще?

Рубекъ (равнодушно). Нѣтъ, нѣтъ; я хотѣлъ только сказать— развѣ я обѣщалъ показать тебѣ?..

Майя. ...Всѣ царства міра и славу ихъ, — да, ты такъ и сказалъ. И слава эта должна была стать нашей — моей и твоей, сказалъ ты.

Рубекъ. Ну, это у меня просто такая поговорка была.

Майя. Только поговорка?

Рубекъ. Да, еще со школьной скамьи. Такъ я сманивалъ, бывало, изъ дому сосѣдскихъ ребятишекъ, когда мнѣ хотѣлось увлечь ихъ поиграть въ лѣсъ, въ горы.

Майя (пристально смотритъ на него). Ты и меня, пожалуй, только хотѣлъ этимъ сманить поиграть?

Рубекъ (переходя въ шутливый тонъ). А развѣ, въ самомъ дѣлѣ, не веселая вышла игра, Майя?

Майя (холодно). Я поѣхала съ тобой не для того только, чтобы играть.

Рубекъ. Да, да, пожалуй, что такъ.

Майя. А ты такъ и не взялъ меня на высокую гору и не показалъ мнѣ...

Рубекъ (съ досадой). ...Всѣхъ царствъ міра и славы пхъ? Нѣтъ, этого я не сдѣлалъ. Потому что, скажу я тебѣ, ты собственно и не создана для горнихъ высотъ, миленькая Майя!

Майя (стараясь овладѣть собой). Однако, мнѣ кажется, ты думалъ иначе когда-то.

Рубекъ. Лѣтъ пять тому назадъ, да. (Потягиваясь) Пять лѣтъ — долгій, долгій срокъ, Майя.

Майя (смотритъ на него съ горечью). Развѣ время показалось тебѣ такимъ долгимъ, Рубекъ?

Рубекъ. Какъ будто начинаетъ немножко казаться. (Зѣваетъ). Такъ, иногда.

Майя (переходитъ на свое мѣсто). Я не буду докучать тебѣ дольше. (Садится на свое мѣсто, беретъ газету и перелистываетъ ее).

(Молчаніе).

Рубекъ (положивъ локти на столъ, смотритъ на нее, словно поддразнивая). Профессорша обижена?

Майя (холодно, не глядя). Нисколько.

(По парку, справа налѣво, начинаютъ проходить посѣтители курорта, большею частью дамы, по одиночкѣ и группами. Лакеи проносятъ изъ гостиницы за павильонъ прохладительные напитки).

(Показывается инспекторъ курорта, заканчивающій обычный обходъ по парку; онъ въ перчаткахъ и съ тросточкой: встрѣчаясь съ гостями, любезно раскланивается, а съ нѣкоторыми и обмѣнивается парой словъ).

Инспекторъ (направляясь къ столу Рубека и вѣжливо снимая шляпу). Мой почтительнѣйшій привѣтъ фру профессоршѣ! Здравствуйте, господинъ профессоръ!

Рубекъ. Здравствуйте, здравствуйте, господинъ инспекторъ!

Инспекторъ (обращаясь къ Майѣ). Смѣю спросить, хорошо ли господа почивали?

Майя. Благодарю; отлично, что касается меня. Я всегда сплю по ночамъ, какъ убитая.

Инспекторъ. Очень радъ. Первая ночь на новомъ мѣстѣ часто бываетъ безпокойной. А господинъ профессоръ?..

Рубекъ. У меня сонъ неважный. Особенно въ послѣднее время.

Инспекторъ (съ формальнымъ участіемъ). А, очень, очень жаль. Но нѣсколько недѣль у насъ на купаньяхъ... и дѣло поправится.

Рубекъ (взглядываетъ на него). Скажите мнѣ, господинъ инспекторъ... кто-нибудь изъ вашихъ больныхъ купается ночью?

Инспекторъ (удивленно). Ночью? Нѣтъ, никогда не слыхалъ.

Рубекъ. Нѣтъ?

Инспекторъ. Нѣтъ, я что-то не знаю здѣсь никого, кто былъ бы боленъ настолько, чтобы это оказывалось нужнымъ.

Рубекъ. Ну, а кто-нибудь имѣетъ привычку гулять ночью по парку?

Инспекторъ (улыбаясь и отрицательно качая головой). Нѣтъ, господинъ профессоръ. Это было бы противъ режима.

Майя (съ нетерпѣніемъ). Господи, Рубекъ, вѣдь я же говорила утромъ, что тебѣ все это во снѣ приснилось!

Рубекъ (сухо). Да? Во снѣ? Благодарю! (Поворачиваясь къ инспектору) Я, видите ли, вставалъ сегодня ночью; мнѣ не спалось... и вздумалось посмотрѣть, какова погода...

Инспекторъ (слушая со вниманіемъ). Да, да, господинъ профессоръ, и что же?

Рубекъ. Я взглянулъ въ окно... и увидалъ тамъ между деревьями свѣтлую фигуру.

Майя (съ улыбкой инспектору). Профессоръ говоритъ, что фигура была въ купальномъ халатѣ.

Рубекъ. Или въ чемъ-то въ родѣ того, сказалъ я. Я не могъ хорошенько разобрать. Видѣлъ только что-то бѣлое.

Инспекторъ. Въ высшей степени странно. Кто же это былъ— мужчина или дама?

Рубекъ. Мнѣ показалось совсѣмъ ясно, что это была дама. Но за ней двигалась другая фигура, совершенно темная. Словно тѣнь.

Инспекторъ (пораженный). Темная?.. Совсѣмъ черная, быть-можетъ?

Рубекъ. Да, почти, какъ мнѣ показалось.

Инспекторъ (какъ бы озаренный догадкой). И она слѣдовала за бѣлой? По пятамъ?..

Рубекъ. Да, въ нѣкоторомъ разстояніи...

Инспекторъ. Ага! Такъ я, пожалуй, сумѣю дать вамъ разъясненіе, господинъ профессоръ.

Рубекъ. Ну, такъ кто же это былъ?

Майя (одновременно). Такъ профессоръ, правда, не во снѣ все это видѣлъ?

Инспекторъ (вдругъ шопотомъ, указывая вглубь направо). Тсс... господа! Взгляните туда... и не говорите теперь объ этомъ громко!

(Изъ-за угла гостиницы выходитъ стройная дама, въ платьѣ изъ тонкаго бѣлаго кашемира; за ней слѣдуетъ сестра милосердія, съ большимъ серебрянымъ крестомъ, спускающимся на грудь на цѣпочкѣ; обѣ проходятъ по парку къ павильону налѣво. Лицо дамы блѣдно, всѣ черты словно застыли, вѣки опущены, и глаза какъ будто незрячіе. Платье плотно прилегаетъ къ фигурѣ, ниспадая прямыми складками до полу. На голову, спину, плечи и грудь наброшена большая бѣлая креповая шаль. Руки скрещены на груди, станъ неподвиженъ, походка размѣренная, словно деревянная. Сестра милосердія держится также навытяжку и, видимо, прислуживаетъ дамѣ, съ которой не спускаетъ про-

изительныхъ карихъ глазъ. Лакеи съ переброшенными черезъ руку салфетками выходятъ изъ дверей гостиницы и съ любопытствомъ слѣдятъ за двумя незнакомками. Тѣ не обращаютъ ни на что вниманія и, не глядя по сторонамъ, направляются въ павильонъ).

Рубекъ (медленно и какъ бы невольно встаетъ съ кресла, не сводя глазъ съ затворившейся двери павильона). Кто эта дама?

Инспекторъ. Пріѣзжая, которая сняла тотъ маленькій павильонъ.

Рубекъ. Иностранка?

Инспекторъ. Вѣроятно. Во всякомъ случаѣ, обѣ прибыли сюда изъ-за границы. Недѣлю тому назадъ. И никогда не бывали у насъ прежде.

Рубекъ (увѣренно, глядя на него). Это ее я и видѣлъ ночью въ паркѣ.

Инспекторъ. Вѣроятно. Я сразу такъ подумалъ.

Рубекъ. Какъ ее зовутъ, господинъ инспекторъ?

Инспекторъ. Она записалась: madame de Satow съ компаньонкой. Больше мы ничего не знаемъ.

Рубекъ (раздумывая). Сатова? Сатова?..

Майя (съ легкой насмѣшкой). Ты знаешь кого-нибудь съ такой фамиліей, Рубекъ? А?

Рубекъ (отрицательно качая головой). Никого... Сатова? Фамилія какъ будто русская. Во всякомъ случаѣ, славянская. (Инспектору) На какомъ языкѣ она говоритъ?

Инспекторъ. Между собой онѣ говорятъ на такомъ языкѣ, что я ничего не могу разобрать. А то она чисто говоритъ по-норвежски.

Рубекъ (въ порывѣ изумленія). По-норвежски? Вы не ошибаетесь?

Инспекторъ. Нѣтъ, ужъ тутъ я ошибиться не могу.

Рубекъ (съ напряженіемъ глядя на него). Вы сами слышали?

Инспекторъ. Да. Я самъ говорилъ съ ней. Всего нѣсколько разъ. И два-три слова. Она очень несловоохотлива. Но...

Рубекъ. ...Говоритъ по-норвежски?

Инспекторъ. Чистымъ, прекраснымъ норвежскимъ языкомъ. Пожалуй, съ легкимъ нордландскимъ акцентомъ.

Рубекъ (растерянно глядя въ пространство). И это вдобавокъ!

Майя (слегка уязвленная и раздраженная). Быть-можетъ, эта дама была когда-нибудь у тебя натурщицей, Рубекъ? Вспомни-ка!

Рубекъ (смотритъ на нее въ упоръ). Натурщицей!

Майя (съ поддразнивающей улыбкой). Ну да; когда ты былъ помоложе. У тебя вѣдь, говорятъ, пропасть было натурщицъ! Въ прежнія времена, разумѣется.

Рубекъ (въ томъ же тонѣ). Нѣтъ, миленькая фру Майя! Я, въ сущности, имѣлъ только одну единственную натурщицу. Единственную — для всего, что я создалъ.

Инспекторъ (который смотрѣлъ въ это время влѣво). Къ сожалѣнію, я долженъ откланяться: тамъ идетъ господинъ, съ которымъ не очень-то пріятно сталкиваться. Особенно въ присутствіи дамъ.

Рубекъ (тоже глядитъ влѣво). Тотъ охотникъ, что идетъ сюда? Кто это?

Инспекторъ. Помѣщикъ Ульфгеймъ, изъ...

Рубекъ. А, Ульфгеймъ!

Инспекторъ. Медвѣжатникъ, какъ его прозвали...

Рубекъ. Я знаю его.

Инспекторъ. Кто его не знаетъ!

Рубекъ. Впрочемъ, такъ, слегка, очень мало. Что же, и онъ попалъ на излѣченіе... наконецъ?

Инспекторъ. Нѣтъ еще — къ удивленію, нѣтъ! Онъ просто такъ наѣзжаетъ сюда разъ въ годъ... проѣздомъ на охоту... Извините пока... (Хочетъ войти въ гостиницу).

Голосъ Ульфгейма (за сценой). Да погодите же! Постойте, чортъ побери! Чего вы вѣчно бѣгаете отъ меня?

Инспекторъ (останавливаясь). И не думаю бѣгать, господинъ Ульфгеймъ.

(Слѣва входитъ Ульфгеймъ, въ сопровожденіи егеря со сворой охотничьихъ собакъ. Ульфгеймъ въ охотничьемъ костюмѣ, высокихъ сапогахъ и мягкой шляпѣ съ перомъ. Онъ высокъ, худъ, мускулистъ и громогласенъ; кудлатые волосы и борода; возрастъ опредѣлить трудно, но уже не молодъ).

Ульфгеймъ (обрушиваясь на инспектора). Это еще что за манера обходиться съ гостями? Удираете со всѣхъ ногъ, поджавъ хвостъ, точно за вами самъ чортъ гонится!

Инспекторъ (спокойно, обходя вопросъ). Вы на пароходѣ прибыли?

Ульфгеймъ (ворчливо). Не имѣлъ чести видѣть никакого парохода. (Подбочениваясь) Вы развѣ не знаете, что я плаваю на собственной яхтѣ? (Егерю) Хорошенько позаботься о своихъ ближнихъ, Ларсъ! Но смотри, чтобы они все-таки звѣрски проголодались. Свѣжихъ костей дай. Только мяса на нихъ поменьше, слышишь? Да самыхъ свѣжихъ, съ кровью! И самъ набей себѣ брюхо. (Какъ бы давая ему пинка ногой) А теперь — проваливай къ чорту!

(Егерь съ собаками уходитъ за уголъ гостиницы).

Инспекторъ. Не угодно ли вамъ пока пройти въ столовую?

Ульфгеймъ. Къ этимъ полудохлымъ мухамъ и людямъ? Покорнѣйше благодарю, господинъ инспекторъ!

Инспекторъ. Какъ угодно, какъ угодно.

Ульфгеймъ. А вы вотъ велите-ка буфетчицѣ заняться нашимъ снаряженіемъ, какъ всегда. Да не жалѣть съѣстного. А главное—водки!... Скажите, что мы съ Ларсомъ зададимъ ей перцу, если она... не того...

Инспекторъ (прерывая). Знаемъ, знаемъ. (Оборачиваясь къ Рубеку) Не передать ли какихъ приказаній отъ васъ, господинъ профессоръ? Или, можетъ-быть, отъ фру Рубекъ?

Рубекъ. Нѣтъ, благодарю. Мнѣ ничего не надо.

Майя. И мнѣ тоже.

(Инспекторъ уходитъ въ гостиницу).

Ульфгеймъ (пристально всматривается и приподымаетъ шляпу). Чортъ возьми! Дворовый песъ затесался никакъ въ важную компанію?

Рубекъ (взглядываетъ на него). Что вы хотите сказать?

Ульфгеймъ (нѣсколько сдержаннѣе и обходительнѣе). Я налетѣлъ, кажется, на самого скульптора Рубека?

Рубекъ (кивая). Мы встрѣчались съ вами раза два въ обществѣ послѣдней осенью, когда я былъ здѣсь, на родинѣ.

Ульфгеймъ. Да, но это ужъ давненько было. Тогда вы еще не были знаменитостью, какой, говорятъ, теперь стали. Тогда и сиволапый медвѣжатникъ еще осмѣливался подойти къ вамъ.

Рубекъ (съ улыбкой). Я и теперь не кусаюсь.

Майя (съ любопытствомъ разглядывая Ульфгейма). А вы въ самомъ дѣлѣ настоящій медвѣжатникъ?

Ульфгеймъ (присаживаясь къ другому столику, ближе къ гостиницѣ). Предпочтительно медвѣжатникъ, сударыня. А то не брезгаю и другой дичью — какая попадется. И орлами, и волками, и женщинами, и лосями, и оленями... Только чтобы дичинка была свѣжая, сочная, съ настоящей кровью... (Отпиваетъ изъ охотничьей фляжки).

Майя (не сводя съ него глазъ). А предпочтительно все-таки медвѣжатникъ?

Ульфгеймъ. Да. Потому что тутъ этакъ сподручно—въ случаѣ чего — взяться за ножъ. (Съ бѣглой усмѣшкой) Мы оба имѣемъ дѣло съ упорнымъ, упрямымъ матеріаломъ — и я и вашъ мужъ. Онъ вѣдь возится съ мраморомъ, я съ напряженными, бьющимися медвѣжьими жилами. И оба мы въ концѣ концовъ одолѣваемъ. Торжествуемъ надъ матеріаломъ. Не отступаемъ, пока не сломимъ непокорнаго.

Рубекъ (задумчиво). Это вы вѣрно говорите.

Ульфгеймъ. Да, камню тоже есть изъ-за чего упорствовать. Онъ мертвъ и изо всѣхъ силъ упирается, когда вы молоткомъ

вбиваете въ него жизнь. Совсѣмъ какъ медвѣдь въ берлогѣ, когда его расшевеливаютъ кольями.

Майя. Что же, вы теперь собираетесь въ лѣсъ на охоту?

Ульфгеймъ. Туда, въ горы... Вы, вѣрно, никогда не бывали тамъ, на вершинахъ скалъ?

Майя. Никогда.

Ульфгеймъ. Чортъ возьми, такъ постарайтесь попасть туда нынѣшнимъ лѣтомъ! Отправимся вмѣстѣ. И вы и профессоръ.

Майя. Благодарю. Но Рубекъ думаетъ прокатиться по морю.

Рубекъ. По шхерамъ, обогнуть берегъ.

Ульфгеймъ. Фу, какого чорта вамъ понадобилось въ этихъ проклятыхъ, душныхъ канавахъ? Подумать только — колыхаться и дремать на этой водицѣ — не то соленой, не то прѣсной... Чистое рвотное, по-моему!

Майя. Слышишь, Рубекъ?

Ульфгеймъ. Нѣтъ, ужъ лучше отправляйтесь-ка со мной въ горы. Тамъ свободно, чисто отъ людей! Вы не можете себѣ представить, что это значитъ для меня. Но такой дамочкѣ... (Вдругъ останавливается).

(Изъ павильона выходитъ сестра милосердія и идетъ въ гостиницу).

Ульфгеймъ (провожая ее глазами). Глядите, глядите! Черная птица!.. Кого это собираются хоронить?

Рубекъ. Я что-то не слыхалъ, чтобы здѣсь кто умеръ...

Ульфгеймъ. Ну такъ собирается подохнуть. Въ какомъ-нибудь углу. Всѣ эти хворые и дохлые отлично бы сдѣлали, если бы постарались поскорѣе лечь въ могилу... чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!

Майя. Вамъ самимъ случалось хворать, господинъ помѣщикъ?

Ульфгеймъ. Никогда. Иначе бы я не сидѣлъ тутъ... Но близкимъ моимъ случалось, бѣднягамъ.

Майя. И что же вы для нихъ дѣлали?

Ульфгеймъ. Конечно, пристрѣливалъ.

Рубекъ (смотритъ на него). Пристрѣливали?

Майя (отодвигаясь со своимъ кресломъ). На смерть?

Ульфгеймъ (кивая головой). Я никогда не пуделяю, сударыня.

Майя. Да какъ же вы дошли до того, чтобы пристрѣливать людей!

Ульфгеймъ. Я и не говорю о людяхъ.

Майя. Вы сказали: ваши близкіе...

Ульфгеймъ. Мои близкіе, разумѣется — псы.

Майя. Псы — ваши близкіе?

Ульфгеймъ. Ближе у меня никого нѣтъ. Мои честные, вѣрные, добросовѣстные охотничьи товарищи!.. Когда который-

нибудь изъ нихъ начинаетъ хирѣть и болѣть -- пафъ! и готово! Мой другъ переправленъ—на ту сторону.

(Сестра милосердія выходитъ изъ гостиницы съ подносомъ, на которомъ сервированы молоко и хлѣбъ, ставитъ его на столикъ возлѣ павильона и сама уходитъ туда).

Ульфгеймъ (съ презрительнымъ смѣхомъ). И это, это называется человѣческой ѣдой! Разбавленное молоко и рыхлый липкій хлѣбъ. Нѣтъ, поглядѣли бы вы, какъ жрутъ мои товарищи! Хотите?

Майя (улыбаясь въ сторону профессора и вставая). Охотно.

Ульфгеймъ (также встаетъ). Вотъ молодецъ-барыня! Пойдемте. Они глотаютъ огромныя кости цѣликомъ. Давятся и опять глотаютъ. Просто заглядѣнье! Пойдемте, я вамъ покажу. И потолкуемъ кстати насчетъ этой прогулки въ горы... (Скрывается за угломъ гостиницы. Майя идетъ за нимъ).

(Почти въ то же время изъ павильона выходитъ дама въ бѣломъ и садится за столъ).

Дама (беретъ стаканъ съ молокомъ и хочетъ отпить, но, замѣтивъ Рубека, останавливается и смотритъ на него безжизненнымъ взглядомъ).

Рубекъ (остается сидѣть у своего стола и серьезно, не отрываясь, смотритъ на даму. Наконецъ встаетъ, дѣлаетъ къ ней нѣсколько шаговъ и тихо говоритъ). Я узналъ тебя, Ирена.

Дама (ставя стаканъ на столъ, беззвучнымъ голосомъ). Такъ ты догадался, Арнольдъ?

Рубекъ (не отвѣчая). И ты, какъ вижу, узнала меня.

Дама. Тебя — другое дѣло.

Рубекъ. Почему?

Дама. Ты вѣдь еще живъ.

Рубекъ (недоумѣвая). Живъ?..

Дама (немного погодя). А кто была та, другая? Которая... сидѣла съ тобой за столомъ?

Рубекъ (затрудняясь). Это? Это... жена моя.

Дама (медленно, кивая головой). Такъ. Это хорошо, Арнольдъ. Значитъ, до нея мнѣ нѣтъ дѣла...

Рубекъ (нетвердо). Само собой...

Дама. Она попала къ тебѣ, когда меня уже не было въ живыхъ.

Рубекъ (вдругъ всматриваясь въ нее). Когда тебя?.. Что ты говоришь, Ирена?

Ирена (не отвѣчая). А дитя? Ему вѣдь живется тоже хорошо. Наше дитя пережило меня. Живетъ въ чести и славѣ...

Рубекъ (улыбаясь, точно переносясь мыслью въ далекое прошлое). Наше дитя? Да, мы такъ его называли... тогда.

Ирена. При жизни, да.

Рубекъ (пытаясь перейти въ шутливый тонъ). Да, Ирена... повѣрь, «дитя наше» прославилось на весь свѣтъ. Ты, вѣрно, читала о немъ?

Ирена (кивая). И прославило своего отца... Ты объ этомъ и мечталъ.

Рубекъ (понижая голосъ, съ волненіемъ). И всѣмъ, всѣмъ я обязанъ тебѣ, Ирена. Спасибо тебѣ.

Ирена (послѣ нѣкотораго раздумья). Поступай я тогда, какъ должно, Арнольдъ...

Рубекъ. Ну? Что же тогда?

Ирена. Я бы убила это дитя.

Рубекъ. Убила бы, говоришь!

Ирена (шопотомъ). Убила бы... прежде чѣмъ уѣхать отъ тебя. Разбила бы... вдребезги.

Рубекъ (съ упрекомъ качаетъ головой). Ты не смогла бы, Ирена. У тебя духу не хватило бы!

Ирена. Да, тогда у меня не хватило духу.

Рубекъ. А потомъ? Послѣ?

Ирена. Потомъ я убивала его безчисленное число разъ. И днемъ и ночью. Убивала въ порывѣ ненависти... мести... муки.

Рубекъ (близко подходитъ къ столу и спрашиваетъ). Ирена, скажи мнѣ наконецъ... теперь столько лѣтъ прошло... почему ты уѣхала отъ меня тогда? Исчезла такъ безслѣдно... что я не могъ тебя найти?..

Ирена (медленно качая головой). Ахъ, Арнольдъ... зачѣмъ говорить тебѣ это теперь, когда... я уже по ту сторону.

Рубекъ. Развѣ ты полюбила кого-нибудь другого?

Ирена. Кто-то пересталъ нуждаться въ моей любви... въ моей жизни.

Рубекъ (уклончиво). Гм... Не будемъ больше говорить о прошломъ...

Ирена. Да, не будемъ говорить о томъ, что осталось тамъ, позади, по ту сторону—для меня.

Рубекъ. Гдѣ ты скиталась, Ирена? Ты не оставила никакихъ слѣдовъ для моихъ розысковъ.

Ирена. Я погрузилась во мракъ... когда дитя наше возстало — просвѣтленное.

Рубекъ. Ты много ѣздила по свѣту?

Ирена. Да. По разнымъ странамъ и государствамъ.

Рубекъ (съ участіемъ глядя на нее). Что же ты дѣлала, Ирена?

Ирена (вперивъ въ него взглядъ). Постой... погоди... Да, вспомнила. Я стояла на вертящейся подставкѣ въ разныхъ Варьетэ. Изображала голыя статуи въ живыхъ картинахъ. Загребала деньги. Я къ этому не привыкла у тебя; у тебя ихъ не было...

И кружила головы мужчинамъ... И къ этому ты не пріучилъ меня, Арнольдъ. Ты былъ крѣпче.

Рубекъ (спѣша замять разговоръ). И затѣмъ ты вѣдь вышла замужъ?

Ирена. Да, за одного изъ нихъ.

Рубекъ. Кто же твой мужъ?

Ирена. Онъ былъ изъ Южной Америки. Важный дипломатъ. (Смотритъ въ пространство съ застывшей улыбкой) Его я совсѣмъ свела съ ума. Онъ просто рехнулся... Окончательно и безповоротно... Довольно-таки забавно было, представь себѣ... пока это подготовлялось. Съ утра до вечера можно было смѣяться въ душѣ... Если бы у меня была душа.

Рубекъ. А гдѣ-жъ онъ теперь?

Ирена. Тамъ гдѣ-то, на кладбищѣ, подъ высокимъ роскошнымъ памятникомъ и со свинцовой гремушкой въ черепѣ.

Рубекъ. Онъ самъ лишилъ себя жизни?

Ирена. Да. Ему угодно было предупредить меня.

Рубекъ. Тебѣ не жаль его, Ирена?

Ирена (не понимая). Кого?

Рубекъ. Да его же — господина фонъ-Сатова.

Ирена. Его не Сатовымъ звали.

Рубекъ. Нѣтъ?

Ирена. Такъ зовутъ моего второго мужа. Онъ русскій...

Рубекъ. А онъ гдѣ?

Ирена. Далеко, въ Уральскихъ горахъ. На своихъ золотыхъ пріискахъ.

Рубекъ. Такъ онъ *тамъ* живетъ?

Ирена (пожимая плечами). Живетъ? Живетъ? Собственно говоря, я убила его...

Рубекъ (вздрагивая). Убила!..

Ирена. Тонкимъ острымъ кинжаломъ, который я всегда беру съ собой въ постель.

Рубекъ (порывисто). Я не вѣрю тебѣ, Ирена!

Ирена (съ кроткой улыбкой). Ужъ повѣрь, Арнольдъ.

Рубекъ (съ участіемъ глядя на нее). У тебя никогда не было дѣтей?

Ирена. Много.

Рубекъ. Гдѣ же твои дѣти?

Ирена. Я ихъ убивала.

Рубекъ (строго). Ну вотъ, ты опять лжешь мнѣ!

Ирена. Говорю тебѣ, я ихъ убивала. Отъ всей души убивала ихъ. Едва они появлялись на свѣтъ. И даже гораздо раньше. Одного за другимъ.

Рубекъ (мрачно). Въ твоихъ словахъ есть какой-то тайный смыслъ.

Ирена. А я при чемъ тутъ? Каждое слово, которое я говорю, нашептывается мнѣ на ухо.

Рубекъ. Пожалуй, лишь я одинъ подозрѣваю истинный смыслъ.

Ирена. Ты и долженъ быть единственнымъ.

Рубекъ (пристально смотритъ на нее, упершись руками въ столъ). Въ тебѣ порвались струны...

Ирена (кротко). Такъ, вѣрно, всегда бываетъ, когда умираетъ молодая женщина съ горячей кровью.

Рубекъ. Ахъ, Ирена, брось эти дикія мысли! Ты вѣдь жива! Жива! Жива!

Ирена (медленно подымается съ кресла и говоритъ дрожащимъ голосомъ). Я была мертва много лѣтъ. Они пришли и связали меня. Скрутили мнѣ руки за спиной... И опустили меня въ склепъ съ желѣзными рѣшетками на оконцахъ... съ обитыми мягкимъ стѣнами... чтобы никто наверху, на землѣ, не слышалъ криковъ изъ могилы... Но теперь... я начинаю понемногу возставать изъ мертвыхъ. (Снова садится).

Рубекъ (послѣ краткой паузы). Ты считаешь виновнымъ меня?

Ирена. Да.

Рубекъ. Виновнымъ въ томъ... что ты называешь своей смертью?

Ирена. Виновнымъ въ томъ, что я должна была умереть. (Переходя въ равнодушный тонъ) Что-жъ ты не присядешь, Арнольдъ?

Рубекъ. Можно?

Ирена. Да... Ты не бойся холодной дрожи. Я думаю, что еще не совсѣмъ окоченѣла.

Рубекъ (придвигаетъ къ столу стулъ). Ну вотъ, Ирена. Теперь мы сидимъ вмѣстѣ, какъ бывало.

Ирена. На нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Тоже, какъ бывало.

Рубекъ (придвигаясь ближе). Такъ надо было тогда.

Ирена. Надо было?

Рубекъ (рѣшительно). Намъ надо было держаться другъ отъ друга на разстояніи.

Ирена. Да надо ли, Арнольдъ?

Рубекъ (продолжая). Помнишь, что ты отвѣтила, когда я спросилъ, можешь ли ты послѣдовать за мной далеко-далеко на чужбину?

Ирена. Я поклялась слѣдовать за тобой на край свѣта, до конца жизни. И служить тебѣ во всемъ...

Рубекъ. Служить моделью для моего произведенія...

Ирена. ...Въ свободной, полной наготѣ...

Рубекъ (съ волненіемъ). Ты и служила мнѣ, Ирена... такъ смѣло... и радостно... невзирая ни на что.

Ирена. Да, я служила тебѣ каждою каплей моей юной, горячей крови.

Рубекъ (кивая головой, съ благодарной улыбкой). Это ты можешь сказать смѣло.

Ирена. Я преклонялась предъ тобой и служила тебѣ, Арнольдъ! (Сжимаетъ кулаки) А ты, ты... ты!..

Рубекъ (отклоняясь). Я никогда ничѣмъ не согрѣшилъ передъ тобой! Никогда, Ирена!

Ирена. Согрѣшилъ! Противъ моей природы...

Рубекъ (подаваясь назадъ). Я?..

Ирена. Да, ты! Я стояла передъ тобой открыто, вся, какъ есть... Ты смотрѣлъ... (тише) и никогда, ни разу не коснулся меня.

Рубекъ. Ирена, развѣ ты не понимала, не замѣчала, что я не разъ готовъ былъ потерять голову отъ твоей красоты?

Ирена (невозмутимо продолжая). И все-таки... я думаю, дотронься ты до меня, я бы убила тебя на мѣстѣ. Я всегда носила при себѣ острую иглу... въ волосахъ... (Задумчиво проводитъ рукой по лбу). Да, но... все-таки... все-таки... ты могъ!..

Рубекъ (многозначительно глядя на нее). Я былъ художникомъ, Ирена.

Ирена (мрачно). Именно. Именно.

Рубекъ. Прежде всего художникомъ. И я болѣлъ тогда муками творчества, вынашивая идею величайшаго своего произведенія. (Погружаясь въ воспоминанія) Я хотѣлъ назвать его «Возстаніемъ изъ мертвыхъ». Хотѣлъ воплотить его въ образѣ молодой дѣвушки, пробуждающейся отъ смертнаго сна...

Ирена. Наше дитя, да...

Рубекъ (продолжая). Пробуждающаяся дѣва должна была явиться прекраснѣйшею, чистѣйшею, идеальнѣйшею изъ дочерей земли. И вотъ я нашелъ тебя. Ты годилась мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ. И ты съ такой охотой и радостью согласилась служить мнѣ... Оставила домъ, родныхъ и послѣдовала за мной.

Ирена. Я пробудилась тогда, возстала отъ сна дѣтства, когда послѣдовала за тобой.

Рубекъ. Потому-то ты главнымъ образомъ и годилась мнѣ. Ты — и никто больше. Ты стала для меня высшимъ существомъ, къ которому можно было прикасаться лишь въ мысляхъ... съ благоговѣніемъ. Я былъ вѣдь еще молодъ тогда,

Ирена. И поддался суевѣрному предчувствію, что, если я коснусь тебя, дамъ волю вожделѣнію, я оскверню свою душу, и мнѣ уже не удастся воплотить свою идею... И я до сихъ поръ думаю, что былъ отчасти правъ.

Ирена (кивая съ оттѣнкомъ насмѣшки). На первомъ планѣ художественное произведеніе,—человѣкъ на второмъ.

Рубекъ. Суди, какъ хочешь, Ирена. Но я былъ весь подъ властью своей задачи и былъ безконечно счастливъ этимъ.

Ирена. И выполнилъ свою задачу, Арнольдъ.

Рубекъ. Спасибо, сердечное спасибо тебѣ, что я выполнилъ свою задачу. Я хотѣлъ создать чистую, невинную дѣву, какою я представлялъ ее себѣ въ день возстанія изъ мертвыхъ. Она не удивляется чему-нибудь новому, неизвѣстному, неожиданному. Она только полна благоговѣйной радости, увидя себя самоё не измѣнившеюся, себя, дочь земли, въ высшихъ, болѣе свободныхъ и радостныхъ условіяхъ бытія... послѣ долгаго смертнаго сна, безъ сновидѣній... (Понижая голосъ) Такою я и создалъ ее; я воплотилъ ее въ твоемъ образѣ, Ирена.

Ирена (положивъ руки плашмя на столъ, откидывается на спинку стула). И покончилъ со мной...

Рубекъ (съ упрекомъ). Ирена!

Ирена. Я тебѣ не нужна была больше...

Рубекъ. И ты можешь это говорить!

Ирена. ...И ты сталъ озираться кругомъ, искать другихъ идеаловъ...

Рубекъ. И не нашелъ ни одного, ни одного, послѣ тебя.

Ирена. И натурщицъ тоже, Арнольдъ?

Рубекъ. Ты не была для меня натурщицей. Ты была источникомъ моего творческаго вдохновенія.

Ирена (помолчавъ немного). Что же ты творилъ потомъ? Изъ мрамора, хочу я сказать. Послѣ того, какъ я уѣхала отъ тебя?

Рубекъ. Ничего я послѣ того не творилъ. Такъ, лѣпилъ только пустяки.

Ирена. А та женщина, съ которой ты теперь живешь?..

Рубекъ (прерывая, запальчиво). Не говори о ней! Душа болитъ!

Ирена. Куда ты думаешь направиться съ нею?

Рубекъ (вяло). Придется, вѣрно, предпринять скучнѣйшую морскую прогулку на сѣверъ, вдоль береговъ.

Ирена (смотритъ на него, чуть замѣтно улыбается и шепчетъ). Отправляйся лучше въ горы. Какъ можно выше. Выше, выше... все выше, Арнольдъ.

Рубекъ (съ напряженнымъ вниманіемъ). И ты хочешь туда?

Ирена. Хватитъ ли у тебя духу еще разъ сойтись со мной?

Рубекъ (борясь съ собой, нетвердо). Если бы мы могли... ахъ, если бы мы могли!..

Ирена. Почему же мы и не можемъ, если захотимъ? (Смотритъ на него и шепчетъ съ мольбой, сложивъ руки) Приди, приди, Арнольдъ! О, приди ко мнѣ туда!..

(Майя, вся раскраснѣвшаяся отъ удовольствія, показывается изъ-за угла гостиницы и быстрыми шагами направляется къ столу, гдѣ прежде сидѣла съ мужемъ).

Майя (еще около угла, не глядя впередъ). Нѣтъ, теперь говори, что хочешь, Рубекъ... (Увидавъ Ирену, останавливается) Ахъ, извините!.. Ты, какъ вижу, завелъ знакомство.

Рубекъ (отрывисто). Возобновилъ знакомство. (Встаетъ) Что ты хотѣла сказать мнѣ?

Майя. Я хотѣла только сказать тебѣ, что ты тамъ себѣ какъ хочешь, а я не поѣду съ тобой на этомъ противномъ пароходѣ.

Рубекъ. Почему?

Майя. Потому что хочу въ горы, въ лѣсъ хочу! (Ластясь) Позволь мнѣ, Рубекъ! Я буду потомъ такая умница, такая умница!

Рубекъ. Кто это тебя надоумилъ?

Майя. Да все онъ, этотъ гадкій медвѣжатникъ. Ахъ, ты не можешь представить себѣ, какія чудеса онъ разсказываетъ про горы. И про жизнь тамъ въ горахъ! Ужасъ, гадость, отвращеніе просто, что онъ тамъ насочинялъ! Я, право, думаю, что онъ все сочиняетъ. И все-таки ужасно заманчиво. Позволь же мнѣ отправиться съ нимъ! Только посмотрѣть самой — правду ли онъ разсказываетъ, понимаешь? Можно, Рубекъ?

Рубекъ. Да по мнѣ — сколько угодно. Отправляйся себѣ въ горы... куда и на сколько времени хочешь. Я, можетъ-быть, тоже отправлюсь туда.

Майя (живо). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ; тебѣ-то зачѣмъ! Изъ-за меня не надо!

Рубекъ. Я хочу въ горы. Я уже рѣшилъ.

Майя. Ну, спасибо, спасибо! Можно сейчасъ же сказать объ этомъ медвѣжатнику?

Рубекъ. Скажи медвѣжатнику все, что хочешь.

Майя. Спасибо, спасибо, спасибо! (Хочетъ схватить его руку, но онъ не даетъ). Нѣтъ, какой ты, право, сегодня милый, Рубекъ! (Убѣгаетъ въ гостиницу).

(Въ ту же минуту дверь павильона тихо, безшумно пріотворяется.

На порогѣ стоитъ сестра милосердія и наблюдаетъ. Никто ея не видитъ).

Рубекъ (поворачиваясь къ Иренѣ, рѣшительно). Итакъ, мы встрѣтимся тамъ?

Ирена (медленно вставая). Да, непремѣнно встрѣтимся. Я такъ долго искала тебя.

Рубекъ. Когда же ты стала искать меня, Ирена?

Ирена (съ оттѣнкомъ насмѣшливой горечи). Когда мнѣ стало ясно, что я отдала тебѣ, Арнольдъ, нѣчто такое, чего нельзя отдавать. Чѣмъ никому нельзя жертвовать.

Рубекъ (наклоняя голову). Да, это горькая правда. Ты отдала мнѣ три-четыре года своей юной жизни.

Ирена. Больше, больше! Я была безразсудной мотовкой... тогда.

Рубекъ. Да, ты была расточительна. Ты отдавала мнѣ всю свою нагую прелесть...

Ирена. ...Для созерцанія...

Рубекъ. ...И для прославленія...

Ирена. Да, для прославленія тебя самого. И нашего дитяти.

Рубекъ. И тебя, Ирена.

Ирена. Но самый драгоцѣнный мой даръ ты забылъ.

Рубекъ. Самый драгоцѣнный?.. Какой же?

Ирена. Я отдала тебѣ свою молодую, живую душу! И вотъ здѣсь, внутри, у меня стало пусто... Я осталась безъ души. (Впиваясь въ него взглядомъ) Вотъ оттого я и умерла, Арнольдъ.

(Сестра милосердія распахиваетъ дверь и предлагаетъ ей пройти. Ирена уходитъ въ павильонъ).

Рубекъ (смотритъ ей вслѣдъ и шепчетъ). Ирена!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Окрестность горной санаторіи. Ландшафтъ представляетъ лишенную деревьевъ обширную горную площадь, примыкающую къ уходящему вдаль горному озеру. По другую сторону озера возвышается рядъ скалистыхъ вершинъ и ущелій, гдѣ синѣетъ снѣгъ. На переднемъ планѣ, налѣво, журчитъ ручеекъ, сбѣгающій отдѣльными струйками съ крутой скалы и затѣмъ уже ровно текущій черезъ площадь направо. По берегамъ ручейка разбросаны камни, растутъ кустарники и разныя растенія. Направо же холмъ, на вершинѣ котораго камѣнная скамья. Лѣтній день клонится къ вечеру.

По ту сторону ручейка, въ нѣкоторомъ отдаленіи, играютъ, поютъ и пляшутъ дѣти: нѣкоторыя изъ нихъ одѣты по-городскому, другія по-деревенски. Во время слѣдующей сцены время отъ времени глухо доносится ихъ веселый смѣхъ.

Рубекъ въ пледѣ, наброшенномъ на плечи, сидитъ на скамьѣ и смотритъ на игру дѣтей.

Спустя нѣкоторое время, слѣва, изъ-за среднихъ кустовъ, появляется Майя и осматривается, защитивъ глаза рукой отъ солнца. На ней плоская шапочка туристки, короткая юбка и высокіе шнурованные ботинки; въ рукахъ длинная горная палка.

Майя (замѣтивъ Рубека, кричитъ). Ау! (Перепрыгиваетъ съ помощью палки черезъ ручей, затѣмъ взбирается на холмъ. Запыхавшись) Вотъ бѣгала-то, искала тебя!

Рубекъ (равнодушно кивая головой). Ты изъ санаторіи?

Майя. Да, сейчасъ-то я прямо изъ-подъ стекляннаго колпака.

Рубекъ (бѣгло взглянувъ на нее). Тебя не было за обѣдомъ, — я замѣтилъ.

Майя. Мы пообѣдали на свѣжемъ воздухѣ, вдвоемъ.

Рубекъ. «Вдвоемъ»? Кто же это — «вдвоемъ»?

Майя. Я и этотъ гадкій медвѣжатникъ, разумѣется.

Рубекъ. А, съ нимъ!

Майя. Да; и завтра рано утромъ мы опять отправляемся.

Рубекъ. На медвѣдей?

Майя. Да. Уложимъ Мишку!

Рубекъ. Вы ужъ выслѣдили тутъ какого-нибудь?

Майя (съ оттѣнкомъ превосходства). Тутъ на голыхъ скалахъ медвѣдей не водится.

Рубекъ. А гдѣ же?

Майя. Тамъ, внизу. На горныхъ склонахъ, въ самой чащѣ. Гдѣ не пройти обыкновеннымъ горожанамъ...

Рубекъ. Туда вы и отправитесь завтра вдвоемъ?

Майя (бросаясь на вереск). Да, мы такъ уговорились... А можетъ-быть, мы отправимся сегодня же вечеромъ... если ты ничего не имѣешь противъ этого?

Рубекъ. Я? Нѣтъ, я далекъ...

Майя (поспѣшно). Ларсъ, конечно, съ нами. Со сворой.

Рубекъ. Я и не думалъ освѣдомляться о господинѣ Ларсѣ съ его сворой. (Обрывая) Но не сядешь ли ты, какъ слѣдуетъ, на скамейку?

Майя (сонливо). Нѣтъ, спасибо. Мнѣ чудесно лежится на мягкомъ верескѣ.

Рубекъ. Видно, что ты устала.

Майя (зѣвая). Пожалуй, начинаю уставать.

Рубекъ. Это всегда потомъ сказывается. Когда возбужденіе проходитъ...

Майя (сонливо). Да. Я хочу полежать, закрывъ глаза.

(Короткая пауза).

Майя (вдругъ нетерпѣливо). Уфъ, Рубекъ! Какъ ты можешь сидѣть тутъ и слушать этотъ визгъ ребятишекъ!

Рубекъ. Въ этихъ движеніяхъ прорывается иногда... что-то

гармоническое... почти въ родѣ музыки... Несмотря на всю неуклюжесть. Интересно ловить эти моменты.

Майя (съ нѣсколько презрительнымъ смѣхомъ). Всегда и во всемъ художникъ!

Рубекъ. Желалъ бы и остаться имъ.

Майя (поворачивается на бокъ, такъ что приходится спиной къ мужу). Вотъ онъ такъ не художникъ. Ни капельки.

Рубекъ (внимательнѣе). Кто это — не художникъ?

Майя (опять сонливо). Тотъ, другой, конечно.

Рубекъ. Медвѣжатникъ, что ли?

Майя. Да. Ни капельки не художникъ. Ни чуточки.

Рубекъ (улыбаясь). Что̀ правда, то правда.

Майя (не шевелясь, порывисто). Но какой онъ уродъ! (Вырываетъ пучокъ вереска и швыряетъ). Такой уродъ, такой уродъ! Фу!

Рубекъ. То-то ты такъ безбоязненно и сопутствуешь ему... по пустыннымъ мѣстамъ?

Майя (отрывисто). Не знаю. (Поворачиваясь лицомъ къ нему) Ты тоже нехорошъ, Рубекъ.

Рубекъ. Это ты теперь только замѣтила?

Майя. Нѣтъ, давно.

Рубекъ (пожимая плечами). Старость подходитъ. Старость подходитъ, фру Майя.

Майя. Я совсѣмъ не въ этомъ смыслѣ. Но у тебя во взглядѣ появилась какая-то усталость, что-то отжившее... Вотъ когда ты такъ иногда... всемилостивѣйше бросишь на меня взглядъ искоса...

Рубекъ. Развѣ?

Майя (кивая). И еще у тебя въ послѣднее время появилось во взглядѣ что-то злое. Словно ты что̀ злоумышляешь противъ меня.

Рубекъ. Вотъ какъ? (Ласково, но серьезно) Поди сюда и присядь рядомъ, Майя. Потолкуемъ немножко.

Майя (полуприподымаясь). А можно мнѣ посидѣть у тебя на колѣняхъ? Какъ въ первые годы?

Рубекъ. Нѣтъ, нельзя. Насъ могутъ увидѣть снизу, изъ отеля. (Немного отодвигаясь) Ты можешь сѣсть тутъ... рядомъ со мной.

Майя. Нѣтъ, спасибо; тогда ужъ я лучше останусь лежать, гдѣ лежу. Я и отсюда отлично слышу. (Вопросительно смотритъ на него) Ну, такъ о чемъ же ты хотѣлъ толковать?

Рубекъ (медленно). Какъ ты думаешь, какіе собственно были у меня мотивы согласиться на эту поѣздку на сѣверъ?

Майя. Да-а... правда, ты, между прочимъ, утверждалъ, что мнѣ она будетъ очень полезна. Но...

Рубекъ. Но?..

Майя. Но теперь я ни капельки не вѣрю въ этотъ мотивъ...

Рубекъ. Такъ что же ты думаешь теперь?

Майя. Теперь я думаю, что ты поѣхалъ сюда ради этой блѣдной дамы.

Рубекъ. Ради фру фонъ-Сатовой?!

Майя. Да, ради нея. Она такъ за нами по пятамъ и гонится. Вчера и тутъ вынырнула.

Рубекъ. Но скажи на милость!..

Майя. Что-жъ, ты вѣдь близко зналъ ее прежде. Гораздо раньше, чѣмъ меня.

Рубекъ. И позабылъ о ней... гораздо раньше, чѣмъ узналъ тебя.

Майя (выпрямляясь). Ты такъ легко забываешь, Рубекъ?

Рубекъ (отрывисто). Чрезвычайно. (Рѣзко) Когда захочу забыть.

Майя. Даже женщину, которая служила тебѣ моделью?

Рубекъ (уклончиво). Если она больше ненужна мнѣ, то...

Майя. Женщину, которая раздѣвалась передъ тобою донага?

Рубекъ. Это ровно ничего не значитъ. Для насъ, художниковъ. (Мѣняя тонъ) Кромѣ того, смѣю спросить, какъ могъ я подозрѣвать, что она здѣсь?

Майя. Ты могъ прочесть ея фамилію въ спискѣ съѣхавшихся на купанья. Въ одной изъ газетъ.

Рубекъ. Я даже не зналъ, какую фамилію она теперь носитъ. Никогда и не слыхалъ ни о какомъ господинѣ фонъ-Сатовѣ.

Майя (прикидываясь усталой). Ну, Господи Боже мой, такъ, вѣрно, у тебя было какое-нибудь другое побужденіе.

Рубекъ (серьезно). Да, Майя... было другое побужденіе. Совсѣмъ другое. И до него-то намъ и надо договориться.

Майя (словно подавляя смѣхъ). Господи! Какой у тебя торжественный видъ!

Рубекъ (пытливо, подозрительно). Пожалуй, торжественнѣе, чѣмъ стоитъ вообще.

Майя. Какъ?..

Рубекъ. Да и хорошо, что такъ—и для меня и для тебя.

Майя. Ты начинаешь интриговать меня, Рубекъ.

Рубекъ. Только интриговать? А не безпокоить, не волновать—хоть немножко?

Майя (отрицательно качая головой). Ни чуточки.

Рубекъ. Хорошо. Такъ слушай... Ты сказала тогда, тамъ, въ курортѣ, что, по-твоему, я сталъ въ послѣднее время такимъ нервнымъ...

Майя. Да, ты и дѣйствительно сталъ нервнымъ.

Рубекъ. А въ чемъ, по-твоему, причина этого?

Майя. Почемъ мнѣ знать?.. (Рѣшительно) Пожалуй, тебѣ надоѣло это вѣчное житье со мной.

Рубекъ. Вѣчное? Скажи лучше—безконечное.

Майя. Ну да, это наше сожительство изо дня въ день. Вѣдь скоро пять лѣтъ, какъ мы, двое одинокихъ людей, живемъ вмѣстѣ, постоянно бываемъ вмѣстѣ, неразлучны ни на часъ... Все вдвоемъ да вдвоемъ.

Рубекъ (заинтересованный). Ну да. И что же?..

Майя (нѣсколько затрудняясь). Ты человѣкъ не общественный, Рубекъ. Ты все уходишь въ себя, думаешь о своемъ... И я вѣдь не мастерица бесѣдовать съ тобой о твоихъ дѣлахъ... объ искусствѣ и тому подобномъ... (Махнувъ рукой) Да, право, мнѣ и мало дѣла до этого!

Рубекъ. Ну, ну; потому-то мы большею частью и сидимъ у камина да болтаемъ о твоихъ дѣлахъ.

Майя. О, Боже мой... у меня нѣтъ никакихъ такихъ дѣлъ, о которыхъ стоило бы толковать.

Рубекъ. Ну, такъ — пустяки какіе-нибудь. Во всякомъ случаѣ, время какъ-никакъ проходитъ, Майя.

Майя. Да, это правда. Время проходитъ. И твое время начинаетъ уходить, Рубекъ! Вотъ это-то, пожалуй, тебя собственно и разстраиваетъ...

Рубекъ (кивая головой, съ жаромъ). Не даетъ покоя! (Весь точно извиваясь отъ внутренней боли) Нѣтъ, скоро я не вынесу больше этой жалкой, пустой жизни!

Майя (встаетъ и смотритъ на него съ минуту). Если тебѣ хочется избавиться отъ меня—скажи только.

Рубекъ. Это еще что за фразы? Избавиться отъ тебя!

Майя. Да, если ты хочешь развязаться со мной, такъ говори прямо. И я сейчасъ же уйду.

Рубекъ (съ едва замѣтной усмѣшкой). Что это, угроза, Майя?

Майя. Для тебя это ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть угрозой.

Рубекъ (вставая). Да, ты въ сущности права. (Немного погодя) Намъ съ тобой невозможно дольше продолжать такую жизнь...

Майя. Слѣдовательно...

Рубекъ. Никакого «слѣдовательно». (Внушительно) Изъ того, что мы не можемъ продолжать такъ жить вдвоемъ, еще не слѣдуетъ, что мы должны развестись.

Майя (съ презрительной улыбкой). А только такъ... разойтись, по-твоему?

Рубекъ (отрицательно качая головой). И этого не нужно.

Майя. Такъ что же? Выкладывай, что же ты хочешь дѣлать со мной?..

Рубекъ (нѣсколько неувѣренно). Я испытываю теперь такую живую... и мучительную потребность... имѣть около себя дѣйствительно близкаго мнѣ человѣка...

Майя (прерывая, возбужденно). А я не такой человѣкъ, Рубекъ?

Рубекъ (отмахиваясь). Ты меня не такъ понимаешь. Мнѣ нужно общеніе съ другимъ человѣкомъ, который бы... какъ бы входилъ въ меня... дополнялъ меня... сливался со мной во всей моей дѣятельности.

Майя (протяжно). Да-а, для такихъ мудреныхъ вещей я врядъ ли гожусь.

Рубекъ. Конечно, это совсѣмъ не по твоей части, Майя.

Майя (порывисто). И то сказать — у меня и охоты не стало бы!

Рубекъ. Знаю, знаю... Да, женясь на тебѣ, я вѣдь и не задавался цѣлью найти въ тебѣ такую опору въ жизни.

Майя (наблюдая за нимъ). Я такъ и вижу — ты сейчасъ думаешь о другой!

Рубекъ. Да? А я и не замѣчалъ за тобой, что ты умѣешь читать мысли. Но, значитъ, ты это видишь?

Майя. Вижу. О, я такъ хорошо знаю тебя, Рубекъ! Насквозь вижу!

Рубекъ. Такъ ты, пожалуй, видишь, и о комъ я теперь думаю?

Майя. Еще бы!

Рубекъ. Ну? Такъ сдѣлай одолженіе!..

Майя. Ты думаешь объ этой... этой натурщицѣ, съ которой ты когда-то... (Вдругъ обрывая) Знаешь, тамъ въ гостиницѣ ее принимаютъ за помѣшанную.

Рубекъ. Вотъ какъ? А за кого, ты думаешь, принимаютъ въ гостиницѣ тебя съ медвѣжатникомъ?

Майя. Это къ дѣлу не относится. (Продолжая прерванный разговоръ) Такъ вотъ, ты думалъ о ней, объ этой блѣдной дамѣ.

Рубекъ (рѣшительно). Именно о ней... Когда она стала ненужна мнѣ... и кромѣ того уѣхала отъ меня... исчезла... такъ, ни съ того ни съ сего...

Майя. Тогда ты ухватился за меня, какъ за своего рода копеечку про черный день?

Рубекъ (еще рѣзче). Въ родѣ этого, откровенно говоря, миленькая Майя. Я тогда ужъ съ годъ или полтора бродилъ одинъ и все обдумывалъ и отдѣлывалъ... заканчивалъ свое произведеніе. И вотъ «Возстаніе изъ мертвыхъ» увидѣло

свѣтъ и принесло мнѣ славу... и всѣ прочія блага. (Съ большею теплотой) Но я больше не любилъ своего произведенія. Всѣ эти людскіе лавры и ѳиміамъ способны были задушить меня, загнать съ отчаянія въ дремучіе лѣса. (Смотритъ на нее) Ты, чтица чужихъ мыслей, можешь ты отгадать, что̀ мнѣ тогда пришло въ голову?

Майя (небрежно). Да. Тебѣ пришло въ голову лѣпить бюсты-портреты разныхъ господъ.

Рубекъ (кивая головой). По заказу, да. Но это были только маски, за которыми скрывались звѣриныя морды. Это заказчики получали даромъ... въ придачу, понимаешь? (Улыбаясь) Но сейчасъ я, въ сущности, не то хотѣлъ сказать.

Майя. А что̀ же?

Рубекъ (снова серьезно). Дѣло въ томъ, что все такое, въ родѣ художественнаго призванія, творчества... и тому подобнаго... все это стало мнѣ казаться такимъ пустымъ, безсодержательнымъ, ничего не говорящимъ, ничего не стоящимъ въ сущности.

Майя. А что̀ же ты хотѣлъ поставить на мѣсто всего этого?

Рубекъ. Жизнь, Майя.

Майя. Жизнь?

Рубекъ. Да развѣ жизнь, озаренная свѣтомъ солнца, сіяніемъ красоты, не лучше, не дороже, чѣмъ эта вѣчная возня въ сыромъ, промозгломъ углу съ глиной и камнемъ до смертельнаго изнеможенія?

Майя (съ легкимъ вздохомъ). Да, мнѣ-то всегда такъ казалось.

Рубекъ. Къ тому же я разбогатѣлъ настолько, чтобы вести такую жизнь — въ роскоши и негѣ, на солнцѣ. Я располагалъ средствами, чтобы построить себѣ и виллу на берегу Тауницкаго озера, и палаццо въ столицѣ, и обзавестись всѣмъ прочимъ.

Майя (въ тонъ ему). Располагалъ средствами, чтобы, вдобавокъ ко всему прочему, обзавестись и мною. И разрѣшить и мнѣ пользоваться всѣми твоими сокровищами.

Рубекъ (стараясь повернуть дѣло въ шутку). Развѣ я не обѣщалъ взять тебя съ собой на высокую гору и показать всѣ царства міра и славу ихъ?

Майя (кротко и грустно). Пожалуй, ты и взялъ меня на довольно высокую гору, Рубекъ... но всѣхъ царствъ міра и славы ихъ не показалъ.

Рубекъ (посмѣиваясь и раздражаясь). Какая же ты недовольная, Майя! Очень ужъ ты требовательна! (Съ жаромъ) Но знаешь, въ чемъ заключается самое ужасное? Можешь ты догадаться?

Майя (тихо, но вызывающе). Да, вѣрно, въ томъ, что ты обзавелся мной... на всю жизнь.

Рубекъ. Я бы не выразился такъ безсердечно.

Майя. Но смыслъ вѣдь остался бы столь же безсердечнымъ.

Рубекъ. Ты не имѣешь настоящаго понятія о томъ, что̀ творится въ душѣ художника.

Майя (улыбаясь и качая головой). Господи Боже, я даже не имѣю настоящаго понятія о томъ, что̀ творится въ моей собственной душѣ.

Рубекъ (продолжая свое). Я живу такъ лихорадочно-быстро, Майя. Такъ живемъ мы, художники. Я, напримѣръ, пережилъ цѣлую жизнь за эти нѣсколько лѣтъ, что̀ мы съ тобой знаемъ другъ друга. И я убѣдился, что искать счастья въ безпечномъ наслажденіи жизнью—совсѣмъ не по мнѣ. Жизнь не такъ-то просто складывается для меня и мнѣ подобныхъ. Я долженъ работать... творить... до послѣдняго издыханія. (Дѣлая надъ собой усиліе) Вотъ почему я и не могу больше ужиться съ тобой, Майя... съ тобою одной.

Майя (спокойно). То-есть, попросту говоря, я надоѣла тебѣ?

Рубекъ (вспыливъ). Ну, да, да! Надоѣла... Я соскучился, усталъ, разслабъ отъ жизни съ тобой! Такъ и знай! (Овладѣвая собой) Слова мои злы, жестоки. Я самъ это отлично сознаю. И ты тутъ вовсе не при чемъ... въ этомъ я охотно сознаюсь. Все дѣло во мнѣ самомъ... во мнѣ опять совершился переворотъ!.. (Вполголоса, какъ бы про себя) Я пробудился къ настоящей жизни.

Майя (невольно складывая руки). Но почему же, скажи на милость, почему же намъ тогда не разойтись?

Рубекъ (пораженный смотритъ на нее). Ты бы хотѣла этого?

Майя (пожимая плечами). Да, если иначе нельзя, то...

Рубекъ (горячо). Можно. Есть исходъ...

Майя (подымая указательный палецъ). Теперь ты опять думаешь о той блѣдной дамѣ!

Рубекъ. Признаться, я не могу не думать о ней постоянно. Съ тѣхъ поръ, какъ я снова встрѣтился съ нею. (Дѣлая шагъ къ Майѣ) Теперь я хочу кое-что открыть тебѣ, Майя.

Майя. Ну?

Рубекъ (ударяя себя въ грудь). Здѣсь, видишь ли, у меня маленькій потайной ларчикъ. Въ немъ хранятся всѣ мои художественныя видѣнія. Когда она вдругъ исчезла такъ безслѣдно, ларчикъ захлопнулся. А ключъ остался у нея... она унесла его съ собой... У тебя же, милая Майя, не было ключа. Вотъ почему все это и осталось лежать тамъ втуне. А годы идутъ! И мнѣ все не удается добраться до сокровищъ.

Майя (подавляя лукавую усмѣшку). Такъ заставь ее открыть тебѣ...

Рубекъ (недоумѣвая). Майя?..

Майя. Да, разъ она тутъ. Она, вѣрно, и появилась тутъ ради этого ларчика.

Рубекъ. Я и не занкался объ этомъ!

Майя (простодушно глядя на него). Вообще, милый Рубекъ, стоитъ ли подымать такую исторію и весь этотъ шумъ, когда дѣло такъ просто?

Рубекъ. По-твоему, все это такъ просто?

Майя. По-моему, да. Заключи себѣ союзъ съ тѣмъ, кто тебѣ больше нуженъ. (Кивая головой) А я ужъ сумѣю устроиться.

Рубекъ. Гдѣ же ты полагаешь?

Майя (безпечно, уклончиво). Ну... я могу попросту переѣхать на виллу, если это окажется необходимымъ. Но необходимости не будетъ. Потому что въ городѣ... въ нашемъ огромномъ палаццо найдется, вѣроятно—при добромъ желаніи—мѣсто для трехъ.

Рубекъ (неувѣренно). И ты думаешь, — это можетъ длиться долго?

Майя (безпечно). Господи, ну, не можетъ, такъ не можетъ! Есть о чемъ разговаривать...

Рубекъ. Что же мы будемъ дѣлать, Майя... если это окажется невозможнымъ?

Майя (какъ прежде). Тогда мы преспокойно разойдемся въ разныя стороны. Совсѣмъ. Я всегда найду себѣ взамѣнъ что-нибудь новенькое на свѣтѣ. Устроюсь какъ-нибудь... на волѣ! На волѣ! На волѣ!.. Объ этомъ нечего безпокоиться, господинъ профессоръ! (Вдругъ указываетъ направо) Гляди-ка! Вотъ и она.

Рубекъ (оборачиваясь). Гдѣ?

Майя. Тамъ на равнинѣ. Шествуетъ... точно мраморная статуя. Сюда направляется.

Рубекъ (заслонивъ глаза рукой, впивается взглядомъ вдаль). Ну, не воплощенное ли возстаніе изъ мертвыхъ? (Про себя) И я могъ ее передвинуть... поставить въ тѣнь! Передѣлать!.. О, глупецъ!

Майя. Ты это къ чему?

Рубекъ (рѣзко отклоняя вопросъ). Ни къ чему. Тебѣ не понять.

(Ирена показывается справа. Дѣти, замѣтившія ее еще раньше, оставили игру, бросились ей навстрѣчу и окружили ее. Нѣкоторыя держатъ себя смѣло и довѣрчиво, другія робко и боязливо. Она тихо разговариваетъ съ ними и знаками показываетъ, что имъ надо вернуться внизъ, въ санаторію, а она хочетъ отдохнуть немного у ручейка. Дѣти бѣгутъ налѣво. Ирена подходитъ къ скалѣ и подставляетъ руки подъ холодныя струи ручейка).

Майя (тихо). Сойди туда и поговори съ нею съ глазу на глазъ, Рубекъ.

Рубекъ. А ты куда пойдешь пока?

Майя (многозначительно глядя на него). Я съ этихъ поръ пойду своей дорогой. (Спускается съ холма и перепрыгиваетъ черезъ ручей съ помощью своей палки. Останавливаясь около Ирены) Профессоръ Рубекъ ждетъ васъ тамъ, на холмѣ.

Ирена. Что ему надо?

Майя. Ему надо, чтобы вы помогли ему открыть ларчикъ, который захлопнулся для него.

Ирена. Я могу ему помочь?

Майя. Онъ полагаетъ, что только вы одна и можете.

Ирена. Такъ нужно попытаться.

Майя. Да ужъ, пожалуйста. (Уходитъ по дорогѣ къ санаторіи).

(Спустя нѣсколько секундъ Рубекъ направляется къ Иренѣ, но останавливается по ту сторону ручья).

Ирена (послѣ краткой паузы). Та, другая, сказала, что ты ждалъ меня.

Рубекъ. Я ждалъ тебя годы... самъ того не сознавая.

Ирена. Я не могла придти къ тебѣ, Арнольдъ. Я лежала тамъ, въ глубинѣ, и спала долгимъ, глубокимъ сномъ, полнымъ сновидѣній.

Рубекъ. Но теперь ты пробудилась, Ирена!

Ирена (качая головой). Тяжелый, глубокій сонъ все еще давитъ мнѣ вѣки.

Рубекъ. Увидишь, заря новаго дня взойдетъ для насъ обоихъ.

Ирена. Не вѣрь въ это.

Рубекъ (убѣдительно). Я вѣрю! И знаю! Теперь, когда я опять нашелъ тебя...

Ирена. ...Возставшею...

Рубекъ. ...И просвѣтленною!

Ирена. Только возставшею, Рубекъ. Но не просвѣтленною.

Рубекъ (переходитъ къ ней по камнямъ черезъ ручей). Гдѣ ты была цѣлый день, Ирена?

Ирена (показывая). Далеко-далеко, тамъ, среди великихъ мертвыхъ равнинъ...

Рубекъ (желая свести разговоръ на другое). Съ тобой сегодня пѣтъ твоей... твоей подруги.

Ирена (улыбаясь). Подруга моя все-таки зорко стережетъ меня.

Рубекъ. Развѣ?

Ирена (косясь по сторонамъ). И еще какъ. Гдѣ бы я ни была. Никогда не выпускаетъ меня изъ вида... (Шопотомъ) Пока я въ одинъ прекрасный день не убью ее.

Рубекъ. Развѣ тебѣ хотѣлось бы?

Ирена. Отъ всей души. Только бы удалось.

Рубекъ. Но зачѣмъ?

Ирена. Затѣмъ, что она ходитъ да колдуетъ тутъ надо мной. (Таинственно) Подумай, Арнольдъ, она превратилась въ мою тѣнь.

Рубекъ (успокоительно). Ну, ну, ну... у всѣхъ у насъ есть тѣнь.

Ирена. Я тѣнь самой себя. (Порывисто) Развѣ ты не понимаешь?

Рубекъ (съ тяжелымъ чувствомъ). Да, да, Ирена. Понимаю. (Опускается на камень около ручья. Она стоитъ позади, прислонясь къ скалѣ).

Ирена (послѣ небольшой паузы). Отчего ты сидишь тамъ и отворачиваешься отъ меня?

Рубекъ (тихо, качая головой). Не смѣю... не смѣю взглянуть на тебя.

Ирена. Почему же ты больше не смѣешь?

Рубекъ. *Тебя* преслѣдуетъ тѣнь... а *меня* совѣсть.

Ирена (съ крикомъ радости и облегченія). Наконецъ!

Рубекъ (вскакивая). Ирена... что это?

Ирена (дѣлая отстраняющій жестъ). Не волнуйся, не волнуйся! (Глубоко вздыхаетъ, точно освободившись отъ тяжести). Вотъ. Отпустило. На этотъ разъ. Теперь намъ можно сѣсть и поговорить, какъ бывало прежде... при жизни.

Рубекъ. Ахъ, если бы мы въ самомъ дѣлѣ могли поговорить попрежнему!

Ирена. Садись опять, гдѣ сидѣлъ. А я сяду вотъ тутъ рядомъ съ тобой. (Онъ садится на прежнее мѣсто, она опускается на ближайшій камень; послѣ небольшой паузы) Вотъ я и вернулась къ тебѣ—изъ дальнихъ странъ, Арнольдъ.

Рубекъ. Да, словно изъ безконечно долгаго путешествія.

Ирена. Вернулась домой къ своему господину и повелителю...

Рубекъ. Къ себѣ... къ намъ... къ намъ, Ирена!

Ирена. Ты каждый день ждалъ меня?

Рубекъ. Какъ смѣлъ я ждать?

Ирена (глядя въ сторону). Да, пожалуй, не смѣлъ. Ты вѣдь ничего не понималъ.

Рубекъ. Такъ ты, правда, не ради другого исчезла тогда такъ внезапно?

Ирена. Развѣ я не могла исчезнуть ради тебя, Арнольдъ?

Рубекъ (неувѣренно глядя на нее). Но я не понимаю тебя?..

Ирена. Когда я отслужила тебѣ и душой и тѣломъ... и статуя была готова... наше дитя, какъ ты называлъ ее... тогда

я принесла къ твоимъ ногамъ и самую дорогую жертву—вычеркнула себя изъ твоей жизни навсегда.

Рубекъ (опуская голову). И обратила ее въ пустыню.

Ирена (вдругъ вспыхивая). Этого-то я и хотѣла! Чтобы ты никогда, никогда не творилъ ничего больше... послѣ нашего единственнаго дитяти.

Рубекъ. Такъ тобой руководила ревность?

Ирена (холодно). Пожалуй, скорѣе ненависть.

Рубекъ. Ненависть? Ненависть ко мнѣ?

Ирена (снова съ жаромъ). Да, къ тебѣ, къ художнику, который такъ безпечно, съ легкимъ сердцемъ взялъ живое, теплое тѣло, молодую человѣческую жизнь и вырвалъ изъ нея душу,—тебѣ она была нужна для созданія художественнаго произведенія!

Рубекъ. И ты можешь такъ говорить... ты?.. Ты вѣдь сама участвовала въ моемъ трудѣ съ такимъ трепетомъ и священнымъ восторгомъ! Мы съ тобой каждое утро сходились на работу, какъ на молитву...

Ирена (попрежнему холодно). Вотъ что я скажу тебѣ, Арнольдъ.

Рубекъ. Ну?

Ирена. Я никогда не любила твоего искусства до встрѣчи съ тобой. Да и послѣ тоже.

Рубекъ. А художника, Ирена?

Ирена. Художника я ненавижу.

Рубекъ. И въ моемъ лицѣ?

Ирена. Больше всего въ твоемъ. Раздѣваясь донага и стоя передъ тобой, я ненавидѣла тебя, Арнольдъ...

Рубекъ (горячо). Нѣтъ, Ирена! Это неправда!

Ирена. Я ненавидѣла тебя за то, что ты могъ оставаться такимъ равнодушнымъ...

Рубекъ (съ горькимъ смѣхомъ). Равнодушнымъ? Ты думаешь?

Ирена. ...Ну, такъ — возмутительно властнымъ надъ собой. И за то, что ты былъ художникомъ, только художникомъ... а не мужчиной! (Переходя въ теплый и искренній тонъ) Но эту статую изъ влажной, живой глины я любила... полюбила по мѣрѣ того, какъ изъ этихъ грубыхъ, безформенныхъ комковъ вырастало одухотворенное человѣческое дитя... Это было вѣдь наше созданье, наше дитя. Мое и твое.

Рубекъ (съ тяжелымъ чувствомъ). Да, такимъ оно и было — въ духѣ и истинѣ.

Ирена. Видишь, Арнольдъ, ради него-то, ради нашего дитяти, я и рѣшилась предпринять этотъ долгій путь... это паломничество.

Рубекъ (насторожась). Ради мраморной статуи?..

Ирена. Зови ты, какъ хочешь. Я зову ее — нашимъ ребенкомъ.

Рубекъ (тревожно). Тебѣ захотѣлось видѣть статую? Готовою? Въ мраморѣ? Но ты всегда находила мраморъ такимъ холоднымъ, безжизненнымъ! (Живо) Ты, пожалуй, и не знаешь, что она въ большомъ музеѣ... далеко отсюда?

Ирена. Это дошло до меня смутно, какъ легенда.

Рубекъ. А музеи всегда внушали тебѣ отвращеніе. Ты называла ихъ могильными склепами.

Ирена. Я хочу предпринять паломничество туда, гдѣ погребена моя душа и дитя моей души.

Рубекъ (волнуясь). Ты не должна никогда видѣть этой статуи! Слышишь, Ирена! Я умоляю тебя!.. Никогда, никогда!

Ирена. Не думаешь ли ты, что я умру еще разъ отъ этого?

Рубекъ (ломая руки). О, я самъ не знаю, что̀ думаю. Но какъ я могъ предвидѣть, что ты такъ крѣпко привяжешься къ этой статуѣ? Ты вѣдь ушла отъ меня... раньше, чѣмъ она была вполнѣ окончена.

Ирена. Нѣтъ, она была окончена. Поэтому я и могла уйти отъ тебя. Оставить тебя одного.

Рубекъ (сидитъ, упершись локтями въ колѣни, закрывъ лицо руками и раскачивая головой). Она еще не была такова, какой стала потомъ.

Ирена (неслышно съ быстротой молніи выхватываетъ изъ-за лифа до половины тонкій, острый ножъ и спрашиваетъ хриплымъ шопотомъ). Арнольдъ... ты сдѣлалъ что-нибудь дурное съ нашимъ ребенкомъ?

Рубекъ (уклончиво). Дурное? Почемъ знать, какъ ты на это взглянешь.

Ирена (задыхаясь). Говори сейчасъ, что̀ ты сдѣлалъ съ ребенкомъ!

Рубекъ. Я скажу тебѣ, если ты выслушаешь меня спокойно.

Ирена (пряча ножъ). Я выслушаю настолько спокойно, насколько можетъ мать, когда ей...

Рубекъ (прерывая). И не смотри на меня, пока я говорю...

Ирена (пересаживается на другой камень, позади Рубека). Я сяду здѣсь, позади тебя. Говори же!

Рубекъ (отнимаетъ руки отъ глазъ и глядитъ вдаль). Встрѣтивъ тебя, я сразу понялъ, какъ мнѣ воспользоваться тобой для созданія произведенія, которое я ставилъ цѣлью всей своей жизни.

Ирена. Ты называлъ свое произведеніе «Возстаніемъ изъ мертвыхъ»... Я называю «нашимъ ребенкомъ».

Рубекъ. Я былъ молодъ тогда. Совсѣмъ неопытенъ въ

жизни. Самымъ прекраснымъ, идеальнымъ воплощеніемъ возстанія изъ мертвыхъ представлялась мнѣ юная, чистая дѣва... еще нетронутая земной жизнью... пробуждающаяся къ свѣту и славѣ... свободная отъ всего дурного, нечистаго.

Ирена (быстро). Да... такою вѣдь я и стою въ нашемъ твореніи?

Рубекъ (запинаясь). Не совсѣмъ такою, Ирена.

Ирена (съ возрастающимъ возбужденіемъ). Не совсѣмъ?.. Не такою, какой стояла передъ тобой?

Рубекъ (уклоняясь отъ отвѣта). Въ послѣдующіе годы я набрался житейскаго опыта, Ирена. Идея «возстанія изъ мертвыхъ» все разрасталась и развивалась въ моемъ воображеніи. Маленькая круглая база, на которой одиноко возвышалась твоя стройная фигура... стала тѣсна для всего того, чѣмъ я задумалъ дополнить мое произведеніе...

Ирена (хватается за ножъ, но оставляетъ его). Чѣмъ же ты его дополнилъ? Говори!

Рубекъ. Я дополнилъ его тѣмъ, что̀ видѣлъ вокругъ себя въ жизни. Мнѣ надо было дополнить. Я не могъ иначе, Ирена! Я расширилъ базу... сдѣлалъ ее большой, просторной, и на нее бросилъ глыбу разсѣвшейся земли. Изъ ея расщелинъ выползаютъ люди... съ звѣриными лицами подъ наружной человѣческой оболочкой... Женщины и мужчины... такіе, какими я ихъ узналъ въ жизни.

Ирена (затаивъ дыханіе). Но посреди этой толпы стоитъ молодая дѣвушка, полная чистой, свѣтлой радости? Такой я стою тамъ, Арнольдъ?

Рубекъ (уклончиво). Не совсѣмъ посреди. Къ сожалѣнію, мнѣ пришлось отодвинуть статую нѣсколько назадъ. Ради цѣльности впечатлѣнія, понимаешь? Иначе она слишкомъ бы выдавалась, подавляя все остальное.

Ирена. Но лицо мое попрежнему сіяетъ радостью, свѣтомъ просвѣтлѣнія?

Рубекъ. Да, да, Ирена. То-есть до нѣкоторой степени. Не столь ярко. Этого требовалъ мой измѣнившійся замыселъ.

Ирена (неслышно встаетъ). Эта группа изображаетъ жизнь такою, какою ты ее видишь теперь, Арнольдъ.

Рубекъ. Да, вѣрно, такъ.

Ирена. И въ этой группѣ ты помѣстилъ меня... нѣсколько обезцвѣченную... отодвинувъ меня назадъ... какъ второстепенную фигуру. (Вынимаетъ ножъ).

Рубекъ. Не какъ второстепенную фигуру. Она является, по меньшей мѣрѣ, одной изъ центральныхъ фигуръ... или въ родѣ того.

Ирена (хриплымъ шопотомъ). Ты произнесъ себѣ приговоръ! (Хочетъ ударить его ножомъ).

Рубекъ (оборачиваясь и глядя на нее). Приговоръ?

Ирена (быстро прячетъ ножъ и говоритъ глухо, страдальчески). Вся моя душа... ты и я... мы, мы, мы и наше дитя были въ этой одинокой фигурѣ.

Рубекъ (возбужденно, срывая съ головы шляпу и отирая потъ со лба). Но слушай теперь, какъ я изобразилъ себя самого въ этой группѣ. Передъ источникомъ, въ родѣ вотъ этого, сидитъ отягченный грѣхами человѣкъ, который не можетъ вполнѣ стряхнуть съ себя земной прахъ. Я называю эту фигуру раскаяніемъ въ загубленной жизни. Онъ сидитъ, погрузивъ пальцы въ струи источника... чтобы омыть ихъ... и его грызетъ и точитъ мучительная мысль, что ему никогда, никогда не удастся этого. Во вѣки вѣковъ не освободиться ему, не возстать для новой жизни. Онъ навѣки останется въ своемъ аду.

Ирена (жестко и холодно). Поэтъ!

Рубекъ. Почему поэтъ?

Ирена. Потому что ты слабъ, ко всему равнодушенъ и полонъ снисхожденія къ себѣ, — отпускаешь себѣ всѣ дѣла и мысли. Ты убилъ во мнѣ душу... и вотъ изображаешь себя въ видѣ воплощеннаго раскаянія, покаянія... (Съ улыбкой) И думаешь, что тѣмъ свелъ всѣ счеты.

Рубекъ (вызывающе). Я художникъ, Ирена. И не стыжусь слабости, которая, быть-можетъ, пристала ко мнѣ. Я рожденъ художникомъ, видишь ли. И никогда ничѣмъ инымъ не буду.

Ирена (смотритъ на него съ затаенной недоброй усмѣшкой и говоритъ кротко и мягко). Ты поэтъ, Арнольдъ. (Мягко проводитъ рукой по его волосамъ) Милый, большой, великовозрастный ребенокъ... какъ ты самъ этого не видишь!

Рубекъ (недовольнымъ тономъ). Почему ты все называешь меня поэтомъ?

Ирена (не спуская съ него пытливаго взора). Потому, мой другъ, что слово это заключаетъ въ себѣ нѣчто въ родѣ отпущенія грѣховъ... что-то покрывающее, какъ плащомъ, всякаго рода слабости... (Вдругъ мѣняя тонъ) Но я была человѣкомъ — тогда! И передо мной была жизнь... и мнѣ предстояло выполнить мое человѣческое назначеніе. И вотъ всѣмъ этимъ я пренебрегла, отъ всего отказалась, чтобы стать твоей рабыней. О, это было самоубійство. Смертный грѣхъ по отношенію къ себѣ самой. (Почти шопотомъ) И этого грѣха мнѣ не искупить никогда! (Садится возлѣ Рубека у ручья, не спуская съ него глазъ, и, словно въ забытьѣ, обрываетъ цвѣты съ окружающихъ кустовъ; наконецъ, повидимому, овладѣвъ собой) Мнѣ бы рождать дѣтей на

свѣтъ. Много дѣтей. Настоящихъ. Не такихъ, которыхъ прячутъ въ склепы. Вотъ въ чемъ мое призваніе. Не служить бы мнѣ никогда тебѣ, поэтъ!

Рубекъ (погружаясь въ воспоминанія). А чудное то было время, Ирена. Дивное, чудное время... какъ оглянешься на него...

Ирена (мягко смотритъ на него). Помнишь ты словечко, которое сказалъ, когда окончилъ... когда покончилъ со мной и нашимъ ребенкомъ? (Кивая ему головой) Помнишь ты это словечко, Арнольдъ?

Рубекъ (вопросительно смотритъ на нее). Развѣ я сказалъ тогда словечко, которое ты все еще помнишь?

Ирена. Да, сказалъ. Ты не можешь его припомнить?

Рубекъ (отрицательно качая головой). Право, нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, сейчасъ не припомню.

Ирена. Ты взялъ меня за обѣ руки и горячо пожалъ ихъ. Я ждала, затаивъ дыханіе. И вотъ ты сказалъ: «Прими мое сердечное спасибо, Ирена. Это, — сказалъ ты: — былъ чудный эпизодъ моей жизни».

Рубекъ (недоумѣвая). Я сказалъ — эпизодъ? Я вообще не употребляю этого слова.

Ирена. Ты сказалъ — эпизодъ.

Рубекъ (съ напускной развязностью). Ну да... въ сущности, это и былъ вѣдь эпизодъ.

Ирена (порывисто). Изъ-за этого слова я и ушла отъ тебя.

Рубекъ. Ты все принимаешь такъ болѣзненно-близко къ сердцу, Ирена.

Ирена (проводитъ рукой по лбу). Пожалуй, ты правъ. Стряхнемъ же съ себя все это болѣзненное, тяжелое. (Обрываетъ лепестки альпійской розы и сыплетъ ихъ въ воду) Смотри, Арнольдъ. Вонъ плывутъ наши птички.

Рубекъ. Какія птички?

Ирена. Развѣ не видишь? Это фламинго. Они вѣдь розовые.

Рубекъ. Фламинго не плаваютъ, а ходятъ по водѣ.

Ирена. Ну, такъ это не фламинго, а чайки.

Рубекъ. Чайки съ красными клювами, — пожалуй. (Срываетъ широкіе зеленые листья и тоже бросаетъ ихъ въ воду) Вотъ я пошлю за ними свои ладьи.

Ирена. Но безъ ловцовъ.

Рубекъ. Безъ ловцовъ. (Улыбаясь ей) Помнишь ты то лѣто, когда мы, бывало, вотъ такъ же сиживали съ тобой у хижины, на берегу Тауницкаго озера?

Ирена (кивая головой). Въ субботніе вечера, когда заканчивали нашу работу...

Рубекъ. ...И уѣзжали по желѣзной дорогѣ за-городъ на все воскресенье...

Ирена (съ недобрыми огоньками въ глазахъ). Это былъ эпизодъ, Арнольдъ.

Рубекъ (какъ бы не слыша). Тогда ты тоже пускала по водѣ птицъ. Бросала въ ручей водяныя лиліи...

Ирена. Это были бѣлые лебеди.

Рубекъ. Да, я и хотѣлъ это сказать. А я, помню, разъ прикрѣпилъ къ одному изъ лебедей большой волосатый листъ. Это былъ листъ лопуха...

Ирена. Это была ладья Лоэнгрина... съ лебедемъ впереди.

Рубекъ. Какъ ты забавлялась этой игрой, Ирена!

Ирена. Мы часто такъ играли.

Рубекъ. Каждую субботу, кажется. Все лѣто.

Ирена. Ты говорилъ, что я лебедь, влекущая твою ладью.

Рубекъ. Развѣ? Очень можетъ быть. (Увлекаясь игрой) Нѣтъ, погляди, какъ чайки плывутъ по теченію.

Ирена (смѣясь). А всѣ твои ладьи садятся на мель.

Рубекъ (бросаетъ въ воду новые листья). О, у меня много ладей въ запасѣ. (Слѣдитъ за плывущими листьями, срываетъ еще нѣсколько листьевъ и пускаетъ ихъ по водѣ; затѣмъ говоритъ) Ирена... я купилъ ту хижину на берегу озера.

Ирена. Купилъ-таки? Ты часто говорилъ, что купилъ бы ее, будь у тебя деньги.

Рубекъ. Потомъ у меня завелись деньги, и я купилъ ее.

Ирена (косясь на него). Что-жъ? Ты теперь живешь тамъ, въ нашемъ старомъ домикѣ?

Рубекъ. Нѣтъ, я давно велѣлъ его срыть. И выстроилъ на его мѣстѣ большую, роскошную, комфортабельную виллу... а вокругъ разбилъ паркъ. Тамъ мы обыкновенно... (Останавливается и поправляется) Тамъ я обыкновенно провожу лѣто...

Ирена (пересиливая себя). Такъ ты и... та, другая, живете тамъ?

Рубекъ (нѣсколько вызывающе). Да. Когда мы съ женой не путешествуемъ, какъ нынѣшній годъ.

Ирена (смотритъ передъ собою широко раскрытыми глазами). Какъ хороша, какъ хороша была жизнь на берегу Тауницкаго озера!

Рубекъ (уходя въ себя). И все-таки, Ирена...

Ирена (доканчивая его мысль). ...Все-таки мы оба упустили изъ рукъ прелесть той жизни.

Рубекъ (тихо, внушительно). Развѣ раскаяніе является слишкомъ поздно?

Ирена (нѣсколько секундъ сидитъ молча; потомъ указываетъ вдаль). Гляди, Арнольдъ — солнце заходитъ за вершины. Смотри, какой багровый отблескъ ложится на всѣ эти вересковыя кочки.

Рубекъ (смотритъ туда же). Давно ужъ я не видѣлъ заката солнца въ горахъ.

Ирена. И восхода тоже?

Рубекъ. Восхода я, кажется, никогда не видалъ.

Ирена (улыбаясь и какъ бы совсѣмъ уйдя въ воспоминанія). Я видѣла однажды дивно-прекрасный восходъ.

Рубекъ. Ты? Гдѣ?

Ирена. Высоко, на вершинѣ горы, на головокружительной высотѣ. Ты хитростью сманилъ меня туда, обѣщая, что я увижу оттуда всѣ царства міра и славу ихъ, если только... (Вдругъ обрываетъ).

Рубекъ. Если только?.. Ну?

Ирена. Я послушалась тебя. Послѣдовала за тобой на высоту. И тамъ пала на колѣни... передъ тобой, молилась на тебя... и служила тебѣ. (Помолчавъ немного, тихо добавляетъ) Тогда я и видѣла восходъ солнца.

Рубекъ (сводя разговоръ на другое). Не хочешь ли поѣхать вмѣстѣ и пожить у насъ на виллѣ?

Ирена (смотритъ на него съ презрительной улыбкой). Съ тобой... и этой, другой?

Рубекъ (убѣдительно). Со мной... какъ въ дни творчества. Открой то, что̀ захлопнулось во мнѣ на замо̀къ. Развѣ ты не захочешь этого, Ирена?

Ирена (отрицательно качая головой). У меня нѣтъ больше ключа, Арнольдъ.

Рубекъ. Онъ у тебя! Ни у кого другого! (Умоляюще) Помоги мнѣ... пережить жизнь снова!

Ирена (попрежнему). Пустыя мечты. Праздныя... мертвыя мечты. Наша общая жизнь умерла и не воскреснетъ вновь.

Рубекъ (перебивая, отрывисто). Такъ будемъ хоть играть!

Ирена. Да, играть, играть... только играть! (Продолжаютъ бросать листья и лепестки въ воду и смотрятъ, какъ они плывутъ).

(Изъ-за обрыва, налѣво, показываются Ульфгеймъ и Майя въ охотничьихъ костюмахъ. За ними егерь со сворой, которую уводитъ дальше, направо).

Рубекъ (увидавъ ихъ). Вонъ идетъ Майя съ медвѣжатникомъ.

Ирена. Твоя дама, да.

Рубекъ. Или того, другого.

Майя (взглядываетъ мимоходомъ на площадку и, увидавъ у ручья Рубека съ Иреной, кричитъ имъ). Спокойной ночи, профессоръ! Желаю вамъ видѣть во снѣ меня. А я отправляюсь искать приключеній!

Рубекъ (кричитъ въ отвѣтъ). Куда-то заведетъ это приключеніе?

Майя (ближе). Я хочу поставить жизнь на мѣсто всего прочаго.

Рубекъ (насмѣшливо). А, и ты тоже, Майя?

Майя. Ну да! Я ужъ и пѣсенку сложила. Вотъ какую: (Весело поетъ)

Конецъ моей прежней неволѣ!
Я вольная птица теперь!
На волѣ, на волѣ, на волѣ!

Да, право, я какъ будто очнулась наконецъ!

Рубекъ. Похоже на то.

Майя (вдыхая воздухъ полной грудью). А-а! Какъ хорошо, божественно хорошо — очнуться!

Рубекъ. Спокойной ночи, Майя... и желаю успѣха!..

Ульфгеймъ (поспѣшно). Тсс... тсс! Чтобъ васъ съ вашими пожеланіями!.. Только сглазите! Не видите, что ли, мы на охоту идемъ!..

Рубекъ. Что же ты принесешь мнѣ съ охоты, Майя?

Майя. Хищную птицу для модели. Я ужъ подстрѣлю для тебя одну.

Рубекъ (съ горькимъ, ироническимъ смѣхомъ). Да, подстрѣлишь... невзначай!.. Это по твоей части.

Майя (закидывая голову). О, предоставь мнѣ только впредь стрѣлять на свой страхъ!.. (Киваетъ ему съ лукавымъ смѣхомъ) Прощай... и спокойной ночи въ горахъ!

Рубекъ (весело). Благодарю! И всякихъ бѣдъ вамъ съ вашей охотой.

Ульфгеймъ (хохочетъ во все горло). Вотъ это такъ пожеланіе, это ладно!

Майя (смѣясь). Спасибо, спасибо, профессоръ! (Оба скрываются въ кустахъ направо).

Рубекъ (послѣ краткой паузы). Лѣтняя ночь въ горахъ. Да, это была бы жизнь.

Ирена (внезапно, съ дикимъ блескомъ въ глазахъ). Хочешь ты провести лѣтнюю ночь въ горахъ... со мною?

Рубекъ (раскрывая объятія). Да, да... приди!

Ирена. Мой возлюбленный господинъ и повелитель!

Рубекъ. О, Ирена!

Ирена (съ улыбкой судорожно шаритъ у себя на груди: хрипло). Это будетъ только эпизодъ!.. (Быстро, шопотомъ) Тсс... не оглядывайся, Арнольдъ!

Рубекъ (такъ же тихо). Что тамъ?

Ирена. Лицо... смотритъ на меня въ упоръ.

Рубекъ (невольно оборачиваясь). Гдѣ? (Вздрагивая) А!..

(Между кустами налѣво, у спуска съ горы, виднѣется голова сестры милосердія. Глаза ея не отрываются отъ Ирены).

Ирена (встаетъ и, понизивъ голосъ, говоритъ). Такъ намъ пора разстаться. Нѣтъ, ты оставайся. Слышишь! Не ходи за мной. (Наклоняется къ нему и шепчетъ) До свиданья, ночью. Въ горахъ.

Рубекъ. Ты придешь, Ирена?

Ирена. Приду. Жди меня здѣсь.

Рубекъ (мечтательно повторяетъ). Лѣтняя ночь въ горахъ... съ тобой... съ тобой! (Глаза ихъ встрѣчаются). О, Ирена... Вотъ была бы жизнь!.. Мы загубили ее... Мы оба!

Ирена. Непоправимое мы видимъ лишь тогда... (Обрываетъ).

Рубекъ (вопросительно глядя на нее). Ну?..

Ирена. ...Когда мы, мертвецы, пробуждаемся.

Рубекъ (мрачно качаетъ головой). А что собственно мы видимъ тогда?

Ирена. Видимъ, что мы никогда не жили.

(Идетъ къ холму и спускается. Сестра милосердія пропускаетъ ее и слѣдуетъ за нею. Рубекъ остается сидѣть неподвижно у ручья).

Ликующій голосъ Майи (раздается сверху между скалъ).

Конецъ моей прежней неволѣ:
Я вольная птица теперь!
На волѣ, на волѣ, на волѣ!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Дикая, скалистая мѣстность въ горахъ, съ ущельями и крутыми обрывами въ глубинѣ. Направо высятся покрытыя снѣгомъ вершины, уходящія въ облака. Налѣво, въ каменистой лощинѣ, старая, полуразвалившаяся хижина. Раннее утро. Занимается заря.

Майя, вся пунцовая, въ сильномъ возбужденіи, спускается слѣва по обрыву. Ульфгеймъ, полусердясь, полусмѣясь, слѣдуетъ за нею, крѣпко держа ее за рукавъ.

Майя (стараясь высвободиться). Пустите меня, пустите меня, говорятъ вамъ!

Ульфгеймъ. Ну, ну... не хватаетъ только, чтобы вы кусаться стали. Вотъ злючка, настоящая россомаха!

Майя (ударивъ его по рукѣ). Да вы пустите меня, — сказано вамъ? И будете вести себя смирно?..

Ульфгеймъ. Нѣтъ, чортъ меня побери!

Майя. Такъ я ни шагу не сдѣлаю съ вами дальше! Слышите, ни шагу!..

Ульфгеймъ. Хо-хо! Какъ же это вы уйдете отъ меня тутъ въ горахъ?

Майя. Я прямо брошусь съ обрыва, коль на то пойдетъ...

Ульфгеймъ. Чтобы разбиться вдребезги!.. То-то выйдетъ лакомое кушанье для собакъ — кровавый бифштексъ!.. (Выпускаетъ ее) Извольте. Бросайтесь, коли охота. Крутенько. Всего одна тропинка, да и та почти непроходима.

Майя (смахивая пыль съ юбки и сердито глядя на него). Премилый вы господинъ, нечего сказать! Съ вами только и ходить на охоту!

Ульфгеймъ. Скажите лучше — заниматься спортомъ.

Майя. Вы называете это спортомъ?

Ульфгеймъ. Да, почтительнѣйше беру на себя такую смѣлость. Это именно мой любимый спортъ.

Майя (закидывая голову). Ну, признаюсь!.. (Немного погодя, пытливо глядя на него) Зачѣмъ вы спустили собакъ?

Ульфгеймъ (прищуривъ глаза, съ улыбкой). Чтобъ и онѣ тоже могли немножко поохотиться на волѣ.

Майя. Неправда! Вовсе не ради нихъ самихъ вы ихъ спустили.

Ульфгеймъ (попрежнему). Ну, а ради чего? Послушаемъ!..

Майя. Чтобы спровадить Ларса. Пусть бѣгаетъ да собираетъ ихъ, — сказали вы. А тѣмъ временемъ... Да, премило съ вашей стороны!

Ульфгеймъ. А тѣмъ временемъ?..

Майя (обрывая). Ну, это все равно.

Ульфгеймъ (фамильярно). Ларсъ ихъ не найдетъ. Будьте спокойны. Онъ вернется съ ними не раньше, чѣмъ слѣдуетъ.

Майя (сердито глядя на него). Еще бы!

Ульфгеймъ (ловя ея руку). Ларсъ, видите ли, знаетъ мои... мои спортсменскія повадки.

Майя (увертываясь и смѣривая его взглядомъ). Знаете, на кого вы похожи, господинъ Ульфгеймъ?

Ульфгеймъ. Думаю, что больше всего похожъ на себя самого.

Майя. Именно. Вы живой фавнъ.

Ульфгеймъ. Фавнъ?

Майя. Онъ самый.

Ульфгеймъ. Фавнъ — это лѣсное чудовище, что ли? Въ родѣ лѣшаго, такъ сказать?

Майя. Да, да, какъ разъ такой, какъ вы. У него козлиная борода и козлиныя ноги... и рога вдобавокъ!

Ульфгеймъ. Эге! И рога вдобавокъ?

Майя. Пара гадкихъ роговъ, какъ у васъ, да.

Ульфгеймъ. А вы развѣ видите мои злополучные рога?

Майя. Да, мнѣ кажется, вполнѣ ясно.

Ульфгеймъ (вынимая изъ кармана ремень). Такъ, пожалуй, не лишнее будетъ связать васъ.

Майя. Да вы совсѣмъ съ ума сошли! Хотите связать меня?..

Ульфгеймъ. Ужъ коли быть, такъ быть чудовищемъ. Такъ вотъ какъ — вы видите у меня рога?

Майя (успокаивая его). Ну, ну, ну... будьте же умникомъ, Ульфгеймъ... (Обрывая) Но гдѣ же вашъ охотничій замокъ, о которомъ вы столько толковали? Онъ, судя по вашимъ разсказамъ, гдѣ-нибудь тутъ, по близости?

Ульфгеймъ (показывая на хижину). А вотъ онъ передъ вами.

Майя (смотритъ на него). Этотъ старый свиной закутокъ?

Ульфгеймъ (усмѣхаясь въ бороду). Онъ пріютилъ не одну принцессу.

Майя. Такъ это здѣсь тотъ негодный малый вошелъ къ принцессѣ подъ видомъ медвѣдя, какъ вы разсказывали?

Ульфгеймъ. Да, госпожа товарищъ по охотѣ! Вы на мѣстѣ событія. (Жестомъ приглашая ее войти) Не угодно ли вамъ?..

Майя. Вотъ еще! Ноги моей тамъ не будетъ... Фу!

Ульфгеймъ. О, любая парочка можетъ преуютно продремать тамъ лѣтнюю ночь. Или хоть все лѣто, коль на то пойдетъ.

Майя. Спасибо! Пусть — кому охота. (Съ нетерпѣніемъ) Ну, а теперь мнѣ надоѣли и ваше общество и вашъ спортъ. Я хочу внизъ, въ гостиницу... пока тамъ еще не успѣли проснуться.

Ульфгеймъ. Какимъ же путемъ думаете вы туда пробраться?

Майя. Это ужъ ваше дѣло. Гдѣ-нибудь да долженъ найтись спускъ.

Ульфгеймъ (указывая въ глубину). Помилуйте! Какъ же! Что-то въ родѣ спуска тамъ найдется... прямо по обрыву...

Майя. Вотъ видите. Стоитъ только захотѣть и...

Ульфгеймъ. Что-жъ, попробуйте, коли духу хватитъ.

Майя (озабоченно). Вы думаете — нѣтъ?

Ульфгеймъ. Ни-ни. Безъ моей помощи вы...

Майя (тревожно). Такъ и помогите! А то, на что мнѣ васъ?

Ульфгеймъ. Не взять ли мнѣ васъ лучше на спину?..

Майя. Вздоръ!

Ульфгеймъ. Или снести васъ на рукахъ?

Майя. Отстаньте отъ меня съ вашими глупостями.

Ульфгеймъ (злобно). Я разъ взялъ одну дѣвчонку... поднялъ изъ грязи и понесъ на рукахъ. Я хотѣлъ нести ее такъ всю жизнь... чтобы она не споткнулась о камень да не ушибла ножки. Башмаки-то на ней были дырявые, когда я нашелъ ее...

Майя. И все-таки вы подняли ее и понесли на рукахъ?

Ульфгеймъ. Взялъ изъ грязи, поднялъ высоко-высоко... по-

несъ бережнѣе бережнаго... (Съ глухимъ смѣхомъ) И знаете, чѣмъ она отплатила мнѣ?

Майя. Нѣтъ. Чѣмъ же?

Ульфгеймъ (глядитъ на нее, улыбаясь и кивая). Рогами. Вотъ этими рогами, которые вы разглядѣли у меня. Забавная исторія, не такъ ли, госпожа медвѣжатница?

Майя. Ничего себѣ; довольно забавная. Но я знаю исторію позабавнѣе.

Ульфгеймъ. Какую же?

Майя. Вотъ какую. Жила-была глупая дѣвчонка; жила съ отцомъ и матерью. Но довольно-таки бѣдно. Вдругъ является въ ихъ жалкую хижину важный баринъ. И взялъ дѣвчонку на руки, какъ вы, и унесъ далеко-далеко отъ родины...

Ульфгеймъ. А ей очень хотѣлось быть тамъ же, гдѣ онъ?

Майя. Да; она глупа была, видите ли.

Ульфгеймъ. А онъ былъ, конечно, красавецъ-мужчина?

Майя. Нѣтъ; нельзя сказать, чтобъ онъ былъ очень ужъ красивъ. Но онъ вбилъ ей въ голову, что возьметъ ее съ собой на вершину высочайшей горы, гдѣ столько свѣта, простора и солнца, какъ нигдѣ.

Ульфгеймъ. Такъ онъ былъ альпинистъ?

Майя. Да — особаго рода.

Ульфгеймъ. Ну, и взялъ дѣвчонку на гору?..

Майя (закидывая голову). Да, взялъ — какъ бы не такъ! Онъ заманилъ ее въ холодную, сырую клѣтку, гдѣ не было ни солнца ни вольнаго воздуха, — какъ ей казалось, — а только позолота да большіе окаменѣлые человѣческіе призраки по стѣнамъ.

Ульфгеймъ. Ахъ, чортъ возьми, это какъ разъ по ней было!

Майя. Что же, не забавная исторія, по-вашему?

Ульфгеймъ (смотритъ на нее съ минуту). Послушайте-ка, добрѣйшій товарищъ по охотѣ...

Майя. Ну? Что еще?

Ульфгеймъ. Не сложить ли намъ наши лоскутья вмѣстѣ?

Майя. Что-жъ, господину помѣщику захотѣлось быть портнишкой-лоскутникомъ?

Ульфгеймъ. Да, право! Не попытаться ли намъ скрѣпить ихъ тамъ да сямъ — быть-можетъ, изъ лоскутковъ-то и составится сносная человѣческая жизнь?

Майя. А когда эти жалкіе лоскутки износятся до тла, тогда что?

Ульфгеймъ (махнувъ рукой). Ну, тогда будемъ свободны, какъ теперь; какъ ни въ чемъ не бывало. Устоимъ!

Майя (смѣясь). Вы на своихъ козлиныхъ ногахъ!

Ульфгеймъ. А вы на своихъ... Идетъ?

Майя. Да, идемъ.

Ульфгеймъ. Стопъ! Куда, товарищъ?

Майя. Въ отель, полагаю.

Ульфгеймъ. А потомъ?

Майя. Потомъ любезно попрощаемся и поблагодаримъ другъ друга за компанію.

Ульфгеймъ. Развѣ мы съ вами можемъ такъ разстаться? По-вашему, можемъ?

Майя. Связать-то меня вы вѣдь не связали.

Ульфгеймъ. Я могу предложить вамъ замокъ.

Майя (указывая на хижину). Въ родѣ этого?

Ульфгеймъ. Онъ пока еще не рухнулъ.

Майя. И, пожалуй, еще всѣ царства міра и славу ихъ?

Ульфгеймъ. Замокъ, говорю я...

Майя. Спасибо. Будетъ съ меня замковъ!

Ульфгеймъ. ...Съ чудеснѣйшими необозримыми охотничьими угодьями вокругъ.

Майя. А въ этомъ замкѣ тоже есть произведенія искусства?

Ульфгеймъ (медленно). Нѣтъ... произведеній искусства тамъ нѣтъ, но...

Майя (вздохнувъ съ облегченіемъ). И за то спасибо!

Ульфгеймъ. Такъ хотите идти со мной... куда и до какихъ поръ я потребую?

Майя. Меня стережетъ прирученная хищная птица.

Ульфгеймъ (въ дикомъ порывѣ). Мы подстрѣлимъ ее, Майя!

Майя (смотритъ на него съ минуту и говоритъ твердо). Такъ перенесите меня черезъ пропасть.

Ульфгеймъ (обвиваетъ руками ея станъ). Давно пора! Туманъ виситъ у насъ надъ головой!..

Майя. А тропинка очень опасна?

Ульфгеймъ. Туманъ въ горахъ еще опаснѣе.

(Она вырывается изъ его объятій, подбѣгаетъ къ ущелью, смотритъ внизъ, но быстро откидывается назадъ).

Ульфгеймъ (подходитъ къ ней и смѣется). Что, голова закружилась?

Майя (устало). Да... Но посмотрите туда сами. Посмотрите на эту парочку...

Ульфгеймъ (наклоняясь надъ обрывомъ). Ну что же — ваша хищная птица... съ этой чужой дамой.

Майя. Нельзя ли проскользнуть мимо нихъ... чтобы они насъ не видали?

Ульфгеймъ. Невозможно. Тропинка слишкомъ узка. А другого спуска нѣтъ.

Майя (собравшись съ духомъ). Хорошо... такъ пойдемте смѣло навстрѣчу.

Ульфгеймъ. Вотъ это по-настоящему, по-охотницки, товарищъ!

(Рубекъ и Ирена показываются въ глубинѣ, подымаясь по обрыву. У него на плечахъ пледъ, она въ мѣховой накидкѣ, поверхъ обычнаго бѣлаго платья; на головѣ капоръ изъ лебяжьяго пуха).

Рубекъ (видимый лишь наполовину). А, Майя! Такъ намъ суждено было встрѣтиться еще разъ?

Майя (съ напускной увѣренностью). Къ вашимъ услугамъ. Милости просимъ!

(Рубекъ, взобравшись, протягиваетъ руку Иренѣ, которая также подымается наверхъ).

Рубекъ (холодно Майѣ). Такъ и ты всю ночь провела въ горахъ... какъ и мы?

Майя. На охотѣ, да. Ты же далъ мнѣ вольную.

Ульфгеймъ (указывая въ глубину). Вы по этой дорогѣ пришли?

Рубекъ. Вы сами видѣли.

Ульфгеймъ. И ваша дама тоже?

Рубекъ. Само собой. (Взглянувъ на Майю) Впредь у насъ съ моей дамой всегда будетъ одна дорога.

Ульфгеймъ. А вы не знаете, что шли дорогой смерти?..

Рубекъ. Мы все-таки вступили на нее! Сначала она не казалась такой трудной.

Ульфгеймъ. Вначалѣ всегда такъ. Но потомъ можно забраться въ тѣснину, откуда нѣтъ выхода ни впередъ ни назадъ. Вотъ и застрянешь, господинъ профессоръ! Ущемишься въ горахъ, какъ говоримъ мы, охотники.

Рубекъ (глядя на него съ улыбкой). Что это вы — пророчите мнѣ, господинъ Ульфгеймъ?

Ульфгеймъ. Боже избави меня быть пророкомъ! (Внушительно указывая наверхъ) Но развѣ вы не видите, что надъ головами у насъ собирается буря? Не слышите, какъ насвистываетъ?

Рубекъ (прислушиваясь). Точно прелюдія ко дню возстанія изъ мертвыхъ.

Ульфгеймъ. На вершинахъ разыгрывается буря! Поглядите, какъ несутся и садятся облака. Скоро они окутаютъ насъ, какъ саваномъ.

Ирена (вздрагивая). Я знаю этотъ саванъ.

Майя (увлекая Ульфгейма). Скорѣе внизъ.

Ульфгеймъ (Рубеку). Я могу помочь только одному человѣку. Укройтесь пока въ хижинѣ... на время бури. Потомъ я пришлю за вами людей...

Ирена (въ ужасѣ). За нами людей?.. Нѣтъ! Нѣтъ!

Ульфгеймъ (грубо). Взять васъ силой, если понадобится. Дѣло

идетъ о жизни или смерти. Такъ и знайте! (Майѣ) Пойдемте... спокойно довѣрьтесь сильному товарищу!

Майя (прижимаясь къ нему). О, какъ я буду пѣть и ликовать, когда спущусь внизъ цѣла и невредима!

Ульфгеймъ (начинаетъ спускаться и кричитъ оставшимся). Такъ ждите въ хижинѣ, пока люди придутъ за вами съ веревками!

(Ульфгеймъ, держа въ объятьяхъ Майю, торопливо, но осторожно спускается съ обрыва).

Ирена (съ минуту съ ужасомъ смотритъ на Рубека). Ты слышалъ, Арнольдъ? За мной придутъ люди! Много людей!..

Рубекъ. Только не волнуйся, Ирена!

Ирена (съ возрастающимъ страхомъ). И она... та черная... тоже придетъ. Она ужъ, навѣрно, давно хватилась меня. И она схватитъ меня, Арнольдъ! И надѣнетъ на меня смирительную рубашку! Она привезла ее съ собой въ чемоданѣ. Я сама видѣла...

Рубекъ. Никто не посмѣетъ прикоснуться къ тебѣ!

Ирена (съ блуждающею улыбкой). Да, у меня у самой есть средство защитить себя.

Рубекъ. Какое средство?

Ирена (вынимая ножъ). Вотъ!

Рубекъ (пытаясь схватить ножъ). Ты съ ножомъ!

Ирена. Всегда, всегда. И днемъ и ночью. Даже въ постели.

Рубекъ. Отдай мнѣ ножъ, Ирена.

Ирена (пряча его). Не дамъ; мнѣ самой можетъ понадобиться.

Рубекъ. Зачѣмъ онъ можетъ тебѣ здѣсь понадобиться?

Ирена (глядя на него въ упоръ). Онъ былъ предназначенъ для тебя, Арнольдъ.

Рубекъ. Для меня?

Ирена. Когда мы сидѣли вчера вечеромъ на берегу Тауницкаго озера...

Рубекъ. Тауницкаго?..

Ирена. ...У хижины... и играли съ лебедями и водяными лиліями...

Рубекъ. Ну... ну?..

Ирена. ...И когда ты такъ холодно, такимъ ледянымъ тономъ сказалъ... что я была для тебя только... эпизодомъ...

Рубекъ. Да это ты сама сказала, Ирена, а не я!

Ирена (продолжая). ...Тогда я выхватила ножъ. Я хотѣла всадить его тебѣ въ спину.

Рубекъ (мрачно). Что же ты не всадила?

Ирена. Потому что меня вдругъ озарила страшная догадка, что ты уже мертвъ... давнымъ-давно.

Рубекъ. Мертвъ?

Ирена. Мертвъ. Мертвецъ, какъ и я. Мы сидѣли тамъ, около озера... два похолодѣвшихъ трупа... и играли вмѣстѣ.

Рубекъ. Я еще не называю этого смертью. Но ты меня не понимаешь.

Ирена. А гдѣ же та пламенная страсть, съ которой ты боролся, когда я стояла передъ тобой нагая, какъ возставшая изъ мертвыхъ?

Рубекъ. Наша любовь, навѣрное, не умерла, Ирена.

Ирена. Любовь... какою любятъ въ земной жизни... въ дивной, прекрасной земной жизни... загадочной земной жизни... та любовь — умерла въ насъ обоихъ.

Рубекъ (страстно). Знаешь ли ты, что именно эта любовь... жжетъ меня теперь... сжигаетъ, какъ никогда прежде!

Ирена. А я? Ты забылъ, кто я теперь?

Рубекъ. Будь, кѣмъ хочешь! Для меня ты та женщина, о которой я мечталъ!

Ирена. Я стояла на вертящейся подставкѣ... нагая... показывала себя сотнямъ людей — послѣ тебя.

Рубекъ. Это я толкнулъ тебя туда... слѣпецъ! Я ставилъ мертвую глиняную фигуру выше жизни — выше счастья любви!

Ирена (опустивъ глаза). Поздно. Поздно.

Рубекъ. Что бы тамъ ни было, ты ни на волосъ не пала въ моихъ глазахъ.

Ирена (высоко поднявъ голову). И въ своихъ тоже.

Рубекъ. Такъ что же тогда! Мы оба свободны. И у насъ есть еще время пережить жизнь снова, Ирена.

Ирена (удрученно смотритъ на него). Жажда жизни умерла во мнѣ, Арнольдъ. Я возстала. И ищу тебя. И нахожу... И вижу, что и ты и жизнь — мертвы, какъ и я была мертва.

Рубекъ. О, какъ ты заблуждаешься! Жизнь въ насъ и вокругъ насъ кипитъ и брызжетъ попрежнему!

Ирена (съ улыбкой качая головой). Твоя юная возставшая дѣва видитъ, что вся жизнь мертва.

Рубекъ (страстно обвивая ее руками). Такъ пусть же мы, хоть мертвые, осушимъ чашу жизни до дна... прежде чѣмъ опять сойти въ могилу!

Ирена (вскрикиваетъ). Арнольдъ!

Рубекъ. Но не здѣсь, въ этомъ сумракѣ! Не здѣсь, гдѣ насъ охватываетъ эта безобразная сырая пелена...

Ирена (увлеченная страстью). Нѣтъ, нѣтъ!.. Туда, къ свѣту, къ сіянію славы! На вершину забвенія!

Рубекъ. Тамъ мы отпразднуемъ нашу свадьбу, Ирена... моя возлюбленная!

Ирена (горячо). Пусть солнце глядитъ на насъ, Арнольдъ!

Рубекъ. Пусть глядятъ на насъ всѣ силы свѣта и мрака! (Схватывая ея руку) Такъ хочешь слѣдовать за мной, моя невѣста, принесшая мнѣ отпущеніе?

Ирена (какъ бы просвѣтленная). Я готова слѣдовать за моимъ господиномъ и повелителемъ.

Рубекъ (увлекая ее). Сначала пробьемся сквозь туманъ, Ирена, а тамъ...

Ирена. Да, сквозь всѣ туманы. А тамъ — на самую вершину, озаренную восходящимъ солнцемъ!..

(Туманъ все сгущается. Рубекъ съ Иреной рука объ руку начинаютъ подыматься направо по леднику и скоро исчезаютъ въ низко нависшихъ облакахъ. Въ воздухѣ слышенъ порывистый свистъ надвигающейся бури).

(Сестра милосердія показывается въ лощинѣ налѣво, останавливается и молча озирается вокругъ).

Ликующій голосъ Майи (доносится снизу).

Конецъ моей прежней неволѣ!
Я вольная птица теперь!
На волѣ, на волѣ, на волѣ!

(Вдругъ раздается громовой раскатъ на вершинѣ горы, и рушится лавина. Рубекъ и Ирена мелькаютъ на минуту въ снѣжномъ вихрѣ, затѣмъ лавина погребаетъ ихъ подъ собой).

Сестра милосердія (испускаетъ крикъ и протягиваетъ руки къ падающимъ). Ирена! (Съ минуту стоитъ молча, затѣмъ чертитъ въ воздухѣ знаменіе креста и говоритъ) Pax vobiscum!

(Снизу еще доносится удаляющійся ликующій голосъ Майи).

ИЗБРАННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Какъ видно изъ біографическаго очерка, Ибсенъ написалъ на своемъ вѣку, особенно въ молодости, немало лирическихъ, эпическихъ и сатирическихъ стихотвореній, и бо́льшая часть ихъ была въ разное время напечатана въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ. Но Ибсена уже въ самые юные годы занималъ планъ отдѣльнаго изданія своихъ стиховъ, о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, хранящаяся въ университетской библіотекѣ рукопись: небольшая, изящно переплетенная тетрадка въ 8⁰, въ которую рукою самого Ибсена тщательно переписаны 26 стихотвореній подъ общимъ заглавіемъ: „Blandede Digtninger fra Aarene 1848, 1849 и 1850“ („Разныя поэтическія произведенія 1848—1850 гг.“): среди этихъ стихотвореній находились: упоминаемое въ предисловіи ко 2-му изданію „Катилины“ пламенное воззваніе „Къ мадьярамъ“, циклъ патріотическихъ сонетовъ: „Проснитесь, скандинавы!“ и другія, упоминаемыя въ біографическомъ очеркѣ. Очевидно, однако, у издателей этотъ рукописный сборникъ встрѣтилъ тотъ же пріемъ, что̀ „Катилина“, а издать и этотъ томикъ въ компаніи со своимъ другомъ, какъ „Катилину“, юный авторъ не рискнулъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, а именно въ 1858 году, Ибсенъ опять началъ готовить для печати сборникъ своихъ стихотвореній, но затѣмъ раздумалъ и оборвалъ рукопись на 7-й страницѣ. Рукопись эта, какъ и первая, хранится въ университетской библіотекѣ въ Христіаніи и представляетъ тетрадку въ 4⁰ подъ заглавіемъ „En Livsvaar; digte af Henrik Ibsen, 1858 r.“ („Весна жизни; стихотворенія Генрика Ибсена; 1858 г.“). Особый интересъ изъ помѣщенныхъ въ этой тетрадкѣ стихотвореній имѣетъ слѣдующая строфа вступительнаго стихотворенія, характеризующая общее настроеніе поэта и представляющая первый набросокъ студенческой пѣсни въ „Комедіи любви“:

Разсудка балластъ схоронить среди волнъ!
Послѣднюю тряпку на мачту высоко!
Быть-можетъ, на мель посажу я свой челнъ,
Но васъ позади всѣхъ оставлю далеко!

И только въ 1871 г., т.-е. имѣя за плечами уже 20 лѣтъ литературной дѣятельности, Ибсенъ осуществилъ свое намѣреніе выступить передъ читающею публикой со сборникомъ своихъ стихотвореній. Въ біографическомъ очеркѣ упоминается о томъ, съ какою строгостью къ себѣ самому, какъ къ стихотворцу, отнесся Ибсенъ, пересматривая свои многочисленныя какъ напечатанныя, такъ и ненапечатанныя стихотворенія, чтобы сдѣлать изъ нихъ выборъ для сборника. Первый сборникъ, выпущенный въ маѣ 1871 года, вышелъ весьма незначительнымъ по объему, заключая всего около полусотни стихотво-

реній. Во второе изданіе „Сборника“ Ибсенъ включилъ еще нѣсколько позднѣйшихъ стихотвореній, т.-е. написанныхъ имъ уже послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія: слѣдующія же семь изданій „Сборника“ явились простыми перепечатками второго изданія, безъ какихъ-либо измѣненій.

Въ 1898 г. копенгагенскій издатель Ибсена, Гегель предпринялъ изданіе перваго полнаго собранія его сочиненій, и въ это изданіе вошелъ все тотъ же „Сборникъ“ съ прибавленіемъ нѣсколькихъ позднѣйшихъ стихотвореній. Нѣмецкое же изданіе „Полнаго собранія“, вышедшее въ Берлинѣ почти одновременно съ скандинавскимъ, содержало еще переводы 27 юношескихъ стихотвореній Ибсена, на включеніе которыхъ писатель далъ свое согласіе, какъ говорится въ предисловіи, „въ самую послѣднюю минуту“, т.-е., очевидно, уступая настойчивымъ просьбамъ нѣмецкихъ издателей. Въ нашемъ изданіи нѣкоторые изъ юношескихъ стихотвореній Ибсена приведены въ переводахъ въ біографическомъ очеркѣ; остальныя мы исключили, какъ исключилъ ихъ самъ авторъ, придававшій изъ всѣхъ своихъ раннихъ произведеній серьезное значеніе лишь „Катилинѣ“ и въ предисловіи ко второму изданію драмы подробно изложившій причины, которыя побудили его переиздать ее. Кромѣ того, нами выпущена часть стихотвореній, вошедшихъ какъ во всѣ девять отдѣльныхъ изданій „Сборника“, такъ и въ скандинавское изданіе „Полнаго собранія сочиненій“ Ибсена, а именно: не представляющія по своему содержанію особаго интереса для иностранныхъ читателей и не прибавляющія ничего новаго къ характеристикѣ писателя стихотворенія „на случай“ и посвященія разнымъ коронованнымъ особамъ и частнымъ лицамъ. Кромѣ того, намъ пришлось выпустить остроумное стихотвореніе: „Мое молодое вино“, вся соль котораго въ непереводимой игрѣ словъ. И наконецъ стихотвореніе „На тысячелѣтіе Норвегіи“ подверглось въ нашемъ переводѣ нѣкоторому сокращенію—въ смыслѣ мало понятныхъ для иностранныхъ читателей подробностей борьбы Гаральда съ вождями и, главнымъ образомъ, перечисленія именъ послѣднихъ и тѣхъ родовъ, которыми они предводительствовали.

МУЗЫКАНТЫ.

Летѣли къ ней мои всѣ мысли
Влекли меня во тьмѣ ночной,
Но путь мой шелъ вдоль горной рѣчки,
Гдѣ пѣлъ, игралъ самъ водяной.

«Ты пѣсенъ чарами владѣешь,
Чтобъ овладѣть ея душой
И въ храмы, въ дивныя палаты
Перенести своей игрой?»

И отвратилъ меня отъ Бога
Своей игрою водяной;
Когда-жъ и я постигъ искусство,—
Къ вѣнцу съ ней шелъ мой братъ родной.

И самъ я въ храмы и палаты
Переношусь своей игрой;
Тѣ пѣсни-чары овладѣли
Навѣкъ душой моей больной.

ПЛАНЫ.

Какъ живо вспоминаю я тотъ счастливый часъ,
Когда въ печати стихъ свой увидѣлъ въ первый разъ.

Усѣвшись у камина, я трубку закурилъ;
Пуская кольца дыма, мечтами воспарилъ:

«Воздвигну чудо-замокъ я, солнечный дворецъ;
Весь Сѣверъ онъ освѣтитъ, — въ немъ будетъ жить пѣвецъ.

«Къ дворцу-жъ потомъ пристрою уютный теремокъ;
Войдетъ въ него хозяйкой мой маленькій дружокъ».

И планъ замысловатый, пока онъ былъ вчернѣ,
Казался гармоничнымъ, разумнымъ мнѣ вполнѣ.

Когда-жъ дошло до дѣла, то кончилось вотъ чѣмъ:
Большое стало малымъ, а малое — ничѣмъ.

ПОЛЕВОЙ ЦВѢТОКЪ И КОМНАТНЫЕ.

«Скажите! Это просто диво!
Гдѣ вкусъ вашъ, гдѣ глаза? Она
Не Богъ вѣсть даже какъ красива,
И вѣтрена, и неумна».

Да, поступай я современно,
Во вкусѣ злободневныхъ драмъ,—
Одну бы выбралъ непремѣнно
Я изъ нормальныхъ дѣвъ иль дамъ.

Вся эта комнатная флора
Такъ чинно, правильно цвѣтетъ.
Красу ихъ пышнаго убора
Хранитъ заботливый уходъ.

Растутъ онѣ въ теплѣ и въ холѣ,
Однѣ и тѣ-жъ весной, зимой.
Да, будь разумнѣй я, и болѣ
Разуменъ былъ бы выборъ мой.

Но что всѣ доводы разсудка?
Внимать ему охоты нѣтъ.
Цвѣтокъ полей моя малютка,
И ей всего шестнадцать лѣтъ!

ПТИЧЬЕ ЩЕБЕТАНЬЕ.

Въ прекрасный день весенній
Я въ садъ ее увлекъ;
Манилъ насъ, какъ загадка,
Запретный уголокъ.

Былъ вѣтерокъ такъ мягокъ,
Такъ сини небеса,
И въ чащѣ раздавались
Пичужекъ голоса.

Воображенья кистью
Картины я писалъ,
И взглядъ двухъ карихъ глазокъ
Улыбкою сіялъ.

Насъ вразумить старались
Двѣ птички изъ гнѣзда:
Но мы... мы съ ней разсталис
Простились навсегда...

Съ тѣхъ поръ, когда ни выйду
Гулять въ тѣнистый садъ,
Пернатыя пѣвуньи
Такъ въ уши и трещатъ.

Мамаша-воробьиха
Подслушала насъ съ ней
И спѣла про насъ пѣсню,
Баюкая дѣтей;

А дѣтки — всему свѣту!
Теперь, кому не лѣнь —
Всѣ распѣваютъ, свищутъ
Про тотъ весенній день.

АКЕРСХУСЪ.

Мягко лѣтней ночи дымка
Облекла земную грудь;
Сквозь туманъ мерцаютъ звѣзды,
Кротко свѣтитъ Млечный путь.

Шепчетъ стиснутый скалами
И вздыхаетъ глухо фьордъ;
Въ этихъ звукахъ — пѣсенъ дѣтства
Вѣчно памятный аккордъ.

Старый Акерсхусъ спокойно
Сквозь туманъ глядитъ, порой
Хѣведъ-острову кивая
Многодумной головой.

Грезитъ, видно, старый замокъ;
По минувшаго волнамъ
На ладьѣ воспоминаній
Онъ скользитъ, отдавшись снамъ.

Въ этихъ снахъ гостей онъ видитъ,
Выходцевъ изъ тьмы временъ;
Въ саванахъ, повиты флеромъ,
Движутся со всѣхъ сторонъ...

Стынетъ кровь... И я ихъ вижу!..
Въ окнахъ старыхъ залъ
Огонекъ зелено-синій
Быстро-быстро замелькалъ.

Чуръ меня! Кто этотъ рыцарь?
На кого сейчасъ въ упоръ,
Приподнявшись съ кресла, смотритъ?
Искры мечетъ злобный взоръ!

Это — Христіернъ Кровавый!
Лобъ въ глубокихъ бороздахъ,
Помертвѣвшія ланиты,
Мечъ заржавленный въ рукахъ.

Словно памятникъ величья,
Женщина стоитъ, блѣдна,
Но и царственно-прекрасна,
Въ углубленьи у окна...

Кнута Альфсёна супруга!
Въ гости прибылъ датскій флотъ,
И коварный Гюльденстьерне
Альфсёна на пиръ зоветъ;

Безоружнымъ тотъ явился,
Мертвымъ отвезенъ домой;
Въ лобъ ударъ ему пришелся,—
Въ грудь Норвегіи самой.

Вонъ влекутъ кого-то въ узахъ...
Гѐрлофъ Гюттефадъ?.. То онъ!
Сотни воиновъ въ доспѣхахъ...
Будетъ онъ сейчасъ казненъ.

На дворѣ костеръ разложенъ;
Саванъ кровью весь залитъ;
Христіернъ приподнялъ пологъ
У носилокъ и глядитъ...

То не капли крови, — розы
Сѣялъ мученикъ-герой.
Отъ костра вздымался къ небу
Ѳиміамомъ дымъ густой.

Кровь даетъ посѣвъ богатый;
Триста лѣтъ онъ вызрѣвалъ;
Наконецъ народной жатвы
День на Эйсвольдѣ насталъ.

И тогда... Но гдѣ-жъ видѣнья?
«Смѣна!» — крикнулъ часовой;
Обликъ будничный вновь принялъ
Старый Акерсхусъ сѣдой.

ГАГА.

На сѣверѣ дальнемъ та птица живетъ;
Надъ фьордомъ, на скалахъ гнѣздо себѣ вьетъ.

И пухъ изъ груди своей щиплетъ она,
Гнѣздо устилаетъ, надежды полна.

Душа рыбака — закаленная сталь;
Онъ грабитъ гнѣздо; ему гаги не жаль.

Жестокость сильна, но сильна и любовь;
Сочится опять изъ груди гаги кровь.

Ограбитъ вторично онъ, — гага опять
Торопится гнѣздышко пухомъ устлать.

Но если и въ третій разъ та же бѣда,—
Снимается гага съ пустого гнѣзда;

Туманъ прорѣзаетъ кровавая грудь,
На солнечный югъ держитъ гага свой путь.

ВОДЯНАЯ ЛИЛІЯ.

Я принесъ тебѣ съ крылами
Бѣлоснѣжными цвѣтокъ;
Отягченъ онъ былъ мечтами,
И сломался стебелекъ.

На груди дѣвичьей нѣжной
Пусть теперь пріютъ найдетъ, —
Надъ пучиною безбрежной
Тихихъ, но глубокихъ водъ.

Берегись, дитя, манящей
Тишины лѣсныхъ озеръ:

Чутокъ водяной и спящій,
Лилій призраченъ коверъ.

Берегись, дитя, бездонной
Глубины дѣвичьихъ грезъ:
Чутокъ водяной и сонный,
Лиліи — фіалы слезъ.

ПТИЧКА И ПТИЦЕЛОВЪ.

Я помню, что бѣдовымъ
Мальчишкой въ дѣтствѣ былъ
И разъ въ бору сосновомъ
Ловушку смастерилъ;
Поймалъ въ нее пичужку
И, радостно-жестокъ,
Въ ней видя лишь игрушку,
Унесъ въ свой уголокъ,
Присѣлъ съ ней на полъ рядомъ
И сталъ пугать, чѣмъ могъ:
Шипѣньемъ, злобнымъ взглядомъ
И топотаньемъ ногъ.
Уставъ пугать, и сердцу
Я далъ заговорить:
Въ ловушкѣ тихо дверцу
Открылъ и жду... Фюить!
Взлетѣла мигомъ крошка,
Найдя къ свободѣ путь,
Но о стекло окошка
Себѣ разбила грудь...
Судьба, ты справедлива!
Ты, птичка, отмщена!
Я въ клѣткѣ самъ пугливо
Бьюсь день и ночь безъ сна;
И на меня глазами
Сердитыми глядятъ;
Сжимаетъ, какъ клещами,
Мнѣ сердце этотъ взглядъ.
И вдругъ, воображу я —
Открытъ къ свободѣ путь,—
Лечу стремглавъ, ликуя,
И — разбиваю грудь!

РУДОКОПЪ.

Выше, молотъ мой, вздымайся,
Камень съ трескомъ разрушайся!
Надо путь пробить туда,
Гдѣ поетъ, звенитъ руда.

Жилы красно-золотыя
И каменья дорогіе
Въ темныхъ нѣдрахъ мощныхъ горъ
Мой угадываетъ взоръ.

Вѣетъ міромъ, тишиною
Въ тьмѣ извѣчной подъ землею;
Глубже внутрь, въ земную грудь
Пробивай мнѣ, молотъ, путь!

Помню — въ юности часами
Любовался я звѣздами:
Съ дѣтски-ясною душой
Собиралъ цвѣты весной.

Но съ тѣхъ поръ минули годы;
Шахты сумрачные своды
Все затмили для меня —
Прелесть поля, неба, дня.

Вѣрилъ я, сходя впервые
Въ нѣдра мрачныя земныя:
Духи тьмы тамъ, въ глубинѣ,
Тайну тайнъ откроютъ мнѣ.

Но бѣжитъ стрѣлою время,
А загадокъ жизни бремя
Умъ все такъ же тяготитъ;
Тьма во мнѣ, какъ вкругъ, царитъ.

Иль ошибкою жестокой
Былъ мой путь во тьмѣ глубокой?
Въ небесахъ искать отвѣтъ?..
Но слѣпитъ небесный свѣтъ!

Нѣтъ, ужъ, видно, подъ землею
Путь намѣченъ мнѣ судьбою.
Глубже внизъ, въ земную грудь
Пробивай мнѣ, ~~молотъ,~~ путь!

Вглубь, — пока лишь хватитъ силы, —
Шагъ за шагомъ, до могилы.
Ни луча зари живой,
Ни надежды предо мной.

СВѢТОБОЯЗНЬ.

Я былъ въ семьѣ и въ школѣ
Прехрабрый мальчуганъ,
Но днемъ лишь; чуть же въ полѣ,
Бывало, палъ туманъ

И поползли въ долины
Ночныя тѣни съ горъ —
Ужасныя картины
Живописалъ мнѣ взоръ.

Изъ сказокъ и преданій
Рать призраковъ ползла,
И ночь мнѣ рядъ терзаній,
А не покой несла.

Теперь не такъ бываетъ:
Какъ воскъ въ пылу огня,
Вся храбрость моя таетъ
При свѣтѣ яркомъ дня.

Мнѣ духи зла дневные
Страшны; мнѣ жизни шумъ
Въ мозгъ иглы ледяныя
Вонзаетъ, мутитъ умъ.

Міръ призраковъ туманный
Мнѣ нуженъ, тьмы покровъ;
Онъ — щитъ, доспѣхъ мой бранный,
Я въ немъ на бой готовъ.

И грудью разсѣкаю
Я мглу, орломъ паря;
Но крылья опускаю,
Едва блеснетъ заря.

Такъ, если подвигъ мною
И будетъ совершенъ. —
Навѣрно, тьмой ночною
Навѣянъ будетъ онъ.

ПѢСНЯ ПОЭТА.

(Изъ „Комедіи любви“).

Залитъ солнцемъ день весенній
Вмѣстѣ съ нимъ ликуй и пой, —
Хоть не сдержитъ даръ осенній,
Что̀ обѣщано весной!
Яблонь цвѣтъ душистый, нѣжный,
Какъ шатеръ надъ головой, —
Пусть хоть завтра вихрь мятежный
Весь его сорветъ долой!

Въ пору пышнаго расцвѣта
Вопрошать ли о плодахъ?
О зимѣ-ль гадать средь лѣта,
Изнывать въ тоскѣ, въ слезахъ?
Прогонять ли птицъ изъ сада,
Наводя трещеткой страхъ?
Наша лучшая услада —
Пѣнье звонкое въ вѣтвяхъ!

Съ вѣтки, завязью богатой,
Ты дрозда не прогоняй;
Всѣ надежды гость пернатый
Пусть клюетъ, — не унывай!
Скоро-ль, нѣтъ ли плодъ созрѣетъ, —
Пѣснѣ-жъ всласть сейчасъ внимай.
Помни, быстро листъ желтѣетъ,
Скоро твой промчится май!

Жить и пѣть — пока въ аллеѣ
Листъ послѣдній опадетъ!
А тогда пускай скорѣе
Кто-нибудь его смететъ.
Прочь замо̀къ, засовъ тяжелый, —
Для скота свободный входъ!
Мнѣ — цвѣтокъ, а стебель голый
Пусть кто хочетъ, тотъ возьметъ!

УЩЕЛЬЕ.

Гроза разорвала завѣсу тучи;
Въ ущельѣ разлился потокъ могучій:

И вмѣстѣ съ бурею онъ росъ, крѣпчалъ,
Бурлилъ, и пѣнился, и грохоталъ.

Прошла гроза; исчезъ потокъ бурливый;
Лишь ручеекъ остался говорливый,

Да радужная пыль шуршитъ въ травѣ,
И словно бисеръ сыплется въ листвѣ.

Іюльская жара; ущелье сухо;
Но нѣчто прежнее въ немъ есть для слуха:

Хруститъ сухая пыль, дрожитъ листва,
И пересохшая шуршитъ трава.

Иллюзію даетъ невольно это,
И самъ я уплатилъ ей дань поэта.

ВЪ ГОРАХЪ.

Прикрыла ночь долины длинной
Своей вуалью изъ тѣней;
Въ горахъ, на высотѣ пустынной,
Хаосъ изъ облачныхъ гребней;
Сѣдыя волны изъ тумана
Клубятся вкругъ скалы крутой,
Скрывая *йокля*-великана;
Снимаетъ вечеромъ онъ рано
Вѣнецъ изъ солнца золотой.

Но тамъ, въ заоблачномъ просторѣ,
Встаетъ, вся золотомъ горя,
Цѣпь горныхъ пиковъ,—словно въ морѣ
Цѣпь островковъ изъ янтаря.
Какъ тихо тамъ! Безшумно птицы,
Большія, хищныя, парятъ,
А горъ зубчатыя бойницы
И пиковъ снѣжныхъ вереницы
Безмолвно западу грозятъ.

Прикрытый тѣнью йокля черной,
Зеленый *сэтеръ* задремалъ;
Ему оградой снѣгъ нагорный,
Ему защитой стѣны скалъ.
Особый міръ тамъ, жизнь иная,
И людъ особенный живетъ;
Луна тамъ ярче золотая,
И даль прозрачнѣй голубая,
И шире, выше небосводъ!

Вонъ, улетѣвъ въ ту даль мечтами,
Пастушка юная стоитъ;
Лицо въ огнѣ, а станъ тѣнями
Ночными сѣрыми обвитъ.
Тотъ эльфъ, задумчивый и странный,
За кѣмъ слѣдитъ дѣвичій взоръ,
Пока порхаетъ безыменный;
Гдѣ край его родной, желанный,
Она не знаетъ до сихъ поръ.

Недолго жизнью горъ свободной
Осталось жить ей; близокъ срокъ —
Покроетъ сэтеръ снѣгъ холодный,
И въ тѣсный зимній уголокъ
Она вернется, сядетъ снова
У печки прясть льняную нить.
Зима томительна, сурова...
Но часъ заката вотъ такого
Не жаль такой цѣной купить!

НА ПРАЗДНИКЪ ПѢВЦОВЪ.

Сотнями флаговъ пестрѣя,
Наша ладья-пароходъ
Съ дымнымъ хвостомъ, какъ у змѣя,
Быстро несется впередъ.

Взрывы веселаго смѣха,
Хоръ молодыхъ голосовъ
Будятъ стогласое эхо
Въ чащѣ прибрежныхъ лѣсовъ.

Трубъ и роговъ переливы,
Звонко несясь надъ водой,
Узкіе фьорды, проливы —
Все наполняютъ собой.

Даже рыбакъ богомольный,
Внемля имъ, словно застылъ;
Слышитъ онъ звонъ колокольный,
Но про обѣдню забылъ;

Въ слухъ превратился и въ зрѣнье,
Руки сложилъ... Но душой
Къ Богу онъ въ это мгновенье
Ближе, чѣмъ въ церкви порой.

Правда, постичь онъ не въ силахъ
Праздника смыслъ, какъ и всей
Нашей поѣздки; но въ жилахъ
Кровь заструилась живѣй,

Сердцу и сладко и больно.
Бьется въ тактъ звукамъ; и вслѣдъ
Машетъ онъ шапкой невольно;
Мы шлемъ ему свой привѣтъ.

Вотъ ужъ остался за нами
Голый рыбачій мысокъ,
Самъ же рыбакъ все глазами
Вдаль провожаетъ дымокъ.

Чуетъ онъ: съ клубами дыма,
Съ пѣніемъ звонкимъ летитъ
Что-то великое мимо,
Къ цѣли прекрасной спѣшитъ!

Да, ждетъ насъ праздникъ веселый,
Встрѣчи торжественной блескъ;
Онъ же лишь знаетъ тяжелый
Трудъ свой да волнъ слышитъ плескъ.

Пусть же къ обѣднѣ воскресной
Онъ опоздалъ изъ-за насъ, —
Въ душу ему лучъ небесной
Радости брызнулъ сейчасъ.

Братья! Недаромъ мы юны!
Будемъ всѣхъ къ радости звать,
Сердца завѣтныя струны
Словомъ живымъ пробуждать!

Нѣтъ такой бездны, гдѣ голосъ
Нашъ безъ отвѣта замретъ.
Мы — словно птицы. И колосъ
Каждая въ клювѣ несетъ.

Гдѣ-бъ мы ни рѣяли, — въ воды,
Въ землю мы сѣемъ зерно:
Бодрости, радости всходы
Дать оно всюду должно!

ЖЕНЩИНѢ СЛАВА!

(На праздникѣ пѣвцовъ).

Въ душѣ у насъ лѣто и солнце во взорѣ,
Отвага ключомъ бьетъ въ ликующемъ хорѣ;
Зеленые лѣса
И птичекъ голоса —
Полно все стремленіемъ съ нами однимъ —
Влеченіемъ къ свѣту и къ солнцу живымъ!

Пѣвецъ своей чуткой и гибкой душой
Похожъ на березку весенней порой:
Подъ солнцемъ жизни сокъ
Забродитъ въ нихъ, и въ срокъ
Нальетъ *она* почки, *онъ* пѣсенъ дастъ цвѣтъ;
Влеченіе къ свѣту — вотъ жизни завѣтъ!

Но родина женщины въ свѣта отчизнѣ,
И женщиной пѣсни тѣ вызваны къ жизни;
Такъ къ ней же, въ свѣтлый край,
Вернутся вновь пускай,
Пусть женщинѣ славу поетъ ихъ волна, —
Лучъ солнечный въ жизни поэта *она!*

ЛЕБЕДЬ.

Мой лебедь бѣлый,
Не выдалъ ты тайны
Ни трелью случайной
Ни пѣснью смѣлой!

Сонъ эльфы безпечной
Лелѣялъ пугливо;
Настòрожѣ вѣчно
Скользилъ вдоль залива.

Въ послѣдней встрѣчѣ
Разбиты всѣ грезы, —
Обманъ были слезы,
Улыбки, рѣчи.

И, звуки рождая,
Свой путь завершилъ ты;
Ты пѣлъ, умирая, —
Вѣдь лебедемъ былъ ты!

ПЕРЕЖИВШИМЪ.

Громко всѣ теперь поютъ хвалу герою.
Но побѣду вырвать долженъ былъ онъ съ бою.

Яркимъ свѣточемъ онъ былъ странѣ родимой, —
Вы зажгли подъ нимъ костеръ неугасимый.

Васъ мечомъ владѣть училъ онъ, сталью гибкой,—
Вы его кололи съ злобною улыбкой.

Злыя силы вѣка онъ разилъ нещадно,—
Смѣльчака паденья ждали вы злорадно.

Умеръ онъ, — побѣды яркою звѣздою
Овладѣли вы, кичливою толпою.

Пусть; лишь не гасите свѣтъ ея желанный,—
Съ миромъ да почіетъ терніемъ вѣнчанный.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

(Изъ „Борьбы за престолъ").

Надъ нами кровлей небо,
Все звѣздами блеститъ;
И къ небу крошка Гòконъ
На крыльяхъ сна летитъ.

Ведутъ съ земли на небо
Ступеньки, а по нимъ
Идетъ малютка Гòконъ,
И ангелы за нимъ.

Господь имъ заповѣдалъ
Сонъ дѣтскій охранять;
Спи съ Богомъ, крошка Гòконъ,
Тебя хранитъ и мать!

СКРЫЛАСЬ!

Ушли всѣ гости;
Погашены свѣчи;
Развѣялъ вѣтеръ
Прощальныя рѣчи.

И смотритъ мрачнымъ
Пріютомъ печали

Тотъ домъ, гдѣ звуки
Меня опьяняли.

Окончился праздникъ;
Въ толпѣ беззаботной
Она лишь гостьей
Была мимолетной!

БУРЕВѢСТНИКЪ.

Тамъ, гдѣ сушѣ конецъ, буревѣстникъ живетъ,—
Мнѣ разсказывалъ старый, сѣдой мореходъ.

Море пѣной вскипитъ, зѣвъ раскроетъ волна,—
Буревѣстнику черная глубь не страшна;

Онъ съ волною опустится, съ ней и взлетитъ;
Море тихо — безмолвенъ; быть бурѣ — кричитъ.

Ни летитъ ни плыветъ, а скользитъ онъ въ волнахъ,
Какъ поэтъ — между небомъ и бездной въ мечтахъ.

Для эѳира тяжелъ, легковѣсенъ для волнъ, —
Такъ недаромъ, поэтъ, диссонансовъ ты полнъ!

Но обиднѣй всего, что ученый народъ
Диссонансы тѣ басней морскою зоветъ.

АГНЕСЪ.

(Изъ „Бранда“).

— Агнесъ, мой нѣжный краса-мотылекъ,
Жажду тебя изловить я, играя!
Петли изъ пѣсенъ свяжу, и въ силокъ
Ты попадешься, рѣзвясь и порхая.

«Я — мотылекъ, такъ и дай мнѣ порхать,
Сокомъ медвянымъ цвѣтовъ упиваясь;
Любишь, шалунъ-мальчуганъ, ты играть,—
Бѣгай за мной, изловить не старайся!»

— Агнесъ, мой нѣжный краса-мотылекъ,
Сѣть для тебя сплетена невидимка;
Будь ты рѣзвѣй, чѣмъ шалунъ-вѣтерокъ,—
Въ плѣнъ попадешь ты ко мнѣ, нелюдимка!

«Я — мотылекъ, такъ съ цвѣтка на цвѣтокъ
Дай же порхать на поляхъ мнѣ росистыхъ;

Если-жъ заманишь меня ты въ силокъ,
Крыльевъ не трогай монхъ золотистыхъ!»

— Бережно, нѣжной рукой, мотылекъ,
Я подниму тебя, въ сердцѣ укрою, —
Будешь всю жизнь въ немъ играть ты, дружокъ,
Тѣшиться самою сладкой игрою!

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Я звалъ тебя своей звѣздой,
Звалъ жизни лаской жгучей
И солнца счастія зарей.

Оно и впрямь пришло съ тобой,
Но — скрылась ты — зашло за тучи.
Звѣздой же ты была... падучей!

СИЛА ВОСПОМИНАНІЙ.

Вы знаете ли, какъ вожатый
Плясать медвѣдя научилъ?
Въ котелъ онъ Мишку засадилъ,
Подбросилъ дровъ, — пляши, лохматый! —
А самъ на скрипкѣ трепака.
На раскаленномъ днѣ постой-ка?!
И сѣменитъ ногами бойко
Мишукъ подъ скрипку вожака.
Съ тѣхъ поръ всегда, подъ тѣ же звуки,
Медвѣдь реветъ и, самъ не свой,
Давай притопывать ногой, —
Жива въ немъ боль отъ прежней муки...
И я сидѣлъ въ котлѣ на днѣ,
И надо мною скрипка пѣла...
Но корчилось не только тѣло, —
Душа — на медленномъ огнѣ.
Глубокій слѣдъ оставленъ тѣми днями;
Малѣйшій отзвукъ ихъ палитъ
Огнемъ мнѣ сердце и велитъ
Мнѣ стихотворными плясать стопами.

ДРАПА ЭРНУЛЬФА.

(Изъ „Воителей въ Гельгеландѣ“).

Душитъ горе душу,
Радость Браги, гдѣ ты?
Скальдъ скорбитъ, и будутъ
Пѣсни скорби спѣты.

Скальдовъ богъ даръ пѣсенъ
Далъ мнѣ, даръ богатый;
Чья печаль сравнится
Днесь съ моей утратой?

Злая норна злобно
Путь мой преградила,
Радости и счастья
Эрнульфа лишила.

Семь сыновъ послали
Въ спутники мнѣ боги;
Сгибли всѣ, одинъ я
Старый на дорогѣ.

Семь сыновъ прекрасныхъ
Были мнѣ отрадой,
Эрнульфа сѣдинамъ
Крѣпкою оградой.

Рушилась ограда,
Нѣтъ сыновъ, — убиты;
Сирота я сирый,
Домъ мой безъ защиты.

Тòрольфъ... сынъ мой младшій,
Соколъ ясный, смѣлый!
Встань ты, — слезъ не лилъ бы
Эрнульфъ посѣдѣлый.

Ты весны прекраснѣй,
Солнца былъ яснѣе;
Витяземъ ты выросъ,
Храбрыхъ всѣхъ храбрѣе.

Палъ ты вдругъ, сраженный
Взмахомъ острой стали;
Словно межъ щитами
Сердце мое сжали...

Жертва норны жадной,
Я лишился сына;
Гложетъ грудь мнѣ горе,
Точитъ червь-кручина.

Мечъ извлечь я буду
Ужъ не въ силахъ скоро;
Но когда-бъ мнѣ дали
Боги силу Тора, —

Только бы и было
Думы, что о мести!
Отомстивъ же, легъ бы
Я съ сынами вмѣстѣ.

Но лишила норна
Эрнульфа всего ли?
Скальдомъ я родился, —
Нѣтъ завиднѣй доли.

Пусть сыновъ сразила
Всѣхъ однимъ ударомъ, —
Норнѣ я обязанъ
Пѣсенъ дивнымъ даромъ.

Жало скорби жгучей
Съ корнемъ вырываетъ,
Въ сердцѣ боль утраты
Пѣсня утоляетъ.

Язвы всѣ врачуетъ
Пѣснь волшебной силой;
Такъ греми же громче
Надъ сыновъ могилой!

Честь сынамъ-героямъ!
Слава вамъ вовѣки!
Вѣдь на полѣ брани
Вы смежили вѣки.

Ждутъ героевъ павшихъ
Одина палаты;
Скорби всѣ смягчаетъ
Даръ боговъ богатый.

БРАТЪ ВЪ БѢДѢ.

Покрытъ людьми — въ послѣдній разъ, быть-можетъ —
Валъ Тиры древній: близокъ врагъ.
Народъ въ бѣдѣ! Но кто ему поможетъ?
Готовъ спуститься датскій флагъ.
Покинутъ ты въ годину злой невзгоды,
Народъ, въ часъ брани роковой!
О, гдѣ-жъ теперь вы, братскіе народы,
Гдѣ клятвы, данныя въ былые годы,
Стоять за Сѣверъ нашъ родной?

Вѣдь вы давали ихъ по доброй волѣ,
Въ нихъ ваша вся душа была.
Иль то былъ вешній фразъ потокъ, не болѣ,
А нынѣ — засуха пришла?
И дерево, покрытое цвѣтами
Обѣтовъ пышныхъ, гдѣ оно?
Увы! — стоитъ съ поникшими вѣтвями,
Какъ памятникъ надъ славы днями,
Минувшими давнымъ-давно!

Лобзаньями Іуды цѣловали
Датчанъ Норвегіи сыны,
Когда недавно кубки подымали
За процвѣтаніе страны.
И у монарховъ при послѣдней встрѣчѣ
О чемъ бесѣда шла, о чемъ?
Иль были повтореньемъ эти рѣчи
Игры ребяческой съ героемъ сѣчи, —
Густава съ Карловымъ мечомъ?

Народъ въ бѣдѣ! Его въ борьбѣ неравной
Другъ ни одинъ не поддержалъ.
Иль близокъ саги Даніи, столь славной,
Уничтожающій финалъ?
Но если такъ, кто этому виною?
Кто отдалъ нѣмцамъ Тиры валъ?
Смотрѣлъ, какъ погребальной пеленою
Сталъ Даннеброгъ послѣднему герою,
Который на валу томъ палъ?

Благоразумный братъ-норвежецъ, гдѣ ты
Укрылся въ часъ грозы, презрѣвъ
Свои великодушные обѣты,
Что̀ вызвали нѣмецкій гнѣвъ?

Бѣги скорѣе изъ родного края,
Изъ мирной пристани своей;
Заливы и моря переплывая
И клички что ни день перемѣняя,
Самъ о себѣ забудь скорѣй!

Порывы вѣтра съ Зунда укоризны
Тебѣ въ лицо будутъ бросать.
«Гдѣ былъ ты, братъ, когда за честь отчизны,
За Сѣверъ шелъ я умирать?
Въ борьбѣ съ врагомъ, превосходящимъ силой,
Я тщетно взорами искалъ
Твоихъ ладей, и стала мнѣ могилой
Земля отцовъ. Гдѣ былъ ты, братъ мой милый,
Зачѣмъ враговъ не отогналъ?»

Но, можетъ-быть, то сонъ? Проснись для дѣла,
Воспрянь отъ спячки, мой народъ!
Твой братъ въ бѣдѣ! На помощь рвись смѣло,
Немедля выступи впередъ!
Ждетъ сага Даніи конца иного;
Валъ Тиры созданъ для датчанъ;
Пусть Даннеброгъ взовьется гордо снова
На честь и благо Сѣвера родного,
Воскресшаго отъ смертныхъ ранъ!

ОСНОВА ВѢРЫ.

Въ своихъ стихахъ въ набатъ я билъ,
Но земляковъ не разбудилъ.
Прощайте же, сердца глухія!
На пароходъ, — въ края чужіе!
Туманъ насъ въ Зундѣ задержалъ;
Въ ту ночь никто изъ насъ не спалъ, —
Въ совѣтъ военный превратили
Салонъ, судили и рядили,
Какъ Дюппель нѣмцами былъ взятъ;
И каждый разсказать былъ радъ
Про доблесть юныхъ волонтеровъ.
А сколько было разговоровъ
О близкихъ, бывшихъ на войнѣ!
«Тамъ мой племянникъ по женѣ...» —
«Конторщикъ мой...» — «Товарищъ школьный...»
И грудь колеблетъ вздохъ невольный, —

Хоть-де не самъ; такъ близкій мой
Рискуетъ буйной головой!
Одна лишь дама пожилая.
На креслѣ мягкомъ возсѣдая,
Была спокойна, холодна.
А между тѣмъ была она
Предметомъ общаго вниманья.
Печаль, тревогу, состраданье
Ей выразить наперебой
Старались дамы: — «Боже мой!
Съ единственнымъ сынкомъ разстаться!..»
Ну какъ же тутъ не волноваться?..
Она молчала до тѣхъ поръ,
Пока не смолкъ ихъ громкій хоръ,
Затѣмъ кивнула головою
Съ улыбкой бодрою такою,
Что вчужѣ любо стало мнѣ,
И молвила: — «О, я вполнѣ
За сына своего спокойна».
Была ваятеля достойна
Она въ красѣ сѣдыхъ кудрей,
Съ осанкой гордою своей
И этой твердой вѣрой въ Бога.
И улеглась моя тревога, —
Не безнадеженъ тотъ народъ,
Гдѣ вѣра въ женщинѣ живетъ!

Увы! — потомъ мнѣ стало ясно,
Что восхищался я напрасно;
Была не вѣрою она, —
Благоразуміемъ полна.
Ея увѣренности тайна
Открылась мнѣ совсѣмъ случайно:
Бояться не было причинъ,—
Въ *норвежскій* полкъ вступилъ вѣдь сынъ!

ТЕРЬЕ ВИГЕНЪ.

На самомъ крайнемъ островкѣ залива
Старикъ жилъ, непохожій на другихъ.
Наврядъ когда-либо нанесъ обиду
Иль зло кому-нибудь онъ причинилъ;
Но иногда — передъ морскою бурей—

Зловѣще взоръ его сверкалъ, и имъ
Овладѣвалъ какъ будто духъ безумья;
Въ ту пору къ Терье Вигену безъ страха
Немногіе рѣшались подойти.

Мнѣ только разъ его случилось видѣть, —
У пристани онъ съ рыбою стоялъ;
Сѣдой старикъ такъ молодъ былъ душою,
Смѣялся, пѣлъ, съ дѣтишками шутилъ,
Поддразнивалъ молоденькихъ рыбачекъ;
Окончивъ торгъ, зюдвесткой онъ взмахнулъ
И, бойко въ лодку прыгнувъ, поднялъ парусъ
И полетѣлъ, имъ какъ крыломъ сверкая
Въ сіяньи солнечномъ, — сѣдой орелъ!

Теперь его исторію повѣдать
Хочу я вамъ съ начала до конца.
Въ ней многое рѣзнетъ вашъ слухъ, пожалуй,
Но — что она правдива — поручусь;
Ее хоть не изъ устъ его я слышалъ,
Такъ отъ ближайшихъ изъ его друзей,
Отъ окружавшихъ старика въ часъ смерти,
Глаза ему закрывшихъ... Умеръ Терье
Безъ малаго семидесяти лѣтъ.

Съ нимъ въ дѣтствѣ сладу не было, и рано
Покинулъ онъ свой домъ, отца и мать;
Намыкался по свѣту младшимъ юнгой,
Въ Голландію попалъ, и наконецъ,
Соскучившись по родинѣ, вернулся
Туда на шкунѣ капитана Прамъ.
Но тутъ никто уже въ матросѣ бравомъ
Не могъ признать бѣдоваго мальчишку,
Сбѣжавшаго изъ дому такъ давно.

Да, сталъ онъ виднымъ и красивымъ парнемъ,
Къ тому же щеголемъ, но сиротой:
Отецъ и мать его сошли въ могилу,
Перемерла и прочая родня.
Но съ головой поникшею недолго
Бродилъ онъ: два-три дня, и — все прошло.
На сушѣ не жилось ему однако,
Его манила вольная стихія,
И онъ умчался снова по волнамъ.

Еще годъ минулъ, и женился Терье;
Случилось это какъ-то невзначай,

И самъ онъ послѣ каялся, какъ видно,
Жалѣлъ о томъ, что далъ себя связать.
Недолго онъ и выдержалъ, — лишь зиму,
И то кутилъ все, дома не сидѣлъ;
А домикъ былъ такъ милъ, всегда блестѣли
Прозрачныя окошки, красовались
На нихъ и занавѣски и цвѣты.

Едва отъ льдовъ очистились заливы,
Ушелъ нашъ Терье море бороздить.
По осени гусей, летѣвшихъ къ югу,
Онъ встрѣтилъ на пути своемъ домой,
И словно камень палъ ему на сердце:
Онъ былъ здоровъ, и молодъ, и силенъ,
Но позади остался южный берегъ,
Весь солнцемъ залитой, и свѣтъ широкій,
А впереди ждала зима, тоска!

Пристало судно къ берегу, матросы
Ватагой шумною пошли кутить,
А Терье провожалъ ихъ долгимъ взглядомъ
Съ порога дома своего. Потомъ
Онъ вздумалъ заглянуть въ свое окошко,
Въ просвѣтъ межъ занавѣсками; глядитъ:
Жена за прялкою своей у печки,
А въ колыбелькѣ передъ ней дѣвчурка
Румяная, веселая лежитъ.

И говорятъ, что Терье съ той минуты
Переродился словно, сталъ другимъ;
Работалъ день-денской, и все-жъ хватало
Досуга у него качать дочурку.
Въ воскресный вечеръ, слыша взвизги скрипки
Съ двора сосѣда, гдѣ шелъ буйный плясъ,
Онъ пѣсни лучшія свои пѣлъ дома,
Подкидывая на колѣняхъ Анну,
А та играла кудрями отца.

Но въ восемьсотъ девятомъ наступила
Година злой войны; и до сихъ поръ
Разсказы ходятъ о нуждѣ жестокой,
Въ какую впалъ тогда у насъ народъ.
Британская эскадра обложила
Всѣ выходы и входы, а въ странѣ
Какъ на бѣду неурожай случился,

И голодали всѣ — богачъ и бѣдный;
Всѣхъ караулили болѣзнь и смерть.

Повѣсилъ-было голову и Терье,
Но ненадолго; вспомнилъ онъ, что другъ
Есть у него старинный, вѣрный — море;
Оно не дастъ имъ съ голоду пропасть!
И до сихъ поръ живетъ въ устахъ народа
Тотъ подвигъ, на который онъ пошелъ:
Давъ шторму стихнуть, Терье Вигенъ ночью
Пустился въ море на рыбачьей лодкѣ,
Чтобъ дочь съ женой отъ голода спасти.

Нарочно лодку выбралъ онъ поменьше
Для плаванья опаснаго: не взялъ
Ни парусовъ ни мачты, только весла,
Хоть предстоялъ ему не близкій путь
До мыса Скагена, — такъ незамѣтнѣй
Удастся проскользнуть, онъ полагалъ.
Ютландскій рифъ грозилъ ему бѣдою,
Но вдвое больше онъ бѣды боялся,
Какой грозилъ британскій «Man of war».

И вотъ, отдавшись волѣ счастья, Терье
На весла приналегъ что̀ было силъ;
До Фла̀дстранда достигъ благополучно
И тамъ запасся грузомъ дорогимъ.
Невелика была его добыча —
Три тонны ржи всего. Но Терье былъ
Не избалованъ; дома голодали,
И заключалось для него въ томъ грузѣ
Спасенье дорогихъ ему существъ.

Три дня и ночи веслами работалъ
Неутомимый, храбрый человѣкъ;
Съ зарей четвертою на горизонтѣ
Въ туманѣ онъ полоску увидалъ:
Не облака летучія то были,
Но рядъ зубчатыхъ, островерхихъ скалъ;
А надъ хребтами всѣми возвышалась
Крутая Именеса сѣдловина.
Теперь вздохнуть свободнѣй Терье могъ.

Близехонько до мѣстъ родимыхъ было;
Еще немножко силы понапрячь!..
И сердце переполнилось отъ счастья,
Готовъ онъ былъ Творца благодарить.

Какъ вдругъ — застыла на устахъ молитва,
И помертвѣвшій взглядъ впился въ туманъ,
Рѣдѣвшій съ каждою минутой... Горе!
Онъ не ошибся: въ Гэснесскомъ проливѣ
Корветъ британскій берега стерегъ.

Сигнальный выстрѣлъ прозвучалъ съ корвета,
Но вѣтеръ утренній чуть дулъ, повисли
Безпомощно на реяхъ паруса,
И Терье къ западу рѣшилъ спасаться.
Но шлюпку тотчасъ же спустилъ корветъ,
И началась погоня. Какъ прирослій
Къ скамьѣ, гребъ Терье съ силою такою,
Что кровь изъ-подъ ногтей его текла.

Идутъ къ востоку отъ залива Гомборгъ
«Слѣпыя шкеры», — Гэслингъ ихъ зовутъ;
Воды надъ ними только на два фута,
И тамъ при вѣтрѣ съ моря, какъ въ котлѣ,
Кипятъ, бурлятъ и пѣной брызжутъ волны,
И даже въ штиль гуляютъ буруны,
Тогда какъ за чертою шкеръ и въ бурю
Почти всегда спокойно дышитъ море,—
О рифы разбивается волна.

Къ тѣмъ рифамъ Терье и направилъ лодку:
Стрѣлой она летѣла въ бурунахъ,
Но по слѣдамъ ея неслась и шлюпка;
Сидѣло въ ней пятнадцать человѣкъ.
И Терье Вигенъ въ часъ бѣды смертельной
Сквозь шумъ прибоя къ Господу воззвалъ:
«Вонъ тамъ, на берегу, мой домъ, Ты знаешь,
И на порогѣ ждутъ меня съ тоскою
Жена и дочь, отца и хлѣба ждутъ!»

Но громче, знать, кричали тѣ пятнадцать;
И, какъ при Люнгёрѣ, такъ было здѣсь:
Сопутствовало счастье англичанамъ,
Разбойничавшимъ средь норвежскихъ шкеръ:
Когда о мель толкнулась лодка Терье,
И шлюпка заскрипѣла по песку.
«Остановись!» — послышалась команда,
И офицеръ, поднявъ весло, въ бортъ лодки
Ударилъ лопастью что было силъ.

Не выдержала утлая лодчонка,
Въ пробоину, шумя, влилась вода,

И затонулъ грузъ Терье драгоцѣнный.
Но мужество свое онъ сохранилъ,—
Однимъ прыжкомъ за бортомъ очутился
И отъ враговъ уйти пытался вплавь.
Онъ плылъ, нырялъ, опять всплывалъ, но шлюпка
Снялась съ мели, и за собою всюду
Онъ слышалъ сабель лязгъ и ружей трескъ.

Его поймали, отвезли на судно;
Поздравилъ выстрѣломъ себя корветъ;
Юнецъ по девятнадцатому году,
Начальникъ судна, на кормѣ стоялъ,
Гордясь своею первою побѣдой.
А Терье гордость всю свою забылъ, —
Передъ надменнымъ бриттомъ на колѣни,
Какъ дубъ могучій срубленный, онъ рухнулъ,
Съ рыданьемъ о пощадѣ сталъ молить.

Онъ слезы лилъ, — ему платили смѣхомъ,
Глумленьемъ отвѣчали на мольбу...
Съ востока вѣтеръ потянулъ. и въ море
Корабль британскій выйти поспѣшилъ.
Замолкъ, въ себя ушелъ норвежскій плѣнникъ
И даже англичанъ тѣмъ поразилъ,
Какъ быстро справиться сумѣлъ съ собою, —
Ни дать ни взять онъ грозовую тучу
Съ чела высокаго смахнулъ рукой.

Въ плѣну у англичанъ томился Терье
Пять долгихъ-долгихъ лѣтъ. Согнулся станъ,
И голова покрылась сѣдиною
Отъ думъ о родинѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ
Его поддерживало, видно, нѣчто.
Что онъ, какъ кладъ, носилъ въ душѣ своей.
Годъ восемьсотъ четырнадцатый мирный
Норвежскимъ плѣнникамъ вернулъ свободу;
Бригъ шведскій Терье свезъ домой.

Но былъ теперь онъ не простымъ матросомъ. —
Король ему далъ лоцманскій патентъ;
И въ сѣдовласомъ лоцманѣ признали
Немногіе былого молодца.
Въ другія руки перешелъ домъ Терье,
И вотъ что онъ узналъ тамъ о своихъ:
«Отецъ пропалъ, кому-жъ кормить ихъ было?

Въ могилѣ общей кладбища для бѣдныхъ
Похоронилъ приходъ и мать и дочь».

Шли годы, и прошла далеко слава
О лоцманѣ на крайнемъ островкѣ.
Наврядъ когда-либо нанесъ обиду
Иль зло кому-нибудь онъ причинилъ;
Но иногда — когда вскипало море —
Зловѣще взоръ его сверкалъ, и имъ
Овладѣвалъ какъ будто духъ безумья:
Въ ту пору къ Терье Вигену безъ страха
Немногіе рѣшались подойти.

Разъ ночью лунною, при вѣтрѣ съ моря,
Тревога поднялась средь лоцмановъ:
Съ оборванными парусами яхту
Британскую на берега несло,
И красный флагъ, сигналъ краснорѣчивый,
Безъ словъ о скорой помощи молилъ.
Отъ крайняго изъ островковъ немедля
Отчалилъ ботъ; на веслахъ противъ вѣтра
Съ трудомъ до яхты лоцманъ добрался.

Увѣренно на палубу вступилъ онъ,
Рукой богатыря взялся за руль,
И яхта, дрогнувъ, въ море повернула;
За нею на канатѣ поплылъ ботъ.
Самъ лордъ и лэди съ крошкою въ объятьяхъ
Поторопились на корму придти,
И лордъ сказалъ, приподнимая шляпу:
«Спаси насъ, я тебя озолочу!»
Но лоцманъ руль вдругъ выпустилъ изъ рукъ.

Какъ мѣлъ, онъ побѣлѣлъ, но въ то же время
Усмѣшкой дрогнули уста его.
Вмигъ яхту къ берегу погнало снова,
И скоро ткнулась носомъ въ мель она.
«Руля не слушается! Въ лодки живо!
Милордъ, миледи, прыгайте въ мой ботъ.
Онъ разобьется въ бурунахъ, я знаю,
Но тамъ за ними отмель, берегъ близко:
За мной въ кильватерѣ пройдете всѣ!»

Свѣтилось море; между бурунами
Стрѣлой ботъ несся съ грузомъ дорогимъ.
А на кормѣ стоялъ высокій лоцманъ.
Горѣлъ огнемъ зловѣщимъ взоръ его,

Перебѣгая съ Гэслинга на Гэснесъ.
Но ботъ и крайній рифъ... Внезапно руль
И шкоты бросилъ лоцманъ сѣдовласый;
Потомъ схватилъ весло онъ и въ бортъ лодки
Ударилъ лопастью что было силъ.

Шумя и пѣнясь набѣгали волны,
На ботѣ суматоха поднялась;
Вся помертвѣвъ, свою малютку лэди
Приподняла высоко на рукахъ:
«Мое дитя! Моя бѣдняжка Анна!»
Тутъ лоцманъ дрогнулъ самъ, за руль схватился,
И парусъ быстро повернулъ по вѣтру;
Ботъ черезъ рифъ перелетѣлъ, какъ птица,
И разомъ очутился на мели.

Всѣ стали погружаться вмѣстѣ съ лодкой,
Но до колѣнъ всего дошла вода;
Тянулась тутъ береговая отмель,
И не было волненья и слѣда.
Вдругъ лордъ воскликнулъ: — «Отмель ненадежна;
Песокъ зыбучій... всѣхъ насъ засосетъ!»—
«Спокойны будьте, — усмѣхнулся лоцманъ: —
Стоите вы на затонувшей лодкѣ,
Три тонны ржи здѣсь пущены ко дну».

Тутъ по лицу у лорда пробѣжала
Какъ будто молнія, — припомнилъ онъ
Матроса, на колѣняхъ со слезами
Стоявшаго когда-то передъ нимъ.
А Терье крикнулъ: — «Ты мое все счастье
Держалъ въ рукахъ и выбросилъ за бортъ!
Еще минута — и свершится мщенье!»
Чередъ пришелъ тутъ гордому британцу
Передъ норвежцемъ на колѣни пасть.

А Терье выпрямилъ свой станъ, какъ прежде,
Въ дни юности, и подперся весломъ;
Огнемъ рѣшимости глаза горѣли,
Сѣдые кудри вѣтеръ развѣвалъ.
«Ты гордо плылъ на кораблѣ военномъ,
А я — на лодкѣ утлой рыбака;
Изъ силъ я выбивался, чтобы хлѣба
Голоднымъ привезти, — ты хлѣбъ тотъ вырвалъ
Изъ рукъ моихъ, глумился надо мной.

«Съ весеннимъ днемъ твоя поспорить лэди;
Какъ шелкъ нѣжна, мягка ея рука;
Рука моей жены была въ мозоляхъ,
Но вѣдь она моей, моей была!
Твое дитя на ангела похоже
Лазурью глазъ и золотомъ кудрей;
Моя же дочь была худа, невзрачна,
Какъ дѣти всѣхъ, кто борется съ нуждой,
Но какъ она была мнѣ дорога!

«Въ нихъ двухъ мое богатство заключалось,
Все то, что на землѣ я звалъ своимъ;
Въ моихъ глазахъ оно безцѣннымъ было,
Но ничего не стоило въ твоихъ.
Теперь насталъ возмездья часъ желанный,
Пришлось тебѣ минуты пережить,
Которыя, навѣрно, стоятъ долгихъ,
Состарившихъ меня годовъ, все счастье
Мое похоронившихъ навсегда»...

И, выхвативъ у матери малютку,
Другой рукой онъ станъ ея обвилъ.
«Назадъ, милордъ! Одинъ лишь шагъ, и сгубишь
Обѣихъ ты — жену свою и дочь!»
Готовъ былъ лордъ схватить за горло Терье,
Но тутъ рука повисла словно плеть;
Онъ тяжело дышалъ, лицо пылало,
Въ глазахъ смертельный страхъ съ мольбой смѣшался
И къ утру, говорятъ, онъ посѣдѣлъ.

А Терье лобъ высокій былъ такъ ясенъ,
Спокойно, ровно подымалась грудь;
Поцѣловалъ онъ пухлую ручонку
И лэди отдалъ бережно дитя;
Потомъ, вздохнувши глубоко, какъ будто
На волю вышелъ изъ оковъ, сказалъ:
«Теперь самимъ собой опять сталъ Терье,
Душою такъ давно окаменѣвшій;
Мнѣ нужно, нужно было отомстить.

«Тѣ годы долгіе въ плѣну успѣли
Изъ сердца высосать всю кровь; лежалъ
У края бездны я сухой былинкой,
Которую вотъ-вотъ туда снесетъ.
Теперь прошло все. Мы съ тобой сквитались;
Должникъ твой выплатилъ свой долгъ сполна.

Я отдалъ все, — ты у меня все отнялъ;
Обиженъ ты, такъ призывай къ отвѣту
Творца, создавшаго меня такимъ»...

Настало утро; спасены всѣ были;
Пришла и яхта въ гавань; и хотя
Участники ночныхъ событій были
Не изъ болтливыхъ, — далеко прошла
О Терье слава. Въ немъ самомъ съ той ночи
Какъ бы разсѣялся душевный мракъ,
И выпрямился станъ его, согбенный
Съ тѣхъ поръ, какъ онъ на палубѣ корвета
Съ глухимъ рыданьемъ на колѣни палъ.

Проститься съ нимъ пришли и лордъ и лэди:
Ихъ провожала цѣлая толпа;
И тамъ, въ жилищѣ лоцмана убогомъ,
За избавленіе благодаря,
Пожали оба крѣпко Терье руку.
А онъ, погладивъ ласково дитя,
Сказалъ: — «Нѣтъ, если ужъ пошло на правду,
То вотъ кто — эта милая малютка
Въ тотъ страшный часъ отъ смерти всѣхъ спасла!

И, къ Гэснесу сворачивая, яхта
На мачтѣ подняла норвежскій флагъ,
А проплывая мимо рифовъ Гэслингъ,
Салютомъ пушечнымъ почтила ихъ.
И Терье, яхтѣ вслѣдъ глядѣвшій съ мыса,
Смахнувъ съ рѣсницъ слезу, проговорилъ:
«Я многаго лишился, но и много
Дано мнѣ; къ лучшему Господь устроилъ,
Какъ видно, все; Его благодарю!»

Я послѣ этого и видѣлъ Терье,—
У пристани онъ съ рыбою стоялъ,—
Сѣдой старикъ такъ молодъ былъ душою,
Смѣялся, пѣлъ, съ дѣтишками шутилъ,
Поддразнивалъ молоденькихъ рыбачекъ;
Окончивъ торгъ, зюдвесткой онъ взмахнулъ
И, бойко въ лодку прыгнувъ, поднялъ парусъ
И полетѣлъ, имъ какъ крыломъ сверкая
Въ сіяньи солнечномъ, — сѣдой орелъ!

У Фэрской церкви видѣлъ я могилу,
Открытую бѣтрамъ со всѣхъ сторонъ;
Ограды не было, осѣла насыпь,

Но черная доска цѣла была,
На ней бѣлѣло имя: «Терье Вигенъ»,
И былъ проставленъ погребенья годъ.
Открыта зною и вѣтрамъ, могила
Вся заросла травой колючей, жесткой.
Но кое-гдѣ цвѣли въ ней и цвѣты.

СЛОЖНАЯ ИСТОРІЯ.

Въ саду зеленомъ яблонька росла;
Весной одѣлась цвѣтомъ бѣлоснѣжнымъ,
И стала виться вкругъ нея пчела,
Плѣненная однимъ цвѣточкомъ нѣжнымъ.

Плѣнился скоро и цвѣтокъ пчелой,
И дѣло ужъ дошло до обрученья;
Но вотъ вернулась пчелка разъ домой
Изъ странствія за медомъ, — о, смущенье, —

Была предъ нею завязь, не цвѣтокъ!
И завязь горевала, да и пчелку
Крушило горе; но другой глазокъ
Глядѣлъ на завязь съ вожделѣньемъ въ щелку.

Подъ яблонькою мышь жила, бѣдна,
Хотя и работяща, какъ мы знаемъ;
О завязи вздыхала все она:
«Будь ты моей, мнѣ норка стала-бъ раемъ!»

А пчелка вновь предприняла полетъ;
Вернулась, глядь — ужъ плодъ на этомъ мѣстѣ!
И пчелка горевала, да и плодъ.
Лишь горевать имъ и осталось вмѣстѣ!

Но воробей изъ своего гнѣзда
Твердить сталъ, не спуская взгляда
Съ румянаго и сочнаго плода:
«Будь у меня ты, рая мнѣ-бъ не надо!»

И пчелка горевала, плодъ страдалъ,
Томился воробей, и мышь изныла;
Но втихомолку всѣ; никто не зналъ;
Тутъ горю пособить вѣдь нечѣмъ было.

Вдругъ плодъ упалъ и — на кусочки! — Охъ! —
Раздался въ норкѣ писк предсмертный мыши;
За нею испустилъ послѣдній вздохъ
И воробей въ гнѣздѣ своемъ на крышѣ.

Пчела же, голыми найдя кусты,
Когда вернулась изъ своихъ полетовъ,
Укрылась въ улей свой отъ сусты
И умерла тамъ фабрикантомъ сотовъ.

А вѣдь изъ-за чего же вышла вся бѣда?
Исходъ могъ быть вполнѣ благополучный,
Стань мышкой пчелка въ тотъ же мигъ, когда
Сталъ завязью цвѣточекъ злополучный.

Иль пусть бы мышка стала воробьемъ,
Разъ завязь превратилась въ плодъ красивый.
И въ первомъ случаѣ и во второмъ
Конецъ исторіи могъ быть счастливый!

ИЗЪ МОЕЙ ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ.

На улицѣ тихо, какъ вымеръ весь домъ:
Я лампу зеленымъ прикрылъ колпакомъ
И въ кресло усѣлся съ сигарой въ зубахъ;
Забѣгали легкія тѣни въ углахъ,
И съ сизымъ дымкомъ отъ сигары моей
Сталъ виться, плясать рой крылатыхъ дѣтей.

Средь нихъ есть дѣвчурки и мальчики есть,
А сколько ихъ всѣхъ собралось, и не счесть;
Какъ послѣ купанья, ихъ щечки блестятъ,
Веселыя искорки мечетъ ихъ взглядъ.
Эхъ, — ну, разыгрались! Какая возня!
Въ волшебныя царства помчали меня!

Но въ самый разгаръ безсзаботной игры
На зеркало взглядъ мой упалъ съ дѣтворы,
И гостя степеннаго тамъ я открылъ:
Въ жилетѣ, застегнутомъ наглухо, былъ
И въ войлочныхъ туфляхъ онъ; зорко-остеръ
Былъ глазъ темно-сѣрыхъ пытающій взоръ.

На дѣтокъ, какъ видно, навелъ онъ испугъ,—
Всѣ такъ присмирѣли, смѣшались всѣ вдругъ;
Гляжу я: та палецъ засунула въ ротъ,
Стоитъ тотъ чурбаномъ, и куксится тотъ...
Извѣстно, подъ взглядомъ чужихъ имъ людей
Смущается духъ самыхъ храбрыхъ дѣтей!

ХРАМЪ.

Трудился, строилъ зданье
Весь день-денской король;
И прилагалъ старанье
Порой ночною тролль.

И вышелъ храмъ на славу,
Высокъ и строенъ шпиль;
Но троллю на забаву
Двойной у храма стиль.

А дѣти будней смѣло
Въ храмъ двойственный идутъ.
Что-жъ, дня и ночи дѣло
И есть вѣдь будней трудъ.

ВЪ КАРТИННОЙ ГАЛЛЕРЕѢ.

Свѣжа и прелестна
У ниши окна
Съ палитрой и кистью
Сидѣла она.

Мадонна Мурильо
Была образцомъ;
Она съ вдохновеннымъ
Писала лицомъ.

И, видно, парила
На крыльяхъ мечты,
Себѣ создавая
Міры красоты.

Прошло лѣтъ семнадцать,
И снова я тамъ;
Брожу, отдаваясь
Старинным мечтамъ.

Увядшая дѣва
У ниши окна
Съ палитрой и кистью...
Да это она!

И пишетъ что? То же?
Да, да, безъ конца

Мадонну Мурильо
Съ того-жъ образца.

Всю жизнь повторенья
Иконъ для церквей,
Мадоннъ для туристовъ —
Писать пришлось ей.

За годомъ годъ сидя
У ниши окна,
Недаромъ же стала
Сѣда и блѣдна.

Но, видно, паритъ все
На крыльяхъ мечты,
Себѣ создавая
Міры красоты.

ХОРЪ НЕВИДИМЫХЪ.

(Изъ „Бранда“).

Созданъ изъ праха, равняться
Съ Нимъ не мечтай, человѣкъ;
Можешь грозить Ему иль пресмыкаться,—
Ты осужденъ Имъ навѣкъ!

Червь! Не дерзай съ Нимъ равняться!
Смертный для смерти рожденъ;
Станешь ли каяться иль наслаждаться,—
Ты все равно обреченъ!

Съ Нимъ ты не можешь равняться
Въ жизни ни въ этой ни въ той;
Жертвовать станешь, надъ жертвой смѣяться,—
Ты идешь смерти стезей!

НА ВЫСОТАХЪ.

I.

Ружье со мной, сума наполна,
Еще послѣдній взглядъ кругомъ,—
Окошко наглухо закрыто,
Дверь крѣпко подперта коломъ,—
Теперь пойду прощусь съ родимой;

Здѣсь рядомъ коротаетъ дни.
«Ну, осенью сынъ нелюдимый
Вернется здравый, невредимый;
Пока же Богъ тебя храни!»

Тропинки узенькой извивы,
Гора и лѣсъ передо мной,
А позади спятъ долы, нивы
И фьордъ, озарены луной..
Вонъ дворъ сосѣда, весь залитый
Луною, спитъ. Но у плетня,
Тамъ, подъ зеленою ракитой,
Ея листвою полускрытый,
Я вижу, кто-то ждетъ меня

Она! Она! Холстъ платья бѣлый
Между вѣтвями замелькалъ,
И шопотъ ласковый, несмѣлый
Привѣтъ обычный мнѣ послалъ.
Смотрю я: краше розы горной,
Свѣжа, нѣжна; глаза блестятъ
И вдругъ прищурились задорно.
Я за плетень махнулъ проворно,
Гляжу — слезинки въ нихъ дрожатъ!

Я обвилъ станъ дѣвичій тонкій,
Ее назвалъ своей женой...
И замеръ смѣхъ лукавый, звонкій,
Заколебалась грудь волной.
«Теперь моя, моя всецѣло,
Душой и тѣломъ ты; вѣдь такъ?»
О вѣтки платье шелестѣло,
Она дрожала и глядѣла
Не на меня, на свой башмакъ.

И такъ просила, что невольно
Я выпустилъ ее изъ рукъ.
Шутить пытался съ ней, но больно
Стучало сердце — тукъ-тукъ-тукъ,
Кипѣла кровь... И сладкой муки
Не снесъ, ее молить я сталъ.
Сдалась, мнѣ протянула руки...
Надъ фьордомъ плыли пѣсни звуки,
Въ лѣсу же кто-то хохоталъ.

Тропинки узенькой извивы
Все выше, выше... вотъ и лѣсъ;

Подъ нами — фьордъ, долины, нивы,
Надъ нами — только высь небесъ.
Мы сѣли; я — разгорячённый,
Она — блѣдна, почти безъ силъ.
Звучалъ прерывисто влюблённый
Мой шопотъ: страстью опьянённый,
Не помнилъ я, что говорилъ.

Потомъ прильнулъ въ порывѣ смѣломъ
Къ ея устамъ... Въ тиши ночной
Мы съ ней слились душой и тѣломъ
Подъ пѣсню нимфы водяной.
Въ лѣсу звучалъ ли смѣхъ глумливый,
Не помню: былъ я самъ не свой;
Я слышалъ только торопливый
Стукъ сердца, встрѣтилъ взоръ стыдливый,
И — все исчезло предо мной.

II.

Лучъ солнца первый золотистый
Встрѣчаю, лежа на скалѣ;
На высяхъ горъ вѣнецъ лучистый,
И тонутъ пропасти во мглѣ.
Съ долины снято покрывало
Ночныхъ тѣней: вонъ домъ родной!
Тамъ мать работала, страдала,
Моя душа тамъ возмужала,
Окрѣпъ въ борьбѣ духъ гордый мой.

Дымокъ надъ кровлею синѣетъ,—
Старушка начала свой день;
Вонъ на лугу, гдѣ холстъ бѣлѣетъ,
Я словно вижу ея тѣнь.
«Работай съ Богомъ!». Пусть родную
Хранитъ Господь. Вернуся я—
Оленью шкуру дорогую
Ей принесу съ собой. Другую
Получитъ милая моя!

А гдѣ она? Пожалуй, снами
Унесена въ любовный рай?..
Того, что было между нами,
Лишь наяву не вспоминай!
Изъ памяти, какъ сонъ печальный,
Все вырви: не должно смущать

Ничто души твоей хрустальной;
Спокойно шей нарядъ вѣнчальный,
Недолго будетъ онъ лежать.

Навѣкъ разстаться съ милой — мука,
Да и на время тяжело;
Но мнѣ несетъ съ собой разлука
Здоровье; на душѣ свѣтло,
Я весь какъ будто обновленный,
Любой мнѣ подвигъ по плечу.
Жить полужизнью той смятенной,
Межъ тьмой и свѣтомъ раздвоенной,
Грѣша и каясь, не хочу!

Влеченья темныя, тревогу
Страстей я изъ души изгналъ;
Я здѣсь сталъ чище, ближе къ Богу,
Я самого себя позналъ.
На фьордъ, долину, домикъ красный
Взглянуть еще разъ и шепнуть
«Прости» женѣ моей прекрасной
И матушкѣ... а тамъ — въ опасный,
Ведущій на высоты путь!

III.

Въ сіяньи вечера багряномъ
И облака и выси горъ;
Родной долины за туманомъ
Не видитъ утомленный взоръ.
Бреду я поступью усталой,
И смутныхъ грезъ полна душа,
А сердце — грусти запоздалой.
Вонъ надъ обрывомъ вереск алый
Подъ вѣтромъ стелется, пурша.

Пусть изъ него букетикъ скромный
Украситъ шляпу мнѣ! А вонъ
И кустъ; подъ нимъ найдетъ бездомный
Себѣ пріютъ и мирный сонъ.
Но мысли, думы чередою,
Какъ въ праздникъ люди въ храмъ, текутъ:
То всѣ въ разбродъ, то вновь гурьбою,
Судя-рядя между собою,
То постоятъ, то вновь пойдутъ...

О, мой цвѣтокъ, что̀ дерзновенно
И грубо я вчера сорвалъ!

Встрѣть я сейчасъ тебя, — смиренно
Къ твоимъ ногамъ бы я припалъ
И, погрузивъ свой взглядъ въ лучистый
Взоръ твой, въ немъ душу бы омылъ,
А если-бъ вздумалъ тролль нечистый
Меня смущать, клянусь Пречистой,
Его-бъ на мѣстѣ я убилъ!

И на своемъ холодномъ ложѣ
Пылая весь, взмолился я:
«Да будетъ свѣтлой, ясной, Боже,
Какъ лѣтній день, вся жизнь ея!..
Но нѣтъ! Я молодъ. Силъ и воли
Не занимать мнѣ стать. Другой
Молить у Бога стану доли:
Да будетъ полонъ жгучей боли
Вначалѣ путь ея земной.

Пусть станутъ на ея дорогѣ
Разливы рѣкъ, снесутъ мосты,
Пусть камни ей поранятъ ноги
И платье разорвутъ кусты, —
Въ тотъ часъ найдетъ она спасенье
Въ моихъ объятіяхъ, со мной
Минуетъ бурныя теченья.
Я каждый камень преткновенья
Съ ея пути столкну ногой.

IV.

Изъ-за моря онъ явился,
Съ юга, изъ страны далекой;
Отблескъ тайныхъ думъ ложился,
Какъ вѣнецъ, на лобъ высокій.

Смѣхъ его звучалъ слезами,
А молчанье говорило...
Что? Свистъ вѣтра межъ скалами,
Пѣнье бурь понятнѣй было.

Страшенъ холодъ его взора;
Пара глазъ глубокихъ, черныхъ —
Что бездонныя озера,
Дѣти ледниковъ нагорныхъ.

Птицы-думы рѣютъ низко,
Медленно надъ гладью ясной;

Замутится, — буря близко,
Парусъ прочь, борьба напрасна.

Шелъ съ ружьемъ я, онъ со сворой,
Мы въ горахъ сошлись случайно;
И безъ словъ межъ нами скоро
Заключенъ союзъ былъ тайный.

Мнѣ порвать бы съ нимъ тогда же!
Что̀ меня остановило?
А теперь *хотѣть*-то даже
У меня не стало силы.

V.

«Вечеркомъ, товарищъ честный,
Тянетъ въ домъ родимый? Что̀ же,
Слаще спать въ каморкѣ тѣсной,
Чѣмъ на вересковомъ ложѣ?»

— Сядетъ мать на край постели,
Котъ въ ногахъ, и пѣсня льется;
Вмѣстѣ съ нитью изъ кудели
Нить волшебныхъ грезъ прядется.

«Грезы, грезы! Вѣрь мнѣ, краше
Дѣло, подвигъ небывалый.
Лучше пить изъ жизни чаши,
Чѣмъ вкушать сонъ предковъ вялый!

«Не олень ли круторогій
Мчится тамъ? За нимъ стрѣлою!
Развѣ лучше у дороги
Камни ковырять сохою?»

— Съ колокольни тамъ, въ селеньи,
Слышу благовѣстъ призывный.
«Слаще водопадовъ пѣнье,
Чѣмъ призывъ тотъ заунывный!»

— Мать, невѣста, въ лучшемъ платьѣ,
Набожно идутъ къ обѣднѣ.
«Лучше сыщешь ты занятье,
Чѣмъ пастора слушать бредни!»

— Тамъ органъ поетъ, рыдаетъ;
Въ алтарѣ свѣчей сіянье.
«Ярче снѣгъ въ горахъ сверкаетъ,
Величавѣй бурь рыданье!»

— Такъ идемъ тропинкой горной
На высоты снѣговыя;
Въ церковь же дорожкой торной
Пусть себѣ идутъ другіе!..

VI.

Осень; слышенъ звонъ прощальный
Угоняемаго стада;
Ждетъ его удѣлъ печальный —
Хлѣва крѣпкая ограда.

Скоро пухлыя снѣжинки
Замелькаютъ, словно пчелы,
И засыплютъ всѣ тропинки,
Все покроютъ — горы, долы.

Знать, домой вернуться время...
Мнѣ... домой, гдѣ все постыло?
Онъ училъ, что память — бремя,
И забылъ я все, что было.

Скучно будничное дѣло,
Люди вязнутъ тамъ въ заботахъ;
Здѣсь я началъ мыслить смѣло;
Здѣсь останусь, на высотахъ.

Въ шалашѣ пустомъ довольно
Думамъ мѣста и простора;
Заживу здѣсь жизнью вольной,—
Мысль моя созрѣетъ скоро.

Далъ мнѣ мой пріятель новый
Шапку-невидимку; съ нею
Не страшны мнѣ троллей ковы;
Будь ихъ сотни, — одолѣю!

Жизнь въ снѣгахъ, въ пустынѣ горной
Закаляетъ силу воли;
Птичьей пѣсенкою вздорной
Душу не отравятъ болѣ!

Внизъ къ тѣмъ двумъ лишь закаленный
Возвращусь я: «Прочь заботы,
Вонъ изъ тины жизни сонной,
Вслѣдъ за мною на высоты!»

Мудрость новую за мною
И онѣ усвоятъ; станетъ

Жизнь низинъ для нихъ смѣшною,
На высоты ихъ потянетъ.

VII.

Я одинъ: ползутъ недѣли;
Мочи нѣтъ; воспоминанья
Дней прошедшихъ одолѣли.
Внизъ! Хоть день одинъ свиданья!..

Милыхъ вновь потомъ покину, —
Здѣсь, на высяхъ мое мѣсто.
А весной — придетъ мать къ сыну,
Къ жениху придетъ невѣста.

Внизъ!.. Но буря воетъ грозно,
Крутитъ хлопья, не снѣжинки;
Собрался я слишкомъ поздно,
Ни дороги ни тропинки!

VIII.

Прошли недѣли; самъ собою
Я сталъ опять; тоска прошла
Ручьи — подъ ледяной корою,
Ледникъ — подъ снѣжной пеленою;
Луна и звѣзды; ночь свѣтла.

Въ такую ночь въ каморкѣ тѣсной
Сидѣть не мнѣ! Какъ мысль моя,
Я ширь люблю, просторъ воздушный;
И, зову тайному послушный,
По скатамъ вихремъ несся я...

Но замеръ сразу надъ обрывомъ —
Подъ нимъ долина залегла —
Внимая звуковъ переливамъ,
Что тихо плыли надъ заливомъ;
Звонили тамъ колокола.

Какъ эта пѣснь ихъ мнѣ знакома —
Рождественскій протяжный звонъ!
Вонъ дворъ сосѣда; какъ солома
Блеститъ на крышѣ! Въ окнахъ дома
Родного свѣтъ; какъ манитъ онъ!

И вдругъ открылъ въ той жизни бѣдной
Я сагу, полную красотъ.
Пусть наверху просторъ побѣдный, —

Внизу — любви край заповѣдный,
Меня тамъ мать, невѣста ждетъ!

Туда скорѣй!.. Но тутъ обидно
Хихикнулъ за моей спиной
Охотникъ и спросилъ ехидно:
«Мой юный другъ растроганъ, видно?
А, понимаю, — домъ родной!»

И вновь стоялъ я, закаленный,
Свободнѣй прежняго, сильнѣй,
Холоднымъ вѣтромъ отрезвленный.
Ни звонъ ни домикъ освѣщенный
Не тронутъ впредь души моей!..

Смотрю — надъ домикомъ родимымъ
Заря какъ будто занялась...
Потомъ заволоклось все дымомъ...
И съ бѣшенствомъ неукротимымъ
Вдругъ пламя вырвалось, крутясь.

Пожара страшная картина
Изъ устъ моихъ исторгла крикъ.
Охотникъ фыркнулъ:—«Что за мина?
Горитъ лишь старая руина!»
И прикусилъ я свой языкъ.

А онъ свелъ рѣчь на освѣщенье;
Бросало въ дрожь и въ жаръ меня,
Когда я слушалъ разсужденья
Насчетъ эффектнаго смѣшенья
Лучей луны съ игрой огня.

И, поле зрѣнья оттѣняя,
Въ кулакъ смотрѣлъ онъ... А съ земли
Звучала пѣсня неземная.
Я понялъ: это духи рая
Духъ матери моей несли.

«Тихо трудилась, безропотно шла ты
Долгимъ тернистымъ путемъ,
Молча глотала ты слезы утраты,—
Тихо въ надзвѣздныя Божьи палаты
Душу твою вознесемъ!»

Луна исчезла въ тучѣ черной;
Охотникъ тусклымъ сталъ пятномъ.
А я, тропой взбираясь горной,

Все думалъ: былъ эффектъ безспорный
Въ томъ освѣщеніи двойномъ.

IX.

Ивановъ день, и воздухъ знойный
Дрожитъ надъ полемъ. Въ храмъ зоветъ
Колоколовъ хоръ звонкій, стройный,
И кони поступью спокойной
Везутъ разряженный народъ.

Сосѣда дворъ кишитъ гостями,
Плетень весь зеленью увитъ.
О выступъ опершись локтями,
Лежу я съ мокрыми глазами,
А смѣхъ такъ въ горлѣ и дрожитъ.

Доносится оттуда пѣнье...
Нѣтъ, рѣзкій смѣхъ, задорный крикъ
И ядовитое глумленье!..
Я верескъ дергаю въ смятеньи,
Кусаю собственный языкъ.

Вотъ поѣздъ тронулся. На диво
Стройна невѣста на конѣ;
Какъ вьются волосы красиво...
Ихъ съ ночи той я помню живо,
Я часто видѣлъ ихъ во снѣ.

Съ невѣстой рядомъ нареченный. —
Плечомъ къ плечу, рука съ рукой;
Я слышу шопотъ ихъ влюбленный...
Пришелъ конецъ ожесточенной
Борьбѣ моей съ самимъ собой!

Я отстрадалъ теперь всецѣло,
Мнѣ въ мірѣ ничего не жаль,
Ни до чего тамъ нѣтъ мнѣ дѣла;
Взойду вновь на высоты смѣло,—
Душа закалена, какъ сталь.

И, поле зрѣнья оттѣняя,
Въ кулакъ смотрѣть и я внизъ сталъ.
И церковь, свѣтомъ залитая,
Толпа, невѣста молодая,
И счастье, что я потерялъ —

Все получало, безъ сомнѣнья,
Отсюда, съ жизненныхъ высотъ,

Совсѣмъ иное освѣщенье;
Но этой высшей точки зрѣнья
Внизу стоящій не пойметъ.

И за спиной раздался снова
Сухой отрывистый смѣшокъ:
То былъ наставникъ мой суровый.
«Ну вотъ, теперь готовъ дать слово, —
Тебѣ не нуженъ я, дружокъ!»

Да, да! И самъ теперь я въ силахъ
Намѣтить и пройти свой путь;
Желанья — камни на могилахъ,
Кровь не бушуетъ больше въ жилахъ,
Окаменѣетъ скоро грудь.

Сокъ горькій, крѣпкій выпитъ мною,
Не мерзну я на высотѣ.
Надломленъ жизни стволъ; волною
Мой парусъ сорванъ... За горою
Готовы скрыться двое тѣ...

А какъ невѣсты юбки красной
Пятно эффектно средь березъ!..
Прости я шлю мечтѣ прекрасной!
Порвалъ я съ нею не напрасно:
Взглядъ съ высоты дороже грезъ.

Я закаленъ; мое призванье—
Быть странникомъ среди высотъ.
Я кончилъ средь низинъ блужданье, —
Богъ здѣсь, свободы здѣсь сіянье,
Внизу пускай толпа бредетъ.

МОЛИТВА ЖЕНЩИНЪ.

(Изъ „Борьбы за престолъ“).

Змій посрамленъ!
Въ небѣ зритъ тронъ
Славы нетлѣнной
Грѣшникъ смиренный.

Жизненной битвѣ
Скоро конецъ.
Внемли молитвѣ
Нашей, Творецъ:

Въ свѣта обитель,
Какъ побѣдитель,
Вступитъ пусть онъ.
Змій посрамленъ!

СПАСИБО.

Горемъ были для нея преграды,
Путь поэта омрачавшія порой;
Счастіемъ — признанье и награды,
Трудъ вѣнчавшія его живой.

И была она, какъ дома, въ морѣ,
Гдѣ, вдали отъ спящей вялымъ сномъ земли,
На могучемъ, вѣковомъ просторѣ
Грезъ своихъ пускалъ онъ корабли.

Ей родными образы тѣ стали,
Что — рожденные завѣтною мечтой —
Въ пѣсняхъ скальда стяги подымали,
Сокрушали змія лжи пятой.

Цѣлью жизни всей признала — пламя
Вдохновенія въ поэтѣ зажигать,
Вмѣстѣ съ нимъ нести призванья знамя,
Въ часъ бѣды неслышно ободрять.

И спасиба отъ него за это —
Знаю я — не требуетъ она, не ждетъ;
Но живетъ оно въ душѣ поэта
И лишь съ пѣснями его умретъ.

УБИЙСТВО АВРААМА ЛИНКОЛЬНА.

Въ Америкѣ, странѣ свободы новой,
Внезапно выстрѣлъ громкій прозвучалъ;
Достигъ Европы, какъ раскатъ громовый,
И къ паникѣ всеобщей далъ сигналъ.
Европа, стражъ безъ страха и упрека
Законности, регламента во всемъ,
Гонительница всякаго порока,
Такъ честь свою цѣнящая высоко,—
Потъ страха выступилъ на лбу твоемъ!

Прикладываютъ черныя печати
Со львами и орлами тутъ и тамъ,

Летять депеши кстати и некстати,
На страхъ и поученіе послам.
Хлопковый тузъ, наслѣдникъ славы бранной,
И лжи страны побѣдный легіонъ
Тянулись къ вѣтви масличной желанной,
Когда тотъ выстрѣлъ прогремѣлъ нежданный,
И былъ имъ человѣкъ *одинъ* сраженъ.

Что-жъ вы, вожди Европы, задрожали?
Откуда возмущенья сотни словъ?
И не такія вѣдь дѣла видали!
Забыли развѣ Дюппель, пруссаковъ?
У Фленсборга могилы? Появленье
На датскомъ рейдѣ флота англичанъ?
А Сёндерборгъ? А Польши усмиренье?
Нѣтъ, воронъ ворону глазъ, безъ сомнѣнья,
Не выклюетъ. Къ чему-жъ бить въ барабанъ?

Та роза алая, своимъ расцвѣтомъ
На Западѣ повергшая васъ въ страхъ,
Хотя и выращена Новымъ Свѣтомъ,
Но черенокъ былъ взятъ у васъ въ садахъ.
Отводокъ сочный тотъ въ странѣ свободной
Вы посадили сами, — вотъ въ чемъ суть;
И собственной рукою благородной
Пришпилили кровавый орденъ модный
Вы Аврааму Линкольну на грудь.

Вы клятвы нарушали, вы трактаты
На клочья рвали, не боясь молвы,
И, унавозивъ этимъ всѣмъ богато
Исторіи всемірной поле, вы
Съ душой спокойной стали урожая,
Обильной, первосортной жатвы ждать.
Но, видно, жатва вызрѣетъ иная,—
Взамѣнъ колосьевъ, вамъ же угрожая,
Орудья смерти стали вырастать.

Тамъ, гдѣ живетъ подъ висѣлицей право
И гдѣ законъ на остріе меча,
Скорѣй взойдетъ заря, чѣмъ въ странахъ славы,
Гдѣ слово — бичъ, орудье палача.
Судъ воли высшей, гнѣва ея бремя
Падетъ на ложь, и лжи не устоять;
Но прежде долженъ выѣсть червь все сѣмя
И вывернуться на изнанку время
Иль собственной карикатурой стать.

Надъ міромъ демонъ царствуетъ всесильный;
Ничтожна передъ нимъ земная власть;
Сталъ циркъ и форумъ грудой камней пыльной;
Въ прахъ долженъ былъ колоссъ Нерона пасть.
Но прежде міръ весь Рима преступленья
Наполнили, опредѣлили строй:
Курился ѳиміамъ обожествленья
Тиранамъ; цезарей изображенья
Царили въ храмахъ надъ боговъ толпой.

И наконецъ приспѣло время: троны,
Дворцы и храмы — рухнуло все вдругъ;
Гдѣ возвышались портики, колонны
И статуи, — прошелся острый плугъ.
Сталъ строиться на старомъ пепелищѣ
Міръ новый; самый воздухъ на землѣ
На время сталъ какъ будто лучше, чище;
Теперь опять смердитъ, какъ на гноищѣ,—
Знать, обновленье близится во мглѣ

Но если средь міазмовъ ядовитыхъ
Живемъ теперь, на почвѣ сплошь гнилой,—
Не долженъ криковъ вызывать сердитыхъ
На ней возросшій зла цвѣтокъ больной.
Пусть точитъ червь, скорѣй пусть разложенье
Наступитъ, — рухнетъ дряхлый міръ тогда;
Карикатурой все его строенье
Скорѣй пусть станетъ, — грянетъ часъ отмщенья,
Для вѣка лжи день страшнаго суда!

МОЕМУ ДРУГУ ОРАТОРУ-РЕВОЛЮЦІОНЕРУ.

На вашъ взглядъ я теперь отсталый человѣкъ,
Я тотъ же все, какимъ и былъ я весь свой вѣкъ.

Фигуры лишь переставлять я не охотникъ:
Но опрокиньте доску всю — я вашъ работникъ.

Я до сихъ поръ одинъ переворотъ
На свѣтѣ помню настоящій; это тотъ,

Которымъ былъ въ исторіи потопъ всемірный.
По праву пользуется славой онъ обширной,

Но Люциферъ впросакъ попался и тогда:
Сталъ Ной диктаторомъ, когда сбыла вода!

Ужъ не продѣлать ли намъ это все сначала?
Людей лишь нужно и ораторовъ немало.

Такъ вотъ устройте міровой потопъ скорѣй,
И мину подведу я подъ ковчегъ, ей-ей!

У ПОРТЪ-САИДА.

Яркое солнце Востока;
Въ гавани сотни судовъ;
Вѣютъ на мачтахъ высоко
Флаги всѣхъ странъ и цвѣтовъ;
Крики, орудій салюты,
Музыка, стройный хоралъ...
Въ чемъ же значенье минуты?
Мы открываемъ каналъ!

Мимо иглы обелиска
Плылъ съ нами рядомъ фрегатъ;
Вдругъ, какъ укусъ василиска,
Шопотъ влилъ въ ухо мнѣ ядъ.
Съ родины были то вѣсти!
Я преподнесъ въ простотѣ
Зеркало людямъ безъ чести,—
Свистомъ отвѣтили тѣ.

Ядъ не грозитъ, впрочемъ, жизни;
Тошно лишь... Звѣздамъ хвала,
Многія лѣта отчизнѣ! —
Та же, какою была!..—
Нашъ пароходикъ фрегату
Выстрѣлъ прощальный послалъ;
Въ свой чередъ флагу, какъ брату,
Шляпой и я помахалъ.

Гада уксусъ мнѣ не въ диво;
Слѣдъ его всякій исчезъ.
Праздникъ ждетъ гостя хедива,
Цѣлый день всякихъ чудесъ;
Ночью-жъ навѣютъ мнѣ феи
Тамъ подкрѣпляющій сонъ,
Гдѣ перешли іуден
И потонулъ фараонъ!

ПИСЬМО СЪ ВОЗДУШНЫМЪ ШАРОМЪ.

Изъ Дрездена, 1 декабря 1870 г.

Долго я хранилъ молчанье,—
Несмотря на обѣщанье,—
Чѣмъ и потерялъ, боюсь,
Даже право на вниманье;
Но сегодня я берусь
За перо, чтобъ хоть отчасти
Долгъ покрыть огромный свой
Благодарности живой.
И въ моей ли было власти
Раньше выполнить обѣтъ?
Изъ Стокгольма вашъ поэтъ
Въ Африку — на пирамиды,
Обелиски, храмъ Изиды,
Сфинксы и священный Нилъ
Любоваться угодилъ.
Потому-то, въ исполненье
Клятвъ своихъ въ прощальный часъ,
Я, прося о снисхожденьи,
И пишу вамъ лишь сейчасъ.
Смѣю-ль, впрочемъ? За собою
Сохранилъ ли я права?..
Э! Права берутся съ бою,
Все въ нашъ вѣкъ вершатъ слова:
«Такъ хочу!». И я дерзаю
Захотѣть. Хочу не такъ,
Впрочемъ, какъ боецъ-пруссакъ:
На права не упираю, —
Мнѣ оно и не къ лицу, —
Но о милости взываю,
О прощеньи бѣглецу!

Я, вернувшись въ Дрезденъ милый,
Могъ едва его узнать.
Нѣмцевъ грузныхъ, чванныхъ рать,
Похваляющихся силой
Міръ вверхъ дномъ поставить весь,
Побѣдительская спесь,
Флаги, шумъ хвастливый, крики,
«Wacht am Rhein» задорно-дикій—
Вотъ вамъ обиходъ мой здѣсь.

Вспоминаешь поневолѣ
О Парижа горькой долѣ!
Остроуміе пивное,
Политическій пантетъ —
Вотъ собачье то жаркое,
Что̀ глотаю я въ обѣдъ.
Пробѣгая же газеты,
Разобраться не могу —
То-ль читаю я памфлеты,
То ли ѣмъ изъ крысъ рагу.
Но всего тошнѣй, когда
Изъ краевъ родныхъ сюда
Гулъ тѣхъ пушекъ долетаетъ,
Изъ которыхъ чернь стрѣляетъ
По святымъ моимъ мечтамъ;
Когда грубые невѣжды
Губятъ всѣ мои надежды,
Рушатъ будущаго храмъ
Слишкомъ раннимъ и ненужнымъ
Взрывомъ всѣхъ торпедъ и минъ,
И остаться безоружнымъ
Я рискую средь руинъ.

Оттого-то мнѣ молчанье
Дольше и нельзя хранить;
Долженъ поскорѣй посланье
Подлиннѣй вамъ настрочить,—
Не хочу быть криводушнымъ,
Прямо сознаюсь во всемъ,—
И отправить съ тѣмъ письмомъ
Эльфа на шарѣ воздушномъ,—
Способъ, безъ сомнѣнья, новый!
Лучше-бъ голубь былъ почтовый,
Но... гдѣ взять мнѣ голубей —
Птицъ надежды? Только совы
Да вороны на людей
Налетаютъ въ этой ямѣ;
А когда мы пишемъ дамѣ,
То ни совы ни вороны
Не годятся въ почтальоны!

Да, когда въ свои права
Осень тамъ у васъ вступила,
Пожелтѣла вся листва,—
Я умчался къ устьямъ Нила.

Что за солнце, блескъ и зной!
Тамъ еще царило лѣто.
Отражались бликн свѣта,
Какъ отъ льдовъ у насъ зимой,
Отъ прозрачной синей дали.
Тѣни рѣзкія бросали
Пальмы, фиги на песокъ.
Направляясь на востокъ,
Рядъ арабовъ въ полосатыхъ
«Бедуинкахъ», на горбатыхъ
Дромадерахъ-скакунахъ
Промелькнулъ у насъ въ глазахъ.
И, узрѣвъ ихъ, непривычный
Нашъ землякъ тотчасъ свой зычный
Голосъ подалъ: «Господа!
Вижу страусовъ стада!»

Вверхъ по Нилу отъ Каира
Мы неслись затѣмъ стрѣлой,
Посѣтили «чудо міра» —
Гробъ Хеопса вѣковой
И другія пирамиды, —
Съ нихъ, какъ утверждаютъ гиды,
Рѣчь держалъ Наполеонъ,
И внималъ ей сфинксъ сквозь сонъ.
Въ знаменитыя могилы
Бенъ-Гассана мы впотьмахъ
Пропозли на животахъ.
Боже! Что за видъ унылый!
Даромъ не прошли вѣка,
Поизъѣли имъ бока.
Сколько же вѣковъ могиламъ —
Вычислить кому по силамъ?
Намъ пытаться — лишній трудъ:
Уперлись лбомъ въ стѣну тутъ
Лучшіе египтологи.
Къ нимъ не будемъ слишкомъ строги,
Счета требуя годамъ;
Съ насъ довольно указанья,
Что восходятъ эти зданья
Къ тѣмъ туманнымъ временамъ
Древности, когда за бога
Фараонъ, сынъ солнца, слылъ,
Потифаръ министромъ былъ,

И что въ ихъ построкѣ много
Виноватъ министровъ зять,
Сынъ Іакова Іосифъ,
Тотъ, что, лишь одежды сбросивъ,
Честь свою могъ отстоять.

И колоссъ тотъ, знаменитый
Гимномъ солнцу, въ ранній часъ
Посѣтили мы, но насъ
Обманулъ старикъ сердитый.
Не сошелъ съ него капризъ
Съ той поры, какъ царь Камбизъ
Въ качествѣ судьи — возможно —
Слишкомъ ужъ неосторожно
Рецензировалъ внутри
Древняго пѣвца зари.
Отъ такихъ пріемовъ спало
Съ голоса пѣвцовъ немало.
Но какъ разъ такимъ пѣвцамъ
Мы и куримъ ѳиміамъ.

Вотъ и старика Мемнона
Не смѣщаютъ люди съ трона.
Потерявши голосъ свой,
Славой онъ живетъ былой;
Дань несутъ ему туристы—
И вельможи, и князья,
И попроще людъ, какъ я
Иль Перъ Гюнтъ — «норвежецъ истый».

Но простите, — не подъ силу
Разобраться мнѣ вполнѣ
Въ томъ шестинедѣльномъ снѣ
И все плаванье по Нилу
Вамъ переложить въ стихи;
Лишь отдѣльные штрихи
Можетъ дать поѣздка эта
По странѣ жары и свѣта.

Противъ правды не грѣша,
Сознаюсь: à la паша
Я и всѣ мои коллеги
Жизнь вели въ своемъ «ковчегѣ»,—
Такъ зову свой пароходъ.
Состоялъ же весь нашъ флотъ
Изъ восьми судовъ; четыре

Впереди везли мужчинъ,
Остальныя — половинъ
Лучшихъ нашихъ въ этомъ мірѣ.

Везъ «ковчегъ» медвѣдей трехъ
Бѣлыхъ сѣверныхъ, лѣнивыхъ,
Да испанскихъ четырехъ
Жеребцовъ — коней ретивыхъ,
Превеликихъ мастеровъ
На прыжки и кабріоли,
Да съ десятокъ, коль не болѣ,
Галльскихъ прыткихъ пѣтуховъ.
Если же команду судна
Въ общій счетъ включить, — нетрудно
Было-бъ въ ней сыскатьословъ,
И козла породы горной,
И амфибію съ упорной
Страстью жить «почти въ водѣ»;
Далѣе, какъ и вездѣ,
Группу хищно-желудёвыхъ
Изъ германскихъ рощъ дубовыхъ —
Кабановъ, почти ручныхъ,
И, какъ разновидность ихъ,
Вепрей нѣсколько сердитыхъ,
Сплошь щетиною покрытыхъ,
Не простою, а стальной;
Былъ и зубръ тамъ — звѣрь лѣсной,
Книжный червь бразильскій скромный,
Наконецъ — подборъ огромный
Мелкой дичи, какъ-то... Нѣтъ!
Ставитъ точку здѣсь поэтъ.

Перейду теперь къ картинѣ
Переѣзда по пустынѣ.
Велъ нашъ пестрый караванъ
Самъ хедивскій драгоманъ.
Какъ на крыльяхъ мы летѣли
Вслѣдъ за нимъ, — на самомъ дѣлѣ
Большей частью на ослахъ,
И лишь тѣ, кто посмѣлѣе,
На «пустыни корабляхъ».
Что могло быть веселѣе
Нашей пестрой вереницы?
Говоръ, шутки, громкій смѣхъ,
Дѣтски-радостныя лица...

И единственный изъ всѣхъ,
Шумъ поднявшій, былъ землякъ
Нашъ, до страусовъ столь падкій:
«Это что за способъ гадкій?!
Вотъ не ожидалъ никакъ!
Представителямъ печати
Подводитьословъ некстати!
Не найдется-ль для меня
Ну, хоть... «нильскаго коня»?»

Города всѣ и деревни,
Что прошелъ нашъ караванъ,
Какъ Луксоръ и Эдфу древній,
Дендера и Ассуанъ,—
Ихъ, почтивъ упоминаньемъ,—
Поспѣшу я миновать,
Но пустыни описаньемъ
Долженъ васъ я задержать.
Приходилось, безъ сомнѣнья,
Слышать не однажды вамъ,
Какъ, шагая по пескамъ,
Фантастичныя селенья
Смерти на своемъ пути
Открываютъ караваны,
Если вздумаютъ смести
Слой песчаный ураганы.
Смерть съ природою живою
Строили совмѣстно тутъ,
А докончило ихъ трудъ
Время длинью вѣковою.
Словно цоколи торчатъ
Ребра и хребты спинные;
Череповъ верблюжьихъ рядъ —
Капители прорѣзныя,
Внизъ упавшія съ колоннъ;
Зубы въ челюстяхъ — перила,
Окружавшія балконъ;
Вверхъ торчащія уныло
Изъ наноснаго песка
Гдѣ нога, а гдѣ рука —
Украшенія фронтона,
А лохмотья, лоскутки
Одѣяній — какъ знамена
Или флаги и значки.

Пусть теперь картина эта
Въ рамкѣ солнечнаго свѣта
Прикуетъ къ себѣ вашъ взглядъ
И, дрожа, переливаясь,
Расширяясь, возвышаясь,
Вырастетъ въ сто сотенъ кратъ;
Пусть весь этотъ міръ могильный
Превратится въ многомильный
Архи-древній караванъ,
Въ сонъ волшебный погруженный,—
Вотъ вамъ олицетворенный
Міровой путь египтянъ.

Да, такъ было. На разсвѣтѣ
Историческихъ вѣковъ
Вышли въ путь Египта дѣти.
Во главѣ толпа жрецовъ
Со скрижалями законовъ —
Мудрости людской плодовъ;
Далѣ — сонмъ царей-боговъ,
Лучезарныхъ фараоновъ;
Среди нихъ самъ Озирисъ
Со своей сестрой-женою
Съ высоты носилокъ внизъ
Смотрятъ съ важностью нѣмою;
Горъ, Гаторъ, и Тотъ, и Пта,
Амонъ-Ре, и Амонъ-Ра,
Окруженные лучами
Славы, мѣрными шагами
За отцомъ боговъ идутъ;
Съ золочеными рогами
Аписа-быка ведутъ;
Наконецъ — рабовъ мильоны
Замыкаютъ караванъ.
Гдѣ-бъ они ни разбилъ свой станъ —
Изъ земли растутъ колонны,
Сфинксы, храмы; въ честь побѣдъ,
Въ память подвиговъ и бѣдъ
Обелиски вырастаютъ;
Іероглифы вѣщаютъ
О дѣлахъ минувшихъ лѣтъ;
Пирамиды отмѣчаютъ
Шествія гигантскій слѣдъ.

Но порывы урагана
Съ сѣвера путь каравана
Грозно стали заметать.
Не подъ силу устоять
Оказалось фараонамъ
И жрецамъ, дворцамъ и тронамъ.
Скоро въ прахѣ и пыли
Боги неба и земли
Распростертыми легли.
Тамъ, гдѣ шла толпа живая,
Воцарилась тишь нѣмая;
Скрыта на вѣка отъ свѣта,
Саваномъ песковъ одѣта,
Превратилася въ скелетъ
Та культура, что царила
Въ области долины Нила
Тысячи четыре лѣтъ.
Уцѣлѣвшіе останки
Каравана всѣ стоянки
И указывали намъ.
На одной мы созерцали,
Какъ феллахи отрывали
Абидоса древній храмъ,
Заступомъ вѣковъ зарытый.
На другой — насъ знаменитый
Лѣсъ колоннъ Карнака ждалъ;
Рядъ ихъ на нескѣ лежалъ,
Словно исполиновъ кости.
Заходила также въ гости
Наша шумная толпа
Въ храмъ Рамзеса; капители
На землѣ кой-гдѣ бѣлѣли,
Какъ верблюжьи черепа.
И луксорскіе пилоны
Осмотрѣли мы; колонны —
Руки скованныхъ рабовъ
У подножія кумира
Говорили намъ безъ словъ:
«Такъ проходитъ слава міра!»

Вотъ картина, что съ тѣхъ поръ
Мой преслѣдовала взоръ;
Угадалъ въ ней сокровенный
Смыслъ пріятель вашъ смиренный.

Скандинавскій Аза-Торъ
Въ рогъ трубитъ свой до сихъ поръ —
Въ грохотѣ лавинъ, въ пустынѣ
Ледяной на высяхъ горъ;
Боги Греціи донынѣ
Въ мірѣ красоты живутъ;
И Юпитеръ тамъ и тутъ
О себѣ напоминаетъ, —
Здѣсь, какъ tonans, выступаетъ,
Тамъ, какъ stator, вѣчно живъ.
Боги-жъ Мемфиса и Ѳивъ —
Горъ, Гаторъ? О нихъ помина
Въ мірѣ современномъ нѣтъ;
Стертъ, исчезъ ихъ всякій слѣдъ.
Въ чемъ же кроется причина?

Тамъ, гдѣ личность въ угнетеньи,
Гдѣ народъ въ свои творенья
Не влагаетъ вдохновенья
Свѣтлой радости, борьбы,
Гнѣва, жалости, мольбы, —
Соковъ жизненныхъ культура
Лишена, въ ней крови нѣтъ,
Вся она — сухой скелетъ.
Сколько въ шалостяхъ Амура
Правды жизненной, и какъ
Человѣчны Марсъ-простакъ
Въ золотыхъ сѣтяхъ Венеры,
Шашни Зевса, ревность Геры!..

А боговъ Египта строй
Былъ лишь знаковъ рядъ сухой.
Въ чемъ же было ихъ призванье
Или цѣль существованья?
Съ размалеваннымъ лицомъ
Передъ жертвеннымъ огнемъ
Возсѣдать весь вѣкъ простыми
Истуканами нѣмыми.
Отъ боговъ другихъ въ отличье
Ястребиной головой
Былъ снабженъ одинъ; другой
Перьевъ пукъ носилъ большой;
Третья же взяла обличье
У коровы. Этотъ былъ
Богомъ мрака, зла, тотъ — свѣта,

Тѣмъ-то та и этимъ эта,
Каждый чѣмъ-нибудь да слылъ;
Жить, грѣшить и ошибаться,
Падать, снова подыматься
Имъ лишь не было дано.
Оттого и сталъ давно
Міръ, когда-то славный, сильный
Фараоновъ и жрецовъ,
Муміей во тьмѣ могильной,
Трупомъ въ глубинѣ песковъ.

Шумомъ внѣшнимъ утомленный,
Какъ въ осадѣ принужденный
Жить здѣсь, заперъ на замокъ
Свой уютный уголокъ
Другъ вашъ, чтобъ уединиться
И всецѣло погрузиться
Мыслью въ собственный мірокъ.
Внѣ его — всѣ упованья
Отлетаютъ словно рой
Птицъ осеннею порой;
Устремляя-жъ внутрь вниманье,
Слышу вновь я воркованье
Птицъ надежды. На костяхъ
Прошлаго, на тѣхъ путяхъ,
Гдѣ погибли караваны,
Строю будущаго планы.

Вѣкъ за вѣкомъ родъ людской,
Всѣ земныя поколѣнья
Лѣстницею винтовой
Совершаютъ восхожденье
Къ вѣчной цѣли. Кругъ движенья
Навсегда опредѣленъ;
Шире стать не можетъ онъ,
Иль свободнѣй восхожденье, —
Будетъ впредь, какъ и досель;
Выше лишь уходить цѣль!

И надъ вѣкомъ фараона
Поднялся какъ разъ нашъ вѣкъ:
Богъ-король вновь правитъ съ трона;
Вновь отдѣльный человѣкъ,
Личность въ массѣ исчезаетъ,
Въ массѣ, что не размышляетъ,
А въ покорности тупой

Разрушаетъ, созидаетъ
Трудъ гигантскій совершаетъ
Мыслью, волею чужой;
Вновь вздуваются всѣ жилы,
Люди напрягаютъ силы,
И ручьями льются вновь
Слезы и людская кровь
Чтобъ, на удивленье міру,
Богъ, накинувшій порфиру,
Создалъ въ памяти людей
Славы пышный мавзолей.

Вотъ вамъ караванъ, бредущій
Въ наше время; свой въ немъ Горъ,
И своя Гаторъ, и хоръ,
Богу-королю поющій
Гимнъ хвалебный и дающій
Клятвы вслѣдъ за нимъ идти
Безъ отказа, колебанья.
И какія чудо-зданья
Вырастаютъ на пути!
Какъ могучъ напоръ побѣдный!
Какъ старательно кладутъ
Камни всѣ — богатый, бѣдный,
Чтобы цѣльнымъ вышелъ трудъ!
Какъ начертанъ безупречно
Планъ, какъ выполненье точно!

Ну, и вышло, спора нѣтъ,
Что-то крупное. Весь свѣтъ
Ротъ разинулъ въ изумленьи.
Но какое-то сомнѣнье
Нѣтъ-нѣтъ да и промелькнетъ
На лицѣ, какъ будто ротъ
Хочетъ вымолвить несмѣло:
«Вправду ли велико дѣло,
Что̀ великимъ всѣ зовутъ?»
И дѣйствительно, что̀ трудъ
Дѣлаетъ великимъ, славнымъ?
Результаты? Никогда!
Базисомъ величья главнымъ
Служитъ *духъ живой* труда,
Смѣлой, сильной, закаленной
Личностью въ него внесенный.

Такъ; но въ франко-прусскомъ спорѣ,
Въ нѣмцевъ бѣшеномъ напорѣ
На Парижъ — когда и гдѣ:
Въ часъ опасности, въ бѣдѣ
Иль въ побѣдной схваткѣ жаркой
Личность выступила ярко?
Кто — увѣнчанный молвой,
Пѣснью славимый свободной,
Истинный герой народный,
Порожденный той войной?
Честь полкамъ вся, батальонамъ,
Ротамъ, штабу иль шпіонамъ —
По болотамъ и лѣсамъ
Рыщущимъ за дичью псамъ!
Оттого охота эта
Блеска славы лишена;
Оттого пѣвца, поэта
Не найдетъ себѣ она.
А лишь то, что̀ вдохновенье
Скальда можетъ пробудить, —
Въ состояньи пережить
Времена и поколѣнья.
Стòитъ вспомнить, напримѣръ,
Двухъ Густавовъ первыхъ время,
Храбрость плѣнника Бендѣръ,
Иль героевъ датскихъ племя,
Адмираловъ удалыхъ —
Торденскьольда и другихъ;
Съ пѣсенъ волнами несется
Имя ихъ, передается
Бережно изъ рода въ родъ
И вовѣки не умретъ.
Ну, а присмотритесь ближе
Къ щитъ прибившимъ свой въ Парижѣ.
Фрицъ и Францъ et caetera —
И солдаты, и капралы,
Даже сами генералы —
Всѣ они лишь нумера
Въ спискахъ арміи германской.
Пруссіи орелъ гигантскій
Мрачную наводитъ тѣнь
Черными, какъ ночь, крылами;
Траурными полосами
Развѣваясь надъ полками,

Образуютъ смерти сѣнь
Черно-бѣлыя знамена;
Мудрено-ль, что изъ кокона
Подвига не вылетаютъ
Пѣсенъ свѣтлыхъ мотыльки, —
Ихъ личинки, червячки,
Не развившись, умираютъ.
Да, въ побѣдѣ призракъ блѣдный
Пораженія живетъ.
Розгой станетъ мечъ побѣдный!
Голый и сухой расчетъ,
Цифровое вычисленье —
Не источникъ вдохновенья.
Не родятся пѣснопѣнья,
Славы гимны въ вѣкъ такой, —
Въ вѣкъ, когда подъемъ народный,
Величавый и свободный,
Сталъ пружиною простой
Въ хитромъ штабномъ механизмѣ,
И когда войну лишилъ
Мольтке красоты и жизни,
Въ ней поэзію убилъ.

Разложенія зачатки
Въ силѣ, покорившей міръ;
Жертвой собственной загадки
Станетъ сфинксъ — толпы кумиръ.

Цифръ побѣду въ свой чередъ
Судъ и осужденье ждетъ.
Вѣтеръ тотъ, что̀ дуетъ нынѣ,
Вихремъ смѣнится другимъ
И, какъ караванъ въ пустынѣ,
Будетъ сбитъ, засыпанъ имъ
Родъ, боговъ создавшій мнимыхъ.
Бисмаркъ, Мольтке, какъ и штатъ
Прочихъ идоловъ, столь чтимыхъ,
Можетъ-быть, и устоятъ,
Какъ Мемноновы обломки;
Но, какъ отъ него, потомки
Тщетно будутъ въ часъ разсвѣта
Ждать дню новому привѣта.
Вѣдь, какъ мы, хедива гости,
Послѣ странствій по слѣдамъ
Мертвыхъ, гдѣ ихъ тлѣютъ кости,

Обратили къ временамъ
Новымъ, свѣтлымъ наши взоры, —
Да, какъ намъ, подъ пушекъ громъ,
Подъ ликующіе хоры,
При стеченіи большомъ
Приглашенныхъ, предстояло
На открытіи канала
Берегъ уловить вдали
Обѣтованной земли, —
Такъ надеждой міровою —
Силой вѣчною живою
Увлекаемый впередъ,
Въ дружный праздничный походъ,
Вновь открытыми путями,
Съ пѣньевъ гимновъ и съ огнями —
Факелами красоты,
Къ берегамъ страны мечты,
Обѣтованной, желанной,
Чтобы встрѣтить долго жданный
Солнца новаго восходъ,
Долженъ двинуться нашъ родъ!

Да, и въ нашемъ поколѣньи
Живо къ красотѣ стремленье;
Къ ней однако не найти
Вѣку Бисмарка пути.

Ну, а будемъ ли мы съ вами
На томъ праздникѣ гостями?..
Трудно знать, *когда* о немъ
Возвѣститъ намъ голубь бѣлый!
Оттого-то я день цѣлый
И сижу въ углу своемъ;
Оттого всегда въ перчаткахъ,
Въ бѣломъ галстукѣ хожу
И въ веленевыхъ тетрадкахъ
За стихомъ стихъ вывожу.
Можетъ-быть, и заслужу
За такое поведенье
Отъ людей я осужденье;
Но что дѣлать, коли видъ
Черни такъ меня страшитъ,
Коль боюсь съ толпой смѣшаться?
Страхъ неряшлива она,

Я-жъ хочу посла дождаться
И на праздникъ показаться
Въ одѣяньи безъ пятна.

А теперь — ни слова болѣ!
Эльфъ-гонецъ сидитъ въ гондолѣ,—
Шаръ, счастливаго пути!
Предъ тобой просторъ воздушный —
Царство грезъ мохъ, — лети!
Но у Мелара послушно
Эльфа на берегъ спусти.
Спускъ удобенъ у низинъ
Тѣхъ привѣтливыхъ озерныхъ,
Какъ и на лугахъ нагорныхъ
Телемаркенскихъ равнинъ.

Эльфъ-гонецъ взмахнулъ крылами
О, пришла бы вѣсть скорѣй,
Что онъ съ легкою своей
Ношей — легкими стихами,
Мыслей легкими штрихами —
Очутился передъ вами!

ВЪ АЛЬБОМЪ КОМПОЗИТОРУ.

Игрою чудною Орфей
Изъ камней искры исторгалъ
И Божью искру зажигалъ
Во тьмѣ бездушія звѣрей.

Здѣсь камней столько, что не счесть,
И звѣри-люди тоже есть.

Ты, современный нашъ Орфей,
Изъ камней искры исторгай,
Сильнѣй по струнамъ ударяй
И превращай звѣрье въ людей!

СОЖЖЕННЫЕ КОРАБЛИ

Повернулъ онъ свои корабли;
Стали къ сѣверу гордо кормами;
Отъ холодной родимой земли
Онъ за новыми поплылъ богами.

Заволокъ все туманъ позади;
Потонули въ немъ снѣжныя горы;
Для иловца — смыслъ и цѣль впереди, —
Свѣтлый югъ приковалъ его взоры!

Тамъ онъ вышелъ и сжегъ корабли.
Лишь дымокъ, прихотливый, свободный,
Сизой струйкой, не тая вдали,
Потянулся на сѣверъ холодный...

Онъ остался; но каждую ночь
Къ снѣжнымъ высямъ земли нелюдимой
Отъ цвѣтущаго берега прочь
Кто-то мчится, тоскою томимый!..

ИЗДАЛИ.

Упсалу избрали мѣстомъ новой встрѣчи;
Скоро тамъ польются праздничныя рѣчи.

Слѣтамъ молодежи самъ слагалъ я прежде
Пѣсни и привѣты — дань слѣпой надеждѣ.

И теперь лучъ вѣры пронизалъ сомнѣнья, —
Былъ готовъ покинуть я уединенье.

Но порывъ тотъ длился лишь мгновенье ока;
Я слѣдить за слѣтомъ буду издалека.

Счастья эльфъ летитъ пусть съ юною толпою,
Съ тѣми, кто способенъ тѣшиться игрою!

Духи лѣта свѣютъ облаковъ покровы
Съ неба жизни, сбросятъ съ душъ ихъ всѣ оковы!

Вѣтеръ взвѣетъ къ небу знамена высоко,
Праздничныя пѣсни разнесетъ далеко!

Днемъ свѣтитъ имъ станетъ солнце безъ заката,
Ночь же будетъ миромъ, тишиной богата!

Издали слѣжу я за полетомъ рѣзвымъ
И знакомымъ пѣснямъ внемлю слухомъ трезвымъ.

Чуждымъ и далекимъ кажется мнѣ слѣтъ, —
Предо мной картина прошлаго встаетъ.

Я средь юной стаи вижу привидѣнья —
Канувшіе въ вѣчность годы, поколѣнья;

Празднествъ отміамы, пѣсенъ, фразъ туманъ...
Въ нихъ витаютъ тѣни всѣхъ вѣковъ и странъ.

Въ Упсалу, какъ въ улей, рой летитъ гигантскій;
Но такимъ же ульемъ край былъ итальянскій.

Апеннины помнятъ юности полетъ,
Что отъ долгой спячки пробудилъ народъ.

На зарѣ столѣтья вспыхнуло то пламя;
Надъ страной *одно* лишь нынѣ вѣетъ знамя.

Въ Упсалѣ, какъ въ ульѣ, рой гудитъ гигантскій;
Рой гудѣлъ подобный и въ странѣ германской.

«Въ единеньи сила! Черно-красный стягъ
Съ золотомъ подымемъ! Намъ не страшенъ врагъ!»

Такъ мечтала юность, говорила смѣло;
Возмужавъ, отъ слова перешли всѣ къ дѣлу.

Дружно, въ ногу вышли на манившій путь;
Стягъ поднявши, въ брони заковали грудь.

И мечта ихъ стала достояньемъ жизни:
И устой надежный подведенъ отчизнѣ.

Волей, не мечтами, крѣпокъ человѣкъ;
Выросла Европа, бодрствуетъ нашъ вѣкъ.

Потому и внемлю пѣснямъ слухомъ трезвымъ
Я, слѣдя отсюда за полетомъ рѣзвымъ,

И далекимъ, чуждымъ кажется мнѣ слётъ,—
Предо мной картина прошлаго встаетъ.

Я средь юной стаи вижу привидѣнья —
Канувшіе въ вѣчность годы, поколѣнья;

Празднествъ отміамы, пѣсенъ, фразъ туманъ...
Въ нихъ витаютъ тѣни всѣхъ временъ и странъ.

Отчего-жъ норвежцы не возвысятъ властный
Голосъ, чтобъ нарушить сонъ, миражъ опасный?

Отчего молчанья видимъ мы печать
На устахъ, что могутъ и должны-бъ кричать?

Оттого, что должно каждому народу
Заслужить иль съ бою взять себѣ свободу.

Кто-жъ беретъ въ подарокъ собственное «я»,—
Будь готовъ, что ко дну съ нимъ пойдетъ ладья.

Намъ свободу дали, острый мечъ вручили,
Но что дѣлать съ ними — насъ не научили.

Оттого сзываемъ мудрецовъ совѣтъ,
Чтобъ спроситься, можно намъ шагнуть иль нѣтъ.

Оттого виляемъ вправо мы и влѣво,
Какъ въ ручонкѣ дѣтской мечъ — орудье гнѣва.

Оттого беремся мы за все въ перчаткахъ;
Оттого-то сага наша вся въ заплаткахъ!

Ходимъ да мечтаемъ, грезимъ себѣ власть,
Даже не пытаясь — побѣдить иль пасть.

Скоро-ль геній вѣка насъ отъ сна встряхнетъ?
Скоро ли привьетъ намъ лозунгъ свой: «впередъ»!?

Мюнхенъ, 2 іюня 1875 г.

ПИСЬМО ВЪ СТИХАХЪ.

Любезный другъ!
«Что это значитъ, — вы мнѣ задали вопросъ:—
Нашъ родъ людской какимъ-то сталъ безстрастнымъ:
Ни бури радостей, ни града жгучихъ слезъ,
Пришибленъ будто, страхомъ одержимъ неяснымъ;
Никто не хочетъ быть грѣховъ своихъ судьей,
Умовъ и воль не въ силахъ окрылить удачи,
Всѣ ждутъ — что дастъ судьба — съ покорностью тупой,
Себѣ не смѣя выбрать цѣли иль задачи?»

Мой другъ, вѣдь миссія моя — не отвѣчать,
А самому вопросы людямъ задавать.
Но, разъ ужъ вы коснулись этого предмета,
Вдобавокъ письменно, — нельзя, чтобы вашъ трудъ
Пропалъ; и если отъ меня къ тому-жъ не ждутъ
Прямого на вопросъ поставленный отвѣта,
Отвѣчу я... вопросомъ. Да, себѣ и тутъ,
Какъ видите, я вѣренъ. Въ силу же рутины
Я, какъ поэтъ, вопросъ свой облеку въ картины.

Случалось, разумѣется, когда-нибудь
Въ одной изъ нашихъ гаваней корабль торговый
Вамъ видѣть, или пароходъ, почти готовый
Направить курсъ свой по морямъ въ далекій путь?

При этомъ бросилось въ глаза вамъ, безъ сомнѣнья,
Какая жизнь кипитъ на кораблѣ тогда,
Какъ властны и увѣренны распоряженья,
И какъ серьезно-дѣловое настроенье
Сливается съ безпечной легкостью труда,—
Какъ будто судно міръ особый, и все въ немъ
Идетъ разъ навсегда начертаннымъ путемъ.

И, долго плавая, такой корабль торговый
Перебываетъ въ цѣломъ рядѣ городовъ;
Гдѣ выгружаетъ грузъ, гдѣ принимаетъ новый —
Тюки, и ящики, и бочки всѣхъ сортовъ;
Весь трюмъ они и палубы переполняютъ,
Одни съ названьями, лишь клейма на другихъ,
И съ точностью, что̀ именно такое въ нихъ,
Команда да и шкиперъ самъ порой не знаютъ.

Взявъ грузъ, корабль несется по волнамъ впередъ,
Въ соленой влагѣ носъ отважно зарывая,
Какъ будто узокъ для него волны хребетъ,
Тѣсна ему равнина, ширь и даль морская,—
Такъ велика въ немъ сила скрытая, живая,
Та сумма воль людскихъ и жизненныхъ всѣхъ силъ,
Которыя міръ корабля въ себѣ вмѣстилъ.

Но и должно такъ быть. Не крѣпко развѣ судно?
Грузъ не уложенъ ровно? Развѣ править трудно,
Когда въ порядкѣ все — труба, секстантъ, компасъ,
Рулю послушенъ ходъ, достаточенъ запасъ
Необходимыхъ знаній, опыта, умѣнья,
Чтобъ поддержать въ командѣ духъ, прогнать сомнѣнья?

И все-жъ бываетъ такъ: въ одинъ прекрасный день,
Безъ всякой видимой причины, набѣгаетъ
На лица и на души всѣхъ какъ будто тѣнь,
И словно гнетъ какой дыханіе спираетъ.
Сначала ощутятъ одни тотъ странный гнетъ,
Потомъ другіе... понемногу всѣ — отъ мала
И до велика. Съ этихъ поръ на суднѣ вяло
Идетъ все: будто нехотя свистокъ зоветъ
Людей наверхъ, и нехотя крѣпятъ тѣ снасти
Иль ставятъ паруса, а судна самый ходъ
Слабѣетъ видимо. Примѣты злой напасти
Командѣ чудятся въ малѣйшихъ пустякахъ—
И въ штилѣ, и въ попутномъ вѣтрѣ, и въ прыжкахъ
Дельфиновъ рѣзвыхъ, въ крикахъ чаекъ бѣлокрылыхъ,

Во всѣхъ движеніяхъ, во взглядахъ всѣхъ унылыхъ
Сквозитъ одинъ и тотъ же тайный недугъ — страхъ.

Да въ чемъ же дѣло? Что произошло такое?
Откуда этотъ гнетъ, мѣшающій вздохнуть,
Сковавшій волю, умъ? Несчастье роковое
Въ виду? На кораблѣ случилось что-нибудь?
Нѣтъ, все въ порядкѣ; вѣренъ курсъ, свободенъ путь,
Команда исполняетъ долгъ свой, лишь... безъ пѣнья,
Безъ шутокъ; бодрости, подъема духа нѣтъ.
Причиной — суевѣрное предположенье,
Ужасный слухъ, по судну проложившій слѣдъ
Унынья и тоски. Поникли въ мрачной думѣ
Всѣ головы; всѣ шепчутъ: «трупъ веземъ мы въ трюмѣ».

Кто съ бытомъ моряковъ знакомъ отчасти, тотъ
Слыхалъ повѣрье это. Пущенное въ ходъ,
Оно на кораблѣ всѣ мысли заполняетъ,
Хотя — правдивъ ли страшный слухъ, никто не знаетъ
И не узнаетъ вплоть до плаванья конца:
Откроютъ лишь тогда — везли ли мертвеца,
Когда, — тѣмъ опровергнувъ всѣхъ примѣтъ значенье, —
Корабль доставитъ грузъ на мѣсто назначенья.

Представьте же себѣ, что пароходъ почтовый
Европы держитъ путь къ странѣ завѣтной, новой,
Со всѣми нами, взявшими себѣ билетъ
На дальній переѣздъ... Прости же, старый свѣтъ!
Препятствій нѣтъ, нашъ пакетботъ въ открытомъ морѣ;
Какъ дышится легко, привольно на просторѣ!
Отправленъ въ трюмъ багажъ; о немъ заботы нѣтъ;
Буфетчикъ, поваръ отвѣчаютъ за обѣдъ;
Работаютъ исправно всѣ въ машинѣ части,
Бурлитъ котелъ и рѣжетъ воду винтъ, какъ мечъ;
Въ порядкѣ образцовомъ новенькія снасти;
Вотъ стаксель, не дающій судну на бокъ лечь;
Вотъ руль, что поворотомъ смѣлымъ ставитъ судно
Наперерѣзъ волнѣ опасной боковой;
Надеженъ капитанъ, и зорокъ рулевой:
Ну, словомъ, для поѣздки безпечальной трудно
Желать иль требовать еще чего-нибудь,
И судну обѣщаетъ все счастливый путь.

Но что это? На полпути къ странѣ желанной
Вдругъ ослабѣлъ вначалѣ быстрый судна ходъ,
А мы охвачены апатіею странной.

Нѣтъ бодрости былой, лежитъ на сердцѣ гнетъ;
Команда, какъ и пассажиры, пала духомъ;
Опущенныя руки, скорбно-вялый взглядъ...
Всѣ шепчутся о чемъ-то, ловятъ жаднымъ слухомъ
Намеки вѣщіе, примѣты сторожатъ...

Вы задали вопросъ мнѣ о причинахъ гнета.
Иль не замѣтили, что назрѣваетъ что-то,
Не поняли, что миновали времена
Спокойнаго труда, увѣренности ясной?
Причина? Скрыта все еще отъ глазъ она,
Но вотъ что̀ скажетъ вамъ свидѣтель безпристрастный.

На палубѣ я засидѣлся ночью душной;
Сіяли ярко звѣзды въ синевѣ воздушной,
А самый воздухъ словно спалъ; не смѣлъ дохнуть
Вечерній вѣтерокъ, и даже моря грудь
Не колебалась. Пассажировъ разморило,
И разбрелись всѣ рано по своимъ угламъ;
Внизу мерцали тускло лампы тутъ и тамъ,
И духота невыносимая царила;
Сковало забытье тяжелое людей,
Не сонъ крѣпительный; я со скамьи своей
Могъ наблюдать за ними въ люкъ полуоткрытый.
Разинувъ ротъ, лежалъ мужъ нѣкій именитый,
Умъ государственный; готовилъ, видно, онъ
Усмѣшку тонкую, да не далъ кончить сонъ;
Валялся на боку профессоръ знаменитый
Въ разрѣзъ ученью своему; тутъ головой
Въ подушки богословъ зарылся бойкій,
А тамъ подъ одѣяло спрятался другой;
Художниковъ, писателей, артистовъ койки
Являли зрѣлище такое же: во снѣ
Себѣ всѣ измѣнили, будто бы чего-то
Боясь и ожидая въ жуткой тишинѣ,
Слабѣя отъ жары и ощущенья гнета.

Отъ царства соннаго отвелъ я взглядъ и сталъ
Смотрѣть въ морскую даль. Разсвѣтъ тамъ брезжилъ алый;
Блескъ звѣздъ ночныхъ алмазный меркнуть начиналъ;
Шелъ день на смѣну ночи душной, спячкѣ вялой.

Тутъ снизу стонъ какой-то долетѣлъ до слуха;
Перевернулся кто-то грузно на своемъ
Облитомъ потомъ ложѣ и спросонья глухо
Пробормоталъ: «боюсь, мы въ трюмѣ трупъ веземъ!»

Въ своемъ старомъ домѣ, въ уютѣ, въ теплѣ,
Вдвоемъ коротали они
И осень и зимніе дни.
Сгорѣлъ домъ. Осталось имъ рыться въ золѣ.

Сокровище вѣдь схоронилось подъ ней
Изъ тѣхъ, что въ огнѣ не горятъ.
Поищутъ, — быть-можетъ, тотъ кладъ
Найти и удастся ему или ей.

Но если бы даже свой кладъ дорогой
Нашли погорѣльцы опять, —
Ему никогда не сыскать
Минувшаго счастья, ей — вѣры былой.

НА ТЫСЯЧЕЛѢТІЕ НОРВЕГІИ.

18 іюля 1872 г.

Привѣтъ тебѣ я шлю, народъ родной,
Мнѣ подносившій щедрою рукой
Горчайшій, но крѣпительный напитокъ,
Въ которомъ почерпалъ поэтъ избытокъ
Духовнаго подъема, мужества и силы,
И могъ бороться, стоя на краю могилы:
Тебѣ, народъ, что посохъ мнѣ дорожный,
Котомку, скорби полную, вручилъ
И, выведя меня на путь тревожный,
Стопы мнѣ страхомъ окрылилъ!

Съ привѣтомъ и спасибо шлю тебѣ
За все, испытанное мной въ борьбѣ,
За очищающіе дни страданья.
Вѣдь все, на нивѣ моего призванья
Возросшее — колосья всѣ и всходы —
Посѣяно въ тяжелые тѣ годы;
Обязано оно своимъ расцвѣтомъ
Не меньше сѣвернымъ дождямъ невзгодъ,
Чѣмъ солнца юга ласковымъ привѣтамъ.
За все спасибо, мой народъ!

Какъ лоцманъ съ башенки сторожевой,
Смотрю съ чужбины я на край родной,—
Туда, гдѣ прячутся въ туманѣ кручи,

Сырой холодный вѣтеръ гонитъ тучи
Надъ горною равниною унылой,
Гдѣ эхо звукъ подхватываетъ съ силой,
Гдѣ рѣдки, какъ оазисы, селенья;
Туда меня мечты и сновидѣнья
Влекутъ всегда, тѣмъ болѣе въ минуты
Затменія духовнаго и смуты.
Народъ, разрозненный борьбой партійной,
Объединенья чествуетъ скрижаль!..
Не споря съ властью праздника стихійной,
Смотрю въ вѣковъ минувшихъ даль.

Мерещится въ туманѣ саги мнѣ
То дерево, что Рагнгильдъ въ вѣщемъ снѣ
Однажды видѣла. — Надъ всей страною
Нависло зеленью своей густою;
Стволъ словно кровь, а сучья снѣжно-бѣлы;
Подъ деревомъ народъ я вижу цѣлый, —
Увы! — разъединенный власти жаждой;
Изъ своего угла глядитъ родъ каждый
На родъ другой завистливо, ревниво,
Страшась за города свои и нивы;
Одинъ лишь средь разрозненныхъ безпечный
Стоитъ, шутя бросая жребій свой,—
Ему намѣченъ путь судьбою вѣчной,
Онъ избранъ волей міровой.

Вступаютъ въ бой роды и племена!
Девизъ однихъ: сѣдая старина;
За новое другіе грудью стали;
И восемь коннунговъ, я вижу, пали,
А вмѣстѣ съ ними рухнули ихъ троны;
Остался въ Трòньемѣ престолъ одинъ;
Съ него странѣ предписывать законы
Сталъ Златокудрый властелинъ.

Но не въ конецъ еще побѣждены
Защитники дробленія страны, —
Сдается старое не такъ-то скоро!
Для новаго рѣшительнаго спора
Готовятся они со Златокудрымъ,
Руководясь его-жъ совѣтомъ мудрымъ:
Спиной другъ къ другу встаньте, чтобы съ тыла
Не обошли враги васъ, — въ этомъ сила.
Со всѣхъ сторонъ идутъ, грозя мечами,

Плывутъ въ ладьяхъ, сверкая парусами,
Вдоль Листера, и кличъ ихъ дерзновенный
Несется къ берегамъ. — Гдѣ вождь надменный,
Гдѣ Гаральдъ, дерзко захотѣвшій древо
Обычаевъ лишить его вѣтвей?
На Гаральда мы подняли мечъ гнѣва!
Онъ въ Гафсфьордѣ! Туда скорѣй!

Видите сотни ладей осмоленныхъ,
Къ битвѣ упорной съ врагомъ снаряженныхъ?
Гаральда воины ихъ наполняютъ,
Вражьи ладьи сторожатъ, поджидаютъ.
Слышите гулъ отъ ударовъ мечей?
Скальдъ обезсмертилъ ихъ пѣснью своей,—
Гарклова драпа вѣщаетъ о томъ,
Какъ бился вечеръ съ сіяющимъ днемъ;
Съ новымъ порядкомъ дряхлѣющій строй
Ринулся въ смертный, рѣшительный бой!

Хриплые крики людей,
Скринъ и шипѣнье ладей,
Чайки, съ воронами споря,
Кровью окрасили море.

Небо надъ фьордомъ затмили стрѣлъ тучи!
Дерева Рагнгильдъ стволъ гордый, могучій
Хочетъ мечомъ подрубить старый врагъ.
Но высоко вѣетъ Гаральда стягъ,—
Вкругъ него, вражьи мечи отбивая,
Стала дружина его удалая;
Вѣдь предрѣшала страна въ томъ бою
Тысячелѣтнюю сагу свою.

Солнце садится, длиннѣй стали тѣни;
Гнутся, дрожатъ побѣжденныхъ колѣни,—
Солнце садится, и съ нимъ угасаетъ
Старый вѣкъ; новый заря обѣщаетъ.

Гибнетъ вождей-храбрецовъ старыхъ рать,
Только вождь Котве пустился бѣжать,
Но, — поетъ скальдъ, — отъ потомковъ суда
Не убѣжать никому никуда!

Гаральдъ дружину считаетъ,
Снова ладьи собираетъ,
Правитъ отважно впередъ,
Гдѣ ихъ ждетъ солнца восходъ!

Въ теченье десяти вѣковъ сучить
Безстрастно продолжали норны нить
То счастья, то несчастія народа.
Но дереву его мечты свобода
Была дана расти и укрѣпляться,
Цвѣтами и плодами покрываться.
Теперь, остановившись на порогѣ
Тысячелѣтія. народъ итоги
Минувшему подводитъ и слагаетъ
Изъ глыбъ гранита гимнъ родной землѣ.
Остерегись, народъ мой! Подползаетъ
Къ тебѣ чудовище въ полночной мглѣ!

Какъ лоцманъ съ башенки сторожевой,
Смотрю съ чужбины я на край родной,—
Туда, гдѣ прячутся въ туманѣ кручи,
Сырой, холодный вѣтеръ гонитъ тучи
Надъ горною равниною унылой,
Гдѣ эхо звукъ подхватываетъ съ силой,
Гдѣ рѣдки, какъ оазисы, селенья,—
И вижу: словно тѣнь иль привидѣнье
Ползетъ, скользитъ окольными тропами,
Дворы обходитъ лисьими стопами,
Неслышно всѣ запоры отпираетъ,
Крадется къ ложамъ спящихъ, словно тать,
Имъ что-то шепчетъ, будто заклинаетъ,
И снова въ путь — обходъ свой продолжать.

Вонъ тѣнь еще... еще... ихъ тьма въ странѣ!
И ужъ не шопотъ слышенъ въ тишинѣ,—
Разросся онъ въ зловѣщее гудѣнье,
Въ которомъ тонетъ пѣснь объединенья.
Откуда эти тѣни? Что имъ нужно? —
Изъ Гафсфьорда! — Воспряньте, дня борцы,
За дѣло Гаральда вступитесь дружно!
Смотрите: встали, бродятъ мертвецы!

Да, рать сраженныхъ Гаральдомъ враговъ
Живетъ полночной жизнью мертвецовъ.
Вотъ тѣни, что окольными тропами
Въ дома крадутся лисьими стопами
И спящимъ шепчутъ, будто заклинаютъ,—
Ихъ къ продолженью распри призываютъ.
Борцы за дѣло дня, ряды сомкните
Вкругъ дерева мечты и прогоните

Исчадій ночи снова въ ихъ могилы!
Изъ подвиговъ, дѣлъ мужества и силы
Великій Гаральдъ памятника славы,
А не столпа изъ камней ждетъ отъ насъ.
И, чтобъ не шевелился врагъ лукавый,
Намъ колъ осиновый нужнѣй сейчасъ.

Долгъ нашъ — вѣдь дѣло жизни отстоять,
Тогда какъ смерти служитъ вражья рать;
Назадъ глядитъ она, во мракъ той ночи,
Гдѣ скрылся Котве трусъ, а наши очи
Должны къ зарѣ обращены быть новой.
Вѣдь солнце, что сіяло при Садовой,
Ласкало Лиссы темно-синей воды,
Багрянцемъ крыло Porta Pia своды,
При Сольферино весело играло
И гадовъ Ватиканскихъ разогнало
По ихъ норамъ, — то самое свѣтило,
Которое при Гафсфьордѣ восходило;
То самое, которое смотрѣло,
Какъ подвигалось Гаральдово дѣло,
Какъ царство строилось на склонахъ горныхъ
Героевъ горстью смѣлыхъ и упорныхъ;
То самое, что гнало троллей розни
И обращало въ прахъ ихъ ложь и козни...
Порвите же, норвежцы, вражьи сѣти,
Поймите вѣка цѣль, вы — вѣка дѣти!
Лишь камешекъ положенъ вами нынѣ
Національной гордости, святынѣ
Народныхъ вѣковыхъ воспоминаній,
Завѣтныхъ грезъ и гордыхъ упованій.
Читайте вѣка нашего скрижали —
Законы и для васъ своей рукой
На нихъ Кавуръ и Бисмаркъ начертали;
Герой Капреры — вамъ примѣръ живой!

Да, Гаральдова мысль жива до-днесь,
Бой Гафсфьордскій кипитъ то тамъ, то здѣсь;
Духъ Гаральда подъ единенья стягомъ
И розни духъ подъ мелочности флагомъ
Попрежнему въ борьбѣ ожесточенной.
Но если ты, народъ мой, утомленный
Борьбою этой иль объятый страхомъ,
Уронишь стягъ, — разрушь и столпъ, надъ прахомъ
Вождя вздымающійся горделиво!

Пусть не стоитъ на берегу залива,
Указывая, словно столпъ позорный,
На край желаній мелкихъ, мысли вздорной.
А если духомъ *равенъ* ты герою,
Побѣды *хочешь,* — будетъ за тобою!
Тогда смѣнившее насъ поколѣнье
Сумѣетъ памятникъ объединенья
Воздвигнуть истинный. Надъ суетою
И шумомъ будничнымъ высоко онъ
Подымется вѣнчанною главою,
На скалахъ Довре будетъ водруженъ!

Тогда-то сбудется сонъ, Рагнгильдъ, твой;
Покой величья вкуситъ край родной,
Давъ древней сагѣ новое теченье,
Загадкѣ вѣщей — вѣрное рѣшенье.
Тогда, народъ мой, сдержишь ты на дѣлѣ,
Что̀ праздничный подъемъ сулитъ, и къ цѣли
Великой быстрыми пойдешь шагами,
Руководимый вѣка маяками.
Та цѣль — сплоченный волею народной
Могучій Сѣверъ, цѣльный и свободный!
Въ тебѣ тогда народъ увижу, спавшій
Тяжелымъ сномъ, но бодрымъ, свѣжимъ вставшій,
Заслышавъ слово смѣлаго призыва;
Ты встанешь предо мной не какъ порыва
Минутнаго герой, скальдъ настроеній,—
Какъ *вѣрить* и *хотѣть* способный родъ,
Носитель міровыхъ идей, стремленій,
Великихъ грезъ вѣнцомъ увѣнчанный народъ!

---

* * *

Что̀ значитъ жить? Въ борьбѣ съ судьбою,
Съ страстями темными сгорать.
Творить? То значитъ надъ собою
Нелицемѣрный судъ держать.

Примѣчанія *).

Стр. 132. «Музыканты»; въ первоначальной редакціи стихотвореніе это было напечатано въ журналѣ «Andhrimner» въ 1851 г. подъ заглавіемъ: «Пѣсня деревенскихъ портныхъ», изъ поэмы «Субботній вечеръ въ Гардангерѣ» Бруньольфа Бьярма (псевдонимъ Ибсена).

Стр. 132—133. «Планы», «Полевой цвѣтокъ и комнатные» и «Птичье щебетанье» впервые напечатаны въ «Illustreret Nyhedsblad» въ 1858 г. (№ 11), написаны же, какъ видно изъ біографическаго очерка, гораздо раньше.

Стр. 134. «Акерсхусъ» появился въ первоначальной редакціи въ «Andhrimner» въ 1851 г., затѣмъ въ переработанномъ видѣ въ «Ill. Nyhedsblad» въ 1863 г. (№ 1), и наконецъ въ третьей редакціи въ «Сборникѣ стихотвореній» Ибсена, выпущенномъ имъ въ 1871 г. *Акерсхусъ*—древняя норвежская крѣпость на берегу залива близъ Христіаніи. — *Христіернъ Кровавый*, или Христіанъ II, король датскій, шведскій и норвежскій, извѣстный своей жестокостью, устроившій стокгольмскую «Кровавую баню». — *Кнутъ Альфсёнъ* — см. біограф. очеркъ. — *Кнудъ Гюльденстьерне* — датскій епископъ, бывшій одно время намѣстникомъ въ Норвегіи.—*Герлофъ Гюттефадъ* (или Гюдефадъ) поднялъ норвежцевъ противъ датчанъ въ 1508 г., но Христіернъ, бывшій тогда принцемъ, подавилъ возстаніе. — *Эйсвольдъ* — мѣстечко въ Норвегіи, гдѣ собрались 10 апрѣля 1814 г. «выборные» отъ народа, чтобы рѣшить судьбу Норвегіи, отторгнутой отъ Даніи, и утвердить новую форму правленія; тамъ же 11 мая того же года была принята выработанная къ этому дню норвежская конституція, а также избранъ норвежскимъ королемъ датскій принцъ Христіанъ-Фредерикъ.

Стр. 136. «Гага»: стихотвореніе это въ первоначальной редакціи было напечатано въ «Andhrimner» въ 1851 г. (см. біограф. очеркъ).

— «Водяная лилія»; напечатано первоначально въ «Ill. Nyhedsblad» въ 1863 г.

Стр. 137. «Птичка и птицеловъ»: написано въ началѣ 50-хъ гг., а напечатано впервые въ «Сборникѣ» 1871 г.

Стр. 138. «Рудокопъ»: въ первоначальной редакціи—въ «Andhrimner» въ 1851 г., затѣмъ въ переработанномъ видѣ въ «Ill. Nyhedsblad» въ 1863 г., и наконецъ въ третьей редакціи въ «Сборникѣ» 1871 г. (см. біограф. очеркъ).

Стр. 139. «Свѣтобоязнь»: въ первоначальной редакціи входило въ циклъ стихотвореній «Въ картинной галлереѣ» и было напечатано въ «Ill.

*) Примѣчанія, какъ и свѣдѣнія о юношескихъ рукописяхъ Ибсена (см. предисловіе къ стихотвореніямъ), извлечены изъ труда норвежскаго библіографа Гальворсена.

Nyhedsblad» въ 1859 г. (№ 39) (см. біограф. очеркъ): въ переработанномъ видѣ появилось опять въ «Ill. Nyhedsblad» въ 1863 г. (№ 6), и наконецъ въ третьей редакціи вошло въ «Сборникъ» 1871 г.

Стр. 140. «Пѣсня поэта»; написано въ 1860 г. для задуманной Ибсеномъ комедіи «Сванхильдъ»; затѣмъ въ переработанномъ видѣ вошло въ «Комедію любви», написанную въ 1862 г.

— «Ущелье»; написано во время перваго пребыванія Ибсена въ Италіи въ 1864—65 гг. и впервые появилось въ «Сборникѣ» 1871 г.

Стр. 141. «Въ горахъ»; написано въ видѣ объясненія къ живой картинѣ «Вечеръ на сэтерѣ» (т.-е. на горномъ пастбищѣ), поставленной на литературно-художественномъ вечерѣ въ Христіанійскомъ театрѣ 9 декабря 1859 г., и было прочитано со сцены извѣстною артисткою фру Гундерсенъ; затѣмъ появилось въ «Ill. Nyhedsblad» въ 1860 г. (№ 5), и наконецъ въ «Сборникѣ» 1871 г.

Стр. 142. «На праздникъ пѣвцовъ»: написано на пароходѣ «Линдеснесъ» во время поѣздки на праздникъ любителей пѣнія въ Бергенъ (6 іюня 1893 г.) и напечатано въ «Ill. Nyhedsblad» въ томъ же году (№ 26).

Стр. 144. «Женщинѣ слава»; написано для бала на «праздникѣ пѣвцовъ» въ Арендалѣ 12 іюня 1859 г., напечатано въ «Ill. Nyhedsblad» (№ 26) въ томъ же году и затѣмъ въ значительно измѣненной редакціи вошло въ «Сборникъ» 1871 г.

— «Лебедь»: написано во время перваго пребыванія Ибсена въ Италіи, приблизительно въ 1865 г., и впервые напечатано въ «Сборникѣ» 1871 г.

Стр. 145. «Пережившимъ»; написано по поводу смерти извѣстнаго датскаго писателя І.-Л. Гейберга и напечатано въ «Morgenbladet» въ 1860 г. (№ 251).

— «Колыбельная пѣсня» — изъ 3-го дѣйствія драмы «Борьба за престолъ».

— «Скрылась»: стихотвореніе это, написанное въ Гензанѣ лѣтомъ 1864 г., навѣяно отчасти вечеромъ, устроеннымъ въ честь одной пріѣзжей изъ Норвегіи семьи, отчасти смертью молодой дѣвушки-норвежки,— повидимому, той самой, которая послужила моделью для Агнесъ въ «Брандѣ»; напечатано впервые въ «Сборникѣ» 1871 г.

Стр. 146. «Буревѣстникъ» — переработка стихотворенія, написаннаго въ 50-хъ годахъ; впервые напечатано въ «Сборникѣ» 1871 г.

— «Агнесъ» изъ «Бранда» (1865 г.).

Стр. 147. «Въ альбомъ»; написано въ 1866 г. (см. біографическій очеркъ).

— «Сила воспоминаній»: написано въ Италіи около 1864 г., напечатано впервые въ «Сборникѣ» 1871 года (см. біограф. очеркъ).

Стр. 148. «Драпа Эрнульфа» — изъ трагедіи «Воители въ Гельгеландѣ» (1857 г.). *Драпа*—пѣснь въ честь павшихъ на полѣ брани; *норны*—богини судьбы; *скальдъ*—древне-сѣверный пѣвецъ-поэтъ.

Стр. 150. «Братъ въ бѣдѣ»: написано въ декабрѣ 1863 г. и напечатано въ «Ill. Nyhedsblad» въ томъ же году (№ 50); въ отдѣльныхъ оттискахъ получило широкое распространеніе во всѣхъ трехъ скандинавскихъ государствахъ; вошло въ «Сборникъ» 1871 года съ незначительными измѣненіями (см. біограф. очеркъ). *Даннеброгъ* — датское національное знамя: на красномъ полѣ бѣлый крестъ.

Стр. 151. «Основа вѣры»; написано въ Римѣ въ 1864 г. (см. біограф. очеркъ).

Стр. 152. «Терье Вигенъ».—Эта эпическая поэма написана въ концѣ 1860 г., напечатана впервые въ новогоднемъ приложеніи къ «Ill. Nyhedsblad» за 1862 г. и затѣмъ вошла въ «Сборникъ» 1871 г.; кромѣ того

включена съ иллюстраціями Августа Іерндорфа въ сборникъ: «Романсы и стихотворенія» (Копенгагенъ, 1882 г.) и выпущена отдѣльнымъ роскошнымъ изданіемъ съ иллюстраціями Хр. Крога (Копенгагенъ, 1892 г.).

Стр. 162. «Сложная исторія»: впервые напечатана въ «Ill. Nyhedsblad» въ 1862 г. (№ 37), затѣмъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, въ «Сборникѣ» 1871 г.

Стр. 163. «Изъ моей домашней жизни»: написано въ 1864 г., когда писатель началъ увлекаться планомъ драмы изъ жизни Юліана Отступника: напечатано же впервые въ «Сборникѣ» 1871 г.

Стр. 164. «Храмъ» — переработка стихотворенія, относящагося къ 1865 г. и оставшагося ненапечатаннымъ.

— «Въ картинной галлереѣ»: написано въ Дрезденѣ зимою 1868—69 гг. послѣ вторичнаго посѣщенія знаменитой галлереи (см. біограф. очеркъ).

Стр. 165. «Хоръ невидимыхъ»—изъ «Бранда» (1865 г.).

— «На высотахъ»: поэма эта написана въ тяжелое для Ибсена время, зимою 1859—60 гг. (см. біограф. очеркъ), напечатана впервые въ новогоднемъ приложеніи къ «Ill. Nyhedsblad» въ 1860 г.: затѣмъ безъ всякихъ измѣненій вошла въ «Сборникъ» 1871 г.

Стр. 175. «Молитва женщинъ» — изъ драмы «Борьба за престолъ»: прибавлена для постановки драмы на сценѣ, въ печатныя же изданія самой драмы не вошла.

Стр. 176. «Спасибо»: стихотвореніе это, посвященное женѣ поэта, написано имъ въ Римѣ, когда онъ занимался просмотромъ и выборомъ своихъ стихотвореній для «Сборника» 1871 г.

— «Убійство Авраама Линкольна»: написано въ Римѣ въ 1865 г. и напечатано впервые въ томъ же году въ датской газетѣ «Fädrelandet» (№ 111).

Стр. 178. «Моему другу, оратору-революціонеру»: написано въ 1869 г. по адресу одного изъ шведскихъ политическихъ дѣятелей, пріятеля Ибсена.

Стр. 179. «У Портъ-Санда»: написано въ Египтѣ въ ноябрѣ 1869 г. по полученіи извѣстія о томъ, что комедія «Союзъ молодежи» была освистана на первомъ представленіи въ Христіанійскомъ театрѣ (см. біограф. очеркъ).

Стр. 180. «Письмо съ воздушнымъ шаромъ», написанное въ Дрезденѣ въ декабрѣ 1870 г., было адресовано фру Фредерикѣ Лемнель, въ гостепріимномъ домѣ которой Ибсенъ былъ постояннымъ гостемъ во время своего пребыванія въ Стокгольмѣ лѣтомъ 1869 г. Немедленно по полученіи «письмо» было прочитано въ салонѣ фру Лемнель вслухъ единственною бывшею въ числѣ гостей норвежкою, писательницей Лаурой Петерсенъ, а нѣсколько дней спустя появилось въ шведской газетѣ «Aftonbladet» и въ норвежской «Morgenbladet» (№ 8). Это-то письмо и отчасти стихотвореніе «Убійство Авраама Линкольна» и подали, по выходѣ въ свѣтъ Сборника» 1871 г., поводъ къ нападкамъ на Ибсена въ нѣмецкомъ журналѣ «Im neuen Reich», на которыя Ибсенъ отвѣчалъ открытымъ письмомъ издателю.

Стр. 194. «Въ альбомъ композитору»—Эдварду Григу: написано въ Римѣ въ 1866 г. и впервые появилось въ печати въ «Nordisk Tidsskrift» въ 1870 г. (стр. 96).

— «Сожженные корабли»: стихотвореніе это было написано въ 1871 г. для заключенія «Сборника», вышедшаго въ томъ же году. По окончательномъ возвращеніи въ Норвегію, Ибсенъ написалъ на экземплярѣ драмы «Катилина», пожертвованномъ съ экземплярами другихъ его произведеній на базаръ въ пользу нуждающихся художниковъ (Христіа-

нія, январь 1892 г.), варіантъ послѣдняго четверостишія и новую добавочную строфу:

«Онъ остался: но каждую ночь
Къ снѣжнымъ высямъ земли нелюдимой,
Отъ цвѣтущаго берега прочь,
Мчался всадникъ, тоскою томимый.

Лишь теперь слѣзъ съ коня наконецъ
И нашелъ двери настежь всѣ странникъ...
Иль напрасно такъ медлилъ бѣглецъ?
Могъ и раньше вернуться изгнанникъ?»

Стр. 195. «Издали»: стихотвореніе это написано въ Мюнхенѣ въ іюнѣ 1875 г., въ отвѣтъ на приглашеніе присутствовать на съѣздѣ или «слётѣ» скандинавскихъ студентовъ въ Упсалѣ (см. біограф. очеркъ), и напечатано вскорѣ затѣмъ въ датскомъ журналѣ «XIX Вѣкъ».

Стр. 197. «Письмо въ стихахъ» адресовано было въ 1875 г. Георгу Брандесу и затѣмъ напечатано въ томъ же журналѣ (см. біограф. очеркъ).

Стр. 201. «Въ своемъ старомъ домѣ»: написано въ Христіаніи въ мартѣ 1892 г. въ видѣ перваго наброска для драмы «Строитель Сольнесъ».

— «На тысячелѣтіе Норвегіи»: стихотвореніе это было послано поэтомъ въ видѣ привѣта родинѣ, торжественно праздновавшей 18 іюля 1872 г. тысячелѣтнюю годовщину знаменитой битвы Гаральда Прекрасноволосаго (Златокудраго) при Гафсфьордѣ (или Гавесфьордѣ), положившей начало политическому объединенію Норвегіи; отдѣльные оттиски стихотворенія раздавались народу на празднествахъ, но публичное чтеніе привѣтствія было отмѣнено, что вызвало горькія строки въ письмахъ Ибсена къ Гегелю и къ Іогану Торесену. — Памятникъ Гаральду, открытый въ тотъ же день, представляетъ высокій каменный столбъ на земляномъ курганѣ, обнесенномъ желѣзной рѣшеткой; мѣстоположеніе его — на берегу, близъ Гаугезунда — разсчитано на то, чтобы столпъ былъ виденъ издалека съ моря.

Стр. 206. Заключительное четверостишіе было написано Ибсеномъ первоначально по-нѣмецки, въ видѣ посвященія, на экземплярѣ одного изъ своихъ произведеній, поднесенномъ знакомой нѣмецкой дамѣ, и напечатано въ посвященномъ Ибсену очеркѣ Брамса («Deutsche Rundschau», ноябрь 1886 г.) въ связи съ отрывкомъ изъ письма Ибсена къ Пассарге (см. біограф. очеркъ). Переводъ же четверостишія на родной языкъ, сдѣланный самимъ авторомъ, былъ напечатанъ въ датскомъ «Ill. Tidende» (1876 — 1878 гг., № 969).

СТАТЬИ.

„Обитель Гульдры“ *).

«Обитель Гульдры», — въ этомъ заглавіи поистинѣ что-то родное, привлекательное, что, казалось бы, должно было обезпечить пьесѣ прочное мѣсто въ репертуарѣ и въ симпатіяхъ театральной публики. Но — перефразируя старинную пословицу — авторъ предполагаетъ, а публика располагаетъ. Такъ вышло и на этотъ разъ.

(Пересказавъ содержаніе упомянутой пьесы, Ибсенъ продолжаетъ:)

Вотъ вкратцѣ сюжетъ этой «народной» драмы. Не нужно быть особенно проницательнымъ, чтобы замѣтить, что «народный» элементъ въ ней является чѣмъ-то внѣшнимъ, притегнутымъ, а не внутреннимъ. Къ такой «народной» мишурѣ приходится отнести состязаніе въ пѣсняхъ, народную пляску, бранныя слова и провинціализмы. Все подобное можетъ, конечно, пустить пыль въ глаза неопытному зрителю, но при свѣтѣ компетентной критики ясно обнаруживаетъ всю свою безсодержательность и пустоту. Въ самомъ сюжетѣ нѣтъ ничего народнаго. Не считать же въ самомъ дѣлѣ характерною чертой нашей народной жизни то, что старые охотники разъѣзжаютъ по крестьянскимъ дворамъ, оставляя за собой слѣды въ лицѣ малютокъ-дѣвочекъ, на которыхъ, спустя лѣтъ семнадцать-восемнадцать, предъявляютъ права настоящіе ихъ хозяева **). Столь же мало въ народномъ духѣ тайное вѣнчаніе и попытки пастора подвергнуть Гутторма испытанію и тѣмъ укрѣпить въ немъ духъ истиннаго христіанства.

«Обитель Гульдры» не подвинула впередъ нашу національную дра-

*) Гульдра — лѣсная нимфа. *Пер.*

**) Да простятъ мнѣ это выраженіе! Пасторъ, правда, увѣряетъ, что Астридъ приходится ему лишь племянницей, но, при всемъ моемъ уваженіи къ почтенному духовному лицу, я, долженъ признаться, сильно подозрѣваю, что онъ въ дни молодости былъ большимъ шалуномъ, и что дѣвушка такимъ образомъ приходится ему болѣе близкой роднею, нежели ему хочется признаться.

матическую литературу ни на шагъ. Да и нельзя ожидать этого отъ такого рода попытокъ, пока писатели наши не научатся отличать запросы дѣйствительности отъ запросовъ искусства, пока у нихъ не разовьется истиннаго вкуса и умѣнія обтачивать, отшлифовывать рѣзкія грани дѣйствительности прежде, нежели воспроизводить ее въ поэзіи, вставлять въ рамки искусства. Тогда они поймутъ и то, что національнаго искусства не подвинешь впередъ мелочнымъ копированіемъ сценъ изъ будничной жизни, и что національнымъ писателемъ является лишь тотъ, кто способенъ придать своему произведенію тотъ основной тонъ, который несется намъ навстрѣчу изъ родныхъ горъ и долинъ, съ горныхъ склоновъ и береговъ, а прежде всего — изъ глубины нашей собственной души...

Кое-что по поводу театральныхъ замѣтокъ П. І. Стуба.

Общепризнано и установлено, что правильное развитіе художественнаго творчества обусловливается художественною критикой, задачи которой — выяснять идеи и законы искусства, сопоставляя ихъ съ произведеніями, на которыя она обращаетъ вниманіе. Предоставленное самому себѣ, художественное творчество или весьма медленно будетъ подвигаться въ томъ направленіи, которое подсказывается ему природнымъ чутьемъ, или подвергнется опасности сбиться на ложные пути, которые рано или поздно должны привести къ отрицанію самаго искусства. Вотъ почему необходима критика. Въ нее въ качествѣ необходимаго элемента входитъ то, чего недостаетъ художественному творчеству самому по себѣ — сознательное пониманіе основныхъ принциповъ самаго творчества. Недостаточно однако, чтобы критикъ уяснилъ себѣ отвлеченныя художественныя понятія; онъ долженъ также вполнѣ ясно понимать требованія того рода искусства, о которомъ берется судить. Лишь ставъ на эту точку зрѣнія, художественный критикъ въ состояніи отвѣчать своему назначенію и принести пользу искусству, содѣйствуя его правильному развитію. Въ противномъ случаѣ критика падаетъ до безполезнаго дилетантства, показного жонглерства ходячими фразами, если и имѣющими значеніе, то лишь въ смыслѣ общихъ отвлеченныхъ разсужденій, на которыя никому и нѣтъ охоты обращать серьезное вниманіе; примѣненіе ихъ къ любому конкретному случаю сразу выдаетъ ихъ внутреннюю безсодержательность и пустоту.

Этотъ-то вѣрный признакъ дилетантства и заставляетъ насъ придти къ тому печальному заключенію, что критика у насъ находится въ весьма плачевномъ состояніи: почти повсюду приходится встрѣчаться съ неимѣющими реальнаго значенія отвлеченными теоріями, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда критика еще усугубляетъ зло, ударяясь

въ противоположную крайность, и, вмѣсто строго обоснованныхъ сужденій, угощаетъ чисто личными мнѣніями, которымъ каждый съ такимъ же правомъ можетъ противопоставить свои: «вотъ хорошая книга», «актеръ А. былъ превосходенъ», «Б. игралъ плохо»... Таковы формулы, изъ которыхъ столь многіе наши судьи искусства варятъ свое жиденькое критическое пиво; имъ рѣдко, а то и никогда не приходитъ въ голову разобраться въ томъ, насколько въ данномъ случаѣ идея и произведеніе являются величинами совпадающими, а въ концѣ концовъ такой разборъ и есть единственная задача критики.

Эта критическая несостоятельность, дающая себя знать у насъ по отношенію ко всѣмъ родамъ искусства, выступаетъ въ полной наготѣ по отношенію къ искусству драматическому, на что имѣются весьма основательныя причины. Драматическое искусство, проявляясь одинаково и *во времени* и *въ пространствѣ*, благодаря этому именно и становится болѣе близкимъ дѣйствительности и болѣе наглядымъ, нежели, напримѣръ, музыка, медіумъ которой — *время*, или нежели живопись и скульптура, принадлежащія *пространству*. Этимъ и объясняется то, что многіе, не чувствуя себя призванными судить о трехъ послѣднихъ родахъ искусства, считаютъ себя вполнѣ компетентными въ качествѣ судей драматическаго искусства. И вотъ подобный судья, взявшись за перо и наболтавъ съ три короба о некрасивыхъ жестахъ, неправильныхъ интонаціяхъ и т. п., наивно увѣренъ въ томъ, что написалъ настоящую критическую статью. Можно было бы, конечно, оставить такого критиканствующаго сочинителя въ этомъ пріятномъ заблужденіи, если бы не было основаній опасаться, что мнѣніе его можетъ сказать извѣстное вліяніе на публику и на тѣхъ артистовъ, на которыхъ направлена его такъ-называемая критика. Къ сожалѣнію, этого-то какъ разъ и приходится опасаться. Публика, воспринимающая произведенія искусства непосредственнымъ чувствомъ, требуетъ отъ критика какъ бы отчета въ воспринятыхъ ею ощущеніяхъ и, сама находясь на точкѣ зрѣнія, исключающей критику, слишкомъ склонна подписываться подъ тѣмъ мнѣніемъ, которое высказывается достаточно громко и авторитетно и объективности котораго она не въ состояніи оспаривать. Для артиста неосновательная критика — похвала или порицаніе безразлично — вредна и въ томъ случаѣ, если онъ будетъ считаться съ нею, и если будетъ презирать ее. Въ первомъ случаѣ она можетъ отклонить его отъ истиннаго пути, а во второмъ — въ артистѣ легко можетъ развиться презрительное отношеніе ко всѣмъ указаніямъ критики вообще, что̀ грозитъ его художественному развитію еще большею опасностью, нежели полное отсутствіе критики. Послѣднюю все-таки въ состояніи болѣе или менѣе замѣнить артисту его непосредственное художественное чутье, собственное его инстинктивное чувство правды и мѣры.

Богатырскія пѣсни и ихъ значеніе для искусства (1857 г.).

I.

Богатырскія пѣсни — почти единственный памятникъ древней поэзіи, сохранившій на протяженіи многихъ вѣковъ, со всѣми ихъ перемѣнами, всю свою свѣжесть и жизненность и продолжающій жить въ сознаніи народа. Богатырскія пѣсни переходили отъ поколѣнія къ поколѣнію путемъ устной передачи, если и подвергаясь при этомъ нѣкоторымъ искаженіямъ, то въ общемъ все-таки сохраняя свой основной тонъ. Самый народъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, оставался и у насъ, какъ вездѣ, въ сторонѣ отъ прямого вліянія искусственной поэзіи и находилъ въ своемъ пѣсенномъ творчествѣ удовлетворявшее его выраженіе своей внутренней жизни,—форму, въ которой его духовное содержаніе могло выливаться самымъ наглядным образомъ для всѣхъ и каждаго. Богатырскія пѣсни—не произведенія какихъ-либо отдѣльныхъ лицъ; онѣ плодъ народнаго творчества, сумма поэтическихъ силъ всего народа.

Та объективность, которая составляетъ основную характерную черту богатырскихъ пѣсенъ и, какъ таковая, является мѣриломъ требованій народа въ этомъ отношеніи, и служитъ, пожалуй, причиной того, что бо́льшая часть нашей національной искусственной поэзіи остается до сихъ поръ чуждой народной массѣ. Субъективность поэта не имѣетъ значенія для народа; ему нѣтъ дѣла до самого поэта; народъ интересуется лишь самымъ твореніемъ и опять лишь постольку, поскольку узнаётъ въ немъ отраженіе своего собственнаго «я», свои характерныя черты. Народъ не походитъ на современныхъ посѣтителей театра, которые идутъ въ театръ, лишь привлекаемые какой-нибудь новой пикантной ситуаціей или новою замысловатою интригой. Для того, чтобы заинтересовать народъ чѣмъ-нибудь новымъ, необходимо, чтобы это новое являлось для него въ извѣстномъ смыслѣ и старымъ. Это новое не изобрѣтаютъ, а какъ бы вновь обрѣтаютъ; оно не должно являться чѣмъ-то чужимъ, рѣзко выступающимъ изъ того кругозора, который составляетъ унаслѣдованное отъ предковъ духовное достояніе народа и въ которомъ главнымъ образомъ заключается національная сила. Это новое нельзя дарить народу какъ какой-нибудь иноземный приборъ, значеніе котораго неизвѣстно и который самъ по себѣ не подходитъ къ обычной домашней обстановкѣ; это новое надо возсоздать, какъ нѣкую старинную фамильную драгоцѣнность, про которую забыли, но которую сразу вспоминаютъ, какъ только увидятъ ее, — столько съ нею связано воспоминаній; воспоминанія эти хранились въ глубинѣ души, находясь тамъ какъ бы въ смутномъ состояніи броженія, пока не явился поэтъ и не облекъ ихъ въ слова.

Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы поэтъ не долженъ былъ

оказывать вліянія на художественное развитіе народа, — напротивъ; но пусть онъ при этомъ оставляетъ просторъ для самодѣятельности народа, пусть беретъ сырой матеріалъ изъ среды самого народа, а затѣмъ уже разрабатываетъ его, какъ угодно. Потребность въ творческой самодѣятельности — особая черта, свойственная всему германскому племени. Ею и объясняется то, что для этого племени истинно-народными являются лишь нѣкоторыя формы искусства, между тѣмъ какъ остальныя, ставъ въ силу условій культуры исключительнымъ достояніемъ образованныхъ классовъ, и понынѣ остаются какъ бы мертвыми, чужими для народной массы. Совсѣмъ иное наблюдалось у древнихъ грековъ и римлянъ или позже у романскихъ народовъ — итальянцевъ, испанцевъ, французовъ. Ни одна изъ этихъ народностей не имѣетъ въ народной поэзіи чего-либо соотвѣтствующаго нашимъ богатырскимъ пѣснямъ. Эти народы юга не слагали пѣсенъ сами; у нихъ были свои поэты и пѣвцы. Южанинъ предоставлялъ увѣковѣчивать себя и свое прошлое своимъ художникамъ; южанинъ давалъ воспѣвать себя, сѣверянинъ же былъ самъ своимъ поэтомъ, пѣвцомъ. Аріостъ, Тассо, Сервантесъ, Кальдеронъ и др. стояли выше своего народа и въ извѣстномъ смыслѣ выше своего времени; сѣверная же поэзія являлась естественнымъ плодомъ избытка силъ своего времени; она была выраженіемъ всего лучшаго, что таилъ въ душѣ своей народъ, — вотъ въ чемъ громадная разница. Въ тѣхъ поэтахъ юга какъ бы сконцентрировалась вся творческая мощь націи, и самъ народъ сталъ по отношенію къ нимъ лишь сословіемъ, питающимся ихъ соками, слушателемъ, а не сотрудникомъ. Въ этомъ пассивномъ отношеніи народовъ юга къ искусству, между прочимъ, объясненіе того, что тамъ получила такое существенное значеніе пластика. Скульпторъ и живописецъ даютъ вообще почти цѣльное и полное, осязательное выраженіе той идеи, которая грезилась имъ; для воспринятія и пониманія ихъ произведеній требуется не столько самодѣятельность, сколько простое созерцаніе. То же самое въ значительной степени относится къ драматическому искусству. Потому-то ни одна изъ этихъ формъ искусства и не стала у насъ народною въ истинномъ смыслѣ слова. Сѣверянину не по себѣ въ этихъ предѣлахъ, не позволяющихъ ему по собственной волѣ строить дальше на основѣ, положенной художникомъ. Ему не по душѣ видѣть дѣтей своей фантазіи, собственныя свои понятія и представленія въ вполнѣ готовомъ видѣ, воплощенными чужой рукой; ему нужны главнымъ образомъ контуры рисунка, чтобы самому докончить работу по своему желанію и вкусу; онъ расходится съ южаниномъ въ желаніяхъ, не хочетъ, чтобы художникъ выступалъ съ указкой, показывалъ, гдѣ въ данномъ произведеніи надо искать центръ тяжести; онъ хочетъ самъ дойти до этого и не какимъ-либо заранѣе предписаннымъ путемъ, а слѣдуя по радіусу, который, согласно индивидуальному оттѣнку народнаго характера, считаетъ ближайшимъ.

Народное происхожденіе пѣсеннаго творчества, конечно, и обусловливаетъ то, что пѣсни стали такъ близки народу. Пѣсни эти для насъ не простой даръ, не нѣчто полученное откуда-то извнѣ; онѣ — зданіе, для котораго каждый изъ насъ принесъ свой камень, — поскольку каждый изъ насъ ощущаетъ въ себѣ искру того духа, которымъ проникнуто все зданіе. Пѣсенное творчество отнюдь не является, подобно поэзіи трубадуровъ, самостоятельной, строго ограниченной стороной жизни того народа, которому принадлежитъ; оно проникаетъ всю нашу народную жизнь, является существенной составной частью всѣхъ проявленій нашей народной жизни, придало имъ всѣмъ свой особый отпечатокъ, срослось съ ними, — вотъ почему оно и могло сохранить свою свѣжесть гораздо дольше, нежели искусственная поэзія, отжившая вмѣстѣ съ породившими ее временемъ, условіями и обстоятельствами.

Есть однако нѣчто загадочное въ этомъ, какъ и во всякомъ проявленіи непосредственной потребности поэтическаго творчества, живущей въ народѣ. Повидимому, устная передача — единственная форма, въ которой пѣсенное творчество можетъ свободно развиваться и обновляться. Застывшая письменная форма, повидимому, не благопріятствуетъ этому; она какъ будто ставитъ преграду добавленіямъ и передѣлкамъ, въ которыхъ богатырскія пѣсни такъ нуждаются, чтобы переходить изъ рода въ родъ неувядаемо-свѣжими. Разъ богатырская пѣсня переходитъ въ книжный міръ, она перестаетъ жить въ устахъ народа и является передъ нами въ совсѣмъ иномъ свѣтѣ; въ печати богатырскія пѣсни выходятъ какими-то старыми и поблекшими, даже старомодными, если угодно; въ устахъ же народа богатырская пѣсня не имѣетъ возраста. Живая рѣчь для богатырскихъ пѣсенъ то же, чѣмъ были яблоки богини Идуны для азовъ: она не только питаетъ, но обновляетъ, молодитъ.

Но все-таки можно лишь радоваться тому, что пѣсни эти записаны, и хорошо было бы, если бы ихъ продолжали записывать, пока время еще не ушло. Въ общемъ, пожалуй, приходится считать, что время народнаго поэтическаго творчества отошло, а когда лѣту конецъ, тогда и засушенная коллекція растеній лучше, чѣмъ ничего. Общекультурный прогрессъ влечетъ за собой постепенную утрату той національной самобытности, которая составляетъ главное условіе всякой народной поэзіи. Кромѣ того, народное поэтическое творчество обусловливается эпохою, полной свѣжихъ, кипучихъ силъ, богатой событіями и выдающимися личностями, изобилующей людьми, въ которыхъ рѣзко, выпукло выступаютъ особенности самой эпохи. Народъ почерпаетъ свое поэтическое творчество въ себѣ же и поетъ въ сущности лишь о себѣ, поетъ тогда лишь, когда чувствуетъ въ себѣ избытокъ силъ и чувствъ, — избытокъ сравнительно съ тѣмъ, что ему необходимо для ежедневнаго обихода. Всѣхъ этихъ необходимыхъ для живого народнаго поэтическаго творчества условій наше время лишено, вотъ по-

чему богатырскія пѣсни и перестаютъ быть народнымъ достояніемъ въ прежнемъ смыслѣ. Разъ же нѣтъ больше насущной необходимости или настоятельной потребности въ продолженіи такого творчества, оно подрѣзано въ самомъ корнѣ. Отдѣльныя его произведенія хотя и могутъ удерживаться въ памяти, въ воспоминаніи, но уподобляются уже срѣзаннымъ цвѣтамъ, поставленнымъ въ стаканъ съ водой: они, повидимому, еще могутъ продержаться свѣжими нѣкоторое время, но жизненная нить въ нихъ уже перерѣзана, способность размноженія у нихъ отнята. Пѣсенное творчество было плодомъ избытка поэтическихъ силъ народа, впредь же оно можетъ быть для народа лишь предметомъ знанія.

Но какъ все, что запечатлѣло въ себѣ духовный жизненный моментъ, богатырская пѣснь не умираетъ со смертью. Какъ народная поэзія, въ тѣсномъ смыслѣ слова, богатырская пѣснь, пожалуй, почти перестала существовать, но она заключаетъ въ себѣ условія для новаго, высшаго существованія. Настанетъ время, когда національная искусственная поэзія обратится къ пѣсенному творчеству, какъ къ неисчерпаемымъ золотымъ розсыпямъ, и тогда богатырскія пѣсни, просвѣтленныя, возвращенныя къ своей первоначальной чистотѣ и возвышенныя искусствомъ, вновь обрѣтутъ корни въ народной средѣ. Первый шагъ уже сдѣланъ, — наши поэты уже обратились къ сагамъ. Геній Эленшлегера угадалъ необходимость народной основы для національнаго поэтическаго творчества; на этомъ принципѣ зиждется вся его художественная дѣятельность. То обстоятельство, что Эленшлегеръ обратился къ сагамъ, а не къ богатырскимъ пѣснямъ, вытекало изъ тѣхъ условій, при которыхъ онъ выступилъ на литературное поприще. Значеніе сагъ было тогда уже признано, имѣлись не лишенныя значенія ученыя изслѣдованія этой отрасли національнаго творчества, и трудъ Сакса Грамматика уже нашелъ широкое распространеніе благодаря переводу, да и кромѣ того саги представляли желанный контрастъ тому эстетическому направленію въ литературѣ, которое предстояло побороть; въ силу всего этого саги и представляли болѣе подходящій матеріалъ, нежели богатырскія пѣсни. Общество успѣло уже познакомиться и съ послѣдними по сборникамъ Андерса Веделя и Педера Сюва, къ которымъ прибавилось затѣмъ еще нѣсколько выпусковъ, изданныхъ Сандвигомъ и Нюропомъ въ 1780 и 1789 гг., но для уясненія истиннаго значенія пѣсенъ и поднятія ихъ въ глазахъ общества до уровня предмета, годнаго не только для «сноснаго препровожденія времени», нужна была, во-первыхъ, именно такого рода реформа литературныхъ вкусовъ, какъ предпринятая Эленшлегеромъ, а во-вторыхъ — и это главное — своеобразный поэтическій основной тонъ пѣсенъ сталъ намъ вполнѣ понятенъ и былъ оцѣненъ нами по достоинству лишь послѣ того, какъ въ Германіи возникла романтическая школа и начала оказывать вліяніе и на худо-

жественное сознаніе скандинавовъ; произошло же это лишь послѣ выступленія Эленшлегера въ литературѣ. Правда, Эленшлегеръ въ первый же періодъ своей дѣятельности заимствовалъ сюжеты для двухъ лучшихъ своихъ драматическихъ произведеній («Аксель и Вальборгъ» и «Гагбартъ и Сигне») изъ богатырскихъ пѣсенъ, но, повидимому, онъ не придавалъ особаго значенія какъ различію матеріала, такъ и тому, что богатырская пѣсня требуетъ совсѣмъ иной художественной обработки, нежели сага. Несомнѣнно, онъ далъ намъ въ этихъ двухъ трагедіяхъ шедевры, но зато и нѣчто совсѣмъ непохожее на то, что даютъ намъ сотвѣтствующія пѣсни. Если тѣмъ не менѣе эти произведенія вышли такими шедеврами, то это — не говоря уже о геніальности творца ихъ — приходится приписать тому обстоятельству, что богатырская пѣсня вообще гораздо лучше поддается драматической обработкѣ, нежели сага. Сага — обширный, холодный, законченный и замкнутый въ себѣ эпосъ, по самой сущности своей объективный и чуждый всякаго лиризма. Въ этомъ холодномъ эпическомъ свѣтѣ и рисуется намъ эпоха сагъ; образы ея проходятъ передъ нами въ величавой застывшей пластической красотѣ скульптуры. Такъ, а не иначе она можетъ и должна быть воспринята нами; каждый данный періодъ отражается вѣдь въ потомствѣ, согласно особенностямъ тѣхъ преданій, путемъ которыхъ доходитъ до насъ.

Чтобы создать изъ этого чисто-эпическаго матеріала драматическое произведеніе, поэту волей-неволей приходится ввести въ него чуждый элементъ, а именно лирическій; драма, какъ извѣстно, есть высшее сочетаніе лирики и эпоса. Но этимъ самымъ поэтъ невольно нарушаетъ, измѣняетъ первоначальный характеръ матеріала, слѣдовательно впечатлѣніе, которое онъ долженъ произвести. Та эпоха и тѣ событія, которыя вставали передъ нами въ отвлеченной пластическо-скульптурной красотѣ, поэтъ приподноситъ намъ въ видѣ картины въ краскахъ, полутонахъ и переливахъ свѣта и тѣни, и мы не можемъ разобраться въ томъ содержаніи, которое привыкли разсматривать въ совершенно иной формѣ. Правда, подвергнутая драматической обработкѣ, эпоха сагъ становится значительно ближе къ дѣйствительности, но этого-то какъ разъ и не нужно; статуя не выигрываетъ отъ того, что ее раскрасятъ подъ живого человѣка.

Вытекающія изъ такого пользованія матеріаломъ неудобства и не преминули сказаться нѣкоторыми недочетами въ драматическихъ произведеніяхъ Эленшлегера. Впрочемъ, многихъ изъ этихъ недочетовъ можно было бы, пожалуй, избѣжать, если бы поэтъ избралъ иную, болѣе соотвѣтствующую сюжету форму изложенія. И напиши Эленшлегеръ своего «Ярла Гакона» *) прозой, произведеніе это, конечно,

*) Одно изъ лучшихъ произведеній знаменитаго датскаго поэта, изданное С. Скирмунтомъ въ переводѣ Анны Ганзенъ.

не перестало бы быть столь же поэтическимъ, какимъ является теперь въ стихахъ. Во всякомъ случаѣ, когда-нибудь да признаютъ, что пятистопный ямбъ отнюдь не является наиболѣе цѣлесообразною формою для разработки сюжетовъ, почерпнутыхъ изъ древне-скандинавскаго міра. Пятистопный ямбъ, къ слову сказать, совершенно чуждъ нашей національной метрикѣ, и надо же признать, что національный сюжетъ можетъ вылиться во всей полнотѣ лишь въ національной формѣ.

Сага, какъ уже отмѣчено, отличается чисто-эпическимъ характеромъ, богатырская же пѣсня содержитъ и лирическій элементъ, — хотя и въ иной пропорціи, нежели драма, — такъ что драматическому писателю, почерпающему сюжетъ изъ пѣсенъ, не приходится подвергать данный матеріалъ такой коренной переработкѣ, какъ тому, кто беретъ сюжетъ изъ сагъ. Въ этомъ существенное преимущество, которое открываетъ поэту возможность дать въ своемъ произведеніи болѣе рельефное и правдивое отраженіе трактуемой эпохи, возможность — если вообще у него хватитъ на это способности — представить своихъ героевъ такими, какими мы уже знаемъ ихъ изъ народной поэзіи. Къ этому надо еще прибавить, что вольная метрика пѣсенъ предоставляетъ поэту бо́льшую свободу, что̀ имѣетъ особенное значеніе для драматическихъ діалоговъ, и, пожалуй, не подлежитъ сомнѣнію, что новые поэты, продолжающіе строить на фундаментѣ Эленшлегера, станутъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ усердно пользоваться указаннымъ поэтическимъ источникомъ. Противъ того, что дѣятельность Эленшлегера слѣдуетъ разсматривать лишь въ смыслѣ основы для будущихъ трудовъ въ этомъ направленіи, спорить не приходится, и такимъ толкованіемъ слава датскаго поэта нисколько не умаляется. Характерное отличіе всего истинно-хорошаго и прекраснаго—какъ разъ то, что оно не представляетъ собою чего-то законченнаго само по себѣ, ограниченнаго въ самомъ себѣ, но, напротивъ, заключаетъ въ себѣ зародышъ для развитія чего-то еще болѣе прекраснаго, совершеннаго. Національная искусственная поэзія Сѣвера начала съ сагъ, — теперь очередь за богатырскими пѣснями *).

Разработка сагъ Эленшлегеромъ — варіаціи геніальнаго музыканта на народныя темы; драматическая разработка богатырскихъ пѣсенъ можетъ создать настоящую народную мелодію, художественно разработанную и исполненную.

Несмотря на то, что записи сагъ относятся къ христіанскому періоду на Сѣверѣ, поэзія сагъ въ сущности языческая, вотъ почему онѣ и представляютъ матеріалъ болѣе удобный для обработки въ

---

*) Интересно, что въ творческой дѣятельности самого Ибсена наблюдается какъ разъ обратное: онъ началъ съ богатырскихъ пѣсенъ («Пиръ въ Сольхаугѣ», «Олафъ Лилiекрансъ») и затѣмъ перешелъ къ сагѣ («Воители въ Гельгеландѣ»). (См. предисловіе къ «Олафу Лилiекрансу»). *Пер.*

антично-греческомъ стилѣ, нежели въ современномъ христіанскомъ. Въ силу этого, безъ сомнѣнія, «Смерть Бальдура» и удалась Эленшлегеру больше любого изъ остальныхъ его произведеній. Считаю нужнымъ оговориться, что подъ сагами я разумѣю не только историческія преданія, но и миѳологическія сказанія и пѣсни. Богатырскія пѣсни, въ противоположность сагамъ, отличаются сильнымъ христіанскимъ духомъ; правда, онѣ несвободны и отъ языческаго элемента, но элементъ этотъ находится въ нихъ въ иной, высшей стадіи, нежели въ миѳическихъ сказаніяхъ; это результатъ вліянія на пѣсенное творчество поэтическаго отпрыска христіанства — романтизма. Приверженецъ древне-сѣверныхъ аsовъ, не имѣвшій понятія о той силѣ, какую даетъ человѣку *вѣра*, создавалъ, когда *разумъ* оказывался безсильнымъ, особый міръ, гдѣ законы, подсказываемые разумомъ, совершенно упразднялись. Въ томъ мірѣ было сверхъестественнымъ все, а слѣдовательно и *ничто*. Этимъ довольствовался приверженецъ аsовъ, примиряя такимъ путемъ вѣру съ разумомъ. Романтическое же міровоззрѣніе идетъ другимъ путемъ, провозглашая положеніе, высказанное Шекспиромъ: «Есть многое въ природѣ, другъ Горацій, чего не снилось нашимъ мудрецамъ». Оно охотно признаётъ права и значеніе всего согласнаго съ разумомъ, но *рядомъ* съ этимъ, *сверхъ* этого и *черезъ* это, согласное съ разумомъ, видитъ мистическое, загадочное, необъяснимое, христіанское — если хотите; вѣдь само христіанство — мистерія, само оно проповѣдуетъ вѣру въ то, чего «понять нельзя». Вотъ чѣмъ миѳическія сказанія отличаются отъ богатырскихъ пѣсенъ: первыя относятся къ послѣднимъ, какъ басня къ сказкѣ: басня не знаетъ чудеснаго, а сказка изъ него вырастаетъ.

Вотъ этотъ-то одновременно чувственный и сверхъестественный міръ и раскрываютъ намъ богатырскія пѣсни. Во многихъ изъ нихъ выступаютъ герои и событія язычества, составляя существенное ихъ содержаніе, но выступаютъ въ обновленномъ видѣ, болѣе или менѣе сильно проникнутые христіанскимъ духомъ. Торъ и его борьба съ турсами, Сигурдъ Фафнерсбане и его подвиги, сказаніе о Тюрфингѣ и проч. достаточно ясно обрисовываются подъ средневѣковыми костюмами и именами. Дѣйствующія лица лишь спустились ступенью ниже, изъ боговъ и миѳическихъ героевъ превратились въ богатырей и храбрыхъ рыцарей, но кто станетъ искать причину этого превращенія въ религіозномъ чувствѣ народа, въ политическомъ или церковномъ давленіи правящихъ классовъ, тотъ несомнѣнно ошибется. Миѳы, по всей вѣроятности, продолжали жить въ народѣ долго спустя послѣ того, какъ начало распространяться христіанство, и еще вопросъ — было ли пониманіе христіанства достаточно яснымъ и глубокимъ, чтобы совсѣмъ убить въ народѣ вѣру въ боговъ предковъ. Множество очевидныхъ точекъ соприкосновенія между старымъ ученіемъ и новымъ дѣлаютъ, напротивъ, болѣе правдоподобнымъ взаимодѣй-

ствующее существованіе обоихъ ученій рядомъ въ теченіе долгаго времени; вѣроятнѣе также, что христіанство играло вначалѣ скорѣе роль цивилизующаго фактора, нежели чисто-религіознаго. Даже священники, проповѣдники новаго ученія, недостаточно ясно уясняли себѣ смыслъ и значеніе его, даже они не были въ состояніи отрѣшиться отъ унаслѣдованныхъ традицій и, вмѣсто того, чтобы провозглашать, опираясь на основы новаго ученія, вымышленность самаго существованія аѕовъ, доказывать, что новое ученіе совершенно уничтожаетъ старыхъ боговъ, изображали послѣднихъ злыми, враждебными силами, опасными для новой религіи и ея послѣдователей. Немудрено поэтому, что старые духи земли оказались такими живучими и упорными, — почва подъ ними была твердая. Сколько бы ни заклиналъ ихъ св. Олафъ окаменѣть до страшнаго суда, они продолжали себѣ жить да поживать въ сознаніи и вѣрѣ народа вплоть до нашихъ дней.

Такимъ образомъ миѳы приняли тотъ характеръ, который они носятъ въ богатырскихъ пѣсняхъ, не вслѣдствіе какого-нибудь внѣшняго вліянія. Чужое вліяніе могло бы, пожалуй, устранить, даже уничтожить это духовное наслѣдіе народа отъ предковъ; придать же ему произвольно другой характеръ не могло быть подъ силу никакому постороннему вліянію; невозможно *принудить* народъ въ теченіе столѣтій творить и пѣть загадками или темными иносказаніями, истинный смыслъ которыхъ скоро долженъ былъ забыться. Стѣснительныя цензурныя условія могутъ, конечно, на время оказать вліяніе на печать, но на народъ—никогда.

Нѣтъ, народъ свернулъ на указанный путь пѣсеннаго творчества не въ силу какого-либо внѣшняго вліянія, а по внутреннему побужденію, подсказанному ему его собственнымъ безсознательнымъ художественнымъ чутьемъ. Тутъ сказалось не религіозное, а эстетическое чувство, которое никогда не можетъ ввести въ заблужденіе націю въ томъ смыслѣ, какъ это бываетъ возможно по отношенію къ отдѣльному индивиду. Народъ наряжалъ своихъ миѳическихъ героевъ въ средневѣковые маскарадные костюмы не потому, что, благодаря христіанству, утратилъ надлежащій взглядъ на ученіе объ аѕахъ, на духъ и суть этого ученія, а потому, что романтическое художественное воззрѣніе, которое вмѣстѣ съ христіанствомъ вошло въ сознаніе народа, не допускало дальнѣйшаго поэтическаго творчества въ древнеязыческомъ духѣ; вотъ почему и приходилось измѣнить матеріалъ — приспособить его для новой художественной формы.

Теперь еще нѣсколько словъ о лиризмѣ богатырскихъ пѣсенъ. Кромѣ того, что лиризмъ этотъ содержится въ эпосѣ пѣсни такимъ же удивительнымъ образомъ, какъ металлъ въ соли металла, онъ еще выдѣляется въ видѣ особаго, свободнаго отъ прочихъ составныхъ частей пѣсни, элемента — въ припѣвѣ. Припѣвъ для богатырскихъ пѣ-

сенъ то же, что̀ прелюдія для музыкальной пьесы, — онъ выражаетъ настроеніе, въ какомъ она должна быть воспринята. Но лиризмъ этотъ не субъективнаго характера; онъ не коренится въ своеобразности авторскаго «я». Поэтъ не удѣляетъ тутъ слушателю частицы своего индивидуальнаго богатства, онъ лишь пробуждаетъ къ сознательной жизни то, что̀ таилось въ самомъ народѣ — въ грезахъ, въ броженіи думъ и чувствъ; его поэтическій даръ главнымъ образомъ сказывается въ ясномъ пониманіи того, что̀ просится на уста самого народа, и въ извѣстной способности придать этому такую форму, въ которой народу легче всего признать высказанное своимъ.

Надѣюсь, что изъ вышеизложеннаго никоимъ образомъ нельзя вывести заключенія, будто я впадаю въ противорѣчіе, указавъ сначала на богатырскую пѣсню, какъ на образецъ творчества самого народа, а затѣмъ проводя разницу между народомъ и самимъ поэтомъ. Здѣсь повторяется то же, что̀ было и съ сагой. И сага, конечно, обязана своею формою какому-нибудь отдѣльному человѣку, который первый записалъ ее, но самая запись эта, форма, въ которой сага дошла до насъ, находилась въ тѣснѣйшей связи со всѣмъ духовнымъ складомъ народа. Богатырская же пѣсня за тотъ долгій періодъ времени, въ теченіе котораго она жила въ устахъ народа, никогда не была записана; вотъ почему относительно пѣсни не такъ легко, какъ относительно саги, установить, что̀ въ ней составляетъ первоначальную непосредственную поэтическую основу и что̀ въ теченіе времени прибавлено къ ней или исключено изъ нея. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что пѣсенное творчество даже въ томъ искаженномъ видѣ, въ какомъ оно теперь существуетъ, указываетъ: 1) на чистую, опредѣленную форму творчества, 2) на существованіе размѣра, правильность котораго обыкновенно можно возстановить нѣкоторою перестановкою словъ, и 3) на употребленіе риѳмы, существованіе которой можетъ быть доказано подобнымъ же образомъ, — какъ это и указалъ профессоръ Истерсенъ въ своей исторіи датской литературы.

Наиболѣе вѣскимъ доказательствомъ духовнаго родства отдѣльныхъ вѣтвей великаго германскаго племени служатъ въ нашихъ глазахъ богатырскія пѣсни. Скандинавская, нѣмецкая, англійская и шотландская пѣсня носитъ въ общемъ одинъ и тотъ же основной тонъ, который у различныхъ народовъ принимаетъ различные оттѣнки, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и положенія, которое въ теченіе временъ занимало тамъ или тутъ пѣсенное творчество. Въ Германіи, повидимому, пѣсня была прежде достояніемъ привилегированныхъ классовъ; благодаря странствующимъ пѣвцамъ, онѣ стали художественной искусственной поэзіей, которой было мѣсто только въ рыцарскихъ замкахъ, тогда какъ несвободныя сословія — бюргеры и крестьяне, подавленные, забитые, молча вели борьбу изъ-за куска насущнаго хлѣба и, повидимому, лишены были и потребности и способности пѣть. Условія

времени вызвали однако реакцію, и по всему видно, что пѣсенное творчество снова спустилось изъ рыцарскихъ замковъ въ болѣе скромныя жилища народа, который какъ будто вновь воспринялъ свое наслѣдіе отъ временъ предковъ; пѣсенное творчество какъ будто вновь стало настоящимъ національнымъ достояніемъ, хотя, конечно, и не прямымъ, а какъ бы принятымъ изъ вторыхъ рукъ. Почти то же, безъ сомнѣнія, было въ Даніи и Швеціи, но не въ Норвегіи. Норвежецъ никогда не зналъ, подобно своимъ скандинавскимъ братьямъ, рѣзко выраженнаго классоваго подраздѣленія; бондъ *) и рыцарь никогда не обозначали у насъ двухъ противоположностей, а лишь двѣ формы существующей дѣйствительности. Если прибавить ко всему этому обособленное положеніе страны, сравнительно незначительное соприкосновеніе народа съ остальнымъ міромъ и наконецъ столь гармонирующія съ богатырскимъ духомъ Сѣвера условія природы и вліянія ихъ на народный характеръ, то вотъ и понятныя причины того, что норвежская богатырская пѣсня могла сохранить свой древній отпечатокъ, тогда какъ, напримѣръ, датскія и шведскія пѣсни во многихъ отношеніяхъ утратили свою первоначальную характерность языка и тона, стерлись, поблѣднѣли и кажутся вслѣдствіе этого принадлежащими гораздо болѣе позднѣйшему времени.

Подобно же тому, какъ основной тонъ является общимъ для всего германскаго пѣсеннаго творчества, такъ и *матеріалъ* по большей части почерпнутъ изъ родственныхъ духовныхъ міровъ. Такъ, въ скандинавскомъ пѣсенномъ творчествѣ мы можемъ, между прочимъ, болѣе или менѣе легко узнать героевъ германскаго національнаго эпоса—«Пѣсни о Нибелунгахъ», «Пѣсни о Роландѣ» и т. д. Рыцарскіе нравы, похищеніе женщинъ, женская месть, борьба съ драконами и змѣями, сказочные походы въ страну троллей, которая рисуется лежащей на крайнемъ сѣверѣ, борьба съ троллями и карликами, съ горными духами, обладателями несмѣтныхъ богатствъ,—все это и многое подобное было, повидимому, любимыми темами для народнаго пѣсеннаго творчества; сюжетами чисто-историческими, то-есть связанными съ историческими событіями и лицами, пользовались гораздо рѣже, а въ норвежскомъ пѣсенномъ творчествѣ этихъ сюжетовъ почти и вовсе нѣтъ.

Богатырскія пѣсни въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ, носятъ, какъ уже отмѣчено, яркій средневѣковый отпечатокъ, и, повидимому, наши изслѣдователи древнихъ памятниковъ родной словесности готовы по этой причинѣ отнести возникновеніе пѣсенъ къ періоду между концомъ эпохи сагъ и началомъ эпохи реформаціи. Повидимому, также достигнуто нѣкоторое согласіе относительно причинъ, которыми

*) Бондъ — вольный крестьянинъ собственникъ. Бонды составляли въ Норвегіи ядро народа. *Пер.*

приходится объяснить распространеніе среди всѣхъ германскихъ племенъ однѣхъ и тѣхъ же, или во всякомъ случаѣ однородныхъ пѣсенъ, — ихъ-де переводили съ одного языка на другой. Но, по-моему, ни одно изъ этихъ объясненій не представляетъ внутренняго правдоподобія.

Если бы богатырская пѣсня *смѣнила* поэзію скальдовъ, то скорѣе всего явилась бы какъ бы ея дѣтищемъ по *духу* и *содержанію;* между тѣмъ едва ли возможно представить себѣ двѣ бо́льшія противоположности. Поэзія скальдовъ въ послѣдней своей фразѣ, то-есть непосредственно передъ расцвѣтомъ богатырскихъ пѣсенъ, опустилась, какъ извѣстно, до мертвой бездушной формы, пустой шелухи безъ зерна; скальдъ не нуждался въ творческомъ дарѣ: ему нужно было попросту имѣть въ головѣ просторный складочный ящикъ, гдѣ хранились бы традиціонные обороты, сравненія и образы; его поэзія была лишь привидѣніемъ когда-то существовавшей живой поэзіи, оболочкой, изъ которой духъ давно исчезъ, въ которую никто болѣе не вѣрилъ и которой никто болѣе не понималъ. Во Франціи имѣется нѣчто подобное въ видѣ поддѣльной античной трагедіи; и участь этой поддѣлки схожа съ участью поэзіи скальдовъ; и тотъ и другой родъ искусства находилъ себѣ нѣкоторое распространеніе въ отдѣльныхъ кругахъ общества, но ни тотъ ни другой не былъ въ состояніи прочно, глубоко внѣдриться въ народъ, ассимилироваться съ его духовнымъ складомъ. Поэзія скальдовъ была продуктомъ искусственнымъ, пѣсенное творчество — полнымъ жизненныхъ соковъ настоящимъ плодомъ; пѣснопѣніе скальда *мастерилось*, богатырская пѣсня *творилась*.

Отъ этой застывшей мертвой формы, которая являлась для поэзіи скальдовъ conditio sine qua non, богатырская пѣсня не унаслѣдовала ни одной черты. Правда, и въ богатырскихъ пѣсняхъ встрѣчаются свои излюбленные, повторяющіеся обороты и образы, но легко убѣдиться въ томъ, что они не унаслѣдованы отъ поэзіи скальдовъ. Въ пѣснопѣніяхъ послѣднихъ нѣтъ и слѣда лиризма; вообще содержаніе ихъ не было разсчитано на то, чтобы дѣйствовать на слушателя самымъ способомъ изображенія, который въ общихъ чертахъ всегда оставался одинаковымъ. Скальда, повидимому, занимало одно — какъ бы возможно согласнѣе съ правилами и вмѣстѣ съ тѣмъ изысканнѣе воспѣть похвалу тому или другому герою, прославленію котораго должно было служить пѣснопѣніе и щедрость котораго, надо замѣтить, часто служила для скальда главнымъ источникомъ вдохновенія.

И вотъ такая-то «безплодная смоковница» будто бы взрастила живые свѣжіе цвѣты богатырской пѣсни! Не можетъ быть. Во всякомъ случаѣ это было бы безпримѣрнымъ явленіемъ. Бездушная искусственная поэзія не можетъ породить жизнеспособной народной поэзіи. Гораздо правдоподобнѣе такое предположеніе, что оба рода искусства существовали одновременно еще въ доисторическія времена, и что не-

ріодъ превращенія богатырской пѣсни, то-есть перехода къ романтической формѣ, въ которой пѣсня дошла до насъ, совпадаетъ со временемъ упадка (послѣднею фазой) поэзіи скальдовъ, то-есть съ той эпохой, которую ошибочно принимаютъ за первое дѣтство пѣсеннаго творчества. Вѣдь едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что богатырская пѣсня не дошла до насъ въ своей первоначальной формѣ; въ самыхъ пѣсняхъ сохранилось немало чертъ, указывающихъ на близкое родство этихъ пѣсенъ съ пѣснями Эдды, которыя, вѣрно, тоже дошли до насъ не въ первичной своей формѣ. Если судить по близкой связи между пѣснями и миѳами, то представляется довольно правдоподобнымъ, что нѣкогда, въ сѣдой древности, все ученіе объ æзахъ (богахъ) обращалось въ народѣ въ видѣ пѣсенъ, которыя и послужили какъ бы первыми основами для нашихъ богатырскихъ пѣсенъ. Съ введеніемъ христіанства и связаннымъ съ этимъ переломомъ всего духовнаго склада народа, народное творчество стало переходить въ искусственную романтическую поэзію; въ силу этихъ причинъ и благодаря воздѣйствію измѣнившагося духа времени упомянутыя пѣсни древности мало-по-малу претерпѣвали различныя превращенія, пока наконецъ не приняли своей окончательной формы въ эпоху реформаціи, послѣ чего уже едва ли подвергались сколько-нибудь значительнымъ измѣненіямъ. Пожалуй, то же самое можно сказать и о такъ-называемыхъ «историческихъ пѣсняхъ»; пожалуй, и онѣ являются въ сущности лишь передѣлками болѣе древнихъ миѳическихъ религіозныхъ пѣсенъ. Все это довольно правдоподобно, особенно поскольку это касается норвежскихъ пѣсенъ. Подробное развитіе доказательствъ въ пользу высказаннаго мною мнѣнія завело бы меня однако слишкомъ далеко; ограничиваюсь поэтому ссылкой на сборникъ Ландстада, гдѣ несомнѣнно можно найти подтвержденіе вышеизложенныхъ мыслей.

II.

Правдоподобность того предположенія, что пѣсенное творчество жило и развивалось въ устахъ народа съ доисторическихъ временъ, нисколько не ослабляется тѣмъ, что въ сагѣ не упоминается о такомъ творчествѣ. Поэзія скальдовъ, развившаяся одновременно съ болѣе древнимъ (языческимъ) пѣсеннымъ творчествомъ, была поэзіей искусственной, пѣсенное же творчество — народной поэзіей. То обстоятельство, что составитель сагъ принималъ такимъ образомъ во вниманіе лишь первую, оставляя безъ вниманія вторую, не должно удивлять насъ, разъ намъ извѣстны подобные примѣры въ новѣйшее время, чуть ли не въ наши дни. Кромѣ того, нельзя забывать, что пѣсенное творчество съ его несомнѣннымъ чисто-языческимъ характеромъ не могло быть по душѣ просвѣщенному ученому составителю сагъ, хотя и было по сердцу народу. Правда, и сага была, по входящему въ нее политическому элементу, языческою, но это могло ускользнуть отъ

вниманія записывавшаго саги, такъ какъ бытовой *сюжетъ* саги не имѣлъ въ виду прославленія асовъ и миѳическихъ героевъ въ противоположность богатырской пѣснѣ. Ссылки на пѣснопѣнія скальдовъ, какъ на источники, также не могли смущать совѣсти составителя сагъ, хотя и эти пѣснопѣнія были языческими и по формѣ и по содержанію, — между этими пѣснопѣніями и богатырскими пѣснями была все-таки та разница, что въ послѣднихъ міръ боговъ продолжалъ жить свѣжею, одухотворенною жизнью, тогда какъ поэзія скальдовъ уже успѣла къ тому времени, какъ было выше упомянуто, пасть до уровня пустыхъ фразъ и формъ, которыя, конечно, не могли уже возбуждать соблазна. Сказанное относится преимущественно къ позднѣйшимъ пѣснопѣніямъ скальдовъ; что же касается болѣе древнихъ и лучшихъ изъ нихъ, то онѣ, какъ произведенія искусства, уже пользовались въ ученомъ мірѣ того времени такимъ почетомъ, что благоговѣйное отношеніе къ этимъ памятникамъ древности превышало всякія другія соображенія.

Исходя изъ положенія, что богатырскія пѣсни дѣйствительно слѣдуетъ разсматривать, какъ болѣе новую форму древней миѳической поэзіи, незачѣмъ и прибѣгать къ предположенію о переводахъ для объясненія распространенія однѣхъ и тѣхъ же пѣсенъ среди всѣхъ германскихъ племенъ. Такого рода объясненіе вообще является довольно натянутымъ и во многихъ отношеніяхъ недостаточно освѣщаетъ данное явленіе. Прежде всего маловѣроятно, чтобы поэзія, которая, какъ богатырская пѣсня, способна пустить столь глубокіе корни во внутреннюю жизнь народа, не выросла на этой почвѣ, а была пересажена съ чужой. Въ какомъ періодѣ древности могла бы, напримѣръ, явиться у норвежцевъ потребность прославлять взятыми съ датскаго, шведскаго или нѣмецкаго пѣснями событія, которыя нисколько не касались ихъ собственнаго житья-бытья, или воспѣвать людей, извѣстныхъ самимъ норвежцамъ лишь по вражескимъ столкновеніямъ? Да и какъ могли такія чужія пѣсни дойти до свѣдѣнія нашихъ предковъ? Общеніе между народами въ тѣ времена было, право, не такого рода, чтобы содѣйствовать какому-либо обмѣну духовными сокровищами. Къ этому надо прибавить еще то, что эти такъ-называемые переводы могутъ быть названы таковыми лишь весьма условно: они скорѣе всего являются самостоятельными разработками однѣхъ и тѣхъ же темъ. Не говоря уже о несообразности того предположенія, будто богатая устная литература, которая почерпаетъ свою жизненную силу въ творческой потребности самого народа, станетъ искать себѣ пищу, прибѣгая къ переводамъ, нельзя не принять во вниманіе, что историческія пѣсни почти вовсе не переводились съ одного языка на другой, а въ тѣхъ случаяхъ, когда появлялись въ переводахъ, врядъ ли могли пріобрѣсти особенную популярность. Въ сокровищницѣ норвежской литературы, богатой подлинными первоначальными записями,

пѣтъ такихъ образцовъ переводныхъ пѣсенъ, а если подобныя встрѣчаются въ сборникахъ датскихъ и шведскихъ пѣсенъ, и если къ тому же сборники эти по большей части составлены по старымъ рукописнымъ пѣсенникамъ, то это отнюдь еще не служитъ доказательствомъ того, что данные переводы имѣли особенное распространеніе въ самомъ народѣ. Скорѣе же можно утверждать, — на что указываетъ и самый языкъ, — что эти переводы относятся къ сравнительно новѣйшему времени, когда пѣсенное творчество въ Даніи и Швеціи стало достояніемъ высшихъ классовъ и перестало быть чисто народнымъ. Такъ-называемыя пѣсни Евфиміи, которыя были переведены въ Норвегіи съ французскаго около 1300 года и сохранились въ рукописяхъ и на шведскомъ и на датскомъ языкахъ, отнюдь не подрываютъ вѣроятности высказаннаго утвержденія. Во-первыхъ, эти пѣсни въ сущности не принадлежатъ къ настоящимъ богатырскимъ пѣснямъ, а во-вторыхъ, можно съ увѣренностью предполагать, что онѣ никогда не были популярны, а много-много обращались въ томъ придворномъ кругу дворянства, который взялся-было осуществить идею королевы Евфиміи, то-есть пересадить на Сѣверъ поэзію южныхъ трубадуровъ, идею — надо прибавить — быстро похороненную.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, я и нахожу неправдоподобнымъ объясненіе, будто бы богатырскія пѣсни распространялись путемъ переводовъ; вдобавокъ болѣе правдоподобное объясненіе у насъ, такъ сказать, подъ рукой. Если допустить, что первое возникновеніе богатырскихъ пѣсенъ надо отнести къ миѳическимъ временамъ, то ничто и не мѣшаетъ намъ углубиться въ даль вѣковъ вплоть до той эпохи, которая *предшествовала* водворенію германскаго племени въ Европѣ, слѣдовательно до тѣхъ временъ, когда это великое народное племя составляло одно цѣлое.

За правильность такого взгляда, повидимому, особенно говоритъ тотъ духовный міръ, въ предѣлахъ котораго вращается пѣсня. Германцы жили на широкихъ равнинахъ у подошвы Урала, уже представляя собою въ то время сильное и воинственное племя; чудскія племена, обитавшія въ Уральскихъ горахъ къ сѣверу вплоть до Бѣлаго моря и родственныя финнамъ, кочевавшимъ по скандинавскому нагорью, были естественными врагами германцевъ. Послѣдніе воевали съ ними и покоряли ихъ себѣ, превосходя ихъ силою, тѣмъ же оставалось только защищаться хитростью. Эта-то чудь и олицетворена въ карликахъ богатырскихъ пѣсенъ — въ карликахъ, обитавшихъ по ущельямъ скалъ, искусныхъ въ выдѣлкѣ оружія и украшеній. Богатырскія пѣсни рисовали этихъ карликовъ хитрыми и злыми, что вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру чуди и финновъ. Мѣстопребываніе чуди тоже располагало къ тому, чтобы на эти племена смотрѣли, какъ на существа, которыя путемъ чаръ умѣли извлекать сокровища изъ горныхъ нѣдръ; нашимъ предкамъ искусство это было совершенно

непзвѣстно, тогда какъ чудскія племена, по свпдѣтельству исторіи, были хорошо знакомы съ ними. Допустить, чтобы представленіе о скрытыхъ въ горахъ сокровищахъ возникло у германцевъ уже *послѣ* ихъ переселенія на сѣверъ, едва ли возможно, такъ какъ горы сѣвера скорѣе должны были показаться обителями голой нищеты. Упоминаемыя въ пѣсняхъ поѣздки богатырей въ страну троллей также не вяжутся съ представленіемъ о народѣ, который бы самъ обиталъ на сѣверѣ: во-первыхъ, первоначальные обитатели (тролли и карлики пѣсенъ) уже въ глубокой древности занимали скандинавское нагорье вплоть до южныхъ границъ его, почему не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы искать ихъ еще дальше на сѣверѣ, о чемъ однако то и дѣло твердится въ пѣсняхъ; во-вторыхъ, закаленный, свыкшійся съ нашимъ сѣвернымъ климатомъ народъ не могъ бы рисовать себѣ этихъ поѣздокъ на сѣверъ сопряженными съ такими опасностями и трудностями, какими онѣ рисуются въ тѣхъ же богатырскихъ пѣсняхъ. Страна троллей на дальнемъ сѣверѣ была по этимъ пѣснямъ страною льда и вѣчнаго мрака; но такъ какъ въ дѣйствительности поѣздки туда изъ южной Норвегіи, безъ сомнѣнія, совершались бы лишь въ лѣтнее время, то, очевидно, подобная характеристика страны не могла быть построена на личномъ опытѣ, а лишь на темныхъ преданіяхъ, которыя отчасти были невѣрно поняты, отчасти искажены или прикрашены. Упоминается, правда, что поѣздки въ «Троллерботтенъ» предпринимались водой, но тутъ съ одинаковымъ правомъ можно разумѣть и путь вверхъ по великимъ рѣкамъ сѣверной Россіи, какъ и морскія поѣздки къ сѣверу вдоль норвежскаго берега. Вообще нельзя забывать, что пѣсни наши въ достаточно сильной степени обнаруживаютъ слѣды разныхъ передѣлокъ и приспособленій, которыя являются, безъ сомнѣнія, дѣломъ позднѣйшихъ временъ. Невѣроятно также, чтобы поводъ къ такимъ представленіямъ о странѣ троллей могли подать поѣздки въ Біармію, такъ какъ въ пѣсняхъ упоминается также о лежавшихъ на пути громадныхъ «желѣзныхъ лѣсахъ», которые невольно и наводятъ на мысль о хвойныхъ лѣсахъ сѣверной Россіи. Лѣса эти были непзвѣстны нашимъ предкамъ, пока тѣ обитали на востокѣ; при передвиженіи же ихъ къ сѣверу, когда имъ приходилось съ трудомъ пролагать себѣ путь черезъ эти лѣса, у нихъ могло сложиться представленіе о послѣднихъ, какъ о желѣзныхъ лѣсахъ. Замѣчательно также, что вся фауна богатырскихъ пѣсенъ указываетъ на болѣе южную область. За исключеніемъ волка, въ пѣсняхъ не фигурируетъ ни одного изъ хищныхъ животныхъ, свойственныхъ сѣверу, между тѣмъ какъ змій или драконъ, хотя на него смотрятъ, какъ на потомка миѳическаго змія Мидгарда, невольно заставляетъ вспоминать объ исполинскихъ остаткахъ допотопныхъ пресмыкающихся, которыхъ до сихъ поръ находятъ въ восточной Россіи и которые въ тѣ древнія времена, конечно, попадались чаще и легко могли вызвать у

нашихъ предковъ первое представленіе объ упомянутыхъ сказочныхъ зміяхъ и драконахъ, ставшихъ впослѣдствіи столь популярными благодаря богатырскимъ пѣснямъ. Далѣе заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что хотя германцы по переселеніи на сѣверъ и превратились въ отважныхъ мореплавателей, подвиги которыхъ по большей части были связаны съ морской стихіей, — въ самихъ богатырскихъ пѣсняхъ совсѣмъ нѣтъ упоминаній о морскихъ бояхъ или набѣгахъ на корабляхъ. Наоборотъ, въ этихъ пѣсняхъ постоянно говорится о сраженіяхъ на сушѣ, въ которыхъ вдобавокъ богатыри участвуютъ не пѣшкомъ, а верхомъ. Между тѣмъ этотъ способъ борьбы былъ, по свидѣтельству исторіи, чуждъ нашимъ ближайшимъ предкамъ-скандинавамъ. И тутъ невольно приходится вспомнить объ ихъ первоначальномъ пребываніи на восточной равнинѣ, гдѣ мѣстныя условія исключаютъ возможность морскихъ боевъ, тогда какъ, напротивъ, весьма вѣроятно, что германцы въ то время были лихими наѣздниками, подобно современнымъ обитателямъ этихъ мѣстностей.

Да не возразятъ мнѣ на это, что міръ богатырскихъ пѣсенъ—лишь міръ поэтическаго творчества, который, какъ таковой, не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительностью. Поэтическое творчество народа является вмѣстѣ съ тѣмъ и его философіей, формою, въ которой онъ выражаетъ свое чаяніе духовнаго начала во всемъ конкретномъ; и какъ всякое проявленіе искусства, поэтическое творчество находитъ себѣ исходную точку въ дѣйствительной жизни, въ исторіи, въ пережитыхъ событіяхъ и въ окружающей природѣ. Нельзя, напримѣръ, сомнѣваться въ томъ, что миѳы о Торѣ и его борьбѣ съ великанами-іотунами символизируютъ древне-германскую силу и столкновеніе ея съ иноплеменными врагами. Вообще народу всегда необходимо до извѣстной степени имѣть свою исторію прежде, нежели онъ можетъ создать себѣ религію; такъ было и съ нашими предками. Поэтическое прославленіе подвиговъ древнѣйшихъ предковъ, ихъ попытокъ продвинуться на сѣверъ и т. п. послужило матеріаломъ для миѳическихъ сказаній, а эти въ свою очередь основой для богатырскихъ пѣсенъ.

Эти лишь намѣченныя доказательства возникновенія германскихъ богатырскихъ пѣсенъ въ эпоху пребыванія германскаго племени на востокѣ можно было бы дополнить и продолжать развивать ихъ до безконечности, если бы таково было мое намѣреніе, но я далекъ отъ этого; мнѣ хотѣлось лишь заявить протестъ противъ утвержденія, будто богатырскія пѣсни распространялись путемъ переводовъ, — утвержденія, которое лишило бы насъ права собственности на богатую и существенную часть духовнаго нашего наслѣдія, оставленнаго намъ предками. Были попытки оспаривать у насъ почетное право и на такъ-называемыя исландскія саги, но ученые наши сумѣли-таки отстоять это право. Не слѣдовало ли бы имъ дать себѣ трудъ вступиться и за наши права на другую литературную собственность нашу — богатырскія

пѣсни? Не сочтетъ ли кто изъ нашихъ ученыхъ изслѣдователей древности себя призваннымъ высказать по этому вопросу рѣшающее мнѣніе? Если бы эти строки могли оказать на нихъ какое-либо вліяніе въ смыслѣ побужденія ихъ къ такому шагу, я бы счелъ себя болѣе нежели удовлетвореннымъ, — все равно, какой бы ни послѣдовалъ съ ихъ стороны приговоръ, благопріятный или неблагопріятный для тѣхъ взглядовъ, которые я взялъ на себя смѣлость изложить выше.

„Деревенская исторія“

на сценѣ Христіанійскаго театра.

Такъ какъ нѣтъ никакихъ основаній полагать, чтобы публика измѣнила на этотъ разъ тому положенію, которое она въ послѣднее время неизмѣнно занимаетъ по отношенію ко всякому произведенію искусства, то мы и не рѣшаемся предсказывать вышеназванной пьесѣ, что она займетъ сколько-нибудь прочное и почетное мѣсто въ репертуарѣ. Наше время — по преимуществу время фотографіи, свѣтовыхъ картинъ, искуснаго ремесленничества; техника, въ тривіальномъ значеніи слова, — единственное, чѣмъ склонна восхищаться публика. Поэтому и театръ — если смотрѣть на него съ финансовой точки зрѣнія, какъ на предпріятіе коммерческое — вполнѣ въ правѣ продолжать попрежнему держаться новѣйшихъ издѣлій французской драматургіи, которыя издавна служатъ столпами ихъ репертуара. Эти произведенія по большей части какъ разъ отличаются совершенствомъ техники и потому нравятся публикѣ; кромѣ того они не имѣютъ ничего общаго съ настоящею поэзіей и потому, пожалуй, нравятся публикѣ тѣмъ больше. Совсѣмъ иное представляетъ собою «Деревенская исторія». Эта пьеса главнымъ образомъ отличается поэтическимъ настроеніемъ и уже въ силу одного этого «взята публикою подъ сомнѣніе». Среди нашего удивительно благоразумнаго общества немало найдется людей, полагающихъ, что пьеса вполнѣ заслуживаетъ отрицательной аттестаціи въ качествѣ неправдивой и нездоровой, разъ она не изображаетъ дѣйствительности съ фотографической точностью. Для такихъ людей дѣйствительность и правдивость однозначащи, и разъ не дано точной копіи съ первой, нечего искать и второй. И надо отдать справедливость нашей публикѣ, — она вполнѣ послѣдовательна въ этомъ своемъ воззрѣніи на искусство. Повсюду — и въ національной галлереѣ, и въ театрѣ, и въ литературныхъ кружкахъ — можно услышать въ публикѣ одни и тѣ же замѣчанія, изъ которыхъ явствуетъ, что, напримѣръ, ландшафтъ получаетъ въ глазахъ зрителей свою истинную цѣнность тогда лишь, если послѣдніе узнаютъ въ немъ знакомую мѣстность, если видъ, какъ говорится, похожъ. Таково же и отношеніе публики къ сценѣ: пусть послѣдняя дастъ лишь то, что мо-

жетъ дать дѣйствительность, ни больше ни меньше. Лишь весьма немногіе изъ публики ищутъ въ драматическомъ искусствѣ какой-то возвышающей силы; зато тѣмъ чаще требуютъ отъ него морали, поученія и сообщенія разныхъ «полезныхъ свѣдѣній». Образовательное значеніе сцены большинствомъ понимается въ томъ смыслѣ, какой ближе всего подходилъ бы къ толковому словарю. По этой же причинѣ историческія пьесы вообще столь любимы (то-есть если онѣ фактически правдивы),—«изъ нихъ-де всегда можно чему-нибудь научиться». Но въ настоящее время этотъ вообще столь излюбленный видъ искусства безспорно еще заключаетъ въ себѣ идеальный и слѣдовательно, по современному воззрѣнію, ненужный элементъ, такъ какъ даетъ лишь приблизительное воспроизведеніе красокъ дѣйствительности. Такъ вотъ еще одинъ шагъ по пути реализма — и мы достигнемъ пункта, намѣченнаго нашимъ современнымъ фотографскимъ воззрѣніемъ; иного и ожидать нельзя. Гдѣ же однако будетъ тогда слѣдующій пунктъ остановки? Утилитарная наука уже указала дорогу, — изобрѣла искусственный процессъ, который даетъ такъ-называемые «оттиски природы» и съ помощью котораго всякаго рода реальные предметы копируются съ мельчайшими подробностями, со всѣми посторонними примѣсями, со всей случайной грязью. Вотъ какое нашему современному искусству и поэзіи дано указаніе! И пусть они поставятъ себѣ такую цѣль, тогда они могутъ быть увѣрены въ симпатіяхъ публики, тогда имъ удастся популярнѣйшимъ образомъ разрѣшить свою высшую задачу: да узнаютъ люди въ произведеніяхъ искусства самихъ себя!

Антонъ-Вильгельмъ Виге.

Датскій актеръ Виге прибылъ къ намъ въ началѣ періода, изобиловавшаго внутренними смутами и конфликтами, когда уже начинала бродить идея національной сцены. Но никакія письменныя доказательства, никакое логическое развитіе идеи необходимости такого учрежденія не въ состояніи такъ легко и скоро подвинуть разрѣшеніе вопроса, какъ живой примѣръ, и вотъ въ этомъ смыслѣ Виге несомнѣнно содѣйствовалъ пропагандѣ національной сцены. Онъ внесъ съ собою нѣчто новое въ театральную сферу и въ сознаніе публики; въ его игрѣ было такъ много сильной, горячей поэзіи молодости, сценическія воплощенія его были запечатлѣны такой духовной чистотой, глубокимъ сознаніемъ святости и высокаго значенія искусства, вдохновеннымъ стремленіемъ не къ подражанію дѣйствительности, а къ правдѣ, къ высшему символическому воспроизведенію жизни, къ единственному, изъ-за чего дѣйствительно стоитъ бороться въ мірѣ искусства и что все-таки еще мало кѣмъ признаётся. Драгоцѣнное

значеніе такого артиста, одареннаго къ тому же всѣми внѣшними данными, въ такой періодъ, когда духовная жизнь идетъ какъ бы ощупью, когда зарождающееся искусство ищетъ образцовъ и за недостаткомъ людей прогресса поневолѣ должно прибѣгать къ представителямъ традицій, — значеніе это должно быть ясно для всѣхъ и каждаго. То и дѣло слышатся сѣтованія на то, что прошло время великихъ художниковъ сцены, что и Théâtre français пережилъ свой блестящій періодъ, и датскій театръ только вспоминаетъ свое великое прошлое, и въ Германіи нѣтъ больше ни Экгофовъ, ни Ифландовъ, ни Шрёдеровъ. До извѣстной степени это правда, но вина за это лежитъ на авторахъ и особенно на новѣйшей французской школѣ. Изъ мастерскихъ парижскихъ драматурговъ ежегодно выходятъ настоящіе шедевры, въ смыслѣ техники, которые самымъ печальнымъ образомъ содѣйствуютъ развитію виртуозности за счетъ сути искусства; эти филигранныя работы, разсчитанныя единственно на то воздѣйствіе, которое достигается обточенными репликами, не могутъ не низводить искусства на низшую ступень, въ область сценическихъ эффектовъ. Удивляться ли послѣ этого тому, что въ наше время среди актеровъ такъ мало истинныхъ артистовъ! Вѣдь благодаря чему прежніе артисты становились великими? Благодаря тому, что въ ихъ время на сценѣ изображалось по преимуществу общее, а не частное, — нѣчто, имѣвшее общечеловѣческое значеніе, а не нѣчто, приковывавшее къ себѣ вниманіе въ данный моментъ лишь въ силу случайной моды или извращеннаго общественнаго порядка. Что же остается дѣлать артистамъ нашего времени? Обратите вниманіе на ихъ репертуаръ; вѣдь онъ на девять десятыхъ состоитъ изъ упомянутыхъ французскихъ издѣлій, которыя къ тому же совершенно чужды нашему національному духу. Великой признательности заслуживаютъ поэтому тѣ артисты, которые способны вести свою ладью по этому узкому фарватеру, не сажая ее на мель, и къ числу такихъ-то артистовъ принадлежитъ Виге. Есть два пути: или самому опуститься до внѣшней виртуозности, сосредоточиться на внѣшней отдѣлкѣ роли, или согрѣть послѣднюю внутреннимъ огнемъ и поднять искусственное издѣліе, создавъ изъ него художественное произведеніе. Истиннаго артиста достоинъ лишь послѣдній путь, и по нему-то шелъ Виге. Посмотрите его, напримѣръ, въ «Завоеванной невѣстѣ» въ роли Жоржа Бернара, этого подрумяненнаго представителя реализма; во что превратился этотъ образъ въ художественномъ исполненіи артиста? Не заставляетъ ли насъ тутъ художественность исполненія забыть, что авторъ даетъ намъ въ сущности лишь трактатъ на соціальную тему въ драматической формѣ? Каждое истинно-художественное исполненіе въ то же время является и безусловно поэтическимъ; но эта поэзія у Виге носитъ совершенно національный, сѣверный характеръ; если мы вникнемъ въ наше народное творчество, богатырскія пѣсни, саги и т. д.,

мы найдемъ въ нихъ тѣ же самыя основныя условія воздѣйствія, — безсознательный символизмъ, душевное величіе и спокойствіе, признаніе значенія настроенія, которыя въ большей или меньшей степени одухотворяютъ всѣ согрѣтые жизнью образы, создаваемые Виге на сценѣ.

Но одно зато долженъ помнить самъ Виге: его пребываніе у насъ не просто ангажементъ, а миссія, которой онъ и не въ правѣ измѣнять.

„Лордъ Вильямъ Руссель"

на сценѣ Христіанійскаго театра (1857 г.).

Едва ли какой другой изъ художественныхъ формъ поэзіи приходится преодолѣвать столько затрудненій, чтобы завоевать вниманіе и любовь публики, какъ исторической трагедіи. Объясняется это очень просто — тѣми требованіями, которыя предъявляются исторической трагедіи и которымъ она обязана удовлетворять, чтобы соотвѣтствовать своему назначенію, но которымъ тѣмъ не менѣе удовлетворяетъ довольно рѣдко. Въ сущности мы не въ правѣ требовать отъ исторической трагедіи непремѣнно «историческихъ фактовъ»; достаточно «историческихъ возможностей» — если такъ можно выразиться; мы въ правѣ требовать не подлинныхъ историческихъ лицъ и характеровъ, а духовнаго склада и образа мышленія данной эпохи. Поэтому «Гёцъ фонъ-Берлихингенъ» остался бы въ истинномъ смыслѣ слова историческою трагедіей, если бы даже фабула его не была основана на историческихъ данныхъ, но цѣликомъ придумана поэтомъ; и поэтому же шиллеровскія трагедіи: «Вильгельмъ Телль», «Марія Стюартъ», «Валленштейнъ» и пр., равно какъ шекспировскія: «Макбетъ» и многія другія, въ сущности—трагедіи не историческія. Хотя послѣднія перечисленныя произведенія и опираются на историческіе факты, самое изображеніе и освѣщеніе этихъ фактовъ совершенно лишено характерныхъ особенностей или самаго духа данной, какъ и всякой вообще, исторической эпохи.

Вопросъ о наличности или отсутствіи историческаго элемента въ драматическомъ произведеніи не имѣетъ, конечно, никакого значенія при опредѣленіи поэтическихъ достоинствъ произведенія, и, пожалуй, самое лучшее, если поэтъ не заботится о выполненіи упомянутыхъ требованій, предъявляемыхъ къ исторической трагедіи, такъ какъ произведеніе его въ смыслѣ вѣрности исторіи (по духу и характеру) все-таки останется закрытой книгой для большой публики, у которой нельзя разсчитывать найти нужный критерій. Настоящее одобреніе, истинная побѣда поэта создаются непосредственнымъ усвоеніемъ его произведенія народомъ, а не настроеніемъ, подогрѣтымъ историческими воспоминаніями.

Но мало того, что исторической трагедіи приходится считаться съ невыгоднымъ для нея вышеприведеннымъ требованіемъ исторической подкладки, ей приходится еще считаться съ традиціонными требованіями, которыя предъявляются трагедіи вообще. Принято требовать, чтобы выступающія въ трагедіи лица проявляли извѣстную величавость, возвышенность и благородство души, а соотвѣтственно этому и нѣкоторую возвышенность мыслей, чувствъ и выраженій,—это должно было, повидимому, замѣнить въ современномъ искусствѣ древне-греческіе котурны; словомъ, требуется, чтобы трагедія какъ-то подымала зрителей надъ областью повседневной будничной жизни. Благодаря этому однако чаще всего получается совсѣмъ не то впечатлѣніе: міръ, рисуемый такимъ поэтическимъ произведеніемъ, оказывается чуждымъ зрителю; между послѣднимъ и борющимися и погибающими героями не устанавливается тѣсной внутренней связи, — и герои эти погибаютъ при полномъ равнодушіи публики.

Исходя изъ вышеизложенныхъ требованій, предъявляемыхъ настоящей исторической трагедіи, и признавая правильность вышеупомянутыхъ традиціонныхъ требованій, сразу можно заключить, что «Лордъ Вильямъ Руссель» А. Мунха—не историческая трагедія. Чѣмъ же объясняются выпавшіе этому произведенію на долю крупный успѣхъ и общее одобреніе, которые, безъ сомнѣнія, надолго и обезпечены за нимъ какъ въ зрительной залѣ, такъ и въ кругу читателей?

Тайна успѣха здѣсь въ томъ, что въ то время, какъ традиціонная трагедія изображаетъ маленькихъ божковъ, произведеніе Мунха изображаетъ великихъ людей.

Въ намѣренія автора даннаго очерка не входитъ подробный разборъ этого произведенія; эту задачу надо предоставить присяжнымъ критикамъ, и я поэтому ограничусь лишь бѣглыми замѣчаніями, предполагая, что самое произведеніе извѣстно читателямъ.

Каждая выдающаяся личность является символической,—символизируя своими поступками свою роль въ исторіи. Но посредственные писатели, неправильно истолковывая требованіе, что знаменательныя явленія жизни должны быть представлены въ искусствѣ болѣе выпукло, словно подъ увеличительнымъ стекломъ, вкладываютъ этотъ символизмъ въ сознаніе изображаемыхъ ими лицъ, нарушая тѣмъ естественное взаимоотношеніе символа и жизни и въ нѣкоторомъ родѣ подражая тому неостроумному химику, который, заставляя вступать минералъ въ соединеніе высшаго порядка съ одной изъ его основныхъ частей, воображаетъ добыть болѣе благородный составъ, между тѣмъ какъ получается нѣчто совсѣмъ другое. Мало того, что вслѣдствіе такого пріема нарушается естественность символизма самой данной личности, этимъ еще искажается вся основная идея символизма. Вмѣсто того, чтобы символъ проходилъ черезъ все произведеніе невидимою нитью, какъ серебряная жила въ горныхъ нѣдрахъ, его то и

дѣло вытаскиваютъ наружу; всякая черта, всякое слово или поступокъ дѣйствующихъ лицъ указываютъ на него, подчеркиваютъ его, словно говоря зрителю или читателю: «вотъ въ чемъ здѣсь суть, вотъ въ чемъ значеніе того, что происходитъ передъ вами». Чѣмъ объяснить такой пріемъ? Причина, повидимому, въ неосновательномъ недовѣріи автора къ способности публики вѣрно воспринимать поэтическое произведеніе, какъ будто чувство прекраснаго и пониманіе знаменательнаго не могутъ быть одинаково свойственны какъ творящему, такъ и воспринимающимъ. Вѣдь будь это такъ, не стоило бы труда заносить на бумагу даже пару рѳмованныхъ строкъ; поэтъ и безъ того можетъ удовлетворить своей творческой потребности; если же онъ пишетъ для другихъ, то, полагаю, не ради одобренія, а ради выясненія мыслей, бродящихъ въ народѣ, въ обществѣ; способность творить, облекать въ формы—исключительный даръ поэта; но способность воспріятія поэтическаго произведенія и способность наслажденія уже облеченнымъ въ формы—свойственна болѣе или менѣе всѣмъ, всему народу.

Вотъ этимъ-то довѣріемъ къ поэтическому чутью народа и проникнуто и согрѣто все произведеніе Мунха. Онъ оставилъ свои символическія, руническія письмена безъ комментаріевъ, предоставляя каждому читателю или зрителю истолковывать ихъ по-своему, согласно чисто личной потребности каждаго. Благодаря этому произведеніе Мунха и стало съ внѣшней стороны чѣмъ-то конкретнымъ, а въ цѣломъ — захватывающей главой всемірной исторіи. Вильямъ Руссель дѣйствуетъ такъ, а не иначе, потому, что это свойственно его характеру, а не потому, что это приличествуетъ ему въ качествѣ героя трагедіи, или потому, что онъ самъ бы считалъ себя воплощеніемъ англійскаго свободолюбія. И лэди Рахиль слѣдуетъ за мужемъ на судъ, борется за его жизнь всѣми имѣющимися въ ея распоряженіи средствами не потому, что она по пьесѣ должна изображать идеалъ женственной преданности, а потому, что она на самомъ дѣлѣ женщина, жена въ самомъ благородномъ значеніи этого слова. Въ этомъ произведеніи слѣдовательно соблюдено правильное соотношеніе дѣйствительности и искусства; передъ нами происходитъ не сознательная борьба идей, чего никогда и не бываетъ въ дѣйствительности, а столкновеніе людей, житейскіе конфликты, въ которыхъ, какъ въ коконахъ, глубоко внутри скрыты идеи, борющіяся, погибающія или побѣждающія. Пьеса эта не кончается съ паденіемъ занавѣса послѣ пятаго дѣйствія,—настоящій финалъ ея находится внѣ ея рамокъ; поэтъ намѣтилъ направленіе, въ которомъ приходится искать этотъ финалъ, и затѣмъ — наше дѣло, дѣло каждаго читателя или зрителя въ отдѣльности дойти до этого финала путемъ личнаго творчества.

Отъ одного хотѣлось бы мнѣ здѣсь предостеречь—отъ допускаемаго во многихъ театрахъ небрежнаго отношенія къ драматической экспозиціи. Правда, какъ разъ въ сценахъ экспозиціоннаго характера,

обыкновенно по винѣ самихъ авторовъ, бываетъ мало относящагося непосредственно къ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ, — бо́льшая часть подробностей служитъ лишь для выясненія положенія; но разъ это такъ, то тѣмъ больше основаній для артистовъ стараться по возможности оттѣнить этотъ столь необходимый въ пьесѣ элементъ. Къ сожалѣнію, часто бываетъ напротивъ, что артистъ по своему, не лишенному нѣкотораго основанія, недовѣрію къ существенному значенію экспозиціи, совсѣмъ избавляетъ себя отъ труда отыскивать въ ней какой-либо особый смыслъ, хотя отыскать таковой, можетъ-быть, и не составило бы особаго труда.

Господину N. N. изъ Бергена.

(1857).

Въ письмѣ, помѣщенномъ въ № 22 «Allenbladet», вамъ угодно было, между прочимъ, упомянуть обо мнѣ и о моей новой пьесѣ въ такихъ выраженіяхъ:

«Разъ ужъ я такъ много говорилъ о театрѣ, мнѣ, пожалуй, слѣдовало бы высказаться и по поводу новой пьесы, которая шла здѣсь на прошлой недѣлѣ. Но я видѣлъ ее только одинъ разъ, а этого недостаточно, чтобы разобраться въ той путаницѣ, которая царитъ въ ней. Поэтому, чтобы не произносить теперь же приговора, который не можетъ быть особенно благопріятнымъ для автора, хотя и черпающаго свое поэтическое вдохновеніе изъ богатаго источника, но, повидимому, лишеннаго знанія какъ людей, такъ и жизни, я отложу свое сужденіе до слѣдующаго представленія».

Полемика съ анонимными авторами писемъ въ газеты въ общемъ, конечно, дѣло лишнее. Но такъ какъ приведенный выше отзывъ вашъ является характернымъ образчикомъ того легкомыслія и той безцеремонности, съ какими въ наше время чуть ли не всякій грамотный человѣкъ мнитъ себя въ правѣ публично третировать любое произведеніе искусства, то я изъ принципа не считаю возможнымъ оставить вашъ отзывъ безъ возраженія.

Прежде чѣмъ удѣлить вамъ дальнѣйшее вниманіе, предлагаю вамъ однако отвѣтить мнѣ по долгу и чести на слѣдующіе вопросы:

а) Публично заявляя, что въ пьесѣ царитъ путаница, не произносите ли вы приговора пьесѣ? Какъ же однако вы берете на себя смѣлость произносить приговоръ пьесѣ, которую видѣли только разъ и въ которой, по вашимъ же словамъ, не успѣли разобраться? Развѣ произнесеніе приговора при такихъ обстоятельствахъ не является поступкомъ столь же легкомысленнымъ, сколь и безцеремоннымъ?

б) Приличествуетъ ли вамъ, какъ руководителю эстетическихъ вкусовъ, воздерживаться отъ сужденія на томъ основаніи, что приго-

воръ, который вамъ пришлось бы произнести, оказался бы неблагопріятнымъ для автора? Развѣ въ ваши намѣренія не входитъ одинаково эстетическое руководительство какъ публикой, такъ и авторомъ? А если входитъ, то какъ же вы воздерживаетесь отъ сужденія потому только, что оно было бы неблагопріятно для автора? Если же вы такого руководительства въ виду не имѣете, зачѣмъ вы помѣщаете свои письменныя упражненія въ газетахъ?

в) Какое, по-вашему, дѣло публикѣ до вашего частнаго предположенія о существованіи какого-то богатаго источника, изъ котораго я черпаю поэтическое вдохновеніе, и какъ вѣрнѣе опредѣлить подобнаго рода выходку со стороны господина N. N.? Можно ли подвести такія фразы подъ иныя рубрики, нежели болтовня за чашкой чаю или переливаніе изъ пустого въ порожнее, и если нельзя, то прилично ли угощать такой болтовней публику?

г) Если господинъ N. N., посмотрѣвъ пьесу всего одинъ разъ и не успѣвъ даже толкомъ разобраться въ ней, сдѣлалъ открытіе, что автору пьесы недостаетъ «знанія какъ людей, такъ и жизни», то не могъ ли, по-вашему, и любой зритель съ нормальными умственными способностями сдѣлать точно такое же открытіе? Полагаю, вамъ придется согласиться съ тѣмъ, что могъ. А если это такъ, зачѣмъ вамъ помѣщать свои разсужденія въ газетѣ? Зачѣмъ вы выступаете съ руководительскими помочами, въ которыхъ никто не нуждается?

На всѣ эти вопросы вы обязаны—и ради себя и ради меня—дать отвѣтъ. Всякое голословное заявленіе, сдѣланное посредствомъ печати, должно быть такъ же публично обосновано въ печати.

Чтобы избавить васъ отъ лишняго труда, я заранѣе обращу ваше вниманіе на одно обстоятельство. Если вы — что вполнѣ правдоподобно—сочтете за лучшее увильнуть отъ прямыхъ отвѣтовъ, прибѣгнувъ къ извѣстной уловкѣ, то заранѣе вамъ объявляю: это вамъ не поможетъ. Я могу себѣ представить, что вамъ вздумается ограничиться изложеніемъ содержанія пьесы и въ заключеніе поставить вопросы: «Ну, не путаница ли это? Не обнаруживаетъ ли это незнанія людей и жизни?» Завѣряю васъ, что такимъ пріемомъ вы не сдвинетесь съ мѣста. Этимъ вы только докажете, что *въ вашемъ изложеніи* пьеса можетъ оказаться запутанной и обнаружить недостатокъ знанія людей и жизни, въ чемъ я и не сомнѣваюсь, и мнѣ въ голову не пришло бы потребовать отъ васъ такихъ доказательствъ. Нѣтъ, здѣсь идетъ рѣчь о доказательствахъ того, что пьеса, изложенная *моими* словами и *моимъ* перомъ, представляетъ путаницу и обнаруживаетъ незнаніе людей и жизни, какъ вы это утверждаете. Въ искусствѣ, въ литературѣ вся суть въ выполненіи задачи, въ томъ — *какъ* представлено то-то и то-то, а не въ томъ — *что* собственно взято темой; путемъ пересказа вамъ такимъ образомъ никогда не удастся вылутаться. Вамъ слѣдуетъ обосновать свои утвержденія, если вы не

хотите прослыть человѣкомъ, говорящимъ на вѣтеръ, — человѣкомъ, которому лучше всего было бы помолчать.

Желая вамъ успѣха въ предстоящей вамъ работѣ, прошу васъ только не стѣсняться соображеніями относительно неблагопріятнаго для автора приговора. Я не такъ чувствителенъ къ критикѣ, какъ вы, очевидно, предполагаете. Для меня важна правда; пусть меня подвергнутъ какой угодно критикѣ, — хвалятъ или порицаютъ,— только бы эта критика была основательной, а не голословной; я всегда буду лишь признателенъ той критикѣ, которая поможетъ мнѣ разобраться въ себѣ самомъ, выяснить мнѣ самому мое поэтическое «я». И не рѣзкость вашего сужденія заставила меня выступить противъ васъ, а полнѣйшая его голословность. Въ случаѣ, если отвѣтъ вашъ окажется для меня въ какомъ бы то ни было смыслѣ поучительнымъ, я буду очень радъ этому; въ противномъ случаѣ вамъ останется утѣшать себя мыслью, что вы сами извлекли для себя изъ этой полемики полезный урокъ, а именно — что не всякій является призваннымъ играть роль руководителя эстетическихъ вкусовъ публики, хотя бы и умѣлъ владѣть перомъ и ему посчастливилось бы выловить изъ частныхъ разговоровъ кое-какія мнѣнія и сужденія, которыя незатруднительно изложить на бумагѣ.

Къ характеристикѣ дирекціи датскаго театра въ Христіаніи.

Окончивъ прошлою осенью новое драматическое произведеніе: «Воители въ Гельгеландѣ», я представилъ его въ рукописи на судъ дирекціи Христіанійскаго театра съ вопросомъ—можно ли разсчитывать на постановку пьесы.

Прождавъ столько времени, сколько по приблизительному расчету могло понадобиться при существующихъ театральныхъ порядкахъ на обсужденіе вопроса, я обратился къ директору-распорядителю по художественной части и узналъ отъ него, что пьеса моя принята и постановка ея назначена на мартъ мѣсяцъ текущаго года. Потомъ я нашелъ случай повидаться съ директоромъ, чтобы переговорить относительно распредѣленія ролей и т. п., но оказалось, что онъ—по крайней мѣрѣ до того дня — не успѣлъ еще составить себѣ достаточно яснаго представленія о содержаніи пьесы и о дѣйствующихъ въ ней лицахъ, почему мы и рѣшили пока отложить обсужденіе интересовавшихъ меня вопросовъ. Такъ какъ обсужденіе это требовало со стороны г. директора вторичнаго прочтенія пьесы, то я счелъ за лучшее дать ему сроку еще мѣсяца два, по истеченіи которыхъ вчера и посѣтилъ г. директора снова съ тѣмъ же намѣреніемъ. Но оказалось, что дирекція—Богъ вѣсть когда—сдѣлала постановленіе, суть котораго заклю-

чалась въ слѣдующемъ: «Матеріальное положеніе театра и виды на доходы въ ближайшемъ будущемъ, въ связи съ уже намѣченными и неизбѣжными расходами, не позволяютъ кассѣ театра нести расходовъ по уплатѣ авторскихъ гонораровъ за оригинальныя произведенія, въ силу чего представленная г-номъ Ибсеномъ драма «Вонтели въ Гельгеландѣ» не можетъ быть поставлена въ текущемъ сезонѣ».

Это удивительное постановленіе заслуживаетъ куда большаго вниманія, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Дирекція Христіанійскаго театра въ этомъ случаѣ прямо и откровенно выставила свою программу, сама засвидѣтельствовала, какъ понимаетъ свою задачу; пусть же теперь публика судитъ.

Важно здѣсь не то, что отвергнута уже принятая для постановки пьеса; важно самое заявленіе дирекціи, что она не видитъ въ ближайшемъ будущемъ для себя возможности поддерживать, поощрять и вообще заниматься норвежскою драматическою литературою.

Можно было бы еще примириться съ этимъ, если бы рѣчь шла только о временной невозможности оказывать содѣйствіе родной литературѣ, но тутъ обнаруживается отсутствіе всякаго желанія оказывать это содѣйствіе.

Вѣдь будь у дирекціи малѣйшее желаніе поставить мою пьесу, она, конечно, вмѣсто того, чтобы сдѣлать упомянутое постановленіе, обратилась бы ко мнѣ съ предложеніемъ отказаться отъ авторскаго гонорара до болѣе благопріятнаго времени.

Но, вѣроятно, дирекція предвидѣла, что я охотно соглашусь на это, и потому предпочла иной выходъ, болѣе согласный съ ея политикой.

Между тѣмъ на этотъ самый театръ одинъ изъ ораторовъ въ стортингѣ указывалъ, какъ на художественное учрежденіе, которое охотно принимаетъ драматическія произведенія норвежскихъ писателей и прекрасно ихъ ставитъ, и это указаніе было выдвинуто, какъ доводъ противъ ассигновки стортингомъ субсидіи національному норвежскому театру,—тому самому норвежскому театру, который, при своихъ скудныхъ средствахъ, съ такимъ трудомъ собираемыхъ, все-таки счелъ своимъ долгомъ назначить преміи за оригинальныя пьесы, тогда какъ прославленное «художественное учрежденіе» попросту не желаетъ ставить оригинальное произведеніе, несмотря на то, что оно уже принято ею, и что вопросъ объ авторскомъ гонорарѣ можно было бы однимъ росчеркомъ пера или словомъ рѣшить въ любомъ, желательномъ дирекціи смыслѣ.

Но хорошо все-таки, что Христіанійскій театръ хоть разъ высказался начистоту. Скоро двадцать лѣтъ, какъ онъ упорно отстаиваетъ свое хилое существованіе, шагъ за шагомъ, вершокъ за вершкомъ сходя съ того широкаго фундамента, который нѣкогда утвердили подъ нимъ предразсудки и индифферентизмъ публики. До сихъ поръ у дирекціи все не хватало мужества отважиться на рѣшительное столкно-

веніе, изъ котораго предстояло выйти побѣдительницею или разбитою на-голову; она ежилась подъ сыпавшимися на нее ударами, затѣмъ занимала выжидательное положеніе, или ощупывала почву крайне осторожно и, когда убѣждалась, что опасность миновала, принималась за старое съ прежнимъ рвеніемъ. Она дѣйствовала вполнѣ послѣдовательно, — надо отдать ей справедливость; трудно было бы указать на какое-либо колебаніе или противорѣчіе во всей ея политикѣ съ 1838-го по 1858-й годъ; судя по ея поведенію, всѣ волненія и конфликты переходнаго времени не въ силахъ были побудить ее проявить хоть проблескъ искренности.

Сначала Христіанійскій театръ прибѣгалъ въ борьбѣ съ нарождающимся національнымъ норвежскимъ искусствомъ къ возраженію, что самый нашъ языкъ, отъ природы неповоротливый, недостаточно гибкій, ставитъ непреодолимыя препятствія сценическому искусству. Норвежскіе театры однако возникали, число ихъ росло, и пришлось прибѣгнуть къ новымъ аргументамъ. Стали объяснять возникновеніе этихъ національныхъ театровъ увлеченіемъ нѣкоторыхъ энтузіастовъ, пророчили этимъ театрамъ самое кратковременное существованіе и убаюкивали себя этимъ радостнымъ упованіемъ насколько было возможно. Наконецъ сочли своевременнымъ пустить въ ходъ новый планъ защиты, построенный на утвержденіи, что интересы норвежскаго драматическаго искусства всячески соблюдаются Христіанійскимъ театромъ.

Насколько это утвержденіе было искренне — дирекція теперь сама доказала, сломавъ мостъ между Христіанійскимъ театромъ и норвежской драматической литературой. Намекъ ея на лучшее будущее не имѣетъ, конечно, никакого значенія. Вѣдь не можетъ же она не знать, что нельзя вдохнуть жизнь въ тотъ безкровный призракъ, за который она держится, не можетъ не знать, что ряды ея приверженцевъ рѣдѣютъ со дня на день, и что скоро она будетъ покинута всѣми, исключая развѣ той, покрытой лакомъ полуинтеллигентности, кучки, благодаря которой слово «интеллигенція» стало у насъ чуть не бранымъ словомъ.

Но, какъ сказано, хорошо, что дирекція наконецъ открыла свои карты. И теперь мирное житіе нашей театральной и писательской среды должно быть нарушено, и обществу предстоитъ сдѣлать выборъ— стать на ту или иную сторону; существующее неопредѣленное положеніе болѣе не терпимо. Одно изъ двухъ — или намъ должны дать норвежскій театръ, который бы умѣлъ и хотѣлъ отстаивать интересы національнаго искусства, или всѣ мы единодушно должны примкнуть къ такъ-называемой господствующей сценѣ, валомъ-валить туда каждый разъ, какъ дирекція, согласно намѣченной программѣ, три раза въ недѣлю будетъ угощать насъ переводами и передѣлками, набранными со всѣхъ концовъ свѣта. Прочь на будущее время всякія національ-

ныя симпатіи, стремленія и заботы! Не надо больше ухаживать за родными ростками, таящими въ себѣ задатки будущаго. Такое крупное благотворительное учрежденіе, какъ Христіанійскій театръ, всецѣло захватываетъ вниманіе общества.

И все же теперь какъ разъ подходящее время для созданія господствующей національной сцены. Не стой на дорогѣ Христіанійскій театръ съ его чужеземными тенденціями и антинародным духомъ, можно было бы изъ выдающихся силъ трехъ театровъ составить труппу для осуществленія мысли о національномъ театрѣ, который шелъ бы рука объ руку съ нарождающеюся національною литературою, изгоняемой теперь Христіанійскимъ театромъ не только съ его собственныхъ подмостковъ, но и со сценъ норвежскихъ театровъ, такъ какъ именно упомянутый театръ мѣшаетъ сліянію артистическихъ силъ, безусловно необходимыхъ для достиженія истинно-художественнаго результата.

Не стану тратить лишнихъ словъ, говоря о директорѣ-распорядителѣ по художественной части. Или онъ согласенъ съ остальными членами дирекціи относительно изгнанія съ подмостковъ Христіанійскаго театра оригинальныхъ произведеній и въ такомъ случаѣ самъ произнесъ себѣ приговоръ, или онъ несогласенъ съ ними, но въ такомъ случаѣ что же онъ полагаетъ дѣлать?

Я не знаю, что онъ сдѣлаетъ, но знаю, что человѣкъ, дорожащій своею честью, оставилъ бы свой постъ.

Быть-можетъ, господинъ директоръ иного мнѣнія, но тогда онъ и рекомендуетъ себя человѣкомъ, для котораго важно только сохранить за собою кормящее его мѣсто, сохранить свой № въ спискѣ призрѣваемыхъ.

Новыя замѣтки по театральному вопросу.

I.

Заранѣе можно было съ увѣренностью предсказать, что ближайшіе заправилы Христіанійскаго театра постараются держаться возможно дальше отъ поля сраженія, сколько бы ни представлялось имъ поводовъ — особенно директору-распорядителю по художественной части — выступить на этомъ полѣ; заранѣе можно было предвидѣть, что господа эти ограничатся вербовкой, а по мѣрѣ возможности и дрессировкой наемныхъ борцовъ, съ помощью которыхъ окажется возможнымъ перенести борьбу на непріятельскую территорію и такимъ образомъ самимъ остаться внѣ линіи боевого огня. Однако, повидимому, вербовка эта не имѣла желаемаго успѣха: до сего времени подъ знамя дирекціи сталъ одинъ лишь крѣпостной критикъ «Christianiа Posten» («Христіанійской Почты»).

Если, впрочемъ, театральная дирекція, съ одной стороны, не отважи-вается публично и рѣшительно признаться въ тайномъ руководящемъ ея дѣйствіями принципѣ, а съ другой стороны — не чувствуетъ въ себѣ ни силъ ни способностей представить поднятое мною дѣло въ истинномъ его свѣтѣ и затѣмъ на этой основѣ защищать свой образъ дѣйствій, — то, по-моему, весьма понятно, что она возлагаетъ этотъ трудъ на болѣе подходящихъ наемныхъ людей; не совсѣмъ вѣдь удобно за личной своей подписью служить перомъ нечистому дѣлу, путемъ цѣлаго ряда завѣдомыхъ искаженій фактовъ стараться повернуть общественное мнѣніе въ пользу поступка, котораго нельзя оправдать честнымъ путемъ.

Иногда бываетъ однако довольно опасно поручать защиту своихъ интересовъ наемнымъ слугамъ, что̀ и пришлось испытать на себѣ театральной дирекціи благодаря статьѣ въ воскресномъ выпускѣ «Христіанійской Почты». Въ самомъ дѣлѣ, что̀ остается дѣлать дирекціи послѣ того, какъ уполномоченный ею полководецъ разстрѣлялъ всѣ свои заряды, притупилъ свое оружіе, нанося удары наугадъ направо и налѣво, и все-таки не отвоевалъ ни единой пяди изъ позиціи противника, — какъ не пожалѣть обо всей затѣянной кутерьмѣ, безъ которой такъ легко было бы обойтись, если бы дирекція, вмѣсто мобилизаціи плохихъ воякъ, рѣшилась открыто сознаться въ истинномъ положеніи вещей.

Докажу теперь добросовѣстнымъ разборомъ статьи моего противника, что ему не удалось пошатнуть ни единаго слова въ моемъ «манифестѣ», и что спорный вопросъ — поскольку онъ касается меня — остается въ томъ же положеніи, въ какомъ оставался бы и безъ появленія упомянутой статьи въ «Христіанійской Почтѣ».

Планъ нападенія былъ придуманъ авторомъ статьи недурно; противникъ мой уповалъ на свойственную нашимъ мелочнымъ условіямъ характерную привычку общества — считать аксіомой, что всякое публичное заявленіе въ печати диктуется личными побужденіями и служитъ личнымъ интересамъ. Это свойственное толпѣ мнѣніе авторъ статьи и старается по мѣрѣ силъ укрѣпить, но такъ какъ защита неправаго дѣла всегда сопряжена съ трудностями, то авторъ, къ несчастью для себя, по уши завязъ въ этихъ трудностяхъ, что̀ я и постараюсь теперь доказать пунктъ за пунктомъ.

Послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ фразъ, прѣсныхъ, какъ и всѣ театральныя замѣтки «Христіанійской Почты», авторъ изрекаетъ: «Тотъ, кто хочетъ выступать защитникомъ національныхъ интересовъ, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, долженъ дѣйствовать прямодушно и честно». Такъ какъ самъ авторъ статьи выступаетъ защитникомъ не національныхъ интересовъ, но интересовъ *датскаго театра*, а національные интересы и интересы датскаго театра ничего общаго между собою не имѣютъ, то я и не стану обвинять его въ

томъ, что онъ дѣйствуетъ наперекоръ собственнымъ принципамъ, хотя стратегія его на практикѣ меньше всего согласуется съ прекрасной его теоріей; предлагаю ему только сообразить — насколько принципы, обязательные для защитника національныхъ интересовъ, обязательны и для защитника ненаціональныхъ; разъ же они обязательны, то противникъ мой поступилъ бы разумнѣе, воздержавшись отъ голословныхъ обвиненій меня въ нечестности.

Дальше онъ повторяетъ исторію о моей пьесѣ, представленной на судъ дирекціи и сначала принятой, а затѣмъ отвергнутой. «Насталъ денежный кризисъ,—пишетъ онъ:—Христіанійскій театръ пережилъ вслѣдствіе этого плохой сезонъ, и дирекція была вынуждена воспользоваться своимъ правомъ — по уставу и въ силу экономическихъ причинъ — измѣнить репертуаръ, намѣченный директоромъ-распорядителемъ по художественной части. Вотъ причина, почему пришлось снять съ очереди постановку «Вонтелей въ Гельгеландѣ». Все это звучитъ довольно правдоподобно; одно плохо: авторъ статьи какъ будто и знать не хочетъ того обстоятельства, что я никогда не жаловался собственно на то, что моя пьеса въ силу обстоятельствъ исключена изъ репертуара; возсталъ я противъ постановленія дирекціи, по которому изъ репертуара нынѣшняго сезона *вообще исключаются оригинальныя пьесы*. Вотъ суть дѣла, центральный его пунктъ, который автору статьи и слѣдовало попытаться защитить; ему слѣдовало бы доказать художественное и нравственное право дирекціи отказываться ставить оригинальныя драматическія произведенія и въ то же время, несмотря на «плохой сезонъ», расходовать на постановку переводнаго бульварнаго фарса такую сумму, за которую, пожалуй, при данныхъ условіяхъ можно было бы пріобрѣсти въ собственность театра оригинальную одноактную пьесу; ему слѣдовало бы доказать право дирекціи отлучить, по экономическимъ соображеніямъ, отъ сцены даннаго театра всѣхъ норвежскихъ драматурговъ, хотя театръ въ томъ же «плохомъ сезонѣ» не останавливается предъ сверхсильными затратами, чтобы путемъ прибавки жалованья удержать въ труппѣ датскаго «артиста», который въ сущности вовсе не является безусловно необходимымъ, такъ какъ роли его легко и на болѣе выгодныхъ условіяхъ можно было бы поручить любому вакантному норвежскому его собрату по искусству.

Далѣе, приведя цитированное въ моей предыдущей статьѣ постановленіе дирекціи, противникъ мой пишетъ: «Порядочный человѣкъ не могъ бы вывести изъ этого никакого иного заключенія, кромѣ того, что пьеса г. Ибсена — какъ оно и сказано — не можетъ быть поставлена въ текущемъ сезонѣ; но самъ г. Ибсенъ толкуетъ это въ томъ смыслѣ, что театръ въ ближайшемъ будущемъ не въ состояніи поддерживать, поощрять и вообще заниматься норвежской драматической литературой»... Батракъ-защитникъ Христіанійскаго театра, очевидно, въ припадкѣ отчаянія схватился за первое попавшееся оружіе. Въ са-

момъ дѣлѣ, надо быть въ особомъ смыслѣ «порядочнымъ», чтобы постановленіе, ясно гласящее, что *обстоятельства времени не позволяютъ вообще ставить оригинальныхъ пьесъ, почему и представленная отдѣльная пьеса не можетъ быть поставлена въ данное время,* истолковать въ такомъ смыслѣ, какъ будто оно касается *только одной этой пьесы.* И такой-то «порядочный» человѣкъ, осмѣливающійся выступать публично съ подобными утвержденіями, не стѣсняется тутъ же бросить *мнѣ* обвиненіе въ непорядочности! Право, надо имѣть за собой въ прошломъ цѣлые годы умственной каторги, чтобы рѣшиться до такой степени игнорировать самыя элементарныя требованія порядочности и до такой степени забывать всякое чувство приличія, запрещающее порядочному человѣку пользоваться грязными средствами даже при защитѣ честнаго, хорошаго дѣла, не говоря уже о дѣлѣ нечистомъ!

Гдѣ въ моемъ толкованіи можно усмотрѣть хоть тѣнь нечестности, недобросовѣстности? А мой противникъ усматриваетъ даже двойную недобросовѣстность: «во-первыхъ, въ томъ, что онъ (Ибсенъ) говоритъ о ближайшемъ будущемъ такъ, какъ будто дѣло идетъ о вѣчности» и т. д. Гдѣ это я высказывался такъ? Я высказалъ, что дирекція своимъ образомъ дѣйствій сломала мостъ между театромъ и норвежской драматической литературой; но развѣ это значитъ говорить о ближайшемъ будущемъ, какъ о вѣчности? Развѣ авторъ статьи столь плохо знаетъ родной языкъ, что полагаетъ, будто выраженіе «сломать мостъ» означаетъ *вѣчную* пропасть, *вѣчный* разрывъ? Если, напримѣръ, критиканствующій бумагомарака пытается при помощи подходящаго печатнаго органа извратить чистое дѣло, прибѣгая ко всякаго рода завѣдомымъ искаженіямъ, или покушается путемъ грязныхъ инсинуацій свести спорный общественный вопросъ на степень какихъ-то личныхъ дрязгъ, то онъ этимъ самымъ разрушаетъ мостъ между собой и всѣми порядочными людьми; но если онъ искренно устыдится своего недостойнаго образа дѣйствій, возьметъ назадъ свои необоснованныя утвержденія и загладитъ затѣянный имъ скандалъ, то этимъ онъ снова возстановитъ связь между собой и незапятнанными людьми. Итакъ, кромѣ другихъ полезныхъ свѣдѣній, противникъ мой можетъ вынести изъ этого примѣра то поученіе, что, примѣнивъ разбираемое выраженіе, я не придалъ рѣшенію дирекціи никакой другой окраски, нежели какую оно имѣетъ въ дѣйствительности. Но разъ утвержденіе автора статьи относительно первой половины предполагаемой двойной моей недобросовѣстности основано на его ложномъ истолкованіи моихъ словъ, то и утвержденіе и истолкованіе сами собою отпадаютъ, и противнику моему поневолѣ приходится принять эту часть недобросовѣстности на свой собственный счетъ. Теперь перейду ко второй половинѣ и докажу, что и съ нею автору разбираемой статьи повезло не болѣе, чѣмъ съ первою.

«Затѣмъ г. Ибсенъ поступаетъ недобросовѣстно, безъ дальнѣйшихъ размышленій отожествляя себя со всей «норвежской драматической литературой», тогда какъ не можетъ быть и рѣчи о постановкѣ въ текущемъ сезонѣ новой пьесы норвежскаго драматурга,—буде таковая была бы теперь представлена». Укажите мнѣ, гдѣ это я отожествлялъ себя съ норвежской драматической литературой? Я привелъ фактъ, что пьеса моя не будетъ поставлена въ текущемъ сезонѣ на основаніи постановленія дирекціи, которая *вообще отказывается пока ставить оригинальныя пьесы*. Въ чемъ тутъ недобросовѣстность? Если авторъ пытается придать упомянутому постановленію лишь формальное значеніе, ссылаясь на то, что не можетъ даже зайти и рѣчи о постановкѣ въ текущемъ сезонѣ какой-нибудь новой норвежской пьесы, — да и будутъ ли таковыя представлены, — онъ этимъ нечаянно наноситъ дирекціи грубое оскорбленіе, обвиняетъ ее въ предосудительномъ поступкѣ—предвзятомъ формальномъ рѣшеніи по тѣмъ случаямъ, которыхъ можетъ и не быть. Всецѣло возлагая на совѣсть моего противника подобное недобросовѣстное отношеніе къ дѣлу, я отказываюсь состязаться съ нимъ въ этомъ направленіи; мало того, я согласенъ даже признать за фактъ, что дирекція, постановляя не принимать и не оплачивать въ текущемъ сезонѣ оригинальныхъ пьесъ, *предвидѣла* возможность появленія таковыхъ въ данномъ сезонѣ. Автору статьи слѣдовательно приходится принять на собственное попеченіе обоихъ близнецовъ недобросовѣстности, которыхъ онъ хотѣлъ навязать мнѣ, и затѣмъ ему остается только постараться по мѣрѣ силъ загладить свою неловкость по отношенію къ своимъ принципаламъ, дѣйствовать впредь осторожнѣе, выступая на скользкой почвѣ ложныхъ доказательствъ. Снявъ съ себя обвиненіе моего противника по первому пункту, перехожу къ слѣдующимъ.

Благоговѣйное отношеніе моего «благороднаго» противника къ дирекціи, какъ къ какому-то неприкосновенному величеству, достигаетъ своего апогея въ нижеслѣдующихъ его замѣчаніяхъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ выставляютъ степень сообразительности автора въ болѣе характерномъ, нежели выгодномъ свѣтѣ. Онъ изумляется и негодуетъ на мое заявленіе, что если бы дирекція хоть сколько-нибудь интересовалась моей пьесой, она бы освѣдомилась у меня — не соглашусь ли я подождать гонорара до болѣе благопріятнаго времени. «Намъ, непосвященнымъ, — говоритъ авторъ статьи: — не можетъ не показаться, что г. Ибсену самому ближе всего было бы выступить съ такимъ предложеніемъ — подождать». Какая изумительная сообразительность! Мнѣ послѣ того, какъ пьеса моя была принята и назначена къ постановкѣ, слѣдовало безъ всякаго приглашенія и повода попытаться предупредить постановленіе дирекціи, о которомъ я, конечно, только и могъ узнать, когда оно мнѣ было объявлено!

Затѣмъ слѣдуетъ тирада, по поводу которой не могу отказать себѣ

въ удовольствіи мимоходомъ припереть нашего борзописца къ стѣнѣ. Тирада эта гласитъ: «Ставя пьесу, театръ въ ту же минуту становится должникомъ автора, а порядочные люди вообще предпочитаютъ держаться такого порядка, при которомъ кредиторамъ предоставляется добровольно, безъ приглашенія, отказаться отъ своихъ неотъемлемыхъ правъ прежде, чѣмъ должникъ окажется вынужденнымъ просить отсрочки». Это замѣчаніе автору статьи лучше было бы оставить про себя, — тутъ оно оказалось въ высшей степени некстати. Бѣда какъ разъ въ томъ, что дирекція недавно сама поступила какъ разъ наоборотъ, нарушила тотъ порядокъ, котораго, по утвержденію автора статьи, придерживаются всѣ порядочные люди. А именно: дирекція сначала поставила «Вильяма Русселя» А. Мунха, а потомъ ужъ, когда пришелъ срокъ уплаты авторскаго гонорара, объявила г. Мунху, что театръ въ настоящее время не въ состояніи удовлетворить «неотъемлемыхъ правъ» кредитора, и такимъ образомъ вынудила послѣдняго *не добровольно*, а *по приглашенію*, отказаться отъ этихъ правъ.

Какъ, по мнѣнію защитника дирекціи, слѣдуетъ охарактеризовать въ данномъ случаѣ поведеніе его принципаловъ? Не придется ли ему согласиться со мной, что какъ онъ всей своей статьей самъ исключилъ себя изъ общества порядочныхъ людей въ литературномъ смыслѣ, такъ вышеприведенною тирадою онъ сломалъ мостъ между дирекціей датскаго театра и всѣми порядочными людьми вообще? Да, нечего сказать, хорошаго защитника обрѣла себѣ дирекція! Признаюсь, что я самъ въ своей предыдущей статьѣ не былъ особенно вѣжливъ, но *мои* обвиненія были все-таки направлены лишь противъ непростительно-безцеремоннаго отношенія дирекціи къ интересамъ родной литературы и родного искусства; мой же противникъ взялъ на себя трудъ окатить дирекцію грязными обвиненіями куда худшаго свойства, и такъ какъ я невольно подалъ ему первый поводъ къ тому, то простая справедливость заставляетъ меня протестовать какъ противъ его вышеприведенной тирады, которой можно дать такое позорное для дирекціи толкованіе, такъ и противъ его дальнѣйшей критики дѣйствій господина Боргора. Эта критика, какъ будетъ доказано ниже, куда обиднѣе и злѣе моей. Принимая это, какъ мнѣ кажется, вполнѣ безкорыстное рѣшеніе взять какъ господина Боргора въ отдѣльности, такъ и дирекцію вообще подъ свою защиту отъ неуклюжихъ выходокъ ихъ защитника, я надѣюсь, что послѣдній въ своемъ ожидаемомъ отвѣтѣ не обойдетъ полнымъ молчаніемъ этого курьезнаго пункта, а теперь послѣдую за нимъ дальше по его кочковатому пути.

II.

Что касается политики нашего датскаго театра за послѣднія двадцать лѣтъ, а также послѣдовательности этой политики на мой взглядъ, то пусть мой противникъ извинитъ меня, если я не дамъ

себѣ труда входить въ подробности разбора этого вопроса. Это послужитъ въ свое время темой особой статьи; здѣсь же я только вкратцѣ коснусь нѣсколькихъ пунктовъ его статьи, прямо относящихся къ спорному вопросу.

Прежде всего, выражаясь мягко, грубая неправда, будто я утверждаю, что фактъ отверженія Христіанійскимъ театромъ норвежской пьесы не есть случай единичный. Именно потому, что это случай единичный, я опротестовалъ его, — театръ этимъ сдѣлалъ шагъ за предѣлы того, чего до сихъ поръ считалъ для себя болѣе удобнымъ держаться. Мнимое доказательство автора статьи, которое онъ воображаетъ представить списокомъ исполненныхъ норвежскихъ пьесъ, такимъ образомъ нисколько не касается меня. Затѣмъ у моего противника, должно-быть, совершенно своеобразный умственный складъ, если онъ въ моемъ замѣчаніи о политикѣ театральной дирекціи въ теченіе 1838—1858 гг. способенъ видѣть только желаніе мое обвинить дирекцію въ недоброжелательномъ отношеніи къ норвежскимъ драматургамъ и ихъ произведеніямъ. Въ этомъ моемъ замѣчаніи заключается и нѣчто большее и совершенно иное. Укажу только на изолированное положеніе Христіанійскаго театра по отношенію къ вопросамъ, живо волновавшимъ народъ въ теченіе указаннаго промежутка времени; укажу на его полнѣйшій нейтралитетъ въ спорахъ о языкѣ и на его равнодушіе къ обновленію своихъ артистическихъ силъ съ помощью норвежскихъ артистовъ. Эта система отчужденности, это отгораживаніе себя китайской стѣной въ значительной степени и содѣйствовали тому, что Христіанійскій театръ сталъ для народа чужимъ, и вотъ въ этомъ-то я и упрекалъ дирекцію: вотъ что я подразумѣвалъ, называя политику театральной дирекціи послѣдовательной, и вотъ что я вмѣняю дирекціи въ грѣхъ, пожалуй, еще въ большій грѣхъ, нежели пренебрежительное отношеніе къ норвежскимъ пьесамъ. Пьесы эти представляются моему противнику излишнею роскошью, а предметы роскоши въ бурныя времена первые-де выбрасываются за бортъ. Но я не могу съ нимъ согласиться; если норвежская литература въ настоящее время и не особенно богата дѣйствительно хорошими или выдающимися произведеніями, то именно это обстоятельство и должно послужить для театра причиной — не отвергать, не устранять хоть того, что дирекція сама же признала хорошимъ, пригоднымъ. Я никогда не утверждалъ, что Христіанійскій театръ бракуетъ норвежскія пьесы, но я утверждалъ, что театръ этотъ — хотя бы и временно — заранѣе принялъ рѣшеніе отклонить, даже не просматривая, могущія быть представленными въ дирекцію норвежскія драматическія произведенія, и разъ нельзя доказать права театра на такое рѣшеніе, то и нельзя назвать мой протестъ противъ него неосновательнымъ. Въ общемъ довольно замѣчательно, какъ защитникъ театра вертится съ своими доказательствами словно въ заколдованномъ кругу. По его

мнѣнію, норвежскія пьесы — вообще произведенія крайне слабыя, незначительныя; норвежская драматическая литература еще въ самомъ первомъ періодѣ своего роста, поэтому ее и не слѣдуетъ пока пускать на сцену, — пусть она вступитъ въ болѣе зрѣлый періодъ развитія. Но разъ драматурги, только видя свои произведенія на сценѣ, могутъ открывать свои недостатки и учиться избѣгать ихъ въ будущихъ своихъ произведеніяхъ, то этотъ болѣе зрѣлый періодъ норвежской драматической литературы при такихъ условіяхъ *никогда не можетъ наступить*.

Сужденіе моего противника о моихъ драматическихъ трудахъ преспокойно могу оставить безъ вниманія, такъ же, какъ и его довольно недвусмысленную угрозу, что время докажетъ — насколько дирекція была права, отвергая мою новую пьесу, которой самъ мой противникъ не знаетъ. Недостатки, присущіе моимъ произведеніямъ, я самъ знаю лучше его; но именно потому, что я ихъ знаю, для меня такъ и важно съ помощью сценическаго воспроизведенія моихъ пьесъ научиться избѣгать этихъ недостатковъ.

Авторъ статьи и самъ говоритъ, что датскій театръ еще нуженъ въ смыслѣ содѣйствія прояснѣнію нашихъ понятій о драматическомъ искусствѣ; но тогда справедливо ли, чтобы норвежскіе драматурги хотя бы на минуту были устранены отъ пользованія тѣми плодами духовной культуры, которыми драматурги и артисты датскаго театра призваны одѣлять алчущій норвежскій народъ? Если только при содѣйствіи датскаго театра оказывается возможнымъ распространить въ нашей туманной странѣ свѣтъ истиннаго искусства, зачѣмъ же удалять норвежскихъ писателей изъ того круга, внѣ котораго уже не могутъ дойти до нихъ духовные лучи датскаго театра?

Затѣмъ авторъ статьи особенно напираетъ на мое утвержденіе, что датскій театръ постепенно теряетъ подъ собою почву, переставая интересовать публику. Онъ требуетъ доказательствъ по этому пункту, и я отвѣчаю, что онъ самъ согласился съ этимъ утвержденіемъ, разсматривая въ своей статьѣ датскій театръ, какъ учрежденіе *все еще необходимое* въ силу того, что мы, норвежцы, еще не въ *состояніи* обходиться безъ такого содѣйствія, и т. д. Разъ мы согласны относительно того, что норвежскій народъ — съ помощью или безъ помощи датскаго театра—стремится занять самостоятельную художественную ступень, мы должны быть согласны и относительно того, что временная помощь рано или поздно станетъ излишнею; но такъ какъ такой прогрессъ народа въ положительномъ смыслѣ можетъ обнаружиться только путемъ постепеннаго приближенія къ конечной цѣли, то въ смыслѣ отрицательномъ онъ долженъ выражаться соотвѣтствующимъ постепеннымъ отказомъ отъ временныхъ чужестранныхъ суррогатовъ. Такимъ образомъ противникъ мой самъ подкрѣпилъ мое утвержденіе, и, разъ *нѣтъ нужды* долѣе останавливаться на этомъ пунктѣ, я

предпочитаю помочь ему разобраться въ предполагаемомъ съ моей стороны противорѣчіи. Противорѣчіе это онъ усмотрѣлъ въ томъ, что я въ свое время выражалъ въ печати признательность датскому артисту Вите, признавая его значеніе въ смыслѣ выясненія намъ основъ драматическаго искусства, а теперь напираю на иностранныя тенденціи датскаго театра и антинаціональное его противодѣйствіе возникновенію господствующей норвежской сцены. Такъ въ этомъ есть противорѣчіе? Противникъ мой, пожалуй, немало изумится, если я пойду еще дальше и, въ придачу ко всему мною сказанному по адресу г. Вите, прибавлю, что считаю и г. Йоргенсена великолѣпнымъ артистомъ и отдаю должное и другимъ почтеннымъ артистическимъ силамъ датскаго театра, и тѣмъ не менѣе безъ затрудненія выйду изъ «противорѣчія». Мой упрекъ театру по поводу его иностранныхъ тенденцій и антинаціональнаго образа дѣйствій относился отнюдь не къ артистамъ, а только къ дирекціи. И подобно тому, какъ до сихъ поръ у насъ безспорно господствовалъ датскій театръ, хотя онъ и насчитываетъ много талантливыхъ *норвежскихъ* дѣятелей, такъ же безспорно то, что мы въ настоящее время смогли бы создать норвежскій театръ, который держался бы національнаго направленія, не упуская въ то же время полезныхъ *датскихъ* артистическихъ силъ, безъ которыхъ, можетъ-быть, пока еще нельзя обойтись, не нанося ущерба искусству. Не метрическія свидѣтельства, не доказательства датскаго или норвежскаго происхожденія артистовъ дѣлаютъ театръ датскимъ или норвежскимъ; для этого требуется большее — дирекція и труппа, проникнутыя національнымъ самосознаніемъ, національными стремленіями. Вотъ что нужно пробудить и прояснить въ норвежскихъ членахъ труппы; способность же нашихъ датскихъ собратьевъ поддаваться вліянію родственной національности, къ сожалѣнію, съ избыткомъ доказана въ другихъ направленіяхъ. Итакъ, мой противникъ можетъ усмотрѣть, что въ высказанныхъ мною мнѣніяхъ не только нѣтъ никакого противорѣчія, но, напротивъ, желанная гармонія; подобная же гармонія получилась бы и при иномъ истолкованіи моихъ словъ; но самому отыскивать ее я предоставляю моему проницательному противнику, — я въ настоящую минуту не расположенъ пользоваться этимъ козыремъ.

Туманныя представленія моего противника о подобныхъ предметахъ раздѣляются, конечно, многими изъ толпы, вслѣдствіе чего мнѣ въ собственныхъ интересахъ приходится растолковать этимъ господамъ, лишеннымъ скромной способности правильно смотрѣть на вещи и оцѣнивать ихъ взаимоотношеніе, — растолковать, что я ни однимъ словомъ не задѣлъ самой труппы театра, а лишь систему управленія театромъ, пассивное отношеніе его заправилъ къ вопросамъ, отъ обсужденія которыхъ не можетъ устранить себя истинное художественное учрежденіе. Мое обращеніе къ г. Боргору вполнѣ основательно. Я ска-

залъ, что если онъ несогласенъ съ принятымъ дирекціей рѣшеніемъ, то, какъ честный человѣкъ, обязанъ выйти изъ ея состава. Это, по-моему, яснѣе яснаго. Кромѣ того, разногласіе при рѣшеніи вопроса о нравственномъ правѣ театра — хотя бы и на короткій срокъ — отказаться отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ родной драматической литературѣ не можетъ не давать себя знать и въ рѣшеніи другихъ вопросовъ по художественной части, и разъ оказалось, что дирекція умѣетъ заставить г. Боргора подчиниться ея волѣ, то выходитъ, что г. директоръ-распорядитель по художественной части мирится съ такою системой управленія театромъ, которой самъ не одобряетъ. Честный человѣкъ на это не пойдетъ, — сказалъ я; если г. Боргоръ дѣйствительно борется за идею, если онъ дѣйствительно проникнутъ сознаніемъ всѣхъ обязанностей театра и той отвѣтственности, которую учрежденіе беретъ на себя, свернувъ на ложный путь, — то онъ не дастъ сдѣлать себя орудіемъ чужой воли, идущей въ разрѣзъ съ его собственной. Поэтому плохое оправданіе для г. Боргора, что онъ, по словамъ моего противника, принужденъ былъ сообразоваться съ рѣшеніемъ дирекціи, и я не думаю, чтобы эта покладистость г. Боргора особенно могла способствовать укрѣпленію эстетическаго авторитета театра въ глазахъ публики. Если директоръ-распорядитель по художественной части подчиняется разнымъ рѣшеніямъ своего некомпетентнаго коллеги, то я ужъ и не знаю, какъ и кѣмъ въ этомъ учрежденіи будутъ охраняться интересы искусства. Кромѣ того, господинъ защитникъ дирекціи послѣдній въ правѣ упрекать меня въ рѣзкихъ нападкахъ на г. Боргора; стоитъ лишь припомнить даваемую имъ самимъ характеристику директора-распорядителя по художественной части: выходитъ вѣдь, что послѣдній изъ чисто трусливыхъ соображеній не можетъ рѣшиться ни принять ни отвергнуть пьесу; мало того, оказывается еще, что онъ, повидимому, по совершенно постороннимъ искусству соображеніямъ, дастъ себя склонить къ принятію драматическихъ произведеній, которыя вѣрнѣе всего были бы отвергнуты! Такія обвиненія со стороны союзника должны показаться по крайней мѣрѣ столь же обидными, какъ и мои, исходящія отъ противника.

О несогласіи автора статьи со мною относительно пользы назначенія премій за оригинальныя драматическія произведенія я не буду особенно распространяться. Онъ находитъ, что подобныя мѣры содѣйствуютъ лишь размноженію драматурговъ-ремесленниковъ. Конечно, можетъ-быть, лучше всего было бы, если бы поэзія могла расцвѣтать сама собою, безъ всякой матеріальной поддержки, двигаемая единственно внутреннимъ побужденіемъ. Но то же можно сказать и объ искусствѣ вообще, и, чтобы предупредить низведеніе его до степени ремесла, можно было бы попробовать убавить или совсѣмъ упразднить жалованье артистамъ Христіанійскаго театра; тогда ужъ можно было бы быть увѣреннымъ, что артисты, которые все-таки останутся на

своихъ мѣстахъ, дѣйствительно отвѣчаютъ своему призванію, служатъ искусству вполнѣ безкорыстно, безъ всякихъ низменныхъ матеріальныхъ расчетовъ и т. п. При такихъ условіяхъ театру не пришлось бы, по экономическимъ соображеніямъ, отказываться принимать произведенія норвежскихъ писателей, какъ не пришлось бы и считать себя обязаннымъ содѣйствовать преміями преуспѣянію литературы. Не является ли установленіе такого идеальнаго художественно-поэтическаго золотого вѣка достойной цѣлью дѣятельности моего противника? Если счастье будетъ ему сопутствовать въ стремленіи къ этой цѣли, то благодарное потомство, безъ сомнѣнія, поставитъ ему пьедесталъ, съ котораго онъ, сіяя лучами самопрославленія, кстати могъ бы прочесть обѣщанную отходную «Nyhedsbladet» («Новостямъ»).

Существуетъ ходячая фраза, за которую всегда готовы ухватиться умствующіе болтуны, повторяющіе чужія мысли, какъ только захотятъ поважничать въ глазахъ толпы. Я разумѣю ходячую фразу относительно общеевропейской культуры, т.-е. необходимости пріобщенія къ ней путемъ знакомства съ произведеніями европейскаго искусства, литературы и пр. и пр. И мой противникъ, разумѣется, не преминулъ прибѣгнуть къ этой опошленной до отвращенія фразѣ. По его мнѣнію, всякое ухаживаніе за всевозможными ростками національной культуры весьма непочтенно, такъ какъ это служитъ во вредъ нашей связи съ общечеловѣческой культурой, «крохотнымъ, хотя и достойнымъ вниманія обрывкомъ которой мы навѣки останемся». Нѣтъ, мы ни навѣки ни на время не являемся «обрывкомъ», но самостоятельнымъ органическимъ звеномъ великаго цѣлаго! Что такое европейская культура? Противникъ мой говоритъ такъ, какъ будто она что-то конкретное, воплощающееся въ той или иной странѣ въ такой-то и такой-то формѣ, на которую можно указать; на самомъ же дѣлѣ она не что иное, какъ понятіе, которымъ мы опредѣляемъ совокупность французской, нѣмецкой, англійской и прочихъ культуръ. Поэтому и не можетъ быть безразличнымъ — въ какой формѣ и подъ какими вліяніями она развивается у насъ. У народа, который дѣйствительно представляетъ собою законченное цѣлое, культура никогда не можетъ быть чѣмъ-то обособленнымъ отъ національности; напротивъ, послѣдняя какъ разъ и обусловливаетъ тѣ своеобразныя формы, въ которыя выливается общая цивилизація въ жизни даннаго народа, въ противоположность формамъ, въ которыя выливается въ жизни другихъ народовъ. Если бы дѣло не обстояло именно такъ, было бы, конечно, довольно безразлично, называется ли наша господствующая сцена норвежской, датской или французской, но въ такомъ случаѣ было бы также безразлично — обогащается ли наша литература произведеніями родныхъ писателей или переводами, взятыми отовсюду. Итакъ, содѣйствовать прогрессу національной культуры значитъ въ духѣ и истинѣ служить великой европейской культурѣ, тогда какъ напяливать по-

слѣднюю на свой народъ въ видѣ заграничнаго праздничнаго наряда значитъ только глушить наши собственныя, богатыя задатками будущаго силы, не подвигая тѣмъ общую культуру ни на шагъ впередъ къ желанной побѣдѣ. Лишь когда національныя и культурныя стремленія направлены рука объ руку къ общей высшей цѣли, тогда лишь знаменосцы народа — въ искусствѣ вообще и въ литературѣ въ частности — на вѣрномъ пути; вотъ почему датскій театръ является опаснымъ у насъ, вотъ почему всякое офиціальное нарушеніе этимъ учрежденіемъ національныхъ интересовъ должно быть опротестовано.

Но датскій театръ стоитъ не только препятствіемъ къ преуспѣянію всесторонней европейской культуры въ томъ ея видѣ, въ какомъ она должна естественно складываться у насъ; онъ является также тормозомъ, замедляющимъ наступленіе момента осуществленія великой идеи объединенія Сѣвера. Лишь тройственный союзъ *равноправныхъ* скандинавскихъ государствъ можетъ обезпечить будущее Сѣвера, его общій прогрессъ; каждый изъ трехъ народовъ долженъ изображать собою въ союзѣ самостоятельную величину не только въ политическомъ, но и въ литературномъ и въ художественномъ смыслѣ. Не датская или датско-норвежская національность рука объ руку со шведской поведетъ къ побѣдѣ народы Сѣвера; Норвегія должна сознать себя самостоятельной, во всѣхъ отношеніяхъ самостоятельной, чтобы примкнуть къ союзу, съ одинаковыми правами и полной гарантіей за будущую неприкосновенность. Но какъ же это окажется возможнымъ, если датскій театръ продолжаетъ стирать нашу самобытность въ тѣхъ, имѣющихъ огромное значеніе, областяхъ духовной жизни, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь? Датскій театръ слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать преуспѣянію у насъ истинной европейской культуры, напротивъ, тормозитъ, пожалуй, даже уничтожаетъ возможность одного изъ самыхъ важнѣйшихъ результатовъ культуры — объединенія родственныхъ народовъ; поэтому каждый норвежецъ, горячо сочувствующій братскому датскому народу и великой идеѣ объединенія Сѣвера, долженъ выяснить себѣ — поскольку походъ противъ Христіанійскаго датскаго театра основателенъ.

Предварительное заключеніе.

Какъ я и предвидѣлъ, эпизодъ съ гонораромъ за «Вильяма Русселя» привелъ защитника датскаго театра въ «Почтѣ» въ большое замѣшательство, и, чтобы исправить свою оплошность по этому поводу, онъ выдвинулъ весь свой полемическій арсеналъ, но въ результатѣ получились *нельпость*, *непорядочность* и *завѣдомая неправда*.

Вотъ чѣмъ воображаетъ онъ оправдать образъ дѣйствія дирекціи: «Послѣ того, какъ пьеса Мунха была поставлена, одинъ изъ ди-

ректоровъ театра отправился къ автору и спросилъ — желаетъ ли онъ получить свой гонораръ немедленно или согласенъ подождать. При этомъ директоръ далъ Мунху понять, что гонораръ его увеличится, если онъ подождетъ, такъ какъ нельзя заранѣе назначить максимальнаго гонорара, не убѣдившись въ томъ, что пьеса дѣйствительно будетъ пользоваться успѣхомъ у публики. Далѣе дирекція заявила, что г. Мунхъ во всякомъ случаѣ можетъ немедленно получить авансъ въ счетъ гонорара, — будетъ ли опредѣленъ размѣръ послѣдняго теперь же или въ ближайшемъ будущемъ».

Нелѣпость этой защиты заключается въ предположеніи защитника, что поведеніе дирекціи становится менѣе предосудительнымъ благодаря предложенію аванса; вѣдь каждый сколько-нибудь разумный человѣкъ долженъ понимать, что авторъ не можетъ принять аванса въ счетъ гонорара, не имѣя понятія о размѣрѣ послѣдняго, — нашъ датскій театръ при опредѣленіи гонорара за оригинальныя произведенія вѣдь не руководится пока какими-нибудь опредѣленными правилами. Кромѣ того, по собственнымъ же словамъ защитника, неотъемлемое право кредитора — немедленно получить то, что̀ ему слѣдуетъ, безъ всякихъ околичностей, — право, отъ удовлетворенія котораго — опять-таки по словамъ защитника — «порядочные» должники никоимъ образомъ не могутъ уклоняться.

Непорядочность защитника сказывается въ его попыткѣ обморочить читателей тѣмъ, что обращеніе дирекціи къ г. Мунху послѣдовало немедленно вслѣдъ за *первымъ же* представленіемъ пьесы, между тѣмъ какъ на дѣлѣ оно состоялось лишь послѣ пятикратнаго исполненія «Вильяма Русселя» на сценѣ датскаго театра. *Завѣдомою же неправдою* безспорно является неуклюжее утвержденіе защитника, будто бы директору въ день его обращенія къ Мунху еще предстояло убѣдиться въ томъ, насколько пьеса можетъ разсчитывать на успѣхъ у публики: вѣдь пьеса уже шла въ театрѣ пять разъ при почти полномъ сборѣ и при дружныхъ одобреніяхъ какъ публики, такъ и критики. На чемъ же еще должно было основываться загадочное убѣжденіе директора? Публика высказалась вполнѣ недвусмысленно, пресса («Вечерняя Газета», «Утренняя Газета» и «Новости») — также. Можетъ-быть, недоставало еще критическаго отзыва «Почты», и въ ожиданіи его-то и былъ отодвинутъ срокъ назначенія гонорара? Можетъ-быть, дирекція питала надежду, что рецензентъ «Почты» поможетъ найти желанное мѣрило для опредѣленія гонорара?

Считая подобнаго рода предположенія совершенно невѣроятными, предпочитаю держаться того простого объясненія, что защитникъ театра въ своемъ замѣшательствѣ попытался вывернуться, какъ умѣлъ, при чемъ возможность лишній разъ провиниться въ нелѣпости, непорядочности и завѣдомой лжи не казалась ему, повидимому, препятствіемъ, надъ которымъ стоило бы задуматься.

Я затронулъ этотъ пунктъ потому, что онъ особенно ярко характеризуетъ полемическіе пріемы моего противника. Объ остальныхъ его замѣчаніяхъ, уже опровергнутыхъ прежде, чѣмъ онъ успѣлъ повторить ихъ, говорить не приходится.

Христіанія, 10 апрѣля 1858 г.

Чѣмъ пробавляется „Христіанійская Почта“.

Разсказы о томъ, что гренландцы иногда доходятъ до такой нужды и голода, что подъ конецъ имъ приходится съѣдать свои кожаные штаны, повидимому, подкрѣпляются примѣрами; но случается это лишь въ суровыя зимы и во время перерыва всякаго сообщенія съ другими странами. Нашъ городъ въ настоящее время отнюдь не находится въ такомъ положеніи, получая съ каждою почтой порядочный запасъ свѣжихъ туземныхъ и иностранныхъ новостей, тѣмъ не менѣе въ нашей газетной и журнальной Гренландіи объявился подобный же жестокій голодъ.

«Христіанійская Почта» цѣлыхъ три дня уже питалась драматическими и историко-литературными кожаными штанами одного изъ сотрудниковъ; всего черезъ нѣсколько сутокъ нужда однако опять дала себя знать, и пришлось опять цѣлыхъ три дня пробавляться остатками, которые въ первый разъ, должно-быть, показались слишкомъ неудобоваримыми.

Этотъ литературный санкюлотъ, принесшій себя такимъ образомъ въ жертву общему благу, зовется, согласно выжженной на рогахъ мѣткѣ, именемъ q. Во избѣжаніе этой мало употребительной въ норвежскомъ языкѣ, ненаціональной буквы, я предлагаю замѣнить ее, согласно произношенію, двумя буквами: *ку*. Теперь недостаетъ только, чтобы эта самая *ку* *), уже ушестерившаяся на столбцахъ «Христіанійской Почты», явилась подъ седьмой статьей, — тогда про почтенную газету можно будетъ съ полнымъ основаніемъ сказать, что она выпустила всѣхъ своихъ семерыхъ тощихъ коровъ, у которыхъ по крайней мѣрѣ одно общее съ семью коровами египетскаго фараона: хотя каждая изъ нихъ и носитъ въ своей утробѣ жирнаго мыслями бычка, никто этого не замѣчаетъ. Перебѣсившись въ эти жаркіе дни на столбцахъ газеты, упомянутая «корова» всѣми правдами и неправдами пробирается на литературную выставку животныхъ и неумолчнымъ мычаніемъ призываетъ меня выступить въ качествѣ жюри. Я однако не могу взять на себя такой роли, хотя и вполнѣ согласенъ,

*) Игра словъ, основанная на томъ, что буква *o* въ словѣ «ko» (корова) по-норвежски произносится близко къ звуку *y*, вслѣдствіе чего и выходитъ «ку».

что «корова», невзирая на свою худобу, представляетъ много данныхъ въ пользу признанія ея своего рода «идеальной скотиной». Но разъ мнѣнія моего требуютъ съ такой навязчивой настойчивостью, то я охотно выдамъ «коровѣ» аттестатъ, въ которомъ признаю ее за довольно породистый туземный экземпляръ, лишь, къ сожалѣнію, выращенный въ коровникѣ на неудобоваримой пищѣ — отбросахъ заграничнаго книгопроизводства. Худшимъ послѣдствіемъ такого нераціональнаго питанія явился сильный логическій рахитизмъ — болѣзнь, обыкновенно принимающая хроническую форму, почему я самымъ рѣшительнымъ образомъ и долженъ отсовѣтовать столичной газетѣ оставить эту критическую корову у себя на племя. Но не буду отрицать, что она въ крайности могла бы пригодиться въ провинціи; несомнѣнные симптомы чахотки языка, пожалуй, исчезнутъ, когда она перестанетъ пастись рядомъ съ здѣшними зараженными экземплярами. Болѣе же основательный аттестатъ пусть выдастъ ей тотъ, кто навѣсилъ ей бубенчикъ на шею.

Упомянутый логическій рахитизмъ доказать нетрудно. Называя въ первыхъ своихъ статьяхъ «Театръ Карла» въ Вѣнѣ балаганомъ, авторъ въ видѣ доказательства приводитъ теперь, что «театръ этотъ— одинъ изъ маленькихъ вѣнскихъ театровъ». Великолѣпное доказательство! Придворный театръ въ Копенгагенѣ самый маленькій театръ въ датской столицѣ, но слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ балаганъ? Въ своемъ предыдущемъ отвѣтѣ я указалъ, что пишущій въ «Почтѣ» косвеннымъ образомъ высказываетъ мысль, будто ставить гейберговскіе водевили значитъ со стороны дирекціи прибѣгать къ самымъ низменнымъ средствамъ воздѣйствія на публику. По этому поводу тотъ же господинъ пишетъ теперь, что это съ моей стороны искаженіе, что я приписываю ему мнѣніе, котораго онъ никогда не имѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ однако говоритъ, что для подкрѣпленія своего осужденія — «если бы дѣйствительно высказалъ таковое осужденіе»—могъ бы сослаться на отзывы копенгагенской критики, считающей эти водевили невозможными въ наше время. Не буду говорить, что эта враждебная ему критика, на которую онъ тѣмъ не менѣе готовъ сослаться, направлена на нѣчто совсѣмъ другое, а именно на мѣстный колоритъ; не буду распространяться и о томъ, что авторъ такимъ образомъ не могъ взять въ толкъ и этой критики, какъ моихъ прежнихъ статей о театрѣ; все это совершенно въ его духѣ. Но я долженъ все-таки растолковать ему, что онъ построилъ свои доказательства по образцу деревенскаго адвоката, который защищалъ клієнта, бравшаго у сосѣда на подержаніе горшокъ и вернувшаго послѣдній обратно съ трещиной. Этотъ собратъ автора по духу, во-первыхъ, доказывалъ, что клієнтъ его вовсе не бралъ горшка, затѣмъ, что онъ вернулъ горшокъ цѣлымъ, и наконецъ, что горшокъ былъ уже съ трещиной, когда онъ его бралъ. Выяснить сотруднику «Почты», насколько подобный способъ защиты

самоуничтожающъ, пожалуй, невозможно, но каждый человѣкъ, съ полнымъ правомъ разгуливающій на свободѣ въ это жаркое время года, пойметъ это и безъ дальнѣйшихъ тыканій носомъ. Остальныя свои вздорныя разсужденія, которыя я вставилъ въ рамку подъ стекло, онъ пытается теперь сорвать безсильнымъ увѣреніемъ: «Я совсѣмъ не то хотѣлъ сказать»... Далѣе совершенная правда, что я не обратилъ вниманія на его болтовню о распредѣленіи ролей и т. д., но съ его стороны и требовать этого дерзко послѣ того, какъ онъ въ одномъ нумерѣ газеты заявилъ, что такого-то артиста обходятъ, такъ какъ больше не выпускаютъ его въ фарсахъ, а въ другомъ — что непростительно выпускать того же артиста «въ комическихъ роляхъ, для которыхъ онъ не подходитъ». Съ человѣкомъ, который такимъ образомъ сегодня говоритъ одно, а завтра другое, не церемонятся и не удостоиваютъ его аргументами.

Считаю съ своей стороны вопросъ исчерпаннымъ. Къ какимъ средствамъ будутъ отнынѣ прибѣгать наши газетные гренландцы, чтобы обезпечить себя отъ голода, — мнѣ безразлично; и если имъ вздумается, послѣ тѣхъ неудобоваримыхъ «невыразимыхъ», пробавляться болѣе легкой пищею — мыслями сушеной трески, пусть не разсчитываютъ на меня, какъ на жюри.

Христіанія, 10 іюня 1861 года.

Театральный кризисъ.

Недавно вышла книга, имѣющая цѣлью доказать, что «норвежское не то, что датское». Утвержденіе автора касалось только языка, но онъ могъ бы легко пойти дальше и захватить область вкуса и художественныхъ понятій. Событія послѣднихъ дней во всякомъ случаѣ могли бы дать превосходный матеріалъ для доказательствъ. Въ Копенгагенѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ дошло до настоящаго театральнаго кризиса, извѣстнаго подъ названіемъ гётскаго, такъ какъ вызванъ онъ былъ отказомъ артиста Гёта исполнить требованіе дирекціи — играть Гамлета съ артисткой, голосъ которой онъ находилъ слишкомъ высокимъ въ сравненіи съ тембромъ его собственнаго голоса, вслѣдствіе чего, по его мнѣнію, нарушалась «необходимая общая гармонія». Копенгагенская публика и копенгагенская пресса, признавая гармонію главнымъ условіемъ искусства, приняли сторону артиста большинствомъ голосовъ. Въ Христіаніи къ гармоніи, къ сожалѣнію, далеко не относятся съ такимъ почтеніемъ ни въ средѣ артистовъ, ни въ прессѣ, ни въ публикѣ. При Христіанійскомъ театрѣ существуетъ и дѣйствуетъ въ теченіе многихъ лѣтъ цѣлая корпорація, которая словно поставила себѣ особою цѣлью разрушать всякую «гармонію» своими голосами, выходящими за предѣлы дозволеннаго

въ музыкальномъ смыслѣ не на одинъ только тонъ, а часто на полъ-октавы или даже на цѣлую. Корпорація эта — хоръ («толпа», «народъ», статисты). Въ древности задачею хора было вѣрно выражать господствующія мнѣнія народа. Къ «народу», безъ сомнѣнія, принадлежатъ и театралы, и редакторы газетъ, и рецензенты; и, принимая во вниманіе усердіе, съ которымъ нѣкоторые изъ нихъ стараются въ послѣдніе дни сохранить свой драматическій органъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вотъ уже столько лѣтъ обрѣтается, можно было бы заключить, что этотъ нашъ современный хоръ всегда удивительно удачно справлялся съ упомянутою античною задачей. Согласно же этому, хоръ Христіанійскаго театра долженъ заслуживать названіе «классическаго». Но театральныя дирекціи въ наше время, какъ извѣстно, питаютъ весьма мало почтенія къ классицизму, и вотъ дирекція Христіанійскаго театра не задумалась возобновить бывшее въ силѣ постановленіе, согласно которому всѣ артисты, состоящіе въ трупнѣ и незанятые въ данный вечеръ другими обязанностями, должны участвовать въ хорѣ. Мы достовѣрно знаемъ, что хормейстеръ театра часто и горько жаловался, что постановленіе это, благодаря слабости прежнихъ дирекцій, мало-по-малу утратило всякую силу; далѣе мы знаемъ, что онъ именно въ этомъ усматривалъ причину нынѣшняго плохого состоянія хора. Да и, казалось бы, каждому должно быть ясно, насколько хорошему театру необходимо не только имѣть въ своемъ распоряженіи хорошіе голоса, но также имѣть возможность вносить драматическую жизнь въ представленія; послѣдняго же невозможно добиться съ помощью однихъ — постоянныхъ и разовыхъ — хористовъ; тутъ необходимо содѣйствіе артистовъ-художниковъ, имѣющихъ нужные для этого задатки — и природное дарованіе и художественно-артистическое образованіе. Высказывалось публично, будто бы для артистовъ унизительно оказывать хору такое содѣйствіе, а отдѣльный голосъ указалъ, какъ на верхъ униженія, на тотъ случай, если потребуется участіе въ хорѣ артиста, въ тотъ же вечеръ выступавшаго въ одной изъ «французскихъ салонныхъ пьесъ», дѣйствующими лицами въ которыхъ чаще всего являются графы и маркизы. Значитъ, для того лица, который въ первую половину вечера исполнялъ роль крестьянина или простого театральнаго кучера, униженіе будетъ уже не такъ велико? Подобная табель о рангахъ имѣетъ однако значеніе лишь для лицъ, имѣющихъ весьма смутныя представленія о сущности искусства; само искусство ея не знаетъ вовсе. Искусство не знаетъ униженія, основаннаго на незначительности задачи — крупной или малой, безразлично. Далѣе было высказано предположеніе, что большинство артистовъ формально обезпечили себя по контракту отъ подобной унизительной обязанности — участвовать въ хорѣ. Пусть такъ; но контрактъ артистовъ съ театромъ вѣдь не то же самое, что̀ контрактъ работодателя съ работниками.

Контрактъ, подписываемый артистомъ, имѣетъ по духу нѣсколько болѣе широкое значеніе, нежели какое имѣетъ по буквѣ. При заключеніи контракта между артистомъ и театромъ дѣйствуетъ негласный уговоръ, что въ лицѣ этого артиста театръ пріобрѣтаетъ артиста-художника. Но для того, чтобы быть артистомъ-художникомъ въ духѣ и истинѣ, мало обладать талантомъ и сценической подготовкой, необходимо еще имѣть душу артиста-художника. Негласный уговоръ между театромъ и артистомъ заключается въ томъ, что артистъ предоставляетъ въ распоряженіе театра свои природныя способности и благопріобрѣтенныя знанія, обѣщаетъ также, что все его отношеніе къ театру будетъ проникнуто духомъ истиннаго, живого служенія искусству, которое онъ ставитъ своей единственной цѣлью, обѣщаетъ считать честь театра своею честью, чувствовать на себѣ часть отвѣтственности за дѣятельность театра, за его общее направленіе и, прежде всего, никогда не позволять себѣ смотрѣть на сцену лишь какъ на рамку для проявленія личной виртуозности. Таковы негласныя требованія театра и таковы нравственныя обязательства, принимаемыя на себя артистомъ, подписывающимъ контрактъ съ театромъ. Но исполняются ли эти обязательства? Въ этомъ позволено усомниться, и послѣднія событія оправдываютъ сомнѣніе. Природныя дарованія, сценическая подготовка оказываются вполнѣ на высотѣ, — это мы всѣ знаемъ; но что̀ сказать насчетъ духа истиннаго искусства, который долженъ проникать все, объединять отдѣльныя части театра въ крупное художественное цѣлое, имѣющее единую задачу и единую цѣль? Если этого духа не оказывается по винѣ артистовъ, лишающихъ театръ должнаго содѣйствія, то это *они* повинны въ нарушеніи контракта и въ болѣе злостномъ нарушеніи, нежели въ какомъ теперь обвиняютъ дирекцію, такъ какъ подобное нарушеніе затрагиваетъ глубокую скрытую основу, на которой зиждется все дѣло, отнимаетъ у театра ту серьезность и высоту, безъ которыхъ онъ не можетъ подняться выше уровня увеселительнаго заведенія и даже до этого уровня. Нечего возражать на это, что требованія - де черезчуръ велики; это возраженіе легко устранить простымъ напоминаніемъ о томъ, что здѣсь идетъ дѣло объ артистахъ, а не о ремесленникахъ. Ужъ столько разъ говорилось, что артисты — жрецы искусства. Да, такъ должно было бы быть. Но отъ жреца, истиннаго жреца требуется не одно жреческое краснорѣчіе; требуется еще и духъ истиннаго жреца. У насъ недавно одинъ настоятъ грозилъ покинуть лоно государственной церкви, если проектируемый храмъ не будетъ воздвигнутъ въ удобной для него близости къ настоятскому жилищу. Вотъ въ такомъ-то смыслѣ и только въ такомъ, какъ этотъ настоятъ — настоятъ, наши артисты — жрецы, разъ они не задумываются отказаться отъ того, что̀ должно было бы быть высшимъ смысломъ ихъ жизни, чуть только отъ нихъ потребуется немножко побольше работы, побольше участія въ еже-

дневномъ обиходѣ театра. Некрасиво, когда съ тонущаго корабля первыми спускаются въ лодку первые люди экипажа; въ такихъ случаяхъ считается нечестнымъ заботиться прежде всего о себѣ и своемъ добрѣ и махнуть рукой на остальное. Исторія театра въ другихъ странахъ приводитъ глубоко-трогательныя черты, свидѣтельствующія о солидарности между артистами, о ихъ самоотверженіи въ интересахъ художественнаго учрежденія, съ которымъ они были связаны, и о признательности артистовъ публикѣ, вмѣстѣ съ которой они призваны трудиться. Исторія нашего театра покажетъ итогъ талантовъ и многосторонихъ дарованій, — итогъ, равный которому, пожалуй, въ состояніи представить немногіе другіе театры; но исторія нашего театра окажется бѣдна примѣрами самоотверженія артистовъ ради идеи, чертами, указывающими на истинно-живой художественный корпоративный духъ, свидѣтельствами того, что наши артисты сознавали обязательства, возложенныя на нихъ самимъ призваніемъ.

Въ чемъ же причина этого? Постараюсь оттѣнить ее вкратцѣ. Другихъ нашихъ служителей искусства, напримѣръ, живописцевъ, ваятелей, нашей бѣдной родинѣ пришлось изгнать, она не могла ихъ прокормить; путь былъ для нихъ слишкомъ узокъ и тернистъ. Имъ пришлось за границей работать для родины и торжества національной идеи, и тѣмъ не менѣе они въ высшей степени оказались проникнутыми сознаніемъ своихъ обязательствъ передъ роднымъ искусствомъ. Ничего такого не пришлось испытать нашимъ художникамъ сцены; театры, правда, пострадали во время кризисовъ, но послѣдніе отозвались главнымъ образомъ на театральныхъ дирекціяхъ, а не на артистахъ; во всякомъ случаѣ задѣли послѣднихъ лишь временно. Такимъ образомъ мы смогли прокормить своихъ артистовъ, удержать ихъ у себя, и — слава Богу! Но въ этомъ и кроется тайная причина, которую я взялся выяснить. Нашимъ артистамъ до сихъ поръ недоставало благодати самоотверженія, а это никому не обходится даромъ. Для человѣка, служащаго идеѣ, которому закрыта возможность испытать, ради идеи, нужду или другія страданія, однимъ путемъ меньше къ достиженію духовнаго величія.

Въ заключеніе позволю себѣ напомнить артистамъ Христіанійскаго театра небольшой эпизодъ изъ исторіи. Когда разразилось изверженіе Везувія, уничтожившее Помпею, одинъ римскій солдатъ стоялъ на часахъ у храма. Рабы, вольноотпущенники, всѣ, кто могъ, бѣжали мимо него, ища спасенія отъ смерти; но солдатъ не тронулся съ мѣста, къ которому приковывало его призваніе; онъ охранялъ то, что̀ приказывалъ ему охранять его долгъ. Безпрерывно падавшій дождь пепла засыпалъ солдата вершокъ за вершкомъ и наконецъ похоронилъ его совсѣмъ. Бѣжать онъ вѣдь не могъ, — *его не смѣнили съ поста.* Такая смерть — духовный подвигъ, откровеніе того духа, который долженъ царить какъ въ войскѣ, такъ и въ церкви. Будь наши

артисты борцами искусства въ *такомъ* смыслѣ, чувствуй они, какъ этотъ солдатъ, свой долгъ, они бы знали, что имъ дѣлать въ часъ опасности: одно только — оставаться на своемъ посту, оберегая то, что имъ поручено оберегать. Они бы не бѣжали, пока ихъ не смѣнили бы съ поста. И въ сущности они могли бы не бояться этого дождя пепла; онъ ихъ не похоронилъ бы, а, напротивъ, вознесъ бы ихъ имена и ихъ искусство выше, дальше, нежели могутъ ожидать артисты, которые, не дожидаясь смѣны, пытаются отправиться на чужбину искать болѣе выгодныхъ условій труда.

„Сигурдъ Слембе“,

драма Бьёрнстьерне Бьёрнсона (Копенгагенъ, 1862 г.).

Хотя и нельзя отрицать, что критическій *зудъ* въ нашемъ литературномъ кругу достигъ своего апогея, до котораго, впрочемъ, еще далеко критическому *чутью*, приходится въ то же время согласиться, что бо́льшая часть читающей публики съ грѣхомъ пополамъ разбирается въ литературныхъ категоріяхъ. Въ ней, правда, установилось безсознательно-почтительное отношеніе къ цѣлесообразности установленныхъ критикой разграниченій въ искусствѣ, и въ общемъ она уже настолько подвинулась впередъ, что появленіе какого-нибудь пятактнаго водевиля въ стихахъ или стихотворной поэмы въ двухъ томахъ почти навѣрно вызоветъ недоумѣніе. Но очень бы ошибся тотъ, кто истолковалъ бы такое недоумѣніе яснымъ и связнымъ представленіемъ о сущности искусства и о его законахъ и формахъ, какъ о чемъ-то опирающемся на законы естественной необходимости. Нѣтъ, здѣсь попросту сказалась бы привычка, которая замѣняетъ публикѣ пониманіе искусства, какъ навыкъ часто замѣняетъ корректору знаніе грамматики. Но такая, построенная на простой привычкѣ догматичность невольно ведетъ къ недоумѣнію и по отношенію ко всякой *необычной* формѣ искусства; публика не знаетъ хорошенько, какъ отнестись къ ней, не потому, что находитъ въ такой поражающей новизной формѣ что-нибудь нехудожественное, а просто потому, что не привыкла къ ней.

Возможно поэтому, что господствующими чувствами при чтеніи новаго произведенія Бьёрнсона будутъ у многихъ читателей недоумѣніе и удивленіе. Драма, состоящая въ сущности изъ трехъ драмъ, въ которыхъ отчасти даже участвуютъ разныя лица и каждая изъ которыхъ развивается самостоятельно, имѣя общую связь лишь въ лицѣ героя и общей развязкѣ, — все это въ широкой публикѣ, пожалуй, должно возбудить нѣкоторое недоумѣніе. Дальше можетъ показаться спорнымъ — разсчитана ли драма на сценическое исполненіе? Кое-что го-

воритъ *за* такое намѣреніе автора, но многое и *противъ*. Несомнѣнно, что по силѣ драматизма произведеніе представляетъ собою нѣчто замѣчательное; сценичность же его нѣсколько сомнительнѣе. Бьёрнсонъ не имѣлъ въ виду изобразить здѣсь какой-нибудь историческій эпизодъ и не пользовался характерами изъ сагъ. Задача его была совсѣмъ иная. Онъ воспользовался историческимъ матеріаломъ, но отбросилъ соотвѣтствующую эпохѣ историческую оболочку. Драматическій конфликтъ создается не внѣшними событіями, но внутренней душевной борьбой героя, и все произведеніе можно съ тѣмъ большимъ правомъ назвать грандіознымъ монологомъ, что главное дѣйствующее лицо изображено какою-то изолированною единицей; герой повсюду является въ полномъ и ужасномъ смыслѣ слова *одинокимъ* среди окружающей его толпы. Бьёрнсонъ хотѣлъ изобразить человѣка, богато одареннаго духовно, съ могучей волей, съ непреодолимымъ стремленіемъ къ подвигамъ и съ правомъ дѣйствовать, но непонятаго и отвергнутаго своимъ вѣкомъ. Борьба, которую ведетъ Сигурдъ, его бѣгство отъ собственныхъ мыслей, путь, на который онъ вынужденъ вступить, его характеръ и конечная катастрофа, примиряющая его съ собою, — все продумано и выполнено съ громадной поэтической ясностью. Языкъ сжатый, но ясный и понятный; всякій, кто въ состояніи вникнуть въ духъ произведенія, признаетъ не только допустимымъ, но и прямо неизбѣжнымъ, что первая часть написана стихами, а двѣ остальныя прозою; ясно также, что основной тонъ не взятъ изъ сагъ и не могъ быть взятъ оттуда; тому же, кто вздумалъ бы поставить это въ упрекъ автору, не мѣшало бы поразсудить — насколько ошибочно было бы держаться одного опредѣленнаго историческаго тона и языка, разъ авторъ поставилъ своей задачей изобразить вѣчную, свойственную всѣмъ временамъ и во всѣ времена понятную борьбу человѣческаго духа съ самимъ собою. Произведенію, трактующему эту тему, нѣтъ дѣла ни до хронологіи ни до извѣстной эпохи.

Предисловіе ко 2-му изданію „Комедіи любви“.

Предлагаемое произведеніе написано лѣтомъ 1862 г. и вышло первымъ изданіемъ зимою того же года.

Но я сдѣлалъ ошибку, издавъ книгу въ Норвегіи. И время и мѣсто были выбраны неудачно. Произведеніе вызвало цѣлую бурю негодованія, произвело такую шумную сенсацію, какой могутъ похвалиться немногія книги въ нашемъ обществѣ, подавляющее большинство котораго вообще смотритъ на литературныя дѣла, какъ на что-то, мало его касающееся.

Меня такой пріемъ, впрочемъ, не удивилъ. «Здоровый реализмъ»,

который мы, сѣверяне, неоспоримо по праву — во всякомъ случаѣ, по отношенію къ реализму, если ужъ не къ здоровью — считаемъ своимъ достояніемъ, заставляетъ насъ признавать вполнѣ естественною такую точку зрѣнія, съ которой все существующее кажется разумнымъ и въ разрѣшеніи задачи усматривается ея идея. Такой взглядъ создаетъ чрезвычайное довольство собою, но не способствуетъ самопознанію.

Я въ своей комедіи поднялъ бичъ сатиры надъ любовью и бракомъ, и потому вполнѣ въ порядкѣ вещей, что раздалось столько воплей въ защиту любви и брака.

Большинству нашего читающаго и критикующаго міра недостаетъ дисциплины мысли и умственной дрессировки, чтобы самимъ понять свое заблужденіе. Не мнѣ однако читать лекцію по этому вопросу. Предисловіе не азбука.

До Даніи дошло въ свое время немного экземпляровъ пьесы, кромѣ тѣхъ, которые были посланы въ редакціи датскихъ газетъ для отзыва.

За критику, которая выпала на долю моей книги тамъ, я могу вообще быть только признательнымъ. Многія замѣчанія, дошедшія до меня оттуда, были приняты мною къ свѣдѣнію. Тѣмъ не менѣе я вновь выпускаю свою комедію въ прежнемъ видѣ, если не считать кое-какихъ стилистическихъ поправокъ, и дѣлаю это потому, что слишкомъ ужъ далеко ушелъ впередъ отъ того времени и того фазиса моего духовнаго развитія, а слѣдовательно и отъ самаго произведенія, чтобы надѣяться какими-нибудь поправками внести въ него существенныя улучшенія, усовершенствовать то, что составляетъ и должно составлять его суть.

Римъ, январь 1867 г.

Поправка.

Въ № 40 вашего «Еженедѣльника» вы помѣстили письмо, въ которомъ указано, что я, нижеподписавшійся норвежскій писатель, долго пользовавшійся нѣмецкимъ гостепріимствомъ въ Дрезденѣ, позволилъ себѣ въ своихъ стихотвореніяхъ, заключающихся въ выпущенномъ въ началѣ нынѣшняго года сборникѣ, отозваться о Германіи и о нѣмецкомъ народѣ крайне оскорбительно для нѣмецкихъ читателей.

Припося вамъ свою искреннѣйшую благодарность по поводу примѣчанія, которымъ сопровождается въ вашей газетѣ упомянутое письмо, я прошу у васъ разрѣшенія добавить слѣдующее:

Вашъ корреспондентъ въ доказательство своего утвержденія указываетъ на два мѣста. Во-первыхъ, онъ приводитъ нѣсколько строкъ изъ

стихотворенія, посвященнаго описанію поѣздки по Нилу, которую я, по приглашенію египетскаго вице-короля, имѣлъ честь совершить въ обществѣ представителей различныхъ европейскихъ національностей. Я шутливо приравнялъ этотъ пестрый караванъ къ Ноеву ковчегу, и мнѣ рѣшительно непонятно, какимъ образомъ мои безобидныя сравненія могли оказаться оскорбительными для кого бы то ни было изъ участниковъ поѣздки — кромѣ развѣ меня самого, фигурирующаго въ образѣ медвѣдя съ крайняго сѣвера.

Впрочемъ, этому мѣсту обиженный корреспондентъ не придаетъ, повидимому, такого важнаго значенія, какъ второму, взятому изъ другого моего стихотворенія, гдѣ я будто бы называю Германію «страной лжи». Дѣйствительно, будь это такъ, онъ имѣлъ бы полное основаніе возмутиться. Однако это отнюдь не такъ. Въ упомянутомъ стихотвореніи, написанномъ въ Римѣ семь лѣтъ тому назадъ, рѣчь идетъ не о нѣмецкомъ народѣ, но лишь о политикѣ, о дипломатіи, на которыя въ то время народъ оказывалъ мало или вовсе никакого вліянія и которыя за нѣсколько мѣсяцевъ до того нанесли моему родному Сѣверу кровавую рану. Я повторяю: не противъ нѣмецкаго народа былъ направленъ мой гнѣвъ. Поэтъ не ненавидитъ людей. Поэтъ можетъ ненавидѣть идеи, принципы, систему, но не индивидовъ. Вообще же прошу васъ имѣть въ виду, что я не могъ отплатить оскорбленіемъ за оказанное мнѣ въ 1871 году гостепріимство тѣмъ, что примѣнилъ такія-то и такія-то выраженія въ стихотвореніи, относящемся къ 1865 году.

Я провелъ три года моего добровольнаго изгнанія въ Германіи. Мои обстоятельства позволяютъ мнѣ выбирать себѣ мѣстопребываніе по моему желанію, и тѣмъ не менѣе я выбралъ Германію. Мой единственный сынъ обучается въ нѣмецкой гимназіи. Указываетъ ли это на ненависть къ нѣмцамъ? Я прилагаю также всѣ старанія, чтобы содѣйствовать распространенію въ моемъ отечествѣ нѣмецкой литературы; упомяну здѣсь лишь о томъ, что относится къ ближайшему прошлому: «Валентина» и «Графъ Вальдемаръ» переведены въ моемъ собственномъ домѣ и подъ моимъ наблюденіемъ, были многократно исполнены въ нашемъ національномъ театрѣ и стяжали нѣмецкому автору почетное имя въ моемъ отечествѣ. Можно ли связать все это со слѣпою враждою моей къ нѣмецкой націи? Во время послѣдней войны я, какъ и другіе иностранцы, по мѣрѣ силъ старался облегчить нужду, ставшую предметомъ заботъ общественной благотворительности. Одна здѣшняя бѣдная вдова, оба сына которой ушли на войну, существовала главнымъ образомъ вспомоществованіемъ съ моей стороны. По окончаніи войны я взялъ на свое попеченіе осиротѣвшаго ребенка, заплатилъ за него въ учебное заведеніе и думаю и впредь продолжать заботиться о немъ.

Отнюдь не привожу этого въ качествѣ какихъ-либо особыхъ заслугъ своихъ: я нахожу все это вполнѣ въ порядкѣ вещей. Но я счи-

таю себя въ правѣ привести эти факты послѣдняго времени въ опроверженіе невѣрнаго истолкованія написаннаго мною семь лѣтъ тому назадъ стихотворенія.

Въ томъ, что я держусь въ извѣстномъ, еще не рѣшенномъ международномъ вопросѣ скандинавской точки зрѣнія, а не нѣмецкой, не упрекнетъ меня ни одинъ свободный отъ предразсудковъ нѣмецъ. Я всецѣло привѣтствую слова нѣмецкаго поэта: «пѣвецъ долженъ идти рука объ руку съ королемъ». Но могъ ли бы я, какъ сынъ своей родины, сохранить ваше уваженіе, если бы въ вышеупомянутомъ вопросѣ скандинавскій пѣвецъ шелъ рука объ руку съ прусскимъ королемъ?

Надѣюсь теперь, что мнѣ удалось дать удовлетворительное объясненіе не только вашему негодующему корреспонденту,—съ сожалѣніемъ вижу, что я въ лицѣ его оскорбилъ вообще благосклоннаго читателя моихъ произведеній, — но и многимъ прекраснымъ людямъ, которые здѣсь оказывали мнѣ честь своимъ любезнымъ вниманіемъ.

Соціалъ-демократія.

Касающаяся меня берлинская корреспонденція въ «Daily Chronicle» отъ 13 августа, повидимому, можетъ подать немало поводовъ къ превратнымъ толкамъ, — въ чемъ я уже и убѣдился изъ скандинавскихъ газетъ, — и я хотѣлъ бы представить въ надлежащемъ свѣтѣ нѣкоторые приписываемые мнѣ отзывы. Мнѣ именно кажется, что авторъ замѣтки не вездѣ передалъ ихъ съ должной полнотой и ясностью.

Такъ, напримѣръ, я не говорилъ, что никогда не изучалъ соціалъ-демократическихъ вопросовъ; напротивъ, насколько способности мои и обстоятельства позволяли, я всегда живо интересовался ими и старался познакомиться съ ними возможно основательнѣе. Я высказалъ только, что не имѣлъ досуга изучить всю обширную литературу, трактующую о различныхъ соціалистическихъ системахъ.

Читая въ передачѣ автора замѣтки свое заявленіе о томъ, что я не принадлежу къ соціалъ-демократической партіи, я пожалѣлъ, что онъ забылъ добавить мое прямое указаніе на то, что я вообще никогда не принадлежалъ ни къ какой партіи, какъ, вѣроятно, и не буду принадлежать впредь. У меня органическая, природная потребность дѣйствовать на свой страхъ. Въ особенности же легко могутъ быть ложно истолкованы приведенныя авторомъ замѣтки слова мои о томъ, какъ я былъ пораженъ, увидѣвъ, что моимъ именемъ пользуются для распространенія ученія соціалъ-демократовъ. На самомъ дѣлѣ я высказалъ только свое удивленіе по поводу того, что я, преслѣдуя свою главную задачу — изображать характеры и судьбу людей, приходилъ при разработкѣ нѣкоторыхъ вопросовъ безсознательно и непосредственно къ тѣмъ же вы-

водамъ, къ какимъ приходили соціалисты-философы путемъ научныхъ изслѣдованій. Это свое удивленіе я высказалъ въ отвѣтъ на сообщеніе автора замѣтки объ одной лекціи въ Лондонѣ, которая, по его словамъ, была посвящена моей «Норѣ».

Вотъ вкратцѣ то, что я хотѣлъ бы объяснить своимъ друзьямъ, и прошу васъ поэтому воспользоваться моимъ письмомъ такъ, какъ вы сочтете наиболѣе цѣлесообразнымъ.

НОРВЕЖСКІЯ СКАЗАНІЯ.

I.

Лѣсъ убитаго у Норфьорда.

Въ духовной семинаріи въ Виттенбергѣ находился однажды человѣкъ по имени мейстеръ Іонъ. Онъ проучился уже пять лѣтъ и совсѣмъ готовъ былъ въ пасторы, но остался въ ученіи еще на пять лѣтъ, чтобы пройти черную книгу; наконецъ прошелъ и ее. И вотъ, когда эти десять лѣтъ истекли, за Іономъ пришелъ чортъ. Іонъ сидѣлъ въ своей каморкѣ, и двери были на замкѣ; чортъ пришелъ и давай стучаться и звать: «Іонъ! Іонъ!». Іонъ ожидалъ прихода чорта и воткнулъ въ каждомъ углу комнаты по ножу, которые и стали отвѣчать голосомъ Іона, чтобы задержать чорта разговорами, пока самъ Іонъ пролѣзалъ въ печную трубу. Чортъ сначала дался въ обманъ, но потомъ смекнулъ-таки, что дѣло неладно, вышибъ дверь и ворвался въ каморку. Іона нигдѣ не видать, и чортъ принялся шарить по всѣмъ угламъ; добрался наконецъ и до очага, смотритъ — а Іонъ ужъ высоко въ трубѣ. Хотѣлъ-было чортъ схватить его за ноги, да гдѣ! Іонъ былъ ужъ больно высоко, и чорту удалось ухватить только одинъ сапогъ и оторвать отъ него каблукъ. А Іонъ цѣлъ и невредимъ добрался домой въ Норвегію, женился и сталъ пасторомъ въ Индвикенской церкви у Норфьорда. Прошло однако немного времени, какъ жена заподозрѣла его въ противозаконномъ сожительствѣ съ одной деревенской дѣвушкой и пожаловалась на него королю. Король приказалъ строго разслѣдовать жалобу жены, и дѣло перешло на судъ въ Копенгагенъ. Пока дѣло разбиралось, мейстеру Іону пришлось разъ совершать службу въ Онстрюенской церкви. Пасторъ поѣхалъ въ церковь верхомъ и взялъ съ собой конюха. Доѣхалъ онъ до Великановыхъ острововъ и увидѣлъ огромную змѣю, которая ползла черезъ дорогу и громко шипѣла. Пасторъ остановился, задумался и сказалъ: — «Такъ ты и это знаешь?» Конюхъ спросилъ:—«Развѣ змѣя что̀ сказала?» Пасторъ отвѣ-

тилъ:—«Она сказала, что я сегодня проѣзжаю тутъ въ послѣдній разъ». Такъ оно и вышло. Скоро приговоръ былъ произнесенъ, — мейстеръ Іонъ былъ осужденъ на казнь. Іонъ просилъ короля помиловать его, и король соглашался-было, но жена пастора не давала королю покоя, пока тотъ не утвердилъ-таки приговора. Лобное мѣсто устроили близъ Индвикенской церкви. Когда мейстера Іона привели туда, онъ сказалъ: «Если я невиненъ, пусть кровь моя потечетъ въ гору, а не подъ гору». И вотъ, когда его казнили, кровь потекла въ гору, какъ онъ сказалъ. Съ тѣхъ поръ на томъ мѣстѣ и трава не росла. А съ женой пастора худо случилось: ее всю согнуло въ три погибели, такъ что ей ни стоять ни ходить не въ мочь стало, и она сдѣлалась такой маленькой, что ее до самой смерти носили въ лукошкѣ. Изъ всего этого народъ заключилъ, что мейстера Іона казнили напрасно, и назвалъ мѣсто казни лѣсомъ убитаго, какъ оно и сейчасъ зовется.

II.

Ларсъ Тормодсенъ Медлидъ.

Усадьбой «Медлидъ» (жалость) въ Скадіенской волости въ Сёндмёрѣ владѣлъ, тому назадъ лѣтъ шестьдесятъ съ лишкомъ, одинъ крестьянинъ, по имени Тормодъ. Изъ сыновей его особенно прославился одинъ, по имени Ларсъ; онъ былъ искусникъ на всѣ руки — и вырѣзывать изъ дерева и прочее; но главное — онъ былъ первымъ музыкантомъ на много миль кругомъ. Какъ разъ на полпути между усадьбой и горнымъ выгономъ (сэтеромъ) стоялъ у самой дороги холмъ, гдѣ часто слышались странные звуки — пѣніе, игра; въ этомъ холмѣ съ незапамятныхъ временъ гнѣздилась нечисть. Разъ утромъ Ларсу по спѣшному дѣлу понадобилось побывать на сэтерѣ, и, когда онъ выходилъ изъ дому, была у него на головѣ маленькая шапочка. Но вотъ день давно на исходѣ, а Ларса нѣтъ какъ нѣтъ. Наконецъ и солнце закатилось, Ларса и ждать дома перестали, какъ вдругъ нашли у самаго порога его шапочку, и никто не могъ сказать — откуда она взялась. Стали смекать, что дѣло не чисто, и порѣшили, что, видно, тролли завели его къ себѣ. Заказали звонить въ церковные колокола, перебрали и всѣ другія средства, которыя въ старину помогали въ такихъ случаяхъ, и черезъ день Ларсъ вернулся домой, но только молчаливый такой и будто не совсѣмъ въ своемъ умѣ. Сталъ народъ его допрашивать, а онъ все молчитъ или такъ что-нибудь скажетъ невпопадъ; только мало-по-малу дознались у него, что онъ былъ въ плѣну у холмовиковъ, а какъ онъ къ нимъ попалъ, самъ не помнитъ. Чудилось ему, говорилъ онъ, будто онъ вдругъ очутился въ просторной горницѣ, гдѣ и мебель и все прочее было почти какъ у всѣхъ мѣстныхъ жителей, только побогаче, покрасивѣе. Диковиннѣе всего показалось ему

то, что въ горницѣ не было ни души, и за все время, что̀ онъ пробылъ тамъ, показалась ему на глаза всего одна дѣвушка. На ней было синее платье, а волосы у нея были какъ шелкъ и длинные-предлинные, красивые. Она поставила передъ нимъ кушанье, но ему все тамъ казалось такимъ диковиннымъ, что кусокъ не шелъ въ горло. Дѣвушка его утѣшала, говорила съ нимъ такъ ласково, всячески старалась ободрить его и увѣряла, что ему нечего бояться, если только онъ спокойно останется тутъ. Но какъ она за нимъ ни ухаживала, ему помнится, что онъ все сидѣлъ молча, какъ пришибленный. Тогда дѣвушка взяла скрипку такой искусной работы, какой онъ еще и не видывалъ, и попросила его сыграть, говоря, что знаетъ, какой онъ искусный скрипачъ. Пока она такъ его упрашивала, ему вспомнилось, какъ часто и охотно игралъ онъ дома на своей скрипкѣ, а эту онъ никакъ не могъ заставить себя взять въ руки, какъ ему ни хотѣлось. Вокругъ себя въ горницѣ онъ видѣлъ такъ много искусной рѣзьбы по дереву и всякихъ другихъ затѣйливыхъ украшеній, что только и думалъ, какъ бы и ему сработать что-нибудь такое. Какъ онъ выбрался изъ холма, онъ такъ и не могъ сказать, и ужъ никогда не сталъ прежнимъ парнемъ. Рѣдко-рѣдко удавалось заставить его пособить домашнимъ въ какой-нибудь работѣ; онъ все больше бродилъ въ одиночку или пытался смастерить что-нибудь похожее на то, что̀ видѣлъ въ холмѣ. Такъ мастерилъ онъ скрипки въ родѣ той, что̀ показала ему дѣвушка въ холмѣ, и во многомъ непохожія на тѣ, что̀ были въ ходу у мѣстныхъ жителей. Дома онъ большею частью ютился на чердакѣ, который весь былъ заваленъ разными оконченными и недоконченными подѣлками изъ дерева диковиннаго вида, и никто не зналъ — на что и къ чему онѣ. Особенно же возился онъ съ куклой, которая должна была изображать ту дѣвушку въ холмѣ; платьемъ она и была на нее похожа, но остальное онъ все передѣлывалъ да передѣлывалъ безъ конца, и все ему не удавалось добиться сходства. Разсказывали, что на скрипкѣ онъ сталъ играть еще лучше прежняго, но дома ему какъ будто не жилось. Подъ конецъ онъ ушелъ на югъ и, говорятъ, добрался до Бергена, а съ той поры не было о немъ ни слуха ни духа.

III.

Заколдованная стрѣла у церкви Болсе.

Въ одну изъ своихъ поѣздокъ св. Олафъ разъ присталъ со своими кораблями у Болсё въ Ромсдальскомъ фьордѣ. И показалось ему, что тутъ какъ разъ подходящее мѣсто воздвигнуть церковь. Созвалъ онъ народъ и поручилъ отыскать строителя. Слухъ о постройкѣ церкви прошелъ по всему краю и дошелъ наконецъ до одной троллихи, которая о ту пору жила въ скалѣ Скола въ Ведё, въ одной милѣ пути

отъ Болеё. Понятное дѣло, ей не по праву пришлось, что такъ близко отъ нея будетъ построена христіанская церковь, и она рѣшила помѣшать этому, когда придетъ время. Она и не торопилась, а когда церковь была почти-что готова, взяла свой лукъ, наложила стрѣлу и спустила тетиву. Стрѣла однако не долетѣла туда, куда была пущена, а упала въ землю неподалеку отъ церкви, гдѣ и осталась торчать въ видѣ памятника высотой сажени въ двѣ.

IV.

Чортъ въ водопадѣ.

Въ старину, когда въ Сёндмёрѣ водилось много ученыхъ пасторовъ, то тутъ, то тамъ появлялась и черная книга. Но такую книгу не годится трогать. Есть узенькій проливъ между Сторфьордомъ и бухтой Скодье, гдѣ вода въ часы прилива и отлива бурлитъ какъ въ водопадѣ. Зовется этотъ проливъ Стрёмменъ, и близъ него стояла усадьба того же имени; въ этой-то усадьбѣ и хранилась черная книга въ ту пору, когда господинъ Педеръ Стрёмъ былъ пасторомъ въ Боргундѣ. Разъ въ воскресенье господинъ Педеръ проповѣдывалъ въ Скадьинской церкви, и всѣ обитатели усадьбы были въ церкви, кромѣ одной дѣвушки, которой пришлось остаться домовничать. И какъ-то такъ вышло, что она нашла эту черную книгу и открыла ее какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ говорилось, какъ надо вызывать чорта. Только-что дѣвушка прочла заклинаніе, глядь — чортъ тутъ какъ тутъ и спрашиваетъ, что прикажутъ ему дѣлать. Такъ ужъ всегда водится: когда его вызовутъ, онъ сейчасъ требуетъ себѣ работы отъ того, кто его вызвалъ, и ужъ этотъ человѣкъ долженъ задать такую работу, которой бы чорту хватило надолго, пока не удастся опять связать его. Дѣвушка была умная и знала, какъ взяться за чорта. Вотъ она и велѣла ему пойти да вычерпать проливъ Стрёмменъ до дна. Чортъ пошелъ и давай вычерпывать, и тутъ-то оказалось, какой онъ сильный: когда онъ хорошенько разошелся, волны стали хлестать вровень со скалами. Послѣ обѣдни господинъ Педеръ сѣлъ въ лодку и поѣхалъ домой. Доѣхавъ до пролива, пасторъ и гребцы смекнули, въ чемъ дѣло. Но добраться до дому все-таки надо было, а другой дороги не было. И вотъ пасторъ велѣлъ людямъ править какъ можно ближе къ чорту, который стоялъ и выплескивалъ воду изъ пролива что было мочи. Тутъ господинъ Педеръ приставалъ въ лодкѣ и... связалъ чорта. Какъ онъ это сдѣлалъ — никто не могъ сказать, но связать чорта удалось и, видно, крѣпко, потому что съ той поры онъ ужъ больше не показывался — по крайней мѣрѣ въ тѣхъ краяхъ.

V.

Сонъ.

Мы заблудились на прогулкѣ въ горахъ и совсѣмъ уже выбились изъ силъ, когда были застигнуты ночною тьмой. Какъ нѣкогда Іаковъ, мы улеглись, положивъ головы на камни. Товарищи мои скоро заснули, а я долго ворочался безъ сна. Наконецъ усталость взяла свое. И вотъ я увидѣлъ во снѣ, что явился ко мнѣ ангелъ и сказалъ:—«Встань и слѣдуй за мной».—«Куда ты поведешь меня въ такую темень?» — спросилъ я. — «Иди, — сказалъ онъ: — я покажу тебѣ зрѣлище — человѣческую жизнь, какова она есть». И я послѣдовалъ за нимъ съ жуткимъ чувствомъ. Дорога шла внизъ гигантскими уступами; наконецъ вершины горъ взгромоздились надъ нами подобно мощнымъ сводамъ, а передъ нами открылся огромный городъ мертвыхъ, носящій всѣ слѣды и признаки смерти и тлѣна; единый трупъ представлялъ этотъ міръ, на который смерть наложила свою тяжелую руку, — поблекшее, истлѣвшее, потускнѣвшее великолѣпіе. Надъ всѣмъ разлитъ былъ слабый сумеречный свѣтъ, мутный, какъ свѣтъ, отбрасываемый на кладбищѣ бѣлой церковной оградой и бѣлыми крестами; тѣмъ ярче бѣлѣли и свѣтились въ этомъ сумеречномъ пространствѣ наполнявшіе его безконечные ряды человѣческихъ костей. Холодный ужасъ охватилъ меня при этомъ зрѣлищѣ. «Видишь, все—тлѣнъ и суета»,—сказалъ мнѣ ангелъ. Тутъ поднялся шумъ, словно отъ первыхъ слабыхъ порывовъ надвигающейся издали бури, словно отъ тысячекратныхъ стоновъ и вздоховъ, и разросся въ яростный свистъ и вой настоящей бури, отъ которой зашевелились мертвецы и простерли ко мнѣ свои руки... Я вскрикнулъ и проснулся, промокшій до костей отъ холодной ночной росы.

РѢЧИ.

Рѣчь, произнесенная на открытіи памятника П. А. Мунху на могилѣ его въ Римѣ.

(12 іюня 1865 года).

Милостивыя государыни и милостивые государи!

Меня просили сказать нѣсколько словъ по поводу совершившейся на-дняхъ постановки памятника на могилѣ моего почившаго земляка.

Какъ вижу, почти всѣ шведы и датчане, проживающіе въ настоящее время въ Римѣ, находятся здѣсь налицо. Это не превзошло моихъ ожиданій; давно извѣстно — если въ чемъ духовное братство скандинавовъ проявилось до сихъ поръ особенно осязательно, живо и дѣйствительно, то именно въ неослабѣвающей взаимной готовности ихъ участвовать въ празднествахъ того или другого братскаго народа.

Но пребываніе въ Римѣ давно уже излѣчило меня отъ довольно простительнаго предразсудка — будто бы скандинавское единеніе и возможно только на почвѣ интернаціональныхъ торжествъ. Правда, мы здѣсь свободны отъ пошлостей будничной жизни, отупляющей и разслабляющей; не грозитъ намъ и наступленіе великихъ рѣшительныхъ моментовъ, которые, по свидѣтельству исторіи, въ старину подымали и заковывали въ сталь цѣлые народы, какъ и отдѣльныхъ людей, теперь же производятъ совсѣмъ иное дѣйствіе. Но, какъ бы то ни было, я благодарю васъ отъ имени своихъ земляковъ и своего собственнаго за то, что вы собрались здѣсь; я знаю, что ваше присутствіе выражаетъ большее, нежели простую вѣжливость. Каждый изъ васъ зналъ покойнаго, по крайней мѣрѣ, по имени: его произведенія есть у васъ, — во всякомъ случаѣ на полкахъ вашей библіотеки; наконецъ многіе изъ васъ провели часть своего пребыванія въ Римѣ въ общеніи съ покойнымъ, а, я думаю, трудно было быть знакомымъ съ нимъ и не полюбить его.

Мои соотечественники, разумѣется, относятся къ его памяти съ по-

чтеніемъ, которое раздѣляетъ каждый норвежецъ. Шведы, сами имѣющіе обширную, богатую и блестящую литературу, посвященную ихъ столь же великой, богатой и блестящей въ прошломъ исторіи, знаютъ и понимаютъ, что Норвегія имѣла и потеряла въ лицѣ Мунха.

Другое дѣло датчане. Имя Мунха не пользуется вообще любовью въ Даніи. Я самъ не разъ съ болью въ душѣ убѣждался въ этомъ. Я думаю однако, что и въ этомъ случаѣ, какъ часто бываетъ, общее мнѣніе скорѣе всего складывалось изъ повтореній чужихъ рѣчей, нежели основывалось на ясномъ и живомъ пониманіи истинной сущности вопроса. Когда я спрашивалъ у датчанъ — что собственно они имѣютъ противъ Мунха? — то мнѣ почти всегда отвѣчали: «Прежде всего мы противъ него за его теорію переселенія, согласно которой датчане будто бы иного происхожденія, нежели остальные обитатели Скандинавіи, а затѣмъ — за его совѣтъ Даніи превратиться въ приморскую область Германіи».

Относительно перваго пункта скажу только: предоставимъ рѣшать этотъ вопросъ нашимъ ученымъ — имъ и книги въ руки; вопросъ этотъ уже вызвалъ къ жизни много остроумныхъ теорій и навѣрно вызоветъ еще больше, пока наконецъ нечего уже будетъ сказать ни *за* ни *противъ*. Но мнѣ по этому поводу хотѣлось бы сказать вамъ, датчане, одно, и, ради всѣхъ насъ, мнѣ хотѣлось бы сказать это такъ, чтобы меня услышалъ весь датскій народъ: Искореняйте словомъ и дѣломъ, работая въ области искусства и литературы, искореняйте и покажите всѣмъ своимъ образомъ жизни и мышленія, что искоренили обнаруживающееся въ вашей странѣ тяготѣніе къ югу, то странное ощущеніе симпатической связи съ южнымъ сосѣдомъ, которое заставляетъ извѣстную часть вашего общества постоянно, по всякому поводу, обращать свои взоры туда, какъ будто тамъ ваше отечество, страна вашихъ предковъ. Въ глазахъ простого смертнаго такое поведеніе является своего рода доказательствомъ того, что въ теоріи Мунха есть доля правды, и вашъ отказъ отъ такого поведенія будетъ съ вашей стороны благороднѣйшимъ способомъ протеста противъ упомянутой теоріи. А разъ утвержденіе нашего покойнаго историка послужитъ лишнимъ поводомъ къ такому протесту, то настанетъ, быть-можетъ, время, когда и вы, какъ мы, поблагодарите Бога за то, что Мунхъ пустилъ въ ходъ эту теорію, — пусть даже десять разъ подтвердится ея ошибочность!

Вполнѣ понимаю, что его совѣтъ относительно положенія, которое слѣдовало бы занять вашей странѣ въ Европѣ, возмутилъ васъ; но непослѣдовательно съ вашей стороны ненавидѣть совѣтчика, разъ вы вообще съ свойственнымъ вашей націи добродушіемъ продолжаете отверзать сердца и объятія столькимъ изъ такъ-называемыхъ корректныхъ скандинавовъ, которые, конечно, никогда не подали бы вамъ совѣта въ столь рѣзкой, отталкивающей формѣ, какъ это сдѣлалъ

Мунхъ, по которые своей измѣной, своимъ отступленіемъ оттуда, гдѣ имъ слѣдовало бы находиться въ минуту общей опасности, фактически содѣйствовали тому, что вы такъ печально подвинулись по пути, который указалъ вамъ Мунхъ, — за что вы его такъ не взлюбили.

Мунхъ высказалъ лишь то, въ чемъ былъ убѣжденъ въ ту минуту, когда высказывалъ свою мысль, — я въ томъ увѣренъ, — и это, по-моему, должно было бы васъ смягчить. Пусть — я обращаюсь и къ шведамъ, и къ датчанамъ, и къ норвежцамъ — пусть хоть когда-нибудь истина восторжествуетъ въ нашемъ обществѣ; мы видѣли, къ чему приводитъ фразерство. До сихъ поръ мы въ нашихъ взаимныхъ сношеніяхъ выступали дипломатами, обмѣнивались взаимными вѣжливостями, деликатничали, и только когда должна была начаться серьезная часть праздничной программы братанія, у насъ открылись глаза на истинную сущность всего этого братанія. Что отъ него осталось?— Лишь легкій ароматъ — ни больше ни меньше.

У насъ въ Норвегіи обыкновенно говорятъ про Мунха, что онъ былъ непослѣдователенъ, и за границей повторяютъ это. Но вѣдь какъ кто на что смотритъ. Человѣкъ государственный, или вообще человѣкъ, взявшійся за вполнѣ захватывающее его, безспорно подлежащее ему и необходимое дѣло, можетъ сказать, что никакой бурѣ не заставить его свернуть съ пути; и если человѣкъ на дѣлѣ окажется такъ силенъ, какъ на словахъ, буря и не собьетъ его съ пути. Не человѣкъ науки, изслѣдователь тѣхъ или другихъ явленій не можетъ и не долженъ такъ говорить. Путь передъ нимъ не намѣченъ заранѣе; онъ долженъ самъ пролагать его себѣ черезъ всякія препятствія, ему приходится даже часто поворачивать назадъ и искать новаго исходнаго пункта, откуда онъ вѣрнѣе могъ бы достигнуть цѣли, которой онъ вдобавокъ не можетъ непосредственно опредѣлить заранѣе, но которую ему приходится именно открывать съ великимъ трудомъ мало-по-малу. Въ этомъ смыслѣ Мунхъ и былъ непослѣдователенъ, и это должно быть сказано въ честь ему здѣсь надъ его могилой.

Поэтому, полагаю, я въ правѣ предположить, что въ сущности всѣхъ насъ соединили здѣсь любовь и уваженіе къ памяти покойнаго.

Этотъ памятникъ на его могилѣ поставленъ ему не отъ родного народа, но отъ небольшого кружка его друзей. Но я надѣюсь, что страна еще примкнетъ къ чествованію его памяти. Надѣюсь, что и у насъ на родинѣ ему воздвигнутъ памятникъ, въ своемъ родѣ столь же достойный его, какъ и тотъ, какимъ отмѣчена его могила здѣсь.

Я знаю, у насъ на родинѣ многіе держатся того мнѣнія, что государство уже чрезвычайно много сдѣлало еще при жизни Мунха для него лично и для его научной дѣятельности. Но это недоразумѣніе, противъ котораго здѣсь нужно протестовать. Государство только исполнило свой долгъ — не болѣе. Самое недоразумѣніе вызвано тѣмъ, что въ большинствѣ подобныхъ случаевъ государство дѣлаетъ меньше того,

что обязано. Это искажаетъ мѣрило того, чего по праву можно требовать отъ государства.

Пока государственныя власти считаютъ своимъ прямымъ дѣломъ лишь заботу о политическомъ и экономическомъ благополучіи государства, не ставя на ряду съ этимъ заботу о развитіи духовной жизни народа, до тѣхъ поръ онѣ выполняютъ лишь половину, притомъ врядъ ли самую существенную половину своей задачи. Государство, какъ наше, не можетъ строить своей самостоятельности на своемъ матеріальномъ благополучіи, но народъ, какъ нашъ, можетъ стяжать себѣ право на самостоятельное существованіе службою культурѣ, наукѣ, искусству и литературѣ, — право, которое, какъ учитъ исторія, брать внѣшнею силою надо съ оглядкой.

У частныхъ людей у насъ на родинѣ можно встрѣтить готовность оказать и нравственную и матеріальную поддержку всякой дѣятельности, направленной къ укрѣпленію и поднятію нашей внутренней національной жизни; это я долженъ съ благодарностью признать на основаніи собственнаго опыта, и, я думаю, многіе изъ моихъ земляковъ здѣсь могутъ съ своей стороны подтвердить то же самое. Но государство, какъ таковое, все еще смотритъ у насъ на чистую науку, искусство и литературу, какъ на украшеніе, а не какъ на устои и балки зданія. Такому униженному положенію, кажется, пора бы положить конецъ. Человѣкъ, помогающій выполненію духовной миссіи своего народа, имѣетъ право держать голову высоко, имѣетъ право протестовать, когда его задачѣ удѣляется лишь часть тѣхъ излишковъ, которые остаются по удовлетвореніи матеріальныхъ потребностей государства, — да еще лишь въ томъ случаѣ, если потребности эти оставляютъ вообще какой-либо излишекъ.

Такъ не можетъ продолжаться. Я надѣюсь, что серьезныя и печальныя событія послѣдняго времени заставятъ открыть глаза на то, что спасеніе — если оно вообще возможно — не въ силѣ государства, а въ силѣ народа; вотъ чѣмъ надо руководиться каждому общественному государственному строю, который желаетъ упрочить свое существованіе и который не можетъ опираться на одну внѣшнюю власть.

Надѣюсь поэтому также, что наши государственныя власти въ числѣ прочихъ пунктовъ программы, которая должна явиться лозунгомъ болѣе высокаго будущаго, осуществятъ и на родинѣ постановку памятника Мунху, — памятника, достойнаго самой страны, самого Мунха и его дѣятельности.

Рѣчь норвежскимъ студентамъ.

(10 сентября 1874 года).

Господа! Въ послѣдніе годы моего пребыванія за границей я все живѣе и живѣе ощущалъ потребность побывать на родинѣ; тѣмъ не менѣе не скрою отъ васъ, что собрался я осуществить свое намѣреніе не безъ нѣкотораго безпокойства и сомнѣнія. Пребываніе мое здѣсь, правда, предполагалось ограничить довольно короткимъ срокомъ, но, какъ бы непродолжительно оно ни было, все-таки въ теченіе его могли успѣть рухнуть такія иллюзіи, съ которыми мнѣ весьма не хотѣлось бы разстаться.

Я спрашивалъ себя: какъ примутъ меня мои земляки? Почетный пріемъ, какого удостоивались на родинѣ мои книги, не могъ уничтожить моего безпокойства; передо мной неотступно стоялъ вопросъ: въ какихъ отношеніяхъ я лично нахожусь съ моими земляками?

Нельзя вѣдь было отрицать наличности нѣкотораго разлада. Насколько я могъ понять, упреки по моему адресу были двоякаго рода. Находили, что я разсматривалъ свои личныя, частныя отношенія къ родинѣ съ чувствомъ несправедливой горечи, и упрекали меня въ томъ, что я будто бы нападалъ на разныя явленія нашей національной жизни, которыя, по мнѣнію многихъ, имѣли право на совсѣмъ иное отношеніе, нежели глумленіе.

Вотъ почему я и думаю, что не могу воспользоваться такимъ для меня почетнымъ и радостнымъ днемъ, какъ этотъ, лучше, нежели посвятивъ его объясненію, исповѣди.

Личныя мои отношенія не служили главною темою моихъ поэтическихъ произведеній. Въ былыя тяжелыя времена эти отношенія играли для меня даже куда менѣе важную роль, нежели слѣдовало бы, въ чемъ мнѣ впослѣдствіи часто приходилось признаваться. Когда трижды ограбятъ гнѣздо гаги *), у нея отнимаютъ ея иллюзіи, великія надежды на будущее. Вспоминая при разныхъ торжественныхъ случаяхъ ощущенія медвѣдя, плящущаго по волѣ вожака **), я мучился главнымъ образомъ сознаніемъ своего соучастія въ томъ порядкѣ вещей, который похоронилъ съ пѣніемъ и звономъ прекрасную идею.

И въ чемъ же заключается поэтическое творчество? Я поздно постигъ, что творчество это въ сущности заключается въ *умѣніи видѣть* — то-есть видѣть такъ, чтобы видѣнное сообщалось воспринимающему именно такъ, какъ это видѣлъ самъ поэтъ. Но видѣть и воспринимать такимъ образомъ можно лишь пережитое. И въ этомъ — тайна нашего новаго современнаго поэтическаго творчества. Все, что

*) Намекъ на стихотвореніе Ибсена «Гага».

**) Тоже намекъ на стихотвореніе Ибсена «Сила воспоминанія».

я выражалъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ въ своихъ произведеніяхъ, я духовно пережилъ самъ. Но никакой поэтъ не переживаетъ ничего одинъ. Съ нимъ переживаютъ переживаемое имъ и его современники. Не будь это такъ, что перебросило бы мостъ пониманія между поэтомъ и читателями?

А что же пережилъ я и затѣмъ воспроизвелъ въ своихъ произведеніяхъ? Область пережитого и воспроизведеннаго была весьма широка. Отчасти я вкладывалъ въ свои произведенія то, что лишь мимолетно въ лучшіе часы моей жизни освѣщало мою душу живымъ, яркимъ и прекраснымъ свѣтомъ. То, что, такъ сказать, возвышалось надъ моимъ будничнымъ «я». И я вкладывалъ это въ свои произведенія, чтобы закрѣпить его для себя и во мнѣ самомъ.

Но я воспроизводилъ и противоположное, — то, что для внутренняго душевнаго взора является чѣмъ-то въ родѣ шлака и осадковъ на днѣ собственной души созерцающаго. Вкладывая все это въ свои произведенія, я какъ бы очищался отъ этого, словно погружался въ купель обновленія, освобожденія. Да, господа, нельзя поэтически воспроизвести ничего такого, что до извѣстной степени и во всякомъ случаѣ хоть временно не жило бы въ тебѣ самомъ. А найдется ли среди насъ человѣкъ, который время отъ времени не чувствовалъ бы и не сознавалъ бы въ себѣ разлада между словомъ и дѣломъ, между волей и задачей, между жизнью и ученіемъ вообще? Или кто изъ насъ, по крайней мѣрѣ въ единичныхъ случаяхъ, эгоистически довольный собою, полусознательно, полуувѣренно не украшалъ, не идеализировалъ взаимоотношенія этихъ категорій какъ въ глазахъ другихъ, такъ и въ собственныхъ?

Я полагалъ, что, высказавъ все это именно вамъ, студентамъ, я скажу это по надлежащему адресу, и что все это будетъ понято такъ, какъ должно. Студентамъ въ сущности представляется та же задача, какъ и поэту: выяснить себѣ и черезъ себя другимъ тѣ временные и вѣчные вопросы, которые волнуютъ тотъ вѣкъ и то общество, къ которому онъ принадлежитъ.

Въ этомъ смыслѣ осмѣлюсь сказать о себѣ, что я во время своего пребыванія за границей старался быть хорошимъ студентомъ. Поэтъ по природѣ своей принадлежитъ къ числу дальнозоркихъ. Никогда родина и жизнь на родинѣ не представлялись мнѣ такъ полно, осязательно, въ такомъ яркомъ свѣтѣ, какъ именно издалека, съ чужбины.

Въ заключеніе, дорогіе земляки, еще нѣсколько словъ, также относящихся къ пережитому. Когда кесарь Юліанъ приближается къ концу своего пути и все рушится вокругъ него — ничто такъ глубоко не угнетаетъ его души, какъ мысль, что ему удалось достигнуть лишь одного: онъ (кесарь) будетъ почтенъ вниманіемъ ясныхъ и холодныхъ умовъ, тогда какъ его противникъ (Галилеянинъ) будетъ жить въ богатыхъ любовью, горячихъ, живыхъ сердцахъ человѣческихъ! Эта

черта взята изъ пережитого, она вызвана вопросомъ, который я временами задавалъ себѣ самому тамъ, на чужбинѣ. Но вотъ сегодня норвежская молодежь пришла ко мнѣ и дала мнѣ отвѣтъ на этотъ вопросъ своими рѣчами и пѣснями, отвѣтъ столь сердечный и полный, что я ничего такого не смѣлъ и ожидать. Этотъ отвѣтъ я унесу съ собой, какъ драгоцѣннѣйшій результатъ моего посѣщенія родины, и надѣюсь и вѣрю, что пережитое мною сегодня тоже когда-нибудь найдетъ свое отраженіе въ одномъ изъ будущихъ моихъ произведеній. И случись, что мнѣ это удастся, я пошлю такую книгу студентамъ, какъ моимъ сотрудникамъ, принимавшимъ участіе въ пережитомъ, давшимъ мнѣ тему для произведенія, и попрошу ихъ принять ее, какъ дружеское пожатіе руки и спасибо за сегодняшнее.

Рѣчь троньемскимъ рабочимъ.

(14 іюня 1885 г.).

Я прибылъ въ Норвегію недѣлю тому назадъ послѣ одиннадцатилѣтняго отсутствія. И въ теченіе этой недѣли на родинѣ я испыталъ больше радости, чѣмъ за одиннадцать лѣтъ на чужбинѣ.

Я нашелъ огромный прогрессъ почти во всемъ, я увидѣлъ, что народъ, къ которому я принадлежу, сталъ значительно ближе къ остальной Европѣ, чѣмъ было прежде.

Но посѣщеніе родины принесло мнѣ и разочарованіе. Я убѣдился, что насущнѣйшія права личности все еще не обезпечены такъ, какъ я считалъ себя въ правѣ надѣяться и ожидать отъ новаго государственнаго порядка.

Бо́льшая часть правящихъ не допускаетъ для отдѣльныхъ личностей ни свободы совѣсти ни свободы слова внѣ произвольно отведенныхъ границъ.

Въ этой области слѣдовательно предстоитъ еще сдѣлать многое, прежде чѣмъ про насъ можно будетъ сказать, что мы добрались до настоящей свободы. Но я боюсь, что нашей современной демократіи не по плечу разрѣшить эти задачи. Въ нашу государственную жизнь, въ наше управленіе, въ наше представительство и въ нашу прессу долженъ войти недостающій новый благородный элементъ.

Я, конечно, не говорю здѣсь о благородствѣ въ смыслѣ аристократіи родовой, денежной, умственной, даже не объ аристократіи духа, создаваемой талантомъ или дарованіями; нѣтъ, я говорю объ аристократіи, создаваемой *характеромъ, волей* и всѣмъ духовнымъ складомъ человѣка.

Она одна можетъ освободить насъ.

Это духовное благородство, которымъ, я надѣюсь, будетъ надѣленъ нашъ народъ, эта аристократія придетъ къ намъ съ двухъ сторонъ.

Ее выдвинутъ двѣ группы, которымъ еще не нанесло непоправимаго вреда давленіе партій: наши женщины и нашъ рабочій классъ.

То преобразованіе общественнаго строя, которое теперь подготовляется въ Европѣ, существенно касается будущаго положенія рабочихъ и женщинъ.

Вотъ на что я надѣюсь, чего жду и ради чего готовъ и буду трудиться всю свою жизнь по мѣрѣ силъ.

Въ этихъ немногихъ словахъ я позволяю себѣ выразить свою сердечную признательность за ту честь и радость, которыми я обязанъ сегодня трюньемскому рабочему союзу. И вмѣстѣ съ искреннимъ своимъ «спасибо!» я провозглашаю тостъ за рабочее сословіе и за его будущее!

Рѣчь на празднествѣ въ Берлинѣ.

(11 января 1887 года).

Не ждите отъ меня, многоуважаемые господа присутствующіе, никакихъ рѣчей. Я не въ состояніи говорить рѣчи и не могу вообще выразить вамъ свою признательность: того, что я здѣсь испыталъ, словами не передать. Я издавна встрѣчалъ всякаго рода поощреніе въ Берлинѣ. Здѣсь я нашелъ перваго (нѣмецкаго) издателя, здѣсь же имѣлъ удовольствіе впервые увидѣть на нѣмецкой сценѣ одно изъ своихъ произведеній. Со стороны прессы и литературныхъ круговъ Берлина мнѣ также постоянно было оказываемо лестное вниманіе. Тѣмъ не менѣе я не думалъ, что такъ хорошо аккредитованъ здѣсь, и, озираясь теперь въ этомъ кругу литераторовъ и художниковъ, чувствую себя какъ въ волшебномъ снѣ. Но, несмотря на эту сердечность, или, пожалуй, именно благодаря ей, я чувствую, что я здѣсь гость, чужой,— вѣдь такъ никогда не чествуютъ членовъ собственной своей семьи. Поэтому я желалъ бы, чтобы наступилъ день, когда я могъ бы дѣйствительно считаться здѣсь дома, стать своимъ, а не чужимъ въ великой германской семьѣ. Я никогда не забуду любви и сердечности, высказанныхъ мнѣ сегодня. Но я испытываю не одну радость, а и грусть, и думаю, что это смѣшанное чувство тоже когда-нибудь найдетъ свое выраженіе въ моемъ поэтическомъ творчествѣ въ будущемъ. Я никогда не забуду этого вечера!

Рѣчь на празднествѣ въ Стокгольмѣ.

(24 января 1887 года).

Милостивыя государыни и милостивые государи!

Сердечное спасибо за всю ту ласку, и радушіе, и пониманіе, которыя я встрѣтилъ здѣсь и на этотъ разъ. Большое счастье доставляетъ

сознаніе, что родина твоя становится обширнѣе, что ею становится вся Скандинавія. Пространно отвѣчать на всѣ лестныя привѣтствія, которыя я только-что выслушалъ—выше моихъ силъ. Но есть одинъ пунктъ, на которомъ я и позволю себѣ остановиться ненадолго. Было высказано, что и я въ значительной степени содѣйствовалъ наступленію новаго вѣка. Я же думаю, что наше время можно съ полнымъ основаніемъ назвать только «заключеніемъ», изъ котораго теперь готово вырасти нѣчто новое. Я думаю, что ученіе естественныхъ наукъ объ эволюціи можно отнести также къ духовнымъ жизненнымъ факторамъ. Я думаю, что теперь дѣйствительно близокъ вѣкъ, когда политическія и соціальныя понятія перестануть существовать въ современныхъ формахъ, и что изъ нихъ, изъ тѣхъ и другихъ, вырастетъ нѣчто новое и единое, что на первыхъ порахъ будетъ заключать въ себѣ условія для счастья человѣчества; я думаю, что поэзія, философія и религія сольются и создадутъ новую категорію и новую жизненную силу, о которой мы, современные люди, не можемъ еще составить себѣ яснаго представленія.

Не разъ объявляли меня пессимистомъ. Ну да, я пессимистъ—поскольку не вѣрю въ вѣчность человѣческихъ идеаловъ. Но я также и оптимистъ — поскольку вѣрю въ способность идеаловъ множиться и развиваться. Особенно же я вѣрю въ то, что идеалы нашего времени, отживая свой вѣкъ, обнаруживаютъ явное тяготѣніе возродиться въ томъ, что я въ своей драмѣ «Кесарь и Галилеянинъ» подразумѣваю подъ «третьимъ царствомъ». Позвольте же мнѣ осушить свой бокалъ за будущее. Сегодняшній вечеръ — субботній вечеръ. За нимъ идетъ день отдыха, день праздничный, воскресный—зовите, какъ хотите. Я съ своей стороны буду доволенъ результатомъ труда своей жизни, если трудъ этотъ можетъ послужить къ тому, чтобы подготовить настроеніе для завтрашняго дня, если трудъ этотъ поспособствуетъ закаленію умовъ для той трудовой недѣли, которая, безъ сомнѣнія, наступитъ затѣмъ.

Примите же мое спасибо!

Рѣчь на торжественномъ обѣдѣ въ Христіаніи.

(23 марта 1898 года).

Когда я зазвенѣлъ своимъ стаканомъ, вокругъ стало такъ тихо. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, такъ показалось. Но если отъ меня ждутъ пространныхъ рѣчей въ отвѣтъ на всѣ тѣ горячія привѣтствія, которыя сейчасъ были обращены ко мнѣ, то ошибутся. Я могу только выразить свою искреннѣйшую признательность за это, какъ и за все то вниманіе и за ту честь, которыя оказаны мнѣ здѣсь сегодня.

Или, быть-можетъ, отъ меня ожидаютъ рѣчи о моихъ произведеніяхъ? Я бы не сумѣлъ сказать такой рѣчи. Мнѣ вѣдь пришлось бы захватить по пути и всю свою жизнь. А это одно составило бы довольно толстую книгу.

Вдобавокъ я какъ разъ теперь занятъ мыслью о такой книгѣ, — о книгѣ, которая бы связала въ одно понятное цѣлое мою жизнь и мое творчество. Право, мнѣ кажется, что я теперь уже въ такомъ зрѣломъ возрастѣ, что могу позволить себѣ небольшую передышку, устроивъ себѣ годовыя каникулы. А такая книга была бы какъ разъ подходящею каникулярною работой въ сравненіи съ волнующимъ, изнуряющимъ драматическимъ творчествомъ. Каникулъ же у меня собственно не было ни разу съ тѣхъ поръ, какъ я, тридцать четыре года тому назадъ, покинулъ Норвегію, и, пожалуй, онѣ теперь пришлись бы мнѣ кстати.

Но, милостивыя государыни и милостивые государи, вы не должны изъ этого заключать, что я намѣренъ навсегда отложить въ сторону свое перо драматурга. Нѣтъ, я намѣренъ прибѣгать къ нему и впредь и крѣпко держать его въ рукахъ до послѣдней возможности. У меня еще есть въ запасѣ разныя драматическія чудачества, которымъ я пока не нашелъ примѣненія. Только когда я ихъ всѣ стряхну съ себя, настанетъ время отложить попеченіе. И какъ легко у меня будетъ тогда на душѣ въ сравненіи съ тѣмъ временемъ, когда я начиналъ! Какъ тихо и пусто было тогда вокругъ! Кое-гдѣ лишь виднѣлись отдѣльные, разрозненные соратники, не объединенные никакою внутреннею связью. Часто мнѣ казалось, что разъ меня не будетъ здѣсь, то какъ будто меня и не бывало никогда, да и моего труда тоже.

А теперь! Теперь вокругъ такъ многолюдно. Выступили на подмогу юныя, свѣжія, несущія побѣду силы. Имъ не приходится уже писать для тѣснаго кружка. У нихъ большая публика, обширная аудиторія, къ которой онѣ могутъ обращаться со своими мыслями и чувствами. А принимаютъ ли ихъ сочувственно или враждебно—это безразлично. Хуже всего безучастіе, полная глухота. Это я на себѣ испыталъ.

Я искренно сожалѣю, что такъ мало имѣлъ случаевъ лично познакомиться со многими изъ здѣшнихъ литературныхъ дѣятелей, которые будутъ продолжать начатую работу. Жалѣю не потому, чтобы хотѣлъ попытаться оказать на нихъ какое-либо вліяніе, но чтобы самому научиться понимать лучше. Главное же мнѣ хотѣлось бы воспользоваться болѣе близкимъ знакомствомъ для устраненія недоразумѣнія, которое во многихъ отношеніяхъ служило для меня камнемъ преткновенія. А именно: будто я, въ силу своей рѣдкой, сказочной судьбы, прославившей мое имя во многихъ странахъ, долженъ чувствовать себя настоящимъ счастливцемъ. Правда, кромѣ имени, мнѣ посчастливилось также стяжать горячее, сердечное и чуткое отношеніе къ моимъ трудамъ,—а это самое главное. Но такое внутреннее истин-

пое счастье—не находка, не даръ судьбы. Его приходится пріобрѣтать дорогою цѣной, и оно часто даетъ о себѣ знать довольно тяжелымъ ощущеніемъ. Дѣло вотъ въ чемъ: тотъ, кто обрѣлъ себѣ родину во многихъ странахъ, въ глубинѣ души своей *нигдѣ* не чувствуетъ себя вполнѣ дома, даже въ собственномъ отечествѣ.

Впрочемъ, это, можетъ-быть, еще придетъ. И я буду смотрѣть на сегодняшній вечеръ, какъ на начало.

Я уже вижу здѣсь нѣчто похожее на единеніе. Здѣсь всѣ точки зрѣнія и расходящіяся мнѣнія смогли объединиться вокругъ одного предмета. Я здѣсь не испытываю больше мучительнаго чувства, связаннаго съ представленіемъ, что тебя чествуютъ какъ поэта отдѣльной партіи. Поэтъ долженъ собрать вокругъ себя весь свой народъ — сочувствующій или негодующій. Тогда объединяющая мысль пойдетъ дальше, къ болѣе великимъ цѣлямъ и высшимъ задачамъ... Вотъ на что я надѣюсь, во что вѣрю.

Итакъ, милостивыя государыни и милостивые государи, прошу васъ принять мою искреннѣйшую признательность за доброе и сердечное отношеніе ко мнѣ.

Рѣчь на торжественномъ обѣдѣ въ Копенгагенѣ.

(1 апрѣля 1898 года).

Рѣчь профессора Гансена смутила меня и опрокинула приготовленный-было мною отвѣтъ. Мнѣ приходится теперь импровизировать его, и я почтительно прошу вашего снисхожденія. Сегодня первое апрѣля. Въ этотъ же день въ 1864 г. я въ первый разъ посѣтилъ Копенгагенъ. Теперь тому минуло тридцать четыре года. Запомните число и годъ. Я былъ здѣсь проѣздомъ въ Германію, Австро-Венгрію и Италію и девятаго мая перевалилъ черезъ Альпы. Надъ вершинами горъ нависли огромныя черныя тучи, и мы ѣхали подъ этимъ навѣсомъ, пролетали туннели и вдругъ очутились у Мирамаре, гдѣ мнѣ разомъ открылась красота юга, сверкнулъ въ глаза дивный прозрачный свѣтъ, словно блескъ ослѣпительно-бѣлаго мрамора... Это впечатлѣніе отразилось во всей послѣдующей моей литературной дѣятельности, хотя она и не вся запечатлѣна красотою.

Подобное же ощущеніе внезапнаго перехода отъ мрака къ свѣту — изъ горнаго тумана и мрака туннелей на яркое солнце — я испыталъ на-дняхъ, глядя вдоль Эрезунда, встрѣчая привѣтливые взгляды датчанъ. Мнѣ кажется, что между этими двумя поѣздками есть какая-то внутренняя связь, и я приношу вамъ поэтому мое сердечное спасибо.

Рѣчь на празднествѣ въ шведскомъ союзѣ писателей въ Стокгольмѣ.

(11 апрѣля 1898 года).

Милостивыя государыни и милостивые государи!

Сердечно благодарю васъ за сегодняшній вечеръ,—я испыталъ сегодня нѣчто совсѣмъ новое, необычное. Насколько знаю, я не участвовалъ ни въ какомъ союзѣ и, кажется, даже впервые вообще присутствую въ таковомъ. Правда, въ Христіаніи существуетъ союзъ приблизительно того же характера, какъ и этотъ, но я состою его членомъ лишь для виду и по многимъ соображеніямъ ни разу не принималъ участія въ его собраніяхъ. Такимъ образомъ я сегодня въ первый разъ попалъ въ союзъ, и это слѣдовательно для меня нѣчто новое. Союзы въ сущности не по моей части. И въ извѣстномъ смыслѣ союзы, кажется, меньше всего подходятъ для писателей; каждый писатель долженъ вѣдь идти своимъ особымъ, непроторенным путемъ, и чѣмъ обособленнѣе будетъ этотъ путь, тѣмъ лучше, — это облегчаетъ писателю выполненіе его миссіи. Но я думаю все-таки, что и такой вотъ союзъ, какъ этотъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣетъ свой смыслъ и свои задачи. Истинно культурныя задачи. Одна изъ такихъ задачъ писателей—огражденіе сообща своихъ правъ, что во многихъ случаяхъ оказывается весьма необходимымъ. Вторая задача, по-моему, не менѣе важна, и я не могу не указать на нее здѣсь. Къ сожалѣнію, приходится вообще прибѣгать къ переводамъ драматическихъ произведеній; но сѣверяне—я все не могу отдѣлаться отъ своей старой идеи о «единомъ Сѣверѣ» въ культурномъ смыслѣ — могли бы все-таки придти между собою къ соглашенію: по возможности меньше пользоваться переводами, знакомясь съ произведеніями трехъ скандинавскихъ литературъ. Читая вещь въ переводѣ, всегда болѣе или менѣе рискуешь не такъ понять ее: переводчики, къ сожалѣнію, слишкомъ часто оказываются недостаточно свѣдущими. Я думаю, если бы мы—норвежцы, шведы, датчане—читали произведенія другъ друга въ оригиналѣ, мы бы ближе и глубже понимали содержаніе. Содѣйствіе такому сближенію и является одной изъ прекраснѣйшихъ задачъ союза.

Наконецъ я позволю себѣ сказать, что всегда чувствую себя прекрасно въ Швеціи. Я нашелъ здѣсь старую фундаментальную культуру, держащуюся на крѣпкихъ традиціяхъ, болѣе крѣпкихъ, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ, и болѣе глубокихъ, нежели полагаютъ. Затѣмъ я встрѣтилъ здѣсь много прекрасныхъ сердечныхъ личностей. Такихъ я нескоро забываю, разъ познакомлюсь съ ними.

Словомъ, я навсегда сохраню воспоминанія объ этомъ вечерѣ и обо всѣхъ, кто оказалъ мнѣ сегодня честь своимъ обществомъ. Сердечное спасибо!

Рѣчь на торжественномъ обѣдѣ въ Стокгольмѣ.

(13 апрѣля 1898 года).

Нынѣшнее мое посѣщеніе Стокгольма кажется мнѣ сномъ. Да это и есть сонъ. Первымъ лицомъ, явившимся мнѣ во снѣ, былъ его величество король. Отъ него получилъ я высшее отличіе, какое только могло выпасть мнѣ на долю. Я былъ пораженъ; я и безъ того пріѣхалъ благодарить, а тутъ приходится благодарить вдвойнѣ. Затѣмъ меня пригласили на это блестящее собраніе представителей всѣхъ слоевъ общества. Когда его королевское величество оказалъ мнѣ такой почетъ, я отнесъ это на счетъ королевски-геніальной эксцентричности. Да и здѣсь я испытываю нѣчто подобное. Я не смотрю на оказываемый мнѣ здѣсь почетъ, какъ на исключительно личное свое торжество. Я вижу въ немъ признаніе литературы культурною силою, — признаніе, подписанное всѣмъ шведскимъ народомъ. А какъ это должно дѣйствовать на меня — вѣрно, сами можете догадаться. Моя жизнь прошла, какъ долгая-долгая страстная недѣля. Но вотъ теперь, когда мое пребываніе здѣсь совпало съ настоящею страстною недѣлею, жизнь моя вдругъ превратилась въ волшебную сказку. Я, старый драматургъ, вижу, что моя жизнь стала поэмой, волшебной поэмой, превратилась въ «Сонъ въ лѣтнюю ночь». Благодарю васъ за это превращеніе!

Рѣчь на празднествѣ, данномъ союзомъ норвежскихъ женщинъ.

(26 мая 1898 года).

Я не состою членомъ женскаго союза. Въ своихъ произведеніяхъ я никогда не допускалъ сознательной тенденціи. Я былъ больше поэтомъ и меньше философомъ-соціалистомъ, чѣмъ это вообще склонны думать. Благодарю за тостъ, но долженъ отклонить отъ себя честь сознательнаго содѣйствія женскому движенію. Я даже не вполнѣ уяснилъ себѣ его сущность. То дѣло, за которое борются женщины, мнѣ представлялось общечеловѣческимъ. И кто внимательно прочтетъ мои книги, пойметъ это. Конечно, изъ нихъ можно вывести, что желательно разрѣшить по пути и женскій вопросъ, но это не главное. Моей задачей было изображеніе людей. Всегда однако, пожалуй, бываетъ такъ, что читатель, если изображеніе вѣрно, мѣтко вкладываетъ въ него еще свои чувства и настроенія. Приписываютъ это поэту; но оно не такъ; каждый пересоздаетъ твореніе поэта по-своему, согласно своей индивидуальности, украшаетъ его, отдѣлываетъ. Творятъ не только писа-

тели, но и читатели; они — сотоварищи; и часто читатель бываетъ больше поэтомъ, чѣмъ самъ поэтъ.

Вотъ съ какою оговоркой позволяю я себѣ благодарить за провозглашенный за меня тостъ. Я вижу, что женщины имѣютъ свои великія задачи въ тѣхъ особыхъ областяхъ, въ которыхъ дѣйствуетъ этотъ союзъ. И провозглашаю благодарственный тостъ за женскій союзъ, желая ему всякаго преуспѣянія.

Моей задачею всегда было содѣйствіе поднятію страны и народа до высшей ступени міросозерцанія. Этому же могутъ содѣйствовать два фактора — культура и дисциплина, и женщинамъ-матерямъ предстоитъ напряженнымъ и долгимъ трудомъ привить народу сознательное чувство *культуры* и *дисциплины*. Надо прививать это чувство отдѣльнымъ людямъ; тогда только удастся поднять уровень всего народа. Такимъ образомъ женщинамъ предстоитъ разрѣшить общечеловѣческій вопросъ, разрѣшить въ качествѣ матерей. Лишь такимъ образомъ имъ это удастся... Вотъ великая задача женщинъ. Мое спасибо и привѣтствіе женскому союзу!

ПИСЬМА ИБСЕНА.

Оле Шулеруду.

I.

Гримстадъ, 15 октября 1849 г.

Дорогой другъ!

Твое послѣднее письмо порадовало меня вдвойнѣ, — и тѣмъ, что на основаніи его я могу надѣяться на скорое разрѣшеніе нашего дѣла, и особенно тѣмъ, что ты въ немъ выказываешь себя истиннымъ другомъ, разсматривая моё посланіе, какъ продуктъ необдуманности и вспыльчивости. Это снисходительное отношеніе позволяетъ мнѣ надѣяться, что ты вошелъ въ мое положеніе, постарался взглянуть на дѣло съ той точки зрѣнія, съ какой я смотрѣлъ на него. Надѣюсь, что ты представилъ себѣ то напряженное ожиданіе и разочарованіе, въ какія повергалъ меня каждый почтовый день, какъ я волновался, не зная истинныхъ причинъ. Эта неизвѣстность поневолѣ порождала тысячу сомнѣній, которыя были тѣмъ мучительнѣе, что я въ глубинѣ души не могъ признать ни одного изъ нихъ основательнымъ.

Твое письмо устранило всякія сомнѣнія относительно твоего образа дѣйствій, и я не стоилъ бы твоей дружбы, если бы сразу не взялъ обратно всего, что̀ въ моемъ посланіи могло быть истолковано въ смыслѣ обиднаго недовѣрія къ честности твоихъ намѣреній. Я прошу тебя поэтому вообще поставить крестъ на всемъ, какъ на не имѣющемъ никакого вліянія на наши дружескія отношенія въ будущемъ, и жду отъ тебя подтвержденія этого въ ближайшемъ письмѣ.

Сегодня мнѣ некогда писать больше. Отъ имени Дуэ благодарю за обѣщанную гитару; онъ ждетъ ея съ нетерпѣніемъ. Благодарю также за матерію для брюкъ; я ужъ пересталъ о ней думать, полагая, что ты успѣлъ забыть о ней; но она будетъ очень кстати, такъ какъ мнѣ теперь приходится экономить до послѣдней возможности... Первое дѣйствіе Олафа Тр.[юг всссёна] почти-что окончено; я думаю,

выйдетъ удачно, и надѣюсь, что эта вещь доставитъ намъ меньше непріятностей, чѣмъ К.[атилина]. Будь здоровъ.

Твой преданный другъ
Генрикъ Ибсенъ.

P. S. Сдѣлай мнѣ одолженіе, брось мое послѣднее письмо въ печку; мнѣ непріятно сознавать, что оно остается у тебя въ рукахъ.

II.

Гримстадъ, 5 января 1850 г.

Дорогой другъ!

Послѣднее твое посланіе сообщило мнѣ о смертномъ приговорѣ надъ «Катилиной». Меня это очень огорчило, но что толку падать духомъ? Ты поистинѣ правъ, что это только мнимое пораженіе, и что въ сущности нельзя и смотрѣть на это иначе. К. предназначался вѣдь служить только застрѣльщикомъ при выполненіи нашихъ плановъ, о которыхъ мы мечтали, и онъ еще вполнѣ можетъ исполнить это свое назначеніе. Я совершенно раздѣляю твое мнѣніе, а именно, что вѣрнѣе всего продать пьесу, и полагаю, что отказъ дирекціи поставить ее скорѣе послужитъ намъ на пользу, чѣмъ повредитъ, такъ какъ по письму дирекціи нельзя полагать, что мотивомъ для отказа послужили внутренніе недостатки пьесы. Продажею ты, разумѣется, распорядишься по своему усмотрѣнію; одно только хочу замѣтить: по-моему, лучше продать право на изданіе, чѣмъ печатать пьесу на свой рискъ; въ послѣднемъ случаѣ намъ придется вѣдь потратиться на печатаніе, и доходъ мы будемъ получать лишь понемногу, тогда какъ въ первомъ случаѣ сразу получимъ гонораръ. Но, конечно, надо сообразоваться съ обстоятельствами.

Теперь о моихъ литературныхъ работахъ. Какъ я уже сообщалъ тебѣ, первое дѣйствіе «Олафа Т.» почти готово; одноактная пьеска «Норманы» *) переработана, вѣрнѣе — перерабатывается; я занятъ ею въ настоящее время, и въ своемъ новомъ видѣ она будетъ служить оболочкой болѣе широкой идеѣ, нежели для какой она была первоначально предназначена. Двумя-тремя преданіями и описаніями Телемаркена я воспользовался для нѣсколькихъ большихъ стихотвореній, приноровленныхъ къ извѣстнымъ народнымъ мелодіямъ, и такимъ образомъ я попыталъ свои силы въ народномъ духѣ. Кромѣ того, я наполовину закончилъ болѣе крупное, нѣсколько, пожалуй, выспреннее стихотвореніе подъ заглавіемъ: «Бальныя воспоминанія», обязанное своимъ происхожденіемъ моей мнимой влюбленности минувшимъ лѣтомъ. Но главнымъ моимъ трудомъ со времени твоего отъѣзда является

*) См. «Богатырскій курганъ».

народно-историческая повѣсть, которую я назвалъ «Акерсгусскій узникъ». Въ ней изображается печальная судьба Христіана Лофтгуса.

Жизнь этого человѣка тебѣ навѣрно извѣстна; если же нѣтъ, то вотъ краткое описаніе. Х. Л. жилъ въ концѣ прошлаго столѣтія въ усадьбѣ Лофтгусъ близъ Лиллесандра, гдѣ датскіе чиновники хозяйничали хуже, чѣмъ гдѣ-либо. Лофтгусъ, тогда еще молодой человѣкъ, рѣшился вступиться за своихъ угнетенныхъ земляковъ. Онъ собралъ всѣ ихъ жалобы на чиновниковъ и отправился съ ними въ Копенгагенъ, гдѣ лично представился королю и такъ горячо защищалъ народное дѣло, что была назначена слѣдственная комиссія. Послѣдняя смѣстила особенно ненавистныхъ населенію чиновниковъ. Этого не могли снести недруги Лофтгуса и обвинили его въ сношеніяхъ съ шведскимъ королемъ въ цѣляхъ передачи послѣднему власти надъ Норвегіей, при чемъ самъ Л. сохранилъ бы за собою часть страны въ видѣ самостоятельнаго королевства. Послѣдовало распоряженіе арестовать Л., но когда объ этомъ узнали, то на его защиту выступили цѣлыя толпы вооруженныхъ крестьянъ. Л. укрѣпилъ свою усадьбу и выдержалъ форменную осаду, пока измѣннически не былъ завлеченъ въ сосѣднюю усадьбу, гдѣ его схватили и на заранѣе приготовленной лодкѣ отправили въ Христіанію. Тамъ онъ и просидѣлъ безъ суда 10 лѣтъ въ Акерсгусской крѣпости (до 1797 г.). Тайные друзья узника однако не забыли его, и наконецъ имъ удалось добиться его помилованія; но оно явилось слишкомъ поздно: раньше, чѣмъ его успѣли освободить люди, его освободила смерть. Вотъ историческая канва, извлеченная мной изъ старой рукописи, которая счастливымъ случаемъ попала ко мнѣ въ руки. Какъ по-твоему — выйдетъ изъ этого что-нибудь?

Я думаю, надо снабдить «Катилину» краткимъ предисловіемъ, и поэтому прошу тебя переписать и приложить къ рукописи слѣдующее:

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Предлагаемая пьеса первоначально предназначалась для сцены; но театральная дирекція не нашла ее подходящею. Авторъ имѣетъ основаніе полагать, что не внутреннія недостатки пьесы послужили главною причиною отказа, но все же не безъ нѣкотораго, весьма естественнаго страха предлагаетъ свой трудъ вниманію публики, отъ которой однако въ правѣ ожидать снисхожденія, какъ всякій начинающій».

P. S. Пожалуйста, не допускай опечатокъ въ изданіи; рукопись мнѣ бы хотѣлось получить обратно; просилъ бы также выслать мнѣ два экземпляра пьесы по ея отпечатаніи. Всего хорошаго.

Твой преданный другъ

Генрикъ Ибсенъ.

Сусаннѣ Торесенъ.

Бергенъ, январь 1856 г.

«ЕДИНСТВЕННОЙ».

Люстры сіяютъ огнями,
Въ полномъ разгарѣ балъ,
Газа и шелка волнами
Пестрыми полонъ залъ, —
Дамы въ воздушныхъ нарядахъ
Кружатся въ тактъ, скользятъ.
Праздничный блескъ во всѣхъ взглядахъ;
Ярко огни горятъ.

Наскоро шепчутся рѣчи;
Въ нихъ — что на умъ взбредетъ,
Въ нихъ — что, казалось до встрѣчи,
Въ сердцѣ навѣкъ умретъ.
Дамы смѣются небрежно
Льстивымъ словамъ мужскимъ,
Но и заносятъ прилежно
Въ память — не вѣря имъ.

Время проходитъ пріятно,
Шутки не сходятъ съ устъ.
Хоть одному бы понятно
Было — какъ міръ весь пустъ;
Хоть бы одинъ здѣсь тревожной
Мыслью постигъ тщету —
Маской безпечности ложной
Жизни скрыть пустоту!

Нѣтъ, средь толпы этой вздорной
Все-таки есть одна:
Думы пытливой, упорной,
Скорби она полна;
Вижу въ потупленномъ взорѣ
Слѣдъ затаенныхъ слезъ,
Въ сердцѣ же цѣлое море,
Бурное море грезъ.

Ты — сама греза-загадка!
Если-бъ тебя понять!..
Какъ мнѣ подругою сладко
Было-бъ тебя избрать!
Черпать души обновленье
Въ дѣтской душѣ твоей,

Видѣть свое отраженье
Чище, свѣтлѣе въ ней!
Звуки прекраснѣй, повѣе
Я бы въ груди обрѣлъ;
Къ небу парила-бъ смѣлѣе
Мысль моя, мысль-орелъ!
Жизни отдѣльныя звенья
Въ пѣсняхъ бы слилъ своихъ;
Лучшія жизни видѣнья
Откликъ нашли бы въ нихъ.
Юная греза-загадка!
Если-бъ тебя понять!..
Какъ мнѣ подругою сладко
Было-бъ тебя избрать.

. . . . . .

Павлу Боттенъ-Гансену.

I.

Бергенъ, 17 апрѣля 1857 г.

Милый старый другъ!

Прежде всего шлю тебѣ свой сердечный привѣтъ, а затѣмъ мои замѣтки о богатырскихъ пѣсняхъ — вмѣстѣ съ просьбой помѣстить ихъ въ твоей газетѣ. Въ случаѣ, если ты захочешь воспользоваться этой статьей, пожалуйста, помѣсти ее возможно большими порціями и, главное, раздѣли соотвѣтствующимъ образомъ, а также непремѣнно позаботься о томъ, чтобы тщательно провѣрили правописаніе и знаки препинанія; я, какъ увидишь, отдалъ переписать свою рукопись другому лицу и лишь наскоро пробѣжалъ переписанное.

Много разъ я собирался писать тебѣ, но все откладывалъ; думалъ также послать тебѣ кое-какія путевыя замѣтки, но такъ и не собрался; лѣтомъ я намѣреваюсь однако отправиться въ дальнюю экскурсію и тогда, можетъ-быть, пошлю тебѣ что-нибудь путное. О своемъ здѣшнемъ житьѣ-бытьѣ не могу сообщить тебѣ ничего интереснаго, кромѣ того, что я съ прошлаго года сталъ женихомъ дочери бергенскаго пробста Торесена (мачеха ея писательница, авторъ «Свидѣтеля» и другихъ разсказовъ, о которыхъ ты въ свое время давалъ отзывы въ «Nyhedsbladet» («Новости»).

За твою замѣтку о «Пирѣ въ Сольхаугѣ» сердечно тебя благодарю; свое новое произведеніе «Олафъ Лиліекрансъ» я послалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Христіанійскій театръ, но Боргоръ вѣдь не торопится вообще. Мое *лучшее* произведеніе «Фру Ингеръ изъ Эстрота»

онъ не пожелалъ включить въ репертуаръ, пока я не передѣлаю коечего, но я на это не согласенъ. Около Новаго года я послалъ пьесу Хр. Тёнсбергу съ предложеніемъ издать ее, но онъ пока все не рѣшается; между тѣмъ для меня въ высшей степени важно, чтобы это лучшее мое произведеніе стало извѣстнымъ публикѣ, и я прошу тебя взять это дѣло въ свои руки, сдѣлать для меня что можно. Пьеса находится у Тёнсберга; прочти ее и добудь мнѣ издателя. Условія безразличны; отъ гонорара охотно откажусь, только бы ее напечатали. И лишь бы ты былъ такъ милъ, взялся за дѣло, — оно навѣрное удастся. Мнѣ пришла мысль — нельзя ли издать пьесу въ пользу строительнаго фонда студенческаго союза? Я бы тогда предпослалъ пьесѣ небольшой прологъ, посвященный юному скандинавскому Сѣверу. Милый другъ! Окажи мнѣ содѣйствіе! Я отдаю тебѣ «Фру Ингеръ» въ полное распоряженіе; непремѣнно найди издателя и не отставай отъ него, пока онъ не сдастся!..

Чѣмъ скорѣе ты пришлешь мнѣ пару строкъ, тѣмъ будетъ милѣе съ твоей стороны. Сообщи, какъ вы всѣ поживаете—ты и наши общіе знакомые. И прощай пока, всего хорошаго!

Дружески преданный тебѣ
Генрикъ Ибсенъ.

II.

Бергенъ, 28 апрѣля 1857 г.

Дорогой другъ!

Сегодня напишу всего нѣсколько строкъ, такъ какъ почта скоро отходитъ. Назови мою статейку, если на то согласенъ: «Богатырскія пѣсни и ихъ значеніе для искусства». Болѣе подходящаго къ содержанію названія не могу второпяхъ придумать. «Кое-что» и т. д. было бы также недурно, такъ какъ у меня хватило бы матеріала для статьи на эту же тему и въ десять разъ крупнѣе; но, разъ это выраженіе отзывается Оле Вигомъ—прочь его.

Предложеніе твое—помѣстить «Фру Ингеръ» въ твоей газетѣ и затѣмъ издать отдѣльно—я нахожу превосходнымъ. Въ двухъ нумерахъ однако пьеса едва ли помѣстится; и, пожалуй, лучше всего было бы поэтому помѣщать въ каждомъ нумерѣ по одному дѣйствію. Что до книжки, то я увѣренъ, что она будетъ издана красиво и со вкусомъ, и вообще уполномочиваю тебя распоряжаться пьесой, какъ своей собственностью, а прежде всего—получить доставленную въ свое время г. Тёнсбергу рукопись, для чего и прилагаю къ письму соотвѣтственную записку на имя Т.

Очень хотѣлъ бы, чтобы и «Олафъ Лиліекрансъ» вышелъ въ свѣтъ такимъ же образомъ, какъ только пьеса будетъ поставлена на сценѣ Христіанійскаго театра; но отъ Боргора все еще ни слова. Меня раз-

бярастъ сильное желаніе вступить съ нимъ въ полемику по поводу его отказа принять «Фру Ингеръ» въ ея настоящемъ видѣ. Судя по его собственнымъ письмамъ, они находятъ пьесу «поэтичною, богатою прекрасно изображенными характерами и сильными драматическими моментами», — и тѣмъ не менѣе... Ну, да ты самъ поймешь главные его мотивы, когда прочтешь пьесу.

Что касается гонорара, то прошу тебя опредѣлить его по собственному усмотрѣнію; буду доволенъ тѣмъ, что ты самъ назначишь... Очень порадуешь меня, если въ нѣсколькихъ словахъ сообщишь мнѣ свое мнѣніе о пьесѣ, какъ только прочтешь ее. Если встрѣтишь О. Шулеруда, кланяйся ему. Не думаешь ли самъ побывать въ нашихъ краяхъ? Право, стоило бы прокатиться: дивная природа, совсѣмъ особенная. Ну, всего хорошаго! Вполнѣ надѣюсь, что ты устроишь мои дѣла наилучшимъ образомъ.

Дружески преданный тебѣ

Г. И.

Я уже началъ новое драматическое произведеніе; по тону и содержанію оно совсѣмъ не похоже на предыдущія.

Г. И.

Карлу-Іоганну Анкеру.

Христіанія, 30 января 1858 г.

Дорогой другъ!

...Повѣрьте, я часто вновь переживаю дни нашего короткаго знакомства. Поѣздка въ Гардангеръ оставила во мнѣ свѣтлое воспоминаніе, какъ одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ моментовъ жизни, которые надолго снабжаютъ насъ духовной пищей.

Я часто задаюсь вопросомъ,—что вы собственно обо мнѣ подумали, не нашли ли вы, что отъ меня вѣяло какимъ-то отчуждающимъ холодомъ, который мѣшаетъ болѣе тѣсному сближенію, а между тѣмъ мнѣ было безконечно легче сойтись съ вами, чѣмъ съ кѣмъ другимъ,— въ васъ было столько душевной молодости, жизнерадостности и столько рыцарскаго благородства во взглядахъ, отъ чего у меня становилось такъ хорошо на душѣ. Сохраните все это въ себѣ! Повѣрьте, мнѣ вовсе не весело смотрѣть на міръ сквозь октябрьскій туманъ, и все-таки — смѣшно сказать — было время, когда я ничего лучшаго не желалъ. Я сгоралъ желаніемъ испытать большое горе, почти молилъ небо послать мнѣ такое горе, которое бы нацолнило все мое существованіе, дало бы содержаніе жизни. Это было нелѣпо; я уже выбился изъ этой стадіи, но все-таки это міросозерцаніе нѣтъ-нѣтъ да и отзовется.

...Дорогой Анкеръ, не пользуйтесь правомъ возмездія и напишите

мнѣ возможно скорѣе. Меня мучитъ раскаяніе въ моемъ долгомъ молчаніи, и два-три дружескихъ слова успокоили бы мою совѣсть.

Преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Норвежскому правительству.

Христіанія, 6 августа 1860 г.

Королю.

Генрикъ Ибсенъ всеподданнѣйше ходатайствуетъ о назначеніи ему изъ суммъ, отпускаемыхъ на образовательныя заграничныя поѣздки художникамъ и ученымъ, стипендіи въ размѣрѣ 400 (четырехсотъ) спецій-далеровъ на поѣздку въ Лондонъ, Парижъ, главные города Германіи, Копенгагенъ и Стокгольмъ для изученія драматическаго искусства и литературы.

Въ теченіе десятилѣтней литературной дѣятельности, а также долгой подготовительной работы къ ней, я главнымъ образомъ былъ занятъ драматическимъ искусствомъ и литературой, изученіемъ ихъ принциповъ, системы и исторіи, и осмѣливаюсь предположить, что изученіе это не осталось безплоднымъ, о чемъ свидѣтельствуютъ печатные отзывы о моихъ драматическихъ произведеніяхъ какъ со стороны родныхъ, такъ и со стороны иностранныхъ цѣнителей искусства. Благосклонный же пріемъ, оказанный публикой различнымъ моимъ произведеніямъ, нѣкоторыя изъ которыхъ были поставлены на сценѣ и въ Швеціи и въ Даніи, является доказательствомъ того, что я не лишенъ дарованія, дающаго мнѣ право работать въ избранной мной области искусства.

Въ концѣ 1851 г. я принялъ мѣсто режиссера при вновь возникшемъ въ Бергенѣ норвежскомъ театрѣ. Отъ послѣдняго я получилъ въ началѣ 1852 г. стипендію, давшую мнѣ возможность предпринять пятимѣсячную поѣздку въ Копенгагенъ, Гамбургъ, Берлинъ и Дрезденъ, главнымъ образомъ съ цѣлью ознакомленія съ техникой драматическаго искусства, съ принципами практическаго его примѣненія въ различныхъ областяхъ и различныхъ формахъ, а также со всѣмъ, что относится къ руководительству театромъ.

Упомянутое положеніе при бергенскомъ театрѣ я занималъ до лѣта 1857 г., когда принялъ мѣсто директора-распорядителя по художественной части при здѣшнемъ норвежскомъ театрѣ; должность эту я занимаю и до сихъ поръ.

Въ послѣдніе годы все тверже и тверже устанавливается взглядъ, что общее развитіе искусства и поэзіи не можетъ оставаться дѣломъ постороннимъ для государства; въ силу этого само государство все съ большей и большей готовностью оказываетъ поддержку нашимъ ху-

дожникамъ—живописцамъ, ваятелямъ и композиторамъ; были также ассигнованы немалыя субсидіи на поѣздки за границу и двумъ поэтамъ. То обстоятельство, что драматическое искусство до сихъ поръ было лишено всякой подобной офиціальной поддержки, не можетъ быть объяснено тѣмъ, что государство не признаётъ за этимъ искусствомъ правъ на такую поддержку, — напротивъ, государство, покровительствуя поэзіи, скульптурѣ, живописи и музыкѣ, явно, хотя и не непосредственно, признаётъ значеніе сценическаго искусства, которое по существу своему представляетъ, какъ извѣстно, объединеніе всѣхъ остальныхъ формъ искусства. Кромѣ того, опытъ всѣхъ остальныхъ цивилизованныхъ странъ достаточно показалъ, что драматическое искусство во всѣ времена своего расцвѣта, болѣе чѣмъ какой-либо другой родъ искусства, играло существенную роль въ воспитаніи народа; фактъ этотъ скорѣе всего объясняется болѣе близкимъ и непосредственнымъ отношеніемъ этого искусства къ дѣйствительности, а слѣдовательно его большею понятностью, доступностью и популярностью.

Причину того, что театральное дѣло у насъ было лишено всякой офиціальной поддержки, приходится, согласно высказываемымъ по этому поводу мнѣніямъ, искать въ неодобрительномъ отношеніи къ тѣмъ формамъ, въ которыхъ искали такой поддержки, а именно—въ формѣ прямой субсидіи отдѣльнымъ театральнымъ предпріятіямъ на веденіе дѣла, постройку театра и т. п. По поводу такихъ искательствъ высказывалось, что театральное предпріятіе должно само окупать свое существованіе, если оно не лишено опытнаго художественнаго руководительства и репертуара изъ оригинальныхъ драматическихъ произведеній.

Основываясь на такомъ взглядѣ, я и позволяю себѣ, въ качествѣ драматическаго писателя одного изъ столичныхъ театровъ, выступить съ моимъ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ.

Быть-можетъ, не лишнее указать здѣсь, что разъ за драматическимъ искусствомъ официально, хоть и негласно, признано указанное значеніе, то государство должно быть заинтересовано въ томъ, чтобы отдѣльными театральными предпріятіями, преслѣдующими художественныя цѣли, руководили люди наиболѣе знающіе и понимающіе. Особенно же необходимо это въ наше время, когда національное драматическое искусство только еще начинаетъ развиваться, и слѣдовательно направленіе его въ настоящемъ и въ ближайшемъ будущемъ окажетъ существенное вліяніе на тѣ формы, которыя оно, окрѣпнувъ, нѣкогда выработаетъ.

Осмѣливаясь предполагать, что моя десятилѣтняя дѣятельность драматическаго писателя, девятилѣтняя практика художественнаго руководителя театра, опытъ, который я извлекъ изъ прежнихъ своихъ поѣздокъ, предпринимавшихся съ тою же цѣлью, и наконецъ дѣло-

выя связи, пріобрѣтенныя мною частью во время этихъ поѣздокъ, частью здѣсь, достаточно ручаются за то, что и новая моя поѣздка окажется небезполезной, я и ходатайствую о стипендіи въ 400 спецій-далеровъ, которая дала бы мнѣ возможность на полгода поѣхать въ Лондонъ, Парижъ, главнѣйшіе нѣмецкіе города, въ Копенгагенъ и Стокгольмъ, чтобы расширить свои познанія въ области драматической литературы и искусства.

Всеподданнѣйше Генрикъ Ибсенъ.

Христіанія, 10 марта 1863 г.

Королю.

Генрикъ Ибсенъ всеподданнѣйше ходатайствуетъ о внесеніи въ собравшійся нынѣ стортингъ королевскаго предложенія о назначеніи ходатайствующему изъ государственной казны годового писательскаго жалованья въ 400 (четыреста) спецій-далеровъ, дабы тѣмъ дать ему возможность продолжать литературную дѣятельность.

Въ подкрѣпленіе моего всеподданнѣйшаго ходатайства позволяю себѣ приложить краткій очеркъ моей жизни и литературной дѣятельности.

Я родился въ Скіэнѣ 20 марта 1828 г. и въ силу несостоятельности моихъ родителей принужденъ былъ съ 15-ти-лѣтняго возраста самъ заботиться о средствахъ къ существованію. Сначала мнѣ удалось пристроиться ученикомъ, а затѣмъ и помощникомъ при аптекѣ въ г. Гримстадѣ; такимъ образомъ я содержалъ себя до конца 1849 г., употребляя все свободное отъ службы время на подготовку къ сдачѣ экзамена на аттестатъ зрѣлости, и сдалъ этотъ экзаменъ лѣтомъ 1850 г. Уже въ то время я, кромѣ нѣсколькихъ небольшихъ стихотвореній, напечатанныхъ въ «Христіанійской Почтѣ», написалъ и издалъ «Катилину», стихотворную драму въ трехъ дѣйствіяхъ, о которой были даны весьма благопріятные отзывы въ газетахъ, особенно же въ «Вѣстникѣ науки и литературы». Слѣдующимъ моимъ крупнымъ произведеніемъ была драматическая поэма въ одномъ дѣйствіи: «Богатырскій курганъ», въ сентябрѣ того же года поставленная на сценѣ Христіанійскаго театра и также одобрительно встрѣченная критикой. Съ 1851 г. я состоялъ при открытомъ за годъ до того норвежскомъ театрѣ въ Бергенѣ сначала въ качествѣ постояннаго сотрудника-драматурга, а затѣмъ режиссера. Лѣтомъ 1852 г. я за счетъ театра предпринялъ поѣздку въ Копенгагенъ и нѣкоторые крупные нѣмецкіе города, главнымъ образомъ съ цѣлью изученія искусства и литературы, и привезъ изъ этой поѣздки новую пьесу въ трехъ дѣйствіяхъ, подъ заглавіемъ: «Ночь на Ивана Купалу», которая позже была поставлена, но пока еще не напечатана. Въ 1854 г. я написалъ «Фру Ингеръ изъ Эстрота», историческую драму въ пяти дѣйствіяхъ, выдержавшую много пред-

ставленій въ различныхъ мѣстахъ и изданную въ Христіаніи. «Пиръ въ Сольхаугѣ», драма въ трехъ дѣйствіяхъ, написанная въ 1855 г., также съ большимъ успѣхомъ исполнялась на сценахъ всѣхъ нашихъ театровъ, а также шла въ Копенгагенѣ и въ королевскомъ стокгольмскомъ театрѣ, гдѣ ее избрали для торжественнаго спектакля, 4 ноября 1857 г. «Воителя въ Гельгеландѣ», драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, вышедшая въ 1858 г., удостоилась весьма благопріятныхъ и обстоятельныхъ отзывовъ печати какъ здѣсь, такъ и въ Даніи и въ Швеціи; и эта пьеса также ставилась всѣми нашими театрами. Въ нынѣшнемъ году я издалъ комедію въ трехъ дѣйствіяхъ, написанную рѣомованными стихами и носящую заглавіе: «Комедія любви». Кромѣ того, мною за время моей литературной дѣятельности написано немало стихотвореній, которыя готовятся теперь выйти въ свѣтъ въ видѣ сборника.

Отъ должности при бергенскомъ театрѣ я отказался въ 1857 г. и вслѣдъ затѣмъ принялъ мѣсто директора-распорядителя по художественной части при здѣшнемъ норвежскомъ театрѣ; въ этой должности я оставался вплоть до того, какъ предпріятіе минувшимъ лѣтомъ разстроилось и театръ перешелъ въ руки конкурсной администраціи. Съ 1 января текущаго года я состою временно завѣдующимъ репертуаромъ Христіанійскаго театра. Въ 1858 г. я сочетался бракомъ съ дочерью покойнаго бергенскаго пробста Торесена и имѣю отъ этого брака одного сына. При бергенскомъ театрѣ я получалъ вознагражденія 300 спецій-далеровъ въ годъ и принужденъ былъ оставить мѣсто, обремененный долгами. Должность моя при здѣшнемъ норвежскомъ театрѣ приносила приблизительно 600 спецій-далеровъ въ годъ, но передача театра администраціи причинила мнѣ, кромѣ лишенія мѣста, убытокъ въ 150 спецій-далеровъ. При христіанійскомъ театрѣ я получаю номинально 25 сп.-д. въ мѣсяцъ, но уплата жалованья полностью обусловливается большею доходностью театра, нежели какая могла быть достигнута нынѣшнею зимою. Жить исключительно или преимущественно литературнымъ трудомъ у насъ невозможно. Принесшая мнѣ наибольшій доходъ пьеса «Воителя въ Гельгеландѣ», результатъ годового труда, дала въ общемъ 227 спецій-далеровъ. При такихъ обстоятельствахъ я вошелъ въ долги, возросшіе теперь до 500 спецій-далеровъ, и такъ какъ у меня до сихъ поръ не было никакой надежды на улучшеніе моего положенія здѣсь, то я и не видѣлъ иного исхода, какъ весною эмигрировать въ Данію. Но покинуть родину, отказаться отъ дѣятельности, на которую до сихъ поръ смотрѣлъ и продолжаю смотрѣть, какъ на истинное свое призваніе, мнѣ невыразимо тяжело, и, желая по возможности избѣжать этого, я и прибѣгаю теперь къ послѣднему средству — всеподданнѣйшему ходатайству о внесеніи въ собравшійся нынѣ стортингъ королевскаго предложенія о назначеніи мнѣ изъ государственной казны жалованья въ 400 спецій-далеровъ

въ годъ, дабы тѣмъ дать мнѣ возможность продолжать мою дѣятельность на службѣ литературѣ,—дѣятельность, которую—я имѣю основанія полагать—общество не желало бы видѣть прерванной.

Всеподданнѣйше
Генрикъ Ибсенъ.

Христіанія, 23 мая 1863 г.

Королю.

Въ поданномъ мною въ текущемъ году всеподданнѣйшемъ прошеніи о внесеніи въ собравшійся нынѣ стортингъ королевскаго предложенія о назначеніи мнѣ — по примѣру того, что было сдѣлано для другого норвежскаго писателя — изъ государственной казны ежегоднаго жалованья, я представилъ обзоръ моей почти тринадцатилѣтней писательской дѣятельности и описалъ, кромѣ того, свое матеріальное положеніе, на которое опять позволяю себѣ сослаться въ подкрѣпленіе этого моего новаго всеподданнѣйшаго ходатайства передъ вашимъ величествомъ. Многочисленныя и крупныя затрудненія, съ которыми приходится вообще бороться у насъ писателю, еще въ значительной степени возрастаютъ благодаря почти полному отсутствію возможности пріобрѣсти основательное и разностороннее образованіе, которое между тѣмъ повсюду считается необходимымъ условіемъ успѣха и принесенія возможно большей пользы въ той области, въ которой я считаю себя призваннымъ трудиться.

Осмѣливаясь прибавить при семъ, что стипендіи на такого рода поѣздки уже назначались, за исключеніемъ меня, всѣмъ норвежскимъ писателямъ, посвятившимъ себя всецѣло поэтическому творчеству, я всеподданнѣйше и ходатайствую, чтобы мнѣ была назначена изъ фонда заграничныхъ стипендій дѣятелямъ науки и искусства стипендія въ шестьсотъ сп.-д., дабы обезпечить мнѣ возможность провести годъ въ Римѣ и въ Парижѣ для изученія искусства, исторіи искусства и литературы.

Всеподданнѣйше
Генрикъ Ибсенъ.

Рандольфу Нильсену.

Христіанія, 24 іюня 1863 г.

Дорогой другъ!

Сейчасъ исполнилась ровно недѣля съ моего отъѣзда, и, слава Богу, я еще сохраняю праздничное настроеніе и надѣюсь сохранить надолго. Сердечное спасибо тебѣ и твоей милой супругѣ за всю вашу дружбу

и ласку. Нашъ праздникъ и всѣ эти милыя незабвенныя лица, съ которыми я на немъ встрѣтился, подѣйствовали на меня самымъ благотворнымъ образомъ, и я вполнѣ надѣюсь, что это впечатлѣніе неизгладимо. Всѣ въ Бергенѣ были такъ добры ко мнѣ; не то, что здѣсь, гдѣ многіе только и ищутъ случая уколоть и уязвить меня. То сильное, возвышающее впечатлѣніе, заставляющее тебя чувствовать, что мысли твои какъ будто становятся благороднѣе, лучше, я думаю, было общимъ для всѣхъ участниковъ нашего праздника; право, только черствая, злая душа могла бы не поддаться такому впечатлѣнію. Вотъ въ чемъ, пожалуй, самая благотворная роль того праздника... О возвращеніи пока не буду говорить; надѣюсь скоро сдѣлать это печатно въ одной изъ нашихъ газетъ. Будь здоровъ и давай о себѣ знать. Кланяйся всѣмъ, съ кѣмъ мы бывали вмѣстѣ. Если пріѣдетъ сюда Яковъ ф. д. Липпе, мы съ нимъ вдвоемъ устроимъ праздникъ «воспоминанія». Не отказываюсь отъ надежды свидѣться здѣсь и съ тобой и твоей милой женой, а пока шлю вамъ обоимъ самые искренніе, сердечные привѣты. Не забывайте вашего преданнаго и благодарнаго

Генрика Ибсена.

Римъ, 16 сентября 1864 г.

Дорогой Бьёрнсонъ!

Дитрихсонъ показалъ мнѣ твое письмо. Меня очень поразило, что ты въ то время, какъ писалъ его, т.-е. въ концѣ августа, не зналъ еще о моемъ отвѣтѣ на предложеніе театральной дирекціи; а еще болѣе поразило меня то, что ты хоть на минуту могъ сомнѣваться въ моемъ отвѣтѣ — единственномъ *возможномъ* съ моей стороны. Конечно, мнѣ давались совѣты того свойства, какъ ты полагаешь, но если бы я могъ предполагать, что ты во время переговоровъ съ театральной дирекціей въ послѣднее время могъ питать сомнѣнія насчетъ того, какое положеніе я долженъ былъ занять въ этомъ дѣлѣ, то я не преминулъ бы одновременно съ письмомъ на имя дирекціи извѣстить и тебя о сути моего отвѣта; отлично могу себѣ представить, что подобнаго рода сомнѣнія ни въ какомъ отношеніи не могли послужить на пользу нашимъ отношеніямъ. Но, какъ сказано, мнѣ и въ голову не приходила возможность такихъ сомнѣній.

Въ серединѣ іюля (именно 16-го) Рикардъ Петерсенъ извѣстилъ меня письмомъ, что переговоры съ тобой не привели ни къ какимъ результатамъ, и предложилъ мнѣ отъ имени дирекціи постъ директора-распорядителя по художественной части, или, вѣрнѣе, попытался представить мнѣ дѣло такъ, что разъ ты откажешься отъ предложенія, то я долженъ согласиться принять его. По вырѣзкамъ изъ «MorgenBladet» («Утренней Газеты»), которыя были приложены къ письму, я позна-

комился съ внѣшней стороною дѣла. Я въ то время находился въ Генсанѣ, и письмо дошло до меня нѣсколько поздно, но, какъ только я его получилъ, я, не задумываясь, далъ отвѣтъ. Я отклонилъ предложеніе, отклонилъ окончательно, категорически, не оставляя никакой надежды на то, что перемѣна обстоятельствъ могла бы измѣнить мое рѣшеніе. Никогда, ни тогда ни послѣ, мнѣ ни на минуту не могло придти въ голову, что я могъ бы дать иной отвѣтъ, нежели полный отказъ.

Итакъ, видишь, дорогой Бьёрнсонъ, ты былъ неправъ по отношенію ко мнѣ, питая то недовѣріе, которое проглядываетъ изъ твоего письма Дитрихсону. Не стану, впрочемъ, отрицать, что я могу теперь объяснить себѣ это недовѣріе и что виню за него не столько тебя, сколько себя. Я знаю свой недостатокъ — неспособность тѣсно, душевно сходиться съ людьми, которые требуютъ, чтобы съ ними были нараспашку. У меня есть что-то общее со скальдомъ Ятгейромъ въ «Борьбѣ за престолъ». Я не могу заставить себя раздѣться донага. И я чувствую, что въ своихъ сношеніяхъ съ людьми я вообще не въ состояніи вполнѣ выразить то, что ношу въ глубинѣ души и что составляетъ мое настоящее «я»; поэтому я предпочитаю совсѣмъ замкнуться въ себѣ, и вотъ почему мы съ тобою порой держимся на почтительномъ разстояніи другъ отъ друга, словно занимая наблюдательное положеніе. Но ты самъ долженъ понимать причину, или во всякомъ случаѣ догадываться о ней, иначе ты бы не могъ сохранить ко мнѣ такихъ дружескихъ сердечныхъ чувствъ.

Причинъ же того, что у насъ на родинѣ тебя могли такъ долго держать въ невѣдѣніи относительно моего отвѣта, я не могу себѣ выяснить; вѣрнѣе — предпочитаю не выяснять; и — довольно объ этой исторіи.

Прими теперь мое спасибо за всѣ тѣ прекрасныя впечатлѣнія, которыми подарила меня эта поѣздка. Повѣрь, она пришлась мнѣ кстати. Особенно здѣсь, въ Римѣ, мнѣ открылось много новаго.

Но съ античнымъ искусствомъ я все еще не могу освоиться, не понимаю связи его съ нашимъ вѣкомъ, мнѣ недостаетъ иллюзій и прежде всего личнаго индивидуальнаго впечатлѣнія, которое должно быть присуще художнику и выражаться въ его произведеніи. Я все еще часто вижу условность тамъ, гдѣ другіе видятъ законъ, и ничего не могу съ этимъ подѣлать; во всякомъ случаѣ пока. Мнѣ кажется, что произведенія античной пластики, подобно нашимъ богатырскимъ пѣснямъ, — больше созданія своего вѣка, нежели того или иного художника; но поэтому же мнѣ кажется, что многіе изъ нашихъ современныхъ скульпторовъ дѣлаютъ капитальную ошибку, продолжая въ наше время творить богатырскія пѣсни въ глинѣ и мраморѣ. Микель-Анджело, Бернини и его школа мнѣ гораздо понятнѣе: эти молодцы не боялись иной разъ побѣсноваться.

Архитектура меня захватила сильнѣе, но ни сама античная, ни ея позднѣйшія порожденія не нравятся мнѣ такъ, какъ готическая. На мой взглядъ Миланскій соборъ—самое грандіозное, что я только могу себѣ представить въ этой области; человѣку, который могъ создать планъ такого сооруженія, право, могло бы придти въ голову въ часы досуга сдѣлать луну и швырнуть ее въ небесное пространство. Со многимъ изъ того, что я тутъ вскользь высказываю, ты, конечно, не согласишься; но я думаю, что это находится въ связи съ моимъ общимъ развитіемъ, и что мое художественное пониманіе еще разовьется.

Здѣсь, въ Римѣ, благодатный покой: зато и работается здѣсь! Я теперь занятъ большой поэмой, а также подготовляю матеріалы для трагедіи «Юліанъ Отступникъ». Я заранѣе безконечно радуюсь этой новой работѣ и увѣренъ, что она мнѣ удастся. Къ веснѣ или во всякомъ случаѣ въ теченіе лѣта надѣюсь закончить ту и другую вещь.

Осенью пріѣдутъ сюда жена моя съ мальчуганомъ; надѣюсь, ты одобришь такой планъ. Что касается внѣшнихъ мотивовъ, скажу только, что жизнь вмѣстѣ обойдется дешевле, чѣмъ теперь, когда мнѣ приходится держать семью въ Копенгагенѣ. Къ этому же прибавляется то соображеніе, что Дитрихсонъ къ Новому году покидаетъ Римъ, и я займу его мѣсто: такимъ образомъ я получу квартиру съ обстановкой и еще небольшое жалованье; на 400 сп.-дал. я въ общемъ смогу прожить годъ въ Римѣ. Деньги на проѣздъ женѣ моей вышлетъ мой зять изъ Христіаніи — изъ остатковъ моей стипендіи; самая поѣздка, судя по смѣтѣ, обойдется недорого, такъ какъ жена поѣдетъ изъ Копенгагена вмѣстѣ съ одной датчанкой, которая уже бывала въ Римѣ и умѣетъ ѣздить экономно.

Къ началу октября мнѣ понадобятся деньги, къ чему, какъ я вижу изъ твоего письма, ты уже подготовленъ, и прошу тебя поэтому дружески понаблюсти за тѣмъ, чтобы я получилъ ихъ во-время.

Поздравляю тебя съ совсѣмъ неожиданнымъ для меня прибавленіемъ твоего семейства и прошу передать отъ меня твоей женѣ сердечные поклоны.

Прошу тебя также передать мой искренній привѣтъ адвокату Дункеру и показать ему это письмо, такъ какъ то, что я сообщаю тебѣ, касается въ общемъ и его; къ тому же я имѣю основанія предполагать, что онъ допускалъ возможность такого же отношенія съ моей стороны къ предложенію театральной дирекціи, какъ и ты. Каждый разъ, высылая мнѣ деньги, онъ приписывалъ нѣсколько сердечныхъ словъ, и я никогда не перестану съ благодарностью вспоминать того чистаго и гуманнаго чувства, которое, несмотря на то, что я столькимъ обязанъ ему, ни разу не позволило ему хотя словомъ намекнуть на мое зависимое отъ него положеніе или дать мнѣ какія-нибудь подробныя инструкціи. За это я буду вамъ обоимъ признателенъ

вдвойнѣ — и за вашу помощь мнѣ и за проявленную при оказаніи ея деликатность.

Ты ошибаешься, истолковывая мое письмо изъ Копенгагена въ томъ смыслѣ, что я не желаю никакой переписки. Я плохой корреспондентъ, поэтому часто и боюсь самъ написать первый, но я жажду даже самыхъ скудныхъ вѣсточекъ съ родины.

Надъ чѣмъ ты теперь работаешь? Надѣюсь скоро услышать отъ тебя кое-что и насчетъ этого и насчетъ театральныхъ твоихъ дѣлъ.

Политическія дѣла на родинѣ очень меня огорчаютъ и много отравляютъ мнѣ удовольствіе здѣшняго пребыванія. Все, значитъ, было ложью, пустой мечтой! На мнѣ во всякомъ случаѣ послѣднія событія сильно отзовутся. Мы, значитъ, хотимъ поставить крестъ на своемъ прошломъ; современные норвежцы, видимо, имѣютъ съ своимъ прошлымъ столько же общаго, сколько греческіе пираты съ греками, осаждавшими Трою при помощи самихъ боговъ. Заключаю изъ твоего письма, что ты еще питаешь надежды: дай Богъ, чтобы было такъ и чтобы не пришлось въ нихъ обмануться. Всего хорошаго!

Твой Генрикъ Ибсенъ.

Римъ, 28 января 1865 г.

Дорогой Бьёрнсонъ!

Зналъ бы ты, въ какомъ я нахожусь волненіи и безпокойствѣ! Въ серединѣ декабря минувшаго года я писалъ тебѣ, благодаря за полученное мною со вложеніемъ векселя на 100 сп.-д. письмо твое отъ 4-го октября. Вмѣстѣ съ тѣмъ я, пользуясь твоимъ дружескимъ предложеніемъ, сдѣланнымъ въ томъ же письмѣ — дать тебѣ знать, когда мнѣ опять понадобятся деньги, сообщилъ, что къ концу декабря мѣсяца буду опять на мели. На самомъ дѣлѣ деньги изсякли у меня еще раньше; мой мѣсячный бюджетъ равняется 40 скуди, и чтобы прожить съ 1 октября до прибытія подкрѣпленія 16 октября, мнѣ пришлось прибѣгнуть къ займу.

На это свое послѣднее письмо я не получилъ отвѣта, и хотя я могу подыскать этому немало причинъ, въ родѣ того, что ты уѣхалъ изъ города, или что оказалось не такъ-то легко достать деньги и пр. и пр., я все-таки склоненъ скорѣе думать, что письмо мое не дошло. И, несмотря на всѣ испытанныя мною по этому поводу волненія, я въ сущности былъ бы радъ, если бы оно дѣйствительно пропало. Я долженъ тебѣ признаться (если только ты самъ не убѣдился въ этомъ изъ письма), что тонъ письма былъ недружелюбный, ѣдкій, пожалуй, преувеличенно безнадежный — въ тѣхъ строкахъ, гдѣ я касался событій на родинѣ и видовъ на будущее. Теперь я раскаиваюсь, что излилъ всю свою горечь въ письмѣ къ тебѣ, вмѣсто того, чтобы подѣлиться съ то-

бой свѣтлыми картинами той красоты и великолѣпія, которыми ты далъ мнѣ возможность облагородить и возвысить свой духъ. Но я во все свое путешествіе не могъ отдѣлаться отъ грустныхъ мыслей, связанныхъ съ родиной, и теперь не могу. Останься я подольше въ Берлинѣ, гдѣ я въ апрѣлѣ присутствовалъ при вступленіи войскъ и видѣлъ, какъ чернь съ ревомъ окружала трофеи, взятые у датчанъ при Дюббёлѣ, какъ она садилась верхомъ на лафеты и плевала въ жерла пушекъ, тѣхъ самыхъ пушекъ, которыя напрасно ожидали подкрѣпленія съ Сѣвера и все-таки стрѣляли, пока не разорвались, — не знаю, что бы и сталось со мной, уцѣлѣлъ ли бы мой разумъ.

Когда будешь писать мнѣ, сообщи свое мнѣніе о нашей родной дѣйствительности, какимъ путемъ намъ идти? И что могутъ, по-твоему, сдѣлать вожаки съ такимъ народомъ, какъ пыпѣшній? Твои соображенія меня успокоятъ, я вѣдь знаю, что ты полонъ надеждъ и упованій, но на чемъ ты ихъ основываешь — вотъ что мнѣ хотѣлось бы знать. Часто и мнѣ представляется невозможнымъ, чтобы мы погибли. Можетъ погибнуть государство, но не народъ. Польша представляетъ въ сущности не народъ, а государство; у аристократіи свои интересы, у буржуазіи свои, у крестьянства свои; всѣ сами по себѣ независимы другъ отъ друга или, чего добраго, враждебны другъ къ другу. У Польши нѣтъ ни литературы, ни искусства, ни науки, которыя бы исполняли свою особую миссію во всемірномъ прогрессѣ. Если Польша станетъ русской, поляки перестанутъ существовать, а если отымутъ у насъ, сѣверянъ, нашу мнимую формальную самостоятельность, заберутъ наши страны, упразднятъ наши государства — мы все-таки останемся жить, какъ нація. Евреи были одновременно и государствомъ и народомъ: государство іудейское уничтожено, а народъ живетъ. То, что есть въ насъ лучшаго, по-моему, и будетъ жить — разъ только народный духъ нашъ обладаетъ той способностью подъема, которая позволяетъ жить и развиваться и въ бѣдствіи: но обладаетъ ли? Вотъ великій и всерѣшающій вопросъ! Да, если имѣть надежду... Но довольно политики на этотъ разъ.

Какъ ты и предсказывалъ въ своемъ письмѣ, красота античной скульптуры открывается мнѣ все больше и больше. Открывается проблесками, но каждый такой проблескъ бросаетъ полосу яркаго свѣта на большое пространство. Помнишь музу трагедіи, стоящую въ залѣ, передъ ротондой, въ Ватиканѣ? Ни одно скульптурное произведеніе до сихъ поръ не объяснило мнѣ здѣсь такъ много, какъ эта муза. Берусь утверждать, что благодаря ей я постигъ, что такое была греческая трагедія. Неописуемо высокая, великая и тихая радость, разлитая на лицѣ, богато увитая листьями голова, посящая отпечатокъ какого-то неземного восторга, чего-то вакхическаго, глаза, одновременно смотрящіе вглубь самихъ себя и куда-то вдаль, поверхъ всего того, на что смотрятъ,—такова была греческая трагедія. Статуи

Демосѳена въ Латеранѣ, Фавна въ виллѣ Боргезе и Фавна (Праксителя) въ Ватиканѣ (Braccio nuovo) также открыли мнѣ богатый уголокъ греческой жизни и сущности, помогли вообще понять безсмертный элементъ красоты. Только бы удалось мнѣ использовать это открытіе въ избранной мною области искусства! «Моисея» Микель-Анджело въ храмѣ св. Петра in vincoli я еще не видалъ, когда писалъ тебѣ послѣднее письмо. Но я читалъ о немъ и на основаніи этого составилъ себѣ нѣкоторое представленіе, которое однако не вполнѣ оправдалось; но, конечно, я пока только одинъ разъ и видѣлъ его.

Какъ прекрасна здѣсь природа! И въ формахъ и въ краскахъ неописуемая гармонія. Я часто провожу половину дня среди могилъ на Via latina или на старой Via appia, и думаю, что такого времяпровожденія нельзя назвать напрасной тратой времени. Термы Каракаллы также одно изъ тѣхъ мѣстъ, которыя меня особенно привлекаютъ.

Изъ остатка отъ моей стипендіи и того, что остается мнѣ дополучить съ театра, составится, пожалуй, небольшая сумма, которую думаю употребить на путешествіе по горамъ Сабиніи... Я уже писалъ по этому поводу въ Христіанію своему зятю, которому я передъ отъѣздомъ поручилъ всѣ подобныя дѣла. А въ скоромъ времени я подаю прошеніе въ Троньемское общество поощренія наукъ и искусствъ и прошу твоего позволенія переслать прошеніе черезъ тебя, а также и твоего содѣйствія по этому поводу. Приблизительно съ конца декабря и до того времени, какъ получу отвѣтъ отъ тебя, мнѣ придется жить въ долгъ; часть того, что мнѣ предстоитъ получить на этотъ разъ, я, такимъ образомъ, проживу заранѣе; такъ что, если бы тебѣ удалось выслать мнѣ на этотъ разъ побольше обыкновеннаго, это было бы весьма кстати. Впрочемъ, предоставляю это на твое усмотрѣніе. Спасибо тебѣ за все, что ты уже сдѣлалъ для меня, и за послѣднее твое сердечное письмо; будь увѣренъ, что я отъ всего сердца буду съ тобой заодно во всемъ, когда вернусь на родину. Я вѣдь все-таки вернусь, хотя, кажется, и высказалъ какъ разъ противоположное въ своемъ послѣднемъ письмѣ, котораго — надѣюсь и желаю — ты не получилъ.

Зуавъ мой проситъ передать тебѣ поклонъ и поблагодарить тебя; женѣ твоей мы также всѣ просимъ передать наши сердечные поклоны. Живется намъ хорошо, уютно, и когда я выйду изъ этого стѣсненнаго положенія, въ какомъ сейчасъ нахожусь, то съ новыми силами примусь за свою работу, которая доставляетъ мнѣ много радости, хотя и носитъ вообще довольно мрачный колоритъ.

Поздравляю тебя съ успѣхомъ твоей «Маріи Стюартъ» и вмѣстѣ со всѣми здѣшними скандинавами радуюсь тому пріему, котораго она удостоилась. Какъ бы намъ здѣсь получить ее? Норвежскія газеты приходятъ къ намъ изъ гамбургскаго Скандинавскаго союза съ опо-

зданіемъ на мѣсяцъ. Поэтому я еще не знаю — взялся ли ты вести театръ. Театральная дирекція въ своемъ годовомъ отчетѣ осенью прямо солгала, заявляя, что вступила со мною въ переговоры; она сразу предложила мнѣ мѣсто, безъ всякихъ предварительныхъ переговоровъ, и получила мой отказъ задолго до появленія отчета. Передай мой искренній привѣтъ и спасибо адвокату Дункеру.

Твой Генрикъ Ибсенъ.

Въ Троньемское королевское общество поощренія наукъ и искусствъ.

Римъ, 25 марта 1865 г.

Въ свое время мнѣ была назначена правительствомъ стипендія въ 400 сп.-дал. на поѣздку за границу, преимущественно въ Римъ и Парижъ.

Частью благодаря этой стипендіи, частью же благодаря существенной частной поддержкѣ изъ Христіаніи, я вотъ уже цѣлый годъ пробылъ за границей, большею частью въ Римѣ. Но невозможно изучить Римъ въ столь короткое время. Мнѣ необходимо прожить здѣсь еще годъ, иначе поѣздка моя оправдается только наполовину. Дѣло въ томъ, что я подготовляю матеріалы для большого литературно-драматическаго труда на сюжетъ изъ римской исторіи; трудъ этотъ, начатый здѣсь, я и долженъ окончить здѣсь; перемѣна мѣстопребыванія во время такой работы равносильна перемѣнѣ настроенія и духовной точки зрѣнія, чѣмъ цѣльность произведенія можетъ во всякомъ случаѣ быть нарушена, если не испорчена въ концѣ.

На частную помощь съ родины, которою я до сихъ поръ пользовался, я болѣе не могу разсчитывать, а правительственныя стипендіи возобновляются лишь черезъ извѣстный значительный промежутокъ времени.

Исходя изъ этихъ соображеній, я и обращаюсь къ правленію королевскаго общества поощренія наукъ и искусствъ съ просьбою о томъ, чтобы мнѣ, — какъ то уже имѣло мѣсто по отношенію къ другимъ норвежскимъ писателямъ и дѣятелямъ науки, — была изъ средствъ общества назначена стипендія въ 500 сп.-дал. для продленія моего пребыванія въ Италіи еще на годъ, считая со дня полученія стипендіи.

Другъ мой Бьёрнстьерне-Бьёрнсонъ, котораго я просилъ оказать содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ, не премнетъ, вѣроятно, представить съ своей стороны соображенія въ пользу удовлетворенія моей просьбы.

Въ силу обстоятельствъ возможно скорое разрѣшеніе вопроса является для меня крайне важнымъ.

Съ глубокимъ почтеніемъ

Генрикъ Ибсенъ.

Ариччіа, 12 сентября 1865 г.

Дорогой Бьёрнсонъ!

Письмо твое и вексель отъ Гегеля получены какъ разъ вò-время. Спасибо, милый, славный другъ, за то и за другое! Но какъ ни мило и сердечно твое письмо—или нѣтъ, главное, потому именно! — я, читая его, жестоко упрекалъ самого себя: сколько ты изъ-за меня безпокоился и волновался! Спасибо тебѣ и за это. За то и за другое, за все вообще, что̀ дало мнѣ знакомство, сближеніе съ тобой, имѣющее поистинѣ величайшее значеніе для меня и всего направленія моей жизни, я однако никогда не смогу отблагодарить ничѣмъ, кромѣ искренней преданности, на которую не окажутъ никакого вліянія ни мои друзья ни твои недруги. Я знаю, ты понимаешь меня, понимаешь, что я имѣю здѣсь главнымъ образомъ въ виду не сборщика денегъ Бьёрнсона. Но подробности до личнаго свиданія. Теперь я смогу поговорить съ тобою по душѣ, чего мнѣ прежде какъ-то все не удавалось.

Теперь все хорошо, да и все время въ сущности было такъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ промежутковъ, когда я не зналъ — куда мнѣ дѣваться, не только по причинѣ денежныхъ затрудненій, но и потому, что работа у меня не клеилась. И вотъ пошелъ я разъ въ храмъ Петра, — у меня было дѣло въ Римѣ, — и тамъ меня вдругъ осѣнило, передо мною въ такой ясной и опредѣленной формѣ выступило то, что̀ мнѣ хотѣлось высказать въ своемъ произведеніи.

Все, надъ чѣмъ я мучился цѣлый годъ безъ толку, я теперь выкинулъ за бортъ и съ середины іюля началъ нѣчто новое, и оно подвигается впередъ такъ быстро, какъ у меня ни разу еще не шла ни одна работа. Новое-то оно, впрочемъ, лишь въ томъ смыслѣ, что я только съ іюля принялся писать, сюжетъ же и настроеніе давно уже преслѣдовали меня, какъ кошмаръ, съ того самаго времени, какъ несчастныя событія на родинѣ заставили меня поглубже заглянуть въ самого себя и въ нашу жизнь тамъ, поразмыслить о вещахъ, которыя прежде ускользали отъ меня или во всякомъ случаѣ не вызывали во мнѣ достаточно серьезнаго отношенія. Это будетъ драматическая поэма на современный сюжетъ, серьезнаго содержанія, въ пяти дѣйствіяхъ и стихахъ (совсѣмъ однако не похоже на «Комедію любви»). Четвертое дѣйствіе скоро будетъ готово, а пятое, я чувствую, напишу въ недѣлю; работаю и *до* и *послѣ* обѣда, чего прежде никакъ не могъ. Здѣсь такая благодатная тишь, никакихъ знакомствъ, читаю я только библію,—вотъ сила такъ сила!

Если бы меня въ данную минуту попросили опредѣлить — въ чемъ существенный результатъ моей поѣздки, то я сказалъ бы: въ томъ, что я отдѣлался отъ власти надо мной эстетики, какъ чего-то изолированнаго, самодовлѣющаго. Эстетика въ этомъ смыслѣ представляется

мнѣ теперь такимъ же великимъ проклятьемъ для поэзіи, какъ богословіе для религіи. Тебѣ никогда не приходилось возиться съ такого рода эстетикой, ты никогда не смотрѣлъ на жизнь, какъ разсматриваютъ картину, приставивъ къ глазу сложенную трубкой руку.

Но не безцѣнный ли даръ счастья — писательское дарованье? Оно однако возлагаетъ и большую отвѣтственность; и я теперь достаточно созрѣлъ, чтобы чувствовать ее и относиться построже къ себѣ самому. Одинъ копенгагенскій эстетъ сказалъ разъ при мнѣ: «Христосъ все-таки поистинѣ интереснѣйшее явленіе во всемірной исторіи». Эстетъ любовался Христомъ, какъ обжора любуется устрицей! Такимъ слизнякомъ я, по правдѣ сказать, не могъ бы стать никогда, — всегда былъ слишкомъ здоровъ для этого; но какъ знать, что могли бы сдѣлать изъ меня разные умствующіе ослы, подвергайся я ихъ вліянію безпрепятственно. Воспрепятствовалъ же этому не кто другой, какъ ты, дорогой Бьёрнсонъ! Ты достаточно ясно сознаёшь какъ свои, такъ и мои потребности, чтобы знать, насколько то, въ чемъ я духовно нуждался, совпадало съ тѣмъ, что ты давалъ и хотѣлъ давать мнѣ. Мнѣ кажется, у меня такъ безконечно много на душѣ, что хотѣлось бы высказать тебѣ, что такъ и просится изъ нея и готово въ безпорядкѣ хлынуть на бумагу; но если бы я вздумалъ написать все, у меня бы денегъ не хватило оплатить пересылку такого письма. Перейдемъ поэтому къ дѣламъ.

Ты пишешь, что утвержденіе зависитъ отъ стортинга. А, по-твоему, стортингъ утвердитъ? Я какъ-то предчувствую, что моя новая работа не особенно расположитъ членовъ стортинга въ мою пользу; но накажи меня Богъ, если я, по этой причинѣ, захочу или смогу вычеркнуть хоть одну строку, какъ бы тамъ она ни пришлась не по зубамъ этимъ мелкимъ душонкамъ! Пусть лучше я всю жизнь проживу нищимъ. Если я не могу быть самимъ собою въ своихъ произведеніяхъ, то все въ нихъ будетъ ложь и обманъ, а этого у насъ на родинѣ и безъ того довольно, такъ что не зачѣмъ тратить народныя деньги на увеличеніе этого добра. Попытаться я все-таки попытаюсь, но какъ вѣрнѣе направить прошеніе? Послать его черезъ тебя? Времени впереди еще много, но я не буду слишкомъ откладывать.

Тройемцы, разумѣется, просто отговариваются тѣмъ, что будто мое прошеніе опоздало,—оно написано 26 марта; но разъ въ правленіи сидитъ ректоръ Мюллеръ, то у меня есть основаніе думать, что я имѣю тамъ недруга. Спасибо, что ты все-таки не махнулъ рукой на это дѣло, и за твои хлопоты о должности при университетской библіотекѣ. Не знаю, какую собственно должность ты имѣешь въ виду, но это все равно. Стипендіи изъ Анкерскаго фонда врядъ ли при существующихъ условіяхъ выдаются датскимъ или норвежскимъ скандинавамъ, но если хочешь попытать счастья — спасибо и за это твое доброе желаніе!

Будь добръ, возьми на себя трудъ передать прилагаемое письмо адвокату Свердрупу; онъ передъ моимъ отъѣздомъ взялъ съ меня слово сообщить ему, когда мнѣ во время поѣздки понадобятся деньги. До сихъ поръ я этимъ не воспользовался, теперь же меня очень стѣсняетъ мой долгъ консулу Браво, а рукописи я не могу выслать издателю раньше, чѣмъ будетъ готово все; тогда пришлось бы еще снимать копію съ чистового экземпляра рукописи, чѣмъ я только задержалъ бы работу. Театръ едва ли можетъ разрѣшить спектакль въ мою пользу,—будь я членомъ дирекціи, я бы самъ этому воспротивился,—но если вамъ можетъ пригодиться мое новое произведеніе—дѣло другое: оно полно драматизма, насколько же вообще сценично—самъ суди.

Твою «Марію Стюартъ» мы получили еще весною, и она насъ очень обрадовала, подбодрила. Когда же появится твоя комедія? И что за дьявольщину разсказываютъ про народный театръ въ Христіаніи? Не Кронъ ли тамъ орудуетъ? Во всякомъ случаѣ похоже на него, если и не онъ. Будь здоровъ и прими наши сердечные поклоны тебѣ и твоимъ.

Преданный тебѣ

Генрикъ Ибсенъ.

Римъ, 25 ноября 1865 г.

Милостивый государь господинъ коллежскій совѣтникъ Гегель!

Вчера вечеромъ я имѣлъ честь получить ваше письмо отъ 18-го сего мѣсяца вмѣстѣ со второю корректурой трехъ первыхъ листовъ моей поэмы. Надѣюсь, что вы уже 22-го получили послѣднюю часть рукописи и изъ сопровождавшаго эту посылку письма моего, отправленнаго отсюда 16-го ноября, узнали, что я ставлю выходъ книги въ указанное вами время — въ началѣ декабря — выше всѣхъ прочихъ соображеній. И я тѣмъ спокойнѣе могу согласиться на это, что изъ полученныхъ трехъ листовъ убѣдился въ самомъ внимательномъ и добросовѣстномъ отношеніи типографіи и корректора. Надѣюсь поэтому, вы распорядились, чтобы печатаніе ускорили; дальнѣйшей присылки корректуръ мнѣ не понадобится.

Считаю своею обязанностью подчиниться вашимъ указаніямъ относительно правописанія, поскольку нужныя измѣненія могутъ быть предприняты безъ напрасной траты времени. Прошу все-таки, чтобы измѣненія эти ограничились указанными буквами *l, k, p*. Весьма естественно, что самъ я считаю свое правописаніе вѣрнѣйшимъ. Это—то самое правописаніе, которое было принято въ нашемъ старомъ общемъ языкѣ, и чѣмъ энергичнѣе въ Даніи и Норвегіи будутъ избѣгать удвоенія *гласныхъ* для обозначенія *долгихъ* слоговъ, тѣмъ необходимѣе, по-моему, обозначать *краткость* слога удвоеніемъ *согласныхъ*. Въ тѣхъ случаяхъ однако, когда могутъ возникнуть недораз-

умѣнія, я прошу сохранить двойныя согласныя, напримѣръ, въ словахъ: egg (лезвее)—въ отличіе отъ слова eg (дубъ), dugg (роса) — въ отличіе отъ dug (скатерть), viss (нѣкоторый) — въ отличіе отъ vis (мудрый) и т. п. Шведскимъ читателямъ мое правописаніе значительно облегчаетъ чтеніе.

Въ заключеніе выскажу надежду, что желаніе мое самому прочесть корректуру не слишкомъ замедлило печатаніе, и остаюсь

съ глубочайшимъ почтеніемъ и признательностью
уважающій васъ
Генрикъ Ибсенъ.

Магдалинѣ Торесенъ.

Римъ, 3 декабря 1865 г.

Дорогая теща!

Давно собирался написать тебѣ. Теперь вѣдь я *могу* это, а прежде никакъ въ сущности не могъ быть вполнѣ самимъ собою въ разговорѣ или въ переписке съ тобой. Все, что просилось у меня изъ глубины души, всегда на словахъ и въ письмѣ отзывалось какою-то фальшью; я самъ это чувствовалъ и замыкался въ себѣ. Но такая поѣздка, какъ моя, въ состояніи перевернуть въ человѣкѣ все, и мнѣ это послужило въ пользу. Не буду разсказывать о томъ, что видѣлъ и пережилъ, — все равно не разскажешь и половины; будетъ ни то ни сё, да и не въ этомъ дѣло.

Для меня самое важное было очутиться на достаточномъ разстояніи отъ нашей родной дѣйствительности, чтобы увидѣть пустоту за самодѣльной ложью нашей такъ-называемой общественной жизни и все убожество этого субъективнаго фразерства, всегда столь тарсватаго на слова, когда предстоитъ болтать о великомъ дѣлѣ, но у котораго никогда не хватаетъ ни рѣшимости, ни способности, ни чувства долга, когда доходитъ до дѣла. Какъ часто слышимъ мы въ Норвегіи самодовольные разговоры добрыхъ людей о норвежскомъ благоразуміи, а между тѣмъ оно обозначаетъ въ сущности лишь неопредѣленную температуру крови, ни горячую ни холодную, что и не дастъ этимъ добрымъ людямъ возможности выкинуть какую-нибудь глупость въ большихъ размѣрахъ. Толпа хорошо выдрессирована — этого нельзя отрицать; всѣ они приведены къ одному знаменателю такъ, что любодорого, всѣ идутъ въ ногу. Здѣсь не то, повѣрь! И всякій, кому удалось вынести *оттуда* «душу живую», невольно долженъ *здѣсь* почувствовать, что есть все-таки нѣчто поважнѣе остраго ума — духовная цѣльность. Я знаю матерей въ Пьемонтѣ, Генуѣ, Новарѣ, Алессандріи, которыя брали изъ школъ своихъ четырнадцатилѣтнихъ мальчугановъ, чтобы они могли принять участіе въ сказочномъ ко-

ходѣ Гарибальди въ Палермо, хотя дѣло и шло не о спасеніи родины, а только о воплощеніи идеи. Многіе ли, ты думаешь, изъ нашихъ членовъ стортинга сдѣлаютъ то же, если русскимъ вздумается явиться къ намъ черезъ Финмаркенъ? У насъ, какъ только потребуется что-нибудь повыше будничнаго дѣла, сейчасъ ссылаются на непреодолимыя препятствія.

Могу тебя увѣрить, что предпринятая мною поѣздка отнюдь не похожа на увеселительную. Я былъ въ Берлинѣ, когда состоялось вступленіе войскъ; видѣлъ, какъ чернь плевала въ жерла пушекъ, взятыхъ при Дюббёлѣ, и это было для меня какъ бы предзнаменованіемъ того, что исторія нѣкогда плюнетъ въ глаза Швеціи и Норвегіи за ихъ отношеніе къ дѣлу Сѣвера. Здѣсь въ Римѣ я нашелъ среди скандинавовъ всякаго рода нравственную нечистоплотность. Какъ тебѣ это покажется: сами датчане — мужчины и женщины — въ самый разгаръ войны сидѣли по воскресеньямъ въ домовой церкви прусскаго посольства рядомъ съ нѣмцами и благоговѣйно слушали, какъ прусскій пасторъ молился за успѣхъ прусскаго оружія въ справедливой борьбѣ съ врагомъ! Но, можешь быть увѣрена, я разбушевался и провѣтрилъ воздухъ; я здѣсь ничего не боюсь; это на родинѣ я трусилъ, стоя среди холодной толпы и чувствуя за спиной злыя усмѣшки. Что тебя тянетъ туда? Въ Даніи и въ настоящее время еще хорошо. Насколько отъ меня будетъ зависѣть, я не позволю своему мальчугану принадлежать къ народу, задача котораго — стать англичанами, вмѣсто того чтобы быть людьми. Наше время часто кажется мнѣ такимъ безотраднымъ, что не хочется и работать. Если духовная жизнь народа не имѣетъ передъ собой безконечнаго будущаго, то въ сущности безразлично, сколько ему осталось существовать — годъ или сотню лѣтъ. Такъ я смотрю и на будущее Норвегіи и Швеціи: у насъ не хватаетъ желанія и рѣшимости приносить жертвы, когда наступаетъ моментъ; намъ не около чего сплотиться, нечему насъ объединить, у насъ нѣтъ великаго горя, какъ у Даніи; нашему народу недостаетъ духовнаго подъема, необходимаго для того, чтобы воистину скорбѣть. Гибель Норвегіи, какъ *государства*, показалась бы нашему народу всего ужаснѣе, но гибель государственности не можетъ быть предметомъ для скорби, а значенія гибели національности у насъ никто не въ состояніи почувствовать. Поэтому Данія и не погибнетъ, какъ народъ: пока народъ способенъ испытывать великую скорбь, до тѣхъ поръ онъ жизнеспособенъ. Въ общемъ я не понимаю смысла утвержденій, будто Данія сравнительно съ двумя другими скандинавскими странами поставлена въ наихудшее положеніе. Повѣрь мнѣ, что это не такъ.

Не написала ли ты чего новаго за это время? Какихъ-нибудь стиховъ? Мнѣ кажется, ты могла бы теперь. Самая прелестная твоя поэма — «Исторія Сигне», у насъ теперь есть. При свиданіи поговоримъ о ней; прежде все что-то какъ будто мѣшало. Вѣрно, на это ты и

намекала, говоря при разставаньи, что теперь все пойдетъ по-другому и лучше. Я, пожалуй, понялъ тебя отчасти и тогда, но полное уразумѣніе могло придти лишь со временемъ. Да, будь увѣрена, что теперь я цѣню тебя такъ, какъ ты того заслуживаешь, — какъ и всегда того заслуживала, — но мнѣ-то понадобилось выбраться изъ той помойной ямы, чтобы самому стать мало-мальски почище. *Тамъ* мнѣ никогда не удавалось пожить сколько-нибудь связною, внутреннею жизнью, поэтому я и являлся въ своемъ творчествѣ однимъ человѣкомъ, а въ жизни другимъ, но поэтому же и творчеству моему недоставало цѣльности. Я знаю, конечно, что я все еще не дошелъ до настоящаго, достигъ лишь одного изъ этаповъ, но я уже чувствую подъ ногами твердую почву. Лѣтомъ я написалъ большую драматическую поэму, которая выйдетъ къ Рождеству въ Копенгагенѣ у Гегеля и немедленно будетъ доставлена тебѣ; непремѣнно напиши мнѣ, какъ только прочтешь ее, и выскажи все, что у тебя найдется сказать про нее. Въ прилагаемомъ письмѣ къ Клемепсу Петерсену я прошу его дать о ней отзывъ, да поскорѣе; критика въ Норвегіи никуда не годится.

...Сусанна писала тебѣ два раза: черезъ Л. Дитрихсона и черезъ скульптора Рунеберга. Если въ этихъ письмахъ было что-нибудь такое, мѣшавшее тебѣ отвѣтить на нихъ, то отвѣть хоть теперь.

Томасъ, значитъ, не совсѣмъ удачно сдалъ экзамены. Но, вѣрно, поправитъ свои дѣла къ Рождеству. А куда готовишь ты Акселя? Или онъ въ самомъ дѣлѣ вернется и будетъ опять норвежцемъ? Всѣмъ, изъ кого можетъ выйти прокъ, слѣдовало бы оставаться въ Копенгагенѣ; тамъ въ сущности настоящій скандинавскій центръ, наименѣе ограниченный и односторонній. Во всякомъ случаѣ, такъ кажется на разстояніи.

...О Римѣ писать невозможно; его можно описать, но самаго лучшаго, что есть въ немъ, въ чемъ ему нѣтъ равнаго, не передать. Я много работаю и мало выхожу. А Сусанна съ Сигурдомъ бѣгаютъ по всему городу, осматривая то развалины, то музеи, то галлереи и прочія собранія предметовъ искусства. Все здѣсь такъ грандіозно, но въ общемъ безконечно мирно и спокойно. Ни политика, ни торговля, ни милитаризмъ не наложили на населеніе своего односторонняго отпечатка; оно не очень даровито, не очень свѣдуще, это правда, но оно необычайно красиво, цѣльно, искренно и мирно. Вотъ бы тебѣ тутъ пожить!..

Сигурдъ умѣетъ теперь читать; каждый день читаетъ народныя сказанья и сказки; но если бы ты могла прислать намъ съ какимъ-нибудь пріѣзжимъ краткую библейскую исторію, это было бы истиннымъ благодѣяніемъ.

Будь здорова. Преданный тебѣ

Генрикъ Ибсенъ.

Римъ, 4 марта 1866 г.

Дорогой Бьёрнсонъ!

Вчера я получилъ изъ Норвегіи такое горькое, обидное нотеніе, что не могу и не хочу видѣть въ немъ ничего, кромѣ недоразумѣнія. Скажи мнѣ, получилъ ли ты въ серединѣ декабря письмо отъ меня, посланное отсюда вложеннымъ въ письмо отъ Равнкилле къ студенту Ф. Бецману? Я писалъ въ этомъ письмецѣ, что я получилъ отъ тебя сообщеніе относительно покрытія моего долга консулу Браво и счелъ себя въ правѣ оказать услугу Равнкилле, давъ ему довѣренность на полученіе отъ тебя 25 сп.-д., которыя я бралъ у него для уплаты Браво. Дальше я просилъ тебя, въ случаѣ, если ты, противъ твоего ожиданія, не получилъ такой суммы, заплатить Равнкилле пока изъ своихъ личныхъ средствъ, извѣстивъ меня о томъ, и я вышлю тебѣ довѣренность на полученіе денегъ съ Гегеля, отъ котораго я ничего еще не получалъ, кромѣ того, что ты выслалъ мнѣ осенью. Дорогой Бьёрнсонъ, если это тебя обидѣло, не оставляй меня мучиться неизвѣстностью и всевозможными горькими и обидными предположеніями, напиши и выскажи прямо — чѣмъ мое письмо могло тебя задѣть. Въ сравненіи съ тѣмъ, что ты съ такой дружеской, великодушной готовностью уже сдѣлалъ для меня, то, о чемъ я вновь просилъ тебя, было только лишней каплей въ морѣ!

Но вотъ вчера Равнкилле получилъ отъ Бецмана въ высшей степени оскорбительное, дерзкое и во многихъ отношеніяхъ непонятное письмо, въ которомъ Бецманъ, возвращая мою довѣренность, между прочимъ, выражается такъ: «на это насъ не поддѣнешь». Выраженіе это примѣняется вообще, когда изловятъ мошенника съ поличнымъ, уличатъ его въ намѣреніи сплутовать и такимъ образомъ не дадутъ сплутовать. Но про меня нельзя сказать ничего такого. И скажи это кто-нибудь въ моемъ присутствіи, я ты убилъ его на мѣстѣ. Дорогой Бьёрнсонъ, если только знаешь, объясни мнѣ напрямикъ, что могло подать Бецману поводъ выразиться такъ. Можетъ-быть, я сдѣлалъ ошибку, не сразу приложивъ довѣренность на полученіе тобой денегъ отъ Гегеля? Высылаю ее въ этомъ письмѣ и прошу тебя помочь мнѣ выяснить это дѣло; я не могу оставаться опозореннымъ въ глазахъ Равнкилле! Дорогой другъ! Въ томъ, что ты когда-нибудь можешь найти необходимымъ порвать со мною, нѣтъ, конечно, ничего невѣроятнаго, но чтобы это могло случиться по такому поводу, какъ данный, — нѣтъ, это невозможно! Ты слишкомъ великодушенъ для этого. Но поэтому-то для меня и остается непонятнымъ то обстоятельство, что ты ни словомъ не отозвался на многое, о чемъ я тебя спрашивалъ въ письмѣ. Отвѣчай теперь и выведи меня изъ неизвѣстности.

Въ силу твоего молчанія по поводу прошенія я и не обращался ни въ стортингъ ни къ правительству; да и знаю, что это было бы только

напраснымъ униженіемъ. О возобновленіи заграничной стипендіи я однако буду хлопотать, если ты думаешь, что изъ этого выйдетъ толкъ. Сообщи мнѣ также, годится ли посланное мною въ Троицемъ прошеніе, или надо выслать новое.

На этихъ дняхъ, вѣроятно, выйдетъ моя книга, и я теперь въ страшномъ волненіи и безпокойствѣ по этому поводу, предвидя всякаго рода борьбу, нападки со всѣхъ сторонъ и не имѣя возможности въ такомъ настроеніи взяться за что-нибудь новое, что между тѣмъ уже созрѣло во мнѣ... Нѣтъ, лучше и не писать объ этомъ.

Дорогой Бьёрнсонъ, у меня такое чувство, какъ будто меня отдѣляетъ и отъ людей и отъ Бога огромная безконечная пустыня. Лѣтомъ, когда я писалъ свою поэму, я, несмотря на нужду и всякія напасти, чувствовалъ себя безконечно счастливымъ, испытывалъ блаженство крестоносца; не знаю, что могло бы тогда меня устрашить, заставить отступить, а теперь... Это разслабляющее, изнуряющее, безотрадное ожиданіе!.. Ну, да это, вѣрно, дѣло преходящее; я хочу и долженъ когда-нибудь одержать побѣду! Если ужъ, на горе мнѣ, дали мнѣ родиться и стать тѣмъ, что я есть, то и будь изъ этого, что будетъ... И довольно объ этихъ предметахъ.

Желаю тебѣ, хоть и съ опозданіемъ, счастливаго Новаго года, успѣха тебѣ и всѣмъ твоимъ во всѣхъ дѣлахъ. Отъ тебя мы уже получили самый лучшій новогодній привѣтъ, какой только ты могъ прислать— твоихъ «Новобрачныхъ». Пьесу прочли у Мунха въ кружкѣ скандинавовъ, которые всѣ и шлютъ тебѣ свое радостное спасибо. Да, такъ вотъ должна складываться у насъ современная комедія! Не диво ли: у насъ тамъ свѣтаетъ, слышится щебетанье, блеститъ солнышко, народу нашему предлагаютъ рычаги, солидные и украшенные цвѣтами, какихъ не имѣетъ въ наше время ни одинъ народъ, а онъ—не встаетъ. Мнѣ становится страшно; боюсь, что народъ нашъ предназначенъ не для вѣчности, а для опредѣленнаго срока времени. Читая вѣсти оттуда, глядя на всю эту респектабельную и достопочтенную одышку и приниженность, я испытываю то же чувство, съ какимъ безумецъ вперяетъ взоръ въ одно сконцентрированное безнадежно-мрачное пятно... Что творится въ театрѣ и около него? Изъ газетъ не узнаешь самаго главнаго — настроенія.

...Книгу мою ты получишь, какъ только она выйдетъ, и окажешь мнѣ больше простой дружеской услуги, если выскажешься о ней прямо и возможно подробнѣе.

Дункеръ послалъ мнѣ къ Новому году вексель; пришелся кстати. Не забудь, о чемъ я просилъ тебя въ предыдущемъ письмѣ: указать источникъ послѣдней крупной суммы, которую ты переслалъ мнѣ и которая явилась какъ нельзя болѣе во-время. Еще разъ спасибо за это; но ее сопровождало нѣсколько загадочныхъ словъ; какъ ихъ понять? Сообщи также, не слѣдуетъ ли мнѣ поблагодарить пастора

Свердруна; онъ теперь здѣсь, и мнѣ неловко видѣться съ нимъ, не зная, обязанъ я или нѣтъ выразить ему свою благодарность. Въ госпожѣ Мунхъ ты встрѣтишь горячую свою поклонницу; она такая сердечная и деликатная и въ духовномъ смыслѣ въ тысячу разъ выше своего супруга.

Отчетъ о моей поѣздкѣ и просьбу о возобновленіи стипендіи пришлю, если ты находишь это нужнымъ; помоги вообще и посовѣтуй мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Прилагаемое письмо ты, быть-можетъ, будешь такъ добръ передать Дункеру. Что касается вложенной двойной довѣренности, то это — дѣло чести; ради Бога устрой его и напиши мнѣ хорошее письмо, которое выведетъ меня изъ мучительной неизвѣстности; ты одинъ у меня остался, а ты не знаешь, что̀ значитъ остаться при одномъ единственномъ союзникѣ.

Клемепсу Петерсену я писалъ и просилъ его заняться моей книгой по совѣсти. Отъ норвежской критики ничего не жду въ смыслѣ полезныхъ указаній; въ нападкахъ же увѣренъ. Ну, да будь, что̀ будетъ; я правъ, и имъ не сломить меня. Прощай, передай сердечный поклонъ твоей женѣ и пиши скорѣй

преданному тебѣ
Генрику Ибсену.

P. S. Дорогой Бьёрнсонъ! На этотъ разъ пользуюсь твоимъ разрѣшеніемъ посылать письма неоплаченными; пользуюсь поневолѣ.

Г. И.

P. S. Музыку Нордрока къ «Сигурду Слембе» частенько исполняютъ въ кружкѣ. Это стало любимою вещью. Слышалъ, что онъ, къ сожалѣнію, боленъ, или былъ боленъ. Кланяйся ему.

Римъ, 22 марта 1866 г.

Милостивый государь
Джонъ Григъ!

Давно уже слѣдовало мнѣ выразить вамъ свое сердечное спасибо за ваше дружеское, сердечное письмо, и единственнымъ, нѣсколько смягчающимъ мое промедленіе обстоятельствомъ служитъ то, что я послалъ вамъ пока устный привѣтъ черезъ брата вашего.

Мнѣ, конечно, очень желательно, чтобы мое произведеніе было переведено; меня можетъ только порадовать, если оно сможетъ поднять чей-нибудь духъ, захватить чье-либо вниманіе внѣ предѣловъ нашей собственной страны. У насъ на родинѣ, къ сожалѣнію, поэзія должна отнынѣ пробиваться иными путями; въ настоящее время нѣтъ истинной потребности и необходимости будить наши историческія воспоминанія; то, что̀ произошло у насъ за послѣдніе два-три года, или, вѣрнѣе, то, чего не произошло, ясно показываетъ, что между современ-

ными норвежцами и нашимъ могучимъ прошлымъ не болѣе общаго, нежели между современными греческими пиратами и древними греками, въ рядахъ которыхъ были и мужество, и вѣра, и воля, а потому и сами боги. Быть-можетъ, горизонтъ еще и прояснится, но я полагаю, что пока намъ предстоятъ иныя задачи на родинѣ.

Въ томъ, что передѣлка вамъ удастся и вы будете имѣть полный успѣхъ у той публики, на которую передѣлка разсчитана, я вполнѣ увѣренъ. Я просмотрѣлъ книгу и самъ нахожу, что въ ней есть кое-что, что̀ найдетъ откликъ въ Германіи. Удивительно, какъ исторія повторяетъ себя самоё, только мѣняя формы, — совсѣмъ варіаціи на музыкальную тему. Въ Германіи происходитъ теперь та же борьба: одни за объединеніе, другіе за раздѣленіе; тѣ же страсти и интересы; у нѣмцевъ есть и свой епископъ Николасъ и свой ярлъ Скуле, и всѣ ждутъ Гокона, всѣ на него уповаютъ... Вы совершенно вѣрно говорите, что я питаю рѣзкую непріязнь не къ нѣмцамъ, а къ нѣметчинѣ и онѣмеченію. Когда мы съ вами встрѣтимся лично, — на что я надѣюсь, — я объясню вамъ это подробнѣе; писать длинныя письма не въ моемъ духѣ; скажу только, что я вполнѣ признаю многое прекрасное и доброе у этихъ нашихъ исконныхъ враговъ, — таковыми какъ разъ являются нѣмцы въ настоящее время, но положеніе это должно измѣниться и навѣрно измѣнится, такъ какъ оно въ самой своей сущности противоестественно. Я нѣсколько лѣтъ тому назадъ провелъ четыре мѣсяца въ Дрезденѣ и вынесъ оттуда самыя свѣтлыя, пріятныя воспоминанія.

О томъ, насколько необходимо перевести драму непремѣнно ямбами, не смѣю судить, но вполнѣ полагаюсь на вашъ вкусъ и въ этомъ, какъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Относительно же того, что такая форма перевода требуетъ извѣстной свободы въ частностяхъ, я, разумѣется, вполнѣ согласенъ съ вами. Желаю, чтобы ваша попытка сопровождалась общимъ нашимъ успѣхомъ, и надѣюсь при случаѣ узнать отъ васъ о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла. Примите сердечный привѣтъ

отъ искренно признательнаго вамъ
Генрика Ибсена.

Римъ, 15 апрѣля 1866 г.

Его величеству королю.

Нижеподписавшійся Генрикъ Ибсенъ всеподданнѣйше ходатайствуетъ о всемилостивѣйшемъ соизволеніи вашего величества на представленіе черезъ норвежское правительство въ нынѣ собравшійся стортингъ предложенія о назначеніи мнѣ годового (писательскаго) жалованья въ размѣрѣ 400 сп.-д., чтобы доставить мнѣ возможность жить исключительно для своего призванія — поэта.

Въ теченіе двухъ лѣтъ 1862 и 1863 мнѣ были выданы съ королевскаго соизволенія двѣ стипендіи, по 100 сп.-д. каждая, для лѣтнихъ поѣздокъ въ предѣлахъ родины; затѣмъ въ 1863 г. я получилъ стипендію въ 400 сп.-д. изъ фонда заграничныхъ стипендій для дѣятелей науки и искусства и на эту сумму предпринялъ въ началѣ 1864 г. поѣздку за границу, гдѣ съ тѣхъ поръ и нахожусь — преимущественно въ Италіи.

Первымъ плодомъ моего заграничнаго путешествія явилась недавно изданная въ Копенгагенѣ драматическая поэма «Брандъ», которая въ теченіе нѣсколькихъ недѣль со времени своего появленія въ свѣтъ успѣла обратить на себя вниманіе и за предѣлами моей родины; по получаемыми выраженіями признательности и одобренія я не могу существовать, авторскаго же гонорара, хотя онъ относительно и не малъ, не хватаетъ для продленія моего пребыванія за границей и вообще даже для обезпеченія моего ближайшаго будущаго.

Беру я на себя смѣлость отважиться на столь необычайный шагъ — обратиться со своимъ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ лично къ вашему величеству, по совѣту, поданному мнѣ по телеграфу моими друзьями.

Мы думали сначала, что окажется возможнымъ черезъ годъ подвинуть, согласно испрошенному королевскому соизволенію, мое дѣло въ стортингѣ, но теперь оказывается, что этого пришлось бы ждать три года, чего я не могу.

Я хлопочу не объ обезпеченномъ положеніи, но борюсь за дѣло своей жизни, въ которое непоколебимо вѣрю, которое, знаю, самъ Богъ возложилъ на меня и которое представляется мнѣ важнѣйшимъ и насущнѣйшимъ для Норвегіи, за дѣло пробужденія народнаго самосознанія и указанія народу великихъ цѣлей.

Частное предложеніе, которое, какъ мнѣ сообщили, собираются внести нѣкоторые члены стортинга, не имѣетъ шансовъ на успѣхъ; обращаться же къ правительству — поздно.

Поэтому моя единственная и послѣдняя надежда на короля.

Въ рукахъ вашего величества дать мнѣ умолкнуть, склониться подъ бременемъ самаго горькаго отреченія, которое только можетъ выпасть на долю души человѣческой, — отреченія отъ дѣла своей жизни. Мнѣ пришлось бы уйти съ того поля битвы, на которомъ я, знаю, призванъ бороться, и это было бы для меня тѣмъ тяжелѣе, что я до сихъ поръ никогда не измѣнялъ своему призванію.

Но я вполнѣ спокоенъ; выяснивъ здѣсь, за какое дѣло я борюсь, я знаю — тѣмъ самымъ я записался въ ряды борцовъ подъ духовнымъ стягомъ вашего величества.

Всеподданнѣйше
Генрикъ Ибсенъ.

Римъ, 25 апрѣля 1866 г.

Милостивый государь
Георгъ Брандесъ!

Не могу отослать вамъ своего перваго письма, написаннаго подъ тѣмъ мучительнымъ впечатлѣніемъ, отъ котораго всѣ мы, скандинавы, не могли отдѣлаться въ первые дни послѣ смерти Давида. Теперь дѣло рисуется намъ въ иномъ свѣтѣ; никому изъ насъ не приходится упрекать себя ни въ чемъ, и факты диктуютъ иное изложеніе событія. Не знаю, насколько вы освѣдомлены о происшедшемъ, а потому буду писать такъ, какъ будто вамъ ничего не извѣстно.

Приблизительно въ серединѣ марта Давидъ вернулся сюда изъ экскурсіи въ Неаполь. Онъ былъ бодръ и сравнительно веселъ, но не совсѣмъ здоровъ; онъ говорилъ о легкой лихорадкѣ, которая однако не мѣшала ему бывать въ нашемъ кружкѣ, и ни онъ самъ ни мы не придавали ей значенія, такъ какъ лихорадка здѣсь, особенно весной, обычное явленіе. Я часто бесѣдовалъ съ нимъ послѣ его возвращенія, даже чаще прежняго; насъ главнымъ образомъ занимали политическія событія на родинѣ. Много говорили мы и о васъ; меня очень интересуетъ ваша полемика, а между тѣмъ мы можемъ слѣдить за нею здѣсь лишь урывками. Изъ видѣнныхъ во время поѣздки южныхъ мѣстностей Давиду больше всего понравилось Сорренто, мѣстоположеніе котораго у моря прямо восхитило его, и когда онъ особенно страдалъ отъ жары, лихорадки и сирокко, какъ разъ донимавшаго насъ въ тѣ дни, у него часто вырывались страстныя восклицанія на одну и ту же тему: какъ хорошо было бы броситься съ высокаго берега у Сорренто въ море, взять освѣжающую ванну! (Замѣтьте это).

Въ пятницу, 23-го марта, я видѣлъ Давида въ помѣщеніи нашего кружка; онъ записался въ число участниковъ ужина, который мы собирались дать вечеромъ статскому совѣтнику Браво. Давидъ былъ съ виду здоровъ, но принималъ лѣкарство и говорилъ, что совѣтовался съ докторомъ Эргартомъ, который предписалъ ему вообще быть осторожнѣе въ діэтѣ и велѣлъ принимать какія-то капля. Разговоръ перешелъ на разныя серьезныя темы, а когда я уже собирался уйти, онъ сказалъ: «Ахъ, да, я получилъ сегодня письмо отъ Георга Брандеса; онъ вамъ кланяется». Я поблагодарилъ и, зная, что мое новое произведеніе уже вышло въ свѣтъ, спросилъ: «Нѣтъ ли въ вашемъ письмѣ еще чего интереснаго для меня?» Онъ на это рѣшительнымъ тономъ отвѣтилъ: «Нѣтъ». Мы обмѣнялись еще нѣсколькими словами, и онъ, между прочимъ, удивился, что я незнакомъ съ вами лично. Мнѣ это удивленіе показалось страннымъ, такъ какъ я въ прежнихъ нашихъ бесѣдахъ съ нимъ о васъ не разъ прямо говорилъ, да и разспросами своими достаточно ясно давалъ понять, что мы съ вами незнакомы лично. Я однако не придалъ этому обстоятельству особаго значенія;

въ чаду впечатлѣній во время путешествія такъ легко забыть что-нибудь слышанное или видѣнное по пути, а Давидъ, повидимому, былъ всецѣло подъ впечатлѣніемъ всѣхъ перипетій путешествія.

На ужинѣ въ честь Браво Давида не было; говорили, что онъ слегъ. Въ субботу 24-го въ Скандинавскомъ кружкѣ состоялся обычный нашъ вечеръ и концертъ. Въ половинѣ девятаго я увидалъ Давида. Онъ казался веселымъ, съ улыбкой сказалъ мнѣ, что въ письмѣ было кое-что побольше поклона, но что у него третьяго-дня голова шла кругомъ и онъ не былъ въ состояніи толкомъ передать мнѣ что-либо. На этотъ разъ я получилъ отъ него подробное сообщеніе, насколько могу судить — вполнѣ правильное и во всякомъ случаѣ вполнѣ связное отъ начала до конца. Я, конечно, попросилъ его передать вамъ мою искреннюю признательность и поклонъ; затѣмъ мы говорили о моей книгѣ, и я пообѣщалъ дать ему прочесть ее на другой день. По этому поводу я и освѣдомился, въ какомъ этажѣ онъ живетъ. Онъ отвѣтилъ: въ первомъ, и прибавилъ, что музыка и жара разстраиваютъ его, поэтому онъ лучше пойдетъ домой и ляжетъ. Вслѣдъ затѣмъ я узналъ отъ камергера Лофгагена, что онъ дѣйствительно ушелъ.

Домъ, въ которомъ жилъ Давидъ, угловой; фасадъ обращенъ на Корсо, а длинный флигель выходитъ въ узкій поперечный переулокъ Via della Croce. Флигель этотъ неправильной формы. Въ немъ и жилъ Давидъ, но не въ первомъ, какъ онъ сказалъ мнѣ, а въ 3-мъ или въ 4-мъ этажѣ (трудно опредѣлить точно, въ какомъ именно, такъ какъ полы въ различныхъ этажахъ лежатъ не на одномъ уровнѣ). Въ лицевомъ зданіи на Корсо живетъ французскій полковникъ, и у входа стоитъ часовой. Около 4-хъ часовъ ночи наканунѣ Вербнаго воскресенья солдатъ этотъ услыхалъ шумъ тяжелаго паденія въ переулкѣ Via della Croce; онъ взглянулъ туда и увидалъ распростертаго на мостовой голаго человѣка, безъ признаковъ жизни. Это былъ Давидъ; окно въ комнатѣ стояло открытымъ. Часовой, конечно, поднялъ тревогу и вызвалъ изъ ближняго госпиталя св. Джіакомо санитаровъ, которые и унесли Давида въ госпиталь.

Первымъ узналъ о случившемся кандидатъ Киркегоръ, который утромъ зашелъ узнать о здоровьѣ Давида. Онъ сейчасъ же далъ знать консулу; тотъ явился, запечаталъ бумаги покойнаго и передалъ ихъ вмѣстѣ съ другими вещами теткѣ его, княгинѣ Пиньятелли.

Вернувшись въ субботу въ 10 ч. вечера домой, Давидъ потребовалъ у горничной кипятку, чтобы заварить себѣ чаю и сдѣлать ножную ванну. Когда дѣвушка принесла кипятокъ, Давидъ далъ ей 1 скудо (2 риксдалера); это ее удивило, и она спросила — не собирается ли онъ переѣзжать; на это онъ отвѣтилъ отрицательно, поблагодарилъ ее и прибавилъ, что больше ему ничего не надо. Послѣ этого дѣвушка легла спать. Рядомъ съ комнатой Давида помѣщался посыльный, услугами котораго Давидъ иногда пользовался. Ночью послѣдній ни-

чего не слыхалъ, но утромъ замѣтилъ, что дверь въ комнату Давида полуоткрыта, и тамъ горитъ свѣча. Ножная ванна оказалась неиспользованной; въ маленькомъ чайникѣ оставалось немножко чрезвычайно крѣпкаго чаю, по словамъ консула — чернаго, какъ кофе; въ большомъ же чайникѣ не оставалось ни капли воды. Спиртовая лампа, которою Давидъ вообще пользовался, стояла на своемъ мѣстѣ: она, по заявленію горничной, была уже нѣсколько дней не въ порядкѣ, да и нужды въ ней на этотъ разъ не было, такъ какъ дѣвушка принесла крутого кипятку. Между тѣмъ бутылка со спиртомъ стояла на столѣ и рядомъ съ нею стаканъ, который хранилъ слѣды налитаго въ него спирта. У кровати лежали рубашка Давида и фуфайка, которую онъ послалъ подъ рубашкой; и та и другая оказались утромъ еще совсѣмъ мокрыми отъ пота.

На письменномъ столѣ Давида лежали два начатыхъ письма, оба, повидимому, обращенныхъ къ его теткѣ. Одно начиналось сообщеніемъ, что онъ передалъ камергеру Лофгагену и другимъ поименованнымъ лицамъ приглашеніе на обѣдъ въ назначенный день, а самъ по нездоровью зайдетъ не раньше среды. (Все это и было такъ; приглашенія онъ передалъ въ субботу вечеромъ). Но затѣмъ шли строки, написанныя, очевидно, уже ночью, частью неразборчивыя, частью безсвязныя. Первая страница листа, величиной съ листъ этого письма, была исписана, затѣмъ вторая и третья страницы пропущены, а на четвертой шла настоящая путаница; послѣднія слова, которыя съ трудомъ разобрали, были: «я умеръ», «я на краю безумія», а вмѣсто подписи стояло: «я помѣшался».

Другое письмо на клочкѣ бумаги было, повидимому, написано въ промежутокъ, отдѣлявшій связное начало перваго письма отъ его безсвязнаго конца, и предназначалось для передачи слугѣ тетки, который заходилъ по утрамъ къ Давиду. Въ этомъ письмѣ Давидъ въ неясныхъ выраженіяхъ говорилъ о постигшемъ его несчастьѣ, просилъ скорѣе послать къ нему врача, такъ какъ онъ очень боленъ, и сообщить о томъ родителямъ — поосторожнѣе, но безъ обиняковъ. И въ этой запискѣ замѣтна уже спутанность мыслей; кончалась она заявленіемъ, что онъ не хочетъ будить никого изъ прислуги, чтобы «они, не подавъ ему помощи, не оказались бы сообщниками того, что должно произойти». Оба письма были незапечатаны. Постель оказалась смятой, и видно было, что онъ лежалъ на ней; на подушкѣ видѣлись слѣды двухъ-трехъ крупныхъ капель крови; повидимому, изъ носу у него вдругъ сильно хлынула кровь и затѣмъ такъ же сразу остановилась.

Что же произошло въ эту ужасную ночь? Не можетъ быть и рѣчи о заранѣе обдуманномъ самоубійствѣ. Такого рода душевное разстройство, которое сквозитъ изъ каждой строки этихъ двухъ писемъ, невозможно симулировать человѣку нормальному. Болѣзнь, которую онъ схватилъ, была гастрическая лихорадка, а она въ данныхъ климати-

ческихъ условіяхъ легко и быстро кидается на мозгъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней Давидъ питался только бульономъ и чаемъ; въ истинномъ своемъ положеніи онъ не хотѣлъ признаться никому, даже врачу; его раздражало, когда его спрашивали о здоровьѣ. По возвращеніи его въ тотъ вечеръ домой лихорадка, видно, усилилась; выпитый имъ въ чрезвычайномъ количествѣ и къ тому же слишкомъ крѣпкій чай повредилъ ему, а если онъ въ лихорадочномъ возбужденіи прибѣгъ еще къ спирту, чтобы уснуть, то бурный припадокъ болѣзни становится вполнѣ понятнымъ. Но самый горячечный бредъ все-таки, видимо, не наталкивалъ его на самоубійство; намеки на то, «что должно произойти», явно вызваны опасеніемъ, что администрація захочетъ помѣстить его въ сумасшедшій домъ, чему не смогутъ помѣшать ни хозяева ни прислуга отеля.

Онъ выбросился изъ окна совсѣмъ раздѣтый, какъ бросаются въ воду, купаясь. Притомъ бросился, какъ увидите дальше, головой впередъ. Въ этомъ, я думаю, можно усмотрѣть руководящую нить, угадать преобладавшую мысль въ его смятенномъ сознаніи, и эта моя гипотеза вполнѣ раздѣляется какъ врачомъ, такъ и всѣми нашими земляками здѣсь. Смутныя воспоминанія о Сорренто и о морскихъ купаньяхъ роились въ головѣ больного, лихорадка измучила его, обильная испарина становилась невыносимой, дѣйствительность и воспоминанія смѣшались, и вотъ—произошло несчастье: некому было предупредить его.

Такъ какъ покойный не былъ католикомъ, то тѣло его не могло оставаться въ часовнѣ св. Джіакомо; тетка Давида совершенно растерялась, да по здѣшнимъ законамъ и не имѣла права перенести покойника къ себѣ на квартиру. Поэтому тѣло было въ воскресенье днемъ отправлено въ Скандинавскій кружокъ, гдѣ въ понедѣльникъ городской врачъ вмѣстѣ съ докторомъ Эргартомъ въ присутствіи полиціи произвелъ вскрытіе для установленія причинъ смерти.

Я присутствовалъ при этомъ. Паденіе причинило моментальную смерть. Верхняя часть черепа была разбита и вдавлена, что и свидѣтельствовало о прыжкѣ головой впередъ. Объ этомъ же свидѣтельствовало и то, что лицо было все въ ссадинахъ, идущихъ сверху внизъ; произошли онѣ, очевидно, отъ того, что онъ при паденіи ударился о карнизъ нижняго окна; этимъ же объясняется, что тѣло нашли отброшеннымъ на противоположную сторону улицы. Руки и ноги оказались цѣлы, но нѣсколько реберъ было сломано, и оборвано легкое, отчего и произошло сильное кровоизліяніе. Всѣ признаки сильнаго и скоротечнаго тифа были налицо, и докторъ Эргартъ вывелъ заключеніе, что умершій, не отвѣчая на его разспросы, намѣренно умалчивалъ о томъ, какъ плохо ему было въ дѣйствительности. Далѣе докторъ прибавилъ, что если бы даже при больномъ находился кто-нибудь для надзора, и удалось бы предупредить самоубійство, все равно естествен-

ный исходъ болѣзни былъ бы столь же печальный — смерть. Объясненія врача послужили для насъ большимъ утѣшеніемъ. И всѣ мы подтвердили, что докторъ ни на минуту не видѣлъ и не могъ видѣть надобности въ особомъ надзорѣ за больнымъ, тѣмъ болѣе, что у него на рукахъ было еще нѣсколько нашихъ земляковъ, съ виду куда болѣе серьезно больныхъ; да и, какъ выше отмѣчено, Давидъ не выносилъ, чтобы о немъ безпокоились. Теткѣ его, у которой онъ бывалъ ежедневно, тоже въ голову не приходило придавать его болѣзни серьезное значеніе.

Въ ближайшій вторникъ онъ былъ погребенъ на уютномъ протестантскомъ кладбищѣ; за гробомъ шла почти вся наша скандинавская колонія, и затѣмъ мы разошлись, закончивъ такимъ образомъ нашъ общій зимній сезонъ въ Римѣ печальнѣе обыкновеннаго.

Вотъ вамъ безпристрастное, офиціальное изложеніе печальнаго событія; теперь я уже въ состояніи объективно смотрѣть на него и думаю, что для васъ лучше всего познакомиться съ нимъ въ такомъ именно видѣ.

Вашъ покойный другъ часто вспоминалъ васъ въ послѣдніе дни своей жизни. Я, конечно, не зналъ его такъ коротко, но видѣлъ, что въ его тихой душѣ таилось много хорошаго.

Не знаю, какія подробности извѣстны родителямъ покойнаго, поэтому и прошу васъ поосторожнѣе пользоваться тѣми свѣдѣніями, которыя получили отъ меня.

Въ заключеніе благодарю васъ за дружескій отзывъ вашъ, который былъ мнѣ переданъ. Радуюсь надеждѣ когда-нибудь лично познакомиться съ вами; если отъ меня самого будетъ зависѣть въ будущемъ мѣсто жительства, то я выберу Копенгагенъ; забираться дальше на сѣверъ мнѣ не хочется.

Позвольте просить васъ передать вложенное письмецо г. Гегелю. Если вы знакомы съ Клеменсомъ Петерсеномъ, то прошу васъ также кланяться ему и поблагодарить отъ меня за его статью. «Fädrelandet» (Отечество) — единственная датская газета, которую мы здѣсь получаемъ. Если и въ другихъ газетахъ появятся статьи о моей книгѣ, то вы безконечно меня обязали бы, пославъ мнѣ, если это не очень затруднитъ васъ, интересующіе меня нумера подъ бандеролью и неоплаченными, какъ вообще пересылаются газеты. Или попросите о такой услугѣ мнѣ г. Гегеля. Я забылъ написать ему объ этомъ въ прилагаемомъ письмецѣ. Будьте здоровы и храбро боритесь; у насъ на сѣверѣ это во многихъ отношеніяхъ нужно.

Преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Михаилу Биркеланду.

Римъ, 4 мая 1866 г.

Дорогой, превосходный другъ мой!

Спасибо за оба твои письма; послѣднее я получилъ вчера. Больше никакихъ прошеній о стипендіи я не подавалъ, такъ какъ Бьёрнсонъ нѣсколько времени тому назадъ писалъ мнѣ, что сдѣлаетъ это за меня; сдѣлано ли это — не знаю; но если стортингъ разрѣшитъ мнѣ писательское жалованье, мнѣ нечего ожидать возобновленія стипендіи, а если жалованье не разрѣшатъ, то мое дѣло въ Норвегіи кончено, и я сочту не въ порядкѣ вещей требовать чего-либо оттуда. Но я никогда не забуду, какъ вы, славные ребята, хлопотали за меня! Прошеніе на имя короля я послалъ 16-го апрѣля непосредственно въ письмѣ къ министру Сибберну; отвѣта я, разумѣется, еще не получилъ; письмо идетъ отсюда до Стокгольма дней 10 — 11. Стихами я не могъ написать, но оно и такъ, кажется, вышло достаточно убѣдительно; и, кромѣ того, я просилъ Сибберна пустить въ ходъ свое вліяніе. Бьёрнсонъ писалъ мнѣ, что расположитъ въ мою пользу членовъ стортинга; поговори съ нимъ и позаботься о томъ, чтобы его усердіе не ослабѣло отъ того, что имѣется въ виду королевское предложеніе.

О своемъ путешествіи внутрь страны я во всякомъ случаѣ пошлю сообщеніе. Кланяйся добрымъ друзьямъ: Бакке, Боттенъ-Гансену и Лёкке; если я когда-нибудь вернусь, постараюсь поблагодарить васъ всѣхъ получше.

Я не ожидалъ, что моя книга будетъ такъ хорошо принята; изъ Даніи я получилъ по поводу нея массу привѣтствій, поздравленій и благодарностей, между прочимъ, и отъ такихъ выдающихся лицъ, какъ Кригеръ, Давидъ, фру Гейбергъ и др. Получилъ также много приглашеній и т. п., и это все кстати, такъ какъ, быть-можетъ, въ будущемъ я поселюсь навсегда въ Копенгагенѣ.

Сдѣлай мнѣ большое одолженіе — пришли мнѣ всѣ нумера норвежскихъ газетъ (кромѣ «MorgenBladet»), какіе только можно достать и въ которыхъ имѣются статьи по поводу моей книги; пошли ихъ неоплаченными, подъ бандеролью, какъ вообще посылаютъ газеты; онѣ тогда обойдутся въ бездѣлицу. Скажи Гансену, что кружокъ съ нетерпѣніемъ ждетъ — удовлетворитъ ли онъ нашу просьбу о высылкѣ «NyhedsBladet»; шведскую газету уже получаемъ.

Здѣсь дивно, сказочно прекрасно! У меня теперь столько рабочей энергіи, столько силъ, что я, кажется, уложилъ бы на мѣстѣ медвѣдя. Поэму свою я вынашивалъ, вырабатывалъ мысленно, болѣлъ ею цѣлый годъ, пока она не вылилась у меня въ головѣ, а тогда — я засѣлъ за нее и писалъ съ утра до вечера, и кончилъ меньше чѣмъ въ три мѣсяца. Римъ описывать невозможно, особенно тому, кто какъ я,

знаетъ его вдоль и поперекъ. Большую часть папскаго города я въ разное время обошелъ пѣшкомъ съ ранцемъ за плечами. Разбойники не такъ опасны, какъ у насъ на родинѣ воображаютъ.

Отъ «Юліана» не откажусь, хотя и вижу, что Гаухъ взялся за тотъ же сюжетъ.

Ты пишешь, что ученые ломаютъ себѣ голову надъ «quantum satis». Въ мое время это было «доброй латынью», но, конечно, докторской латынью. Каждый медикъ сумѣетъ объяснить, что «quantum satis» — обычная формула на рецептуркахъ, когда прописывается не извѣстная доля какого-нибудь вещества по вѣсу, а столько, сколько окажется необходимымъ или достаточнымъ. Поэтому-то первый примѣняетъ это выраженіе къ поэмѣ *докторъ;* Брандъ же повторяетъ его, вспоминая слова доктора; насколько caritas — классическое выраженіе, я не знаю; но въ современной католической латыни слово это, въ противоположность слову amor, означающему земную любовь, примѣняется для обозначенія небесной любви, включающей элементъ состраданія; то же значеніе имѣетъ итальянское carità.

Не обезсудь за это безсвязное письмо и будь добръ, позаботься, чтобъ вложенныя записки дошли по назначенію. Кланяйся женѣ и всѣмъ, чьей дружбой и доброю памятью, ты знаешь, я дорожу.

Что касается моего внутренняго «я», то оно, вѣроятно, сильно измѣнилось во многихъ отношеніяхъ; но все же я думаю, что теперь больше являюсь самимъ собой, чѣмъ когда-либо прежде. Съ внѣшней стороны я похудѣлъ, что и докажу фотографіей лѣтомъ, когда вернется домой Фладагеръ.

5-го мая. Вотъ на чемъ я вчера остановился, когда вдругъ совершенно неожиданно получилъ письмо отъ чудеснѣйшаго человѣка, министра Сибберна, помѣченное 25-мъ апрѣля. Въ письмѣ онъ сообщаетъ, что тотчасъ же по полученіи моего письма передалъ королю мое прошеніе и король приказалъ въ тотъ же вечеръ отослать его въ департаментъ для составленія соотвѣтствующаго представленія; все это уже исполнено, и Сиббернъ поспѣшилъ извѣстить меня о томъ. Вотъ что называется исполнительностью! Не мѣшаетъ, я думаю, чтобы въ Христіаніи узнали, что и король такимъ образомъ до извѣстной степени беретъ на себя инициативу. Очень прошу тебя также поблагодарить члена государственнаго совѣта Станга; потомъ я и самъ напишу ему.

«Борьба за престолъ» переведена на нѣмецкій языкъ, и переводъ, вѣроятно, скоро выйдетъ въ свѣтъ: три первыхъ дѣйствія были прочитаны съ большимъ успѣхомъ въ одномъ литературномъ кружкѣ въ Дрезденѣ; но сообщается объ этомъ въ такихъ горячихъ и лестныхъ выраженіяхъ, что я не стану ихъ приводить. Будь здоровъ и прими еще разъ привѣтъ тебѣ и всѣмъ добрымъ друзьямъ отъ

преданнаго тебѣ

Генрика Ибсена.

P. S. Опять письмо отъ Сибберна! Сообщаетъ, что и прошеніе уже получено и отсылается по назначенію въ тотъ же вечеръ. Мое письмо къ королю, разумѣется, не разсчитано на опубликованіе. Надѣюсь, что этого и не случится. Позаботься о томъ!

Твой Г. И.

Римъ, 5 мая 1866 г.

Дорогой Бьёрнсонъ!

Сегодня всего нѣсколько словъ. Тѣ переговоры, которые идутъ теперь у васъ обо мнѣ, имѣютъ для меня такое громадное значеніе, что я отъ волненія не могу ни работать ни заняться чѣмъ бы то ни было, но я считаю своимъ долгомъ, и ради тебя и ради себя, заявить, что я тутъ не при чемъ и не давалъ никакихъ поводовъ къ тому, что̀ предпринимаютъ теперь Биркеландъ и другіе изъ расположенія ко мнѣ. Не знаю, сдѣлано ли это по уговору съ тобой, но надѣюсь, что такъ; а если нѣтъ, прошу тебя не принять это за желаніе съ моей стороны оставить для себя открытыми нѣсколько путей заразъ. Повѣрь мнѣ, эту тактику я давно бросилъ. Биркеландъ писалъ мнѣ два раза; въ первомъ письмѣ совѣтовалъ мнѣ прямо обратиться съ просьбой къ королю и одновременно подать прошеніе о стипендіи на заграничную поѣздку; во второмъ письмѣ онъ сообщалъ мнѣ, что онъ кое-съ-кѣмъ подалъ прошеніе отъ моего имени, такъ какъ изъ моего молчанія заключилъ, что самъ я ничего не предпринялъ. На эти письма я отвѣчаю только сегодня. Заграничной стипендіи я не искалъ, такъ какъ это дѣло было поручено тебѣ. Королю я отправилъ просьбу въ письмѣ къ министру Сибберну, который немедленно и сообщилъ мнѣ, что король въ тотъ же день отправилъ въ Христіанію приказъ о внесеніи въ стортингъ королевскаго предложенія, а черезъ день Сиббернъ сообщилъ мнѣ, что получено изъ Христіаніи мое прошеніе съ правительственной резолюціей, и что король подпишетъ ее въ тотъ же вечеръ. Вотъ что̀ произошло и въ чемъ я обязанъ дать тебѣ отчетъ, разъ я не знаю, каковы твои отношенія къ лицамъ, принимавшимъ въ этомъ дѣлѣ участіе.

Теперь еще одно дѣло, о которомъ я сообщаю тебѣ по секрету, тебѣ одному. Биркеландъ слегка намекнулъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ, что между тобой и Дункеромъ что-то вышло. Я отъ души желалъ бы чтобы не вышло ничего серьезнаго, но если бы дошло до разрыва, то я требую, чтобы ты вполнѣ разсчитывалъ на меня; помнишь, какъ два года тому назадъ пытались оказать давленіе на тебя, и я имѣю основаніе предполагать, что это можетъ повториться. Поэтому я и объявляю тебѣ, что считаю себя нравственно обязаннымъ ни подъ какимъ видомъ не входить въ сношенія съ театромъ и всѣмъ, что̀ къ нему относится, помимо тебя или вопреки твоимъ желаніямъ. Это обѣщаніе дается, разумѣется, пока тебѣ одному, но я предоставляю тебѣ право

опубликовать его, если я когда-нибудь поступлю несогласно съ тѣмъ, что здѣсь высказалъ. Впрочемъ, надѣюсь, что все уладится какъ нельзя лучше. Мнѣ все-таки было бы больно обидѣть Дункера, который выказалъ мнѣ столько расположенія и пріязни.

Если еще не поздно, я попросилъ бы тебя уговорить старика-ректора Гольмбо оказать содѣйствіе моему дѣлу газетной статьей или другимъ способомъ; его слово имѣетъ большой вѣсъ въ стортингѣ. Въ общемъ перспективы—насколько я могу судить—самыя свѣтлыя.

Спасибо тебѣ за неутомимыя хлопоты. Газета твоя, говорятъ, идетъ прекрасно. Бецманъ лѣтомъ, вѣроятно, возьметъ на себя доставить кружку ящикъ съ книгами; если ты, пользуясь этой оказіей, подаришь намъ экземпляры уже вышедшихъ нумеровъ и не будешь забывать насъ впредь, то очень обрадуешь всѣхъ здѣсь находящихся и имѣющихъ прибыть скандинавовъ. Кланяйся женѣ своей и мальчуганамъ отъ меня и моихъ, и сердечно желаю тебѣ всего хорошаго.

Преданный тебѣ

Генрикъ Ибсенъ.

P. S. Пожалуйста, передай поклонъ моей тещѣ, если она пріѣхала и ты ее увидишь.

Г. И.

Римъ, 21 мая 1866 г.

Дорогой господинъ коллежскій совѣтникъ Гегель!

Съ большимъ удовольствіемъ получилъ сегодня ваше письмо отъ 12-го сего мѣсяца и спѣшу отвѣтить съ этою же почтою.

Ничто не могло для меня быть пріятнѣе извѣстія о томъ, что потребовалось новое изданіе моей поэмы. Надѣюсь, корректоръ позаботится, чтобы замѣченныя опечатки были исправлены и не вкралось новыхъ. Предложенный гонораръ принимаю съ большою благодарностью.

Позволяю себѣ и на этотъ разъ просить васъ доставить мнѣ деньги въ видѣ векселя на Парижъ. Затѣмъ прошу васъ удержать изъ гонорара 5 риксдалеровъ и послать ихъ въ контору «Отечества» для передачи вдовѣ и дѣтямъ редактора Грима отъ неизвѣстнаго.

Изъ телеграммъ узналъ, что стортингъ согласился на предложеніе правительства назначить мнѣ ежегодное жалованье въ 400 сп.-д. А такъ какъ изъ норвежскихъ газетъ я вижу, что и Троньемское общество поощренія наукъ и искусствъ назначило мнѣ стипендію въ 100 сп.-д., да и, кромѣ того, у меня пока деньги есть, то мнѣ въ данную минуту нѣтъ надобности воспользоваться вашимъ любезнымъ предложеніемъ относительно аванса. Но будьте увѣрены, что самое предложеніе ваше я цѣню и прошу васъ принять по этому поводу мою сердечную признательность.

...Въ ближайшемъ времени сообщу вамъ, за какой трудъ возьмусь теперь. Больше всего мнѣ хочется взяться въ серьезъ за «Кесаря Юліана», котораго обдумываю два года. То, что этотъ сюжетъ использованъ Гаухомъ, меня, разумѣется, не останавливаетъ, такъ какъ я увѣренъ, что моя обработка сюжета во многомъ будетъ отличаться отъ его. По этой причинѣ и не собираюсь читать произведеніе Гауха. Но подробнѣе объ этомъ впослѣдствіи.

...Благодарю васъ за ваше расположеніе, желаю и надѣюсь, что и новое изданіе пойдетъ хорошо.

Съ истиннымъ уваженіемъ и преданностью

Генрикъ Ибсенъ.

Римъ, 2 іюня 1866 г.

Его превосходительству
господину министру Сибберну.

Позволяю себѣ почтительнѣйше обратиться съ этими строками къ вашему превосходительству, чтобы съ глубокой благодарностью засвидѣтельствовать, какъ много я обязанъ вліятельному и доброжелательному содѣйствію вашего превосходительства счастливымъ рѣшеніемъ моего дѣла въ стортингѣ. Мнѣ сообщили изъ Христіаніи, — о чемъ я, впрочемъ, и безъ того могъ знать,—что быстрота, съ какой былъ данъ ходъ моему дѣлу въ Стокгольмѣ, произвела на многихъ членовъ стортинга самое благопріятное для меня впечатлѣніе.

Не менѣе горячо цѣню я доброту и расположеніе ко мнѣ вашего превосходительства, выразившіяся въ двухъ полученныхъ мною одно за другимъ сообщеніяхъ вашихъ.

Если я, вопреки долгу признательности, до сихъ поръ медлилъ обратиться къ вамъ съ этими строками, то причиною было мое желаніе одновременно почтительнѣйше доставить вашему превосходительству экземпляръ второго изданія моей новой книги. При этомъ осмѣливаюсь просить, чтобы второй прилагаемый экземпляръ былъ переданъ въ частную библіотеку е. в. короля, какъ слабое выраженіе моей всеподданнѣйшей благодарности.

Теперь мое будущее обезпечено, и я могу безпрепятственно работать для своего призванія; по того, какъ много я обязанъ этимъ счастливымъ исходомъ вашему превосходительству, я никогда не забуду.

Съ глубокимъ почтеніемъ

Генрикъ Ибсенъ.

Фраскати, 9 іюня 1866 г.

Дорогой господинъ коллежскій совѣтникъ Гегель!

Большое спасибо за присланныя рецензіи. Книгу Гельвега прочелъ съ большимъ интересомъ; онъ исправляетъ много ошибокъ другихъ критиковъ. Брандесу прошу кланяться. Экземпляръ второго изданія «Бранда» также получилъ съ удовольствіемъ.

Прилагаю два письма, о которыхъ упоминалъ въ своемъ письмѣ отъ 21-го прошлаго мѣсяца. Если переплетенные экземпляры готовы, то прошу отправить, какъ раньше писалъ, одинъ съ письмомъ въ Христіанію и два съ письмомъ въ Стокгольмъ.

Адресъ мой все тотъ же. Я живу здѣсь въ горахъ, совсѣмъ не вижу газетъ и ничего не знаю изъ того, что творится на бѣломъ свѣтѣ. Но здѣсь дивно прекрасно. Всего хорошаго.

Преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

P. S. Бьёрнсонъ, вѣроятно, покидаетъ театръ къ лѣту. О книгѣ Гельвега долженъ все-таки по справедливости сказать, что не совсѣмъ вѣрно, будто главною моделью для Бранда или чѣмъ-то въ этомъ родѣ послужилъ мнѣ Сёренъ Киркегоръ; суть въ томъ, что изображеніе человѣческой жизни, цѣлью которой было служеніе идеѣ, всегда въ извѣстномъ смыслѣ будетъ совпадать съ жизнью Киркегора.

Г. И.

Павлу Боттенъ-Гансену.

Фраскати, 22 іюня 1866 г.

Милый другъ!

Прежде всего приношу тебѣ общую сердечную благодарность римскихъ скандинавовъ за твою прекрасную газету, которой мы такъ долго и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали и которую теперь получаемъ... Одинъ изъ твоихъ сотрудниковъ, г. Фр. Бецманъ, въ письмѣ къ консулу Браво зимою предложилъ также свои услуги Скандинавскому кружку въ Римѣ по части снабженія его книгами, обѣщая уговаривать христіанійскихъ книгопродавцевъ не скупиться въ пользу голодающихъ духовно земляковъ.

...Жена моя сердечно кланяется тебѣ и твоей женѣ. Живется намъ прекрасно; мы, конечно, уѣхали изъ Рима на эти жаркіе лѣтніе мѣсяцы, когда спрокко отравляетъ Кампанью своимъ дыханіемъ, и поселились во Фраскати въ горахъ. Живемъ въ старинномъ палаццо Граціози; великолѣпно и дешево. Фраскати лежитъ пониже древняго

Тускулума, гдѣ, ты помнишь, находилась роскошная вилла Цицерона и откуда онъ писалъ свои тускуланскія письма. Отъ виллы еще сохранились развалины; маленькій же театръ — вѣроятно, то самое помѣщеніе, которое Цицеронъ называлъ школой и въ которомъ онъ держалъ рѣчи къ избранному кружку гостей — сохранился почти неповрежденнымъ. Какъ чудно хорошо сидѣть тутъ по вечерамъ: 2.000 фут. надъ моремъ и далекій-далекій видъ на Средиземное море, Кампанью и Римъ. По направленію къ востоку убѣгаютъ гористая Сабинія и Апеннины, а къ югу высятся Вольскія горы на границѣ Неаполитанской области. Изъ окна своей рабочей комнаты я вижу въ самой дали Монсъ-Сорактe, въ красивомъ одиночествѣ возвышающійся надъ необозримой равниной; словомъ—куда ни повернешься — передъ тобой словно поле битвы, на которомъ давала сраженія всемірная исторія.

Теперь скоро примусь за работу какъ слѣдуетъ. Пока я еще воюю съ сюжетомъ, но знаю, что скоро одолѣю бестію, и тогда дѣло пойдетъ какъ по маслу.

Спасибо за добрую помощь по дѣлу съ жалованьемъ. Кланяйся всѣмъ добрымъ друзьямъ.

...Когда вернусь обратно — не знаю. Я уже освоился здѣсь и чувствую себя, какъ дома, но домой все-таки когда-нибудь вернусь. На жалованье свое я могу здѣсь прожить отлично; жизнь тутъ крайне дешева, и климатъ намъ всѣмъ подходитъ.

...Пиши намъ, милый другъ, да поскорѣе. Я буду такъ радъ узнать о тебѣ отъ тебя самого. Спасибо за твою рецензію о «Брандѣ»; скажи однако, что это значитъ: въ шведской «Aftonblad» до сихъ поръ ни слова? У меня есть кое-что на совѣсти по отношенію къ обитающимъ здѣсь добрымъ шведамъ; ужъ не это ли причиной молчанія? Ни слова даже о томъ, что мнѣ назначено писательское жалованье.

Семья твоя теперь, вѣрно, значительно увеличилась; сообщи мнѣ объ этомъ. Всего хорошаго тебѣ, всѣмъ твоимъ близкимъ и нашимъ общимъ друзьямъ. Не забудь обрадовать меня парой-другой строкъ.

Преданный тебѣ
Генрикъ Ибсенъ.

Рукопись «Бранда» я припряталъ для тебя, такъ какъ ты, вѣрно, все еще собираешь разнаго рода курьезы.

Фраскати, 22 августа 1866 г.

Многоуважаемый господинъ к. с. Гегель!

Имѣлъ удовольствіе получить ваше любезное письмо отъ 5-го августа и полагаю, что въ данную минуту третье изданіе уже выпущено. Прошу васъ быть увѣреннымъ, что я вполнѣ сознаю и никогда не забуду—до какой степени этотъ удачный результатъ слѣдуетъ при-

писывать тому обстоятельству, что книга моя связана съ такою уважаемою издательской фирмой, какъ ваша. Могу только пожелать, чтобы этотъ нашъ литературный союзъ доставлялъ и вамъ впредь такое же удовлетвореніе, какое уже доставилъ мнѣ.

Я былъ такъ неаккуратенъ, что до сихъ поръ не извѣстилъ васъ о полученіи гонорара за второе изданіе; онъ былъ мнѣ доставленъ въ іюнѣ мѣсяцѣ въ видѣ векселя на 400 франковъ, за что и приношу вамъ мою признательность.

Надѣюсь, что и третье изданіе подверглось столь же тщательной корректурѣ, какъ предыдущія. То обстоятельство, что столь значительное число экземпляровъ распродано въ Даніи, еще болѣе укрѣпляетъ давно уже сложившееся у меня убѣжденіе, что центромъ общей литературной дѣятельности Сѣвера долженъ быть Копенгагенъ.

Въ настоящую минуту я въ нѣкоторомъ сомнѣніи—удастся ли мнѣ закончить мой новый трудъ осенью. Но я хочу предложить вамъ издать къ Рождеству мою «Комедію любви». Она появилась впервые на рубежѣ 1862 — 1863 гг., въ видѣ новогодняго приложенія къ «Illustreret Nyhedsblad», и едва ли особенно извѣстна въ Даніи. Произведеніе это можно разсматривать, какъ предвѣстника «Бранда», и въ Даніи оно найдетъ читателей. Языкъ придется почистить, кое-что исправить, а также предпослать новому изданію коротенькое предисловіе. У меня есть здѣсь экземпляръ перваго изданія, который я въ просмотрѣнномъ и исправленномъ видѣ и вышлю вамъ, если вы, при вашемъ лучшемъ знаніи условій книжнаго рынка, сочтете возможнымъ согласиться на мое предложеніе, о чемъ я и надѣюсь въ самомъ скоромъ времени получить отъ васъ нѣсколько строкъ въ отвѣтъ.

Надѣюсь, что мое письмо къ вамъ, посланное въ серединѣ іюня со вложеніемъ писемъ къ министру Сибберну въ Стокгольмъ и члену государственнаго совѣта Стангу въ Христіанію, получено, и упомянутыя письма доставлены по назначенію вмѣстѣ съ переплетенными экземплярами моей книги. Я во всякомъ случаѣ не получалъ о томъ никакого увѣдомленія. Изъ норвежскихъ газетъ я узналъ, что правительство назначило мнѣ, кромѣ писательскаго жалованья, 350 сп.-д. изъ фонда стипендій на поѣздки за границу (хотя я и не подавалъ о томъ прошенія), такъ что я будущимъ лѣтомъ, вѣроятно, съѣзжу въ Грецію.

Не помню, просилъ ли я васъ передать мой поклонъ и благодарность Брандесу за его доброжелательную и горячо написанную критическую статью. Вижу, что и онъ получилъ стипендію на поѣздку за границу; очень бы радъ былъ, если бы намъ удалось встрѣтиться здѣсь; но у него, вѣрно, другіе планы.

24 августа. Я еще разъ взялся за «Комедію любви», снова перечелъ ее и окончательно убѣдился въ томъ, что она съ успѣхомъ

можетъ быть издана теперь вновь. Я началъ уже исправлять и передѣлывать кое-что, а также мысленно набросалъ предисловіе, но, разумѣется, всецѣло предоставляю рѣшеніе вамъ, не желая оказывать со своей стороны ни малѣйшаго давленія. Замѣчу только, что въ одномъ изъ выпусковъ «Illustreret Nyhedsblad» я видѣлъ статью, въ которой, между прочимъ, говорится, что редакторъ слышалъ отъ весьма компетентныхъ лицъ, недавно познакомившихся съ книгой, выраженіе удивленія по поводу того, что она не нашла еще распространенія въ Даніи.

...Въ ожиданіи полученія отъ васъ въ ближайшемъ времени нѣсколькихъ строкъ въ отвѣтъ, остаюсь съ почтеніемъ преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Михаилу Биркеланду.

Римъ, 5 октября 1866 г.

Дорогой другъ!

Считаю первымъ своимъ долгомъ написать тебѣ и поблагодарить— я думаю, съ полнымъ основаніемъ—за новую полученную мной стипендію. Зять мой пишетъ, что она назначена мнѣ вслѣдствіе поданнаго имъ прошенія. Но въ одномъ изъ прежнихъ своихъ писемъ ты писалъ, что слѣдуетъ хлопотать о назначеніи мнѣ 750 сп.-д.; ассигнованныя мнѣ жалованье и стипендія какъ разъ и составляютъ вмѣстѣ такую сумму, и такъ какъ ты вообще всегда принималъ дѣятельное участіе въ хлопотахъ за меня, то я и въ правѣ предполагать, что безъ тебя, а можетъ-быть, и другихъ добрыхъ людей, дѣло не обошлось. Итакъ, повторяю: прими мое искреннее спасибо! Стангу я еще лѣтомъ написалъ благодарственное письмо.

А теперь о другомъ дѣлѣ, которое тебѣ надо устроить для меня. Гегель хочетъ выпустить «Комедію любви» новымъ исправленнымъ изданіемъ. На гонораръ, который получу за это, я лѣтомъ собираюсь съѣздить въ Парижъ и затѣмъ въ Грецію. Но Гегель ставитъ условіемъ, чтобы оставшіеся экземпляры норвежскаго изданія были изъяты изъ продажи. Осталось ихъ, вѣрно, немного. Какъ тебѣ извѣстно, я уступилъ въ свое время право на первое изданіе «Комедіи любви» въ видѣ новогодняго приложенія въ «Illustreret Nyhedsblad», при чемъ разрѣшилъ Іонасу Ли напечатать нѣкоторое количество лишнихъ экземпляровъ, формальнымъ собственникомъ которыхъ является теперь Дюбвадъ. Поговори съ нимъ (или съ кѣмъ тамъ еще придется) и пусти въ ходъ всю свою силу убѣжденія; возьми, если понадобится, кого-нибудь на помощь. Представь ему то соображеніе, что норвежское изданіе лишено почти всякой цѣны, въ чемъ онъ,

вѣрно, уже убѣдился; скажи, что новое изданіе — дѣло большой важности для писателя-изгнанника; обрати его вниманіе на то, что, превращая оставшіеся экземпляры стараго изданія въ макулатуру и взявъ на комиссію новое исправленное изданіе, онъ самъ не понесетъ убытка, а мнѣ окажетъ большую услугу. Юридически я въ правѣ обратиться прямо къ Іонасу Ли, который, конечно, пойметъ, что онъ за тотъ нелѣпо-ничтожный гонораръ имѣлъ право лишь распространить книгу среди своихъ тогдашнихъ подписчиковъ.

Но все это потребуетъ времени, а время въ данномъ случаѣ дорого, разъ книга, какъ рѣшено, должна быть готова и доставлена въ Норвегію для продажи уже въ ноябрѣ. Возьми съ собой Бакке, Лёкке, Боттенъ-Гансена, Сарса, До и другихъ, ступайте цѣлой компаніей къ Дюбваду и не отставайте отъ него, пока не уладите дѣла. А какъ только удастся, прошу тебя сообщить объ этомъ парой словъ Гегелю, который будетъ ждать извѣщенія, прежде чѣмъ приступить къ печатанію. Но держи все дѣло въ секретѣ отъ Бьёрнсона и другихъ, а то я боюсь, между нами будь сказано, контрманевровъ. Дорогой Биркеландъ, ты видишь, я здорово налегаю на твое время и твою дружбу; но это очень-очень важное дѣло для меня; если оно не удастся, моя поѣздка въ Грецію пойдетъ прахомъ. Не заставляй Гегеля ждать дольше, чѣмъ это будетъ необходимо; онъ уже получилъ отъ меня просмотренный и исправленный экземпляръ книги.

...Лѣто мы провели въ горахъ и вернулись лишь въ октябрѣ. Если все пойдетъ хорошо, жена останется будущимъ лѣтомъ въ Сорренто, а я уѣду. Новаго здѣсь пока ничего нѣтъ, но всѣ въ большомъ волненіи и ожиданіи. Прибыла императрица мексиканская и сошла съ ума; иностранный легіонъ вошелъ въ городъ, а французы, говорятъ, уйдутъ къ Рождеству. Если разразится революція, мы запасемся провизіей на нѣсколько дней и будемъ отсиживаться дома, пока худшее минуетъ; папскія войска не долго продержатся.

Кланяйся женѣ и всѣмъ общимъ знакомымъ.

Ожидаю удачнаго исхода порученія и надѣюсь, что извинишь меня за хлопоты, которыми обременяю тебя. Будь же здоровъ и прими искренніе привѣты и спасибо отъ преданнаго тебѣ

Генрика Ибсена.

Римъ, 5 октября 1866 г.

Дорогой господинъ к. с. Гегель.

Имѣю удовольствіе при этомъ препроводить вамъ просмотрѣнный и исправленный экземпляръ «Комедіи любви», котораго я не рѣшился довѣрить провинціальной почтѣ въ горахъ, вслѣдствіе чего вы и получите его лишь теперь. Ожидаю тщательной корректуры; могущія встрѣ-

титься непослѣдовательности въ правописаніи прошу также исправить. Предложенныя условія принимаю съ благодарностью; величина изданія, слѣдовательно, по вашему усмотрѣнію. Если вы, ради уменьшенія риска, пожелаете раздѣлить изданіе на два поменьше, я, разумѣется, согласенъ смотрѣть на нихъ, какъ на одно изданіе, и не предъявлять претензій на новый гонораръ. Ремарки желательно, ради внѣшняго вида изданія, печатать подъ именами дѣйствующихъ лицъ, какъ и въ норвежскомъ изданіи.

Право на первое изданіе я продалъ «Illustreret Nyhedsblat», съ тѣмъ, чтобы книжка явилась новогоднимъ приложеніемъ къ этой газетѣ; кромѣ того, я разрѣшилъ тогдашнему владѣльцу газеты напечатать нѣкоторое количество экземпляровъ сверхъ комплекта; они-то и находятся теперь въ продажѣ. Я написалъ одному изъ своихъ друзей въ Христіаніи, библіотекарю университета Боттенъ-Гансену, чтобы онъ, согласно вашему желанію, уговорилъ г. Дюбвада изъять упомянутые экземпляры изъ продажи и сообщилъ вамъ о результатѣ, въ которомъ не приходится сомнѣваться; прикосновенныя къ дѣлу лица мнѣ хорошо знакомы; кромѣ того, норвежское изданіе почти-что не имѣетъ никакой цѣны, и осталось его весьма незначительное количество. Поэтому откладывать печатаніе до полученія извѣстій врядъ ли необходимо. Въ крайнемъ случаѣ я, конечно, беру на себя обязательство выкупить остающіеся экземпляры; но едва ли это потребуется. Предисловіе ко второму изданію я вышлю вамъ на-дняхъ; оно будетъ коротенькимъ, въ страницу или полстраницы.

...Благодарю васъ за вложенный въ письмо отъ 12-го сентября вексель на 400 франковъ. Гонораръ за «Комедію любви» прошу васъ не посылать мнѣ до будущаго лѣта или другого срока, такъ какъ не хотѣлъ бы имѣть здѣсь при себѣ больше денегъ, чѣмъ мнѣ необходимо на прожитіе.

Имѣю къ вамъ, однако, маленькую просьбу. Если васъ это не очень обременитъ, то устройте, чтобы для меня купили лотерейный билетъ (цѣлый, два половинныхъ или четыре четвертныхъ) копенгагенской правительственной лотереи. Я не питаю надежды на выигрышъ, но мнѣ нравится связанное съ этимъ волнующее чувство ожиданія. Извините, что затрудняю васъ такой просьбой.

Сочту за честь и удовольствіе прислать вамъ свой портретъ, какъ только удастся добиться такого, который бы годился куда-нибудь; весьма былъ бы радъ, если бы могъ разсчитывать на обмѣнъ съ вашей стороны.

Клеменсу Петерсену скоро напишу.

Черезъ д-ра Соломонсена имѣлъ удовольствіе получить два великолѣпныхъ экземпляра третьяго изданія «Бранда»; поистинѣ роскошное изданіе, которому отъ души желаю распространенія.

...Какъ упомянуто, черезъ нѣсколько дней вы получите пре-

дисловіе и еще нѣсколько строкъ отъ уважающаго васъ и преданнаго вамъ

Генрика Ибсена.

P. S. Рекомендую корректору обратить вниманіе на оставшіяся неисправленными ошибки въ знакахъ препинанія. Прошу также понаблюсти, чтобы новыя строчки стиховъ печатались съ маленькихъ буквъ, какъ въ «Брандѣ», — за исключеніемъ, разумѣется: послѣ точки, въ именахъ собственныхъ и т. п.

Римъ, октябрь 1866 г.

Дорогой Бьёрнсонъ!

Вкладываю въ свой офиціальный отвѣтъ нѣсколько строкъ тебѣ, чтобы поблагодарить тебя за твое послѣднее письмо, на которое еще не отвѣчалъ. Переписка наша, правда, приняла такой оборотъ, что мнѣ, казалось бы, необходимо было поспѣшить отвѣтомъ, но я предвидѣлъ, что ты не будешь смотрѣть на нашу размолвку серьезно, да и мое неудовольствіе относилось не къ тебѣ непосредственно. Нѣтъ, милый, славный Бьёрнсонъ, я увѣренъ, что между нами никогда не выйдетъ ничего такого, что бы дѣйствительно разлучило насъ духовно. Но ты согласишься, что то извѣстіе должно было показаться мнѣ невыносимо горькимъ. Я не горевалъ о потерѣ мебели и т. п., но мнѣ крайне обидно было узнать, что мои частныя письма, бумаги, наброски и проч. попали неизвѣстно въ чьи руки, не говоря уже о потерѣ многихъ вещей, имѣвшихъ для меня не одну матеріальную цѣнность. Тебѣ сказали неправду, будто аукціонъ состоялся потому, что я не сообщилъ о своемъ мѣстожительствѣ; онъ состоялся потому, что Пандрупъ съ самаго моего отъѣзда получалъ въ конторѣ Дункера одни уклончивые и раздражающіе отвѣты, передавать которые подробно не буду. Да и лучше поставимъ крестъ на всемъ этомъ дѣлѣ.

Кланяйся отъ меня Дункеру (надѣюсь, что вы въ ладахъ) и скажи ему, что я, согласно обѣщанію, пришлю ему нѣсколько хорошихъ фотографій. Скажи ему также, что красную штучку, которую я весной прислалъ ему, я взялъ въ недавно открытой виллѣ Цицерона въ Тускулумѣ.

Спасибо за твое доброе предложеніе написать что-нибудь въ твою газету; если напишу что-нибудь подходящее, то пришлю тебѣ; недавно въ «Nyhedsbladet» помѣщено что-то такое о римскихъ палаццо или въ этомъ родѣ, но я тутъ не при чемъ.

Ты доставилъ бы нашему кружку большое удовольствіе, если бы съ Новаго года присылалъ намъ экземпляръ своей газеты; пересылка, конечно, будетъ оплачена. Напиши мнѣ на этотъ счетъ, такъ какъ намъ надо имѣть это въ виду на общемъ собраніи при рѣшеніи вопроса о

выпискѣ газетъ и журналовъ въ слѣдующемъ году. Жду съ нетерпѣніемъ и присылки твоего новаго разсказа.

Кланяйся отъ насъ своей женѣ и моей тещѣ, отъ которой не имѣемъ вѣстей съ самаго ея возвращенія въ Норвегію. Если встрѣтишься съ моей невѣсткой Маріей, попроси ее въ письмахъ къ моей женѣ не касаться аукціона и тому подобныхъ исторій, такъ какъ знаю, что это очень ее огорчитъ; со временемъ же я надѣюсь все уладить.

Теперь ты, вѣрно, полновластный хозяинъ въ театрѣ; но полезно ли будетъ для тебя, если это продлится долго? Не заключи изъ этого, что я тутъ имѣю какіе-нибудь виды, — напротивъ. Черезъ годъ или два я думаю вернуться на Сѣверъ, но едва ли проѣду дальше Копенгагена; если же удалось бы потомъ время отъ времени наѣзжать лѣтомъ въ Норвегію, то, я думаю, такой порядокъ былъ бы лучше всего.

Два слова насчетъ исполненія четвертаго дѣйствія «Бранда». Я очень бы хотѣлъ найти въ твоемъ письмѣ хоть какое-нибудь указаніе на твое личное мнѣніе по этому вопросу, но такъ и не нашелъ, почему и составилъ свой отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что тебѣ предоставляется полная свобода дѣйствій. Я увѣренъ, что ты все устроишь къ лучшему. Сердечный привѣтъ, и пиши поскорѣе!

Преданный тебѣ
Генрикъ Ибсенъ.

P. S. Чтобы покончить бецманское дѣло, я уплатилъ Равнкилле долгъ чистоганомъ. Такимъ образомъ съ этимъ покончено.

Г. И.

Гегелю.

I.

Римъ, 2 ноября 1866 г.

Для меня было поистинѣ въ высшей степени пріятнымъ сюрпризомъ узнать изъ вашего любезнаго письма отъ 17-го прошлаго мѣсяца, что требуется четвертое изданіе «Бранда»; я никакъ не ожидалъ, что оно понадобится такъ скоро, и всегда съ признательностью буду сохранять въ памяти — насколько я обязанъ этимъ рѣдкимъ успѣхомъ вамъ. ...То, что второе изданіе «Комедіи любви» при такихъ обстоятельствахъ будетъ отложено — какъ сказано въ вашемъ письмѣ — до весны, я нахожу, разумѣется, вполнѣ естественнымъ, и вообще прошу васъ въ такихъ случаяхъ поступать вполнѣ по вашему усмотрѣнію.

...За обѣщанные новые труды Дункера, Дитрихсона и Листова буду вамъ очень признателенъ; особенно интересуюсь послѣднимъ. Теперь остается только пожелать, чтобы вашъ трудъ по возобновленію нашей прежней общей датско-норвежской литературы также принесъ матеріальные плоды. Разумѣется, вы въ свое время, когда идея объедине-

нія пробьетъ себѣ болѣе широкій путь, пожнете признательность современниковъ; и это хорошо, но недостаточно.

Сердечно признателенъ вамъ за присланную фотографическую карточку; посылаю вамъ свою, какая нашлась у меня въ данную минуту, но позволю себѣ впослѣдствіи прислать другую.

Вижу изъ вашего письма, что вышло маленькое недоразумѣніе относительно задуманнаго мною новаго произведенія. Въ немъ не изображается молодость Христіана IV, но сюжетъ относится къ той эпохѣ. Впрочемъ, я еще не знаю навѣрное, будетъ ли это произведеніе первымъ трудомъ, за который теперь возьмусь. У меня бродятъ въ головѣ еще два-три сюжета; но эта разбросанность интересовъ уже свидѣтельствуетъ, что ни одинъ сюжетъ въ сущности не достаточно вызрѣлъ; чувствую однако, что за этимъ дѣло не станетъ, и надѣюсь весною прислать вамъ уже готовую рукопись.

Отъ министра Сибберна и черезъ него отъ короля Карла я получилъ на-дняхъ весьма любезное письмо. Сибберна не было въ Стокгольмѣ, и потому онъ лишь въ прошломъ мѣсяцѣ получилъ книги.

...Относительно оставшихся экземпляровъ норвежскаго изданія «Комедіи любви» вы, вѣроятно, вскорѣ получите свѣдѣнія или отъ Боттенъ-Гансена, или отъ другого изъ моихъ друзей, архиваріуса Биркеланда, которому я также писалъ по этому поводу. Предисловіе же вышлю позже; оно заставляетъ порядочно поломать себѣ голову, такъ какъ не должно быть ни слишкомъ пространно, ни слишкомъ коротко.

Примите сердечные привѣты отъ уважающаго васъ и преданнаго вамъ

Генрика Ибсена.

II.

Римъ, 5 января 1867 г.

Имѣю удовольствіе прислать вамъ при семъ предисловіе къ «Комедіи любви». Эти немногія строки стоили мнѣ большихъ и головоломнѣйшихъ усилій, нежели вся поэма. Я переписывалъ предисловіе безконечное число разъ и наконецъ остановился на первой редакціи. Если вы не останетесь имъ довольны, то, по-мнѣ, можно обойтись и безъ него, но въ такомъ случаѣ придется позаботиться, чтобы въ одной изъ распространенныхъ газетъ появилась замѣтка приблизительно такого содержанія, чтобы поставить датскихъ читателей на надлежащую точку зрѣнія. Лично я предпочелъ бы, чтобы составленная мною замѣтка появилась въ видѣ предисловія къ самой книгѣ, но предоставляю вамъ самимъ распорядиться, какъ сочтете за лучшее.

Отъ всего сердца желаю вамъ и вашему уважаемому семейству счастливаго новаго года и пользуюсь случаемъ выразить вамъ свое искреннее спасибо за цѣнную посылку съ книгами, полученную мною черезъ семью Брунъ. Всѣ книги прочелъ съ живымъ интересомъ.

...Большое удовольствіе доставилъ мнѣ и «Словарь» Листова; особенно порадовало меня то, что весьма значительная часть такъ-называемыхъ «новыхъ» норвежскихъ словообразованій содержится въ датскихъ нарѣчіяхъ, и что слѣдовательно ново только ихъ включеніе въ литературный письменный языкъ.

Не знаю, читаете ли вы норвежскія газеты. Если да, то вы, вѣрно, замѣтили, что въ нихъ, особенно въ «MorgenbladeT», «NyhedsbladeT» и «AftenbladeT», возникла цѣлая литература о «Брандѣ». Лучшею изъ норвежскихъ критическихъ статей, по-моему, является помѣщенная 1 и 4 декабря въ «MorgenbladeT»; авторъ ея мнѣ неизвѣстенъ.

...Объ оставшихся экземплярахъ «Комедіи любви» я ничего не слыхалъ, но такъ какъ владѣлецъ — мой старый хорошій пріятель, то я думаю, что все улажено.

Наконецъ, могу вамъ сообщить, что новая моя работа въ полномъ ходу и, если ничто не помѣшаетъ, будетъ закончена въ началѣ лѣта. Это будетъ большая драматическая поэма; главнымъ дѣйствующимъ лицомъ явится одинъ изъ народныхъ норвежскихъ полумиѳическихъ, полусказочныхъ героевъ новѣйшаго времени. Поэма эта нисколько непохожа на «Бранда»; прямой полемики въ ней тоже не будетъ и т. д. Сюжетъ долго бродилъ у меня въ головѣ; теперь планъ совсѣмъ выработанъ и написанъ, и начато первое дѣйствіе. Чѣмъ дальше, тѣмъ сюжетъ все разрастается, и я увѣренъ, что вы останетесь довольны. Но прошу васъ пока, чтобы это оставалось между нами.

Искреннее спасибо за то, чѣмъ связалъ насъ минувшій годъ, и всего лучшаго въ наступившемъ.

Уважающій васъ и преданный вамъ
Генрикъ Ибсенъ.

III.

Римъ, 8 марта 1867 г.

...За полученный годовой расчетъ благодарю во всѣхъ отношеніяхъ. Не найдя въ немъ нѣкоторыхъ расходовъ, напримѣръ, счета за три роскошныхъ экземпляра, отправленныхъ въ Стокгольмъ и Христіанію, я позволю себѣ усмотрѣть въ этомъ новое выраженіе той широкой любезности, которую вы вообще оказываете мнѣ, и свидѣтельствую вамъ свою признательность.

Получилъ я также два номера «Illustreret Tidende» и очень вамъ обязанъ за хлопоты. Но кто біографъ? Никто изъ здѣшнихъ датчанъ его не знаетъ. Судя по тому недостатку такта, который онъ обнаруживаетъ, распространяясь о посторонникъ, чисто личныхъ отношеніяхъ, я скорѣе всего готовъ принять его за норвежца, но едва ли это такъ. Вообще его сужденія во многихъ отношеніяхъ доброжелательны и хвалебны. Есть, однако, немало неточностей; напримѣръ, въ указаніи на участіе члена государственнаго совѣта Риддервольда въ

назначенія мнѣ писательскаго жалованья. Невѣрно также, что я основательно изучалъ Гейне; я всего разъ прочелъ одинъ томъ его «Путевыхъ картинъ» и «Книгу пѣсенъ». То же самое относительно Кіркегора; я прочелъ изъ его произведеній очень мало, а понялъ и того меньше. Небезынтересно, однако, узнать—кто авторъ.

Новая драматическая поэма моя подвигается; дошелъ теперь уже до середины второго дѣйствія; всего же будетъ ихъ пять и, насколько могу заранѣе опредѣлить, займутъ они страницъ 250. Если пожелаете, я могу выслать вамъ рукопись уже въ іюлѣ.

...А въ лотереѣ-то мнѣ повезло для начала. Только бы это дѣло не причинило вамъ слишкомъ много хлопотъ.

...Бьёрнсонъ пишетъ мнѣ, что лѣтомъ бросаетъ театръ, и онъ вполнѣ правъ. Сообщаетъ, что не пишетъ ничего новаго, и это заставляетъ меня опасаться, что его газета «Norsk Folkeblad» отнимаетъ у него больше рабочихъ силъ и энергіи, чѣмъ это было бы желательно.

Дай Богъ теперь, чтобы новое изданіе «Комедіи любви» имѣло успѣхъ. Прежніе критики врядъ ли удостоятъ книгу новаго обсужденія; но надѣюсь все-таки, что появленіе ея будетъ отмѣчено.

Примите сердечные привѣты отъ уважающаго васъ и преданнаго вамъ

Генрика Ибсена.

IV.

Вилла Пизани, Искія, 8 августа 1867 г.

...Могу сообщить, что сегодня отправилъ вамъ черезъ генеральнаго консула въ Неаполѣ рукопись первыхъ трехъ дѣйствій новаго моего произведенія, озаглавленнаго: «Перъ Гюнтъ», драматическая поэма. Вѣроятно, вы получите посылку одновременно съ этимъ письмомъ. Посланная рукопись составитъ приблизительно 120 печатныхъ страницъ, и остается столько же. Четвертое дѣйствіе надѣюсь доставить вамъ въ концѣ мѣсяца; все остальное въ ближайшемъ за тѣмъ времени.

Теперь мнѣ любопытно узнать, какъ поэма вамъ понравится. Самъ я питаю наилучшія надежды. Если вамъ интересно узнать кое-что о самой личности героя, то могу сообщить, что Перъ Гюнтъ дѣйствительно существовалъ; жилъ онъ въ Гудбрандсдаленѣ, вѣроятно, въ концѣ прошлаго (XVIII) или въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Имя его очень популярно среди тамошняго населенія; но о его подвигахъ извѣстно не больше, чѣмъ можно прочесть въ норвежскихъ сказкахъ Асбьёрнсена. Такимъ образомъ немного у меня было данныхъ, на которыя я могъ опереться при разработкѣ сюжета, но зато тѣмъ больше было предоставлено мнѣ свободы. Меня очень интересуетъ, что скажетъ о поэмѣ Клеменсъ Петерсенъ.

Но, исходя изъ того предположенія, что произведеніе вамъ понравится, остается рѣшить вопросъ объ изданіи книги къ Рождеству. Мнѣ самому это, конечно, очень желательно, но рѣшеніе, разумѣется, всецѣло предоставляю вамъ. Далѣе позволяю себѣ воспользоваться вашимъ прежнимъ предложеніемъ и просить васъ объ авансѣ въ 200 риксдалеровъ. Сумму эту вмѣстѣ съ небольшимъ остаткомъ отъ прежняго я желалъ бы получить, въ видѣ векселя на Парижъ, въ заказномъ письмѣ на имя датскаго генеральнаго консула въ Неаполѣ... Былъ бы вамъ очень признателенъ, если бы могъ надѣяться получить это письмо въ Неаполѣ въ концѣ текущаго мѣсяца. Около этого времени я какъ разъ полагаю отправиться въ Сорренто, чтобы тамъ закончить свою работу. Здѣсь въ Искіи мы живемъ съ средины мая. Жара временами доходила до 30° Р., и надо обладать такимъ крѣпкимъ здоровьемъ, какимъ, слава Богу, обладаю я, чтобы, несмотря на это, работа шла попрежнему бойко. Хорошо ли идетъ продажа «Комедіи любви»? Надѣюсь, что вы не очень промахнетесь съ этимъ изданіемъ. Я часто объ этомъ думаю.

Уважающій васъ и преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Сорренто, 15 октября 1867 г.

Дорогая теща!

Нечего и пытаться оправдываться въ своемъ долгомъ молчаніи; остается только просить тебя о прощеніи. Съ недѣли на недѣлю откладывалъ я свое длинное письмо тебѣ и, какъ вообще во всей своей перепискѣ, все оставался при одномъ намѣреніи.

Приношу тебѣ сердечныя поздравленія по поводу свадьбы Сары и прошу передать ей мой искренній привѣтъ и пожеланія всего лучшаго. Душевно радуюсь за нее, что она будетъ жить въ Копенгагенѣ, такъ какъ не думаю, чтобы она подходила къ условіямъ норвежской жизни; если въ этомъ сомнѣніи и есть что-нибудь нелестное, то оно относится къ условіямъ жизни, а не къ самой Сарѣ. Я часто отказываюсь понимать, какъ ты тамъ выдерживаешь. Жизнь тамъ представляется мнѣ отсюда невыразимо скучной; она въ состояніи уморить въ человѣкѣ душу живую, уморить всякую волю и энергію; проклятая особенность тѣхъ мелочныхъ условій именно та, что они измельчаютъ души.

Скоро, пожалуй, и Доротею у тебя похитятъ изъ дома, и ты уже не не будешь такъ связана. Италію же тебѣ слѣдуетъ и необходимо посмотрѣть. И познакомиться съ нею надо не проѣздомъ, а поживъ въ ней подольше. Добудь заграничную стипендію; не проси, но требуй, настаивай; инымъ путемъ ничего не добьешься; подыми на ноги

всѣхъ, кто можетъ помочь словомъ и перомъ; собственно говоря, такія чрезвычайныя мѣры непормальны, но безъ нихъ у насъ на родинѣ не обойдешься, да и нигдѣ, пожалуй.

О своемъ путешествіи не могу особенно распространяться въ письмѣ. Приблизительно въ серединѣ мая мы отправились въ Нскію и пробыли тамъ до середины августа, а затѣмъ перебрались на южный берегъ залива и маневрировали, спасаясь отъ холеры и т. п. Въ концѣ текущаго мѣсяца возвращаемся въ Римъ. Въ папской столицѣ, какъ ты знаешь, возстаніе, и намъ хочется немножко посмотрѣть на то, что тамъ творится.

Я закончилъ новую драматическую поэму, которая выйдетъ въ свѣтъ къ Рождеству. Меня очень интересуетъ, какъ она тебѣ понравится. Называется поэма «Перъ Гюнтъ», по имени главнаго дѣйствующаго лица, о которомъ можно кое-что прочесть у Асбьёрнсена. Для моей поэмы я тамъ нашелъ не очень-то много существеннаго, но зато тѣмъ свободнѣе могъ распорядиться матеріаломъ.

Отъ Гегеля слышалъ, что твоя новая книга выйдетъ только весной, и что это будетъ большая книга. Больше ничего не знаю, но радуюсь и съ нетерпѣніемъ жду ее. Жизнь за границей имѣетъ хоть то преимущество, что воспринимаешь родную дѣйствительность очищенною, какъ бы въ видѣ экстракта; при этомъ избавленъ отъ уличной и базарной пошлости, а это уже немалый выигрышъ. Норвежскихъ газетъ позже начала мая мы еще не видѣли.

Какъ Томасъ? Продолжаетъ держаться своего намѣренія посвятить себя сценѣ, и если да, то выступалъ ли уже? Условія жизни артиста въ Норвегіи не очень-то заманчивы, но разъ это его настоящее призваніе, то нельзя ничего возразить.

...Въ высшей степени удивило меня предложеніе типографщика Тёнсберга участвовать въ сборникѣ, который онъ затѣваетъ. Когда я уѣзжалъ изъ Норвегіи, этотъ Тёнсбергъ промышлялъ, между прочимъ, изданіемъ грязнаго листка, въ которомъ меня и многихъ другихъ забрасывали грязью, какъ это въ обычаѣ у подобныхъ листковъ. Не знаю, продолжаетъ ли онъ заниматься этимъ промысломъ, но я не намѣренъ подкупать своихъ враговъ, и господинъ Тёнсбергъ никогда не получитъ отъ меня ни строчки.

Надѣюсь, что ты получила письмо отъ Сусанны изъ Нскіи. И она и Сигурдъ здоровы. Было нѣсколько непродолжительныхъ приступовъ лихорадки, но съ ними скоро и удачно справились. Оба много времени проводятъ въ горахъ, а я тѣмъ временемъ работаю. Теперь намъ осталось только осмотрѣть Помпею и Неаполитанскій музей, а тамъ надѣемся и опять назадъ въ милый Римъ. Мнѣ жаль было бы, если бы политика и всякая такая канитель пробрались и туда; но рано или поздно это, вѣроятно, должно случиться.

Желаю тебѣ теперь сохранить все свое здоровье и силы во время

работы надъ новой книгой; какъ ты можешь работать во время болѣзни и страданій — не понимаю. Прошу тебя, не разсердись на меня за одно замѣчаніе: старайся возможно тщательнѣе обработать языкъ въ своей новой книгѣ, а то въ «Исторіи Сигне» и другихъ твоихъ разсказахъ много такихъ выраженій и оборотовъ, которые по-норвежски имѣютъ совсѣмъ иное значеніе, нежели ты имѣла въ виду; много попадается и такихъ, которыхъ нѣтъ и никогда не было въ норвежскомъ языкѣ. Зачѣмъ вводить провинціализмы, которыхъ не было въ древнемъ языкѣ? Спрашивай совѣта въ тѣхъ случаяхъ, когда ты не вполнѣ увѣрена, и не обижайся на меня за это замѣчаніе; лучше, если это дѣлается въ частномъ письмѣ, чѣмъ публично въ критикѣ, а вѣдь рано или поздно кто-нибудь вздумаетъ заняться этимъ спорнымъ вопросомъ, выдвинутымъ временемъ, и зачѣмъ же намъ самимъ давать нашимъ врагамъ оружіе въ руки?

Сердечный привѣтъ тебѣ и всѣмъ твоимъ отъ преданнаго тебѣ

Генрика Ибсена.

Сорренто, 21 октября 1867 г.

Дорогой господинъ Коллинъ!

Съ моей стороны прямо непростительно, что я только теперь отвѣчаю на ваше сердечное письмо; но обширный литературный трудъ всецѣло занималъ мое время въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ и прервалъ ту небольшую переписку, которую я вообще веду со своими друзьями на родинѣ.

...Новый трудъ мой — драматическая поэма, которая, вѣроятно, выйдетъ въ свѣтъ въ будущемъ мѣсяцѣ; я окончилъ ее здѣсь, въ Сорренто, и, согласно обѣщанію, оставилъ рукопись для коллекціи вашего батюшки. Перешлю вамъ этотъ пакетъ при первой возможности.

...Вижу изъ «Dagbladet», что въ Копенгагенѣ разразилась чернильная война между философами и богословами. Я не настолько посвященъ въ обстоятельства дѣла, чтобы составить себѣ какое-нибудь мнѣніе о его сути, но не могу не признать, что г. Брандесъ проявляетъ необычайную силу убѣжденія. Я не знаю — другъ вы его или противникъ, но мнѣ ясно, что этотъ человѣкъ будетъ играть выдающуюся роль въ наукѣ и выработкѣ высшихъ формъ духовной жизни на Сѣверѣ. Говоря это, я, разумѣется, не касаюсь своихъ личныхъ взглядовъ на занятое имъ положеніе.

Дорогой Коллинъ! Всего хорошаго пока и примите самые сердечные привѣты отъ преданнаго вамъ

Генрика Ибсена.

I.

Римъ, 9 декабря 1867 г.

Дорогой Бьёрнсонъ!

Что это въ сущности за дьявольщина то и дѣло вторгается въ наши отношенія! Положительно какъ будто самъ дьяволъ становится между нами и мутитъ! Я получилъ твое письмо. Кто пишетъ такъ, какъ пишешь въ немъ ты, тотъ не лжетъ. Есть вещи, которыхъ нельзя поддѣлать. И я написалъ-было отвѣтъ отъ чистаго, признательнаго сердца; благодарить вѣдь не за то, что тебя хвалятъ, а за то, что понимаютъ тебя; за это пониманіе и чувствуешь себя безконечно признательнымъ. А теперь нѣтъ больше нужды въ моемъ отвѣтѣ; я разорвалъ его на клочки. Съ часъ тому назадъ я прочелъ статью Клеменса Петерсена въ «Fädrelandet», и если теперь отвѣчать на твое письмо, то придется отвѣтить совсѣмъ иначе: просто засвидѣтельствовать полученіе твоего почтеннаго письма отъ такого-то числа съ приложеніемъ критической статьи въ названной газетѣ.

Будь я въ Копенгагенѣ и имѣй тамъ человѣка, столь же близкаго мнѣ, какъ тебѣ Клеменсъ Петерсенъ, я избилъ бы его до полусмерти, прежде чѣмъ позволить ему совершить такое тенденціозное преступленіе противъ правды и справедливости. Статья Клеменса Петерсена проводитъ ложный взглядъ не тѣмъ, что онъ говоритъ, а тѣмъ, чего не договариваетъ. А тамъ многое намѣренно не договорено! Ты можешь показать ему это письмо. Я вполнѣ увѣренъ въ томъ, что онъ серьезно и вдумчиво относится къ тому, ради чего лишь и стоитъ жить на свѣтѣ; но такъ же увѣренъ я и въ томъ, что ему когда-нибудь будетъ стыдно за эту статью; въ умолчаніи такъ же можетъ скрываться ложь, какъ и въ прямомъ отзывѣ. Клеменсъ Петерсенъ взялъ на себя большой грѣхъ, — Господь создалъ его для выполненія великой задачи.

Не воображай, что я ослѣпленный тщеславіемъ глупецъ. Будь увѣренъ, что я въ тишинѣ уединенія порядкомъ ковыряюсь, и роюсь, и анатомирую въ собственной душѣ и какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ ея, гдѣ это ковырянье отзывается всего больнѣе.

Мое произведеніе — поэзія, а если нѣтъ, то будетъ поэзіей! Понятіе «поэзія» должно измѣниться у насъ на родинѣ примѣнительно къ моему произведенію. Нѣтъ на свѣтѣ разъ навсегда установленныхъ понятій. Современные скандинавы не древніе греки. Клеменсъ Петерсенъ говоритъ, что неизвѣстный пассажиръ олицетворяетъ понятіе «страхъ». Стой я даже на лобномъ мѣстѣ и завись отъ того спасеніе моей жизни, мнѣ и въ голову не пришло бы такое объясненіе. Никогда я не думалъ ни о чемъ такомъ; я просто вложилъ эту сцену по прихоти поэта. И развѣ Перъ Гюнтъ не личность, не законченная индивидуальность? Я знаю, что это такъ. А мать его? Многому можно научиться у Клеменса

Петерсена, и я многому научился у него, но и ему есть чему поучиться — тому, въ чемъ я имѣю преимущество передъ нимъ, хоть и не берусь учить его этому, а именно тому, что̀ ты въ своемъ письмѣ называешь «вѣрностью». Вотъ оно настоящее слово! Это не вѣрность въ дружбѣ, не вѣрность цѣли или тому подобное, но вѣрность по отношенію къ безконечно болѣе высокому.

Я тѣмъ не менѣе радъ этой несправедливости, причиненной мнѣ; это знакъ милости Божіей, — я чувствую, какъ силы мои растутъ въ гнѣвномъ порывѣ. Война такъ война! Если я не поэтъ, то мнѣ нечего терять. Попытаюсь быть фотографомъ. Возьмусь за изображеніе своего вѣка и своихъ современниковъ тамъ на Сѣверѣ; буду выводить ихъ одного за другимъ, какъ «язычокорадѣтелей» въ «Перѣ Гюнтѣ», не пощажу дитяти въ утробѣ матери — ни мысли, ни настроенія, скрытаго въ словѣ любой личности, заслуживающей чести быть отмѣченной.

Дорогой Бьёрнсонъ, у тебя пылкая, хорошая душа, я видѣлъ отъ тебя столько добраго, свѣтлаго, что никогда не буду въ состояніи воздать тебѣ за это; но въ тебѣ есть нѣчто такое, что̀, при твоемъ счастьѣ и именно благодаря твоему счастью, можетъ обратиться въ проклятіе для тебя. Я имѣю право сказать тебѣ это, такъ какъ сознаю, что подъ внѣшнею оболочкою всякаго вздора и дряни всегда таилъ глубокосерьезное отношеніе къ жизни. Знаешь ли ты, что я на всю жизнь отдалился отъ своихъ родителей, отъ всѣхъ родныхъ, такъ какъ не могъ примириться съ отношеніями, въ силу которыхъ понимаешь другъ друга лишь наполовину?

Письмо мое вышло довольно безсвязнымъ, но summa summarum — я не хочу быть антикваріемъ или географомъ, не хочу развивать способностей въ духѣ философіи Монрада, словомъ, не хочу слѣдовать добрымъ совѣтамъ. Одного хочу я, хотя бы всѣ внѣшнія и внутреннія силы заставили меня обрушить крышу на мою собственную голову, хочу всегда, клянусь тебѣ, быть и остаться вѣрнымъ и искренно преданнымъ тебѣ

Генрикомъ Ибсеномъ.

---

10 декабря.

Говорятъ, — утро вечера мудренѣе, и я перечиталъ сегодня хладнокровно вчерашнія горячія строки. Но онѣ вылились у меня изъ души и пусть дойдутъ до тебя.

Теперь же я хочу медленно и обдуманно сказать тебѣ, какія послѣдствія вызоветъ статья Кл. Петерсена.

Я не уступлю добровольно, и г. Кл. Петерсенъ не въ силахъ убрать меня съ арены; поздно. Возможно, что онъ доведетъ дѣло до того, что я отвернусь отъ Даніи; но въ такомъ случаѣ я намѣренъ перемѣнить не только издателя. Не умаляйте моихъ друзей и моихъ привержен-

цевъ въ Норвегіи. Та партія, чья газета обнаружила явную несправедливость ко мнѣ, почувствуетъ, что я не одинокъ. Далѣе извѣстныхъ границъ я не признаю никакихъ соображеній, и если ужъ перейду эти границы, что и собираюсь сдѣлать, то сумѣю соединить необузданность порывовъ съ хладнокровіемъ въ выборѣ средствъ. Тогда враги мои почувствуютъ, что если я не могу созидать, то могу многое разрушить.

Но это все касается будущаго. Теперь же скажу кое-что о настоящемъ. У меня нѣтъ постоянной переписки съ кѣмъ-либо на родинѣ; но тѣмъ не менѣе я могу сказать тебѣ кое-о-чемъ, что происходитъ тамъ. Знаешь ли ты, что въ эти дни говорятъ въ Норвегіи въ тѣхъ ея предѣлахъ, куда доходитъ газета Карла Плоуга? Говорятъ: «изъ критики Кл. Петерсена замѣтно, что Бьёрнсонъ въ Копенгагенѣ». Правда, ты написалъ рецензію о «Перѣ Гюнтѣ» въ своей газетѣ, но это просто назовутъ дипломатичнымъ ходомъ, недостаточно, однако, тонкимъ.

Такъ будутъ говорить — кто по убѣжденію, кто по злобѣ или изъ мести. Критика вызоветъ раздѣленіе на партіи — *за* и *противъ*. Ты почувствуешь

Критику Кл. Петерсена назовутъ: «спасибо за послѣднее одолженіе». Одинъ незнакомый мнѣ человѣкъ помѣстилъ нѣсколько времени тому назадъ цѣлый рядъ статеекъ въ «Morgenbladet», въ которыхъ безобразно нападаетъ на литературную дѣятельность г. Петерсена, обо мнѣ же отзывается благосклонно. Эти комбинаціи не преминутъ освѣжить въ памяти. Процессъ мышленія у этихъ господъ мнѣ хорошо извѣстенъ.

Дорогой Бьёрнсонъ, попытаемся все-таки держаться другъ друга! Друзья наши уже достаточно отравляли намъ жизнь и усугубляли намъ тяжесть борьбы.

То, что я теперь пишу тебѣ, доказываетъ, что я не заподозрѣваю тебя ни въ чемъ. Я не стою и никогда не стану на сторону моихъ приверженцевъ противъ тебя. Противъ твоихъ друзей — дѣло иное.

Статья г. Петерсена — я опять возвращаюсь къ ней — не повредитъ мнѣ. Отсутствующій всегда имѣетъ большое преимущество въ силу самаго отсутствія своего. Но неумно было писать статью въ такомъ духѣ. Въ статьѣ о «Брандѣ» онъ отзывается обо мнѣ съ уваженіемъ, и публика не найдетъ за мной въ теченіе прошедшаго съ того времени года ничего такого, что дало бы поводъ отнестись ко мнѣ теперь съ презрѣніемъ. Публика не признаетъ за г. Петерсеномъ права третировать меня такъ, какъ онъ это пытается. И ему слѣдовало бы предоставить это тѣмъ своимъ коллегамъ, которые живутъ своею литературно-критическою профессіей. Про г. Петерсена я до сихъ поръ думалъ, что онъ живетъ *для* этой дѣятельности.

Тебя я только упрекаю въ бездѣйствіи; некрасиво, что ты допустилъ или попустилъ такую попытку — въ мое отсутствіе поставить мое литературное положеніе подъ молотокъ аукціониста.

Ну вотъ! Теперь я облегчилъ свою душу. Выругай меня теперь, изругай на всѣ корки — самое лучшее въ длинномъ письмѣ, если почувствуешь такую потребность. И прими теперь отъ добраго сердца привѣтъ отъ насъ всѣхъ тебѣ и твоимъ. Не показывай своей женѣ этого письма, но передай ей наши лучшія пожеланія къ Рождеству и Новому году и особенно къ предстоящему ей въ третій разъ великому часу.

Твой Генрикъ Ибсенъ.

II.

Римъ, 28 декабря 1867 года.

Дорогой Бьёрнсонъ!

Болѣе желаннаго привѣта, чѣмъ полученное мною въ первый день Рождества письмо твое, я не могъ получить въ этомъ мірѣ.

Весь тотъ вздоръ, которымъ я нагрузилъ свое послѣднее письмо, легъ мнѣ самому тяжелымъ бременемъ на душу, и я за все это время ни минуты не былъ спокоенъ или доволенъ собой. Наихудшее зло, которое можетъ причинить себѣ самому человѣкъ, это — поступить несправедливо съ другими. Спасибо тебѣ, что со свойственнымъ тебѣ великодушіемъ отнесся къ дѣлу такъ, какъ отнесся. Я не видѣлъ впереди на долгое время ничего, кромѣ непріятностей и досады, а теперь, когда я оглядываюсь назадъ, мнѣ представляется вполнѣ естественнымъ съ твоей стороны, что ты отнесся къ дѣлу именно такъ, а не иначе. Я перечитываю твое письмо каждый день и все болѣе и болѣе освобождаюсь отъ мучительной мысли, что обидѣлъ тебя.

Не перетолкуй моихъ словъ въ послѣднемъ письмѣ въ томъ смыслѣ, что я вижу сущность поэзіи въ чемъ-то иномъ, нежели Клеменсъ Петерсенъ. Напротивъ, я его понимаю и вполнѣ съ нимъ согласенъ. Но я полагаю, что я выполнилъ требованія, а онъ полагаетъ, что нѣтъ. Онъ нападаетъ на нашъ заѣденный рефлексіей вѣкъ, видящій въ макбетовской вѣдьмѣ олицетвореніе того, что происходитъ въ душѣ самого Макбета, а самъ въ той же статьѣ заставляетъ помѣшаннаго корабельнаго пассажира олицетворять «страхъ». Такимъ манеромъ я берусь превратить всѣ—и твои и чужія — произведенія въ аллегоріи отъ начала до конца. Возьми Гёца фонъ-Берлихингена! Скажи, что самъ Гёцъ олицетворяетъ броженіе освободительныхъ идей въ народѣ, императоръ—идею государственности, и т. п. Что жс выйдетъ? То, что это—не поэзія.

Впрочемъ, ты не огорчайся моими «парокспзмами»; они отнюдь не болѣзненны ни въ какомъ отношеніи. Что касается твоего совѣта написать комедію, я не прочь послѣдовать ему, тѣмъ болѣе, что какъ разъ самъ въ послѣднее время подумывалъ объ этомъ. Возможно, что я уѣду на лѣто въ сѣверную Италію, а гдѣ проведемъ затѣмъ зиму,

не знаю; знаю лишь, что не въ Норвегіи. Если бы я вернулся домой теперь, то случилось бы одно изъ двухъ: или я въ какой-нибудь мѣсяцъ нажилъ бы себѣ врага чуть не въ каждомъ землякѣ, или опять, примѣряя на себя всевозможныя хламиды, сталъ бы лгать себѣ самому и всѣмъ.

Дорогой Бьёрнсонъ! Неужели ты опять хочешь вернуться къ театру? Разумѣется, у тебя тамъ дѣло, но у тебя есть дѣло поближе— твое поэтическое творчество. Если бы еще это было сопряжено лишь съ потерей времени, если бы всѣ поэтическія видѣнія, настроенія и образы только отодвигались въ сторону на время — куда бы ни шло. Но это не такъ; появятся другіе, а тѣ умрутъ, не родившись; возня съ театромъ для поэта равняется ежедневно повторяемому изгнанію плода; гражданскіе законы налагаютъ кару за это; не знаю, болѣе ли снисходителенъ Творецъ. Подумай объ этомъ, дорогой Бьёрнсонъ! Талантъ—не право, а долгъ.

Нѣтъ, удирай, carissimo! Это полезно въ двухъ отношеніяхъ: потому что разстояніе между тобой и родиной расширитъ твой кругозоръ, и потому что самъ ты въ то же время исчезнешь съ поля зрѣнія добрыхъ людей. Я увѣренъ, что веймарцы были въ свое время самой неблагодарной публикой для Гёте.

Какъ было бы чудесно, если бы мы встрѣтились здѣсь! Но у меня предчувствіе, что этого не будетъ. Жажду, именно жажду получить и прочесть твою «Рыбачку». Вообще брожу въ одиночку и являюсь весьма необщительнымъ сочленомъ нашего большого скандинавскоримскаго кружка. Попозже, можетъ-быть, пришлю тебѣ для «Norsk Folkeblad» кое-что о своей поѣздкѣ; во всякомъ случаѣ получишь коекакія замѣтки объ Италіи. Спасибо за то, что ты написалъ обо мнѣ; Гегель обѣщалъ мнѣ выслать нумера. Шлю также заранѣе спасибо за біографію.

Насчетъ пожалованія ордена я, по зрѣломъ обсужденіи вопроса, совершенно несогласенъ съ тобой. У насъ на родинѣ монархія, а не республика; я лично не желалъ бы республики. «Сходство съ Браво» и такъ уже налицо: и мы, какъ онъ, получаемъ жалованье отъ государства. И получаемъ мы деньги черезъ соотвѣтствующую государственную власть, завѣдующую финансами; другая государственная власть—король—жалуетъ намъ знаки отличія, выражая этимъ уваженіе къ народному мнѣнію, которое ему извѣстно. Почему же мы должны отвергнуть одну форму признанія за нами такихъ-то заслугъ, разъ мы не отвергли другой? Заглянемъ поглубже въ собственную душу. Или мы намѣрены въ будущемъ стать аскетами? Собираемся просить разъ навсегда избавить насъ отъ всякаго чествованія, отъ всякаго заздравнаго тоста и т. п.? Если же нѣтъ, то какое же значеніе имѣетъ отказъ въ этомъ одномъ случаѣ. Орла Леманъ декламировалъ горячіе протесты противъ орденовъ и чиновъ, но скажи мнѣ откровенно:

знаешь ли ты человѣка тщеславнѣе его? Августъ Бланхе весьма колко отзывался о подобныхъ вещахъ, а между тѣмъ позволяетъ толпѣ украшать и вѣнчать себя на всѣ лады въ «Оперномъ погребкѣ» и въ другихъ мѣстахъ. Я съ своей стороны чувствую, что отказомъ въ данномъ случаѣ прегрѣшу противъ правды и передъ самимъ собой и передъ другими. Будь у меня положительная страсть къ такой мишурѣ, я, разумѣется, поостерегся бы выступать съ сатирами на государственный строй; а теперь—разъ мнѣ все-таки даютъ такое отличіе—нечего артачиться.

Скоро напишу тебѣ длинное письмо; это ни въ какомъ отношеніи не вышло настоящимъ, какое мнѣ хотѣлось написать. Ты говоришь про «друзей» моихъ въ «MorgenBladet»: не безпокойся: никогда они мнѣ не повредятъ. Кто эти пишущіе друзья, мнѣ столь же мало извѣстно, какъ и то, кто пишетъ въ газетахъ на островахъ Южнаго океана. Съ Норвегіей у меня никакой переписки, исключая писемъ черезъ два мѣсяца въ третій къ моему зятю.

А затѣмъ счастливаго новаго года. Напиши, когда можешь, и дай Богъ, чтобы я тогда услыхалъ, что все обстоитъ благополучно; привѣтъ твоей женѣ и мальчуганамъ отъ насъ всѣхъ.

Преданный тебѣ

Генрикъ Ибсенъ.

Гегелю кланяйся. Клеменсу Петерсену и всѣмъ, кто вообще приметъ мой поклонъ, тоже. Датчане здѣсь разсказываютъ, что ты теперь совершаешь настоящее тріумфальное путешествіе. Ты и заслуживаешь этого. Только бы это не отняло у тебя слишкомъ много времени и душевнаго спокойствія, нужныхъ тебѣ для твоей работы.

Твой Г. И.

Римъ, 24 февраля 1868 г.

Дорогой г. Гегель!

...Какъ идетъ «Перъ Гюнтъ»? Въ Швеціи онъ, настолько вижу изъ газетныхъ статей, принятъ очень хорошо, но соотвѣтствуетъ ли пріему сбытъ?

Въ Норвегіи, какъ я слышу, книга надѣлала много шуму; меня это ничуть не волнуетъ; но и тамъ и въ Даніи нашли въ моемъ произведеніи гораздо больше сатиры, чѣмъ я имѣлъ въ виду. Почему это нельзя отнестись къ книгѣ просто, какъ къ поэтическому произведенію? Я вѣдь писалъ ее, какъ таковое. Сатирическія мѣста достаточно изолированы. Но если современные норвежцы, какъ оказывается, узнаютъ въ Перѣ Гюнтѣ самихъ себя, то это ужъ ихъ дѣло.

Сердечно вамъ обязанъ за множество рецензій, которыя вы были

такъ добры прислать мнѣ. Изъ норвежскихъ газетъ получается здѣсь лишь одна «MorgenBladet». Если бы вы при случаѣ прислали мнѣ бьёрнсоновскія статьи, помѣщенныя въ «Norsk Folkeblad», то доставили бы мнѣ большое удовольствіе.

Слѣдующей моей работой явится, вѣроятно, комедія для театра, и надѣюсь, что серьезно возьмусь за нее въ самомъ непродолжительномъ времени.

Меня мучитъ, что я все еще не написалъ г. Г. Брандесу по поводу его статьи въ «Dansk Maanedskrift»; но теперь скоро напишу. Прошу васъ при случаѣ передать ему поклонъ.

...Причитаній «языкорадѣтелей» о томъ, что «Перъ Гюнтъ» полученъ въ Бергенѣ несвоевременно, не стоитъ принимать особенно къ сердцу. Судя по тому, что произошло позже, кажется, эти господа получили его и такъ достаточно своевременно.

Я самъ подумывалъ-было собрать свои разбросанныя въ печати и ненапечатанныя стихотворенія, но здѣсь нельзя заняться этимъ, такъ какъ надо ихъ разыскивать по всевозможнымъ газетамъ, журналамъ и т. п. Но когда-нибудь да я вернусь на Сѣверъ и, вѣрно, заверну въ Христіанію; тогда и возможно будетъ взяться за это. Благодарю васъ за то, что вы подняли этотъ вопросъ.

Съ сердечными, хотя и запоздалыми пожеланіями и привѣтствіями по случаю Новаго года и съ не менѣе сердечной признательностью за истекшій годъ остаюсь

уважающій васъ и преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

P. S. Могу ли, помимо всего прочаго, разсчитывать на ваше доброе расположеніе еще въ одномъ дѣлѣ? Если да, то прошу васъ распорядиться купить на мой счетъ учебники: географіи, всеобщей исторіи, исторіи скандинавскихъ государствъ, естественной исторіи, ариѳметики, а также первоначальныя руководства по Закону Божьему—все примѣнительно къ 8-ми-лѣтнему возрасту ребенка, уже кое-что знающаго. Мой мальчуганъ много читалъ, особенно по всеобщей и священной исторіи, но безъ всякой системы, и такъ продолжать нельзя. Если пересылка этихъ книгъ по почтѣ не обойдется слишкомъ дорого, то я предпочелъ бы, чтобы онѣ были высланы такимъ образомъ; въ противномъ случаѣ, можетъ-быть, подвернется какой-нибудь путешественникъ, у котораго окажется въ чемоданѣ свободное мѣсто. Не прогнѣвайтесь за это порученіе. Для меня это дѣло очень важное.

Вашъ Г. И.

Римъ, 31 марта 1868 г.

Дорогая теща!

Прошу благосклонно принять эти строки, хотя я и плохой корреспондентъ. Когда собираюсь писать, мнѣ всегда кажется, что мнѣ столько надо сказать, а въ письмѣ — никогда ничего не выходитъ. Дай Богъ, чтобы въ устной бесѣдѣ я былъ счастливѣе; временами я и надѣюсь на это, хотя отлично понимаю, что бываю самимъ собой собственно лишь наединѣ со своими мыслями.

Какъ я вообще уживусь гдѣ-нибудь внѣ Италіи и особенно въ Христіаніи, мнѣ почти непонятно. Но, конечно, придется когда-нибудь. Предвижу, однако, необходимость держаться особнякомъ (во всякомъ случаѣ для себя лично), чтобы не нажить себѣ врага чуть не въ каждомъ человѣкѣ. Ужъ чего другого, а этого зангрыванья со шведами мнѣ не переварить. Шведы, въ силу своей культуры, наши духовные враги, и вдругъ воображаютъ слѣпить изъ враждебныхъ элементовъ нѣчто цѣлое путемъ взаимныхъ уступокъ и т. п. Къ счастью для господъ, предающихся этому, пресса наша занимаетъ такое положеніе, что ни одинъ порядочный человѣкъ не можетъ взяться за это орудіе, не надѣвъ предварительно перчатокъ. Да и неудобно полемизировать съ ними. Кто поддержитъ тебя? Никто. Останешься одинъ. Мнѣ часто бываетъ ясно, какъ день, что всѣмъ тамъ на родинѣ, у кого есть умъ и чувство, ничего другого въ сущности и не останется, какъ, подобно подстрѣленному оленю, забиться въ глушь, чтобы умереть одному въ тиши. Лучшее, что можетъ случиться съ нашей страной, это, если ей доведется испытать великое національное несчастье. Народу, который не сможетъ перенести его, не стоитъ и существовать. Я здѣсь въ Италіи былъ свидѣтелемъ жертвъ, которыя невольно заставляютъ меня дѣлать сопоставленія не къ чести для нашей страны.

Поздравляю тебя съ успѣхомъ твоихъ чтеній. Заранѣе зналъ, что дѣло пойдетъ хорошо. Вообще мы ничего не слышимъ съ родины. Норвежскихъ газетъ еще не получалъ въ этомъ году. Тоже характерно! Датскія и шведскія редакціи, въ интересахъ своихъ земляковъ, не только высылаютъ намъ свои газеты даромъ, но еще оплачиваютъ пересылку до границы папской области, а собственникъ норвежскаго «Morgenbladet», лейбъ-медикъ де-Бешъ, пріостановилъ высылку газеты потому, что скандинавскій кружокъ не оплатилъ къ Новому году расходовъ по пересылкѣ за годъ *впередъ*. Испытываешь такое горькое и ѣдкое чувство, когда приходится на чужбинѣ стыдиться своихъ земляковъ!

...Прими сердечные поклоны отъ преданнаго тебѣ

Генрика Ибсена.

P. S. Summa summarum всей этой болтовни: постарайся выбраться! Попутешествуй! Сдѣлай для этого все возможное и невозможное. Невозможнаго въ сущности и нѣтъ для того, кто хочетъ добиться своего во что бы то ни стало.

Г. И.

Гегелю.

I.

Мюнхенъ, 22 сентября 1868 г.

...Сердечное спасибо за ваше послѣднее письмо съ необходимыми свѣдѣніями относительно театральной дирекціи. Когда пріѣду въ Дрезденъ, воспользуюсь вашимъ добрымъ предложеніемъ и пошлю вамъ для дальнѣйшаго препровожденія исправленный экземпляръ «Борьбы за престолъ». Хорошо понимаю, что еще не время думать о новомъ изданіи; первое изданіе было очень велико, и я увѣренъ, что продажею и распространеніемъ этого моего труда я существенно обязанъ вамъ, открывшему мнѣ доступъ въ кругъ датскихъ читателей. Норвегія не въ силахъ одна поддержать какого-нибудь писателя.

Въ Дрезденѣ я напишу свою новую комедію, о которой сообщу позже; надѣюсь, что она будетъ закончена къ Рождеству; но такъ какъ уже поздно будетъ издать и поставить пьесу въ нынѣшнемъ году, то пусть ее полежитъ; я пошлю вамъ копію, и потомъ мы можемъ условиться о дальнѣйшемъ. Я очень доволенъ этой моей новой мирной работой.

Мы прожили здѣсь все время подъ чуднымъ, чисто-итальянскимъ небомъ, наслаждались всѣми истинно-художественными сокровищами Мюнхена и такой ненавистью населенія къ пруссакамъ, которой у насъ дома никто и представить себѣ не можетъ.

Преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

II.

Дрезденъ, 31 октября 1868 г.

...Мой новый трудъ быстро подвигается впередъ. Все лѣто я только обдумывалъ его, но не принимался писать. Теперь планъ совсѣмъ готовъ и написанъ; готово также и все 1-е дѣйствіе, а 2-е будетъ закончено въ недѣлю; все же надѣюсь окончить еще до конца года. Произведеніе это въ прозѣ и всецѣло разсчитано на сцену. Заглавіе: «Союзъ молодежи, или Господь Богъ и К°»; комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Пьеса трактуетъ борьбу и раздоры партій въ современной общественной жизни и, хотя дѣйствіе пріурочено къ Норвегіи, столь же подходитъ

и къ Даніи. Я нахожусь въ счастливомъ и умиротворенномъ настроеніи и пишу соотвѣтственно этому. На этотъ разъ милѣйшему г. Брандесу не будетъ причинъ жаловаться на безцеремонное обращеніе мое съ музами.—Прошу васъ прислать мнѣ экземпляръ «Эстетическихъ этюдовъ» г. Брандеса, поставивъ мнѣ его на счетъ. Еще въ Римѣ я слышалъ, что онъ написалъ статью о комизмѣ; я долженъ признаться, что въ теоріи не вполнѣ усвоилъ себѣ это понятіе, и мнѣ особенно интересно узнать, какъ объясняетъ его Брандесъ.

...Не знаете ли вы какихъ-нибудь датчанъ, которые бы собирались провести зиму въ Дрезденѣ? Я очень соскучился по скандинавамъ; можетъ-быть, тутъ и проживаютъ какіе-нибудь, но я никого не встрѣчаю, и консулъ никого не знаетъ.

Дрезденъ очень симпатичное и дешевое мѣстопребываніе. Мы однако поселились здѣсь на полгода, и это вызвало нѣкоторые экстренные предварительные расходы, почему я и нахожусь теперь въ денежномъ затрудненіи и, пользуясь вашимъ прежнимъ любезнымъ предложеніемъ, прошу васъ оказать мнѣ любезность, выславъ 200 риксдалеровъ. Не испугайтесь только и не думайте, вспомнивъ о полученныхъ мною лѣтомъ кругленькихъ суммахъ, что я сталъ здѣсь въ Германіи мотомъ. Скорѣе выходитъ наоборотъ, такъ какъ мнѣ посчастливилось сберечь за нынѣшній годъ свое норвежское жалованье, и теперь мнѣ не хотѣлось бы трогать этого запаса, находящагося въ христіанійскомъ кредитномъ обществѣ.

За полученный экземпляръ пятаго изданія «Бранда» благодарю и желаю ему быстраго сбыта. Заглавіе моего новаго труда пусть пока останется между нами. Но, разумѣется, ни для кого не тайна, что я работаю надъ пьесой. «Борьбу за престолъ» пока не пошлю дирекціи, чтобы не явиться съ двумя пьесами за разъ.

...Погода сѣрая и ненастная, но весьма подходящая для работы, и мы живемъ отлично во всѣхъ отношеніяхъ. Театръ посѣщаю усердно; это одинъ изъ лучшихъ въ Германіи, хотя — что̀ касается вкуса и художественности — стоитъ куда ниже копенгагенскаго. Но такъ повсюду въ Германіи.

Прошу принять мои сердечные привѣты и извинить за причиняемое вамъ безпокойство.

Преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Дрезденъ, 31 октября 1868 г.

Милостивый государь, г. магистръ Рудольфъ Шмидтъ!

Сообщая о полученіи вашего почтеннаго письма отъ 11-го сего мѣсяца, позволяю себѣ принести вамъ свою искреннюю благодарность за ваше любезное и лестное приглашеніе.

Въ данную минуту однако я не имѣю возможности принять его. Если у меня и остались кое-какія небольшія стихотворенія (съ давняго времени и оставленной позади стадіи развитія), то они не такого рода, чтобы я могъ приписать имъ то достоинство или значеніе, которыя въ моихъ глазахъ вообще могли бы оправдать ихъ опубликованіе, а ужъ тѣмъ меньше въ первыхъ же выпускахъ новаго журнала. Кромѣ того, я оставилъ всѣ подобныя рукописи въ Римѣ, откуда онѣ будутъ мнѣ доставлены только весной. Если я, перечитывая ихъ вновь, составлю себѣ о какомъ-нибудь изъ нихъ лучшее мнѣніе, нежели прежде, то пришлю вамъ, и если вы забракуете, въ претензіи не буду.

Не могу обѣщать вамъ ничего новаго въ этомъ родѣ, такъ какъ всецѣло поглощенъ теперь большой работой—пятиактной комедіей.

Съ глубокимъ почтеніемъ

Генрикъ Ибсенъ.

Дрезденъ, 26 января 1869 г.

Милостивый государь, г. магистръ Рудольфъ Шмидтъ.

Въ отвѣтъ на ваше почтенное письмо отъ 16-го долженъ сообщить, что не желаю именоваться въ числѣ будущихъ сотрудниковъ задуманнаго журнала, такъ какъ не вижу для себя возможности воспользоваться вашимъ лестнымъ приглашеніемъ.

Причина такого моего рѣшенія та, что я не нахожу удобнымъ сотрудничество съ людьми, которые—я знаю по опыту—при первомъ же удобномъ случаѣ используютъ свои печатные органы и перья для нападокъ на меня. Изъ одной копенгагенской корреспонденціи въ «MorgenBladet» я узналъ, что г. Бьёрнсонъ состоитъ офиціальнымъ соиздателемъ «For Ide og Virkelighed», и уже одного этого обстоятельства было бы для меня достаточно, не будь даже у меня другихъ мотивовъ для отказа.

Я вполнѣ увѣренъ, что вы согласитесь со мною, если я скажу, что первымъ условіемъ всякихъ отношеній должна быть ясность, а потому, надѣюсь, вы не будете въ претензіи на меня за мой отказъ.

Съ глубокимъ почтеніемъ

Генрикъ Ибсенъ.

Гегелю.

I.

Дрезденъ, 20 февраля 1869 г.

Пишу вамъ нѣсколько строкъ въ отвѣтъ на два вашихъ послѣднихъ письма отъ 22 января и 2 февраля. Не считаю совсѣмъ невоз-

можнымъ, что лѣтомъ понаду въ Копенгагенъ, но лишь на короткое время, съ тѣмъ, чтобы опять вернуться сюда. За «Dagbladet» я вамъ безконечно обязанъ. Въ «Morgenbladet» цѣтъ ничего интереснаго: однѣ дрязги и мелочи, да глупости въ придачу.

Очень благодаренъ за присланный экземпляръ «Solen i Siljedalen». Произведеніе это имѣетъ свои хорошія стороны, но, мнѣ кажется, композиція страдаетъ неясностью, и языкъ ужасно плохъ; такого варварскаго обращенія съ языкомъ я еще не видалъ въ печати, даже въ «ужасныхъ пожарныхъ исторіяхъ» покойнаго Рейзера. Если вы хотите спасти авторшу въ литературномъ смыслѣ, то посовѣтуйте ей прекратить писать разсказы изъ народнаго быта. Мы съ Бьёрнсономъ можемъ пользоваться словами и оборотами изъ народнаго быта, потому что мы знаемъ, какіе изъ нихъ имѣютъ права гражданства, въ качествѣ сохранившихся отъ древняго сѣвернаго языка, и какіе нѣтъ, такъ какъ представляютъ собою искаженія и грубыя наслоенія современнаго просторѣчія, а этого-то и не отличаетъ фру Торесенъ, и оттого ея языкъ представляетъ какую-то смѣсь, которая никогда не была и никогда не будетъ норвежскимъ языкомъ. Я самъ писалъ ей по этому поводу и такъ же откровенно, какъ теперь вамъ, но до сихъ поръ не получилъ отвѣта.

О постановкѣ моего новаго драматическаго произведенія въ нынѣшнемъ сезонѣ нечего и думать. Оно почти закончено; затѣмъ останется переписать его набѣло, и я надѣюсь, что мнѣ удастся высылать вамъ по одному дѣйствію въ недѣлю. Полагаю, что вы останетесь довольны этимъ мирнымъ произведеніемъ, которое одинаково подходитъ и къ датскимъ и шведскимъ условіямъ, какъ къ норвежскимъ. Если пьеса будетъ сдана театральнымъ дирекціямъ въ маѣ, она можетъ быть поставлена въ сентябрѣ, а въ продажу поступитъ въ октябрѣ. Составитъ она около 200 печатныхъ страницъ.

...Отъ г. Рудольфа Шмидта я получилъ два-три странныхъ письма. Онъ продолжаетъ настаивать на моемъ сотрудничествѣ и въ то же время докладываетъ мнѣ, что его журналу «не приходится заискивать ни у кого»; пишетъ, что журналъ этотъ «соберетъ всѣ сколько-нибудь выдающіяся литературныя силы Сѣвера», и заявляетъ, что «будетъ считать меня человѣкомъ, измѣняющимъ своему долгу», если я откажусь сотрудничать у него. Удивительныя рѣчи!

Уважающій васъ и преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

II.

Дрезденъ, 14 марта 1869 г.

При семъ имѣю удовольствіе послать вамъ первую четверть рукописи; будете получать по такой посылкѣ каждую недѣлю, такъ что въ теченіе трехъ недѣль получите все. Печатать же можете начинать

хоть сейчасъ. Я полагаюсь на вашихъ корректоровъ и на свою рукопись, въ которой, кажется, нѣтъ никакихъ описокъ. Словомъ, ничего не имѣю противъ того, чтобы печатаніе началось немедленно, такъ какъ я уже ничего не буду измѣнять или исправлять.

...Одинъ нѣмецъ, г. Зибольдъ, пишетъ мнѣ, что перевелъ «Бранда» и хлопочетъ объ изданіи его. Знаете вы его? Долженъ признаться, что питаю нѣкоторое недовѣріе къ предпріятію. Вообще же я имѣю въ виду попытаться распространить здѣсь мои произведенія и думаю, что Лейпцигъ самое подходящее мѣсто. Къ кому только мнѣ обратиться тамъ? Дѣло, впрочемъ, не къ спѣху.

Изъ газетъ я вижу, къ своему удивленію, что мои земляки затѣваютъ лѣтомъ съѣздъ студентовъ. Я думалъ-было, что эти молодцы достаточно налгались про скандинавизмъ. Неужели такое приглашеніе въ самомъ дѣлѣ будетъ принято датчанами?

Сердечный привѣтъ отъ неизмѣнно преданнаго

и обязаннаго вамъ

Генрика Ибсена.

Лоренцу Дитрихсону.

Дрезденъ, 26 мая 1869 г.

Ну, carissimo!

Надѣюсь, что ты, невзирая на профессорство и прочія отличія, разрѣшишь мнѣ это старое итальянское обращеніе.

Итакъ, ты теперь профессоръ. Дорогой другъ, прими мои сердечныя поздравленія! Я предполагаю, конечно, что это не только почетный титулъ, но и настоящее назначеніе, связанное съ приличнымъ вознагражденіемъ. Кромѣ того, ты состоишь консерваторомъ Національнаго музея и слѣдовательно, вѣроятно, на долгое время поселился въ Стокгольмѣ. Сообщи мнѣ поподробнѣе обо всемъ.

Не отвѣтилъ я сразу на твое дружеское письмо по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что все раздумывалъ насчетъ «Борьбы за престолъ», а во-вторыхъ, потому, что я вообще невозможный человѣкъ по части корреспонденціи.

...Сегодня же я пишу тебѣ не только по долгу и совѣсти, но и потому, что имѣю до тебя особое дѣло. А именно хочу попытаться учесть у тебя вексель дружбы.

Дѣло вотъ какое: одинъ нѣмецкій литераторъ, П.-Ф. Зибольдъ изъ Касселя, перевелъ «Бранда» и хочетъ издать книгу осенью въ Лейпцигѣ. Но онъ, или его издатель, или оба вмѣстѣ, полагаютъ, что для этого надо подготовить публику, и потому собираются въ возможно скоромъ времени помѣстить въ нѣмецкой газетѣ, вѣроятно, въ «Illustr.

Zeitung», мой портретъ съ краткой біографіей, которая бы дала понятіе о занимаемомъ мною въ скандинавской литературѣ положеніи, о моей личной жизни и т. п. За свѣдѣніями обратились ко мнѣ, но я не нахожу удобнымъ для себя дать ихъ, а самъ г. Зибольдъ, разумѣется, недостаточно знакомъ съ предметомъ. Ты поймешь, что дѣло это представляетъ для меня особый интересъ; вотъ почему я и прибѣгаю къ тебѣ, какъ старому другу. Дорогой мой, составь что-нибудь такое подходящее для нѣмцевъ; составь настолько доброжелательно, насколько позволитъ тебѣ совѣсть; не надо никакого повѣствованія о терніяхъ писательской доли — этими вещами никто больше не интересуется; сообщи лучше, что правительство и стортингъ назначили мнѣ жалованье, что я путешествую, пребываю «in dem grossen Vaterlande» и т. п.

Не хватилъ ли я черезъ край своей просьбой? Или ты поможешь мнѣ? Если да, то напиши поскорѣе и пошли мнѣ или «г. П.-Ф. Зибольду въ Кассель»,—болѣе подробнаго адреса не нужно. Онъ же переведетъ это на нѣмецкій языкъ. Я не знаю никого, къ кому бы вѣрнѣе было обратиться съ этимъ дѣломъ, потому и докучаю тебѣ. Во всякомъ случаѣ отвѣть мнѣ. Съ 8 іюня адресъ мой: «Königsbruckerstrasse 33».

О путешествіи моемъ съ момента нашей разлуки было бы слишкомъ долго писать; я живу теперь пріятною, свободною отъ заботъ жизнью и намѣреваюсь осенью взяться за «Юліана».

...Когда же однако выйдетъ слѣдующій томъ твоей «Исторіи норвежской литературы»? За вышедшій уже томъ не могу въ достаточной мѣрѣ отблагодарить тебя; онъ доставилъ намъ большое удовольствіе, и могу сказать, что это единственная книга, которую я послѣ комедій Гольберга никогда не соскучусь читать; жена моя знаетъ ее чуть не наизусть. Да, этой книгой ты можешь поистинѣ гордиться!

Ну, и кончу на этотъ разъ, дорогой другъ! Я знаю, что ты поможешь мнѣ въ изложенномъ дѣлѣ, если только можешь. Отъ души желаю тебѣ всего хорошаго и шлю привѣтъ нашимъ общимъ друзьямъ.

Преданный тебѣ

Генрикъ Ибсенъ.

Гегелю.

I.

Дрезденъ, 10 іюня 1869 г.

...Вышлю вамъ своевременно письма для трехъ театральныхъ дирекцій. Если пьеса будетъ принята для постановки въ Копенгагенѣ, то, разумѣется, не стоитъ откладывать выхода книги до представленія. Книга должна, конечно, выйти въ свѣтъ осенью, а къ тому, что гонораръ отъ театра будетъ вслѣдствіе этого понижень, я уже готовъ.

Нельзя ли при этомъ попросить васъ передать г. Шарлингу, что въ настоящее время у меня нѣтъ ничего такого, что могло бы пригодиться для «Dansk Tidsskrift». Если же окажется что-нибудь подходящее, то съ удовольствіемъ пришлю ему.

Отъ норвежскаго комитета студенческаго съѣзда получилъ предложеніе написать привѣтственную пѣснь, но отклонилъ это предложеніе.

Теперь наконецъ мнѣ удастся взяться за большой и недавно задуманный трудъ: «Кесарь Юліанъ». Теперь я чувствую, что сюжетъ достаточно вызрѣлъ и выяснился мнѣ самому, такъ что стоитъ мнѣ только начать, и работа пойдетъ на всѣхъ парусахъ. Осмѣливаюсь по этому поводу просить васъ оказать мнѣ большую услугу. Весною въ 1866 г. въ «Fädrelandet» была помѣщена превосходная статья Листова, сжатый обзоръ жизни Юліана. Если возможно какъ-нибудь добыть ее для меня, я былъ бы вамъ чрезвычайно благодаренъ.

Еще одно. Вижу, что г. Брандесъ получилъ стипендію для поѣздки за границу. Не знаете ли случайно—куда онъ ѣдетъ? Мнѣ бы очень хотѣлось повидаться съ нимъ, и, если онъ завернетъ въ Германію, я бы охотно, ради него, свернулъ когда-нибудь въ сторону.

И наконецъ послѣдняя просьба. Не будете ли добры снабдить меня еще 100 риксдал. (датскихъ) въ видѣ векселя или прусской монетой? Переѣздъ повлекъ за собой немало экстренныхъ расходовъ; не то я не сталъ бы безпокоить васъ.

Неизмѣнно преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

II.

Дрезденъ, 16 іюня 1869 г.

Посылаю вамъ вложеннымъ въ это письмо мое посланіе на имя дирекціи Христіанійскаго театра. Стокгольмской театральной дирекціи я не пишу самъ, такъ какъ уполномочилъ дѣйствовать за меня г. Дитрихсона. Прошу поэтому предназначенный для Стокгольма экземпляръ доставить ему. Объ остальномъ я самъ позабочусь.

Какъ вижу, дѣла бьёрнсоновской газеты «Folkeblad» приняли печальный оборотъ; но я не могу отдѣлаться отъ мысли, что въ сущности для Бьёрнсона самое лучшее всецѣло посвятить себя поэтическому творчеству. Статья въ «Morgenbladet», какъ вы, вѣрно, замѣтили, очень зла и дышитъ ненавистью, но и Бьёрнсонъ тутъ не безъ вины.

Тещѣ моей отказано стортингомъ въ прибавкѣ пенсіи. Надѣюсь теперь, что она опять уѣдетъ въ Копенгагенъ; это во всѣхъ отношеніяхъ будетъ вѣрнѣе всего. Ей бы и не слѣдовало возвращаться въ Христіанію; тамъ не житье писателю, если только онъ не умѣетъ холодно отстранять отъ себя всѣ партіи и держаться своей собственной точки зрѣнія; а она этого не дѣлаетъ. Я лично радъ и счастливъ, что могу держаться въ сторонѣ отъ всего этого водоворота безобразныхъ интригъ,

которыя тамъ процвѣтаютъ и которыя неразлучны съ мелкими и мелочными общественными условіями.

Всего хорошаго, и примите самый сердечный привѣтъ отъ уважающаго васъ и преданнаго вамъ

Генрика Ибсена.

Лоренцу Дитрихсону.

Дрезденъ, 19 іюня 1869 г.

Carissimo!

Сердечное спасибо за твое дружеское письмо, а также заранѣе—за весь твой трудъ біографа.

Прилагаю при семъ требуемое изображеніе моей рожи. Не знаю—узнаешь ли ты меня въ безбородомъ видѣ, но здѣсь утверждаютъ, и я самъ такъ думаю, что портретъ удаченъ.

Вѣроятно, ты уже получилъ теперь экземпляръ «Союза молодежи», который я предоставляю въ твое полное распоряженіе и всячески рекомендую твоимъ заботамъ.

На гонораръ я, конечно, не могу разсчитывать; къ этому я приготовленъ, да, къ счастью, это для меня и не главное.

Какъ видишь, пьеса эта—нехитрая комедія и ничего больше. Въ Норвегіи, пожалуй, скажутъ, что я мѣтилъ на извѣстныя положенія и вывелъ извѣстныхъ лицъ. Это однако невѣрно, хотя, конечно, у меня были модели, которыми я пользовался; но это такъ же необходимо для драматурга, какъ для художника и скульптора.

Мнѣ кажется, что пьеса должна подойти и для Швеціи, то-есть къ шведской дѣйствительности; насколько же она подходитъ къ шведской сценѣ—тебѣ рѣшать. Во всякомъ случаѣ сыграть ее легко, особой обстановки не требуется; расходы ограничатся гонораромъ переводчику—и поэтому, дорогой старый другъ, возьмись за дѣло изъ всѣхъ силъ и добейся постановки пьесы.

Если это удастся, то я, пожалуй, пріѣду въ Стокгольмъ, но объ этомъ еще успѣемъ поговорить. Отзовись теперь такъ скоро, какъ только можешь. Сообщи свое мнѣніе о пьесѣ. Въ продажѣ она появится не раньше осени.

Сердечный привѣтъ отъ всѣхъ насъ всѣмъ вамъ. И всего хорошаго пока; когда столько нужно сообщить другъ другу, какъ намъ съ тобой,—приходится отложить попеченіе о длинныхъ письмахъ и приберечь все до встрѣчи!

Твой преданный другъ

Генрикъ Ибсенъ.

Георгу Брандесу.

I.

Дрезденъ, 26 іюня 1869 г.

Для меня было большимъ облегченіемъ получить ваши дружескія строки, такъ какъ я съ полнымъ основаніемъ опасался, что вы сочтете меня очень неблагодарнымъ, разъ у меня не нашлось ни словечка для васъ послѣ того, какъ вы освѣтили мою дѣятельность такъ, какъ еще никто до васъ. Неблагодарнымъ однако меня считать нельзя. Главное вѣдь не безусловныя похвалы, но вѣрное пониманіе.

Не писалъ же я вамъ потому, что отвѣтъ мой въ умѣ у меня вырось въ цѣлый этюдъ объ эстетикѣ, и разъ я нашелъ, что его слѣдуетъ начать съ вопроса: «что такое поэзія?»—то вы согласитесь, что письмо угрожало стать слишкомъ ужъ длиннымъ, и что самую тему удобнѣе всего трактовать при личной встрѣчѣ.

«Бранда» не такъ поняли; во всякомъ случаѣ—несогласно съ моими намѣреніями (вы, конечно, можете отвѣтить на это, что критикѣ нѣтъ дѣла до намѣреній). Коренной причиной ошибочныхъ толкованій, видимо, является то, что Брандъ — священникъ, и что проблема поставлена религіозная. Но оба эти обстоятельства совершенно несущественны. Я сумѣлъ бы построить такой же силлогизмъ, взявъ скульптора или политическаго дѣятеля, какъ и священника. Я могъ излить свое душевное настроеніе, заставившее меня творить, и въ сюжетѣ, героемъ котораго явился бы вмѣсто Бранда, напримѣръ, Галилей (съ тою лишь разницею, что онъ, конечно, не сдался бы, не призналъ, что земля недвижна). Да, кто знаетъ, родись я сотней лѣтъ позже, я бы, пожалуй, могъ взять героемъ васъ съ вашей борьбой противъ «философіи компромиссовъ» Расмуса Нильсена. Въ общемъ въ «Брандѣ» больше замаскированной субъективности, нежели до сихъ поръ подмѣчено, чѣмъ я и горжусь въ качествѣ поэта.

Въ новой моей комедіи вы найдете простую будничную жизнь; никакихъ сильныхъ душевныхъ волненій, глубокихъ чувствъ и прежде всего никакихъ «одинокихъ» мыслей.

Ваши справедливые упреки по поводу неразработанныхъ субъективныхъ репликъ, выдающихъ самого автора въ «Борьбѣ за престолъ», оказали свое дѣйствіе. Ваша статья—и въ этомъ прошу видѣть выраженіе высшей моей благодарности—была для меня тѣмъ же, чѣмъ хроника Монса Вингора для Якова фонъ-Тюбо. Я прочелъ ее 16 да еще 16 разъ и надѣюсь извлечь изъ нея пользу «еще для немалаго числа походовъ».

Теперь мнѣ весьма интересно узнать—что вы скажете о новой моей работѣ. Она въ прозѣ и, вслѣдствіе этого, носитъ сильно реалистическій отпечатокъ. Форму я тщательно обработалъ и, между прочимъ

совершилъ кунштюкъ, обойдясь безъ единаго монолога и даже безъ единой реплики «въ сторону». Но, конечно, все это ровно ничего не доказываетъ, и потому настоятельно прошу васъ: если у васъ выдастся свободный часъ, окажите мнѣ любезность—прочтите пьесу и сообщите ваше мнѣніе; каково бы ни было ваше сужденіе, вы окажете мнѣ, оторванному здѣсь отъ людей, благодѣяніе, если выскажетесь. Въ продажу книга поступитъ не раньше осени, а до этого долго ждать.

Прошу васъ передать мой поклонъ нашимъ общимъ друзьямъ: Іонасу Коллину и Юліусу Ланге. Послѣдній врядъ ли составилъ себѣ обо мнѣ благопріятное мнѣніе по нашему знакомству въ Римѣ; но я былъ тогда въ разъяренномъ состояніи и имѣлъ на то немало причинъ.

Очень жалѣю за себя лично, что мы, вѣроятно, не встрѣтимся во время предстоящей вамъ поѣздки. За васъ же искренно радъ, что вы отправляетесь на югъ; побывать тамъ впервые—невыразимое наслажденіе.

И затѣмъ—сердечное спасибо за ваше письмо и за многое другое.

Преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

P. S. Гольдшмидта вы вѣдь знаете лично, и если онъ теперь въ Копенгагенѣ, то передайте, пожалуйста, и ему сердечный поклонъ отъ меня.

Дрезденъ, 15 іюля 1869 г.

Меня не удивило то, что вы сообщили мнѣ о Бьёрнсонѣ; для него существуютъ лишь два рода людей: тѣ, изъ которыхъ онъ можетъ извлечь пользу, и тѣ, которые могутъ быть ему въ тягость. И, кромѣ того, какимъ бы тонкимъ психологомъ онъ ни былъ по отношенію къ созданнымъ имъ самимъ образамъ, онъ плохо соображаетъ, когда дѣло идетъ о живыхъ людяхъ.

Начинаю подозрѣвать, что, пожалуй, мнѣ не слѣдовало затруднять васъ прочтеніемъ моей новой комедіи. При болѣе зрѣломъ обсужденіи мнѣ сдается, что васъ интересуютъ въ творчествѣ собственно трагедіи и комедіи, разыгрывающіяся въ собственной душѣ человѣка, а до конфликтовъ дѣйствительной жизни, политическихъ и прочихъ, вамъ мало дѣла. Въ такомъ случаѣ вы можете сказать насчетъ моей пьесы: что мнѣ Гекуба? Если однако я на этотъ разъ не хотѣлъ дать ничего большаго, нежели содержится въ пьесѣ, то и слѣдуетъ судить о ней именно съ этой точки зрѣнія. Кромѣ того, вы сами тутъ не безъ грѣха, такъ какъ нѣкоторымъ образомъ натолкнули меня на такой трудъ однимъ изъ замѣчаній въ вашихъ эстетическихъ этюдахъ. Подробнѣе объ этомъ устно.

Вы не такъ поняли меня, если думаете, что я считаю сильныя душевныя волненія и глубокія страсти не въ вашемъ вкусѣ; я только хотѣлъ предупредить васъ, чтобы вы не ожидали найти въ пьесѣ ничего такого.

Что касается извѣстныхъ мѣстъ въ «Перъ Гюнтѣ», то я не могу согласиться съ вами; разумѣется, я преклоняюсь передъ законами прекраснаго, но я знать не хочу общепринятыхъ правилъ въ этомъ смыслѣ. Вы говорите о Микель-Анджело; по-моему, никто такъ не грѣшилъ противъ упомянутыхъ правилъ, какъ именно онъ, и тѣмъ не менѣе все, что онъ создалъ, прекрасно, такъ какъ оно характерно. Искусство Рафаэля никогда въ сущности не трогало меня; его образы принадлежатъ эпохѣ *до* грѣхопаденія, и вообще у южанъ иная эстетика, нежели у насъ. Южанинъ требуетъ красоты формы, а для насъ даже безобразное по формѣ можетъ быть прекраснымъ, если оно сильно и правдиво. Но объ этомъ безполезно спорить въ письмахъ, надо побесѣдовать лично. Высказаннаго мною по поводу «Бранда» держусь крѣпко. И не станете же вы ставить мнѣ въ упрекъ того, что піэтизму есть за что тамъ ухватиться? Этакъ вы могли бы упрекнуть и Лютера за то, что онъ развелъ филистерство; это вѣдь не входило въ его намѣренія, и онъ тутъ не при чемъ.

Во всякомъ случаѣ спасибо за ваше письмо и вѣчное спасибо за то, что отнеслись ко мнѣ по-дружески; такъ отрадно встрѣтить цѣльную личность!

Во вторникъ ѣду въ Стокгольмъ, а весною возвращаюсь назадъ къ своей семьѣ и, вѣроятно, проѣду черезъ Копенгагенъ, чтобы побесѣдовать съ вами не только о литературныхъ матеріяхъ, относительно которыхъ мы не сходимся, но и о многомъ, чисто-человѣческомъ; въ этой области, я думаю, мы стоимъ другъ къ другу значительно ближе.

Преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

При случаѣ передайте сердечный привѣтъ г. Гегелю.

Стокгольмъ, 26 сентября 1869 г.

Дорогая Гедвигъ!

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ съ полученія твоего сердечнаго письма, а я отвѣчаю только теперь. Но между нами, между мной и родиной, стоитъ такъ много такого, что мѣшаетъ обоюдному пониманію. Поймн это и повѣрь, что я молчалъ всѣ эти долгіе годы и теперь все лѣто не по равнодушію. Я не умѣю писать писемъ, мнѣ нужна личная близость, нужно отдавать себя всецѣло. Ты, напротивъ, умѣешь писать, такъ пиши же, пиши почаще. Я буду отзываться—во всякомъ случаѣ сердечнымъ привѣтомъ, вѣсточкой черезъ другихъ, и, какъ надѣюсь, вѣсти эти не будутъ печалить тебя.

Я все чаще и глубже заглядываю себѣ въ душу; тамъ мое поле битвы, гдѣ я то одерживаю побѣду, то терплю пораженіе. Но обо всемъ этомъ нельзя написать въ письмѣ. Брось всякія попытки обратить меня въ истинную вѣру. Я хочу быть правдивымъ, а затѣмъ—остальное все приложится.

Такъ наша старая мать умерла. Спаснбо, что ты такъ любовно выполнила подлѣ нея долгъ за всѣхъ насъ. Ты поистинѣ лучшая изъ насъ.

Я много скитаюсь по свѣту. Быть-можетъ, будущимъ лѣтомъ попаду въ Норвегію, и тогда хочу взглянуть на старый родной домъ, къ которому все еще прикрѣпленъ многими корнями. Сердечно кланяйся отъ меня отцу; объясни ему насчетъ меня то, что тебѣ такъ понятно; ему это, вѣрно, не такъ доступно.

Я здѣсь, въ Стокгольмѣ, съ середины іюля; теперь ѣду черезъ Дрезденъ и Парижъ въ Египетъ, куда я, какъ тебѣ, можетъ-быть, извѣстно изъ газетъ, приглашенъ вице-королемъ. Въ серединѣ декабря полагаю опять вернуться въ Дрезденъ, гдѣ живутъ моя жена съ мальчуганомъ, который учится тамъ; у меня только онъ одинъ и есть.

Прилагаю мою карточку; если у тебя есть твоя карточка и карточки всѣхъ твоихъ, пришли намъ. Очень бы хотѣлъ, чтобы ты познакомилась съ моей женой; она какъ разъ создана для меня и проситъ кланяться тебѣ. Нашъ дрезденскій адресъ: Königsbrücker Strasse № 33.

Письмо вышло короткимъ, и я, пожалуй, пропустилъ то, о чемъ тебѣ особенно хотѣлось узнать отъ меня. Но пока — иначе нельзя; не подумай только, что мнѣ недостаетъ той сердечной теплоты, которая нужна прежде всего для истинной и живой духовной жизни.

.....

Гегелю.

I.

Дрезденъ, 14 декабря 1869 г.

...Наконецъ-то я вернулся изъ своего двухмѣсячнаго путешествія по Египту и спѣшу поблагодарить васъ за ваше любезное письмо къ женѣ моей, а также за присланныя газетныя статьи, число которыхъ пополнилось доставленными мнѣ изъ Норвегіи. Пріемъ, который выпалъ на долю «Союза молодежи», очень меня радуетъ; къ нападкамъ я приготовился, и меня сильно удивило бы, если бы ихъ не было. Но чего я не ожидалъ, такъ это того, что Бьёрнсонъ почувствуетъ себя задѣтымъ пьесой. Говорятъ, что такъ, но неужели это правда? Долженъ же онъ былъ все-таки понять, что не онъ, а его пагубный, изолгавшійся партійный кружокъ доставилъ мнѣ модели. Впрочемъ, я напишу ему сегодня или завтра и надѣюсь, что мы, невзирая на всѣ наши разногласія вообще, покончимъ дѣло миромъ. Никакъ не ожидалъ, чтобы пьеса уже вышла вторымъ изданіемъ. Теперь мнѣ

крайне интересно узнать, какое впечатлѣніе произведетъ пьеса на сценѣ копенгагенскаго театра.

...Накопилъ богатый матеріалъ дорожныхъ впечатлѣній, такъ какъ все время аккуратно велъ дневникъ. Обѣщаю вамъ навѣрно прислать кое-что для «Dansk Tidsskrift», какъ только исполню свое болѣе раннее обѣщаніе «MorgenBladet».

Прошу васъ кланяться отъ меня г. Брандесу. Потомъ напишу ему. И въ его похвалахъ и въ его порицаніи есть что-то дѣйствующее на меня необычайно хорошо; я вижу, что меня понимаютъ.

Я задумалъ серьезную драму изъ современной жизни въ трехъ дѣйствіяхъ и, вѣроятно, примусь за нее въ ближайшемъ будущемъ.

Поѣздка моя была какъ нельзя болѣе пріятной. Побывалъ въ самой Нубіи, потомъ на Красномъ морѣ, пережилъ массу приключеній и познакомился со множествомъ интересныхъ людей. Но лучше всего все-таки очутиться дома и переживать все въ воспоминаніяхъ. Изъ Датчанъ я встрѣтилъ П. Гансена и Роберта Уатта. Мы вмѣстѣ сидѣли въ палаткѣ среди пустыни и читали датскія газеты.

Неизмѣнно преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

II.

Дрезденъ, 25 января 1870 г.

...Г. Рудольфъ Шмидтъ опять писалъ мнѣ. На этотъ разъ онъ, опираясь на слухи, что я хотѣлъ изобразить въ Стенгегорѣ Бьёрнсона, требовалъ отъ меня соотвѣтствующаго опроверженія въ газетахъ. Я однако отвѣтилъ ему такъ, что, надѣюсь, онъ впредь избавитъ меня отъ всякихъ письменныхъ сношеній.

Мнѣ было въ высшей степени пріятно узнать, что право изданія «Борьбы за престолъ» перешло къ вамъ. Но надобно пересмотрѣть и исправить этотъ трудъ, и если вы при случаѣ пришлете мнѣ экземпляръ, я скоро сдѣлаю всѣ необходимыя поправки.

Я самъ послѣднее время носился съ мыслью объ изданіи моихъ стихотвореній. Многіе изъ моихъ норвежскихъ друзей также побуждали меня къ этому, особенно Лёкке, который недавно еще предлагалъ собрать для меня всѣ напечатанныя въ разныхъ газетахъ и журналахъ. Я принялъ его предложеніе и сообщилъ ему, что пріѣду лѣтомъ въ Христіанію, чтобы закончить работу; надо также достать кое-что еще не напечатанное и написать предисловіе. Разумѣется, я проѣду черезъ Копенгагенъ, и тогда поговоримъ съ вами объ этомъ подробнѣе. Особенно желательно мнѣ знать ваше мнѣніе (также и по поводу «Борьбы за престолъ») о правилахъ правописанія, принятыхъ нынѣшнимъ лѣтомъ на съѣздѣ филологовъ въ Стокгольмѣ. Надо также уговориться насчетъ времени выпуска въ свѣтъ сборника стихотвореній. Вѣдь если весною выйдетъ «Борьба за престолъ», а въ октябрѣ,

какъ я надѣюсь, мой новый трудъ, то издать въ томъ же году еще сборникъ стихотвореній — не будетъ ли это слишкомъ много? Одна книга, пожалуй, будетъ мѣшать сбыту другой. Впрочемъ, все это я предоставляю рѣшать вамъ по вашему усмотрѣнію, да и времени у насъ еще довольно.

Очень вамъ обязанъ за присланный въ письмѣ отъ 21-го января годовой расчетъ. Теперь я занятъ приведеніемъ въ порядокъ путевыхъ замѣтокъ о Египтѣ, а затѣмъ примусь за свою драму.

Я такъ радъ, что нахожусь далеко отъ всѣхъ этихъ дрязгъ въ Норвегіи; если я и лишился тамъ на время нѣсколькихъ друзей, то пріобрѣлъ зато много другихъ. Спасибо и привѣтъ!

Уважающій васъ и преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Дрезденъ, 6 марта 1870 г.

Дорогой г. Брандесъ!

Причина того, что я только сегодня отвѣчаю на ваше дружеское письмо, которое, впрочемъ, задержалось дорогой — вѣроятно, изъ-за ледохода въ Бельтѣ,—та, что нѣсколько дней никакъ не могъ рѣшить вопроса: не слѣдуетъ ли мнѣ немедленно ѣхать въ Копенгагенъ.

По тщательномъ обсужденіи дѣла я однако рѣшилъ, что нѣтъ, такъ какъ мнѣ все равно придется побывать тамъ лѣтомъ. Полагаю кромѣ того, что приготовленія къ поѣздкѣ настолько васъ занимаютъ, что вамъ ни до чего другого.

Въ настоящее время не имѣю случая просматривать датскія газеты. Но вы, конечно, получили степень доктора? Примите мои сердечныя поздравленія.

Вы говорите, что у васъ нѣтъ друзей на родинѣ. Я давно такъ думалъ. Кто, какъ вы, искренно относится къ дѣлу своей жизни, тотъ не можетъ претендовать на сохраненіе «друзей». Но, на мой взглядъ, въ сущности это хорошо для васъ, что вы уѣзжаете, не оставляя дома друзей.

Друзья — слишкомъ дорогая роскошь, и тому, кто весь свой капиталъ вкладываетъ въ свое призваніе, въ свою жизненную миссію, тому не по карману обзаводиться друзьями. Слишкомъ дорого обходятся друзья не въ силу того, что̀ дѣлаешь для нихъ, а въ силу того, что̀ изъ-за нихъ отказываешься сдѣлать. Благодаря этому заглушаешь, калѣчишь въ себѣ немало духовныхъ ростковъ. Я самъ испытывалъ это на себѣ и насчитываю въ прошломъ немало годовъ, въ теченіе которыхъ мнѣ все не удавалось обрѣсти себя самого.

Этимъ я и кончу на этотъ разъ. Я часто думаю о васъ и создалъ себѣ вашъ образъ и въ настоящемъ и въ будущемъ. Я, правда, мало знаю васъ лично, но вы близки моему духовному «я», солидарны съ

тѣмъ, что составляетъ мое духовное достояніе, чѣмъ я живу и что является предметомъ моего творчества.

Я далеко еще не исчерпалъ всего того, что имѣлъ сказать вамъ; но пусть это останется до другого раза. — Спасибо за вашу рецензію о «Союзѣ молодежи» и спасибо за ваше письмо.

Желаю вамъ вполнѣ насладиться всѣмъ тѣмъ прекраснымъ, что предстоитъ вамъ увидѣть. Напишите мнѣ хоть разокъ оттуда — изъ страны солнца!

Дорогой другъ, вѣрьте мнѣ, я далекъ отъ того, чтобы требовать того единомыслія, которое вообще считается необходимымъ для поддержанія отношеній.

Преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Гегелю.

I.

Дрезденъ, 11 апрѣля 1870 г.

...Надѣюсь, что просмотрѣнный мною экземпляръ «Борьбы за престолъ» уже полученъ вами: я отослалъ его въ субботу. Исправленій немного; да и, по правдѣ сказать, діалогъ оказался такъ прочно построеннымъ и реплики настолько послѣдовательно вытекаютъ одна за другой, что я не нашелъ возможнымъ еще сжать ихъ или вообще исправить.

...Моя новая драма еще мало подвинулась впередъ; пока готовъ лишь набросокъ; просмотръ моихъ дорожныхъ замѣтокъ отложенъ поэтому въ дальній ящикъ.

Я намѣренъ представить «Борьбу за престолъ» въ датскій королевскій театръ, какъ только пьеса выйдетъ новымъ изданіемъ. Если ее примутъ, какъ я надѣюсь, то могутъ поставить въ началѣ будущаго сезона, что поможетъ распространенію книги.

Прошу извиненія, что заставилъ такъ долго ждать отвѣта, и позвольте задать вамъ вопросъ: поставлена ли на сценѣ королевскаго театра «Блестящая партія»? Это пьеса моей тещи, которая скрылась подъ псевдонимомъ, но вы, конечно, посвящены въ тайну. Теперь она поспѣтся съ мыслью покинуть Христіанію, и хорошо сдѣлаетъ, если рѣшится на это. О Бьёрнсонѣ не имѣю вѣстей. Вѣроятно, онъ теперь сильно занятъ предстоящимъ ему походомъ на Исландію. Мнѣ въ сущности очень жаль, что между нами дошло до разрыва; надѣюсь однако, что это ненадолго. Если бы я зналъ, что вы не имѣете ничего противъ этого или не сочтете этого нецѣлесообразнымъ по какимъ-либо мнѣ неизвѣстнымъ причинамъ, я бы не прочь былъ посвятить ему — быть-можетъ, парою рифмованныхъ строкъ — новое изданіе «Борьбы за пре-

столъ». Итакъ, если вы согласны съ этимъ, попросилъ бы васъ предварительно при случаѣ узнать его мнѣніе, такъ какъ прямыя дипломатическія сношенія между нами прерваны.

Примите сердечные привѣты отъ уважающаго васъ и преданнаго вамъ

Генрика Ибсена.

II.

Дрезденъ, 13 апрѣля 1870 г.

...Полученное мною сегодня изъ Христіаніи письмо заключаетъ освѣщеніе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, которыя заставляютъ меня взять обратно адресованную къ вамъ въ послѣднемъ моемъ письмѣ просьбу относительно запроса Бьёрнсону.

Въ надеждѣ, что не опоздаю съ этимъ заявленіемъ, остаюсь уважающій васъ

Генрикъ Ибсенъ.

III.

Дрезденъ, 5 мая 1870 г.

...Имѣю удовольствіе при семъ возвратить корректурный листъ «Борьбы за престолъ», вмѣстѣ со спискомъ сомнительныхъ словъ. Хотя я и не во всемъ согласенъ съ принципами правописанія этихъ словъ, но вполнѣ раздѣляю мнѣніе остальныхъ норвежскихъ членовъ филологическаго съѣзда относительно того, что намъ не слѣдуетъ слишкомъ удаляться отъ датскаго правописанія или отойти отъ васъ, датчанъ, въ этомъ отношеніи дальше, чѣмъ вамъ желательно слѣдовать за нами. Вообще вполнѣ одобряю новый шрифтъ и новое правописаніе, которые къ тому же очень облегчаютъ чтеніе.

Раздумалъ я посвящать книгу Бьёрнсону не въ силу того положенія, которое онъ занялъ по отношенію ко мнѣ, хотя оно и далеко не дружественное. Дѣло въ томъ, что дѣятельность его, какъ публициста, положительно угрожаетъ Норвегіи всякими бѣдами; вслѣдствіе этого какъ разъ среди покупающихъ книги классовъ общества образовалась сильная партія противъ него, и посвященіе ему книги могло бы нанести прямой ущербъ вашимъ интересамъ, какъ издателя.

Вообще, я ничего такъ не желаю, какъ примириться съ нимъ, и мнѣ было бы очень пріятно, если бы вы нашли случай сообщить ему о неосновательности слуховъ, которымъ онъ придаетъ вѣру и которые распространяетъ, а именно — будто я собираюсь принять постъ директора Христіанійскаго театра. Постъ этотъ мнѣ предлагали, и я тогда же воспользовался случаемъ поддержать кандидатуру Бьёрнсона, съ тѣмъ, чтобы режиссеромъ остался М. Брунъ, такъ какъ считаю такой порядокъ для дѣла самымъ полезнымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Очень вамъ благодаренъ за внесеніе 1000 риксдалеровъ въ сбере-

гательную кассу, такъ же какъ и за ваше любезное предложеніе найти композитора для «Борьбы за престолъ». Я знаю г. Гейзе еще по Риму и сегодня же напишу ему по этому поводу.

Итакъ, оказывается, авторство моей тещи («Блестящая партія»)— и въ Норвегіи общеизвѣстная тайна. Въ этомъ она сама виновата. Мнѣ очень интересно узнать, какъ примутъ пьесу въ Копенгагенѣ. «Борьбу за престолъ», по-моему, слѣдуетъ представить дирекціи, какъ только пьеса выйдетъ новымъ изданіемъ. Примите самые сердечные поклоны отъ уважающаго васъ и признательнаго вамъ

Генрика Ибсена.

IV.

Дрезденъ, 25 мая 1870 г.

...Очень вамъ благодаренъ за присланный экземпляръ «Блестящей партіи», котораго я ожидалъ съ большимъ нетерпѣніемъ. Книга дѣйствительно интересная, написана очень умно; пожалуй, даже слишкомъ,—черезчуръ ужъ много «умныхъ» репликъ. Насколько же естественно обрисованы характеры—вопросъ другой. Въ общемъ, манера нѣсколько напоминаетъ, по-моему, манеру Альфреда де-Мюссе въ его «proverbes» и особенно Бьёрнсона въ его «Новобрачныхъ». Не сдѣлала ли такого же замѣчанія датская критика? Предполагаю однако, что пьеса была блестяще разыграна и вслѣдствіе этого удержится въ репертуарѣ. Во всякомъ случаѣ считаю счастьемъ для писательницы, что она перестала писать разсказы изъ народнаго быта, которые, видимо, все больше и больше увлекали ее по пути аффектаціи и выспренности, что̀ я и высказалъ ей въ довольно рѣшительной формѣ. Къ сожалѣнію, она больше полагается на сужденія тѣхъ, кто вредитъ ей всего больше.

...«Борьба за престолъ», какъ вы, вѣрно, уже знаете, окончательно принята королевскимъ театромъ и будетъ, согласно письму юстицъ-совѣтника Бернера, поставлена въ началѣ будущаго сезона. Г. Гейзе съ большою готовностью взялся написать музыку. Я посылаю ему текстъ для хоровъ, но его не слѣдуетъ включать въ книгу, такъ какъ въ чтеніи это только лишняя помѣха и перерывъ.

...Еще не могу опредѣлить времени своего пріѣзда въ Данію. Хотѣлось бы для этого выбратъ наилучшее время года, а погода, во всякомъ случаѣ у насъ, еще не установилась. У меня немало литературныхъ плановъ и набросковъ, но ничего еще не выработано. Если узнаете что-нибудь относительно распредѣленія ролей въ «Борьбѣ за престолъ», то сообщите при случаѣ; мнѣ весьма интересно было бы знать объ этомъ кое-что.

Изъ Норвегіи слышу все только о распряхъ и смутахъ. Бьёрнсонъ, повидимому, совсѣмъ отказался отъ поэтическаго творчества и ударился

въ другія области; но надѣюсь — въ его интересахъ, — что это продлится не долго.

Примите же мои наилучшія пожеланія!

Уважающій васъ и преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Дрезденъ, 29 мая 1870 г.

Дорогая тещa!

Въ надеждѣ, что эти строки дойдутъ до тебя 3 іюня, шлю тебѣ свое двойное поздравленіе. Во-первыхъ, по поводу дня, который, я надѣюсь, ты въ свѣтломъ и счастливомъ будущемъ отпразднуешь еще много разъ, а во-вторыхъ, по поводу твоей новой пьесы, изданіе и постановка которой въ Даніи и Норвегіи должны были явиться сплошнымъ тріумфомъ для тебя. Гегель прислалъ мнѣ экземпляръ; я перечелъ книгу нѣсколько разъ и буду впредь перечитывать ее. Это поистинѣ произведеніе, которое могла создать одна ты и больше никто. Меня это не поразило, такъ какъ я твердо былъ увѣренъ, что ты именно въ этой области обладаешь мастерствомъ, которымъ, къ моему глубокому сожалѣнію, долго не склонна была пользоваться. Теперь однако ледъ сломанъ, и надо ожидать отъ тебя богатой продуктивной работы въ этомъ направленіи. У тебя всѣ условія налицо: и горячая, богатая настроеніями душа, и житейскій опытъ, и наблюдательность по части характеровъ и положеній, и обиліе ума, и идеальные взгляды, чтобы претворять дѣйствительность во внутреннюю высшую правду, въ чемъ собственно и заключается поэтическое творчество.

Не знаю еще мнѣнія критики. Если она нашла за что укорять и тутъ,—шутъ съ ней! Большинство критическихъ укоровъ обыкновенно сводятся къ упрекамъ поэту за то, что онъ является самимъ собой, видитъ, мыслитъ и пишетъ по-своему, вмѣсто того чтобы видѣть, мыслить и писать такъ, какъ сдѣлалъ бы критикъ, если бы умѣлъ. Поэтому существенная задача — оберегать свою индивидуальность, охранять ее отъ всякихъ посторонннихъ вліяній и самому ясно различать *пережитое* отъ *прожитого*, такъ какъ лишь первое можетъ служить предметомъ творчества. Стоитъ строго соблюдать это условіе, и никакой сюжетъ изъ будничной жизни не окажется настолько прозаическимъ, чтобы нельзя было претворить его въ поэзію.

Преданный тебѣ

Генрикъ Ибсенъ.

Дрезденъ, 5 іюня 1870 г.

Дорогая тещa!

...Какъ разъ, когда собирался отослать тебѣ предыдущія строки, получилъ твое письмо и хочу поэтому прибавить кое-что.

Вижу, какъ и ожидалъ, что мы съ тобой совершенно не сходимся во взглядахъ на театральный конфликтъ. Я вполнѣ принимаю сторону дирекціи противъ бунтовщиковъ. Не могу раздѣлить этого сентиментальнаго сочувствія ко всякаго рода нарушеніямъ долга; театральная дирекція не можетъ руководиться библейскимъ настроеніемъ, согласно которому одна пропавшая овца — все, а все остальное стадо — ничто. Подобное отношеніе порождаетъ лишь хаосъ, смуту и вздоръ, какъ и тогда, когда Ламартинъ собирался править Франціей. Я самъ былъ директоромъ театра и знаю, что въ 99 случаяхъ изъ 100 безспорно неправы бываютъ артисты, а не дирекція. «Vae victis!» раздавалось въ древнія времена, и также должно раздаваться и теперь. Не попытаться теперь обуздать охотниковъ своевольничать значило бы поступить въ высшей степени непозволительно по отношенію къ самому учрежденію. Актеръ находится совершенно въ иныхъ условіяхъ, нежели другіе служители искусства; онъ самъ по себѣ и для себя не представляетъ ничего цѣльнаго, но составляетъ лишь часть сложной машины, въ дѣйствіи которой и обязанъ принимать закономѣрное участіе, и разъ онъ выбралъ себѣ такое положеніе, онъ обязанъ и взять на себя всѣ связанныя съ этимъ обязательства. Во мнѣ говоритъ здѣсь не жестокосердіе, но результатъ здраваго опыта.

Отнюдь не считаю «реализмъ» дирекціи достойнымъ такого ужъ строгаго порицанія, такъ какъ дѣло идетъ о частномъ театрѣ, не пользующемся поддержкой государства и существующемъ въ городѣ третьяго разряда. Другое дѣло, конечно, если бы фру Гундерсонъ съ мужемъ, г. Исаксенъ и другія благородныя артистическія натуры предпочли быть идеалистами по части вознагражденія. Но въ мое время упомянутыя артистическія натуры были въ этомъ смыслѣ большими реалистами. И я знаю также, что г. Бьёрнсонъ управлялъ театромъ такъ идеалистически, что, если бы поуправлялъ еще съ годикъ, выпустилъ бы въ трубу все предпріятіе самымъ реальнымъ образомъ, за что и не могу его похвалить. Затѣмъ и я того мнѣнія, что г. Бруну принадлежитъ лишь второстепенное мѣсто при театрѣ, и повторяю сказанное въ прежнемъ письмѣ, а именно, что я, по мѣрѣ силъ, ратовалъ за обратное водвореніе Бьёрнсона съ соотвѣтствующимъ ограниченіемъ его полномочій...

Дрезденъ, 11 іюня 1870 г.

Милостивая государыня,

г-жа Лаура Петерсенъ!

Прошу васъ принять мою искреннюю признательность за ваше вниманіе и посвященіе мнѣ вашей книги. Необходимость высказаться по поводу нея ставитъ меня однако въ нѣкоторое затрудненіе. Вы желаете, чтобы книга разсматривалась въ качествѣ назидательнаго чте-

нія, а я совершенно некомпетентенъ въ такого рода литературѣ. Меня въ книгѣ заинтересовали и понравились мнѣ изображенія характеровъ и главнымъ образомъ ваше несомнѣнное поэтическое дарованіе. Но не знаю, насколько это въ вашихъ глазахъ является похвалой.

Похоже вѣдь на то, что вы какъ будто пугаетесь даже мысли, что написали «романъ». Въ такомъ случаѣ мы другъ друга не понимаемъ. «Брандъ» — всецѣло произведеніе поэтическое, и ничего больше. Насколько оно оказалось въ состояніи «разрушить или создать что-либо», меня совсѣмъ не касается. Явилось оно въ свое время результатомъ кое-чего пережитого, но не прожитого; мнѣ было необходимо путемъ поэтическаго воспроизведенія освободиться отъ того, съ чѣмъ я въ глубинѣ души уже покончилъ, и какъ только я такимъ путемъ освободился отъ этого, книга моя потеряла для меня всякій интересъ.

Какъ вы смотрите на этого рода мірскую дѣятельность, мнѣ не совсѣмъ ясно. Въ томъ же, что у васъ есть природные задатки сдѣлаться писательницей въ этой мірской области, я вполнѣ убѣжденъ. Но нельзя соединить двухъ несоединимыхъ вещей. Вы, пожалуй, еще не совсѣмъ уяснили себѣ, что̀ такое собственно искусство и творчество; но, во всякомъ случаѣ, повѣрьте мнѣ пока на слово, что «сіе не отъ лукаваго».

Меня при чтеніи «Дочерей Бранда» занимала главнымъ образомъ личность авторши, ваша внутренняя духовная связь съ вашей книгой. И если бы удалось выяснить сущность этой связи, то, пожалуй, невзирая на вашъ протестъ, оказалось бы, что книга въ основѣ своей все-таки произведеніе поэтическое, художественное, или какими тамъ еще нехорошими именами обзываютъ такого рода труды. Все, что̀ вложено въ книгу только въ силу вашихъ религіозныхъ цѣлей, легко можетъ быть выдѣлено безъ всякаго ущерба для цѣльности произведенія.

Вопросъ теперь въ томъ, намѣрены ли вы продолжать начатую творческую литературную дѣятельность. Для этого нужно кое-что еще, кромѣ природнаго дарованія. Надо имѣть *основу* для творчества, надо, чтобы сама жизнь ваша была содержательна. Если этого нѣтъ, то нельзя и творить, можно только писать книжки. Я хорошо знаю, что жить въ уединеніи не одно и то же, что̀ вести жизнь, лишенную содержанія. Но все-таки человѣкъ въ духовномъ смыслѣ—созданіе дальнозоркое. Ясно̀е всего мы видимъ на большомъ разстояніи отъ предмета; детали смущаютъ, надо отдѣлаться отъ всякой связи съ тѣмъ, о чемъ хочешь судить; лучше всего удается описаніе лѣта, когда кругомъ стоитъ зима.

Осталось еще цѣлое множество вещей, о которыхъ хотѣлось бы поговорить, но въ письмѣ приходится ограничиваться намеками. Совѣтовать—дѣло рискованное, да вы и не просили совѣтовъ. Главное — во всѣхъ своихъ поступкахъ оставаться искреннимъ и вѣрнымъ себѣ самому. Дѣло не въ томъ, чтобы рѣшиться на то или на другое, а въ

томъ, чтобы рѣшиться именно на то, чего ты безусловно долженъ хотѣть, потому что ты таковъ, а не иной, и потому что иначе поступить не можешь. Все иное ведетъ только ко лжи.

Рано или поздно я думаю побывать въ Норвегіи, и, быть-можетъ, тогда мнѣ представится случай лично познакомиться съ вами, такъ какъ я собираюсь побывать и въ сѣверной части Норвегіи. Не думайте, что я такъ ужъ недружелюбно настроенъ по отношенію къ своимъ землякамъ, какъ меня упрекаютъ многіе. И какъ бы то ни было, могу увѣрить васъ, что я во всякомъ случаѣ отношусь и къ самому себѣ не болѣе дружелюбно, нежели къ другимъ.

А затѣмъ остаюсь на этотъ разъ съ лучшими пожеланіями вамъ, уважающій васъ

Генрикъ Ибсенъ.

Гегелю.

I.

Дрезденъ, 2 іюня 1870 г.

...Пишу вамъ сегодня эти строки въ надеждѣ, что не ошибусь въ расчетахъ, и письмо это дойдетъ до васъ въ понедѣльникъ.

Получивъ около Новаго года книги, которыя вы были такъ любезны послать мнѣ, я замѣтилъ на штемпелѣ фирмы 1770 г. Въ текущемъ году, слѣдовательно, «Книжная торговля Гюльдендаля» вступаетъ во второе столѣтіе своего существованія и, какъ сообщаетъ мнѣ одинъ заслуживающій довѣрія корреспондентъ изъ Норвегіи, знаменательный день основанія фирмы приходится на 4 іюля. Если я въ этомъ отношеніи ошибаюсь, вина, слѣдовательно, не моя, но предполагаю все-таки, что не ошибаюсь.

Мнѣ отъ души хотѣлось бы въ этотъ день лично привѣтствовать васъ, но обстоятельства приковываютъ меня къ Дрездену, по крайней мѣрѣ, до середины этого мѣсяца. Дѣло въ томъ, что семья моя на каникулы, которыя наступаютъ какъ разъ около этого времени, переберется въ курортъ въ Богеміи, и пока мнѣ не удается устроить ее тамъ, я принужденъ оставаться здѣсь.

Итакъ, мнѣ ничего другого и не остается, какъ письменно присоединиться къ тому множеству лицъ, которыя несомнѣнно принесутъ вамъ въ этотъ день свои сердечныя поздравленія.

Прежде всего прошу принять мое искреннѣйшее спасибо за все, чѣмъ я лично обязанъ вамъ. День, въ который я завязалъ отношенія съ вами, какъ со своимъ издателемъ, отмѣтилъ поворотъ какъ въ моей литературной дѣятельности, такъ и въ условіяхъ моей частной жизни. Введя меня, какъ писателя, въ читающіе круги Даніи, вы оказали этимъ воздѣйствіе на Норвегію и существенно способствовали тому,

что я обрѣлъ подъ ногами твердую почву, столь необходимую вообще, особенно же такому писателю, какъ я, которому по направленію своего творчества часто приходится становиться въ рискованное положеніе.

Затѣмъ я благодарю васъ, какъ норвежецъ, за все, что вы вообще сдѣлали для норвежской литературы. Упомяну здѣсь только о крупномъ изданіи сочиненій Вельгавена, которыя безъ васъ, вѣрно, и не увидѣли бы свѣта. Все это въ моихъ глазахъ національный долгъ, и если нельзя ожидать, что Норвегія покроетъ этотъ долгъ, то надо все-таки надѣяться, что онъ при первомъ удобномъ случаѣ будетъ признанъ кѣмъ слѣдуетъ офиціально.

Наконецъ я желаю вамъ всякаго успѣха и всего лучшаго на долгіе, долгіе годы. Желаю, чтобы ваше имя во многихъ и многихъ поколѣніяхъ оставалось связаннымъ съ фирмой «Гюльдендаль», такъ же какъ оно навѣрно навсегда будетъ связано съ процвѣтаніемъ и развитіемъ датско-норвежской литературы.

Шлю сердечные привѣты вамъ и вашему сыну. Въ день торжества и я въ своемъ маленькомъ семейномъ кругу осушу за васъ заздравный бокалъ.

Преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

II.

Дрезденъ, 10 октября 1870 г.

...Вотъ я и опять въ своемъ углу на чужбинѣ, гдѣ нашелъ все по-старому въ своемъ собственномъ маленькомъ кружкѣ, тогда какъ окружающія внѣшнія условія жизни измѣнились далеко не къ лучшему. Городъ переполненъ больными и ранеными; когда ни выйдешь на улицу, непремѣнно наткнешься либо на военныя похороны, либо на прибытіе новаго транспорта раненыхъ. Въ городѣ находится также нѣсколько тысячъ французскихъ плѣнныхъ; часть ихъ свободно разгуливаетъ повсюду, хорошо обставлена и, повидимому, чувствуетъ себя вполнѣ хорошо. Военныхъ восторговъ здѣсь совсѣмъ не замѣтно; все, что разсказываютъ по этому поводу газеты, — чистѣйшій вымыселъ. Страна страдаетъ ужасно; всякая дѣятельность почти-что остановилась; и полувзрослые юнцы и среднихъ лѣтъ отцы семействъ призываются подъ знамена и отправляются во Францію; почти въ каждой семьѣ трауръ; многія семьи лишились всѣхъ своихъ близкихъ, ушедшихъ на войну, а списки потерь за послѣднія шесть недѣль еще не опубликованы. Однимъ словомъ, жизнь здѣсь не представляетъ ничего пріятнаго.

Тѣмъ большій контрастъ получается между настоящимъ и минувшимъ, то-есть пребываніемъ въ Копенгагенѣ! Не могу въ достаточной мѣрѣ выразить свою признательность за все то радушіе и любезность, которыя я тамъ встрѣтилъ. Не надо, я думаю, увѣрять васъ, что вы

въ этомъ отношеніи стоите въ первомъ ряду. Сердечное спасибо за вашу доброту и вниманіе! Кланяйтесь вашему сыну, а при случаѣ и всѣмъ, съ кѣмъ я у васъ встрѣчался.

Насчетъ моихъ стихотвореній я написалъ г. Лёкке и со дня на день жду отвѣта вмѣстѣ съ просимыми копіями, которыя тогда безъ промедленія будутъ доставлены вамъ въ исправленномъ видѣ.

Новый трудъ мой, трехъактная пьеса, уже сформировался у меня въ головѣ, и я въ одинъ изъ ближайшихъ дней примусь набрасывать его на бумагу.

Вѣсти изъ Копенгагена относительно игры Гольма-Гансена въ «Акслѣ и Вальборгѣ» встревожили меня въ виду готовящейся тамъ постановки «Борьбы за престолъ». Хочу написать по этому поводу фру Гейбергъ или г. Бернеру. Когда новое изданіе выйдетъ, очень интересно будетъ познакомиться съ газетными отзывами. Отъ П. Гансена получилъ вчера письмо съ просьбой дать біографическія свѣдѣнія. Постараюсь немедленно удовлетворить его.

Еще разъ прошу васъ принять сердечное спасибо и привѣтъ отъ преданнаго вамъ

Генрика Ибсена.

Петру Гансену.

Дрезденъ, 28 октября 1870 г.

Дорогой другъ!

Получилъ я въ одинъ воскресный день твое письмо, прочелъ его и воодушевился самыми благими намѣреніями. Онъ получитъ мой отвѣтъ не позже, какъ черезъ три дня, — рѣшилъ я. Но вотъ скоро минетъ три недѣли... Достигнуто этимъ однако хоть то, что я теперь, ради спѣха, буду болѣе кратокъ, нежели предполагалъ сначала; тебѣ это, я думаю, будетъ только кстати, такъ какъ больше развяжетъ тебѣ руки.

Впрочемъ, я послѣ того, какъ уже разстался съ тобой, раскаивался въ томъ, что не успѣлъ побесѣдовать съ тобой устно по этому поводу. Я чувствую, что письменная бесѣда не такъ удобна. Но дѣлать нечего.

Наименѣе неточныя біографическія данныя ты найдешь въ біографіи моей, написанной П. Боттенъ-Гансеномъ и помѣщенной въ «Illustreret Nyhedsblad», если не ошибаюсь, въ 1862 году.

Но ты вѣдь добиваешься собственно внутренней, а не внѣшней исторіи событій. Такъ вотъ она.

Все, что я творчески воспроизводилъ, брало свое начало въ моемъ настроеніи или въ пережитомъ моментѣ жизни; я никогда не писалъ ничего потому лишь, что, какъ говорится, «напалъ на хорошій сюжетъ». Теперь буду исповѣдываться хронологически.

«Катилина» написанъ въ маленькомъ мѣщанскомъ городишкѣ, гдѣ

не въ моей власти было дать исходъ тому, что бродило въ мнѣ, иначе, какъ въ сумасбродныхъ выходкахъ и проказахъ, которыя и навлекли на меня неудовольствіе всѣхъ почтенныхъ гражданъ. Они вѣдь были совершенно чужды всему тому, съ чѣмъ я тогда носился въ своемъ душевномъ одиночествѣ.

«Фру Ингеръ изъ Эстрота» создалась на почвѣ быстро возникшаго и рѣзко порвавшаго любовнаго увлеченія, къ которому относятся также нѣкоторыя стихотворенія мои, какъ-то: «Полевые цвѣты и комнатные», «Птичье щебетанье» и прочія, напечатанныя въ «Nyhedsbladet» (на что я мимоходомъ обращаю твое вниманіе *).

«Вонтелей въ Гельгеландѣ» я писалъ женихомъ. Для Нордисъ воспользовался тою же моделью, какъ позже для Свангильдъ въ «Комедіи любви».

Лишь когда я женился, жизнь моя стала болѣе полной, содержательной. Первымъ плодомъ такой перемѣны явилось большое стихотвореніе «На высотахъ». Жажда освобожденія, красною нитью проходящая въ этомъ стихотвореніи, нашла себѣ однако полный исходъ лишь въ «Комедіи любви». Книга эта вызвала много разговоровъ въ Норвегіи; при обсужденіи пьесы вторгались въ мою частную жизнь, и я много потерялъ во мнѣніи людей. Только одинъ-единственный человѣкъ одобрилъ тогда мою книгу — моя жена. Она именно такая натура, какая мнѣ нужна, — нелогичная, но съ сильно развитымъ поэтическимъ чутьемъ, съ широкимъ образомъ мыслей и съ почти необузданною ненавистью ко всему мелочному. Всего этого мои земляки не понимали, а у меня не было охоты исповѣдываться передъ этими господами. И вотъ меня предали анаѳемѣ, всѣ оказались противъ меня.

Это-то обстоятельство, что всѣ были противъ меня, что я не видѣлъ вокругъ себя ни одного посторонняго человѣка, который бы понималъ меня или вѣрилъ въ меня, и могло вызвать, какъ ты легко поймешь, настроеніе, которое я излилъ въ «Борьбѣ за престолъ». И довольно объ этомъ.

Какъ разъ въ то время, когда вышла «Борьба за престолъ», умеръ Фредерикъ VII и началась война. Я написалъ стихотвореніе «Братъ въ бѣдѣ». Разумѣется, оно не оказало ни малѣйшаго воздѣйствія на норвежскій американизмъ, который и разбилъ меня на всѣхъ пунктахъ. Тогда я отправился въ изгнаніе.

Пріѣздъ мой въ Копенгагенъ совпалъ съ паденіемъ Дюббёля. Въ Берлинѣ же я видѣлъ торжественный въѣздъ Вильгельма съ трофеями войны. Въ тѣ дни зародилась у меня идея «Бранда» и стала расти во мнѣ. Въ Италіи, куда я затѣмъ пріѣхалъ, идея объединенія была уже пущена въ ходъ, благодаря безграничной готовности народа къ жер-

*) «Пиръ въ Сольхаугѣ»—этотъ, котораго я больше не признаю своимъ; но и эта вещь имѣла въ основѣ нѣчто личное.

твамъ, тогда какъ у насъ на родинѣ!.. Прибавь къ этому Римъ съ его идеальнымъ міромъ, общеніе съ беззаботнымъ кружкомъ художниковъ, жизнь, которую по настроенію можно сравнить развѣ только съ шекспировской комедіей «Какъ вамъ угодно», — и вотъ тебѣ первоначальныя основы «Бранда». Чистѣйшее недоразумѣніе, будто я изобразилъ въ немъ жизнь и судьбу Сёрена Киркегора (я вообще очень мало читалъ Киркегора, а понялъ изъ его сочиненій еще того меньше). То, что Брандъ — священникъ, въ сущности не важно; заповѣдь: «*все или ничего*» сохраняетъ свое значеніе во всѣхъ областяхъ жизни — и въ любви, и въ искусствѣ и т. п. Брандъ — я самъ въ лучшія минуты моей жизни, это такъ же вѣрно, какъ то, что я путемъ самоанатомированія нашелъ многія черты Пера Гюнта и Стенгора.

Въ то время, какъ я писалъ «Бранда», у меня на столѣ, въ пустомъ стаканѣ лежалъ скорпіонъ. Время отъ времени животное начинало хирѣть; и тогда я бросалъ ему кусочекъ мякоти плода, на который онъ съ яростью набрасывался, источалъ свой ядъ и опять выздоравливалъ.

Не творится ли нѣчто подобное съ нами, поэтами? Законы природы сказываются и въ духовныхъ областяхъ.

За «Брандомъ» послѣдовалъ «Перъ Гюнтъ» какъ бы самъ собою. Поэма написана была въ южной Италіи — въ Искіи и Сорренто. Вдали отъ будущаго круга читателей не станешь особенно считаться съ ними и входить въ разныя соображенія. Въ этой поэмѣ и заключается много такого, что имѣетъ свои корни въ моей собственной юности; для Озе послужила — съ необходимыми преувеличеніями — моделью моя родная мать (такъ же какъ и для Инги въ «Борьбѣ за престолъ»).

Окружающая обстановка имѣетъ большое вліяніе на то, въ какихъ формахъ выливается работа воображенія. Развѣ я не могу, почти на подобіе гольберговскаго Кристофа, указать на «Бранда» и «Пера Гюнта», говоря: «Смотрите, вотъ такъ хмель!». И нѣтъ ли въ «Союзѣ молодежи» чего-то напоминающаго о копченой колбасѣ и пивѣ? Этимъ я отнюдь не хочу умалить достоинства послѣдней пьесы, а лишь сказать, что исходная точка зрѣнія стала другой, такъ какъ я живу здѣсь въ обществѣ благоустроенномъ до тошноты. Что же будетъ, когда я наконецъ совсѣмъ вернусь домой! Приходится искать спасенія въ чемъ-нибудь далекомъ, и поэтому думаю взяться за «Кесаря Юліана».

Выборъ стихотвореній, которыя войдутъ въ сборникъ, я предпочитаю предоставить тебѣ самому, вполнѣ довѣряя правильности твоего сужденія какъ въ данномъ, такъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Значительную часть стихотвореній найдешь въ «Illustreret Nyhedsblad» за 1858—64 гг.

Итакъ, вотъ тебѣ вкратцѣ требуемый остовъ. Теперь твое дѣло одѣть его мясомъ и вдохнуть въ него душу. Воспользуйся моими замѣтками, какъ хочешь; смотри на нихъ, какъ на жиденькую музыкальную тему,

на которую ты можешь свободно фантазировать. Какъ бы ты ни взялся за нее, я убѣжденъ, что ты сдѣлаешь изъ нея все возможное: пусти въ ходъ какіе хочешь инструменты,—я вѣдь знаю, что «оный молодецъ—одинаковый мастеръ играть на всѣхъ».

Въ заключеніе сердечное спасибо за пріятную компанію въ Копенгагенѣ. Я словно принялъ тамъ душъ обновленія. Спасибо за это всѣмъ нашимъ общимъ друзьямъ. Особенные поклоны супругамъ Билле, которымъ я напишу потомъ, и профессору Гёту.

Всего хорошаго!

Преданный тебѣ

Генрикъ Ибсенъ.

Дрезденъ, 6 ноября 1870 г.

Дорогой г. Гегель!

...Переживаемъ теперь такое смутное время, что нѣтъ возможности сосредоточить своихъ мыслей на чемъ-нибудь болѣе глубокомъ, зато мнѣ пришла живѣйшая охота написать оперное либретто для Гейзе на сюжетъ «Сигурда Крестоносца». Но у меня нѣтъ здѣсь подъ рукой нужныхъ историческихъ источниковъ. Вотъ я и хочу задать вамъ одинъ вопросъ.

Вы — главный собственникъ обширной норвежской исторіи Мунха. Не найдется ли разрозненныхъ экземпляровъ ея, изъ которыхъ бы продавались отдѣльные томы? И если да, то не доставите ли вы мнѣ того тома, въ которомъ трактуется сага о Сигурдѣ? Если же такого разрозненнаго экземпляра не окажется, я могу выписать изъ Норвегіи саги Стурлесона, но у него матеріалъ пожиже.

Надѣюсь, вы сообщите мнѣ что-нибудь по этому поводу, когда у васъ найдется время и случай.

Сердечные привѣты вамъ и вашему сыну отъ преданнаго вамъ

Генрика Ибсена.

Іоганну-Герману Торесену.

Дрезденъ, 21 ноября 1870 г.

Дорогой зять!

...Политическій небосклонъ начинаетъ теперь зловѣще темнѣть и на востокѣ. Чѣмъ-то это все кончится? Настроеніе здѣсь очень угнетенное, и даже сдача Меца не вызвала ни малѣйшей радости. Въ Дрезденѣ, по официальнымъ даннымъ, 15.000 плѣнныхъ, о которыхъ надо заботиться, а теперь оповѣщено о прибытіи еще 4.000. Въ лазаретахъ лежатъ двѣ тысячи больныхъ и раненыхъ. Для императорской гвардіи выстроены грандіозные бараки какъ разъ напротивъ нашей квартиры, и мы ежедневно наблюдаемъ, какъ французы прогуливаются, согласно

предписанію, ради моціона. Нельзя сказать, глядя на этихъ людей, чтобы они особенно пострадали при осадѣ Меца. Одѣты, какъ на парадъ. У присланныхъ обратно на родину больныхъ и раненыхъ саксонцевъ совсѣмъ иной видъ, — изнуренный. Обращаются съ французами очень хорошо, и они переносятъ свой плѣнъ поразительно беззаботно; я вынесъ такое впечатлѣніе, что многіе изъ нихъ очень довольны, отдѣлавшись такъ дешево отъ всей этой исторіи. Въ пивныхъ разыгрываютъ главную роль унтеръ-офицеры. Поносятъ императора, генераловъ, всѣхъ и вся, кромѣ самихъ себя. Положеніе Франціи, повидимому, ихъ нисколько не озабочиваетъ. Все это однако вполнѣ естественно для революціонной націи, не знающей ни узды ни дисциплины. Намъ, норвежцамъ, не мѣшало бы постараться извлечь отсюда полезный урокъ. Именно къ такому внутреннему разложенію и пытаются привести нашъ народъ господа въ родѣ Юбска, Іоганна Свердруна и пр.

...Новое изданіе «Борьбы за престолъ» теперь вышло, и 1 января ее дадутъ въ Копенгагенѣ. Въ Христіаніи оба театра, видно, работаютъ на гибель себѣ. Раздробленіе нашихъ небольшихъ артистическихъ силъ не можетъ привести ни къ чему иному.

...Поклонъ отъ насъ всѣхъ.

Преданный вамъ Генрикъ Ибсенъ.

Дрезденъ, 20 декабря 1870 г.

Дорогой Георгъ Брандесъ!

Все это время каждый день думалъ о васъ. О томъ, что вы больны, я узналъ отъ Гегеля и изъ норвежскихъ газетъ; но я опасался, что вы были еще слишкомъ слабы, чтобы читать письма, и потому не писалъ.

Теперь я успокоился, получивъ вчера ваши дружескія строки. Сердечное спасибо, что вспомнили обо мнѣ.

Вы спрашиваете, что вамъ слѣдуетъ предпринять въ будущемъ. А вотъ что: въ ближайшемъ будущемъ вамъ не слѣдуетъ предпринимать ровно ничего. Дайте вашей фантазіи и мысли каникулы на неопредѣленный срокъ, лежите смирно и облагораживайтесь; такія болѣзни являются сущею благодатью въ смыслѣ связаннаго съ ними духовнаго обновленія, — встаешь послѣ нихъ новымъ человѣкомъ. Вамъ предстоитъ чудесное время, когда вы начнете опять поправляться. Я знаю это по собственному опыту; всѣ дурныя мысли отлетѣли отъ меня; мнѣ хотѣлось только ѣсть и пить что-нибудь потоньше и полегче; все грубое, казалось мнѣ, осквернило бы меня. Въ общемъ это совершенно неописуемое состояніе — смѣсь восторженной благодарности и благодушія.

А что вамъ дѣлать, когда вы опять окрѣпнете и станете способны

къ труду? Тогда вы будете дѣлать то, что должны дѣлать. Такой натурѣ, какъ ваша, выбирать не придется.

Я не буду много писать вамъ: вамъ вредно читать, и самимъ вамъ совсѣмъ не надо писать пока.

Лѣтомъ я былъ въ Копенгагенѣ. У васъ тамъ много, много друзей и приверженцевъ; пожалуй, больше, чѣмъ вы сами думаете. Если вы теперь пробудете нѣкоторое время въ отсутствіи—тѣмъ лучше: всегда выгодно заставить хорошенько соскучиться по себѣ.

А Римъ-то отнятъ у насъ, людей, и отданъ политикамъ! Куда же намъ теперь дѣваться? Римъ былъ единственнымъ заповѣднымъ мирнымъ мѣстечкомъ въ Европѣ, единственнымъ, гдѣ процвѣтала истинная свобода, свобода отъ политической свободотиранiи. Сдается мнѣ, я и не захочу больше видѣть его послѣ того, что произошло. Все то прекрасное, непосредственное, грязное исчезнетъ теперь; на каждаго государственнаго человѣка, который появится тамъ, придется по одному художнику, который погибнетъ. И прощай также чудесная жажда свободы! Я во всякомъ случаѣ долженъ сказать: единственное, что я цѣню въ свободѣ, это — борьбу за нее; обладаніе же ею меня не интересуетъ.

Какъ-то утромъ, нѣсколько времени тому назадъ, мнѣ вдругъ стала вполнѣ ясна моя новая работа, и я въ порывѣ радости написалъ вамъ письмо. Оно не было отослано, такъ какъ настроеніе длилось недолго; а разъ оно прошло, я не могъ воспользоваться и вызваннымъ имъ письмомъ.

Міровыя событія въ значительной степени поглощаютъ всѣ мои мысли. Старая призрачная Франція разбита; когда же будетъ разбита и новая реальная Пруссія, мы сразу очутимся въ грядущей міровой эпохѣ. Вотъ-то затрещатъ тогда вокругъ насъ и начнутъ проваливаться въ тартарары идеи! Да и въ самомъ дѣлѣ пора бы! Мы вѣдь до сихъ поръ питаемся въ сущности лишь крохами съ революціоннаго стола прошлаго столѣтія, и эта пища уже достаточно навязла въ зубахъ. Понятія нуждаются въ новомъ содержаніи и въ новомъ объясненіи. Свобода, равенство и братство уже не то самое, чѣмъ были въ дни блаженной памяти гильотины. Но этого-то и не хотятъ понять политики, и вотъ почему я ихъ ненавижу. Эти люди хотятъ лишь спеціальныхъ революцій — внѣшнихъ, политическихъ и т. п. А это все мелочи. Нужна революція человѣческаго духа, и вы одинъ изъ тѣхъ, кто долженъ идти впереди. Но прежде всего вамъ надо стряхнуть съ себя лихорадку.

Вашъ преданный другъ

Генрикъ Ибсенъ.

Дрезденъ, 19 января 1871 г.

Дорогой г. Гегель!

...Вышло, повидимому, недоразумѣніе, если вы полагаете, что «Юліанъ» уже настолько подвинулся впередъ, что въ слѣдующемъ мѣсяцѣ можно будетъ приступить къ печатанію. Первая часть готова, я работаю надъ второй; но третья еще и не начата. Впрочемъ, эта послѣдняя пойдетъ сравнительно быстро, и, даже щедро распредѣляя время, можно надѣяться, что вы получите все въ теченіе іюня. Латинскій шрифтъ отлично подойдетъ къ античному сюжету, какъ и вообще, насколько могу судить, къ моимъ сочиненіямъ.

Для меня было большимъ и пріятнымъ сюрпризомъ узнать, что второе изданіе «Борьбы за престолъ» уже распродано, и мнѣ будетъ очень пріятно увидѣть новое изданіе напечатаннымъ тѣмъ же латинскимъ шрифтомъ. Я тщательно пересмотрю свой экземпляръ пьесы, и если, сверхъ чаянія, понадобится что-нибудь исправить, напишу вамъ.

...Фру Коллетъ все находится здѣсь и проводитъ время, негодуя на все; собирается въ Италію, но когда поѣдетъ туда и поѣдетъ ли — не знаю. Очень даровитая, но въ высшей степени несчастная натура.

Сердечные поклоны вамъ и вашему сыну.

Неизмѣнно вамъ преданный

Генрикъ Ибсенъ.

Дрезденъ, 17 февраля 1871 г.

Дорогой Брандесъ!

Я такъ и думалъ, что мое долгое молчаніе разгнѣваетъ васъ, но я твердо надѣюсь, что наши отношенія таковы, что нимало отъ этого не пострадаютъ. У меня, напротивъ, довольно опредѣленное предчувствіе, что оживленная переписка скорѣе бы представила для насъ такую опасность. Если бы мы познакомились лично, многое стало бы инымъ, многое выяснилось бы для обѣихъ сторонъ. До тѣхъ же поръ я, право, рискую своими отдѣльными, разрозненными замѣчаніями выставить себя въ ложномъ свѣтѣ. Вы, философы, способны разсуждать до того, что у чорта умъ зайдетъ за разумъ, а у меня нѣтъ никакой охоты, благодаря перепискѣ, фигурировать въ вашихъ глазахъ то чурбаномъ, то пѣтухомъ — пусть даже у меня и остается надежда при личномъ объясненіи вернуть себѣ свое человѣческое достоинство. Въ своемъ предпослѣднемъ письмѣ вы иронически удивляетесь моему душевному равновѣсію при настоящихъ условіяхъ. Вотъ, значитъ — чурбанъ! А въ послѣднихъ дружескихъ (?) строкахъ дѣлаете меня ненавистникомъ свободы. Вотъ—пѣтухъ! Дѣло же въ томъ, что душевное равновѣсіе остается у меня довольно неизмѣннымъ, такъ какъ я

считаю нынѣшнее несчастье французовъ величайшимъ счастьемъ, какое только могло выпасть на долю этого народа. Что же до свободы, то, я полагаю, споръ идетъ у насъ только о словахъ. Я никогда не соглашусь, что свобода и политическая свобода — понятія однозначащія. То, что вы называете свободой, я зову вольностями; и то, что я зову борьбой за свободу, есть не что иное, какъ постоянное живое усвоеніе идеи свободы. Всякое иное обладаніе свободой, исключающее постоянное стремленіе къ ней, мертво и бездушно. Вѣдь самое понятіе «свобода» чѣмъ само по себѣ и отличается, что все расширяется по мѣрѣ того, какъ мы стараемся усвоить его себѣ. Поэтому, если кто во время борьбы за свободу остановится и скажетъ: вотъ я обрѣлъ ее, тотъ этимъ докажетъ какъ разъ то, что утратилъ ее. Но вотъ такой-то мертвый застой, такое пребываніе на одномъ извѣстномъ достигнутомъ пунктѣ свободы и составляетъ характерную черту нашихъ государствъ, и это-то я не считаю за благо.

Конечно, хорошо обладать свободой выборовъ, свободой обложенія налогами и пр. Но для кого хорошо? Для гражданина, а не для индивида. А для индивида вовсе нѣтъ разумной необходимости быть гражданиномъ. Напротивъ. Государство — проклятіе для индивида. Чѣмъ куплена государственная мощь Пруссіи? Поглощеніемъ индивида, претвореніемъ его въ политическое и географическое понятіе. Кельнеръ — наилучшій солдатъ. Взять, съ другой стороны, іудейскій народъ, аристократовъ человѣчества. Благодаря чему онъ сохранилъ свою индивидуальность, свою поэзію, вопреки всякому насилію? Благодаря тому, что ему не приходилось возиться съ государственностью. Оставайся онъ въ Палестинѣ, онъ давно бы погибъ подъ тяжестью своего государственнаго строя, какъ и всѣ другіе народы. Долой государственное иго! Вотъ революція, въ которой я готовъ принять участіе. Подрывайте самое понятіе «государство», ставьте условіями общественности лишь добрую волю и духовное единеніе — это и будетъ началомъ достиженія той единой свободы, которая чего-нибудь стоитъ. Перемѣна формъ правленія не что иное, какъ игра въ бирюльки, — немножко лучше, немножко хуже, а все въ общемъ ни къ чему.

Да, дорогой другъ, все дѣло только въ томъ, чтобы не давать запугать себя почтенными установленіями. Государство—понятіе временное, которое имѣло свое начало и слѣдовательно будетъ имѣть свой конецъ во времени. Въ будущемъ предстоитъ исчезнуть понятіямъ и предметамъ поважнѣе; обречена исчезнуть и всякая религія. Ни моральныя понятія ни формы искусства не имѣютъ въ себѣ элементовъ вѣчности. Насколько же мы обязаны въ сущности держаться ихъ? Кто поручится мнѣ, что на Юпитерѣ дважды два не пять?

Мысли эти я слегка набросалъ и не могу и не хочу развивать ихъ дальше письменно. Сердечное спасибо за ваши стихи. Но они не будутъ послѣдними: поэтическое призваніе такъ и сквозитъ въ каждой

строкѣ. Вашъ преувеличенный отзывъ обо мнѣ я отношу на счетъ вашей дружбы ко мнѣ и сердечно благодарю за него. Сохраните вы вашу дружбу ко мнѣ, а я-то ужъ не измѣню!

...Получилъ отъ Гегеля пока лишь первую половину «Критическихъ набросковъ и характеристикъ», но если бы даже успѣлъ получить все, то и тогда ограничился бы однимъ выраженіемъ искренней благодарности за книгу. Я крайне плохой критикъ; объ отдѣльныхъ трудахъ совсѣмъ не способенъ высказываться, а мое общее отношеніе къ вамъ, какъ къ цѣльной личности, вамъ и такъ извѣстно.

Съ іюля мѣсяца чуть ли не всѣ дни и почи напролетъ вожусь со сборникомъ своихъ стихотвореній. Настоящій каторжный трудъ пересмотрѣть всю эту массу этаповъ своего поэтическаго развитія, которые давно остались позади. Въ общемъ выйдетъ все-таки нѣчто цѣльное, и я съ нетерпѣніемъ жду, что̀ вы скажете о книгѣ.

Отложу на этотъ разъ въ сторону тысячу вещей, о которыхъ еще могъ написать, опираясь на ваше письмо. Сначала хочу узнать, нельзя ли ожидать васъ въ скоромъ времени сюда. Тогда мы займемся и епископомъ Аріемъ и семью курфюрстами; увидите, что я недаромъ прожилъ два года по близости отъ родины Герта Вестфальскаго!.. Сердечно желаю вамъ здоровья и всего хорошаго!

Преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Какъ только добьюсь сколько-нибудь сносной карточки, пришлю ее вамъ; пока же не побрезгайте присылаемою. Надѣюсь, вы не останетесь въ долгу.

Лоренцу Дитрихсону.

Дрезденъ, 2 марта 1871 г.

Дорогой старый другъ!

Твое дружеское письмо доставило мнѣ большую и неожиданную радость, и я рѣшилъ, конечно, тотчасъ же отвѣтить на него; но, конечно, изъ этого рѣшенія ничего не вышло. Сегодня однако ты получишь отъ меня вѣсточку.

Прежде всего отъ всего сердца поздравляю тебя съ успѣхомъ, который ты зимою стяжалъ и на сценѣ. Я собственно всегда ожидалъ этого и предсказываю тебѣ дальнѣйшіе успѣхи на этомъ поприщѣ.

О своемъ путешествіи на востокъ ты, конечно, напишешь книгу? Не сомнѣваюсь, что путешествіе оказало желанное вліяніе на твое здоровье, и, на основаніи извѣстій съ разныхъ сторонъ, полагаю, что ты ведешь теперь весьма пріятную жизнь въ Стокгольмѣ. У тебя

много друзей и большое вліяніе; нельзя пренебрегать ни тѣмъ ни другимъ.

Что до меня, то я зимой былъ занятъ сборникомъ своихъ стихотвореній, который теперь печатается и скоро выйдетъ въ громадномъ количествѣ экземпляровъ (при соотвѣтствующемъ гонорарѣ). Плановъ драматическихъ произведеній у меня немало; но это проклятое военное время страшно меня разстраиваетъ, какъ можешь себѣ представить.

...Прошу тебя передать мою почтительнѣйшую признательность его превосходительству Спбберну. То, что ты прислалъ мнѣ отъ его имени, явилось для меня большою неожиданностью. Какъ я радъ, что никто не подозрѣваетъ о той исторіи въ Римѣ! Это все относится къ «періоду бури и натиска», carissimo! Теперь мы оба оставили позади ту стадію развитія. Но черезъ нее надо было пройти, и я нисколько не жалѣю о томъ, что было, а также не желаю, чтобы этого не было.

...Въ Стокгольмѣ я опять побываю; это рѣшено. Если все пойдетъ, какъ намѣчено, то я разсчитываю лѣтомъ предпринять поѣздку въ Норвегію, и тогда можно будетъ заодно проѣхать въ Стокгольмъ. И поболтаемъ съ тобой о нашихъ поѣздкахъ отъ Гадерслева до Киля, carissimo! Да, мы таки-достаточно пострансствовали по бѣлу свѣту послѣ нашей стоянки въ Стокгольмѣ! Я побывалъ, какъ ты, можетъ-быть, знаешь, въ Египтѣ; путешествовалъ въ теченіе 24 дней съ большой экспедиціей по Нилу до самой Нубіи; кромѣ того, я былъ въ числѣ добравшихся до самаго Краснаго моря; большинство же повернуло обратно отъ Измаиліи. А стараго Рима мнѣ не пришлось увидѣть вновь. Впрочемъ, я еще не простился съ надеждой попасть туда; быть-можетъ, мы и встрѣтимся тамъ съ тобой. Я вѣдь думаю, что ты все держишь про запасъ надежду занять тамъ когда-нибудь нѣкоторое офиціальное положеніе.

...Дамы мои шлютъ вамъ живѣйшее спасибо за время, проведенное вмѣстѣ въ Дрезденѣ. Твои поклоны, включая и объясненіе въ любви, приняты съ большимъ удовольствіемъ. Передай тысячи отвѣтныхъ поклоновъ твоей супругѣ и маленькой дочкѣ; ее мнѣ такъ-таки и не удалось увидать въ Стокгольмѣ.

А затѣмъ въ ожиданіи, что мы рано или поздно встрѣтимся или побесѣдуемъ письменно, отъ всего сердца желаю тебѣ всего лучшаго и прошу не забывать преданнаго тебѣ друга

Генрика Ибсена.

Дрезденъ, 18 мая 1871 г.

Дорогой Брандесъ!

Надѣюсь, что старый нашъ консулъ передалъ вамъ недавно мой поклонъ. Во всякомъ случаѣ я послалъ вамъ таковой, а самъ изъ Ко-

Энгельгардъ получилъ радостную вѣсть о томъ, что вы поправились и давно уже внѣ всякой опасности. Въ опасность-то я собственно и не вѣрилъ; герои не умираютъ въ первомъ дѣйствіи, а вамъ великій міровой драматургъ отвелъ одну изъ главныхъ ролей въ томъ «Hauptund Staatsaction», которое онъ, вѣрно, скоро заставитъ разыграться передъ почтенной публикой.

Сердечное спасибо за портретъ! Вы этимъ помогли мнѣ сдѣлать крупный шагъ впередъ въ пониманіи, или, собственно, въ усвоеніи вашей внутренней личности. Безъ сомнѣнія, она достаточно выясняется въ вашихъ трудахъ; но мнѣ всегда желательно имѣть возможность связать представленіе о данной личности съ осязательной формой. Поэтому я не успокоюсь, пока мы съ вами не встрѣтимся; вѣрно, тогда обнаружится, что мы сходимся кое-въ-чемъ поважнѣе пристрастія къ бархатнымъ пиджакамъ.

За этотъ довольно долгій промежутокъ времени я все никакъ не могъ заставить себя написать вамъ. Изъ вашего послѣдняго письма видно было, что вы немножко сердитесь на меня, а такъ какъ предстоялъ выходъ въ свѣтъ моихъ стихотвореній, то я и не хотѣлъ сдѣлать ни одного шага, который бы походилъ на попытку умиротворить васъ до прочтенія вами книжки. Я хорошо знаю, что васъ нельзя подкупить, но извѣстный тактъ заставлялъ меня воздерживаться отъ всего, что могло бы навести на подобное предположеніе. Вы это поймете, милый другъ!

Надѣюсь, что Гегель давно послалъ вамъ книгу. Въ ней есть и новое, и старое, и многое, чему я уже не придаю особеннаго значенія; но все это, вмѣстѣ взятое, входитъ въ исторію моего развитія. Сообщите мнѣ теперь свое сужденіе; для меня крайне важно узнать его.

А что вы теперь подѣлываете тамъ—въ прекрасной теплой Италіи? Ваша болѣзнь все-таки принесла вамъ одну выгоду, а именно ту, что вы проживете тамъ лѣто. Я каждый день вспоминаю о васъ, вижу васъ мысленно то во Фраскатти, то въ Альбано, то въ Арричіа. Гдѣ вы на самомъ дѣлѣ? И что тамъ подготовляете новенькаго для нашего духовнаго будущаго? Я убѣжденъ, что за время вашей долгой болѣзни у васъ успѣло созрѣть что-нибудь такое. Хорошая сторона болѣзни въ томъ, что она способствуетъ очищенію и росту въ насъ многаго, что иначе не могло бы развиться. Я всего одинъ разъ былъ боленъ по-настоящему; но именно вслѣдствіе этого я, можетъ-быть, никогда и не былъ вполнѣ свѣжъ. Chi lo sa!

Но не подло ли со стороны парижской коммуны такъ испортить мнѣ мою превосходную государственную теорію, или, вѣрнѣе, *не*государственную теорію! Теперь идея испорчена на долгое время, и я даже не могу приличнымъ образомъ проводить ее въ стихахъ. Но она имѣетъ въ себѣ здоровое ядро, это я вижу ясно, и когда-нибудь она будетъ осуществлена безъ всякой примѣси карикатуры.

Я часто думалъ о томъ, что̀ вы однажды написали мнѣ, — будто я не усвоплъ себѣ современной фазы науки. Да и какъ же мнѣ было справиться съ этимъ? Но развѣ каждое поколѣніе не питается извѣстными основными данными своего времени? Или вы никогда не замѣчали въ портретныхъ галлереяхъ какого-нибудь изъ прошлыхъ вѣковъ поразительнаго сходства между совершенно различными лицами, принадлежащими къ одной эпохѣ? Такое же сходство наблюдается и въ духовной области. Чего намъ, профанамъ, не хватаетъ, какъ знанія, имѣется у насъ, я думаю, до извѣстной степени въ видѣ инстинкта и догадки. И задача поэта вѣдь въ сущности въ томъ, чтобы видѣть, а не въ томъ, чтобы разсуждать; въ послѣднемъ, во всякомъ случаѣ, для себя лично вижу опасность.

Дорогой Брандесъ, для меня всегда большое облегченіе высказаться передъ вами и большая, большая радость выслушать васъ, хоть на бумагѣ. Порадуйте же поскорѣе

преданнаго вамъ

Генрика Ибсена.

Дрезденъ, 12 іюля 1871 г.

Дорогой г. Гегель!

Взявъ въ руки ваше послѣднее дружеское письмо ко мнѣ, я увидѣлъ къ моему ужасу, что прошло уже болѣе двухъ мѣсяцевъ со дня его полученія, а я все еще не отвѣтилъ на него. Надѣюсь однако, что до васъ за это время дошли нѣкоторые намеки на то, что я живъ, а именно исправленный экземпляръ «Бранда» и затѣмъ поклоны черезъ г. Кауфмана; съ нимъ я отослалъ одолженныя мнѣ г. библіотекаремъ Гундорфомъ книги, за которыя при случаѣ прошу передать мою сердечную благодарность.

Не менѣе благодаренъ я вамъ, дорогой г. Гегель, за присланныя мнѣ въ разное время газеты и рецензіи о сборникѣ стихотвореній. Въ общемъ я могу быть лишь доволенъ отзывами и желаю только, чтобы книга быстрѣе разошлась.

А теперь вотъ вамъ причина моего долгаго молчанія. Я по горло ушелъ въ «Кесаря Юліана». Эта книга будетъ моимъ главнымъ трудомъ, она занимаетъ всѣ мои мысли, все мое время. Уже столько времени критики требуютъ отъ меня опредѣленнаго міровоззрѣнія—вотъ теперь и получатъ! А пока просьба къ вамъ. Весною 1866 г. пасторъ Листовъ помѣстилъ въ трехъ нумерахъ «Faedrelandet» описаніе жизни Юліана. Если возможно помочь мнѣ достать эти три нумера для прочтенія, окажете большую услугу. Затѣмъ еще вопросъ. Не имѣется ли на датскомъ языкѣ на эту тему другой какой-нибудь исторической монографіи, гдѣ была бы разработана подробнѣе фактическая сторона?

Если да, то прошу васъ купить на мой счетъ и прислать мнѣ книгу. Нѣмецкіе труды Неандера у меня есть; Д. Штраусъ также, но его книга содержитъ одно дикое резонерство, а это я и самъ сумѣю развести. Мнѣ нужны факты. Не взыщите, что утруждаю васъ этимъ порученіемъ.

Весьма буду благодаренъ, если купите мнѣ на 2.000 риксд. королевскихъ облигацій, какъ вы любезно предлагали въ послѣднемъ письмѣ.

Если Іонасъ Ли по пути за границу проѣдетъ черезъ Копенгагенъ, то передайте ему, чтобы онъ непремѣнно направилъ свой путь въ Италію черезъ Дрезденъ, такъ какъ мнѣ хочется выругать его и кстати дать ему хорошіе совѣты и разныя наставленія, что̀ все можно сдѣлать только устно.

Здѣсь у насъ до сихъ поръ стояла отвратительная лѣтняя погода; надѣюсь, что въ Даніи стояла получше.

Тысячи поклоновъ вамъ и вашему сыну отъ сердечно преданнаго вамъ

Генрика Ибсена.

Гансу-Якову Іенсену.

Дрезденъ, 17 сентября 1871 г.

Съ величайшимъ изумленіемъ прочелъ ваше дерзкое и наглое письмо, изъ котораго узналъ, что вы собираетесь перепздать мои драматическія произведенія «Фру Ингеръ изъ Эстрота» и «Воителн въ Гельгеландѣ». Само собою разумѣется, я самымъ рѣшительнымъ образомъ протестую противъ этого вашего покушенія на мой карманъ. За вами нѣтъ ни малѣйшаго подобія права собственности на упомянутыя произведенія, которыя въ свое время были мною уступлены въ пользованіе «Illustreret Nyhedsblad». Далѣе, я довожу до вашего свѣдѣнія, что оба произведенія выпускаются фирмою Гюльдендаль въ совершенно переработанномъ видѣ, о чемъ немедленно будетъ объявлено въ газетахъ, такъ что задуманное вами надувательство не принесетъ вамъ ничего, кромѣ срама и убытка. Вдобавокъ, я сегодня передалъ это дѣло въ руки юриста, и если вы осмѣлитесь привести ваше намѣреніе въ исполненіе, я и путемъ печати и судомъ покажу вамъ, къ какимъ послѣдствіямъ приводятъ подобныя мошенничества. Приспанный при письмѣ пакетъ возвращается при семъ нераспечатаннымъ.

Генрикъ Ибсенъ.

Дрезденъ, 24 сентября 1871 г.

Дорогой Брандесъ!

Я всегда читаю ваши письма съ какимъ-то страннымъ смѣшаннымъ чувствомъ. Вы пишете скорѣе поэмы, чѣмъ письма; я словно

слышу крикъ о помощи со стороны кого-то, оставшагося единственнымъ живымъ существомъ на обширномъ обезлюдѣвшемъ пространствѣ. И тогда мнѣ остается только радоваться и благодарить васъ за то, что вы обращаете этотъ крикъ именно ко мнѣ. Но, съ другой стороны, я исполняюсь тревоги, задавая себѣ вопросъ: къ чему ведетъ такое настроеніе? И остается только утѣшать себя надеждой, что это дѣло преходящее. Мнѣ сдается, что съ вами теперь происходитъ такой же кризисъ, какой былъ со мной въ тѣ дни, когда я подготовлялъ «Бранда», и я увѣренъ, что и вамъ удастся найти лѣкарство, которое изгонитъ изъ вашего организма болѣзнетворное начало.

Энергичная продуктивность — отличный курсъ лѣченія. И я прежде всего желаю вамъ побольше чистокровнаго эгоизма, который заставилъ бы васъ на время придавать своему собственному дѣлу исключительное значеніе и забыть обо всемъ остальномъ. Прошу васъ не усмотрѣть въ этомъ признаковъ особой черствости моей натуры. Вы вѣдь не можете служить своимъ современникамъ болѣе полезнымъ образомъ, нежели использовавъ тотъ драгоцѣнный металлъ, который есть въ васъ самихъ. Солидарности я вообще никогда особенно не сочувствовалъ. Она была для меня только своего рода традиціоннымъ credo; и если бы у насъ хватило мужества вполнѣ ее игнорировать, то, пожалуй, мы избавились бы отъ балласта, который больше всего отягчаетъ личность... Вообще по временамъ вся всемірная исторія представляется мнѣ грандіознымъ кораблекрушеніемъ, — спасайся, кто можетъ.

Я ничего не жду отъ соціальныхъ реформъ. Весь родъ человѣческій «на ложномъ слѣду» — вотъ въ чемъ все дѣло. Ну, развѣ современное положеніе зиждется на какихъ-нибудь дѣйствительныхъ устояхъ? А эти вѣчные разговоры о недостижимости идеаловъ и т. п.! Ряды поколѣній представляются мнѣ молодымъ человѣкомъ, который бросилъ свое ремесло и поступилъ въ актеры. Мы потерпѣли фіаско и въ амплуа любовниковъ и въ амплуа героевъ; единственное амплуа, для котораго мы мало-мальски годимся, — амплуа простаковъ-комиковъ; но все болѣе развивающееся самосознаніе мѣшаетъ намъ продолжать пробавляться этимъ. Не думаю, чтобы и въ другихъ странахъ дѣло обстояло лучше, нежели у насъ; масса остается совершенно чуждой всему высшему, какъ у насъ на родинѣ, такъ и всюду.

И еще хотятъ, чтобы я попытался выкинуть знамя! Увы, дорогой другъ, вышло бы нѣчто такое à la Napoleon, когда онъ высадился въ Булони съ орломъ надъ головой. Позже, когда пробилъ часъ его миссіи, ему не понадобилось никакого орла... Занимаясь своимъ «Юліаномъ», я до извѣстной степени сталъ фаталистомъ, но пьеса эта все-таки становится своего рода знаменемъ. Не бойтесь, впрочемъ, какой-либо тенденціи; я смотрю на характеры, на конфликты, идеи, на исторію, но меня нисколько не занимаетъ мысль — какую изъ всего этого можно вывести «мораль»; говорю это, исходя изъ того предположенія, что вы

подъ моралью исторіи не подразумѣваете ея философіи, такъ какъ само собою разумѣется, что таковая будетъ давать себя знать въ качествѣ окончательнаго суда надъ борющимся и побѣждающимъ элементомъ. Наглядное объясненіе однако возможно только практически — на дѣлѣ.

Ваше предыдущее письмо на эту тему не встревожило меня, во-первыхъ, потому, что я уже былъ подготовленъ къ подобнымъ опасеніямъ съ вашей стороны, а затѣмъ потому, что я воспользовался матеріаломъ иначе, нежели вы предполагаете.

Книгу вашу я получилъ и могу сказать вамъ одно: читаю и перечитываю ее вновь и вновь.

Да, дорогой, славный Брандесъ, для меня совершенно непостижимо, какъ вы можете приходить въ уныніе; вѣдь ваше призваніе — быть борцомъ за идею, и вы отмѣчены печатью дара Духа такъ ясно и несомнѣнно, какъ немногіе; къ чему же это уныніе? Въ правѣ ли вы предаваться ему? Впрочемъ, не подумайте только, что я не понимаю васъ.

...И наконецъ, сердечное спасибо за посѣщеніе въ Дрезденѣ; эти часы, что мы провели тогда съ вами, были для меня настоящимъ праздникомъ. Желаю счастья, бодрости, здоровья и всего хорошаго!

Преданный вамъ Генрикъ Ибсенъ.

Дрезденъ, 10 октября 1871 г.

Дорогой Биркеландъ!

Сердечное спасибо за твое письмо, изъ котораго вижу, что ты сохранилъ ко мнѣ старую дружбу. Я очень доволенъ, что моя замѣтка задержана. Мнѣ была въ высшей степени противна самая мысль о препирательствѣ съ такимъ господиномъ, какъ типографщикъ Іенсенъ; постороннему лицу это гораздо удобнѣе. Теперь моя просьба къ тебѣ: или по уговору съ Торесеномъ передѣлай мою замѣтку такъ, чтобы она возымѣла свое дѣйствіе, не вредя мнѣ, или — что мнѣ всего желательнѣе — воспользуйтесь изъ моей замѣтки чѣмъ можно для самостоятельной статьи о дѣлѣ.

Долженъ все-таки сдѣлать нѣкоторое замѣчаніе по поводу твоего письма. Ты пишешь такъ, какъ будто можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе относительно того, на чьей сторонѣ право. Неужели въ самомъ дѣлѣ въ норвежскомъ литературномъ мірѣ царитъ такой вандализмъ? Развѣ то, что помѣщается въ газетѣ, становится собственностью ея издателя? Если такъ, то какъ же не было опротестовано то, что я вновь издалъ «Комедію любви»? Какъ я могъ издать сборникъ моихъ стихотвореній, если «Письмо-воздушный шаръ» и многія другія изъ моихъ стихотвореній принадлежатъ доктору де-Бешу и «Illustreret Nyhedsblad»? Какъ могъ Бьёрнсонъ въ своихъ «Мелкихъ разсказахъ»

помѣстить «Среди битвъ» и «Веселый малый», когда одна вещь, по норвежскимъ понятіямъ, принадлежитъ «Christiania-Posten», а другая — «Aftenbladet»? Во всемъ цивилизованномъ мірѣ насчетъ этого вопроса господствуетъ только одно мнѣніе, и мнѣ обидна мысль, что отечество мое составляетъ въ данномъ случаѣ единственное исключеніе. Если я запамятовалъ и мое письмо къ Боттенъ-Гансену насчетъ «Фру Ингеръ» еще существуетъ, то оно лишній разъ доказываетъ, что «Nyhedsblad» пріобрѣла только извѣстное ограниченное право собственности; въ противномъ случаѣ безсмысленно было устанавливать величину изданія.

Вышло бы нѣчто безпримѣрное и въ томъ случаѣ, если бы контрафактору Іенсену удалось эксплоатировать мое частное письмо. Въ немъ только два рѣзкихъ выраженія: я называю его предпріятіе надувательствомъ и заявляю, что «если онъ приведетъ свое намѣреніе въ исполненіе, я и путемъ печати и судомъ покажу ему, къ какимъ послѣдствіямъ приводятъ подобныя мошенничества». Если Іенсену принадлежитъ издательское право, то онъ надуваетъ своихъ кредиторовъ, а если нѣтъ, то меня; въ обоихъ случаяхъ его предпріятіе, съ точки зрѣнія европейскихъ понятій, — надувательство. И неужели въ самомъ дѣлѣ у насъ на родинѣ опасно высказать это? Впрочемъ, я понимаю, почему это опасно: это находится въ связи съ тѣмъ, на что ты намекаешь, говоря о «мѣстныхъ условіяхъ» и «настроеніяхъ». Будь Іенсенъ членомъ государственнаго совѣта, чиновникомъ, или вообще человѣкомъ образованнымъ, то, конечно, нечего было бы опасаться; но грязнаго негодяя, который именно въ силу своей нечистоплотности считается принадлежащимъ къ «народу», нельзя, разумѣется, задѣвать. Никогда въ жизни я не соглашусь съ этимъ! Но я допускаю, что это частное дѣло не представляетъ особенно удобнаго случая заклеймить невѣжество и его почитателей. Иначе эта особа не осмѣлилась бы и подумать затѣвать процессъ о диффамаціи, когда можно пригрозить ему исторіей съ его банкротствомъ. Поблагодари отъ меня А. До за его добрую помощь и попроси его поддерживать меня и впредь. Дѣло это имѣетъ для меня большое значеніе, такъ какъ если грабительскій планъ Іенсена встрѣтитъ симпатіи и поддержку у насъ на родинѣ, то я намѣренъ, несмотря ни на что, совершенно порвать съ Норвегіей, и никогда больше ноги моей тамъ не будетъ.

Жилъ я тутъ такъ мирно, спокойно, работая надъ своимъ новымъ произведеніемъ; изъ Швеціи, изъ Даніи и отовсюду изъ Германіи получалъ одни хорошія и пріятныя для меня извѣстія, а на родинѣ словно сговорились угощать меня однимъ только дурнымъ. Что имъ надо отъ меня? Неужели я недостаточно далеко уѣхалъ отъ нихъ?

Но вотъ что приходитъ мнѣ на умъ. Нельзя ли воспользоваться отрывками изъ моей замѣтки, какъ выдержками изъ моего частнаго письма? Поступи, какъ тебѣ съ Тореспомъ покажется лучше, но

предупреди роковую возможность появленія въ свѣтъ контрафакціи моихъ книгъ.

Еще разъ спасибо за твое письмо и передай дружескій привѣтъ твоей уважаемой супругѣ. Если я счастливо отдѣлаюсь отъ этого грязнаго дѣла, то намѣренъ лѣтомъ пріѣхать домой, чтобы принять участіе въ празднованіи тысячелѣтія Норвегіи. Одно только могло бы удержать меня отъ этого — мысль о нашихъ политическихъ филистерахъ, народникахъ.

Сердечный привѣтъ и всего хорошаго!

Преданный тебѣ

Генрикъ Ибсенъ.

P. S. Сегодня же пишу Торесену.

Дрезденъ, 27 декабря 1871 г.

Дорогой г. Гегель!

...Новый трудъ мой безостановочно подвигается впередъ. Первая часть: «Юліанъ и друзья мудрости», въ трехъ дѣйствіяхъ, уже готова и переписана. Вышло ровно 100 страницъ, но я ничего не посылаю вамъ, такъ какъ полагаю, что вы желаете имѣть всю рукопись, прежде чѣмъ отдать ее въ печать. Надъ второю частью работаю усердно, идетъ она живѣе и выйдетъ значительно короче; третья часть будетъ, напротивъ, нѣсколько длиннѣе; все же произведеніе составитъ приблизительно отъ 280 до 300 страницъ. Все написано прозою и по формѣ ближе всего подходитъ къ «Борьбѣ за престолъ».

...Я въ послѣднее время былъ втянутъ въ полемику съ нѣмцами. Журналъ «Im neuen Reiche», выходящій въ Лейпцигѣ подъ редакціей Альфреда Дове и Густава Фрейтага, напалъ на меня за нѣкоторыя выраженія въ моихъ стихахъ. Война перешла оттуда на столбцы «Constitutionelle Zeitung» и другихъ менѣе значительныхъ газетъ. Я, разумѣется, вынужденъ былъ выступить съ опроверженіемъ и защищалъ себя настолько усердно, что, надѣюсь, мое положеніе здѣсь не измѣнится къ худшему, по крайней мѣрѣ, на время.

...Фру Коллетъ находится здѣсь. Думаетъ отправиться въ Римъ; я однако сомнѣваюсь, чтобы она далеко уѣхала, такъ какъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о томъ, какъ надо путешествовать. Если увидите г. Брандеса, кланяйтесь ему, пожалуйста; я скоро ему напишу.

Сердечно преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Дрезденъ, 24 февраля 1872 г.

Въ норвежское министерство духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія.

...Послѣ того, какъ упомянутая стипендія была мнѣ частью разрѣшена, я отправился въ Швецію, гдѣ — преимущественно въ Стокгольмѣ — изучалъ музеи и художественныя учрежденія, при чемъ, благодаря чрезвычайной любезности администраціи, получилъ возможность основательно познакомиться съ шведской системой преподаванія, съ достигнутою ею ступенью развитія и основными ея положеніями, а также уяснить себѣ всю внутреннюю и внѣшнюю связь ея съ характеромъ и исторіей самого народа.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ я получилъ официальное приглашеніе присутствовать на открытіи Суэцкаго канала и, хотя не успѣлъ еще закончить начатаго мною въ Швеціи изученія, счелъ непростительнымъ и несовмѣстимымъ съ основнымъ планомъ моего продолжительнаго пребыванія за границей упустить такой единственный въ своемъ родѣ случай увидѣть и изучить нѣчто совсѣмъ для меня новое. Поэтому я немедленно отправился черезъ Дрезденъ и Парижъ въ Египетъ, куда прибылъ около середины октября и принялъ участіе въ организованной вице-королемъ и состоявшей приблизительно изъ 60 европейцевъ экспедиціи вверхъ по Нилу и въ нѣкоторыя области Нубіи.

Экспедиція была организована вице-королемъ съ цѣлью черезъ насъ, приглашенныхъ, обратить вниманіе различныхъ европейскихъ націй отчасти на древніе памятники страны, отчасти на крупныя мѣропріятія нынѣшняго правительства, направленныя къ поднятію благосостоянія края и населенія. Руководилъ экспедиціей одинъ изъ наиболѣе выдающихся современныхъ египтологовъ, согласно плану, выработанному директоромъ національныхъ сокровищъ искусства, беемъ Маріэттомъ. Такимъ образомъ мнѣ представился богатѣйшій и удобнѣйшій случай обрѣсти основу для ознакомленія съ греческой и римской архитектурой и скульптурой, изученіемъ которыхъ я особенно увлекался въ теченіе своего четырехлѣтняго пребыванія въ Италіи.

Въ серединѣ ноября экспедиція вернулась въ Каиръ, откуда мы отбыли въ Портъ-Саидъ, присутствовали при открытіи канала, прослѣдовали по нему до Краснаго моря, снова вернулись въ Каиръ и наконецъ отбыли черезъ Александрію въ Европу. Остановившись на нѣкоторое время въ Парижѣ, я воспользовался случаемъ, чтобы познакомиться съ тамошними художественными учрежденіями, и вернулся зимою обратно въ Дрезденъ.

Путешествіе это я совершилъ, какъ указано, въ качествѣ приглашеннаго гостя; но, разумѣется, оно тѣмъ не менѣе вовлекло меня въ весьма значительные расходы. Каждый, кто знакомъ съ условіями жизни на Востокѣ, знаетъ, что денежные и другіе подарки и тому по-

добные поборы, подъ различными формами и при всевозможныхъ случаяхъ, примѣняются тамъ въ размѣрахъ, о которыхъ въ Европѣ не имѣютъ понятія. Общество, въ которомъ я находился, круги, съ которыми приходилось мнѣ имѣть дѣло, и, главное, возложенная на меня и моего спутника-земляка роль представителей нашего отечества — вынуждали меня держаться въ рамкахъ, болѣе подходящихъ для богатаго человѣка, нежели для меня.

...Несмотря на то, что путешествіе по Египту имѣло для моего умственнаго развитія и, главное, для выработки свободнаго широкаго взгляда на ходъ міровой культуры неоцѣнимое значеніе, духовное пріобрѣтеніе это не можетъ быть вполнѣ использовано, пока мнѣ не будетъ дано возможности, путемъ вторичнаго основательнаго изученія берлинскаго музея египетскихъ древностей, пополнить нѣкоторые пробѣлы, чтобы достигнуть полнаго пониманія египетской архитектуры и скульптуры, въ связи ихъ съ соотвѣтствующими античными формами искусства въ Европѣ.

Въ будущемъ году семейныя обстоятельства заставляютъ меня вернуться на родину. Я было-намѣревался вернуться уже въ настоящемъ году, но работа надъ новымъ обширнымъ произведеніемъ не позволяетъ мнѣ осуществить это намѣреніе.

Душевное волненіе, неизбѣжно связанное съ перемѣной мѣстопребыванія и возвращеніемъ къ условіямъ жизни, которымъ, въ силу слишкомъ восьмилѣтняго отсутствія, во многихъ отношеніяхъ сталъ чужимъ, не преминуло бы оказать нежелательное вліяніе на незаконченный трудъ мой, который по своему внутреннему строенію особенно нуждается въ цѣльности и однородности работы.

Дрезденъ, 2 марта 1872 г.

Дорогой г. Гегель!

...Процессъ мой съ типографщикомъ-контрафакторомъ Іенсеномъ въ полномъ ходу. Дѣло ведетъ отъ моего имени адвокатъ Стангъ, сынъ члена государственнаго совѣта, который изъ любви къ искусству взялся отдѣлать Іенсена. Іенсенъ, какъ вамъ, можетъ-быть, извѣстно, издаетъ «DagbladeI», а въ этой газетѣ давно уже ведется травля министерства Станга. Сначала были привлечены къ дѣлу и книгопродавцы Дюбвадъ и Кюммермейеръ, у которыхъ находилась на складѣ контрафакція, но выяснилось, что они не успѣли продать ничего, и такъ какъ они вмѣстѣ съ тѣмъ обязались прекратить всякія сношенія съ Іенсеномъ по этому дѣлу, то обвиненіе противъ нихъ было взято обратно.

Остальное все по-старому. Я работаю изо дня въ день надъ «Кесаремъ Юліаномъ». «Брандъ», какъ я слышалъ, вышелъ въ нѣмецкомъ переводѣ; я еще не читалъ его.

Сердечные привѣты вамъ и вашему сыну отъ

неизмѣнно преданнаго вамъ

Генрика Ибсена.

Дрезденъ, 21 марта 1872 г.

Милостивый государь

Фредерикъ Гьертсенъ!

Нѣсколько времени тому назадъ я былъ неожиданно обрадованъ вдвойнѣ, получивъ отъ васъ лично вашъ переводъ Горація: «Ars poetica». Во-первыхъ, обрадовало меня такое вѣское доказательство того, что нашъ языкъ—если только пользоваться имъ какъ должно—вполнѣ подходитъ для передачи содержанія и формы античныхъ мыслей, а во-вторыхъ, для меня было большою радостью убѣдиться въ томъ, что вы сохранили обо мнѣ дружескую память въ теченіе столь долгаго времени.

Хорошій переводъ — дѣло трудное. Мало передать смыслъ; приходится до извѣстной степени пересоздать самыя выраженія и картины, приноровить внѣшнюю форму къ строенію и требованіямъ языка, на который переводишь. Такимъ образомъ я, напримѣръ, весьма сомнѣваюсь, правъ ли былъ Мольбекъ, примѣняя въ своемъ переводѣ «Божественной комедіи» однѣ женскія рѳомы. Если бы въ итальянскомъ языкѣ имѣлись мужскія рѳомы, Данте, разумѣется, чередовалъ бы женскія и мужскія; вслѣдствіе этого я и не считаю правильнымъ со стороны переводчика, что онъ навязалъ датскому языку недостатокъ, которымъ тотъ не страдаетъ. Правда, можно сказать, что мягкія созвучныя окончанія придаютъ датскому переводу какъ будто итальянскій оттѣнокъ; но это имѣетъ значеніе лишь для отдѣльныхъ читателей, знающихъ оригиналъ или вообще итальянскій языкъ. По-моему, художественныя произведенія должны вообще даваться въ переводѣ такъ, какъ написалъ бы ихъ самъ авторъ, если бы принадлежалъ къ тому народу, на языкъ котораго его переводятъ.

Мнѣ и кажется, что вамъ въ этомъ отношеніи особенно посчастливилось, чему немало способствовало то безошибочное чутье, которое подсказало вамъ наиболѣе правильный размѣръ. Гекзаметръ для нашихъ сѣверныхъ языковъ непригоденъ. Это достаточно доказали своими, хотя и почтенными вообще, трудами Мейеллингъ и Вильстеръ. Благодаря этому чужому размѣру, смыслъ становится неяснымъ, трудно уловимымъ. Самый языкъ нашъ звучитъ въ гекзаметрахъ

какъ-то странно; звуки образовываютъ какую-то чужую мелодію, которая и мѣшаетъ читателю понимать и вникать въ читаемое. То же самое, по-моему, можно сказать объ оригинальныхъ нѣмецкихъ произведеніяхъ въ гекзаметрахъ. Въ «Германѣ и Доротеѣ» образы и положенія стилизованы, какъ вообще нигдѣ у Гёте, и въ степени, не соотвѣтствующей современнымъ требованіямъ реализма.

Я часто удивлялся, отчего вы не возьметесь за переводъ Байрона. Послѣ тѣхъ отрывковъ, которые вы въ свое время помѣстили въ «Nyhedsbladet», мнѣ сдавалось, что вамъ такая задача какъ разъ по плечу. Конечно, англійскій языкъ у насъ довольно распространенъ, но дѣло въ томъ, что распространенъ онъ преимущественно среди тѣхъ круговъ нашего общества, гдѣ нельзя предполагать сколько-нибудь значительнаго интереса къ чтенію поэтическихъ произведеній. Я вообще мало знаю Байрона, но мнѣ кажется, что его произведенія, переведенныя на нашъ языкъ, сильно помогли бы изгнанію цѣлой массы моральныхъ предразсудковъ изъ нашихъ эстетическихъ воззрѣній, а это былъ бы большой выигрышъ. Наша публика страдаетъ узостью понятій; люди смѣшиваютъ самыя различныя сферы; то, что не можетъ быть оправдано съ точки зрѣнія общепринятой морали, то у насъ не оправдывается и съ эстетической точки зрѣнія. Но иностранный авторитетъ импонируетъ. Байронъ, какъ это признано, помогъ нѣмецкой поэзіи подняться до нынѣшняго ея уровня, и, я думаю, онъ помогъ бы и намъ выбраться изъ тѣхъ тисковъ, въ которыхъ мы обрѣтаемся.

Больше всего однако я удивляюсь тому, что вы не отдались серьезно прямому, непосредственному творчеству. Я не понимаю, какъ можетъ дарованіе не сопровождаться соотвѣтствующимъ влеченіемъ, и полагаю поэтому, что домашній обыскъ открылъ бы у васъ въ какихъ-нибудь тайникахъ документы, съ избыткомъ подкрѣпляющіе мой взглядъ. Вѣроятно, опубликованіе ихъ и не заставитъ себя долго ждать. Въ такомъ случаѣ я могу придти вамъ на помощь; у меня какъ разъ сохранился сонетъ, который вы въ 1851 году написали мнѣ, возвращая бинокль, взятый у меня какъ-то вечеромъ въ союзѣ студентовъ. Посредникомъ при нашемъ мимолетномъ знакомствѣ былъ покойный Георгъ Кронъ. Не знаю, помните ли вы это? Позже, происходившая тогда во мнѣ, въ силу исканія новыхъ путей, смутная внутренняя борьба стала давать себя знать въ моемъ обращеніи съ людьми такими чертами, которыя не могли не воздвигнуть между нами стѣну. Многихъ изъ лучшихъ приверженцевъ я обрѣлъ только позже, во время разлуки. Васъ я считаю въ ихъ числѣ и твердо уповаю, что впредь и при личной встрѣчѣ не утрачу того, что завоевало мнѣ мое пребываніе на чужбинѣ.

На родинѣ есть небольшой кружокъ лицъ, съ которымъ вы неразлучно связаны въ моемъ воспоминаніи. Однихъ я знавалъ болѣе близко,

другихъ менѣе, но прошу васъ всѣмъ передать мой привѣтъ. У меня не много друзей, и я не отказался бы имѣть ихъ побольше. Я лично ничѣмъ при этомъ не рискую; врядъ ли особенно рискую и быть вынужденнымъ, ради себя самого и собственнаго успокоенія, отказаться отъ своего основного тезиса во всѣхъ областяхъ жизни, а именно, что меньшинство всегда право.

Сердечныя пожеланія всего хорошаго и спасибо за то, что вспомнили обо мнѣ!

Дружески преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Дрезденъ, 2 апрѣля 1872 г.

Высокоуважаемый г. Госсе!

Нѣсколько дней тому назадъ вы доставили мнѣ большое удовольствіе своимъ столь лестнымъ письмомъ съ приложеніемъ вашей благосклонной рецензіи въ «The Spectator».

Мое знаніе англійскаго языка, къ сожалѣнію, не настолько основательно, чтобы я отважился писать на немъ, и я приношу вамъ за ваше доброе отношеніе къ моей литературной дѣятельности свою сердечную признательность на родномъ языкѣ, въ надеждѣ, что вы не поставите мнѣ этого въ вину.

Я никогда не могъ бы пожелать лучшей и болѣе лестной рекомендаціи моихъ трудовъ иностранной публикѣ, нежели ваша превосходная рецензія. Нѣтъ также народа, въ читающіе круги котораго мнѣ казалось бы почетнѣе войти, какъ именно англійскій. И если это совершится съ вашей доброй и умѣлой помощью, то я навсегда останусь безгранично обязаннымъ вамъ за это.

Изъ вашего почтеннаго письма я однако недостаточно ясно понялъ, входитъ ли въ ваши намѣренія самому перевести мои произведенія, или вы имѣете въ виду только привлечь на нихъ своими статьями вниманіе Англіи. Въ первомъ случаѣ я, разумѣется, счелъ бы за честь и удовольствіе предоставить въ ваше распоряженіе мои книги, въ увѣренности, что не могу отдать ихъ въ лучшія и болѣе вѣрныя руки. Очень пріятно было бы мнѣ узнать по этому поводу ваше мнѣніе.

Я весьма сожалѣю, что обстоятельства не позволяютъ мнѣ лѣтомъ посѣтить Скандинавію, и что я такимъ образомъ лишусь столь пріятнаго и желаннаго случая лично высказать вамъ свою горячую признательность за тотъ полный значенія шагъ, который вы уже сдѣлали для осуществленія одного изъ самыхъ завѣтныхъ моихъ литературныхъ мечтаній. Англійскій народъ стоитъ такъ близко къ намъ, скандинавамъ, и меня всегда огорчала мысль, что между моимъ творче-

ствомъ и всѣмъ этимъ обширнымъ родственнымъ міромъ стоитъ преградою языкъ. Можете поэтому представить себѣ, какую вы мнѣ доставили радость, подавъ надежду, что преграда эта будетъ срыта.

Здѣсь въ Германіи готовится нѣсколько изданій моихъ произведеній. Въ Кассель вышелъ переводъ «Бранда», но онъ меня не удовлетворяетъ. Въ Берлинѣ объявлено о выходѣ въ свѣтъ новаго перевода того же произведенія. Въ Берлинѣ же вышли переводы «Борьбы за престолъ» и «Союза молодежи»; оба прекрасно исполнены докторомъ Адольфомъ Штродтманомъ, превосходнымъ переводчикомъ Байрона и Теннисона. Въ настоящее время докторъ Штродтманъ занятъ переводомъ моихъ стихотвореній.

Главное для меня однако получить доступъ въ англійскіе читающіе круги, и чѣмъ скорѣе это совершится, тѣмъ мнѣ будетъ пріятнѣе. Если бы вы захотѣли порадовать меня письмомъ по этому поводу, то вотъ мой адресъ—во всякомъ случаѣ до конца іюня: Dippoldiswaldaer-Strasse № 7. Dresden. Если вы въ предстоящемъ лѣтнемъ путешествіи захватите и этотъ городъ, буду чрезвычайно радъ лично побесѣдовать съ вами.

Во всякомъ случаѣ, прошу васъ еще разъ принять увѣренія въ томъ, что я искренно цѣню горячую доброжелательность, проявленную вами и ко мнѣ лично и вообще къ литературѣ моей страны. А затѣмъ позволяю себѣ на этотъ разъ проститься съ вами и остаюсь съ отличнымъ уваженіемъ и совершенной преданностью.

Генрикъ Ибсенъ.

Дрезденъ, 4 апрѣля 1872 г.

Дорогой Брандесъ!

Сейчасъ получилъ ваше письмо и немедленно отвѣчаю. Что за невѣроятныя вещи вы пишете! А я-то воображалъ, что вы захлебываетесь отъ счастья и торжества! Но вѣдь не можетъ быть, чтобы за вами не стояла цѣлая армія. Не забывайте только, что вы ведете въ огонь новобранцевъ; на первый разъ они отступятъ, во второй устоятъ, а тамъ ужъ и пойдутъ за вами на приступъ, къ побѣдѣ.

Либеральная пресса закрывается для васъ. Еще бы! Я разъ высказалъ вамъ свое презрѣніе къ политической свободѣ. Тогда вы мнѣ возражали. Изъ вашей сказки о «Красной шапочкѣ» я вижу, что теперь вы набрались кое-какого опыта. Дорогой другъ, либералы — злѣйшіе враги свободы. Лучше всего процвѣтаетъ свобода духа и мысли при абсолютизмѣ, это доказано примѣромъ Франціи, а позже Германіи и теперь Россіи.

Но перейду къ тому, что это время постоянно вертѣлось у меня въ мысляхъ и нарушало мой ночной покой. Я прочелъ ваши лекціи.

Болѣе опасной книги не могло попасть въ руки беременнаго поэта. Эта—одна изъ тѣхъ книгъ, которыя разверзаютъ бездонную пропасть между вчера и сегодня. Побывавъ въ Италіи, я пересталъ понимать, какъ я вообще могъ существовать до того времени, какъ попалъ туда. Черезъ двадцать лѣтъ нельзя будетъ представить себѣ, какъ возможно было у насъ на родинѣ жить духовно *до* появленія вашихъ лекцій. Я не имѣю яснаго представленія о томъ, что совершилъ въ свое время Стеффенсъ: но я полагаю, что онъ придалъ только новый обликъ формальной эстетикѣ. Ваша книга—не исторія литературы въ прежнемъ смыслѣ, а также не исторія культуры. Не стану утруждать себя, подыскивая ей настоящее опредѣленіе. Для меня она своего рода калифорнійскія золотыя розсыпи въ первый ихъ періодъ. Можно было стать милліонеромъ, а можно было и окончательно разориться, разрабатывая ихъ. Достаточно ли теперь крѣпка наша духовная конституція на родинѣ, не знаю; да это и не важно; все то, чему не по плечу идеи своего времени, должно пасть!

Вы говорите, что всѣ голоса на философскомъ факультетѣ были поданы противъ васъ. Дорогой Брандесъ, неужели вы желали бы иного? Развѣ вы какъ разъ не добираетесь до этой самой факультетской философіи? Война, которую вы начали, не можетъ вестись подъ предводительствомъ чиновника, состоящаго на королевской службѣ. Если бы передъ вами не захлопнули дверей, значило бы, что васъ не боятся.

Что же касается агитаціи противъ васъ, сплетенъ, клеветы и пр., то я дамъ вамъ совѣтъ, который, знаю по собственному опыту, цѣлесообразенъ. Станьте выше всего этого. Чувство собственнаго превосходства—единственное оружіе противъ такихъ нападокъ. Оставайтесь равнодушнымъ, никогда не отвѣчайте ни словомъ въ газетахъ; если же хотите полемизировать въ своихъ сочиненіяхъ, то никогда не направляйте полемики прямо противъ того или другого опредѣленнаго нападенія; не давайте никогда замѣтить, что васъ уязвило хотя бы одно словечко вашихъ враговъ; словомъ, поступайте такъ, какъ будто бы вы даже и не подозрѣвали, что у васъ есть противники. И какую же силу имѣютъ, по-вашему, покушенія вашихъ противниковъ? Въ прежнія времена, читая по утрамъ нападки на меня, я думалъ: «Ну вотъ, теперь кончено: мнѣ ужъ не подняться больше». И все-таки поднялся. Ни одинъ человѣкъ теперь и не вспомнитъ, что писалось тогда противъ меня, и я самъ давнымъ-давно забылъ про это. Итакъ, не унижайте себя, считаясь со всѣмъ этимъ и тому подобнымъ. Читайте новый рядъ лекцій спокойно, невозмутимо, съ дразнящимъ самообладаніемъ, съ веселымъ презрѣніемъ, махнувъ рукой на все, что валится направо и налѣво. Или, вы думаете, источенное червями можетъ устоять?

Не знаю, что выйдетъ изъ этой борьбы не на животъ, а на смерть между двумя эпохами; но все равно, что бы тамъ ни вышло, лишь бы

не осталось по-старому: вотъ мое правило. Я не жду отъ побѣды сколько-нибудь прочнаго улучшенія: весь прогрессъ сводился до сихъ поръ къ духовному шатанію, бросанью отъ одного заблужденія къ другому. Но самая борьба—благо; она освѣжаетъ, оздоровляетъ. Вашъ походъ представляется мнѣ единымъ, великимъ, цѣльнымъ, разрывающимъ цѣпи, освободительнымъ выраженіемъ геніальности. Старики вопятъ о кощунствѣ; но не мѣшало бы имъ догадаться, что кощунствуютъ-то они сами. Великій Творецъ, вѣрно, зачѣмъ-нибудь да сотворилъ васъ!

Слышалъ, что вы основали кружокъ. Не разсчитывайте безусловно на каждаго, кто къ вамъ примкнетъ; главное—на какихъ условіяхъ къ вамъ примыкаютъ. Не знаю, насколько укрѣпитъ это вашу позицію; я во всякомъ случаѣ того мнѣнія, что одинокій — сильнѣйшій. Но я вѣдь сижу тутъ въ укромномъ уголкѣ, а вы стоите въ непогоду подъ открытымъ небомъ: это многое измѣняетъ.

Прощайте на этотъ разъ, дорогой Брандесъ. Сохраните дружески мѣстечко для меня и всего *моего* рядомъ съ тѣмъ, что для *васъ* отнынѣ должно стать важнѣе всего, такъ какъ это воистину ваше призваніе.

Простите, что я пишу такъ наскоро, а также и за безсвязность письма.

Преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Дрезденъ, 24 апрѣля 1872 г.

Дорогой г. Гегель!

Очень вамъ обязанъ за присланные въ вашемъ любезномъ письмѣ отъ 4-го марта 75 талеровъ. Кромѣ того, я въ воскресенье получилъ прекрасное новое изданіе «Борьбы за престолъ». Это произведеніе, такъ же, какъ «Союзъ молодежи», переведено на нѣмецкій языкъ Адольфомъ Штродтманомъ и, какъ я слышалъ, уже принято къ постановкѣ въ Бреславлѣ и Прагѣ. Обѣ книги очень благосклонно приняты, по слухамъ, и въ читающихъ кругахъ.

...Скоро окончу вторую часть «Юліана». Третья и послѣдняя пойдетъ совсѣмъ легко. Здѣсь уже весна, а въ теплое время года работается всего лучше. Имѣлъ удовольствіе видѣть нѣкоторыхъ датскихъ путешественниковъ; въ настоящее время находится здѣсь Г. Х. Андерсенъ.

Отъ задуманной въ виду выставки поѣздки въ Копенгагенъ приходится отказаться. Какъ только окончу «Юліана», возьмусь за переработку «Фру Шпгеръ изъ Эстрота», которую думаю предложить дирекціи Королевскаго театра.

За присланныя книги г. Брандеса очень вамъ благодаренъ. Лекціи его я нахожу шедеврами, но я отлично понимаю, что онѣ вызвали сильный ропотъ съ разныхъ сторонъ. Одно между тѣмъ несомнѣнно: будущее за нимъ, а многіе изъ его противниковъ окажутъ плохую услугу своей посмертной памяти тѣмъ, какъ они къ нему отнеслись. Я писалъ ему на прошлой недѣлѣ.

Съ дружескимъ привѣтомъ вамъ и вашему сыну

сердечно преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Дрезденъ, 30 апрѣля 1872 г.

Многоуважаемый г. Госсе!

Прошу извиненія за то, что лишь сегодня отвѣчаю на ваше послѣднее любезное письмо. Я былъ бы счастливъ, если бы вы рѣшили перевести одно или нѣсколько изъ моихъ произведеній, но, само собою разумѣется, буду вамъ столь же обязанъ и благодаренъ и въ томъ случаѣ, если вы только будете поддерживать вниманіе къ моимъ произведеніямъ своими статьями въ англійскихъ журналахъ. Я полагаю, что такая поддержка въ значительной степени облегчитъ пріисканіе издателя. Разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы кто-нибудь предпринялъ переводъ, не обезпечивъ себѣ соотвѣтствующее вознагражденіе за трудъ и потраченное время. Вообще я вполнѣ спокойно передаю это дѣло въ ваши руки въ увѣренности, что вы сумѣете избрать наилучшій и вѣрный путь къ цѣли.

На прошлой недѣлѣ я писалъ своему издателю въ Копенгагенъ, прося его выслать вамъ «Комедію любви» и еще двѣ требуемыя вами книги. Первое произведеніе слѣдуетъ собственно разсматривать, какъ предвѣстника «Бранда», такъ какъ я въ немъ обрисовалъ свойственное нашимъ соціальнымъ условіямъ противорѣчіе между дѣйствительностью и идеальными требованіями въ области любви и брака. Книга по выходѣ своемъ вызвала въ Норвегіи цѣлую бурю негодованія; причины вы знаете изъ моего предисловія ко 2-му изданію, которое будетъ выслано вамъ. «Перъ Гюнтъ» — противоположность «Бранду»: многіе считаютъ эту поэму лучшимъ моимъ произведеніемъ. Не знаю, понравится ли она вамъ. Написана она безпорядочно, безцеремонно въ отношеніи формы и безпощадно, какъ я могъ рѣшиться писать только вдали отъ родины—я какъ разъ написалъ ее во время моего пребыванія въ Искіи и Сорренто въ 1867 г.

Вы желаете получить свѣдѣнія о норвежской поэзіи послѣднихъ лѣтъ. Я съ удовольствіемъ далъ бы вамъ эти свѣдѣнія, если бы не нашелъ, къ счастью, лучшаго способа удовлетворить васъ. Одинъ изъ

моихъ друзей, старшій преподаватель соборной школы въ Христіаніи, г. Яковъ Лёкке, находится въ настоящее время въ Лондонѣ; я ему написалъ и просилъ отыскать васъ и сообщить вамъ требуемыя свѣдѣнія. Г. Лёкке одинъ изъ лучшихъ знатоковъ нашей литературы, и я не могъ бы рекомендовать вамъ болѣе подходящаго посредника.

Ваша статья въ «The Spectator» о моихъ стихотвореніяхъ была переведена скандинавскими газетами, и я увѣренъ, что многіе мои друзья на родинѣ чувствуютъ себя вмѣстѣ со мной чрезвычайно обязанными вамъ за тотъ любезный отзывъ, которымъ вы почтили меня и мою дѣятельность.

Въ надеждѣ, что, и ознакомясь съ посланными изъ Копенгагена книгами, вы не лишите меня вашего расположенія, остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ и сердечною признательностью

Генрикъ Ибсенъ.

Дрезденъ, 30 мая 1872 г.

Дорогой Брандесъ!

Спасибо за послѣднее письмо. Вашу отповѣдь противникамъ я прочелъ съ большимъ интересомъ, но не могу отдѣлаться отъ мысли, которую уже высказалъ вамъ до того, какъ узналъ о томъ, что готовится къ печати такая отповѣдь, а именно, что вы оказываете большей части своихъ противниковъ слишкомъ много чести, удостаивая ихъ отвѣта. Ваше дѣло — дѣло будущаго, и оно само себя защититъ, дайте только срокъ.

Въ прошлый разъ я писалъ вамъ наскоро и такъ увлекся пространной темой, что совсѣмъ позабылъ поблагодарить васъ за рецензію о моихъ стихахъ. Она явилась для меня словно письмомъ отъ друга, и мнѣ слѣдовало бы отозваться на нее, какъ на таковое. Теперь слишкомъ поздно, и я отлежу это до личной встрѣчи.

Да, гдѣ и какъ намъ встрѣтиться лѣтомъ? Въ Копенгагенъ я не могу пріѣхать, и вообще едва ли мнѣ удастся оставить Дрезденъ. Но не собираетесь ли вы предпринять поѣздку и завязать сношенія въ Германіи? Не думаете перевести свои лекціи? Въ письмѣ, полученномъ мною на-дняхъ, Адольфъ Штродтманъ называетъ васъ самымъ дарогимъ изъ всѣхъ современныхъ критиковъ. И я знаю, что вы именно таковы и представляете собой даже еще нѣчто большее: вы явились на свѣтъ не для того только, чтобы въ одиночку работать для скандинавскаго Сѣвера. Пріѣзжайте же сюда, если можете!

Меня удивляетъ, что вамъ не пришло въ голову читать лекціи въ Швеціи. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ шведы отстали отъ насъ, другихъ скандинавовъ, но именно потому они окажутся ближе къ будущему: мы опередили ихъ не на прямомъ, а на окольномъ пути.

Все продолжаю возиться съ «Юліаномъ». Очень бы хотѣлось сообщить вамъ кое-что объ этой пьесѣ, но я чувствую, что рискую быть непонятымъ.

Надѣюсь, что вы получили мое предыдущее письмо. Собираетесь ли вы напечатать ваши новыя лекціи немедленно?

Много еще о чемъ хотѣлъ бы написать вамъ, но, пока надѣюсь встрѣтиться съ вами, погожу съ этимъ. Пишите скорѣе!

Преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Михаилу Биркеланду.

Дрезденъ, 30 іюня 1872 г.

Дорогой другъ!

Спасибо за твои послѣднія письма и прости, что я до сихъ поръ не отвѣтилъ на нихъ. Сегодня всего нѣсколько строкъ.

27-го я отправилъ свое стихотвореніе въ комитетъ по устройству празднества; думаю, что ты не найдешь въ этомъ ничего неудобнаго. Если возьмешь на себя заботу обезпечить мнѣ вполнѣ свободную отъ всякихъ ошибокъ корректуру, буду тебѣ весьма благодаренъ. Если время позволитъ, очень желалъ бы получить чистый оттискъ, но, вѣрно, это невозможно. Полагаюсь на тебя.

Очень доволенъ, что г. Бейера назначили чтецомъ въ Гаугезундѣ. Я знаю его лично и знаю, что у него всѣ необходимыя данныя для этого. Въ Христіаніи, вѣрно, тоже удастся найти способнаго человѣка: только не актера!

Мѣсто стихотворенія въ ряду прочихъ опредѣлите сами. Не думаю, чтобы содержаніе подало поводъ къ большимъ колебаніямъ въ этомъ смыслѣ. Я согласенъ съ тобой, что его слѣдуетъ представить принцу Оскару.

Результатъ соисканія стипендіи не удивилъ меня. Я сначала разсчитывалъ на Шеферскій фондъ, но позже прослылъ, чтобы мою просьбу приняли во вниманіе при назначеніи стипендій, ассигнуемыхъ на заграничныя поѣздки художникамъ и ученымъ. Ты можешь быть спокоенъ; я не чувствую своего самолюбія ничуть задѣтымъ; норвежское министерство просвѣщенія не можетъ вообще задѣть моего самолюбія. Но не могу согласиться съ тобой, что надо искать причину отказа мнѣ въ моемъ долгомъ пребываніи за границей. Одинъ изъ моихъ счастливыхъ соперниковъ, кандидатъ Стёнессенъ (близкій родственникъ члена государственнаго совѣта Риддерсвольда), тоже долго пробылъ за границей и уже раньше пользовался стипендіей по крайней мѣрѣ одинъ разъ. Г. Іонасу Ли въ теченіе года съ небольшимъ

дали четыре различныя стипендіи, на общую сумму 1.050 специй-далеровъ. Все это вполнѣ естественно; г. Ли принадлежитъ къ партіи, которую нельзя отталкивать отъ себя, а я къ партіи, для которой нельзя дѣлать ничего, «чтобы не раздражать общественнаго мнѣнія». Меня подмывало заняться въ печати этой жалкой тактикой нашего правительства, но такъ какъ я смотрю на Риддерсвольда, какъ на своего личнаго врага, то долженъ по чести отказаться отъ этого намѣренія.

Окажешь мнѣ величайшую услугу, если добудешь мнѣ экземпляръ «Фру Ингеръ изъ Эстрота» и перешлешь подъ бандеролью по почтѣ. Но прошу тебя по нѣкоторымъ причинамъ держать это въ секретѣ.

20 іюля начинаются каникулы, и тогда мы уѣзжаемъ на шесть недѣль въ Гастейнъ или въ другой курортъ въ Тиролѣ. Мои литературные труды отъ этого не пострадаютъ; я заберу съ собой всѣ необходимыя приспособленія, а сама поѣздка туда вѣдь будетъ лишь увеселительной прогулкой. Въ будущемъ году думаю непремѣнно пріѣхать на родину. Сердечный привѣтъ тебѣ и всѣмъ твоимъ.

Другъ твой
Генрикъ Ибсенъ.

Берхтесгаденъ, въ Баваріи, 23 іюля 1872 г.

Дорогой Брандесъ!

Когда узнаете причину, не будете сердиться на меня за мое долгое молчаніе. На этотъ разъ я, противъ обыкновенія, дѣйствительно не виноватъ.

Я все это время скитался по Богеміи и другимъ мѣстностямъ Австро-Венгріи и только-что вернулся въ Баварскій Тироль, гдѣ обзавелся постоянной квартирой на 4—5 недѣль; здѣсь и нашелъ ваше письмо.

Никакъ не могъ заключить изъ вашихъ прежнихъ писемъ, что вы собирались пріѣхать въ Дрезденъ; не то, конечно, устроился бы иначе. Но лѣто здѣсь длинное, и если вы пріѣдете въ сентябрѣ, то навѣрно уже застанете меня и будете приняты съ распростертыми объятіями.

Мысль о сотрудничествѣ въ вашемъ журналѣ нисколько меня не испугала; напротивъ, я уже набросалъ себѣ планъ того, что мнѣ хотѣлось бы высказать въ формѣ риомованныхъ писемъ по разнымъ вопросамъ политики, литературы и т. п., какъ у насъ на родинѣ, такъ и вообще, и что, можетъ-быть, вамъ пригодится. Это будетъ въ нѣкоторомъ родѣ мой символъ вѣры. Прямой поддержки вамъ и вашему дѣлу это не окажетъ, но, дорогой Брандесъ, иного участія я не могу вамъ обѣщать. Мнѣ приходится держаться въ границахъ того, что

составляетъ мое духовное содержаніе; вокругъ него-то и вертятся всѣ мои мысли. Поле не особенно обширное, но я зато обрабатываю его по мѣрѣ силъ. Не усмотрите только въ этомъ эгоизма!

Но когда я приступлю къ упомянутой работѣ, пока еще не знаю. Чудовище Юліанъ все еще крѣпко держитъ меня въ лапахъ и не дастъ мнѣ освободиться. Но объ этомъ мы подробно побесѣдуемъ — всего лучше устно. Я нисколько не опасаюсь прослыть партійнымъ и въ сущности не понимаю хорошенько, какъ это меня и теперь считаютъ внѣ партій.

Я давно ужъ думалъ, что вамъ понадобится собственный органъ для пропаганды вашихъ идей. Но я, по правдѣ сказать, не думалъ, чтобы онъ вамъ понадобился для того, «чтобы жить этимъ», какъ вы пишете. Или въ Даніи въ самомъ дѣлѣ не находится свободной вакансіи для васъ? Развѣ профессорская каѳедра уже занята? Кѣмъ же въ такомъ случаѣ? Неудивительно, что старики неохотно пускаютъ васъ къ себѣ. Но кто же осмѣлился занять каѳедру, отъ которой оттѣснили васъ? Кто осмѣлился согласиться быть предпочтеннымъ вамъ, не сгорѣвъ отъ стыда при одномъ сопоставленіи себя съ вами? Не понимаю.

Очень радъ, что ваши лекціи выйдутъ по-нѣмецки. Нѣкоторыя извлеченія изъ нихъ, уже появившіяся въ «Ueber Land und Meer», возбудили здѣсь большое вниманіе и заинтересовали всѣхъ; я слышалъ о нихъ разговоры въ Литературномъ кружкѣ въ Дрезденѣ. Пріѣзжайте же сюда! Здѣсь, за границей, должны мы, сѣверяне, завоевать себѣ арену; стоитъ вамъ одержать побѣду здѣсь, и вы возьмете верхъ и на родинѣ.

Сердечные поклоны и до скораго свиданія!

Преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Берхтесгаденъ, 8 августа 1872 г.

Дорогой г. Гегель!

Не помню, сообщилъ ли я вамъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ, что собирался въ Тироль? Во всякомъ случаѣ мы теперь тутъ, въ чудной мѣстности, гдѣ уже провели лѣто 1868 г. на возвратномъ пути въ Италію и гдѣ теперь намѣреваемся пробыть до конца этого мѣсяца.

Пишу вамъ сегодня, такъ какъ начинаю испытывать нужду въ деньгахъ. Прошу васъ поэтому оказать мнѣ любезность—выслать 150 прусскихъ талеровъ (былъ бы вамъ очень благодаренъ, если бы могъ получить ихъ бумажками не крупнѣе 10—20 т.). Забылъ свою расчетную книжку въ Дрезденѣ и не знаю теперь, имѣю ли я какое-нибудь право на полученіе отъ васъ такой крупной суммы, но на-

дѣюсь на вашу любезность, и, во всякомъ случаѣ, наши счеты скоро опять будутъ приведены къ балансу.

Я какъ разъ имѣю сообщить вамъ, что окончилъ вторую часть трилогіи. Первая часть: «Юліанъ и друзья мудрости», въ трехъ дѣйствіяхъ, составитъ около 100 печатныхъ страницъ; вторая: «Отступничество Юліана», которую я теперь переписываю, тоже въ 3-хъ дѣйствіяхъ и приблизительно такого же объема. Третья: «Юліанъ на тронѣ», будетъ пятиактной, но настолько уже разработана, что я окончу ее гораздо быстрѣе обѣихъ предыдущихъ. То, что уже готово, составляетъ въ сущности вполнѣ законченное цѣлое и могло бы быть издано отдѣльно, но, ради полноты впечатлѣнія, я считаю болѣе цѣлесообразнымъ выпустить всѣ три пьесы заразъ. Если вы окажетесь иного мнѣнія, то, надѣюсь, сообщите мнѣ.

Не знаю, читали ли вы фельетоны А. Штродтмана въ «Hamb. Corresp.», посвященные новѣйшей датско-норвежской литературѣ? И правда ли, какъ мнѣ передавали въ литературныхъ кругахъ въ Германіи, будто датскія газеты (указывали спеціально на «Faedrelandet») возражали противъ этихъ доброжелательныхъ и лестныхъ отзывовъ? Если это не основано на недоразумѣніи, и вы при случаѣ доставите мнѣ упомянутыя газеты, буду чрезвычайно благодаренъ.

Получилъ длинное письмо отъ стараго друга моего Іонаса Ли; но о томъ, можно ли въ скоромъ времени ожидать отъ него какого-нибудь новаго произведенія, — ни слова. Къ празднованію тысячелѣтія Норвегіи я написалъ длинное стихотвореніе, которое, согласно заявленію организаціоннаго комитета, было предоставлено въ его распоряженіе; но, когда дошло до дѣла, эти трусы не рискнули допустить, чтобы его прочли публично. Достойные потомки древняго короля-героя!

Выставка въ Копенгагенѣ теперь, вѣрно, въ полномъ разгарѣ, и городъ переполненъ пріѣзжими. Если представится случай, передайте мой поклонъ Брандесу, а также Петру Гансену и другимъ добрымъ друзьямъ.

Примите и самъ съ сыномъ сердечные привѣты отъ неизмѣнно преданнаго вамъ

Генрика Ибсена.

PS. Мой адресъ попросту: Берхтесгаденъ, въ Баваріи.

Дрезденъ, 27 сентября 1872 г.

Дорогой зять!

Наша лѣтняя поѣздка въ Тироль вышла во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно удачной. Вернувшись же сюда, мы ведемъ болѣе открытый образъ жизни, чѣмъ обыкновенно, такъ какъ въ городѣ оказа-

лась масса пріѣзжихъ скандинавовъ. Гольдшмидтъ и Брандесъ заѣхали сюда спеціально повидаться съ нами. Что же касается большинства остальныхъ норвежскихъ визитеровъ, то я полагаю, что ихъ привлекло сюда одно любопытство. Разсчитывать на сколько-нибудь серьезныя симпатіи съ этой стороны я едва ли могу себѣ позволить, принимая во вниманіе типическую норвежскую безцеремонность, которая дала мнѣ знать о себѣ лѣтомъ со стороны такъ-называемаго Гаральдова комитета.

Мнѣ предложили написать стихотвореніе для прочтенія на празднествѣ въ Гаугезундѣ. Я написалъ; но его не прочли на праздникѣ, а пустили въ продажу на ряду съ разными уличными пѣсенками, не потрудившись даже и до сихъ поръ сообщить мнѣ ни словечка въ объясненіе всего этого загадочнаго обстоятельства. Если причина отверженія та, что стихотвореніе задѣваетъ людей, сѣющихъ рознь, то я долженъ сказать, что дѣло порядка образованія и прогресса у насъ въ настоящее время находится въ рукахъ людей, которымъ никогда не привести народъ къ побѣдѣ. Поэтому я, въ качествѣ присяжнаго сатирика, считаю своимъ первымъ долгомъ изобразить всю жалкую неустойчивость этой партіи, весь недостатокъ у нея мужества и воли и ея комически-наивную вѣру въ то, что брезгливо-пассивное сопротивленіе въ состояніи дать какой-нибудь отпоръ массѣ, свободной отъ всякихъ сдерживающихъ началъ и хорошо организованной. Словомъ, я счелъ бы за счастье, если бы мнѣ удалось заставить всѣхъ причастныхъ къ этому дѣлу лицъ — постыдиться самихъ себя. Я полагаю, что вы въ данномъ случаѣ не особенно расходитесь со мной во мнѣніяхъ; полагаю, вы согласны, что современное положеніе вещей въ Норвегіи не столько результатъ сколько-нибудь выдающихся способностей вожаковъ оппозиціи, сколько совершенно непозволительной трусости, податливости и готовности идти на компромиссы со стороны почти всѣхъ тѣхъ, которые бы должны были защищать основы нашей общественной жизни. Этотъ недостатокъ готовности заслонить брешь своей собственной грудью и составляетъ несчастье нашей страны; отступаютъ шагъ за шагомъ, уступаютъ позиціи пядь за пядью. Вотъ почему мы теперь и стоимъ тамъ, гдѣ стоимъ, и, мнѣ кажется, было бы сверхчеловѣческимъ самоотреченіемъ упустить изъ рукъ столь богатый матеріалъ для эпиграммъ и комедій.

Пока однако я главнымъ образомъ занятъ работой надъ «Кесаремъ Юліаномъ», котораго, вѣроятно, окончу къ Рождеству. Что касается вышеупомянутыхъ плановъ, то съ этимъ нечего спѣшить. Не думаю, чтобы обстоятельства у насъ скоро измѣнились, а если измѣнятся — тѣмъ лучше. Я часто думаю — чего можно ждать отъ нашего новаго короля? Твердый и безстрашный человѣкъ на его мѣстѣ могъ бы сдѣлать многое; но сомнительно, обладаетъ ли онъ этими качествами; несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, пожалуй, одно — что если ему

и удастся совершить что-нибудь хорошее, то не съ помощью нынѣшнихъ королевскихъ совѣтниковъ. Люди, которые оставляютъ на свободѣ Йобека и Бьёрнсона, сами просятся подъ замокъ.

...Этимъ на этотъ разъ и кончу. Сусанна и Сигурдъ шлютъ вамъ сердечные поклоны, такъ же, какъ и

преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Дрезденъ, 14 октября 1872 г.

Многоуважаемый г. Эдмундъ Госсе!

Наконецъ-то я, послѣ лѣтней поѣздки въ Тироль, мало-мальски устроился на новой квартирѣ въ Дрезденѣ, и такимъ образомъ не смѣю долѣе откладывать исполненіе пріятной для меня обязанности написать вамъ и самымъ сердечнымъ образомъ поблагодарить васъ за новыя доказательства вашего расположенія, полученныя мною въ разное время въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ.

Еще въ Берхтесгаденѣ я имѣлъ удовольствіе получить ваше любезное письмо отъ 1-го августа съ приложеніемъ рецензіи въ «The Spectator» о «Перѣ Гюнтѣ». Лучшаго, болѣе яснаго и доброжелательнаго истолкованія моей поэмы я не могъ бы и желать. Хотѣлось бы мнѣ только, чтобы похвалы, которыя вы расточаете моему труду, были вполнѣ заслуженными. Возраженія ваши, пожалуй, основательны; я самъ теперь отчасти вижу эти недостатки,—прошло достаточно долгое время, и я уже въ состояніи смотрѣть на книгу, какъ на трудъ посторонняго человѣка.

Не менѣе признателенъ я вамъ за позже присланный нумеръ «The Academy» со статьей о «Борьбѣ за престолъ». То, что̀ я позволилъ себѣ высказать о первой статьѣ, относящейся къ «Перу Гюнту», вполнѣ относится и къ послѣдней. Не могу только удержаться отъ маленькой литературно-исторической поправки: драма А. Мунха «Герцогъ Скуле» вышла не одновременно съ «Борьбой за престолъ», а нѣсколько позже. При этомъ «Борьбѣ за престолъ» съ самаго начала какъ въ сценическомъ исполненіи, такъ и въ чтеніи отдавалось критикой, публичной и частной, предпочтеніе передъ «Герцогомъ Скуле». Но, конечно, это все несущественно.

Наконецъ нѣсколько дней тому назадъ я имѣлъ удовольствіе получить вашу прекрасную статью о норвежской поэзіи, помѣщенную въ «Fraser's Magasine». Подобно тому, какъ я лично обязанъ вамъ величайшею признательностью за первыя двѣ статьи, весь норвежскій народъ оказывается у васъ въ долгу за этотъ послѣдній и наиболѣе крупный критическій вашъ трудъ. Я увѣренъ также, что и сканди-

навская пресса оцѣнитъ его по достоинству, если уже не сдѣлала этого.

Очень пріятно было узнать изъ вашего письма, что вы остались довольны пребываніемъ въ Копенгагенѣ. Желаю только, чтобы остались такъ же довольны и пребываніемъ въ Христіаніи, хотя время выбрано не совсѣмъ удачно: городъ въ лучшее время лѣтняго сезона пустѣетъ, и разъѣзжается много лицъ, съ которыми вамъ, пожалуй, какъ разъ было бы интересно свести знакомство. Надѣюсь однако, что вы застали нашего общаго друга Лёкке. За себя лично очень жалѣю, что обстоятельства помѣшали мнѣ лѣтомъ побывать на родинѣ и такимъ образомъ лишили столь желаннаго случая познакомиться съ вами.

Я все работаю надъ «Юліаномъ Отступникомъ» и надѣюсь закончить этотъ трудъ къ концу текущаго года. Какъ только книга будетъ отпечатана, позволю себѣ прислать вамъ ее, въ надеждѣ, что вы ее одобрите. Я вложилъ въ эту книгу часть пережитого мною; то, что я здѣсь описываю, я самъ въ той или иной формѣ пережилъ, и самый выборъ темы находится въ болѣе близкой связи съ теченіями нашего времени, нежели можно усмотрѣть сразу. Это я считаю непремѣннымъ условіемъ отвѣчающей духу времени обработки любой темы изъ далекаго прошлаго; отъ соблюденія этого условія зависитъ — насколько можетъ имѣть интересъ такой трудъ въ качествѣ художественнаго произведенія.

Этимъ я на этотъ разъ и кончу. Примите еще разъ увѣреніе въ моей искренней сердечной признательности.

Преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Забылъ въ началѣ письма поблагодарить васъ за вашъ, какъ мнѣ кажется, мастерской переводъ маленькаго стихотворенія въ «Брандѣ».

Людвигу До.

Дрезденъ, 4 февраля 1873 г.

Дорогой другъ!

Обращаюсь къ тебѣ съ этими строками въ твердой надеждѣ на то, что ты, невзирая на мое девятилѣтнее пребываніе за границей, сохранилъ обо мнѣ дружескую память, и посягаю на твою услужливость, которую всегда находилъ у своихъ старыхъ друзей «изъ голландцевъ».

Собираюсь, разумѣется, учесть въ свою пользу твою ученость. Дѣло въ томъ, что мой новый крупный трудъ настолько приближается къ концу, что я черезъ двѣ недѣли приступаю къ перепискѣ его набѣло. Я, какъ ты знаешь, не силенъ въ греческомъ языкѣ, а потому и пользовался лишь тѣми первоисточниками, которые написаны по-латыни.

Но въ нихъ царствуетъ полная путаница въ транскрипціи греческихъ именъ. Я желалъ бы, по возможности, держаться подлинныхъ греческихъ формъ и потому спрашиваю тебя:

1) Какъ произносятся по-гречески окончанія именъ собственныхъ, оканчивающихся въ латинской передачѣ на us, eus и ius? Хочу сказать, существуютъ ли опредѣленныя правила, согласно которымъ я могъ бы узнавать по этимъ различнымъ латинскимъ окончаніямъ — какъ такія имена писались по-гречески?

2) Передѣлывали ли греки латинскія имена на свой греческій ладъ? И если да, то какихъ при этомъ держались правилъ?

Напримѣръ, я спрошу: писали ли греки Basilios, Basileos или Basileus? Имя Caesarius то же ли самое, что Caesarion? Особенно же я хочу знать, измѣняли ли греки на свой ладъ имя Maximus? И въ такомъ случаѣ — какъ именно? Какъ звучитъ по-гречески имя Libanius?.. Словомъ, дорогой другъ, мнѣ хочется знать—какимъ правиламъ слѣдовать.

Далѣе я хочу узнать, какъ далеко могу идти въ употребленіи буквы *k* вмѣсто *c*, если готовъ идти до крайнихъ предѣловъ? Имѣю ли я, напр., право писать Kappodokia, какъ нѣкоторые новѣйшіе писатели пишутъ Kirke вмѣсто Cirke, Kybele вмѣсто Cibele и т. д.

Для тебя отвѣтить на всѣ эти вопросы сравнительно пустое дѣло. Но вотъ вопросъ посложнѣе. Существуетъ сочиненіе нѣкоего Euparius'a (Eupar*ios*, *cos?*) о мистикѣ Максимѣ. Неандеръ упоминаетъ это сочиненіе подъ заглавіемъ «Vita Maximi», изъ чего можно заключить, что книга написана по-латыни. Но это не такъ; она написана по-гречески, и я никакъ не могъ раздобыть латинскаго перевода... Не можешь ли ты вкратцѣ сообщить мнѣ, что такое заключаетъ эта книга, которая, вѣрно, не считается классическою? Главное, мнѣ хотѣлось бы добыть фактическія данныя о его жизни. Амміанъ не сообщаетъ ничего существеннаго, а другихъ доступныхъ мнѣ источниковъ не имѣется вовсе.

Можешь ли и хочешь ли помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ? И могу ли я въ такомъ случаѣ разсчитывать на скорый отвѣтъ? Какъ сказано, черезъ двѣ недѣли начну отсылать Гегелю рукопись по частямъ. Не буду распространяться о моемъ трудѣ, но могу съ увѣренностью сказать, что это будетъ моимъ главнымъ трудомъ («Hauptwerk»). Онъ обнимаетъ двѣ различныя драмы, каждая по пяти дѣйствій, и составляетъ книгу въ 400 страницъ съ лишкомъ.

Прости, что докучаю тебѣ такими дѣлами. Недосугъ мѣшаетъ мнѣ написать тебѣ о многомъ другомъ, о чемъ я охотно бы побесѣдовалъ съ тобой.

Твой преданный другъ

Генрикъ Ибсенъ.

Мой адресъ: Wettiner-Strasse № 22, 2-й этажъ.

Дрезденъ, 6 февраля 1873 г.

Дорогой г. Гегель!

Съ великимъ удовольствіемъ могу теперь сообщить вамъ, что большая драма моя готова и доведена до конца удачнѣе, нежели какой-либо изъ предшествовавшихъ моихъ трудовъ.

Заглавіе книги: «Кесарь и Галилеянинъ», міровая драма въ 2 частяхъ. Часть первая: «Отступничество цезаря», драма въ 5 дѣйствіяхъ (170 стр.). Часть вторая: «Кесарь Юліанъ», драма въ 5 дѣйствіяхъ (252 стр.). Пусть заглавіе «міровая драма» васъ не пугаетъ. Оно въ духѣ названій: народная драма, семейная драма, національная драма, и вполнѣ умѣстно, такъ какъ въ пьесѣ моей дѣло идетъ и о небѣ и о землѣ.

Во время разработки сюжета планъ и идея его такъ разрослись, что оказывается необходимымъ еще разъ переписать первую часть; она однако отъ этого не увеличится въ объемѣ; напротивъ, я думаю, удастся сократить ее страницъ на 20, такъ что выйдетъ всего 400 (каждая моя рукописная страница равняется приблизительно печатной).

Черезъ недѣлю начну переписывать и затѣмъ буду каждую недѣлю высылать вамъ по 48 страницъ; это составитъ всего по семи страницъ въ день, и я, вѣроятно, это осилю. Послѣднюю часть хоть сейчасъ можно было бы сдать въ наборъ, но если вы не торопитесь съ изданіемъ, то я, ради пущей увѣренности, перепишу и ее.

Пьеса эта была для меня геркулесовымъ трудомъ, — не въ смыслѣ разработки идеи, это шло легко, но въ смыслѣ того труда, котораго мнѣ стоило сжиться съ тѣми отдаленными и чуждыми намъ временами настолько, чтобы представлять себѣ ихъ вполнѣ живо, воочію. Мнѣ очень было пріятно прочесть въ вашемъ предпослѣднемъ письмѣ, что вы имѣете въ виду хорошій сбытъ книги; на нее положено вѣдь нѣсколько лѣтъ моей жизни. Смѣю разсчитывать, что она доставитъ радость намъ обоимъ.

Срокъ выхода ея въ свѣтъ назначьте сами. Не приступаю къ перепискѣ сейчасъ же вслѣдствіе того, что мнѣ пришлось послать запросъ одному ученому пріятелю въ Христіанію относительно правильной транскрипціи нѣкоторыхъ греческихъ именъ, которыя оказались искаженными въ моихъ латинскихъ источникахъ. Обстоятельство это привлекло мое вниманіе всего нѣсколько дней тому назадъ.

За присланные въ письмѣ отъ 26-го ноября прошлаго года 150 талеровъ очень вамъ обязанъ; также и за полученную къ Рождеству весьма цѣнную посылку съ книгами.

Поистинѣ большую и неожиданную радость доставили вы мнѣ, сообщивъ въ послѣднемъ письмѣ, что требуются новыя изданія «Бранда»

и «Комедіи любви». Первая изъ этихъ пьесъ пусть выйдетъ безъ измѣненій, а во второй я исправлю орѳографію и нѣкоторыя мелочи, на что посвящу свои вечера. «Фру Ингеръ» хочу лѣтомъ переписать заново, и тогда эта драма будетъ однимъ изъ лучшихъ моихъ произведеній. Скажу вамъ большое спасибо, если добудете мнѣ экземпляръ. «Воители» не потребуютъ особыхъ исправленій. Думаю, что объ эти книги можно съ успѣхомъ пустить въ кильватерѣ новаго крупнаго труда.

Въ заключеніе просьба къ вамъ. У меня за вами и въ сберегательной кассѣ около 49 риксдалеровъ. Не дополните ли эту сумму авансомъ такъ, чтобы составилось 150 прусскихъ талеровъ, и не вышлете ли мнѣ? Я теперь изъ-за проволочки Христіанійскаго театра съ постановкой «Комедіи любви» очутился въ денежномъ затрудненіи и прошу не взыскать за эту вынужденную обстоятельствами просьбу. Кланяйтесь вашему сыну и примите сами сердечный привѣтъ отъ

искренно преданнаго вамъ

Генрика Ибсена.

Дрезденъ, 20 февраля 1873 г.

Дорогой г. Госсе!

Отправивъ мнѣ. кромѣ любезнаго и дружескаго письма, самый пріятный и цѣнный новогодній подарокъ, вы въ правѣ были ожидать отъ меня немедленно по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ строкъ въ отвѣтъ.

Если этого не случилось, то по многимъ причинамъ. Прежде всего мнѣ хотѣлось послать вамъ не нѣсколько строкъ, а длинное письмо. Но съ 21-го ноября по 16-е февраля у меня буквально не было свободнаго часа. Я это время какъ разъ заканчивалъ свой новый драматическій трудъ, который теперь уже началъ печататься и выйдетъ въ маѣ.

...Въ настоящее время я занятъ переписываніемъ его и по частямъ отсылаю рукопись въ Копенгагенъ; каждую недѣлю надо отправлять по три печатныхъ листа, и такъ какъ я отношусь весьма критически къ языку, то упомянутая работа беретъ у меня все мое время. Это письмо пишу поздно вечеромъ, поэтому простите дружески, если оно написано недостаточно разборчиво.

Когда книга будетъ готова, ее немедленно вышлютъ вамъ. Никто не прочтетъ ея раньше васъ. Я строго держался историческихъ данныхъ; все какъ будто происходило передо мной воочію, и я такъ и передавалъ все это. А между тѣмъ въ книгу вложено немало самоанатоміи.

Вполнѣ естественно, что я пошлю книгу вамъ первому. Среди друзей моихъ нѣтъ ни одного, чьему мнѣнію я придаю такую цѣну, какъ

вашему, именно въ силу того глубокаго пониманія и поэтическаго чутья, которыя сказываются во всемъ, что вы съ такимъ добрымъ расположеніемъ написали обо мнѣ.

Не знаю, какъ мнѣ отблагодарить васъ за вашу послѣднюю крупную, основательную статью. И не буду пытаться благодарить, скажу лишь, что она доставила мнѣ большую радость. Приведенные отрывки изъ «Комедіи любви» и «Пера Гюнта» переведены мастерски, и я ничего не нашелъ, что можно было бы пожелать измѣнить.

Сердечное спасибо за присланную фотографію; съ большимъ удовольствіемъ пришлю вамъ свою; въ настоящую минуту у меня нѣтъ ни одной; но, какъ только у меня выдастся свободный часокъ утромъ, я воспользуюсь имъ, чтобы зайти къ своему фотографу. И это тоже одна изъ причинъ, почему я медлилъ съ отвѣтомъ вамъ.

Если бы не недосугъ, охотно бы побесѣдовалъ съ вами пообстоятельнѣе о моей работѣ. Очень желаю и надѣюсь, что книга эта не послужитъ къ умаленію вашего добраго дружескаго мнѣнія обо мнѣ, и прошу васъ, несмотря на мою манкировку, сохранить ко мнѣ прежнія добрыя чувства.

Остаюсь преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Людвигу До.

Дрезденъ, 23 февраля 1873 г.

Дорогой другъ!

Я предвидѣлъ, что, обращаясь къ тебѣ, обращаюсь къ кому слѣдуетъ. Полнымъ же подтвержденіемъ этого послужили быстрота и полнота твоего дружескаго отвѣта.

Самъ я, напротивъ, написалъ тебѣ недостаточно подробно, забылъ прибавить кое-что существенное. Мнѣ хотѣлось узнать точную греческую транскрипцію, но — надо замѣтить — не для примѣненія ея во всей ея чистотѣ, а чтобы имѣть возможность рѣшить, какъ далеко я въ правѣ зайти, скандинавизируя греческія имена.

Мнѣ очень бы хотѣлось сохранить извѣстное единство, избѣжать среди этого множества именъ рѣзкихъ несоотвѣтствій. Разъ я пользуюсь сокращенными, получившими у насъ право гражданства формами, какъ Юліанъ, Григорій и пр., то не могу же я сохранить чисто греческое Василевсъ. Но если римляне превратили это имя въ Базиліусъ, то не могу ли я сдѣлать изъ него Василіоса? Это мнѣ было бы желательно потому, что имя это постоянно сопровождается прибавленіемъ названія его роднаго города Цезареи, которую я не осмѣливаюсь превратить въ Кесарію по той причинѣ, что въ книгѣ такъ часто встрѣчается римскій титулъ цезаря.

Изъ вышеизложеннаго, дорогой другъ, ты можешь выяснить себѣ мою точку зрѣнія, хотя и не филологическую, но, какъ мнѣ кажется, правильную. Особенно желалъ бы я избѣгнуть, какъ слишкомъ чуждыхъ намъ, греческихъ дифтонговъ ai, ei и oi.

...Далѣе: долженъ ли я писать Цезаріосъ (братъ Григорія) или Цезаріонъ? Букву Ц въ послѣднемъ имени я, по вышеупомянутой причинѣ, не смѣю (разумѣется!) замѣнить буквой К. Имѣю ли я право писать: императоръ Констанціосъ? Назывался ли городъ Пергамономъ? Называлось ли созвѣздіе Пса Сиріусомъ? И правильная ли греческая форма Илларіонъ?

Если найдешь въ вышеприведенномъ ужъ слишкомъ дикіе варваризмы, то окажи мнѣ большую услугу: пошли Гегелю необходимыя поправки, но лишь самыя необходимыя, такъ какъ мнѣ важно твердо держаться одного принципа—если только возможно отстоять его путемъ тонкихъ доказательствъ.

Евнапій, значитъ, все-таки написалъ свою книгу по-латыни; а мой здѣшній книгопродавецъ увѣрялъ меня, что она написана по-гречески! Очень радъ, что въ біографіи этой не оказалось ничего, противорѣчащаго прежнимъ источникамъ, которыми я пользовался.

Издаваемый мною теперь трудъ будетъ моимъ главнымъ произведеніемъ. Въ немъ трактуется борьба между двумя непримиримыми силами міровой жизни,—борьба, которая повторяется постоянно во всѣ времена, и въ силу такой универсальности темы я и назвалъ свое произведеніе «міровой драмой». Въ общемъ же въ характеръ Юліана, какъ и въ бо́льшую часть того, что я написалъ въ зрѣломъ возрастѣ, вложено больше личнаго, пережитого мною, чѣмъ я расположенъ признаться публикѣ. Въ то же время это вполнѣ цѣльное, вполнѣ реалистическое произведеніе; всѣ образы проходили передо мной воочію, озаренные свѣтомъ своей эпохи, и, надѣюсь, такъ же будутъ проходить и передъ глазами читателей.

Сердечное спасибо за присланный трудъ о Гольбергѣ. Для насъ было настоящимъ праздникомъ прочесть эту книжку, и мы еще не разъ перечтемъ ее снова. Нечего увѣрять тебя и въ томъ, что мы съ такимъ же удовольствіемъ читали и разныя твои статьи въ «MorgenBladet».

Еще разъ мое спасибо тебѣ за помощь въ дѣлѣ, возбужденномъ противъ Іенсена; я уже послалъ тебѣ это спасибо черезъ третье лицо, и, надѣюсь, оно дошло до тебя.

Пишу письмо поздно вечеромъ, такъ какъ весь день занятъ переписываньемъ... Всего хорошаго. Я никогда не забуду той готовности, съ какой ты откликнулся на мою просьбу.

Твой преданный другъ

Генрикъ Ибсенъ.

Дрезденъ, 30 апрѣля 1873 г.

Дорогой Брандесъ!

Имѣете полное основаніе сѣтовать на мою неаккуратность въ качествѣ корреспондента, но извиненіемъ мнѣ должно служить то, что я, со времени нашего свиданія, почти не выпускалъ изъ рукъ пера,—только садясь за обѣденный столъ да ложась въ постель.

Сердечно благодарю васъ за книги. Съ большимъ интересомъ прочелъ «Ладислава Больскаго», хотя вашъ устный пересказъ содержанія книги произвелъ на меня столь же сильное впечатлѣніе, какъ и чтеніе самой книги.

Ну, а сочиненіе Джона-Стюарта Милля... Не знаю, въ правѣ ли я высказываться по вопросу, по которому не являюсь спеціалистомъ. Но какъ вспомню, что существуютъ писатели, разсуждающіе о философіи, не зная Гегеля и вообще нѣмецкой науки, то полагаю, что и не то еще дозволено! И я чистосердечно сознаюсь вамъ, что совсѣмъ не вижу прогресса или какого-либо будущаго въ направленіи, указываемомъ Стюартомъ Миллемъ. Не понимаю, что̀ вамъ за охота была брать на себя трудъ переводить это сочиненіе, которое по философскому мудрствованію напоминаетъ Цицерона или Сенеку. Я убѣжденъ, что вы сами, и притомъ въ срокъ вдвое меньшій, нежели какой потратили на переводъ, могли бы написать книгу въ десять разъ лучше. И, по-моему, вы оказываете С. Миллю величайшую несправедливость, сомнѣваясь въ правдивости его утвержденія, что всѣ свои идеи онъ заимствовалъ отъ своей жены.

Вы однажды высказали въ бесѣдѣ, что нѣмецкая философія ставила своей задачей опредѣленіе самой сущности вещей, ихъ понятій, англійская же занималась указаніемъ законовъ вещей. Этотъ отзывъ возбудилъ во мнѣ желаніе познакомиться съ трудами англійскихъ философовъ; но теперь я отнюдь не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы С. Милль занимался отмѣченною вами задачею. «Вещи» вѣдь нѣчто совсѣмъ иное, нежели разныя грязныя явленія и случайности. Не спорю, въ такомъ сочиненіи можно найти много практическаго ума и проницательности, но если это называется наукой, то «христіанская этика» тоже научный трудъ!

Не берусь пускаться въ дальнѣйшія разсужденія въ письмѣ, но вполнѣ разсчитываю отстоять свое мнѣніе въ устной бесѣдѣ.

Очень буду радъ познакомиться съ вашей новой книгой о нѣмецкомъ романтизмѣ, не меньше радуюсь и новому свиданію съ вами. Но гдѣ? Я не попаду лѣтомъ въ Мюнхенъ. Не можете ли вы направить свой путь черезъ Дрезденъ? Около середины іюня я выѣду отсюда въ Вѣну и останусь тамъ до конца іюля. Если можете составить планъ своего путешествія, сообразуясь съ этимъ, то такъ и сдѣлайте.

Нашъ общій другъ Адольфъ Штродтманъ въ претензіи на меня за мое стихотвореніе «Сѣверные сигналы». Я написалъ ему письмо по поводу того, что онъ въ предисловіи къ своей книгѣ назвалъ мое стихотвореніе глумленіемъ по адресу Германіи; но такъ какъ онъ въ отвѣтѣ своемъ далъ понять, что «не догадывался о моемъ нежеланіи, чтобы въ Германіи знали, о чемъ я пишу въ датскихъ газетахъ», то я и не сталъ больше препираться съ нимъ по этому поводу. Разумѣется, я ничего не имѣю противъ того, чтобы въ Германіи знали, о чемъ я пишу въ Даніи, но я всегда буду протестовать противъ ложныхъ истолкованій того, что я пишу. Я вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что въ стихотвореніи этомъ есть глумленіе, но только не по адресу Германіи. Слишкомъ много у насъ дома, въ родныхъ намъ странахъ, такого, надъ чѣмъ я считаю нужнымъ глумиться, чтобы у меня еще хватило охоты глумиться надъ нѣмцами!.. И довольно на сегодня о книгѣ Штродтмана, о которой имѣю еще кое-что сказать вамъ устно.

Итакъ, скорѣе пріѣзжайте сюда. Васъ ждутъ съ радостью, невзирая на разногласіе мнѣній во многомъ. При всякихъ обстоятельствахъ давайте вѣсточки о себѣ, и я обѣщаю вамъ быть аккуратнѣе по части отвѣтовъ, такъ какъ время теперь почти въ полномъ моемъ распоряженіи.

Сердечные привѣты отъ жены и меня.

Преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Пильницъ близъ Дрездена, 8 августа 1873 г.

Дорогой г. Гегель!

Простите, что я только теперь, по возвращеніи изъ Вѣны, расписываюсь въ полученіи вашего любезнаго письма, отъ 14-го прошлаго мѣсяца, со вложеніемъ 75 талеровъ. И позвольте мнѣ кстати воспользоваться случаемъ поблагодарить васъ за присылку красивой орденской ленточки, которой я, конечно, не досталъ бы за границей. Пожалованіе меня по случаю коронаціи орденомъ св. Олафа явилось для меня совершенною неожиданностью, такъ какъ я ничего не написалъ для празднества, да меня объ этомъ и не просили. Такое вниманіе со стороны короля и правительства доставило бы мнѣ еще большее удовольствіе, если бы одновременно было оказано такое же вниманіе и Бьёрнсону, но онъ, какъ вы знаете, самъ отрѣзалъ для себя всякую возможность всего подобнаго — по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ.

Очень радъ былъ узнать, что вы остались довольны своимъ пребываніемъ въ Норвегіи. Надѣюсь, въ слѣдующій разъ вы проѣдете дальше, такъ какъ собственно съ величіемъ норвежской природы можно позна-

комиться, лишь поднявшись на наши высокія скалы и затѣмъ спустившись по западному склону.

...Обязанности жюри на вѣнской выставкѣ оказались чрезвычайно утомительными, хотя и очень интересными, и я вернулся сюда болѣе усталымъ, чѣмъ когда-либо. Лишь здѣсь на свѣжемъ, лѣснымъ воздухѣ я опять собрался съ силами. Особенно порадовало меня въ Вѣнѣ то обстоятельство, что мнѣ неожиданно представился случай оказать нѣкоторую услугу Даніи. Датскій жюри, Теофилъ Гансенъ, занимался исключительно архитектурнымъ отдѣломъ, по которому онъ былъ предсѣдателемъ, но въ которомъ Данія ничего не выставила. Въ отдѣлахъ живописи и скульптуры онъ даже не показывался. Датскій генеральный комиссаръ поэтому поручилъ мнѣ быть представителемъ въ этихъ отдѣлахъ, и мнѣ удалось доставить датскимъ художникамъ девять медалей. Мнѣ нѣтъ надобности увѣрять васъ, что я не меньше радовался этимъ девяти медалямъ, чѣмъ девяти норвежскимъ.

Здѣсь, въ Пильницѣ, въ часѣ ѣзды на пароходѣ отъ Дрездена, мы останемся, вѣроятно, съ мѣсяцъ, или пока въ Дрезденѣ не прекратится холера. Теперь серьезно возьмусь за исправленіе «Фру Ингеръ». Очень интересно было бы знать, говорили ли вы съ кѣмъ-нибудь въ Норвегіи о процессѣ, который я веду тамъ по поводу этой пьесы и «Воителей». Самъ я давно ничего не слыхалъ объ этомъ, но во всякомъ случаѣ въ благопріятномъ исходѣ процесса нечего сомнѣваться.

Очень радъ, что печатаніе новой книги быстро подвигается впередъ. Вѣроятно, и не придется долго ждать ея выхода.

Сердечные привѣты вамъ и вашему сыну.

Искренно преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Редактору „Morgenbladet“.

Вѣна, 23 августа 1873 г.

...Одновременно съ полученіемъ этого письма вы, вѣроятно, узнаете о результатахъ распредѣленія наградъ. Нельзя думать, чтобы рѣшенія комиссіи жюри подверглись какимъ-либо измѣненіямъ при обсужденіи въ совѣтѣ предсѣдателей отдѣловъ. Совѣтъ этотъ, согласно правиламъ (76 § XII), имѣетъ право только постановлять рѣшенія по поводу почетныхъ дипломовъ, тогда какъ комиссіи жюри, согласно § XI, присвоенъ рѣшающій голосъ при назначеніи всѣхъ другихъ наградъ.

...Изъ медалей, присужденныхъ художникамъ-живописцамъ, на долю Австріи пришлось 81, Германіи—152, Венгріи—14, Франціи—138, Швейцаріи—26, Бельгіи—76, Голландіи—24, Даніи—7, Норвегіи—9, Швеціи—9, Испаніи—14, Греціи—2, Америки—2, Ита-

ліи—48, Англіи—29 и Россіи—29. Перечисляю государства въ томъ порядкѣ, въ какомъ подвергались обсужденію экспонаты.

Я легко могъ бы привести здѣсь для сравненія и другія цифровыя данныя, но изъ нихъ нельзя вывести сколько-нибудь правильнаго заключенія о международномъ положеніи искусства. Совершенно неправильно, какъ это дѣлали нѣкоторые газетные корреспонденты, дѣлать выводы, сопоставляя число выпавшихъ на долю каждой страны медалей и число картинъ, выставленныхъ художниками той же страны: художники одной страны выставили всего по одной картинѣ, художники другой—по нѣсколько каждый, а и въ томъ и въ другомъ случаѣ отдѣльному художнику присуждается только по одной медали. Да и сопоставленіе странъ по числу медалей и числу экспонентовъ не можетъ дать правильнаго понятія о сравнительной художественной высотѣ, достигнутой искусствомъ въ той или иной странѣ. Тутъ приходится принимать во вниманіе еще многія другія обстоятельства. Такъ, напр., нѣкоторыя страны поставили лучшихъ своихъ художниковъ внѣ конкурса, избравъ ихъ въ жюри, тогда какъ жюри другихъ странъ были избраны внѣ круга художниковъ. Къ этому надо еще прибавить то, что медали присуждались лишь живущимъ нынѣ художникамъ и только за картины, написанныя позже 1863 г. Между тѣмъ нѣкоторыя страны не придавали этому обстоятельству никакого значенія—особенно Англія, и въ результатѣ англійскій отдѣлъ, хотя и почти сплошь состоявшій изъ шедевровъ, получилъ сравнительно малое число медалей.

Особенное же вниманіе слѣдуетъ обратить на крайне различную степень строгости, съ какой мѣстные художественные комитеты въ различныхъ странахъ относились къ картинамъ, представлявшимся на ихъ судъ въ качествѣ будущихъ экспонатовъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ, повидимому, разрѣшалось отправлять на выставку почти все, что предлагалось самими экспонентами-художниками, въ другихъ же—особенно въ Россіи и Бельгіи—принимались для выставки лишь тѣ работы, которыя имѣли нѣкоторые шансы на полученіе награды. Въ общей совокупности всѣхъ такихъ обстоятельствъ и слѣдуетъ искать объясненіе того факта, что Бельгія получила сравнительно на 50 процентовъ больше медалей, чѣмъ Франція. Между тѣмъ для каждаго посвященнаго въ дѣло человѣка ясно, что соотношеніе это отнюдь не выражаетъ истиннаго соотношенія ступеней художественнаго развитія этихъ двухъ странъ.

Несмотря на такія отчасти неизбѣжныя несоотвѣтствія, надо сказать, что нынѣшняя международная художественная выставка въ Вѣнѣ даетъ чрезвычайно богатый матеріалъ для культурно-историческаго освѣщенія нашей эпохи. Главное, она окажетъ могучее содѣйствіе провѣркѣ нѣкоторыхъ ошибочныхъ мнѣній и устраненію извѣстныхъ утвердившихся предразсудковъ. Я больше всего имѣю здѣсь въ

виду ходячее мнѣніе, будто славянскіе народы принимаютъ мало или никакого участія въ великой общей работѣ цивилизаціи. Знакомство съ произведеніями русской литературы, пріобрѣтенное Европою въ послѣдніе годы, казалось бы, уже должно было поколебать такое мнѣніе, но если этого не случилось до сихъ поръ, то я не сомнѣваюсь, что вѣнская выставка вызоветъ совершенно иное, болѣе вѣрное представленіе. Выставка эта учитъ насъ, что Россія во всѣхъ областяхъ искусства стоитъ вполнѣ на высотѣ нашей эпохи. Самое свѣжее и въ высшей степени энергичное національное художественное вдохновеніе соединяется здѣсь съ никѣмъ не превзойденной техникой; и съ моей стороны отнюдь не заблужденіе, вызываемое поразительнымъ воздѣйствіемъ новыхъ необычныхъ для насъ сюжетовъ, если я утверждаю, что въ Россіи существуетъ соотвѣтственная художественная школа живописи, стоящая на одной высотѣ со школами Германіи, Франціи и любой изъ школъ прочихъ странъ.

Нѣчто подобное съ полнымъ основаніемъ можно сказать и о Венгріи,—во всякомъ случаѣ относительно портретной и жанровой живописи. Искушеній, связанныхъ для хорошаго колориста съ яркими пестрыми національными костюмами, венгерскіе художники, повидимому, счастливо избѣгаютъ, и въ венгерскомъ отдѣлѣ нигдѣ не натолкнешься на картину, написанную исключительно съ цѣлью представить эффектную симфонію или какофонію красокъ въ одеждахъ, украшеніяхъ и пр.

Я нѣсколько долго остановился на художественно-картинномъ отдѣлѣ выставки; но, конечно, онъ представляетъ для насъ наибольшій интересъ, и, мнѣ кажется, мы были представлены въ этомъ отдѣлѣ съ честью, хотя и не всѣ наши художники выставили лучшія свои вещи. Неоспоримо также, что наши молодые художники, несмотря на всю свою талантливость, могутъ научиться чрезвычайно многому при посѣщеніи Вѣны, и для нашего искусства было бы весьма плодотворно, если бы оказалось возможнымъ помочь нѣкоторымъ изъ нихъ совершить такую поѣздку. Свободныхъ стипендій, насколько я знаю, не имѣется, но я думаю, что союзы художниковъ въ Христіаніи и другихъ городахъ могли бы содѣйствовать этому путемъ заказовъ съ выплатой авансовъ, часть которыхъ по условію должна была бы идти на поѣздку въ Вѣну. Кто знаетъ также, если бы предать эту мысль гласности, не нашлось ли бы среди нашихъ богачей желающихъ внести свою лепту на такое дѣло?..

Дрезденъ, 8 сентября 1873 г.

Дорогой Брандесъ!

На этихъ дняхъ какъ разъ минетъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами видѣлись въ Дрезденѣ. Вернувшись послѣ лѣтнихъ скитаній

опять въ свое зимнее гнѣздо, я каждый день вспоминаю тѣ недѣли въ прошломъ году, когда вы внесли такое оживленіе и разнообразіе въ нашу уединенную жизнь. Поэтому я сегодня и пишу вамъ нѣсколько строкъ, чтобы хоть узнать, гдѣ вы и какъ поживаете, — я вѣдь не знаю ни того ни другого.

Прежде всего я долженъ выяснить одно недоразумѣніе, или — какъ его назвать? Вы были здѣсь въ іюлѣ съ братомъ и невѣсткой, и ваша невѣстка была такъ добра посѣтить насъ; ее сопровождала фру Фальсенъ, которая затѣмъ и передала намъ, будто вы высказывали свое удивленіе по поводу того, что моя жена *не хотѣла принять* васъ. Жена моя проситъ меня сообщить вамъ, что такое предположеніе съ вашей стороны должно быть основано на недоразумѣніи. Она ожидала видѣть и васъ и вашего брата, но вы не зашли. Что такое могли разсказать вамъ, я не знаю, но мнѣ это дѣло далеко не представляется необъяснимымъ; еще въ концѣ вашего предыдущаго пребыванія въ Дрезденѣ кто-то опасливо слѣдилъ за тѣмъ, чтобы вы не стали бывать у насъ слишкомъ часто, не сошлись бы съ нами покороче. Дорогой Брандесъ! Вы немножко болтливы, и весьма похоже на то, что кто-то опасался этого вашего свойства; по какимъ же причинамъ — умолчу.

Пишу это, чтобы вы знали, что сдѣлались жертвой мистификаціи, въ насъ же имѣете истинныхъ друзей, а не только знакомыхъ того рода, которые льнутъ къ вамъ или отстраняются отъ васъ сообразно обстоятельствамъ.

Я пробылъ лѣтомъ два мѣсяца въ Вѣнѣ въ качествѣ жюри художественнаго отдѣла на выставкѣ; потомъ я провелъ нѣсколько недѣль на дачѣ здѣсь, въ Саксоніи, и за все это время не имѣлъ случая слѣдить за нашими газетами, равно мои письменныя сношенія съ Даніей и Норвегіей ограничивались чисто дѣловыми письмами. Поэтому я совсѣмъ не знаю, что вы подѣлываете и гдѣ находитесь. Прежде всего скажите мнѣ, какъ порѣшили насчетъ проектированнаго вами болѣе продолжительнаго пребыванія въ Германіи? Мнѣ о столькомъ хотѣлось бы поговорить съ вами, а вполнѣ исчерпать тему можно только устно. Мнѣ по многимъ признакамъ сдается, что готовится нѣчто новое. Иначе что же вы скажете насчетъ маніи паломничества во Франціи, странѣ Ренана? Не стану однако письменно распространяться объ этомъ, какъ и о многомъ другомъ, опасаясь быть невѣрно понятымъ.

Со дня на день ожидаю выхода своей новой книги. Очень интересуюсь вашимъ отзывомъ о ней. Изъ Норвегіи мнѣ пишутъ, что Бьёрнсонъ, хотя и не можетъ еще знать содержанія книги, объявилъ ее продуктомъ атеизма, присовокупляя, что этого и надо было ожидать отъ меня. У меня нѣтъ ни малѣйшей охоты разбираться въ томъ, что такое представляетъ или чего не представляетъ собой моя книга; знаю

только, что я съ напряженнымъ вниманіемъ разсмотрѣлъ отрывокъ исторіи человѣчества и что видѣлъ, то и изобразилъ.

Надѣюсь, что, гдѣ бы вы въ настоящую минуту ни находились, письмо мое разыщетъ васъ; а когда это случится, дайте мнѣ поскорѣе знать о себѣ, если не собираетесь доставить мнѣ еще большее удовольствіе своимъ пріѣздомъ.

А затѣмъ отъ души желаю вамъ быть здоровымъ, и да позволено мнѣ будетъ при этомъ передать черезъ васъ поклонъ вашему брату.

Преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

PS. Прошу также передать поклонъ г. Драхману. Онъ какъ-то подумывалъ вернуться сюда. Я по многимъ причинамъ желалъ бы встрѣтиться съ нимъ не такъ мимолетно и при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ въ тотъ разъ.

Г. И.

Дрезденъ, 15 октября 1873 г.

Дорогой г. Госсе!

Въ теченіе этого долгаго промежутка времени не проходило недѣли, чтобы я не собирался написать вамъ, но до сихъ поръ по разнымъ причинамъ все оставался при одномъ намѣреніи, не приводя его въ исполненіе.

Да и сколько было всякихъ помѣхъ! Въ серединѣ іюня мнѣ пришлось отправиться въ Вѣну, чтобы участвовать въ качествѣ норвежскаго представителя въ международной комиссіи жюри по художественному отдѣлу всемірной выставки. Званіе это было сопряжено съ чрезвычайно утомительною для меня работою, которая и была закончена только къ концу августа, а затѣмъ мнѣ доставилъ массу хлопотъ выходъ въ свѣтъ моей новой книги, такъ что нельзя было и думать ни о чемъ другомъ.

Книга эта теперь готова и въ пятницу 17-го появится въ продажѣ одновременно во всѣхъ трехъ скандинавскихъ странахъ. Я поручилъ моему копенгагенскому издателю немедленно отправить вамъ экземпляръ, который вы, вѣроятно, и получите черезъ нѣсколько дней. Прошу васъ любезно принять его на добрую память о томъ, кто самъ постоянно вспоминаетъ о васъ съ искреннею признательностью. Мнѣ очень любопытно узнать — какъ вамъ понравится книга; самъ я не стану распространяться о ней, но меня очень интересуетъ ваше мнѣніе.

Нашъ общій другъ инспекторъ Лёкке писалъ мнѣ лѣтомъ, что вы въ то время были больны или во всякомъ случаѣ не вполнѣ здоровы.

Надѣюсь однако, что теперь это недомоганіе счастливо миновало, и вы опять принялись за свои занятія при Британскомъ музеѣ.

Позволяю себѣ приложить свою фотографію, какъ скромный знакъ вниманія за то удовольствіе, которое вы доставили мнѣ присылкою своей карточки.

Буду надѣяться, что вы не замедлите прислать мнѣ пару строкъ въ знакъ того, что не въ претензіи на меня за мое долгое молчаніе. Я ношусь теперь съ разными литературными планами, но ни одинъ изъ нихъ еще не созрѣлъ вполнѣ. Будущимъ лѣтомъ, по всей вѣроятности, поѣду въ Норвегію, гдѣ не былъ десять лѣтъ. Тогда и видно будетъ, смогу ли я ужиться у себя на родинѣ; если нѣтъ, то отправлюсь оттуда въ Римъ — вѣроятно, навсегда. Я часто ношусь съ мыслью, что и вы могли бы захотѣть вновь посѣтить скандинавскія страны, гдѣ у васъ столько друзей и гдѣ мы такимъ образомъ могли бы встрѣтиться.

Прошу васъ во всякомъ случаѣ сохранить обо мнѣ дружескую память и поскорѣе обрадовать парой строкъ

преданнаго вамъ

Генрика Ибсена.

Дрезденъ, 16 октября 1873 г.

Дорогой Брандесъ!

Въ послѣднемъ своемъ письмѣ вы удивляетесь, что я ни слова не промолвилъ о второй части вашей исторіи литературы, которую вы лѣтомъ были такъ добры прислать мнѣ. Могу на это отвѣтить только, что я не менѣе удивленъ, узнавъ объ этомъ. Я былъ такъ увѣренъ, что незадолго до своего отъѣзда въ Вѣну написалъ вамъ довольно обстоятельно о книгѣ. Выходитъ однако, что я все-таки и тутъ проманкировалъ, и отъ души прошу васъ простить меня за такое невниманіе.

Въ письмѣ вашемъ проглядываетъ однако какое-то недоумѣніе по поводу того—какое впечатлѣніе произвела на меня ваша книга. Дорогой Брандесъ, не будь я такъ увѣренъ въ томъ, что вы отнюдь не говорите этого серьезно, я бы немедленно отвѣтилъ вамъ. Не могли же вы не сознавать, что я долженъ былъ вынести такое же впечатлѣніе отъ второго тома, какъ и отъ перваго. Вы хорошо знаете, что я смотрю на вашъ трудъ, какъ на такой, который отмѣчаетъ новую эпоху въ нашемъ міровоззрѣніи, и что это будетъ признано всѣми у насъ на родинѣ — хотя бы черезъ нѣсколько лѣтъ. Вы говорите, что газеты въ Даніи «замолчали книгу на смерть», но другіе датчане разсказываютъ совсѣмъ иное. Весьма возможно, что

газеты старались замолчать ее, но чтобы имъ удалось убить ее своимъ молчаніемъ — этого быть не можетъ. Я допускаю и нахожу понятнымъ, что вторая часть не вызвала той бури, какъ первая, такъ какъ уже не содержитъ такихъ прямыхъ нападокъ на все наше родное; но и этотъ фактъ, если онъ дѣйствительно имѣется налицо, отнюдь не служитъ мѣриломъ того, какъ глубоко книга запала въ душу нашего общества. Да постороннему человѣку и нѣтъ нужды говорить все это вамъ; у васъ самихъ съ избыткомъ хватитъ для этого критическаго превосходства. Поэтому я, откровенно говоря, и не испытывалъ особенно настоятельной потребности утѣшать васъ по этому поводу. Я, конечно, очень хорошо понимаю, что вами порою можетъ овладѣвать уныніе, — до такой степени вы окружены на родинѣ жалкой ограниченностью; но я знаю также, что вамъ выпадаютъ на долю и великія прекрасныя минуты, когда вы съ бодрой увѣренностью видите, гдѣ правда и что̀ принесетъ съ собой время.

Вотъ все, что̀ я могу сказать вамъ вкратцѣ. Для критики я вообще не чувствую себя призваннымъ,—это внѣ моей области. Да моя критика и не могла бы имѣть значенія для васъ. Вы имѣете во мнѣ усерднаго и благодарнаго читателя—и только.

И затѣмъ спокойно продолжайте свое дѣло. Мнѣ кажется, что время благопріятно. Если мы оглянемся назадъ на исторію скандинавскаго прогресса, то окажется, что мы поспѣваемъ за другими культурными народами, идемъ впередъ, но только не одновременно и не въ ногу съ ними. Они время отъ времени уходятъ отъ насъ впередъ, а мы не сразу замѣчаемъ это. И Европа то и дѣло застаетъ насъ врасплохъ. Но теперь, вѣрно, недолго ждать благопріятнаго момента, и тогда всѣ у насъ станутъ смотрѣть на вашу книгу, какъ должно, и еще будутъ утверждать, что всегда такъ смотрѣли. Поворотъ произойдетъ сразу, и книга будетъ принята безъ обычнаго срока испытанія.

Когда вы получите эти строки, «Кесарь и Галилеянинъ» навѣрно уже будетъ у васъ на рукахъ. Событія здѣсь, за границей, повернулись такъ, что произведеніе это оказывается болѣе современнымъ, нежели я самъ предполагалъ.

Будьте добры поблагодарить вашего брата за его намѣреніе посѣтить меня въ Вѣнѣ и передать ему мое сожалѣніе, что я такъ и не имѣлъ этого удовольствія. Очень былъ бы радъ увидѣть васъ и его здѣсь, въ Дрезденѣ. А затѣмъ, дорогой другъ, примите мой сердечный привѣтъ!

Преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Дрезденъ, 15 января 1874 г.

Дорогой г. Госсе!

Вамъ, вѣрно, покажется большой неблагодарностью съ моей стороны мое долгое молчаніе послѣ того прекраснаго подарка, который вы прислали мнѣ въ концѣ прошлаго года. Но прошу васъ быть увѣренымъ, что я все это время каждый день вспоминалъ о васъ. Причиной того, что я не писалъ вамъ раньше, было мое желаніе предварительно прочесть вашу книгу, и не только прочесть, но проштудировать и усвоить себѣ ея содержаніе и духъ возможно полнѣе. На это же потребовалось немало времени, такъ какъ я очень мало свѣдущъ въ англійскомъ языкѣ, которому научился самоучкой.

Позвольте же мнѣ теперь пожелать успѣха вашей книгѣ, которая, безъ сомнѣнія, доставитъ вамъ почетное мѣсто среди современныхъ поэтовъ-лириковъ. Стихи ваши проникнуты такимъ изяществомъ и красотой, что я нахожу имъ равные лишь у очень немногихъ изъ современныхъ поэтовъ. Вполнѣ убѣжденъ, что такія достоинства будутъ оцѣнены англійской націей, въ которой практически-дѣятельный умъ удивительнымъ образомъ сочетается съ чистотой и благородствомъ чувствъ и настроеній, что и дѣлаетъ вашу націю аристократическою въ лучшемъ значеніи этого слова.

И позвольте мнѣ затѣмъ отъ всего сердца поблагодарить васъ за любезное и лестное для меня вниманіе, которое вы оказали мнѣ своимъ особымъ привѣтомъ въ сборникѣ вашихъ стиховъ. Очень желаю, чтобы мнѣ поскорѣе представился случай лично поблагодарить васъ за это какъ-нибудь лучше и горячѣе, чѣмъ могу въ письмѣ.

За вашу сочувственную рецензію о моей новой драмѣ я вамъ крайне обязанъ. Есть въ ней только одно замѣчаніе, по поводу котораго я хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ. По-вашему, мнѣ слѣдовало написать драму стихами, отъ чего она будто бы выиграла бы. Съ этимъ я несогласенъ; данное произведеніе, какъ вы навѣрно замѣтили, носитъ самый реальный характеръ; я хотѣлъ дать полную иллюзію дѣйствительности, произвести на читателя такое впечатлѣніе, какъ будто все то, о чемъ онъ читаетъ, происходило передъ нимъ воочію. Пользуясь стихотворной формой, я бы пошелъ въ разрѣзъ съ собственными намѣреніями и цѣлью, которую себѣ поставилъ. Разныя мелкія, будничныя лица, которыхъ я нарочно ввелъ въ пьесу, совсѣмъ бы стерлись и смѣшались между собой, если бы я заставилъ ихъ говорить однимъ и тѣмъ же стихотворнымъ размѣромъ. Мы живемъ уже не во времена Шекспира, и даже скульпторы поговариваютъ о томъ, чтобы раскрашивать статуи подъ натуру. Насчетъ этого можно сказать многое и за и противъ. Я не хотѣлъ бы видѣть раскрашенною Венеру Милосскую, но голову негра предпочелъ бы видѣть изваянной изъ чернаго, а не изъ бѣлаго мрамора. Вообще форма рѣчи должна

соотвѣтствовать той степени идеализма, какою проникнуто изображеніе. Мое новое произведеніе отнюдь не трагедія въ старинномъ значеніи слова; я хотѣлъ изобразить людей, а потому и не заставилъ ихъ говорить «языкомъ боговъ».

Куда больше хотѣлось бы высказать вамъ и по этому поводу и на другія темы, но все надѣюсь, что случай доставитъ мнѣ возможность лично побесѣдовать съ вами. Сегодня поэтому этимъ кончу и еще разъ прошу васъ принять мою искреннюю признательность и привѣтъ.

Преданный и признательный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Дрезденъ, 23 января 1874 г.

Дорогой г. Эдвардъ Григъ!

Обращаюсь къ вамъ съ этими строками по поводу одного плана, который собираюсь привести въ исполненіе и относительно котораго хотѣлъ бы узнать—согласитесь ли вы принять въ немъ участіе.

Дѣло вотъ въ чемъ. Я намѣренъ приспособить для сцены «Пера Гюнта», который скоро выйдетъ третьимъ изданіемъ. Согласны ли вы написать къ пьесѣ необходимую музыку? Я вкратцѣ укажу вамъ, какъ думаю приспособить пьесу.

Первое дѣйствіе войдетъ цѣликомъ, лишь съ нѣкоторыми сокращеніями въ діалогахъ. Монологомъ Пера Гюнта на стр. 23, 24 и 25 (269—270) *) желательно воспользоваться или для мелодекламаціи, или отчасти для речитатива. Сцену свадебной пирушки, стр. 28 (272), можно было бы при помощи балета значительно развить въ сравненіи съ тѣмъ, что въ книгѣ. Для этого нужно написать особую плясовую мелодію, которая бы затѣмъ повторялась подъ сурдинку до конца акта.

Выходъ трехъ пастушекъ во второмъ актѣ предоставляется композитору иллюстрировать по собственному усмотрѣнію, но непремѣнно надо подпустить чертовщины! Монологъ на стр. 60—62 (285—287) долженъ бы, по-моему, сопровождаться аккордами, — слѣдовательно тоже мелодекламація. То же самое скажу о сценѣ между Перомъ Гюнтомъ и женщиной въ зеленомъ, стр. 63 — 66 (287—288). Слѣдуетъ также подобрать нѣчто въ родѣ аккомпанемента къ сценамъ въ пещерѣ Доврскаго дѣда, но реплики тамъ придется значительно сократить. Сцена съ «Кривой», которая войдетъ цѣликомъ, тоже требуетъ музыкальнаго аккомпанемента; птичьи голоса надо изобразить нѣ-

*) Въ скобкахъ указаны страницы русскаго перевода.

пѣмъ; а колокольный звонъ и пѣніе псалмовъ пусть глухо доносятся издали.

Для третьяго акта тоже нужны аккорды, но въ умѣренныхъ размѣрахъ, вплоть до сцены между Перомъ Гюнтомъ и женщиной и уродцемъ—стр. 95—100 (304—306). Затѣмъ мнѣ представляются желательнымъ тихій аккомпанементъ во время сцены съ Озе отъ начала стр. 109 (310) до конца стр. 112 (312).

Четвертое дѣйствіе почти цѣликомъ выпускается. Его должна замѣнить большая музыкальная картина, которая бы рисовала скитанія Пера Гюнта по бѣлу свѣту; американскія, англійскія и французскія мелодіи могли бы чередоваться съ основнымъ мотивомъ музыкальной картины. Пѣніе Анитры и хора арабскихъ дѣвушекъ, стр. 144—145 (331), должно раздаваться за спущеннымъ занавѣсомъ въ связи съ оркестровой музыкой. Затѣмъ подъ звуки послѣдней занавѣсъ подымается, и показывается, словно въ сновидѣніи, картина, описанная на стр. 164 (334). Сольвейгъ, въ образѣ женщины среднихъ лѣтъ, сидитъ на солнышкѣ на порогѣ своей хижины и поетъ. По окончаніи ея пѣсни занавѣсъ опять медленно опускается, и музыка продолжается въ оркестрѣ, подготовляя переходъ къ картинѣ бури на морѣ, которой начинается пятое дѣйствіе.

Пятое дѣйствіе явится на сценѣ четвертымъ или эпилогомъ; его также необходимо сократить. Музыкальный аккомпанементъ нуженъ къ стр. 195—199 (360—362). Сцены на перевернутой лодкѣ и на кладбищѣ выпускаются. Далѣе — стр. 221 (375) — пѣсня Сольвейгъ: монологъ Пера Гюнта долженъ сопровождаться аккордами, которые затѣмъ переходятъ въ хоръ — стр. 222 — 225 (376 — 377). Сцены съ пуговочникомъ и Доврскимъ дѣдомъ придется тоже сократить. Стр. 254 (394) — хоръ прихожанъ, идущихъ въ церковь по лѣсной тропинкѣ; музыка отмѣчаетъ звонъ колоколовъ и пѣніе псалма вдали во время слѣдующей сцены, кончающейся колыбельною пѣснью Сольвейгъ, послѣ чего занавѣсъ опускается, а пѣніе псалмовъ раздается все ближе и громче.

Такъ приблизительно я представляю себѣ все и прошу извѣстить меня, согласны ли вы взять на себя этотъ трудъ. Если согласитесь, я тотчасъ обращусь къ дирекціи Христіанійскаго театра, представлю исправленный текстъ пьесы и заранѣе обезпечу намъ постановку пьесы. Гонорарь назначу—400 сп.-д., которые мы раздѣлимъ съ вами пополамъ. Не сомнѣваюсь, что мы можемъ также разсчитывать на постановку пьесы въ Копенгагенѣ и Стокгольмѣ. Но прошу васъ пока-что держать дѣло въ секретѣ и возможно скорѣе дать мнѣ отвѣтъ.

Преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

PS. Мой адресъ въ Дрезденѣ: Wettiner-Strasse № 22, 2-й этажъ.

Дрезденъ, 6 февраля 1874 г.

Милостивый государь г. директоръ Іозефсонъ!

Имѣя въ виду предстоящій выходъ въ свѣтъ третьяго изданія моей драматической поэмы «Перъ Гюнтъ», я этой зимою занялся приспособленіемъ пьесы въ сокращенномъ видѣ для сцены. Выйдетъ музыкальная драма; необходимую музыку напишетъ г. Эдвардъ Григъ, къ которому я уже обратился по этому поводу. Я развилъ ему въ письмѣ свой планъ переработки и попросилъ сообщить его вамъ.

Прежде чѣмъ обратиться по этому дѣлу къ театрамъ въ Стокгольмѣ и Копенгагенѣ, я намѣренъ спросить дирекцію Христіанійскаго театра—пожелаетъ ли она воспользоваться пьесой, и если да, то придаете ли вы съ своей стороны значеніе тому, чтобы вашъ театръ первый поставилъ пьесу?

Надѣюсь, что, переговоривъ объ этомъ дѣлѣ съ Григомъ, вы не замедлите дать мнѣ предварительный отвѣтъ, и, если онъ окажется благопріятнымъ, я вышлю вамъ исправленный экземпляръ пьесы. Музыка будетъ написана въ теченіе лѣта; одновременно съ этимъ театръ могъ бы озаботиться изготовленіемъ декорацій, и постановка, такимъ образомъ, могла бы состояться въ лучшее время будущаго сезона.

Я твердо убѣжденъ, что въ вашей умѣлой постановкѣ пьеса пойдетъ съ большимъ успѣхомъ на сценѣ, особенно если будетъ сопровождаться хорошей музыкой. Въ виду же того, что для насъ съ г. Григомъ очень важно знать—на какой театръ намъ прежде всего разсчитывать, я позволяю себѣ ожидать, что вы напишете мнѣ, какъ только успѣете достаточно ознакомиться съ дѣломъ. Разъ только выяснится, что вы вообще сочувствуете самой идеѣ, всегда можно найти случай условиться относительно подробностей, при чемъ всякое ваше желаніе или предложеніе по этому поводу будетъ съ удовольствіемъ принято мною во вниманіе.

Съ истиннымъ уваженіемъ и преданностью

Генрикъ Ибсенъ.

Дрезденъ, 20 апрѣля 1874 г.

Дорогой Брандесъ!

Я, право, не заслужилъ, чтобы вы въ день моего рожденія вспомнили обо мнѣ и порадовали меня дружескимъ письмомъ. Сердечно благодарю васъ за это и прошу вѣрить, что мыслями я чаще бывалъ съ вами, чѣмъ вы имѣли возможность предполагать, судя по моей неаккуратности въ перепискѣ.

На ваше предыдущее письмо по поводу задуманнаго вами повременнаго изданія я не отвѣчалъ по той причинѣ, что слишкомъ долго раздумывалъ о томъ, что и какъ мнѣ отвѣтить. Видите ли, мнѣ становилось все яснѣе и яснѣе, что тутъ малѣ отвѣтить попросту *да* или *нѣтъ;* если ужъ говорить на чистоту,—а я именно хотѣлъ говорить на чистоту,—то слѣдовало сказать очень многое, что, мнѣ казалось, гораздо лучше сдѣлать въ устной бесѣдѣ, и вотъ я рѣшилъ помедлить отвѣтомъ въ надеждѣ на скорое свиданіе съ вами здѣсь. Надеждѣ этой однако, повидимому, не суждено сбыться такъ скоро, и поэтому я больше и не стану откладывать, но выскажу вамъ прямо, какъ смотрю на дѣло. Не посѣтуйте только на мою откровенность!

Вы и вашъ братъ составили планъ изданія журнала, но какого рода — датскаго или скандинавскаго? Датскіе литераторы не прочь имѣть подписчиковъ и читателей во всѣхъ скандинавскихъ странахъ, но они живутъ, дышатъ и чувствуютъ только по-копенгагенски. Въ вашихъ газетахъ и журналахъ идетъ борьба исключительно за или противъ того, что составляетъ злобу дня у васъ. Лишь ваши собственныя, датскія, или, вѣрнѣе, копенгагенскія, встрѣчныя теченія въ философіи, политикѣ и т. д. представляютъ для васъ значеніе, да вы въ сущности и не знаете ничего другого или болѣе важнаго въ Скандинавіи; зато вы отлично освѣдомлены обо всемъ, что касается заграницы. Что же касается спеціально норвежскихъ интересовъ и характерныхъ особенностей, то ихъ проявленіе въ печати допускается датчанами лишь какъ бы изъ милости, при чемъ въ добрую минуту имъ предпосылаютъ оговорки, извиненія, а въ дурную ихъ сопровождаютъ язвительными насмѣшками, всегда исходя изъ того положенія, что только все датское можетъ считаться нормальнымъ. Что знаютъ копенгагенцы о нашей внутренней жизни, о нашей политикѣ, нашихъ политикахъ? Ничего. Мы, норвежцы, и отчасти шведы знаемъ обо всемъ у васъ, а вы едва ли знаете хоть что-либо изъ того, что близко касается насъ. Копенгагенское невѣжество относительно скандинавскихъ дѣлъ такъ безподобно, что можетъ сравниться развѣ только съ копенгагенскимъ высокомѣріемъ.

Вотъ вкратцѣ тысячная доля того, что я хотѣлъ сказать, вотъ и причина того, что копенгагенскимъ журналамъ нѣтъ возможности существовать. Ваше двухмилліонное населеніе не въ состояніи поддержать журналъ; для того, чтобы дѣло пошло, вамъ нельзя по-копенгагенски спесиво пренебрегать четырьмя милліонами шведовъ, двумя милліонами норвежцевъ, милліономъ финляндцевъ и почти такимъ же числомъ скандинавовъ въ Америкѣ. Все вмѣстѣ составитъ около десяти милліоновъ людей; откажитесь отъ копенгагенской обособленности, пишите для всѣхъ, тогда—я вашъ. А высказывать свои мысли только для однихъ копенгагенцевъ — откровенно говоря — по-моему, не стоитъ труда.

Я, положимъ, знаю, что вы во многихъ отношеніяхъ находитесь въ оппозиціи съ этой копенгагенщиной, но тѣмъ не менѣе вы безсознательно то и дѣло поддаетесь ей. Весь первый томъ вашей исторіи литературы представляетъ скорѣе полемику съ копенгагенской, нежели со скандинавской ограниченностью. Вы боретесь противъ специфически-копенгагенскихъ направленій въ литературѣ, культурѣ и искусствѣ, а этой-то узости поля брани, по-моему, пуще всего и долженъ избѣгать литературный дѣятель, если хочетъ взять свое.

Все высказанное, дорогой Брандесъ, прошу васъ разсматривать, какъ дружеское приглашеніе пріѣхать сюда, чтобы мы сообща могли составить наши военные планы. Отъ самой мысли объ изданіи журнала вамъ не слѣдуетъ отказываться; надо только поставить его на болѣе широкія основанія, нежели прежніе датскіе журналы, если хотите, чтобы онъ содѣйствовалъ заслуженному распространенію вашихъ идей и обезпечилъ вамъ радостное и свободное отъ заботъ существованіе.

Много еще о чемъ могъ бы написать, но на сегодня довольно; подумайте надъ тѣмъ, что я высказалъ здѣсь, и поскорѣе напишите неизмѣнно преданному другу вашему

Генрику Ибсену.

Дрезденъ, 23 ноября 1874 г.

Дорогой г. Гегель!

Прежде всего позвольте мнѣ отъ имени моей жены и моего принести вамъ сердечную благодарность какъ за ваше дружеское вниманіе, оказанное моей женѣ во время ея послѣдняго печальнаго пребыванія въ Копенгагенѣ, такъ и за честь, которую вы оказали нашей умершей родственницѣ, сопровождая ея прахъ до могилы.

...Жена сообщила мнѣ радостное извѣстіе отъ васъ относительно видовъ на распространеніе «Союза молодежи» и «Фру Ингеръ». Неужели въ самомъ дѣлѣ значительная часть экземпляровъ обоихъ изданій уже заранѣе заказана? Время для изданія, конечно, благопріятное. Только бы не вышло задержки изъ-за бумаги. Разумѣется, нечего откладывать выпуска въ свѣтъ «Фру Ингеръ» до постановки пьесы на сценѣ. Чѣмъ раньше книга поступитъ въ продажу, тѣмъ лучше. Въ свое время позволю себѣ прислать вамъ необходимыя письма на имя театральныхъ дирекцій.

Очень пріятно было узнать, что вы ничего не имѣете противъ увеличенія сборника стихотвореній на пару листовъ. Весь матеріалъ будетъ приведенъ мною въ порядокъ и доставленъ вамъ не позже февраля, а по возможности и раньше.

А теперь имѣю предложить на ваше обсужденіе другой проектъ. Въ будущемъ году я праздную двойной юбилей: 25-ти-лѣтіе моего студен-

чества и 25-ти-лѣтіе моей писательской дѣятельности. Какъ разъ въ мартѣ 1850 г. вышла драма «Катилина», въ трехъ дѣйствіяхъ, первое мое произведеніе, попавшее въ печать. Въ немъ есть кое-что хорошее на ряду съ кое-чѣмъ незрѣлымъ, и въ послѣдніе годы критика часто отмѣчала, какъ особенно характерную для меня черту, что я выступилъ на поприще писателя именно этою драмою. Я и самъ теперь долженъ согласиться съ этимъ, сознавая тѣсную связь между этой пьесой и тѣми житейскими условіями, въ которыхъ я тогда находился, а также то, что въ этой пьесѣ заключается въ зародышѣ много такого, что̀ позже дало себя знать въ моемъ творчествѣ. Все это и еще кое-что я и хотѣлъ бы выяснить въ предисловіи къ новому, исправленному изданію драмы. Самыхъ идей и мыслей я не коснусь, а лишь ихъ внѣшней формы, языка; стихи, какъ однажды гдѣ-то замѣтилъ Брандесъ, плохи; причиною то, что печаталась книга по копіи съ моей первой, наскоро набросанной рукописи.

Я со своей стороны полагаю, что произведеніе это заинтересуетъ публику, и что тѣ, у кого имѣются остальные мои труды, захотятъ пріобрѣсти и этотъ. Книга извѣстна большой публикѣ лишь по наслышкѣ, такъ какъ разошлась въ свое время едва ли даже въ количествѣ 60—100 экземпляровъ, и я самъ свидѣтель, что остальные экземпляры изданія были проданы въ качествѣ макулатуры.

Очень желалъ бы узнать ваше откровенное мнѣніе насчетъ этого моего предложенія. Если вы сомнѣваетесь въ его цѣлесообразности, то, прошу васъ, такъ и скажите. Если же согласитесь съ нимъ, то я былъ бы вамъ очень признателенъ за возможно скорую присылку мнѣ экземпляра книги. Предстоитъ сдѣлать столько исправленій, что придется изготовить для печати новый экземпляръ пьесы. Выходъ книги въ свѣтъ долженъ былъ бы по возможности совпасть со временемъ выхода перваго изданія. Одолженный экземпляръ будетъ возвращенъ обратно въ цѣлости. Полагаю, что можно достать таковой въ одной изъ публичныхъ библіотекъ.

Въ надеждѣ скоро узнать вашъ взглядъ на это дѣло, остаюсь съ сердечными привѣтствіями

преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Дрезденъ, 30 января 1875 г.

Дорогой Брандесъ!

Чтобы доказать вамъ, — въ чемъ вы, пожалуй, въ сущности и не сомнѣваетесь,—что вы въ особой милости у боговъ, я сегодня отложу въ сторону все и отвѣчу на ваше письмо, полученное третьяго-дня. Очень вамъ признателенъ за присланные выпуски журнала вашего и вашего брата. Я нашелъ въ нихъ много такого, что̀ въ высшей сте-

пени заинтересовало меня, но я не могу отдѣлаться отъ впечатлѣній, что журналъ этотъ до сихъ поръ является черезчуръ ужъ датскимъ, вѣрнѣе, копенгагенскимъ, тогда какъ задача должна заключаться непремѣнно въ томъ, чтобы сдѣлать его скандинавскимъ журналомъ. Здѣсь, въ Германіи, не основываютъ журналовъ для Бадена или Гессенъ-Касселя, и одна Данія тоже не въ состояніи обезпечить существованія журнала. Вы вѣдь и не подумали обратиться за сотрудничествомъ въ Христіанію къ профессору Сарсу, О. Скавлану или къ Фр. Бецману? Особенно же много сотрудниковъ можете вы, по-моему, разсчитывать найти въ Швеціи. У васъ уже и появился одинъ сотрудникъ оттуда; но именно его статья и свидѣтельствуетъ объ исключительно датскомъ характерѣ журнала; вы сочли нужнымъ помѣстить эту шведскую статью въ датскомъ переводѣ! Зачѣмъ? Развѣ журналъ не разсчитываетъ и на шведскихъ читателей? Или въ Копенгагенѣ полагаютъ, что шведамъ любо читать шведскія оригинальныя статьи въ датскомъ переводѣ? Или датчане въ самомъ дѣлѣ такъ несвѣдущи въ шведскомъ языкѣ, что сообщенія изъ Швеціи могутъ быть поняты лишь въ переводѣ? Въ такомъ случаѣ плохіе виды на успѣхъ самаго важнѣйшаго нашего дѣла! И мнѣ, право, начинаетъ казаться, что у васъ, дорогой Брандесъ, душа не особенно лежитъ къ этому дѣлу. Что же до меня, то я недаромъ прожилъ такъ долго въ Германіи, вслѣдствіе чего дѣло это и представляется мнѣ папважнѣйшимъ, въ сравненіи съ которымъ всѣ остальныя задачи второстепенны.

Почему вы и мы всѣ, съ нашими европейскими взглядами, испытываемъ такое одиночество на родинѣ? Потому что наша родина еще не является цѣльнымъ, сплоченнымъ государственнымъ организмомъ; потому что у насъ на родинѣ думаютъ, чувствуютъ и смотрятъ на все съ коммунальной, а не съ національной, не со скандинавской точки зрѣнія. Я не придаю особеннаго значенія политической организаціи, но тѣмъ большее значеніе придаю я объединенію нашихъ національныхъ взглядовъ. Вы называете свой журналъ «XIX вѣкомъ», а между тѣмъ какая разница замѣчается въ обликѣ этого самаго вѣка въ настоящую минуту въ Даніи, въ Швеціи и въ Норвегіи? И думаете ли вы, что эта частица европеизма, которою обладаетъ каждая изъ нашихъ народностей въ отдѣльности, можетъ представлять сколько-нибудь достаточную основу для всего того, что вы хотите провести въ жизнь? Лишь цѣльныя націи могутъ участвовать въ культурномъ движеніи. Перемѣна фронта въ жизнепониманіи и міровоззрѣніи не коммунальное дѣло, а мы, скандинавы, въ сравненіи съ Европой все еще не вышли изъ рамокъ волостного правленія. Но никогда не бывало, чтобы волостное правленіе занималось ожиданіемъ или подготовленіемъ «третьяго царства».

Но довольно пока разсуждать на эту тему; лучше перейду къ прямому отвѣту на ваше письмо.

Совершенно вѣрно, что я обѣщалъ г. Гегелю послать нѣсколько стихотвореній, какъ свою лепту въ журналъ; но, во-первыхъ, стихотворенія эти носятъ столь специфически-норвежскій характеръ, что, по зрѣломъ размышленіи, я побаиваюсь, какъ бы они по содержанію не показались копенгагенцамъ чистой тарабарщиной; во-вторыхъ же, они еще не вполнѣ обработаны, представляютъ лишь первый черновой набросокъ. Слѣдовательно мало—просто «просмотрѣть» ихъ; зато я долженъ сознаться, что и не собирался отдѣлывать ихъ до такой степени, чтобы ихъ ужъ «нельзя было больше исправить». Въ этомъ нѣтъ нужды, такъ какъ я убѣдился, что въ Даніи, какъ и вездѣ, публика обыкновенно достаточно доброжелательна, чтобы понять «непонятное» въ лучшемъ смыслѣ. Стихотворенія вы все-таки получите, но на всякій случай выговариваю себѣ крайній изъ назначенныхъ вами сроковъ—апрѣль или даже май.

Не знаю, чѣмъ я подалъ поводъ для замѣчанія, что сотрудничество въ вашемъ журналѣ отнюдь не можетъ скомпрометировать меня; хотя вамъ, конечно, какъ и всякому другому, кромѣ меня самого, трудно рѣшить—что я считаю болѣе «компрометирующимъ». сотрудничество съ епископомъ Мартенсеномъ или съ покойнымъ Давидомъ Штраусомъ

Мнѣ непонятно, почему васъ такъ задѣли мои слова насчетъ того, что журналъ при извѣстныхъ условіяхъ могъ бы обезпечить вамъ радостное и безпечальное существованіе. Я помню ваши письма такъ же хорошо, какъ вы, повидимому, мои, и могу васъ увѣрить, что слова эти простой отвѣтъ на ваше собственное замѣчаніе въ одномъ изъ вашихъ писемъ, и я не постигаю, какъ въ наше время кто-либо можетъ чувствовать себя задѣтымъ тѣмъ, что его считаютъ человѣкомъ, разсчитывающимъ жить тѣмъ, для чего онъ живетъ.

Примите мою искреннюю признательность за то, что вы нашли въ своемъ журналѣ мѣстечко для отзыва о «Кесарѣ и Галилеянинѣ». Я, впрочемъ, многое могъ бы сказать по этому поводу, но въ письмѣ ограничусь только замѣчаніемъ, что нахожу нѣкоторое внутреннее противорѣчіе въ вашемъ сужденіи о содержащемся въ моемъ произведеніи «ученіи о необходимости», когда сопоставлю ваше неодобреніе въ данномъ случаѣ вашему одобренію подобнаго же взгляда въ «Дѣтяхъ міра» П. Гейзе. По-моему, почти одно и то же—скажу ли я о характерѣ какого-нибудь лица: «это у него въ крови», или скажу: «онъ свободенъ—подъ гнетомъ необходимости».

Въ апрѣлѣ отправляюсь въ Мюнхенъ, чтобы поселиться тамъ. А вы не собираетесь въ скоромъ времени опять махнуть за границу? Мнѣ кажется, вамъ легче было бы вести журналъ, живя за границей, нежели на родинѣ. Все, что я еще имѣлъ сообщить вамъ, придется оставить до другого раза. Пишите скорѣе!

Преданный вамъ
Генрикъ Ибсенъ.

Людвигу До.

Дрезденъ. 4 февраля 1875 г.

Дорогой другъ!

Не могу долѣе откладывать благодарности друзьямъ за новогоднюю телеграмму, которую имѣлъ огромное удовольствіе получить какъ разъ въ торжественный вечеръ и почти не искаженною; но, конечно, она пришла немножко поздно для того, чтобы отвѣтъ мой, данный тѣмъ же путемъ, могъ дойти до васъ ранѣе смѣны года. Къ тому же я не зналъ, у кого изъ подписавшихся состоялось это собраніе друзей и кому адресовать отвѣтъ, чтобы онъ засталъ васъ всѣхъ въ сборѣ. Изъ слога телеграммы заключаю, впрочемъ, съ нѣкоторою увѣренностью, что авторъ поздравленія—ты, и потому адресую это благодарственное посланіе тебѣ съ наилучшими сердечными пожеланіями по адресу всѣхъ остальныхъ друзей.

Затѣмъ у меня есть къ тебѣ просьба, которая, пожалуй, причинитъ тебѣ нѣкоторыя хлопоты. Мнѣ хотѣлось бы достать хорошій норвежскій переводъ «Королевскаго зеркала», Королевскихъ сагъ, а также рукописи, приписываемой королю Сверре; какъ говорятъ, она имѣетъ нѣкоторую связь съ «Королевскимъ зеркаломъ», и это все, что я о ней знаю.

...Въ серединѣ апрѣля я покидаю Дрезденъ, чтобы поселиться до поры до времени въ Мюнхенѣ. Въ частномъ учебномъ заведеніи, которое посѣщаетъ Сигурдъ, упразднены два старшихъ гимназическихъ класса, а здѣшнія казенныя училища я, по всѣмъ ихъ порядкамъ и методѣ, считаю неподходящими для учениковъ-иностранцевъ. Кромѣ того, меня опять обуяла жажда передвиженія, да и Дрезденъ за послѣдній годъ все болѣе и болѣе пустѣетъ, покидаемый иностранцами. Переселясь въ Мюнхенъ, я, къ сожалѣнію, буду еще дальше отъ родины, но зато подвинусь чуточку ближе къ Италіи, и кромѣ того буду имѣть удовольствіе жить среди католиковъ, которыхъ здѣсь, въ Германіи, слѣдуетъ безусловно предпочесть протестантамъ.

А затѣмъ и кончу на этотъ разъ, посылая сердечное спасибо и привѣтъ тебѣ и всему твоему милому семейству. Будь увѣренъ, что мысли мои часто возвращаются къ старымъ и новымъ воспоминаніямъ, связаннымъ съ «голландцами».

Преданный тебѣ
Генрикъ Ибсенъ.

Дрезденъ. 7 февраля 1875 г.

Дорогой г. Іозефсонъ!

Сердечное спасибо за ваше дружеское и интересное письмо. Будьте увѣрены, я вдвойнѣ цѣню его въ силу того обстоятельства, что вы

написали такъ подробно въ столь горячее время, когда вы, какъ я вижу, завалены дѣлами.

Хорошо понимаю ваше настроеніе подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ хлопотъ, но не могу не считать крайне прискорбнымъ вашего намѣренія покинуть Христіанійскій театръ, если оно серьезно. Послѣ всего того, что вы сдѣлали и вдобавокъ организовали оперу, мнѣ кажется, вы можете предъявлять какія угодно требованія по части дѣловыхъ порядковъ. Если комитетъ директоровъ васъ стѣсняетъ своимъ безтолковымъ вмѣшательствомъ, вы должны требовать, чтобы оно прекратилось, такъ какъ въ глазахъ публики отвѣтственнымъ лицомъ являетесь вы, а не кто другой. Затѣмъ вамъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что театръ ждутъ теперь лучшія времена: въ этомъ нельзя сомнѣваться; черезъ нѣсколько лѣтъ безусловно придется подумать о новомъ, болѣе вмѣстительномъ зданіи театра, а съ этимъ вступятъ въ силу и болѣе широкія и пріятныя условія дѣятельности во всѣхъ отношеніяхъ. Вполнѣ признаю, что вамъ нуженъ помощникъ, но отнюдь не думаю, чтобы вы въ этомъ отношеніи могли разсчитывать на Т. Торесена. Во-первыхъ, онъ человѣкъ болѣзненный, и работоспособность его невелика, а во-вторыхъ, человѣкъ незрѣлый, недостаточно знающій литературу и лишенный глубокаго пониманія искусства и его техники. Ему еще предстоитъ учиться и учиться.

За принятіе «Фру Ингеръ» прошу васъ передать дирекціи мое спасибо, равно благодарю и васъ самихъ за быстрое рѣшеніе вопроса. Мнѣ было бы особенно пріятно, если бы пьеса была дана въ первый разъ именно 20 марта, такъ какъ это день моего рожденія и двадцатипятилѣтняго юбилея моей писательской дѣятельности, по случаю котораго книжная фирма Гюльдендаль въ Копенгагенѣ выпускаетъ новое изданіе драмы «Катилина», вышедшей впервые въ мартѣ мѣсяцѣ 1850 г. Но рѣшеніе этого вопроса я всецѣло предоставляю вамъ.

Въ апрѣлѣ намѣреваюсь переселиться въ Мюнхенъ. Если вы, какъ надѣюсь и заранѣе тому радуюсь, попадете въ эти края, для меня будетъ большимъ удовольствіемъ предпринимать съ вами лѣтомъ экскурсіи въ Тироль или въ окрестности. Во всякомъ случаѣ, надѣюсь, вы дадите мнѣ знать о себѣ, какъ только у васъ выдастся свободный часокъ. Жена сердечно кланяется.

Преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Дрезденъ, 3 марта 1875 г.

Милостивый государь г. кандидатъ І. Вибе!

Въ отвѣтъ на ваше почтенное письмо очень радъ повторить то, что уже высказывалъ вамъ лично въ Христіаніи о вашемъ разсказѣ:

«Воспоминанія Александра Мёллера», а именно, что въ свое время прочелъ его съ большимъ интересомъ. Онъ показался мнѣ занимательнымъ и во многихъ отношеніяхъ дѣльнымъ и многообѣщающимъ трудомъ, который, по-моему, можетъ разсчитывать на хорошій пріемъ, если сдѣлать его доступнымъ большему кругу читателей, нежели на какой можетъ разсчитывать фельетонъ.

То, что вы говорите насчетъ трудности найти у насъ издателя, мнѣ извѣстно по собственному опыту, но меня все-таки удивляетъ, что наши издатели ничему не научились изъ собственнаго горькаго опыта. Одинъ норвежскій писатель за другимъ уходитъ отъ нихъ и ищетъ себѣ издателя въ Копенгагенѣ; ихъ не умѣютъ во-время удержать на родинѣ. Будь еще вашъ трудъ произведеніемъ драматическимъ, я бы нашелъ понятнымъ, что съ точки зрѣнія книгопродавца можно задуматься издать его,—драматическія произведенія не такъ читаются; но всякій новый разсказъ вѣдь пріобрѣтается, кромѣ частныхъ лицъ, всѣми библіотеками для чтенія, и однѣ эти почти раскупятъ изданіе обыкновенной величины. Вообще мало дальновидности проявляютъ книгопродавцы со своей боязливой осторожностью. Имъ бы слѣдовало помогать вырабатываться нашимъ молодымъ писателямъ, содѣйствовать распространенію новыхъ произведеній, тогда бы и сами они скоро были въ барышахъ.

Былъ бы очень доволенъ, если бы вамъ удалось найти издателя, раздѣляющаго мои взгляды и болѣе дальновиднаго, нежели большинство изъ нихъ тамъ, на родинѣ. Думаю, что вамъ лучше всего обратиться къ молодымъ книгопродавцамъ, между которыми теперь вѣдь есть нѣсколько дѣльныхъ и предпріимчивыхъ людей. Если достигнете исполненія вашего желанія, это сердечно порадуетъ

дружески расположеннаго къ вамъ

Генрика Ибсена,

Мюнхенъ, 2 мая 1875 г.

Дорогой Брандесъ!

По обыкновенію, непозволительно долго заставилъ васъ ждать отвѣта. Но съ середины прошлаго мѣсяца я не бралъ пера въ руки, и сегодня вы являетесь первымъ, къ кому я пишу. Какъ разъ въ это время я былъ занятъ переселеніемъ въ Мюнхенъ и только вчера переѣхалъ въ свое будущее жилище. Не побрезгуйте поэтому парой-другой строкъ.

Я не обѣщалъ и, имѣя въ виду предстоявшій мнѣ переѣздъ, не могъ обѣщать прислать вамъ статью для апрѣльской или майской книжки журнала, но обѣщалъ прислать вамъ статью въ апрѣлѣ или въ маѣ, и сдержу свое обѣщаніе.

Планъ у меня готовъ и созрѣлъ. Я не хочу посылать вамъ ничего стараго, не имѣющаго связи съ журналомъ, но пошлю вамъ рядъ писемъ въ стихахъ, которыя въ легкой формѣ будутъ трактовать духовныя теченія нашего времени въ томъ видѣ, какъ они представляются мнѣ. Я буду писать откровенно, какъ другъ пишетъ другу, и думаю, вы сознаете, что мы съ вами солидарны въ гораздо большей степени, нежели это вамъ теперь, повидимому, кажется.

Въ ближайшемъ времени я займусь исключительно этимъ дѣломъ и заранѣе радуюсь мысли взяться за него. Но больше не буду писать объ этомъ сегодня.

Мнѣ очень хочется познакомиться съ Паулемъ Гейзе, но въ то же время меня беретъ нѣкоторое сомнѣніе, какъ вспомню, съ какимъ усердіемъ раза два накинулись на меня въ статьяхъ изъ Копенгагена въ противовѣсъ статьямъ Адольфа Штродтмана. Если будете писать доктору Гейзе, то интродуцируйте меня парой дружескихъ словъ. Я оставилъ у него свою визитную карточку, но не обозначилъ на ней своего адреса, и такъ до сихъ поръ и не повидался съ нимъ.

А вы не собираетесь ли сюда въ скоромъ времени? Мой адресъ: Schönfeld-Strasse № 17, 3-й подъѣздъ, первый этажъ. Хорошо было бы опять увидѣть васъ среди насъ!

Преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Кицбюхель, въ Тиролѣ, 16 августа 1875 г.

Дорогой Лассенъ!

Вчера только получилъ здѣсь, въ горахъ, гдѣ провожу лѣто, твое дружеское письмо, на которое и спѣшу отвѣтить.

Само собою разумѣется, что «Перъ Гюнтъ» можетъ появиться на сценѣ лишь въ сокращенномъ видѣ. Въ первомъ же своемъ письмѣ къ Григу по поводу музыки для пьесы я развилъ ему свой планъ замѣны четвертаго дѣйствія музыкальной картиной, иллюстрирующей содержаніе и сопровождающейся нѣсколькими живыми картинами, которыя будутъ изображать наиболѣе подходящія сцены пропущеннаго дѣйствія,—напр., Пера Гюнта въ шатрѣ, окруженнаго арабскими дѣвушками, Сольвейгъ, поджидающую его на порогѣ хижины, и т. п. Сообщилъ я этотъ планъ и г. Іозефсону, но онъ не согласился со мной и представилъ мнѣ свой планъ сокращеній. Увидавъ, что сокращенія сдѣланы съ большимъ умѣніемъ, я не сталъ возражать, но не берусь за-глаза рѣшать, какой изъ двухъ плановъ пригоднѣе. Лучше, по-моему, предоставить тебѣ съ г. Іозефсономъ обсудить и рѣшить это дѣло. Онъ увѣряетъ меня, что, если послѣдовать его указаніямъ, пьеса станетъ любимой пьесой у публики и будетъ дѣлать сборы. Я лично бы

предпочелъ остаться въ сторонѣ и прошу только позаботиться о томъ, чтобы продолжительность представленія не выходила изъ нормъ, — иначе все пропало. Предоставляю слѣдовательно заправиламъ театра дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, какъ сочтутъ за лучшее. Многое говоритъ и за тотъ и за другой планъ переработки, и, чтобы сознательно выбрать между ними, надо находиться на мѣстѣ, знать предполагаемое распредѣленіе ролей, имѣть понятіе о томъ, какими декораціями и техническими приспособленіями располагаетъ театръ, и проч. и проч.

При этомъ выскажу только одно особое желаніе, а именно, чтобы пьеса была поставлена до Рождества и вообще, по возможности, въ началѣ зимняго сезона. Пьесы, откладываемыя на весенній сезонъ, не могутъ разсчитывать на особый интересъ со стороны публики, а пріемъ, какого удостоится пьеса въ первомъ сезонѣ, всегда оказывается рѣшающимъ для ея позднѣйшей судьбы, обусловливая — долго ли она продержится въ репертуарѣ.

Вотъ и все, дорогой другъ, что я хотѣлъ сказать по этому поводу.

...Сердечные привѣты твоимъ и тебѣ самому отъ моей жены и

преданнаго тебѣ

Генрика Ибсена.

Кицбюхель, 16 сентября 1875 г.

Дорогой Брандесъ!

Извините, что раньше не далъ вамъ знать о себѣ. Обѣ ваши открытки получилъ вчера. Къ октябрьскому выпуску никакъ не могу дать ничего; я теперь какъ разъ занятъ планомъ крупнаго драматическаго произведенія, и это исключаетъ всякую возможность заниматься чѣмъ-либо другимъ. Въ концѣ мѣсяца я вернусь въ Мюнхенъ и серьезно засяду за работу. Если смогу, то постараюсь «между дѣйствіями» приготовить для васъ что-нибудь; но вы едва ли представляете себѣ, сколько времени беретъ у меня такая вотъ бездѣлка; написать ее, когда она уже сложилась въ головѣ, разумѣется, пустяки; но смѣю утверждать, что послѣднее стихотвореніе, которое я послалъ вамъ, занимало меня всецѣло не меньше мѣсяца. Итакъ, я могу теперь удѣлить такой работѣ лишь промежутки. Но впослѣдствіи вы непремѣнно что-нибудь получите. Будьте увѣрены, что я охотно пишу для васъ и у васъ. Вотъ вкратцѣ все, что я могу сказать вамъ сегодня.

Съ сердечнымъ привѣтомъ отъ жены и отъ меня

остаюсь преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Мюнхенъ, 23 октября 1875 г.

Дорогой г. Гегель!

...Мой новый трудъ быстро подвигается впередъ, черезъ нѣсколько дней первое дѣйствіе будетъ готово, а для меня это всегда труднѣйшая часть работы. Заглавіе будетъ: «Столпы общества», драма въ пяти дѣйствіяхъ. Этотъ трудъ можно разсматривать какъ антитезу «Союза молодежи»; въ ней затронуты разные немаловажные вопросы, выдвинутые временемъ. Пока прошу однако оставить это между нами; немного позже—другое дѣло, пускай тогда этотъ слухъ распространится: разговоры въ публикѣ не только не вредятъ, а скорѣе способствуютъ сбыту книжки.

Надѣюсь, вы во-время получили мое предыдущее письмо относительно новаго изданія сборника стихотвореній, и полагаю поэтому, что дѣло это идетъ своимъ порядкомъ. На заглавномъ листѣ, по-моему, надо помѣстить: «второе дополненное изданіе». Съ наилучшими пожеланіями отъ жены и меня

остаюсь сердечно вамъ преданный

Генрикъ Ибсенъ.

Мюнхенъ, 14 іюля 1876 г

Дорогой г. Іозефсонъ!

...Ваши сообщенія о трудностяхъ и непріятностяхъ, сопряженныхъ съ занимаемымъ вами положеніемъ при театрѣ, меня въ сущности не удивили; при существующей организаціи иначе почти и быть не можетъ, но такая система управленія должна быть измѣнена, и въ видахъ этого я намѣреваюсь лѣтомъ сдѣлать попытку активнаго вмѣшательства въ дѣло путемъ нѣсколькихъ статей, которыя думаю послать въ «Иллюстрированный Вѣстникъ» Ельма.

...Въ началѣ этого мѣсяца я ѣздилъ въ Берлинъ, чтобы присутствовать на первомъ представленіи «Борьбы за престолъ», которая была блестяще разыграна придворною труппой герцога Мейнингенскаго. Пьеса имѣла большой успѣхъ, и меня много разъ вызывали. Не думаю, чтобы это было особенно пріятно берлинскимъ рецензентамъ, большинство которыхъ сами драматурги. Пьеса все-таки прошла девять разъ подъ-рядъ и шла бы еще, если бы мейнингенцы не закончили своихъ представленій уже къ 15-му. Послѣ перваго представленія герцогъ пригласилъ меня посѣтить его въ его лѣтнемъ дворцѣ Либенштейнѣ близъ Мейнингена, гдѣ я жилъ все это время и только вчера вернулся сюда. На прощанье герцогъ пожаловалъ мнѣ кавалерскій крестъ 1-й степени ордена Саксенъ-Эрнестинскаго дома. «Борьба за престолъ» пойдетъ теперь также въ Шверинѣ, а «Воители» приняты

Бургъ-театромъ въ Вѣнѣ; Шарлотта Вольтеръ будетъ играть Нордисъ. Если нашъ общій другъ Винтеръ-Ельмъ захочетъ воспользоваться этими данными, передайте ихъ ему. И скорѣе пріѣзжайте сюда. Мы остаемся въ Мюнхенѣ до 1-го августа. Сердечный привѣтъ отъ жены и меня.

Преданный вамъ
Генрикъ Ибсенъ.

Кальтернъ близъ Боцена, въ Тиролѣ, 15 сентября 1876 г.

Дорогой г. Гегель!

Четыре мѣсяца я не давалъ вамъ знать о себѣ и только сегодня собрался написать вамъ. Не знаю, столь ли добросовѣстны наши газеты на родинѣ по части сообщеній обо мнѣ всякаго рода добрыхъ и вѣрныхъ, какъ недобрыхъ и искаженныхъ вѣстей. Очень ужъ поторопились онѣ оповѣстить, будто «Борьба за престолъ» на пробномъ представленіи въ Мейнингенѣ не понравилась публикѣ; зато, пожалуй, не поспѣшили съ извѣстіемъ, что пьеса затѣмъ 9 разъ подъ-рядъ давалась въ Берлинѣ съ огромнымъ успѣхомъ; много разъ вызывали и автора и артистовъ, даромъ что многіе журналисты, по легко понятнымъ причинамъ, не очень-то благоволятъ ко мнѣ. Послѣ этой побѣды я получилъ отъ герцога Мейнингенскаго приглашеніе погостить у него въ его загородномъ дворцѣ Либенштейнѣ, провелъ тамъ время чудесно и былъ на прощанье пожалованъ орденомъ Саксенъ-Эрнестинскаго дома. Зимою мнѣ опять предстоитъ побывать у герцога въ Мейнингенѣ. Въ октябрѣ будутъ поставлены въ вѣнскомъ Бургъ-театрѣ «Вонтели»; и туда я получилъ офиціальное приглашеніе, а также въ Швериніъ, гдѣ дадутъ «Борьбу за престолъ» въ ноябрѣ. Недѣли черезъ двѣ «Вонтели» пойдутъ въ придворномъ театрѣ въ Дрезденѣ; готовится пьеса къ постановкѣ и въ городскомъ театрѣ въ Лейпцигѣ, теперь же идетъ съ большимъ успѣхомъ въ Мюнхенѣ. Отъ каждаго театра я получаю съ валового вечерняго сбора по 10% и буду получать такой гонораръ, пока живъ, наслѣдники же мои въ теченіе 15-ти лѣтъ. Условія эти куда выгоднѣе тѣхъ, какихъ удостоилъ меня юстицъ-совѣтникъ Берперъ въ Копенгагенѣ, поэтому не станутъ, вѣроятно, удивляться, если я впредь буду ставить на первомъ планѣ обезпеченіе себѣ возможности пользоваться плодами своихъ трудовъ здѣсь, въ Германіи. Представляющее собственность автора нѣмецкое изданіе «Фру Ингеръ» уже готово въ рукописи и первоначально появится на сценахъ въ Мейнингенѣ и Мюнхенѣ.

Занятый всѣми этими дѣлами, я поневолѣ отложилъ въ сторону мою новую пьесу, но по возвращеніи въ Мюнхенъ въ началѣ будущаго мѣсяца намѣренъ довести ее до конца, хотя безспорно не очень

соблазнительно писать для театровъ на родинѣ. Какъ обстоитъ дѣло съ «Вонтелями» въ Копенгагенѣ? Согласно условію мнѣ слѣдуетъ получить еще 500 кр. послѣ 20-го представленія. Возможно ли, что г. Бернеръ по этой причинѣ собирается снять пьесу съ репертуара послѣ 19-го представленія, которое состоялось въ прошломъ сезонѣ? Я еще не сообщилъ вамъ объ одной характерной чертѣ этого господина. Въ письмѣ, которымъ онъ открылъ со мною переговоры относительно «Вонтелей», онъ пишетъ, что театръ можетъ заплатить мнѣ лишь столько-то и столько-то, такъ какъ драма слишкомъ мала для «вечерней пьесы». А позже я узналъ все-таки, что пьеса каждый разъ шла одна, занимая все вечернее представленіе; но объ этомъ г. Бернеръ не увѣдомилъ меня ни словомъ. Хорошо было бы, если бы ему при случаѣ напомнили объ этомъ, — такіе маневры, право, слишкомъ неприглядны для директора и заправилы Королевскаго театра.

Я давно уже ожидалъ объявленія о новомъ изданіи «Пера Гюнта»; надѣюсь теперь недолго ждать его выхода въ свѣтъ. Быть-можетъ, понадобится къ Рождеству и новое изданіе какой-нибудь другой моей книги. Это было бы для меня особенно пріятно, такъ какъ я нуждаюсь въ деньгахъ, а гонорары за пьесы выплачиваются здѣшними театрами лишь по четвертямъ и полугодіямъ. Рѣшаюсь поэтому, несмотря на то, что состою у васъ въ долгу, просить васъ выслать мнѣ по вышеуказанному адресу 450 нѣмецкихъ марокъ. Этимъ вы окажете мнѣ большую услугу, и я твердо надѣюсь, что въ скоромъ времени наши счеты опять будутъ уравнены.

Мѣстность здѣсь, на границѣ Италіи, удивительно красива, и климатъ самый пріятный, какой только можно себѣ представить. Къ намъ присоединились здѣсь одна дама изъ Норвегіи, одна изъ Финляндіи и молодой писатель Джонъ Паульсенъ изъ Бергена; но съ родины доходитъ до насъ очень мало извѣстій. Упомянутый молодой землякъ нашъ, впрочемъ, разсказалъ намъ немало о своемъ пребываніи въ Копенгагенѣ, отъ котораго въ восторгѣ. Изъ его сообщеній можемъ заключить, что въ вашемъ кружкѣ все обстоитъ благополучно, но намъ было бы очень пріятно получить подтвержденіе этого отъ васъ самихъ.

Вообще прошу васъ не истолковать моего долгаго молчанія въ смыслѣ какого бы то ни было ослабленія интереса съ моей стороны къ событіямъ и лицамъ на родинѣ. Въ надеждѣ, что вы и не посмотрите такъ на это, шлю вамъ и вашимъ близкимъ наилучшія пожеланія и привѣты и остаюсь

сердечно преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Въ Королевскій Норвежскій правительственный департаментъ министерства духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія.

Мюнхенъ, 7 апрѣля 1877 г.

Отъ имени литератора Джона Паульсена и въ его интересахъ я, нижеподписавшійся, обращаюсь въ департаментъ съ почтительнѣйшею просьбою разрѣшить упомянутому литератору изъ суммъ, ассигнуемыхъ на заграничныя поѣздки дѣятелямъ науки и искусствъ, стипендію въ 1.600 (тысячу шестьсотъ) кронъ, чтобы дать ему возможность дополнить свое образованіе для избранной имъ дѣятельности.

Джонъ Паульсенъ родился въ Бергенѣ отъ бѣдныхъ родителей, и ему теперь двадцать пять лѣтъ. Онъ не окончилъ курса никакого учебнаго заведенія, но получилъ хорошее домашнее образованіе, которое пополнилъ самостоятельнымъ изученіемъ исторіи литературы, имѣетъ извѣстныя познанія въ области какъ родной, такъ и иностранной изящной литературы и довольно хорошо владѣетъ новыми языками, особенно нѣмецкимъ, французскимъ и англійскимъ.

Около года тому назадъ онъ оставилъ мѣсто при португальскомъ консульствѣ въ Бергенѣ, чтобы всецѣло посвятить себя литературѣ, а приблизительно полгода тому назадъ вышла его первая книга, изданная книгопродавцемъ Маллингомъ. Книга эта — собраніе разсказовъ, озаглавленная: «Наброски изъ городской жизни». Нѣсколько позже тотъ же книгопродавецъ издалъ собраніе стихотвореній г. Паульсена, и наконецъ къ послѣднему Рождеству вышла въ Копенгагенѣ изданная фирмой Гюльдендаль большая его повѣсть: «Морская царица». Кромѣ того, онъ написалъ нѣсколько небольшихъ пьесъ; нѣкоторыя изъ нихъ были поставлены въ Бергенѣ, но въ печати еще не появились. Наконецъ онъ помѣстилъ немало статей, корреспонденцій, путевыхъ очерковъ, стихотвореній и рецензій въ различныхъ газетахъ и журналахъ.

Съ первыхъ же шаговъ своей литературной дѣятельности Джонъ Паульсенъ встрѣтилъ сочувственный пріемъ какъ со стороны публики, такъ и со стороны критики, и это доброжелательное и исполненное надеждъ отношеніе къ молодому писателю, которое до сихъ поръ проявлялось въ публикѣ и печати, я считаю вполнѣ имъ заслуженнымъ.

Въ прошломъ году въ это время онъ отправился за границу, чтобы путемъ продолжительнаго путешествія пріобрѣсти необходимыя познанія и расширить свое образованіе. Проведя нѣсколько мѣсяцевъ въ Копенгагенѣ, онъ направился въ Германію и пробылъ здѣсь, въ Мюнхенѣ, до Рождества, когда уѣхалъ въ Римъ, который, согласно выработанному имъ плану путешествія, долженъ служить мѣстомъ его пребыванія на болѣе продолжительный срокъ. Въ теченіе нѣсколькихъ

мѣсяцевъ ежедневнаго общенія съ нимъ я имѣлъ полную возможность узнать его, какъ человѣка, а также заинтересоваться его литературной дѣятельностью, и твердо убѣжденъ въ томъ, что никто изъ нашихъ молодыхъ литераторовъ въ большей степени, нежели онъ, не заслуживаетъ быть принятымъ во вниманіе при распредѣленіи упомянутыхъ стипендій. Все его будущее, какъ писателя и поэта, зависитъ отъ того — будетъ ли ему дана возможность развить и усовершенствовать свои природныя дарованія; его же тонкая поэтическая натура, благородный характеръ и чистая, во всѣхъ отношеніяхъ образцовая нравственность представляютъ, по моему глубокому убѣжденію, достаточно гарантій того, что онъ способенъ къ такому развитію. Въ подкрѣпленіе своего ходатайства повторяю, что онъ не обладаетъ средствами; до сихъ поръ онъ перебивался гонораромъ за свои произведенія, но надолго этихъ средствъ не можетъ хватить, и онъ нуждается. Кромѣ того, онъ не крѣпкаго здоровья, слабогрудый, хотя и не пораженъ болѣзнью; въ виду послѣдняго обстоятельства я и считаю вопросъ о болѣе продолжительномъ пребываніи его на югѣ вопросомъ вдвойнѣ важнымъ для всего его будущаго.

Итакъ, горячо рекомендуя этого даровитаго молодого человѣка высокому вниманію департамента, беру на себя смѣлость почтительнѣйше настаивать на томъ, чтобы испрашиваемая стипендія не была урѣзана; менѣе значительная сумма и дастъ сравнительно меньшій результатъ.

Почтительнѣйше

Генрикъ Ибсенъ.

Лоренцу Дитрихсону.

Мюнхенъ, 29 апрѣля 1877 г.

Дорогой старый другъ!

Въ рукахъ у меня цѣлыхъ два твоихъ письма, на которыя я все еще не отвѣтилъ, и я не рискую долѣе поддаваться своей страсти къ откладыванію, но шлю тебѣ пару строкъ вмѣстѣ съ сердечнымъ своимъ спасибо и привѣтомъ. На письмо профессора Нюблома я, разумѣется, отвѣтилъ сразу, а каковъ былъ мой отвѣтъ, ты, конечно, самъ могъ знать заранѣе. Я очень радуюсь тому, что мы съ тобой на предстоящемъ торжествѣ идемъ рука объ руку: мы и раньше имѣли случай идти въ ногу по пути отличій, и наши дороги вообще давно и часто шли параллельно.

Итакъ, не можетъ быть рѣчи объ изданіи здѣсь твоего перевода «Рабочаго»; если пьеса, какъ я надѣюсь, пойдетъ здѣсь, въ Германіи, то г. Іонасъ получитъ всѣ выгоды, ты же ничего. Мнѣ кажется, тебѣ бы слѣдовало воспользоваться своимъ личнымъ пребываніемъ на ро-

днѣ для серьезнаго публичнаго протеста противъ того беззащитнаго положенія, въ которое, за отсутствіемъ надлежащихъ законовъ, поставлены мы, норвежскіе писатели, и отъ котораго страдаемъ такъ жестоко. Очень радъ, что ты такъ скоро нашелъ хорошаго издателя для нѣмецкаго изданія твоего главнаго труда, и я нахожу весьма благоразумнымъ, что ты одновременно заботишься о норвежскомъ изданіи, не то при нынѣшнемъ положеніи ты, пожалуй, не былъ бы гарантированъ отъ того, что какой-нибудь изъ нашихъ литературныхъ мародеровъ предпринялъ бы таковое въ свою собственную пользу. Надѣюсь, что ты теперь начнешь метать громъ и молніи на эти варварскія условія!

Что касается нашихъ театральныхъ дѣлъ, то я рѣшился или написать газетную статью, или адресоваться прямо къ дирекціи. Мнѣ однако не хочется вѣрить, чтобы эти господа могли дойти до такой глупости, чтобы разстаться съ Іозефсономъ, который по своей практичности и дѣловитости прямо незамѣнимъ.

Мы теперь переѣхали въ наше новое жилище (Schelling-Strasse 30, 2-й этажъ), которымъ очень довольны, и гдѣ я надѣюсь скоро окончить мою новую работу.

...Будь же здоровъ, дорогой другъ, и до свиданія—если не раньше, то, надѣюсь, въ Христіаніи!

Преданный тебѣ

Генрикъ Ибсенъ.

Мюнхенъ, 23 августа 1877 г.

Дорогой г. Гегель!

Посылаю вамъ при семъ письма, адресованныя въ Королевскій театръ и театръ въ Гётеборгѣ. Съ театрами въ Стокгольмѣ я лично переговорю; въ Бергенскій театръ слѣдуетъ послать книгу только тогда, когда приблизится время ея выхода въ свѣтъ. У меня вѣдь заключенъ контрактъ съ этимъ театромъ, а если мы пошлемъ экземпляръ теперь же, мы рискуемъ, что онъ начнетъ циркулировать среди всякихъ посторонніхъ лицъ, и это повредитъ сбыту книги на мѣстѣ. Христіанійскому театру не думаю пока давать пьесы. Новый директоръ-распорядитель—человѣкъ совершенно неспособный, и, какъ только моя пьеса появится въ продажѣ, я полагаю выяснить въ какой-нибудь норвежской газетѣ, что я на время директорства этого господина прерываю всякія сношенія съ театромъ. Я имѣю основаніе думать, что Бьёрнсонъ поступитъ точно такъ же. Мнѣ хорошо извѣстны тамошнія условія, и я съ увѣренностью могу сказать, что такой образъ дѣйствій отнюдь не повредитъ распространенію книги, скорѣе же будетъ ему содѣйствовать, — пьесу будутъ еще охотнѣе читать и покупать Несо-

мнѣнію также, что солидарный образъ дѣйствій со стороны Бьёрнсона скоро заставитъ новаго директора удалиться. Самый выходъ въ свѣтъ изданія долженъ, по-моему, послѣдовать возможно скорѣе и одновременно во всѣхъ трехъ странахъ. Я предвижу, что пьеса эта вызоветъ немалую сенсацію, и, если мы выпустимъ ее во-время, нѣтъ ничего невозможнаго, что, несмотря на величину перваго изданія, къ Рождеству уже понадобится новое. Вотъ что, по-моему, намъ прежде всего и надо имѣть въ виду; немножко болѣе или менѣе выгодныя условія при постановкѣ пьесы въ какомъ-нибудь отдѣльномъ театрѣ не могутъ имѣть существеннаго значенія въ сравненіи съ сбытомъ самой книги.

Изъ приложенныхъ писемъ вы увидите, что я пока держусь лишь вопроса о принятіи или непринятіи пьесы. Такъ, по-моему, вѣрнѣе. Разъ вопросъ этотъ рѣшится въ утвердительномъ смыслѣ, можно приступить и къ переговорамъ объ условіяхъ.

Теперь занятъ по горло приготовленіями къ своей поѣздкѣ въ Упсалу и очень радуюсь возможности повидаться съ вами на возвратномъ пути. Привѣтъ вашей милой семьѣ.

Сердечно преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Эдварду Фаллесену.

Мюнхенъ, 5 октября 1877 г.

Ваше высокородіе, г. камергеръ!

Въ отвѣтѣ своемъ на вашу почтенную телеграмму я принужденъ былъ ограничиться короткимъ сообщеніемъ о невозможности отложить выходъ въ свѣтъ моей новой драмы до 30-го ноября, а здѣсь я позволю себѣ изложить причины, вынудившія этотъ отказъ.

Разъ Королевскій театръ не намѣренъ выплачивать мнѣ гонорара въ видѣ процентовъ со сбора, то я принужденъ видѣть главный свой расчетъ въ наибольшемъ распространеніи книги путемъ продажи. Пьеса отпечатана въ очень большомъ количествѣ экземпляровъ, и за это первое изданіе г. Гегель уплатилъ мнѣ значительный гонораръ; если прибавить къ этому остальные его расходы по изданію, включая бумагу, печатаніе и пр., то составится весьма солидная сумма. Поэтому я обязанъ, какъ ради него, такъ и ради себя, не предпринимать ничего такого, что шло бы въ разрѣзъ съ нашими общими интересами. Въ скандинавскихъ странахъ главный сбытъ книгъ приходится на два послѣднихъ мѣсяца въ году; но для того, чтобы книга, изданная въ Копенгагенѣ, во-время достигла отдѣльныхъ пунктовъ Швеціи и Норвегіи, не говоря уже о Финляндіи и Америкѣ, гдѣ также расходится немалая часть экземпляровъ моихъ произведеній, необходимо сдать ихъ на почту уже около середины октября. Въ противномъ случаѣ изданіе не можетъ

разсчитывать быть распроданнымъ въ самое бойкое для книжнаго рынка время, и автору придется ждать цѣлый годъ, пока понадобится новое изданіе. Вотъ на что я не могу пойти, такъ какъ этимъ причиню себѣ матеріальный убытокъ, который далеко не можетъ быть покрытъ гонораромъ, поставленнымъ мнѣ на видъ Королевскимъ театромъ. Кромѣ того, на книгу поступили уже многочисленные заказы отъ книгопродавцевъ, и послѣднимъ обѣщано, что они получатъ ее въ назначенное время. Не могу я также не принять во вниманіе и того, что публика, какъ говорятъ, ожидаетъ выхода этой пьесы съ особымъ нетерпѣніемъ: со стороны автора неумно напрягать подобное ожиданіе сверхъ мѣры,—интересъ легко можетъ ослабѣть до выхода книги, если послѣдній затянется.

Другая сторона дѣла: я считаю вреднымъ для драматическаго произведенія предстать предъ публикой впервые въ сценической передачѣ. Я думаю, что правила, какихъ придерживается въ данномъ отношеніи Королевскій театръ, значительно задержали развитіе драматическаго творчества въ Даніи. Во всякомъ случаѣ — фактъ, что творчество это со времени установленія такого порядка не проявляетъ никакихъ признаковъ процвѣтанія. И это легко объяснить. При такомъ порядкѣ новая пьеса никогда не можетъ быть схвачена и обсуждена по существу, сама по себѣ, какъ литературное произведеніе. Сужденіе всегда будетъ двоиться между пьесой и выпавшимъ ей на долю исполненіемъ; эти двѣ совершенно различныя вещи смѣшиваются, и главный интересъ публики обыкновенно больше сосредоточивается на игрѣ, исполненіи, на артистахъ, чѣмъ на самой пьесѣ.

Я даю это разъясненіе въ собственныхъ интересахъ, такъ какъ мнѣ не хотѣлось бы, чтобы мой отказъ былъ принятъ за недостатокъ предупредительности; будь въ моей власти оказать ее, я ничего лучшаго бы не желалъ. Кромѣ того, я не могу допустить, чтобы мой вынужденный отказъ могъ нанести ущербъ театру; если сдѣлается извѣстнымъ, что пьеса будетъ поставлена уже въ ноябрѣ, то изъ этого слѣдуетъ лишь то, что значительная часть копенгагенской публики воздержится на это время отъ покупки книги.

Ради порядка позволяю себѣ возвратить предоставленный мнѣ даровой билетъ, принося при этомъ мою благодарность за обусловленные имъ богатые наслажденіемъ вечера.

Въ надеждѣ, что предстоящее исполненіе «Столповъ общества» состоится ко всеобщему удовольствію, остаюсь съ отличнымъ уваженіемъ и совершенною преданностью.

Генрикъ Ибсенъ.

Христіану Мольбеку.

Мюнхенъ, 30 октября 1877 г.

Дорогой другъ!

Изъ твоего послѣдняго письма, полученнаго вчера, я вижу, что ты все-таки вернулся къ своему первоначальному рѣшенію предать гласности свою борьбу съ директоромъ театра. Я отсюда не могу точно судить о степени цѣлесообразности такого образа дѣйствій, но мнѣ совершенно ясно, что если ты включишь въ полемику аналогичные случаи, то это никоимъ образомъ не прояснитъ и не направитъ въ вѣрную сторону общественнаго мнѣнія. Дѣло идетъ здѣсь только о твоей пьесѣ «Амвросій», которая отодвинута въ сторону ради другой, позже принятой пьесы. Это простое, легко понятное положеніе. Если же ты приплетешь сюда еще двухъ авторовъ трагедій и меня, то дѣло сразу осложнится. По-моему, чѣмъ конкретнѣе и исключительнѣе случай, тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе. Вотъ что я и предлагаю тебѣ взвѣсить, прежде чѣмъ ты приведешь въ исполненіе свой планъ на такихъ широкихъ основахъ, какъ намѣчено въ письмѣ. Жалоба на причиненную тебѣ несправедливость и нападки на господствующую при театрѣ систему—двѣ вещи различныя, и, по-моему, нельзя смѣшивать ихъ безъ вреда для обѣихъ. Что касается меня лично, то мнѣ крайне нежелательно вмѣшиваться въ дѣло, отнюдь не потому, что я опасаюсь какихъ-либо непріятностей, но потому, что лично мнѣ уже не на что претендовать. Я добровольно пошелъ на предложенныя мнѣ директоромъ театра условія гонорара и послѣ того уже не имѣю права жаловаться. Правда, онъ предложилъ мнѣ новое, не поставленное въ контрактѣ условіе—задержать выходъ пьесы въ свѣтъ, но я отъ этого отказался. Затѣмъ онъ, помимо моего вѣдома, пригласилъ всѣ редакціи воздержаться отъ всякихъ рецензій о пьесѣ до ея постановки на сценѣ. Но справедливо ли будетъ съ моей стороны жаловаться за это на него, оставляя въ покоѣ редакціи, которыя идутъ на это? По-моему, протестъ по этому поводу долженъ быть главнымъ образомъ направленъ по адресу прессы. Но желательно ли и умно ли обращаться къ прессѣ съ такимъ упрекомъ какъ разъ теперь, когда тебѣ нужно ея расположеніе и содѣйствіе? Я полагаю, что оказалъ бы тебѣ плохую услугу, если бы выступилъ теперь публично съ такою жалобой.

Подумай объ этомъ хорошенько. Отвѣта отъ министерства еще не получено. Слѣдовательно у тебя есть еще время взвѣсить и выбрать образъ дѣйствій. Не думаю, чтобы ты былъ на вѣрномъ пути, если собираешься усложнить дѣло и придать ему болѣе общее значеніе, нежели этотъ отдѣльный случай того требуетъ. Я говорю тебѣ это вполнѣ откровенно, такъ какъ убѣжденъ, что оригинальныя и лучшія стороны человѣческой натуры безусловно сочетались въ тебѣ съ опрометчи-

востью, которую ты сознаёшь тогда лишь, когда это уже поздно. Не посѣтуй на меня за то, что говорю тебѣ это; мнѣ кажется, что съ тобой я могу быть вполнѣ откровеннымъ. И обсуди еще разъ—какъ тебѣ вѣрнѣе поступить, чтобы не раскаиваться.

«Амвросія» я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ. Это изящная и полная глубокаго настроенія поэтическая вещь, но въ ея настоящемъ видѣ она совсѣмъ не подходитъ для нѣмецкой публики, вкусы которой въ настоящее время приняли совсѣмъ иное направленіе. Кромѣ того, нѣмецкому читателю не хватаетъ для пониманія пьесы знанія ея исторической подкладки. Амвросій Стубъ, конечно, никому здѣсь неизвѣстенъ. Чтобы обезпечить пьесѣ успѣхъ, здѣсь пришлось бы сначала ее передѣлать, многое выбросить, кое-что прибавить, и такой передѣлкой пришлось бы, конечно, заняться тебѣ самому. Сумѣешь ли и захочешь ли ты это — не знаю. Не имѣю также возможности письменно указать, на основаніи своего знакомства со вкусами нѣмецкой публики, какого именно рода измѣненія здѣсь нужны. Но я былъ бы очень радъ, если бы представился случай обсудить это въ устной бесѣдѣ. Развѣ совсѣмъ не представится возможности тебѣ попутешествовать лѣтомъ? Во всякомъ случаѣ, надѣюсь скоро получить отъ тебя вѣсти; мнѣ крайне интересно узнать—какой оборотъ приметъ исторія съ театромъ. Если ты имѣешь что возразить на вышеизложенное, то не стѣсняйся.

Тысячи привѣтовъ отъ жены и меня тебѣ и всѣмъ твоимъ.

Преданный тебѣ
Генрикъ Ибсенъ.

Мюнхенъ, 2 ноября 1877 г.

Дорогой Лассенъ!

Я послѣднее время былъ такъ заваленъ неотложными дѣлами, что некогда было и подумать отвѣтить на твое письмо. Теперь однако я сбылъ съ рукъ большую часть этихъ дѣлъ и потому хочу послать тебѣ сегодня пару строкъ.

Я не говорилъ г. Вибе, что театральный комитетъ связалъ Іозефсону руки, но сказалъ, что самое *учрежденіе* это являлось для него тормозомъ, бременемъ. Далѣе я сказалъ, что комитетъ дѣйствовалъ бы больше въ интересахъ театра, если бы, вмѣсто того чтобы упразднить постъ управляющаго и оперу, упразднилъ себя самого. Театръ никогда не станетъ на ноги, пока будетъ управляться коллегіально. Это вопросъ рѣшенный во всѣхъ странахъ, и театральные комитеты упразднены всюду, кромѣ Норвегіи; оттого-то у насъ дѣла и идутъ такъ.

Опера могла бы принести неисчислимую пользу и для развитія нашего драматическаго искусства; она заключаетъ въ себѣ дисциплини-

рующую силу, и никакой театръ, кромѣ норвежскаго, не упразднилъ бы ея такъ легкомысленно и безразсудно. Неужели у насъ не чувствуютъ своей отвѣтственности передъ родными вокальными талантами, которымъ теперь закрыта дорога?

Я хорошо понимаю, на что ты намекаешь, говоря объ ошибкахъ и недостаткахъ Іозефсона. Но эти ошибки и недостатки являются какъ разъ преимуществами, когда приходится управлять такимъ театромъ, какъ Христіанійскій, который не представляетъ собою и не будетъ представлять въ ближайшемъ будущемъ сколько-нибудь художественнаго учрежденія; для этого не хватаетъ ни необходимыхъ денежныхъ средствъ ни подходящей публики.

Ты говоришь, что тебѣ Іозефсонъ въ значительной степени обязанъ своимъ уходомъ. Я бы на твоемъ мѣстѣ не взялъ на себя такой отвѣтственности; я бы предпочелъ самъ уйти. Театръ столь невысокаго въ смыслѣ художественности полета, какъ Христіанійскій, легче могъ бы перенести потерю своего эстетическаго руководителя, нежели технически свѣдущаго управляющаго.

Дорогой Лассенъ, ты у насъ одинъ изъ немногихъ, умѣющихъ правильно читать написанное, и потому я увѣренъ, что ты не найдешь въ этихъ строкахъ и тѣни неуваженія или невѣжливости. Будь увѣренъ, что я умѣю цѣнить тебя; но я полагаю, что Христіанійскій театръ въ художественномъ отношеніи не занимаетъ и не можетъ занимать такого положенія, которое бы непремѣнно требовало той спеціальной подготовки, какою ты обладаешь. Будь у насъ національный театръ, пользующійся значительной ежегодной субсидіей отъ государства, дѣло было бы иное, — тогда ты былъ бы на мѣстѣ.

И какого же преемника избрали вы Іозефсону! Этотъ господинъ былъ лѣтомъ въ Мюнхенѣ и разсуждалъ о положеніи, которое предстояло ему занять, какъ малое дитя. Долго ли, вы полагаете, можетъ идти дѣло съ такимъ жалкимъ и совершенно негоднымъ индивидомъ во главѣ? И одного сезона не продержится.

Не буду распространяться о томъ, что я лично потерялъ съ отставкой спеціалиста по технической части. Укажу только, что у него были обширные планы. Онъ собирался поставить и «Бранда» (въ сокращенномъ видѣ) и первую часть «Императора и Галилеянина». Теперь, когда избавились отъ «грубыхъ вкусовъ» г. Іозефсона, кто же станетъ задаваться такими эксцентричными планами, которые навели бы ужасъ на І.-Л. Гейберга? Да если бы кому-нибудь это и пришло въ голову, кто могъ бы привести ихъ въ исполненіе? И что было бы съ постановкой «Пера Гюнта», если бы Іозефсонъ не настоялъ на ней?

Вотъ что я хотѣлъ сказать тебѣ откровенно, и, мнѣ кажется, ничто не мѣшаетъ намъ съ тобой быть вполнѣ откровенными другъ съ другомъ, не нарушая нашихъ добрыхъ отношеній, которыя мнѣ во вся-

комъ случаѣ очень хотѣлось бы сохранить. Ты со своей стороны имѣешь полное право отплачивать мнѣ тѣмъ же, когда вздумаешь написать мнѣ.

Преданный тебѣ
Генрикъ Ибсенъ.

Мюнхенъ, 18 ноября 1877 г.

Дорогой дядя Христіанъ!

Хотя и прихожусь вамъ близкимъ родственникомъ, имѣю основательныя причины опасаться, что вы отнесетесь къ этому письму съ чужбины, какъ къ письму отъ чужого человѣка. На посторонній взглядъ, пожалуй, можетъ показаться, будто я добровольно и намѣренно чуждался своихъ родныхъ, или во всякомъ случаѣ разъ навсегда отстранился отъ нихъ. Но, мнѣ кажется, я въ правѣ сказать, что главными причинами съ самаго начала являлись неумолимыя обстоятельства, а не моя добрая воля.

Вамъ, конечно, нетрудно догадаться, дорогой дядя, по какому поводу я пишу вамъ сегодня. Изъ иностранныхъ газетъ и затѣмъ изъ письма Гедвигъ я узналъ, что старикъ отецъ мой скончался, и я чувствую потребность высказать свою сердечнѣйшую благодарность всѣмъ роднымъ, которые своей любовью скрасили ему послѣдніе годы жизни и такимъ образомъ замѣнили меня, или исполнили за меня то, чего я самъ до самаго послѣдняго времени не въ состояніи былъ бы сдѣлать.

Съ 14-лѣтняго возраста я принужденъ былъ самъ заботиться о себѣ; въ теченіе многихъ лѣтъ мнѣ приходилось выбиваться изъ силъ, чтобы пробить себѣ путь и достигнуть того положенія, которое я теперь занимаю. Въ эти тяжелые годы борьбы я крайне рѣдко писалъ своимъ роднымъ, главнымъ образомъ по той причинѣ, что не могъ быть для своихъ родителей опорой и помощью; мнѣ казалось безцѣльнымъ и писать имъ, разъ я на дѣлѣ не могъ ничѣмъ имъ помочь; притомъ я все надѣялся, что обстоятельства мои улучшатся, но это случилось очень не скоро и не такъ давно.

Поэтому для меня было всегда большимъ утѣшеніемъ знать, что мои родители, а въ послѣднее время мой старый отецъ, окружены ласковыми заботами близкихъ лицъ. И я благодарю теперь всѣхъ, кто протянулъ покойнымъ руку помощи, благодарю и за ту помощь и облегченіе, которыя были оказаны этимъ мнѣ лично. Да, дорогой дядя, знайте и передайте всѣмъ другимъ роднымъ, которые любовно приняли на себя часть моего долга, моихъ обязанностей, что они въ значительной степени поддержали меня въ моихъ стремленіяхъ и усиліяхъ и помогли мнѣ добиться того, чего я добивался въ жизни.

Во время моего послѣдняго пребыванія въ Норвегіи мнѣ очень хотѣлось посѣтить Скіенъ и, главное, моихъ родныхъ; но въ то же время мнѣ весьма не хотѣлось придти въ соприкосновеніе съ извѣстными господствующими тамъ теченіями, съ которыми я не чувствую въ себѣ ничего общаго и столкновеніе съ которыми легко могло бы повести къ непріятностямъ, или во всякомъ случаѣ къ разладу, чего я больше всего и желалъ избѣгнуть. Тѣмъ не менѣе я отнюдь не отказался отъ мысли когда-нибудь опять повидать свой родной городъ, колыбель своего дѣтства. Черезъ годъ сынъ мой будетъ студентомъ, и тогда мы можемъ избрать себѣ мѣстопребываніе, гдѣ захотимъ. Вѣроятно, прежде всего мы отправимся на короткое время въ Италію, а затѣмъ поселимся въ Христіаніи, хотя я боюсь, что не смогу долго ужиться и работать въ Норвегіи. Условія здѣшней жизни куда благопріятнѣе для меня: здѣсь приходишь въ соприкосновеніе съ теченіями міровой жизни, здѣсь господствуютъ духовная свобода и широкій взглядъ на вещи. Но, съ другой стороны, условія эти требуютъ болѣе значительныхъ жертвъ различнаго рода.

Посылаю вамъ въ письмѣ свою фотографію. Теперь минуло двадцать семь лѣтъ, какъ мы не видались, и вы, конечно, не узнаете меня, но, я надѣюсь, мы доживемъ до того времени, когда семьѣ будетъ дана возможность лично убѣдиться въ томъ — похожъ ли портретъ на оригиналъ или нѣтъ.

Этимъ я и кончу, дорогой дядя; примите сами и передайте всей семьѣ самые сердечные привѣты

отъ вашего благодарнаго и преданнаго племянника

Генрика Ибсена.

Христіану Мольбеку.

Мюнхенъ, 18 декабря 1877 г.

Дорогой другъ!

Давно въ моей жизни не случалось ничего такого, что бы одновременно порадовало и растрогало меня такъ глубоко, какъ присланная мнѣ нѣсколько дней тому назадъ твоя новая книга, въ началѣ которой я нашелъ вещественное доказательство нашей стародавней дружбы. Сердечное спасибо за это и вдвойнѣ спасибо за то, что это явилось именно при данныхъ обстоятельствахъ. Придавъ такой оборотъ дѣлу, ты поистинѣ выказалъ геніальную деликатность. Теперь-то я уже не удивляюсь этому: эта характерная черта вполнѣ въ духѣ твоего новаго труда и всего твоего творчества вообще.

Но не могу ли я изъ твоего дружескаго посвященія заключить и то, что твое дѣло съ театромъ разрѣшилось удовлетворительно для тебя?

Конечно, я не знаю, какимъ образомъ это могло случиться, но такъ какъ газеты, насколько я знаю, не трактовали объ этомъ, и къ тому же твоя пьеса напечатана, то полагаю, что новое соглашеніе съ театромъ смѣнило старое.

Какъ бы ни было, мнѣ кажется, что происшедшее должно было бы дать намъ поводъ обратиться къ нашимъ правительствамъ съ требованіемъ дополнить нынѣ дѣйствующія правила охраненія литературной собственности такъ, чтобы послѣдняя охранялась впредь взаимно во всѣхъ трехъ сѣверныхъ государствахъ. Существующій порядокъ крайне несправедливъ и невыгоденъ для авторовъ. Съ одной стороны, это явная несправедливость по отношенію къ датскимъ писателямъ, если мои произведенія на томъ основаніи, что я норвежецъ, будутъ предпочитаться датскимъ оригинальнымъ трудамъ, а съ другой стороны, я нахожу несправедливымъ, что они, хотя вообще издаются въ Даніи, не пользуются покровительствомъ датскихъ законовъ и даются въ провинціяхъ безъ уплаты авторскаго гонорара. Отъ такихъ условій страдаютъ, конечно, и датскіе авторы въ Норвегіи; то же самое, какъ ты знаешь, въ Швеціи. Недавно однако между Швеціей и Норвегіей заключена конвенція, которая вступаетъ въ силу 1 января будущаго года и согласно которой норвежскіе писатели будутъ пользоваться полнымъ покровительствомъ закона въ Швеціи, и обратно. Мнѣ кажется, и Данія слѣдовало бы заключить такую же конвенцію съ обѣими странами, и возможно скорѣе.

Подумай хорошенько надъ тѣмъ, что я сейчасъ наскоро набросалъ тебѣ. Ты готовишь новую пьесу, и не худо было бы, если бы она воспользовалась благами такой конвенціи. Не думаю, чтобы датское или шведско-норвежское правительство стало чинить затрудненія; но необходимо привлечь ихъ вниманіе на дѣло. -

Желаю «Амвросію» всякаго успѣха; по-моему, это поэтическое произведеніе непремѣнно завоюетъ и читателей и зрителей. А затѣмъ еще разъ сердечное спасибо и самыя лучшія пожеланія отъ всѣхъ насъ и веселаго Рождества всѣмъ твоимъ.

Преданный тебѣ

Генрикъ Ибсенъ.

Римъ, 22 января 1879 г.

Дорогой г. Грёнвольдъ!

...Въ Римѣ этой зимой, какъ и въ Мюнхенѣ, масса земляковъ; но и я, какъ вы, мало вижусь съ большинствомъ изъ нихъ. Вообще мы ведемъ довольно замкнутую жизнь; обѣдъ намъ приносятъ на домъ, а утромъ и вечеромъ о насъ заботится наша хозяйка. Все обходится гораздо дешевле здѣсь, чѣмъ въ Мюнхенѣ; особенно дешево, до смѣш-

ного, эту зиму вино; такъ, въ сабинскихъ селеніяхъ можно доставать превосходное вино за три сольди (двѣнадцать пфенниговъ) литръ. Не помню, сообщалъ ли я вамъ раньше, что пользуюсь случаемъ покупать старинныя картины, которыхъ у меня и набралось уже одиннадцать штукъ, все хорошихъ и цѣнныхъ, а пріобрѣтены онѣ сравнительно дешево. Я намѣренъ накупить ихъ побольше, чтобы убрать произведеніями искусства все свое будущее жилище въ Мюнхенѣ. Только бы удалось найти тамъ подходящую квартиру; очень возможно, что я и пріѣду туда для этого одинъ въ сентябрѣ и тогда получу возможность заглянуть и на выставку картинъ, чему очень радъ.

На этомъ сегодня и кончу. Прошу передать поклонъ вашему брату и другимъ добрымъ друзьямъ и знакомымъ.

Преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Лоренцу Дитрихсону.

Римъ, 18 апрѣля 1879 г.

Дорогой старый другъ!

Ты вѣрно удивишься, получивъ отсюда письмо за подписью того, кто вообще не можетъ считаться усерднымъ корреспондентомъ. Но я и пишу тебѣ не самъ по себѣ, а въ качествѣ посредника...

Дѣло вотъ въ чемъ. Художница, фрёкенъ Матильда Смитъ, которая теперь, какъ тебѣ, можетъ-быть, извѣстно, находится въ Мюнхенѣ, добивается въ нынѣшнемъ году стипендіи изъ Шеферскаго фонда. Раньше она никогда не пользовалась никакой стипендіей и теперь рѣшается искать таковой, лишь ободряемая мной; но, разумѣется, она и теперь будетъ обойдена въ пользу другихъ кандидатовъ, если какое-нибудь вліятельное лицо не замолвитъ за нее словечка; поэтому я въ ея интересахъ и прибѣгаю къ тебѣ. Не знаю хорошенько, принимаешь ли ты официальное участіе въ распредѣленіи стипендій упомянутаго фонда, но не сомнѣваюсь, что все-таки можешь оказать ей содѣйствіе, если захочешь. Талантъ фрёкенъ Смитъ небольшой, но вполнѣ заслуживающій вниманія, и во всякомъ случаѣ не менѣе значительный, чѣмъ таланты многихъ другихъ, признаваемыхъ достойными стипендій. На родинѣ ни разу еще не оказали ей никакого поощренія; христіанійская художественная галлерея не купила, насколько я знаю, ни одной ея картины. Живетъ она главнымъ образомъ продажею своихъ картинъ въ Германіи; мюнхенская картинная галлерея покупаетъ почти каждый годъ одну ея картину; то же самое дѣлаютъ другія нѣмецкія картинныя галлереи, и нѣмецкая критика всегда отзывается о ея работахъ благосклонно. Но теперь она особенно нуждается

въ большемъ разнообразіи мотивовъ для своихъ картинъ, въ новыхъ наблюденіяхъ. Вотъ на что она и употребила бы стипендію, о которой теперь хлопочетъ. и, по-моему, со стороны подлежащихъ лицъ на родинѣ было бы прямо жестоко отказать ей въ этой первой и единственной помощи. Фрёкенъ Смитъ уже не начинающая; но цѣлью фонда и не является единственно поддержка начинающихъ: старикъ Кальмейеръ вотъ уже нѣсколько лѣтъ получаетъ пенсію изъ этого фонда. Что же касается фрёкенъ Смитъ, какъ человѣка, то она во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ порядочная, заслуживающая всякаго уваженія и достойная помощи особа. Я поэтому убѣжденъ, что удовлетвореніе ея просьбы было бы добрымъ дѣломъ, а также увѣренъ, что удовлетвореніе это послѣдуетъ, если ты возьмешь ея дѣло подъ свое покровительство. Я еще разъ и прошу тебя объ этомъ самымъ убѣдительнымъ образомъ.

Мы живемъ здѣсь съ середины сентября и вернемся назадъ въ Мюнхенъ лишь въ октябрѣ. Сигурдъ прошлымъ лѣтомъ сдалъ въ Мюнхенѣ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости (съ дипломомъ первой степени по всѣмъ предметамъ) и въ этомъ году поступаетъ въ здѣшній университетъ, а съ осени займется въ Мюнхенѣ прохожденіемъ общаго курса юридическихъ наукъ: года же черезъ два отправится для изученія спеціально норвежскаго права въ Христіанію. Послѣдуемъ ли и мы за нимъ и поселимся ли тамъ на нѣкоторое время — еще не рѣшено; у меня нѣтъ особой охоты къ такому шагу. Здѣсь намъ всѣмъ живется хорошо; я подготовляю—между нами будь сказано — новое драматическое произведеніе, которое напишу лѣтомъ. Затѣмъ я, между прочимъ, ударился въ покупку старыхъ картинъ и надѣюсь привезти въ Мюнхенъ десятка два превосходныхъ вещей.

Хотя на это письмо, собственно, и нечего отвѣчать, мнѣ, разумѣется, всегда пріятно получить отъ тебя вѣсточку. На такой случай прошу тебя адресовать письмо въ датское консульство, такъ какъ наше собственное консульство временно бездѣйствуетъ. Сердечные поклоны отъ насъ всѣхъ твоей супругѣ и Гоноріи, которая теперь, вѣрно, уже совсѣмъ взрослая барышня.

Твой преданный другъ

Генрикъ Ибсенъ.

Амальфи, 20 сентября 1879 г.

Дорогой г. Паульсенъ!

Я послѣдніе мѣсяцы былъ такъ занятъ новымъ драматическимъ трудомъ, который только теперь оконченъ, что положительно не имѣлъ времени отвѣчать на письма; вотъ почему я только теперь и въ состояніи черкнуть вамъ нѣсколько строкъ по поводу вашего письма отъ 9 августа.

Въ такое горячее время я, разумѣется, не имѣлъ возможности взяться за просмотръ вашей рукописи, чтобы дать о ней мотивированный отзывъ; все это отняло бы у меня времени больше, чѣмъ я за недосугомъ могъ пожертвовать. Да и теперь не могу служить вамъ въ этомъ дѣлѣ. Намъ предстоитъ уѣзжать отсюда, а я еще не могу опредѣлить, куда мы прежде всего направимся. Одно лишь извѣстно—что мы должны быть въ Мюнхенѣ въ первой половинѣ октября.

Кромѣ того, я взялъ себѣ за правило не выступать никогда посредникомъ между Гегелемъ и авторами, желающими издаваться у него. Принять такое рѣшеніе мнѣ было тѣмъ легче, что я по опыту убѣдился въ томъ, насколько такое посредничество напрасно. Гегель самъ обладаетъ необычайнымъ чутьемъ относительно того, что стоитъ издать, а что нѣтъ, и едва ли вы хотѣли бы, чтобы я попросилъ его руководиться на этотъ разъ иными соображеніями, да и мнѣ это не можетъ быть желательно.

Но, дорогой Паульсенъ, цѣлесообразно ли въ видахъ вашего образованія и развитія засиживаться такъ долго въ Парижѣ? Я не могу этому повѣрить. Французскую литературу вы такъ же свободно можете изучать и въ любомъ мѣстѣ; а многія другія познанія, безъ которыхъ вы не можете обойтись, если хотите идти впередъ, вамъ гораздо легче пріобрѣсти въ Германіи. Вамъ слѣдуетъ пріѣхать въ Мюнхенъ, заняться прилежно годъ или два, слушать лекціи въ университетѣ, руководясь яснымъ и строго опредѣленнымъ планомъ. Ничто такъ не содѣйствуетъ достиженію человѣкомъ умственной зрѣлости, какъ пріобрѣтеніе основательныхъ познаній въ той или другой области. Для васъ самымъ подходящимъ было бы заняться изученіемъ исторіи; вамъ слѣдуетъ основательно изучить исторію культуры, литературы и искусствъ, а какъ разъ въ этихъ отрасляхъ науки имѣются въ Мюнхенѣ превосходные профессора. Безъ основательныхъ историческихъ знаній писателю въ наше время приходится очень плохо, — не обладая ими, онъ въ состояніи лишь весьма несовершенно и поверхностно судить о современности и о людяхъ, о побудительныхъ причинахъ ихъ образа дѣйствій и о самыхъ поступкахъ ихъ.

Подумайте объ этомъ и, если можно, пріѣзжайте зимою въ Мюнхенъ. Сердечные привѣты отъ насъ всѣхъ.

Преданный вамъ
Генрикъ Ибсенъ.

Лоренцу Дитрихсону.

Мюнхенъ, 19 декабря 1879 г.

Дорогой другъ!

Позволь прежде всего поблагодарить тебя за присылку твоей полемической поэмы и поздравить съ тѣмъ, что такъ скоро потребовалось второе изданіе; надѣюсь, что скоро понадобятся и дальнѣйшія.

Мнѣ твои легкіе, гладкіе стихи доставили большое удовольствіе; не думаю, чтобы многіе могли соперничать съ тобой въ этомъ искусствѣ; и самая идея—положить въ основу сказаніе о «Kivleslatten» — нова и произведетъ свое впечатлѣніе. Самое дѣло, для котораго ты работаешь, имѣетъ обширное значеніе. Но мнѣ представляется весьма сомнительнымъ — удастся ли встряхнуть и передѣлать нашъ добрый норвежскій людъ поштучно; мнѣ кажется сомнительною возможность добиться у насъ лучшихъ условій для искусства, пока духовная почва не будетъ во всѣхъ направленіяхъ основательно вскопана и расчищена и не будетъ устроено стока для разныхъ застоявшихся болотныхъ водъ.

Пока народъ считаетъ, что важнѣе строить дома молитвы, нежели театры, пока онъ охотнѣе будетъ поддерживать миссіонерства въ странѣ зулусовъ, нежели музеи искусствъ, до тѣхъ поръ и искусство не можетъ разсчитывать на здоровое развитіе и даже на то, чтобы считаться въ данную минуту необходимостью. Не думаю, чтобы много пользы принесло ратованіе за искусство съ помощью аргументовъ, почерпаемыхъ изъ его собственной сущности, которую у насъ еще мало понимаютъ — или понимаютъ совсѣмъ не такъ, какъ должно. Намъ прежде всего надо рубить сплеча и основательно искоренить все это мрачное средневѣковое монашеское міросозерцаніе, которое сковываетъ души и притупляетъ умы. Мое мнѣніе: пока мало толку бороться за искусство; полезнѣе бороться противъ враговъ искусства. Сначала расчистить мѣсто, а затѣмъ строить. Этимъ, впрочемъ, отнюдь не сказано, что такое горячее и убѣдительное поэтическое произведеніе, какъ твое, не можетъ оказать своего вліянія—пробудить отъ спячки многихъ; я хочу только сказать, что едва ли оно измѣнитъ общее міровоззрѣніе народа въ цѣломъ.

Но, carissimo, пусть это тебя не обезкураживаетъ. Продолжай себѣ писать и говорить, и ратовать за то, что поставилъ себѣ цѣлью жизни. Если даже ни единое отдѣльное звено этой твоей дѣятельности и не ведетъ пока къ цѣли, то все же есть нѣчто крайне симпатичное, возбуждающее и увлекающее къ подражанію въ примѣрѣ человѣка, всѣ свои силы и способности прикладывающаго къ одному дѣлу; наше время обнаруживаетъ сильную склонность идти впередъ, а ты упорень, и впереди у тебя, надо надѣяться, еще много лѣтъ дѣятельности, такъ что кое-что тебѣ во всякомъ случаѣ навѣрно удастся провести. Вотъ вкратцѣ то, что я хотѣлъ тебѣ сказать; я увѣренъ, что ты не перетолкуешь моихъ словъ какъ-нибудь въ дурную сторону.

Давно бы слѣдовало мнѣ написать тебѣ, но изданіе и разсылка моей новой пьесы театрамъ отняли у меня массу времени, тѣмъ болѣе, что одновременно съ оригиналомъ вышелъ и нѣмецкій переводъ, который доставилъ мнѣ много хлопотъ. Я надѣюсь, что Гегель, нашъ общій издатель, не забылъ доставить тебѣ экземпляръ, почему самъ и не посылаю тебѣ.

Но вотъ чуть-было не забылъ одного. Ты не замѣтилъ, что въ твоей поэмѣ, въ главѣ: «Норвежскій скульпторъ», заключается матеріалъ для пятиактной пьесы въ народномъ духѣ? Планъ: дѣйствіе первое— въ горной деревушкѣ; деревенскій парень — рѣзчикъ по дереву; поклонникъ искусства, прибывшій въ столицу, открываетъ талантъ у парня и увозитъ его съ собой. Дѣйствіе второе — въ Христіаніи; парень—герой дня; большія надежды; его отправляютъ въ Римъ. Дѣйствіе третье—въ Римѣ; жизнь художника; сцены изъ народной жизни и т. п. Дѣйствіе четвертое—много лѣтъ спустя; возвращеніе въ Христіанію; забытъ; все измѣнилось. Дѣйствіе пятое — снова въ родной деревушкѣ; смерть. Обработай эту тему, сдобривъ ее пѣснями, пляской, національными костюмами, пропѣй и всякой чертовщиной. Я во всякомъ случаѣ думаю, что это было бы какъ разъ по тебѣ.

Сердечные привѣты всѣмъ вамъ отъ меня и моихъ.

Преданный тебѣ

Генрикъ Ибсенъ.

Въ ред. газеты „Nationaltidende“.

Мюнхенъ, 17 февраля 1880 г.

Милостивый государь, г. редакторъ!

Въ № 1360 вашей уважаемой газеты я прочелъ корреспонденцію изъ Фленсбурга, изъ которой узналъ, что пьеса моя «Кукольный домъ», въ нѣмецкомъ переводѣ «Нора», была тамъ поставлена съ измѣненнымъ концомъ согласно моему настоянію. Послѣднее сообщеніе совершенно неправильно. Какъ только «Нора» вышла въ печати, я получилъ изъ Берлина отъ своего нѣмецкаго переводчика и посредника между мной и сѣверными нѣмецкими театрами, г. Вильгельма Ланге, сообщеніе, что онъ имѣетъ основаніе опасаться появленія «передѣлки» пьесы съ измѣненнымъ концомъ, и что этой передѣлкѣ нѣкоторые сѣверные нѣмецкіе театры, пожалуй, отдадутъ предпочтеніе.

Въ предупрежденіе такой возможности я послалъ ему для пользованія въ случаѣ крайности набросокъ варіанта, согласно которому Нора не покидаетъ дома: Гельмеръ увлекаетъ ее къ дверямъ дѣтской спальни, происходитъ обмѣнъ репликъ, Нора безсильно опускается у дверей на стулъ, и занавѣсъ падаетъ.

Эту передѣлку я самъ въ письмѣ къ переводчику назвалъ «варварскимъ насиліемъ» надъ пьесой. Итакъ, пользуются такой передѣлкой совершенно не по моему желанію, а вопреки ему; но я надѣюсь, что прибѣгаютъ къ ней немногіе нѣмецкіе театры.

Пока не будетъ заключено какой-нибудь литературной конвенціи между Германіей и скандинавскими странами, мы, сѣверные писатели, совершенно беззащитны въ Германіи, такъ же, какъ нѣмецкіе писа-

тели у насъ. Наши драматическія произведенія въ силу этого постоянно рискуютъ подвергнуться безцеремонному обращенію со стороны переводчиковъ, директоровъ, режиссеровъ и артистовъ мелкихъ театровъ. И разъ такая опасность грозитъ моему произведенію, я, наученный опытомъ, предпочитаю учинить насиліе самъ, вмѣсто того, чтобы, предавъ мой трудъ въ чужую власть, предоставить «передѣлку» и «обработку» менѣе осторожнымъ и умѣлымъ рукамъ.

Съ почтеніемъ

Генрикъ Ибсенъ.

Генриху Лаубе.

Мюнхенъ, 18 февраля 1880 г.

Многоуважаемый г. директоръ!

Для меня было большимъ удовольствіемъ узнать, что моя послѣдняя пьеса «Нора» пойдетъ въ Вѣнскомъ городскомъ театрѣ въ вашей умѣлой постановкѣ.

Вы находите, что пьеса изъ-за заключительной своей сцены не подходитъ къ категоріи «Schauspiel»; но, уважаемый директоръ, развѣ вы въ самомъ дѣлѣ придаете такое значеніе этимъ такъ-называемымъ категоріямъ? Я во всякомъ случаѣ полагаю, что категоріи драматическихъ произведеній растяжимы, и что имъ надо приноравливаться къ существующимъ въ литературѣ даннымъ, а не наоборотъ. Вѣрно по крайней мѣрѣ то, что пьеса въ ея нынѣшнемъ видѣ имѣла и въ Копенгагенѣ, и въ Стокгольмѣ, и въ Христіаніи безпримѣрный успѣхъ.

Я согласился на измѣненіе финала не по убѣжденію, но лишь подчиняясь желанію нѣмецкаго импрессаріо и актрисы, предпринимавшей турне по сѣверной Германіи съ цѣлью играть Нору. Прилагаю копію этого варіанта и надѣюсь, что вы, прочитавъ его, согласитесь, что, благодаря такому измѣненію финала, производимое пьесой впечатлѣніе только ослабляется.

Предоставляю поэтому на ваше усмотрѣніе не обращать вниманія на этотъ варіантъ, но поставить пьесу въ ея первоначальномъ видѣ.

Съ отличнымъ уваженіемъ, искренно преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Мюнхенъ, 25 марта 1880 г.

Милостивый государь, Христіанъ Эльстеръ!

Вы были такъ добры прислать мнѣ нѣсколько новыхъ своихъ разсказовъ, и я считаю себя обязаннымъ высказать вамъ свою признательность за это любезное вниманіе.

Но, предполагая, что эти труды или вообще ваша литературная дѣятельность мнѣ неизвѣстна, вы впадаете въ ошибку. Напротивъ, я съ интересомъ и симпатіей слѣдилъ за вашими шагами на литературномъ поприщѣ съ того самаго времени, какъ мнѣ попались на глаза ваши юношескіе драматическіе труды. Въ нихъ, какъ и во всемъ, что вы печатали, въ вашихъ разсказахъ, а также въ живыхъ описаніяхъ природы и народной жизни и быта въ различныхъ мѣстностяхъ нашей страны, сказывалось тонкое и своеобразное дарованіе, которое, мнѣ помнится, было признано и присяжными критиками, а что еще важнѣе—лучшими элементами нашей читающей публики.

На мой взглядъ было бы однако въ высшей степени желательно для вашей будущей литературной дѣятельности, если бы вамъ поскорѣе представилась возможность лично познакомиться съ болѣе обширными и свободными аренами общественной жизни, нежели тѣ, среди которыхъ вы до сихъ поръ обрѣтались. Если въ вашей власти оторваться отъ прочихъ занятій,—я не знаю хорошенько, каковы они, — и если вы начнете хлопотать о стипендіи изъ Шеферскаго фонда или, быть-можетъ, изъ суммъ, отпускаемыхъ въ тѣхъ же цѣляхъ государствомъ, то мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы вамъ отказали.

Если вы рѣшитесь на такой шагъ и будете имѣть успѣхъ со своимъ ходатайствомъ, то я настоятельно посовѣтовалъ бы вамъ включить въ планъ путешествія Германію. Здѣсь вы можете изучать современную культуру, наблюдать народную жизнь, родственную нашей и въ то же время столь отличную отъ нея, и какъ разъ потому, можетъ-быть, особенно интересную для васъ.

Я знаю, чѣмъ я самъ обязанъ своему знакомству съ общею міровою жизнью, и съ участіемъ думаю о многихъ даровитыхъ людяхъ у насъ на родинѣ, которымъ не даютъ хода узкія условія нашей жизни. Мнѣ не зачѣмъ поэтому увѣрять васъ въ томъ, что я былъ бы сердечно радъ, если бы вамъ на время удалось выбраться на свѣтъ Божій и набраться большаго опыта и ясности мысли путемъ сопоставленій и сравненій. Если это удастся и вы будете въ этихъ краяхъ, то будьте увѣрены, что явитесь желаннымъ гостемъ для преданнаго вамъ

Генрика Ибсена.

Мюнхенъ, 30 марта 1880 г.

Милостивый государь, докторъ Вальфридъ Вассеніусъ!

Давно-давно уже слѣдовало бы мнѣ написать вамъ; вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ у меня на письменномъ столѣ лежатъ ваше дружеское письмо и ваша книга о моей ранней литературной дѣятельности, и я каждый день собирался написать вамъ пару словъ, но всегда что-нибудь такое случалось, что не только отнимало у меня досугъ, но и

разсѣивало мои мысли и нарушало то душевное равновѣсіе, которое мнѣ было необходимо, чтобы написать вамъ такъ, какъ я того хотѣлъ, т.-е. сколько-нибудь обстоятельно.

Всѣ эти помѣхи еще продолжаются, и въ ближайшемъ будущемъ даже не предвидится перемѣны; но такъ какъ я больше не могу и не хочу откладывать отвѣта вамъ, то и принужденъ ограничиться пока гораздо болѣе короткимъ письмомъ, чѣмъ какое первоначально намѣревался написать вамъ.

Позвольте же мнѣ высказать вамъ, что мнѣ было чрезвычайно пріятно получить вашу книгу и приложенную къ ней брошюру, и что удовольствіе мое росло по мѣрѣ того, какъ я знакомился съ содержаніемъ.

Разумѣется, для меня затруднительно, чтобы не сказать невозможно, быть судьей собственныхъ произведеній; но смѣю все-таки высказать, что не могъ бы и пожелать себѣ и имъ лучшаго адвоката, нежели вы. Все, что вы говорите о моихъ намѣреніяхъ, о руководящей основной идеѣ въ различныхъ произведеніяхъ, въ характерахъ лицъ и ихъ взаимныхъ внутреннихъ отношеніяхъ, и многое другое — какъ разъ то, что мнѣ больше всего хотѣлось выяснить и указать публично. Поэтому приношу вамъ самое сердечное мое спасибо. Вы поистинѣ оказали мнѣ неоцѣнимую услугу.

Будьте увѣрены, что я не менѣе горячо цѣню любовь къ предмету, сказывающуюся въ каждомъ положеніи вашего обширнаго труда, который и не преминетъ вызвать то же настроеніе у многихъ изъ тѣхъ, кто прочтетъ книгу. Что же касается вашей освѣдомленности обо всѣхъ частныхъ обстоятельствахъ, связанныхъ съ моею литературною дѣятельностью, то едва ли кто-нибудь поспоритъ съ вами въ этомъ отношеніи. Многіе изъ приводимыхъ вами отзывовъ другихъ критиковъ были мнѣ совсѣмъ неизвѣстны, и я могъ только отъ души порадоваться тому, что многочисленныя невѣрныя истолкованія эти теперь опровергнуты и замѣнены столь доброжелательнымъ и вѣрнымъ истолкованіемъ. Вообще желаю и надѣюсь, что вашъ трудъ станетъ главнымъ источникомъ для всѣхъ, кто впредь захочетъ познакомиться съ моимъ творчествомъ во всей его внутренней и внѣшней совокупности.

Изъ полученныхъ газетъ вижу, что и въ Гельсингфорсѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, разгорѣлась жестокая полемика по поводу «Кукольнаго дома». Съ вашимъ толкованіемъ пьесы, насколько могъ познакомиться съ нимъ по газетамъ, я вполнѣ согласенъ и твердо увѣренъ, что будущее окажется на нашей сторонѣ.

Мнѣ очень хотѣлось бы когда-нибудь посѣтить Гельсингфорсъ и лично познакомиться съ вами; надѣюсь, что когда-нибудь этотъ планъ и осуществится. Пока же, въ ожиданіи этого, прошу васъ принять посылаемую фотографію. Полагаю, мнѣ излишне увѣрять васъ, что мнѣ въ свою очередь было бы очень пріятно получить вашу.

А затѣмъ, дорогой г. Вассеніусъ, еще разъ примите мое искреннее, сердечное спасибо за все, что вы сдѣлали для навсегда вамъ преданнаго

Генрика Ибсена.

Мюнхенъ, 19 мая 1880 г.

Глубокоуважаемый г. Пассарге!

Съ моей стороны было крупнымъ упущеніемъ задержать почти на два мѣсяца свой отвѣтъ на ваше любезное письмо, и я отъ души прошу васъ простить меня за такое невниманіе.

Позвольте же мнѣ теперь прежде всего выразить вамъ свою особенную признательность за то доброе вниманіе, какое вы удѣляете моей литературной дѣятельности. Ваше истолкованіе «Пера Гюнта» вполнѣ совпадаетъ съ тѣми намѣреніями, какими я задавался, когда писалъ эту поэму, и я могу, конечно, только радоваться тому, что она нашла себѣ переводчика, который вполнѣ проникся внутренней идеей и задачей поэмы.

Тѣмъ не менѣе для меня было большою неожиданностью, что вы считаете этотъ мой трудъ подходящимъ для перевода на нѣмецкій языкъ. Долженъ признаться, что самъ я во всякомъ случаѣ питаю на этотъ счетъ большія сомнѣнія. На мой взглядъ, «Перъ Гюнтъ» изъ всѣхъ моихъ произведеній имѣетъ наименѣе шансовъ быть понятымъ за предѣлами скандинавскихъ странъ. Я прошу васъ вспомнить, что большинство вашихъ будущихъ нѣмецкихъ читателей, въ противоположность вамъ, лишено необходимыхъ данныхъ для пониманія поэмы. Вы сами, безъ сомнѣнія, весьма обстоятельно знакомы съ норвежскою природой и духовной жизнью нашего народа, съ его образомъ мыслей, съ характерами и типами норвежцевъ. И не является ли такое знакомство необходимымъ условіемъ для того, чтобы вообще «найти какой-нибудь вкусъ» въ этомъ произведеніи? Вотъ что и заставляетъ меня призадуматься, чего я и не хочу скрывать, хотя, разумѣется, и могу себѣ представить, что все мною сказанное вы сами уже говорили себѣ и тщательно взвѣсили прежде, чѣмъ рѣшиться взяться за такой большой трудъ.

Вашу теорію о переводахъ вообще вполнѣ раздѣляю, и мнѣ было очень интересно прочесть приведенные образцы. Мнѣ кажется, они передаютъ оригиналъ съ наиболѣе возможною точностью.

Надѣюсь, вы не истолкуете въ дурную сторону того, что я такъ откровенно высказываюсь насчетъ тѣхъ затрудненій, съ которыми, по моему мнѣнію, придется считаться вашему предпріятію. Я счелъ своимъ долгомъ не скрывать ихъ; но, разумѣется, буду чрезвычайно радъ, если мои опасенія окажутся неосновательными.

Жена моя и сынъ съ удовольствіемъ вспоминаютъ пріятную встрѣчу съ вами въ Одде въ Гардангерѣ и просятъ меня передать вамъ ихъ почтительные привѣты, а я еще разъ прошу васъ принять мое искреннее спасибо и остаюсь съ отличнымъ уваженіемъ и совершенною преданностью.

Генрикъ Ибсенъ.

Мюнхенъ, 31 мая 1880 г.

Дорогой г. юстицъ-совѣтникъ Гегель!

Позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ просьбой объ одолженіи — выслать мнѣ 1,000 кронъ нѣмецкими ассигнаціями и обычнымъ путемъ.

У меня явилась совершенно новая идея, относительно которой мнѣ хотѣлось бы узнать ваше откровенное мнѣніе почему немедля и сообщаю вамъ ее вкратцѣ.

Я едва ли ошибаюсь, позволяя себѣ предполагать, что предисловіе къ новому изданію «Катилины» заинтересовало читателей. Что, если бы я теперь написалъ цѣлую книжку, листовъ въ 10—12, заключающую подобныя сообщенія относительно тѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій, въ силу которыхъ возникли одно за другимъ мои литературныя произведенія? Разсказывая о «Фру Ингеръ» и «Вонтеляхъ», я бы коснулся своего пребыванія въ Бергенѣ; разсказывая о «Борьбѣ за престолъ» и «Комедіи любви», описалъ бы соотвѣтствующій періодъ моей жизни въ Христіаніи; дальше пошло бы пребываніе въ Римѣ въ связи съ «Брандомъ», «Перомъ Гюнтомъ» и т. д.

Разумѣется, я не сталъ бы вдаваться въ истолкованіе своихъ сочиненій; самое лучшее предоставить публикѣ и критикѣ самимъ возиться съ этимъ всласть—во всякомъ случаѣ до поры до времени. Я бы просто поговорилъ о тѣхъ обстоятельствахъ и условіяхъ, при которыхъ мнѣ приходилось писать, соблюдая, конечно, наивозможную сдержанность и оставляя достаточно обширный просторъ для охотниковъ строить всякаго рода предположенія.

Такъ вотъ, что вы на это скажете, посовѣтуете мнѣ или отсовѣтуете привести этотъ планъ въ исполненіе? Находите ли его цѣлесообразнымъ и считаете ли самое время подходящимъ, удачно выбраннымъ, или, по-вашему, лучше еще повременить съ этимъ? Дайте мнѣ при случаѣ свой практическій совѣтъ по этому дѣлу. Но какъ бы то ни было—прошу васъ оставить это между нами пока-что. Я во всякомъ случаѣ посвящу этому дѣлу наступающее лѣто, такъ какъ все-таки не собираюсь въ нынѣшнемъ году писать новой пьесы, и мнѣ вообще

не на что больше употребить свое время... Жена моя и Сигурдъ поѣдутъ попозже въ Норвегію, я же останусь здѣсь.

Мои наилучшія пожеланія и привѣтствія вашему милому семейству.

Остаюсь сердечно вамъ преданный и признательный

Генрикъ Ибсенъ.

Людвигу Пассарге.

Мюнхенъ, 16 іюня 1880 г.

Глубокоуважаемый г. Пассарге!

Позвольте мнѣ этими нѣсколькими строками отвѣтить на ваше почтенное письмо отъ 4 сего мѣсяца.

Мнѣ было очень пріятно узнать, что вы нашли солиднаго издателя для вашего перевода «Пера Гюнта». Но при всемъ желаніи я не въ состояніи дать вамъ разъясненія многихъ содержащихся въ книгѣ намековъ, которые могутъ оказаться непонятными нѣмецкимъ читателямъ: мнѣ, какъ иностранцу, невозможно опредѣлить—что̀ нуждается въ особомъ объясненіи, что̀ нѣтъ. По той же причинѣ я считаю безполезнымъ обращаться къ Дитрихсону или къ кому другому изъ норвежцевъ. Я думаю, что никто лучше васъ самихъ не можетъ быть судьей въ этомъ дѣлѣ, а если и случится, что какое-нибудь отдѣльное мѣсто затруднитъ васъ, то, вѣрно, вамъ нетрудно будетъ добыть нужныя разъясненія во время предстоящаго вамъ путешествія по Норвегіи. Въ общемъ я вынесъ впечатлѣніе, что вы уже знакомы съ норвежскимъ бытомъ не хуже самихъ норвежцевъ.

Не вижу для себя и возможности сообщить вамъ болѣе подробно о тѣхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, въ силу которыхъ возникла поэма «Перъ Гюнтъ». Для того, чтобы сообщить такія данныя въ вполнѣ понятной формѣ, мнѣ пришлось бы написать цѣлую книгу, а для этого еще не пришло время. Все, что̀ я написалъ, находится въ тѣснѣйшей связи съ тѣмъ, что̀ *я пережилъ*—хотя бы оно и не случилось со мной лично; каждое новое произведеніе имѣло для меня лично ту цѣль, что служило моему духовному освобожденію и просвѣтлѣнію: нельзя вѣдь считать себя свободнымъ отъ всякой солидарности съ обществомъ, къ которому принадлежишь, и отъ всякой отвѣтственности за то, что̀ въ немъ происходитъ. Поэтому я однажды и написалъ въ видѣ посвященія на экземплярѣ одной изъ моихъ книгъ слѣдующее четверостишіе:

„Что̀ значитъ жить?—Въ борьбѣ съ судьбою,
Съ страстями темными сгорать.
Творить?—То значитъ—надъ собою
Нелицемѣрный судъ держать“.

...Смыслъ стиховъ, о которыхъ вы спрашиваете, таковъ: Перъ Гюнтъ въ доказательство своихъ правъ попасть въ адъ ссылается на

то, что онъ торговалъ невольниками. «Худощавый» же отвѣчаетъ на это, что многіе творили еще худшія вещи, напр., оскверняли свою совѣсть, волю и душу, но такъ какъ дѣлали это «сдуру», т.-е. безъ демонической обдуманности, то и признаются достойными не ада, а только «ложки» для переплавки.

Вотъ все, что я на этотъ разъ могу отвѣтить вамъ вкратцѣ. Желаю вамъ счастливой и пріятной поѣздки по Норвегіи и прошу васъ кланяться тѣмъ моимъ друзьямъ и знакомымъ, которыхъ вы, вѣроятно, встрѣтите тамъ.

Остаюсь съ уваженіемъ и сердечной преданностью

Генрикъ Ибсенъ.

Мюнхенъ, 16 іюня 1880 г.

Дорогой г. юстицъ-совѣтникъ Гегель!

...Во многомъ раздѣляю ваши сомнѣнія по поводу моего литературнаго проекта и оставлю это дѣло до поры до времени.

Моя жена и Сигурдъ уѣзжаютъ въ началѣ будущаго мѣсяца въ Норвегію, но врядъ ли на этотъ разъ проѣдутъ черезъ Копенгагенъ. Отъ фру Торесенъ вы, вѣрно, знаете, какъ обстоятъ наши дѣла.

Любезнѣйшій Карлъ Андерсенъ посѣтилъ насъ недавно и разсказалъ, что вы пріобрѣли новую роскошную виллу, принадлежавшую Орла Леману. Позвольте пожелать вамъ и вашей семьѣ провести на новомъ мѣстѣ много веселыхъ и счастливыхъ дней. Но я полагаю, что вы не разстанетесь и со старымъ своимъ мѣстечкомъ на морскомъ берегу. Это мѣсто имѣетъ въ моихъ глазахъ то преимущество передъ всѣми другими, что лежитъ у Зунда. Больше всего недостаетъ мнѣ здѣсь моря, и съ этимъ недостаткомъ мнѣ труднѣе всего примириться.

Съ сердечными привѣтами вамъ и вашимъ дѣтямъ, остаюсь

неизмѣнно вамъ преданный

Генрикъ Ибсенъ.

Римъ—via Caro le Case 75, 27 марта 1881 г.

Милостивый государь, г. государственный ревизоръ Бернеръ!

Хотя я, къ сожалѣнію, и не имѣю чести быть лично знакомымъ съ вами, позволяю себѣ отъ имени Бьёрнстьерне-Бьёрнсона и своего обратиться къ вамъ по поводу одного дѣла, которое представляетъ для насъ, во всякомъ случаѣ для меня, а вѣрно, также и для Бьёрнсона, весьма большое значеніе. Дѣло касается обращенія къ стортингу, а я, столько лѣтъ слѣдя за вашей публицистическою дѣятельностью, вынесъ убѣжденіе, что вы больше другихъ окажетесь склонны и спо-

собны провести дѣло, которое я здѣсь позволю себѣ вкратцѣ изложить.

Назначеніе въ свое время стортингомъ сначала Бьёрнсону, а затѣмъ мнѣ ежегоднаго писательскаго жалованья въ 400 сп.-д. разсматривалось вообще какъ публичное признаніе и поощреніе нашей литературной дѣятельности, и, какъ таковое, оно было нами съ благодарностью принято.

Понятія о правѣ литературной собственности были въ то время, какъ отчасти и до сихъ поръ, весьма несовершенны въ скандинавскихъ странахъ. Ни правительство ни стортингъ не заботились обезпечить норвежскихъ авторовъ—особенно драматическихъ—отъ разнаго рода произвольныхъ покушеній на ихъ права. Другими словами, законы не обезпечивали за нами, наравнѣ съ другими гражданами, правъ пользованія плодами нашихъ собственныхъ трудовъ. Христіанійскій театръ принялъ за правило уплачивать за наши пьесы небольшой гонораръ разъ навсегда. За «Вонтелей въ Гельгеландѣ» я такимъ образомъ получилъ всего тридцать сп.-д., при чемъ мнѣ было поставлено на видъ, что если я не соглашусь довольствоваться этимъ, то мою пьесу будутъ играть и безъ всякаго вознагражденія мнѣ, такъ какъ на то имѣется законное право. Остальные театры въ Норвегіи, а также странствующія труппы, разумѣется, не платили ничего. То же самое происходило въ Швеціи и Даніи—поскольку рѣчь идетъ о частныхъ театрахъ. Да и Королевскій театръ въ Стокгольмѣ однажды, какъ вы, вѣрно, помните, ставилъ одну изъ бьёрнсоновскихъ пьесъ, не платя ему ни гроша, хотя авторъ весьма энергично настаивалъ на гонорарѣ. Позже, правда,—вѣроятно, въ силу того шума, котораго надѣлало это обстоятельство, — и Королевскій стокгольмскій театръ и Королевскій датскій стали уплачивать намъ извѣстныя суммы по собственному усмотрѣнію. Мы были принуждены принимать съ благодарностью и такія условія, такъ какъ ни правительство ни стортингъ не позаботились объ охранѣ нашихъ интересовъ путемъ литературной конвенціи со Швеціей и Даніей.

Такимъ образомъ у Бьёрнсона и у меня вырвали изъ рукъ цѣлый рядъ драматическихъ трудовъ, одинъ за другимъ, лишивъ насъ тѣхъ доходовъ, которыми безпрепятственно пользуются писатели въ другихъ странахъ. О томъ, какъ великъ понесенный нами ущербъ, я получилъ понятіе лишь теперь, когда наконецъ заключена литературная конвенція между Швеціей и Даніей. Но для насъ съ Бьёрнсономъ эта конвенція явилась слишкомъ поздно, такъ какъ, благодаря прежнему беззаконію, у насъ успѣли или попросту отнять, или пріобрѣсти за безцѣнокъ почти все, что мы создали въ области драматической литературы.

Но это еще не все, и въ сущности я пока коснулся лишь наименѣе чувствительной для насъ стороны дѣла. Несравненно большій ущербъ

причиняетъ намъ то, что Норвегіей не заключено никакой литературной конвенціи съ Германіей или вообще съ другими странами, кромѣ скандинавскихъ. Вамъ, вѣрно, извѣстно, что бо́льшая часть сочиненій Бьёрнсона и моихъ переведены на нѣмецкій языкъ, и что многія изъ нашихъ пьесъ исполняются въ нѣмецкихъ театрахъ. Но если изъ этого у насъ на родинѣ заключаютъ, что такое благосклонное отношеніе ведетъ за собой значительныя или сколько-нибудь достойныя упоминанія матеріальныя выгоды, то, къ сожалѣнію, сильно ошибаются. Извлекаютъ выгоду изъ этого лишь переводчики или ихъ издатели, и мы, норвежскіе драматурги, не имѣемъ никакихъ законныхъ средствъ помѣшать этому. Если даже мы сами озаботимся переводомъ и изданіемъ нашихъ произведеній на собственный счетъ, то и это нисколько не гарантируетъ насъ отъ того, что въ скоромъ времени можетъ появиться одинъ или нѣсколько другихъ переводовъ въ подрывъ нашему изданію.

Конечно, нечего и думать, чтобы Норвегія добровольно сдѣлала шагъ къ заключенію общей международной литературной конвенціи, или, вѣрнѣе, примкнула къ конвенціи, которая уже связала между собою большинство другихъ европейскихъ государствъ. Какъ добрый норвежецъ, я въ интересахъ своей родины даже не могу желать этого, такъ какъ такая конвенція, очевидно, привела бы у насъ къ сильному вздорожанію всѣхъ иностранныхъ книгъ и научнаго и поэтическаго содержанія, распространенія которыхъ у насъ можно только желать. И такое вздорожаніе было бы равносильно преграждению для нашего народа доступа къ источникамъ просвѣщенія, которое теперь безвозмездно орошаетъ Норвегію. Безвозмездно? Да, для государства, но не для Бьёрнсона и меня. Мы съ нимъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ платимъ существеннѣйшую долю налоговъ за ввозимое изъ-за границы просвѣщеніе. И этотъ налогъ достигаетъ немалыхъ размѣровъ. Я по чистой совѣсти берусь утверждать, что мы съ Бьёрнсономъ являемся сравнительно наиболѣе обложенными налогами людьми Норвегіи.

Поэтому мой почтительнѣйшій запросъ вамъ — не возьметесь ли вы за это дѣло и не обратите ли вниманіе стортинга на условія, которыя я обрисовалъ здѣсь съ возможной краткостью. Государственное пособіе Бьёрнсону и мнѣ далеко не покрываетъ тѣхъ убытковъ, которые мы разными путями понесли и продолжаемъ нести на родинѣ и за границей. Не найдетъ ли стортингъ справедливымъ и законнымъ возмѣстить намъ эти убытки путемъ извѣстнаго увеличенія нашего писательскаго жалованья? Это вѣдь обычная вещь, что гражданамъ возмѣщаютъ убытки, понесенные ими въ силу извѣстныхъ существующихъ порядковъ. Въ Норвегіи же писатели, особенно драматурги, терпѣли долго. Довольно знаменательно, что въ нашей странѣ съѣдобная дичь попала подъ защиту закона раньше, чѣмъ писатели. Мы — по отношенію къ заграницѣ — все еще приравниваемся скорѣе всего къ

вреднымъ животнымъ. Каждый можетъ безпрепятственно охотиться на насъ, и обиднѣе всего то, что вдобавокъ мы же сами уплачиваемъ охотничій налогъ.

Я долженъ замѣтить, что Бьёрнсонъ ничѣмъ не уполномочивалъ меня писать отъ его имени. Дальность разстоянія не позволила мнѣ обратиться къ нему за полномочіемъ, но я вполнѣ увѣренъ, что онъ одного со мной мнѣнія по всѣмъ существеннымъ пунктамъ того, что я позволилъ себѣ высказать. Для меня лично это дѣло въ настоящее время тѣмъ важнѣе, что дѣйствующій у насъ — и только у насъ — университетскій уставъ вынуждаетъ моего сына экспатріироваться, а меня продлить мое пребываніе за границей на неопредѣленное время.

Не позволяю себѣ дѣлать какихъ-либо указаній относительно желаемой прибавки къ жалованью. Я только позволю себѣ напомнить, что Норденшёльду и Паландеру за открытіе сѣверо-восточнаго прохода шведскій риксдагъ назначилъ каждому по 4.000 кронъ въ годъ. Смѣю предполагать, что мы съ Бьёрнсономъ открыли въ своихъ экспедиціяхъ въ области поэтическаго творчества разные и сѣверо-восточные и сѣверо-западные проходы, которые въ будущемъ такъ же будутъ использованы сѣверными народами, какъ и путь въ Азію, открытый Паландеромъ и Норденшёльдомъ.

Предоставляю вамъ воспользоваться этимъ моимъ письмомъ, какъ сочтете за лучшее въ видахъ достиженія цѣли, и, еще разъ убѣдительно рекомендуя дѣло вашему благосклонному вниманію, а черезъ васъ и вниманію стортинга, остаюсь съ глубокимъ уваженіемъ

преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Сорренто, 14 іюня 1881 г.

Милостивый государь, г. государственный ревизоръ Берперъ!

Отъ одного земляка, который теперь находится въ Италіи, я получилъ письмецо, которое, между прочимъ, содержитъ выписку изъ письма, полученнаго этимъ моимъ путешествующимъ землякомъ изъ Христіаніи. Выписка гласитъ такъ:

«А знаете, что разсказываютъ здѣсь про Ибсена? Будто бы онъ написалъ Бернеру и заявилъ, что, послѣдивъ нѣсколько лѣтъ за политическими распрями и газетной полемикой, всецѣло перешелъ на сторону лѣвыхъ, но въ то же время высказалъ надежду, что Бернеръ будетъ содѣйствовать увеличенію его писательскаго жалованья, котораго ему не хватаетъ. Все это, по моему убѣжденію, злая клевета, но я все-таки не упускаю случая сообщить вамъ этотъ слухъ, который пущенъ съ такою смѣлостью и заслуживаетъ быть изъятымъ изъ обращенія».

Я обыкновенно не обращаю вниманія на слухи, касающіеся меня лично или моихъ дѣлъ, но въ данномъ случаѣ слухъ принялъ форму слишкомъ ужъ подлую даже для слуховъ, идущихъ изъ Христіаніи. Поэтому позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ просьбой объ одномъ одолженіи.

Будьте добры опубликовать мое письмо къ вамъ цѣликомъ въ «Dagbladet», который, вѣрно, не откажется удѣлить ему мѣсто.

Съ истиннымъ уваженіемъ преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Камиллѣ Коллетъ.

Сорренто, августъ 1881 г.

...Жена моя еще сильнѣе насъ страдаетъ отъ жары и особенно отъ сирокко, но, ничего, держится благодаря ежедневнымъ купаньямъ въ морѣ. Не думаю, чтобы вамъ полезно было провести здѣсь лѣто. О прогулкахъ почти нечего и думать; приходится сидѣть елико возможно смирно и неподвижно.

Очень хорошо понимаю ваше недовольство трудными условіями литературной дѣятельности, съ которыми приходится бороться и вамъ. Но если вы полагаете, что другимъ это дается легко, то убѣжденъ, что вы жестоко ошибаетесь. Точно такъ же очень можетъ быть, что «холодный эгоизмъ», который вы подмѣчаете тамъ и сямъ, скорѣе всего сводится къ вполнѣ основательному сознанію необходимости жить тѣмъ дѣломъ, для котораго живемъ. Большинство изъ насъ не такъ счастливо поставлено, чтобы игнорировать такія соображенія.

...Но я тѣмъ не менѣе твердо убѣжденъ, что вы, невзирая на всѣ препятствія, когда-нибудь, еще въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и силъ, переживете день побѣды, на которую даетъ вамъ полное право ваша геніальная упорная борьба. Идеи и образы, созданные вами, не такого рода, чтобы годиться только на безплодное существованіе въ литературѣ будущаго. Они принадлежатъ живой дѣйствительности, которая и построитъ на нихъ будущее. И, разумѣется, я отъ всего сердца желаю, чтобы это случилось возможно скорѣе.

И не обезсудьте на этотъ разъ, дорогая фру Коллетъ, на такомъ коротенькомъ письмѣ. Жена напишетъ вамъ на-дняхъ. Будьте увѣрены, что я съ искренней симпатіей и полнымъ пониманіемъ слѣжу за вами и дѣломъ вашей жизни. Пусть никто не поколеблетъ въ васъ этой увѣренности, даже я самъ, если бы я иной разъ и далъ вамъ мнимый поводъ для этого.

Въ надеждѣ скоро имѣть отъ васъ добрыя вѣсти шлемъ вамъ наилучшія пожеланія!

Преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Людвигу Пассарге.

Сорренто, 17 августа 1881 г.

Глубокоуважаемый г. Пассарге!

Съ большимъ огорченіемъ узналъ изъ вашего послѣдняго почтеннаго письма, что вы были непріятно задѣты однимъ пунктомъ моего письма къ Бернеру. Если бы я могъ предвидѣть, что мои слова могли быть такъ невѣрно истолкованы вами, я бы, конечно, постарался выразиться какъ-нибудь иначе. Въ моемъ письмѣ, поскольку дѣло касалось меня, шла рѣчь только о театральныхъ гонорарахъ, а говоря объ издателяхъ, я имѣлъ въ виду издателей различныхъ книгъ и разсказовъ Бьёрнсона.

«Перъ Гюнтъ» же вовсе не былъ разсчитанъ на постановку, и вы, вѣрно, помните, что я самъ питалъ большія сомнѣнія насчетъ изданія этой книги въ Германіи. Мнѣ и въ голову никогда не пришло бы, что вы или вашъ издатель могли бы извлечь изъ изданія этой книги какія-либо выгоды, и если вы все-таки рѣшились издать ее, то нечего вамъ сомнѣваться, что я могу быть только сердечно признательнымъ вамъ за это.

То же самое скажу относительно объявленнаго перевода «Бранда». И это произведеніе не разсчитано на сцену, и если вы, несмотря на то, что уже имѣется три нѣмецкихъ перевода этой драмы, все-таки рискуете предпринять четвертый, то я вижу въ этомъ съ вашей стороны лишь доказательство самаго лестнаго интереса къ моей творческой дѣятельности.

Я убѣжденъ, что упомянутый пунктъ моего письма ни однимъ порвежскимъ читателемъ не истолкованъ превратно; но ради пущей увѣренности я при болѣе подробномъ обсужденіи этихъ вопросовъ въ ближайшемъ будущемъ сдѣлаю особую оговорку, которая, надѣюсь, удовлетворитъ васъ.

Я съ нетерпѣніемъ ожидаю возможности познакомиться съ вашимъ переводомъ «Бранда», а также узнать, какой пріемъ встрѣтитъ онъ въ Германіи. На тотъ случай, если бы вы въ свое время захотѣли почтить и обрадовать меня нѣсколькими строками по этому поводу, сообщаю вамъ свой здѣшній адресъ—отель Трамонтано, гдѣ я пробуду до конца октября, а затѣмъ вернусь въ Римъ.

Это лѣто я занятъ новой драмой, которая выйдетъ осенью и которую я тогда позволю себѣ прислать вамъ.

Усердно прошу васъ не измѣнять изъ-за временной размолвки тому доброму расположенію, съ которымъ вы до сихъ поръ относились къ моей литературной дѣятельности, и остаюсь съ глубокимъ уваженіемъ искренно вамъ преданный и обязанный

Генрикъ Ибсенъ.

Олафу Скавлану.

Римъ, 12 ноября 1881 г.

Дорогой другъ!

...Задуманный журналъ, конечно, будетъ съ радостью встрѣченъ значительною частью нашей публики, и если еще удастся обезпечить ему распространеніе въ Швеціи, то, я думаю, существованіе его будетъ обезпечено на долгое время. Но для этого, по-моему, нужно заручиться сотрудничествомъ шведскихъ журналистовъ, а изъ опубликованной программы я не вижу, имѣется ли это въ виду.

Что касается меня лично, то я считаю за честь и удовольствіе состоять въ числѣ сотрудниковъ. Но, право, не знаю въ настоящую минуту, какъ сдержать свое обѣщаніе относительно сотрудничества. Стиховъ я не пишу, и журнальныя статьи не въ моемъ духѣ. Я, впрочемъ, давно уже понемножку работаю надъ книгой, которая будетъ называться: «Отъ Скіена до Рима», и въ которой будутъ разсказаны эпизоды изъ моей жизни приблизительно въ томъ же духѣ, какъ предисловіе ко второму изданію «Катилины». Если ты думаешь, что какой-нибудь отрывокъ изъ этой книги можетъ подойти для журнала, то я охотно дамъ тебѣ кое-что въ свое время.

Пока же время мое попрежнему почти все занято, почему я и ограничусь сегодня этими строками.

Самые сердечные привѣты тебѣ и Сарсу.

Преданный тебѣ
Генрикъ Ибсенъ.

Римъ, 22 декабря 1881 г.

Глубокоуважаемый г. Пассарге!

..Вашъ трудъ о Норвегіи въ высшей степени обрадовалъ и заинтересовалъ меня. Многія изъ тѣхъ мѣстностей, которыя вы описываете, я самъ посѣщалъ, и не могу надивиться той поразительной яркости и наглядности, съ какой вы изображаете видѣнное. Правда, мнѣ сдается, что вы во многихъ отношеніяхъ судите о нашемъ народѣ болѣе благосклонно, чѣмъ онъ того заслуживаетъ; но тѣмъ признательнѣе мы должны быть вамъ за эту превосходную и съ такимъ необыкновеннымъ знаніемъ написанную книгу.

Мнѣ было бы чрезвычайно пріятно, если бы вы написали мою біографію для помѣщенія въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ журналѣ. Самые подробные матеріалы можно достать у доктора философіи и библіотекаря Вальфрида Вассеніуса (въ Гельсингфорсѣ), издавшаго года два тому назадъ въ качествѣ докторской диссертаціи книгу обо мнѣ и о

моемъ творчествѣ. Эта книга заканчивается разборомъ «Борьбы за престолъ», но позже Вассеніусъ занялся продолженіемъ этого труда и довелъ обзоръ моей дѣятельности до послѣдняго времени. Полагаю, что новое изданіе этой книги скоро выйдетъ въ свѣтъ, и г. Вассеніусъ по вашей просьбѣ съ величайшею готовностью вышлетъ вамъ экземпляръ. Никто не знаетъ моей жизни и литературной дѣятельности лучше, чѣмъ онъ.

Вчера вы доставили мнѣ пріятный сюрпризъ присылкой вашего перевода «Бранда». Постараюсь поскорѣе прочесть его. Пока же прошу васъ принять мое сердечное спасибо за это новое доказательство вашего расположенія ко мнѣ.

Новая пьеса моя теперь вышла и вызвала страшный переполохъ въ скандинавской прессѣ. Я ежедневно получаю письма и газетныя статьи *за* и *противъ* нея. Въ самомъ непродолжительномъ времени вамъ будетъ посланъ экземпляръ; но я считаю совершенно немыслимою въ данное время постановку этой пьесы на какой-либо нѣмецкой сценѣ; едва ли даже въ ближайшемъ будущемъ рѣшатся поставить ее въ скандинавскихъ театрахъ. Впрочемъ, пьеса выпущена въ 10.000 экземпляровъ, и, по всей вѣроятности, въ самомъ скоромъ времени потребуется новое изданіе.

Еще разъ примите мое искреннее спасибо, а также привѣтъ и пожеланіе веселаго Рождества и добраго Новаго года.

Искренно признательный вамъ
Генрикъ Ибсенъ.

Гегелю.

Римъ, 2 января 1882 г.

...Неистовства критики и вся эта галиматья, которая пишется противъ «Привидѣній», нисколько не нарушаютъ моего душевнаго покоя. Я былъ готовъ къ этому. Когда вышла «Комедія любви», въ Норвегіи поднялся такой же дикій вопль. Противъ «Пера Гюнта» также вопили и столько же противъ «Столповъ общества» и «Кукольнаго дома». Весь этотъ крикъ и шумъ замретъ самъ собою, какъ и прежде.

Но неужели правда, что это Мольбекъ старается подъ маской въ «Dagbladet» и рекламируетъ свою пьесу «Ввысь»?

Одно безпокоитъ меня, какъ подумаю о громадномъ изданіи: не повредитъ ли этотъ шумъ сбыту книги?

Какъ разъ сейчасъ получилъ второе ваше письмо и газеты. Брандесу напишу завтра и поблагодарю его за статью, которая меня очень порадовала...

Сердечно преданный и признательный вамъ
Генрикъ Ибсенъ.

Римъ, 3 января 1882 г.

Дорогой Брандесъ!

Большую радость доставила мнѣ полученная черезъ Гегеля блестящая, ясная и для меня столь лестная статья ваша о «Привидѣніяхъ». Примите же мое горячее искреннее спасибо за эту новую вашу неоцѣнимую дружескую услугу мнѣ. У каждаго, кто прочтетъ вашу статью, должны, мнѣ кажется, открыться глаза на то, что я хотѣлъ сказать своей новой книгой,— если только онъ вообще захочетъ видѣть. Я вѣдь не могу отдѣлаться отъ мысли, что огромная часть ложныхъ истолкованій, приводимыхъ газетами, высказана намѣренно, противъ внутренняго убѣжденія. Весь же тотъ вздоръ, который нагородили по этому поводу въ Норвегіи, является, по-моему, въ большинствѣ случаевъ не преднамѣреннымъ, а невольнымъ, чему и нетрудно найти объясненіе. Тамъ критикой отчасти завѣдуютъ болѣе или менѣе замаскированные богословы, а эти господа вообще совсѣмъ не въ состояніи написать что-нибудь путное о поэтическихъ произведеніяхъ. Ослабленіе способности сужденія, являющееся — во всякомъ случаѣ для податливыхъ среднихъ натуръ—неизбѣжнымъ слѣдствіемъ долговременной возни съ богословской мудростью, даетъ себя знать особенно замѣтно, когда приходится судить о характерахъ, поступкахъ и побужденіяхъ человѣческихъ. Зато практическій дѣловой умъ не особенно страдаетъ отъ изученія этой спеціальности. Вотъ почему эти духовные умы часто бываютъ и превосходными коммунальными дѣльцами и безусловно худшими нашими критиками.

А что же сказать о такъ-называемой либеральной прессѣ? Вожаки ея, говорящіе и пишущіе о свободѣ и свободомысліи, въ то же время являются рабами предполагаемыхъ требованій и мнѣній подписчиковъ. Я все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что есть нѣчто деморализующее въ занятіи политикой и въ партійности. Ни при какихъ обстоятельствахъ, никогда не примкнулъ бы я къ партіи, имѣющей за собою большинство. Бьёрнсонъ говоритъ: «большинство всегда право». И въ качествѣ политика-практика, вѣрно, и приходится такъ говорить. Я, напротивъ, вынужденъ сказать: «меньшинство всегда право». Само собою разумѣется, я при этомъ не имѣю въ виду меньшинства, состоящаго изъ людей застоя, отсталыхъ членовъ огромной срединной партіи, называемой у насъ либеральною; я говорю о меньшинствѣ, которое идетъ впереди и котораго большинство еще не догнало. По-моему, правы тѣ, которые ближе всего къ союзу съ будущимъ.

Все это я написалъ въ видѣ оправданія — буде таковое понадобилось бы.

Я былъ готовъ къ той бурѣ, которая поднялась противъ «Привидѣній». Но не счелъ нужнымъ сколько-нибудь принять ее во вниманіе; это было бы трусостью.

Не меньше, чѣмъ за вашу статью въ «Morgenbladet», благодарю васъ и за лекцію, которую вы посвятили мнѣ, а также за то, что хотите теперь издать ее. Гегель пишетъ мнѣ, что вы собираетесь включить туда нѣкоторыя выдержки изъ моихъ писемъ къ вамъ. Разумѣется, съ моей стороны—никакихъ препятствій. Я безусловно полагаюсь на васъ и въ этомъ дѣлѣ, какъ во всякомъ другомъ. Если захотите воспользоваться кое-чѣмъ и изъ настоящаго моего письма—оно вполнѣ въ вашемъ распоряженіи.

Какъ подумаешь о томъ, насколько у насъ на родинѣ еще туго, вяло, тупо критическое пониманіе, представишь себѣ низкій уровень нашего общаго міросозерцанія,—невольно впадаешь въ глубокое уныніе, и мнѣ даже часто кажется, что лучше всего немедленно прекратить свою литературную дѣятельность. У насъ въ сущности не нуждаются въ поэтическихъ произведеніяхъ; отлично обходятся «Вѣстникомъ Стортинга» да «Лютеранскимъ Еженедѣльникомъ». Вдобавокъ имѣются партійныя газеты. У меня нѣтъ способностей быть ни государственной единицей ни ортодоксальнымъ христіаниномъ, а на что у меня не хватаетъ способностей, отъ того я воздерживаюсь. Для меня высшее и первѣйшее жизненное условіе—свобода. У насъ же не особенно заботятся о свободѣ, а только все о вольностяхъ—въ большемъ или меньшемъ количествѣ, согласно партійной точкѣ зрѣнія. Крайне непріятно задѣваетъ меня также эта некультурная плебейская наша манера полемизировать. Весьма похвальныя въ общемъ стремленія демократизировать нашъ общественный строй привели невзначай къ тому, что мы порядочно подвинулись по пути къ усвоенію нашимъ обществомъ плебейскаго пошиба. Духовное благородство пошло у насъ на убыль.

Ну, на этомъ я и прерву свое письмо. Передайте наши лучшія пожеланія вашей любезной супругѣ. Она незгладимо живетъ въ нашемъ воспоминаніи. Спасибо, дорогой Брандесъ, за все, что вы сдѣлали и дѣлаете для меня.

Искренно преданный

Генрикъ Ибсенъ.

Римъ, 6 января 1882 г.

Глубокоуважаемый г. докторъ Шандорфъ!

Примите мое сердечное спасибо за любезное письмо, которое вы были такъ добры прислать мнѣ, и простите, что я только сегодня нашелъ время отвѣтить на него.

Ваше письмо явилось для меня желаннымъ новогоднимъ привѣтомъ посреди всей этой какофоніи непониманія и лжетолкованій, вызванной на родинѣ моею новою пьесой.

Я былъ приготовленъ къ тому, что подымется такая буря. Если у

нѣкоторыхъ нашихъ сѣверныхъ рецензентовъ нѣтъ способности къ чему другому, то во всякомъ случаѣ у нихъ безспорный даръ къ основательному непониманію и ложному истолкованію тѣхъ писателей, о произведеніяхъ которыхъ они берутся судить.

Но развѣ въ самомъ дѣлѣ все это—продуктъ одного непониманія? Не оказывается ли большая часть этихъ лжетолкованій и искаженій преднамѣренными, составленными съ полнымъ сознаніемъ ихъ безосновательности? Право, мнѣ кажется, иначе и думать нельзя.

Пытаются сдѣлать меня отвѣтственнымъ за воззрѣнія, высказываемыя дѣйствующими лицами драмы. А между тѣмъ во всей книгѣ нѣтъ ни единаго воззрѣнія, ни единаго отзыва, которые можно было бы поставить на счетъ автору. Я тщательно остерегался этого. Самый методъ, самый родъ техники, который положенъ въ основу формы книги, самъ собою исключалъ возможность для автора проявить въ репликахъ свои личные взгляды. Моимъ намѣреніемъ было вызвать въ читателѣ впечатлѣніе, что онъ во время чтенія переживаетъ отрывокъ изъ дѣйствительной жизни. И ничто сильнѣе не шло бы въ разрѣзъ съ этимъ намѣреніемъ, какъ вплетеніе въ діалогъ личныхъ авторскихъ воззрѣній. Или на родинѣ воображаютъ, что я до такой степени лишенъ чутья драматурга и критическаго смысла, что даже не былъ въ состояніи предвидѣть это? Я все понималъ и дѣйствовалъ сообразно съ этимъ. Ни въ одной изъ моихъ предыдущихъ пьесъ самъ авторъ не остается болѣе въ тѣни, не отсутствуетъ такъ абсолютно, какъ въ этой.

Затѣмъ было высказано, что книга проповѣдуетъ нигилизмъ. Отнюдь нѣтъ. Она вообще ничего не проповѣдуетъ. Она лишь указываетъ на то, что и у насъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, подъ наружной оболочкой спокойствія бродитъ нигилистическая закваска. Да иначе и быть не можетъ. Любой пасторъ Мандерсъ всегда вызоветъ къ жизни ту или иную фру Альвингъ. И именно потому, что она—женщина, она, разъ вступивъ на этотъ путь, дойдетъ до послѣднихъ крайностей.

Надѣюсь, что г. Брандесъ своей статьей въ «MorgenBladet» сильно поможетъ болѣе вѣрному пониманію пьесы. Эта газета уже во многихъ случаяхъ обнаружила свое расположеніе ко мнѣ, и я прошу васъ передать почтенной редакціи мою признательность.

Вы своимъ письмомъ порадовали меня и сдѣлали мнѣ честь, положивъ начало тому знакомству, котораго я давно желалъ. Ваша творческая дѣятельность давно служитъ для меня и моего маленькаго кружка источникомъ истиннаго наслажденія, и я съ большимъ удовольствіемъ и интересомъ слѣдилъ за вами въ различныхъ вашихъ литературныхъ и критическихъ походахъ.

Надѣюсь, что мы когда-нибудь и гдѣ-нибудь встрѣтимся съ вами, и остаюсь съ глубокимъ почтеніемъ искренно признательный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

PS. Если бы письмо это въ какомъ-либо отношеніи могло представить интересъ для читателей «MorgenBladet», то я ничего не имѣю противъ опубликованія его.

Г. И.

Римъ, 24 января 1882 г.

Дорогой Скавланъ!

Позволь мнѣ по поводу твоего послѣдняго письма сказать тебѣ, что въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ нечего разсчитывать на какое-либо участіе въ журналѣ съ моей стороны. Буду ли я въ состояніи дать что-либо позже — тоже зависитъ отъ обстоятельствъ, которыхъ я пока не могу предвидѣть. Пока же прошу записать меня въ число подписчиковъ. Уплатитъ мой комиссіонеръ, книгопродавецъ Нильсъ Лундъ.

Послѣднее время доставило мнѣ богатый матеріалъ опыта, свѣдѣній и наблюденій. Разумѣется, я былъ готовъ къ тому, что моя новая драма вызоветъ вопли въ лагерѣ застоя, и вопли эти тревожатъ меня не болѣе, чѣмъ лай цѣпныхъ псовъ. Но меня заставила призадуматься трусливость, которую я замѣтилъ въ такъ-называемомъ либеральномъ лагерѣ. Всего день спустя послѣ поступленія моей книги въ продажу, «DagBladet» поспѣшилъ помѣстить статью, которою какъ будто хотѣлъ предупредить возможность всякаго подозрѣнія въ сочувствіи или одобреніи моей пьесы. Это было совсѣмъ излишне. Я самъ отвѣчаю за то, что пишу, — я и болѣе никто. Я никоимъ образомъ не могу скомпрометировать какую-либо партію, такъ какъ не принадлежу ни къ какой. Я хочу оставаться одинокимъ застрѣльщикомъ на форпостахъ и дѣйствовать вполнѣ на свой страхъ.

Единственнымъ человѣкомъ въ Норвегіи, свободно, смѣло и мужественно выступившимъ на мою защиту, оказался Бьёрнсонъ. Это похоже на него. У него поистинѣ великая, королевская душа, и я никогда ему этого не забуду.

А всѣ эти заячьи души — борцы за свободу! Да развѣ только въ политической области должно бороться у насъ за свободу? Не требуется ли прежде всего освободить умы и души? Такія рабскія души, какъ мы, не могутъ даже воспользоваться тѣми свободами, которыя уже предоставлены намъ. Норвегія — свободная страна, населенная несвободными людьми.

Отъ души желалъ бы, чтобы наблюденія, сдѣланныя мною за послѣднее время надъ роднымъ либерализмомъ, не подтвердились. Должно-быть, тамъ играютъ роль минутныя обстоятельства, которыхъ я не знаю; иначе, право, нельзя себѣ и представить.

Но ты, вѣрно, самъ поймешь, что я пока считаю себя обязаннымъ воздержаться отъ какого-либо участія. Нельзя допустить, чтобы въ

составъ сотрудниковъ журнала входилъ кто-нибудь, стоящій совсѣмъ особнякомъ, рѣзко выдѣляясь изъ среды остальныхъ. А развѣ я въ настоящее время могу избѣжать этого? По-моему, нѣтъ. Я нѣсколько сбитъ съ толку относительно положенія вещей на родинѣ, и мнѣ нужно время, чтобы ориентироваться. Кланяйся всѣмъ, кто втихомолку остается моимъ другомъ.

Преданный тебѣ

Генрикъ Ибсенъ.

Римъ, 23 января 1882 г.

Милостивый государь, Отто Борхсеніусъ!

Хоть «Dagbladet», какъ видно, и негодуетъ на меня за то, что я пишу письма въ Копенгагенъ, я не хочу долѣе откладывать своего отвѣта на ваше любезное письмо, которое имѣлъ честь получить въ Сорренто минувшею осенью.

...Позволяю себѣ воспользоваться случаемъ принести вамъ свою сердечную, горячую признательность за вашу доброжелательную и образцово-дѣльную статью о моей новой драмѣ. Вы оказали мнѣ своей рецензіей истинно-дружескую услугу, за которую я навсегда останусь васъ обязаннымъ. Мнѣ было чрезвычайно пріятно въ самый разгаръ полемической горячки, свирѣпствующей или, во всякомъ случаѣ, свирѣпствовавшей въ Даніи и Норвегіи, прочесть вашу спокойную и свободную отъ партійныхъ соображеній критику моей пьесы.

Допускаю, что эта пьеса во многихъ отношеніяхъ нѣсколько рискованна; но мнѣ казалось, что пора перемѣстить нѣкоторые пограничные столбы. И это дѣло мнѣ, какъ болѣе старому писателю, сподручнѣе, чѣмъ многимъ болѣе молодымъ, которымъ хотѣлось бы чего-либо подобнаго.

Я предвидѣлъ, что соберу тучи надъ своей головой; но нельзя же изъ-за этого свертывать съ пути. Это было бы трусостью.

Меня удручаютъ болѣе всего не нападки, но трусость, проявленная такъ-называемыми либеральными кругами Норвегіи. Плохіе это защитники для баррикадъ! Норвежскій «Dagbladet» отказался дать Бьёрнсону мѣсто для дальнѣйшей полемики, и какъ то, такъ и другое указываетъ, насколько одиноки мы оба у себя на родинѣ, если хорошенько разобраться въ нашемъ положеніи. Не будь у насъ прибѣжища въ Даніи, плохо пришлось бы намъ и вообще дѣлу духовнаго освобожденія.

Еще разъ сердечное спасибо и привѣтъ отъ дружески признательнаго вамъ

Генрика Ибсена.

Римъ, 16 марта 1882 г.

Дорогой г. юстицъ-совѣтникъ Гегель!

Давно бы слѣдовало мнѣ написать вамъ въ отвѣтъ на ваше любезное письмо отъ 16 февраля. Я, разумѣется, не сомнѣваюсь, что оно вызвано искреннимъ доброжелательствомъ ко мнѣ, но я убѣдительно просилъ бы васъ не внимать чужимъ совѣтамъ въ дѣлахъ, касающихся меня, и меньше всего совѣтамъ людей, которымъ не хватаетъ сколько-нибудь вѣрнаго пониманія всего того поваго, чѣмъ мы обязаны литературѣ за послѣднія двадцать лѣтъ.

Я очень хорошо знаю, какъ жадны наши мелочные норвежскіе медвѣжьи углы до всякихъ свѣдѣній о частной жизни писателей и художниковъ, но мнѣ кажется также, что я въ этомъ отношеніи настолько остороженъ, насколько лишь возможно. Находятся даже люди, которые, вопреки моему собственному мнѣнію, находятъ, что я во вредъ себѣ самому слишкомъ сдержанъ. Въ письмѣ отъ 9 февраля г. Отто Борхсеніусъ пишетъ, что почти всѣ мои копенгагенскіе друзья согласны, что теперь настало для меня время вполнѣ ясно и опредѣленно высказаться о своей точкѣ зрѣнія, и прибавляетъ слѣдующее: «И вашъ издатель спрашиваетъ меня — неужели никто не въ состояніи заставить васъ (меня) высказаться?» Я привожу это лишь для того, чтобы показать, какъ мнѣнія расходятся. Послѣ вашего послѣдняго письма я, разумѣется, не могу сомнѣваться, что онъ васъ не понялъ.

Отъ нѣкогда задуманнаго мною литературнаго плана я давно отказался. Зато могу сообщить, что занятъ теперь подготовительной работой для новой пьесы.

На этотъ разъ это будетъ мирная вещь, которую могутъ читать и статскіе совѣтники, и коммерсанты, и ихъ дамы, и отъ которой не придется открещиваться театрамъ. Мнѣ очень нетрудно будетъ ее написать, и я постараюсь закончить ее пораньше осенью.

Что же касается «Привидѣній», то пройдетъ не такъ ужъ много времени, пока добрые люди у насъ на родинѣ возьмутъ пьесу въ толкъ. А всѣ эти высохшія мумін, отжившія клячи, набросившіяся на мою пьесу, когда-нибудь да будутъ сурово осуждены исторіей литературы. Сумѣютъ выслѣдить анонимныхъ браконьеровъ и разбойниковъ критики, забросавшихъ меня грязью изъ своего укромнаго уголка въ мелочной лавочкѣ профессора Госа и изъ другихъ подобныхъ помѣщеній. Моя пьеса имѣетъ будущее. Тѣ же господа, которые вопили противъ нея, не имѣютъ подъ собою реальной почвы даже въ ихъ настоящей и живой современности.

Вотъ почему я и отнесся къ этой сторонѣ дѣла такъ хладнокровно. Я во время этой бури сдѣлалъ немало наблюденій, извлекъ различныя указанія и сумѣю воспользоваться ими для будущихъ своихъ произведеній.

...Съ наилучшими пожеланіями вашей милой семьѣ остаюсь сердечно преданный и обязанный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Бьёрнстьерне-Бьёрнсону.

Госсенсасъ, августъ 1882 г.

...Твои произведенія занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи литературы, и мѣсто это всегда останется за ними. Но если бы мнѣ пришлось охарактеризовать твою творческую дѣятельность для надписи на твоемъ памятникѣ, я бы остановился на слѣдующихъ словахъ: «Его жизнь была его лучшимъ произведеніемъ».

А по-моему, осуществить себя самого въ своей жизни — выше всего, чего можетъ достигнуть человѣкъ. Эта задача поставлена намъ всѣмъ, но большинство извращаетъ ее.

Госсенсасъ, 9 сентября 1882 г.

Дорогой г. ю.-с. Гегель!

При семъ имѣю удовольствіе выслать вамъ остальную часть рукописи моей новой пьесы. Работа надъ нею очень развлекла меня, и теперь, когда я ее кончилъ, я чувствую какую-то пустоту, мнѣ какъ будто чего-то недостаетъ. Мы такъ превосходно сошлись съ докторомъ Стокманомъ, такъ схожи съ нимъ во многомъ. Но докторъ куда больше взбалмошная голова, чѣмъ я, и у него есть еще другія особенности, благодаря которымъ изъ его устъ выслушаютъ многое, что, пожалуй, не сошло бы такъ благополучно съ рукъ мнѣ. Полагаю, что вы того же мнѣнія, если успѣли прочесть рукопись.

...Сердечные привѣты вамъ и вашимъ.

Искренно преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Госсенсасъ, 21 сентября 1882 г.

Дорогой Брандесъ!

Сваливъ съ плечъ недѣлю съ небольшимъ тому назадъ свою пьесу, я могу возобновить свою давно запущенную корреспонденцію.

Первымъ долгомъ, разумѣется, обращаюсь къ вамъ и прошу васъ принять самое сердечное спасибо за литературный портретъ мой, набросанный вашей дружеской рукой. Я, какъ вы говорите, безъ сомнѣнія, неравнодушенъ къ знакамъ вниманія и почета: но выше всего, что до сихъ поръ выпало мнѣ на долю въ этомъ родѣ, я считаю лест-

пую и обстоятельную характеристику, которой я еще при жизни удостоился отъ васъ, занимающаго въ своей области первѣйшее мѣсто въ наше время.

Когда моя новая пьеса будетъ у васъ въ рукахъ, вы поймете, какъ меня интересовало, могу даже сказать, забавляло, возобновлять въ памяти многіе разсыпанные въ моихъ письмахъ къ вамъ отзывы; вы поймете также, какъ сильно долженъ я былъ обрадоваться тому, что портретъ мой въ вашемъ исполненіи явился какъ разъ теперь, передъ самымъ выходомъ въ свѣтъ моего новаго труда. Да, дорогой Брандесъ, вы поистинѣ оказали мнѣ дружескую поддержку и на этотъ разъ, какъ всегда.

Позволяю себѣ поправить фактическую неточность въ вашемъ изображеніи. Родители мои принадлежали и съ материнской и съ отцовской стороны къ самымъ почтеннымъ фамиліямъ въ Скіенѣ и состояли въ родствѣ почти со всѣми лучшими семьями, которыя въ свое время занимали первыя мѣста въ городѣ и его окрестностяхъ. Отецъ мой въ качествѣ коммерсанта велъ очень разнообразную и обширную дѣятельность и держалъ открытый домъ; гостепріимство его было безгранично. Въ 1836 г. онъ былъ вынужденъ пріостановить платежи, и у насъ ничего не осталось, кромѣ подгородной усадьбы, куда мы и переѣхали: такимъ образомъ прекратилась наша дальнѣйшая связь съ тѣми кругами общества, къ которымъ мы до тѣхъ поръ принадлежали.

Я отчасти воспользовался собственными воспоминаніями дѣтства для изображенія жизни въ домѣ «богача Джона Гюнта», отца Пера Гюнта.

Въ вашихъ послѣднихъ письмахъ вы не разъ касались нѣкоторыхъ обстоятельствъ, сути которыхъ я до сихъ поръ не выяснилъ вамъ. Во время моего послѣдняго двухдневнаго пребыванія въ Копенгагенѣ мнѣ сказали, что вы уѣхали на дачу, и такъ какъ я не встрѣтилъ ни васъ ни вашей супруги на обѣдѣ у Гегеля, то мнѣ и въ голову не пришло, что вы находитесь въ ближайшихъ окрестностяхъ города; не допускаю, чтобы и Гегелю это было извѣстно. Причиною же того, что я ко времени нашей встрѣчи въ Мюнхенѣ еще не прочелъ вашего труда о Лассалѣ, было единственно то, что Гегель не успѣлъ доставить мнѣ книги; онъ обыкновенно высылаетъ мнѣ всѣ свои изданія, которыя, по его мнѣнію, могутъ интересовать меня. Кромѣ того, я тогда обдумывалъ планъ «Столповъ общества», а въ такое время я обыкновенно почти ничего не читаю и меньше всего такія книги, относительно которыхъ заранѣе знаю, что онѣ всецѣло поглотятъ мое вниманіе.

Отъ души желалъ бы, чтобы вы теперь могли почувствовать себя хорошо въ Копенгагенѣ. Надѣюсь встрѣтиться тамъ съ вами будущимъ лѣтомъ; о столькомъ хотѣлось бы поговорить съ вами, такъ много надо сказать вамъ.

...Живемъ тутъ отрѣзанные сильными наводненіями отъ обратнаго пути въ Италію и сами не знаемъ, когда можно надѣяться вернуться

въ Римъ. Приходится пока ограничиваться стремленіемъ попасть въ Боценъ, да и это пока невозможно.

Наши лучшія пожеланія вашей уважаемой супругѣ.

Преданный вамъ
Генрикъ Ибсенъ.

Римъ, 2 декабря 1882 г.

Дорогой г. ю.-с. Гегель!

Послѣ затруднительнаго и отчасти прямо опаснаго путешествія вернулись наконецъ 24-го прошлаго мѣсяца и расположились на отдыхъ въ своемъ старомъ жилищѣ.

Не стану отрицать, что я съ нервнымъ нетерпѣніемъ ожидаю выхода въ свѣтъ моей новой пьесы, который, благодаря стеченію разныхъ обстоятельствъ и частью по уважительнымъ причинамъ, нѣсколько замедлился, но теперь, вѣрно, уже — совершившійся фактъ. Надѣюсь сегодня найти въ датскихъ газетахъ объявленія о книгѣ. Конецъ ноября вообще очень благопріятное время для выхода книгъ; но собственно не для пьесъ, которыя въ такомъ случаѣ смогутъ попасть на сцену, только когда лучшая пора театральнаго сезона уже позади. Особенно это относится къ Швеціи, гдѣ пьесы еще надо переводить. Но, съ другой стороны, моя новая пьеса выпущена въ такомъ огромномъ количествѣ экземпляровъ, что для насъ обоихъ одинаково желателенъ выходъ ея въ свѣтъ въ такое время, когда она можетъ разсчитывать на полное и безраздѣльное вниманіе публики, не перебиваемое другими литературными новинками.

Ближайшимъ поводомъ для сегодняшняго моего письма къ вамъ послужило то, что мнѣ, къ сожалѣнію, опять приходится просить васъ объ одолженіи выслать мнѣ чекъ на 1.000 кронъ. Предыдущую посылку я получилъ въ Бриксенѣ и припишу вамъ за нее мою искреннюю признательность.

Затѣмъ я былъ бы очень обязанъ, если бы вы за мой счетъ пріобрѣли для меня на 4.000 кронъ норвежскихъ $4^1/_2$% ипотечныхъ банковыхъ облигацій. Я слышалъ, что норвежскія государственныя бумаги теперь находятся подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ на иностранныхъ рынкахъ, и вслѣдствіе этого курсъ, вѣрно, благопріятенъ для покупателей. Я со своей стороны нисколько не тревожусь за участь этихъ бумагъ; я отлично знаю крикуновъ-политикановъ у насъ въ Норвегіи и знаю, что никогда они не перейдутъ къ серьезнымъ дѣйствіямъ.

...Шлемъ привѣты вамъ и вашей милой семьѣ.

Сердечно преданный вамъ
Генрикъ Ибсенъ.

PS. Если Бьёрнсонъ теперь въ Копенгагенѣ, прошу передать ему и женѣ его самые сердечные привѣты отъ насъ.

Римъ, 17 января 1883 г.

Глубокоуважаемая фру Камилла Коллетъ!

Скоро наступаетъ знаменательный день въ вашей жизни, который заслуживаетъ быть отмѣченнымъ и отпразднованнымъ въ широкихъ кругахъ общества. Не сомнѣваюсь, что такъ и будетъ, хотя и не вижу изъ газетъ, чтобы къ этому готовились. Но такія приготовленія дѣлаются, вѣрно, въ тайнѣ.

Что до нашего маленькаго семейнаго кружка, то можете быть увѣрены, что мы не преминемъ 23-го осушить бокалы за ваше благополучіе въ новомъ десятилѣтіи, въ которое вы вступите.

Въ этотъ день вы съ гордостью можете оглянуться на пройденный путь, на выполненныя вами крупныя литературныя задачи. Твердо надѣюсь однако, что дѣятельность ваша еще долго-долго не будетъ считаться оконченною. Вы обладаете юношеской свѣжестью души во всей ея полнотѣ. Въ силу вашихъ мыслей, идей, интересовъ, вы попрежнему стоите въ рядахъ борцовъ на аванпостахъ человѣчества; вы не дали измѣнчивому времени оставить васъ позади, и поэтому, вѣрно, можно надѣяться, что вы еще въ теченіе многихъ лѣтъ сохраните силу и способность вносить въ литературу цѣнные вклады для завершенія вашего богатаго и геніальнаго творчества.

Идеи растутъ и укореняются у насъ на сѣверѣ медленно; но все-таки это, хоть и незамѣтно, совершается. И та Норвегія, развитіе которой мы теперь наблюдаемъ, будетъ отмѣчена печатью вашего духа, носитъ слѣды того, что совершилъ вашъ талантъ, для чего пробилъ дорогу. Вы—изъ тѣхъ борцовъ, которыхъ будущее меньше всего можетъ скинуть со счетовъ прогрессивнаго движенія.

Но прежде всего я искренно желалъ бы, чтобы признаніе и благодарность въ полной мѣрѣ выпали вамъ на долю еще при жизни. Есть что-то гнетущее, глубоко печальное въ томъ, что люди вѣчно опаздываютъ, когда имъ приходится загладить, исправить какое-нибудь давнее упущеніе. Въ примѣненіи къ себѣ лично это не волнуетъ меня нисколько, но меня коробитъ, злитъ, возмущаетъ, когда я вижу подобное отношеніе къ тѣмъ, кого я особенно цѣню и почитаю.

Впрочемъ, предстоящій торжественный день, вѣрно, не дастъ повода къ такимъ разсужденіямъ. Въ этотъ день на васъ среди зимняго холода родины повѣетъ солнечнымъ теплomъ, мягкимъ, ласкающимъ вѣтеркомъ. Пусть немножко содѣйствуютъ этому и эти строчки съ юга, съ холма Инчіо, который вы такъ любите. Счастья и удачи вамъ въ этотъ день и во всѣ грядущіе дни вашей жизни!

Сердечно преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Римъ, 23 мая 1883 г.

Дорогая фру Вольфъ!

Въ началѣ этого мѣсяца мы имѣли неожиданное удовольствіе получить отъ васъ письмо. Оно, правда, было адресовано моей женѣ, но такъ какъ главнымъ образомъ относилось ко мнѣ, то я позволяю себѣ лично отвѣтить на него.

Вы желаете, чтобы я написалъ прологъ для торжественнаго представленія, которое состоится въ іюнѣ въ Христіанійскомъ театрѣ по поводу тридцатилѣтія вашего служенія искусству на подмосткахъ этого театра. Очень желалъ бы имѣть возможность исполнить вашу просьбу. Для меня не могло бы быть ничего пріятнѣе. Но я не могу,—не могу въ силу своего убѣжденія и взгляда на искусство. Прологи, эпилоги и все подобное должно быть безусловно изгнано со сцены. Тамъ мѣсто одному драматическому искусству, а декламація — не драматическое искусство.

Прологъ, разумѣется, долженъ быть въ стихахъ: таковы обычаи и правила. Но я не могу участвовать въ поддержаніи такихъ обычаевъ и правилъ. Стихотворная форма причинила сценическому искусству чрезвычайно много вреда. Артисту, репертуаръ котораго состоитъ изъ современныхъ пьесъ, не слѣдовало бы произносить ни единаго «стиха». Стихотворная форма навряд ли и будетъ имѣть значительное примѣненіе въ драмѣ ближайшаго будущаго, такъ какъ едва ли будутъ мириться съ нею поэтическіе замыслы будущаго. Поэтому она исчезнетъ. Искусственныя формы вымираютъ вѣдь такъ же, какъ вымерли несуразныя животныя формы древности, когда ихъ время миновало.

Трагедія въ пятистопныхъ ямбахъ въ наше время столь же рѣдкое явленіе, какъ птица удодъ, сохранившаяся въ количествѣ всего нѣсколькихъ экземпляровъ на одномъ изъ африканскихъ острововъ.

Я самъ за послѣднія 7—8 лѣтъ едва ли написалъ хоть одно стихотвореніе, посвятивъ себя исключительно несравненно болѣе трудному искусству писать простымъ, правдивымъ, вѣрнымъ дѣйствительности языкомъ. И вы стали замѣчательною художницею благодаря такому языку. Гладкій стихъ никогда не помогалъ вамъ подкупить чье-либо сужденіе.

Есть и еще одно обстоятельство, которому я придаю наибольшее значеніе. Въ прологѣ принято говорить публикѣ всякаго рода любезности; ее надо благодарить за снисхожденіе и поучительный судъ; самъ художникъ долженъ умалять себя елико возможно въ этихъ крохотныхъ риѳмованныхъ закоулкахъ. Но гдѣ же во всемъ этомъ правда? Вы сами не хуже меня знаете, что въ этомъ нѣтъ правды. Отношеніе какъ разъ обратное. Не вы въ долгу у публики, а публика въ неоплатномъ долгу у васъ за вашу тридцатилѣтнюю вѣрную службу.

Вотъ точка зрѣнія, которой, по-моему, долженъ твердо держаться каждый видный художникъ ради себя самого и своего сословія. И вы, конечно, сами поймете, что не мнѣ съ моими взглядами браться за составленіе пролога для даннаго случая.

Но если я и не могу служить вамъ этимъ, то, надѣюсь, вы все же не откажетесь принять мое спасибо, которое я шлю вамъ, спасибо за все, что вы дали и даете нашему сценическому искусству, и особое спасибо за то выдающееся участіе, какое вы принимали въ воспроизведеніи на сценѣ многихъ моихъ драматическихъ работъ.

Въ надеждѣ на это и съ сердечнымъ пожеланіемъ вамъ еще долгаго свѣтлаго артистическаго пути, остаюсь

старый вашъ другъ и сердечно преданный вамъ
Генрикъ Ибсенъ.

Римъ, 12 іюня 1883 г.

Дорогой Брандесъ!

И на этотъ разъ мнѣ приходится начать свое письмо извиненіемъ за то, что лишь сегодня отвѣчаю на ваше послѣднее дружеское письмо.

Мнѣ было чрезвычайно пріятно узнать, что ваша статья обо мнѣ скоро появится въ нѣмецкомъ переводѣ. Какъ только я получилъ это извѣстіе, я написалъ въ фотографическое ателье Ганфстенгля въ Мюнхенѣ и просилъ немедленно доставить редакціи «Nord und Süd» два различныхъ моихъ портрета кабинетнаго формата, и надѣюсь, что заказъ этотъ уже давно исполненъ. Подпись свою я приложилъ на визитной карточкѣ.

Вашъ большой трудъ о французской романтической школѣ я получилъ и сердечно благодарю васъ за него. Само собою разумѣется, что я прочелъ книгу съ живѣйшимъ интересомъ; во время чтенія мнѣ сдавалось, что я какъ будто самъ переживалъ періодъ, который вы описываете. Но я не могу высказаться о вашихъ книгахъ какъ слѣдуетъ въ письмѣ; это надо сдѣлать когда-нибудь устно. Въ вашихъ книгахъ содержится новый элементъ, элементъ будущаго, который часто меня занимаетъ; благодаря вамъ, въ области историческихъ монографій появилось нѣчто такое, чего, по-моему, въ ней не было раньше. Въ особенности глубокимъ и крупнымъ произведеніемъ представляется мнѣ вашъ трудъ о Дизраэли. Но, какъ сказано, обо всѣхъ этихъ вещахъ мнѣ надо говорить съ вами: перо мое для этого не приспособлено.

Мнѣ самому теперь кажется страннымъ, что я ничего не говорилъ вамъ раньше о происхожденіи «Пира въ Сольхаугѣ», но я никогда не придавалъ этому сколько-нибудь важнаго значенія. Новое изданіе этой юношеской работы однако потребовало объясненія, и я воспользовался случаемъ для выясненія истиннаго положенія дѣла.

Что касается «Врага народа», то я увѣренъ, что мы съ вами пришли бы къ какому-нибудь соглашенію, если бы намъ удалось побесѣдовать объ этомъ. Разумѣется, вы правы, говоря, что всѣ мы должны содѣйствовать распространенію нашихъ воззрѣній. Но я остаюсь при своемъ мнѣніи, что передовой борецъ за идеи никогда не можетъ собрать вокругъ себя большинства. Можетъ-быть, лѣтъ черезъ десять большинство и дойдетъ до того пункта, на которомъ стоялъ докторъ Стокманъ во время народнаго собранія. Но онъ-то въ эти десять лѣтъ не будетъ стоять на одномъ мѣстѣ; онъ опять на десять лѣтъ опередитъ большинство: большинству, массѣ, толпѣ никогда его не догнать, и ему никогда не собрать вокругъ себя большинства. Я по крайней мѣрѣ на себѣ лично испытываю такое непрерывное движеніе впередъ. Тамъ, гдѣ я стоялъ, когда писалъ разныя свои книги, теперь стоитъ уже довольно сплоченная толпа, но самъ я ушелъ дальше, ушелъ—надѣюсь—далеко впередъ.

Теперь я пишусь съ планомъ новаго драматическаго произведенія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Неудивительно, что съ теченіемъ времени у человѣка накопляется запасъ разнаго рода чудачествъ, которымъ хотѣлось бы дать исходъ. Но такъ какъ пьеса не будетъ трактовать ни о высшемъ судѣ, ни объ абсолютномъ veto, ни даже о чисто-норвежскомъ флагѣ, то врядъ ли и можетъ разсчитывать на какое-нибудь вниманіе со стороны норвежцевъ. Но, надо надѣяться, она найдетъ себѣ читателей гдѣ-нибудь въ другихъ мѣстахъ.

Мы очень радовались, читая и слыша о пріемѣ, который вы встрѣтили по возвращеніи въ Данію, и отъ всего сердца желаемъ, чтобы вамъ и впредь хорошо жилось на родинѣ.

Въ концѣ этого мѣсяца мы уѣзжаемъ въ Тироль, чтобы провести тамъ лѣто.

Наши наилучшіе почтительные привѣты вашей уважаемой супругѣ и вамъ, и еще разъ спасибо за все, чѣмъ я вообще обязанъ вамъ.

Преданный вамъ
Генрикъ Ибсенъ.

Госсенсасъ, Тироль, 4 іюля 1883 г

Многоуважаемая фрёкенъ Клингенфельдъ!

Познакомясь нѣсколько дней тому назадъ съ содержаніемъ письма, которое вы недавно были такъ добры прислать моей женѣ, я живѣйшимъ образомъ почувствовалъ свое упущеніе и вину передъ вами за то, что во-время не поблагодарилъ васъ за чрезвычайно красивое и милое стихотвореніе, которымъ вы почтили и порадовали меня два года тому назадъ, въ день моего рожденія. Позвольте же мнѣ теперь исполнить этотъ мой долгъ и не сердитесь, что я исполняю его съ такимъ опозданіемъ.

Я просилъ своего издателя послать вамъ новое изданіе «Пира въ Сольхаугѣ», полагая, что, можетъ-быть, вамъ интересно будетъ прочесть это мое юношеское произведеніе. Чрезвычайно радъ тому, что вы взялись перевести эту вещь; мнѣ кажется, вамъ это какъ разъ по силамъ, и переводъ особенно удастся. Не сомнѣваюсь и въ томъ, что вы найдете издателя — Реклама или другого, и добьетесь постановки вашего перевода на нѣкоторыхъ сценахъ въ Германіи и Австріи. Но если смѣю подать вамъ совѣтъ по этому поводу, то вамъ слѣдуетъ обратиться въ Берлинъ къ какому-нибудь пользующемуся хорошей репутаціей театральному агенту, который и возьметъ на себя всѣ хлопоты и дѣловые переговоры съ театрами. Извините во всякомъ случаѣ, что я здѣсь вмѣшиваюсь въ дѣла, совершенно меня не касающіяся.

Надѣюсь, вы не переводите предисловія къ пьесѣ: оно не можетъ заинтересовать нѣмецкихъ читателей, да его даже и не поймутъ въ Германіи; полагаю, впрочемъ, что вы въ данномъ случаѣ одного со мною мнѣнія.

Двухъ своихъ послѣднихъ пьесъ: «Привидѣній» и «Врага народа», я потому лишь не прислалъ вамъ, что въ нихъ трактуются проблемы, которыя, мнѣ казалось, не такъ васъ интересуютъ, и я боялся, что присылка ихъ можетъ показаться вамъ приглашеніемъ перевести и эти пьесы,—приглашеніемъ, которое, я чувствовалъ, не можетъ быть вамъ особенно по душѣ.

Не знаю, слышали ли вы объ ужасной бурѣ, возбужденной въ свое время «Привидѣніями» въ норвежской прессѣ и въ значительныхъ кругахъ скандинавской публики. Ни одинъ театръ не рискнулъ поставить пьесу. Теперь однако буря улеглась, и многіе директора театровъ пріобрѣли право поставить пьесу будущею зимою.

...А затѣмъ, дорогая, уважаемая фрёкенъ, сердечный привѣтъ! И желаю вамъ успѣха въ вашемъ сѣверномъ походѣ. Кланяйтесь отъ насъ вашему уважаемому семейству, а также семьѣ П. Гейзе, если она въ Мюнхенѣ; затѣмъ всѣмъ моимъ друзьямъ и знакомымъ, которыхъ встрѣтите на Сѣверѣ, и особенно Брандесу съ женой.

Преданный и признательный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Римъ, 30 ноября 1883 г.

Дорогой Бакке!

Хотя я и могу себѣ представить, что твое время и вниманіе теперь весьма заняты важными и серьезными дѣлами, я все-таки осмѣливаюсь, памятуя о томъ добромъ расположеніи, которое ты во многихъ случаяхъ доказалъ мнѣ, обратиться къ тебѣ по дѣлу, имѣющему для меня и моей семьи чрезвычайно большое значеніе.

Какъ ты, можетъ-быть, помнишь, я въ 1880 г. обратился въ норвежскій департаментъ министерства просвѣщенія съ прошеніемъ о королевскомъ разрѣшеніи сыну моему, уже полтора года состоявшему студентомъ юридическаго факультета мюнхенскаго университета, перейти въ христіанійскій университетъ. не подвергаясь вторичному экзамену, какъ того требуетъ норвежскій уставъ.

Въ просьбѣ этой было отказано съ ссылкою на существующій законъ, а тотъ проектъ измѣненія устава, на который ты въ свое время былъ такъ добръ указать, повидимому, встрѣтилъ какія-то препятствія; во всякомъ случаѣ о внесеніи его ничего неизвѣстно.

Разъ путь въ университетъ на родинѣ такимъ образомъ былъ прегражденъ моему сыну, онъ продолжалъ учиться здѣсь и закончилъ курсъ, сдавъ въ прошломъ году лѣтомъ экзаменъ на доктора юридическихъ наукъ. И въ университетѣ и самостоятельно онъ занимался главнымъ образомъ политическими и соціальными науками, политической экономіей, государственнымъ правомъ, народнымъ правомъ и т. п., и теперь достаточно подготовленъ когда угодно сдать обычный здѣсь, такъ-называемый экзаменъ на дипломата, дающій право службы въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ консульствахъ и при посольствахъ.

Но предварительно необходимо ему натурализоваться здѣсь. И вотъ мы пришли къ порогу, черезъ который намъ такъ трудно переступить. Совсѣмъ оторваться отъ своего отечества—дѣло серьезное.

Вотъ почему я, по просьбѣ сына, и дѣлаю послѣднюю попытку оставить его норвежскимъ гражданиномъ, и спрашиваю тебя—хочешь или можешь ли ты содѣйствовать тому, чтобы правительство дало обѣщаніе имѣть моего сына въ виду при назначеніи первой же вакантной стипендіи дипломатическаго корпуса.

Права его на такое положеніе: во-первыхъ, полученное имъ спеціальное образованіе; во-вторыхъ, знаніе языковъ: онъ говоритъ и пишетъ на нѣмецкомъ, французскомъ и итальянскомъ языкахъ, какъ на своемъ родномъ, а въ непродолжительномъ времени настолько же будетъ владѣть и англійскимъ. Особенное призваніе чувствуетъ мой сынъ къ дѣятельности публициста по соціальнымъ и политическимъ вопросамъ и полагаетъ, что такую дѣятельность лучше всего соединить съ назначеніемъ при посольствѣ. Въ настоящее время онъ занятъ работою надъ обширнымъ трудомъ о «Развитіи государственныхъ теорій», введеніе къ которому было напечатано въ «Nyt Tidsskrift».

Я могъ бы прибавить еще многое, но не смѣю долѣе отнимать у тебя время. Мнѣ не хотѣлось бы вѣрить, что я—какъ полагаютъ нѣкоторые — сталъ до такой степени persona ingrata въ глазахъ большинства членовъ нашего правительства, что не смѣю даже надѣяться на какую-либо предупредительность съ ихъ стороны. Чего могу я ожидать въ этомъ случаѣ отъ самого директора департамента — я

очень хорошо знаю, но, вѣроятно, къ счастью, не его голосъ рѣшаетъ дѣло.

Если бы ты въ свое время захотѣлъ порадовать меня парой строкъ въ отвѣтъ, то прошу адресовать письмо въ наше здѣшнее консульство.

Сердечные привѣты!

Преданный и благодарный тебѣ

Генрикъ Ибсенъ.

Римъ, 17 января 1884 г.

Дорогой г. ю.-с. Гегель!

Полученную черезъ васъ интересную рождественскую литературу я уже почти всю прочелъ. Новый разсказъ Ли—очень увлекательная вещь и, надѣюсь, принесетъ ему самому много удовольствія. Чрезвычайно понравились мнѣ также «Деревенскія картины» Генрика Понтоппидана. До сихъ поръ я ничего не читалъ изъ его произведеній, но теперь не сомнѣваюсь, что у него впереди прекрасное литературное будущее. Я полагаю, что онъ еще молодой человѣкъ.

Гольгеръ Драхманъ оказалъ мнѣ вниманіе присылкою своихъ «Силуэтовъ». Кажется, критика единогласно признала лучшимъ самый послѣдній разсказъ въ книгѣ. Я не могу раздѣлить этого мнѣнія. Не думаю, чтобы интересъ, возбужденный этимъ разсказомъ, продержался долго. Міровой прогрессъ отнюдь не идетъ въ направленіи національной обособленности и отгораживанія; напротивъ. Первый разсказъ въ книгѣ мнѣ нравится гораздо больше.

2 января труппа Линберга играла «Привидѣнія» въ Стокгольмѣ въ 50-й разъ. Въ Даніи и Норвегіи они сыграли ее 21 разъ; итого слѣдовательно 71 представленіе въ какіе-нибудь четыре мѣсяца съ небольшимъ.

Больше здѣсь нѣтъ ничего новаго. Зима въ этомъ году необычайно красивая; небо почти сплошь безоблачное, и погода не холоднѣе, чѣмъ это вообще пріятно.

Сердечно преданный и обязанный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Римъ, 28 марта 1884 г.

Дорогой Бьёрнсонъ!

Съ большимъ удовольствіемъ присоединяюсь къ обращенію, адресуемому въ стортингъ, и возвращаю его обратно за своею подписью.

Но я долженъ признаться, что не ожидаю никакихъ результатовъ

отъ этого обращенія. Если бы стортингъ добросовѣстно заинтересовался проектомъ Бернера, то онъ не отослалъ бы проектъ на разсмотрѣніе коммунальныхъ управленій. Они вообще не потребовали бы никакихъ объясненій отъ мужчинъ, но обратились бы къ женщинамъ. Обращаться въ такомъ дѣлѣ за совѣтомъ къ мужчинамъ все равно, что спрашивать волковъ — не желаютъ ли они введенія усиленной охраны овечьихъ стадъ.

Нѣтъ, меньшинство нашего народа, захвативши въ свои руки политическія, коммунальныя и соціальныя привилегіи, едва ли согласится выпустить ихъ изъ рукъ добровольно или раздѣлить съ непривилегированнымъ большинствомъ. Поэтому я хорошо предвижу, что выйдетъ изъ проектовъ о правѣ голосованія. Ни одинъ изъ нихъ не будетъ одобренъ необходимымъ количествомъ голосовъ. Такія права не дарятся тѣми, кто ихъ имѣетъ, но берутся тѣми, кто ихъ не имѣетъ. И особенно у насъ, гдѣ рѣшеніе отчасти въ рукахъ сельскаго населенія. Я изучалъ крестьянъ во многихъ странахъ и нигдѣ не нашелъ въ нихъ свободомыслія, готовности къ жертвамъ или безкорыстія; напротивъ, повсюду находилъ, что они до крайности держатся за свои права и собственную выгоду. Такъ неужели у насъ дѣло обстоитъ иначе? Не думаю. И не понимаю, почему называютъ нашу лѣвую партію либеральною. Читая о дебатахъ въ стортингѣ, я не въ состояніи уловить въ образѣ мышленія крестьянъ ни одной лишней капли истиннаго свободомыслія противъ того, что проявляетъ ультрамонтанское крестьянское населеніе Тироля.

Поэтому крѣпко боюсь, что до соціальныхъ реформъ у насъ еще очень далеко. Конечно, политически привилегированные классы у насъ могутъ присвоить себѣ то или иное новое право, то или иное новое преимущество. Но я не предвижу, чтобы весь народъ и, главное, отдѣльныя его единицы существенно выиграли отъ этого. Впрочемъ, я вѣдь язычникъ и въ политикѣ: не вѣрю въ освободительную силу политики и не очень довѣряюсь безкорыстію и доброй волѣ власть имущихъ.

Вотъ чего я хотѣлъ бы, будь это въ моей власти: чтобы всѣ непривилегированные сплотились и образовали сильную, рѣшительную агрессивную партію съ программою исключительно практическихъ и продуктивныхъ реформъ, въ число которыхъ вошли бы: весьма значительное расширеніе избирательнаго права, урегулированіе положенія женщинъ, освобожденіе народнаго просвѣщенія отъ всякаго средневѣковаго хлама и т. п. Теоретическіе вопросы политики могли бы подождать: они не очень-то продуктивны. Появись такая партія, нынѣшняя лѣвая скоро показала бы, что она такое въ дѣйствительности и чѣмъ по своему составу должна быть—партіей центра.

Но больше и мѣста нѣтъ для политиканства. Твой превосходный «старый документъ» читаемъ и перечитываемъ. Я угадываю дальнѣй-

ній ходъ событій и съ нетерпѣніемъ жду продолженія. Кланяйся своей женѣ, Іонасу Ли и всѣмъ другимъ друзьямъ и землякамъ.

Твой

Генрикъ Ибсенъ.

Римъ, 25 іюня 1884 г.

Дорогой Брандесъ!

Сердечное спасибо за ваше письмо, на которое мнѣ давно слѣдовало бы отвѣтить, тѣмъ больше, что я знаю, подъ какимъ строгимъ контролемъ держите вы своихъ корреспондентовъ—какъ вы тамъ ни увѣряйте, что нѣсколько измѣнились въ этомъ отношеніи.

Я бы охотно и отвѣтилъ вамъ раньше, если бы не новый драматическій трудъ, всецѣло занимавшій мое время въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ. Да и написать письмо для меня совсѣмъ не такое простое дѣло, какъ для васъ.

И мнѣ теперь, какъ и вамъ, сдается, что мы стали ближе другъ къ другу, чѣмъ были въ первые годы нашего знакомства; причина, по-моему, та, что мы оба шли навстрѣчу другъ другу во время нашего внутренняго развитія. Объ этомъ и тому подобныхъ вещахъ очень бы хотѣлось побесѣдовать съ вами устно. Въ письмѣ не выходитъ.

Во всемъ, что вы пишете о пережитомъ вами по возвращеніи на родину, сквозитъ разочарованіе. Меня это не удивляетъ. Ваше возвращеніе въ Копенгагенъ я нашелъ совершенно естественнымъ шагомъ, но я предвидѣлъ, что васъ ожидаютъ на родинѣ не однѣ радости. Вы вернулись домой съ европейскимъ именемъ, а табель о рангахъ, существующая въ средѣ людей мысли и пера, не такъ-то легко мирится съ демократическими принципами. Къ тому же оказывается гораздо легче руководить партіей и править движеніемъ издали, чѣмъ вблизи. Личное присутствіе во многихъ отношеніяхъ и по разнымъ причинамъ раздражаетъ. У меня были случаи убѣдиться въ этомъ, и я воспользовался этими своими наблюденіями для «разныхъ походовъ».

Я внимательно слѣдилъ за литературной комедіей, которую разыгрывала у насъ на родинѣ пресса въ теченіе послѣдняго года. Наблюдавшіяся при этомъ перемѣны ролей не были для меня неожиданными,—особенно по части амплуа героевъ. Но объ этомъ я не хочу теперь больше распространяться. Лучше еще разъ поблагодарю васъ за то, что вы открыто и любезно высказали въ своемъ письмѣ, а также за вашу переработку моей біографіи по-нѣмецки. Самаго журнала я не видалъ, но познакомился со статьей въ оттискѣ. Спасибо, еще разъ спасибо!

Изъ нѣмецкихъ газетъ и отъ датскихъ путешественниковъ узн о большомъ наплывѣ публики на ваши лекціи. Ваши земляк

таки гордятся вами теперь, хоть и не могутъ удержаться отъ того, чтобы не помучить васъ. Мнѣ этого рода отношенія знакомы.

Я окончилъ вчернѣ набросокъ своей новой драмы въ пяти дѣйствіяхъ и сильно занятъ обработкой, шлифовкой языка и болѣе рѣзкой индивидуализаціей характеровъ и діалоговъ. Черезъ нѣсколько дней уѣзжаю въ Госсенсасъ, въ Тироль, и тамъ въ теченіе лѣта закончу пьесу. Жена и сынъ ѣдутъ на это время въ Норвегію.

Извините за это наскоро написанное письмо. Наши поклоны вашей уважаемой супругѣ и дочкамъ.

Вашъ преданный другъ

Генрикъ Ибсенъ.

Римъ, 27 іюня 1884 г.

Дорогой господинъ Каспари!

Не сердитесь на меня за промедленіе и примите мою горячую искреннюю благодарность за присланное стихотвореніе, которое трогаетъ и волнуетъ меня каждый разъ, какъ я его читаю. А я часто это дѣлаю, такъ какъ оно звучитъ для меня чѣмъ-то особенно роднымъ.

Но вы сильно ошибаетесь, если думаете, что я желалъ бы, чтобы вы разбили свою лиру. Напротивъ. Я не знаю среди вашихъ стихотвореній ни одного, котораго я не желалъ бы видѣть написаннымъ, и я надѣюсь, что въ будущемъ вы разовьете богатую дѣятельность именно въ стихотворной области литературы; эта область вамъ наиболѣе подходитъ. Я помню, что однажды высказался нѣсколько пренебрежительно о стихотворствѣ, но это касалось лично моего отношенія къ этой формѣ въ данный моментъ. Я давно пересталъ ставить общія для всѣхъ требованія, такъ какъ больше не вѣрю во внутреннее право человѣка ставить такія требованія. Я думаю, что у всѣхъ у насъ нѣтъ иной и лучшей задачи, какъ стараться въ духѣ и истинѣ осуществить самихъ себя. Это, по моему мнѣнію, настоящее свободомысліе, и потому такъ-называемые либералы мнѣ во многихъ отношеніяхъ столь глубоко противны.

...Черезъ нѣсколько дней я уѣзжаю въ Госсенсасъ, въ Тироль, чтобы найти необходимый покой и уединеніе для работы; одновременно жена и сынъ ѣдутъ въ Норвегію. Если бы и я могъ ѣхать съ ними! Но нельзя. Въ мои годы надо пользоваться временемъ для работы; всего никогда не покончишь, «никогда не найдешь досуга написать послѣдній стихъ», но хотѣлось бы сдѣлать и закончить по возможности побольше.

...Шлемъ наши сердечные привѣты и еще разъ спасибо.

Преданный и обязанный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Госсенсасъ, 2 сентября 1884 г.

Дорогой г. ю.-с. Гегель!

Одновременно съ этимъ письмомъ высылаю вамъ рукопись моей новой драмы «Дикая утка», которая въ теченіе четырехъ послѣднихъ мѣсяцевъ занимала меня изо дня въ день и съ которой я теперь не безъ сожалѣнія разстаюсь. Дѣйствующія лица пьесы, несмотря на разныя свои слабости, стали мнѣ дороги благодаря этому долгому ежедневному общенію съ ними; надѣюсь, впрочемъ, что они найдутъ друзей и доброжелателей въ большой читающей публикѣ, а также въ кругу артистовъ, такъ какъ всѣ безъ исключенія представляютъ благодарныя задачи для исполнителей. Но изученіе и изображеніе этихъ людей дается нелегко; поэтому въ интересахъ театровъ желательно, чтобы пьеса могла быть представлена дирекціямъ пораньше, въ началѣ сезона. Необходимыя письма будутъ вамъ въ свое время присланы съ просьбой передать ихъ по назначенію.

Эта новая пьеса стоитъ въ извѣстномъ смыслѣ особнякомъ въ моемъ драматическомъ творчествѣ; способъ разработки идеи во многихъ отношеніяхъ отличается отъ прежняго. Но не стану распространяться объ этомъ. Критики, вѣроятно, отмѣтятъ эти обстоятельства; во всякомъ случаѣ найдутъ о чемъ спорить, о чемъ толковать. Кромѣ того, я думаю, что «Дикая утка», можетъ-быть, увлечетъ кого-нибудь изъ нашихъ молодыхъ драматурговъ на новые пути, а это было бы весьма желательно.

Теперь я намѣренъ хорошенько отдохнуть, пока меня не начнутъ донимать новые планы. Гдѣ проведемъ зиму, еще не знаемъ.

...Бьёрнсонъ съ семьей, какъ вы, вѣрно, знаете, находится въ настоящее время по близости, въ Шварцѣ, въ двухъ-трехъ часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ на сѣверъ отъ Госсенсаса. Согласно приглашенію, на-дняхъ отправляюсь туда навѣстить ихъ. Мы съ Бьёрнсономъ не видѣлись двадцать лѣтъ слишкомъ. Можетъ-быть, и Іонасъ Ли пріѣдетъ въ этотъ день изъ Берхтесгадена, но это не навѣрно.

Сердечно преданный и признательный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Госсенсасъ, 29 сентября 1884 г.

Дорогой Бьёрнсонъ!

Мнѣ давно надо было написать тебѣ по поводу театра, но разныя неотложныя письма все мѣшали мнѣ взяться за это.

Когда такъ долго, какъ я, имѣешь дѣло съ театральными дирекціями и такъ исключительно, какъ я, занимаешься драматическимъ творче-

ствомъ, то немудрено, что именно испытывая сильную охоту самому взяться за дѣло практически; театръ имѣетъ какую-то особую притягательную силу, и вотъ ты теперь, два раза забросивъ мнѣ въ душу эту мысль, сильно меня взбудоражилъ. Къ тому же мнѣ по временамъ сдается, что мнѣ недостаетъ опредѣленной, обязательной дѣятельности. Такимъ образомъ вотъ достаточныя причины, чтобы мнѣ вернуться на родину и взять на себя управленіе театромъ—если бы это вообще было возможно.

Но бѣда въ томъ, что это въ данное время совсѣмъ невозможно. Партія, стоящая теперь у власти при театрѣ, навѣрное, не больше расположена ко мнѣ, чѣмъ къ тебѣ. Жена какъ разъ пишетъ оттуда: «Никогда я не думала, чтобы мы до такой степени были въ немилости у правой партіи, какъ то теперь по всѣмъ признакамъ оказывается». И я ни на минуту не сомнѣваюсь въ томъ, что наблюденія ея вѣрны. Предложить мнѣ вѣдать театромъ поэтому все равно, что поставить себя и театръ во враждебныя отношенія къ массѣ состоятельныхъ семей и лицъ, безъ поддержки которыхъ учрежденіе не можетъ обойтись. Вотъ почему дѣло это неосуществимо. Никогда мнѣ не быть директоромъ театра, пока во главѣ его стоятъ нынѣшніе заправилы.

Ты, пожалуй, возразишь, что я все-таки могъ бы вернуться на родину и попытаться пока-что дѣйствовать въ качествѣ частнаго реформатора, добиться ускоренія постройки новаго зданія театра и такимъ образомъ, быть-можетъ, помочь установленію новаго порядка вещей, въ силу котораго и мое назначеніе руководителемъ театра стало бы дѣломъ осуществимымъ. Все это, пожалуй, и могло бы случиться, будь у меня средства — чѣмъ жить все это время. Но ихъ-то у меня и нѣтъ. Я далеко не успѣлъ еще отложить столько, чтобы быть въ состояніи прожить съ семьей, если откажусь отъ литературной дѣятельности. А мнѣ пришлось бы отъ нея отказаться, если бы я переселился въ Христіанію. Я не хочу этимъ сказать, что меня отвлекутъ отъ нея театральныя передряги. Нѣтъ, дѣло въ томъ, что я просто не смогу *тамъ* писать совершенно свободно, непринужденно, какъ Богъ на душу положитъ. А для меня это и будетъ равносильно невозможности писать вообще. Десять лѣтъ тому назадъ, переплывая обратно заливъ послѣ девятилѣтняго отсутствія, я въ буквальномъ смыслѣ слова ощущалъ стѣсненіе въ груди и дурноту. То же самое ощущеніе не покидало меня все время моего пребыванія на родинѣ; я уже не былъ самимъ собою подъ взглядами холодныхъ, непонимающихъ норвежскихъ глазъ въ окнахъ и на улицахъ.

Поэтому мнѣ надо обождать еще съ годикъ. Если правительство и стортингъ рѣшатся увеличить наше писательское жалованье настолько, чтобы я могъ считать себя независимымъ въ матеріальномъ отношеніи, я, ради театра, могъ бы со своей стороны до поры до времени

оставить ненаписанными одну-двѣ пьесы. И, мнѣ кажется, стоящіе у насъ во главѣ политики должны были бы оказать намъ справедливость, хоть нѣсколько возмѣстивъ намъ большіе убытки, которые мы понесли и несемъ изъ-за отсутствія литературной конвенціи. Этимъ почтеннымъ господамъ слѣдовало бы вспомнить, что имъ, право, не стать бы тѣмъ, чѣмъ они стали въ глазахъ норвежскаго народа, если бы наша новѣйшая литература не подготовила умы. Вдобавокъ, мнѣ кажется, они не особенно несговорчивы, когда дѣло идетъ о наградахъ и субсидіяхъ имъ самимъ.

Но и довольно на сегодня.—Сердечные привѣты всѣмъ вамъ.

Преданный тебѣ

Генрикъ Ибсенъ.

Въ редакцію „Dagbladet“.

Госсенсасъ, Тироль, 27 октября 1884 г.

Въ вашей уважаемой газетѣ отъ 20-го сего мѣсяца было сообщено въ видѣ слуха, что я согласился принять на себя руководительство Христіанійскимъ театромъ.

Позвольте мнѣ заявить, что слухъ этотъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Я никому не заявлялъ о своемъ согласіи, да и не имѣлъ повода для этого, такъ какъ постъ директора-распорядителя и не предлагался мнѣ лицами, вѣдающими театромъ.

Случись же,—что я считаю невозможнымъ,—что нынѣшнее правленіе предложило бы мнѣ руководить театромъ, я безусловно отклонилъ бы это предложеніе.

Грѣшно по отношенію къ нашему даровитому и дѣльному артистическому персоналу и нашей національной драматической литературѣ поддерживать жалкое дѣло въ этомъ старомъ, не удовлетворяющемъ современнымъ требованіямъ зданіи, дѣло, лишенное содѣйствія государства и общества.

Я не хочу быть соучастникомъ такого грѣха.

Съ почтеніемъ Генрикъ Ибсенъ.

Римъ, 2 марта 1885 г.

Дорогой г. ю.-с. Гегель!

Позвольте поблагодарить за присланный экземпляръ «Дикой утки» и за газеты съ рецензіями объ исполненіи пьесы, а также за телеграмму, которою вы были такъ добры порадовать меня.

Вижу, что на первомъ представленіи шикали; быть-можетъ, то же повторилось и на слѣдующихъ. Собственно говоря, я не могу считать это неожиданностью, какъ подумаю о тѣхъ натянутыхъ отношеніяхъ, которыя существуютъ между литературными кружками въ Копенгагенѣ. Усматривать въ этой демонстраціи проявленіе личной ко мнѣ вражды мнѣ ни въ какомъ случаѣ и въ голову не приходитъ.

Фру Торесенъ сообщила намъ объ исполненіи, которое находитъ превосходнымъ, особенно — братьевъ Паульсенъ. Господина Эмиля Паульсена я знаю лично. Если встрѣтитесь съ нимъ, кланяйтесь ему, пожалуйста, и горячо поблагодарите отъ меня.

На родинѣ послѣднее время ходили тревожные слухи о здоровьѣ Бьёрнсона, но я не могъ разузнать хорошенько, въ чемъ дѣло. Надѣюсь однако, что болѣзнь его не изъ затяжныхъ. Только бы онъ по выздоровленіи, хоть на первыхъ порахъ, воздержался отъ этого лихорадочнаго участія въ нашихъ политическихъ распряхъ.

Ближайшимъ поводомъ къ сегодняшнему моему письму вамъ является необходимость просить васъ выслать мнѣ чекъ на 1.000 кронъ. У меня есть деньги на текущемъ счету у книгопродавца Лунда, но я не смѣю ихъ тратить, пока навѣрное не узнаю, сколько понадобится Сигурду въ Стокгольмѣ къ августу мѣсяцу. Съ того же времени онъ, вѣроятно, самъ сможетъ содержать себя.

Сердечно преданный и признательный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Римъ, 9 апрѣля 1885 г.

Дорогой г. Іозефсонъ!

На этихъ дняхъ получилъ изъ Стокгольма вѣсти и массу газетъ съ необычайно единодушными отзывами по поводу исполненія «Бранда» на сценѣ «Новаго театра».

Постановка пьесы явилась для меня сюрпризомъ. Я и не зналъ, что она состоится такъ скоро; я-было уже опасался, что она отложена до будущаго года.

Тѣмъ болѣе я обрадовался, получивъ телеграммы отъ васъ и отъ сына; изъ нихъ я узналъ, что ваше смѣлое, смѣю даже сказать, дерзкое предпріятіе увѣнчалось рѣшительною побѣдою.

Вы еще десять лѣтъ тому назадъ впервые развили мнѣ планъ, который теперь такъ счастливо осуществили. За этотъ промежутокъ времени я почти и забылъ объ этомъ планѣ; но вижу, что вы крѣпко держались его, пока не насталъ часъ привести его въ исполненіе. И я по многимъ причинамъ полагаю, что нельзя было выбрать болѣе удобнаго времени.

Позвольте же мнѣ выразить вамъ свою искреннѣйшую, сердечнѣй-

шую благодарность за то, что вы вновь приложили свои превосходныя дарованія и знанія руководителя театра къ предпріятію, которое еще разъ связало наши имена въ исторіи театра. Это уже не въ первый разъ и, надѣюсь, не въ послѣдній. У меня въ головѣ цѣлая масса поэтическихъ фантазій, изъ которыхъ, надѣюсь, удастся создать недурныя пьесы.

Передайте также мое искреннее спасибо и поклонъ всѣмъ участникамъ «Новаго театра» и прежде всего г. Гильбергу, безъ котораго врядъ ли вамъ удалось бы поставить пьесу этою зимою.

Если бы я могъ послать такое же спасибо стокгольмской театральной публикѣ и прессѣ! Но, къ сожалѣнію, этого нельзя. Поэтому я скажу вамъ только, что горячее сочувствіе, которое вновь дало себя знать по моему адресу, доставило мнѣ большую радость. Оно стерло впечатлѣніе, оставленное во мнѣ холодными, непонимающими взглядами, которые, вѣрно, и вамъ памятны изъ времени вашего пребыванія тамъ, на далекомъ сѣверѣ.

Будьте же счастливы тамъ, гдѣ вы теперь дѣйствуете! Всего вамъ хорошаго!

Преданный вамъ Генрикъ Ибсенъ.

P. S. За гонораръ, выплаченный ю.-с. Гегелю, очень благодаренъ.

Римъ, 25 апрѣля 1885 г.

Дорогой ю.-с. Гегель!

Собираемся покинуть Римъ въ этомъ году раньше обыкновеннаго, а именно уже въ концѣ мая. Гдѣ изберемъ себѣ пребываніе этимъ лѣтомъ, еще навѣрное не знаю, но, вѣроятно, или въ Тиролѣ, или у Боденскаго озера, гдѣ, надѣюсь, мнѣ удастся спокойно поработать и закончить мою новую пьесу къ осени въ обычное время.

Сомнительно, вернемся ли мы затѣмъ въ Римъ. По многимъ причинамъ мнѣ было бы полезнѣе опять пожить съ годъ въ Германіи; мнѣ удобнѣе было бы вести свои литературныя дѣла тамъ, на мѣстѣ, нежели отсюда. Кромѣ того, я тогда опять немножко поближе подвинусь къ родинѣ. Я въ послѣднее время вѣдь крѣпко подумываю о томъ— какъ бы обзавестись небольшою виллою, или, вѣрнѣе, деревенскимъ домикомъ близъ Христіаніи, на берегу фьорда, гдѣ можно было бы зажить совсѣмъ особнякомъ, отдаваясь исключительно своей работѣ. Больше всего не хватаетъ мнѣ здѣсь вида на море, и тоска по морю растетъ во мнѣ съ каждымъ годомъ. Затѣмъ я съ годами успѣлъ составить себѣ небольшую художественную коллекцію, преимущественно картинъ, и все это стоитъ запакованнымъ въ складѣ въ Мюнхенѣ, не принося намъ никакого удовольствія.

Постановка «Бранда» въ Стокгольмѣ доставила мнѣ много радости.

Но матеріальныя выгоды, какъ вы знаете, не велики. Принимая во вниманіе связанные съ постановкой этой пьесы расходы, я уступилъ Іозефсону право постановки за 400 кронъ разъ навсегда. Но теперь этотъ вопросъ имѣетъ для меня, конечно, куда меньше значенія, чѣмъ двадцать лѣтъ тому назадъ въ Арричіи, когда я работалъ надъ «Брандомъ».

Я съ живѣйшимъ интересомъ слѣжу за политическими событіями въ Даніи, но, къ сожалѣнію, далеко не настолько въ курсѣ дѣла, чтобы осмѣлиться судить о томъ, кто правъ, кто виноватъ, а еще меньше имѣть какое-нибудь опредѣленное мнѣніе насчетъ того, какъ разрѣшится конфликтъ. Я только принимаю самое живое участіе въ дѣлѣ и надѣюсь на лучшее въ смыслѣ прогресса.

Съ наилучшими пожеланіями вамъ и вашему дому остаюсь сердечно вамъ преданный

Генрикъ Ибсенъ.

Правленію Норвежскаго Студенческаго Общества.

Мюнхенъ, 25 октября 1885 г.

Правленіе Студенческаго Общества сочло себя обязаннымъ доставить мнѣ письмо съ приложеніемъ текста рѣчи, произнесенной 10-го октября однимъ изъ старшинъ Общества, профессоромъ Лоренцомъ Дитрихсономъ, по поводу моего отказа отъ факельнаго шествія, которое собиралось устроить въ честь меня Общество.

Большинство членовъ Общества, какъ сообщается въ письмѣ правленія, сочло умѣстнымъ заявить свое принципіальное сочувствіе рѣчи старшины и тѣмъ выразить свое отношеніе къ дѣлу.

Такое преждевременное изъявленіе сочувствія я нахожу шагомъ весьма опрометчивымъ, и, пожалуй, съ моей стороны всего болѣе подходящимъ было бы отослать доставленные мнѣ документы обратно безъ всякаго отвѣта.

Но, ради дружественно расположенныхъ ко мнѣ членовъ Общества, я все-таки хочу, по возможности кратко, выяснить свою дѣйствительную роль въ этомъ дѣлѣ.

Явившись ко мнѣ въ понедѣльникъ, 28 сентября, въ сопровожденіи одного изъ коллегъ, г. Лоренцъ Дитрихсонъ предложилъ устроить въ честь мою факельное шествіе и сдѣлалъ это предложеніе въ такой формѣ, которая заставила меня заключить, что инициатива чествованія меня исходила на субботнемъ собраніи Общества отъ самаго правленія.

Меня это поразило тѣмъ больше, что я ни во время перваго моего пребыванія въ Христіаніи лѣтомъ, послѣ одиннадцатилѣтняго отсут-

ствія, ни теперь, осенью, не замѣтилъ ни малѣйшихъ признаковъ благорасположенія ко мнѣ со стороны правленія Общества.

Разумѣется, я ни минуты не усомнился, что предполагаемая инициатива правленія была вызвана какимъ-то давленіемъ со стороны. Но я счелъ все-таки за актъ извѣстной вѣжливости со стороны правленія, что оно уступило этому давленію. Поэтому я и свой отказъ облекъ въ вѣжливую, хотя и краткую и рѣшительную форму: «Нѣтъ, покорно благодарю». Затѣмъ я въ разговорѣ высказалъ, что, не замѣтивъ со стороны Общества знаковъ особой радости по поводу моего пребыванія на родинѣ, не желалъ бы никакого торжества и по поводу моего отъѣзда. Послѣдняя часть моего отвѣта скрывала подъ шутливою формою серьезную мысль, которая, вѣроятно, и будетъ понята кое-кѣмъ. Меня только удивляетъ, что такая серьезная личность, какъ г. Лоренцъ Дитрихсонъ, не обратила на нее вниманія.

Къ ссылкѣ на отказъ мой правленію Союза рабочихъ я прибѣгъ лишь позже, въ отвѣтъ на бормотанье г. профессора; съ его стороны это бормотанье было, повидимому, искренно-доброжелательною попыткою переубѣдить меня насчетъ факельнаго шествія, но на меня оно тѣмъ не менѣе подѣйствовало непріятно.

На прощанье я попросилъ обоихъ гг. депутатовъ передать мою благодарность и привѣтъ не студентамъ, какъ доложилъ г. профессоръ, а «моимъ друзьямъ среди студентовъ». Изъ рѣчи профессора я усматриваю, что онъ принялъ эту благодарность и этотъ привѣтъ на счетъ своихъ коллегъ въ правленіи и на счетъ всѣхъ членовъ Общества. Это — недоразумѣніе. Даже въ ту минуту, когда мнѣ предлагали факельное шествіе, мнѣ въ голову не приходило льстить себя мыслью, что я имѣю однихъ друзей въ Студенческомъ Обществѣ, руководимомъ г. Лоренцомъ Дитрихсономъ.

Вышеизложенное передастъ въ существенныхъ чертахъ происшедшее между депутаціей Студенческаго Общества и мною. Изъ рѣчи г. профессора я усматриваю, что былъ правъ, высказывая въ своемъ телеграфномъ отвѣтѣ изъ Копенгагена предположеніе о неполнотѣ доклада г. профессора по поводу моего отказа. Докладъ былъ неполнымъ и, вслѣдствіе этого, вводящимъ (полагаю — не намѣренно) въ заблужденіе.

Въ теченіе того же дня, когда была у меня депутація, я съ разныхъ сторонъ слышалъ, что предложеніе факельнаго шествія имѣло свою предыдущую исторію. Этой-то исторіи гг. депутаты и забыли коснуться. Мнѣ разсказали, ручаясь за полную достовѣрность, что за инициативу въ этомъ дѣлѣ мнѣ слѣдовало благодарить отнюдь не правленіе; съ предложеніемъ чествовать меня неожиданно выступила на собраніи такая партія членовъ Общества, которая обыкновенно представляетъ собою меньшинство, но которая въ субботу, 26 сентября, была представлена столь многочисленно, что ей удалось настоять на своемъ.

Кромѣ того, меня съ разныхъ сторонъ увѣряли, что такое предложеніе чествовать меня никогда бы не прошло при нынѣшнемъ составѣ Общества и правленія, будь оно только заранѣе извѣстно господствующей партіи.

Принимая во вниманіе такое положеніе дѣла и обладая достаточными свѣдѣніями о неревѣсѣ реакціонныхъ стремленій въ Студенческомъ Обществѣ, я и высказался въ кругу посѣтившихъ меня лицъ, среди которыхъ находился студентъ Роде, въ такомъ смыслѣ о самомъ Обществѣ и о господствующемъ въ немъ въ послѣднее время духѣ. Отзывы мои, повидимому, заинтересовали молодого студента, и у него вырвалось горячее желаніе получить разрѣшеніе разсказать это «своимъ друзьямъ», а можетъ-быть—«молодымъ студентамъ».

Я на это отвѣтилъ, что мнѣ рѣшительно безразлично, кому бы онъ ни разсказалъ это, какъ членамъ Общества, такъ и посторонними.

Но я и не подозрѣвалъ, что онъ имѣлъ въ виду офиціальное сообщеніе. Объ этомъ свидѣтельствуетъ то, что я въ своей телеграммѣ изъ Копенгагена просилъ старшину Общества сообщить студентамъ мое искреннее мнѣніе.

Въ теченіе своего долголѣтняго отсутствія съ родины я никогда не выбиралъ себѣ офиціальныхъ представителей или уполномоченныхъ. Собирайся я въ данномъ случаѣ сдѣлать исключеніе, я, конечно, выбралъ бы среди своихъ знакомыхъ кого-нибудь постарше и поопытнѣе и поручилъ бы ему передать отъ моего имени то-то и то-то въ вполнѣ точномъ изложеніи. Но, какъ сказано, ничего такого мнѣ и въ голову не приходило.

Въ сущности-то мнѣ, разумѣется, довольно безразлично — переданы ли мои отвѣты во время засѣданія, или въ бесѣдѣ за стаканомъ пунша. Но мнѣ отнюдь не безразлично то, что студентъ Роде передалъ мои слова и мнѣнія неточно.

Если основываться на рѣчи профессора Дитрихсона, то студентъ Роде выразился приблизительно такъ: «Генрикъ Ибсенъ желаетъ, чтобы правая партія, образующая большинство въ Студенческомъ Обществѣ, доставила ему удовольствіе устраненіемъ проф. Дитрихсона съ его коллегами и избраніемъ либеральныхъ членовъ правленія».

Мои же подлинныя слова во время бесѣды были приблизительно таковы: «Я не желаю факельнаго шествія или чего-нибудь подобнаго. Величайшее удовольствіе доставило бы мнѣ Студенческое Общество, если бы лѣвая партія — меньшинство — выросла и окрѣпла, стала большинствомъ; тогда само собою и г. Лоренцъ Дитрихсонъ и другіе члены нынѣшняго правленія будутъ устранены, а на ихъ мѣсто выберутъ людей либеральныхъ».

Въ этихъ словахъ, мнѣ кажется, есть смыслъ. А то, что приписано мнѣ со словъ студента Роде, по-моему, безсмыслица.

Я однако ни въ чемъ не упрекаю въ данномъ случаѣ молодого студента. Выступая на собраніи моимъ официальнымъ представителемъ, онъ, безъ сомнѣнія, считалъ себя уполномоченнымъ на это. Передавая мои слова невѣрно, онъ, безъ сомнѣнія, полагалъ, что передаетъ именно то, что̀ слышалъ отъ меня. Онъ, вѣрно, еще не особенно силенъ по части логическихъ опредѣленій.

Но я сильно упрекаю старшину Студенческаго Общества. Онъ самъ указываетъ въ своей рѣчи на многолѣтнее знакомство со мною и въ то же время дѣлаетъ видъ, будто серьезно вѣритъ въ то, что я способенъ пожелать обратиться къ студентамъ съ такою приблизительно рѣчью: «Эй, вы, любезные «нравые» студенты! Я хочу, чтобы при слѣдующихъ выборахъ членовъ правленія вы голосовали противъ вашего собственнаго убѣжденія. Я хочу, чтобы вы устранили профессора Дитрихсона и остальныхъ единомышленниковъ въ правленіи, и затѣмъ хочу, чтобы вы избрали новое правленіе, состоящее изъ вашихъ противниковъ».

Берется ли профессоръ Дитрихсонъ по чести и совѣсти увѣрять, что дѣйствительно считалъ меня способнымъ на такой образъ мышленія?

Осмѣлится ли онъ, зная меня столько лѣтъ, по чести и совѣсти отрицать, что въ глубинѣ души у него не таилось предположенія о томъ, что я на самомъ дѣлѣ скорѣе всего высказалъ только понятное съ моей точки зрѣнія пожеланіе возможно большему числу «нравыхъ» студентовъ поскорѣе усвоить себѣ свободный и широкій взглядъ на жизнь, который естественнымъ образомъ заставилъ бы ихъ разстаться съ людьми застоя и выбрать на ихъ мѣсто правленіе, имѣющее живую связь съ идеями и стремленіями нашего вѣка?

Осмѣлится ли профессоръ Дитрихсонъ утверждать, что такое или подобное предположеніе не приходило ему на умъ?

Но, конечно, если бы онъ только высказалъ это предположеніе вслухъ, то, вѣрно, и Общество дало бы себѣ время дождаться съ моей стороны личнаго объясненія, а тогда г. Лоренцъ Дитрихсонъ рисковалъ бы упустить случай повеличаться передъ новичками-провинціалами. Случай же въ самомъ дѣлѣ представлялся такой, который жаль было упустить. Тутъ былъ поводъ оскорбить поэта. А въ настоящее время поэты вѣдь не пользуются популярностью въ Норвегіи. Меньше же всего они пользуются популярностью въ тѣхъ кругахъ, къ вкусамъ и взглядамъ которыхъ г. Лоренцъ Дитрихсонъ приноравливаетъ свои торжественныя рѣчи.

Я поэтому нахожу вполнѣ понятнымъ, что г. Лоренцъ Дитрихсонъ какъ разъ въ данное время ухватился за случай выступить съ рѣчью противъ меня, — случай тѣмъ болѣе удобный, что я находился въ отсутствіи. И я нахожу вполнѣ своевременнымъ и подходящимъ къ случаю то обстоятельство, что онъ уснастилъ свою рѣчь разными грубыми намеками и инсинуаціями, которые, очевидно, такъ пришлись

по вкусу Студенческому Обществу, что оно признало рѣчь профессора «выражающею» настроеніе и мнѣніе Общества по этому дѣлу.

Теперь однако я выяснилъ здѣсь, что «это дѣло» въ дѣйствительности совсѣмъ иное дѣло, нежели на какомъ основывались профессоръ Дитрихсонъ — съ виду — и Общество — повидимому, искренно. Предположенныхъ основныхъ данныхъ нѣтъ и никогда не было. Рѣчь профессора Дитрихсона такимъ образомъ повисла въ воздухѣ. Все въ общемъ оказалось не чѣмъ инымъ, какъ ораторскимъ бумажнымъ змѣемъ, который запустилъ на этотъ разъ сей серьезный мужъ.

Но что̀ остается незыблемымъ, какъ бы пригвожденнымъ, такъ это одобреніе рѣчи Обществомъ.

Я долженъ поэтому повторить то, съ чего началъ: Студенческое Общество поступило въ данномъ случаѣ опрометчиво.

Ни Обществу ни его старшинѣ не удастся повредить мнѣ на долгое время, если не считать извѣстнаго рода непріятнаго чувства, которое этотъ эпизодъ оставитъ во мнѣ на весь остатокъ моей жизни. Я же лично остаюсь тѣмъ же, чѣмъ и былъ до покушенія Лоренца Дитрихсона. Во всей этой исторіи съ факельнымъ шествіемъ я не имѣлъ повода высказать себя ни «маленькимъ», ни «великимъ», ни «узкимъ», ни «проницательнымъ». Та «духовная тиранія», которую хотѣли навязать мнѣ, была пустой фантазіей, и мое поведеніе во всемъ этомъ дѣлѣ ничѣмъ не знаменовало и не могло знаменовать разрыва съ моимъ «ученіемъ» или моимъ «творчествомъ».

Но я хочу спросить «большинство» Студенческаго Общества — не былъ ли я на основаніи всего того, что̀ произошло, инстинктивно правъ, отказываясь «по внутреннему убѣжденію» отъ чествованія, согласіе на которое было вырвано у нихъ врасплохъ? Полагаю, теперь всѣ согласятся, что я имѣлъ полное основаніе питать сомнѣнія относительно подлинности того расположенія ко мнѣ, которое Студенческое Общество вдругъ проявило при своемъ теперешнемъ настроеніи и представительствѣ.

Я ожидаю, что настоящее мое письмо будетъ, по распоряженію правленія, доведено до свѣдѣнія всѣхъ студентовъ и публики вообще.

Я ожидаю, чтобы письмо это въ первый же субботній вечеръ по его полученіи и при условіи заблаговременнаго оповѣщенія было прочитано дословно съ того же мѣста залы собраній, съ котораго, безъ всякаго повода съ моей стороны, опорочилъ меня старшина Общества при одобреніи большинства послѣдняго.

Этимъ я сказалъ все, что̀ имѣлъ въ данную минуту и впредь имѣю сказать правленію Студенческаго Общества.

Генрикъ Ибсенъ.

Мюнхенъ, 8 ноября 1885 г.

Милостивый государь,

г. адвокатъ Фр. Стангъ Лундъ!

Съ чувствомъ живѣйшей радости узналъ я отъ васъ о постановленіи, состоявшемся въ субботу, 17 октября, въ помѣщеніи Союза рабочихъ, собравшимися членами Академическаго союза.

Въ сердечныхъ словахъ собранія я нахожу подкрѣпленіе надеждѣ, отъ которой я никогда не отказывался, — надеждѣ, что большинство учащейся молодежи въ Норвегіи, какъ и въ остальной Европѣ, находится все-таки въ союзѣ съ борющимися, стремящимися къ прояснѣнію мысли и постоянно идущими впередъ жизненными силами въ области науки, искусства и литературы.

Прошу позволенія путемъ этихъ строкъ выразить всѣмъ иниціаторамъ собранія и участникамъ его мою горячую признательность.

Съ глубокимъ уваженіемъ преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Мюнхенъ, Максимиліанштрассе, 32.

22 декабря 1885 г.

Дорогой Бьёрнсонъ!

Прости меня, что я и на этотъ разъ оказываюсь такимъ неаккуратнымъ со своимъ отвѣтомъ на твое письмо.

Мнѣ бы не хотѣлось участвовать своей подписью въ новомъ прошеніи стортингу о назначеніи писательскаго жалованья Кьелланду, и, по-моему, тебѣ надо бы хорошенько подумать прежде, чѣмъ вмѣшиваться въ это дѣло. Я какъ разъ опасаюсь, что это можетъ повредить дѣлу, если не совсѣмъ его погубить.

Какъ ты, вѣрно, помнишь, я былъ въ Христіаніи, когда дѣло въ послѣдній разъ разсматривалось стортингомъ. Все министерство цѣликомъ уклонилось отъ разбора дѣла, сославшись въ свое оправданіе на то, что предложеніе было частное, шло помимо правительства и было адресовано прямо въ стортингъ, такъ что государственный совѣтъ не имѣлъ повода подвергнуть вопросъ предварительному обсужденію, а потому и не считаетъ себя обязаннымъ участвовать въ преніяхъ и т. д., и т. д.

Такое оправданіе и было кое-кѣмъ принято за настоящее объясненіе.

Мое мнѣніе теперь таково, что въ слѣдующій разъ министерство само должно взять на себя этотъ тяжелый крестъ. Намъ не слѣдуетъ облегчать ношу департаменту. Если ты можешь вызвать давленіе со стороны либеральныхъ органовъ печати, то это бу-

детъ кстати. Тогда мы узнаемъ, благосклонно ли настроено правительство по отношенію къ этому писательскому жалованью. Я-то сомнѣваюсь на этотъ счетъ. Мнѣ кажется, что наше нынѣшнее правительство придастъ непомѣрно большое значеніе мнѣнію, господствующему среди жертвъ пасторскаго умопомраченія въ странѣ.

Я понимаю, что соображенія, побуждающія тебя дѣйствовать, не опровергаются тѣмъ, что я здѣсь высказалъ, но я все-таки не могу отказаться отъ мнѣнія, что для дѣла было бы полезнѣе намъ подождать и посмотрѣть, что намѣрено сдѣлать правительство. Мнѣ кажется также, что впредь — или пока у насъ парламентское правительство — подобныя непосредственныя обращенія въ стортингъ не должны имѣть мѣста. Прежде это могло быть желательно и необходимо, но теперь уже нѣтъ.

Поздравляю тебя съ отличнымъ успѣхомъ «Географіи и любви», какъ въ Христіаніи, такъ и въ Копенгагенѣ.

Лѣтомъ я часто видѣлся съ Бьёрномъ. Своимъ открытымъ, прямодушнымъ нравомъ онъ завоевалъ себѣ сердца всѣхъ, и друзей и противниковъ. Эйнара я видѣлъ всего раза два. Отъ М. Грёнвальда я слышалъ, что Эрлингъ учится въ коммерческомъ училищѣ въ Фюртѣ и, можетъ-быть, пріѣдетъ сюда на рождественскія вакаціи; надѣюсь въ такомъ случаѣ увидѣться и съ нимъ. Къ Новому году мы ждемъ нашего Сигурда. Онъ переводится атташе въ Вашингтонъ, но, вѣроятно, получитъ предварительно отпускъ на нѣсколько недѣль.

Жена и я желаемъ всѣмъ вамъ веселаго Рождества и счастливаго Новаго года!

Твой Генрикъ Ибсенъ.

Карлу Снойльскому.

Мюнхенъ, 14 февраля 1886 г.

Дорогой другъ!

Если ты и супруга твоя будете судить о насъ съ точки зрѣнія нашего долгаго молчанія, то вы, конечно, имѣете всѣ основанія считать насъ крайне неблагодарными. Но дѣло въ томъ, что жена охотно предоставляетъ всякую частную переписку мнѣ, а я по натурѣ и привычкѣ становлюсь все болѣе и болѣе подверженнымъ скверному недостатку — наклонности къ откладыванію всякой корреспонденціи, не имѣющей строго-дѣлового характера, на завтрашній день, а этотъ день, какъ извѣстно, долго заставляетъ себя ждать. Но сегодня я все-таки все отложу въ сторону и пошлю тебѣ нѣсколько строкъ, въ надеждѣ, что наша дружба не потерпѣла сколько-нибудь существеннаго ущерба отъ моей неаккуратности.

Прежде всего я отъ души благодарю тебя за книги, присылкою ко-

торыхъ ты намъ доставилъ такое большое удовольствіе и съ которыми мы уже познакомились. Твои изящныя, живыя путевыя описанія живо переносили насъ въ залитые солнцемъ края у Средиземнаго моря и будили въ насъ страстное желаніе снова увидѣть ихъ, а если возможно, то и перебраться въ самую Африку. А стихи твои! Они поистинѣ всѣ отъ перваго до послѣдняго достойны самаго крупнаго изъ современныхъ лирическихъ поэтовъ Скандинавіи.

Но намъ приходится благодарить васъ не за однѣ книги. Шлемъ вамъ наше сердечное спасибо и за совмѣстное пребываніе и общеніе въ Мольде. Это общеніе, свиданіе вновь съ тобою и знакомство съ твоей чудесной, обладающей такой высокой душою супругой было для насъ благодѣтельнымъ и обогащающимъ. Это самыя лучшія, благороднѣйшія воспоминанія изъ тѣхъ, которыя оставило въ насъ нынѣшнее пребываніе въ Норвегіи.

...Я съ своей стороны цѣликомъ поглощенъ работой надъ новой пьесой, которая давно меня занимаетъ и для которой я собиралъ матеріалы во время этого лѣтняго пребыванія въ Норвегіи. Затѣмъ, у насъ въ настоящее время гоститъ сынъ нашъ. Въ будущемъ мѣсяцѣ онъ уѣзжаетъ на свой новый постъ атташе при посольствѣ въ Вашингтонѣ, и мы опять останемся одни.

Посылаю въ этомъ письмѣ фотографію, которую прошу тебя дружески принять, а также наши сердечные привѣты, и еще разъ спасибо за все хорошее!

Преданный тебѣ

Генрикъ Ибсенъ.

Директору Королевскаго театра, г. камергеру Фаллесену.

Мюнхенъ, 20 февраля 1886 г.

Милостивый государь г. камергеръ!

Изъ письма г. юстицъ-совѣтника Гегеля я узналъ вчера о запросѣ вашего высокородія относительно того, можно ли въ ближайшемъ будущемъ ожидать отъ меня какого-нибудь новаго драматическаго произведенія.

Считаю своимъ долгомъ по этому поводу сообщить вамъ, что новая пьеса, которою я въ настоящее время занятъ, не можетъ быть представлена дирекціи ранѣе, нежели къ концу осени.

Но я позволю себѣ напомнить, что имѣются двѣ болѣе раннія мои пьесы, которыя еще не были поставлены Королевскимъ театромъ.

Первая изъ нихъ «Комедія любви», въ трехъ дѣйствіяхъ и риѳмованныхъ стихахъ, пьеса вечерняя и вездѣ, гдѣ ее ни ставили, оказы-

валась весьма сценичной. Въ Копенгагенѣ она будетъ разыграна великолѣпно, такъ какъ для всѣхъ ролей имѣются въ нынѣшней труппѣ Королевскаго театра прекрасные исполнители. — —... Если бы пьеса была немедленно принята и возможно скорѣе поставлена, то я увѣренъ, что результатомъ былъ бы крупный успѣхъ и для театра и для меня.

Вторая моя пьеса, еще не игранная на сценѣ Королевскаго театра, «Привидѣнія». Она была представлена дирекціи въ свое время, но не была принята. Теперь однако у общественнаго мнѣнія открылись глаза на это серьезное произведеніе, и я полагаю, что въ глазахъ всѣхъ просвѣщенныхъ и свободныхъ отъ предразсудковъ людей рѣшеніе вашего высокородія поставить теперь пьесу на сценѣ датскаго Королевскаго театра было бы дѣломъ, достойнымъ сочувствія.

Если г. камергеръ сочтетъ пріемлемымъ для себя какое-либо изъ этихъ предложеній, то позволяю себѣ надѣяться, что я буду извѣщенъ о томъ въ свое время.

Съ истиннымъ уваженіемъ вашего высокородія
покорнѣйшій слуга
Генрикъ Ибсенъ.

Мюнхенъ, 10 ноября 1886 г.

Дорогой Брандесъ!

Ужъ и не знаю, смѣю ли я разсчитывать, что вы захотите получить отъ меня письмо послѣ того, какъ я не давалъ знать о себѣ непосредственно больше года. Но уповаю на ваше доброе сердце и нашу старую дружбу, которую я не считаю способною въ серьезъ распасться. Съ моей стороны, по крайней мѣрѣ, это невозможно.

Причины моего упорнаго молчанія въ томъ, что я все болѣе и болѣе привыкаю заниматься чѣмъ-нибудь однимъ зразъ, вращаться въ одномъ кругу представленій и, пока это продолжается, откладывать все остальное въ сторону. Съ самаго моего возвращенія сюда меня мучила новая пьеса, которая во что бы то ни стало рвалась увидѣть свѣтъ, и только въ началѣ прошлаго мѣсяца я сбросилъ ее съ плечъ, т.-е. выпроводилъ изъ дома рукопись. Но затѣмъ пошла неизбѣжная переписка, которая всегда бываетъ сопряжена съ изданіемъ и переводомъ новаго произведенія. Да и поздновато я принялся за работу надъ этой пьесой, серьезно приступивъ къ разработкѣ только въ іюнѣ. Мнѣ долго мѣшали впечатлѣнія и наблюденія, вынесенныя изъ послѣдней поѣздки въ Норвегію прошлымъ лѣтомъ. И только, когда я вполнѣ разобрался въ пережитомъ и вывелъ изъ него заключенія, я могъ вложить результаты въ свое произведеніе. Много пищи для размышленій доставили мнѣ и ваша поѣздка въ Христіанію и все вами пережитое

тамъ; это дало мнѣ цѣнную ленту для характеристики нашихъ передовыхъ людей. Никогда не чувствовалъ я себя болѣе чужимъ житью-бытью моихъ норвежскихъ соотечественниковъ, нежели послѣ уроковъ, данныхъ мнѣ послѣднимъ истекшимъ годомъ. Но все же я не отказываюсь отъ надежды, что вся эта грубая некультурная современность когда-нибудь прояснится, станетъ истинно культурной и по содержанію и по формѣ. Но вѣроятность этого пока никого тамъ не интересуетъ. Я и не думаю, что имѣющіяся у насъ налицо активныя силы сумѣютъ провести болѣе глубокія и насущныя задачи, нежели выдвигаемыя на очередь. Да, пожалуй, и эти-то навряд. Въ злополучный часъ для дѣла прогресса въ Норвегіи «принялъ власть» Іоганнъ Свердрупъ и далъ себя заковать въ кандалы и наложить на себя намордникъ.

Настолько-то я все-таки въ теченіе этого года слѣдилъ за событіями внѣшняго міра, чтобы знать, что вы опять побывали весною въ Варшавѣ и прочли тамъ рядъ лекцій. Мы поэтому и надѣялись-было, что вы направитесь на родину черезъ Мюнхенъ. Но этого такъ и не случилось. Вы, впрочемъ, пожалуй, и не знаете, сколько горячихъ поклонниковъ имѣете здѣсь въ интересующихся литературой кругахъ.

За присланныя вами статьи о польскихъ дѣлахъ и объ отзывахъ Лютера по вопросу о безбрачіи сердечно васъ благодаримъ. Первая произвела на насъ глубокое и прочное впечатлѣніе, а вторая очень позабавила.

Просимъ передать нашу благодарность вашей супругѣ за рекомендательное письмо Сигурду. Вѣроятно, онъ зимою найдетъ случай воспользоваться имъ.

Мы часто вспоминаемъ о посѣщеніи вашего уютнаго, пріятнаго домашняго очага. Кланяйтесь отъ насъ вашей женѣ и дѣвочкамъ. Будущимъ лѣтомъ мы, можетъ-быть, попадемъ въ Данію. Обоимъ намъ очень хочется провести нѣсколько мѣсяцевъ у Скагена. Тогда, надѣюсь, и встрѣтимся съ вами въ Копенгагенѣ. Пока—всего хорошаго!

Преданный и признательный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Людвигу Пассарге.

Мюнхенъ, 16 декабря 1886 г.

Дорогой другъ!

Съ большимъ огорченіемъ и горькими самоупреками прочелъ ваше письмо.

Въ дѣйствительности мое молчаніе было только результатомъ нерасположенія моего высказываться въ письмахъ, которое въ послѣднее

время все больше и больше беретъ надо мною верхъ, но съ которымъ я отнынѣ попытаюсь бороться.

Но вы имѣли полное основаніе ожидать, что я сдѣлаю для васъ исключеніе. И, къ сожалѣнію, вы имѣли слишкомъ большія основанія считать себя оскорбленнымъ тѣмъ, что я столько времени не подавалъ признаковъ жизни. Ваше письмо такъ живо пробудило во мнѣ сознаніе моей большой вины передъ вами, что я и пытаться не буду прибѣгать къ извиненіямъ. Я могу только просить: простите меня!

Когда вашъ крупный критико-біографическій трудъ попалъ мнѣ въ руки и я изъ него узналъ, что вы почерпнули существенныя свѣдѣнія у двухъ лицъ, которыя среди моихъ литературныхъ норвежскихъ друзей и знакомыхъ, пожалуй, меньше всѣхъ сумѣли проникнуть и постигнуть то, что я самъ считаю ядромъ моей творческой дѣятельности, то—не скрою—мнѣ стало какъ-то не по себѣ. Тамъ и сямъ изложеніе ваше и носитъ отпечатокъ тѣхъ источниковъ, откуда почерпнуты свѣдѣнія. Точно такъ же въ переведенныхъ вами стихотвореніяхъ я нашелъ кое-что, какъ мнѣ показалось, не вполнѣ въ духѣ или основномъ настроеніи оригинала.

Но что же значатъ подобныя мелочи въ сравненіи съ тою любовью и теплымъ сочувствіемъ, которыми дышитъ ваша книга! Хоть я и отмалчивался, не подумайте, что я не сознавалъ этого. Я навсегда сохраню живое чувство признательности, которою я обязанъ вамъ не только за ваши сочиненія обо мнѣ, но и за ваше расположеніе ко мнѣ, хотя и не въ моей натурѣ выражать это словами.

Передайте мои искреннія привѣты вашей благородной добрѣйшей супругѣ и скажите ей, что я навсегда сохраню воспоминаніе о нашей встрѣчѣ въ госсенсасскомъ экспрессѣ.

Преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Мюнхенъ, 5 января 1887 г.

Дорогой г. ю.-с. Гегель!

...Веду въ настоящее время необычную для меня скитальческую жизнь. Только-что было-отдохнулъ нѣсколько отъ недѣли торжествъ въ Мейнингенѣ, какъ опять приходится ѣхать. Уѣзжаю послѣзавтра и на этотъ разъ въ Берлинъ, гдѣ въ воскресенье, 9-го, ставятся въ Резиденцъ-театрѣ «Привидѣнія». Я бы предпочелъ остаться дома, но послѣ столькихъ приглашеній неудобно не показаться, тѣмъ болѣе, что «Привидѣнія» создали жгучій литературно-театральный конфликтъ въ Германіи.

Я и готовъ встрѣтить въ Берлинѣ всякаго рода отпоръ со стороны консервативной прессы. Но это для меня также одна изъ побудительныхъ причинъ быть тамъ.

Въ Мейнингенѣ герцогъ оказалъ мнѣ почти демонстративное отличіе, пожаловавъ мнѣ на другой день послѣ представленія, какъ говорится въ дипломѣ, «als Zeichen seiner Verehrung und Bewunderung» знаки командорскаго Саксонско-Эрнестинскаго ордена первой степени со звѣздой.

Не подумайте, что я говорю объ этомъ изъ тщеславія. Но я не отрицаю, что меня это радуетъ, когда я вспомню о тѣхъ глупыхъ обвиненіяхъ въ ереси, которыя долго навлекала на себя пьеса у насъ въ сѣверныхъ странахъ.

Съ искреннею признательностью за присланныя книги и съ наилучшими пожеланіями вамъ и вашимъ дѣтямъ

остаюсь сердечно преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Мюнхенъ, 13 февраля 1887 г.

Господинъ студентъ Бьёрнъ Кристенсенъ!

Прошу васъ принять и передать «Студенческой бесѣдѣ» мое сердечное спасибо за любезное письмо отъ 4 декабря прошлаго года.

Не отвѣчалъ я до сихъ поръ отчасти потому, что былъ въ отсутствіи, разъѣзжалъ, отчасти же потому, что былъ заваленъ неотложными дѣлами.

Совершенно вѣрно, что въ «Росмерсгольмѣ» проходитъ идея призыва къ труду.

Но, кромѣ того, пьеса говоритъ о той борьбѣ, которую долженъ выдержать самъ съ собою каждый серьезный человѣкъ, чтобы привести въ гармонію свою жизнь съ своимъ сознаніемъ.

Различныя духовныя силы и способности развиваются въ индивидѣ не параллельно и не одинаково. Жажда познанія стремится отъ завоеванія къ завоеванію. Моральное сознаніе, «совѣсть», напротивъ, очень консервативна. Глубокіе корни связываютъ ее съ традиціями и вообще съ прошлымъ. Отсюда—индивидуальные конфликты.

Но прежде всего пьеса, разумѣется, поэтическое произведеніе, трактующее о людяхъ и ихъ судьбѣ.

Съ наилучшими привѣтами каждому изъ членовъ «Бесѣды» остаюсь

преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Юліусу Гофори.

...«Кесарь и Галилеянинъ» — первое мое произведеніе, написанное подъ вліяніемъ германской духовной жизни. Переселяясь осенью 1868 г.

изъ Италіи въ Дрезденъ, я привезъ съ собою готовый планъ комедіи «Союзъ молодежи», которую и написалъ въ ту же зиму.

Въ теченіе четырехлѣтняго пребыванія въ Римѣ я собралъ также значительный историческій матеріалъ для «Кесаря и Галилеянина», но не успѣлъ еще составить себѣ сколько-нибудь яснаго плана драмы, не говоря уже о томъ, чтобы приступить къ его разработкѣ. Мое міросозерцаніе было въ то время еще чисто національно-скандинавскимъ, вслѣдствіе чего я не могъ справиться съ новымъ, чуждымъ мнѣ матеріаломъ. Затѣмъ мнѣ пришлось пережить великую эпоху въ Германіи— войну и сопровождавшій ее періодъ общаго подъема духа. Все это оказало на меня во многихъ отношеніяхъ перерождающее вліяніе. До тѣхъ поръ мой взглядъ на всемірную исторію и жизнь человѣческую отличался узко-народнымъ характеромъ, теперь онъ развился въ племенное міросозерцаніе, и вотъ я могъ написать «Кесаря и Галилеянина». Произведеніе это было закончено весною 1873 г...

Генрикъ Ибсенъ.

Мюнхенъ, 29 марта 1888 г.

Милостивый государь, г. докторъ Оскаръ Нюссенъ!

Съ большимъ удовольствіемъ получилъ я въ шестидесятую годовщину своего рожденія вашу привѣтственную телеграмму отъ имени «Христіанійскаго союза рабочихъ» и симъ приношу за нее мою искреннюю благодарность.

Къ сожалѣнію, прямое содѣйствіе преуспѣянію рабочаго сословія— внѣ предѣловъ моихъ силъ и способностей.

Но прошу васъ передать членамъ Союза, что изъ всѣхъ сословій въ нашей странѣ ближе всѣхъ моему сердцу рабочее сословіе, и прошу васъ прибавить, что въ будущемъ, въ которое я вѣрю и на которое уповаю, рабочему будутъ предоставлены такія жизненныя условія и общественное положеніе, которыя я съ живѣйшею радостью готовъ привѣтствовать.

Еще разъ спасибо и привѣтъ!

Съ глубокимъ уваженіемъ

Генрикъ Ибсенъ.

Генрику Іегеру.

Мюнхенъ, апрѣль 1888 г.

...И затѣмъ благодарю васъ отъ всего сердца за вашъ большой біографическій трудъ, два роскошныхъ экземпляра котораго я получилъ третьяго-дня. Полагаю, что къ своему спасибо могу спокойно присо-

единить и поздравленіе, такъ какъ книга ваша несомнѣнно доставитъ вамъ много радости. Она вѣдь содержитъ много разнообразнаго и новаго матеріала и, кромѣ того, на мой взглядъ, проникнута духомъ тонкаго пониманія моихъ литературныхъ трудовъ и соотвѣтствующихъ условій времени...

Мюнхенъ, 2 апрѣля 1888 г.

Милостивый государь, г. пасторъ Гострупъ!

Простите великодушно, что я лишь сегодня приношу мою сердечную благодарность за телеграмму, которою вы и ваша уважаемая супруга обрадовали меня въ день моего рожденія.

Не менѣе признателенъ я вамъ за присланный экземпляръ «Въ буранъ» (Under Snefog). Для меня было истиннымъ удовольствіемъ и наслажденіемъ прочесть и пережить это прелестное поэтическое произведеніе. Ютландія, которая съ тѣхъ поръ, какъ я съ нею познакомился, сохраняетъ для меня особенную силу очарованія, встаетъ въ вашемъ изображеніи передо мною воочію, хотя я и никогда не былъ тамъ зимою. Въ театрахъ здѣсь я почти не бываю, но охотно читаю по вечерамъ пьесы, и такъ какъ обладаю большою силою воображенія въ драматической области, то и представляю себѣ вполнѣ живо все, что въ пьесѣ дѣйствительно правдиво, правдоподобно и основательно; чтеніе производитъ почти то же впечатлѣніе, что и сценическое воспроизведеніе. Поэтому и чтеніе вашей новой вещи доставило мнѣ большое наслажденіе.

Жена и я шлемъ вамъ и вашей уважаемой супругѣ наши наилучшія пожеланія и привѣтствія.

Преданный и признательный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Мюнхенъ, 30 октября 1888 г.

Дорогой Брандесъ!

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ непрерывной работы надъ новою пятактною драмою, которая теперь готова, я опять наконецъ начинаю располагать досугомъ и могу подумать о кое-какомъ обмѣнѣ письмами, кромѣ чисто-дѣловой корреспонденціи.

Позвольте же мнѣ, хоть и довольно поздно, поблагодарить васъ за телеграмму, которою вы порадовали меня въ день моего рожденія. Затѣмъ—за статью «Темпераментъ и дѣйствительность у Эмиля Золя», которую вы въ свое время были такъ добры прислать мнѣ и которую я перечиталъ нѣсколько разъ съ живымъ интересомъ. И наконецъ за вашъ новый большой трудъ: «Впечатлѣнія изъ Польши»,

которыя я собираюсь теперь пережить вмѣстѣ съ вами, отложивъ все остальное въ сторону. Тамъ для западно-европейской мысли открывается настоящій «черный материкъ». Сердечное спасибо за это новое обогащеніе!

Читали въ газетахъ объ огромномъ наплывѣ публики и на послѣднія ваши публичныя лекціи. Вообще же мало знаемъ о томъ, каково вамъ живется въ родныхъ условіяхъ. Я-то со своей стороны представляю себѣ, что можно отлично ужиться въ Копенгагенѣ, хотя, конечно, испытывалъ это всегда на короткое время.

Въ Норвегіи же мнѣ совершенно невозможно было бы основаться въ серьезъ. Нигдѣ не чувствовалъ бы я себя менѣе дома, чѣмъ тамъ. Мало-мальски развитому духовно человѣку не хватаетъ въ настоящее время старыхъ отечественныхъ понятій, которыми пробавляется наше общество.

Мы не можемъ болѣе довольствоваться тою государственною общиною, членами которой считаемся. Мнѣ кажется, что національное воззрѣніе начинаетъ вымирать и смѣняться племеннымъ. Во всякомъ случаѣ я лично прошелъ черезъ такую эволюцію. Вначалѣ я чувствовалъ себя норвежцемъ, затѣмъ развился до сознанія себя скандинавомъ и теперь причалилъ къ общегерманской пристани.

Разумѣется, я внимательно и съ интересомъ слѣжу за явленіями жизни въ старомъ отечествѣ. Но не радостныя наблюденія выносишь оттуда, хотя мнѣ приносятъ разочарованія совсѣмъ не политическія условія. Я собственно иного и не ожидалъ. Я заранѣе зналъ, что естественнымъ путемъ должно дойти до этого. Но вожаки нашей лѣвой партіи страдаютъ полнымъ отсутствіемъ мірового опыта и вслѣдствіе этого предавались самымъ несбыточнымъ мечтамъ. Они воображали себѣ, что вожакъ оппозиціи можетъ, достигнувъ власти, остаться тѣмъ же, чѣмъ былъ до того.

---

4 ноября.

Дорогой другъ!

Я принужденъ былъ оставить начатое письмо недоконченнымъ, такъ какъ чувствовалъ себя нездоровымъ въ теченіе нѣсколькихъ дней и кромѣ того былъ заваленъ неотложными дѣлами, касающимися моихъ сношеній съ театрами.

А сегодня какъ разъ, когда я сѣлъ, чтобы продолжать письмо съ того мѣста, гдѣ остановился, пришелъ пакетъ изъ Копенгагена съ надписью вашимъ, хорошо знакомымъ мнѣ почеркомъ. Тамъ вы дружески вспомнили обо мнѣ и подарили меня «Впечатлѣніями изъ Россіи»! Ну, такъ не смѣю на этотъ разъ больше вдаваться въ изліянія по поводу родныхъ условій. Надо немедленно отправить вамъ письмо съ моею сердечнѣйшей благодарностью. Посвященіе, набросанное карандашомъ.

служитъ мнѣ также указаніемъ, что мнѣ не полагается долѣе испытывать молчаніемъ вашу дружбу ко мнѣ и снисходительность. Сознаю, что вполнѣ заслужилъ этотъ нѣмой, но краснорѣчивый упрекъ съ вашей стороны. Но онъ не причиняетъ мнѣ настоящаго огорченія, а лишь расшевеливаетъ мою нечистую корреспондентскую совѣсть. Серьезное и продолжительное несогласіе между нами представляется мнѣ дѣломъ немыслимымъ.

Разъ остановившись мыслью на своей грѣховности по части переписки, прошу васъ передать вашему брату мое горячее спасибо за его рецензію о «Росмерсгольмѣ». Я никогда ея не забуду. Читая ее, я какъ будто читалъ изящную, глубокую и полную пониманія поэму о моемъ произведеніи...

Жена моя вмѣстѣ со мною шлетъ вамъ, вашей супругѣ и дѣвочкамъ самые сердечные привѣты.

Неизмѣнно преданный вамъ и благодарный

Генрикъ Ибсенъ.

Мюнхенъ, 27 ноября 1888 г.

Милостивый государь Эмануэль Ганзенъ!

Позвольте мнѣ при семъ выразить вамъ мою особую признательность за присланный экземпляръ вашего перевода Льва Толстого.

Драму «Власть тьмы» я прочелъ съ большимъ интересомъ. Не сомнѣваюсь, что она въ надлежащемъ, вѣрномъ и безпощадномъ исполненіи должна произвести сильное впечатлѣніе со сцены. Мнѣ кажется однако, что авторъ не вполнѣ владѣетъ драматической техникой. Въ пьесѣ больше разговоровъ, чѣмъ драматическихъ явленій, и діалогъ во многихъ мѣстахъ кажется мнѣ скорѣе эпическимъ, нежели драматическимъ; вообще вся вещь является не столько драмой, сколько разсказомъ въ діалогахъ. Но главное вѣдь налицо. Духъ геніальнаго поэта живетъ и проявляется здѣсь во всемъ.

Я отлично помню нашу встрѣчу у профессора Гёта на Страндвейенѣ. Если не ошибаюсь, при этомъ присутствовала также фру Геннингсъ, въ то время фрёкенъ Шнелль. Было это лѣтомъ 1870 г.

Эти строки должны были бы дойти до васъ давно. Но извиненіемъ мнѣ должно служить то обстоятельство, что въ послѣдніе мѣсяцы я былъ всецѣло занятъ изданіемъ моей новой драмы одновременно въ Копенгагенѣ и въ Берлинѣ.

Еще разъ принося вамъ свою благодарность, остаюсь

преданный и признательный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Мюнхенъ, 3 мая 1889 г.

Дорогая фру Коллетъ!

Не знаю, что̀ вы должны думать обо мнѣ, болѣе двухъ мѣсяцевъ не получая отъ меня никакого отклика на свое глубоко содержательное письмо.

Но за это время столько случилось, столько было разныхъ событій и дѣлъ, не допускавшихъ меня до письменнаго стола. Во-первыхъ, мнѣ пришлось поѣхать въ Берлинъ. Затѣмъ совершенно неожиданно въ Веймаръ. И только теперь я могу сказать, что опять нѣсколько пришелъ въ себя, отдохнулъ.

Позвольте же мнѣ сегодня въ нѣсколькихъ дружескихъ строкахъ послать вамъ свое сердечное спасибо за то пониманіе, которое нашла у васъ «Дочь моря».

Я и заранѣе былъ достаточно увѣренъ въ томъ, что прежде всего могу разсчитывать встрѣтить такое пониманіе именно въ васъ. И все-таки я несказанно обрадовался, получивъ подтвержденіе своей надеждѣ въ вашемъ письмѣ.

Да, у насъ есть-таки точки соприкосновенія и даже много. И вы ихъ увидѣли и почувствовали. Я хочу сказать—вы видѣли и чувствовали то, о чемъ я могъ лишь догадываться.

Но вѣдь вы уже много лѣтъ тому назадъ своей духовною жизнью, въ той или иной формѣ, начали играть роль въ моемъ творчествѣ.

Повѣрьте, что жена и я постоянно думаемъ и вспоминаемъ о васъ въ нашихъ бесѣдахъ. Зимою мы слышали, что вы были въ Берлинѣ. И мы уже радовались, въ увѣренности, что увидимъ васъ опять въ Мюнхенѣ. Но на этотъ разъ этому не суждено было сбыться. На предстоящее лѣто у насъ еще не сложилось и не могло сложиться никакихъ плановъ. Но можетъ случиться, что обстоятельства сложатся такъ, что мы предпримемъ поѣздку на сѣверъ, и тогда ужъ во всякомъ случаѣ увидимся. Жена шлетъ вамъ тысячи поклоновъ. Я также.

Преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Мюнхенъ, 18 іюня 1889 г.

Милостивый государь І. Б. Гальворсенъ!

Я до сихъ поръ не отвѣтилъ на ваше любезное письмо отъ 30 мая по той лишь причинѣ, что вопросы, по поводу которыхъ вы желали получить объясненія, въ значительной степени разъяснены моими примѣчаніями на корректурныхъ листахъ, послѣдніе же я поторопился отослать вамъ.

Ради порядка все-таки прибавлю кое-что. Итакъ:

1) Мальчикомъ я посѣщалъ въ теченіе года рисовальную школу въ Скіенѣ и научился тамъ немножко владѣть карандашомъ. Одновременно или немножко позже я получилъ нѣкоторыя указанія по части живописи масляными красками отъ одного молодого пейзажиста Мандта изъ Телемаркена, который въ то время находился въ Скіенѣ. Въ Бергенѣ я занимался акварельною живописью подъ руководствомъ нынѣ умершаго Лостинга. По возвращеніи въ Христіанію я немножко писалъ масляными красками въ мастерской Магнуса Багге. Но въ 1860 г. я началъ подготовительныя работы къ «Комедіи любви» и «Борьбѣ за престолъ», и онѣ такъ сильно захватили меня, что съ той поры я отложилъ живопись въ сторону.

2) Въ самомъ рабочемъ движеніи я въ сущности не участвовалъ, но находился только въ дружескихъ отношеніяхъ съ Абильгоромъ и черезъ него познакомился съ Маркусомъ Тране. Такимъ образомъ я зналъ кое-что о ихъ планахъ и, когда послѣдовали аресты, немало опасался быть привлеченнымъ въ качествѣ свидѣтеля. Къ счастью, мои письма къ Абильгору, а можетъ-быть, и рукописи попали въ число сожженныхъ бумагъ, какъ разсказываетъ Генрикъ Іегеръ.

3) Извлеченіе изъ моего письма къ королю Карлу охотно разрѣшаю напечатать, хотя мнѣ и кажется, что слогъ его сильно смахиваетъ на слогъ похоронныхъ глашатаевъ.

Затѣмъ примите мое сердечное спасибо за тотъ огромный трудъ, котораго вамъ стоила ваша статья обо мнѣ, и за ту форму, которую вы ей придали.

Сердечно преданный вамъ
Генрикъ Ибсенъ.

Гр. Морицу Прозору.

I.

Мюнхенъ, 25 октября 1889 г.

Господинъ графъ!

Съ большимъ удовольствіемъ получилъ ваше почтеннѣйшее письмо отъ 20 сего мѣсяца. Вложенную въ него записку я немедленно отослалъ за моею подписью г. Роже въ Парижъ.

Не знаю, какъ мнѣ вполнѣ выразить ту благодарность, которою я обязанъ вамъ.

Давно уже было моей завѣтной мечтою получить со своими драматическими произведеніями доступъ во Францію. Но я не смѣлъ серьезно думать объ этомъ, такъ какъ это представлялось мнѣ совершенно несбыточнымъ, невозможнымъ.

Связей у меня тамъ почти-что никакихъ. И, кромѣ того, я уже былъ настолько занятъ поддержкой литературныхъ отношеній съ сѣверными странами, Германіей, Австріей, Англіей, Америкой и др., что нечего было и думать своими силами пытаться распространить арену своей дѣятельности на огромный и столь трудно доступный Парижъ, или—что въ литературномъ смыслѣ одно и то же—на Францію.

И вотъ теперь вы, господинъ графъ, уже сдѣлали для меня такъ безконечно много! Начало, что всегда труднѣе всего, уже положено. Вниманіе и интересъ вліятельныхъ круговъ возбуждены. Словомъ, дѣло пущено въ ходъ.

Всѣмъ этимъ я обязанъ прежде всего вамъ. И моя просьба къ вамъ—чтобы вы и впредь взяли на себя мои литературныя дѣла во Франціи и все, что съ ними сопряжено. Тогда я могу надѣяться на хорошіе результаты.

Но какъ бы тамъ ни было—пробьетъ ли мое творчество себѣ путь въ Парижѣ или нѣтъ, прошу васъ, господинъ графъ, быть увѣреннымъ въ томъ, что я всегда буду глубоко сознавать и цѣнить все, что вы хотѣли сдѣлать и сдѣлали для меня.

Заявленіе о моемъ желаніи видѣть принятымъ вашъ переводъ, а не чей другой, я, разумѣется, съ величайшимъ удовольствіемъ подпишу, если вы только будете такъ добры прислать мнѣ его въ такомъ изложеніи, какое вамъ желательно.

За присланный вчера экземпляръ перевода искренно благодарю. Весьма внушительная книжка и болѣе изящно издана, чѣмъ я вообще привыкъ видѣть здѣсь, въ Германіи.

Приношу также мою благодарность за присланный денежный переводъ. Вообще вѣдь я не имѣлъ никакого права предъявлять какія-либо требованія въ этомъ отношеніи.

...Съ отличнымъ уваженіемъ искренно вамъ преданный и благодарный

Генрикъ Ибсенъ.

II.

Мюнхенъ, 4 декабря 1890 г.

Господинъ графъ!

Спѣшу вкратцѣ отвѣтить на ваше любезное письмо, которое сейчасъ имѣлъ удовольствіе получить.

Названіе пьесы «Гедда Габлеръ». Я хотѣлъ этимъ намекнуть, что героиня, какъ личность, является больше дочерью своего отца, нежели женой своего мужа.

Въ этой пьесѣ я собственно не задавался такъ-называемыми проблемами. Главною моею задачею было изображеніе людей, человѣческихъ настроеній и судебъ на фонѣ извѣстныхъ общепринятыхъ

общественныхъ условій и понятій. Когда вы прочтете всю пьесу, моя основная мысль станетъ для васъ яснѣе, нежели я могъ здѣсь высказать ее вамъ.

...Съ почтительнымъ привѣтомъ графинѣ остаюсь благодарный и неизмѣнно вамъ преданный

Генрикъ Ибсенъ.

III.

Мюнхенъ, 23 января 1891 г.

Господинъ графъ!

Съ сожалѣніемъ вижу, что г. Лиги Капуана поставилъ васъ въ большое затрудненіе своимъ предложеніемъ измѣнить заключительную сцену «Кукольнаго дома» для постановки въ итальянскихъ театрахъ. Я ни на минуту не сомнѣваюсь въ томъ, что вашъ варіантъ слѣдуетъ предпочесть предложенному г. Капуаномъ; но дѣло въ томъ, что я не могу согласиться на прямую авторизацію какого бы то ни было измѣненія конца пьесы. Я готовъ сказать, что вся пьеса и написана именно ради заключительной сцены.

Кромѣ того, по-моему, г. Капуана ошибается, опасаясь, что итальянская публика окажется не въ состояніи понять или одобрить мой трудъ, если онъ будетъ поставленъ на сцену въ своемъ подлинномъ видѣ. Во всякомъ случаѣ надо сдѣлать эту попытку. И если дѣйствительно окажется, что дѣло не пойдетъ, то пусть г. Капуана на свой страхъ пользуется вашей редакціей заключительной сцены, но я со своей стороны не сдѣлаю ни одного шага для формальнаго одобренія или авторизаціи этого варіанта.

Въ письмѣ къ г. Капуана, отосланномъ вчера, я уже вкратцѣ высказался о дѣлѣ и надѣюсь, что онъ оставитъ свои сомнѣнія, пока ихъ основательность не подтвердится на дѣлѣ.

Въ свое время, когда «Кукольный домъ» былъ еще новинкой, я былъ вынужденъ дать свое согласіе на измѣненіе конца ради г-жи Гедвигъ Ниманъ Раабе, которая готовилась сыграть Нору въ Берлинѣ. Но тогда у меня не было выбора. Въ литературномъ отношеніи я былъ въ Германіи безправнымъ и слѣдовательно не могъ ничему помѣшать. И, кромѣ того, пьеса въ ея первоначальномъ видѣ, то-есть неискаженная, была уже доступна нѣмецкой публикѣ, такъ какъ нѣмецкій переводъ былъ уже изданъ и находился въ продажѣ. Но пьеса съ измѣненнымъ концомъ недолго продержалась въ репертуарѣ, тогда какъ въ подлинномъ играется постоянно до сихъ поръ.

На пересланное мнѣ вами письмо г. Антуана я отвѣтилъ, благодаря его за намѣреніе поставить также «Дикую утку» и прибавляя, что весьма желалъ бы, чтобы онъ воспользовался именно вашимъ переводомъ. На что онъ рѣшится—не знаю. Но такъ какъ Théâtre libre приходится вѣдь разсматривать скорѣе всего какъ учрежденіе частное,

то врядъ ли существуютъ какія-либо законныя мѣры для наложенія veto на постановку, да и вообще такой шагъ по разнымъ причинамъ едва ли желателенъ. Впрочемъ, я вполнѣ отдаю рѣшеніе этого вопроса въ ваши руки, въ увѣренности, что вы изберете самый правильный образъ дѣйствій.

Съ почтительнымъ привѣтомъ графинѣ и съ сердечнымъ спасибо за все оказанное мнѣ вами доброе расположеніе остаюсь

преданный и признательный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Гедвигъ Стоусландъ.

Мюнхенъ, 13 марта 1891 г.

Дорогая сестра!

Отъ всего сердца благодарю тебя за письмо, которое получилъ въ прошломъ мѣсяцѣ и на которое не считаю возможнымъ долѣе откладывать отвѣта.

Съ большимъ удовольствіемъ узналъ, что и въ Скіенѣ теперь будетъ большая зала для общественныхъ торжествъ. Разумѣется, помѣщеніе будетъ обширное и роскошное, вполнѣ въ современномъ вкусѣ и въ соотвѣтствіи настоящему положенію города.

Затѣмъ ты сообщаешь, что открытіе залы, назначенное какъ разъ теперь, будетъ ознаменовано цѣлымъ рядомъ торжествъ.

Если бы я въ самомъ дѣлѣ могъ присутствовать при этомъ! Правда, изъ знакомыхъ дѣтства я, вѣрно, встрѣтилъ бы очень немногихъ. Я очутился бы въ кругу новаго, чужого мнѣ поколѣнія. Хотя, можетъ-быть, въ сущности и не столь ужъ чужого. Въ теченіе всѣхъ этихъ долгихъ лѣтъ отсутствія мнѣ постоянно казалось, что я попрежнему принадлежу своему родному городу.

Если бы эти торжества состоялись нѣсколькими годами раньше и я былъ бы своевременно извѣщенъ о нихъ, я, пожалуй, написалъ бы въ честь ихъ пѣсню или стихи и послалъ бы ихъ домой. Думаю и надѣюсь, что ихъ приняли бы тамъ благосклонно.

Но я ужъ больше не пишу ни пѣсенъ ни стиховъ въ этомъ родѣ. Такъ что объ этомъ нечего и говорить. И все-таки мнѣ отъ всего сердца хотѣлось бы такъ или иначе принять участіе въ торжествѣ.

Поэтому передай это письмо дальше такъ, чтобы всѣ могли знать, что я мысленно буду среди васъ на вашемъ праздникѣ, какъ часто бывалъ мыслями съ вами и въ часы испытаній и въ часы упованій на болѣе свѣтлое будущее.

Въ послѣдній разъ я былъ въ Скіенѣ въ 1850 г. Вскорѣ послѣ того надъ городомъ пронеслась духовная буря, которая затѣмъ захватила болѣе широкія области.

Я всегда любилъ бурю. И въ этой бурѣ я принималъ участіе — хотя издали. О томъ, что я принималъ въ ней участіе, свидѣтельствуютъ многія мои произведенія.

Затѣмъ надъ городомъ разражались большія бѣды и опустошали его разъ за разомъ. Домъ, гдѣ я родился и провелъ свои первые дѣтскіе годы, церковь, старая церковь, съ амбаломъ, держащимъ купель, сгорѣли. Все, за что могли ухватиться самыя раннія мои воспоминанія, сгорѣло.

Такъ могъ ли я не чувствовать себя вмѣстѣ съ вами глубоко и лично пораженнымъ тѣми ударами, которые постигали нашъ общій родной городъ?

Повѣрьте также, что я съ живѣйшею радостью читалъ сообщеніе о томъ, какъ городъ обстраивался и украшался, росъ и развивался въ различныхъ отношеніяхъ.

Мнѣ кажется, вы должны чувствовать себя исполненными самыхъ праздничныхъ надеждъ, когда думаете о будущемъ нашего города.

Какъ хотѣлъ бы я лично сказать вамъ все это и многое-многое еще! Но я вѣдь все-таки по-своему буду съ вами.

И если мнѣ еще разъ, какъ я надѣюсь, удастся побывать въ Норвегіи,—я загляну домой—въ свой старый и вмѣстѣ съ тѣмъ новый родной городъ.

Вотъ, дорогая Гедвигъ, что мнѣ хотѣлось сказать тебѣ сегодня. Приложу всѣ старанія, чтобы впослѣдствіи почаще давать знать о себѣ, а пока—всего хорошаго! Кланяйся всѣмъ своимъ и прочей роднѣ.

Любящій тебя братъ

Генрикъ Ибсенъ.

Мюнхенъ, 29 апрѣля 1891 г.

Дорогой г. Вильямъ Арчеръ!

Только-что возвратясь изъ поѣздки въ Вѣну и Будапештъ, имѣлъ удовольствіе найти у себя ваше любезное письмо съ сообщеніемъ о томъ, что «Гедда Габлеръ» встрѣтила хорошій и единодушный пріемъ при постановкѣ въ Лондонѣ.

Я увѣренъ, что этою большою побѣдою я въ значительной степени обязанъ вашему доброжелательному и просвѣщенному содѣйствію и руководству какъ по части перевода пьесы, такъ и по постановкѣ ея.

Съ большимъ удовольствіемъ посылаю черезъ васъ свои фотографіи двумъ превосходнымъ артисткамъ. Посвященія я, какъ увидите, написалъ по-норвежски и прошу васъ любезно прибавить внизу англійскій переводъ.

Хотѣлось бы послать вамъ сегодня письмо подлиннѣе, но крайне скудный досугъ мой не позволяетъ. Принужденъ поэтому ограничиться

просьбой передать мистрисъ Арчеръ наши сердечные привѣты и просить васъ самихъ принять увѣреніе въ моей живѣйшей благодарности за все, что вы въ своей неутомимой дружбѣ ко мнѣ сдѣлали для меня и моихъ литературныхъ успѣховъ въ Великобританіи и далеко за ея предѣлами.

Преданный вамъ
Генрикъ Ибсенъ.

Христіанія, 27 декабря 1892 г.

Милостивый государь, докторъ Эдвардъ Брандесъ!

Ваше любезное письмо, полученное мною вчера, доставило мнѣ большую радость и успокоило меня.

Я какъ разъ тревожился и упрекалъ себя въ томъ, что не сразу послалъ вамъ телеграмму или письмо, чтобы выразить свою благодарность за вашъ необычайно милый отзывъ о моей новой пьесѣ. Я всегда чрезвычайно высоко цѣнилъ ваши отзывы о моихъ произведеніяхъ, на этотъ же разъ мнѣ особенно пришлось по сердцу то, какъ вы вѣрно истолковали и освѣтили изображенныя мною личности и, главное, подчеркнули ихъ жизненную правдивость, какъ взятыхъ изъ дѣйствительной жизни.

Всѣ ваши драматическія произведенія возбуждали во мнѣ живѣйшій интересъ. И я вообще немного знаю поэтическихъ произведеній, которыя бы такъ глубоко запали мнѣ въ душу, какъ «Подъ гнетомъ закона».

Прошу принять дружески эти строки и сердечное спасибо и привѣтъ отъ

уважающаго васъ и признательнаго вамъ
Генрика Ибсена.

Христіанія, 22 апрѣля 1895 г.

Дорогой г. Гальворсенъ!

Нѣсколько дней тому назадъ у меня была артистка фру Веттергренъ и сообщила мнѣ, что хлопочетъ о стипендіи на поѣздку за границу. Я, конечно, въ этомъ дѣлѣ не при чемъ, но она такъ убѣдительно просила меня замолвить за нее слово передъ комитетомъ, членомъ котораго вы состоите, что я и обѣщалъ ей. И мнѣ кажется, я могъ это сдѣлать съ чистой совѣстью. Всѣмъ должно быть извѣстно, что она въ высшей степени даровитая артистка. Но я въ данномъ случаѣ придаю особое значеніе тому, что она обладаетъ необычайною способностью къ развитію. Она одна изъ тѣхъ немногихъ, которыхъ можно послать за границу съ основательною надеждою на существенный результатъ отъ поѣздки въ смыслѣ пріобрѣтенія для искусства.

Для меня лично также важно, чтобы фру Веттергренъ получила возможность усовершенствоваться, такъ какъ я полагаю со временемъ чаще пользоваться ея участіемъ при исполненіи моихъ пьесъ. Прошу поэтому васъ и черезъ васъ комитетъ сдѣлать для нея все возможное.

Сердечно преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Христіанія, 27 іюня 1895 г.

Дорогой г. Вильямъ Арчеръ!

Позволяю себѣ симъ принести вамъ свою искреннюю благодарность за два полученныхъ чека и возвратить квитанцію на имя мистера Трея подписанною, такъ же, какъ и двѣ записки. Про вашу полемику съ Жюлемъ Леметромъ мнѣ было извѣстно, такъ какъ о ней сообщали норвежскія газеты и давали извлеченія изъ нея. Изъ этой борьбы вышли побѣдителемъ вы, и, по-моему, вашъ французскій противникъ красиво и искренно призналъ свою ошибку относительно Асты. Большое вамъ спасибо за то, что выяснили литературной Франціи это обстоятельство. Но, къ сожалѣнію, заблужденій и ложныхъ толкованій остается еще достаточно.

...Мнѣ все больнѣе становится отъ сознанія, какую я сдѣлалъ ошибку, не научившись своевременно говорить по-англійски. Теперь уже поздно! Владѣй я языкомъ, я бы немедленно отправился въ Лондонъ. Или, вѣрнѣе, тогда я давно бы побывалъ тамъ. Я въ послѣднее время много о чемъ раздумывалъ и пришелъ къ тому заключенію, что мое шотландское происхожденіе наложило на меня глубокую печать. Но, пожалуй, это заключеніе только результатъ предположеній или желаній, чтобы это на самомъ дѣлѣ было такъ. Мнѣ недостаетъ въ данномъ случаѣ опыта и знанія для того, чтобы составить себѣ окончательное сужденіе.

Съ почтительнымъ привѣтомъ мистрисъ Арчеръ остаюсь

сердечно преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Христіанія, 31 іюля 1895 г.

Дорогой г. Іонасъ Коллинъ!

Сердечно благодарю васъ за любезное письмо и прошу извинить, что лишь теперь отвѣчаю на него этими краткими строками.

Упомянутую афишу и другіе относящіеся къ этому печатные документы я уже получилъ отъ г. Люнье Поэ. И, кромѣ того, еще цѣлую кучу другихъ вещей. Куда больше, чѣмъ я подозрѣвалъ. Конечно,

испытываешь извѣстное удовлетвореніе, сознавая, что имя твое пользуется широкою извѣстностью. Но чувства счастья это не даетъ. И чего въ сущности все это стоитъ? Ну, да..! Тысячи привѣтовъ отъ

преданнаго вамъ
Генрика Ибсена.

Георгу Брандесу.

I.

Христіанія, 24 апрѣля 1896 г.

Да, вы правы; я не отвѣтилъ на ваше дружеское письмо отъ 16 декабря прошлаго года, хотя оно все время лежало и продолжаетъ лежать у меня на столѣ, не переставая взывать ко мнѣ о томъ, чтобы я поблагодарилъ васъ. Я все надѣялся, что Гегель пришлетъ мнѣ вашъ большой трудъ, когда онъ будетъ оконченъ, но до сихъ поръ ничего отъ него не получилъ, а просить самому объ этомъ мнѣ не хочется. Итакъ, спасибо вамъ за предложенное посредничество. Будьте увѣрены, что нѣтъ ни одной книги, въ которую мнѣ такъ хотѣлось бы углубиться, какъ въ эту вашу новую книгу.

Въ предыдущемъ письмѣ вы предлагаете мнѣ посѣтить Лондонъ. Да, будь я настолько силенъ въ знаніи англійскаго языка, чтобы говорить на немъ, я бы, пожалуй, поѣхалъ. Но такъ какъ, къ сожалѣнію, этого нѣтъ, то мнѣ и приходится совсѣмъ отказаться отъ этой мысли. Кромѣ того, я занятъ подготовленіемъ новаго крупнаго труда и не желалъ бы откладывать его выполненіе дольше необходимаго. Неровенъ часъ, свалится тебѣ на голову черепица съ крыши прежде, чѣмъ успѣешь «написать свой заключительный стихъ»,—что тогда? Сердечные привѣты!

Преданный вамъ
Генрикъ Ибсенъ.

II.

Христіанія, 3 октября 1896 г.

Вы давно знаете, что я по части переписки человѣкъ невозможный, и потому поймете истинную причину того, что даже по вашему адресу такъ долго сохранялъ молчаніе.

Я не только прочелъ цѣликомъ весь вашъ капитальный трудъ о Шекспирѣ, но и изучилъ его такъ основательно, какъ врядъ ли какую другую книгу. Мнѣ кажется, что и Шекспиръ съ его вѣкомъ и вы сами живете и дышите въ этомъ вашемъ геніальномъ произведеніи. Сердечное спасибо за то, что обогатили меня этимъ вашимъ подаркомъ.

Молодая парижская парочка, которую вы направили ко мнѣ, очень мнѣ понравилась.

Венгерскій ученый лингвистъ тоже. Но я очень радъ, что они не явились теперь, въ то время, когда я всѣмъ отказываю. Теперь я какъ разъ погруженъ въ работу надъ новою обширною драмою, которую надо окончить возможно скорѣе.

Не обезсудьте поэтому на этихъ нѣсколькихъ строкахъ, которыя шлетъ вамъ вашъ вѣрный, преданный другъ

Генрикъ Ибсенъ.

III.

Христіанія, 11 октября 1896 г.

Наскоро отвѣчаю вамъ на ваши вопросы:

1) Симъ заявляю по чести и совѣсти, что никогда въ жизни, ни въ юности ни позже, не прочелъ ни одного произведенія Жоржъ Зандъ. Началъ-было однажды читать въ переводѣ «Консуэлло», но сразу оставилъ, такъ какъ романъ показался мнѣ произведеніемъ философа-дилетанта, а не поэта. Но такъ какъ я прочелъ всего нѣсколько страницъ, то очень можетъ быть, что и ошибся.

2) Отвѣтъ на этотъ вопросъ слѣдовательно отпадаетъ.

3) Александру Дюма я ровно ничѣмъ не обязанъ въ смыслѣ драматической формы, исключая развѣ того, что я по его произведеніямъ научился избѣгать довольно крупныхъ промаховъ и ошибокъ, въ которыхъ онъ нерѣдко повиненъ.

Сердечное спасибо вамъ за то, что вы взяли на себя трудъ провѣрить эти французскія измышленія.

Преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

IV.

Христіанія, 3 іюня 1897 г.

...Да, ваша продуктивность неистощима. За вашимъ большимъ походомъ, начатымъ вашей французскою статьей обо мнѣ, я могъ слѣдить лишь урывками и потому откладываю бесѣду о немъ и выраженіе моей благодарности до нашей личной встрѣчи.

А послѣднее вѣдь не пустой разговоръ. Угадайте-ка, о чемъ я теперь мечтаю, что рисую себѣ такими заманчивыми красками? Поселиться на Эрезундѣ между Копенгагеномъ и Эльсинеромъ, на открытомъ мѣстѣ, откуда я издали могу встрѣчать паруса и далеко провожать ихъ въ море. *Здѣсь* я этого не могу. Здѣсь «всѣ заливы закрыты»—во всѣхъ смыслахъ этого слова—и закупорены всѣ каналы уразумѣнія. О, дорогой Брандесъ, недаромъ прожившь 27 лѣтъ на просторѣ, среди свободныхъ и освобождающихъ условій культурной жизни. Здѣсь, у фьордовъ, моя *отчизна*. Но... но... но гдѣ

мнѣ найти мою истинную *родину*, гдѣ я буду *дома*? Больше всего влечетъ меня къ себѣ *море*.

Въ общемъ—брожу здѣсь въ одиночествѣ и набрасываю планъ косчего новенькаго. Но еще не вижу ясно — что изъ этого выйдетъ.

Ну, прежде всего будьте опять здоровы, поправляйтесь и—до свиданія на новомъ мѣстѣ, гдѣ предо мною будетъ открытое море.

Вашъ вѣрный и преданный

Генрикъ Ибсенъ.

Христіанія, 20 іюня 1897 г.

Дорогой докторъ Эліасъ!

Съ большимъ удовольствіемъ получилъ ваше письмо и познакомился съ планомъ задуманнаго вами и д-ромъ Шлентеромъ новаго изданія собранія моихъ сочиненій. Съ планомъ въ общемъ согласенъ, позволю себѣ сдѣлать лишь нѣсколько мелкихъ замѣчаній. По плану томъ I будетъ содержать стихотворенія и прозаическія статьи. Прозою я не написалъ ничего, что бы годилось для перевода на нѣмецкій языкъ, а стихотворенія мои я бы предпочелъ помѣстить въ послѣднемъ томѣ, такъ какъ они отчасти создались на протяженіи всей моей литературной дѣятельности, и, кромѣ того, врядъ ли возможно сдѣлать удовлетворительный переводъ ихъ такъ скоро, какъ того долженъ требовать выходъ 1-го тома.

...«Богатырскій курганъ» много лѣтъ тому назадъ помѣщенъ въ видѣ фельетона въ одной норвежской газетѣ, и я надѣюсь добыть для васъ копію.

Двѣ другія мои пьесы, написанныя въ юности, я никогда не желалъ видѣть въ печати и не желаю, чтобы ихъ переводили.

...Упомянутые экземпляры подлинныхъ изданій я закажу у моего издателя въ Копенгагенѣ и позабочусь, чтобы книги были доставлены вамъ возможно скорѣе.

Позабочусь также, если окажется возможнымъ, достать фотографіи, относящіяся къ раннимъ періодамъ моей жизни.

Преданный и признательный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Христіанія, 30 сентября 1898 г.

Дорогой Георгъ Брандесъ!

Получилъ ваше письмо и очень благодаренъ богемскому композитору за то, что онъ далъ вамъ поводъ нарушить вашу клятву—никогда больше не писать мнѣ. Но прежде всего благодарю васъ самихъ за ваше письмо — каково оно ни есть.

Вы разсказываете мнѣ о своей болѣзни, какъ будто я не зналъ о ней! День за днемъ я въ критическій періодъ ея съ тревогою слѣдилъ за сообщеніями о состояніи вашего здоровья.

Газеты говорили, что вамъ нельзя было принимать никакихъ посѣтителей. Какъ же я сталъ бы врываться къ вамъ, лѣзть на самый одръ болѣзни со своими коротенькими письмами? Вдобавокъ, я считаю невозможнымъ, чтобы вы въ тогдашнемъ своемъ состояніи особенно нуждались въ вѣсточкахъ отъ меня. Думаю, что теперь вы ошибаетесь относительно этого. Во всякомъ случаѣ я на вашемъ мѣстѣ просилъ бы всѣхъ оставить меня въ покоѣ, не мѣшать мнѣ поправляться.

Наконецъ вы же слишкомъ хорошо знаете укоренившееся во мнѣ отвращеніе къ писанію писемъ!

Да и къ чему онѣ послужили бы? Вы вѣдь знаете, что я обязанъ вамъ за многое и въ послѣднее время съ особенною благодарностью сознаю это. А если вы все-таки сомнѣваетесь въ послѣднемъ, то развѣ письменное увѣреніе къ чему-нибудь послужитъ? Господи, вы же знаете, какъ нетрудно смастерить письмо на манеръ генерала французскаго штаба!

Не нахожу поэтому, чтобы мое молчаніе принадлежало къ числу такихъ грѣховъ, которые давали бы вамъ право титуловать своего многолѣтняго друга «вашимъ высокородіемъ» или тому подобнымъ. И я не считаю достойнымъ такого человѣка, какъ вы, подымать такую исторію изъ-за двухъ-трехъ ненаписанныхъ писемъ—да еще писемъ отъ человѣка, который отнюдь не отличается особенной любовью къ обмѣну писемъ даже съ самыми близкими и дорогими своими друзьями.

...Сердечно кланяйтесь отъ насъ вашей женѣ и фрёкенъ Эдитъ.

Всегда вамъ преданный

Генрикъ Ибсенъ.

Христіанія, 7 іюля 1899 г.

Дорогой докторъ Вёрперъ.

Въ отвѣтъ на вашъ любезный запросъ спѣшу вкратцѣ сообщить, что въ основу «Кесаря и Галилеянина» мною не положено никакого отдѣльнаго историческаго труда. Тиллемонъ мнѣ совсѣмъ неизвѣстенъ. Но я прочелъ и сдѣлалъ извлеченіе изъ цѣлаго ряда церковныхъ писателей, и многимъ въ этомъ смыслѣ обязанъ нѣмецкой библіотекѣ въ Капитоліи. Ближе всего я держался историческаго матеріала, даннаго Амміаномъ Марцелліномъ, и послѣдній больше всѣхъ былъ мнѣ полезенъ. Простите за торопливость отвѣта. Я очень занятъ въ настоящее время работой. Усердно пишу новую драму.

Преданный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Христіанія, 15 января 1900 г.

Дорогой Іонасъ Ли!

Такъ ты попрежнему все тотъ же вѣрный и добросовѣстный корреспондентъ, какимъ и былъ всегда, а я никогда. Спасибо за письмо и сердечное спасибо за твою новую книгу, которую ты прислалъ мнѣ. Очень радъ, что она встрѣтила такой единодушный, горячій и вполнѣ заслуженный пріемъ и одобреніе даже здѣсь, гдѣ не очень-то способны къ особенно глубокому пониманію и правильной оцѣнкѣ.

Ты не думаешь ли драматизировать исторію Фасте? Мнѣ кажется, изъ этого разсказа вышла бы великолѣпная народная пьеса. Ты послушай только!

1-е дѣйствіе. Фасте — подростокъ, живущій подачками и носящійся съ мечтами о величіи.

2-е дѣйствіе. Борьба Фасте за существованіе въ городѣ.

3-е дѣйствіе. Побѣда Фасте въ городѣ.

4-е дѣйствіе. Пораженіе Фасте и бѣгство изъ страны.

5-е дѣйствіе. Возвращеніе Фасте въ качествѣ поэта-побѣдителя. Онъ обрѣлъ себя самого.

Надо драматизировать эту сказочную жизнь. Но сначала, конечно, тебѣ надо отойти подальше отъ своего разсказа,—дать пройти извѣстному сроку времени. Теперь-то тебѣ, пожалуй, мое предложеніе кажется грубымъ варварствомъ. Но во всѣхъ твоихъ разсказахъ есть драматическое зерно.

Однако нечего мнѣ больше фантазировать!

Насъ искренно радуетъ, что у васъ все обстоитъ благополучно. Быть-можетъ, встрѣтимся лѣтомъ? Въ этомъ году я думаю дать себѣ каникулы, и какъ хорошо было бы побесѣдовать о томъ, о семъ, какъ, помнишь, въ Берхтесгаденѣ около двадцати лѣтъ тому назадъ.

Кланяйся отъ насъ своей женѣ. А моей неугасающей пламенной симпатіи Елизаветѣ особо отъ меня. Поздравляю съ выигрышемъ въ Монте-Карло. Когда капитанъ вернется домой, надѣюсь услыхать отъ него много новостей о васъ.

Преданный тебѣ

Генрикъ Ибсенъ.

Графу Морицу Прозору.

Христіанія, 6 марта 1900 г.

Дорогой г. графъ!

...Скоро ли я напишу какую-нибудь новую драму — еще не знаю. Но если я попрежнему сохраню умственныя и физическія силы, кото-

рыми еще пользуюсь теперь, то я, конечно, ненадолго удержусь вдали отъ прежнихъ полей битвъ. Но въ такомъ случаѣ придется мнѣ, пожалуй, выступить съ новымъ оружіемъ и въ новыхъ доспѣхахъ.

Вы въ сущности правы, говоря, что серія, закончившаяся эпилогомъ, собственно началась «Строителемъ Сольнесомъ». Но мнѣ не хотѣлось бы подробнѣе высказаться объ этомъ. Предоставляю всѣ комментаріи и толкованія вамъ.

Сердечные привѣты!

Преданный и признательный вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Господину С. К. Элоуту, редактору „Algemeen Handelsblad“ въ Амстердамѣ.

Христіанія, 9 декабря 1900 г.

Многоуважаемый г. Элоутъ!

Вы сдѣлали мнѣ честь обратиться ко мнѣ въ «Politiken» съ открытымъ письмомъ, и я позволяю себѣ вкратцѣ отвѣтить вамъ тѣмъ же путемъ.

Я, какъ, можетъ-быть, вамъ извѣстно, въ политическомъ отношеніи человѣкъ мира и меньше всего думалъ быть замѣшаннымъ въ южноафриканскую войну. По отношенію къ распрѣ между бурами и англичанами я до сихъ поръ держался такъ же въ сторонѣ, такъ же нейтрально, какъ сама великая голландская колоніальная держава.

И мои афоризмы въ норвежской газетѣ «Örebladet» не имѣли цѣлью повредить бурамъ въ глазахъ интересующагося политикой міра.

Вы ставите мнѣ на видъ книгу, которая еще не вышла, но которая должна доказать мнѣ, что буры отнюдь не стяжали своихъ владѣній неправильнымъ образомъ, и что англичане въ Южной Африкѣ сдѣлали для культуры не больше буровъ.

Увидимъ.

Если обѣщанной книгѣ или брошюрѣ удастся переубѣдить меня во всемъ томъ, что возмутило бы мое нынѣшнее міросозерцаніе, я честно признаюсь въ этомъ.

Я лично нахожусь въ большомъ долгу благодарности у вашей націи, г. редакторъ. Но нельзя требовать, чтобы я уплатилъ часть этого долга, поступаясь своими убѣжденіями.

Въ заключеніе вы говорите, что голландцы естественные заступники буровъ въ Европѣ.

Почему же ваши земляки не выбрали болѣе дѣйствительной арены для своей защитительной дѣятельности, пока было не поздно?

Я имѣю въ виду Южную Африку.

А то — защищать братьевъ книжками, брошюрами и открытыми письмами...

Развѣ нѣтъ, г. редакторъ, болѣе дѣйствительнаго оружія?

Я имѣю въ виду...

Съ почтеніемъ
Генрикъ Ибсенъ.

Примѣчанія къ статьямъ и рѣчамъ.

Къ стр. 211. «Обитель Гульдры»—пьеса Р. А. Іенсена, была поставлена въ Христіанійскомъ театрѣ 10 марта 1851 г., а статья о ней Ибсена напечатана въ «Andhrimner», литературно-сатирическомъ еженедѣльномъ журналѣ, издававшемся въ томъ же году П. Боттенъ-Гансеномъ, А. О. Винье и Г. Ибсеномъ.

Къ стр. 212. П. І. Стубъ—по профессіи учитель, время отъ времени выступавшій въ качествѣ критика и литератора. Статьи Ибсена, въ которыхъ онъ полемизировалъ со Стубомъ, напечатаны въ «Bergens Stiftstidende» («Бергенскій Областной Вѣстникъ») въ 1851 г.

Къ стр. 214. «Богатырскія пѣсни и ихъ значеніе для искусства» напечатаны въ «Illustreret Nyhedsblad» («Иллюстрированныя Новости») въ 1857 г. (№№ 19—20), изд. Боттенъ-Гансеномъ (см. письма къ нему Ибсена, стр. 289, 290, 325).

Къ стр. 230. «Деревенская исторія»—пьеса изъ народнаго быта, въ 5 д., Г. Х. Андерсена (передѣлка съ нѣмецкаго)—исполнена въ первый разъ на сценѣ Христіанійскаго театра 8 октября 1857 г., а статья Ибсена о ней напечатана въ «Illustr. Nyhedsblad» 11 октября.

Къ стр. 231. Статья о датскомъ артистѣ Христіанійскаго театра А. В. Вите напечатана тамъ же 11 декабря.

Къ стр. 233. Статья о пьесѣ А. Мунха «Лордъ Вильямъ Руссель» напечатана тамъ же 20—27 декабря.

Къ стр. 236. Обращеніе къ г. N. N. изъ Бергена напечатано въ «Aftenbladet» («Вечерняя Газета», № 37) въ 1857 г.

Къ стр. 238. «Къ характеристикѣ дирекціи датскаго театра въ Христіаніи» напечатано тамъ же въ 1858 г. (№ 58).

Къ стр. 241. «Новыя замѣтки по театральному вопросу» напечатаны въ №№ 71 и 72 той же газеты въ отвѣтъ на статьи Рихарда Петерсена въ «Христіанійской Почтѣ» (№ 80—84), а «Предварительное заключеніе» (стр. 252) въ № 85.

Къ стр. 254. «Чѣмъ пробавляется Христіанійская Почта» напечатано въ «Aftenbladet» въ 1861 г. (№ 133).

Къ стр. 256. «Театральный кризисъ» напечатано въ «Illustr. Nyhedsblad» въ 1862 г. (№ 35). Трудности, съ которыми все время приходилось бороться двумъ конкурирующимъ театрамъ въ Христіаніи, достигли своего кульминаціоннаго пункта въ сезонъ 1862—63 гг., когда Норвежскій театръ, руководимый Ибсеномъ, потерпѣлъ крахъ, и директоръ-распорядитель (датскаго) Христіанійскаго театра датчанинъ Боргоръ былъ наконецъ удаленъ. Съ осени 1863 г. обѣ сцены слились,

труппа стала почти всецѣло норвежскою, и Г. Ибсенъ былъ приглашенъ консультантомъ по художественной части.

Къ стр. 260. Статья о «Сигурдѣ Слембе» напечатана въ «Illustr. Nyhedsblad» въ 1863 г. (№ 1).

Къ стр. 262. «Поправка». Замѣтка эта заимствована изъ нѣмецкаго изданія «Собранія сочиненій Г. Ибсена», а появилась она въ свое время на нѣмецкомъ языкѣ въ журналѣ «Im neuen Reich» въ 1871 г. (т. 2, стр. 837—839).

Къ стр. 264. «Соціалъ-демократія» также заимствована изъ нѣмецкаго изданія; появилась въ «Münchner Post» 1890 (№ 200).

Къ стр. 266. «Норвежскія сказанія» напечатаны въ «Ill. Nyhedsblad» въ 1862 г. (№№ 42, 45).

Къ стр. 270. «Сонъ» Norsk Forfatterleksikon («Словарь норвежскихъ писателей») стр. 45.

Къ стр. 271. «Рѣчь на могилѣ П. А. Мунха» напечатана тамъ же въ 1865 г. (№ 29).

Къ стр. 275. «Рѣчь норвежскимъ студентамъ» напечатана въ «Morgenbladet» («Утренняя Газета») въ 1874 г. (№ 252).

Къ стр. 277. «Рѣчь трондьемскимъ рабочимъ» заимствована изъ «Словаря норвежскихъ писателей» («Прибавленіе» къ «Ибсеновскому» выпуску).

Къ стр. 278. «Рѣчь на празднествѣ въ Берлинѣ» заимствована изъ нѣмецкаго изданія; напечатана въ «Berliner Börsen-Courier», 1887 (№ 19).

— «Рѣчь на празднествѣ въ Стокгольмѣ» заимствована изъ «Словаря норвежскихъ писателей».

Къ стр. 279. «Рѣчь на обѣдѣ въ Христіаніи» по отчету «Morgenbladet» 24 марта 1898 г.

Къ стр. 281. «Рѣчь на обѣдѣ въ Копенгагенѣ» напечатана въ газетѣ «Politiken» 2 апрѣля 1898 г.

Къ стр. 282. «Рѣчь на обѣдѣ въ Стокгольмѣ» напечатана въ «Aftenposten» 14 апрѣля 1898 г.

Къ стр. 283. «Рѣчь на обѣдѣ въ Стокгольмѣ». Post och Inrikes Tidning 1898, 14 апрѣля.

— «Рѣчь союзу норвежскихъ женщинъ» напечатана въ «Morgenbladet» 27 мая 1890 г.

Примѣчанія къ письмамъ.

Къ стр. 285. Оле Шулерудъ, въ то время студентъ-юристъ, другъ юности Ибсена (1827—1859).

— Христоффоръ-Лоренцъ Дуэ — второй другъ юности Ибсена; онъ и былъ тѣмъ преданнымъ пріятелемъ, который такъ добросовѣстно выполнилъ взятый на себя трудъ снять копію съ «Катилины» (см. предисловіе Ибсена ко 2-му изд. «Катилины»).

Къ стр. 286. «Олафъ Трюгвессенъ» такъ никогда и не былъ оконченъ.

— Драма «Нормапы» въ переработанномъ видѣ была поставлена въ маѣ 1850 г. въ Христіаніи, затѣмъ осенью шла въ Копенгагенѣ, но напечатана пьеса въ этой редакціи не была; рукопись ея хранится въ библіотекѣ Національнаго театра въ Христіаніи.

— Преданіями и описаніями, навѣянными Телемаркскомъ, Ибсенъ воспользовался для стихотворенія «Работникъ съ мельницы», которое въ печати не появлялось.

— «Бальныя воспоминанія»—эпизодъ изъ жизни, въ стихахъ и въ прозѣ,—сохранились въ тетради, заключающей «разныя стихотворенія» за 1848—50 гг. и находящейся нынѣ въ университетской библіотекѣ въ Христіаніи. Іегеръ въ своемъ критико-біографическомъ трудѣ, изданномъ къ юбилею Ибсена (Копенгагенъ, 1888 г.), помѣстилъ пересказъ стихотворенія, вѣрнѣе—поэмы.

Къ стр. 287. Объ «Акерсгусскомъ узникѣ». І. Б. Гальворсенъ, имѣвшій возможность ознакомиться съ нынѣ уже недоступною для обозрѣнія рукописью, состоявшею изъ 21 страницы, сообщаетъ въ норвежскомъ журналѣ «Ringeren» («Звонарь», 1898 г., № 52—53) слѣдующее: «Первая законченная глава представляетъ собою родъ вступленія, въ которомъ авторъ выводитъ своего «покойнаго дядюшку Бьярме», «типичнаго копенгагенскаго студента старыхъ временъ», завѣщавшаго своему племяннику Брюньольфу свои рукописи, съ обязательствомъ погасить литературный долгъ дядюшки, издавъ эти рукописи». «Къ этому,— заявляетъ племянникъ:—считаю не лишнимъ прибавить, по примѣру моихъ коллегъ, господъ авторовъ, что обработка упомянутой рукописи принадлежитъ мнѣ, и все хорошее, что можетъ въ ней оказаться, должно быть такимъ образомъ, разумѣется, приписано мнѣ, а за остальное пусть отвѣчаетъ дядюшка». Это вступленіе занимаетъ 18 страницъ рукописи. Слѣдующая глава, «въ которой читатель знакомится съ госпожой Юстиціей, какова она была въ прошломъ столѣтіи», останавливается на описаніи природы въ усадьбѣ Мёглестуэ близъ Лиллесанда, гдѣ «на небольшомъ холмѣ, передъ домомъ, возвышался дубъ Христіана Лофтгуса». Дальше авторъ своего труда не продолжалъ,—подготовка къ университету и поѣздка въ Христіанію въ мартѣ 1850 г. помѣшали ему.

Старая рукопись, попавшаяся въ руки Ибсену, была, вѣроятно, «Письмомъ изъ Христіансандскаго округа» о поднятомъ Лофтгусомъ народномъ движеніи; письмо это, напечатанное въ 1787 г. въ датскомъ журналѣ «Минерва», въ томъ же году вышло отдѣльною брошюрою въ Христіаніи; а можетъ-быть,—что даже вѣрнѣе.—Ибсенъ напалъ на рукописный текстъ одной изъ относящихся къ тому времени народныхъ пѣсенъ, напримѣръ, извѣстной подъ названіемъ: «Историческая пѣсня, вызванная рачьимъ ходомъ современнаго правосудія» (Копенгагенъ, 1788 г.).

— Предисловіе это однако не было предпослано «Катилинѣ», но замѣнено краткимъ примѣчаніемъ въ концѣ книжки о томъ, что авторъ воспользовался историческими фактами.

Къ стр. 288. Ибсенъ встрѣтилъ девятнадцатилѣтнюю Сусанну Дотересенъ въ первый разъ въ домѣ ея отца, пробста Ганса-Конрада Торесена, и мачехи ея, писательницы Магдалины Торесенъ. Вскорѣ Ибсенъ снова увидѣлся съ нею на балу въ Бергенскомъ филармоническомъ кружкѣ и вслѣдъ затѣмъ письменно обратился къ ней съ этимъ стихотворнымъ признаніемъ и предложеніемъ. Въ 1858 г. они обвѣнчались.

Къ стр. 289. Павелъ Боттенъ-Гансенъ (1824—1869 гг.) съ осени 1851 г. началъ издавать въ Христіаніи «Illustreret Nyhedsblad» («Иллюстрированныя Новости»), гдѣ значительное мѣсто отводилось литературной критикѣ. Въ томъ же году, въ теченіе первыхъ девяти мѣсяцевъ, самъ Ибсенъ вмѣстѣ съ Боттенъ-Гансеномъ и съ столь знаменитымъ впослѣдствіи норвежскимъ поэтомъ на народномъ нарѣчіи Осмундомъ Винье (1818—1870 гг.) издавалъ еженедѣльный журналъ «Andhrimner».

— Статья Ибсена «О богатырскихъ пѣсняхъ» была напечатана въ «Ill. Nyhedsblad» въ 1857 г., въ №№ 19 и 20, а затѣмъ вошла въ «Собраніе сочиненій».

Къ стр. 290. Христіанъ Тёнсбергъ—христіанійскій издатель-книгопродавецъ, выпустившій въ свѣтъ (1845—1861 гг. и 1875—1891 гг.) цѣлый рядъ крупныхъ изданій, въ томъ числѣ и иллюстрированныхъ трудовъ.

— Боргоръ—датчанинъ, директоръ-распорядитель по художественной части при Христіанійскомъ театрѣ (1851—1863 гг.).

— Оле Винъ (1824—1857 гг.)—одинъ изъ самыхъ выдающихся грунтвигіанцевъ въ Норвегіи, плодовитый и дѣльный писатель, много послужившій дѣлу народнаго просвѣщенія, и ревностный борецъ за чистый норвежскій языкъ. Въ качествѣ такового онъ не разъ и вступалъ въ полемику съ Боттенъ-Гансеномъ, и многія изъ его статей какъ разъ носили заглавіе: «Кое-что о...» или «Нѣсколько словъ о...» Ибсенъ, впрочемъ, былъ съ нимъ друженъ и посвятилъ его памяти прочувствованное стихотвореніе (1857 г.).

Къ стр. 291. «Новое драматическое произведеніе», о которомъ здѣсь говоритъ Ибсенъ, было «Вонтели въ Гельгеландѣ».

— Карлъ-Іоганнъ Анкеръ (1835—1903 гг.)—въ то время лейтенантъ норвежской гвардіи въ Стокгольмѣ, а въ концѣ своей жизни подполковникъ норвежской арміи, всегда проявлялъ большой интересъ къ литературѣ и въ 80—90 годахъ издалъ нѣсколько историческихъ трудовъ. Въ 1856 г. онъ вмѣстѣ съ Ибсеномъ совершилъ пѣшкомъ экскурсію изъ Бергена въ Гардангеръ и обратно черезъ Воссъ. Плѣнившее Ибсена рыцарское благородство его дорожнаго товарища всегда было выдающеюся чертой характера Анкера.

Къ стр. 292. Эта первая попытка Ибсена добиться стипендіи не увѣн-

чалась успѣхомъ. Въ 1858 г. государственную стипендію на заграничную поѣздку получили Вельгавенъ и Мунхъ, а въ 1860 г. Бьёрнсонъ и Винье. Ибсену же была дана въ 1862 г. стипендія въ 110 спецій-далеровъ (приблизительно 220 рублей) отъ христіанійскаго университета на путешествіе по Норвегіи съ цѣлью собиранія народныхъ преданій и пѣсенъ, а въ 1863 г. еще 100 сп.-д. — на поѣздку за границу.

Къ стр. 294. Это прошеніе осталось безъ результата.

Къ стр. 296. «Норвежскій писатель», на котораго Ибсенъ здѣсь указывалъ для примѣра, былъ Б. Бьёрнсонъ; ему стортингъ разрѣшилъ 1 апрѣля 1863 г. писательское жалованье — 400 сп.-д. въ годъ (около 800 р.). Результатомъ же этого прошенія Ибсена было назначеніе ему единовременной заграничной стипендіи въ 400 сп.-д., послѣ чего онъ и уѣхалъ сначала въ Копенгагенъ (весной 1864 г.), а затѣмъ въ Берлинъ и въ Римъ, гдѣ оставался до весны 1868 г.

— Рандольфъ Нильсенъ—бергенскій судовладѣлецъ, въ домѣ котораго остановился Ибсенъ въ свой пріѣздъ на пятый торжественный пѣвческій праздникъ, состоявшійся въ Бергенѣ въ іюнѣ 1863 г. Въ празднествѣ принималъ участіе и Бьёрнсонъ, и оба посвятили событію привѣтственныя стихотворенія.

Къ стр. 297. Лоренцъ Дитрихсонъ — норвежскій ученый и писатель, авторъ солидныхъ трудовъ по исторіи литературы и искусствъ. Съ 1862 по 1865 г. Д. проживалъ въ Римѣ и въ качествѣ библіотекаря тамошняго Скандинавскаго Кружка имѣлъ даровую квартиру въ занимаемомъ Кружкомъ палаццо Корреа. Ибсенъ, знавшій Д. еще въ Христіаніи, особенно близко сошелся съ нимъ въ Римѣ (см. письма Ибсена Дитрихсону), и дружба ихъ, несмотря на временный разрывъ (см. письмо Ибсена изъ Мюнхена отъ 23 октября 1885 г.), длилась до старости. Такъ, 31 декабря 1893 г. Ибсенъ послалъ Дитрихсону свое «спасибо за долголѣтнюю вѣрную дружбу», а 1 января 1904 г., въ день 70-й годовщины дня рожденія Д., Ибсенъ адресовалъ «самыя сердечныя поздравленія дорогому старому другу».

Къ стр. 299. «Большой поэмы» отъ перваго года пребыванія Ибсена въ Римѣ не сохранилось, но извѣстно, что онъ весною 1885 г. читалъ Дитрихсону отрывокъ эпическаго стихотворенія, по содержанію близкаго къ первой сценѣ «Союза молодежи», въ которой происходитъ праздникъ 17 мая.

— Въ первое же лѣто пребыванія въ Италіи Ибсеномъ овладѣла мысль написать драму на тему о Юліанѣ Отступникѣ, и онъ разрабатывалъ этотъ планъ всю послѣдующую зиму и весну.

— Библіотекаремъ послѣ Дитрихсона Ибсенъ не сдѣлался, такъ какъ съ конца 1865 г. сталъ уже получать приличный доходъ отъ своихъ литературныхъ трудовъ.

— Б. Дункеръ былъ однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ и обладавшихъ обширнѣйшею практикой адвокатовъ въ Христіаніи. Въ 1860—1862 гг. и въ 1865 — 1866 гг. Д. состоялъ предсѣдателемъ комитета, завѣдывавшаго Христіанійскимъ театромъ.

Къ стр. 300. «40 скудо» равнялись въ папскихъ владѣніяхъ приблизительно 75 рублямъ.

Къ стр. 302. «Зуавомъ» Ибсенъ называетъ своего маленькаго сына Сигурда, которому Бьёрнсонъ подарилъ одинаковый со своимъ сыномъ костюмъ зуава.

Къ стр. 303. «Троньемское королевское общество поощренія наукъ и искусствъ» до конца 60-хъ годовъ назначало стипендіи не только дѣятелямъ науки, но и поэтамъ и беллетристамъ, напримѣръ, въ 1862 г. Бьёрнсону и въ 1862 и 1863 гг. Винье. Бьёрнсонъ

присоединилъ къ ходатайству Ибсена свою письменную просьбу, помѣченную 21 апрѣля 1865 г. Прося обезпечить Ибсену увѣренность въ завтрашнемъ днѣ и покой, необходимые для продолженія начатаго имъ труда, Б. мотивировалъ свою просьбу такъ: «Поэтическое произведеніе, конечно, не принадлежитъ къ области серьезной науки, но оно принадлежитъ къ области прекраснаго, и впечатлѣнія, подъ какими оно слагается, въ связи съ вліяніями опыта, знанія и настроенія, подъ которыми оно зародилось, требуютъ совершенно особой охраны, защиты. Если ея нѣтъ, вино начинаетъ бродить, и Генрикъ Ибсенъ какъ разъ подвергается такой опасности. Я со своей стороны имѣю особыя причины поддержать ходатайство г. Ибсена. Писательское жалованье ему было назначено не одновременно со мной, а позже, и заграничная стипендія ему была назначена въ суммѣ на 100 сп.-д. меньше. Эту отчасти случайность, отчасти несправедливость я пытался поправить, прибѣгнувъ къ частной подпискѣ, которая дала Ибсену 600 сп.-д. Но скорѣе всего, я думаю, наши положенія будутъ уравнены. — что̀ желательно для нашихъ добрыхъ отношеній, — если ваше уважаемое Общество окажетъ ему теперь солидную поддержку. Его творчество вдобавокъ болѣе моего сродни наукѣ въ строгомъ смыслѣ; у него больше способности къ абстрактному мышленію».

Тѣмъ не менѣе ходатайство Ибсена не было уважено Обществомъ, и 17 августа того же года Бьёрнсонъ обратился съ новой просьбой за своего собрата по литературѣ, ссылаясь на то, что Ибсенъ «крайне нуждается, и что то разочарованіе, которое онъ испытываетъ вслѣдствіе такого отказа ему тамъ, гдѣ мы другіе (кромѣ меня, еще А. О. Винье) пользуемся субсидіей, значительно уменьшаетъ ту пользу отъ пребыванія за границей, на которую мы разсчитывали, собирая для него деньги». Эта новая «крайне убѣдительная просьба» имѣла результатомъ назначеніе 30 апрѣля 1866 г. Ибсену 100 сп.-д. «въ видѣ субсидіи на продленіе его пребыванія въ Римѣ ради завершенія начатаго тамъ драматическаго труда, сюжетъ котораго почерпнутъ изъ римской исторіи». Нескоро однако Ибсенъ могъ серьезно приняться за этотъ трудъ: лишь 19 октября 1873 г. онъ прислалъ Обществу, уже изъ Дрездена, «какъ должный знакъ признательности», экземпляръ «Кесаря и Галилеянина».

Къ стр. 304. Аррпчіа — мѣстечко въ нѣсколькихъ верстахъ къ юго-востоку отъ Рима, по близости Албанскихъ горъ. Здѣсь Ибсенъ писалъ «Бранда» въ то время, какъ Бьёрнсонъ всячески старался обезпечить ему средства къ жизни, а именно: устроилъ ему сношенія съ крупной датской издательской фирмой «Гюльдендаль» (владѣлецъ фирмы Гегель былъ издателемъ самого Бьёрнсона съ 1861 г.), хлопоталъ для него о должности помощника библіотекаря при университетѣ въ Христіаніи и добивался стипендій и назначенія писательскаго жалованья.

Къ стр. 305. Ректоръ Мюллеръ въ свое время далъ довольно неблагопріятный отзывъ о «Катилинѣ».

— Анкерскій фондъ былъ основанъ въ 1857 г. датскимъ богачомъ-купцомъ для выдачи стипендій на поѣздки художникамъ и писателямъ. Бьёрнсонъ въ своихъ хлопотахъ объ экономическомъ положеніи Ибсена имѣлъ въ виду и этотъ фондъ, но оказалось, что на пособія изъ него имѣли право лишь датскіе дѣятели искусства.

Къ стр. 306. Іоганнъ Свердрупъ — впослѣдствіи знаменитый политическій дѣятель и премьеръ-министръ Норвегіи.

— Георгъ Кронъ — артистъ Христіанійскаго театра (1863 — 1867 и 1869 гг.), завѣдывалъ въ 1863 г. труппой Норвежскаго театра, а

въ 1867 г. смѣнилъ Бьёрнсона въ качествѣ директора-распорядителя по художественной части.

— Фредерикъ Гегель съ 1850 г. глава крупной копенгагенской издательско-книгопродавческой фирмы «Гюльдендаль». 14 ноября 1865 г. Ибсенъ получилъ отъ Гегеля письмо съ условіями относительно изданія «Бранда», на которое на другой же день отправилъ отвѣтное письмо съ благодарностью и одновременно выслалъ издателю послѣдніе 84 страницы рукописи драмы.

Почти одновременно съ полученіемъ этого письма отъ Ибсена Гегель (23 ноября) обратился къ писателю съ новымъ письмомъ по поводу нѣкоторыхъ норвежскихъ особенностей въ орографіи и выборѣ словъ. Ибсенъ отвѣтилъ 2 декабря письмомъ, которое не дошло до адресата, и въ новомъ письмѣ отъ 16 марта 1866 г. вкратцѣ повторилъ содержаніе пропавшаго: «На замѣчаніе относительно многихъ примѣненныхъ мною словъ, неизвѣстныхъ въ Даніи, я отвѣтилъ, что это было неизбѣжно, такъ какъ слова эти примѣнены мною почти исключительно ради оттѣненія характера мѣстныхъ условій, — особенностей горной природы и т. п., для которыхъ весьма естественно въ странѣ равнинъ не существуетъ соотвѣтствующихъ обозначеній. Примѣненіе такого рода словъ однако не представляетъ бо̀льшихъ неудобствъ, нежели примѣненіе «морскихъ» выраженій въ романѣ изъ морского быта; обыкновенный «сухопутный» читатель, разумѣется, понимаетъ не всѣ обычныя въ жизни моряковъ выраженія, но книга не становится отъ того непонятною».

Къ стр. 307. Магдалина Торесенъ (1819 — 1903 гг.) — мачеха жены Ибсена, извѣстная писательница, выбиравшая по преимуществу темы изъ народнаго норвежскаго быта; ея честолюбивою мечтою было стяжать себѣ имя въ качествѣ норвежской писательницы, несмотря на то, что родомъ она была датчанка. Вѣроятно, насчетъ ея непорвежскаго происхожденія и слѣдуетъ отнести тѣ промахи въ погонѣ за «чисто норвежскими словами и оборотами», на что намекаетъ Ибсенъ въ своемъ письмѣ къ ней отъ 15 окт. 1867 г. (см. стр. 336, а также письмо къ Гегелю, стр. 350). Въ замужествѣ съ пробстомъ Торесеномъ она имѣла двухъ дочерей, Сару и Доротею, и двухъ упоминаемыхъ въ этомъ письмѣ сыновей, Томаса и Акселя (стр. 309).

Къ стр. 309. Клеменсъ Петерсенъ — въ то время самый вліятельный литературный критикъ въ Даніи, принимавшій въ 1857 — 1868 гг. весьма близкое участіе въ главномъ о̀рганѣ національ-либераловъ «Fädrelandet» («Отечество»). Познакомясь въ 1856 г. съ Бьёрнсономъ, Кл. Петерсенъ сдѣлался съ тѣхъ поръ самымъ горячимъ поклонникомъ и другомъ норвежскаго писателя. Извѣстный датскій писатель Гострупъ охарактеризовалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ отъ 1864 г. Кл. Петерсена слѣдующимъ образомъ: «Это эстетикъ-доктринеръ, который учиняетъ немало несправедливостей со своими готовыми мѣрками»—въ чемъ и пришлось убѣдиться Ибсену по выходѣ въ свѣтъ «Пера Гюнта» (см. письма Ибсена къ Бьёрнсону отъ 9-го и 28-го дек. 1867 г.).

Къ стр. 310. Іоганнъ Браво пріѣхалъ въ Римъ продолжать свое художественное образованіе, начатое въ академіи художествъ въ Копенгагенѣ (по классу живописи), но скоро промѣнялъ искусство на коммерцію и сдѣлался сначала датскимъ, а затѣмъ и шведско-норвежскимъ консуломъ въ Римѣ.

— Н. А. Равнкилле — датскій музыкантъ, римскій старожилъ, всегда охотно приходившій на помощь нуждавшимся скандинавамъ.

— Фредерикъ Бецманъ въ 1859 — 1863 гг. былъ библіотека-

ремъ Скандинавскаго Кружка въ Римѣ, а съ 1864 г. сотрудничалъ въ органахъ норвежской періодической печати и занималъ мѣсто помощника университетскаго библіотекаря въ Христіаніи.

Къ стр. 312. Джонъ Григъ — единственный братъ знаменитаго норвежскаго композитора Эдварда Грига, въ молодости своей также думалъ посвятить себя музыкѣ и былъ не только превосходнымъ віолончелистомъ, но проявлялъ и поэтическое дарованіе. Пробывъ нѣсколько лѣтъ въ Лейпцигѣ и Дрезденѣ для усовершенствованія въ музыкѣ, онъ вернулся на родину и тутъ взялся за стихотворный переводъ на нѣмецкій языкъ «Борьбы за престолъ». Переводъ этотъ однако такъ и не былъ напечатанъ, такъ какъ не нашлось издателя. Музыкальную дѣятельность Дж. Григъ промѣнялъ затѣмъ на дѣловую.

Къ стр. 313. Въ тотъ же день, когда Ибсенъ обратился съ этимъ своимъ прошеніемъ къ королю, П. Боттенъ-Гансенъ помѣстилъ въ «Ill. Nyhedsblad» горячій призывъ къ стортингу — не оставить погибнуть въ нуждѣ на чужбинѣ норвежскаго поэта, и уже 17 апрѣля двадцать восемь членовъ стортинга, въ томъ числѣ І. Свердрупъ и многіе другіе изъ вліятельнѣйшихъ политическихъ дѣятелей, подписали петицію о назначеніи Ибсену писательскаго жалованья. Два дня спустя личные друзья Ибсена: асессоръ Бакке (см. стр. 320), государственный архиваріусъ М. Биркеландъ (см. письма къ нему Ибсена), П. Боттенъ-Гансенъ и инспекторъ Яковъ Лекке (стр. 320) обратились съ прошеніемъ къ правительству о внесеніи въ стортингъ королевскаго предложенія, касающагося назначенія Ибсену писательскаго жалованья, при чемъ въ этомъ прошеніи было описано крайне стѣсненное матеріальное положеніе писателя. Въ результатѣ 12 мая разрѣшеніе Ибсену писательскаго жалованья прошло въ стортингѣ абсолютнымъ большинствомъ голосовъ противъ четырехъ.

Къ стр. 315. Кандидатъ юридическаго факультета Людвигъ Давидъ, многообѣщавшій юноша, погибшій такой ранней и ужасной смертью, былъ близкимъ другомъ Георга Брандеса.

Къ стр. 319. Георгъ Брандесъ весною 1866 г. открылъ свой первый походъ противъ господствовавшей въ Даніи философской школы, главою которой былъ профессоръ Р. Нильсенъ.

Къ стр. 320. А. Ф. Кригеръ—датскій юристъ и вождь партіи національ-либераловъ, два раза бывшій министромъ.

Къ стр. 321. Карстенъ Гаухъ — датскій поэтъ, выпустилъ въ 1866 г. драматическую поэму: «Юліанъ Отступникъ».

— Дѣло идетъ здѣсь о вышеупоминавшемся переводѣ Джона Грига (письмо къ нему стр. 312).

Къ стр. 322. Б. Бьёрнсонъ и адвокатъ Дункеръ оба домогались, каждый для себя, полной и безраздѣльной власти по управленію Христіанійскимъ театромъ, и въ іюнѣ 1866 г. Б. выступилъ съ формальнымъ проектомъ о расширеніи своихъ полномочій, но получилъ отказъ. Вскорѣ послѣ того онъ вышелъ изъ состава дирекціи, и постъ директора-распорядителя по художественной части предлагался Ибсену, но безуспѣшно.

Къ стр. 323. Г. Гольмбо—ректоръ бергенской соборной школы и вліятельный членъ стортинга, гдѣ отстаивалъ либеральные взгляды.

— Съ 3-го марта 1866 г. Бьернсонъ началъ издавать «Norsk Folkeblad» («Норвежскій Народный Листокъ») и велъ эту газету въ теченіе почти 6 лѣтъ.

— Въ «Fädrelandet» былъ напечатанъ 23 апрѣля 1866 г. призывъ къ обществу придти на помощь вдовѣ редактора-издателя Грима, всю жизнь отстаивавшаго въ Ютландіи датскіе интересы; за

воспрещеніемъ вдовѣ новымъ нѣмецкимъ правительствомъ продолжать дѣло мужа, она очутилась съ 4-мя малолѣтними дѣтьми въ крайней нуждѣ.

Къ стр. 324. Георгъ-Христіанъ Сиббернъ—въ 1858—1871 гг. норвежскій министръ (предсѣдатель норвежскаго государственнаго совѣта въ Стокгольмѣ), а въ 1878—1884 гг. шведско-норвежскій посланникъ въ Парижѣ. Это былъ вообще весьма образованный и воспитанный человѣкъ старой школы, отзывчивый и доброжелательный какъ въ частной жизни, такъ и въ качествѣ офиціальнаго лица.

Къ стр. 325. Фраскати — городокъ въ 20 килом. къ юго-востоку отъ Рима, на склонѣ Албанскихъ горъ.

— О вліяніи на творчество Ибсена вообще и на «Бранда» въ частности датскаго философа и богослова Сёрена Киркегора (что всегда упорно отвергалось самимъ Ибсеномъ) подробно говорится въ предисловіи къ «Бранду».

Къ стр. 327. 3-е изданіе «Бранда» вышло спустя три мѣсяца послѣ выхода въ свѣтъ 2-го, понадобившагося всего черезъ 2 мѣсяца послѣ 1-го.

Къ стр. 331. І. Нандрупъ весною 1862 г. ссудилъ Ибсена деньгами и заплатилъ за него по нѣсколькимъ исполнительнымъ листамъ. Ибсенъ въ прошеніи къ правительству отъ 10-го марта 1863 г. самъ пишетъ, что въ это тяжелое для него время успѣлъ задолжать до 500 сп.-д. (около 1.000 р.). Долгъ Нандрупу оставался непогашеннымъ, и Нандрупъ, не добившись удовлетворенія своихъ претензій отъ адвоката Дункера, до извѣстной степени вѣдавшаго денежными дѣлами Ибсена на родинѣ, назначилъ къ продажѣ съ аукціона хранившееся въ кладовыхъ Норвежскаго театра имущество Ибсена.

Къ стр. 332. Марія Торесенъ—родная сестра фру Ибсенъ.

— 27-го іюня 1866 г. въ Христіанійскомъ театрѣ было поставлено 4-е дѣйствіе «Бранда» (въ бенефисъ одного изъ артистовъ), а съ осени была включена въ репертуаръ вся пьеса.

— 4-е изданіе «Бранда» вышло черезъ 4 мѣсяца послѣ 3-го.

Къ стр. 333. Предисловіе ко 2-му изданію «Комедіи любви».

Къ стр. 334. Поэма, «нисколько непохожая на Бранда», о которой говоритъ здѣсь Ибсенъ, была «Перъ Гюнтъ».

Къ стр. 335. Послѣднюю часть рукописи Ибсенъ выслалъ уже изъ Сорренто 18 октября, и пьеса вышла въ свѣтъ въ серединѣ ноября. О героѣ драмы появились впослѣдствіи въ литературѣ новыя данныя — преданія и сказки. Особенно много сообщилъ ихъ Перъ Осмундстадъ въ норвежскомъ журналѣ «Syn og Segn» 1903 г.

Къ стр. 336. Сара и Доротея Торесенъ — сводныя сестры фру Ибсенъ.

Къ стр. 337. Томасъ Торесенъ—сводный братъ фру Ибсенъ.

Къ стр. 338. Іонасъ Коллинъ—сынъ Эдварда Коллина, извѣстнаго датскаго коллекціонера и друга геніальнаго датскаго сказочника Г. Х. Андерсена.

— Георгъ Брандесъ началъ въ 1866 г. свою извѣстную полемику съ представителями философской школы Расмуса Нильсена, пытавшейся примирить религію съ наукой, а въ сентябрѣ 1867 г. помѣстилъ въ «Dabgladet» особенно рѣзкую статью, въ которой противопоставлялъ религіозной философіи позитивизмъ, требовалъ отъ датской молодежи изученія иностранныхъ мыслителей въ цѣляхъ расширенія ея умственнаго кругозора и выяснялъ, что Р. Нильсенъ съ его приспными «борются лишь противъ прогресса и стремятся, хотя и тщетно, помѣшать истинно-новому пробить себѣ путь.

Но это новое несокрушимо, такъ какъ щитомъ ему служатъ разумъ и свобода».

Къ стр. 339. Клемексъ Петерсепъ высказалъ въ своей критической статьѣ, что «Перъ Гюнтъ» въ сущности не поэзія, такъ какъ въ этомъ произведеніи «при перенесеніи дѣйствительности въ область искусства не соблюдены ни требованія искусства ни требованія дѣйствительности»; затѣмъ критикъ нашелъ, что произведеніе преисполнено «дутаго глубокомыслія» и «загадокъ», которыя неразрѣшимы по своей пустотѣ, и что скорѣе всего это произведеніе слѣдуетъ отнести къ области журнально-полемическихъ.

Руководителемъ «Fädrelandet», гдѣ была помѣщена вышеупомянутая статья Кл. Петерсена, состоялъ съ 1841 по 1881 г. извѣстный поэтъ и журналистъ Карлъ Плоугъ, сначала вождь датскихъ національ-либераловъ, а затѣмъ консерваторовъ.

Къ стр. 343. Бьёрнсонъ всегда былъ противникомъ такихъ внѣшнихъ знаковъ отличія, какъ ордена; Ибсенъ, напротивъ, охотно принималъ жалуемые ему родные и иностранные ордена. Сдѣлавшись въ 1871 г. кавалеромъ датскаго ордена Даннеброга, онъ писалъ Гегелю: «Никогда не смогу достаточно отблагодарить тѣхъ людей, стараніями которыхъ я получилъ это» (отличіе). «Теперь мои земляки будутъ находить сборникъ моихъ стихотвореній вдвойнѣ прекраснымъ». Въ юности еще въ Гримстадѣ Ибсенъ, впрочемъ, самъ въ карикатурахъ осмѣивалъ орденскій статутъ.

— Консулъ Браво (см. о немъ выше въ «Примѣчаніяхъ» къ стр. 310) былъ извѣстенъ своей тщеславною жаждой орденовъ. Когда ему былъ пожалованъ кавалерскій знакъ Даннеброга, онъ сталъ называть себя «Cavaliere Браво», а сдѣлавшись позже статскимъ-совѣтникомъ и получивъ командорскій крестъ того же ордена, выставилъ на своей дверной дощечкѣ: «Consigliere di Stato e Commendatore Bravo».

— Орла Лемань—датскій политическій дѣятель, вождь національ-либераловъ, занимавшій одно время постъ министра.

Къ стр. 344. Августъ Бланке—одинъ изъ главарей либеральной партіи въ шведскомъ риксдагѣ съ 1859 г.

Къ стр. 345. Георгъ Брандесъ помѣстилъ въ «Dansk Maanedskrift» («Датскій Ежемѣсячникъ») этюдъ объ Ибсенѣ. Послѣдній слышалъ о статьѣ заранѣе и писалъ по этому поводу Гегелю: «Очень радъ, что Брандесъ напишетъ о моихъ трудахъ. Прошу васъ кланяться ему и передать, что очень жажду отзыва съ его стороны, но что мнѣ было бы весьма пріятно, если бы онъ коснулся и «Пера Гюнта»; думаю, что произведеніе это заставитъ его умѣрить нѣкоторыя свои сужденія — онъ самъ себѣ сумѣетъ сказать — какія». Брандесъ дѣйствительно прибавилъ къ своему этюду рецензію о «Перѣ Гюнтѣ», но произведеніе это тогда не успѣло еще стяжать его одобренія. Впослѣдствіи Брандесъ судилъ о немъ иначе («Verdens Gang», 1901 г., № 189).

Къ стр. 347. Подзаглавіе пьесы было однако вычеркнуто по предложенію Гегеля, которому Ибсенъ и отвѣтилъ 22 дек. того же года слѣдующее: «Предложенію вашему насчетъ заглавія послѣдую; вы вполнѣ правы, и я самъ сначала былъ почти того же мнѣнія. Выраженіе это, впрочемъ, не могло бы оскорбить никого по прочтеніи пьесы. Въ ней нѣтъ ни единаго слова о религіозныхъ вопросахъ, но такъ какъ этого нельзя знать заранѣе, то подзаголовокъ легко и могъ бы вызвать пререканія. Итакъ — прочь его! Пьеса обработана съ художественной стороны тщательнѣе, чѣмъ я это когда-либо дѣлалъ, и я сомнѣваюсь, чтобы

въ ней нашлось хоть одно специфически норвежское выраженіе, которое не соотвѣтствовало бы копенгагенской сценѣ».

Въ томъ же письмѣ Ибсенъ отзывается объ «эстетическихъ этюдахъ» Брандеса такъ: «Эта книга была для меня поистинѣ золотымъ днемъ, особенно, что касается комизма. Брандесъ замѣчательный человѣкъ по своей способности видѣть и воспринимать ясно, глубоко и связно, и если это было бы возможно, я сказалъ бы, что его способность выяснять себя читателю, врѣзываться ему въ память и заставлять вспоминать о себѣ—еще больше».

Къ стр. 355. Яковъ фонъ-Тюбо — герой одной изъ комедій Гольберга того же названія; типъ хвастуна и труса.

Къ стр. 356. Юлій Лапге--датскій писатель, авторъ трудовъ по исторіи искусствъ, былъ въ Римѣ въ 1868 г. и такъ писалъ одному изъ своихъ друзей о впечатлѣніи, произведенномъ на него Ибсеномъ: «Если встрѣтишь Ибсена во Флоренціи, усердно кланяйся отъ меня. Я присутствовалъ на прощальной пирушкѣ въ честь его; онъ былъ очень остроуменъ и любезенъ. Не сиди въ немъ бѣсъ, онъ былъ бы много лучше. Доведись мнѣ лѣчить его, я бы прибѣгъ къ греческой литературѣ или искусству,—сначала въ малыхъ дозахъ, чтобы онъ не выплюнулъ обратно, а потомъ все увеличивалъ бы дозы, пока въ немъ не укрѣпилось бы чувство мѣры и формы».

— Бьёрнсонъ сначала относился къ Брандесу очень враждебно, но въ 1869 г., послѣ отъѣзда своего литературнаго друга Кл. Петерсена въ Америку, обратился къ Брандесу съ приглашеніемъ сопутствовать ему лѣтомъ въ Нордландъ, выразивъ при этомъ свое желаніе завязать съ нимъ дружбу и положить начало взаимному сотрудничеству. Брандесъ безусловно отказался.

Къ стр. 357. Въ Стокгольмъ Ибсенъ поѣхалъ на стипендію, полученную отъ норвежскаго правительства, и принималъ тамъ участіе въ съѣздѣ скандинавскихъ филологовъ для объединенія орѳографіи сѣверныхъ языковъ, а также изучалъ шведское искусство и постановку дѣла народнаго образованія. По поводу этого своего пребыванія въ Швеціи Ибсенъ писалъ Гегелю 22 сентября 1869 г. слѣдующее: «Мое пребываніе въ Стокгольмѣ было и продолжаетъ оставаться сплошнымъ праздникомъ; я со всѣхъ сторонъ встрѣчаю такую предупредительность и такое расположеніе, что и сказать нельзя». Уѣхалъ изъ Швеціи Ибсенъ однако раньше, чѣмъ полагалъ, принявъ приглашеніе египетскаго вице-короля присутствовать на открытіи Суэцкаго канала.

— Гедвигъ Стоусландъ—единственная сестра Ибсена, бывшая замужемъ за скіенскимъ шкиперомъ Г. Я. Стоусландомъ. Она принадлежала къ «христіанской свободной паствѣ», основанной въ 1856 г. извѣстнымъ пасторомъ Ламмерсомъ (см. предисловіе къ «Бранду»). На фотографической карточкѣ, посланной сестрѣ, Ибсенъ написалъ: «Я вѣрю, что мы всегда были близки другъ къ другу, и такъ будетъ впредь».

Къ стр. 358. Бьёрнсонъ немедленно излилъ свой гнѣвъ въ стихотвореніи, посвященномъ І. Свердрупу (см. предисловіе къ «Союзу молодежи»), а въ 1881 г. далъ въ норвежской газетѣ «Dagbladet» (№ 329) слѣдующее объясненіе своего негодованія: «Я назвалъ это «убійствомъ изъ-за угла» не потому, что въ пьесѣ выведены родныя условія и извѣстныя личности, но потому, что «Союзъ молодежи» представлялъ попытку изобразить нашу молодую партію свободы шайкой честолюбивыхъ спекулянтовъ, вся любовь къ родинѣ которыхъ исчерпывается фразерствомъ. И особенно потому, что выведенныя выдающіяся лица сначала обрисованы такъ, что ихъ легко узнать, а затѣмъ снабжены

фальшивыми душонками и подлыми сердцами и вклеены въ фальшивый союзъ». Ибсенъ же въ письмѣ къ Іонасу Коллину (4-го января 1870 г.) выразился такъ: «Моя новая пьеса вызвала, какъ я узналъ, нѣкоторую бурю на родинѣ. Трудъ мой разсматриваютъ съ политической точки зрѣнія, вмѣсто эстетической. Изъ дошедшихъ до меня нападокъ можно, повидимому, заключить, что тамъ смотрятъ на фразерство, пустозвонство и низость, какъ на національныя особенности, которыхъ не слѣдуетъ затрагивать. Но все это меня нимало не безпокоитъ».

Къ стр. 359. П. Гансенъ — датскій писатель, историкъ литературы, присутствовалъ на открытіи Суэцкаго канала въ качествѣ корреспондента отъ «Dagbladet».

— Робертъ Уаттъ — датскій писатель и переводчикъ, особенно извѣстный своими путевыми очерками различныхъ странъ свѣта.

Къ стр. 361. Бьёрнсоновскій «походъ на Исландію» былъ оповѣщенъ въ издававшейся имъ газетѣ «Norsk Folkeblad» 5-го марта 1870 г.; статья проводила тотъ взглядъ, что Исландія должна присоединиться къ Норвегіи.

— Въ теченіе зимы 1869—70 гг. Бьёрнсонъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе выдающееся положеніе среди политическихъ дѣятелей въ качествѣ оратора, все усиливавшейся оппозиціонной-демократической партіи. Особенное неудовольствіе консерваторовъ навлекъ онъ на себя своими статьями о ихъ вождѣ А. М. Швейгорѣ.

Къ стр. 363. П. А. Гейзе — извѣстный датскій композиторъ. Онъ и написалъ музыку для «Борьбы за престолъ».

Къ стр. 365. Лаура Петерсенъ выпустила въ 1869 г. подъ псевдонимомъ «Лилли» книгу: «Дочери Бранда», которою и начала свою беллетристическую дѣятельность. Съ 1873 г. она уже подписывалась новой своей фамиліей по мужу (Килеръ).

Къ стр. 368. Ибсенъ въ 1870 г. пробылъ въ Копенгагенѣ съ іюня по октябрь. Франко-прусская война была объявлена въ іюлѣ того же года.

Къ стр. 369. Гольмъ-Гансенъ — артистъ Королевскаго театра въ Копенгагенѣ.

Къ стр. 372. Ибсенъ такъ и не осуществилъ своего намѣренія написать оперное либретто. Тотъ же сюжетъ одновременно увлекъ Бьёрнсона, который весною 1872 г. и поставилъ на сценѣ Христіанійскаго театра свою драму: «Сигурдъ Крестоносецъ», съ музыкой Эдварда Грига.

— Ибсенъ намекаетъ здѣсь на извѣстную ноту Россіи, заявившей, что отнынѣ (послѣ сдачи Меца) она не считаетъ себя связанной Парижскимъ трактатомъ 1856 г. относительно Чернаго моря. Эта нота подняла своего рода политическую бурю въ Англіи и Австро-Венгріи.

Къ стр. 373. Сёренъ Юбекъ — крайній и безстрашный демократъ, былъ также однимъ изъ вождей своей партіи, какъ и І. Свердрупъ, и основалъ могущественную организацію «Друзей крестьянъ».

Къ стр. 374. Въ августѣ 1870 г. французскія войска вышли изъ Рима, а въ сентябрѣ бывшая столица папы была занята итальянскими королевскими войсками, и въ октябрѣ населеніе голосовало за присоединеніе къ итальянскому королевству.

Къ стр. 375. Въ другомъ письмѣ къ Гегелю Ибсенъ выражается о латинскомъ шрифтѣ такъ: «Я прямо влюбленъ въ круглый латинскій шрифтъ. Я не видѣлъ ничего красивѣе въ примѣненіи къ собранію стихотвореній, и — что всего важнѣе — онъ, мнѣ кажется, вполнѣ отвѣчаетъ характеру моихъ стиховъ. Напечатанные такимъ шрифтомъ стихи мои выигрываютъ вдвое!»

— Камилла Коллетъ — выдающаяся норвежская писательница,

сестра знаменитаго норвежскаго патріота и поэта Генрика Вергеланда, отличалась полной неприспособленностью къ будничной жизни и сама говорила о себѣ шутя, что ей доставляетъ удовольствіе злиться. Ибсенъ же однажды просилъ не мѣшать ей возмущаться, такъ какъ «это-то и поддерживаетъ въ ней пламя вдохновенія» (см. о ней ниже, въ примѣч. къ стр. 460).

— Сравненіе съ пѣтухомъ и чурбаномъ (собственно съ камнемъ) почерпнуто изъ знаменитой комедіи Гольберга «Эразмусъ Монтанусъ» *).

Къ стр. 376. Брандесъ послалъ изъ госпиталя въ Римъ, гдѣ лежалъ въ ту зиму больнымъ, стихотвореніе «Генрику Ибсену» въ видѣ отвѣта на заключительныя слова Ибсена въ письмѣ отъ 20-го декабря 1876 г.

Къ стр. 377. Арій и семь курфюрстовъ—излюбленныя темы разглагольствованій Герта Вестфальскаго, героя Гольберговской комедіи: «Цырюльникъ-говорунъ».

— 22-го ноября 1870 г. на сценѣ стокгольмскаго Королевскаго театра была поставлена комедія Дитрихсона: «Образъ Мадонны».

Къ стр. 378. Спобергъ переслалъ Ибсену письмо графа Л. Мандерстрёма, бывшаго шведско-норвежскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ 1858 — 1868 гг., съ восторженными отзывами о стихотворномъ письмѣ («Письмо — воздушный шаръ») Ибсена, появившемся въ печати. «Исторія въ Римѣ» заключалась въ томъ, что Ибсенъ зимою 1864 — 65 гг. подрисовалъ карандашомъ фотографію графа, изобразивъ его съ веревкой на шеѣ, и по этому поводу у него вышла ссора съ племянникомъ графа, извѣстнымъ шведскимъ поэтомъ графомъ К. Снойльскимъ.

— «Поѣздка отъ Гадерслева до Киля» — тоже одна изъ постоянныхъ темъ Герта Вестфальскаго.

Къ стр. 381. Іонасъ Ли — выдающійся норвежскій романистъ и драматургъ, получилъ въ маѣ 1871 г. норвежскую правительственную стипендію на поѣздку за границу.

— Христіанійскій типографщикъ Г. Я. Іенсенъ выпустилъ осенью 1871 г. второе изданіе «Вождей въ Гельгеландѣ» и оповѣстилъ о предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ «Фру Пингеръ изъ Эстрота» также вторымъ изданіемъ. Свои издательскія права онъ основывалъ на томъ, что упомянутыя пьесы были впервые напечатаны и изданы имъ въ видѣ приложеній къ «Иллюстрир. Новостямъ». Ибсенъ немедленно опротестовалъ въ печати такое нарушеніе своихъ авторскихъ правъ, затѣмъ дѣло перешло въ судъ, и Іенсенъ былъ вынужденъ уплатить штрафъ и убытки, а самое изданіе было конфисковано и уничтожено.

Къ стр. 383. Ибсенъ и Брандесъ познакомились лично только въ іюлѣ 1871 г.

Къ стр. 385. Опроверженіе Ибсена напечатано въ отдѣлѣ прозаическихъ статей, стр. 262 («Поправка»).

Къ стр. 386. Это обращеніе Ибсена къ норвежскому правительству, сохранившееся не полностью, имѣло цѣлью испрошеніе новой заграничной стипендіи, но осталось безрезультатнымъ (см. письмо Ибсена къ Биркеланду, стр. 396).

— Поѣздку въ Египетъ Ибсенъ совершилъ вмѣстѣ съ профессоромъ египтологіи при христіанійскомъ университетѣ І. Либлейномъ, отправленнымъ на торжество въ качествѣ норвежскаго представителя.

Египетская поѣздка украсила Ибсена первымъ иностраннымъ орденомъ, о чемъ онъ сообщилъ Гегелю въ постскриптумѣ къ письму отъ 9-го

*) Въ русскомъ переводѣ А. и П. Ганзенъ, „Вѣстникъ Европы“ (іюнь 1902 г.).

мая 1871 г.: «Надо сообщить вамъ новость, о которой самъ узналъ сейчасъ. Всѣ приглашенные египетскимъ вице-королемъ на открытіе Суэцкаго канала шведы и норвежцы пожалованы орденами (турецкими, такъ какъ самъ вице-король не имѣетъ собственныхъ орденовъ). Я получилъ командорскую звѣзду Меджидіе, шикарную вещицу, вмѣстѣ съ большимъ непонятнымъ дипломомъ отъ самого «великаго турка». Когда я былъ приглашенъ въ Египетъ, въ Норвегіи подумали, что это вслѣдствіе того, что я въ «Перѣ Гюнтѣ» перенесъ часть дѣйствія въ страну Нила. Будь я теперь одинъ пожалованъ орденомъ, навѣрно заключили бы, что мое «Письмо — воздушный шаръ» переведено на египетскій языкъ. Истинная же причина та, что намъ было поручено отвезти нѣсколько шведскихъ и норвежскихъ орденовъ для египетскихъ вельможъ, и вотъ любезность за любезность. Нашъ высокій хозяинъ далъ такимъ образомъ новое доказательство своей щедрости, такъ какъ онъ пріобрѣтаетъ ордена на свой счетъ и только дипломы получаетъ изъ Константинополя даромъ».

Къ стр. 390. Э. В. Госсе — съ 1867 г. ассистентъ при «Британскомъ музеѣ», съ 1875 г. «translator to the Board of Trade» и затѣмъ библіотекарь палаты лордовъ, извѣстенъ своими литературно-историческими трудами и критическими статьями. Онъ первый «открылъ» Ибсена англійской публикѣ и перевелъ нѣкоторыя изъ его произведеній.

Къ стр. 391. Зимою 1871 г. Георгъ Брандесъ началъ читать въ копенгагенскомъ университетѣ свои лекціи: «Главныя теченія въ литературѣ XIX столѣтія», а въ февралѣ 1872 г. вышелъ въ свѣтъ 1-й томъ этихъ лекцій («Emigrantlitteraturen»). Лекціи надѣлали большого шуму и возбудили горячую полемику. Ни одна изъ копенгагенскихъ газетъ не оказалась на сторонѣ Брандеса, и онъ помѣстилъ въ началѣ 1872 г. въ «Nyt dansk Maanedsskrift» «Исторію о красной шапочкѣ», въ которой разсказалъ о томъ, какъ «маленькую свободную мысль» проглотилъ волкъ — «старая оппозиціонная пресса», уже проглотившая предварительно свободу. К. Плоугъ (см. о немъ въ прим. къ стр. 339), принявшій это на свой счетъ, рѣзко напалъ на Брандеса въ «Fädrelandet», и Брандесу удалось помѣстить свой отвѣтъ въ «Dagbladet» уже только въ видѣ «оплаченнаго заявленія», такъ какъ вся періодическая печать на нѣсколько лѣтъ совершенно закрылась для него.

Къ стр. 392. Передъ самымъ началомъ своихъ лекцій Брандесъ подалъ прошеніе о назначеніи его приватъ-доцентомъ при университетѣ на время отсутствія профессора эстетики, поэта К. Гауха, находившагося за границей. Весной 1872 г. Гаухъ умеръ въ Римѣ, и въ его бумагахъ нашлось письмо, въ которомъ онъ высказывалъ, что считаетъ Брандеса самымъ подходящимъ своимъ замѣстителемъ на каѳедрѣ. Тѣмъ не менѣе профессуры Брандесъ достигъ лишь 30 лѣтъ спустя.

— Генрикъ Стеффенсъ своими лекціями въ Копенгагенѣ въ 1802 г. открылъ путь на сѣверъ западно-европейскому романтизму.

Къ стр. 393. Въ февралѣ 1872 г. Брандесъ основалъ «Литературное общество», въ правленіе котораго вошли членами два начинающихъ писателя: впослѣдствіи столь извѣстный поэтъ Гольгеръ Драхманъ и талантливый датскій романистъ І. П. Якобсенъ.

Къ стр. 396. Въ іюлѣ 1872 г. торжественно праздновалось «тысячелѣтіе Норвегіи, какъ государства»; Ибсенъ написалъ для этого случая большое стихотвореніе, которое и было прочитано въ Гаугезундѣ, но не въ главной офиціальной части торжества, открытаго принцемъ Оскаромъ (нынѣ покойнымъ королемъ), а за послѣдовавшимъ затѣмъ праздничнымъ обѣдомъ. На народномъ же праздникѣ въ Христіаніи стихо-

твореніе вовсе не читалось, а только раздавалось народу въ отпечатанномъ видѣ на листочкахъ (см. письма Ибсена къ Гегелю, стр. 398 и къ Іоганну Торесену, стр. 399). Стихотвореніе содержало рѣзкіе протесты противъ «духа разрозненности подъ флагомъ мелочности» и взывало къ «свободному, цѣльному и могучему Сѣверу», почему и не могло придтись по вкусу національной партіи, стоявшей за полную самостоятельность Норвегіи.

Къ стр. 408. Брандесъ написалъ предисловіе къ датскому переводу книги французскаго писателя Виктора Шербюлье: «Приключеніе Ладиславa Больскаго».

— Дѣло идетъ объ извѣстной книгѣ Дж.-Ст. Милля: «Мораль, основанная на принципѣ пользы или принципѣ счастья».

Къ стр. 420. Людвигъ Іозефсонъ — шведскій антрепренеръ и драматургъ; былъ назначенъ въ февралѣ 1873 г., вопреки желаніямъ національной партіи, директоромъ - распорядителемъ Христіанійскаго театра. Іозефсонъ открылъ сезонъ 1873 — 1874 гг. постановкой «Борьбы за престолъ», особенный же успѣхъ стяжалъ затѣмъ постановкой «Комедіи любви», и это подало Ибсену мысль предложить поставить «Пера Гюнта». Планъ осуществился только въ 1876 г., зато съ полнымъ успѣхомъ; пьеса (съ музыкой Грига) прошла 37 разъ. Ибсенъ писалъ по этому поводу Іозефсону 5-го марта 1876 г. слѣдующее: «Такой результатъ смѣлаго театральнаго предпріятія превзошелъ всѣ мои ожиданія, хотя я собственно и не питалъ никакихъ опасеній по этому поводу. Я зналъ вѣдь, что дѣло въ вашихъ рукахъ, и что никому другому не провести его у насъ лучше вашего. Искренно радъ былъ также узнать, что таково и общее единодушное мнѣніе у насъ на родинѣ. Позволяю себѣ черезъ васъ передать мою благодарность артистамъ, не только исполнителямъ большихъ выигрышныхъ ролей, но и всѣмъ, кто своимъ участіемъ во второстепенныхъ роляхъ содѣйствовалъ успѣху моего труда; для этой пьесы въ высшей степени важно, чтобы всѣ безъ исключенія старались исполнить свою задачу наилучшимъ образомъ, и о томъ, что оно въ данномъ случаѣ такъ и было, единогласно свидѣтельствуютъ всѣ отзывы».

Къ стр. 422. Фру Ибсенъ ѣздила въ Копенгагенъ хоронить умершую тамъ свою родную сестру Марію, которая стала особенно близкой семьѣ Ибсена, проведя въ ней (въ Дрезденѣ) нѣсколько лѣтъ.

Къ стр. 423. Въ октябрѣ 1874 г. Георгъ Брандесъ и его младшій братъ, писатель Эдвардъ Брандесъ, стали издавать ежемѣсячный литературный и критическій журналъ «Девятнадцатый Вѣкъ», имѣвшій цѣлью «знакомить читателей съ выдающимися личностями и теченіями мысли въ областяхъ литературы, искусства и науки нашего времени» и обѣщавшій «заниматься всѣмъ, что преимущественно могло интересовать Данію и Сѣверъ». Осенью 1877 г. журналъ уже прекратилъ свое существованіе.

Къ стр. 425. Х. Л. Мартенсенъ — епископъ зеландскій, былъ извѣстенъ, какъ строго ортодоксальный богословъ, противникъ, съ одной стороны, Грундтвига, съ другой — Киркегора. Главный трудъ его: «Христіанская этика» (см. письмо Ибсена Брандесу, стр. 408).

Къ стр. 429. Ибсенъ черезъ Брандеса познакомился съ извѣстнымъ нѣмецкимъ романистомъ Паулемъ Гейзе и довольно часто видался съ нимъ въ теченіе своего перваго трехлѣтняго пребыванія въ Мюнхенѣ (съ 1875 г. по 1878 г.). Поселясь же въ Мюнхенѣ вторично (въ 1885 г.), онъ уже встрѣчался съ Гейзе очень рѣдко; послѣдній совсѣмъ не симпатизировалъ новой полосѣ въ творчествѣ Ибсена, этой «госпитальной поэзіи», какъ Гейзе выражался.

— Гартвигъ Лассенъ съ 1872 г. состоялъ при Христіанійскомъ театрѣ «эстетическимъ консультантомъ» (см. письмо къ нему Ибсена, стр. 440).

Къ стр. 431. Придворный Мейнингенскій театръ первый изъ нѣмецкихъ театровъ сыгралъ Ибсена, включивъ въ свой репертуаръ въ 1875 г. «Борьбу за престолъ».

Къ стр. 435. Въ 1877 г. предстояло празднованіе 400-лѣтія университета въ Упсалѣ (Швеція), и по этому случаю философскимъ факультетомъ рѣшено было поднести Ибсену и Дитрихсону почетные докторскіе дипломы. Профессоръ Нюбломъ былъ деканомъ факультета.

Къ стр. 436. По уходѣ Іозефсона съ поста директора-распорядителя его мѣсто при Христіанійскомъ театрѣ заступилъ литераторъ Іоганнъ Вибе.

Къ стр. 437. Камергеръ Э. Фаллесенъ былъ съ 1876 г. директоромъ Королевскаго театра въ Копенгагенѣ.

Къ стр. 439. Хр. К. Ф. Мольбекъ, бывшій профессоръ, состоялъ въ 1871 — 1881 гг. цензоромъ при Королевскомъ театрѣ въ Копенгагенѣ. Директоръ Фаллесенъ отложилъ постановку его пьесы «Амвросій» ради постановки позже принятыхъ «Столповъ общества» и двухъ датскихъ трагедій. Ибсенъ въ отвѣтъ на первое, полное жалобъ письмо Мольбека писалъ ему, что съ своей стороны отнюдь не желалъ торопиться съ постановкой «Столповъ общества», — напротивъ. Амвросій Стубъ (1705 — 1753 гг.) — непризнанный при жизни даровитый датскій поэтъ-лирикъ. Посмертное изданіе его стихотвореній (Копенгагенъ, 1872 г.) выдержало множество изданій.

Къ стр. 441. Іозефсонъ поставилъ «Бранда» на сценѣ «Новаго театра» въ Стокгольмѣ уже въ 1885 г., тогда какъ въ Норвегіи пьеса эта шла впервые только въ 1904 г. (на сценѣ Національнаго театра въ Христіаніи). «Кесаря и Галилеянина» Іозефсону поставить не удалось, и драма дождалась своего исполненія въ Христіаніи лишь 20 марта 1903 г.

Къ стр. 442. Христіанъ Паусъ былъ младшимъ своднымъ братомъ отца Ибсена и двоюроднымъ братомъ матери Ибсена.

Къ стр. 443. Мольбекъ посвятилъ Ибсену своего «Амвросія» (см. выше, прим. къ стр. 439), вышедшаго въ свѣтъ въ іюлѣ 1877 г.

Къ стр. 444. М. Грёнвольдъ — норвежскій художникъ, жившій въ Мюнхенѣ и находившійся въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ семьей Ибсена. Интересенъ отзывъ Грёнвольда объ Ибсенѣ: «Глубокое впечатлѣніе производила (на меня) необычайная интенсивность, съ какой работалъ Ибсенъ; въ то же время онъ засиживался съ собесѣдниками далеко за полночь, съ необычайной широтой и свойственной ему практичной, ясной, внушительной манерой излагая свои мнѣнія какъ по вопросамъ политики, которая тогда (1877 г.) очень интересовала его, такъ и литературы, искусства и судебъ человѣчества».

Къ стр. 450. Г. Лаубе — нѣмецкій писатель, былъ въ 1849—1867 гг. директоромъ вѣнскаго Бургъ-театра, а въ 1872 г. основалъ вѣнскій Городской театръ, которымъ и руководилъ до 1874 г., затѣмъ съ 1875 г. по 1879 г. и снова въ 1880 г.

Къ стр. 451. В. Вассеніусъ — съ 1880 г. доцентъ, а съ 1902 г. профессоръ финской и сѣверной исторіи литературы при гельсингфорсскомъ университетѣ, получилъ въ 1879 г. степень доктора философіи за свой трудъ: «Драматическое творчество Ибсена въ его первой стадіи». Брошюра Вассеніуса (стр. 452) носила заглавіе: «Отношеніе скальда къ жгучимъ вопросамъ времени».

Въ 1882 г. Вассеніусъ выпустилъ болѣе полный очеркъ творческой

дѣятельности Ибсена, а въ 1884 г. редактировалъ по просьбѣ Ибсена финскій переводъ «Борьбы за престолъ», по поводу выхода въ свѣтъ котораго Ибсенъ писалъ Бассенгеусу 25 сентября 1884 г. слѣдующее: «Мнѣ всегда доставляетъ особую радость, когда какое-нибудь изъ моихъ произведеній получаетъ доступъ въ Финляндію, къ которой я чувствую сильное влеченіе и гдѣ у меня столько дорогихъ друзей». Симпатіи Ибсена къ Финляндіи подтвердились его участіемъ въ извѣстномъ адресѣ выдающихся европейскихъ художниковъ, писателей и ученыхъ, поданномъ русскому правительству по поводу coup d'état въ Финляндіи.

Къ стр. 453. Людвигъ Пассарге — нѣмецкій писатель, переводчикъ и критико-біографъ Ибсена. Его книга: «Ein Beitrag zur neuesten Geschichte der norwegischen Nationalliteratur», вышедшая въ 1883 г., явилась первой попыткой нарисовать нѣмецкой читающей публикѣ полную картину творческой дѣятельности и личности Ибсена.

Къ стр. 456. Карлъ Андерсенъ — датскій поэтъ.

— Габбардъ Бернеръ въ теченіе десяти лѣтъ (1869—1879 гг.) руководилъ норвежской газетой «Dagbladet» и съ 1888 г. былъ однимъ изъ самыхъ вліятельнѣйшихъ членовъ лѣвой партіи въ стортингѣ. Согласно данному письму Ибсена, онъ предложилъ въ стортингѣ увеличить писательское жалованье Ибсена и Бьёрнсона до 2.400 кронъ (около 1.200 р.) въ годъ «принимая во вниманіе, что эти два безспорно крупнѣйшихъ писателя Норвегіи, стоявшіе въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ во главѣ литературнаго прогресса страны, проложившіе своимъ творчествомъ новые пути и бывшіе въ первыхъ рядахъ людей, припесшихъ честь нашей родинѣ и содѣйствовавшихъ прославленію страны и народа между иностранными націями, — потерпѣли особенно значительный матеріальный ущербъ въ силу своего положенія, какъ писателей маленькой страны, лишенной преимуществъ соглашенія съ другими странами по защитѣ правъ литературной собственности». Вскорѣ затѣмъ Бернеръ однако попросилъ отложить обсужденіе его предложенія «до полученія болѣе точныхъ свѣдѣній относительно упомянутаго мотива — матеріальнаго ущерба, причиненнаго писателямъ отсутствіемъ литературной конвенціи». При обсужденіи вопроса стортингомъ, Бернеръ горячо защищалъ право обоихъ писателей требовать отъ государства возмѣщенія понесенныхъ ими убытковъ, но недобился желаемаго результата. Въ преніяхъ приняли участіе еще нѣсколько членовъ лѣвой, высказавшихся за возмѣщеніе убытковъ, и нѣсколько правыхъ, изъявшихъ свое негодованіе по поводу пападокъ обоихъ писателей, особенно же Ибсена, на существующій общественный строй и христіанскую мораль, а также указавшихъ, что матеріальный ущербъ эти писатели несутъ не изъ-за отсутствія литературной конвенціи въ Норвегіи, но въ Даніи. Эта послѣдняя точка зрѣнія не была собенноо подчеркнута въ данномъ случаѣ, но, безъ сомнѣнія, явилась рѣшающею причиной того, что Бернеръ не повторялъ своего предложенія. Въ сущности ссылка какъ Ибсена, такъ и Бернера на отсутствіе литературной конвенціи Норвегіи была основана на недоразумѣніи: норвежское правительство не могло защищать литературныхъ правъ писателей, издававшихся въ Даніи, и даже послѣ того, какъ Норвегія въ 1896 г., задолго до двухъ другихъ скандинавскихъ государствъ, присоединилась къ Бернской конвенціи 1886 г., Ибсенъ и Бьёрнсонъ остались попрежнему «безправными» писателями по отношенію къ заграницѣ, такъ какъ юридически считались датскими писателями. Данія же присоединилась къ упомянутой конвенціи лишь въ 1903 г.

Къ стр. 459. Бьёрнсонъ осенью 1880 г. уѣхалъ въ Америку и вернулся лишь въ маѣ 1881 г.

Къ стр. 460. Камилла Коллетъ (см. о ней выше, прим. къ стр. 375) цѣлымъ рядомъ блестящихъ полемическихъ журнальныхъ статей и отдѣльныхъ сочиненій первая подняла «женскій вопросъ» на Сѣверѣ во всей его широтѣ. Особенную сенсацію и глубокое впечатлѣніе произвела ея книга «Изъ стана нѣмыхъ» — настоящій шедевръ полемическаго искусства, отличающаяся одновременно глубиною и ясностью мысли и страстностью изложенія. Книга эта вызвала настоящій переворотъ общественнаго мнѣнія по вопросу о положеніи женщины въ обществѣ. Безъ сомнѣнія, дѣятельность Камиллы Коллетъ имѣла большое вліяніе и на творчество Ибсена, начиная съ «Кукольнаго дома» (см. его письма къ ней, стр. 473 и 504).

Къ стр. 462. Дѣло идетъ о книгѣ Пассарге: «Drei Sommer in Norwegen» («Три лѣта въ Норвегіи»).

Къ стр. 463. Новая пьеса — «Привидѣнія».

Къ стр. 465. Софусъ Шандорфъ — извѣстный датскій писатель, смѣлый послѣдователь крайняго реалистическаго направленія въ изящной литературѣ.

Къ стр. 467. Статья въ норвежской газетѣ «DagbIadet», о которой пишетъ Ибсенъ, принадлежала случайному сотруднику и трактовала «Привидѣнія», какъ крайне пристрастный и безшабашный выпадъ противъ брака — учрежденія, на которомъ держится наше общество. «Вотъ гдѣ настоящій-то радикализмъ, тогда какъ радикализмъ, въ которомъ органы правой партіи обвиняютъ лѣвую, лишь воображаемый» — подчеркивалъ авторъ статьи. Бьёрнсонъ поспѣшилъ выступить въ той же газетѣ съ «поправкой», въ которой доказывалъ, что общество держится вовсе не бракомъ, и добавлялъ, что Ибсенъ нападаетъ только на безнравственный бракъ; затѣмъ онъ выяснилъ, что дѣйствующія лица говорятъ не отъ лица автора, а то, что они при данныхъ обстоятельствахъ безусловно должны думать и говорить, и защищалъ право и свободу писателя предоставлять выводимымъ имъ лицамъ говорить такъ, какъ того требуетъ правда. Изъ того, что редакція газеты стояла затѣмъ за принятіе пьесы на сцену «Національнаго театра» и перепечатала хвалебную статью о ней Г. Брандеса, явствуетъ, что первая статья, осуждавшая «Привидѣнія», была уступкой умѣреннымъ фракціямъ либеральной партіи, состоявшимъ изъ «добрыхъ христіанъ и почтенныхъ отцовъ семействъ», которыхъ легко было отпугнуть слишкомъ большой дозой радикализма. Это-то Ибсенъ и называлъ *трусостью* либеральнаго лагеря.

Къ стр. 468. Отто Борхсеніусъ — датскій литераторъ, нынѣ одинъ изъ руководителей копенгагенской газеты «Dannebrog», состоялъ въ 1880—1884 гг. соредакторомъ еженедѣльника «За границей и дома». Въ этомъ журналѣ 11 февраля 1883 г. было напечатано факсимиле двухъ строкъ Ибсена, помѣченныхъ 12 декабря 1882 г. (Римъ): «Въ наше время задача каждаго новаго произведенія—передвигать пограничные столбы».

Къ стр. 469. К. Госъ—профессоръ юриспруденціи при копенгагенскомъ университетѣ, пріобрѣтавшій все болѣе и болѣе вліянія среди руководителей правой партіи, былъ въ 1881 — 1889 гг. отвѣтственнымъ издателемъ датской газеты «DagbIadet» и оказывалъ рѣшающее вліяніе на положеніе, занимаемое газетой во всѣхъ болѣе важныхъ вопросахъ.

Къ стр. 470. Бьёрнсонъ праздновалъ 10 августа 1882 г. 25-лѣтній юбилей своей литературной дѣятельности; по этому поводу Ибсенъ и прислалъ ему длинное сердечное письмо, отъ котораго сохранился лишь этотъ отрывокъ.

— Въ бесѣдѣ съ Ю. Эліасомъ послѣ представленія «Врага народа» въ Берлинѣ (1891 г.) Ибсенъ выразился о Стокманѣ такъ: «Стокманъ отчасти потѣшный малый и кипятокъ».

Къ стр. 474. Люція Вольфъ — талантливая норвежская актриса, особенно отличавшаяся въ комедіи. Одной изъ самыхъ лучшихъ ея ролей была роль мадамъ Рундгольмъ въ «Союзѣ молодежи».

Къ стр. 476. Эмма Клингенфельдъ—одна изъ первыхъ авторизованныхъ Ибсеномъ нѣмецкихъ переводчицъ его произведеній.

Къ стр. 477. О. А. Бакке—старый другъ Ибсена (см. примѣч. къ стр. 313), былъ съ 1879 г. министромъ юстиціи.

Къ стр. 478. Сигурдъ Ибсенъ сдалъ въ Мюнхенѣ въ 1878 г. экзаменъ на аттестатъ зрѣлости, два года изучалъ юриспруденцію въ университетахъ въ Римѣ и Мюнхенѣ и въ 1880 г. хлопоталъ о перечисленіи на юридическій факультетъ христіанійскаго университета, но отказался отъ своего плана, когда оказалось, что по правиламъ долженъ былъ подвергнуться повѣрочному общему экзамену, такъ-называемому exatem philosophicum, требовавшему цѣлаго года подготовительныхъ занятій. «Всѣ иностранные университеты открыты для него,—писалъ послѣ того Ибсенъ Гегелю:—и мы возвращаемся въ Римъ, гдѣ онъ закончитъ свое юридическое образованіе и затѣмъ натурализуется. Черной же богословской бандѣ, которая теперь хозяйничаетъ въ норвежскомъ департаментѣ министерства просвѣщенія, я постараюсь при случаѣ поставить подходящій литературный памятникъ». Лѣтомъ 1882 г. Сигурдъ Ибсенъ удостоенъ былъ въ Римѣ степени доктора юридическихъ наукъ. Въ 1884 г. онъ получилъ назначеніе въ консульское бюро норвежскаго департамента внутреннихъ дѣлъ, а въ 1885 году поступилъ на дипломатическую службу сначала въ качествѣ атташе при шведскомъ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ атташе при шведско-норвежскомъ посольствѣ въ Вашингтонѣ и наконецъ въ Вѣнѣ. Въ 1890 г. онъ оставилъ службу, такъ какъ «не находилъ удовлетворенія своимъ національнымъ стремленіямъ», и до 1899 г. жилъ частнымъ человѣкомъ, отдаваясь литературной дѣятельности (по политическимъ вопросамъ); въ 1896—1897 гг. читалъ лекціи по соціологіи въ христіанійскомъ университетѣ, а въ 1899 г. снова поступилъ на государственную службу въ качествѣ директора вновь сформированнаго иностраннаго отдѣла норвежскаго департамента внутреннихъ дѣлъ; въ 1902 г. онъ вошелъ въ составъ правительства и въ 1903 г. занялъ постъ норвежскаго государственнаго министра.

Къ стр. 479. Генрикъ Понтоппиданъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся современныхъ датскихъ беллетристовъ.

Къ стр. 480. Въ 1882 г. Гагбардъ Берперъ представилъ въ стортингъ законопроектъ о правѣ замужнихъ женщинъ владѣть особымъ (отъ мужа) имуществомъ. Проектъ былъ поддержанъ радикальной фракціей лѣвыхъ, но не прошелъ на этотъ разъ и былъ отправленъ для заключенія въ коммунальныя управленія. Дѣло было поднято въ стортингѣ снова въ 1884 г., когда въ стортингъ и поступило упомянутое въ письмѣ обращеніе, подписанное Бьёрнстьерне Бьёрисономъ, Генрикомъ Ибсеномъ, Іонасомъ Ли и Александромъ Кьеландомъ:

«Стортингъ въ свое время отдалъ вопросъ о правѣ замужнихъ женщинъ владѣть отдѣльнымъ имуществомъ на заключеніе коммунальныхъ управленій. Мы не будемъ спрашивать—съ какихъ поръ представители коммунъ получили такія важныя полномочія отъ женщинъ *), мы огра-

*) Право участія въ коммунальныхъ выборахъ предоставлено норвежскимъ женщинамъ лишь въ 1901 г.

ничиваемся заявленіемъ, что предположеніе, на которомъ строитъ свои заключенія большинство коммунальныхъ управленій, а именно предположеніе, что бракъ обыкновенно зиждется на любви, откуда вытекаетъ и общность имущества,—едва ли вѣрно. Да и будь даже такъ, мы обязаны въ столь серьезномъ дѣлѣ памятовать, что любовь — сложное чувство и мало годится въ качествѣ основы для продолжительнаго экономическаго порядка. И мало также, какъ предложено, предоставить замужней женщинѣ право требовать отдѣленія своего имущества, буде она того пожелаетъ. Такимъ путемъ легко установить взглядъ на подобныя требованія, какъ на рѣзкія исключенія изъ общаго правила, а это-какъ разъ и пугаетъ женщинъ. Женщина должна знать, что она вступаетъ въ бракъ съ тѣми же законными правами, какъ мужчина. Не она одна, но и мужчина выиграетъ отъ того въ нравственномъ смыслѣ, и совмѣстная жизнь ихъ съ самаго начала легче пріобрѣтетъ истинную цѣнность. И любовь, если она есть, будетъ укрѣплена сознаніемъ равенства. Что же касается собственно экономическаго благосостоянія, то отнюдь не будетъ безосновательнымъ заключеніе, что тамъ, гдѣ пьянство чуть ли не представляетъ собой національнаго учрежденія, и гдѣ сомнительныя сдѣлки и поручительства отнюдь не рѣдкія явленія,— въ интересахъ общества, чтобы замужняя женщина возможно скорѣе перестала быть юридически неправоспособной».

Законопроектъ передавали изъ стортинга въ стортингъ, и только въ 1888 г. вышелъ законъ, положившій начало раздѣльности имущества супруговъ.

— «Старый документъ» — вступленіе къ роману Бьёрнсона: «Вѣютъ флаги», напечатанное отдѣльно въ январской книжкѣ «Nyt Tidskrift» 1884 г.

Къ стр. 482. Теодоръ Каспари—норвежскій поэтъ.

Къ стр. 486. Эмиль Паульсенъ—одинъ изъ премьеровъ труппы копенгагенскаго Королевскаго театра, исполнялъ роль Яльмара Экдаля, а братъ его, Олафъ Паульсенъ, талантливый комикъ, роль старика Экдаля.

— Іозефсонъ принялъ управленіе «Новымъ театромъ» въ Стокгольмѣ въ 1879 г., но лишь въ 1885 г. ему удалось привести въ исполненіе свой планъ постановки «Бранда», задуманный имъ еще въ бытность его директоромъ Христіанійскаго театра. Первое представленіе «Бранда» длилось $6^3/_4$ часа, тѣмъ не менѣе успѣхъ былъ большой, и пьеса выдержала 16 представленій.

— Э. Гильбергъ исполнялъ заглавную роль.

Къ стр. 488. Начавшаяся еще въ 1873 г. борьба народнаго представительства Даніи съ правительствомъ особенно обострилась въ 1884 г. Фольketингъ и ландстингъ никакъ не могли придти къ соглашенію относительно новаго финансоваго закона, и 1 апрѣля 1885 г. правительство само издало таковой. Страна пришла въ сильное волненіе, датская лѣвая партія почерпала увѣренность въ примѣрѣ норвежской лѣвой, одержавшей въ 1884 г. большія побѣды, и крестьяне готовы были перейти къ вооруженному возстанію, ожидая лишь призыва вожаковъ. Правительство оказалось вынужденнымъ воспретить частнымъ лицамъ покупку оружія и разослало по всей странѣ вооруженную жандармерію. До гражданской войны однако не дошло, началась долгая парламентская борьба, тянувшаяся до «примиренія» въ 1894 г. и окончившаяся образованіемъ перваго лѣваго министерства въ 1901 г.

— Лѣто 1885 г. Ибсенъ провелъ въ Норвегіи, при чемъ два мѣсяца прожилъ въ Мольде, гдѣ нѣкоторое время находился и профессоръ Лоренцъ Дитрихсонъ (см. о немъ примѣч. къ стр. 297). Ибсену показалось,

что Дитрихсонъ, принадлежавшій къ норвежской правой партіи, чуждался его, ища преимущественно общества мѣстной аристократіи. Это и положило начало временному охлажденію между друзьями, приведшему затѣмъ даже къ разрыву на почвѣ отказа Ибсена отъ чествованія его Студенческимъ Обществомъ. 3 октября Дитрихсонъ, въ качествѣ старшины и представителя студентовъ, бывшаго во главѣ депутаціи къ Ибсену, доложилъ на собраніи студентовъ объ отказѣ Ибсена отъ предложеннаго ему чествованія — частью по причинѣ нерасположенія его вообще выступать публично, частью потому, что онъ раньше уже отклонилъ подобное предложеніе Христіанійскаго Рабочаго Союза. Къ этому заявленію однако сдѣлано было добавленіе молодымъ студентомъ-юристомъ Ове Роде, заявившимъ, что истинная причина отказа Ибсена — его нерасположеніе къ господствующему въ Студенческомъ Обществѣ реакціонному духу. Дитрихсонъ по этому поводу обратился по телеграфу съ запросомъ къ самому Ибсену, и послѣдній 6 октября отвѣтилъ телеграммой: «Твой докладъ о моемъ отказѣ былъ неполонъ. Я, между прочимъ, высказалъ: не желаю торжества студентовъ по поводу моего отъѣзда. Я хотѣлъ этимъ сказать, что не чувствую родственной связи съ Обществомъ студентовъ, находящимся подъ твоимъ руководствомъ. Передай это студентамъ».

Самъ Ибсенъ, уѣхавшій изъ Христіаніи въ Копенгагенъ, присутствовалъ 3 октября на праздникѣ, данномъ въ честь его прибытія Обществомъ датскихъ студентовъ (радикальнаго лагеря), и Брандесъ въ своей привѣтственной рѣчи высказалъ, между прочимъ, что Ибсенъ не чувствуетъ родственной связи съ норвежскими студентами, — «въ Норвегіи и нѣтъ студентовъ». Все это отразилось на рѣчи Дитрихсона, произнесенной въ собраніи норвежскаго Студенческаго Общества 10 октября, въ которой онъ утверждалъ, что «великій поэтъ показалъ себя въ данномъ случаѣ маленькимъ», и обвинялъ его въ «узости и непроницательности». Послѣ оживленныхъ преній большинство собранія присоединилось къ мнѣнію старшины и пропѣло извѣстную студенческую пѣсню: «Норвежскій студентъ свободенъ, какъ наша пѣсня» — съ прибавленіемъ стиховъ, сложенныхъ Дитрихсономъ примѣнительно къ случаю: «Какъ бы ни былъ великъ тиранъ, мы избавимся отъ него, хоромъ поднявъ его на смѣхъ. И какъ бы ни былъ великъ поэтъ, мы требуемъ отъ него дѣла, а не словъ, а если онъ грозитъ намъ, требуя измѣны тому, во что мы вѣримъ, онъ самъ измѣняетъ своему ученію. Норвежскій студентъ негодуетъ и печалится каждый разъ, какъ меркнетъ звѣзда».

Рѣчь Дитрихсона появилась въ газетахъ 13 октября, и возгорѣлась ожесточенная полемика между органами правой и лѣвой. 16 октября, въ видѣ протеста противъ собранія 10 октября, состоялось собраніе приблизительно 600 членовъ «Академическаго союза» подъ предсѣдательствомъ адвоката Фр. Стангъ Лунда (см. письмо къ нему на стр. 493) и приняло слѣдующую резолюцію, обращенную къ Ибсену:

«Собравшись по поводу поведенія Студенческаго Общества относительно васъ, мы утверждаемъ, что послѣднее субботнее вечернее собраніе членовъ Общества не можетъ считаться выразителемъ мнѣнія всего студенчества. Мы свидѣтельствуемъ вамъ свое уваженіе и преданность и заявляемъ, что между вами и нами существуетъ живая связь. Вы своимъ творчествомъ пріобрѣли нашу любовь, и ваши мысли врѣзались въ наши души. Сколько вашихъ надеждъ сдѣлались нашими! Въ старости вы все-таки обращаете свою рѣчь къ молодежи. И нигдѣ вы не найдете такого отклика, какъ въ сердцахъ норвежскихъ студентовъ. Вы были нашимъ путеводителемъ, и мы шли за вами. Добро пожаловать въ

слѣдующій разъ! Когда мы сойдемся лицомъ къ лицу, между нами не будетъ никакихъ недоразумѣній».

Эта резолюція возбудила новыя пренія въ Студенческомъ Обществѣ 24 октября, когда, между прочимъ, было прочитано письмо датскаго поэта Гольгера Драхмана, присоединившагося къ протесту Студенческаго Общества противъ «заразы жизневоззрѣнія, никогда какъ будто не знавшаго молодости и во всякомъ случаѣ теперь носящаго явственный отпечатокъ старчества».

Письмо Ибсена, согласно его требованію, было прочитано въ собраніи 31 октября и затѣмъ напечатано въ газетахъ, сопровождаемое отвѣтомъ Дитрихсона, и поднялась новая полемика. Заключительнымъ аккордомъ бури было «Благодарственное письмо Ибсену» Камиллы Коллетъ, помѣщенное въ ноябрьскомъ выпускѣ «Nyt Tidsskrift». Между прочимъ, въ этомъ письмѣ говорится по поводу инцидента слѣдующее: «Разразился онъ внезапно, бурно, всколыхнулъ, пробудилъ и произвелъ впечатлѣніе, болѣе глубокое и чреватое послѣдствіями, нежели мы всѣ думали. Меня, признаюсь, это порадовало. Было что-то освѣжающее во всей этой исторіи съ признаніями и объясненіями со стороны «оскорбленныхъ», которые своею откровенностью и пространностью не оставляли желать ничего болѣе въ смыслѣ компрометированія ихъ собственнаго положенія. Наконецъ-то,—сказала я себѣ. Наконецъ-то образовалась здоровая прорѣха въ этой оболочкѣ фразъ, которою прикрывалось у насъ все! Теперь она будетъ рваться все больше и больше и покажетъ намъ пустоту внутри. Но понадобился Ибсенъ, чтобы дать толчокъ».

Къ стр. 494. Бьёрнъ Бьёрнсонъ—старшій сынъ Бьёрнстьерне Бьёрнсона, съ 1884 г. по 1893 г. бывшій артистомъ и режиссеромъ Христіанійскаго театра, а съ 1899 г. директоромъ новаго «Національнаго театра».

— Эйнаръ и Эрлингъ—сыновья Бьёрнстьерне Бьёрнсона.

— Графъ Карлъ Сноильскій—талантливый шведскій поэтъ.

Къ стр. 495. Новая пьеса—«Росмерсгольмъ».

— Послѣ этого указанія Ибсена «Комедія любви» была принята дирекціей Королевскаго театра, но такъ и не дождалась постановки на сценѣ этого театра, а шла въ 1898 г. въ частномъ «Дагмаръ-театрѣ» такъ же, какъ и «Привидѣнія». Послѣдняя драма была поставлена Королевскимъ театромъ лишь въ 1903 г.

Къ стр. 498. Два лица эти были: Л. Дитрихсонъ и Гартвигъ Лассенъ (см. письма къ послѣднему, стр. 429 и 440).

Къ стр. 499. Бьёрнъ Кристенсенъ былъ предсѣдателемъ «Бесѣдъ», устраивавшихся въ помѣщеніи частной гимназіи Орса и Босса въ Христіаніи. На одной изъ «Бесѣдъ» былъ прочитанъ вслухъ «Росмерсгольмъ», послѣ чего Ибсену была отправлена письменная благодарность.

— Ю. Гофори — датчанинъ родомъ, приверженецъ пангерманизма, ученикъ Мюлленгофа и Шрёдера, былъ съ 1883 года доцентомъ, а съ 1887 г. профессоромъ сѣверной филологіи при берлинскомъ университетѣ. Въ наукѣ и литературѣ онъ былъ усерднымъ посредникомъ между Германіей и Сѣверомъ и много сдѣлалъ также для распространенія извѣстности Ибсена въ Германіи.

— Письмо Ибсена написано по поводу нѣмецкаго перевода «Кесаря и Галилеянина», но сохранилось лишь въ нѣмецкомъ переводѣ самого Гофори и то не полностью.

Къ стр. 500. Оскаръ Нюссенъ—христіанійскій врачъ, былъ въ 1888 и 1903 гг. старшиной «Христіанійскаго союза рабочихъ» и игралъ

выдающуюся роль въ рабочемъ движеніи и движеніи въ пользу трезвости въ Норвегіи.

— Генрикъ Іегеръ — норвежскій историкъ литературы, авторъ извѣстныхъ критико-біографическихъ трудовъ, посвященныхъ Ибсену.

Къ стр. 501. Хр. Гострупъ—датскій пасторъ, авторъ цѣлаго ряда популярныхъ комедій и водевилей, совсѣмъ оставившій-было литературную дѣятельность, вновь взялся за перо подъ впечатлѣніемъ творчества Ибсена(главное «Кукольнаго дома») и написалъ драму «Въ бурянъ».

Къ стр. 503. Эмануэль Ганзенъ (онъ же Петръ Готфридовичъ Ганзенъ)—датчанинъ, натурализовавшійся въ Россіи, переводчикъ произведеній Льва Толстого, Гончарова и др. русскихъ писателей на датскій языкъ и цѣлаго ряда выдающихся сѣверныхъ писателей—въ томъ числѣ самого Ибсена—на русскій языкъ.

— Гётъ—артистъ и режиссеръ датскаго Королевскаго театра.

— Фру Геннингсъ—талантливая датская актриса, впослѣдствіи стяжавшая себѣ извѣстность, какъ одна изъ лучшихъ исполнительницъ Норы и Гедвигъ («Дикая утка»).

Къ стр. 504. І. Б. Гальворсенъ—норвежскій литераторъ и библіографъ, составитель обширнаго «Словаря норвежскихъ писателей», въ третій томъ котораго входитъ выпускъ въ 84 стр., посвященный спеціально Ибсену.

Къ стр. 505. Теодоръ Абильгоръ и М. Тране—иниціаторы и вожаки перваго рабочаго движенія въ Норвегіи.

— Рѣчь идетъ о прошеніи Ибсена на имя короля (см. стр. 313).

— Графъ М. Прозоръ — переводчикъ Ибсена на французскій языкъ, русскій дипломатъ, родомъ изъ Литвы, получившій образованіе во Франціи.

— Роже — предсѣдатель «Société des auteurs et compositeurs dramatiques» въ Парижѣ.

Къ стр. 507. Лиги Капуана—итальянскій беллетристъ и театральный критикъ, перевелъ «Кукольный домъ» для Элеоноры Дузэ, которая собственно и требовала измѣненія конца пьесы, но затѣмъ отказалась отъ этого требованія.

— Гедвигъ Ниманъ Раабе — извѣстная нѣмецкая актриса. Относительно передѣлки «Кукольнаго дома» она сдѣлала въ «Litterarisches Echo» (1900 г., № 970) такое признаніе: «Финалъ «Кукольнаго дома» былъ, правда, измѣненъ для меня, но инициатива собственно принадлежала не мнѣ, такъ какъ я никогда не осмѣлилась бы предъявить подобное требованіе къ такому мастеру, какъ Ибсенъ. Это извѣстный руководитель театра «Талія» въ Гамбургѣ Шерп Морисъ, отлично знавшій публику, питалъ въ то время довольно еще основательныя опасенія, что зрители почувствуютъ себя неудовлетворенными первоначальною развязкою «Кукольнаго дома». Когда директоръ Морисъ спросилъ мое мнѣніе, я ему отвѣтила: «Я бы не покинула своихъ дѣтей!» Этотъ отвѣтъ рѣшилъ дѣло въ его глазахъ, и онъ попросилъ Ибсена придать пьесѣ примиряющую развязку. Не помню теперь, играла ли я впослѣдствіи въ Берлинѣ и въ другихъ городахъ пьесу съ ея первоначальнымъ концомъ или съ измѣненнымъ. Но о томъ, что передѣлка финала не повредила пьесѣ, доказываютъ успѣхъ и сборы».

— А. Антуанъ — основатель (1887 г.) и руководитель «Théâtre libre» («Свободный театръ») въ Парижѣ, поставилъ въ этомъ театрѣ сначала «Привидѣнія», а затѣмъ «Дикую утку». Въ первой пьесѣ онъ, отличаясь недюжиннымъ талантомъ, самъ исполнялъ роль Освальда. Въ 1897 г. онъ основалъ «Théâtre Antoine», въ которомъ поддерживаетъ традиціи прежняго «Théâtre libre».

Къ стр. 509. Б. Арчеръ—театральный критикъ, писавшій въ лондонскихъ органахъ печати. Онъ первый ввелъ Ибсена на англійскую сцену, устроивъ въ 1880 г. постановку переведенной имъ же драмы «Столпы общества». Впослѣдствіи онъ перевелъ и большинство остальныхъ пьесъ Ибсена на англійскій языкъ.

— Двѣ упоминаемыя артистки, миссъ Елизавета Робинсонъ и миссъ Маріонъ, были американки.

Къ стр. 510. Эдвардъ Брандесъ—младшій братъ Георга Брандеса, извѣстный датскій журналистъ и талантливый драматургъ. Одна изъ его пьесъ, «Гость», заняла (въ переводѣ П. Ганзена) въ репертуарѣ русскихъ драматическихъ сценъ прочное мѣсто.

Къ стр. 511. Рагна Веттергренъ—талантливая норвежская артистка, много выступавшая въ ибсеновскомъ репертуарѣ.

— Г. Б. Трей—извѣстный англійскій актеръ и съ 1887 г. директоръ Гаймаркскаго театра. Въ настоящее же время онъ состоитъ директоромъ «Театра Его Величества» въ Лондонѣ.

— Жюль Леметръ — извѣстный французскій критикъ, въ своей рецензіи о «Маленькомъ Эйольфѣ» впалъ въ ошибку, характеризуя любовь Асты Альмерсъ и Альфреда въ предположеніи, что они сводные братъ и сестра.

— Люнье По (Орельенъ-Мари Люнье) основалъ въ 1891 г., подъ впечатлѣніемъ новаторства Антуана, свободную труппу «L'Oeuvre», съ которою и совершалъ много разъ турне по Европѣ, былъ, между прочимъ, и въ Христіаніи (въ 1894 г.). Въ 1893—1897 гг. онъ организовалъ въ Парижѣ цѣлую серію ибсеновскихъ спектаклей, самъ исполняя во многихъ пьесахъ главныя роли.

Къ стр. 512. Молодая парижская парочка—сынъ знаменитаго скульптора и художника Поля Дюбуа съ супругой, дочерью Тена.

Къ стр. 513. Жюль Леметръ въ одной изъ своихъ статей утверждалъ, что у Ибсена въ сущности нѣтъ иныхъ идей, нежели какія можно найти уже въ первыхъ романахъ Жоржъ Зандъ (30-хъ и 40-хъ гг.) и въ драмахъ Александра Дюма.

— «Закрыты всѣ заливы»—знаменательная фраза, рисующая трагически-безвыходное положеніе Ярла Гакона *); эта же фраза повторяется въ «Дочери моря», пьесѣ, запечатлѣнной тѣмъ страстнымъ вліяніемъ Ибсена къ морю, о которомъ говорится въ нѣсколькихъ его письмахъ конца 90-хъ годовъ.

Къ стр. 514. Ю. Эліасъ — нѣмецкій критикъ и историкъ литературы. Пауль Шлентеръ — также нѣмецкій историкъ литературы и театральный критикъ, выступившій въ 1883 г. въ защиту «естественности» въ сценическомъ искусствѣ. При его участіи въ Берлинѣ въ 1889 г. былъ основанъ театръ «Freie Bühne», а въ 1898 г. Шлентеръ сдѣлался директоромъ «Бургъ-театра» въ Вѣнѣ.

— 1-й томъ нѣмецкаго изданія, въ силу упомянутыхъ обстоятельствъ, и вышелъ позже всѣхъ остальныхъ. Изъ юношескихъ произведеній Ибсена осталась ненапечатанною лишь «Ночь подъ Ивана Купалу» (1852 г.).

— Посылая составителямъ нѣмецкаго изданія оригиналъ «Богатырскаго кургана», Ибсенъ писалъ доктору Эліасу: «Посылаю вамъ сегодня «Богатырскій курганъ», который наконецъ-то мнѣ удалось раздобыть. Перечитавъ его, нахожу, что въ этой юношеской вещицѣ есть все-таки кое-что хорошее, и шлю вамъ искреннее спасибо за то, что вы заставили меня включить ее въ собраніе».

*) Трагедія того же названія принадлежитъ перу геніальнаго датскаго поэта Эленшлегера; русскій переводъ Анны Ганзенъ, изд. Скирмунта, 1904 г.

— Чешскій композиторъ Зденко Фибихъ желалъ написать музыку къ одной изъ Ибсеновскихъ драмъ.

Къ стр. 515. Романъ Вёрнеръ—нѣмецкій историкъ литературы, въ 1895 г. доцентъ при мюнхенскомъ университетѣ, а съ 1901 г. профессоръ при фрейбургскомъ.

— С. де-Тиллемонъ—французскій церковный писатель (по исторіи церкви), авторъ труда объ императорахъ первыхъ шести вѣковъ по Р. Хр.

Къ стр. 516. «Фасте Форландъ»—разсказъ Іонаса Ли, и былъ въ 1904 г. передѣланъ авторомъ въ драму.

— Елизавета и капитанъ—дочь и сынъ Іонаса Ли.

Къ стр. 517. 24 ноября 1900 г. въ «Örebladet» было помѣщено интервью съ Ибсеномъ по поводу разныхъ вопросовъ текущей дѣйствительности. Между прочимъ, бесѣда коснулась только-что возгорѣвшейся тогда войны въ Южной Африкѣ, при чемъ Ибсенъ высказался такъ: «Скажу, что мои симпатіи къ бурамъ не безусловны. Вспомните, что буры сами несправедливымъ путемъ завладѣли своими нынѣшними землями, прогнавъ первоначальныхъ собственниковъ, туземное населеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ буры - являются лишь полукультурнымъ народомъ и пришли туда не съ цѣлью распространенія цивилизаціи. Напротивъ, они долгое время многое дѣлали для задержанія высшей цивилизаціи. Теперь пришелъ народъ болѣе культурный—англичане—и хочетъ вторгнуться во владѣнія буровъ. Это не хуже и даже не такъ скверно, какъ то, что̀ сдѣлали сами буры. Англичане берутъ лишь то, что̀ было-стянули себѣ буры. И приходится бурамъ примириться. Буры сами раньше гнали другой народъ точь въ точь такъ же къ востоку и западу. До сихъ поръ они мужественно держались, но, конечно, имъ и было гдѣ держаться».

7 декабря голландскій журналистъ Элоутъ обратился къ Ибсену съ открытымъ письмомъ. напечатаннымъ въ копенгагенской газетѣ «Politiken», прося его, въ случаѣ, если онъ не можетъ доказать правильности своихъ утвержденій о бурахъ (самъ Элоутъ считалъ себя въ состояніи опровергнуть ихъ), взять свои слова обратно.

Въ 1901 г. дѣйствительно вышла книга Элоута «Der Kulturkampf in Südafrika». Ein Versuch zur Prüfung der Krügerschen Kulturpolitik» (Борьба культуры въ Южной Африкѣ. Опытъ провѣрки культурной политики Крюгера).

ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕНРИКА ИБСЕНА.

I.

Происхожденіе. Дѣтство.

Около 1720 г. переселился въ г. Бергенъ съ острова Мэна, натурализовался въ Норвегіи и женился на дочери одного выходца изъ Германіи датскій шкиперъ Петръ Ибсенъ. Это былъ прапрадѣдъ знаменитаго писателя.

Сынъ Петра Ибсена, Генрикъ Петерсенъ Ибсенъ, тоже сдѣлался шкипером. Женился онъ на дочери натурализовавшагося въ Норвегіи шотландца, но умеръ въ теченіе перваго же года брака. Родившійся уже послѣ его смерти ребенокъ былъ названъ въ память отца также Генрикомъ. Мать этого второго Генрика и вдова перваго вышла впослѣдствіи замужъ за пробста ф. деръ-Липпе изъ мѣстечка Солумъ, близъ г. Скіена; такимъ образомъ исторія норвежской вѣтви фамиліи Ибсенъ пріурочилась къ городку Скіенъ.

Второй Генрикъ Ибсенъ женился на дочери скіенскаго купца, бывшаго, какъ и его супруга, нѣмецкаго происхожденія, и отъ этого брака родился отецъ великаго драматурга, Кнудъ Ибсенъ. Послѣдній тоже рано осиротѣлъ, такъ какъ отецъ его,—дѣдъ и тезка писателя,—избравшій себѣ родовую профессію шкипера, погибъ вмѣстѣ со своимъ судномъ у мыса Геснеса, близъ г. Гримстада. Вдова черезъ годъ вышла замужъ за шкипера Оле Науса, отъ котораго и имѣла еще пять человѣкъ дѣтей. На племянницѣ послѣдняго, Маріи-Корнеліи Альтенбургъ, дочери скіенскаго купца, также нѣмецкаго происхожденія, женился самъ Кнудъ Ибсенъ. Такимъ образомъ къ крови датскаго родоначальника норвежской вѣтви фамиліи Ибсенъ примѣшалась значительная доля иностранной—нѣмецкой, шотландской, нѣмецкой и опять нѣмецкой. Возможна примѣсь и чисто-норвежской крови по восходя-

щей женской линіи, но прямымъ путемъ въ жилы знаменитаго писателя не попало ни единой капли норвежской крови; тѣмъ не менѣе нѣкоторые критики *) признавали Ибсена чистымъ норвежцемъ по темпераменту.

Такое смѣшанное происхожденіе бросаетъ лучъ свѣта на личность Ибсена, до извѣстной степени объясняетъ его духовную обособленность и его космополитизмъ, а также то обстоятельство, что онъ могъ сравнительно такъ легко оторваться отъ родной почвы и провести въ добровольномъ изгнаніи на чужбинѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Это же происхожденіе помогаетъ намъ уяснить себѣ и другія, болѣе глубокія особенности натуры Ибсена.

Разбираясь въ его жизни и творчествѣ, проникнутыхъ неумолимыми «идеальными требованіями» и суровымъ пуританскимъ міросозерцаніемъ, невольно вспоминаешь шотландскій пуританизмъ или идеализмъ, игравшій такую выдающуюся роль въ исторіи Шотландіи и наложившій печать на духовный складъ страны.

Да и нѣмецкая склонность къ умозрѣнію, къ увлеченію чистой абстракціей, способность къ послѣдовательной и систематической умственной работѣ также отразились довольно явственнымъ образомъ на всемъ складѣ личности Ибсена, на сформированіи его духовнаго «я».

Отыскивая же ближайшіе наслѣдственные источники его духовныхъ особенностей, приходится главнымъ образомъ обратить вниманіе на женскую линію. Вліяніе женщинъ сказывается здѣсь особенно ясно.

Бабушка Ибсена по отцу была для своего времени очень образованной женщиной; она сильно интересовалась всѣмъ, чѣмъ жило и интересовалось ея поколѣніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ была строгаго, серьезнаго характера и очень религіозна, что не составляло въ тѣ времена отличительной черты того круга общества, къ которому она принадлежала. О дѣтяхъ же ея отъ второго брака съ Оле Паусомъ извѣстно, что всѣ они, за малыми исключеніями, отличались склонностью къ уединенію и сдержаннымъ, замкнутымъ характеромъ, затруднявшимъ сближеніе съ ними.

Мать Ибсена, происходившая по материнской линіи изъ того же семейства Паусъ, была тоже натура замкнутая и застѣнчивая. Послѣдняя черта характера съ годами перешла у нея въ нелюдимость, и эту черту въ большей или меньшей степени унаслѣдовали всѣ ея дѣти. Одна изъ послѣднихъ, единственная сестра писателя, Гедвигъ, такъ рисуетъ свою мать въ письмѣ къ Іегеру: «Она была тихая, любящая женщина, душа семьи, всецѣло принадлежавшая мужу и дѣтямъ. Она постоянно жертвовала собой, при чемъ у нея никогда не

*) Напр., Георгъ Брандесъ.

вырывалось ни горькой жалобы ни упрека». Въ проступающемъ изъ этихъ описаній женскомъ обликѣ можно узнать прототипъ цѣлаго ряда ибсеновскихъ женщинъ.

Мужчины въ роду Ибсена отличались болѣе свѣтлымъ, веселымъ нравомъ.

Дѣдъ Ибсена по отцу былъ человѣкъ живой, отзывчивый, веселый, любившій пошутить, позабавиться.

Отецъ Ибсена унаслѣдовалъ и серьезность матери и живость отца, и смѣсь этихъ качествъ приняла у него форму ѣдкаго юмора. Жизнерадостный, любившій общество, онъ обладалъ вдобавокъ проницательнымъ умомъ, находчивостью и остроуміемъ, которыми и стяжалъ себѣ большую популярность въ своемъ кругу, но внушилъ также и страхъ; его выходки не всегда были безобидны, напротивъ, онъ бывалъ рѣзокъ и безпощаденъ въ своихъ сужденіяхъ о тѣхъ, кто такъ или иначе возбуждалъ его неудовольствіе. Отъ него, повидимому, и унаслѣдовалъ сынъ тѣ задатки, которые затѣмъ дали себя знать въ «Комедіи любви» и «Союзѣ молодежи».

Таковы были ближайшія наслѣдственныя вліянія, наложившія свою печать на будущаго великаго писателя, родившагося въ Скіенѣ 20 марта 1828 г. первенцемъ у своихъ родителей.

Скіенъ былъ тогда, какъ и теперь, довольно маленькій городокъ, спеціальностью котораго являлась торговля лѣсомъ; жителей въ немъ насчитывалось едва 3.000. Несмотря на свои незначительные размѣры, городокъ жилъ бойкой торговой жизнью, и Кнудъ Ибсенъ занималъ въ немъ видное положеніе благодаря своей обширной и разнообразной коммерческой дѣятельности.

Іегеръ, собирая матеріалы для своей книги объ Ибсенѣ, обратился къ самому писателю съ просьбой сообщить кое-что о его первыхъ дѣтскихъ впечатлѣніяхъ; Ибсенъ и прислалъ слѣдующій отрывокъ изъ своихъ записокъ:

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда въ моемъ родномъ городѣ Скіенѣ стали давать названія улицамъ,—или, можетъ-быть, переименовывать ихъ, — одна улица была названа въ честь меня улицей Ибсена. Такъ, по крайней мѣрѣ, сообщили газеты, да и многіе достойные довѣрія путешественники подтвердили это, поясняя, что улица идетъ отъ площади къ гавани.

«Если приведенное сообщеніе вѣрно, то я не понимаю, по какой причинѣ именно эта улица получила мое имя; я и не родился и никогда не жилъ на ней.

«Родился я въ домѣ на площади, извѣстномъ подъ именемъ дома Стокмана. Домъ стоялъ какъ разъ напротивъ фасада церкви съ высокой папертью и внушительной колокольней. Направо отъ церкви возвышался позорный столбъ, а налѣво домъ, въ которомъ помѣщались: зала городского совѣта, арестантскія камеры и палаты умалишен-

ныхъ *). Четвертую же сторону площади занимали гимназія и городская школа. Самая церковь стояла по срединѣ открытой площади.

«Таковъ былъ первый видъ на міръ, открывшійся моимъ глазамъ. Одни зданія; ни клочка зелени: ни намека на приволье сельскаго ландшафта. Вдобавокъ, заключенное въ этомъ четыреугольникѣ изъ камня и дерева воздушное пространство круглыя сутки наполнялось грохотомъ и гуломъ, доносившимися съ Монастырскаго и прочихъ водопадовъ, а днемъ, т.-е. съ утра до вечера, грохотъ этотъ прорѣзывался еще чѣмъ-то въ родѣ то хриплыхъ, то визгливыхъ, то стонущихъ женскихъ криковъ. Это работали на водопадахъ сотни лѣсопилокъ. Читая впослѣдствіи о гильотинѣ, я всегда вспоминалъ объ этихъ лѣсопилкахъ.

«Церковь была, разумѣется, самымъ великолѣпнымъ сооруженіемъ изъ городскихъ зданій. Старинная церковь сгорѣла вмѣстѣ съ городомъ въ пожаръ, вспыхнувшій на Рождествѣ въ концѣ прошлаго столѣтія отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ какой-то служанки. Служанку, какъ водилось, казнили, а городъ вмѣстѣ съ новыми прямыми и широкими улицами, то взбѣгающими на холмы, то сбѣгающими въ долины, обзавелся и новой церковью, облицованною, по гордому утвержденію мѣстныхъ жителей, желтымъ голландскимъ изразцомъ и въ точности скопированною строителемъ изъ Копенгагена съ церкви въ Конгсбергѣ. Этихъ преимуществъ я въ то время не умѣлъ достаточно цѣнить, но мое вниманіе всецѣло приковывалъ къ себѣ бѣлый, массивнаго сложенія ангелъ, который въ будни парилъ съ чашей въ рукахъ высоко подъ самымъ куполомъ, а по воскресеньямъ, если предстояло крещеніе дѣтей, тихо опускался среди насъ.

«Чуть ли еще не больше ангела занималъ меня, впрочемъ, черный пудель, обитавшій на самой вышкѣ церковной колокольни, откуда ночной сторожъ возвѣщалъ «часы». У пуделя были огненные глаза, но онъ показывался не часто; собственно говоря, онъ показался даже всего-навсего одинъ разъ, — насколько я знаю. Было это въ ночь подъ Новый годъ, какъ разъ когда сторожъ прокричалъ «часъ» изъ слухового окошка фасада башни. Черный пудель вдругъ появился позади сторожа на колокольной лѣстницѣ, остановился и взглянулъ на него горящими глазами, — только и всего, но сторожъ ринулся головой внизъ черезъ слуховое окно прямо на мостовую, гдѣ его и нашли мертвымъ благочестивые прихожане, направлявшіеся къ утренней службѣ. Съ тѣхъ поръ сторожа никогда больше не кричали «часъ» въ это слуховое окно.

«Это происшествіе со сторожемъ и пуделемъ произошло однако задолго до моего появленія на свѣтъ, и впослѣдствіи я слыхалъ много разсказовъ о подобныхъ же происшествіяхъ, имѣвшихъ въ старину мѣсто

*) Вотъ первоисточникъ знаменитаго «строительнаго плана» фогта въ «Брандѣ».

въ разныхъ другихъ норвежскихъ церквахъ. Но это же самое слуховое окно являлось для меня въ дѣтствѣ особою достопримѣчательностью еще по той причинѣ, что черезъ него я получилъ первое сознательное, неизгладимое впечатлѣніе. Нянька моя снесла меня разъ на вышку и дала посидѣть на этомъ окнѣ, разумѣется, крѣпко придерживая сзади руками. Ясно помню, какъ поразило меня то, что я могъ смотрѣть на людей сверху внизъ, имъ на макушки, могъ заглянуть сверху и въ наши комнаты, видѣлъ карнизы оконъ, занавѣски, видѣлъ въ одномъ изъ оконъ свою мать, могъ даже заглянуть черезъ крышу во дворъ, гдѣ стояла на привязи у конюшни наша лошадка Бурка, помахивая хвостомъ. На стѣнкѣ конюшни, помню, висѣло блестящее жестяное ведро. Но вдругъ внизу въ дверяхъ нашего дома поднялась суматоха, начались крики, маханье руками, и нянька, проворно подхвативъ меня, поспѣшила со мной внизъ. Остального не помню, но впослѣдствіи мнѣ часто разсказывали, что мать моя, увидавъ меня на вышкѣ въ слуховомъ окнѣ, вскрикнула и «обмерла», какъ тогда водилось, а когда я опять очутился возлѣ нея, плакала, ласкала и цѣловала меня. Подросткомъ я никогда не проходилъ по площади безъ того, чтобы не взглянуть на слуховое окно; мнѣ казалось, что оно имѣло какое-то особенное отношеніе ко мнѣ и церковному пуделю.

«Отъ самыхъ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ монхъ у меня и сохранилось только одно это единственное воспоминаніе.

«На зубокъ» я получилъ въ числѣ прочихъ подарковъ большую серебряную монету съ изображеніемъ мужской головы. У мужчины этого былъ высокій лобъ, большой горбатый носъ и выпяченная нижняя губа. Кромѣ того, у него была голая шея, что мнѣ казалось очень страннымъ. Нянька внушала мнѣ, что человѣкъ на монетѣ былъ «самъ король, Frederik rex», а я любилъ катать монету по полу, да разъ по несчастной случайности и закатилъ въ щель. Должно-быть, родители мои сочли это дурнымъ предзнаменованіемъ, — монета вѣдь была подарена мнѣ «на зубокъ»,—велѣли разобрать полъ и перерыли все подполье, но «король, Фредерикъ rex» такъ и не нашелся. Послѣ того я долго-таки считалъ себя большимъ преступникомъ и, завидѣвъ стражника Петра Нѣмца, выходящаго изъ дверей городского дома и становящагося на караулъ какъ разъ напротивъ нашихъ дверей, со всѣхъ ногъ бросался въ дѣтскую и забивался подъ кровать.

«Въ домѣ на площади мы, впрочемъ, жили недолго. Отецъ мой купилъ домъ побольше, и мы перебрались туда, когда мнѣ было года четыре. Новый нашъ домъ находился нѣсколько подальше отъ центра и стоялъ какъ разъ на углу у подошвы холма «Хундевадъ», какъ его прозвали въ честь старика-доктора, тарабарившаго по-нѣмецки; жена его была важная барыня, разъѣзжавшая въ каретѣ со стеклами, которая зимою ставилась на полозья. Въ новомъ домѣ было много про-

сторныхъ комнатъ и внизу и наверху, и родители мои зажили очень открыто. Мы же, мальчики, немного времени проводили дома. Площадь, на которой находились два главныхъ учебныхъ заведенія, являлась естественнымъ мѣстомъ сборищъ и арены схватокъ для городской дѣтворы. Гимназіей правилъ тогда старый, важный, но очень милый ректоръ Эрнъ; городскою же школой завѣдывалъ смотритель Иверъ Флаеруд, тоже сановитый старикъ, который прежде орудовалъ въ качествѣ городского цырюльника и парикмахера. Ученики этихъ двухъ заведеній устраивали между собой горячія схватки около церкви; я не принадлежалъ ни къ тому ни къ другому лагерю и потому большею частью присутствовалъ лишь въ качествѣ зрителя. Вообще я въ дѣтствѣ вовсе не былъ охотникомъ до борьбы и схватокъ. Меня куда больше интересовали вышеупомянутый позорный столбъ и городской домъ со всѣми ихъ предполагаемыми темными, загадочными особенностями. Позорный столбъ, окрашенный въ темно-красный цвѣтъ, былъ высотой въ ростъ человѣка и увѣнчанъ большимъ шаромъ, когда-то окрашеннымъ черной краской; въ мое же время краска уже поблиняла, и шаръ получилъ сходство съ благодушнымъ человѣческимъ лицомъ, немножко навеселѣ. Къ столбу была прикрѣплена желѣзная цѣпь, а къ ней разстегнутый ошейникъ, который казался мнѣ двумя маленькими растопыренными руками, съ величайшимъ удовольствіемъ готовыми сцапать меня за горло. Ошейникъ этотъ, правда, не употреблялся въ дѣло уже много лѣтъ, но я хорошо помню, что онъ продолжалъ висѣть на своемъ мѣстѣ все время, пока я жилъ въ Скіенѣ. Находится ли онъ тамъ и по сіе время—не знаю.

«А затѣмъ самый городской домъ! У этого дома было такое же широкое крыльцо, какъ у церкви. Въ подвальномъ этажѣ помѣщались камеры съ рѣшетчатыми окошками, обращенными на площадь. За этими рѣшетками я видѣлъ много блѣдныхъ, хмурыхъ лицъ. Другая часть подвальнаго этажа, подальше въ глубину дома, именовалась «сумасшедшими палатами», и дѣйствительно тамъ запирали умалишенныхъ. И тамъ были рѣшетчатыя окошки, но за каждой рѣшеткой была еще массивная желѣзная доска, закрывавшая все оконное отверстіе и просверленная маленькими круглыми дырочками, такъ что напоминала ставни. Одна изъ этихъ палатъ служила, какъ говорили, мѣстомъ заключенія для клейменаго преступника по имени Брендейса, о которомъ ходило тогда много разсказовъ; кромѣ того, тамъ, мнѣ кажется, содержался одинъ бѣжавшій и вновь пойманный каторжникъ, наказанный затѣмъ плетьми на площади. Очевидцы разсказывали, что, когда его вели на мѣсто экзекуціи, онъ приплясывалъ, а назадъ въ тюрьму его уже пришлось отвезти въ телѣгѣ.

«Скіенъ на мой ребячій взглядъ былъ необычайно веселымъ и оживленнымъ городомъ, совершенною противоположностью тому, чѣмъ онъ сталъ позже. Много весьма образованныхъ, состоятельныхъ и ува-

жаемыхъ семействъ жили тогда частью въ самомъ городѣ, частью въ обширныхъ усадьбахъ въ окрестностяхъ. Большинство этихъ семействъ были связаны между собой узами болѣе или менѣе близкаго родства, и балы, званые обѣды и музыкальныя вечеринки шли безъ перерыва лѣто и зиму. Въ городѣ бывало также много пріѣзжихъ, которые, за неимѣніемъ въ то время настоящихъ гостиницъ, останавливались у родныхъ или знакомыхъ. У насъ въ большомъ домѣ почти постоянно гостилъ кто-нибудь, а на Рождествѣ и во время ярмарки домъ былъ прямо набитъ гостями и съ утра до вечера шло угощеніе. Ярмарка въ Скіенѣ происходила въ февралѣ мѣсяцѣ; это было для насъ, мальчугановъ, самое блаженное время; мы уже за полгода начинали копить скиллинги *), чтобы насмотрѣться на фокусниковъ, канатныхъ плясуновъ и наѣздниковъ и накупить медовыхъ пряниковъ въ ярмарочныхъ балаганахъ. Имѣла ли эта ярмарка сколько-нибудь важное значеніе для коммерческой жизни города — я не знаю, мнѣ она представлялась главнымъ образомъ большимъ народнымъ праздникомъ, который продолжался почти цѣлую недѣлю.

«Семнадцатое мая **) въ тѣ годы проходило въ Скіенѣ безъ особыхъ торжествъ. Кое-кто изъ молодежи стрѣлялъ изъ «ключей» ***) на холмѣ Блегге, или сжигалъ тамъ «вѣдьмъ»,—вотъ и все. Мнѣ кажется, нашъ вообще столь жизнерадостный городъ проявлялъ такую сдержанность скорѣе всего изъ деликатности: около города проживало въ своемъ имѣніи одно очень высокопоставленное лицо, которому по разнымъ соображеніямъ и не хотѣли наступать на ногу.

«Тѣмъ веселѣе зато праздновался Ивановъ вечеръ. Праздновали его не всѣ сообща, а мальчуганы и взрослая молодежь разбивались на пять, шесть и болѣе разныхъ компаній, и каждая занималась добываніемъ матеріаловъ для своего костра. Уже съ Троицы мы начинали кучками расхаживать по верфямъ и бакалейнымъ лавкамъ, выпрашивая смоляныя бочки. А чего намъ не давали добровольно, то мы попросту похищали; этотъ своеобразный обычай утвердился съ незапамятныхъ временъ, и ни владѣльцы похищеннаго добра ни полиція никогда и не думали преслѣдовать за такой грабежъ. Такимъ образомъ понемногу каждая компанія накапливала цѣлый штабель пустыхъ бочекъ. Такое же установленное обычаями право имѣли мы присваивать старыя лодки. Если намъ удавалось найти такую лодку, вытащенную на сушу, незамѣтно уволочь и припрятать до праздника, то мы уже пріобрѣтали на нее право собственности, или во всякомъ случаѣ ея никто у насъ уже не оспаривалъ. Наканунѣ Ивана Купала

*) Мелкая монета, равнявшаяся приблизительно 1 коп.

**) День объявленія норвежской конституціи.

***) Въ отверстіе въ бородкѣ ключа набивался порохъ, который потомъ поджигался и производилъ выстрѣлъ. «Вѣдьмы»—кучки подмоченнаго пороха, дававшія долгое яркое пламя.

такую лодку относили на мѣсто сожженія въ торжественной процессіи, при чемъ въ самую лодку сажали музыканта. Я много разъ былъ свидѣтелемъ такой процессіи, а разъ и самъ участвовалъ въ ней».

Разсказъ Ибсена довольно ярко рисуетъ намъ главныя впечатлѣнія его дѣтства. Въ нихъ преобладалъ печальный, тяжелый элементъ. Строгость церкви, жуть арестантскихъ камеръ, жестокость позорнаго столба, ужасъ «сумасшедшихъ палатъ»—все это были такого рода впечатлѣнія, которыя не могли не бросать тѣней на дѣтскую жизнерадостность и должны были рано пробудить въ ребенкѣ серьезныя мысли; лишь ярмарочное веселье да костры на Ивана Купалу создавали нѣкоторый противовѣсъ.

Населеніе Скіена съ давнихъ поръ считалось религіознымъ; разныя религіозныя секты и вѣроученія издавна находили тамъ благодарную почву въ народѣ. Еще въ XVIII столѣтіи городъ былъ извѣстенъ за очагъ піэтизма; затѣмъ въ дни юности Ибсена здѣсь дѣйствовалъ пасторъ Ламмерсъ, проповѣдывавшій вѣроученіе, получившее впослѣдствіи его имя. Скіенъ сдѣлался центромъ этого ученія, и оттуда оно распространилось по всей странѣ, всюду вызывая броженіе умовъ. Сильнѣе всего оно, разумѣется, было въ самомъ Скіенѣ, и такъ какъ многіе изъ ближайшихъ родственниковъ Ибсена были захвачены этимъ религіознымъ движеніемъ, то оно было близко знакомо и ему. Воспоминаніями и впечатлѣніями изъ этого смутнаго времени Ибсенъ, какъ извѣстно, отчасти и воспользовался для «Бранда».

Не безъ основанія пытались искать въ этихъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ родного города, также зерно, изъ котораго выросла другая пьеса Ибсена: «Союзъ молодежи». Городъ имѣлъ свою «аристократію»—изъ чиновниковъ, должностныхъ лицъ и богатыхъ родовитыхъ семействъ, издавна обитавшихъ въ самомъ городѣ или вблизи его; всѣ остальные обитатели были «плебеи». Между этими двумя кастами стояла такая же непереходимая стѣна, какъ между бюргерами и дворянствомъ въ мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ прошлыхъ столѣтій. Черезъ эту стѣну невозможно было перескочить, несмотря ни на дѣловитость ни на энергію; каждый пришлецъ съ *той* стороны разсматривался, какъ parvenu à la Монсенъ въ «Союзѣ молодежи», какъ бы ни было вообще прочно занятое имъ положеніе. Но насколько было трудно попасть со стороны въ этотъ избранный кругъ, настолько же легко было быть отлученнымъ отъ него, — утрата имущественныхъ правъ уже вела за собою изгнаніе.

Семья Ибсена принадлежала и по имущественному положенію и по родственнымъ связямъ къ городской аристократіи, и въ раннемъ дѣтствѣ Ибсена домъ его родителей былъ однимъ изъ центровъ общественно-свѣтской жизни города. Кнудъ Ибсенъ былъ какъ разъ человѣкъ, способный своимъ остроуміемъ и прочими талантами собирать

вокругъ себя людей; къ тому же онъ былъ радушный хозяинъ, которому нравилось держать открытый домъ.

Но, когда Генрику Ибсену было восемь лѣтъ, благосостояніе его семьи разомъ рухнуло. Отцу пришлось пріостановить платежи, и послѣ ликвидаціи дѣлъ въ распоряженіи семьи осталась лишь небольшая полузапущенная усадьба за городомъ, куда семья и укрылась послѣ краха. Тамъ она повела жизнь, представлявшую по скудости средствъ и замкнутости рѣзкую противоположность прежней широкой, открытой жизни. Если прежде семья не замѣчала соціальной пропасти, существовавшей въ маленькомъ городѣ, то теперь, въ дни разоренія, пропасть эта дала знать себя тѣмъ чувствительнѣе. И тяжесть новыхъ условій, безъ сомнѣнія, наиболѣе глубоко послѣ родителей ощущалъ старшій сынъ семьи, Генрикъ Ибсенъ. Онъ разомъ былъ вырванъ изъ прежней среды и рано узналъ горькое чувство оторванности.

Во всякомъ случаѣ онъ рано сталъ обнаруживать необычайную для ребенка серьезность. Онъ не игралъ, не рѣзвился, какъ другія дѣти. Когда четверо младшихъ дѣтей семьи шумѣли и возились на дворѣ, онъ забирался въ чуланчикъ въ коридорѣ, примыкавшемъ къ кухнѣ, и запирался тамъ на крючокъ, чтобы обезопасить себя отъ всякаго безцеремоннаго вторженія, и просиживалъ тамъ по цѣлымъ часамъ не только лѣтомъ, но и зимой, несмотря на сильнѣйшую стужу. «Для насъ, дѣтей,—признаётся его сестра въ упомянутомъ выше письмѣ:—онъ тогда отнюдь не являлся пріятнымъ товарищемъ, и мы дѣлали все возможное, чтобы помѣшать ему, даже бросали камни и снѣжки въ стѣны и двери чулана; мы хотѣли заставить и его играть съ нами. И когда ему уже невмоготу становились наши приставанія, онъ вдругъ выбѣгалъ изъ чулана и кидался за нами. Но такъ какъ онъ не отличался способностью ни къ какому спорту, и вообще бурные порывы не были свойственны его характеру, то ничего особеннаго изъ этой погони и не выходило,—прогнавъ насъ достаточно далеко, онъ снова возвращался въ свой чуланъ».

Чѣмъ же онъ тамъ занимался?

Больше всего возился со старыми книжками, которыя раздобылъ себѣ. Между прочимъ, въ этомъ самомъ чуланѣ онъ свелъ знакомство и съ той большой, чудесной книгой, о которой съ такимъ одушевленіемъ разсказываетъ въ третьемъ дѣйствіи героиня «Дикой утки»; слова, вложенныя ей въ уста, видимо, продиктованы были писателю личными дѣтскими воспоминаніями.

Кромѣ книгъ онъ занимался фокусами. «Иногда въ воскресные вечера ему разрѣшалось выступать въ качествѣ фокусника въ одной изъ комнатъ нашего дома,—говорится дальше въ томъ же письмѣ:—и всѣ сосѣди приглашались присутствовать на представленіи. Я такъ и вижу его передъ собой—въ коротенькой курточкѣ, стоящимъ за большимъ ящикомъ, который спеціально декорировался для этого случая, и по-

казывающимъ штуки, которыя непосвященнымъ зрителямъ казались колдовствомъ. Никто не зналъ, разумѣется, что въ ящикѣ сидѣлъ младшій братъ Генрика, которому было заранѣе хорошо заплачено за участіе. Въ противномъ случаѣ онъ грозилъ устроить Генрику скандалъ, а такъ какъ по натурѣ своей Генрикъ больше всего этого боялся, то онъ всегда и обѣщалъ, чего бы ни требовалъ братишка».

Усердно занимался онъ также рисованіемъ и раскрашиваніемъ; рисовалъ на картонѣ разныя фигуры въ роскошныхъ нарядахъ, вырѣзывалъ ихъ, прикрѣплялъ къ деревяннымъ подставкамъ и разставлялъ ихъ разнообразными группами,—однѣ какъ будто въ оживленной бесѣдѣ между собою, другія—въ такихъ позахъ и съ такимъ выраженіемъ лицъ, которыя давали понять, что произошло нѣчто очень важное. Это были первыя сценическія планировки будущаго драматурга.

Единственною игрою на свѣжемъ воздухѣ, которую онъ признавалъ, были «постройки». Временами онъ отдавался имъ съ необычайнымъ усердіемъ. «Помню,—пишетъ дальше сестра Ибсена:—между прочимъ, крѣпость, на мой тогдашній взглядъ чудо искусства; она потребовала долгихъ трудовъ отъ Генрика и младшаго брата; но ей не суждено было красоваться долго. Какъ только она была готова, Генрикъ атаковалъ ее и разрушилъ въ прахъ». Вѣроятно, онъ прочелъ о какомъ-нибудь историческомъ событіи и такимъ путемъ попытался пережить его самъ.

Въ школѣ, какъ и въ играхъ, онъ тоже обнаруживалъ своеобразные задатки, намекавшіе на будущее развитіе его личности. Любимыми предметами его были исторія и законъ Божій. Одинъ изъ его школьныхъ товарищей сообщаетъ объ одномъ весьма характерномъ классномъ сочиненіи Генрика Ибсена: «Помню, однажды весь классъ, затаивъ дыханіе, слушалъ въ чтеніи Ибсена его сочиненіе «Сонъ» *). Автору этого оригинальнаго класснаго сочиненія, особенно поражающаго нѣкоторыми оборотами рѣчи, выдающими будущаго поэта, а также мыслью о тщетѣ всего земного, мыслью, никогда не оставлявшею Ибсена,—было тогда около 14 лѣтъ.

Въ это время родители его переѣхали опять въ Скіенъ; вскорѣ затѣмъ онъ былъ конфирмованъ, и затѣмъ ему уже пришлось покинуть родную семью, чтобы научиться самому зарабатывать свой хлѣбъ и пробить себѣ дорогу въ жизни. При выпавшихъ ему на долю экономическихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о выборѣ такой дѣятельности, которая бы больше всего влекла его; приходилось остановиться на той, которая требовала наименѣе продолжительной и наиболѣе дешево стоящей спеціальной подготовки.

Влекло Ибсена къ живописи; подросткомъ и юношей онъ съ жаромъ отдавался рисованію и писанію красками и продолжалъ эти занятія

*) См. стр. 270.

даже послѣ того, какъ выступилъ на литературное поприще. Учиться же любимому искусству серьезно ему не довелось. Всего въ теченіе одного года онъ посѣщалъ рисовальную школу въ Скіенѣ, гдѣ и «научился немного владѣть карандашомъ»; одновременно, или немного позже, онъ получилъ «нѣкоторыя указанія по части живописи масляными красками отъ одного молодого заѣзжаго художника». Затѣмъ Ибсенъ уже взрослымъ писалъ въ Бергенѣ нѣкоторое время акварелью подъ руководствомъ спеціалиста и наконецъ въ Христіаніи упражнялся въ живописи масляными красками въ одной изъ тамошнихъ художественныхъ мастерскихъ *). Находились люди, которые, основываясь на первыхъ работахъ Ибсена, предсказывали ему большое будущее, какъ живописцу. Особенно же восторгались его акварелями и масляными картинами его сверстники и школьные товарищи, по свидѣтельству одного изъ нихъ, пробста Б. Ордынга. Изъ множества акварелей, написанныхъ юношей Ибсеномъ, сохранилось (во всякомъ случаѣ—по свидѣтельству земляка и друга Ибсена, проф. Дитрихсона—сохранялось еще въ семидесятыхъ годахъ) въ Гримстадѣ нѣсколько пейзажей и картина, изображающая лоцмана на вахтѣ, которую ошибочно принимали за портретъ Терье Вигена, героя эпической поэмы Ибсена того же названія.

Безъ сомнѣнія, способности Ибсена къ живописи, хотя и не получили надлежащаго развитія и прямого примѣненія, не остались безплодными, но сдѣлали свое дѣло, отразившись въ его художественно-поэтическомъ творчествѣ **). Особенно ярко сказывался талантъ живописца въ истинно-художественномъ умѣньи Ибсена достигать наиболѣе сильныхъ эффектовъ какъ самою планировкой и обстановкой, такъ и распредѣленіемъ свѣта и тѣней на дѣйствующихъ лицахъ, благодаря чему всѣ они такъ ярко, выпукло выдѣляются на обычно темномъ фонѣ его произведеній.

О томъ, что юношеское пристрастіе Ибсена къ этому роду искусства не было простымъ юношескимъ увлеченіемъ, свидѣтельствуетъ и тотъ глубокій интересъ къ живописи и скульптурѣ, который онъ сохранилъ на протяженіи всей своей жизни. Единственнымъ имуществомъ, которымъ онъ до самаго послѣдняго времени интересовался и охотно пріобрѣталъ, были картины, и во время своихъ частыхъ и долгихъ побывокъ въ Италіи онъ составилъ себѣ прекрасную, хотя небольшую коллекцію картинъ эпохи Ренессанса. Коллекціей этою онъ очень гордился и, несмотря на связанныя съ этимъ хлопоты, возилъ ее за собой всюду, куда переселялся на болѣе продолжительный срокъ. Вѣрныя и тонкія сужденія Ибсена о живописи, которыя онъ высказывалъ въ зрѣлые годы и устно и печатно, также говорятъ о томъ, что у него были недюжинныя способности къ живописи.

*) См. письмо Ибсена къ Гальворсену, стр. 504.

**) См., напр., предисловіе къ «Привидѣніямъ».

Развивать эти способности въ юности ему, какъ сказано, не пришлось; матеріальныя средства семьи были слишкомъ скудны, и Генрика отправили въ сосѣдній городъ Гримстадъ, въ ученье къ тамошнему аптекарю. На шестнадцатомъ году Ибсенъ уже окончательно оставилъ свой родной городъ и свою семью, если не считать еще двухъ-трехъ посѣщеній ея на самое короткое время. Самая связь между нимъ и его родными становилась съ годами все слабѣе. Взрослымъ онъ даже не переписывался со своими родителями. Причины такого отдаленія или отчужденія приходится искать отчасти въ томъ, что онъ силою обстоятельствъ долго лишенъ былъ возможности быть чѣмъ-либо полезнымъ своей семьѣ *), когда же наконецъ достигъ болѣе обезпеченнаго матеріальнаго положенія, то успѣлъ уже стать наполовину чужимъ ей; отчасти же — и, пожалуй, даже главнымъ образомъ — въ томъ, что съ годами все болѣе и болѣе чувствовалъ пропасть между своимъ духовнымъ развитіемъ и міросозерцаніемъ и духовнымъ міромъ родныхъ,—пропасть, мѣшавшую полному взаимному пониманію; «половинчатыхъ» **) же отношеній, при которыхъ онъ не могъ «отдавать себя всецѣло» ***), онъ не признавалъ. Его семья находилась въ тискахъ суроваго, мрачнаго, основаннаго на библейскихъ догматахъ вѣроученія, а онъ самъ освободился отъ всякаго сковывающаго вліянія авторитетовъ, выше всего ставя свободу мысли и духовнаго развитія человѣческой личности. Для него дарованіе было не преимущество, а обязанность, и, отрываясь отъ своей семьи, отъ своего рода, онъ дѣйствовалъ во имя своего призванія. Такой образъ дѣйствій являлся выраженіемъ того лично оправдываемаго имъ «чистокровнаго эгоизма» °), который заставляетъ на время «придавать своему собственному дѣлу (призванію) исключительное значеніе и забывать обо всемъ остальномъ».

Съ другой стороны и самоё семью Ибсена долженъ былъ отталкивать тотъ радикализмъ, который все рѣзче и рѣзче сказывался въ духовномъ складѣ Ибсена и выступалъ въ его произведеніяхъ.

До настоящаго разрыва съ родными дѣло, впрочемъ, никогда не доходило. Съ сестрой же своей Гедвигъ онъ, напротивъ, до конца сохранилъ если не близкія, то сердечныя отношенія, рисующіяся въ обоихъ его письмахъ къ ней °°). Она была «вторымъ изданіемъ» тихой, любящей, готовой къ самопожертвованію матери Ибсена, съ сильною примѣсью религіознаго мистицизма и съ чуткою, отзывчивою душою, умѣвшею понять и объяснить даже столь противоположное, чуждое ей по духу, направленіе старшаго брата.

---

*) См. письмо Ибсена къ дядѣ по матери Христіану Паусу, стр. 442.
**) См. письмо къ Бьёрнсону, стр. 340.
***) См. письмо къ сестрѣ, Гедвигъ Стоусландъ, стр. 357.
°) См. письмо къ Брандесу, стр. 382.
°°) См. второе письмо, стр. 508.

Что же дала ему жизнь въ родной обстановкѣ, въ родномъ городѣ? Она рано наложила свой гнетъ на его душу, пробудила въ немъ страхъ и отвращеніе ко всѣмъ принудительнымъ мѣрамъ, къ которымъ прибѣгаетъ общество по отношенію къ тѣмъ, кто, по своей ли винѣ или силою обстоятельствъ, уклоняется въ сторону отъ обычнаго порядка вещей. Тюрьма, сумасшедшія палаты, позорный столбъ и общественное мнѣніе запечатлѣлись въ его сознаніи пугалами. Одинъ изъ первыхъ его житейскихъ опытовъ основывался на той разницѣ, какую обусловливаютъ въ общественномъ положеніи людей бѣдность и богатство; при этомъ онъ лично познакомился и съ богатствомъ и съ бѣдностью раньше, чѣмъ подросъ настолько, чтобы умѣть разобраться въ упомянутой разницѣ, и зато тѣмъ больнѣе чувствовалъ ее. Все это развило въ немъ замкнутость и нелюдимость, задатки которыхъ были въ немъ наслѣдственными; это заставило его глубже уйти въ себя, сдѣлало молчаливымъ, серьезнымъ и тихимъ. Жизнь для него не заключалась въ общеніи съ другими; его жизнь сосредоточивалась въ мірѣ мыслей и грезъ.

Такъ вотъ съ какимъ духовнымъ багажомъ покинулъ едва вышедшій изъ отроческихъ лѣтъ Генрикъ Ибсенъ свой родной городъ и отправился на новое мѣстожительство, гдѣ пробылъ почти до двадцати двухъ лѣтъ, то-есть болѣе пяти лѣтъ кряду, сначала въ качествѣ ученика, а затѣмъ помощника аптекаря.

II.

Юношество.

Гримстадъ еще менѣе значительный городокъ, нежели Скіенъ, и въ то время, когда тамъ жилъ Ибсенъ, въ городѣ было не больше 800 жителей.

Какъ большинство норвежскихъ городовъ къ востоку отъ Христіансанда, Гримстадъ представляетъ собою небольшое гнѣздо судовладѣльцевъ, солидное и зажиточное мѣстечко. Благосостояніе жителей такихъ городковъ тѣсно связано съ любовью къ удобствамъ; обыватели не уносятся мыслями слишкомъ далеко и не залетаютъ слишкомъ высоко. Переступаютъ свой дверной порогъ они обыкновенно затѣмъ только, чтобы спросить, благополучно ли пришло такое-то судно, или узнать, каковы послѣдніе фрахты. Лишь рѣдкій разъ, когда въ большомъ свѣтѣ совершаются крупныя событія, эти послѣднія отбрасываютъ слабую волну къ тѣмъ прибрежнымъ городкамъ, и наиболѣе заинтересованные этимъ обыватели останавливаются при встрѣчѣ другъ съ другомъ на улицѣ, обмѣниваются парой словъ о послѣднихъ событіяхъ, качаютъ головами и—расходятся.

Въ такомъ городкѣ есть клубъ, аптека, цырюльня и гостиница. Аптека играетъ роль городской биржи, гдѣ собирается весь праздный народъ и обсуждаетъ происшествія, особенно мѣстныя, которыя всегда интересуютъ здѣсь всѣхъ больше всего остального въ мірѣ. Всѣ обыватели знаютъ другъ друга вдоль и поперекъ; въ частной жизни ихъ не остается ни одного скрытаго уголка. И всѣ раскланиваются другъ съ другомъ; самому богатому обывателю и самые низкіе поклоны; слѣдующему за нимъ по богатству—нѣсколько менѣе почтительные, и такъ далѣе, вплоть до бѣдняка рабочаго, которому достается уже только небрежный кивокъ въ отвѣтъ, когда онъ почтительно остановится со шляпой въ рукѣ. Человѣка заѣзжаго прямо поражаютъ почтительные поклоны всѣхъ обывателей побѣднѣе, попадающихся ему навстрѣчу; ему становится даже неловко отъ этой приниженности; это оттого, что онъ не знаетъ мѣстныхъ патріархальныхъ нравовъ; но простые люди знаютъ ихъ и, видимо, считаютъ благоразумнѣйшимъ сообразоваться съ ними при уличной встрѣчѣ съ хорошо одѣтымъ человѣкомъ, даже совсѣмъ незнакомымъ,—кто его знаетъ, а вдругъ персона? Въ такомъ городкѣ жизнь течетъ ровно, спокойно, медленно; времени много, и «поспѣшить—только людей насмѣшить»; не сегодня—такъ завтра. Все, что выходитъ изъ рамокъ привычнаго,—эксцентрично; оригинальность считается недостаткомъ, каждое энергичное проявленіе личной жизни разсматривается какъ эксцентричность, а эксцентричность считается уже порокомъ.

И тутъ же раскинулось море, могучее, свободное море, которое несетъ деньги, обломки судовъ и новѣйшія парижскія моды маленькому мирному городку изъ большого, безпокойнаго, далекаго свѣта.

Почти таковы подобные городки еще и въ наше время, и во всякомъ случаѣ они были таковыми въ юности Ибсена, да и долго спустя.

Изъ автобіографическаго очерка Ибсена въ предисловіи ко второму изданію «Катилины» мы знаемъ, каково ему жилось въ томъ маленькомъ обществѣ. Извѣстно, что эти пять лѣтъ были въ его жизни эпохой усиленнаго духовнаго развитія и броженія. Онъ носился со смѣлыми планами будущаго, его занимали великія идеи. Онъ не могъ удовлетвориться дѣятельностью фармацевта и прежде всего хотѣлъ подняться ступенью выше по общественной лѣстницѣ—поступить въ университетъ на медицинскій факультетъ. Одновременно начало подавать въ немъ первые признаки жизни его поэтическое дарованіе, но ему приходилось воровать себѣ свободные часы для учебныхъ занятій, а отъ этихъ украденныхъ учебныхъ часовъ урывать еще минуты для занятія поэзіей.

Такъ шла жизнь до 1848—49 гг. Февральская революція и политическія событія, которыя она вызвала въ другихъ странахъ, привели въ броженіе всю Европу, и общее тревожное состояніе умовъ отразилось и на молодомъ Генрикѣ Ибсенѣ. Онъ слѣдилъ за ходомъ событій,

насколько это было по силамъ аптекарскому помощнику въ Гримстадѣ, и съ юношескимъ жаромъ становился на сторону тѣхъ, кто боролся за свободу и возставалъ противъ угнетателей. Всѣ эти настроенія и запечатлѣлись въ его стихотвореніяхъ, написанныхъ въ то время.

Въ августѣ 1849 г. мадьяры потерпѣли рѣшительное пораженіе, и Генрикъ Ибсенъ отозвался на это событіе пламеннымъ стихотвореніемъ «Къ мадьярамъ», въ которомъ изливалъ свою скорбь по поводу пораженія, понесеннаго ими и «дѣломъ свободы», а въ заключеніе пытался найти утѣшеніе въ мысли, что разбитые мадьярскіе борцы за свободу будутъ, подобно полякамъ и тѣмъ, которые съ эшафотовъ оросили своею кровью почву Германіи, сіять въ лучахъ славы образцами для грядущихъ поколѣній.

Къ этому же времени относится рядъ навѣянныхъ первою датско-прусскою войной сонетовъ, о которыхъ Ибсенъ тоже упоминаетъ въ предисловіи къ «Катилинѣ»; сонетовъ этихъ была цѣлая дюжина, и они носили одно общее громкое названіе: «Проснитесь, скандинавы!— Воззваніе къ братьямъ-норвежцамъ и шведамъ». Это были предвѣстники большого стихотворенія «Братъ въ бѣдѣ» *), въ которомъ Ибсенъ въ 1863 г., во время второй датско-прусской войны, въ восторженныхъ выраженіяхъ проводилъ мысль, что Норвегія и Швеція должны поспѣшить на помощь Даніи, если хотятъ спасти свою честь и обезпечить себѣ будущее самостоятельныхъ государствъ.

То обстоятельство, что молодой человѣкъ, занимавшій столь подчиненное положеніе, носился съ подобными выспренними мыслями, да еще излагалъ ихъ стихами, не могло, конечно, остаться незамѣченнымъ въ такомъ городишкѣ-курятникѣ, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ «въ нѣкоторыхъ случаяхъ приподнятаго настроенія» не могъ удержаться и во всеуслышаніе высказывался въ унисонъ своимъ страстнымъ стихотворнымъ изліяніямъ.

Большаго и не требовалось, чтобы привлечь на него неодобрительное вниманіе. Какой-то молокососъ, аптекарскій ученикъ, осмѣливается въ присутствіи взрослыхъ людей разговаривать о вещахъ, о которыхъ не подобало бы ему дерзать и думать?.. Это ужъ черезчуръ!

А онъ еще и тѣмъ не ограничился. Ибсенъ былъ вообще не изъ тѣхъ людей, которые, оказавшись въ оппозиціи съ окружающими, отступаютъ съ поля битвы. Онъ, какъ всѣ сосредоточенныя, глубокосдержанныя натуры, не любилъ лѣзть впередъ и, какъ всѣ застѣнчивые люди, боялся скандала и насмѣшекъ; но именно потому-то его такъ глубоко и уязвили вызванныя въ обществѣ его изліяніями порицанія и насмѣшки, и вмѣсто того, чтобы отступить передъ нападками, онъ самъ перешелъ въ наступленіе. Юный, несформировавшійся еще геній бросилъ вызовъ маленькому филистерскому обществу. «Ради

*) См. «Стихотворенія».

соблюденія истины,—говоритъ Ибсенъ въ упомянутомъ выше предисловіи къ «Катилинѣ»:—я долженъ еще прибавить, что поведеніемъ своимъ я вообще не подавалъ обществу особенныхъ надеждъ на то, чтобы оно въ моемъ лицѣ обрѣло приростъ гражданскихъ добродѣтелей; а затѣмъ эпиграммами и карикатурами я испортилъ свои отношенія ко многимъ лицамъ, которыя бы заслуживали съ моей стороны лучшаго и расположеніемъ которыхъ я въ сущности дорожилъ. Словомъ, подъ шумъ великихъ международныхъ бурь я съ своей стороны воевалъ съ маленькимъ обществомъ, къ которому былъ прикованъ волей обстоятельствъ и житейскихъ условій».

Можно сказать, что вся эта война была бурей въ стаканѣ воды, но она была весьма характерна, вполнѣ опредѣленно намѣчая будущія отношенія Ибсена къ «обществу».

Вообще вѣдь отношенія между индивидомъ и обществомъ опредѣляются, какъ самое мирное соглашеніе. Общество есть форма соглашенія между отдѣльными индивидами, соглашенія относительно извѣстнаго порядка вещей; благо общества есть въ то же время благо отдѣльныхъ лицъ, его составляющихъ. Общество—защитникъ индивида при условіи, что индивидъ исполняетъ извѣстныя обязательства по отношенію къ обществу,—обязательства, сводящіяся къ установленію и поддержкѣ системы взаимной защиты, отъ чего зависитъ самое существованіе общества и обезпеченіе ровнаго, здороваго прогресса, составляющаго цѣль общественной жизни.

Въ дѣйствительности отношенія однако не столь идиллически-мирны, какъ въ теоріи; эти отношенія имѣютъ свои тѣневыя стороны, и самая худшая изъ нихъ—наклонность общества къ насилію надъ отдѣльной личностью. Общество постоянно обнаруживаетъ склонность примѣнять свое регулирующее вліяніе въ областяхъ, до него въ сущности не касающихся, склонность устанавливать законы и правила для индивида въ сферахъ, гдѣ тотъ имѣетъ право быть самъ себѣ господиномъ. Напримѣръ, индивидъ имѣетъ право быть независимымъ въ своихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ, но общество какъ разъ тутъ-то и склонно возводить мнѣніе большинства въ норму и осуждать индивидовъ, которые ему не подчиняются. Чѣмъ меньше общество, тѣмъ большее число частныхъ областей подчиняетъ оно себѣ, тѣмъ охотнѣе создаетъ общія правила, касающіяся даже тѣхъ сферъ, гдѣ личность имѣетъ право сама себѣ диктовать правила, и тѣмъ неохотнѣе признаётъ правильность исключеній. Въ такомъ отношеніи общества къ индивиду кроется опастность не только для свободы личности, но и для самого общества. Прогрессъ общества создается людьми съ рѣзко выраженною индивидуальностью, иначе говоря, оригинальностью отдѣльныхъ его членовъ, а оригинальность и есть исключеніе изъ правила. Поэтому геній самое важное и необходимое изъ всѣхъ исключеній, и когда общество такъ суживается, что для генія нѣтъ мѣста,

послѣдній бываетъ вынужденъ возмутиться противъ общества и возвести исключеніе въ принципъ, въ противоположность тиранніи правила.

Итакъ, съ точки зрѣнія индивидуализма, отношеніе между индивидомъ и обществомъ не обоюдно-дружественное, но враждебно-оппозиціонное. Общество разсматривается, какъ тиранъ индивида, а не какъ защитникъ; какъ тормозъ прогресса личности, а не какъ пособникъ, а соціальныя правила, какъ Прокрустово ложе, на которомъ общество вытягиваетъ или сдавливаетъ личность, чтобы она подошла къ разъ принятымъ нормальнымъ формамъ. Эта точка зрѣнія и привела къ современнымъ анархистскимъ соціальнымъ теоріямъ.

Въ такія-то рѣзко-оппозиціонныя отношенія индивида къ обществу и сталъ юный Генрикъ Ибсенъ въ бытность свою въ Гримстадѣ. Въ немъ уже тогда неясно, по-юношески брезжили тѣ взгляды, которые затѣмъ такъ ярко и сильно дали себя знать въ цѣломъ рядѣ наиболѣе зрѣлыхъ его произведеній.

О стихахъ, въ которыхъ онъ выливалъ волновавшія его чувства, мы уже упоминали. Но онъ не ограничивался стихами, а пробовалъ свои силы и въ прозѣ. По счастливой случайности изъ этихъ первыхъ прозаическихъ пробъ его пера до насъ дошли цѣлыхъ три «сочиненія», списанныхъ въ тетрадку, которую Ибсенъ представилъ вмѣстѣ съ остальными бумагами въ испытательную комиссію, приступая къ Христіаніи къ экзамену на аттестатъ зрѣлости. Экзаменующіеся, согласно правиламъ, обязаны были представить комиссіи свои сочиненія за послѣдній учебный годъ и затѣмъ получали ихъ обратно вмѣстѣ съ аттестатомъ. Ибсенъ однако экзамена не выдержалъ, и его бумаги остались въ архивѣ канцеляріи университета, откуда эта тетрадка была впослѣдствіи извлечена на свѣтъ Божій библіотекаремъ С. Нетереномъ и издана въ 1898 г. подъ заглавіемъ: «Упражненія по норвежской словесности Генрика Ибсена».

Въ эту обыкновенную школьную тетрадку въ синей обложкѣ списаны были слѣдующія сочиненія: «О значеніи самопознанія», «Трудъ самъ себѣ награда» и «Почему народъ обязанъ хранить память о своихъ предкахъ и свой языкъ».

Несмотря на всю свою незрѣлость, сочиненія эти, какъ и упомянутые стихи того же періода (1848 г.), носятъ характерный, чисто ибсеновскій отпечатокъ.

«Самопознаніе,—говорится въ первомъ сочиненіи:—служитъ намъ также вспомогательнымъ средствомъ для опредѣленія характера другого человѣка и распознаванія людей вообще. Но необходимо точно знать собственный душевный складъ и образъ мышленія, такъ какъ лишь путемъ основанныхъ на этомъ знаніи выводовъ и заключеній возможно достичь вѣрныхъ результатовъ въ упомянутой выше области». Далѣе юный авторъ выясняетъ, какъ путемъ самопознанія слѣдуетъ

учиться обуздывать свои страсти и насколько самопознаніе обусловливаетъ возможность для человѣка стать господиномъ своей судьбы.

Въ заключеніе же высказана такая мысль: «Цѣль человѣческой жизни—развитіе нашихъ духовныхъ способностей и обезпеченіе нашего земного благополучія».

Наибольшій интересъ представляетъ послѣднее сочиненіе, проливающее свѣтъ на зарожденіе національной идеи въ Ибсенѣ. Въ сочиненіи этомъ юноша Ибсенъ распространяется о томъ, какъ возникаютъ и развиваются народныя особенности въ понятіяхъ и воззрѣніяхъ; какъ они, чѣмъ дальше, тѣмъ выступаютъ все опредѣленнѣе и наконецъ составляютъ во всей своей совокупности то, что̀ называется «національнымъ характеромъ». Традиціи становятся достояніемъ потомства, «общимъ достояніемъ всѣхъ принадлежащихъ къ данному соціальному союзу». Въ этомъ общемъ правѣ на пользованіе этимъ достояніемъ и приходится искать причину «внутренней связи или обособленности, которыя однѣ только и въ состояніи обезпечить существованіе народа, такъ какъ въ нихъ заключаются самые корни національности, или, вѣрнѣе, сама національность».

Въ этомъ же самомъ сочиненіи Ибсенъ, которому въ будущемъ суждено было почерпать изъ исторіи и сагъ своего народа наиболѣе сильныя впечатлѣнія и поэтическіе стимулы для перваго періода своего творчества,—писалъ еще задолго до того, какъ эти источники открылись ему: «Народъ безъ прошлаго или безъ памяти объ этомъ прошломъ лишенъ точки опоры въ минуты опасности... Въ груди каждаго человѣка живетъ извѣстное чувство уваженія къ тѣмъ впечатлѣніямъ и понятіямъ, которыя онъ вынесъ изъ своего дѣтства. Если представить себѣ народъ индивидомъ, то ранняя исторія народа—дѣтство, колыбель воспоминаній, которая всю жизнь будетъ говорить его сердцу и уму, то утѣшая, то предостерегая, и въ общемъ образуя твердый оплотъ противъ всякаго рода деморализаціи, откуда бы она ни шла».

Къ этому же періоду усердной подготовки (самоучкой) къ экзамену на аттестатъ зрѣлости относится и первое драматическое произведеніе Ибсена въ стихахъ: «Катилина». Проходя классиковъ, юноша познакомился съ Катилиной по Саллюстію и по рѣчамъ Цицерона, проглотилъ эти описанія съ жадностью, и сквозь негодующія причитанія моралиста Саллюстія и словообильный пафосъ адвоката Цицерона передъ Ибсеномъ проступилъ образъ врага общества, Катилины, который во многихъ отношеніяхъ являлся прообразомъ дальнѣйшаго развитія личности самого Ибсена.

Финскій критикъ и біографъ Ибсена В. Вассеніусъ поставилъ себѣ задачею доказать, что Катилина въ драмѣ Ибсена—вѣрный портретъ историческаго Катилины, или что «руководимый чутьемъ, юный поэтъ

оказался вѣренъ исторіи въ главныхъ чертахъ характера созданнаго имъ Катилины».

Но какъ ни интересна эта попытка Вассеніуса въ эстетическомъ смыслѣ,—говоритъ Іегеръ,—она имѣетъ мало значенія въ психологическомъ, такъ какъ ничего не говоритъ намъ объ отношеніи поэта къ матеріалу, бывшему въ его распоряженіи. Авторъ «Катилины» какъ разъ въ то время не имѣлъ понятія объ историческихъ изслѣдованіяхъ, на которыя ссылается финскій критикъ. Ибсенъ зналъ Катилину только по Саллюстію и Цицерону, и приписывать все остальное чутью поэта мало толку, разъ чутье или интуиція столь же мистическое понятіе въ области современной психологіи, какъ «жизненная энергія» въ области современной физіологіи. Итакъ, цѣну можетъ имѣть лишь такое критическое изслѣдованіе, которое, сопоставивъ произведеніе Ибсена съ бывшими въ его распоряженіи источниками, показало бы отношеніе къ нимъ автора. Для этого же достаточно выдвинуть нѣсколько главныхъ пунктовъ.

Между воззрѣніями Саллюстія и Цицерона на Катилину нѣтъ существенной разницы: она лишь градаціонная. Въ глазахъ обоихъ Катилина скорѣе всего безшабашный авантюристъ, которому надо было только удовлетворить свои страсти и который въ бѣшенствѣ отчаянія хватался за самыя безнадежныя средства, видя, что не можетъ достичь своей цѣли законнымъ путемъ.

Въ глазахъ же Ибсена Катилина прежде всего негодующій идеалистъ, видящій, что современное общество прогнило насквозь, и приходящій отъ этого въ гнѣвъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ самъ являющійся сыномъ своего испорченнаго вѣка настолько, что уже не въ силахъ съ успѣхомъ выступить въ роли реформатора: у Ибсена Катилина мыслитъ и говоритъ, какъ осколокъ Катона, — стоитъ прочесть его характеристику Рима въ первомъ же явленіи драмы. Заставляя вслѣдъ затѣмъ своего Катилину охарактеризовать самого себя словами: «Я—врагъ насилья, свободы другъ и всѣхъ, кто подъ пятою всевластья стонетъ, слабыхъ, угнетенныхъ, я — тотъ, кто противъ сильныхъ встать готовъ»—поэтъ, безъ сомнѣнія, хотѣлъ, чтобы это было понято прямо и буквально, точно такъ же, какъ слѣдующія слова, которыми Катилина рисуетъ свои планы: «Свободы гражданъ я хочу добиться, хочу вернуть я древній духъ гражданства, который въ Римѣ царствовалъ когда-то. Хочу вернуть то золотое время, когда за честь отчизны жизнь отдать готовъ былъ каждый римлянинъ и счастіе народа всѣмъ добромъ своимъ купить».

Наконецъ въ одномъ мѣстѣ авторъ еще яснѣе отмѣчаетъ вліяніе Катона на Катилину: «Тогда я вызвалъ голосомъ громовымъ сподвижниковъ Катона изъ могилъ».

Во всѣхъ этихъ рѣчахъ о гражданскомъ духѣ, о гражданской свободѣ, въ этихъ выпадахъ противъ тиранніи и несправедливости зву-

читъ собственное революціонное воодушевленіе молодого Ибсена. «Катилина», несмотря на всю свою неопредѣленность и общечеловѣчность, является литературнымъ памятникомъ революціонныхъ движеній сороковыхъ годовъ XIX в. Февральская революція, какъ извѣстно, носила соціальный отпечатокъ,—вотъ и точка соприкосновенія, которая могла сдѣлать Катилину героемъ произведенія молодого революціонно настроеннаго поэта того времени; программа Катилины была вѣдь отчасти соціалистическая. По словамъ Цицерона, Катилина утверждалъ, что истиннымъ защитникомъ бѣдныхъ можетъ быть лишь тотъ, кто самъ былъ бѣденъ. Такою чертою поэтъ-революціонеръ долженъ былъ бы воспользоваться, но Ибсенъ какъ-то мало обратилъ на нее вниманія и ограничился свободнымъ истолкованіемъ словъ: «защитникъ бѣдныхъ» («другъ всѣхъ слабыхъ, угнетенныхъ»). Соціалистическая сторона революціонныхъ движеній того времени, видимо, еще не захватила его, и потому планы созданнаго имъ Катилины носятъ главнымъ образомъ политическій и моральный характеръ. Ибсенъ облекъ въ поэтическую форму свои юношески-неопредѣленныя революціонныя симпатіи, но, претворяя ихъ въ поэзію, принялъ во вниманіе различіе историческаго положенія. Время Катилины было вѣдь временемъ упадка республики въ Римѣ, поэтому планы Катилины сводились къ возстановленію республиканскаго Рима, тогда какъ задачей революціонеровъ сороковыхъ годовъ было не возстановленіе стараго, но созданіе новаго общества.

Такимъ образомъ «Катилина» —въ сущности лишь опоэтизированіе собственныхъ чувствъ и настроеній Ибсена, облеченныхъ въ историческіе костюмы; авторъ вкладываетъ въ уста героя свои сокровеннѣйшія мысли и мечты. Въ выше цитированномъ письмѣ сестры Ибсена есть пересказъ ея бесѣды съ юношей-братомъ въ одно изъ его посѣщеній родного дома. Братъ съ сестрой были на прогулкѣ, на горѣ близъ Скіена, гдѣ находились развалины стараго монастыря, и тутъ Ибсенъ высказалъ, что хочетъ достигнуть «наивысшихъ, наисовершеннѣйшихъ предѣловъ всего, чего можно достигнуть въ области великаго и чистаго».—«А когда достигнешь этого, тогда чего останется тебѣ хотѣть?»—спросила сестра.—«Умереть»,—отвѣтилъ юноша. Это идеальное, мечтательное и безкорыстное юношеское честолюбіе довольно точно выражено устами того же Катилины: «О, если-бъ только хотя на мигъ сверкнуть я могъ, подобно звѣздѣ въ ея паденьи съ небосвода! О, хоть одинъ бы подвигъ совершить, чтобъ обезсмертить имя Катилины!.. Я умеръ бы спокойно! Что смерть тому, кто ужъ успѣлъ пожить?»

Но, какъ ни близко подходилъ Катилина къ своему творцу по своимъ идеальнымъ стремленіямъ, Ибсену пришлось при разработкѣ пьесы значительно отодвинуть своего героя отъ себя, чтобы мотивировать трагическую развязку.

Катилина погибаетъ, не осуществивъ своихъ великихъ плановъ, по двумъ причинамъ.

Одну слѣдуетъ искать въ ничтожествѣ окружающихъ, которые не въ состоянія оцѣнить благородныхъ и возвышенныхъ плановъ, но готовы бороться только ради эгоистическихъ цѣлей. Сознаніе этого ничтожества увлекаетъ Катилину на путь нигилистическихъ, всеразрушающихъ фантазій. Разъ нельзя возстановить древняго Рима, то пусть хоть погибнетъ современный! Въ концѣ концовъ онъ однако убѣждается, что даже этой отрицательной цѣли онъ не достигнетъ съ помощью толпы, «этихъ жалкихъ трусовъ», примкнувшихъ къ нему лишь изъ нужды и жажды разбоя. Тогда его девизомъ становится месть—«за всѣ мечты и всѣ надежды, разбитыя враждебнымъ, злобнымъ рокомъ, за всю загубленную жизнь».

Такимъ образомъ ничтожество окружающихъ ведетъ Катилину шагъ за шагомъ отъ идеальныхъ плановъ къ отрицанію, разочарованію и жаждѣ мести, что и оправдываетъ его паденіе.

Но, какъ уже сказано, есть еще другая причина, кроющаяся въ самой личности Катилины. Ибсенъ не сдѣлалъ своего героя идеальной абстракціей; онъ, правда, снабдилъ его личными свойствами, высоко ставящими его надъ толпой, сдѣлалъ его мужественнымъ, храбрымъ, сострадательнымъ, любящимъ истину, и прежде всего присвоилъ ему идеальное стремленіе опередить окружающихъ. Но рядомъ съ этими качествами Ибсенъ надѣлилъ своего Катилину и сильными страстями самаго необузданнаго свойства. Ибсенъ ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что Цицеронъ и Саллюстій были правы, сообщая, что Катилина велъ разнузданную жизнь и предавался самымъ грубымъ излишествамъ. Отсюда двойственность личности Катилины, внутреннее противорѣчіе въ его натурѣ, способствовавшія его гибели.

Въ общемъ Катилина рисовался Ибсену человѣкомъ, исполненнымъ великихъ плановъ и могучихъ порывовъ къ совершенію крупныхъ и прекрасныхъ подвиговъ; но напрасно искавшимъ поддержки въ окружающихъ его условіяхъ и, кромѣ того, лишеннымъ нравственной чистоты и сильной воли, необходимыхъ тому, кто хочетъ достичь великой цѣли. Поэтому-то Ибсенъ въ предисловіи ко 2-му изданію «Катилины» съ полнымъ основаніемъ и могъ заявить: «Многое, что стало предметомъ моего творчества въ позднѣйшее время — противорѣчіе между способностями и стремленіями, между волей и возможностью,— противорѣчіе, составляющее трагедію и вмѣстѣ съ тѣмъ комедію человѣчества и индивида,— все это проступало уже въ этой драмѣ туманными намеками».

Ибсенъ въ то время, какъ писалъ «Катилину», не былъ, насколько онъ самъ помнилъ, знакомъ съ произведеніями иныхъ драматическихъ писателей, кромѣ датскихъ классиковъ Гольберга и Эленшлегера. Великаго Шекспира юноша Ибсенъ зналъ только по имени. Вліянія

Гольберга однако въ первомъ произведеніи Ибсена совсѣмъ незамѣтно, а вліяніе Эленшлегера сказывается, пожалуй, лишь въ стихотворной формѣ драмы. Ибсену во многихъ отношеніяхъ приходилось быть самоучкой: самоучкой явился онъ и въ качествѣ начинающаго драматурга. Тѣмъ замѣчательнѣе становится «Катилина» въ драматическомъ отношеніи, и, невзирая на всѣ юношескіе недостатки этого произведенія, послѣднее позволяетъ читателю угадывать въ авторѣ будущаго великаго мастера въ области психологической драмы.

Первоначальная судьба самой драмы извѣстна большинству читателей Ибсена изъ его предисловія ко 2-му изданію «Катилины»; какъ говорится въ этомъ предисловіи, въ тайну созданія юнымъ авторомъ перваго произведенія были посвящены только двое его друзей и сверстниковъ. Первый изъ нихъ, Оле Шулерудъ, готовился быть юристомъ, а второй, Дуэ, служилъ въ таможнѣ. Оба были образованные и развитые молодые люди и восторженные поклонники Ибсена, въ которомъ признавали геніи. Дуэ, отличавшійся прекраснымъ почеркомъ, взялся переписать черновую рукопись «Катилины» набѣло и исполнилъ свою задачу съ такою добросовѣстностью, что точно скопировалъ даже всѣ тире, въ изобиліи разсыпанныя юнымъ авторомъ въ пьесѣ. Въ то время Ибсенъ еще только начиналъ упражняться въ примѣненіи своихъ многозначительныхъ «тире», пользованіе которыми затѣмъ довелъ до виртуозности. Даровитый артистъ вѣнскаго «Бургъ-театра» Іосифъ Левинскій, напримѣръ, высказалъ въ одномъ изъ своихъ этюдовъ объ Ибсенѣ: «Я не знаю другого писателя, у котораго знакъ тире, означающій паузу, былъ бы такъ многозначителенъ, такъ переполненъ невысказаннымъ содержаніемъ, передачи котораго мы и требуемъ уже отъ артиста». Лотаръ же къ этому отзыву мѣтко прибавилъ: «Знакъ тире—ибсеновская особенность, перенятая—хотя по большей части безъ содержанія—массою подражателей».

Недочеты формы, объясняемые неопытностью и молодостью автора, заслонили отъ издателей и театральныхъ директоровъ поэтическія и психологическія достоинства пьесы, и пришлось автору самому издать ее съ денежной помощью перваго изъ своихъ юныхъ друзей; но матеріальныхъ выгодъ это изданіе не принесло и даже не окупилось. Въ студенческихъ кружкахъ пьеса, правда, вызвала нѣкоторый интересъ, но критика нашла ее вещью незрѣлой, а публика осталась вполнѣ равнодушной. Публика того времени валомъ валила въ театръ смотрѣть драматическія бездѣлки тогдашняго репертуара, но почти никто не желалъ покупать первое многообѣщавшее произведеніе начинающаго автора, который впослѣдствіи сталъ первымъ среди драматурговъ Норвегіи и однимъ изъ самыхъ выдающихся въ міровой литературѣ. Только одинъ изъ тогдашнихъ норвежскихъ авторитетовъ въ области эстетики, профессоръ Монрадъ, взялъ пьесу подъ свою защиту противъ нападокъ критики и отозвался о «Катилинѣ» съ похвалой. Тѣмъ не

менѣе изъ всего изданія было продано лишь около 30 экземпляровъ. Остальные, какъ сообщаетъ Ибсенъ въ предисловіи ко 2-му изданію, пошли въ мелочную лавочку на завертку товаровъ.

Итакъ, «Катилина» даетъ намъ интересные и характерные штрихи для духовнаго портрета своего двадцатилѣтняго автора, съ личностью котораго герой драмы имѣетъ немало точекъ соприкосновенія. Дополнить этотъ портретъ помогаютъ другіе матеріалы: болѣе прямыя личныя признанія, содержащіяся, напримѣръ, въ письмахъ и лирическихъ стихотвореніяхъ Ибсена.

Ибсенъ писалъ въ Гримстадѣ не одни стихотворныя политическія воззванія, но и чисто лирическіе стихи. Ни одно изъ послѣднихъ не попало въ свое время въ печать, и они такъ бы и пропали, къ великому огорченію біографовъ, если бы, по счастливой случайности, не сохранились, также въ университетскомъ архивѣ, въ рукописномъ видѣ. Почти всѣ эти 26 стихотвореній, списанныхъ въ небольшую переплетенную тетрадку, относятся ко времени пребыванія Ибсена въ Гримстадѣ, а именно: одно къ 1847 г., три къ 1848 г., тринадцать къ 1849 г. и девять въ 1850 г., лишь два-три изъ послѣднихъ были написаны Ибсеномъ уже послѣ того, какъ онъ уѣхалъ изъ городка.

Исходя изъ общаго правила, можно было бы заключить заранѣе, что собраніе стиховъ столь юнаго поэта должно изобиловать литературными перепѣвами. Оказывается однако, что стихотворенія юноши Ибсена не столь подражательны. Правда, форма ихъ, въ общемъ отличающаяся легкостью, которой трудно было ожидать отъ автора «Катилины», не особенно оригинальна; зато тѣмъ своеобразнѣе самое содержаніе.

Въ то время въ норвежской лирикѣ задавалъ тонъ Генрикъ Вельгавенъ. Его сборникъ «Новыя стихотворенія» (1845 г.) создалъ эпоху въ области романса и «поэзіи настроеній», навѣваемыхъ природою. На первый планъ выдвинулась, благодаря этому сборнику, романтическая поэзія, баллада, съ ея привидѣніями, влюбленностью въ средніе вѣка, и символическая лирика, воспѣвающая лѣсныхъ и иныхъ нимфъ.

Вѣяніе этого рода поэзіи замѣтно у Ибсена лишь въ одномъ стихотвореніи: «Мельничный подмастерье», гдѣ фигурируютъ и пѣсни нимфъ, и игра водяного на арфѣ, и прочіе атрибуты романтизма. Въ остальныхъ стихотвореніяхъ Ибсенъ обнаруживаетъ полную независимость отъ этого вліянія и даже проявляетъ сознательную склонность идти ему въ разрѣзъ. Въ стихотвореніи, посвященномъ «Норвежскимъ скальдамъ» и относящемся къ 1850 г., Ибсенъ вопрошаетъ поэтовъ: зачѣмъ они все грезятъ о далекихъ временахъ прошлаго, «о похороненной старинѣ», копаются «въ истлѣвшихъ памятникахъ»? Развѣ поэтическій даръ данъ имъ не для служенія «на пользу народу, который требуетъ, чтобы восторженныя уста скальда истолковывали его (народа)

горести, его радости и его порывы»? Зачѣмъ они такъ много поютъ о норвежской природѣ и забываютъ о норвежской душѣ? Въ ней таится сокровище, и его-то слѣдовало бы обрѣсти норвежской поэзіи; задача ея—давать картины жизни народа.

Эта ранняя поэтическая программа Ибсена какъ бы предуказывала его собственную задачу въ будущемъ, хотя разрѣшилъ онъ ее и не въ области эпическихъ описаній народной жизни.

Въ то время онъ и самъ не дѣлалъ никакихъ попытокъ, согласныхъ съ его теоріями. Всѣ его стихи, относящіеся къ тому времени, чисто-лирическаго характера; юнаго поэта слишкомъ занимали собственныя настроенія, мысли и впечатлѣнія.

Меньше всего эти стихотворенія позволяли предугадывать въ немъ будущаго сатирика: въ нихъ мы находимъ лишь одну слабую попытку сатирическаго описанія бала и больше ничего въ этомъ родѣ. Основное настроеніе этихъ стихотвореній скорѣе элегическое, нежели сатирическое. Многія изъ нихъ носятъ отпечатокъ мягкой, мечтательной меланхоліи. Автору больше по душѣ ночная тишина, чѣмъ дневной шумъ: онъ изъ тѣхъ, кто находитъ, что въ лунномъ свѣтѣ больше поэзіи, чѣмъ въ солнечномъ. Около шести стихотвореній написаны именно подъ впечатлѣніемъ луннаго свѣта: «Лучъ луны скользитъ по глади моря», «Лунной ночью», «Прогулка послѣ бала, при лунѣ»—эти заглавія достаточно краснорѣчивы. Послѣднее изъ названныхъ стихотвореній особенно интересно тѣмъ, что уже содержитъ мотивъ одного изъ позднѣйшихъ, полнаго чувства и серьезной мысли стихотворенія Ибсена «Скрылась» *). Вотъ это раннее стихотвореніе:

Тишь. Изъ залъ не льются больше
Звуки радостнаго бала;
Молчаливо опустила
Ночь на землю покрывало.
Тамъ, на краѣ неба, мѣсяцъ
Скоро броситъ лучъ прощальный;
Міръ подъ лиліями снѣга
Спитъ. Оконченъ праздникъ бальный!
Но я все еще тотъ праздникъ
Созерцаю мыслью жадной,
Легкую мою Сильфиду
Вижу средь толпы нарядной.
Ликъ луны исчезнетъ скоро,
И въ объятія Морфея,
Въ море грезъ скользну блаженно,
Память дивную лелѣя!

*) См. «Стихотворенія».

Въ позднѣйшей редакціи этого стихотворенія меланхоличное настроеніе, навѣваемое лунною ночью, уступило мѣсто жуткому чувству, внушаемому ночнымъ мракомъ, безмолвіемъ и безлюдіемъ. Стихотвореніе «Скрылась» подало поводъ Г. Брандесу замѣтить, что это и другія изъ лучшихъ стихотвореній Ибсена доказываютъ, что подъ знаменитымъ норвежскимъ писателемъ «убитъ въ пылу жизненной борьбы Пегасъ лирической поэзіи». Если вообще допустить, что Пегасъ лирической поэзіи *убитъ* подъ авторомъ четвертаго дѣйствія «Бранда» и сцены смерти матушки Озе въ «Перѣ Гюнтѣ», то упомянутыя выше юношескія элегіи, несмотря на всѣ ихъ недостатки, свидѣтельствуютъ о томъ, что Пегасъ этотъ во всякомъ случаѣ жилъ когда-то. Всѣ эти стихи написаны истиннымъ поэтомъ, природная чувствительность котораго еще не была въ достаточной мѣрѣ закалена въ «котлѣ» душевныхъ мукъ, о которомъ говоритъ Ибсенъ въ своемъ позднѣйшемъ стихотвореніи «Сила воспоминанія» *).

Но если онъ еще не былъ тогда достаточно закаленъ, то во всякомъ случаѣ его природная склонность къ замкнутости уже успѣла развиться. Въ этихъ стихахъ не проглядываетъ свойственная юношеству жажда общенія или общества; нигдѣ авторъ не выступаетъ отъ имени другихъ; всегда говоритъ «я» и никогда «мы»; всюду чувствуетъ себя одинокимъ, даже находясь среди многолюднаго общества. И повсюду онъ является углубленнымъ въ себя мыслителемъ, для котораго мысль имѣетъ бо́льшую цѣну, нежели то реальное существо или фактъ, которые ее вызвали. Жизненная дѣйствительность нужна ему только для оплодотворенія жизни его чувствъ и мыслей; какъ только это совершилось, дѣйствительность теряетъ для него свое значеніе. Поэтъ, который въ своихъ политическихъ грѣзахъ видѣлъ «разрушеніе троновъ буйными толпами борцовъ за свободу», въ дѣйствительности больше занятъ былъ прошедшимъ, чѣмъ будущимъ. Онъ воспѣвалъ въ юности не надежду, а воспоминаніе.

Останавливая свое вниманіе на осени и присоединяясь къ старой жалобѣ поэтовъ на то, что красота лѣта кратковременна, что цвѣты вянутъ, онъ находилъ утѣшеніе въ мысли, что «есть одинъ цвѣтокъ, который всегда сохраняетъ всю свою красу и пышность; это—воспоминаніе; оно пробуждаетъ надежду на новую весну».

Останавливался юный поэтъ и на воспоминаніи о самой веснѣ; и она коротка, но она живетъ въ воспоминаніи; такова же и жизнь человѣческая; счастье жизни — краткая весна; но грустные отзвуки, срывающіеся со струнъ сердца, долго напоминаютъ о немъ. «Волны звуковъ — отклики цвѣточныхъ грезъ и весеннихъ пѣсенъ!»

Ибсенъ удѣлялъ мѣсто воспоминанію и въ стихотвореніяхъ на политическія темы, выдвигая значеніе воспоминаній въ жизни народовъ:

*) См. «Стихотворенія».

оно поддерживаетъ націи, не давая имъ опуститься до уровня пошлости; народъ, который не можетъ найти «утѣшительныхъ воспоминаній» въ своемъ славномъ прошломъ — несчастный народъ!

Юный поэтъ умѣрялъ свою скорбь по поводу отъѣзда друга, предоставляя «кроткому свѣту прощальнаго часа освѣщать воспоминанія о нихъ дружбѣ». Въ другомъ стихотвореніи воспоминаніе воспѣвается, какъ утѣшеніе влюбленнаго, горюющаго объ утратѣ возлюбленной.

Подобно Фальку въ «Комедіи любви», молодой Ибсенъ больше вѣрилъ въ возвышающее вліяніе утраты и воспоминанія, нежели въ подобное же вліяніе счастливаго обладанія. Счастье должно быть коротким, иначе оно становится тривіальнымъ, т.-е. перестаетъ быть истиннымъ счастьемъ. Читая всѣ эти прославленія воспоминанія, невольно вспоминаешь слова Бранда:

«Вѣрь до конца себѣ, сердце мое:
Все проигравъ — побѣждаешь,
Все потерявъ — обрѣтаешь;
То лишь, что умерло, вѣчно твое!» —

и видишь, какъ далеко заходила эта мысль въ жизни Ибсена, понимаешь, какъ глубоко она коренилась въ его натурѣ, замкнутой, отмѣченной печатью высшаго идеализма.

Есть въ числѣ упомянутыхъ двадцати шести стихотвореній и стихи не столь мягкаго элегическаго характера, указывающіе, что Ибсенъ уже въ томъ молодомъ возрастѣ обнаруживалъ тяготѣніе къ серьезному, мрачному, тяжелому, которое позже такъ сильно сказалось въ его творчествѣ.

Въ этихъ стихахъ не только лунный свѣтъ, но и ночной мракъ. Молодой поэтъ, напримѣръ, описывалъ жуткое чувство, которое охватываетъ человѣка въ грозовую ночь или въ темный осенній вечеръ, когда онъ задумчиво смотритъ въ огонь камина, прислушиваясь къ завыванью вѣтра и хлестанью дождя въ окна. Или разсказывалъ, какъ онъ уходитъ вечеромъ въ уединенное и мрачное мѣсто въ лѣсу — его любимый уголокъ—и тамъ «подъ вой бури и завыванье совъ чувствуетъ себя въ своей стихіи»; «дикій ужасъ», охватывающій его при этомъ— его настоящее настроеніе: «сердцу его какъ разъ по себѣ подъ этотъ шумъ бури; сама природа отражаетъ, какъ въ зеркалѣ, то, что происходитъ въ его душѣ».

Описывалъ онъ и полночный часъ на кладбищѣ, вплетая въ свое описаніе старинное преданіе о плескѣ мертвецовъ. Извѣстное пристрастіе Ибсена къ «жуткимъ чувствамъ» такимъ образомъ восходитъ къ годамъ его ранней юности.

Интересны эти стихотворенія и въ смыслѣ показателей рано созрѣвшаго мышленія Ибсена. Въ стихотвореніи «Сомнѣніе и надежда», относящемся къ двадцатому году его жизни, уже выражено скептиче-

ское отношеніе къ церковнымъ догматамъ. Правда, это явленіе вообще нерѣдкое; но оригинально то, что это юношеское сомнѣніе разбирало себя самого и сокрушалось по поводу себя самого. Оригинально и то, что поэтъ въ двадцать лѣтъ, т.-е. въ пору наибольшей самоувѣренности, смѣлыхъ и грандіозныхъ плановъ, предавался сомнѣніямъ въ своихъ способностяхъ и высказывалъ эти сомнѣнія въ стихахъ. Въ стихотвореніи «Покорность судьбѣ» авторъ спрашивалъ себя — «не пустой ли фантомъ его поэтическая мечта», и сильно склонялся къ утвердительному отвѣту на этотъ вопросъ и выражалъ готовность безслѣдно «затеряться среди милліоновъ другихъ людей». Та же покорность судьбѣ звучитъ въ стихотвореніи «У моря»; въ немъ въ меланхолическихъ строфахъ описываются пѣнящіяся волны, которыя вздымаются и катятся впередъ, но разбиваются о скалы и не оставляютъ по себѣ даже воспоминанія, такъ какъ новыя волны стираютъ всякій ихъ слѣдъ.

Вотъ какія мысли и фантазіи занимали юнаго Генрика Ибсена въ часы уединенія. Столь же отличался онъ отъ обыкновенной молодежи и когда бывалъ въ обществѣ. Какъ онъ самъ признаётся въ томъ же предисловіи къ «Катилинѣ», иногда его увлеченіе политикой было черезъ край и заставляло его проговариваться, но, вѣроятно, это случалось съ нимъ не часто. Вообще его больше занимали самыя мысли, чѣмъ выраженіе ихъ. Одна дама, проживавшая тогда въ Гримстадѣ, разсказывала, что онъ «расхаживалъ въ обществѣ живой загадкой, запечатанной семью печатями», и производилъ серьезное, мрачное, почти зловѣщее впечатлѣніе. Нѣкоторыя изъ ея подругъ «добивались уяснить себѣ — что такое таится въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ; другія попросту боялись его». И въ этомъ не было ничего удивительнаго, такъ какъ нельзя было представить себѣ ничего болѣе далекаго отъ лелѣемаго провинціальными барышнями идеала «кавалера».

Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ представить его себѣ, напримѣръ, на балу. Другіе молодые люди предаются всею душою общей радости и веселью, а онъ — какъ говоритъ намъ его юношеское произведеніе «Бальныя воспоминанія» («Отрывки изъ жизни въ прозѣ и въ стихахъ») — стоитъ и раздумываетъ: сколько въ сущности горя и несчастья таится подъ этой улыбающеюся внѣшностью, сколько изъ танцующихъ бросаются въ вихрь вальса, чтобы забыть свою душевную муку; ему даже доставляетъ наслажденіе предаваться такимъ размышленіямъ; для него они, по крайней мѣрѣ, столь же важная составная часть бальной поэзіи, какъ танцы и веселье. И вотъ онъ размышляетъ дальше, стоя въ своемъ уединенномъ уголкѣ: «Что шевелится во всѣхъ этихъ весело улыбающихся фигурахъ? Они пришли сюда въ ожиданіи радости и чувства удовлетворенія: нашли ли они то, что искали, или бальная арена повторяетъ идею великой драмы человѣческой жизни?.. — Ка-

кая же это идея?—*Мечтать, надѣяться и разочаровываться!*— Вотъ въ трехъ словахъ повѣсть человѣческой жизни!»

Тотъ, кто въ столь юные годы предается такимъ мыслямъ при зрѣлищѣ человѣческаго веселья, уже занялъ свое мѣсто внѣ этого круга веселящихся; тотъ не созданъ быть сыномъ жизни и радости; его геній и его жизненный опытъ уже отмѣтили его печатью одинокаго мыслителя. И если даже онъ на минуту почувствуетъ охоту вмѣшаться въ толпу, если даже почувствуетъ влеченіе къ кому-нибудь, то быстро съежится опять и уйдетъ въ самого себя, подобно мимозѣ, свертывающей свои листочки при малѣйшемъ прикосновеніи.

Среди этихъ «Бальныхъ воспоминаній» попадаются и эротическія настроенія; но это эротизмъ особаго рода. Ибсенъ писалъ эротическіе стихи, но они не относились ни къ какой земной женщинѣ; они были вызваны «видѣньемъ», «грезою», порожденной неудовлетвореннымъ и, можетъ-быть, неосуществимымъ влеченіемъ. На балу онъ встрѣчаетъ взглядъ красивыхъ глазъ, и мечта тотчасъ же становится дѣйствительностью; разумѣется, такою именно онъ и представлялъ себѣ ту, которую долженъ полюбить! Онъ танцуетъ съ нею, до самозабвенія глядитъ въ эти ясные глаза, онъ на седьмомъ небѣ отъ восторга. «Что вся борьба и разочарованія жизни человѣческой въ сравненіи съ такимъ получасомъ?» Но этимъ въ сущности все для него и кончается. «Судьба, отыми у меня этотъ избытокъ счастья!.. Да не осквернится этотъ часъ продленіемъ!.. Я нашелъ ее, — чего же мнѣ больше?» И судьба внемлетъ ему; онъ узнаётъ, что она невѣста; такимъ образомъ она исполнила свое назначеніе въ его жизни, — заставила его мечтать, надѣяться и разочароваться; въ дальнѣйшемъ духовномъ развитіи его личности ей нѣтъ мѣста; ея роль переходитъ къ воспоминанію.

Какъ не вспомнить тутъ о Фалькѣ («Комедія любви») съ его страстнымъ желаніемъ имѣть невѣсту? Нѣкоторыя черты Фалька присущи и натурѣ Ибсена, запечатлѣнной идеальными стремленіями и боязнью дѣйствительности. Приведенное выше восклицаніе: «да не осквернится этотъ часъ продленіемъ», чисто въ духѣ Фалька. Такого рода любовь почти не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительностью. Она начинается съ идеальной грезы, чуть-чуть соприкасается съ дѣйствительностью на почвѣ влюбленности на балу и снова возвращается въ область идеала, переходя въ воспоминаніе. Она подобна кометѣ, которая въ своемъ странствованіи въ міровомъ эѳирѣ на мгновеніе вступаетъ въ земную орбиту и затѣмъ снова уносится въ безпредѣльное пространство.

Такъ вотъ какой портретъ юнаго Генрика Ибсена, — говоритъ Іегеръ, — рисуется намъ при чтеніи его первыхъ юношескихъ стихотвореній. Ихъ, впрочемъ, лишь съ большою натяжкою можно назвать юношескими, такъ какъ они какъ разъ доказываютъ, что у автора

ихъ никогда въ сущности не было настоящей юности. Ему были свойственны идеальныя стремленія юности, ея мечтательность и восторженность, но не радостная беззаботность, составляющая наиболѣе характерную черту юности: онъ никогда не принадлежалъ къ числу тѣхъ, кто «забавляется игрою» — если держаться его собственныхъ словъ, вложенныхъ имъ въ уста Свангильдъ, героини «Комедіи любви». Зато юность Ибсена представляла такое богатство «возможностей», какъ юность немногихъ. Всѣ геніальныя особенности, которыя онъ позже развилъ въ своемъ поэтическомъ творчествѣ, таились въ зародышѣ въ его юношескихъ стихотвореніяхъ.

Потребовалось однако много времени и много упорнаго труда прежде, нежели эти особенности смогли достигнуть своего полнаго развитія.

III.

Въ Христіаніи.

Въ то время, какъ Ибсенъ отдавался своимъ поэтическимъ грезамъ въ Гримстадѣ, страстно тоскуя о той минутѣ, когда ему удастся вырваться изъ сковывающихъ его по рукамъ и ногамъ тѣсныхъ житейскихъ условій, другъ его Оле Шулерудъ метался по Христіаніи, тщетно стараясь пристроить «Катилину», на котораго Ибсенъ и друзья его возлагали самыя свѣтлыя надежды. Потерпѣвъ неудачу у всѣхъ издателей, Шулерудъ все-таки не потерялъ вѣры въ счастливую звѣзду своего друга и рѣшилъ самъ издать первое его произведеніе, которое должно было немедленно открыть ему путь къ славѣ и золоту. Юношеская вѣра Шулеруда настолько увлекла и самого Ибсена, что онъ рѣшился наконецъ распроститься съ аптекой и Гримстадомъ, и весной 1850 г. послѣдовалъ за первымъ своимъ дѣтищемъ въ Христіанію, гдѣ намѣревался кстати закончить свою подготовку къ экзамену на аттестатъ зрѣлости и сдать самый экзаменъ при университетѣ.

Какъ и всѣ, кто въ то время хотѣлъ сократить себѣ путь въ университетъ, Ибсенъ поступилъ въ Христіаніи въ училище Гельтберга, извѣстное подъ именемъ «Фабрики студентовъ».

О самомъ Гельтбергѣ, его учебномъ заведеніи и системѣ преподаванія писалось уже много. Бьёрнстьерне Бьёрнсонъ прославилъ своего стараго учителя въ прекрасномъ стихотвореніи, Арне Гарборгъ *) далъ живое описаніе училища и учителя въ своемъ романѣ «Крестьяне-студенты», и каждый біографъ Ибсена не преминулъ упомянуть, что поэтъ-народникъ Осмундъ Винье и Бьёрнстьерне Бьёрнсонъ были школьными товарищами Ибсена.

Всѣ свидѣтельства современниковъ сходятся на утвержденіи, что система преподаванія Гельтберга была необычайно интересна и какъ

*) Даровитый норвежскій беллетристъ.

нельзя лучше способствовала умственному развитію учениковъ. Латынь, по мнѣнію старика Гельтберга, была тожественна съ логикой, и ученикамъ при прохожденіи римскихъ авторовъ, изобиловавшихъ трудными предложеніями и запутанными періодами, открывались законы самаго мышленія. Къ этому надо прибавить, что преподаваніе Гельтберга всегда было живо, картинно, и уроки проходили весело. У него всегда имѣлись наготовѣ выразительные образы и мѣткія сравненія, когда надо было объяснить ученикамъ какой-нибудь грамматическій феноменъ или обратить вниманіе на сдѣланную кѣмъ-нибудь изъ нихъ грубую ошибку. Послѣднее выходило у него всегда такъ остроумно, что весь классъ хохоталъ.

Вотъ какъ описываетъ Арне Гарборгъ Гельтберга: «Великолѣпную фигуру представлялъ старикъ: высокаго роста, сановитый, онъ расхаживалъ по классу въ своемъ длинномъ синемъ шлафрокѣ съ важной миной настоящаго сенатора, но за стеклами очковъ свѣтились шутливымъ задоромъ сѣро-голубые умные глаза; высокій, широкій лобъ, терявшійся въ лысинѣ, тоже отражалъ умъ. Каждый урокъ его для насъ былъ настоящимъ праздникомъ. Учитель нашъ обладалъ неистощимымъ остроуміемъ, сыпалъ шутками и прибаутками и самыми невѣроятными выдумками. Мертвая латинская грамматика оживала отъ прикосновенія старика, превращалась въ сказку, въ дѣтскую забаву. Часто, бывало, онъ вдругъ станетъ посреди класса въ позѣ скрипача, прижавъ лѣвую руку къ груди, какъ будто придерживая скрипку, а правою начнетъ водить по ней, словно смычкомъ, и затянетъ на самодѣльный мотивъ: amo, amas, amat и т. д., или какое-нибудь другое спряженіе или склоненіе, приглашая учениковъ вторить ему хоромъ. Такъ весь классъ и заучитъ, бывало, что̀ нужно».

Гельтбергъ былъ горячій патріотъ, но это не мѣшало ему отдавать должное другимъ народамъ и эпохамъ, и отъ него-то молодой Ибсенъ впервые услыхалъ восхваленіе прелестей юга; старикъ съ увлеченіемъ разсказывалъ также о своемъ любимомъ поэтѣ Горація и о нравахъ, на которыхъ гости сидѣли «увѣнчанные виноградными листьями».

Ученики этой «Фабрики студентовъ», гдѣ въ юныя головы вколачивались знанія для сдачи экзамена на аттестатъ зрѣлости, составляли, по отзыву Гарборга, весьма смѣшанную компанію, «что-то странное, несуразное, пестрое, словно нахватанное съ бору да съ сосенки». Большинство все-таки состояло изъ крестьянскихъ парней и сыновей мелкихъ горожанъ; но иногда попадали сюда и сыновья священниковъ и другихъ почтенныхъ и состоятельныхъ лицъ, исключенные изъ гимназій или по другимъ причинамъ избравшіе этотъ «кратчайшій путь» къ экзамену. Сотоварищами Ибсена были, какъ уже упомянуто, Бьёрнсонъ и Винье, а также Іонасъ Ли *). Бьёрнсонъ впослѣдствіи и

*) Одинъ изъ талантливѣйшихъ современныхъ норвежскихъ писателей, беллетристъ и драматургъ.

воспѣлъ въ шутливыхъ стихахъ всю эту компанію, сидѣвшую на одной скамейкѣ. Согласно его описанію, Ибсенъ въ то время былъ худой, блѣдный, какъ алебастръ, юноша, обросшій огромной, курчавой и черной, какъ смоль, бородой.

Пребываніе въ школѣ Гельтберга, хотя и принесло Ибсену пользу не только какъ ученику-классику, но и какъ сформировывавшемуся человѣку, особенной роли въ его духовномъ развитіи не сыграло, — слишкомъ недолго пробылъ тамъ Ибсенъ. Онъ былъ вѣдь старше обычнаго школьнаго возраста и бѣднѣе большинства учениковъ, почему и вынужденъ былъ стараться по возможности сократить срокъ подготовки къ экзамену, и такъ какъ Гельтбергъ давно лишенъ былъ права представлять своихъ учениковъ къ аттестату зрѣлости, то Ибсенъ и поспѣшилъ обратиться за окончательною шлифовкою къ студенту Тору Ли, человѣку весьма способному, но рано сбившемуся съ пути. «Шлифовка» обошлась бѣдному юношѣ въ 16 спецій-далеровъ (около 32 рублей) и длилась недолго. Всего черезъ нѣсколько недѣль занятій съ своимъ ментором Ибсенъ уже явился на экзаменъ, и, разумѣется, результатъ не могъ оказаться особенно блестящимъ. Лучшую отмѣтку получилъ Ибсенъ по нѣмецкому языку, а двѣ неудовлетворительныя по ариѳметикѣ и греческому языку. Чтобы получить аттестатъ зрѣлости, приходилось подвергнуться переэкзаменовкѣ по этимъ двумъ предметамъ, а это требовало новой, болѣе основательной подготовки, на которую у Ибсена не имѣлось средствъ, вслѣдствіе чего ему и пришлось отказаться отъ университета.

Деканомъ филологическаго факультета, чья подпись красуется на экзаменаціонномъ свидѣтельствѣ Ибсена, былъ извѣстный норвежскій писатель и поэтъ Вельгавенъ.

Вельгавенъ, какъ уже выше говорилось, являлся тогда вожакомъ и реформаторомъ юной норвежской литературы, и для выясненія, подъ какими вліяніями складывался и зрѣлъ творческій геній будущаго величайшаго писателя Норвегіи, необходимо хотя вкратцѣ очертить роль и значеніе Вельгавена въ духовной жизни страны.

17-го мая 1814 г. Норвегія была оторвана отъ Даніи, съ которой четыре столѣтія составляла одно политическое и почти одно культурное цѣлое. Вступивъ въ политическую унію съ Швеціей, Норвегія вступила на свой особый путь въ смыслѣ духовнаго развитія, порывая съ традиціями прошлаго, связывавшими ее съ Даніей и Европой. Данія, находясь въ постоянномъ духовномъ общеніи съ Германіей, продолжала участвовать во всѣхъ духовныхъ движеніяхъ вѣка, а юные норвежскіе поэты знать ничего больше не хотѣли, кромѣ своей родины, и исчерпывали самихъ себя, воспѣвая ея красоту, силу и независимость.

Образовалась цѣлая отрасль новой поэзіи, такъ-называемая «поэзія 17-го мая», изобиловавшая одами въ честь Норвегіи и Эйсвольда, какъ мѣста, откуда была провозглашена политическая свобода страны.

Когда же это поэтическо-патріотическое опьяненіе стало проходить, въ норвежскую литературу начали проникать переводы нѣмецкихъ классиковъ и романтиковъ, и послѣдніе понемногу стали оказывать все большее вліяніе на молодыхъ поэтовъ Норвегіи, изъ которыхъ наиболѣе выдающееся мѣсто заняли двое: Генрикъ Вергеландъ и Генрикъ Вельгавенъ.

Первый былъ національ-радикалъ, пламенный патріотъ и ненавистникъ стараго датскаго вліянія. Крупныя поэтическія произведенія его страдаютъ неясностью, расплывчатостью и отзываются XVII вѣкомъ; среди же лирическихъ его стихотвореній много полныхъ глубокаго чувства и очень красивыхъ по формѣ. Популярность Вергеланда, какъ поэта-патріота и общественнаго дѣятеля, сѣятеля на нивѣ народнаго просвѣщенія, была безпримѣрна уже въ 20-хъ годахъ минувшаго столѣтія; каждый годъ 17-го мая мимо его дома проходили многолюдныя патріотическія процессіи съ возгласами: «Да здравствуетъ Вергеландъ и свобода!»

Вельгавенъ являлся рѣшительнымъ антагонистомъ узкаго патріотизма Вергеланда и партіи послѣдняго.

Въ поэтическихъ произведеніяхъ самого Вельгавена тоже звучитъ пламенный патріотизмъ, но иного рода, нежели патріотизмъ людей, влюбленныхъ въ свою страну и видящихъ въ ней одно достойное хвалы и восхищенія. Любовь къ родинѣ выражалась у Вельгавена — особенно въ возбудившихъ въ свое время громадную сенсацію сонетахъ «Сумерки Норвегіи»—въ горькой ироніи надъ уродливыми формами національной гордости и надъ національнымъ самохвальствомъ; въ насмѣшкахъ надъ воображаемымъ прогрессомъ націи и подъемомъ народнаго духа; въ бичеваніи мелочности, зависти, сплетенъ и жалкаго политиканства, которое повсюду становилось поперекъ дороги всему великому и дѣйствительно прогрессивному. Вельгавенъ взывалъ къ Норвегіи: «Ты еще спишь, ты только воображаешь, что проснулась!» Самъ онъ былъ другомъ истиннаго прогресса, проповѣдникомъ настоящаго обновленія и образцомъ для своихъ земляковъ. Онъ, какъ говоритъ о немъ Іегеръ, былъ истиннымъ, благороднымъ олицетвореніемъ молодой прогрессивной Норвегіи во всемъ блескѣ ея юной свѣжести и кипучей жажды дѣятельности.

«Патріоты» не оставались въ долгу; на иронію и упреки Вельгавена отвѣчали обвиненіями въ измѣнѣ, въ ненависти къ родинѣ и т. п. Но вотъ зоологъ Асбьёрнсонъ и епископъ Мо извлекли изъ сокровищницы народной поэзіи старыя норвежскія сказки, повѣрья и преданія, и появленіе изданнаго ими сборника дало новое направленіе патріотическому увлеченію всѣмъ національнымъ. Всѣ бросились искать слѣдовъ подлинной старины, изучать памятники народной поэзіи и національныхъ прикладныхъ искусствъ, народные обычаи, собирать сказки, преданія, мотивы, утварь, одежду и пр. Поэты съ жаромъ

стали утилизировать находки, и лѣсные, горные и водяные духи и сами «дѣти природы»—землепашцы, пастухи и охотники заполонили всю лирическую поэзію, беллетристику и драму. И въ этой области сталъ вожакомъ Вельгавенъ: его произведенія такъ и кишѣли эльфами, дріадами, троллями, водяницами и водяными.

Изъ этой краткой характеристики нетрудно убѣдиться, насколько развитіе творческаго генія Ибсена было опредѣлено въ самомъ своемъ началѣ предшествовавшими теченіями въ норвежской литературѣ. Ибсенъ явился до извѣстной степени преемникомъ Вельгавена, бывшаго однимъ изъ лучшихъ писателей-прозаиковъ Норвегіи, тогда какъ Бьёрнсонъ могъ считаться продолжателемъ Вергеланда. Борьба двухъ направленій, начавшаяся между двумя первыми вождями норвежской литературы, продолжалась и между ихъ преемниками: Бьёрнсономъ, какъ скальдомъ-апологетомъ родной страны, и Ибсеномъ, какъ безпощаднымъ сатирикомъ и бичевателемъ ея слабостей и язвъ. Основа же у обоихъ была одинаковая—любовь къ родинѣ, и творчество обоихъ было проникнуто истинно-національнымъ духомъ.

Отношенія между этими двумя крупнѣйшими писателями Норвегіи вообще принадлежатъ къ самымъ оригинальнымъ и характернымъ, отражая въ своихъ перипетіяхъ цѣлую эпоху духовной жизни страны.

Бьёрнсонъ былъ товарищемъ Ибсена по школѣ Гельтберга, но ни во время пребыванія въ школѣ, ни въ теченіе всего перваго пребыванія Ибсена въ Христіаніи молодые люди не успѣли сойтись особенно близко. Отъѣздъ Ибсена въ Бергенъ въ 1851 г. еще увеличилъ разстояніе между будущими сначала друзьями, а потомъ противниками. Но именно на разстояніи-то и подготовилось самое искреннее сближеніе. Никто въ послѣдующіе годы не стоялъ другъ къ другу ближе, стремясь къ духовному возрожденію родины, нежели Ибсенъ и Бьёрнсонъ.

«Они поднялись вмѣстѣ, когда дошло до дѣла—до воскрешенія въ нашей литературѣ древней саги»,—было сказано о нихъ впослѣдствіи по поводу ихъ торжественнаго примиренія послѣ многихъ лѣтъ отчужденія. «Они создали и взлелѣяли одну и ту же «королевскую мысль» о томъ, кому суждено стоять во главѣ духовной жизни Норвегіи. Этой мысли Бьёрнсонъ посвятилъ свое первое драматическое произведеніе. «Тотъ долженъ быть королемъ, кому есть для чего стремиться быть королемъ»—говорится въ его «Между битвъ». Герой драмы, побѣдоносный король Сверре, былъ героемъ юности Бьёрнсона. А Ибсенъ всю мощную силу своего творчества вложилъ въ изображеніе «королевскихъ задатковъ»; по его мнѣнію, во главѣ долженъ стоять тотъ, кто не только способенъ воскресить былое, но и можетъ указать путь новому, невѣдомому, создать сагу будущаго, ибо онъ—счастливецъ, на котораго вліянія и требованія времени нисходятъ сами собою *).

*) См. «Борьба за престолъ», діалогъ между епископомъ Николасомъ и ярломъ Скуле во 2-мъ дѣйствіи.

Когда появился «Пиръ въ Сольхаугѣ» (1856 г.), Бьёрнсонъ поспѣшилъ горячо привѣтствовать въ печати этотъ «новый *чисто норвежскій* вкладъ въ нашу драматическую литературу», а когда «Воители въ Гельгеландѣ» были отвергнуты Христіанійскимъ театромъ (1858 г.), Бьёрнсонъ энергично поддержалъ своимъ перомъ претензію Ибсена. Личное же сближеніе писателей началось въ 1859 г. О роли, которую сыгралъ Бьёрнсонъ и въ развитіи творческаго генія Ибсена и въ жизни послѣдняго вообще, будетъ разсказано ниже—въ главахъ, посвященныхъ вторичному пребыванію Ибсена въ Христіаніи и въ Римѣ, теперь же вернемся къ первому періоду.

Молодой Ибсенъ съ жадностью впивалъ въ себя все, чѣмъ могла подарить его жизнь въ столицѣ, центрѣ умственной жизни страны, и еще въ то время, какъ учился у Гельтберга, успѣлъ обнаружить публично свое свободолюбіе и вдохновиться для созданія новаго драматическаго произведенія.

Въ 1849 г. въ Норвегію явился изъ южной Ютландіи нѣкто Гирро Гаррингъ, который велъ раньше весьма бурную жизнь: принималъ участіе въ войнѣ Греціи за освобожденіе, участвовалъ во многихъ возстаніяхъ, а въ началѣ 1850 г. написалъ драму: «Завѣтъ изъ Америки». Пьеса, по мнѣнію властей, переходила границы свободы печати, и авторъ королевскимъ указомъ отъ 27-го мая 1850 г. былъ присужденъ къ изгнанію изъ страны. 29-го мая утромъ на его квартиру явилась полиція, арестовала его и отвезла на пароходъ, гдѣ и караулила до отплытія судна.

Вѣсть объ этомъ быстро распространилась по городу, и для выраженія протеста была назначена молодыми и болѣе прогрессивными элементами населенія сходка; послѣдняя состоялась въ тотъ же день въ 5 ч. пополудни, и подъ наскоро выработаннымъ тутъ же протестомъ подписалось около полутораста человѣкъ, въ томъ числѣ Генрикъ Ибсенъ и его семнадцатилѣтній товарищъ по школѣ, Бьёрнстьерне Бьёрнсонъ.

Затѣмъ участники сходки сомкнутыми рядами отправились къ дому старѣйшаго изъ членовъ государственнаго совѣта и вручили ему черезъ своихъ депутатовъ упомянутый выше протестъ. Оттуда шествіе направилось на пристань; депутаты взошли на пароходъ, проникли въ каюту, обратились съ рѣчью къ Гаррингу и вывели его на палубу, а собравшаяся на берегу толпа привѣтствовала его троекратнымъ «ура». Затѣмъ было провозглашено «ура» въ честь родины и въ честь свободы. Ибсенъ съ начала до конца принималъ самое горячее участіе въ этой импровизированной политической манифестаціи—въ первый и въ послѣдній разъ въ жизни.

Почти къ тому же времени относится вторая его пьеса. Чтобы написать ее, Ибсенъ воспользовался каникулами на Троицу. Это была небольшая одноактная драма «Богатырскій курганъ», которая удо-

стоплась одобренія дирекціи Христіанійскаго театра и была поставлена на его сценѣ 26-го сентября того же года.

«Богатырскій курганъ» далеко не представляетъ для біографа Ибсена того интереса, какъ «Катилина», являясь и по формѣ и по содержанію подражаніемъ сѣвернымъ трагедіямъ Эленшлегера. Впрочемъ, въ ибсеновскомъ изображеніи эпохи викинговъ есть нѣчто отличное отъ Эленшлегера, указывающее на будущаго автора «Воителей въ Гельгеландѣ». Викинги Ибсена необузданнѣе и свирѣпѣе, нежели ихъ ближайшіе предшественники въ сѣверной литературѣ; они бо́льшіе варвары, менѣе цивилизованы. Довольно характерно, что тогдашніе критики нашли ихъ даже слишкомъ грубыми и дикими, такъ какъ сами-то критики еще находились подъ чарами оноэтизированной Эленшлегеромъ сѣверной древности.

Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ въ «Богатырскомъ курганѣ» еще то, что въ этой ранней пьескѣ Ибсена впервые затронуты мотивы, впослѣдствіи ставшіе столь характерными для ибсеновскаго творчества. Это, во-первыхъ, «идея жертвы», а во-вторыхъ, идея, заложенная въ словахъ Бланки:

«О, развѣ человѣку надо видѣть
Глазами все и слышать все ушами?»

Съ теченіемъ времени Ибсенъ все съ большею и большею силою развивалъ первую идею, доведя ее до крайнихъ предѣловъ въ «Брандѣ», а также все больше и больше учился самъ и училъ другихъ переносить драму изъ міра внѣшнихъ чувствъ въ міръ внутреннихъ.

Въ общемъ критика приняла эту небольшую вещицу молодого поэта, согрѣтую теплымъ, задушевнымъ лиризмомъ, поэтичную и граціозную по формѣ, довольно благосклонно, публика такъ же, и пьеска выдержала три представленія, что̀ для того времени было хорошо.

Исполненіе «Богатырскаго кургана» на сценѣ Христіанійскаго театра ввело Ибсена въ ряды христіанійскихъ литераторовъ, и онъ совсѣмъ оставилъ мысль объ университетѣ и медицинской дѣятельности.

Жилъ онъ въ то время вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ Оле Шулерудомъ, уже студентомъ юридическаго факультета, въ одномъ изъ скромнѣйшихъ кварталовъ столицы. Авторскаго гонорара за «Богатырскій курганъ» хватило ненадолго, а получаемое Шулерудомъ изъ дому ежемѣсячное пособіе было далеко не щедрымъ. Тѣмъ не менѣе этотъ великодушный товарищъ честно дѣлился со своимъ другомъ. «Но на обѣдъ у нихъ все-таки не хватало, — разсказываетъ Боттенъ-Гансенъ *): — и они... не обѣдали. Для того же, чтобы это обстоятельство, выплывъ наружу, не лишило ихъ кредита у квартирныхъ хозяевъ,

*) Первый біографъ Ибсена, связанный съ нимъ долголѣтней дружбой. Подробно о немъ см. ниже.

молодые люди ежедневно выходили изъ дому въ обѣденное время и возвращались черезъ такой промежутокъ времени, въ который можно было успѣть пообѣдать, а затѣмъ у себя дома пили «послѣобѣденный» кофе съ хлѣбомъ, чѣмъ и замѣняли обѣдъ. Я въ то время почти ежедневно видался съ Ибсеномъ и его сожителемъ, но и не подозрѣвалъ ни о чемъ подобномъ, такъ хорошо они оба умѣли скрывать свою странную экономію, такъ были всегда веселы и бодры».

Вѣрная, великодушная дружба навсегда и связала скромное имя Шулеруда съ именемъ Ибсена. Ибсенъ доказалъ свою признательность, посвятивъ памяти друга прекрасныя строки въ предисловіи ко 2-му изданію «Катилины». Шулерудъ не былъ особенно выдающеюся личностью и въ умственномъ отношеніи не возвышался надъ среднимъ уровнемъ, но его безграничная преданность и безусловная вѣра въ талантъ друга имѣли, безъ сомнѣнія, полезное воздѣйствіе на Ибсена, столь склоннаго къ самокритикѣ и сомнѣнію.

Иного рода вліяніе имѣлъ на Ибсена сосѣдъ его по квартирѣ, студентъ Теодоръ-Фредерикъ Абильгоръ. Послѣдній всей душой примкнулъ къ движенію рабочихъ, которое поднялъ Маркъ Тране, примѣняя идеи февральскихъ революцій. Абильгоръ, скоро ставшій однимъ изъ вожаковъ движенія, посвятилъ въ свои идеи и планы Ибсена и Шулеруда: сколько-нибудь активнаго, опредѣленнаго отношенія къ соціалистическимъ идеямъ, составлявшимъ основу движенія, Ибсенъ однако не проявилъ и далеко не во всемъ раздѣлялъ мнѣнія вожаковъ. Ихъ планы были слишкомъ фантастичны, слишкомъ дѣтски-наивны; все въ общемъ было слишкомъ неясно, незрѣло и нелѣпо въ самой основѣ своей, чтобы онъ могъ примкнуть къ движенію въ серьезъ, но оно было ему симпатично, такъ какъ въ немъ была жизнь, духовный подъемъ. Ибсенъ поэтому охотно принималъ участіе въ сходкахъ, собиравшихся у Абильгора, часто бывалъ у послѣдняго и у другихъ вожаковъ и писалъ въ газетѣ, которую они издавали.

Но вотъ Абильгоръ и Тране были арестованы: бумаги ихъ и матеріалы для газеты были забраны, а такъ какъ среди послѣднихъ находились рукописи Ибсена, то послѣдній одно время ожидалъ, что раздѣлитъ участь арестованныхъ, хотя то, что принадлежало его перу, собственно и не представляло ничего такого, что могло бы навлечь на него серьезную кару. Благодаря присутствію духа одного изъ причастныхъ къ дѣлу лицъ, онъ однако избѣжалъ всякихъ непріятностей. Когда явилась полиція, факторъ газеты бросилъ болѣе важныя бумаги на полъ и принялся припрятывать самыя невинныя. Полиція попалась на эту удочку, и такимъ образомъ Ибсенъ благополучно выпутался; вожаки же движенія послѣ долговременнаго ареста были все-таки осуждены на заключеніе съ принудительными работами за «соціалистическую пропаганду».

Послѣ того Ибсенъ нѣкоторое время помогалъ временному редактору,

каменщику Бернгарду Гансену, излагать соціалистическія идеи въ удобочитаемой и особенно стихотворной формѣ. Скоро однако и Гансенъ былъ арестованъ, а въ недолгомъ времени и самъ Ибсенъ покинулъ Христіанію, и сношенія его съ послѣдователями Гране прекратились сами собою. Но симпатіи къ рабочему движенію онъ продолжалъ сохранять и впредь, хотя никогда уже больше не принималъ въ немъ сколько-нибудь активнаго участія, какъ никогда вообще и не примыкалъ ни къ какой изъ борющихся партій. Сами рабочіе однако всегда видѣли въ немъ союзника, участвовавшаго своимъ творчествомъ въ борьбѣ за созданіе новаго, болѣе справедливаго общественнаго строя. Да и въ письмахъ и въ публичныхъ рѣчахъ Ибсена содержится немало намековъ и прямыхъ свидѣтельствъ вышеупомянутыхъ его симпатій *).

Для обрисовки той среды и тѣхъ впечатлѣній, подъ вліяніемъ которыхъ слагалось человѣческое и писательское «я» будущаго великаго драматурга, слѣдуетъ остановиться еще на двухъ лицахъ, имѣвшихъ вліяніе на его духовное развитіе.

Первый изъ нихъ, Осмундъ Винье, школьный товарищъ Ибсена, происходившій изъ крестьянъ, былъ десятью годами старше Ибсена и сѣлъ на ученическую скамью Гельтберга, уже успѣвъ побывать народнымъ учителемъ и испробовать свои силы въ журналистикѣ. Онъ былъ надѣленъ поистинѣ ненасытною жаждой знаній и набирался ихъ съ неутомимымъ рвеніемъ, чтобы, вооружась ими, принять активное участіе въ борьбѣ идей, принциповъ и направленій, кипѣвшей въ молодой Норвегіи. Въ этомъ человѣкѣ, находившемся, несмотря на свои 32 года, въ періодѣ самаго остраго духовнаго броженія, Ибсенъ встрѣтилъ сильнаго и своеобразнаго представителя того рода мышленія, которое было не чуждо ему самому, — мышленія, пропитаннаго острымъ скептицизмомъ, встрѣчавшаго стремленія современниковъ презрительными насмѣшками и безжалостно опрокидывавшаго ихъ кумиры въ прахъ. Винье пришелъ къ выводу, что всякая истина лишь относительна, что истина всегда находится въ періодѣ роста и развитія. Отсюда его «двойной» взглядъ на жизнь,—онъ умѣлъ находить правду и неправду въ одномъ и томъ же явленіи; и отсюда же оригинальный ироническій стиль, который какъ будто и царапаетъ и гладитъ и смѣется и плачетъ одновременно, который, по собственному выраженію Винье, «танцуетъ на остріяхъ мечей между небомъ и адомъ», держится, какъ бы шутя, одинаково далеко отъ того и другого, чтобы не быть пойманнымъ ни тѣмъ ни другимъ. Въ такомъ мышленіи заключались вредныя сѣмена недуга, который могъ изсушить

*) Напр., въ письмѣ къ Оскару Ниссену (стр. 500), въ газетной статьѣ «Соціалъ-демократія» (стр. 264) и въ рѣчахъ, произнесенныхъ въ 1885 г. въ Трондьемѣ (стр. 277) и въ 1887 г. въ Стокгольмѣ (стр. 278).

душу; въ веселой пляскѣ словъ легко могло исчезнуть чувство отвѣтственности, моральная устойчивость личности. Эта опасность одинаково грозила и Винье и Ибсену: чтобы избѣжать ея, имъ обоимъ предстояло, набравшись въ борьбѣ силы сомнѣнія, побороть затѣмъ самое сомнѣніе свое. Вотъ что и явилось точкой соприкосновенія между ними, что привлекло ихъ другъ къ другу и сразу сдѣлало товарищами. Особенной же задушевной, интимной близости между ними, пожалуй, никогда не было, и зрѣлыми людьми они все больше и больше отдалялись одинъ отъ другого; Винье — «норвежскій патріотъ», «языкорадѣтель» *), не могъ ужиться съ Ибсеномъ—скандинавомъ и германофиломъ. Но въ обоихъ сильная, волнственная воля одержала верхъ надъ болѣзненнымъ сомнѣніемъ. Они остались вѣрны радикализму сомнѣнія, возстающаго противъ всякихъ авторитетовъ, но и стали выше его, отдавшись интенсивной борьбѣ за идеи. Ироніа надъ самимъ собою и въ позднѣйшее время часто проявлялась у Ибсена, но все же не наложила на его творчество такого сильнаго отпечатка, какъ на творчество Винье, въ стилѣ котораго она всегда оставалась оживляющимъ элементомъ. Весьма правдоподобно, что Ибсенъ, создавая своего Пера Гюнта, во многихъ пунктахъ имѣлъ въ виду Винье, какъ человѣка, который всегда стремился сохранить себѣ про запасъ дорожку къ новому умозаключенію; во всякомъ случаѣ, въ манерѣ Пера Гюнта выражаться есть не мало напоминающаго Винье.

Второго товарища Ибсенъ пріобрѣлъ въ этотъ періодъ въ лицѣ Павла Боттенъ-Гансена, впослѣдствіи столь извѣстнаго публициста, литературнаго критика и редактора, а тогда еще студента и начинающаго литератора. Съ нимъ Ибсенъ сошелся гораздо ближе, чѣмъ съ Винье, котораго Боттенъ-Гансенъ значительно превосходилъ образованіемъ и широтою кругозора. Самъ Боттенъ-Гансенъ былъ съ юности своей страстнымъ библіофиломъ и человѣкомъ съ крайне самостоятельнымъ и оригинальнымъ мышленіемъ. Во многихъ отношеніяхъ у него были точки соприкосновенія съ Винье, — онъ тоже былъ ироническій, полускептикъ. Но его сомнѣніе не было такъ дерзконаступательно, его насмѣшки были мягче, юморъ безобиднѣе. Винье— самъ тонкій стилистъ — говорилъ, что Боттенъ-Гансенъ пишетъ такъ изящно и обоюдоостро, какъ немногіе. Ибсенъ, безъ сомнѣнія, и научился у него многому въ смыслѣ стиля, особенно же того, которымъ написаны «Комедія любви» и «Перъ Гюнтъ». Поэтическія попытки Боттенъ-Гансена, напечатанныя въ издававшемся тремя товарищами (т.-е. Б.-Гансеномъ, Ибсеномъ и Винье) журнальчикѣ, видимо, оказали на Ибсена извѣстное вліяніе какъ въ смыслѣ идей, такъ и формы. Для самого Боттенъ-Гансена служилъ образцомъ стиль знаменитаго Людвига Гольберга, и у Боттенъ-Гансена-то Ибсенъ и научился любить

*) См. предисловіе къ «Перу Гюнту».

«датскаго Мольера», комедіи котораго никогда не уставалъ перечитывать, о чемъ свидѣтельствуютъ собственныя признанія Ибсена и многочисленныя ссылки его на Гольберга въ письмахъ *). Такимъ путемъ создалось прямое духовное родство между геніальнымъ датскимъ писателемъ XVIII столѣтія, который, борясь за духовное освобожденіе своего народа, сталъ родоначальникомъ современной датско-норвежской литературы, и между геніальнымъ драматургомъ конца XIX столѣтія, который, возобновивъ борьбу за освобожденіе, создалъ новую эпоху въ исторіи норвежской литературы и духовной жизни страны.

Характерно, что и Боттенъ-Гансенъ и Ибсенъ носили въ дружескомъ кружкѣ ласкательно-шутливыя прозвища, заимствованныя изъ комедій Гольберга; первый прозванъ былъ «голландцемъ», второй—«Гертомъ Вестфальскимъ» за свое краснорѣчіе. Ибсенъ, вообще молчаливый, не зналъ удержу, разъ ужъ онъ разговорится, и донималъ своихъ друзей не меньше, чѣмъ герой комедіи Гольберга, распространявшійся объ «Аріи и семи курфюрстахъ» и о своей «поѣздкѣ отъ Гадерслева до Киля» **).

Въ 1851 году три товарища затѣяли сообща издавать небольшой еженедѣльный листокъ, носившій, въ согласіи съ заглавной виньеткой, громкое названіе—«Человѣкъ».

«Человѣкъ» издавался по образцу датскаго «Корсара» ***), который успѣлъ обратить на себя вниманіе и въ Норвегіи. «Человѣкъ» напоминалъ «Корсара» не однимъ внѣшнимъ видомъ; извѣстное сходство было и въ его общественно-политической окраскѣ. Подобно «Корсару», «Человѣкъ» держался оппозиціоннаго направленія, не принадлежа однако къ тогдашней оппозиціонной парламентской партіи; принявъ подъ свою защиту издателя «Корсара» отъ обвиненія въ томъ, что онъ не служитъ никакой идеѣ, «Человѣкъ» такимъ образомъ вмѣстѣ съ тѣмъ защищалъ самого себя. Роль защитника взялъ на себя отъ имени редакціи Винье, доказывавшій, что внѣпартійность Гольдшмидта, которую ставили ему въ вину, на самомъ дѣлѣ слѣдовало вмѣнить ему въ заслугу, такъ какъ принадлежность къ извѣстной партіи всегда ведетъ за собою «несамостоятельность и духовное рабство»; геній одинокъ; его начинаютъ понимать лишь по прошествіи долгаго времени. Вообще статья Винье была проникнута тѣми же взглядами на отношенія между большинствомъ и индивидомъ, которые позже такъ ярко выразились въ творчествѣ Ибсена.

«Человѣкъ» полемизировалъ и съ правительственной партіей и съ оппозиціонной, но отнюдь не потому, чтобы занималъ срединное

---

*) См., напр., письмо Ибсена къ Дитрихсону, стр. 352, письма къ Брандесу, стр. 355, 375, и къ Петру Гансену, стр. 371, 372.

**) См. письмо Ибсена къ Брандесу, стр. 377, и къ Дитрихсону, стр. 378.

***) Издавался Гольдшмидтомъ, даровитымъ датскимъ писателемъ.

положеніе между борющимися крайностями, а потому, что шелъ гораздо дальше оппозиціи, находя ее вялой и безхарактерной. И въ статьяхъ самаго юнаго изъ трехъ редакторовъ — Ибсену было въ 1851 г. всего 23 г. — можно уже найти намеки на «Врага народа»; отношеніе Ибсена къ политическимъ условіямъ на родинѣ уже въ то время выразилось въ сатирѣ: «Норма, или любовь политическаго дѣятеля», которая занимаетъ видное мѣсто среди его юношескихъ литературныхъ работъ.

Ибсенъ, какъ видно изъ предыдущаго, явился въ столицу горячимъ поклонникомъ свойственныхъ тому времени идей свободы, сгоралъ отъ оппозиціоннаго усердія и пламенѣлъ революціоннымъ восторгомъ. Безъ сомнѣнія, онъ ожидалъ найти въ этомъ центрѣ норвежской умственной жизни полную гармонію съ тѣмъ, что такъ сильно звучало въ его собственной душѣ. Первымъ его шагомъ здѣсь и было участіе въ политической демонстраціи, вторымъ — дружба съ радикальнѣйшимъ изъ радикаловъ. Дружба эта однако не могла, какъ отмѣчено выше, дать ему того, чего онъ искалъ. Тогда Ибсенъ перенесъ свои упованія на стортингъ, — современное броженіе умовъ должно же было — казалось ему — найти себѣ выходъ въ народномъ собраніи! И въ оппозиціонной партіи стортинга Ибсену чудился достойный предметъ восторженнаго преклоненія. Ему не такъ важно было, противъ чего эта партія возставала; главное, чтобы она возставала сильно и смѣло! Но и тутъ Ибсена ожидало разочарованіе: оппозиція въ стортингѣ 1851 года отнюдь не могла служить удовлетворительнымъ объектомъ для восторговъ юнаго поэта.

Одно время, въ 1848 г., дѣйствительно казалось, что политическія событія въ Европѣ не преминутъ отразиться на оппозиціонныхъ членахъ стортинга. Но въ промежутокъ между закрытіемъ стортинга 1848 г. и новымъ открытіемъ его въ 1851 г. произошло многое, что не могло особенно воодушевить смирную вообще норвежскую оппозицію. Спокойствіе въ Европѣ было возстановлено, и возставшіе наказаны. Норвежская оппозиція, участвовавшая въ сессіи стортинга въ 1851 г., была поэтому самой податливой и смирной оппозиціей въ мірѣ. Итакъ, Ибсенъ былъ разочарованъ. Въ первый разъ въ жизни открылось ему, что и въ большихъ дѣлахъ, какъ въ мелочахъ жизни, идеалы одно, а дѣйствительность другое; въ первый разъ онъ сталъ лицомъ къ лицу съ «духомъ компромисса». Эта обезличенная оппозиція и внушила ему отвращеніе; онъ нашелъ ея членовъ жалкими филистерами и написалъ музыкальную трагедію въ 3-хъ дѣйствіяхъ: «Норма, или любовь политика». Первое разочарованіе создало первую его сатиру.

Въ основу этой юношески-смѣлой полемической пьесы легло либретто «Нормы» Беллини; замѣнивъ дѣйствующихъ лицъ оперы политическими дѣятелями, Ибсенъ принялся бичевать ихъ сплеча. Въ

образѣ Нормы осмѣяна вообще оппозиція за ея безхарактерность, а рядомъ выведены многіе именитые члены стортинга и заклеймены въ качествѣ авантюристовъ.

Остальные вклады юнаго редактора въ литературную часть листка не представляютъ такого интереса. Изъ помѣщенныхъ имъ тамъ стихотвореній пять вошли впослѣдствіи, въ нѣсколько измѣненной редакціи, въ сборникъ его стихотвореній, и нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ: «Музыканты», «Птица и птицеловъ» и «Рудокопъ» *), показываютъ, что тяготѣніе къ мрачному, жуткому стало проявляться еще сильнѣе въ творческой фантазіи Ибсена.

Въ общемъ помѣщенныя въ «Человѣкѣ» стихотворенія мало оригинальны: поэтическая непосредственность и самостоятельность какъ будто готовы были измѣнить молодому поэту,—тутъ сказывалось, безъ сомнѣнія, вліяніе усерднаго чтенія и изученія родныхъ и иностранныхъ авторовъ.

Значительная часть упомянутыхъ стихотвореній была стихотвореніями «на случай», т.-е. написана по поводу какого-нибудь торжества, въ видѣ привѣтствія или открытаго письма. Но самые «случаи» служили Ибсену лишь поводомъ для того, чтобы разобраться въ себѣ самомъ и въ своихъ отношеніяхъ къ родинѣ и землякамъ. Чистаго лиризма, поэтическаго настроенія въ этихъ стихотвореніяхъ мало, а гдѣ они и есть, то не отличаются оригинальностью или особой интенсивностью. Съ силой даетъ себя знать только чувство, бьющее изъ глубины могучаго сердца, какъ чистый ключъ изъ твердой гранитной скалы; по одному этому сразу узнаешь Ибсена,—человѣка, который могъ любить, какъ никто другой, и изъ любви къ людямъ безпощадно громилъ и бичевалъ ихъ. Основной тонъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ «Человѣкѣ», былъ, согласно духу самой газеты, рѣзко-полемическій, сатирическій.

Спустя полгода листокъ превратился въ журнальчикъ «Andhrimner», по имени повара къ Валгаллѣ, который ежедневно подносилъ пищу азамъ (богамъ). Но и въ обновленномъ видѣ литературно-политическій органъ этотъ не нашелъ распространенія въ публикѣ, не набралъ и сотни подписчиковъ, и черезъ девять мѣсяцевъ пришлось совсѣмъ прекратить его изданіе.

Усердная литературная дѣятельность въ этотъ первый періодъ пребыванія въ Христіаніи не принесла Ибсену матеріальнаго обезпеченія, но дала ему нѣкоторое имя; особенно выдвинулъ его успѣхъ «Богатырскаго кургана», и вотъ, когда, по иниціативѣ знаменитаго норвежскаго скрипача и горячаго патріота, Оле Буля, въ Бергенѣ возникъ національный норвежскій театръ, на который патріоты возлагали

*) Всѣ названныя стихотворенія помѣщены въ собраніи «Стихотвореній».

большія надежды, молодой драматургъ, поэтъ, литературный критикъ и публицистъ Ибсенъ оказался въ числѣ призванныхъ руководить новымъ дѣломъ.

IV.

Въ Бергенѣ.

6-го ноября 1851 г. Ибсенъ былъ приглашенъ состоять при Бергенскомъ театрѣ «присяжнымъ драматургомъ», а въ слѣдующемъ году дирекція выдала ему стипендію въ 200 специй-далеровъ (около 400 р.) на трехмѣсячную заграничную поѣздку для изученія постановки театральнаго дѣла; по возвращеніи же Ибсенъ обязанъ былъ заключить съ дирекціей контрактъ на 5 лѣтъ уже въ качествѣ режиссера. Жалованье режиссеру полагалось всего 300 специй-далеровъ (около 600 руб.) въ годъ, но и это былъ для Ибсена шагъ впередъ въ смыслѣ опредѣленнаго заработка, главное же преимущество его новаго положенія заключалось въ томъ, что оно доставляло ему богатое поле для наблюденій въ смыслѣ условій и требованій сцены, знать которыя такъ необходимо драматургу.

Говорятъ, что драматургомъ нельзя сдѣлаться, имъ надо родиться. Знаменитый Александръ Дюма-сынъ, напримѣръ, прямо заявляетъ въ своей драмѣ: «Un père prodigue», что «можно, учась, сдѣлаться живописцемъ, скульпторомъ, музыкантомъ, но не драматургомъ. Имъ становишься сразу, или никогда не станешь; человѣкъ бываетъ рожденъ драматургомъ, какъ бываетъ рожденъ брюнетомъ или блондиномъ, безъ всякаго участія его собственной воли».

Но если бы это было такъ, талантъ драматурга составлялъ бы странное исключеніе изъ общаго закона развитія, которому вообще подчинены всѣ живыя силы въ мірѣ физическомъ и духовномъ. Законъ этотъ гласитъ, что упражненіе развиваетъ силу или способность, тогда какъ, если не прилагать ея къ дѣлу, она остается безъ измѣненія или даже атрофируется.

И, разумѣется, законъ этотъ имѣетъ силу и для таланта драматурга, какъ для всякаго другого, или въ концѣ концовъ, пожалуй, даже имѣетъ въ области драматическаго творчества еще большее значеніе, чѣмъ въ другихъ областяхъ литературы, такъ какъ навыкъ и техника играютъ въ ней еще бо́льшую роль, чѣмъ въ другихъ. Технику же эту не усвоить теоретическимъ изученіемъ; ее надо изучить практически; надо слѣдить за пьесой отъ первой репетиціи до перваго представленія; надо видѣть, какъ она вырастаетъ на сценѣ, сжиться съ нею такъ, чтобы чувствовать себя вполнѣ солидарнымъ съ авторомъ; надо вполнѣ выяснить себѣ, что производитъ со сцены впечатлѣніе и какое впечатлѣніе, и наконецъ еще имѣть въ виду великое испытаніе — первое представленіе. Оно вообще подноситъ много интерес-

ныхъ сюрпризовъ; кое-что изъ того, что по расчетамъ должно было «захватить зрителей», проходитъ незамѣченнымъ; другое, на что на репетиціяхъ не обращали особаго вниманія, напротивъ, имѣетъ успѣхъ. Тамъ, гдѣ ожидались лишь улыбки, въ театрѣ слышится громкій смѣхъ, и наоборотъ. И тогда директора, режиссеры, авторы начинаютъ доискиваться причинъ, т.-е. начинаютъ, собственно говоря, понимать и учиться. Въ слѣдующій разъ они бываютъ умнѣе, но и тогда еще дѣло не обходится безъ сюрпризовъ: есть еще чему поучиться, и если даже продолжать учиться всю жизнь, никогда никто не станетъ настолько опытнымъ, чтобы безошибочно предсказать—какъ со сцены подѣйствуетъ на публику такая-то или такая частность пьесы. Къ этой цѣли лишь понемногу приближаются, учась представлять себѣ свои или чужія пьесы въ сценическомъ исполненіи, еще пока пишутъ или читаютъ ихъ.

Нельзя поэтому не оцѣнить значенія для творчества Ибсена такого ранняго и близкаго знакомства съ театромъ, какое выпало ему на долю. Безъ этого знакомства онъ никогда не достигъ бы того совершенства драматической техники, которымъ справедливо восхищаются въ его произведеніяхъ. Въ теченіе почти десяти лѣтъ дѣятельность его была связана съ дѣятельностью норвежскаго театра, и за этотъ срокъ онъ поставилъ на сцену больше сотни разныхъ пьесъ. Это хорошая школа для драматурга. Разумѣется, черезъ его постановку прошло весьма пестрое собраніе пьесъ, и учителями его являлись и Шекспиръ, и Гольбергъ, и Эленшлегеръ, и Гейбергъ *), и Бьёрнсонъ, и онъ самъ; главнымъ же образомъ представители тогдашней французской школы, особенно Скрибъ, техника котораго и оказала на Ибсена свое вліяніе, хотя онъ и невысоко ставилъ произведенія Скриба въ литературно-художественномъ отношеніи.

Въ противоположность практическому, теоретическое изученіе законовъ и пріемовъ драматическаго творчества играло въ духовномъ развитіи Ибсена небольшую роль. Онъ только прочелъ прозаическія сочиненія Гейберга, въ которыхъ особеннаго вниманія заслуживала статья «О водевилѣ», да во время своей образовательной заграничной поѣздки проштудировалъ книгу Германа Геттнера: «Современная драма». Вотъ почти и все. Пребываніе въ Христіаніи доставило Ибсену случай видѣть хорошіе, хотя и не геніальные образцы сценическаго искусства. Датскій театръ въ норвежской столицѣ могъ тогда похвалиться немалымъ числомъ хорошихъ артистическихъ силъ, и какъ эти послѣднія, такъ и менѣе даровитые артисты театра составляли одно цѣлое, сплоченное извѣстными художественными традиціями. Всѣ они стояли болѣе или менѣе близко къ періоду расцвѣта датскаго сце-

*) Извѣстный датскій поэтъ-драматургъ, литературный и театральный критикъ, бывшій одно время руководителемъ, а затѣмъ цензоромъ королевскаго театра въ Копенгагенѣ.

ническаго искусства въ началѣ XIX столѣтія и позже, и хотя это искусство носило слишкомъ мало реальный характеръ, оно все-таки отличалось многими положительными сторонами и было поучительно для молодого драматурга.

Къ этому надо прибавить наблюденія, вынесенныя Ибсеномъ изъ поѣздки въ Копенгагенъ и Дрезденъ лѣтомъ 1852 г. Наблюденія эти были совершенно особаго рода.

Въ то время оба театра, и королевскій копенгагенскій и дрезденскій, переживали переходную эпоху. И въ томъ и въ другомъ еще господствовало академически-классическое направленіе; въ Копенгагенѣ представителемъ этого направленія былъ директоръ Іоганъ-Людвигъ Гейбергъ, въ Дрезденѣ задавалъ тонъ пзящный и отличавшійся тонкимъ вкусомъ артистъ Эмиль Девріенъ. Но и тамъ и тутъ на сцену уже пробивались молодые таланты, воодушевленные новыми принципами реализма. Въ Дрезденѣ представителемъ новаго направленія явился мятежный и энергичный полякъ Дависонъ, а въ Копенгагенѣ интеллигентный и высокообразованный артистъ Гётъ. Художественнымъ лозунгомъ Гёта было—естественность, лозунгомъ Дависона—страсть; но какъ ни различны были эти два артиста и по темпераменту и по воззрѣніямъ на искусство, ихъ объединяла борьба противъ классической театральной декламаціи и академически-бонтонной игры. Въ лицѣ этихъ двухъ артистовъ Ибсенъ такимъ образомъ познакомился съ новыми теченіями въ драматическомъ искусствѣ, отвѣчавшими новымъ теченіямъ въ драматической литературѣ. Ибсенъ видѣлъ «Гамлета» съ Гётомъ и Дависономъ въ главной роли, и особенно захватило его изображеніе послѣдняго; что же касается Гёта, то наиболѣе поучительнаго для себя Ибсенъ извлекъ изъ его исполненія комической роли Гриньона въ «Bataille des dames» Скриба.

Молодой бергенскій театръ не могъ дать Ибсену столь богатыхъ и полезныхъ впечатлѣній; все въ немъ находилось еще въ зачаточной стадіи, тѣмъ не менѣе, конечно, молодые таланты доставляли столь же симпатичный, какъ и поучительный матеріалъ для наблюденія.

Бергенскій театръ явился плодомъ національнаго подъема духа въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ. Открытыя Асбьёрнсеномъ и Мо богатства народнаго творчества привели, какъ уже упоминалось выше, норвежское общество въ экстазъ, и общимъ лозунгомъ стало: родное норвежское искусство. Художникамъ вмѣнялось въ обязанность изображать красками норвежскую природу, музыкантамъ—играть и обрабатывать народныя мелодіи, писателямъ—изображать норвежскій народъ въ его прошломъ и будущемъ. Стиль народныхъ пѣсенъ былъ признанъ образцомъ, а норвежскій крестьянинъ—литературнымъ идеаломъ.

Живое, отзывчивое бергенское общество не уступало въ этомъ смыслѣ столичному и, пожалуй, даже усердствовало еще больше въ проявленіи своихъ національныхъ симпатій. Дамы появлялись въ городскихъ

садахъ и паркахъ, украшенныя бантами изъ лентъ національныхъ цвѣтовъ, и съ восторгомъ внимали звукамъ изъ «Воскреснаго дня горной пастушки», а въ театръ публика шла восхищаться игрой настоящихъ деревенскихъ скрипачей, галлингомъ *) настоящихъ деревенскихъ пастуховъ, или пѣніемъ и декламаціей поддѣльныхъ театральныхъ крестьянъ въ слащавыхъ пьескахъ «изъ народнаго быта».

Это увлеченіе всѣмъ національнымъ захватило даже автора «Катилины», космополита по складу ума и характера, и онъ отъ переворотовъ міровой исторіи, которыми интересовался въ бытность свою аптекарскимъ помощникомъ и кандидатомъ въ студенты, перешелъ къ «національнымъ задачамъ» и всей душой отдался ихъ осуществленію. Это не мѣшало ему видѣть односторонность и поверхностность національнаго движенія, и, примыкая къ нему, онъ не могъ не иронизировать надъ нѣкоторыми отдѣльными увлеченіями, которыя оно вызывало. Еще въ періодъ своего пребыванія въ Христіаніи онъ высказалъ въ газетной статьѣ свой взглядъ на задачи національнаго писателя. «Національнымъ писателемъ является лишь тотъ, кто способенъ придать своему произведенію тотъ основной тонъ, который несется намъ навстрѣчу изъ родныхъ горъ и долинъ, съ горныхъ склоновъ и береговъ, а прежде всего раздается изъ глубины нашей собственной души» **). Всѣ же внѣшніе національные атрибуты, которые такъ цѣнило современное Ибсену общество, были въ его глазахъ лишь пристегнутой мишурой. Но онъ самъ еще не былъ въ силахъ провести свою точку зрѣнія въ качествѣ поэта, и потому первое драматическое его произведеніе: «Ночь на Ивана Купалу», написанное имъ въ Бергенѣ подъ вліяніемъ всеобщаго увлеченія всѣмъ «національнымъ», явилось странной смѣсью реализма съ національнымъ романтизмомъ, произведеніемъ, не имѣвшимъ настоящей точки опоры ни въ дѣйствительности ни въ романтизмѣ.

Увлеченіе литературными сокровищами родной сѣверной древности сдѣлало Ибсена поэтомъ-романтикомъ. Въ норвежскомъ народномъ характерѣ нетрудно вообще замѣтить общій романтическій колоритъ. Присущій норвежцамъ романтическій душевный складъ даетъ себя знать живучестью фантастическихъ представленій въ народѣ, тяготѣніемъ послѣдняго ко всему чудесному, къ міру сказокъ, эльфовъ, троллей и пр., и пристрастіемъ къ пестротѣ въ окружающей обстановкѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ орнаментація въ украшеніи домовъ, мебели, домашней утвари и яркія краски національныхъ костюмовъ. Романтическому складу народнаго духа норвежцевъ сильно способствуетъ сама природа Норвегіи, изобилующая сильными и внезапными стихійными катастрофами и контрастами, представляющая удивительную

*) Національный норвежскій танецъ въ родѣ трепака.

**) См. «Обитель Гульдры», стр. 212.

смѣсь дикаго, мрачнаго, грознаго и—граціознаго, свѣтлаго, мягкаго, ласкающаго. Долгая, темная и суровая сѣверная зима составляетъ рѣзкую противоположность блеску и сіянію короткаго сѣвернаго лѣта, сѣрыя, голыя гранитныя скалы—зеленымъ лугамъ и лѣсамъ. Долгая зима держитъ обитателей сѣвера какъ бы въ заточеніи въ ихъ жилищахъ, укрѣпляетъ семейную жизнь, способствуетъ развитію склонности къ уединенію, самосозерцанію, размышленію и мечтательности. Борьба же со стихіями — моремъ, бурями, лавинами, развиваетъ наряду съ энергіей, стойкостью, ловкостью, находчивостью и здравымъ смысломъ мистически-религіозное чувство, вѣру въ чудесное. Тѣ же условія природы и жизни дѣлаютъ норвежцевъ замкнутыми; они не любятъ выносить наружу явленій своей душевной жизни; тѣмъ интенсивнѣе послѣдняя въ своей сокровенной тиши. Рѣзкою противоположностью этой особенности является въ норвежцахъ чрезмѣрное увлеченіе политическими и общественными интересами, при чемъ увлеченіе это сказывается тѣмъ острѣе, чѣмъ самые интересы мельче, или локальнѣе. Дебаты по вопросамъ, касающимся государства и церкви, проникаютъ въ самую глубь семейной жизни и разгораются съ такой же силой у домашняго очага уединенной хижины, какъ въ народномъ собраніи. Норвежецъ въ самой основѣ своего существа романтикъ; но романтизмъ норвежскій, достигшій наивысшаго своего расцвѣта въ обѣихъ «Эддахъ», въ богатырскихъ пѣсняхъ и народныхъ сказаніяхъ, не исключаетъ трезваго реализма; послѣдній отлично уживается вмѣстѣ съ первымъ въ каждомъ типичномъ норвежцѣ, руководящемся въ жизни указаніями практическаго разума.

Всѣ эти контрасты природы, жизни и душевнаго склада обитателей Норвегіи и сказались на личности Ибсена; они же до извѣстной степени обусловливаютъ, объясняютъ его произведенія. Ибсенъ—и романтикъ и человѣкъ трезваго разсудка, который съ жуткимъ спокойствіемъ и безпощадной логикой доводилъ свои драмы до конца; онъ—и мечтатель и человѣкъ самаго яснаго, проницательнаго ума; онъ—мистикъ, никогда не выходившій изъ-подъ вліянія извѣстныхъ религіозныхъ и даже богословскихъ идей; натура замкнутая, глубокая, склонная къ самосозерцанію и уединенію, и въ то же время горячая, пылкая, дѣятельная. Онъ съ такимъ же неослабнымъ и напряженнымъ интересомъ, какой былъ свойственъ его землякамъ, слѣдилъ за ходомъ общественной жизни и постоянно былъ готовъ указать другимъ путь, который казался ему вѣрнѣйшимъ. Словомъ, одни свойства и особенности Норвегіи сдѣлали изъ Ибсена романтика, другія реалиста; одни — сильнаго своей вѣрой въ будущее оптимиста, другія—отчаивающагося въ настоящемъ пессимиста.

Эту-то свою двойственность, этотъ внутренній конфликтъ двухъ натуръ Ибсенъ внесъ и въ свое творчество, вкладывая ихъ въ души своихъ героевъ.

Репертуаръ, установившійся въ бергенскомъ театрѣ еще до Ибсена, наполовину состоялъ изъ пьесъ Эленшлегера и Герца *), и это обстоятельство не могло не содѣйствовать развитію и укрѣпленію склонности Ибсена къ романтизму и способности творить въ этомъ духѣ.

Первая пьеса, написанная Ибсеномъ въ бытность его присяжнымъ драматургомъ бергенскаго театра, называлась, какъ сказано, «Ночь на Ивана Купалу». На сцену она была поставлена 2-го января 1853 г., но никогда не появлялась въ печати и существуетъ лишь въ двухъ недоступныхъ публикѣ копіяхъ. Насколько можно судить о пьесѣ по отчету Т. Бланка въ его «Исторіи норвежскаго національнаго театра», произведеніе это имѣло нѣчто общее во внѣшнемъ построеніи съ шекспировскимъ «Сномъ въ лѣтнюю ночь». Норвежскій домовой игралъ роль аналогичную роли Пука, а въ болѣе лирическихъ мѣстахъ выступали эльфы и гномы. Невзирая на эти романтическіе атрибуты, настоящія дѣйствующія лица пьесы — обыкновенные люди, взятые прямо изъ жизни тогдашняго времени. Словомъ, какъ уже упомянуто выше, пьеса представляла невыдержанную смѣсь романтизма и реализма. Успѣха на сценѣ она не имѣла и въ исторіи развитія драматическаго творчества Ибсена заняла мѣсто простой «пробы пера».

Превосходнымъ свидѣтельствомъ того плодотворнаго вліянія, которое имѣла на Ибсена практическая театральная дѣятельность, явилось слѣдующее его драматическое произведеніе, трагедія «Фру Ингеръ изъ Эстрота», поставленная уже имъ самимъ на сценѣ бергенскаго театра два года спустя. Это произведеніе показываетъ, что онъ извлекъ пользу изъ нѣкоторыхъ основныхъ положеній Геттнера о сущности драматическаго творчества. Геттнеръ въ своей книгѣ, о которой говорилось выше, рѣзко осудилъ безформенныя историческія драмы-хроники слѣпыхъ подражателей Шекспира и провозгласилъ необходимость строго выдержанной композиціи, а также доказывалъ, что историческая драма, претендующая на значеніе художественнаго произведенія, должна являться въ то же время и психологической, т.-е. представлять картину развитія характеровъ и страстей дѣйствующихъ лицъ. «Фру Ингеръ изъ Эстрота» какъ разъ и явилась такою психологическою драмой, при чемъ самое построеніе ея вполнѣ правильно: соблюдены даже классическія условія единства времени и мѣста. Дѣйствіе, невзирая на длинноты отдѣльныхъ сценъ, развивается быстро, энергично, съ непрерывнымъ нарастаніемъ драматизма и захватывающаго интереса. Основное настроеніе, мрачное, жуткое, выдержано вполнѣ, при чемъ оно также все усиливается: сначала разговоры о привидѣніяхъ, затѣмъ могильный склепъ, въ которомъ находитъ могилу счастье Элины и Нильса Люкке, и наконецъ галлюцинаціи фру Ингеръ и убійство по ея приказанію ея роднаго сына.

---

*) Генрикъ Герцъ—извѣстный датскій поэтъ и драматургъ.

Настроеніе это вполнѣ соотвѣтствуетъ духу изображаемой эпохи; именно такое мрачное, жуткое впечатлѣніе производитъ тотъ періодъ норвежской исторіи, къ которому относится дѣйствіе драмы Ибсена. Какъ уже сказано, настроеніе вполнѣ выдержано и передано превосходно, и самая эпоха воочію встаетъ передъ читателями или зрителями со всей ея дряблостью, общественнымъ безсиліемъ, продажностью, интригами, упавшими надеждами, необузданными страстями, жуткою вѣрою въ привидѣнія и могильнымъ ужасомъ.

Неудивительно, что такой сюжетъ пришелся по вкусу Ибсену, влюбленному во все мрачное, жуткое. И неудивительно, что ему удалось одновременно дать живую картину той эпохи и сдѣлать первый серьезный шагъ къ «обрѣтенію самого себя», какъ драматурга.

Не одно, впрочемъ, влеченіе къ мрачному и жуткому натолкнуло Ибсена на этотъ сюжетъ, но также и чувство патріотизма. Въ періодъ національнаго пробужденія истинные норвежцы могли менѣе, чѣмъ когда-либо, спокойно относиться къ той эпохѣ упадка Норвегіи; юное національное самосознаніе было особенно чувствительно и глубоко страдало отъ гнѣва и боли при воспоминаніи о глубокомъ униженіи родины. Насколько же самъ Ибсенъ былъ проникнутъ этими чувствами, лучше всего видно изъ рѣчей, которыя онъ вложилъ въ уста прекраснѣйшему явленію пьесы, гордой красавицѣ Элинѣ. Подлинная Элина такъ не чувствовала, да такъ едва ли чувствовала и какая-либо норвежская женщина въ тѣ далекія времена, но она явилась для Ибсена музой всей пьесы, дала выраженіе его собственной скорби о судьбѣ родины. Современникамъ періода расцвѣта національнаго самосознанія трудно было понять норвежцевъ эпохи упадка; вялость и слабость послѣднихъ казались непонятными, и каждый отысканный историками или поэтами въ той эпохѣ истинный или кажущійся проблескъ мужества и любви къ родинѣ привѣтствовался молодыми патріотами съ восторгомъ. Такимъ образомъ Кнутъ Альфсёнъ *) превратился въ національнаго героя и мученика, павшаго жертвой своей любви къ родинѣ. Норвежскій историкъ и поэтъ А. Мунхъ возвеличилъ его въ своихъ «Картинахъ юга и сѣвера»: другіе поэты тоже восхищались Альфсёномъ. Ибсенъ и началъ свою драму его именемъ.—«Кто такой былъ Кнутъ Альфсёнъ?—Послѣдній норвежскій рыцарь!»—вотъ первыя двѣ реплики въ «Фру Ингеръ».

Молодая, одушевленная патріотическимъ восторгомъ Норвегія первой половины XIX столѣтія ощущала потребность найти нѣчто великое и возвышенное даже въ той бѣдной славою, величіемъ и муже-

*) Кнутъ Альфсёнъ — одинъ изъ послѣднихъ представителей родовитой и богатой Норвегіи, представлявшей оппозицію датскому владычеству. Датское правительство видѣло въ немъ опаснаго врага, и онъ былъ предательски умерщвленъ. См. въ собраніи «Стихотвореній»: «Аккерсгусъ».

ствомъ эпохѣ начала XVI столѣтія. Эта потребность и внушила Ибсену новое истолкованіе центральной фигуры пьесы, т.-е. фру Ингеръ; онъ пріурочилъ къ послѣдней всѣ надежды и упованія на возвышеніе Норвегіи. Подробный разборъ какъ созданнаго Ибсеномъ образа фру Ингеръ, такъ и всей драмы данъ въ предисловіи къ переводу самой пьесы, поэтому ограничиваемся здѣсь приведеніемъ мнѣнія Іегера, что геній Ибсена сумѣлъ въ своемъ патріотическомъ увлеченіи создать изъ неблагодарнаго историческаго матеріала грандіозный трагическій образъ и, опоэтизировавъ исторію, одержалъ великую побѣду въ области драматическаго творчества. Свободно трактуя историческіе факты, Ибсенъ шелъ въ разрѣзъ съ Геттнеромъ, который утверждалъ, что историческая трагедія должна слѣдовать исторіи. Поэтому слова Ибсена въ послѣсловіи къ «Катилинѣ», характеризующія отношеніе автора къ историческимъ фактамъ, съ еще большимъ основаніемъ можно отнести къ «Фру Ингеръ».

Наконецъ третьей основой для этого произведенія послужило любовное увлеченіе. Самъ Ибсенъ писалъ своему біографу Петру Гансену *): «Фру Ингеръ изъ Эстрота» создалась на почвѣ быстро развившагося и рѣзко порваннаго любовнаго увлеченія, къ которому относятся также нѣкоторыя стихотворенія мои, какъ-то: «Полевой цвѣтокъ и комнатная флора», «Птичье щебетанье» **) и прочія»... Безъ сомнѣнія, этому увлеченію мы и обязаны чудными любовными сценами въ драмѣ и настоящими «пѣснями любви», которыя вложилъ поэтъ въ уста Элины.

Самоё Элину нельзя однако признать даже опоэтизированнымъ портретомъ дѣвушки, бывшей предметомъ увлеченія Ибсена въ дѣйствительности. По крайней мѣрѣ, совсѣмъ иной портретъ рисуютъ два упомянутыхъ стихотворенія, и воспоминанія норвежскаго писателя Джона Паульсена, знакомящія насъ съ оригиналомъ, подтверждаютъ, что этотъ портретъ былъ близокъ къ дѣйствительности. Первое стихотвореніе начинается строфою:

Скажите! Это просто диво!
Гдѣ вкусъ вашъ, гдѣ глаза? Она
Не Богъ вѣсть даже какъ красива,
И вѣтрена, и неумна!

а кончается:

Но что всѣ доводы разсудка?
Внимать ему охоты нѣтъ!
Цвѣтокъ полей—моя малютка,
И ей всего шестнадцать лѣтъ!

*) См. стр. 370.
**) См. «Стихотворенія».

Въ другомъ стихотвореніи есть такія строки:

Воображенья кистью
Картины я писалъ,
И взглядъ двухъ карихъ глазокъ
Улыбкою сіялъ.

Объ исходѣ же этого любовнаго увлеченія даютъ понятіе слѣдующія строки:

Но мы, мы съ ней разстались,
Простились навсегда...

По свидѣтельству писателя Паульсена, близко стоявшаго въ теченіе многихъ лѣтъ къ семьѣ Ибсена, оригиналомъ портрета и предметомъ упомянутаго увлеченія была шестнадцатилѣтняя уроженка и жительница города Бергена, Генриккa Гольстъ, дочь богатаго купца.

Вотъ какъ описывалъ Паульсену самъ Ибсенъ свое первое сближеніе съ нею:

«Да, это была шустрая, живая дѣвчурка! Такія водятся только въ Бергенѣ. Я такъ хорошо помню лѣтній день, когда она явилась и привѣтствовала меня на свой особый ладъ. Я сидѣлъ себѣ, покуривая трубку, на крыльцѣ отеля Сонтумъ, вдругъ — вижу — бѣжитъ она, раскраснѣвшаяся, разгоряченная, вприпрыжку, и кричитъ: «Здравствуйте, Ибсенъ! Не попотчуете ли меня пирожнымъ?»

Эту милую безцеремонность Паульсенъ объясняетъ тѣмъ, что маленькая вострушка чувствовала, насколько Ибсенъ непохожъ на простыхъ смертныхъ; онъ былъ вѣдь поэтъ, и она знала, что онъ-то хорошо пойметъ все и бережно отнесется ко всему, что происходитъ въ маленькомъ загадочномъ сердечкѣ такого подростка.

Пирожнымъ ее, конечно, попотчевали, а потомъ она совершила въ обществѣ Ибсена чудесную прогулку. Прогулки эти стали повторяться, и во время этихъ-то прогулокъ онъ и рисовалъ передъ нею «кистью воображенья» чудесныя картины, заставлявшія сіять восторженною улыбкою ея веселые «каріе глазки». Но вотъ на одной изъ такихъ прогулокъ они попались на глаза сердитому отцу Рикки, который совсѣмъ не одобрялъ романа «неоперившагося» молодого поэта съ его еще не конфирмованной дочкой. Дѣвушка, какъ она сама потомъ, въ зрѣлые уже годы, разсказывала Паульсену, ожидала, что ея герой поведетъ себя, какъ настоящій герой романа: смѣло выступитъ впередъ и потребуетъ у разгнѣваннаго отца ея руки, но... молодой поэтъ такъ растерялся, что попросту обратился въ бѣгство, предоставивъ Риккѣ выпутываться изъ бѣды, какъ знаетъ. Это нѣсколько охладило пылкую головку и способствовало тому, что черезъ нѣкоторое время они дружески «разстались, простились навсегда», — какъ говорится въ вышеприведенныхъ стихахъ.

Характеризуя этотъ романъ, Паульсенъ говоритъ, что это была мимолетная юношеская влюбленность, возникшая въ одно мгновенье и на одно мгновенье; игра въ любовь двухъ мотыльковъ, изъ которой обѣ стороны ускользнули съ неповрежденными крылышками и со свѣтлымъ воспоминаніемъ на всю жизнь. Ибсена главнымъ образомъ увлекли въ этой юной бергенкѣ съ темными глазками и звонкимъ смѣхомъ ея чисто-утренняя свѣжесть, непосредственность, свобода отъ всего заученнаго и условнаго, ея чисто бергенская веселость и склонность къ проказамъ... Среди «нормальныхъ дѣвъ и дамъ» съ ихъ чинной красотой, напоминающихъ «комнатную флору», Рикка должна была производить впечатлѣніе свѣжаго полевого цвѣтка.

Однажды она подарила ему букетикъ скороспѣлокъ, и онъ отдарилъ ее стихотвореніемъ «Моей скороспѣлкѣ». Стихотвореніе это не включено Ибсеномъ въ сборникъ, и мы приведемъ его здѣсь въ переводѣ цѣликомъ, такъ какъ, во-первыхъ, оно подчеркиваетъ свойственныя лиризму Ибсена черты, а во-вторыхъ, характеризуетъ его личное отношеніе къ данному роману.

Милый цвѣтокъ, съ лепестками душистыми,
Какъ же недолго ты цвѣлъ! Твой фіалъ
Каплями утреннихъ росъ серебристыми
Впредь не наполнится вновь,—онъ увялъ.

Слышалъ я—эльфу скрываетъ воздушную,
Съ крыльями бабочки, каждый цвѣтокъ;
Смерть ей, когда подъ рукой равнодушною
Жалобно хрустнетъ цвѣтка стебелекъ.

Сорванъ и ты, мой цвѣтокъ, но плѣнительный
Эльфъ въ твоемъ сердцѣ попрежнему живъ,—
Воспоминанія эльфъ! И живительной
Грусти онъ мнѣ обѣщаетъ приливъ.

Въ тихомъ углу моемъ грезы видѣнія
Будутъ слетать роемъ свѣтлымъ ко мнѣ;
Вѣянье вѣтра весенняго, пѣніе
Птичекъ услышу въ ночной тишинѣ...

Самъ я забытъ буду скоро подругою,
Счастье мое занесетъ зимней вьюгою,
Но мой цвѣтокъ въ одинокой глуши
Буду хранить средь сокровищъ души *)!

Такимъ образомъ Ибсенъ самъ не заблуждался относительно финала, предвидѣлъ разлуку, и свиданія его съ Риккой были самыя невинныя

*) Въ воспоминаніяхъ Паульсена приводится еще маленькое стихотвореніе Ибсена, посвященное «полевому цвѣтку» и посланное Риккѣ

Онъ даже ни разу не позволилъ себѣ взять ее за руку или сказать ей «ты». Зато при свиданіи съ нею много-много лѣтъ спустя,— разсказываетъ Паульсенъ,—у него невольно вырвалось задушевное «ты», на которое предметъ юношескаго увлеченія поэта отвѣтилъ такъ же сердечно. Оба сохранили другъ о другѣ и о весенникъ дняхъ своей любви самое свѣтлое воспоминаніе, къ которому у Рикки съ годами примѣшалось нѣчто въ родѣ благоговѣнія. Счастливая жена и мать многочисленнаго семейства, она издали слѣдила за успѣхами своего бывшаго поклонника и однажды послала ему благодарственные стишки, выражавшіе признательность за удовольствіе, испытанное ею при чтеніи одной изъ его драмъ, получила теплый отвѣтъ, а въ 1885 г. высказала ему свое спасибо лично.

Эта встрѣча послѣ тридцатилѣтней разлуки заслуживаетъ быть описанной. Ибсенъ прибылъ въ Бергенъ въ 1885 г. уже знаменитостью. «Я взяла букетъ полевыхъ цвѣтовъ,—разсказывала Паульсену бывшая вострушка Рикка, а теперь почтенная фру Трессельтъ:—и пошла къ нему въ отель. Увѣряю васъ,—сердце у меня билось, какъ у молоденькой дѣвочки, когда я подымалась по лѣстницѣ. И, даромъ что прошло столько лѣтъ, онъ сразу меня узналъ, и я видѣла, что ему было пріятно увидать меня. Мои первыя слова ему были: «Повѣрь мнѣ, Ибсенъ, я таки-повертѣлась сегодня передъ зеркаломъ, разглядывая свою старую рожу,—хотѣлось показаться тебѣ поавантажнѣе... чтобы ты не нашелъ во мнѣ черезчуръ ужъ большой перемѣны, и чтобы я хоть чуточку напомнила тебѣ самоё себя, какой нравилась тебѣ въ старые годы!»

Ибсенъ, ласково пожимая ей обѣ руки, сказалъ подходящій комплиментъ, тѣмъ болѣе искренній, что, по свидѣтельству Паульсена, фру Трессельтъ и въ болѣе позднемъ возрастѣ сохранила всѣ свои характерныя привлекательныя черты. Когда же гостья поблагодарила хозяина за упомянутую выше драму, онъ спросилъ:—«А ты отыскала въ моихъ произведеніяхъ какіе-нибудь слѣды нашего знакомства въ юности и черты самой себя?» Фру Трессельтъ разсмѣялась:—«Постой, дай подумать... Да, пожалуй, это какъ разъ я,—пасторша Строманъ съ дюжиной ребятъ у подола и вѣчнымъ вязаньемъ въ рукахъ!»

Ибсенъ протестовалъ, полагая, что можно было отыскать иные, менѣе прозаическіе слѣды, но не назвалъ той изъ своихъ героинь, для которой Рикка дѣйствительно служила моделью. Тѣмъ, кто хорошо

вмѣстѣ съ прелестной розой, сорванной съ куста, который цвѣлъ у Ибсена въ горшкѣ на окнѣ и за которымъ поэтъ самъ ухаживалъ:

Прощенья, о, роза, твой проситъ палачъ!
Тебя я сорвалъ и отторгнулъ отъ жизни
Веселой средь милыхъ сестеръ. Но не плачь!
Какъ люди, по смерти, въ небесной отчизнѣ
Находятъ вновь жизнь, такъ и ты свѣтлый рай
Найдешь на груди у нея.—Улетай!

знакомъ съ галлереей женскихъ типовъ Ибсена, впрочемъ, сразу, пожалуй, придетъ на умъ очаровательно-невоспитанный подростокъ Гильда въ «Дочери моря»... Разсказавъ о своей жизни за этотъ долгій промежутокъ времени, Ибсенъ, грустно глядя на свою гостью сквозь свои золотыя очки, спросилъ:—«Ну, а ты какъ поживала эти годы?»—«Не стоитъ и говорить, батюшка! Пока ты писалъ свои стихи и драмы, которые тебя прославили, я только и знала, что рожала ребятъ да клала заплатки на старыя штанишки!» Ибсенъ отъ души расхохотался и опять взялъ ее за руку:—«Ты все та же прежняя Рикка,—Богъ тебя благослови!»

Свиданіе это не было послѣднимъ. Ибсенъ, корректный какъ всегда, отдалъ передъ своимъ отъѣздомъ визитъ фру Трессельтъ. Когда же онъ совсѣмъ поселился въ Норвегіи, фру Трессельтъ, бывая по дѣламъ въ Христіаніи, постоянно навѣщала своего стараго поклонника, находя всегда радушный пріемъ какъ у него, такъ и у его супруги.

Паульсенъ передастъ со словъ фру Трессельтъ нѣкоторыя подробности о житьѣ-бытьѣ Ибсена въ Бергенѣ, которыя могутъ послужить дополненіемъ къ характеристикѣ писателя. Онъ уже и тогда отличался необычайной корректностью и воздержанностью, а по отношенію къ своей наружности и костюму — аккуратностью и заботливостью, доходившими до педантизма. Смуглый цвѣтъ лица, густые черные волосы и окладистая, курчавая, черная какъ смоль борода дѣлали его интереснымъ, хотя, собственно, красивымъ его назвать было нельзя. Въ комнатахъ у него царилъ строгій порядокъ. На мебели никогда не было ни пылинки, а подоконники были заставлены комнатными цвѣтами, за которыми онъ самъ заботливо ухаживалъ. Та же аккуратность замѣчалась и въ его привычкахъ.

Размѣренный образъ жизни, аккуратность и педантизмъ не мѣшали Ибсену много бывать въ обществѣ, особенно въ домахъ, гдѣ онъ могъ встрѣтить кругъ развитыхъ, литературно-образованныхъ и талантливыхъ людей. Однимъ изъ такихъ домовъ былъ домъ бергенскаго пробста Торесена, женатаго третьимъ бракомъ на датчанкѣ Магдалинѣ Крагъ, очаровательной женщинѣ, одаренной недюжиннымъ поэтическимъ талантомъ и ставшей впослѣдствіи извѣстною норвежскою писательницею *). Ибсенъ скоро «привился» не только въ литературномъ салонѣ прелестной и даровитой хозяйки, но и въ семьѣ, въ которой встрѣтилъ свою настоящую любовь въ лицѣ старшей дочери пробста (отъ предыдущаго брака) Сусанны Торесенъ.

Послѣдняя сразу произвела на молодого поэта неизгладимое впечатлѣніе, что онъ вскорѣ и высказалъ въ стихотворномъ признаніи **), и то же впечатлѣніе, повидимому, легло въ основу признанія молодого

*) См. письма Ибсена къ Магдалинѣ Торесенъ.

**) См. письма Ибсена, стр. 288.

поэта Фалька въ «Комедіи любви», когда онъ говоритъ Свангильдъ, что она такъ непохожа на всѣхъ другихъ дѣвушекъ и скорѣе напоминаетъ героинь древнихъ сагъ. Самъ Ибсенъ въ упоминавшемся выше автобіографическомъ письмѣ своемъ къ Петру Гансену *) сообщаетъ, что моделью для Свангильдъ послужило то же лицо, какъ и для Йордисъ, а изъ воспоминаній Паульсена, рисующихъ интимную жизнь четы Ибсенъ, видно, что моделью этой была Сусанна Торесенъ, впослѣдствіи фру Ибсенъ. Паульсенъ дастъ, между прочимъ, такую характеристику послѣдней и ея младшей сестры Маріи: «Фру Ибсенъ примыкаетъ къ женщинамъ типа Йордисъ и силою воли и глубиной чувствъ напоминаетъ героинь сагъ; Марія же полная противоположность; она — другой женскій типъ, который всегда въ произведеніяхъ Ибсена противопоставляется героинѣ,—мягкая, полная самопожертвованія и менѣе выдающаяся натура» **).

Въ другомъ мѣстѣ своихъ воспоминаній Паульсенъ выражается еще опредѣленнѣе, говоря, что фру Ибсенъ «словно выскочила прямо изъ древнихъ сагъ». Приводитъ Паульсенъ въ своихъ воспоминаніяхъ и такія сцены изъ семейной жизни четы Ибсенъ, которыя давали постороннему наблюдателю возможность заключить, что жизнь эта далеко не была мирною и счастливою. Однажды вечеромъ Паульсенъ съ одной знакомой дамой провели у Ибсеновъ (въ Дрезденѣ) цѣлый вечеръ, и все время между писателемъ и его супругой шелъ горячій, упорный споръ по поводу одной новой книги. Знакомая дама и высказала Паульсену, когда шла съ нимъ домой: «Господи, вотъ двое людей, которые никакъ не могутъ быть счастливы вмѣстѣ!». Паульсенъ, хорошо знавшій фру Ибсенъ, однако возразилъ на это: «Развѣ вы не понимаете, что Ибсенъ съ женой спорятъ, какъ два добрыхъ, умныхъ товарища, и что сцена, свидѣтелями которой мы были сегодня, не имѣетъ ничего общаго съ ихъ взаимными глубокими и задушевными отношеніями? И неужели вамъ хотѣлось бы, чтобы на мѣстѣ этой самостоятельной, гордой женщины, откровенно говорящей мужу правду и восхищающей насъ всѣхъ своимъ сильнымъ характеромъ, было маленькое вульгарное эхо его рѣчей?»

О томъ, что фру Ибсенъ вполнѣ отвѣчала идеалу жены и подруги, который составилъ себѣ знаменитый писатель, и что онъ былъ вполнѣ съ нею счастливъ, свидѣтельствуютъ собственныя признанія Ибсена. Такъ, въ томъ же письмѣ къ Петру Гансену Ибсенъ заявляетъ: «Она (т.-е. фру Ибсенъ) именно такая натура, какая мнѣ нужна,—нелогичная, но съ сильно развитымъ поэтическимъ чутьемъ, съ широкимъ образомъ мыслей и почти необузданной ненавистью ко всему мелочному».

---

*) См. стр. 369.

**) Маріи Торесенъ посвящено было Ибсеномъ граціозное стихотвореніе «Водяная лилія»: см. отдѣлъ «Стихотвореній».

Въ письмѣ къ любимой сестрѣ своей Гедвигъ *) онъ повторяетъ, что жена его «какъ разъ создана для него». Лучшее же свидѣтельство о томъ, чѣмъ была для мужа фру Ибсенъ, писатель далъ въ извѣстномъ своемъ стихотвореніи «Спасибо» **), посвященномъ ей.

Интересныя черточки характера избранницы Ибсена набрасываетъ также разсказъ ея талантливой мачехи, къ которой Сусанна, по свидѣтельству Паульсена, питала ребенкомъ и подросткомъ романтически восторженную любовь, подобную изображенной Ибсеномъ въ «Дочери моря» любви Гильды къ Эллидѣ, а взрослою сохраняла сердечную привязанность. «Сусаннѣ было около восьми лѣтъ, когда я сдѣлалась ея мачехой,—разсказывала Магдалина Торесенъ:—и она выросла на моихъ глазахъ въ здоровую, веселую и красивую дѣвушку. Въ общемъ она была не совсѣмъ обыкновеннымъ ребенкомъ, отличалась богатой фантазіей и страстно любила древнія норвежскія саги и преданія, въ которыя уходила съ головой. Въ то время, какъ другія женщины и дѣвушки въ пасторской семьѣ были постоянно заняты рукодѣліемъ или хозяйствомъ, Сусанна всегда умѣла освободиться отъ этихъ работъ, чтобы разсказывать сказки и преданія съ собственными прибавленіями. При этомъ видно было, что она сама переживала все и какъ бы видѣла себя самоё героинней всѣхъ этихъ сагъ. Она и сохранила живой интересъ къ міру норвежскихъ преданій на всю жизнь, изучивъ этотъ отдѣлъ литературы такъ основательно, какъ рѣдко изучаютъ женщины, непричастныя въ литературѣ».

Но вернемся къ литературной дѣятельности Ибсена въ бытность его режиссеромъ бергенскаго театра.

Отъ эпохи крайняго униженія Норвегіи, изображенной въ «Фру Ингеръ», Ибсенъ перешелъ къ эпохѣ сагъ и занялся ея изученіемъ. Но, какъ сообщилъ онъ самъ въ предисловіи ко 2-му изданію «Пира въ Сольхаугѣ», «королевскія саги и вообще строго историческіе литературные памятники не представляли пригоднаго матеріала» для его поэтическихъ стремленій въ то время. Тутъ кстати ему попалась въ руки книжка Н.-М. Петерсена: «Историческіе разсказы о житьѣ-бытьѣ исландцевъ», и знакомство съ этою талантливою обработкой и переводами нѣкоторыхъ древнихъ исландскихъ родовыхъ сагъ дало ему рѣшительный толчокъ въ иномъ направленіи. Въ этихъ сагахъ онъ нашелъ въ изобиліи какъ разъ тотъ матеріалъ, въ которомъ нуждался, самую подходящую основу для выраженія волновавшихъ его тогда чувствъ и мыслей.

Мало-по-малу въ умѣ у него сталъ возникать первоначальный смутный набросокъ «Вопителей въ Гельгеландѣ», и прежде всего, точно изъ тумана, выдѣлились два женскихъ образа, затѣмъ центральная сцена

*) Стр. 358.
**) См. отдѣлъ «Стихотвореній».

пира съ рѣзкими и роковыми столкновеніями. Нѣкоторыя причины, «преимущественно личнаго характера», однако помѣшали Ибсену немедленно отдаться выполненію этого литературнаго плана, а увлеченіе сборникомъ «Норвежскихъ народныхъ пѣсенъ», составленнымъ Ландстадомъ, вызвало къ жизни новое произведеніе въ духѣ «Богатырскихъ пѣсенъ» или средневѣковаго романтизма. «Личному настроенію Ибсена,—какъ онъ самъ признался въ предисловіи къ этому произведенію,—болѣе соотвѣтствовалъ въ то время литературный романтизмъ среднихъ вѣковъ, нежели основанное на фактахъ повѣствованіе сагъ, и скорѣе стихотворная, нежели прозаическая форма, а также больше музыкальный складъ богатырскихъ пѣсенъ, нежели суровый, сжатый, характерный языкъ сагъ». Нетрудно догадаться, чѣмъ было вызвано такое настроеніе, которое заставило Ибсена предпочесть «богатырскія пѣсни» сагамъ, преобразить викинга Сигурда въ пѣвца Гудмунда, вѣрную супругу Дагни въ юную влюбленную невѣсту Сигне и набросокъ трагедіи «Вонтелей въ Гельгеландѣ» превратить въ любовную лирическую драму «Пиръ въ Сольхаугѣ», самое свѣтлое и легкое изъ произведеній Ибсена. Правда, и здѣсь на горизонтѣ появляются темныя, угрожающія тучи, но онѣ расходятся, не причинивъ никакого вреда; диссонансы звучатъ не серьезно, и все кончается полнымъ аккордомъ. Словомъ, въ этой пьесѣ вѣетъ легкимъ лѣтнимъ вѣтеркомъ не отъ одного ритма,—какъ выразился Ибсенъ въ предисловіи.

«Пиръ въ Сольхаугѣ» имѣлъ большой успѣхъ на сценѣ бергенскаго театра; пьеса шла при полной залѣ и вызвала бурныя изъявленія восторга со стороны публики. Автора и артистовъ вызывали безъ конца, а затѣмъ оркестръ театра въ сопровожденіи большей части восторженныхъ зрителей отправился подъ окна квартиры Ибсена и задалъ ему серенаду. По тогдашнимъ условіямъ пьеса выдержала огромное число представленій, а именно цѣлыхъ шесть въ одномъ сезонѣ, да и позже неоднократно возобновлялась. Она-то и распространила извѣстность Ибсена въ болѣе широкихъ кругахъ, такъ какъ затѣмъ шла въ Христіаніи, въ Копенгагенѣ и въ Стокгольмѣ.

Насколько однако благосклонно отнеслась къ пьесѣ публика и театральныя дирекціи, настолько же неблагосклонно критика. Лѣтъ за десять до того датскій поэтъ и драматургъ Генрикъ Герцъ написалъ драму: «Домъ Свена Дюринга», въ духѣ датскихъ богатырскихъ пѣсенъ, и когда Ибсенъ написалъ свою въ духѣ норвежскихъ, его сейчасъ же обвинили въ подражаніи Герцу, при чемъ норвежское подражаніе признавалось далеко уступающимъ датскому образцу. Финскій критикъ Вассеніусъ подробно и обстоятельно разобралъ и доказалъ въ своей докторской диссертаціи всю поверхностность и сбивчивость такихъ критическихъ сужденій, указалъ на крупные недостатки «Дома Свена Дюринга» и вывелъ заключеніе, что «Пиръ въ Сольхаугѣ» въ драматическомъ отношеніи куда выше своего предполагаемаго образца.

Мало того, Вассеніусъ, сопоставляя мотивы и дѣйствующихъ лицъ обѣихъ драмъ, безъ труда доказалъ, что они имѣютъ между собою мало и даже почти ничего общаго. Да и самъ Ибсенъ въ упомянутомъ выше предисловіи опровергъ обвиненія въ подражаніи и далъ иное, вполнѣ убѣдительное объясненіе происхожденія пьесы. По мнѣнію Ибсена, увлеченіе его сборникомъ норвежскихъ пѣсенъ достаточно объясняетъ также форму, которую онъ придалъ пьесѣ. И нельзя не согласиться съ этимъ доводомъ, зная написанную Ибсеномъ годъ спустя послѣ «Пира въ Сольхаугѣ» статью: «Богатырскія пѣсни и ихъ значеніе для искусства», изъ которой ясно видно, съ какой любовью онъ относился къ этимъ пѣснямъ, какую выдающуюся роль приписывалъ имъ въ художественной поэзіи.

«Настанетъ время,—говоритъ Ибсенъ въ названной статьѣ:—когда національная искусственная поэзія обратится къ пѣсенному народному творчеству, какъ къ неисчерпаемымъ золотымъ розсыпямъ, и тогда богатырскія пѣсни, просвѣтленныя, возвращенныя къ своей первоначальной чистотѣ и возвышенныя искусствомъ, вновь обрѣтутъ корни въ народной средѣ». Въ качествѣ драматурга онъ даже предпочиталъ въ то время богатырскую пѣсню сагѣ, такъ какъ «богатырская пѣсня вообще гораздо лучше поддается драматической обработкѣ, нежели сага. Послѣдняя отличается чисто эпическимъ характеромъ, тогда какъ богатырская пѣсня содержитъ и лирическій элементъ, такъ что драматическому писателю нѣтъ нужды подвергать матеріалъ коренной переработкѣ. Въ этомъ существенное преимущество богатырской пѣсни, открывающее поэту возможность дать въ своемъ произведеніи болѣе рельефное и правдивое отраженіе трактуемой эпохи... представить своихъ героевъ такими, какими мы ихъ уже знаемъ изъ народной поэзіи».

Ибсенъ видѣлъ также преимущество въ «вольной метрикѣ богатырскихъ пѣсенъ, предоставляющей поэту бо́льшую свободу, что̀ имѣетъ особенное значеніе для драматическихъ діалоговъ». Все это и заставило его придти къ тому заключенію, что національная искусственная поэзія сѣвера, начавъ съ сагъ, должна теперь обратиться къ богатырскимъ пѣснямъ.

Слѣдующее драматическое произведеніе Ибсена «Олафъ Лиліекрансъ» и было опять написано въ духѣ и стилѣ богатырскихъ пѣсенъ. Романтическимъ колоритомъ настроенія оно превосходитъ «Пиръ въ Сольхаугѣ», но не можетъ сравниться съ послѣднимъ по драматической сплѣ и техникѣ.

«Олафомъ Лиліекрансомъ» закончились ученическіе годы Ибсена-драматурга; это была послѣдняя пьеса, написанная имъ для бергенскаго театра. Подобно тому, какъ «Ночь на Ивана Купалу» явилась введеніемъ, такъ «Олафъ Лиліекрансъ» — заключеніе этого литературнаго періода, и между обѣими пьесами есть извѣстное сходство:

обѣ отличаются нѣкоторою неувѣренностью обработки, неясностью и недостаткомъ послѣдовательности въ развитіи дѣйствія. Происходитъ это оттого, что обѣ находятся на границахъ этой своеобразной главы развитія таланта Ибсена, какъ драматурга. Въ «Ночи на Ивана Купалу» романтизмъ народныхъ пѣсенъ впервые далъ себя знать; въ «Олафѣ Лилiекрансѣ» онъ уже на закатѣ *).

Пьеса выдержала всего два представленія. Самъ Ибсенъ былъ недоволенъ своимъ произведеніемъ и даже не напечаталъ его, а черезъ нѣсколько лѣтъ пытался переработать въ либретто для романтической оперы, но потомъ отказался отъ этого плана.

Дѣло было въ томъ, что съ той стадіи, которой Ибсенъ успѣлъ достигнуть въ своемъ литературномъ развитіи къ тому времени, когда былъ написанъ «Олафъ Лилiекрансъ», уже не было возврата къ романтизму. Все указывало впередъ на новые пути, открывало новые горизонты. Одна стадія развитія была пройдена, должна была начаться новая; народная пѣсня ничего больше не могла дать поэту, наступила очередь саги.

Одновременно истекъ пятилѣтній срокъ, на который Ибсенъ принялъ на себя руководительство бергенскимъ театромъ. Эти пять лѣтъ и были ученическими годами въ литературно-драматическомъ смыслѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ многозначительный періодъ въ развитіи Ибсена—періодъ, когда, въ качествѣ новаго бродильнаго фермента, примѣшался къ его духовному содержанію романтизмъ. Наконецъ и годы ученія и процессъ броженія были закончены, Ибсенъ овладѣлъ искусствомъ, и для него временно насталъ періодъ душевной ясности и покоя. Но этотъ періодъ былъ недологъ: писателя ожидала новая борьба, новыя сомнѣнія, новое броженіе—при другихъ условіяхъ.

Въ 1857 году Ибсенъ былъ приглашенъ руководить Національнымъ театромъ въ Христіаніи и покинулъ бергенскій, оставивъ по себѣ добрую память. Онъ до самаго послѣдняго времени сохранилъ добрыя отношенія съ артистами, съ которыми былъ въ качествѣ режиссера всегда чрезвычайно предупредителенъ и неизмѣнно вѣжливъ. Былъ ли онъ хорошимъ режиссеромъ? Пожалуй, онъ держался слишкомъ въ сторонѣ, былъ болѣе сдержаннымъ и скромнымъ, чѣмъ слѣдовало, и больше занимался писаніемъ для сцены, чѣмъ прямымъ руководительствомъ артистами. Но, — какъ сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Паульсенъ,—на репетиціяхъ онъ бывалъ чрезвычайно внимателенъ и тщательно слѣдилъ за игрой; отъ него не ускользалъ ни одинъ невѣрный жестъ, ни одно фальшивое удареніе; совѣты однако онъ давалъ рѣдко, ограничиваясь замѣчаніями. Въ концѣ концовъ дирекція назначила ему въ помощь или въ товарищи второго режиссера, Германа Лодинга. Сотрудники чаще всего, впрочемъ, оказывались разныхъ

*) Подробнѣе объ «Олафѣ Лилiекрансѣ» въ предисловіи къ этой пьесѣ.

мнѣній, и каждый рѣшительно отстаивалъ свое. Лодингъ былъ старше, опытнѣе и опирался на свой авторитетъ. Ибсенъ же, какъ вообще молодые люди, былъ горячъ и вспыльчивъ, и однажды споръ двухъ сотрудниковъ-противниковъ кончился тѣмъ, что взбѣшенный Ибсенъ вызвалъ Лодинга на дуэль. Впослѣдствіи писатель, однако, всегда отзывался о Лодингѣ очень благосклонно, а послѣдній, объясняя ихъ несогласія, говорилъ, что Ибсенъ былъ большой мечтатель, и ему недоставало практичности; онъ не умѣлъ перебросить моста изъ міра фантазіи въ міръ трезвой дѣйствительности за кулисами.

Къ самой задачѣ своей Ибсенъ относился далеко не поверхностно. Онъ вообще былъ человѣкъ въ высшей степени добросовѣстный, такимъ же былъ онъ и въ качествѣ режиссера. Это особенно видно изъ длинныхъ писемъ его, трактующихъ о сценѣ и драматическомъ искусствѣ, которыя онъ посылалъ дирекціи бергенскаго театра изъ своей поѣздки, предпринятой на выданную дирекціей стипендію, а также изъ тетради: «Regielister og scenearrangements», хранящейся въ архивѣ театра, какъ святыня. Въ эту тетрадь Ибсенъ тщательно зарисовывалъ, иногда даже красками, декораціи и сценаріи для каждой пьесы, записывалъ своимъ красивымъ, четкимъ почеркомъ весь планъ и ходъ исполненія: съ какой стороны кто долженъ былъ войти, гдѣ стать и сѣсть, когда перемѣнить мѣсто, какія принимать позы, и т. д. Зарисовывалъ въ эту тетрадь онъ и всѣ необходимыя для каждой пьесы бутафорскія вещи. Преемникомъ Ибсена при бергенскомъ театрѣ былъ приглашенъ Бьёрнстьерне Бьёрнсонъ, Ибсена же пригласили въ Христіанію смѣнить Бьёрнсона въ качествѣ «артистическаго руководителя» Норвежскаго христіанійскаго театра.

Лѣтомъ 1857 г. Ибсенъ и распростился съ Бергеномъ, куда вернулся только годъ спустя, на самое короткое время, чтобы соединиться узами брака съ Сусанной Торесенъ. Вѣнчать ихъ долженъ былъ престарѣлый отецъ невѣсты, но онъ умеръ въ день свадьбы, и послѣдняя состоялась черезъ нѣсколько дней при самой скромной обстановкѣ.

V.

Снова въ Христіаніи.

Новый постъ при христіанійскомъ театрѣ на цѣлыхъ семь лѣтъ вернулъ Ибсена тому городу, который видѣлъ его первую юношескую борьбу за существованіе; теперь этому городу пришлось быть свидѣтелемъ его борьбы въ годы возмужалости, — борьбы ради завоеванія прочнаго положенія въ литературѣ.

Въ театрѣ же онъ и въ Христіаніи продолжалъ дѣйствовать, какъ въ Бергенѣ. Артисты, входившіе тогда въ составъ труппы театра, на вопросы Паульсена—каковъ былъ Ибсенъ въ качествѣ артистическаго руководителя, научились ли они отъ него чему-нибудь,—отвѣчали въ

большинствѣ случаевъ: «Онъ только смотрѣлъ на насъ, но ничего не говорилъ». Болѣе подробный отзывъ о немъ дала извѣстная норвежская артистка Люція Вольфъ *).

«Я помню Ибсена робкимъ, удивительно молчаливымъ человѣкомъ, который слишкомъ сторонился насъ всѣхъ и вообще не возбуждалъ ни въ комъ ни малѣйшей охоты поговорить съ нимъ откровенно, по душѣ. Онъ былъ всегда привѣтливъ и вѣжливъ, но въ самой привѣтливости и вѣжливости его было нѣчто, заставлявшее меня, напримѣръ, поскорѣе покончить свою бесѣду съ нимъ; спросишь, что нужно, получишь отвѣтъ и — баста. О какихъ-нибудь совѣтахъ, наставленіяхъ à la Бьёрнсонъ, не было и рѣчи. И я попросту боялась его. Онъ постоянно ходилъ, закутавшись въ длинный плащъ, и, чуть кто приближался къ нему, онъ совсѣмъ уходилъ въ этотъ плащъ, какъ улитка въ свою скорлупку.

«Помню, кто-то изъ актеровъ попросилъ меня поговорить съ нимъ насчетъ одной репетиціи. «Нѣтъ, спасибо! Не угодно ли самому!— отвѣчала я. — Или ты не видишь, какъ онъ свирѣпо кутается въ плащъ? И погляди, какъ плащъ топорщится со всѣхъ сторонъ! Это все великія мысли, съ которыми онъ носится; онѣ готовы разодрать плащъ, чтобы вылетѣть на волю!»

«Былъ у него одинъ большой недостатокъ: онъ всегда былъ доволенъ тѣмъ, какъ мы играли, а часто мы играли весьма посредственно. Такое отсутствіе критики объяснялось не непониманіемъ, а скорѣе усталостью или любезностью,—особенно по отношенію къ дамамъ, которыхъ онъ всегда и всѣхъ безъ исключенія находилъ превосходными».

При распредѣленіи ролей Ибсенъ, по свидѣтельству той же артистки, часто сильно ошибался. Такъ, напримѣръ, онъ назначилъ самоё Люцію Вольфъ играть въ «Борьбѣ за престолъ» суровую Сигридъ; трагическая роль эта была совсѣмъ не въ средствахъ веселой, непосредственной по натурѣ артистки, но, сколько она ни протестовала, ничто не помогало. Разъ Ибсенъ сказалъ, что она будетъ играть эту роль, она и должна была играть ее. На репетиціяхъ однако даже мужъ артистки не выдержалъ и принялся хохотать надъ ея неестественнымъ, ходульнымъ пафосомъ, и она опять взмолилась, чтобы Ибсенъ избавилъ ее отъ непосильной для нея роли.—«Это неправда,—сердито возразилъ Ибсенъ:—вы очень мило играете». Фру Вольфъ взглянула на него и расхохоталась:—«Ну, помилуй Господь насъ всѣхъ тропхъ—Сигридъ, васъ и меня! Изъ-за васъ намъ всѣмъ троимъ достанется на орѣхи! И мнѣ обидно за себя!» Ибсенъ ничего не отвѣтилъ, но, когда онъ повернулся и отошелъ, «спина его въ широкомъ плащѣ сказала артисткѣ, какъ онъ сердитъ».

На спектаклѣ фру Вольфъ дѣйствительно провалила роль, т.-е. въ

*) См. письмо Ибсена къ ней. стр. 474.

глазахъ тѣхъ немногихъ, кто понималъ толкъ въ искусствѣ. Большая же публика рукоплескала невозможной Сигридъ, и артистка потомъ сама слышала такія разсужденія: «Да, конечно, мы не можемъ сказать, что она хорошо играла... но, должно-быть, мы просто некомпетентны: вѣдь талантливый писатель самъ далъ ей эту роль и присутствовалъ на всѣхъ репетиціяхъ».

Паульсенъ, изъ воспоминаній котораго почерпнуты всѣ эти подробности, объясняетъ то обстоятельство, что Ибсенъ никого не поправлялъ на репетиціяхъ, отчасти свойственной ему необщительностью и нелюбовью къ какому бы то ни было вмѣшательству, а тѣмъ болѣе къ командованію, отчасти же извѣстною душевною усталостью. Этотъ второй христіанійскій періодъ явился, пожалуй, самымъ печальнымъ и мрачнымъ въ полной борьбы жизни Ибсена, — все какъ будто шло ему наперекоръ. Паульсенъ даже повторяетъ, не вдаваясь въ подробности, слухъ, будто Ибсенъ однажды, въ припадкѣ болѣзненнаго состоянія, вызваннаго отчаяніемъ, выскочилъ ночью изъ постели и, какъ былъ въ одномъ бѣльѣ, побѣжалъ топиться. О томъ, какъ жилось четѣ Ибсенъ въ этотъ періодъ, можно судить также по одной подробности, сообщенной Паульсеномъ мимоходомъ въ главѣ, посвященной старымъ друзьямъ Ибсена. Одинъ изъ самыхъ первыхъ и любимыхъ изъ нихъ, Павелъ Боттенъ-Гансенъ, былъ, какъ уже упоминалось о немъ выше, страстный библіофилъ, и фру Ибсенъ, также къ нему благоволившая, разсказывала Паульсену, какую выгоду извлекала въ тѣ тяжелыя времена изъ пристрастія ихъ друга къ книжкамъ. Каждую субботу и она, подобно другимъ заботливымъ хозяйкамъ, выходила изъ дому съ небольшой корзинкой въ рукахъ, но не на рынокъ, а къ Боттенъ-Гансену, гдѣ и наполняла свою корзинку вмѣсто провизіи книгами. Такимъ образомъ по воскресеньямъ у четы Ибсенъ не было недостатка, по крайней мѣрѣ, въ пищѣ духовной.

Дѣло было въ томъ, что Ибсенъ прибылъ въ Христіанію уже съ долгами на шеѣ,—такъ мало его обезпечивала матеріально должность при бергенскомъ театрѣ.[1] Въ Христіаніи ему, вдобавокъ ставшему семейнымъ человѣкомъ, пришлось еще болѣе круто, особенно послѣ краха Норвежскаго театра *). Словомъ, писатель вынужденъ былъ въ буквальномъ смыслѣ словъ вести отчаянную борьбу за существованіе, и долги не убавлялись, а все росли. Отголоскомъ этого періода нужды и явилась въ 1866 г. заочная продажа съ аукціона имущества Ибсена, о которой онъ съ горечью писалъ Бьёрнсону изъ Рима **).

Помимо прямыхъ займовъ — между прочимъ, и у ростовщиковъ— Ибсенъ былъ вынужденъ прибѣгать и къ прямой или косвенной поддержкѣ друзей, изъ которыхъ одни, богатые, помогали ему деньгами, другіе всячески вліяли въ его пользу. Особенно щедрую матеріальную

*) См. прошеніе Ибсена королю, стр. 296.

**) См. стр. 331.

поддержку оказали Ибсену—и тогда, и позже въ Римѣ *)—Дункеръ и Свердрупъ. Знаменитый тогда адвокатъ Дункеръ принадлежалъ и по уму, и по общественному и имущественному положенію къ наиболѣе видными дѣятелямъ и располагалъ большимъ вліяніемъ, которое распространялось на самые широкіе круги общества. Дункеръ былъ ближайшимъ другомъ Вельгавена, довольно близокъ былъ и съ Бьёрнсономъ и, являясь поборникомъ національнаго въ политикѣ и въ искусствѣ, принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ національнаго Норвежскаго театра. Литературно-образованный и отличавшійся тонкимъ пониманіемъ произведеній искусства, онъ былъ также полезнымъ совѣтчикомъ какъ для Ибсена, такъ и для его то сподвижника, то соперника Бьёрнсона.

Молодой вождь либераловъ Іоганнъ Свердрупъ, политическій дѣятель европейскаго масштаба, тоже проявлялъ особенный интересъ къ національному искусству и принималъ участіе въ дѣлахъ Норвежскаго театра въ Христіаніи, благодаря чему Ибсенъ, вѣроятно, и вошелъ съ нимъ въ болѣе близкія отношенія.

Самъ Ибсенъ, крайне сдержанный и вообще нелюдимый, однако врядъ ли сумѣлъ бы завербовать себѣ такихъ друзей. И этимъ онъ, какъ многимъ другимъ, былъ обязанъ расположенію и истинно-дружескому содѣйствію Бьёрнсона. Сближеніе двухъ писателей пошло быстрыми шагами съ осени 1859 г.; Бьёрнсонъ крестилъ перваго и единственнаго сына Ибсена и сталъ неутомимымъ, преданнымъ ходатаемъ за самого Ибсена, являвшагося въ то время въ сравненіи съ нимъ настоящимъ пасынкомъ судьбы. Бьёрнсонъ, выступившій на литературное поприще почти одновременно съ Ибсеномъ, былъ, напротивъ, баловнемъ счастья, почти сразу признанъ національною надеждою и гордостью страны и скоро пріобрѣлъ значительное вліяніе, которое и не упускалъ случая пускать въ ходъ на пользу своего собрата по перу. Хлопотамъ Бьёрнсона Ибсенъ въ самой существенной степени былъ обязанъ и частными субсидіями и правительственными стипендіями, возможностью совершить желанную поѣздку за границу **) и наконецъ даже пріобрѣтеніемъ издателя ***), который, открывъ Ибсену доступъ въ болѣе широкіе круги читателей, помогъ ему стать твердой ногой на избранномъ поприщѣ.

Несмотря на тяжелыя условія жизни, а можетъ-быть, именно благодаря этимъ условіямъ,—Ибсенъ принадлежалъ вѣдь къ тѣмъ натурамъ, которыя, подобно соколу ****), нуждаются въ противномъ вѣтрѣ,

*) См. письма Ибсена къ Бьёрнсону, стр. 299, 306, 311.

**) См. письма Ибсена къ Бьёрнсону, стр. 298, 301, 302, 304, 305.

***) Это былъ, какъ извѣстно, крупнѣйшій скандинавскій издатель Гегель, глава копенгагенской книжной фирмы «Гюльдендаль», одного имени которой на обложкѣ было достаточно, чтобы обезпечить начинающему автору извѣстное вниманіе критики и публики.

****) См. это сравненіе въ «Комедіи любви», т. I, стр. 35.

чтобы подняться тѣмъ выше, — онъ написалъ за этотъ періодъ такіе шедевры, какъ «Воители въ Гельгеландѣ» и «Борьбу за престолъ», а также брызжущую остроумiемъ и поэзіей «Комедію любви» и два крупныя стихотворенія: «Терье Вигенъ» и «На высотахъ».

Этотъ же періодъ былъ для Ибсена, какъ указывалось выше, періодомъ сильнѣйшей внутренней борьбы, самаго остраго душевнаго броженія, колебаній и сомнѣній—въ поискахъ своего истиннаго «я».

Матеріалъ для «Воителей въ Гельгеландѣ» былъ заготовленъ еще въ Бергенѣ. Обработка его замедлилась изъ-за колебаній писателя, на какой формѣ или на какомъ стилѣ слѣдовало ему остановиться при разработкѣ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ чтенія родовыхъ сагъ. Одно было ему ясно съ самаго начала, — что онъ и высказалъ въ своей вышеупомянутой статьѣ о богатырскихъ пѣсняхъ, — а именно, что излюбленная образцомъ всѣхъ поэтовъ сѣвера, Адамомъ Эленшлегеромъ, форма, т.-е. пятистопный ямбъ, была тутъ непригодна. «Когда-нибудь да признаютъ, — писалъ Ибсенъ: — что пятистопный ямбъ отнюдь не является наиболѣе цѣлесообразной формой для разработки сюжетовъ, почерпнутыхъ изъ древне-сѣвернаго міра. Пятистопный ямбъ, къ слову сказать, совершенно чуждъ нашей національной метрикѣ» *).

Но Эленшлегеръ пробовалъ также иную форму — форму греческой трагедіи, и эту форму Ибсенъ находилъ болѣе подходящей, какъ видно изъ той же статьи. По всей вѣроятности, эту форму онъ первоначально и избралъ для своей трагедіи, которую, по свидѣтельству Боттенъ-Гансена, началъ писать стихами. Но затѣмъ его опять взяли сомнѣнія, и въ концѣ концовъ онъ остановился на прозаической формѣ и на стилѣ самой саги.

За годъ передъ тѣмъ Бьёрнсонъ написалъ небольшую драму «Между битвъ», которая, впрочемъ, не была еще въ то время ни напечатана ни поставлена на сценѣ. Драма эта представляла первую попытку примѣненія стиля сагъ въ драматическихъ произведеніяхъ, но талантъ Бьёрнсона былъ еще слишкомъ незрѣлымъ, и слишкомъ много въ немъ было лирическаго элемента, чтобы онъ смогъ вполнѣ подчиниться строгой сжатости этого стиля. Поэтому лишь Ибсену первому удалось ввести этотъ стиль въ область драматическаго творчества одновременно съ тѣмъ, какъ Бьёрнсонъ обновилъ его въ повѣствовательной литературѣ своимъ разсказомъ «Сюннёве Сольбаккенъ». Такимъ образомъ всегда столь различные въ общемъ пути этихъ двухъ писателей впервые скрестились, когда они одновременно и совершенно независимо другъ отъ друга напали на свойственный сѣверянамъ мощный и лаконическій способъ выраженія, нашли надлежащую форму для своихъ поэтическихъ замысловъ.

---

*) См. стр. 219.

Ибсенъ разрѣшилъ задачу самымъ блестящимъ образомъ, къ восхищенію какъ современныхъ, такъ и позднѣйшихъ критиковъ. Въ драмѣ нѣтъ ничего лишняго, ничего несущественнаго, никакихъ монологовъ, никакихъ лирическихъ отступленій; реплики пышутъ жаромъ страсти, но этотъ жаръ не переходитъ въ пламя или въ искры; шутки наносятъ уколы, отвѣты ранятъ; при этомъ соперники сражаются легкимъ оружіемъ; передъ нами какъ будто происходитъ битва не на жизнь, а на смерть, битва на короткихъ и тяжелыхъ мечахъ, какими сражались древніе викинги; ненависть и любовь, дружба и жажда мести, презрѣніе и скорбь — все выражено сжато и энергично, какъ въ самой сагѣ; едва ли можно найти въ современной литературѣ лучшій образецъ примѣненія этого стиля.

Но не однимъ стилемъ, а и духомъ саги отличается эта грандіозная драма.

Многіе критики однако упрекали автора за то, что онъ «искалѣчилъ» полубоговъ саги о Вёльзунгахъ, превративъ ихъ въ викинговъ временъ Эрика Кровавой-Сѣкиры, и за то, что будто бы обобралъ нѣкоторыя другія саги, чтобы обогатить свою драму нѣсколькими эффектными сценами.

Первымъ критикомъ, опротестовавшимъ такіе упреки, явился Вассеніусъ. По его мнѣнію, Ибсенъ былъ совершенно правъ, превративъ полубоговъ саги въ викинговъ; о плагіатѣ же, т.-е. о заимствованіяхъ изъ сагъ, здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Всякій, кто дастъ себѣ трудъ проштудировать саги, содержаніе которыхъ могло подать поводъ къ такому подозрѣнію, увидитъ, что обвинители совершенно невѣрно опредѣлили отношеніе поэтической обработки къ фактическимъ источникамъ.

«Вонтели въ Гельгеландѣ» вовсе не такъ близки къ сагѣ Вёльзунговъ, какъ утверждали критики. Авторъ почерпнулъ изъ саги лишь завязку пьесы да часть остова самаго дѣйствія, но даже въ этомъ случаѣ воспользовался лишь основными взаимными отношеніями дѣйствующихъ лицъ саги, а отнюдь не событіями и еще меньше характерами изъ саги.

Связь «Вонтелей» съ сагой несомнѣнна, но отношеніе автора къ сагѣ въ данномъ случаѣ было столь же свободно, какъ и его отношеніе къ исторіи при созданіи имъ драмы «Фру Ингеръ». Невозможно назвать «Вонтелей» драматизированной передѣлкой саги, даже неправильно разсматривать ихъ, какъ драматическую переработку. Чтобы быть точнымъ, можно только назвать пьесу драматическимъ произведеніемъ, для котораго авторъ воспользовался основными мотивами саги, сильно однако измѣнивъ ихъ.

Поэтому всякая попытка разсматривать «Вонтелей», какъ драматическую переработку саги о Вёльзунгахъ, должна окончиться неудачей, если прибѣгнуть къ подробному сравненію типовъ драмы и саги. Для

полной и вѣрной характеристики драмы надо стать на ту точку зрѣнія, что Ибсенъ собралъ свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ чтенія цѣлаго ряда сагъ, и обработалъ эти впечатлѣнія свободно и самостоятельно, создавъ нѣчто органически цѣльное, превосходно передающее духъ родовой саги, но лишь отчасти вѣрно ея букву.

Въ этихъ родовыхъ сагахъ съ ихъ страстными характерами и дикими поступками Ибсенъ нашелъ какъ разъ то, что ему было нужно для облеченія въ человѣческіе образы тѣхъ чувствъ и идей, которыя въ то время занимали его самого. Поэта, который уже въ первомъ своемъ произведеніи предвидѣлъ великое трагическое противорѣчіе между способностями и стремленіемъ, между волей и возможностью, не могли не увлечь такія мощныя, цѣльныя, законченныя личности, какъ тѣ, какія онъ далъ намъ въ своихъ герояхъ — Эрнульфѣ и Сигурдѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ, начавшій свою творческую дѣятельность созданіемъ такого наброска женскаго типа, какъ Фурія («Катилина»), какъ бы узналъ знакомые образы своей фантазіи въ страстныхъ и дикихъ женщинахъ сагъ и вывелъ одну изъ нихъ въ лицѣ Йордисъ. Его первая юношеская попытка крѣпкими индивидуальными узами связана съ первымъ зрѣлымъ трудомъ періода его возмужалости.

«Воители» Ибсена положили начало новой эпохѣ въ области сѣверной драматургіи, какъ «Сюннёве Сольбаккенъ» Бьёрнсона въ области беллетристики. Драма Ибсена ближе подошла къ сѣверной древности, нежели какое-либо изъ предшествовавшихъ драматическихъ произведеній сѣверныхъ писателей. «Ярлъ Гаконъ» Эленшлегера представлялъ уже значительный шагъ впередъ противъ эвальдовской *) «Смерти Бальдура» въ смыслѣ вѣрнаго пониманія и изображенія древнихъ сѣверянъ, но еще большій шагъ впередъ отъ Эленшлегера сдѣлалъ Ибсенъ. Нѣтъ однако ничего удивительнаго въ томъ, что поколѣніе, смотрѣвшее на сѣверную древность глазами Эленшлегера, нашло произведеніе Ибсена грубымъ и сочло ошибкой со стороны автора, что онъ такъ близко подошелъ къ самымъ сагамъ. Благодаря такому взгляду, пьеса и была отвергнута королевскимъ театромъ въ Копенгагенѣ, да и христіанійскій датскій театръ поступилъ не лучше.

Въ то время борьба за національзацію театра въ Норвегіи достигла крайняго ожесточенія. Христіанійскій городской театръ оставался датскимъ подъ художественнымъ руководствомъ датчанина Боргора. Значительная часть публики, особенно изъ старшаго поколѣнія, находила это вполнѣ въ порядкѣ вещей; датскими артистами восхищались и съ недовѣріемъ и пренебреженіемъ относились къ попыткамъ патріотовъ создать норвежское сценическое искусство.

Другая часть норвежскаго общества утверждала, что въ Норвегіи

*) Іоганнъ Эвальдъ—талантливый датскій поэтъ, родоначальникъ сѣверной лирической поэзіи.

театръ долженъ быть норвежскимъ, если хочетъ играть подобающую роль въ культурной жизни народа. Стараніями такихъ патріотовъ и возникъ въ 1851 г. Норвежскій театръ въ Бергенѣ, а въ Христіаніи въ 1852 г. учреждено было нѣчто въ родѣ курсовъ драматическаго искусства, съ цѣлью подготовки норвежскихъ артистовъ. Курсы эти скоро преобразовались въ настоящій театръ, и между двумя театрами— частнымъ Норвежскимъ и городскимъ Христіанійскимъ, который оставался датскимъ, началось длившееся почти десятилѣтіе острое соперничество, находившее откликъ въ публикѣ и прессѣ. Ибсенъ, приглашенный въ Норвежскій театръ руководителемъ по художественной части, ушелъ въ эту борьбу съ головой. Еще за годъ до приглашенія Ибсена на этотъ постъ, занятый тогда Бьёрнсономъ, произошла первая серьезная схватка между «театральными врагами». Бьёрнсонъ и вся партія партіотовъ требовали, чтобы Христіанійскій театръ пересталъ пополнять ряды своихъ артистовъ исключительно новобранцами изъ датчанъ, и, не добившись удовлетворенія своего требованія, устроили въ театрѣ кошачій концертъ, жертвой котораго сталъ вновь приглашенный въ труппу датскій артистъ. Такая рѣшительная демонстрація имѣла послѣдствіемъ, что въ Христіанійскій театръ были приглашены нѣсколько норвежскихъ артистовъ, но датчанинъ-директоръ продолжалъ третировать все норвежское самымъ недружелюбнымъ образомъ; особенное неудовольствіе національной партіи вызывало его отношеніе къ произведеніямъ норвежскихъ писателей.

Тѣмъ не менѣе послѣ кошачьяго концерта настало нѣчто въ родѣ перемирія, длившагося до тѣхъ поръ, пока Ибсенъ осенью 1857 г. не представилъ дирекціи Христіанійскаго театра своихъ «Вонтелей въ Гельгеландѣ». Руководимый Ибсеномъ, юный Норвежскій театръ еще не располагалъ достаточными силами для исполненія такой пьесы, поэтому драматургъ и обратился къ датскому Христіанійскому. Директоръ-распорядитель послѣдняго, датчанинъ Боргоръ, сначала заявилъ, что «Вонтели» будутъ поставлены въ текущемъ сезонѣ, но черезъ полгода Ибсенъ получилъ отъ дирекціи отказъ на томъ основаніи, что матеріальное положеніе театра не позволяетъ въ этомъ сезонѣ выплачивать гонораровъ за оригинальныя произведенія. Такъ какъ матеріальное положеніе театра позволило дирекціи незадолго до того значительно увеличить жалованье многимъ датскимъ артистамъ труппы, и такъ какъ, вдобавокъ, дирекція ни слова не упомянула о постановкѣ пьесы въ будущемъ сезонѣ, то отказъ дирекціи и можно было понять въ смыслѣ открытаго разрыва датской сцены съ національной (норвежской) драматической литературой. Ибсенъ обрушился на заправилъ театра рѣзкой статьей въ «AftenBladet» («Вечерняя Газета»); статья вызвала ожесточенную полемику *); противная партія смѣшивала

*) См. статьи Ибсена, стр. 238, 241, 246, 252.

Ибсена съ грязью, а Бьёрнсонъ и Боттенъ-Гансенъ, также принявшіе участіе въ кампаніи, защищали его. Ибсену не осталось иного выхода, какъ издать «Вонтелей» отдѣльной книжкой и поставить пьесу въ своемъ театрѣ. Лишь въ 1861 г. она была включена въ репертуаръ Христіанійскаго театра и съ теченіемъ времени стала однимъ изъ лучшихъ его украшеній.

По удачному выраженію Лотара, «Вонтели въ Гельгеландѣ» — первая вершина художественнаго творчества Ибсена. Произведеніе это полно такой драматической мощи и силы настроенія, что подобныя ему произведенія можно найти лишь у Шекспира. Сцена пира, сцена объясненія между Йордисъ и Сигурдомъ и заключительная сцена, гдѣ малютка Эгиль видитъ мать, уносящуюся за облака на ворономъ конѣ,— все это сцены необычайной красоты и подавляющей силы; подобныхъ сценъ немного найдется и у самого Ибсена. Словомъ, разсматриваемая съ національно-исторической точки зрѣнія и какъ художественное произведеніе, трагедія «Вонтели въ Гельгеландѣ» (наравнѣ съ позже появившеюся драмою «Борьба за престолъ») имѣетъ достойные предшествующіе образцы лишь въ драмахъ-хроникахъ Шекспира *), утверждаетъ Лотаръ.

Насколько же Ибсенъ былъ въ то время солидаренъ съ національнымъ движеніемъ норвежскаго общества вообще и съ движеніемъ въ пользу національнаго искусства въ частности, лучше всего видно изъ того, что онъ рѣшилъ основать спеціальный союзъ для борьбы съ иностранными вліяніями. «Подумать только! Такой индивидуалистъ, какъ Ибсенъ, въ роли учредителя союза!» — восклицаетъ Іегеръ въ своей книгѣ, посвященной Ибсену. Идею обсудили въ редакціи «Aftenbladet»; членами совѣщанія явились, кромѣ Ибсена, два редактора газеты, Бьёрнсонъ и Рихтеръ (впослѣдствіи министръ), и затѣмъ Ибсенъ и Бьёрнсонъ выпустили воззваніе, приглашавшее норвежцевъ способствовать учрежденію такого союза, а 22 ноября 1859 г. уже было основано «Норвежское общество», предсѣдателемъ котораго избрали Бьёрнсона, иниціатора же Ибсена вице-предсѣдателемъ. Главною своею задачею «Общество» поставило борьбу съ датскимъ театромъ, и однимъ изъ результатовъ этой борьбы явился выходъ изъ труппы Христіанійскаго театра самаго выдающагося датскаго артиста Вильгельма Вге. Приверженцы датскаго искусства подняли въ печати цѣлую бурю и въ прозѣ и въ стихахъ, но защитники національнаго искусства продолжали свое дѣло и черезъ нѣсколько лѣтъ восторжествовали; большинство датскихъ артистовъ ушло, самъ Боргоръ получилъ отставку, и состоялось полное сліяніе соперничавшихъ театровъ Норвежскаго и Христіанійскаго.

Въ общемъ однако «Норвежское общество» не сыграло сколько-

*) См. подробный критическій разборъ въ предисловіи къ переводу трагедіи.

нибудь значительной общественной роли, и такъ какъ съ теченіемъ времени оно стало принимать все болѣе и болѣе политическую окраску, то Ибсенъ и вышелъ изъ него. Онъ вообще нерѣдко остывалъ къ тому и даже совсѣмъ отказывался отъ того, за что сначала брался съ жаромъ, но «такія перемѣны выражали только постепенное и послѣдовательное развитіе его личности», какъ справедливо замѣчаетъ Лотаръ. Впослѣдствіи Ибсенъ, по свидѣтельству Брандеса, относился ко всякимъ союзамъ, обществамъ, комиссіямъ и т. п. съ иронісй, усматривая одинъ изъ характернѣйшихъ симптомовъ упадка современной человѣческой личности въ томъ, что какъ только кому-нибудь вздумается провести въ жизнь какую-нибудь идею, «сдѣлать дѣло», такъ онъ первымъ долгомъ старается основать союзъ, созвать комиссію.

Послѣ выхода Ибсена «Норвежское общество» просуществовало недолго. Самъ же Ибсенъ примкнулъ къ болѣе интимному кружку литераторовъ и людей, интересующихся литературой. Центромъ кружка, носившаго шутливое прозвище «Ученой Голландіи» *), былъ Боттенъ-Гансенъ. Собирался кружокъ или въ заваленной книгами квартиркѣ Боттенъ-Гансена, или въ задней комнаткѣ скромнаго швейцарскаго кафе l'Orsas. Несмотря на то, что время въ политическомъ смыслѣ было бурное, около гуманнаго, въ высшей степени терпимаго и привѣтливаго Боттенъ-Гансена группировались люди самыхъ различныхъ взглядовъ, мнѣній и даже партій, а также самыхъ различныхъ рангов — отъ людей съ положеніемъ и именемъ до совсѣмъ молодыхъ, только еще «подававшихъ надежды». Многіе изъ членовъ кружка и сыграли со временемъ болѣе или менѣе видную роль въ духовной и общественной жизни Норвегіи, какъ, напримѣръ: языковѣдъ Лёкке, впослѣдствіи одинъ изъ главныхъ организаторовъ «Скандинавскаго союза» въ Христіаніи и дѣятельный участникъ въ работахъ по сближенію языковъ (письменныхъ) трехъ скандинавскихъ странъ; Бирке-ландъ, ученый хранитель государственнаго архива; До, профессоръ и знатокъ древнихъ и классическихъ языковъ; Дитрихсонъ, также профессоръ (исторіи искусствъ и эстетики); Бакке, одинъ изъ самыхъ восторженныхъ «скандинавовъ» и талантливый юристъ, впослѣдствіи министръ юстиціи; Эристъ Сарсъ, будущій извѣстный ученый, исторіографъ: Іонасъ Ли, ставшій однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ норвежскихъ романистовъ и драматурговъ, и проч. Посѣщали кружокъ и маститый Асбьёрнсонъ и даже самъ знаменитый Вельгавенъ. Юмору перваго члены кружка были обязаны пріятными интермеццо между дебатами на серьезныя темы; особенное же оживленіе вносили смѣлые, остроумные словесные турниры между Вельгавеномъ и О. Виніе **), enfant terrible кружка.

*) См. письмо Ибсена къ Л. До, стр. 402, гдѣ упоминается о «голландцахъ».

**) См. о нихъ выше, въ біографіи, стр. 580—582.

Ибсенъ, какъ сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Іонасъ Ли, пользовался въ кружкѣ большими симпатіями и уваженіемъ, и въ сущности былъ «настоящимъ центромъ кружка», сверкая иногда такимъ ѣдкимъ остроуміемъ, что передъ нимъ пасовалъ даже столь остроумный Боттенъ-Гансенъ. Порою въ остротахъ Ибсена слышалась «какая-то дрожь страстнаго волненія», и «языкъ Герта Вестфальскаго (какъ въ шутку прозвали Ибсена) дѣйствовалъ словно бритва. Сидя за стакаиомъ пива и обсуждая съ собесѣдниками какую-нибудь злобу дня или серьезное уголовное происшествіе, Ибсенъ, шутя, соглашался со всѣми доводами вплоть до окончательнаго вывода. Тогда онъ вдругъ отбрасывалъ въ сторону всякія общественно-гражданскія соображенія и начиналъ, къ общему удивленію и ужасу, спокойно и съ наслажденіемъ развивать тему до преувеличенно-трагической развязки. Присутствовавшіе глядѣли на него во всѣ глаза,—передъ ними вдругъ вставалъ новый человѣкъ, большой художникъ, драматургъ въ самомъ пылу творчества». Самое прозвище «Ученой Голландіи» или кружка «голландцевъ» кружокъ получилъ, по объясненію Ли, отъ примѣненной кѣмъ-то къ Боттенъ-Гансену и Людвигу До фразы изъ гольберговской комедіи «Яковъ ф. Тюбо»: «Чортъ побери голландцевъ, — у нихъ повсюду шпіоны!». Оба названныхъ пріятеля были страстные библіофилы и отличались особымъ нюхомъ на разныя книжныя сокровища и умѣньемъ открывать самыя недоступныя и хорошо припрятанныя рѣдкости; на эти-то качества друзей и намекала приведенная выше фраза.

Въ воспоминаніяхъ Дитрихсона также отведено мѣсто симпатичному кружку «голландцевъ». «Душою кружка являлся Боттенъ-Гансенъ. Бесѣда шла обо всемъ, но главнымъ образомъ о литературѣ. Отношенія между хозяиномъ и его близкими друзьями были свободны отъ всякаго элемента кружковщины или взаимнаго восхищенія. Комплиментами тутъ не обмѣнивались; напротивъ, безпощадно критиковали другъ друга».

Кружокъ доставлялъ Ибсену богатый матеріалъ психологическихъ и бытовыхъ наблюденій, и каждый изъ участниковъ кружка, безъ сомнѣнія, находилъ впослѣдствіи въ произведеніяхъ Ибсена немало намековъ на «голландцевъ», на ихъ особенности, взгляды, манеры и рѣчи.

Въ этомъ же кружкѣ Ибсенъ завязалъ большинство тѣхъ прочныхъ дружескихъ связей, которыя оказались столь полезными для него во многихъ отношеніяхъ, въ томъ числѣ и въ чисто практическомъ, дѣловомъ. Главное же—кружокъ Боттенъ-Гансена далъ ему возможность придти въ соприкосновеніе съ самыми разнообразными теченіями общественной и духовной жизни Норвегіи.

Въ практическомъ смыслѣ особенно оказались полезны Ибсену: Лёкке *), помогшій ему впослѣдствіи собрать его стихотворенія, раз-

*) См. письмо Ибсена къ Гегелю, стр. 359.

брошанныя въ газетахъ и журналахъ, затѣмъ Биркеландъ *), много содѣйствовавшій улучшенію матеріальнаго положенія Ибсена и помогавшій ему устраивать его литературныя дѣла; До, къ которому Ибсенъ обращался за разрѣшеніемъ разныхъ лингвистическихъ сомнѣній, напр., по части транскрипціи латинскихъ и греческихъ именъ собственныхъ **), и наконецъ Бакке ***), который помогъ Ибсену устроить сына на дипломатическую службу на родинѣ.

Лучшимъ другомъ и помощникомъ Ибсена былъ всегда и самъ Боттенъ-Гансенъ, въ теченіе многихъ лѣтъ одинъ изъ вліятельнѣйшихъ въ Норвегіи представителей литературы. Съ конца 1851 г. и почти безъ перерыва до конца 1866 г. онъ руководилъ еженедѣльнымъ журналомъ «Illustreret Nyhedsblad», въ которомъ и основалъ первый въ норвежской періодической печати литературно-критическій отдѣлъ. Присущіе Боттенъ-Гансену здравый литературный вкусъ и эстетическая чуткость скоро упрочили за его статьями серьезное вліяніе, и этому вліянію немало были въ свое время обязаны Ибсенъ и Винье, находившіе кромѣ того гостепріимный пріемъ своимъ статьямъ, стихотвореніямъ и проч. на столбцахъ журнала Боттенъ-Гансена. Нѣкоторыя изъ драматическихъ произведеній Ибсена также могли появиться въ печати лишь благодаря содѣйствію Боттенъ-Гансена °). Наконецъ большую поддержку оказалъ Боттенъ-Гансенъ Ибсену и въ дѣлѣ походатайствованія послѣднему писательскаго жалованья °°).

Вліянію кружка Боттенъ-Гансена, пожалуй, приходится приписать и то, что разработка задуманной Ибсеномъ еще лѣтомъ 1858 г. «Борьбы за престолъ» уступила мѣсто новому литературно-драматическому плану. Тему писатель взялъ на этотъ разъ не изъ далекой старины, но изъ живой современной жизни, и принялся писать не историческую трагедію, а бытовую комедію. Въ немъ опять пробудился поэтъ-сатирикъ, и результатомъ явилась «Комедія любви».

Отдѣляетъ эту комедію отъ предыдущаго драматическаго произведенія Ибсена «Воителей въ Гельгеландѣ» довольно долгій срокъ— около четырехъ лѣтъ. За это время Ибсенъ, поглощенный вышеупомянутой борьбой съ датскимъ театромъ, газетною полемикой и переживавшій вдобавокъ тяжелый экономическій и нравственный кризисъ, написалъ лишь нѣсколько стихотвореній, въ томъ числѣ двѣ крупныя поэмы: эпическую — «Терье Вигенъ» и лирическую — «На высотахъ».

Сѣверные критики не безъ основанія опредѣляютъ послѣднею поэмою рубежъ между Ибсеномъ — молодымъ писателемъ и Ибсеномъ—

*) См. письма Ибсена къ нему.
**) См. письма къ До.
***) См. письмо къ Бакке, стр. 478.
°) Напр., «Фру Ингеръ», «Воители въ Гельгеландѣ» и «Комедія любви».
°°) См. примѣч. къ письмамъ (къ стр. 313).

зрѣлымъ талантомъ, находя, что она намѣтила переломъ въ творческой дѣятельности Ибсена, поворотъ отъ романтизма къ идейному реализму.

Самъ Ибсенъ, въ письмѣ къ своему первому датскому біографу Петру Гансену, высказалъ, что въ этой поэмѣ красной нитью проходитъ «жажда освобожденія», которая однако нашла себѣ полный исходъ лишь въ «Комедіи любви». Жажда освобожденія—освобожденія какъ отъ условностей романтическаго взгляда на жизнь и искусство, такъ и отъ опутывающихъ свободный духъ поэта, застилающихъ его горизонтъ условій самой реальной жизни — сливалась въ поэмѣ съ стремленіемъ ввысь, которое вообще является характерною чертой ибсеновскихъ героевъ, и съ потребностью въ уединеніи, какъ источникѣ духовной силы.

Не говорила ли также эта поэма, что самъ Ибсенъ научился стать выше жизни, усвоилъ себѣ жестокую объективность художника и острую, безпощадную наблюдательность, которыя сдѣлали его творчество столь отталкивающимъ, жутко-мучительнымъ для многихъ его современниковъ?

Заставляя героя поэмы проникнуться философіей уединенія, самъ Ибсенъ однако, какъ мы видѣли изъ предыдущаго, не уклонялся отъ живого участія въ жизни современниковъ. Участіе это съ одной стороны обусловливалось занятымъ имъ положеніемъ пропагатора національныхъ идей, съ другой — естественнымъ влеченіемъ его къ кругу сверстниковъ и единомышленниковъ, или, по крайней мѣрѣ, людей общихъ съ нимъ интересовъ.

Разработка новой драматической темы, избранной Ибсеномъ въ согласіи съ новою достигнутою имъ точкой духовнаго развитія, не сразу далась ему. И тутъ дѣло не обошлось безъ колебаній и сомнѣній. Современную комедію всего естественнѣе было написать прозой, заставивъ дѣйствующихъ лицъ изъясняться обыкновеннымъ разговорнымъ языкомъ образованныхъ людей того времени. Такъ первоначально Ибсенъ и намѣревался и даже приступилъ къ разработкѣ темы въ этомъ духѣ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе его удовлетворяла такая обработка. Онъ такъ долго упражнялся въ стилѣ средневѣковаго романтизма и сагъ, что ему было нелегко и казалось даже неестественнымъ писать обыкновенною разговорною прозою. Выходило и не такъ живо и не такъ сильно, какъ бы хотѣлось, и вотъ проза была оставлена, и полились привычные риѳмованные ямбы, которыми теперь справедливо восхищаются въ «Комедіи любви» за ихъ легкость, живость и остроуміе. Только въ «Союзѣ молодежи» Ибсену удалось справиться съ современною разговорною рѣчью.

Какъ извѣстно, дѣйствіе «Комедіи любви» относится къ 50—60-мъ годамъ XIX столѣтія, и выведены въ ней обыкновенные люди изъ средняго круга тогдашняго норвежскаго общества — дамы, барышни,

студенты, чиновники, коммерсанты и даже — что по тогдашнему времени являлось неслыханной смѣлостью со стороны автора — пасторъ въ смѣшномъ видѣ. Въ качествѣ общественной сатиры комедія являлась зрѣлымъ произведеніемъ, свѣжимъ въ своемъ остроуміи и смѣлымъ въ своихъ нападкахъ.

Георгъ Брандесъ, разбирая «Комедію любви», говоритъ, между прочимъ, что она заставляетъ невольно вспомнить романъ Камиллы Коллетъ *) «Дочери амтмана», который представлялъ собою тоже литературный выпадъ противъ помолвокъ и браковъ, выпадъ довольно остроумный, но сравнительно слабый, расплывчатый, тогда какъ Ибсенъ своею драмою нанесъ рѣшительный и вѣрный ударъ. Дѣйствительно между этими двумя произведеніями есть нѣчто общее, именно— нападки на помолвки и бракъ, но бьютъ удары въ разныя точки, далеко отстоящія одна отъ другой.

Камилла Коллетъ борется въ своемъ романѣ противъ такъ-называемыхъ «приличныхъ партій», доказываетъ, что бракъ можетъ быть счастливъ только тогда, если заключенъ по взаимной любви, и особенно подчеркиваетъ необходимость больше принимать во вниманіе чувства женщины, нежели это до тѣхъ поръ было въ обычаѣ. Вотъ, если можно такъ выразиться, основная ось, вокругъ которой вращается все дѣйствіе романа.

Ибсенъ, напротивъ, и не думаетъ нападать на браки по разсудку: онъ даже заставляетъ одно изъ симпатичнѣйшихъ дѣйствующихъ лицъ своей комедіи, коммерсанта Гульдстада, краснорѣчиво и убѣдительно защищать такой бракъ, и какое значеніе придаетъ самъ Ибсенъ такой защитѣ, можно заключить изъ той роли, которую она сыграла въ развязкѣ пьесы.

Вся сатира въ «Комедіи любви» съ начала до конца направлена именно на браки, заключаемые по страсти. Авторъ поставилъ себѣ задачей показать, какъ улетучивается воображаемая любовь изъ такихъ браковъ, и доказать, что въ ту же минуту, какъ такая любовь становится официальной, ей подписывается смертный приговоръ. Сначала являются тетушки и подруги и убиваютъ поэзію любви своимъ навязчивымъ интересомъ къ жениху и невѣстѣ, затѣмъ наступаетъ брачное сожительство съ присущими ему заботами о хлѣбѣ насущномъ и дѣтскимъ визгомъ и писконъ; въ результатѣ — жизнь, имѣвшая такое поэтическое, праздничное начало, сводится обыкновенно къ пошлому будничному прозябанію, содержаніемъ котораго является не любовь, а привычка.

Словомъ, съ любовью происходитъ то же, что съ религіей; она теряетъ свое обаяніе, свою силу, становясь официальной. Вообще совре-

*) Талантливая норвежская писательница, родоначальница феминизма въ скандинавскихъ странахъ. См. письма Ибсена къ ней, стр. 460, 473, 504 и примѣчанія къ письмамъ.

менные люди слишкомъ ничтожны, чтобы быть способными къ истинной любви, и весь трагикомизмъ положенія въ томъ, что они воображаютъ себя способными.

Фалькъ и Свангильдъ видятъ это ничтожество и сначала хотятъ бороться съ нимъ; но и сами они все-таки настолько дѣти своего времени, что воодушевленіе скоро смѣняется въ нихъ сомнѣніемъ въ побѣдѣ ихъ любви надъ пошлостью будничной жизни. Рисковать быть побѣжденными этой пошлостью они не хотятъ и мало-по-малу приходятъ къ убѣжденію, что любовь ихъ можетъ остаться вѣчно юною и прекрасною, лишь перенесясь изъ міра реальнаго въ міръ духовный, ставъ «чистымъ воспоминаніемъ». И вотъ они порываютъ другъ съ другомъ окончательно. Герои Ибсена такимъ образомъ приходятъ къ тому же заключенію, къ какому пришелъ онъ самъ за десять лѣтъ до того, что̀ и высказалъ въ своихъ юношескихъ стихотвореніяхъ. Фалькъ и Свангильдъ, подобно Ибсену, ставятъ облагораживающее вліяніе идеальнаго воспоминанія выше ощущенія удовлетворенной страсти.

Вѣрный своему своеобразному воззрѣнію, авторъ и заставилъ своихъ героевъ разойтись какъ разъ въ ту минуту, когда они нашли другъ друга. Развязка, представляющаяся ординарному взгляду печальною катастрофою, Ибсену представлялась единственно возможнымъ краснымъ и поэтическимъ разрѣшеніемъ конфликта.

Оригинальность «Комедіи любви» такимъ образомъ находится въ связи съ своеобразной, проникнутой идеализмомъ личностью автора. Онъ взвѣшиваетъ и бракуетъ во имя чистой идеи несовершенныя ея воплощенія въ жизни; во имя истинной любви бичуетъ любовное увлеченіе и хотя чувствуетъ поэтическія стороны и красоты семейной жизни и домашняго очага (это ясно указываютъ слова, вложенныя имъ въ третьемъ дѣйствіи въ уста пастору Строману и Стюверу), его потребность быть послѣдовательнымъ не допускаетъ никакого компромисса. Онъ неумолимъ въ своемъ «или—или», т.-е. «или все, или ничего». Его взоръ такъ привыкъ къ чистому, яркому свѣту идеала, что онъ не можетъ чувствовать себя удовлетвореннымъ его лучами, преломленными въ мутной средѣ дѣйствительности.

«Комедія любви» была закончена лѣтомъ 1862 г. и вышла въ печати зимою въ видѣ новогодняго приложенія къ «Illustreret Nyhedsblad».

Появившись въ печати, комедія вызвала полное разочарованіе. Даже лучшіе друзья Ибсена покачивали головами, сожалѣя о полномъ отсутствіи въ его новомъ произведеніи «идеальнаго образа мыслей». А разъ такъ судили друзья, то можно себѣ представить, что̀ говорили критики и публика. Поднялась настоящая буря негодованія противъ автора, осмѣявшаго «самое святое» и дерзнувшаго даже высмѣять духовное лицо! Пьесу находили грубой, безнравственной, фальшивой и нелѣпой. Никто какъ будто и не видѣлъ брызжущаго въ ней живого юмора и мѣткаго остроумія, тонкой наблюдательности, блестящей ироніи и

художественной формы,—говоритъ Іегеръ, — никто, кромѣ жены Ибсена, какъ писалъ онъ самъ Петру Гансену *).

Но сыпавшіяся на Ибсена въ то время, какъ изъ рога изобилія, нападки не были въ состояніи сломить его, и черезъ годъ онъ уже закончилъ новую драму, т.-е. раньше задуманную «Борьбу за престолъ». Приступая къ этой работѣ лѣтомъ 1863 г., Ибсенъ уже былъ свободенъ отъ всякихъ сомнѣній, и это крупное произведеніе вылилось сразу, легко и свободно; вся работа заняла какія-нибудь шесть недѣль.

По конструкціи пьеса эта немало отличается отъ ближайшихъ предшествовавшихъ произведеній Ибсена. Въ послѣднихъ было проведено единство времени и болѣе или менѣе проводилось единство мѣста. Въ «Борьбѣ за престолъ» Ибсенъ, напротивъ, отказался отъ этихъ двухъ задачъ, указанныхъ классической драматургіей; между первымъ дѣйствіемъ и послѣднимъ протекаетъ нѣсколько лѣтъ, и самыя дѣйствія происходятъ въ различныхъ обстановкахъ, которыя мѣняются въ общемъ даже по два раза въ каждомъ дѣйствіи.

Но, предоставивъ себѣ бо́льшую, чѣмъ обыкновенно, свободу въ смыслѣ драматической техники, Ибсенъ зато строже на этотъ разъ придерживался рамокъ исторіи. Мы находимъ въ пьесѣ важнѣйшія историческія событія изображенной эпохи и узнаёмъ въ главныхъ лицахъ основныя характерныя черты подлинныхъ историческихъ личностей. Ибсенъ однако геніально углубилъ и развилъ данныя исторіи. Во внѣшней обрисовкѣ Гокона и Скуле полное согласіе между историкомъ и драматургомъ, что же касается внутренней, психологической, то Ибсенъ придалъ двумъ политическимъ противникамъ значительно бо́льшую глубину и значеніе, нежели какія можно признать за ними, опираясь на историческія данныя **).

Георгъ Брандесъ тонко отмѣчаетъ субъективный элементъ въ этой исторической драмѣ, открывающій намъ уголокъ души самого автора. Ключомъ служатъ слѣдующія реплики короля Скуле и скальда Ятгейра:

Скуле. Какого дара мнѣ недостаетъ, чтобы стать королемъ?

Ятгейръ. Не дара сомнѣнія, а то вы не задали бы мнѣ такого вопроса.

Скуле. Какого же дара мнѣ недостаетъ?

Ятгейръ. Государь, вы и такъ король.

Скуле. Во всякій ли часъ ты чувствуешь себя призваннымъ скальдомъ?

Послѣдняя реплика и можетъ быть поставлена эпиграфомъ къ драмѣ. «Какъ краснорѣчива эта реплика!—замѣчаетъ Брандесъ.—Не

*) См. стр. 370.

**) Подробный критическій разборъ самой драмы см. въ предисловіи къ послѣдней.

вертится ли въ сущности вся драма на этомъ, не превращается ли она въ иллюстрацію того, что должно было быть лишь картиной въ драмѣ? Какое горькое признаніе вырывается въ этомъ вопросѣ: «Во всякій ли часъ ты чувствуешь себя призваннымъ скальдомъ?»

Да. Ибсенъ явился въ «Борьбѣ за престолъ» поэтомъ сомнѣнія потому именно, что червь сомнѣнія точилъ и его собственное сердце. Уже въ самыхъ раннихъ юношескихъ его стихотвореніяхъ явственно слышенъ голосъ сомнѣнія, а позже оно сказывалось тѣми колебаніями, какія предшествовали выполненію отдѣльныхъ его произведеній. До какой же степени мучило его иногда сомнѣніе въ собственномъ поэтическомъ дарованіи, видно изъ цикла стихотвореній его, помѣщенныхъ въ 1859 г. «Illustreret Nyhedsblad» подъ общимъ заглавіемъ: «Въ картинной галлереѣ». Въ примѣчаніи отъ редакціи пояснено, что стихотворенія эти принадлежатъ «болѣе раннему періоду жизни и литературной дѣятельности» автора и, повидимому, относятся къ концу его пребыванія въ Бергенѣ. Въ основѣ этого цикла лежитъ впечатлѣніе, вынесенное Ибсеномъ изъ Дрезденской галлереи, гдѣ онъ видѣлъ молодую художницу, копировавшую Мадонну Мурильо *). Въ уста этой художницы Ибсенъ вложилъ рядъ стиховъ, въ которыхъ она жалуется на свои разбитыя художественныя мечты, и обвилъ эти стихи вѣнкомъ чисто лирическихъ сонетовъ, гдѣ уже отъ своего имени вторитъ ея жалобамъ.

Какъ та художница, мечтами
Стремился ввысь, гдѣ жилъ мой идеалъ;
И я поэта крылья распускалъ,
Мечтая о пути надъ облаками.
Но и меня тѣ крылья не сдержали.—
Знакома мнѣ паденья глубина;
Весеннихъ басенъ книга прочтена,
Мнѣ время есть размыслить о морали.

Но что въ сущности толку жаловаться на собственное безсиліе?

Что можетъ быть смѣшнѣе пѣснопѣній
На тему о безсиліи пѣвца,
Элегій томныхъ, жалобъ безъ конца
Того, кто сталъ рабомъ своихъ сомнѣній?

Слова сомнѣнія и отчаянія ему нашептываетъ въ дурныя его минуты безобразный черный эльфъ:

И какъ ни тихо шепчетъ это онъ —
Какъ будто молоткомъ стучатъ по гробу
И раздается погребальный звонъ...

*) Много лѣтъ спустя Ибсенъ использовалъ это впечатлѣніе для коротенькаго стихотворенія «Въ галлереѣ», вошедшаго затѣмъ въ сборникъ его стихотвореній, куда не включена первая редакція.

—тѣмъ не менѣе поэтъ не боится больше прихода этого эльфа; поэтъ уже пересталъ быть наивнымъ; онъ понимаетъ теперь, въ чемъ суть: черный эльфъ какъ разъ лелѣетъ «послѣдній цвѣтокъ», одинокій, заброшенный, оставшійся отъ минувшей весны души.

Цвѣтокъ же тотъ — глухія думы, грезы,
Колеблющія сердце на вѣсахъ
У вѣры и сомнѣнія въ рукахъ.
И нѣжно вкругъ души моей больной
Цвѣтокъ тотъ обвился, какъ вьются лозы
Любовно вкругъ сухого пня весной.

Вотъ какъ сильно бывало временами въ Ибсенѣ недовѣріе къ самому себѣ, вотъ какое душевное угнетеніе онъ испытывалъ въ минуты отлива жизненной бодрости и вѣры въ свое призваніе. Читая эти стихи, начинаешь понимать основы той изумительно проникновенной тонкости, съ которою изображена скептическая натура Скуле.

Но въ то время, когда Ибсенъ писалъ «Борьбу за престолъ», эти душевныя боренія были, повидимому, уже пройденною стадіей. И тому, что Ибсенъ вышелъ изъ борьбы полнымъ побѣдителемъ, содѣйствовалъ до извѣстной степени Бьёрнсонъ, котораго во многихъ отношеніяхъ можно было назвать добрымъ геніемъ Ибсена. Какъ уже упоминалось, писатели сблизились въ періодъ ихъ совмѣстнаго пребыванія въ Христіаніи въ 1859—1860 гг., особенно же въ 1863—1864 гг. Сблизила ихъ общность идей, надеждъ и разочарованій. Оба съ болью душевной наблюдали въ это время за отчаянной борьбой родственнаго датскаго народа съ превосходившимъ его силою врагомъ—нѣмцами, видѣли, какъ цѣлая вѣтвь сѣвернаго корня *), говорившая однимъ языкомъ съ ними, была отторгнута отъ Даніи и присоединена къ чуждой Пруссіи при полномъ безучастіи народовъ—братьевъ по крови и языку, норвежцевъ и шведовъ, забывшихъ всѣ свои торжественныя обѣщанія стоять за единство Сѣвера. Для такихъ идеалистовъ и пламенныхъ «скандинавовъ», какъ Ибсенъ и Бьёрнсонъ, это было жестокимъ разочарованіемъ въ побѣдѣ такъ увлекавшей ихъ великой идеи объединенія скандинавскаго міра, и это разочарованіе глубоко врѣзалось въ душу обоихъ, особенно же въ душу Ибсена, которой вообще больше были свойственны мрачныя чувства.

Выше говорилось о тяжести положенія Ибсена въ этотъ періодъ— и въ матеріальномъ и въ нравственномъ смыслѣ. Онъ не былъ уже новичкомъ въ литературѣ, успѣлъ написать цѣлый рядъ талантливыхъ и интересныхъ произведеній, создать даже такія мастерскія произведенія, какъ «Фру Ингеръ», «Комедія любви» и «Воители въ Гельгеландѣ», а все еще оставался сравнительно мало извѣстною и недоста-

*) Шлезвигъ, перешедшій къ Пруссіи послѣ несчастной для Даніи войны 1863—1864 гг.

точно признанною литературною величиною. Даже близкіе люди порою обнаруживали духовную слѣпоту по отношенію къ нему. По свидѣтельству Іонаса Лп, нѣкоторые изъ «голландцевъ» даже не совѣтовали Ибсену отдавать въ печать такой шедевръ, какъ «Борьба за престолъ». Все это давало пищу свойственному ему съ юности сомнѣнію въ самомъ себѣ и въ своемъ призваніи; его неотступно мучили страшные вопросы: неужели онъ такъ никогда и не достигнетъ той душевной ясности и цѣльности, о которой мечталъ съ юности? Неужели никогда не почувствуетъ себя свободнымъ и здоровымъ душой? Неужели всякаго рода внѣшнія путы задержатъ его развитіе, и онъ такъ и не прорветъ этой повисшей на немъ «внѣшней оболочки всякаго вздора и дряни»,—какъ онъ самъ выразился потомъ въ письмѣ къ Бьёрнсону изъ Рима *)? Неужели онъ навсегда останется лишь «даровитымъ, интереснымъ писателемъ», а не станетъ настоящимъ борцомъ за великіе идеалы, ведущіе людей къ побѣдѣ?—И эту одинокую, молчаливую внутреннюю борьбу съ сомнѣніемъ въ самомъ себѣ еще отягощалъ критическій скептицизмъ его по отношенію къ идеямъ, захватившимъ его современниковъ.

Вотъ тутъ-то онъ и нашелъ нравственную опору въ лицѣ Бьёрнсона. Многочисленныя свидѣтельства говорятъ о томъ импонирующемъ впечатлѣніи, которое производила могучая личность Бьёрнсона уже въ юности его и которое заставляло окружающихъ поддаваться его вліянію.

Секретъ этого вліянія былъ въ непоколебимой в ѣ р ѣ въ самого себя и въ тѣ идеи, тѣ идеалы, которыми онъ былъ проникнутъ. Вѣрою этой дышало все его существо: въ немъ не было и слѣда резонирующаго скептика; напротивъ, онъ скорѣе напоминалъ ребенка съ его вполнѣ естественнымъ простодушнымъ довѣріемъ къ себѣ, къ людямъ, ко всѣмъ добрымъ силамъ въ мірѣ, и почти невозможно было противостоять обаянію этого довѣрія или не раздѣлять его,—такъ оно очаровывало. Изъ вѣры Бьёрнсона Ибсенъ въ значительной степени и почерпнулъ силы для борьбы съ недовѣріемъ къ самому себѣ, научился у него самъ вѣрить и вкладывать въ свою вѣру всего себя,—хотя самая вѣра Ибсена и не была свѣтлой, радостной вѣрой Бьёрнсона. Ибсенъ усвоилъ себѣ главнымъ образомъ вѣру въ силу сопротивленія, въ жизненную энергію и волю, которыя никогда не должны сдаваться; онъ усвоилъ довѣріе къ своимъ способностямъ «осуществить себя самого» **) и проникся вѣрою «въ способность идеаловъ множиться и развиваться» ***). Эта вѣра и выразилась затѣмъ въ безстрашной борьбѣ Ибсена, въ стремленіи поднять своихъ современниковъ въ духовномъ смыслѣ и подготовить людей вообще къ болѣе свободному

*) См. стр. 340.
**) См. письмо къ Бьёрнсону, стр. 470.
***) См. рѣчь Ибсена въ Стокгольмѣ, стр. 279.

и счастливому будущему. Личная же внутренняя борьба Ибсена за обрѣтеніе такой исходной точки міровоззрѣнія нашла поэтическое выраженіе въ «Борьбѣ за престолъ», гдѣ Ибсенъ драматически изобразилъ контрастъ между Скуле и Гокономъ. Матеріалъ для обоихъ «борцовъ за престолъ» писатель почерпнулъ изъ глубины собственной души, при чемъ Гоконъ олицетворилъ то новое, что Ибсенъ обрѣлъ съ помощью Бьёрнсона. Въ числѣ заслугъ Бьёрнсона передъ родиной навсегда и останется великою заслугою его благотворное, нравственно-бодрящее вліяніе на Ибсена, много помогшее послѣднему «найти себя самого». Насколько самъ Ибсенъ сознавалъ это, свидѣтельствуютъ его письма къ Бьёрнсону *).

Главныя условія побѣды Ибсена, внутренней и внѣшней, однако заключались, разумѣется, въ его собственной натурѣ; онъ вѣдь былъ изъ тѣхъ, кого противодѣйствіе не пригибаетъ къ землѣ, но возноситъ, для кого горечь жизни служитъ не отравою, а здоровымъ напиткомъ **).

Чтобы полнѣе охарактеризовать ту горечь, которою такъ былъ богатъ этотъ періодъ жизни Ибсена, приведемъ принадлежащую перу Іегера характеристику тогдашней Христіаніи:

«Можно было бы, конечно, сказать многое въ похвалу норвежской столицы, но назвать ее городомъ, гдѣ процвѣтали искусства и литература, никому не придетъ въ голову. Изъ городка съ десятью тысячами жителей, какимъ была Христіанія въ началѣ XIX ст., она съ чисто-американской быстротой выросла въ городъ, перешагнувшій за сотню тысячъ жителей и шагнувшій далеко во многихъ другихъ отношеніяхъ. Словомъ, ее можно было бы сравнить со скороспѣлымъ долговязымъ подросткомъ, а этотъ возрастъ, какъ извѣстно, не отличается привлекательностью».

Далѣе Іегеръ сравниваетъ Христіанію съ «колоніей новоселовъ, претендующей на званіе культурнаго центра. Общественныя условія вдругъ такъ выросли, что городъ вообразилъ себя «осколкомъ Европы», а въ то же время условія эти остались еще настолько мелкими и тѣсными, что просто шевельнуться было нельзя; люди почти задѣвали другъ за друга, толкались, наступали другъ другу на ноги — все потому, что мѣста недостаточно, чтобы уступить дорогу другъ другу. Болтовня и перемываньe косточекъ ближнимъ процвѣтали въ невѣроятной степени. Случалось одному изъ обитателей этого птичьяго двора потерять перышко изъ хвоста,—потеря, съ помощью услужливыхъ друзей и знакомыхъ, превращалась въ цѣлыхъ пять курицъ ***). Склонность къ критикѣ и осужденію однако не уравновѣшивалась готовностью къ признанію достоинствъ и справедливой ихъ оцѣнкѣ. Въ болѣе обширныхъ обще-

*) Напр., въ письмѣ отъ 12 сент. 1865 г. (стр. 304 и 305) и отъ 9 дек. 1867 г. (стр. 340).

**) См. стихотвореніе «На тысячелѣтіе Норвегіи».

***) Намекъ на извѣстную сказку Андерсена: «Истинная правда».

ственныхъ условіяхъ, гдѣ больше мѣста и простора уму и сердцу, признаніе достоинствъ одного не исключаетъ возможности поставить на подобающую высоту и другого. Здѣсь же, напротивъ, тѣснота, про которую можно сказать, перефразируя извѣстную пословицу: «двумъ великанамъ въ одномъ мѣшкѣ не умѣститься». И если одному удается протолкаться впередъ, то всегда за счетъ другихъ, которые должны за то остаться позади.

И насколько строги были здѣсь въ своихъ сужденіяхъ, настолько же несамостоятельны. Вѣчно ждали сигнала со стороны. Писатель, желавшій покорить Христіанію, долженъ былъ начать съ покоренія Копенгагена!

«Подобныя условія,—пишетъ дальше Іегеръ:—разумѣется, тормозятъ продуктивность искусствъ и литературы. Многіе дѣятели вянутъ душою, опускаютъ крылья, стоя лицомъ къ лицу съ общимъ индифферентизмомъ, теряютъ всякую энергію и мужество и машутъ на все рукой. У другихъ душа переполняется горечью и недовольствомъ, которыя ищутъ выхода. Если собрать всѣ рѣзкіе отзывы о Христіаніи, которые встрѣчаются въ норвежской литературѣ XIX столѣтія, то получится недурной букетикъ.

«Ни одинъ норвежскій поэтъ и не похвалилъ Христіаніи; патріотъ Вергеландъ и тотъ ограничился только выраженіемъ радости по поводу роста города, а потомъ, когда хорошенько узналъ его, упалъ духомъ и сталъ горько жаловаться на то, что родился въ Норвегіи, и серьезно подумывалъ искать сочувствія у чужой публики. Даже Вельгавенъ, къ которому христіанійцы относились куда лучше, и тотъ выдалъ городу нелестный аттестатъ въ стоихъ стихахъ.

«У Камиллы Коллетъ можно найти столько отзывовъ въ этомъ же родѣ, что, если бы ихъ всѣ напечатать подъ рядъ, вышло бы нѣсколько страницъ. «О, ты, большой и въ то же время столь маленькій городъ,—говорится, напримѣръ, въ романѣ «Дочери амтмана»:—Какое густое облако душевнаго холода и уныніе нависло надъ тобою! Ты достаточно великъ, тысячеклювый, чтобы заклевать кого-нибудь на смерть,—того, кто пересталъ тебя забавлять, или противъ кого у тебя есть вообще зубъ. Но ты недостаточно великъ, чтобы такой несчастный могъ найти себѣ убѣжище, гдѣ бы спрятаться. Ты принадлежишь къ большимъ городамъ, обладая всѣми страстями большихъ городовъ, ихъ жгучимъ честолюбіемъ и требовательностью, но какъ ты малъ, какъ бѣденъ, не будучи въ состояніи удовлетворить ни одно изъ этихъ своихъ чувствъ!»

«Бьёрнсонъ тоже внесъ сюда свою лепту. Въ эпилогѣ къ первому изданію своихъ «Стиховъ и пѣсенъ» онъ описалъ бой тигра съ лошадью на аренѣ цирка въ Испаніи,— бой, происходящій подъ ревъ и свистъ публики, которая выходитъ изъ себя отъ того, что лошадь все оставалась жива, и которая лѣзетъ изъ кожи, чтобы разжечь тигра.

Закончилъ это описаніе поэтъ такъ: «Кто побѣдитъ въ концѣ концовъ— не знаю; эта лошадь—вѣдь я самъ, и борьбѣ нѣтъ конца; городъ же, арена этой борьбы и этого улюлюканья и аплодисментовъ... его ты, пожалуй, знаешь, читатель?»

«Характернымъ обстоятельствомъ является и то, что ни одинъ изъ крупныхъ норвежскихъ поэтовъ и писателей не могъ ужиться въ этомъ городѣ. Они либо жили въ сельской обстановкѣ, какъ Бьёрнсонъ, либо поселялись въ настоящемъ маленькомъ городкѣ, какъ Александръ Кьелландъ, или наконецъ прибѣгали къ болѣе или менѣе продолжительному самоизгнанію за границу, какъ Ибсенъ и Іонасъ Ли; почти всѣ выдающіяся произведенія 70—80-хъ годовъ написаны не въ Христіаніи, а въ Парижѣ, Римѣ, Мюнхенѣ».

Что касается Ибсена, то онъ въ теченіе тѣхъ лѣтъ, что руководилъ Норвежскимъ театромъ въ столицѣ, основательнѣе, чѣмъ кто другой изъ его собратьевъ, узналъ, какъ любовно относится Христіанія къ своимъ писателямъ и художникамъ.

Повидимому, изъ христіанійцевъ мало кто даже подозрѣвалъ въ немъ выдающагося поэта, хотя онъ доказалъ это такими произведеніями, какъ «Фру Ингеръ», «Вонтели въ Гельгеландѣ» и «Комедія любви».

Второе изъ названныхъ произведеній было по выходѣ въ свѣтъ принято довольно равнодушно. Бьёрнсонъ опередилъ Ибсена своимъ разсказомъ «Сюннёве Сольбаккенъ» и успѣлъ получить отъ общественнаго мнѣнія своего рода патентъ на званіе возобновителя стиля сагъ. Ибсенъ же остался въ тѣни, а при полемикѣ, возгорѣвшейся по поводу отверженія пьесы Христіанійскимъ театромъ, получилъ по своему адресу изрядную долю грубостей отъ анонимныхъ авторовъ писемъ въ газеты. Его не только обвиняли въ нечестности и безграничномъ тщеславіи, но и заранѣе объявили его пьесу, еще не появлявшуюся въ печати, произведеніемъ посредственнымъ, основываясь на прежнихъ его пьесахъ: при этомъ не скупились и на такія выраженія, какъ «норвежскій плевелъ» и «норвежская дрянь». «Господинъ Ибсенъ въ качествѣ драматурга представляетъ такое ничтожество, для котораго нація не можетъ съ особымъ жаромъ насаждать охранительную сѣнь»,— высказывалось въ одной газетѣ и кстати упоминалось о «Фру Ингеръ», какъ о произведеніи, «до такой степени лишенномъ идеализма и поэзіи, что остается только удивляться; каждый характеръ въ этой пьесѣ отмѣченъ печатью низости».

Съ выходомъ въ свѣтъ «Комедіи любви» стало еще хуже, а не лучше. «MorgenBladet» («Утренняя Газета») объявила, что пьеса проникнута «чисто-мѣщанскимъ взглядомъ на любовь, который, конечно, можно допустить въ какомъ-нибудь филистерѣ-дядюшкѣ или мѣщанкѣ-тетушкѣ, но никакъ не въ поэтѣ». Основная идея пьесы признавалась «не только существенно нездоровою» и «безнравственною», но и «непоэтическою, какъ вообще всякое воззрѣніе на идеалъ и дѣйствитель-

ность, какъ на двѣ непримиримыя величины». Впрочемъ, и этотъ отзывъ былъ ничто въ сравненіи съ критикой въ «AftenBladet» («Вечерняя Газета»). Хотя Ибсенъ работалъ надъ пьесой больше трехъ лѣтъ, ее охарактеризовали, какъ «печальный продуктъ литературной спѣшки», видѣли въ ней «рекомендацію целибата» и чуть ли не пропаганду католицизма; въ качествѣ же драматическаго цѣлаго пьесу признавали «абсурдомъ» и вообще не считали автора ея сколько-нибудь выдающимся поэтомъ. «Въ Ибсенѣ нѣтъ того, что называется геніемъ, онъ—талантъ, да и то лишь въ смыслѣ техники»,—отзывались газетные зоилы.

Въ публикѣ «Комедія любви» тоже вызвала бурю негодованія, произвела такую шумную сенсацію, какой могутъ похвалиться немногія книги въ нашемъ обществѣ, подавляющее большинство котораго вообще смотритъ на литературныя дѣла, какъ на «что-то мало его касающееся *). Дѣло зашло даже такъ далеко, что, когда Ибсенъ, спустя нѣкоторое время, сталъ ходатайствовать о стипендіи на поѣздку за границу съ образовательной цѣлью, одинъ изъ профессоровъ университета, членъ комиссіи, назначавшей такія стипендіи, высказалъ, что авторъ подобной пьесы, какова «Комедія любви», «заслуживаетъ не стипендіи, а розогъ».

И на поприщѣ руководителя театромъ Ибсенъ встрѣчалъ массу непріятностей. Артистки, чувствовавшія себя обойденными при распредѣленіи ролей, инспирировали газетныя нападки на него, и его авторитетъ въ городѣ былъ вообще настолько невеликъ, что и печать и публика готовы были смѣшивать его съ грязью, вступаясь за каждаго новичка-артиста, если тому или его почитателямъ казалось, что его обходятъ, затираютъ. Доставалось Ибсену и за языкъ и за произношеніе актеровъ; нѣкоторые находили, что актеры говорятъ черезчуръ ужъ по-норвежски, другіе—что недостаточно по-норвежски.

Такимъ образомъ недостатка въ непріятностяхъ, въ горечи жизни не было, и у Ибсена оказывалось тѣмъ больше поводовъ для раздраженія, что театръ работалъ при крайне неблагопріятныхъ экономическихъ условіяхъ. Городъ былъ недостаточно великъ для того, чтобы въ немъ могли существовать два конкурирующихъ театра, и чѣмъ дольше длилась ихъ конкуренція, тѣмъ хуже шли дѣла и того и другого. Наконецъ лѣтомъ 1862 г. частный Норвежскій театръ обанкрутился. Тутъ Ибсенъ очутился совсѣмъ на мели. Лишь съ начала слѣдующаго 1863 года, когда произошло уже упомянутое выше сліяніе театровъ въ столицѣ Норвегіи, Ибсенъ опять былъ обезпеченъ опредѣленнымъ доходомъ, хотя и весьма незначительнымъ, а именно жалованіемъ въ 1.200 кр. (около 600 руб.), которое было положено ему, какъ «эстетическому консультанту» Христіанійскаго театра. За эти

*) Изъ предисловія Ибсена ко 2-му изданію «Комедіи любви», стр. 261.

деньги онъ не только давалъ совѣты по литературной части, но и наблюдалъ за вѣрностью костюмовъ, а въ случаѣ надобности замѣнялъ и режиссера.

Бьёрнсону въ 1863 г. было назначено правительствомъ «писательское жалованье»; Ибсенъ тоже пытался получить такую поддержку отъ государства, но встрѣтилъ отказъ. Единственно, что ему удалось добиться, это двухъ небольшихъ стипендій отъ ученыхъ обществъ на поѣздки по Норвегіи для собиранія памятниковъ народной поэзіи.

Такимъ образомъ онъ былъ принужденъ жить главнымъ образомъ своимъ перомъ, что по тогдашнимъ условіямъ означало жизнь впроголодь, особенно для того, кто, какъ Ибсенъ, не чувствовалъ охоты и способности погрузиться въ журналистику. Гонорары, которые выплачивали ему издатели, были такъ ничтожны, что теперь съ трудомъ даже вѣрится въ такія суммы. Такъ, за «Комедію любви» онъ получилъ всего 100 спецій-далеровъ (около 200 р.), а между тѣмъ и этотъ гонораръ считался въ тѣ времена значительнымъ. За «Фру Ингеръ» и «Воителей въ Гельгеландѣ» онъ не получилъ и половины этой суммы, а Христіанійскій театръ наконецъ, поставивъ послѣднюю пьесу, отдѣлался сущею бездѣлицею, объясняя, что, разъ пьеса напечатана, театры въ правѣ ставить ее даже безъ всякаго гонорара! Для писателя, который такъ строго относился къ себѣ и своимъ произведеніямъ, какъ Ибсенъ, бракуя все, что не вполнѣ его удовлетворяло, жить перомъ означало при такихъ обстоятельствахъ даже нѣчто худшее, чѣмъ жизнь впроголодь, — голодную смерть. Словомъ, тяжесть положенія Ибсена, иллюстрированная выше выдержками изъ воспоминаній Паульсена, заставляла его друзей всячески хлопотать, чтобы хоть отчасти облегчить его положеніе. Нѣкоторые изъ нихъ въ своемъ рвеніи собирались даже выхлопотать Ибсену мѣсто... таможеннаго досмотрщика, или нѣчто другое въ этомъ родѣ, чтобы обезпечить ему вѣрный кусокъ хлѣба. «Заманчивая была перспектива для автора «Воителей въ Гельгеландѣ» и «Комедіи любви» взвѣшивать мѣшки съ кофе и ящики съ сахаромъ да высчитывать, сколько съ нихъ приходится пошлины!»—восклицаетъ Іегеръ. И надо полагать, что намѣренія друзей не осуществились не по недостатку доброй воли съ ихъ стороны. Ниже, въ главѣ, посвященной первому пребыванію Ибсена въ Римѣ, читатели найдутъ воспоминанія проф. Дитрихсона, проливающія свѣтъ на отношенія самого Ибсена ко всякому иному устройству его судьбы, кромѣ избранной имъ дороги въ осуществленіе своего призванія.

Ради этого призванія онъ въ своихъ офиціальныхъ прошеніяхъ, при всей своей сдержанности и застѣнчивости, не уклонился отъ открытаго признанія въ своемъ бѣдственномъ положеніи. Читая эти прошенія *), и нельзя отдѣлаться отъ чувства горечи и обиды за писа-

*) См. стр. 292, 294, 296.

теля, вынужденнаго чуть не вымаливать у правительства и общества ту поддержку, которая такъ легко давалась его сверстникамъ, собратьямъ по перу, и на которую онъ имѣлъ такое же законное право; нельзя отдѣлаться и отъ чувства негодованія на отказы—результаты первыхъ двухъ прошеній. Впрочемъ, недостатокъ офиціальнаго признанія таланта и заслугъ Ибсена не такъ еще поражаетъ, какъ недостатокъ пониманія со стороны близкихъ, дружески расположенныхъ къ нему людей, изъ которыхъ одни не совѣтовали ему печатать... «Борьбу за престолъ», другіе хлопотали для него... о маленькой должности при таможнѣ! Тѣ и другіе не доросли до пониманія той миссіи, которую Ибсенъ считалъ возложенною на себя: пробудить свой народъ и помочь ему расширить свой кругозоръ; не видѣли въ немъ самомъ настоящаго «борца за престолъ» и считали его способнымъ промѣнять служеніе идеѣ на службу изъ-за куска хлѣба!

Къ тяжелымъ экономическимъ условіямъ и нравственнымъ страданіямъ отъ непониманія и непризнанія его творческаго генія присоединились, какъ уже было отмѣчено выше, мучительно-горькія впечатлѣнія отъ датско-прусскаго конфликта, разрѣшившагося войной. Ибсенъ былъ восторженнымъ «скандинавомъ» и понять, переварить не могъ соображеній, препятствовавшихъ шведамъ и норвежцамъ поддержать братскій народъ, дать отпоръ притязаніямъ пруссаковъ. Соображенія эти казались Ибсену мелочными, а люди, способные на нихъ, ничтожными. Особенно становилось ему стыдно за свой народъ, и уже давно шевелившееся въ немъ чувство презрѣнія къ своимъ землякамъ за ихъ мелочность, безвольность и неспособность къ сильнымъ порывамъ и душевной стойкости все росло въ немъ. Чувство это сквозитъ уже въ «Комедіи любви», гдѣ онъ довольно чувствительно хлестнулъ бичомъ сатиры своихъ земляковъ; въ «Борьбѣ за престолъ» онъ высказалъ негодованіе и презрѣніе напрямикъ въ знаменитыхъ теперь строфахъ, вложенныхъ въ уста привидѣнія епископа Николаса, этого злого духа Норвегіи:

Будутъ норвежцы брести еле-еле
По полю жизни безъ воли, безъ цѣли;
Будутъ ихъ души узки, а сердца
Злобой другъ къ другу пылать безъ конца;
Будутъ въ одномъ межъ собою согласны:
Все, что̀ велико, и все, что̀ прекрасно,
Камнями, грязью должно закидать!
Будутъ позоръ свой за честь почитать;
Будутъ звать тряпки ничтожныя стягомъ:
Знайте тогда—по норвежской землѣ
Путь свой побѣднымъ, торжественнымъ шагомъ
Старый епископъ свершаетъ во мглѣ! *)

*) См. «Борьба за престолъ». т. II, стр. 100.

Вся эта сцена съ привидѣніемъ епископа въ сущности вставка, не имѣющая непосредственной связи съ развитіемъ драмы, и въ техническомъ отношеніи представляетъ очевидный промахъ, необычайный для такого мастера, какимъ уже былъ тогда Ибсенъ. Видно, негодованіе гражданина переселило соображенія драматурга.

Въ этой же драмѣ Ибсенъ далъ сильное, яркое выраженіе великоскандинавской идеѣ. Завѣтная мечта о единомъ, цѣльномъ Сѣверѣ прекрасно уживалась въ Ибсенѣ съ чисто-національнымъ стремленіемъ къ возвышенію Норвегіи, къ обрѣтенію ею настоящей самостоятельности и самаго полнаго духовнаго и гражданскаго развитія. Онъ прилагалъ и ко всей родинѣ ту же мѣрку, что̀ къ отдѣльной личности, — прежде всего къ своей собственной. Достиженіе наивысшей степени развитія личности, а черезъ это и общества и всего народа, было для него этической и политической программой. Поэтому ему и нанесло самый тяжелый ударъ открытіе, что родной народъ его далеко еще не доросъ до такой великой миссіи — создать «новую сагу» Сѣвера, ставъ возможно совершеннымъ, самостоятельнымъ и въ то же время нераздѣльно-слитнымъ звеномъ одного великаго цѣлаго — «единаго, могучаго, свободнаго Сѣвера». Когда настало время на дѣлѣ оправдать торжественныя обѣщанія быть вѣрными братскимъ узамъ, неразрывно связующимъ три народа въ одно цѣлое, и постоять за великo-скандинавскую идею, о которой столько кричали норвежцы въ стихахъ и въ прозѣ, Норвегія обнаружила несостоятельность и малодушіе. Ибсенъ излилъ свое скорбное негодованіе въ прочувствованномъ стихотвореніи «Братъ въ бѣдѣ» *) (декабрь 1853 г.), въ которомъ напоминалъ норвежцамъ и шведамъ о ихъ клятвахъ и призывалъ на помощь датчанамъ, пока еще не совсѣмъ поздно. Призывъ его однако остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; напрасно онъ «билъ въ набатъ въ своихъ стихахъ» **). Судьба Даніи совершилась, Норвегія не шевельнула пальцемъ, чтобы предотвратить кровавую ампутацію, и горькая чаша, изъ которой давно пилъ Ибсенъ и какъ поэтъ и какъ гражданинъ-патріотъ, окончательно переполнилась. Его душили гнѣвъ и презрѣніе, и онъ рѣшилъ «повернуть свои корабли кормами къ сѣверу» ***), бѣжать изъ той страны, которая заставила его пережить рядъ горькихъ разочарованій, одно сильнѣе другого. Гага, свивъ гнѣздо, трижды устилаетъ его пухомъ, общипывая собственную грудь до крови, но, когда ея вѣра и надежды терпятъ крушеніе въ третій разъ, она «снимается съ пустого гнѣзда», покидаетъ жестокій сѣверъ и «правитъ свой путь на солнечный югъ» ****).

*) См. отдѣлъ «Стихотвореній».

**) См. стихотвореніе «Основа вѣры», о которомъ Лотаръ говоритъ: «Нигдѣ сходство ибсеновскаго призма съ гейневскимъ такъ не бросается въ глаза, какъ въ этомъ ѣдкомъ прощальномъ привѣтѣ».

***) См. стихотвореніе «Сожженные корабли».

****) См. стихотвореніе «Гага».

Измученный, разочарованный, Ибсенъ тоже стремился на югъ. Онъ жаждалъ покоя и независимости, чтобы вновь найти душевное равновѣсіе, разобравшись въ новыхъ мысляхъ и чувствахъ, нахлынувшихъ на него. Онъ чувствовалъ, что ему необходимо выбраться изъ гнетущихъ условій, въ которыхъ онъ задыхался въ Христіаніи, отдѣлиться отъ всей этой мелочности и пошлости, получить возможность взглянуть на все это со стороны, на разстояніи, чтобы выиграть въ широтѣ кругозора и вѣрности взгляда. Онъ чувствовалъ, что, оставаясь тутъ, погибнетъ какъ поэтъ, чувствовалъ, что стоитъ «на краю могилы», какъ высказалъ впослѣдствіи самъ въ стихахъ «На тысячелѣтіе Норвегіи» *). Могилой этой была Христіанія, находившаяся на кладбищѣ, имя которому было Норвегія.

Отъ этой душной ямы прочь скорѣе!
Тамъ воздухъ спертъ, какъ въ шахтѣ подъ землей;
Не пронесется вѣтеръ свѣжій, вѣя,
И не взовьется стягъ тамъ никакой! **)

Но для того, чтобы оставить родину, нужны были деньги. И чего стоило Ибсену раздобыть эти въ сущности ничтожныя средства на заграничную поѣздку, на которую онъ смотрѣлъ, какъ на единственный оставшійся ему выходъ изъ душевнаго мрака и хаоса къ свѣту и прояснѣнію во исполненіе своей жизненной задачи!

Какъ уже упомянуто, онъ два раза обращался за поддержкой къ представителямъ государственной власти, чувствуя за собой не меньше правъ на такую поддержку, чѣмъ было у другихъ талантливыхъ представителей науки и искусства, пользовавшихся государственными пособіями и стипендіями и даже постояннымъ жалованьемъ. Но оба раза безуспѣшно. Третье обращеніе, благодаря горячей поддержкѣ Бьёрнсона и другихъ вліятельныхъ друзей, имѣло лучшій результатъ, хотя и тутъ не обошлось безъ новыхъ капель яда, влитыхъ напослѣдокъ въ горькую чашу, которую то и дѣло подносила къ губамъ поэта милая родина ***). Въ университетскомъкомитетѣ, отъ котораго зависѣло рекомендовать правительству удовлетворить или отвергнуть просьбу писателя, нашелся, какъ также упоминалось выше ****), членъ (профессоръ!), который публично призналъ Ибсена скорѣе заслуживающимъ розогъ, чѣмъ стипендіи.

Въ концѣ концовъ комитетъ все-таки согласился назначить писателю стипендію, но въ половинномъ размѣрѣ. Получалась такая сумма, съ которой въ сущности нечего было дѣлать, и пришлось Ибсену лично

*) См. отдѣлъ «Стихотвореній».
**) См. «Брандъ», т. I. стр. 119.
***) См. стихотвореніе «На тысячелѣтіе Норвегіи».
****) См. стр. 624.

идти объясняться съ членомъ государственнаго совѣта Риддерсвольдомъ, отъ котораго зависѣло окончательное рѣшеніе.

Риддерсвольдъ, подготовленный доброжелателями Ибсена, вникъ въ суть дѣла, и просимая Ибсеномъ стипендія была разрѣшена цѣликомъ по представленію самой правительственной инстанціи. Потребовалась однако еще частная матеріальная помощь*), чтобы дать Ибсену возможность наконецъ выбраться — сначала въ Копенгагенъ, затѣмъ въ Берлинъ и оттуда въ Италію. 2 апрѣля 1864 г. Ибсенъ покинулъ родину на цѣлыхъ десять лѣтъ.

VI.

Въ Римѣ.

Тридцать четыре года спустя торжественно праздновалось въ Копенгагенѣ семидесятилѣтіе Ибсена; юбиляръ въ своей отвѣтной рѣчи сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Тридцать четыре года назадъ я былъ здѣсь проѣздомъ въ Германію, Австро-Венгрію и Италію, и девятаго мая перевалилъ черезъ Альпы. Надъ вершинами горъ нависли огромныя черныя тучи, и мы ѣхали подъ этимъ навѣсомъ, пролетали туннели и вдругъ очутились у Мирамаре, гдѣ мнѣ разомъ открылась красота юга, сверкнулъ въ глаза дивный, прозрачный свѣтъ, словно блескъ ослѣпительно-бѣлаго мрамора... Это впечатлѣніе отразилось во всей послѣдующей моей литературной дѣятельности, хотя она и не вся запечатлѣна красотой».

Съ того часа, съ той минуты, какъ Ибсенъ впервые увидалъ надъ собою солнце юга, начался новый періодъ его творчества. Этотъ моментъ сталъ въ жизненной драмѣ Ибсена моментомъ прояснѣнія, поворота. Въ его произведеніяхъ зазвучали съ этихъ поръ новыя ноты — страстнаго влеченія къ красотѣ, къ солнцу, къ свѣту, — влеченія, которое онъ стремился сообщить и всѣмъ другимъ людямъ, съ цѣлью завоевать, озарить и просвѣтить ихъ души.

Солнце словно становится для него съ этихъ поръ таинственной силой, притягивающей сердца и души. Много лѣтъ спустя, почти на закатѣ жизни Ибсена, одна молодая дама спросила его, что онъ сдѣлалъ бы, если бы у него вдругъ оказалось несмѣтное количество денегъ. «Я бы купилъ себѣ яхту и отплылъ на Цейлонъ, въ край солнца и красоты!» — отвѣтилъ престарѣлый писатель.

Благодаря воспоминаніямъ профессора Дитрихсона, мы имѣемъ возможность привести нѣкоторыя подробности житья-бытья Ибсена въ этотъ важный періодъ его жизни. Дитрихсонъ зналъ Ибсена еще

*) Главную помощь оказали, по свидѣтельству гг. Коота и Эліаса, упоминавшіеся выше І. Свердрупъ и адвокатъ Дункеръ, продолжавшіе также поддерживать Ибсена въ первые два года его пребыванія въ Римѣ.

въ Бергенѣ, но поближе познакомился съ нимъ уже въ Христіаніи. Въ дѣтствѣ и отрочествѣ Дитрихсонъ былъ очень близокъ къ семьѣ пробста Торесена, на старшей дочери котораго, Сусаннѣ, Ибсенъ женился, и это обстоятельство много способствовало скорому установленію между Ибсеномъ и Дитрихсономъ истинно-дружескихъ, интимныхъ отношеній. Самыя воспоминанія почтеннаго профессора, вышедшія въ 1896 — 1901 гг. подъ заглавіемъ «Svundne Tider» (Былые годы»), посвящены имъ дорогой подругѣ дѣтства, Сусаннѣ Торесенъ-Ибсенъ.

Въ Римъ Дитрихсонъ попалъ двумя годами раньше Ибсена и занималъ тамъ должность библіотекаря Скандинавскаго кружка, когда пріѣхалъ Ибсенъ.

Вотъ какъ описываетъ Дитрихсонъ первое свиданіе свое съ Ибсеномъ въ Римѣ, въ воскресенье, 19-го іюля 1864 г.:

«Я еще лежалъ въ постели, когда раздался сильный звонокъ у входныхъ дверей Скандинавскаго кружка въ палаццо Корреа, гдѣ я пользовался квартирой въ качествѣ библіотекаря. Я вскочилъ, неодѣтый подбѣжалъ къ дверямъ съ обычнымъ окликомъ: «Chi è?», и приготовился снять цѣпь, которою по итальянскому обычаю была снабжена дверь. За дверью послышался голосъ консула Браво *), на ломаномъ датскомъ языкѣ отвѣчавшаго: «Отворяйте! Я привелъ пріятеля».—«Добрѣйшій господинъ консулъ, я въ самомъ глубокомъ негліже». — Самъ Сатана! Отворяйте же! Мы вѣдь мужского пола», — прокричалъ старикъ-нѣмецъ, приправляя свои слова обычнымъ изысканнымъ проклятіемъ. Я отворилъ. Въ дверяхъ стоялъ Браво, а за нимъ Генрикъ Ибсенъ!

«Я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о его сборахъ за границу, и для меня было самою пріятною неожиданностью узнать, что отнынѣ намъ предстоитъ долгое дружеское общеніе въ Римѣ, куда должна была прибыть современемъ и его жена, подруга моего дѣтства.

«Браво распрощался, а я быстро одѣлся, пока Ибсенъ читалъ норвежскія газеты; затѣмъ мы отправились осматривать городъ и совершили основательную прогулку.

«Поистинѣ чудесный день пережили мы тогда вмѣстѣ! Не только потому, что нашимъ взорамъ открывалась въ этомъ городѣ столько великаго и прекраснаго, дарившаго насъ богатыми впечатлѣніями, но и потому, — а быть-можетъ, даже главнымъ образомъ потому, — что мы оба, полные жизненныхъ силъ и отваги молодости, предчувствовали и рисовали себѣ предстоящіе намъ прекрасные и богатые содержаніемъ годы жизни, которою мы собирались наслаждаться вмѣстѣ, — хотя, разумѣется, ни одинъ изъ насъ и не подозрѣвалъ тогда, какимъ богатымъ, значительнымъ окажется этотъ періодъ именно въ жизни Ибсена.

*) См. о немъ въ примѣчаніяхъ къ письмамъ Ибсена, стр. 310 и 343.

Самъ онъ показался мнѣ здѣсь какъ будто совсѣмъ другимъ человѣкомъ, нежели тотъ замкнутый въ себѣ, пропитанный горечью Ибсенъ, котораго я три года тому назадъ оставилъ въ Христіаніи. Правда, онъ былъ сильно потрясенъ послѣдними событіями на Сѣверѣ, несчастной датской войной, и позже съ пламеннымъ негодованіемъ громилъ измѣнническую политику Швеціи и Норвегіи и разсказывалъ о томъ, съ какою внутреннею болью и возмущеніемъ присутствовалъ при торжественномъ въѣздѣ въ Берлинъ нѣмецкихъ войскъ, вернувшихся съ театра войны *). Но въ этотъ первый день онъ какъ будто забылъ обо всемъ такомъ; все это какъ будто разомъ осталось для него позади съ той минуты, какъ онъ вступилъ въ предѣлы la bella Italia и la Roma aeterna; теперь онъ хотѣлъ жить лишь для своего творчества, какъ я для своихъ научныхъ занятій, теперь ему уже смѣшно было вспоминать всю ту пыль, столбомъ поднявшуюся въ Норвегіи при появленіи «Комедіи любви» и такъ отравившую ему жизнь на родинѣ. Теперь онъ могъ вдвойнѣ радоваться, разсказывая о десяти полныхъ сборахъ, сдѣланныхъ драмою «Борьба за престолъ» въ Христіанійскомъ театрѣ передъ его отъѣздомъ. И вотъ, сидя за бутылкой вина въ садикѣ остеріи въ Трастеверѣ на берегу Тибра, обвѣваемые мягкою вечернею итальянскою прохладой, слѣдя за огоньками, загоравшимися въ саду и на противоположномъ берегу палаццо Фарнезе, мы чувствовали себя такъ хорошо, какъ только могутъ чувствовать себя двое счастливыхъ молодыхъ людей, твердо увѣренныхъ въ томъ, что жизнь прекрасна и богата, и что для нихъ зрѣютъ въ будущемъ лучшіе ея плоды».

Черезъ нѣсколько дней состоялась прощальная пирушка римскихъ скандинавовъ, обыкновенно разъѣзжавшихся изъ Рима на жаркіе лѣтніе мѣсяцы, и на этой пирушкѣ присутствовалъ Ибсенъ. Впервые, послѣ долгаго промежутка времени, онъ очутившись въ кругу земляковъ, онъ началъ разсказывать о тѣхъ обидныхъ и возмущавшихъ его «скандинавскую» душу впечатлѣніяхъ, пережитыхъ имъ во время путешествія и связанныхъ съ событіями послѣдней злосчастной войны.

«Мало-по-малу, почти незамѣтно разсказъ его принялъ характеръ горячей импровизированной рѣчи. Вся долго сдерживаемая горечь, все пламенное негодованіе и горячая симпатія къ дѣлу объединенія Сѣвера вырвались наружу; голосъ оратора получилъ металлическій оттѣнокъ, глаза такъ и сверкали въ сумеркахъ вечера, и когда онъ кончилъ, никто даже не крикнулъ браво, никто не поднялъ стакана, — у всѣхъ, кажется, было такое ощущеніе, что здѣсь была сейчасъ пропѣта сѣверная Марсельеза, слышанная, къ сожалѣнію, лишь немногими и растаявшая безъ слѣда въ ночномъ римскомъ воздухѣ. Знаю также, что самъ я никогда не бывалъ даже приблизительно такъ взволнованъ живою силою слова, какъ въ тотъ вечеръ. Впослѣдствіи

*) См. письма Ибсена, стр. 301 и 308.

я часто слыхалъ публичныя рѣчи Ибсена, но ни одна не могла возбудить ощущенія и настроенія, равнаго навѣянному его рѣчью въ тотъ вечеръ въ Римѣ».

Дальше воспоминанія Дитрихсона переходятъ къ житью-бытью Ибсена въ Гензано, куда послѣдній рѣшилъ, по примѣру Дитрихсона, переѣхать на дачу, чтобы отдохнуть отъ обильныхъ впечатлѣній, нахлынувшихъ на него въ Римѣ и не дававшихъ ему сосредоточиться мыслями и приступить къ работѣ. Въ Гензано у друзей установился такой порядокъ дня: рабочее время — утро до полудня; въ полдень друзья встрѣчались въ винномъ погребкѣ, гдѣ обѣдали, а послѣ обѣда обыкновенно возлежали въ тѣни деревьевъ на одномъ изъ холмовъ на берегу озера Неми, читая или бесѣдуя.

«Помню съ точностью, — пишетъ Дитрихсонъ: — что разъ я читалъ вслухъ книгу Амміана Марцеллина — «Описаніе жизни Юліана Отступника». Ибсенъ былъ чрезвычайно заинтересованъ темой, у насъ завязалась оживленная бесѣда о Юліанѣ, и я знаю, что съ того дня у Ибсена стала серьезно назрѣвать мысль разработать эту тему въ драму. Во всякомъ случаѣ въ заключеніе нашей бесѣды онъ выразилъ надежду, что никто не перехватитъ у него этой темы».

По вечерамъ друзья совершали продолжительныя прогулки по окрестнымъ холмамъ или по берегу, дѣлали привалъ къ какой-нибудь остеріи, гдѣ частенько и засиживались за стаканомъ вина и бесѣдой, любуясь вечернимъ ландшафтомъ, и возвращались домой уже ночью, при свѣтѣ луны.

Осенью друзья перебрались опять въ Римъ, куда затѣмъ прибыла изъ Норвегіи и жена Ибсена съ пятилѣтнимъ сыномъ Сигурдомъ. Ибсенъ нанялъ себѣ съ семьей скромную квартирку на углу Due Macelli и Via Capo le Case и съ тѣхъ поръ сталъ принимать живое участіе въ жизни скандинавской колоніи. Благодаря Ибсену, зимній сезонъ въ этомъ году и вышелъ, по свидѣтельству Дитрихсона, особенно оживленнымъ. Немало, впрочемъ, способствовало этому еще то обстоятельство, что какъ разъ въ томъ же году къ постоянному «блоку» талантливыхъ и интересныхъ сѣверянъ, представителей искусствъ и науки, между которыми были: извѣстный финско-шведскій поэтъ Рунсбергъ и даровитѣйшій датскій художникъ Карлъ Блокъ, присоединилось еще нѣсколько новыхъ, — между прочимъ, извѣстный датскій исторіографъ, профессоръ Алленъ, шведскій поэтъ графъ Снойльскій, Христоферъ Брунъ и др. Послѣдній представлялъ для Ибсена особенный интересъ, какъ участникъ только-что минувшей датско-прусской войны.

«Ибсенъ, — разсказываетъ Дитрихсонъ: — обыкновенно охотно становился центромъ этого общества, собиравшагося по вечерамъ въ старой остеріи, почти въ серединѣ улицы Via del Tritone, наискосокъ Due Macelli; остерію эту попросту и называли кабачкомъ Тритона. Здѣсь-то и происходили бесѣды, давшія Ибсену богатый запасъ выра-

женій и оборотовъ рѣчи, ставшихъ безсмертными въ устахъ филистеровъ въ «Брандѣ». У Ибсена былъ удивительный даръ направлять разговоръ на темы, могущія доставить ему матеріалъ для изученія характеровъ, нужныхъ для произведенія, надъ которымъ онъ въ данное время работалъ; и онъ выхватывалъ изъ такихъ разговоровъ иногда цѣлыя тирады. Въ эту зиму замѣтно было, что онъ надумываетъ что-то очень крупное; помню, разъ у него совершенно серьезно вырвалось: «Почему это нельзя писать драмы въ десяти дѣйствіяхъ? Мнѣ мало пяти!» А вскорѣ затѣмъ онъ сказалъ мнѣ, что рѣшилъ на этотъ разъ измѣнить драматической формѣ и воспользоваться формою эпоса. Хорошо помню также, что незадолго до моего отъѣзда изъ Рима весною 1865 г. Ибсенъ прочелъ мнѣ одну пѣсню изъ задуманной поэмы; пѣсня эта однако не имѣла ничего общаго ни съ «Юліаномъ» ни съ «Брандомъ», но скорѣе всего отвѣчала первой сценѣ комедіи «Союзъ молодежи», написанной четыре года спустя, т.-е. описанію праздника 18 мая въ Норвегіи. Для созданія «Бранда» ему однако опять пришлось вернуться къ драматической формѣ. Восклицаніе его насчетъ десяти дѣйствій я понялъ, когда обратилъ вниманіе на огромную массу матеріала, вложенную въ 5-е дѣйствіе «Бранда», непомѣрно длинное въ сравненіи съ прочими дѣйствіями пьесы.

«Какъ сказано, Ибсенъ любилъ во время этихъ нашихъ вечернихъ засѣданій въ кабачкѣ Тритона наводить разговоръ на темы, спеціально его интересовавшія, имѣвшія отношеніе къ тому, надъ чѣмъ онъ работалъ; большинство собесѣдниковъ при этомъ не подозрѣвало его скрытой тактики и высказывалось самымъ непринужденнымъ образомъ... Въ ту зиму бесѣда вращалась чаще всего около вопроса: и а с к о л ь к о н е о б х о д и м о г л о т а т ь к л ю ч и о т ъ в о р о т ъ, или для разнообразія: что предпочтительнѣе — проглотить ключъ или сдѣлаться приказчикомъ? И съ чего бы разговоръ ни начался, онъ въ концѣ концовъ сводился на эту тему.

«Дѣло въ томъ, что, по преданію, несчастный англійскій поэтъ Чаттертонъ, восемнадцати лѣтъ отъ роду, послѣ трехдневной голодовки отравился, и послѣ его смерти квартирный хозяинъ его никакъ не могъ найти ключа отъ воротъ, которымъ пользовался Чаттертонъ. Наконецъ ключъ отыскался... въ нищеводѣ умершаго, который, повидимому, проглотилъ ключъ съ голоду. Какъ только бесѣда доходила до этого пункта, всегда завязывались оживленные споры: кто-нибудь изъ честной компаніи всегда оказывался того мнѣнія, что поэтъ все-таки могъ бы найти тотъ или иной способъ прокормиться; напримѣръ, вмѣсто того, чтобы исключительно жить ради своего творчества, могъ бы поступить писцомъ въ контору, или въ приказчики. Тутъ-то Ибсенъ и сѣдлалъ своего коня: начиналъ утверждать, что единственнымъ правильнымъ образомъ дѣйствій было именно проглотить ключъ, а отнюдь не поступать въ приказчики, и доказывалъ это, прибѣгая ко

всевозможнымъ парадоксамъ, чтобы раззадорить противника, вызвать его на пренія. Почтенный собесѣдникъ, не подозрѣвая цѣлей Ибсена, начиналъ защищать свое мнѣніе, а этого только и надо было Ибсену, и вотъ простакъ безсознательно часами позировалъ писателю, служа живою моделью для фогта, кистера или школьнаго учителя въ «Брандѣ». Порою и самъ Ибсенъ воодушевлялся, говорилъ съ горячностью; онъ вѣдь самъ испыталъ, что такое нужда и какъ приходится биться тому, кто хочетъ остаться вѣрнымъ своему призванію. Отзвукъ этихъ его рѣчей и слышится въ прошеніи (о назначеніи писательскаго жалованья), съ которымъ Ибсенъ обратился къ королю Карлу *) послѣ того уже, какъ написалъ «Бранда», особенно же въ строкахъ: «Въ рукахъ вашего величества дать мнѣ умолкнуть, склониться подъ бременемъ самаго горькаго отреченія, какое только можетъ выпасть на долю души человѣческой — отреченія отъ дѣла своей жизни. Мнѣ пришлось бы уйти съ того поля битвы, на которомъ я, знаю, призванъ бороться, и это было бы для меня тѣмъ тяжелѣе, что я до сихъ поръ никогда не измѣнялъ своему призванію». Какъ читатели, можетъ-быть, помнятъ, одно время нѣкоторые друзья Ибсена собирались выхлопотать ему мѣсто таможеннаго досмотрщика. Но изъ этихъ диспутовъ видно было, что Ибсенъ скорѣе проглотилъ бы ключъ! Наиболѣе же сильный отзвукъ этихъ споровъ въ кабачкѣ Тритона явственно слышится въ «Брандѣ», гдѣ вопросъ о духѣ компромисса является главною осью, на которой все вертится; да и во всемъ творчествѣ Ибсена отзвукъ этотъ слышится болѣе или менѣе ясно.

«Одно же мѣстечко въ «Брандѣ» живо напоминаетъ о томъ вечернемъ собраніи въ римскомъ Скандинавскомъ кружкѣ, когда адвокатъ Клубсенъ демонстрировалъ разныя древности и между прочимъ «замочную скважину — единственный, послѣдній остатокъ отъ храма Юпитера Капитолійскаго». Эта замочная скважина ожила въ знаменитой «дырѣ» фогта **).

«Слѣдуетъ добавить еще одно: если Ибсенъ прилежно изучалъ свои модели на другихъ людяхъ, то еще прилежнѣе учился онъ на самомъ себѣ. Онъ самъ однажды высказалъ, что писателю приходится основывать свои произведенія на лучшемъ и на худшемъ, что есть въ немъ самомъ; какъ на мелькающихъ въ глубинѣ его души искрахъ великаго и прекраснаго, такъ и на остающемся въ его существѣ осадкѣ нечистыхъ мыслей и чувствъ. Творить — значитъ судить самого себя ***).

«Случалось, что Ибсенъ въ такомъ спорѣ «о ключѣ» слишкомъ узко увлекался изученіемъ моделей на себѣ и на другихъ, терялъ нить спора и оказывался припертымъ къ стѣнѣ какимъ-нибудь сильнымъ аргументомъ собесѣдника. Но онъ недолго оставался въ такомъ по-

*) См. стр. 313.

**) См. «Брандъ», т. I, стр. 183.

***) См. заключительное четверостишіе въ отдѣлѣ «Стихотвореній».

ложеніи, какъ бы ни былъ неотразимъ доводъ въ пользу того, что не слѣдуетъ глотать ключей отъ воротъ, или что въ жизни не разъ приходится преклониться передъ силою обстоятельствъ, именно ради того, чтобы достигнуть тѣмъ лучшихъ результатовъ въ стремленіи къ своей жизненной цѣли. Приведя такого рода доводъ, собесѣдникъ полагалъ, что теперь противъ его утвержденія столь же безполезно спорить, какъ противъ аксіомы дважды-два — четыре; но у Ибсена всегда имѣлось наготовѣ такое возраженіе: «А ты навѣрно знаешь, почтеннѣйшій, что дважды-два — четыре... напримѣръ, на Юпитерѣ?» *) И завязывался новый споръ объ относительномъ или абсолютномъ значеніи признанныхъ нами истинъ, при чемъ Ибсенъ умѣлъ съ необычайнымъ юморомъ и остроуміемъ отстаивать свой парадоксъ до послѣдней крайности.

«Припоминаю также одну небольшую ссору, имѣвшую мѣсто въ Скандинавскомъ кружкѣ тою же зимою. Ибсенъ былъ всегда усерднымъ читателемъ газетъ; мы въ шутку утверждали, что онъ читаетъ даже всѣ объявленія, а онъ признавался, что объявленія эти иной разъ лучше рисуютъ ему «мѣстныя условія», чѣмъ любая передовица. Въ читальнѣ кружка находился между прочимъ датскій «Иллюстрированный Вѣстникъ», и въ одномъ изъ томовъ его находился портретъ тогдашняго шведско-норвежскаго министра иностранныхъ дѣлъ Мандерштрёма **), извѣстнаго своимъ отношеніемъ къ печальнымъ историческимъ событіямъ 1863 — 1864 гг. Поэтъ графъ Снойльскій, племянникъ Мандерштрёма, перелистывая однажды этотъ томъ, увидалъ, что къ портрету его дяди добавлена карандашомъ веревка на шеѣ. Онъ сейчасъ же показалъ мнѣ портретъ и просилъ меня, какъ библіотекаря, разслѣдовать, кто осмѣлился устроить такую executio in effigie. У меня сразу явилось подозрѣніе, но я сдѣлалъ видъ, что ничего не знаю, и въ слѣдующемъ собраніи кружка предложилъ неизвѣстному художнику, буде онъ здѣсь, назвать себя. Къ великому изумленію Снойльскаго назвался — Генрикъ Ибсенъ. Это онъ излилъ свое негодованіе на политику Мандерштрёма двумя штрихами карандаша. Между писателями произошло по этому поводу серьезное объясненіе съ глазу на глазъ; но разстались они друзьями, хотя каждый и остался при своемъ мнѣніи».

Дитрихсонъ покинулъ Римъ весною 1865 г., и для заключенія его воспоминаній, относящихся къ римскому періоду жизни Ибсена, приведемъ еще выдержку, которая дастъ извѣстное понятіе о томъ — насколько вообще четырехлѣтнее пребываніе въ Римѣ отразилось на всемъ складѣ личности Ибсена. Послѣдній и самъ писалъ изъ Рима въ 1866 г. своему другу Биркеланду: «Что касается моего внутренняго «я», то оно, кажется, сильно измѣнилось во многихъ отношеніяхъ, но

*) См. письмо Ибсена къ Брандесу, стр. 376.

**) См. предисловіе къ «Неру Гюнту», т. I, стр. 257.

все же я думаю, что теперь больше являюсь самимъ собою, чѣмъ когда-либо» *). Дитрихсонъ же говоритъ слѣдующее:

«Прошло нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ я не видѣлъ его и не имѣлъ отъ него лично никакихъ вѣстей, кромѣ привѣтовъ, передаваемыхъ съ оказіей. По весною 1869 г. я получилъ въ Стокгольмѣ письмо изъ Дрездена, куда Ибсенъ только-что перебрался изъ Рима, съ адресомъ, надписаннымъ совершенно незнакомымъ мнѣ почеркомъ. Онъ былъ твердъ и красивъ, но отличался той особой формой, которую позже стали у насъ называть «стоячимъ, или прямымъ письмомъ». Я съ любопытствомъ вскрылъ конвертъ и къ изумленію своему увидалъ, что письмо отъ Ибсена, который такимъ образомъ совершенно измѣнилъ свой почеркъ. Прежде онъ писалъ лежачимъ (съ наклономъ вправо), мелкимъ, не очень четкимъ почеркомъ, а теперь смѣнилъ его на твердый, крупный и четкій, столь же непохожій на прежній собственный, какъ на почерки Вельгавена, Бьёрнсона и др.

«Не менѣе незнакомымъ показалось мнѣ и лицо, смотрѣвшее на меня съ вложенной въ письмо фотографической карточки. Я знавалъ Ибсена съ курчавой, окладистой бородой и съ усами; склада его рта я никогда не видалъ. Одѣвался онъ просто, по-будничному; портретъ же изображалъ господина въ элегантномъ бархатномъ пиджакѣ, а холеная борода и усы этого господина были тщательно пробриты вокругъ рта, такого склада, какого я никогда не представлялъ себѣ у Ибсена. Но это все-таки не могъ быть никто другой, какъ онъ самъ, такъ какъ въ письмѣ говорилось: «Вмѣстѣ съ симъ посылаю тебѣ мою физію». Да, онъ, повидимому, основательно измѣнился за эти четыре года! И я скоро убѣдился въ этомъ, свидѣвшись съ нимъ въ шведской столицѣ» **).

Воспоминанія Дитрихсона отмѣчаютъ выше богатство и силу впечатлѣній, нахлынувшихъ на Ибсена въ Римѣ. Впечатлѣнія эти были дѣйствительно въ высшей степени сильны и разнообразны, начиная съ совершенно новыхъ для сѣверянина впечатлѣній отъ природы юга, далѣе отъ всего уклада народной итальянской жизни, столь непохожей на скандинавскую, и наконецъ отъ античной культуры. Величіе, красота и богатство этой культуры подѣйствовали на Ибсена самымъ сильнымъ образомъ, и онъ съ увлеченіемъ сталъ изучать вѣчный городъ и всѣ его достопримѣчательности, какъ сообщаетъ Іегеръ и отчасти свидѣтельствуютъ письма самого Ибсена (напр., къ Бьёрнсону въ 1864 — 1865 гг.). Изученіе этихъ нѣмыхъ, но краснорѣчивыхъ свидѣтелей исчезнувшей цивилизаціи, изъ которыхъ одни давали наглядное представленіе о ея былой красотѣ и величіи, другіе же своимъ разрушеннымъ видомъ повѣствовали о ея паденіи, и внушило Ибсену идею попытаться изобразить поэтически одинъ изъ фазисовъ паденія

*) См. стр. 321.

**) Лѣтомъ 1869 г. передъ поѣздкой Ибсена въ Египетъ.

древней культуры, а знакомство съ книгой Амміана Марцеллина оформило идею. Ибсенъ задумалъ и немедленно началъ разрабатывать планъ грандіозной драмы, центральной фигурой которой долженъ былъ явиться Юліанъ Отступникъ.

Но затѣмъ у Ибсена все-таки взяли верхъ иныя впечатлѣнія, болѣе личнаго характера, которыя онъ вывезъ еще съ родины. Пожалуй, именно въ силу контраста эти прежнія впечатлѣнія и стали давать себя знать тѣмъ рѣзче среди совершенно новой обстановки. У Ибсена явилось такое чувство, что вся его жизнь въ Норвегіи была сплошной жизнью во мракѣ; онъ, какъ Освальдъ («Привидѣнія»), не могъ припомнить въ своей жизни на родинѣ «ни одного солнечнаго дня», и могъ отъ души сказать то, что вложилъ потомъ въ уста Бранду:

«Я дома солнца никогда не видѣлъ»...

Теперь ему казалось, что онъ вырвался изъ мрачной темницы, гдѣ сидѣлъ въ цѣпяхъ, и онъ, какъ вырвавшійся на свободу узникъ, давалъ себѣ самому слово никогда не возвращаться назадъ. Какая бѣдность, какой холодъ, какая тѣснота и мелочность условій остались тамъ, позади него, на родинѣ!

Мало-по-малу изъ общаго хаоса мыслей и чувствъ выпырнулъ рядъ глубокихъ впечатлѣній отъ норвежской природы, которыя и достигли особой интенсивности благодаря контрасту между прежнимъ и настоящимъ. Во время своего путешествія по Норвегіи лѣтомъ 1862 г. для собиранія образцовъ народной поэзіи Ибсенъ предпринялъ прогулку пѣшкомъ черезъ Іотунгеймъ, и видъ, открывшійся ему съ высоты скалъ, внизъ, въ узкую долину Фортунъ, сжатую между крутыми, дикими боками скалъ, произвелъ на него глубочайшее впечатлѣніе, вновь ожившее въ немъ теперь среди южной природы.

Во время той же пѣшей прогулки черезъ Фёрде Ибсенъ добрался до торговаго мѣстечка Геллесюльта въ Сундельвенѣ, гдѣ и провелъ нѣсколько дней. Поблизости находились развалины пасторскаго дома, разрушеннаго лавиной. Изъ боязни новаго обвала хозяева дома не рѣшались возобновить его, и пасторъ съ женой и груднымъ ребенкомъ поселились въ крестьянскомъ домикѣ, прилѣпившемся къ скалѣ. Ибсенъ посѣтилъ ихъ и спросилъ жену пастора, милую молодую женщину, улыбавшуюся какою-то особенною свѣтлою улыбкою, не боятся ли они и здѣсь обвала? «Нѣтъ, — отвѣтила она: — домъ такъ тѣсно прижался къ скалѣ, что лавина перекатится надъ нимъ, не задѣвъ его».

Вотъ эти-то дорожныя впечатлѣнія и слились въ картину норвежской горной долины, которая встаетъ передъ нами въ «Брандѣ». Вмѣстѣ съ этой картиной въ норвежскую литературу вторгся новый взглядъ на норвежскую природу.

Писатели предшествовавшаго періода выдвигали на первый планъ все нѣжное, мягкое и привлекательное въ норвежской природѣ. Не-

знакомый съ послѣднею человѣкъ, читая произведенія этихъ писателей, могъ, пожалуй, подумать, что въ Норвегіи круглый годъ стоитъ чудное лѣто. Въ ихъ произведеніяхъ то и дѣло упоминалось о солнечныхъ лучахъ, которые превращаютъ самое жалкое мѣстечко въ волшебную страну (Вельгавенъ), о чудесныхъ прогулкахъ по лѣсамъ и скаламъ, гдѣ благоухаютъ сосны и птицы распѣваютъ пѣсни (Асбьёрнсонъ); въ нихъ воспѣвались прекрасные лѣтніе вечера (Мо) и т. п. И даже когда настроеніе не было такимъ свѣтлымъ, оно не переставало быть мягкимъ. Меланхоличная муза Бернгарда Герре не шла дальше описаній осенней грусти, а элегіи Мунха останавливались на печальной краткости сѣвернаго лѣта. Никто не касался суровости и бѣдности норвежской природы. Она всегда оставалась одинаково прелестной и кроткой. Если же какой-нибудь поэтъ рѣшался затронуть норвежскія скалы, то главнымъ образомъ для восхваленія величественнаго впечатлѣнія, которое онѣ производятъ. И если кто описывалъ зиму, то лишь съ точки зрѣнія ея волшебныхъ красотъ. Да и самъ Ибсенъ отдалъ дань такому воспѣванію норвежской природы въ своихъ стихахъ: «Въ горахъ» *).

Но кто начнетъ читать «Бранда», сразу увидитъ противоположное. Читатель вдругъ словно переносится въ другую страну, на много градусовъ сѣвернѣе. Крутитъ снѣгъ, воетъ вѣтеръ, ледникъ угрожающе нависаетъ надъ стѣною скалъ, и лучъ солнца никогда не проникаетъ на дно долины; обитатели ея видятъ его теплые лучи всего въ теченіе трехъ недѣль въ году, и то лишь высоко на одной изъ скалистыхъ стѣнъ ущелья. Все нѣжное, хрупкое мерзнетъ, чахнетъ и умираетъ; хлѣбъ на поляхъ не вызрѣваетъ, и недороды и голодовки тяготѣютъ надъ этой мѣстностью словно проклятіе. Такова горная долина, изображенная въ «Брандѣ».

И эта горная долина, созданная творческою фантазіей Ибсена въ видѣ типическаго норвежскаго ландшафта, символизируетъ въ «Брандѣ» всю Норвегію, какъ островъ Ангольтъ Данію въ сатирической поэмѣ Гольберга «Педеръ Порсъ». Населеніе этой долины — норвежскій народъ вообще, выступившій въ драмѣ Ибсена, какъ и норвежская природа, въ совершенно новомъ свѣтѣ, отличномъ отъ того, въ какомъ до тѣхъ поръ изображался этотъ народъ въ молодой норвежской литературѣ. Представители ея только и дѣлали, что воскуряли ѳиміамъ норвежскому народу. Въ первое время послѣ 1814 г. поэты, какъ было уже отмѣчено у насъ выше, на всѣ лады воспѣвали «сына скалъ» въ восторженныхъ стихахъ, и этотъ восторгъ длился десятилѣтія. Въ сороковыхъ годахъ, когда расцвѣлъ народный романтизмъ, восторгъ лишь измѣнилъ характеръ: прежде бредили свободнымъ и гордымъ норвежцемъ, исконнымъ «хозяиномъ земли», а теперь стали бредить поэтиче-

*) См. отдѣлъ «Стихотвореній».

ски-идеальнымъ норвежскимъ крестьянином, живущимъ въ грезахъ поэтовъ — спокойною, беззаботною жизнью; это созданное фантазіей существо не низводили до прозаическихъ тривіальностей будничнаго трудового существованія.

Норвежскіе крестьяне, живущіе въ горной долинѣ Ибсена, не столь идеальные образы. Эти люди ведутъ тяжелую борьбу за существованіе среди бѣдной и скупой природы; трудъ угнетаетъ ихъ, разслабляетъ, сгибаетъ ихъ спины и головы, приковываетъ къ землѣ взоры, заставляетъ ихъ мысль ползать червемъ вмѣсто того, чтобы парить птицей. Забота о хлѣбѣ насущномъ — въ прямомъ смыслѣ этихъ словъ — становится главнымъ содержаніемъ жизни, заполняетъ все существованіе.

Молитву, данную вамъ: «Отче нашъ»,
Лишили воли крылъ и вдохновенья,
И изъ нея доноситъ ленетъ вашъ
До Бога лишь четвертое прошенье *),

т.-е. мольбу о хлѣбѣ насущномъ,—вотъ какъ характеризуетъ Брандъ норвежскій народъ.

Но пусть бы этотъ народъ былъ всецѣло рабомъ труда изъ-за куска хлѣба,—тогда все-таки онъ представлялъ бы цѣльный характеръ; такъ нѣтъ, онъ лѣвымъ глазомъ косится на небо, а правымъ смотритъ на землю; отсюда эта раздвоенность, половинчатость, безхарактерность, приводящая Бранда въ негодованіе.

Пройдись-ка по странѣ, людей послушай, —
Узнаешь, что здѣсь каждый научился
Быть понемножку всѣмъ — и тѣмъ и сѣмъ... **)

А каковъ самъ народъ, таковъ и созданный имъ образъ Бога:

Спасителя въ ребенка превращаютъ
Католики; вы — Бога въ старика,
Готоваго отъ дряхлости впасть въ дѣтство...
И Богъ такой вамъ нуженъ, чтобъ сквозь пальцы
Смотрѣлъ на васъ ***).

Но, бичуя самый народъ, авторъ одновременно обращаетъ свое остро отточенное оружіе и противъ официальныхъ его представителей. Главная вина на нихъ. Вотъ — фогтъ, который до такой степени сталъ чиновникомъ, что совсѣмъ пересталъ быть человѣкомъ; если дѣло идетъ о борьбѣ съ народнымъ бѣдствіемъ, онъ справляется не со степенью нужды, а только съ тѣмъ — принадлежитъ ли данный случай

*) «Брандъ», т. I, стр. 119.
**) Т. I, стр. 114.
***) Т. I, стр. 115.

острой нужды къ его околотку или нѣтъ, а когда случается пожаръ въ его домѣ, онъ готовъ душу свою отдать чорту, лишь бы спасти полицейскій архивъ. Онъ, собственно говоря, человѣколюбивъ и трудится по своему разумѣнію на благо своего околотка, но способенъ понимать лишь матеріальное благо. Онъ хвалится тѣмъ, что способствовалъ увеличенію населенія, умноженію заработковъ, развитію путей сообщенія, а главною филантропическою мечтой его является постройка общественнаго зданія, представляющаго геніальное сочетаніе залы для общественныхъ торжествъ и для выборовъ, палаты для умалишенныхъ, арестной камеры и рабочаго дома для бѣдныхъ. Онъ полагаетъ, что съ осуществленіемъ этого плана всѣ общественныя нужды и будутъ вполнѣ удовлетворены. Все, что сверхъ сего, то отъ лукаваго; можно допустить еще развѣ только чуточку поэзіи для развлеченія народа въ свободные вечерніе часы, да чуточку праздничнаго патріотическаго воодушевленія въ бесѣдахъ за стаканомъ пунша въ мѣстномъ трактирѣ. Но онъ не только фогтъ, а и членъ стортинга, избранникъ народный, и бичъ автора разитъ его и въ этомъ званіи словами Бранда:

Да вотъ онъ — сынъ народа своего, —
Доброжелательный, судящій здраво,
По-своему и дѣятель горячій,
И справедливый судія, и все же —
Палачъ своей страны... *)

Не лучше, а еще хуже пробстъ; какъ фогтъ относитъ все, что возвышаетъ душу, къ часамъ досуга и праздничнымъ минутамъ, такъ пробстъ пріурочиваетъ религію къ воскреснымъ днямъ; по будничнымъ нужно работать, лишь въ воскресенье есть досугъ для того, чтобы открыть уши и сердца для трогательной проповѣди пастора, и лишь по воскресеньямъ и съ церковной каѳедры умѣстно самому пастору говорить объ идеалахъ, а какъ только онъ сошелъ съ этой каѳедры, такъ и конецъ! Пасторъ — не пастухъ для каждой отдѣльной души, онъ прежде всего чиновникъ, слуга государства, и первый долгъ его — блюсти интересы государства, а затѣмъ свои собственные.

Въ лицѣ школьнаго учителя и кистера авторъ осмѣялъ офиціальныхъ народныхъ представителей низшей категоріи. Школьный учитель, бывшій членъ стортинга, внушаетъ кистеру, что они оба

Совсѣмъ другимъ подчинены законамъ,
Чѣмъ эта вся толпа и каждый въ ней...

ибо они оба — должностныя лица **).

Дальше ихъ разговоръ становится еще характернѣе и заканчивается разсужденіемъ учителя, что «разомъ пельзя и обывателемъ простымъ быть и чиновникомъ».

*) «Брандъ», т. I, стр. 160.
**) Т. I, стр. 200.

Всѣ эти многочисленныя нападки на чиновничество, какъ на причину дряблости и матеріализма народа, вызваны отчасти особыми общественно-политическими условіями Норвегіи того времени, отчасти тѣми взглядами на государство, которые — конечно, не безъ воздѣйствія этихъ условій — развились у Ибсена.

Бо̀льшая часть того періода времени, которое протекло съ достиженія Ибсеномъ сознательнаго возраста до того момента, какъ онъ покинулъ Норвегію, была временемъ ослабленія, упадка народнаго духа и вслѣдствіе этого настоящимъ золотымъ вѣкомъ чиновничества, когда первую роль играла административная дѣловитость. Правда, отдѣльныя выдающіяся личности подымали вопросы національнаго значенія, будили общество и увлекали за собой нѣкоторую его часть, но большинство видѣло въ такихъ людяхъ скорѣе всего только нарушителей общественнаго спокойствія, какихъ-то дикихъ демагоговъ. Главное значеніе придавалось не упроченію самостоятельности націи, еще меньше ея духовному развитію, а ея экономическому благосостоянію; энергично прокладывались дороги, строились большія, превосходныя областныя тюрьмы, поощрялись торговля и промышленность, основывались общества борьбы съ пьянствомъ, словомъ, дѣлалось много полезнаго; бѣда была лишь въ томъ, что господствовало мнѣніе, будто всѣмъ этимъ и исчерпываются задачи націи. Все, что̀ возвышалось надъ матеріальнымъ уровнемъ, считалось большинствомъ за пустое фантазерство, которое слѣдовало обуздать; народу полагалось состоять изъ обыкновенныхъ, одинаковыхъ людей, повторяющихъ другъ друга, какъ персоналъ въ какой-нибудь канцеляріи, въ торговой конторѣ, или солдаты въ строю. Идеаломъ гражданина являлся безхарактерный средній обыватель, лишенный всякаго индивидуальнаго отпечатка, а господствующимъ принципомъ—тяготѣніе къ землѣ. На народъ вообще смотрѣли такъ, какъ это вытекаетъ изъ рѣчи пробста, обращенной къ народу:

...Подумайте вы сами —
Что̀ можетъ сдѣлать бѣдный, въ захолустьѣ
Весь вѣкъ свой обреченный жить народъ?
На подвигъ вы ли призваны великій?
Оковы ближнихъ вамъ ли сокрушать?
У васъ есть ваше будничное дѣло,
А все, что̀ сверхъ сего — повѣрьте мнѣ —
Все отъ лукаваго. Кидаться вамъ ли
На поле брани? Хижины свои-то
Лишь далъ бы Богъ вамъ уберечь *).

На этотъ-то трусливый матеріализмъ, который, по мнѣнію Ибсена, обусловилъ поведеніе Норвегіи во время датско-прусской войны, писатель и обрушивается въ «Брандѣ» не разъ.

*) Т. I, стр. 230.

Ибсенъ однако понималъ, что корень зла лежитъ глубже мѣстныхъ норвежскихъ условій того времени, а именно въ государственномъ строѣ, установившемъ всесвѣтающее, обезличивающее господство мѣщанскаго «большинства», т.-е. массы среднихъ, сѣренькихъ обывателей, и ставшемъ почти общимъ въ конституціонной Европѣ, а потому въ концѣ концовъ обрушивается на весь этотъ строй во имя свободы и правъ человѣческой личности. И опять пробстъ безсознательно выступаетъ на поле брани мишенью:

Пожалуй, вамъ на умъ не приходило,
Что государству нашему не чужды
Республиканскія идеи? Какъ же!
Положимъ, какъ чумы оно боится
Свободы, равенство же одобряетъ *).

Задача современнаго государства въ томъ, чтобы всѣхъ заставить идти въ ногу:

Должны идти всѣ ровнымъ шагомъ въ ногу;
Вотъ цѣль и вотъ ученье государства **).

Идеалъ предводителя — капралъ, и церковь, являющаяся въ качествѣ государственнаго учрежденія однимъ изъ регуляторовъ жизни народа, должна во всемъ слѣдовать тому же методу; пасторъ долженъ учиться у капрала вести свою паству въ ногу, сомкнутымъ строемъ въ рай.

Такимъ образомъ нападки на норвежскій народъ переходятъ въ сатиру на его чиновничество и затѣмъ въ полемику противъ узкаго государственнаго строя и одного изъ его главныхъ орудій — официальной церкви.

Всему же тому, что служитъ предметомъ нападокъ, Ибсенъ противопоставилъ Бранда. Все, чего недостаетъ народу, есть съ избыткомъ въ Брандѣ; онъ—олицетвореніе сильной воли и восторженнаго идеализма. Въ качествѣ цѣльной личности, онъ противопоставляетъ господствующему духу компромисса свое неумолимое требованіе: «все или ничего», и, какъ глашатай правъ и требованій человѣческой личности, ведетъ борьбу съ официальными представителями народа какъ въ области свѣтской, такъ и въ области духовной. Разумѣется, нельзя вполнѣ отожествлять Бранда съ самимъ Ибсеномъ. Хотя Брандъ и идеальный типъ, онъ, подобно всѣмъ героямъ Ибсена, не представляетъ собою законченной личности, но развивается въ духовномъ смыслѣ, по мѣрѣ развитія драмы. Авторъ всюду чувствуется въ рѣчахъ Бранда, но нигдѣ не сливается всецѣло со своимъ героемъ. Писатель имѣлъ въ виду создать идеальный контрастъ дѣйствительности, на которую направляетъ свою сатиру; эта цѣль и опредѣлила весь обликъ Бранда. Ду-

*) «Брандъ», т. I, стр. 212—213.
**) Т. I, стр. 213.

ховное развитіе его состоитъ въ томъ, что ему лишь мало-по-малу становится ясною непримиримость противоположностей. Возставая съ самаго начала противъ всякихъ уступокъ, онъ все-таки не разъ готовъ самъ запутаться въ сѣтяхъ компромисса. Окончательный разрывъ Бранда съ проклятымъ духомъ компромисса происходитъ лишь въ послѣднемъ дѣйствіи поэтической драмы Ибсена и жизненной драмы самого Бранда. Символическимъ выраженіемъ этого разрыва служитъ то, что Брандъ запираетъ новую церковь и бросаетъ ключи въ воду. Трагизмъ судьбы Бранда состоитъ въ томъ, что онъ слишкомъ поздно приходитъ къ сознанію, обусловливающему такой разрывъ.

Такимъ образомъ Брандъ—не идеальный образъ въ обыкновенномъ смыслѣ; это—борющаяся личность, развивающаяся, растущая во время самой борьбы, и хотя Брандъ въ сильной степени и является глашатаемъ полемическихъ идей самого Ибсена, послѣдній все-таки сохранилъ, создавая своего героя, такую объективность, что Брандъ вышелъ живымъ человѣкомъ, а не рупоромъ *).

Съ художественной же точки зрѣнія Брандъ — созданіе фантазіи, а не образъ, выхваченный изъ дѣйствительности; онъ созданъ въ видѣ антитезы, долженъ былъ явиться противоположностью дѣйствительности, а не воспроизведеніемъ ея. Тѣмъ не менѣе зародышъ этого образа надо искать въ рядѣ впечатлѣній изъ дѣйствительности, — въ какихъ — будетъ выяснено ниже.

Въ свое время «Бранда» разсматривали преимущественно, какъ сочиненіе въ религіозно-христіанскомъ духѣ, — такой взглядъ основывался главнымъ образомъ на томъ, что Брандъ священникъ,—и понимали произведеніе скорѣе всего въ смыслѣ громовой проповѣди въ стилѣ пресловутыхъ пасторскихъ проповѣдей, «пропитанныхъ запахомъ смолы и сѣры ада». Но Ибсенъ въ сущности заранѣе оградилъ себя отъ такого толкованія, вложивъ въ уста Эйнару такія слова:

Принадлежишь ты, значитъ, къ новой сектѣ,
Что учитъ жизнь считать юдолью скорби
И силится заставить всѣхъ на свѣтѣ
Посыпать пепломъ головы себѣ...

и отвѣчая устами Бранда:

О, нѣтъ, не проповѣдникъ я присяжный,
Не какъ священникъ говорю сейчасъ;

*) Отношеніе Ибсена къ Бранду точно опредѣлено имъ самимъ въ письмѣ его къ Петру Гансену: «то, что Брандъ—священникъ, въ сущности неважно; заповѣдь *все или ничего* сохраняетъ свое значеніе во всѣхъ областяхъ жизни—и въ любви, и въ искусствѣ, и т. п. Брандъ — я самъ въ лучшія минуты моей жизни; это такъ же вѣрно, какъ то, что я путемъ самоанатомированія нашелъ многія черты Пера Гюнта и Стенгора» (стр. 371).

Христіанинъ ли даже я, не знаю;
Но твердо знаю, что я—человѣкъ,
И вижу зло, недугъ, страну постигшій *).

Въ четырехъ послѣднихъ строкахъ сущность Бранда опредѣлена коротко и ясно, и во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній Брандъ затѣмъ добавляетъ:

Не церковь возвеличить я стремлюсь,
Не догматы. Имѣли день свой первый,
Такъ, вѣрно, узрятъ и послѣдній вечеръ.
Начало всякое предполагаетъ
Конецъ. *Таитъ конца зародышъ все,*
Что создано, сотворено, и мѣсто
Грядущей формѣ бытія уступитъ **).

Но есть нѣчто такое, что̀ остается: это духъ человѣка, цѣльная личность; ее-то Брандъ и хочетъ поднять изъ праха. Такимъ образомъ основная точка зрѣнія автора далеко не піетическая; олицетворяетъ піетическое міровоззрѣніе въ драмѣ не самъ Брандъ, а Эйнаръ, ставшій миссіонеромъ; основная точка эта даже и не религіозная вообще. Чтобы выяснился ея общій чисто-человѣческій характеръ, стоитъ прочесть слѣдующія слова Бранда:

Да, правда, радость здѣсь не бьетъ ключомъ;
Будь такъ—еще куда ни шло бы!
Ужъ если рабъ ты радости, то будь имъ
Всегда, съ утра и до ночи, всю жизнь;
Не будь однимъ вчера, другимъ сегодня,
А завтра, черезъ мѣсяцъ третьимъ. Будь
Чѣмъ хочешь ты, но будь вполнѣ; будь цѣльнымъ,
Не половинчатымъ, не раздробленнымъ ***)!

Подобно тому, какъ полемика противъ церкви составляетъ лишь часть полемики, содержащейся въ драмѣ, такъ религіозность—лишь одна изъ чертъ личности Бранда. Вдобавокъ Ибсенъ самъ объяснилъ въ письмахъ къ Брандесу ****) и къ Петру Гансену, насколько несущественно то обстоятельство, что Брандъ — священникъ, и что проблема поставлена въ драмѣ религіозная.

Тѣмъ не менѣе обстоятельство это вовсе не случайное; оно обусловлено тѣмъ, что впечатлѣнія дѣйствительности, послужившія канвою для «Бранда», принадлежали къ сферѣ религіозно-церковной.

Живымъ оригиналомъ опоэтизированнаго Бранда былъ, какъ уже

*) «Брандъ», т. I, стр. 114.
**) Т. I, стр. 116.
***) Т. I, стр. 114.
****) См. письма Ибсена, стр. 355.

выяснено въ предисловіи къ русскому переводу драмы, знаменитый землякъ Ибсена, Ламмерсъ, сначала пасторъ, а затѣмъ «вольный» проповѣдникъ слова Божія и основатель «Свободной апостольски-христіанской общины вѣрующихъ». Интересна его прощальная рѣчь къ прихожанамъ, произнесенная имъ послѣ того, какъ онъ официально объявилъ, что покидаетъ лоно государственной церкви. Въ одной изъ предыдущихъ своихъ проповѣдей Ламмерсъ обозвалъ современные лютеранскіе храмы «балаганами», а въ прощальной рѣчи обосновалъ этотъ свой приговоръ доводами, являвшимися вмѣстѣ съ тѣмъ сильнѣйшими нападками на весь строй государственной церкви въ Норвегіи.

«Я трудился во имя осуществленія заповѣдей государственной церкви,—говорилъ онъ:—или ради возможно полнаго осуществленія идей, которыми она проникнута; но въ глубинѣ души чувствовалъ, что это безсмысленный трудъ, такъ какъ заповѣди или законы ея имѣютъ въ виду принудительное усвоеніе людьми того, что является истиной и блаженствомъ для усвояющихъ лишь при условіи полной свободы и доброй воли съ ихъ стороны». Развивая свою мысль далѣе, Ламмерсъ отрицалъ всѣ установленные протестантскою церковью таинства и обряды. Причастіе, по его толкованію, предназначалось отнюдь не для всѣхъ и каждаго, а «лишь для тѣхъ, кто воистину обратился душою къ Господу». «Нераскаянные и суевѣрные не имѣютъ права вкушать св. даровъ, хотя бы и не были прямыми грѣшниками, а только не обнаруживали признаковъ истиннаго обращенія». Отвергая крещеніе дѣтей, какъ безсмысленный обрядъ, Ламмерсъ восклицалъ: «Пусть лучше дѣти остаются некрещенными и неконфирмованными! Лучше быть честными язычниками, чѣмъ, подчиняясь гражданскимъ законамъ, быть членами государственной церкви и воспитывать новыя и новыя поколѣнія лжецовъ и ханжей! Лучше отречься отъ всего, что дорого и мило на свѣтѣ, чѣмъ продолжать эту ужасную комедію!» Осуждалъ Ламмерсъ и обрядъ вѣнчанія за тѣ вопросы, которые пасторъ предлагаетъ брачущимся; возставалъ и противъ похоронныхъ церковныхъ обрядовъ. «Да, я могъ бы сказать то же самое о такъ-называемомъ христіанскомъ погребеніи въ такъ-называемой освященной землѣ, оно такъ же мучило мою душу и казалось мнѣ ужаснымъ укрѣпленіемъ суевѣрія и нераскаянности; и не только, когда надъ умершимъ произносятся фальшивыя слова, подающія поводъ къ соблазну (а это случается всего чаще, когда покойный и провожающіе его до могилы принадлежатъ къ людямъ образованнымъ, понимающимъ), но и тогда даже, когда произносятся правдивыя слова о воскресеніи изъ мертвыхъ: и эти слова становятся фальшивыми, разъ воскресеніе обѣщается усопшему, который даже съ натяжкою не можетъ быть причисленъ къ тѣмъ, кто «почилъ въ Бозѣ». Мы не поставлены судить мертвыхъ, но не поставлены и оправдывать ихъ».

Закончилъ Ламмерсъ свою рѣчь молитвою о томъ, чтобы «насту-

пилъ, если возможно, день, когда въ этомъ такъ-называемомъ домѣ Божьемъ перестанетъ совершаться то, что противно волѣ Божьей», и чтобы «ни здѣсь, въ этой чудесной долинѣ Божьей, которой Его творческая рука назначила быть Господнимъ вертоградомъ, ни на нашихъ улицахъ, ни на дорогахъ, ни въ нашихъ домахъ, ни на нашихъ поляхъ, ни на нашихъ водахъ, ни въ нашихъ лѣсахъ никогда не раздавалось больше глумленій и не происходило постыдныхъ идолослуженій, но служили бы Господу въ духѣ и истинѣ непрестанно вездѣ и всегда, и въ будни, и въ воскресенье, и въ часы отдыха и покоя, и въ часы труда, въ потѣ лица, и въ радости, и въ горѣ» *).

Ибсенъ зналъ Ламмерса лично; мужественное, безстрашное поведеніе этого бывшаго пастора произвело на него глубокое впечатлѣніе, и нетрудно прослѣдить черты сродства между Ламмерсомъ и Брандомъ, особенно если вспомнить о томъ, что и Ламмерсъ собиралъ свою «свободную паству» и велъ ее молиться за городъ, въ поле или въ горы.

Если «Киркегоръ былъ черезчуръ кабинетный агитаторъ», какъ выразился однажды самъ Ибсенъ о знаменитомъ датскомъ писателѣ, вліяніе котораго многіе усматривали въ «Брандѣ», то Ламмерсъ былъ именно такой свободный служитель Божій, какъ Брандъ. Но самое появленіе Ламмерса было подготовленно «книжною» проповѣдью Киркегора, обратившаго свое перо противъ датской государственой церкви въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ и имѣвшаго огромное вліяніе на умы современниковъ **).

Почерпая для «Бранда» матеріалъ изъ современной дѣйствительности, Ибсенъ при обработкѣ его проявилъ такое же свободное отношеніе къ этой дѣйствительности, какъ къ исторической правдѣ при созданіи предыдущихъ своихъ произведеній. Дѣйствительность явилась для него лишь исходной точкою, но не цѣлью. Онъ не имѣлъ въ виду изобразить и объяснить такую личность, какъ Ламмерсъ, а просто воспользовался тѣми чертами его характера и жизни, которыя нашелъ пригодными для своей особой цѣли. Цѣлью этой было—показать кричащее противорѣчіе «межъ тѣмъ, что есть и что должно бы быть». Вотъ откуда та рѣзкая форма, въ которую вылилась поэма. Это—громовая обличительная рѣчь поэта и гражданина; это—объявленіе безпощадной войны тогдашнему норвежскому обществу.

Первоначально Ибсенъ пытался написать «Бранда» въ формѣ эпоса, но затѣмъ все-таки остановился на драматической формѣ, принимая при этомъ въ соображеніе лишь такія требованія драматической техники, которыя отвѣчали его полемическимъ цѣлямъ. Ему не было дѣла до правдоподобности и строгой драматической мотивировки; въ идеальныхъ сферахъ, гдѣ вращался его герой, всѣ эти

*) Срав. «Брандъ», т. I, стр. 225.

**) Подробнѣе о вліяніи Киркегора на Ибсена см. въ предисловіи къ переводу «Бранда» и въ статьѣ Веделя, приложенной къ біографіи.

требованія далеко не имѣли существеннаго значенія. Ибсенъ даже не позаботился о томъ, чтобы выведенныя имъ лица выражались такъ, какъ — можно себѣ представить — должны были бы выражаться въ дѣйствительности; онъ до такой степени былъ увлеченъ своей сатирически-полемическою цѣлью, что заставилъ ихъ казнить себя самихъ, вложивъ имъ въ уста комически-преувеличенныя характеристики. Стоитъ вспомнить рѣчи Эйнара, фогта, пробста, школьнаго учителя и кистера. Словомъ, авторъ ведетъ въ драмѣ ожесточенную войну и не даетъ пощады никому, не вкладываетъ оружія въ ножны, исключая тѣхъ сценъ, въ которыхъ участвуетъ Агнесъ. Она—кроткое, умиротворяющее начало среди этой суровой боевой атмосферы. Вся сердечная теплота и душевная чувствительность самого Ибсена вылились въ созданіи этого нѣжнаго образа, и потому-то Агнесъ и производитъ такое глубокое, трогательное впечатлѣніе въ той обстановкѣ, въ какую она поставлена авторомъ. Тихая семейная жизнь, къ которой Ибсенъ, несмотря на всю свою симпатію къ ней, такъ сурово отнесся въ «Комедіи любви», получила реваншъ въ «Брандѣ», благодаря Агнесъ, и когда авторъ подъ конецъ предоставляетъ лавинѣ снести тотъ окопъ, откуда летѣли разящія стрѣлы, въ душѣ читателя остается, по выраженію Іегера, двойное ощущеніе сладости и горечи, кротости и воинственнаго задора. Это-то ощущеніе и даетъ вѣрное представленіе о настроеніи самого автора. Отъ природы мягкая душа Ибсена подъ напоромъ жестокихъ ударовъ жизни облеклась въ грозную броню, но сердце подъ этой жестокой оболочкой билось тѣмъ горячѣе. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и признаніе, вложенное писателемъ въ уста Бранду:

Готовъ былъ я не разъ, глотая слезы,
Языкъ свой прикусить, которымъ я
Корилъ и бичевалъ, а той рукою,
Которую занесъ я для удара,
Хотѣлось мнѣ обнять и приголубить *).

Написанъ былъ «Брандъ» въ какіе-нибудь три мѣсяца, но сюжетъ или настроеніе давно уже преслѣдовали Ибсена, какъ кошмаръ, съ того самаго времени, какъ несчастныя событія на родинѣ заставили его «поглубже заглянуть въ самого себя» и въ норвежскую жизнь, пораздумать о вещахъ, которыя прежде ускользали отъ него или, во всякомъ случаѣ, не вызывали въ немъ достаточно серьезнаго отношенія» **). Весь первый годъ пребыванія въ Римѣ Ибсену однако не удавалось овладѣть темой, и это обстоятельство, въ связи съ матеріальною необезпеченностью, опять наложило на жизнь писателя мрач-

*) «Брандъ», т. I, стр. 152.
**) См. письмо къ Бьёрнсону, стр. 304.

ныя тѣни, которыя солнце юга и богатство римскихъ впечатлѣній было-прогнали. Изъ писемъ Ибсена къ Бьёрнсону, а также изъ воспоминаній Дитрихсона видно, что, когда впечатлѣнія эти нѣсколько утратили свою опьяняющую остроту, воодушевленный ими Ибсенъ съ горячностью взялся за работу. «Я теперь занятъ большой поэмой, а также подготовляю матеріалы для трагедіи «Юліанъ Отступникъ». Я заранѣе безконечно радуюсь этой новой работѣ и увѣренъ, что она мнѣ удастся. Къ веснѣ или во всякомъ случаѣ въ теченіе лѣта надѣюсь закончить ту или другую вещь», писалъ Ибсенъ Бьёрнсону *) на четвертый мѣсяцъ своего пребыванія въ Римѣ.

Надежды эти не сбылись; работа плохо подвигалась; и той и другой вещи (первая, какъ можно догадаться по воспоминаніямъ Дитрихсона, была первоначальнымъ наброскомъ будущей комедіи «Союзъ молодежи») предстояло еще долго зрѣть въ творческомъ сознаніи писателя. Въ душѣ его, какъ сказано, смутно бродили и мучили его, «какъ кошмаръ», иные идеи и образы. Матеріальное положеніе его съ семьей въ это время также было крайне незавидно; онъ прямо терпѣлъ нужду и ходилъ въ такой потертой одеждѣ, что, какъ пишетъ Лотаръ, возбуждалъ жалость среди членовъ Скандинавскаго кружка въ Римѣ. Письма къ Бьёрнсону **) достаточно ясно рисуютъ въ общихъ чертахъ это положеніе, выдавая постоянную тяжелую заботу Ибсена въ то время—откуда взять средства къ существованію. А приписка къ одному изъ писемъ ***) даетъ маленькую, но краснорѣчивую детальную иллюстрацію: «Милый Бьёрнсонъ! На этотъ разъ пользуюсь твоимъ разрѣшеніемъ посылать письма неоплаченными; пользуюсь поневолѣ». Вотъ, значитъ, до какой крайности доходилъ иногда будущій всемірно-прославленный писатель!

Бьёрнсонъ, какъ видно отчасти изъ тѣхъ же писемъ, продолжалъ оставаться для Ибсена прежнимъ заботливымъ и энергичнымъ другомъ, благодаря стараніямъ котораго острые кризисы болѣе или менѣе скоро и благополучно разрѣшались. Въ письмахъ Ибсена то и дѣло встрѣчаются выраженія горячей его признательности Бьёрнсону. Но денежныя затрудненія все-таки не такъ удручали Ибсена, какъ то, что «работа у него не клеилась», какъ писалъ онъ самъ тому же Бьёрнсону. Только въ іюлѣ 1865 г. его «осѣнило»; передъ нимъ въ ясной и опредѣленной формѣ выступило то, что ему хотѣлось высказать въ своемъ произведеніи. И вотъ все, надъ чѣмъ онъ «мучился цѣлый годъ безъ толку, было выкинуто за бортъ», и съ середины іюля онъ началъ «нѣчто новое», что стало у него подвигаться впередъ такъ быстро, какъ ни разу еще не шла ни одна работа;

*) Стр. 299.
**) Стр. 299, 300, 302, 304, 306, 310, 311.
***) Стр. 312.

онъ «работалъ и *до* и *послѣ* обѣда, чего прежде никогда не могъ» *)...

И какъ только онъ почувствовалъ возможность вполнѣ отдаться творчеству, «опять все стало хорошо». «Не безцѣнный ли даръ счастья—писательское дарованіе!»—восклицаетъ Ибсенъ въ томъ же письмѣ, полномъ самаго свѣтлаго и бодраго настроенія, несмотря на то, что матеріальное положеніе писателя продолжало оставаться шаткимъ, и надежды на упроченіе его путемъ новыхъ стипендій и писательскаго жалованья **) были сомнительны. Назначеніе жалованья зависѣло отъ стортинга, а Ибсенъ чувствовалъ, что новое произведеніе, надъ которымъ онъ работалъ, т.-е. «Брандъ», не особенно расположитъ въ его пользу членовъ стортинга. «Но накажи меня Богъ,—писалъ онъ Бьёрнсону:—если я по этой причинѣ захочу или смогу вычеркнуть хоть одну строку, какъ бы она тамъ ни пришлась не по зубамъ этимъ мелкимъ душонкамъ. Пусть лучше я всю жизнь проживу нищимъ. Если я не могу быть самимъ собою въ своихъ произведеніяхъ, то все въ нихъ будетъ ложь и обманъ, а этого у насъ на родинѣ и безъ того довольно, такъ что не зачѣмъ тратить народныя деньги на увеличеніе этого добра» ***).

Въ этихъ строкахъ Ибсенъ передъ нами во всю свою духовную величину и какъ писатель и какъ человѣкъ. И нигдѣ такъ ясно не сказывается, какъ въ письмахъ Ибсена за этотъ «римскій періодъ», насколько тѣсно и неразрывно было связано его творчество съ его личною жизнью, насколько онъ считалъ себя самого обязаннымъ быть вѣрнымъ тѣмъ высокимъ идеаламъ, которые провозглашалъ устами своихъ героевъ.

Издатели собранія писемъ Ибсена вполнѣ правильно и оцѣнили ихъ значеніе для «освѣщенія самой личности» великаго драматурга, говоря о нихъ въ предисловіи къ собранію: «Они (письма) даютъ намъ непосредственныя отраженія его личныхъ чувствъ, выясняютъ какъ разъ такую сторону его жизни, которая доселѣ была почти закрыта отъ глазъ постороннихъ. Мы въ этихъ письмахъ видимъ Ибсена со всѣми его человѣческими слабостями и душевнымъ величіемъ, получаемъ возможность прослѣдить развитіе его міросозерцанія и взглядовъ на искусство, ростъ и цѣли его творчества ****).

---

*) Всѣ эти выдержки взяты изъ письма на стр. 304.

**) См. прошеніе Ибсена, стр. 303.

***) Стр. 305.

****) Съ этой характеристикой, казалось бы, должны были согласиться всѣ почитатели Ибсена и съ жадностью ухватиться за предлагаемый ключъ къ тайникамъ души великаго писателя, который при жизни считался чуть ли не сфинксомъ. Особенно же драгоцѣннымъ долженъ показаться матеріалъ, доставляемый письмами, литературнымъ критикамъ. Нельзя поэтому не удивляться отзыву одного изъ таковыхъ, пользую-

Итакъ, никакія личныя соображенія не могли помѣшать Ибсену продолжать въ добровольномъ своемъ изгнаніи начатую имъ еще на родинѣ борьбу со «старымъ епископомъ, вождемъ баглеровъ», олицетвореніемъ всего темнаго, отрицательнаго въ норвежскомъ народѣ, всего того, что̀ слѣдовало, по мнѣнію Ибсена, вырвать съ корнемъ. Очутясь вдали отъ родины во внѣшнемъ смыслѣ, Ибсенъ какъ будто сталъ къ ней еще ближе въ духовномъ, яснѣе узрѣлъ ее внутреннимъ взоромъ и сталъ бросать ей, словно въ самое лицо, одно за другимъ свои пламенныя обвиненія и вызовы на судъ.

«Брандъ» явился первымъ цѣльнымъ и могучимъ выраженіемъ той «ненависти», которая тожественна у поэта съ «лучшею любовью къ родинѣ» *). И, какъ извѣстно, «Брандъ» произвелъ сильное, ошеломляющее впечатлѣніе не только въ Норвегіи, но и во всей Скандинавіи.

Благодаря заботливости Бьёрнсона, выходъ въ свѣтъ новаго произведенія Ибсена былъ обставленъ наиболѣе благопріятно какъ для распространенія и успѣха самаго произведенія, такъ и для тощаго кармана автора. Бьёрнсонъ горячо рекомендовалъ Ибсена своему копенгагенскому издателю Гегелю, и послѣдній, познакомясь съ первою частью поэмы, не колеблясь рѣшилъ приложить столь много значившую печать своей старой, солидной фирмы къ произведенію автора, до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстнаго въ Даніи и съ такимъ трудомъ пристраивавшаго свои произведенія у себя на родинѣ. Опытный издатель и не прогадалъ. Первое изданіе «Бранда» разошлось въ нѣсколько недѣль, и въ теченіе перваго же года понадобились еще четыре изданія **). Самыя отношенія между Ибсеномъ и Гегелемъ, начатыя изданіемъ «Бранда», все крѣпли и перешли понемногу въ искренно-дружескія, о чемъ свидѣтельствуетъ ихъ переписка.

Успѣхъ «Бранда» положилъ начало новой полосѣ въ жизни Ибсена. Изъ малоизвѣстнаго писателя онъ почти разомъ сталъ извѣстностью, признаннымъ крупнымъ талантомъ, предыдущія произведенія кото-

---

щагося громкою извѣстностью,—Георга Брандеса. Послѣдній въ статьѣ, посвященной памяти великаго норвежскаго драматурга, говоритъ, что «появившіяся въ печати письма Ибсена не даютъ надлежащаго представленія о его личности. Онъ въ нихъ главнымъ образомъ занятъ устройствомъ своихъ дѣлъ. Въ нихъ мало проблесковъ того генія, который писалъ: «Я не занимаюсь перестановкой фигуръ на шахматной доскѣ; опрокинь всю доску. п—я твой». Утвержденіе Брандеса столь же неправильно, сколь голословно, и вдобавокъ противорѣчитъ его собственному отзыву о значеніи писемъ Ибсена для его (Брандеса) духовной жизни, отзыву, высказанному въ статьѣ: «Личная точка зрѣнія», помѣщенной въ приложеніи къ біографіи.

*) См. «Брандъ», т. I, стр. 119.

**) До настоящаго времени «Брандъ» выдержалъ 16 изданій (отдѣльныхъ, не считая 3 изданій «Собранія сочиненій»).

раго также вдругъ пріобрѣли особый интересъ и способствовали увеличенію круга новыхъ его читателей и почитателей.

Одновременно съ счастливымъ поворотомъ въ судьбѣ Ибсена, какъ писателя, произошелъ поворотъ къ лучшему и въ его матеріальномъ положеніи. Норвежскій стортингъ призналъ наконецъ Ибсена достойнымъ писательскаго жалованья (400 специй-далеровъ въ годъ), въ добавленіе къ которому правительство назначило ему стипендію въ 350 сп.-дал. изъ фонда на поѣздки за границу съ образовательною цѣлью, и наконецъ онъ получилъ еще одну небольшую стипендію (въ 100 сп.-дал.) отъ троньемскаго ученаго общества. Такой поворотъ произошелъ, впрочемъ, не безъ усиленнаго содѣйствія преданныхъ друзей Ибсена, какъ о томъ свидѣтельствуютъ его письма *). Да и самъ онъ сумѣлъ поддержать свое дѣло краснорѣчивымъ письмомъ-прошеніемъ на имя короля **).

Дѣло въ томъ, что на этотъ разъ главнымъ противникомъ назначенія Ибсену жалованья отъ государства явился тотъ самый членъ государственнаго совѣта Риддерсвольдъ, который содѣйствовалъ полученію писателемъ первой стипендіи на поѣздку за границу. Теперь Риддерсвольдъ въ качествѣ гражданскаго представителя государственной церкви объявилъ, что не можетъ внести въ стортингъ офиціальнаго предложенія о назначеніи жалованья писателю, пишущему карикатуры на норвежское духовенство и нападающему на государственную церковь. Вліятельные друзья Ибсена не замедлили вмѣшаться въ дѣло, и такъ какъ въ числѣ доброжелателей писателя оказались и предсѣдатель государственнаго совѣта Сиббернъ и даже самъ король, то дѣло и было улажено. Предложеніе было внесено и принято членами стортинга, подготовленными агитаціей литературныхъ друзей Ибсена, почти единогласно (противъ принятія было всего 4 голоса)***).

Письма Ибсена къ друзьямъ, относящіяся къ періоду борьбы за такое офиціальное признаніе его дарованій и заслугъ, и особенно его письмо къ королю, въ высшей степени характерны. Отстаивая въ нихъ свои права и значеніе, какъ писателя *милостью Божьей,* Ибсенъ въ то же время отстаивалъ права писателей вообще, какъ истинныхъ слугъ отечества, на такое же офиціальное признаніе и вознагражденіе за свою дѣятельность, какими пользуются другіе и состоящіе на такъ-называемой «дѣйствительной службѣ» государства.

Необычайный успѣхъ «Бранда» вызвалъ громадный подъемъ духа въ Ибсенѣ и такой приливъ творческихъ силъ, что прошелъ всего годъ съ небольшимъ, какъ у него уже было готово новое крупное произведеніе «Перъ Гюнтъ». «У меня теперь столько рабочей энергіи, столько

*) Биркеланду (стр. 320 и 328). Бьёрнсону (стр. 322) и Боттенъ-Гансену (стр. 326).

**) Стр. 313.

***) См. примѣчанія къ «Письмамъ Ибсена», къ стр. 313.

силъ, что я, кажется, уложилъ бы на мѣстѣ медвѣдя»,—писалъ въ то время Ибсенъ Биркеланду *).

«Мелкія душонки» **) все-таки почувствовали величіе своего земляка и, вотировавъ ему то офиціальное признаніе его заслугъ, котораго онъ требовалъ, не дали ему повода «считать свое дѣло въ Норвегіи конченнымъ» ***). Быть-можетъ, и это отчасти настроило воинственную лиру неукротимаго борца за идеалы на нѣсколько болѣе мягкій и шутливый ладъ; главную же причину того, что новое произведеніе было написано въ куда болѣе легкихъ свѣтлыхъ тонахъ, нежели предыдущее, приходится, конечно, искать въ освѣтившемъ наконецъ изстрадавшуюся душу писателя солнцѣ литературнаго успѣха.

Въ «Перѣ Гюнтѣ» не слышно громовыхъ раскатовъ гнѣва и негодованія, какъ въ «Брандѣ», а только звонкое щелканіе бича злой сатиры. По внутренней сущности «Перъ Гюнтъ» однако прямое продолженіе «Бранда», съ той лишь разницей, что Брандъ — антитеза, а Перъ Гюнтъ—портретъ; первый—олицетвореніе того, чего недостаетъ норвежскому народу, второй—того, что присуще этому народу. Въ характеристикѣ норвежцевъ, которую Ибсенъ вложилъ въ уста Бранда: «...здѣсь каждый научился быть *понемногу* всѣмъ—и тѣмъ и сѣмъ... онъ дробь и въ маломъ и въ великомъ, въ злomъ и въ добромъ...» и т. д. уже заключался эскизъ для того портрета, которымъ явился Перъ Гюнтъ.

Перъ Гюнтъ—собирательный типъ норвежца, представитель націи, въ которомъ налицо всѣ недостатки, безпощадно бичуемые Ибсеномъ въ Брандѣ; Перъ Гюнтъ — олицетворенная половинчатость, безхарактерность и трусливый эгоизмъ.

Но, разумѣется, «Перъ Гюнтъ» не былъ бы тѣмъ законченнымъ и жизненнымъ произведеніемъ, какимъ является въ дѣйствительности, если бы Ибсенъ строго ограничился лишь изображеніемъ національно-типическаго элемента. Писатель и тутъ, начавъ съ абстракціи, кончилъ созданіемъ живого индивидуальнаго лица. Перъ Гюнтъ является не только норвежцемъ вообще; онъ — норвежецъ извѣстной эпохи, а именно—конца періода романтизма. Уже въ «Брандѣ» встрѣчаются отдѣльныя нападки на внѣшнія проявленія романтизма (стоитъ вспомнить увлеченіе фогта временами короля Беле); въ «Перѣ Гюнтѣ» же авторъ бьетъ въ самую точку, направляетъ удары въ самую сущность романтизма. При этомъ онъ, въ противоположность другимъ писателямъ, дававшимъ въ своихъ произведеніяхъ отрицательные типы фантазеровъ-интеллигентовъ, выхватилъ своего героя прямо изъ народной среды. Перъ Гюнтъ не продуктъ искусственнаго романтизма, какъ тѣ,

*) Стр. 320.
**) Изъ письма, стр. 305.
***) Изъ письма, стр. 320.

но плодъ народнаго, національнаго, который служитъ первоосновой искусственнаго. Какъ извѣстно, Ибсенъ не только заимствовалъ имя своего героя, но и нѣкоторыя подробности его характеристики частью изъ «Народныхъ сказокъ» Асбьёрнсона и Мо, частью изъ «Волшебныхъ сказокъ» Асбьёрнсона, и при этомъ выразительно подчеркнулъ, что фантазерство Пера Гюнта выросло на почвѣ тѣхъ же сказокъ, которыми его съ дѣтства пичкала мать; послѣдняя вѣдь сама говоритъ:

Ну, какъ же быть, какъ время скоротать?
Съ судьбой бороться развѣ намъ подъ силу?
Да и глядѣть въ глаза ей тоже страшно,
Ну вотъ, и норовятъ забыться люди,
Разсѣять мысли жуткія; кто чаркой,
Кто выдумкой баюкаетъ себя;
И мы съ сыночкомъ сказками спасались *)...

Для тѣхъ, кто читаетъ «Пера Гюнта» теперь, это сопоставленіе водки со сказками звучитъ уже не такъ ужасно, но тогда это было ударомъ прямо въ лицо всему тому, что̀ еще играло большую роль въ литературѣ.

Воспитаніе, полученное Перомъ Гюнтомъ, и принесло плоды; съ первой же минуты знакомства съ нимъ читатель видитъ фантазера, который слоняется да бредитъ наяву вмѣсто того, чтобы дѣлать что-нибудь путное. Если же онъ наконецъ совершаетъ какой-нибудь рѣшительный поступокъ, то совершаетъ его по тому же побудительному мотиву, который обыкновенно двигаетъ слабохарактерными людьми, а именно— «на зло». Перъ Гюнтъ бѣжитъ съ Ингридъ «на зло» Сольвейгъ, и поступокъ его самъ по себѣ такъ неоснователенъ, безсмысленъ, настолько въ духѣ сказокъ, насколько вообще можно ожидать отъ фантазера.

Выдается минута, когда онъ смутно чувствуетъ, что жизнь дѣла лучше жизни въ мечтахъ,—это минута, когда онъ только-что спасся отъ преслѣдованія цѣлой деревни.

Мять, крутить, водопадъ запрудить!
Бить! Съ корнями выдергивать сосны!
Это—жизнь! Закалитъ хоть кого!
Къ чорту выдумки, глупыя сказки! **).

Но этотъ подъемъ духа длится недолго; скоро Перъ Гюнтъ съ головой вязнетъ въ фантазерствѣ, такъ что даже самъ не разберетъ, что̀ пережилъ на самомъ дѣлѣ и что̀ пережилъ только въ воображеніи, и все смѣшиваетъ въ одну кучу:

*) «Перъ Гюнтъ», т. I, стр. 281—282.
**) Т. I, стр. 284.

Ендинъ... полетъ на оленѣ...
Сказки и чортова ложь...
Въ горы украдкой съ невѣстой...
Бѣшеный бѣгъ по скаламъ...
Пьянство безъ просыпа сутки...
Коршуновъ стая за мной,
Тролли и всякая нечисть...
Съ дѣвками шалыми ночь...
Ложь и проклятыя сказки *).

И всякій разъ, какъ на пути его становится серьезная суть жизни, онъ сворачиваетъ въ сторону по дорожкѣ, указанной матерью, уходитъ въ свой міръ фантазій, чтобы «забыть всѣ бѣды, напасти и горе», все то, «отъ чего на душѣ становится тоскливо». Онъ постоянно обходитъ сторонкой, никогда не идетъ напрямикъ; даже у смертнаго одра матери онъ не хочетъ взглянуть въ глаза правдѣ, но фантазируетъ и уноситъ въ міръ грезъ и мать и себя. Какая разница между суровымъ, но честнымъ отношеніемъ Бранда къ умирающей матери и этой фантазерской слабостью, которая выдумкой провожаетъ мать на тотъ свѣтъ! Безъ сомнѣнія, сцена смерти матушки Озе **) была задумана Ибсеномъ именно въ контрастъ и параллель смерти матери Бранда. Сцена эта, сама по себѣ глубоко художественная и трогательная, послужила благодарной темой для фантазіи знаменитаго земляка Ибсена, композитора Грига; вдохновенная музыкальная иллюстрація послѣдняго къ «Перу Гюнту» извѣстна всему сколько-нибудь интересующемуся музыкой образованному міру.

Двойственное существованіе, которое ведетъ Перъ Гюнтъ, неизбѣжно порождаетъ настоящую романтическую половинчатость, вызываетъ трусость и безхарактерность, эгоизмъ и раздробленность, кладетъ непроходимую пропасть между желаніемъ и дѣйствіемъ, между намѣреніемъ и исполненіемъ. Вотъ наиболѣе характерное признаніе самого Пера Гюнта:

Придумать это, этого *желать*,
Хотѣть... но *сдѣлать*?.. Нѣтъ, не понимаю ***).

Все, что онъ дѣлаетъ, онъ и дѣлаетъ лишь наполовину; онъ никогда не поступаетъ безповоротно ни въ добромъ ни въ зломъ; стираетъ одною рукой то, что написалъ другою, поэтому и становится безхарактернымъ, безличнымъ, поэтому и обрекается на «переплавку», какъ всякій, кто не развился въ личность, но лишь въ эгоиста, въ карикатуру личности, кто не сталъ «самимъ собою», но лишь былъ «дово-

*) «Перъ Гюнтъ», т. I, стр. 285—286.
**) Т. I, стр. 308—312.
***) Т. I, стр. 300.

ленъ собою». Читая «Пера Гюнта», невольно вспоминаешь основное правило Г.-Х. Эрстеда *): «Забудь про свое *я*, но не утрачивай его». А Перъ Гюнтъ какъ разъ вывернулъ наизнанку это правило: онъ утратилъ свое «я», но никогда не забывалъ про него и постоянно ублажалъ его.

Такимъ образомъ первоначально задуманная, какъ національный типъ, фигура превратилась въ типичнаго представителя того періода норвежской жизни, послѣднюю фазу котораго Ибсенъ самъ захватилъ и съ которымъ порвалъ сначала «Брандомъ», а затѣмъ окончательно «Перомъ Гюнтомъ».

По прямымъ сатирическимъ выпадамъ «Перъ Гюнтъ» значительно слабѣе «Бранда». Въ первыхъ трехъ дѣйствіяхъ попадаются только легкія насмѣшки надъ преувеличеннымъ патріотизмомъ норвежцевъ; самою ядовитою изъ этихъ насмѣшекъ является знаменитое патріотическое изреченіе Доврскаго дѣда:

Волъ даетъ медъ, а корова блины;
Кисло ли, сладко ли будетъ —
Дѣло не въ томъ; здѣсь вся суть, что свое
Все у насъ, непокупное **).

Подобную же насмѣшку, направленную спеціально по адресу «языкорадѣтелей», находимъ въ домѣ умалишенныхъ въ Капрѣ ***).

Въ общемъ авторъ при созданіи этого произведенія руководился общими поэтическими и психологическими задачами, а не спеціально сатирическими, и, формируя характерную для того переходнаго времени фигуру своего героя, создалъ типъ, который имѣетъ значеніе не для одной Норвегіи и даже не только для Сѣвера. Типъ этотъ, несмотря на свой яркій національный колоритъ, и былъ понятъ и возбудилъ восхищеніе далеко за предѣлами родины автора °).

Въ смыслѣ формы «Перъ Гюнтъ» написанъ — какъ сознался впослѣдствіи самъ Ибсенъ въ письмѣ къ своему англійскому переводчику Госсе °°) — «безпорядочно и безцеремонно», и, пожалуй, отчасти благодаря этому принесъ своему автору не однѣ розы успѣха, какъ «Брандъ». Нѣкоторые даже изъ выдающихся литературныхъ критиковъ того времени, отличавшихся вкусомъ и пониманіемъ, не сумѣли правильно оцѣнить новое произведеніе. Одинъ изъ такихъ критиковъ, а именно Клеменсъ Петерсенъ, другъ Б. Бьёрнсона, сотрудничавшій во вліятельной и распространенной копенгагенской газетѣ «Fädrelandet»

*) Знаменитый датскій ученый, физикъ.
**) Т. I, стр. 290.
***) «Перъ Гюнтъ» т. I, стр. 350—352; объясненіе въ предисловіи къ пьесѣ.
°) Подробную характеристику см. въ предисловіи къ «Перу Гюнту».
°°) Стр. 394.

(«Отечество»), напримѣръ, прямо заявилъ, что «Перъ Гюнтъ» — не настоящая поэзія.

Этотъ отзывъ вызвалъ въ Ибсенѣ приливъ бурнаго негодованія, которое онъ излилъ въ письмѣ къ Бьёрнсону *): «Мое произведеніе— поэзія, а если нѣтъ, то будетъ поэзіей. Понятіе «поэзія» должно измѣниться у насъ, на родинѣ, примѣнительно къ моему произведенію. Нѣтъ на свѣтѣ разъ навсегда установленныхъ понятій...» «И развѣ Перъ Гюнтъ не личность, не законченная индивидуальность? Я знаю, что это такъ. А мать его?.. Я тѣмъ не менѣе радъ причиненной мнѣ несправедливости; это знакъ милости Божіей; я чувствую, какъ силы мои растутъ въ гнѣвномъ порывѣ. Война, такъ война! Если я не поэтъ, то мнѣ нечего терять. Попытаюсь быть фотографомъ. Возьмусь за изображеніе моего вѣка и моихъ современниковъ, тамъ, на Сѣверѣ, буду выводить ихъ одного за другимъ...» Не удержался въ этомъ письмѣ Ибсенъ и отъ рѣзкихъ упрековъ по адресу самого Бьёрнсона, на котораго отчасти возлагалъ вину за несправедливость его друга Клеменса Петерсена.

Отношенія между Ибсеномъ и Бьёрнсономъ вообще начали портиться, благодаря «друзьямъ-пріятелямъ», еще съ конца 1866 г. Изъ письма Ибсена въ октябрѣ упомянутаго года видно, что между ними уже была небольшая размолвка **), а въ декабрѣ 1867 года Ибсенъ началъ свое письмо (то самое, изъ котораго выше приведены выдержки) такъ: «Что это въ сущности за чертовщина вторгается въ наши отношенія? Положительно какъ будто самъ дьяволъ становится между нами и мутитъ». Въ концѣ же этого письма онъ пишетъ: «Дорогой Бьёрнсонъ, попытаемся все-таки держаться другъ друга. *Друзья* наши уже достаточно отравляли намъ жизнь и усугубляли намъ тяжесть борьбы».

Отвѣтъ Бьёрнсона возстановилъ добрыя отношенія между двумя крупнѣйшими литературными силами Норвегіи, но сравнительно ненадолго. Слѣдующее произведеніе, комедія «Союзъ молодежи», вырыло между ними цѣлую пропасть.

Кстати, мысль написать комедію подалъ Ибсену самъ Бьёрнсонъ по выходѣ въ свѣтъ «Пера Гюнта», какъ можно заключить изъ письма Ибсена ***). Изъ того же письма видно, что Ибсенъ въ это время (т.-е. въ концѣ 1867 г.) подумывалъ уже о переселеніи изъ Рима куда-нибудь,—только не на родину. Главной причиной, побуждавшей его къ перемѣнѣ мѣстожительства, была, повидимому, забота о воспитаніи и образованіи сына, которому пошелъ девятый годъ. До тѣхъ поръ мальчикъ занимался дома съ матерью и отцомъ, который вообще удѣлялъ духовному развитію ребенка много вниманія, о чемъ отчасти можно судить по его письмамъ. Теперь Сигурдъ вступилъ въ школь-

*) См. стр. 339—341.
**) См. стр. 331.
***) См. стр. 342.

ный возрастъ, и предстояло помѣстить его въ учебное заведеніе; по римскія школы того времени, разумѣется, не подходили для воспитанія лютеранина и норвежца. На родину же Ибсенъ не считалъ еще возможнымъ возвратиться по личнымъ причинамъ. «Если бы я вернулся домой теперь, то случилось бы одно изъ двухъ: или я въ какой-нибудь мѣсяцъ нажилъ бы себѣ врага чуть не въ каждомъ землякѣ, или, опять примѣряя на себя всевозможныя хламиды, сталъ бы лгать себѣ самому и всѣмъ»,—писалъ онъ въ упомянутомъ письмѣ къ Бьёрнсону. Въ письмѣ же къ тещѣ, написанномъ въ октябрѣ 1867 г. *), содержатся такія строки: «Я часто отказываюсь понимать, какъ ты тамъ (т.-е. въ Норвегіи) выдерживаешь... Жизнь тамъ... въ состояніи уморить въ человѣкѣ душу живую, выморить всякую волю и энергію; проклятая особенность тѣхъ мелочныхъ условій именно та, что они измельчаютъ души». А въ письмѣ къ ней же въ мартѣ 1868 г. **) Ибсенъ говоритъ, что вообще не предвидитъ для себя возможности ужиться на родинѣ, особенно въ Христіаніи, и прибавляетъ: «Мнѣ часто бываетъ ясно, какъ день, что всѣмъ тамъ, на родинѣ, у кого есть умъ и чувство, ничего другого въ сущности и не остается, какъ, подобно подстрѣленному оленю, забиться въ глушь, чтобы умереть одному въ тиши».

Одно время Ибсену казалось, что наиболѣе подходящимъ и пріятнымъ для него мѣстожительствомъ—по возвращеніи изъ-за границы—былъ бы Копенгагенъ, такъ какъ онъ вообще считалъ этотъ городъ культурнымъ центромъ Сѣвера. Такъ, напримѣръ, онъ писалъ Биркеланду: «...быть-можетъ, въ будущемъ я поселюсь навсегда въ Копенгагенѣ» ***). а тещѣ своей: «всѣмъ, изъ кого можетъ выйти прокъ, слѣдовало бы оставаться въ Копенгагенѣ, тамъ въ сущности настоящій скандинавскій центръ, наименѣе ограниченный и односторонній ****).

Но при рѣшеніи вопроса о томъ, куда переселиться изъ Рима, Ибсенъ все-таки не остановился на Копенгагенѣ,—быть-можетъ, потому, что еще не считалъ полезнымъ настолько приблизиться къ родинѣ,—предпочиталъ продолжать наблюдать за ходомъ тамошнихъ событій издали ради того, чтобы выиграть въ перспективѣ и ясности взгляда, какъ самъ высказывалъ не разъ.

Но если не Данія, то Германія. Поселиться въ столицѣ Германіи ему однако въ голову не могло придти при его ненависти къ спаянному желѣзомъ и кровью государственному строю Пруссіи,—ненависти, отголоски которой явственно слышатся въ его письмахъ и нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ. И вотъ для начала онъ рѣшилъ временно

*) См. стр. 336.
**) Стр. 346.
***) Стр. 320.
****) Стр. 309.

остановиться на Дрезденѣ, о которомъ сохранилъ самыя свѣтлыя, пріятныя воспоминанія *) изъ своего четырехмѣсячнаго пребыванія тамъ въ свою первую заграничную поѣздку въ 1852 г. Жизнь въ Дрезденѣ однако сложилась для него настолько удобно и пріятно, что, вмѣсто временнаго пріюта, городъ этотъ сталъ для Ибсена съ семьей постоянной резиденціей на цѣлыя семь лѣтъ.

VII.

Въ Дрезденѣ.

Живя въ Римѣ, Ибсенъ обыкновенно проводилъ лѣтнія каникулы съ семьей гдѣ-нибудь въ Италіи же—въ горахъ или на берегу моря (въ Гензано, Фраскати, Искіи, Сорренто и пр.). Передъ переселеніемъ же въ Германію Ибсенъ—можетъ-быть, для того, чтобы облегчить себѣ и семьѣ своей переходъ къ новымъ условіямъ жизни—провелъ лѣто въ Тиролѣ и затѣмъ нѣкоторое время въ Мюнхенѣ, «подъ чуднымъ, чисто итальянскимъ небомъ», наслаждаясь «истинно художественными сокровищами Мюнхена и такой ненавистью населенія къ пруссакамъ» **), о какой не имѣли даже понятія на Сѣверѣ. Въ это лѣто Ибсенъ отступилъ также отъ обыкновенія своего разрабатывать на лонѣ лѣтней природы темы, выношенныя въ зимней городской обстановкѣ. Лѣтомъ 1868 года онъ, напротивъ, только обдумывалъ планъ своего новаго труда, а писать принялся лишь осенью, когда уже устроился въ Дрезденѣ, гдѣ зажилъ мирною, уединенною жизнью, посвященной почти исключительно работѣ и семьѣ. Правда, онъ записался въ члены союза литераторовъ, но рѣдко посѣщалъ собранія и не принималъ участія въ дебатахъ.

Во внѣшности его, во время пребыванія въ Германіи, также произошла нѣкоторая перемѣна: живописно-изящный бархатный пиджакъ, которымъ онъ—по словамъ Лотара—поспѣшилъ обзавестись послѣ счастливой, связанной съ успѣхомъ «Бранда» перемѣны въ своемъ матеріальномъ положеніи, уступилъ мѣсто строгому черному сюртуку, застегнутому на всѣ пуговицы.

Въ Римѣ, въ промежутки между созданіемъ «Бранда» и «Пера Гюнта», Ибсенъ усердно занимался въ римскихъ книгохранилищахъ, собирая и пополняя матеріалы для занимавшей его умъ, почти съ первыхъ дней его пребыванія въ вѣчномъ городѣ, грандіозной темы о борьбѣ «Кесаря и Галилеянина», но къ разработкѣ самой темы все не приступалъ; она, видимо, еще недостаточно созрѣла въ его душѣ. И лѣтомъ 1868 г. онъ занялся обдумываніемъ, а осенью, по переѣздѣ въ Дрезденъ, разработкой другой темы, подсказанной ему тогдашнимъ са-

*) См. письмо Джону Григу, стр. 313
**) См. письмо къ Гегелю, стр. 347.

тирическимъ направленіемъ его музы. Въ теченіе зимы трудъ этотъ былъ оконченъ, и осенью 1869 г. вышла въ свѣтъ «первая въ норвежской литературѣ настоящая современная комедія»,—какъ отзывается Іегеръ о «Союзѣ молодежи».

Уже «Комедія любви», вышедшая въ 1863 г., представляла попытку въ этомъ родѣ, но тогда въ авторѣ еще слишкомъ сильно говорило негодованіе, и смотрѣлъ онъ на все болѣе съ полемической, нежели съ комической точки зрѣнія, бичевалъ своихъ героевъ, а не только осмѣивалъ. Въ «Брандѣ» волна негодованія достигла наибольшей силы, и Ибсенъ почти всецѣло посвятилъ свое перо полемикѣ; въ «Перѣ Гюнтѣ» волна уже нѣсколько слабѣе, а къ зимѣ 1868—69 гг., къ которой относится «Союзъ молодежи», въ душѣ поэта уже наступило такое успокоеніе, что онъ лишь смѣхомъ реагировалъ на типы и условія, прежде дававшіе ему поводъ для горькой сатиры. Подробный разборъ комедіи помѣщенъ въ предисловіи къ переводу ея, и здѣсь мы повторимъ лишь заключительныя строки характеристики, сдѣланной Іегеромъ: «Съ художественной точки зрѣнія «Союзъ молодежи» мастерская вещь; даже второстепенныя лица въ ней запечатлѣны тою жизненностью, вѣрностью дѣйствительности, которыя сдѣлали ее единственною, не имѣвшею себѣ равной въ норвежской литературѣ того времени. И въ смыслѣ формы «Союзъ молодежи» явился произведеніемъ образцовымъ, открывшимъ новую эпоху драматическаго творчества. Тотъ жизненный драматическій діалогъ, который Ибсенъ пытался дать въ «Комедіи любви», выдержанъ въ «Союзѣ молодежи» въ совершенствѣ. Реплики дѣйствующихъ лицъ какъ будто не написаны, а сказаны; лица эти болтаютъ, вздорятъ, перебиваютъ другъ друга, бранятся, говорятъ иногда неправильнымъ языкомъ, совсѣмъ какъ въ повседневной жизни».

Какъ извѣстно, норвежская публика не сразу оцѣнила художественныя достоинства пьесы, отнесясь къ ней, какъ къ политическому памфлету. Въ этомъ недоразумѣніи въ значительной степени были виновны литературные и театральные критики. Первые три представленія пьесы вслѣдствіе этого и сопровождались настоящимъ скандаломъ въ зрительной залѣ, — либералы встрѣчали громкимъ шиканьемъ всѣ реплики, казавшіяся имъ непристойнымъ осмѣяніемъ либерализма вообще, а представители правой консервативной партіи отвѣчали бурными аплодисментами. Только немногіе, не ослѣпленные политическими страстями, поняли, что удары писателя были направлены лишь на псевдо-либераловъ, и еще меньше нашлось людей, сумѣвшихъ сразу оцѣнить художественныя достоинства произведенія, взглянувъ на него съ чисто-художественной точки зрѣнія *).

Особенное негодованіе возбудила пьеса въ партіи народниковъ, гла-

*) См. подробности въ предисловіи къ переводу пьесы.

вою которой былъ Бьёрнстьерне Бьёрнсонъ. Народники увидѣли въ адвокатѣ Стенсгорѣ карикатуру на своихъ вождей — Свердрупа и Бьёрнсона, дѣйствительно отличавшихся крайне напыщенною формою рѣчи, когда имъ приходилось говорить публично. Самъ Бьёрнсонъ былъ того же мнѣнія и въ стихотвореніи, посвященномъ Свердрупу, сравнилъ поступокъ Ибсена, т.-е. предполагаемое осмѣяніе имъ Свердрупа и себя, съ «убійствомъ изъ-за угла». Съ этого времени и начался періодъ рѣзкаго отчужденія Бьёрнсона отъ бывшаго друга, превратившагося въ его глазахъ въ политическаго врага. Ибсенъ былъ озадаченъ такимъ истолкованіемъ его «нехитрой комедіи» (какъ онъ выразился о ней въ письмѣ къ Дитрихсону *), которую писалъ, находясь «въ счастливомъ, умиротворенномъ настроеніи» **), и въ которой, соотвѣтственно этому настроенію, думалъ изобразить простую будничную жизнь, не давая «никакихъ сильныхъ душевныхъ волненій, глубокихъ чувствъ и прежде всего никакихъ *одинокихъ* мыслей» ***). Первыя извѣстія о пріемѣ на родинѣ этого «мирнаго», по его собственному выраженію, произведенія дошли до Ибсена въ Египтѣ, гдѣ онъ находился въ то время гостемъ хедива. Подъ первымъ горькимъ впечатлѣніемъ этихъ извѣстій у него и вылилось стихотвореніе «Въ Портъ-Сандѣ». Затѣмъ онъ уже болѣе спокойно писалъ Гегелю, что къ нападкамъ вообще былъ въ сущности готовъ, и неожиданнымъ явилось для него лишь отношеніе Бьёрнсона. «Долженъ же онъ былъ понять, что не онъ, а его пагубный, изолгавшійся партійный кружокъ доставилъ мнѣ модели. Впрочемъ, я напишу ему сегодня или завтра и надѣюсь, что мы, невзирая на всѣ наши разногласія вообще, покончимъ дѣло миромъ» °). Вѣроятно, Ибсенъ и написалъ Бьёрнсону, но прямыхъ указаній на это нѣтъ. Черезъ четыре же мѣсяца Ибсенъ опять писалъ Гегелю: «Отъ Бьёрнсона не имѣю извѣстій. Мнѣ въ сущности очень жаль, что между нами дошло до разрыва; надѣюсь однако, это ненадолго» °°). Искренно желая примиренія, Ибсенъ выразилъ въ томъ же письмѣ намѣреніе посвятить Бьёрнсону второе изданіе «Борьбы за престолъ», но въ слѣдующемъ письмѣ—всего черезъ два дня—уже отказался отъ этого намѣренія, вслѣдствіе какого-то полученнаго изъ Христіаніи письма, заключавшаго новое «освѣщеніе нѣкоторыхъ обстоятельствъ» дѣла.

По объясненіямъ гг. Коота и Эліаса, въ новой серьезной размолвкѣ двухъ писателей сказалось вліяніе друзей, имѣвшихъ свои причины содѣйствовать проведенію возможно рѣзкой грани между Ибсеномъ и «лѣвыми».

---

*) См. стр. 354.
**) Письмо къ Гегелю, стр. 348.
***) Письмо къ Брандесу, стр. 355.
°) См. стр. 358.
°°) См. стр. 361.

Въ Норвегіи во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ уже рѣзко стали обозначаться двѣ партіи—правая и лѣвая, находившіяся не только въ политическомъ, но и вообще и въ духовномъ антагонизмѣ. Бьёрнсонъ со всѣмъ свойственнымъ ему пыломъ увлеченія всецѣло примкнулъ къ лѣвой, отдавшись борьбѣ за полную національную независимость Норвегіи и за политическое народовластіе. Ибсенъ, напротивъ, продолжалъ быть вѣрнымъ велико-скандинавской идеѣ, признавая будущее лишь за объединеннымъ Сѣверомъ, и отнюдь не восхищался пробиравшейся къ власти «крестьянской партіей», въ которой не находилъ ни истиннаго свободомыслія, ни готовности къ жертвамъ, ни безкорыстія. Друзья его изъ бывшихъ «голландцевъ», по большей части люди науки и во всякомъ случаѣ широкаго культурнаго кругозора, также не симпатизировали узкому патріотизму народниковъ и, примкнувъ вслѣдствіе этого къ правой, естественно желали имѣть союзника въ другомъ крупномъ писателѣ Норвегіи. Желаніе это и подсказывало имъ такое истолкованіе «Пера Гюнта» и «Союза молодежи», которое должно было ожесточить противъ писателя партію лѣвыхъ и еще болѣе разъединить Бьёрнсона и Ибсена.

Самому Ибсену было крайне непріятно такое втягиваніе его, какъ писателя, «въ политическія дрязги», отъ которыхъ онъ всегда радъ былъ держаться подальше, что не разъ и высказывалъ въ своихъ письмахъ *). Онъ хотѣлъ оставаться внѣ партій, вполнѣ свободнымъ. Правда, съ точки зрѣнія текущихъ злободневныхъ политическихъ интересовъ, его скорѣе можно было причислить къ правымъ, но все его основное міровоззрѣніе и радикальная потребность свободы отнюдь не согласовались съ образомъ мыслей и цѣлями правой партіи. Недаромъ самъ онъ высказалъ однажды, что въ сущности нельзя продумать до конца ни одной мысли, чтобы не впасть въ самопротиворѣчіе. Въ дѣйствительности онъ всегда былъ и остался «одинокимъ застрѣльщикомъ на форпостахъ» **) и готовъ былъ во всякой партійности видѣть опасность для своего принципа «холодно отстранять отъ себя всѣ партіи и держаться своей собственной точки зрѣнія» ***); такое положеніе онъ считалъ безусловно необходимымъ для писателя; «врагъ народа» издавна сидѣлъ въ немъ. Вотъ почему онъ главнымъ образомъ такъ и не сочувствовалъ политической партійности Бьёрнсона. Въ письмахъ его часто и проскальзывали опасенія, что увлеченіе политикой совсѣмъ отвлечетъ Бьёрнсона отъ той области художественнаго творчества, которой онъ призванъ служить.

Во всякомъ случаѣ разногласіе въ такихъ коренныхъ вопросахъ не мѣшало Ибсену сохранять прежнія симпатіи къ Бьёрнсону, какъ къ

---

*) Напр., въ письмахъ къ Гегелю (стр. 353 и 360).
**) Стр. 467.
***) Стр. 353.

человѣку, и онъ «ничего такъ не желалъ, какъ примириться» *) съ бывшимъ своимъ другомъ, ради чего и просилъ общаго ихъ издателя Гегеля найти случай опровергнуть передъ Бьёрнсономъ сѣявшіе рознь между ними слухи, къ которымъ прибавилась еще совершенно неосновательная сплетня, будто Ибсенъ собирался перебить у Бьёрнсона мѣсто директора Христіанійскаго театра. Къ сожалѣнію, примиренія, видимо, такъ и не удалось достигнуть.

Закончивъ весною 1869 г. «Союзъ молодежи», Ибсенъ писалъ Гегелю, что теперь наконецъ примется за «Юліана», такъ какъ чувствуетъ, что сюжетъ уже достаточно вызрѣлъ, и надѣется, что стоитъ ему «начать, какъ работа пойдетъ на всѣхъ парусахъ» **). Въ дѣйствительности взяться за «Юліана» Ибсену удалось не такъ-то скоро. Лѣтомъ ему, благодаря новой правительственной стипендіи, представилась возможность побывать на Сѣверѣ, а именно въ Стокгольмѣ, гдѣ онъ и провелъ два мѣсяца слишкомъ съ середины іюля до конца сентября, «изучая шведское искусство и постановку дѣла народнаго образованія» ***). Въ сентябрѣ же Ибсенъ предпринялъ еще болѣе продолжительное путешествіе въ Египетъ, въ качествѣ одного изъ представителей шведско-норвежской литературы, приглашенныхъ хедивомъ на торжественное открытіе Суэцкаго канала. Честью такого избранія Ибсенъ, пожалуй, былъ обязанъ той популярности, которую сумѣлъ пріобрѣсти въ Стокгольмѣ въ теченіе этого своего пребыванія тамъ. Дитрихсонъ въ своихъ воспоминаніяхъ сообщаетъ, что «стокгольмцы ожидали узрѣть въ знаменитомъ авторѣ «Бранда» стараго, серьезнаго до суровости аскета, а вдругъ—явился элегантный моложавый господинъ въ бархатномъ пиджакѣ, изящный, живой и любезный. Многіе никакъ и не могли согласовать «Бранда» съ авторомъ «Бранда» и прямо высказывали Ибсену свое удивленіе, граничившее у нѣкоторыхъ съ разочарованіемъ. Но скоро онъ-таки покорилъ ихъ всѣхъ, особенно дамъ».

Самъ Ибсенъ писалъ Гегелю о своемъ пребываніи въ Стокгольмѣ, что оно обратилось для него въ сплошной праздникъ, и что онъ со всѣхъ сторонъ встрѣчаетъ необычайную предупредительность и расположеніе °).

Египетская поѣздка °°), съ прибавленіемъ заѣздовъ въ Дрезденъ и Парижъ, заняла у Ибсена время до половины декабря 1869 г. и обогатила его новыми впечатлѣніями, которыя въ связи съ стокгольм-

---

*) Стр. 362.

**) Стр. 353.

***) См. отрывокъ изъ отчета, представленнаго Ибсеномъ по этому поводу въ норвежское министерство духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, стр. 386.

°) См. примѣчанія къ письмамъ (къ стр. 357), стр. 529.

°°) Подробности см. въ указанномъ выше «отчетѣ», стр. 386.

скими мало располагали къ немедленному возобновленію работы надъ «Кесаремъ и Галилеянинномъ». Въ письмахъ Ибсена, относящихся къ концу 1869 г. и первой половинѣ 1870 г., и говорится только о приведеніи въ порядокъ путевыхъ замѣтокъ, о планѣ новой драмы изъ *современной* жизни, да объ исправленіи и перезданіи «Борьбы за престолъ». Въ іюлѣ 1870 г. Ибсенъ поѣхалъ въ Копенгагенъ, гдѣ также встрѣтилъ самый радушный и лестный пріемъ, и прогостилъ до октября.

Въ письмѣ къ Гегелю, написанномъ Ибсеномъ изъ Дрездена вслѣдъ за возвращеніемъ туда изъ Копенгагена, снова говорится о новой трехактной драмѣ, сюжетъ которой «уже сформировался» настолько, что писатель собирался «въ одинъ изъ ближайшихъ дней» набросать его на бумагу *).

Всего черезъ три недѣли Ибсенъ однако, въ письмѣ къ П. Гансену **) снова упоминаетъ о «Кесарѣ Юліанѣ», какъ о томъ литературномъ планѣ, за который думаетъ взяться немедленно. Послѣднее упомянутое письмо—одно изъ самыхъ интереснѣйшихъ писемъ Ибсена, въ силу заключающагося въ немъ автобіографическаго матеріала. Въ письмѣ этомъ изложена, по выраженію самого Ибсена, «внутренняя исторія» событій, или, вѣрнѣе—художественнаго творчества Ибсена. На письмо это мы не разъ уже ссылались выше, разбирая произведенія Ибсена, и придется еще не разъ ссылаться на него ниже, здѣсь же приведемъ изъ него только одно характерное мѣсто, которое говоритъ о вліяніи внѣшней окружающей обстановки на поэтическое творчество Ибсена.

«Окружающая обстановка имѣетъ большое вліяніе на то, въ какихъ формахъ выливается работа воображенія. Развѣ я не могу, почти на подобіе гольберговскаго Кристофа, указать на «Бранда» и «Пера Гюнта», говоря: «Смотрите, вотъ такъ хмель!» ***). И нѣтъ ли въ «Союзѣ молодежи» чего-то, напоминающаго о копченой колбасѣ и пивѣ? Этимъ я отнюдь не хочу умалить достоинства послѣдней пьесы, а лишь сказать, что исходная точка зрѣнія (на жизнь) стала другою, такъ какъ я живу здѣсь въ обществѣ, благоустроенномъ до тошноты. Что же будетъ, когда я наконецъ совсѣмъ вернусь домой! Приходится искать спасенія въ чемъ-нибудь далекомъ, и поэтому думаю взяться за «Кесаря Юліана» ****).

Но наступившее въ Европѣ бурное время франко-германской войны не дало писателю уйти всей душой въ далекое прошлое; современныя

*) Стр. 368—369.

**) Стр. 369—372.

***) Выше въ томъ же письмѣ говорилось, что въ «Брандѣ» и «Перѣ Гюнтѣ» отразились: «Римъ съ его идеальнымъ міромъ и общеніе съ беззаботнымъ кружкомъ художниковъ, словомъ — жизнь, которую, по настроенію, можно сравнить развѣ только съ шекспировскою комедіей: «Какъ вамъ будетъ угодно».

****) Стр. 371.

событія настолько волновали его, что онъ вообще не могъ «сосредоточить своихъ мыслей на чемъ-либо глубокомъ» *) и взяться за осуществленіе какого-либо изъ своихъ крупныхъ литературныхъ плановъ. Онъ и занялся пересмотромъ и исправленіемъ своихъ старыхъ стиховъ, чтобы составить небольшой сборникъ, который желалъ издать Гегель, а также написалъ нѣсколько новыхъ стихотвореній.

Изъ этихъ послѣднихъ **), а также изъ относящихся къ тому времени писемъ Ибсена мы видимъ, какія чувства и идеи вызывались въ немъ тогдашними политическими событіями въ Европѣ. Ему казалось, что переживаемое время, имѣя сходство съ временами великихъ кризисовъ въ исторіи европейской цивилизаціи, обѣщало крушеніе стараго строя жизни и возникновеніе страстно желаемаго новаго. Такъ, въ письмѣ къ Брандесу отъ 20 декабря 1870 г. Ибсенъ говорилъ: «Мировыя событія въ значительной степени поглощаютъ всѣ мои мысли. Старая призрачная Франція разбита; когда же будетъ разбита и новая реальная Пруссія, мы сразу очутимся въ грядущей міровой эпохѣ. Вотъ-то затрещатъ тогда вокругъ насъ и начнутъ проваливаться въ тартарары идеи! Да и въ самомъ дѣлѣ пора бы. Мы вѣдь до сихъ поръ питаемся въ сущности лишь крохами съ революціоннаго стола прошлаго столѣтія, и эта пища уже достаточно навязла въ зубахъ. Понятія нуждаются въ новомъ содержаніи и въ новомъ объясненіи. Свобода, равенство и братство уже не то самое, чѣмъ были въ дни блаженной памяти гильотины. Но этого-то и не хотятъ понять политики, и вотъ почему я ихъ ненавижу. Эти люди хотятъ лишь соціальныхъ революцій, внѣшнихъ, политическихъ и т. п. А это все мелочи. Нужна революція человѣческаго духа» ***)...

Ибсенъ ждалъ отъ новой эпохи водворенія такихъ условій, при которыхъ человѣческая личность получила бы возможность развиваться свободно и всесторонне, не стѣсняемая государствомъ и обществомъ.

Въ другомъ письмѣ Ибсена къ Брандесу, написанномъ два мѣсяца спустя послѣ вышеупомянутаго, говорится: «Государство—проклятіе для индивида. Чѣмъ куплена государственная мощь Пруссіи? Поглощеніемъ индивида, претвореніемъ его въ политическое и географическое понятіе. Кельнеръ — наилучшій солдатъ. Долой государственное иго! Вотъ революція, въ которой я готовъ принять участіе. Подрывайте самое понятіе «государство», ставьте условіями общественности лишь добрую волю и духовное единеніе—это и будетъ начало, первый шагъ къ достиженію той единой истинной свободы, которая чего-нибудь стоитъ» ****).

*) См. письмо къ Гегелю, стр. 372.
**) Напр., изъ стихотворенія: «Письмо—воздушный шаръ».
***) Стр. 374.
****) Стр. 376.

Мысль, что государство—врагъ личности, и поэтому надо свергнуть его иго, является одной изъ самыхъ излюбленныхъ мыслей Ибсена, которую онъ шестнадцать лѣтъ спустя послѣ того, какъ было написано процитированное письмо, высказалъ устно въ бесѣдѣ съ Іегеромъ съ такою же горячностью и силой. И Іегеръ признаётъ ее одною изъ самыхъ оригинальныхъ мыслей нашего времени, которая, можетъ-быть, сыграетъ въ будущемъ большую роль, такъ какъ даже такой горячій защитникъ идеи государственности, какъ Гербертъ Спенсеръ, допускаетъ въ одномъ изъ своихъ очерковъ, что мы подвигаемся къ такой формѣ общественности, въ которой «область управленія будетъ ограничена до минимальныхъ предѣловъ, а область свободы до максимальныхъ».

Парижская коммуна и послѣдовавшая за нею реакція въ Европѣ принесли разочарованіе Ибсену, и онъ жаловался въ письмѣ къ Брандесу: «Но не подло ли со стороны парижской коммуны такъ испортить мнѣ мою превосходную государственную теорію, или, вѣрнѣе, анти-государственную теорію? Теперь идея испорчена на долгое время, и я даже не могу приличнымъ образомъ проводить ее въ стихахъ. Но она имѣетъ въ себѣ здоровое зерно, это я вижу ясно, и когда-нибудь да она будетъ осуществлена безъ всякой примѣси карикатуры» *).

Разочарованіе сквозитъ и въ слѣдующихъ строкахъ: «Я ничего не жду отъ соціальныхъ реформъ. Весь родъ человѣческій на ложномъ слѣду—вотъ въ чемъ все дѣло. Ну, развѣ современное положеніе зиждется на какихъ-нибудь дѣйствительныхъ устояхъ?» **), а также въ строкахъ: «либералы — злѣйшіе враги свободы. Лучше всего процвѣтаетъ свобода духа и мысли при абсолютизмѣ; это доказано примѣромъ Франціи, а позже Германіи и теперь Россіи» ***).

Словомъ, Ибсенъ, подобно мистику Максиму («Кесарь и Галилеянинъ»), повѣрилъ-было, что «третье царство» близко, и также увидалъ свою ошибку и понялъ, что время еще не приспѣло. Безъ сомнѣнія, подобныя личныя чувства и впечатлѣнія и дали толчокъ къ созданію оригинальной фигуры мистика въ «міровой драмѣ», за которую Ибсенъ серьезно принялся наконецъ только лѣтомъ 1871 г.

«Я по горло ушелъ въ «Кесаря Юліана». Эта книга будетъ моимъ главнымъ трудомъ, она занимаетъ всѣ мои мысли, все мое время. Уже сколько времени критики требуютъ отъ меня опредѣленнаго міровоззрѣнія, вотъ теперь и получатъ»,—писалъ Ибсенъ Гегелю 12 іюля 1871 г. ****).

Въ письмѣ къ Брандесу отъ 24 сентября 1871 г. подтверждается,

---

*) Стр. 379.
**) Стр. 382.
***) Стр. 391.
****) Стр. 380.

что упомянутое произведеніе явится «своего рода знаменемъ» *) или ключомъ къ міросозерцанію Ибсена.

Въ міросозерцаніи этомъ произошла, какъ можно судить уже по цитированнымъ письмамъ, существенная перемѣна, отчасти подъ вліяніемъ упомянутыхъ политическихъ событій въ Европѣ, отчасти подъ непосредственнымъ вліяніемъ германской культуры, которую Ибсенъ узналъ и оцѣнилъ, живя въ Дрезденѣ. Въ письмѣ же Ибсена къ профессору Гофори, относящемся къ значительно позднѣйшему времени **), содержится категорическое личное подтвержденіе такой перемѣны. «Кесарь и Галилеянинъ» — первое мое произведеніе, написанное подъ вліяніемъ германской духовной жизни. Въ теченіе четырехлѣтняго пребыванія въ Римѣ я собралъ значительный историческій матеріалъ для «Кесаря и Галилеянина», но не успѣлъ еще составить себѣ сколько-нибудь яснаго плана драмы, не говоря уже о томъ, чтобы приступить къ его разработкѣ. Мое міросозерцаніе было въ то время еще чисто національно-скандинавскимъ, вслѣдствіе чего я и не могъ справиться съ новымъ, чуждымъ мнѣ матеріаломъ. Затѣмъ мнѣ пришлось пережить великую эпоху въ Германіи — войну и сопровождавшій ее періодъ общаго подъема духа. Все это оказало на меня во многихъ отношеніяхъ перерождающее вліяніе. До тѣхъ поръ мой взглядъ на всемірную исторію и жизнь человѣческую отличался узко-народнымъ характеромъ, теперь онъ развился въ племенное міросозерцаніе, и вотъ я могъ написать «Кесаря и Галилеянина».

Такимъ образомъ то тревожное, полное бурныхъ событій и сильныхъ впечатлѣній время, которое, какъ жаловался Ибсенъ въ вышецитированныхъ письмахъ, мѣшало ему сосредоточиться мыслями на литературной работѣ, помогло ему развить и расширить свое міросозерцаніе. Въ теченіе этого вынужденнаго бездѣйствія, въ смыслѣ литературнаго творчества, у Ибсена возникъ и развился новый взглядъ на Германію, какъ на звено въ исторіи міровой культуры или мірового прогресса. Писатель былъ пораженъ тою внутреннею и внѣшнею дисциплиною, которой, по его мнѣнію, принадлежала честь побѣды нѣмцевъ, приведшей ихъ къ сплоченному государству. Великая идея объединенія, которую самъ Ибсенъ лелѣялъ по отношенію къ тремъ скандинавскимъ народамъ, была осуществлена на его глазахъ нѣмцами. И впечатлѣніе отъ мощной культурной, прогрессивной силы, заложенной въ народѣ, сильномъ дисциплиною, навсегда живо сохранилось въ душѣ Ибсена. Въ рѣчи своей къ норвежскимъ женщинамъ (26 мая 1898 г. ****) онъ и указалъ матерямъ, какъ на величайшую задачу — на содѣйствіе поднятію страны и народа до высшей ступени міросо-

*) Стр. 382.
**) Стр. 499—500.
***) Стр. 283.

зерцанія, содѣйствіе путемъ привитія дѣтямъ «сознательнаго чувства культуры и дисциплины».

Переработавъ въ себѣ воспринятое отъ германской культуры сильное духовное впечатлѣніе, Ибсенъ сталъ изъ «скандинава» германофиломъ, не отказавшись однако отъ своихъ скандинавскихъ идей, въ которыхъ уже видѣлъ, впрочемъ, лишь средство, подготовляющее путь къ высшему духовному расовому единству. «Недаромъ я прожилъ такъ долго въ Германіи, вслѣдствіе чего дѣло это (т.-е. дѣло духовнаго, культурнаго объединенія германской расы) и представляется мнѣ наиважнѣйшимъ, въ сравненіи съ которымъ всѣ остальныя задачи второстепенны», — писалъ онъ въ 1875 г. Брандесу *).

Съ полнымъ правомъ Ибсенъ могъ поэтому протестовать противъ обвиненій (въ 1871 г.) нѣмецкой печати, назвавшей его врагомъ Германіи **), и указывать на то, что въ сущности онъ даже никогда не боролся перомъ *противъ* Германіи, но лишь *за* скандинавизмъ.

Итакъ, вооруженный новыми взглядами на жизнь и ходъ міровой культуры, которыми въ немалой степени былъ обязанъ вліянію германской жизни, Ибсенъ приступилъ къ разработкѣ давно задуманной «міровой драмы», и какъ разъ во время этой разработки передъ его глазами разыгралась мощная борьба между государствомъ и церковью — между «царствомъ міра сего» и между «царствомъ не отъ міра сего»— въ формѣ знаменитаго нѣмецкаго «культуркампфа». Вотъ какимъ образомъ «историческая» драма Ибсена и оказалась «въ болѣе близкой связи съ теченіями настоящаго времени» ***), или «болѣе современной», нежели имѣлъ въ виду онъ самъ °); образы творческой фантазіи и дѣйствительность новаго духовнаго движенія встрѣтились ко взаимному укрѣпленію и внутреннему взаимодѣйствію на службѣ прогрессу.

Первоначальный планъ, повидимому, намѣчалъ обыкновенную историческую драму съ Юліаномъ Отступникомъ въ качествѣ главнаго дѣйствующаго лица, въ теченіе же многихъ лѣтъ вызрѣванія самаго плана и — главное — созрѣванія міросозерцанія автора, планъ этотъ развился до колоссальныхъ размѣровъ какъ въ смыслѣ объема, такъ и въ смыслѣ внутренняго содержанія.

Изъ письма Ибсена къ издателю осенью 1872 г. °°) видно, что къ тому времени планъ сложился въ трилогію: «Юліанъ и друзья мудрости» въ 3-хъ дѣйствіяхъ, «Отступничество Юліана» въ 3-хъ дѣйствіяхъ и «Юліанъ на тронѣ» въ 5-ти дѣйствіяхъ. Въ концѣ концовъ однако Ибсенъ остановился на двулогіи. Зато каждая часть ея въ 5-ти дѣйствіяхъ и принадлежитъ къ крупнѣйшимъ въ ряду остальныхъ про-

*) См. стр. 424.
**) См. «Поправка», стр. 262.
***) См. письмо къ Госсе, стр. 402.
°) См. письмо къ Брандесу, стр. 416.
°°) См. стр. 399.

изведеній писателя; такъ, первая: «Отступничество цезаря», равняется объемомъ «Борьбѣ за престолъ», а вторая: «Кесарь Юліанъ»—«Бранду». Въ цѣломъ же *міровая драма* *) «Кесарь и Галилеянинъ», безъ сомнѣнія, является самымъ грандіознымъ произведеніемъ Ибсена, плодомъ достигшаго полной зрѣлости, наибольшей широты и глубины міросозерцанія поэта-мыслителя. «Никогда, — говоритъ Іегеръ: — мистически-фаталистическое воззрѣніе Ибсена на призваніе, или жизненную задачу человѣка, не выступало съ такой цѣльностью и проникновенностью, никогда взглядъ писателя не охватывалъ болѣе обширныхъ міровыхъ горизонтовъ, и рѣдко мысль его достигала бо́льшихъ глубинъ».

Изъ писемъ Ибсена видно, что и самъ онъ отводилъ «Кесарю и Галилеянину» особое мѣсто въ своемъ литературномъ творчествѣ. Основанный на трудахъ выдающихся литературныхъ критиковъ разборъ двулогіи, предпосланный переводу ея, объясняетъ упомянутый взглядъ на данное произведеніе, какъ на занимающее совершенно особое, центральное мѣсто въ ряду остальныхъ произведеній Ибсена. Поэтому здѣсь мы ограничимся добавленіемъ лишь еще нѣкоторыхъ штриховъ къ данной уже литературно-критической характеристикѣ. Іегеръ, подчеркивая выдающееся значеніе «Кесаря и Галилеянина», какъ звена въ развитіи міросозерцанія Ибсена, говоритъ между прочимъ:

«Всѣ историческія драмы Ибсена, за немногими исключеніями, затрагивали идею о призваніи. Въ послѣдней изъ нихъ, а именно въ «Борьбѣ за престолъ», призваніе являлось даже главной идеей, на которой была построена вся пьеса. При этомъ призваніе опредѣлялось, какъ счастливый даръ свыше, который падаетъ на голову избранника, какъ яблоко въ тюрбанъ сказочнаго героя Аладина». Въ «Брандѣ» призваніе разсматривалось уже съ иной точки зрѣнія, не менѣе, впрочемъ, мистической; оно является здѣсь своего рода безусловнымъ требованіемъ, поставленнымъ людямъ высшею волей; ихъ задача — «скрижалью чистою служить, доской, — да чертитъ Богъ на ней Своей рукой». Въ «Перѣ Гюнтѣ» призваніе объяснялось, какъ долгъ или обязанность «быть самимъ собою», при чемъ и это объясненіе не лишено мистицизма; быть самимъ собою означаетъ — «всегда собою выражать лишь то, что̀ выразить тобой хотѣлъ Хозяинъ». Кромѣ того, «быть самимъ собою» можно, оказывается, двояко: прямо и «навыворотъ», — такъ говоритъ Худощавый въ «Перѣ Гюнтѣ». Эта же мысль выступаетъ и въ «Кесарѣ и Галилеянинѣ», но озаренная новымъ свѣтомъ, принявшая фаталистическій оттѣнокъ. Призваніе здѣсь является ни счастливымъ даромъ ни безусловнымъ требованіемъ: оно—*необходимость*; здѣсь уже не говорится: «ты бу-

*) См. объясненія этого названія, стр. 404 и 407.

дешь», но ты *долженъ* быть «тѣмъ-то или тѣмъ-то»; «хотѣть» значитъ здѣсь «хотѣть подъ гнетомъ необходимости», т.-е. поневолѣ.

Итакъ, въ данномъ произведеніи выступаетъ уже мистически-фаталистическое, граничащее съ натуралистическимъ, воззрѣніе на призваніе, и сама драма «Кесарь и Галилеянинъ» является заключительнымъ звеномъ въ рядѣ историческихъ драмъ Ибсена, трактующихъ о призваніи. Фатализмъ выступаетъ здѣсь рѣзче, а мистицизмъ готовъ стушеваться, уступая мѣсто натуралистическому взгляду на призваніе *). Въ сущности такой поворотъ въ сторону реализма обнаружился еще въ предыдущемъ произведеніи «Союзъ молодежи», что̀ лишній разъ и свидѣтельствуетъ о томъ, что «Кесарь и Галилеянинъ» имѣетъ свои корни въ болѣе раннемъ періодѣ творчества Ибсена. Въ «Союзѣ молодежи» мистическое опредѣленіе призванія стало фразою. Адвокатъ Стенгоръ, по-своему, не меньше вѣритъ въ свое призваніе, чѣмъ король Гоконъ («Борьба за престолъ»); и онъ, по-своему, также твердо убѣжденъ въ томъ, что состоитъ въ союзѣ съ Провидѣніемъ. «А теперь — съ Богомъ!» — говоритъ онъ. — «Да, въ сущности мы творимъ Его волю, принимаясь за наше молодое смѣлое дѣло». Но то, что̀ прежде поэтъ-драматургъ изображалъ величественнымъ, теперь, изображенное съ отрицательной точки зрѣнія, обратилось въ комическую шумиху фразъ.

Въ тѣсной связи съ призваніемъ всегда выступала въ мышленіи Ибсена жертва; отъ призваннаго или избраннаго требуется готовность приносить жертвы; онъ долженъ принести въ жертву свое собственное самосознаніе: «быть самимъ собою» означаетъ — *отречься* отъ самого себя въ противоположность тому, чтобы *довольствоваться* самимъ собою. Въ самоотреченіи, въ господствѣ надъ собственнымъ «я», въ готовности приносить жертвы изъ любви къ другимъ людямъ заключается всеобщая великая задача человѣка; Ибсенъ заходитъ въ развитіи этой идеи даже такъ далеко, что возвеличиваетъ «жертву ради жертвы». Это уже ярко выражено въ «Брандѣ» (Агнесъ) и снова выступаетъ въ «Кесарѣ и Галилеянинѣ» въ апоѳеозѣ мученичества. Съ точки зрѣнія современной морали мученикъ заслуживаетъ восхищенія лишь въ томъ случаѣ, если онъ жертвуетъ собою ради блага другихъ. Въ глазахъ Ибсена, напротивъ, возвышающая и облагораживающая сила жертвы такъ велика, что жертва самодовлѣюща, имѣетъ значеніе сама по себѣ и для себя. Изображая въ «Кесарѣ Юліанѣ», какъ христіане раздираютъ собственными руками свои раны, вырѣзаютъ у себя изъ тѣла куски мяса и бросаютъ ихъ къ ногамъ кесаря, Ибсенъ имѣетъ въ виду не показать, до какого безумія можетъ доходить человѣческій фана-

*) Самъ Ибсенъ въ письмѣ къ Брандесу засвидѣтельствовалъ близость свою въ данномъ случаѣ съ натуралистами: «по-моему, почти одно и то же — скажу ли я о характерѣ какого-нибудь лица: это у него въ крови, или скажу: онъ свободенъ подъ гнетомъ необходимости» (стр. 425).

тизмъ, но дать мѣрило той глубины и силы душевной, какія даются восторженною вѣрою. Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи «Кесарь и Галилеянинъ» представляетъ одну изъ самыхъ величественныхъ вершинъ ибсеновскаго идеализма. Въ послѣдующихъ своихъ произведеніяхъ онъ уже держится болѣе трезвыхъ, реально-практическихъ взглядовъ и на жертву.

Ярче, нежели въ какомъ-нибудь другомъ произведеніи, вылился въ «Кесарѣ и Галилеянинѣ» и оптимизмъ Ибсена, выражавшійся пламенной вѣрой въ міровой прогрессъ, въ наступленіе *лучшаго будущаго для лучшаго человѣчества*. Это будущее опоэтизировано въ драмѣ подъ видомъ *третьяго царства*, «когда людямъ не придется умирать для того, чтобы зажить жизнью боговъ», — какъ образно выражается Юліанъ, т.-е. «когда поэзія, философія и религія сольются воедино и создадутъ новую категорію и новую жизненную силу», — какъ высказалъ самъ Ибсенъ нѣсколько лѣтъ спустя, въ публичной рѣчи въ Стокгольмѣ *).

Чтобы вкратцѣ резюмировать основныя идеи грандіознаго произведенія, добавимъ къ вышесказанному еще слѣдующее: человѣкъ долженъ осуществить и осуществляетъ свое призваніе на землѣ такъ или иначе, прямымъ путемъ или косвеннымъ, въ послушаніи или возмущеніи; въ первомъ случаѣ — онъ счастливый избранникъ, во второмъ — жертвенный агнецъ избранія или краеугольный камень подъ гнетомъ необходимости. Благо тому, чья воля окажется въ полной гармоніи съ міровой волей! Сама послѣдняя не слѣпой рокъ, но воплощеніе необходимости, стремящейся къ извѣстной цѣли — постепенному совершенствованію человѣчества и его земной жизни. Міровая воля — олицетвореніе культурной необходимости.

И какіе бы недостатки справедливо ни находили въ этомъ произведеніи, — и въ драматическо-художественномъ отношеніи, и съ точки зрѣнія требованій исторической и психологической правды, — «Кесарь и Галилеянинъ» безспорно одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній Ибсена: ни въ какое другое онъ не вложилъ столько глубокихъ и оригинальныхъ идей и мыслей о міровомъ прогрессѣ и его законахъ.

По стилю «Кесарь и Галилеянинъ» представляетъ интересную попытку приблизиться въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ къ языку и слогу изображаемаго времени и тѣмъ усилить въ драмѣ колоритъ данной эпохи — попытку вполнѣ удавшуюся. Особенно выдержанъ тогдашній слогъ съ его изворотами и риторическими фигурами въ рѣчахъ Юліана.

Само собою разумѣется, что чутье слога у Ибсена съ теченіемъ времени все развивалось, и стилистическій идеалъ его все повышался. Іегеръ и отмѣчаетъ три ясно выраженныя стадіи этого развитія.

*) См. стр. 279.

Въ раннемъ, юношескомъ періодѣ творчества стилистическимъ принципомъ Ибсена являлась *прочувствованность*. Затѣмъ наступило время,—отъ созданія «Вонтелей» и дальше, — когда Ибсенъ главнымъ образомъ задавался цѣлью придать своему слогу *сильный національный характеръ*, видя идеалъ въ мощно-лаконическомъ слогѣ сагъ. Въ третьей же стадіи стилистическимъ принципомъ Ибсена стала *выразительность*—яркость, выпуклость, или, если можно такъ выразиться, наглядность слога. Этимъ-то принципомъ онъ и руководился при пересмотрѣ и исправленіи въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ своихъ раннихъ произведеній. Небольшія по количеству экземпляровъ норвежскія изданія этихъ произведеній отчасти были распроданы, отчасти завалялись и потеряли цѣну въ теченіе протекшихъ десятковъ лѣтъ, и писателю предстояло рѣшить, какія изъ нихъ стоило переиздать, чтобы познакомить съ ними большую публику, которую Ибсенъ успѣлъ завоевать за это время. При этомъ пересмотрѣ особенно сильно и дала себя знать его самокритика. Три изъ раннихъ драматическихъ произведеній («Олафъ Лиліекрансъ», «Ночь на Ивана Купалу» и «Норма, или любовь политикана») были совсѣмъ отвергнуты; «Пиръ въ Сольхаугѣ» оставленъ былъ подъ спудомъ еще на нѣсколько лѣтъ, а «Катилина» и «Фру Ингеръ» подверглись тщательной обработкѣ въ смыслѣ слога. Ибсену *прочувствованный* слогъ этихъ произведеній казался теперь слишкомъ пространнымъ, слабымъ и блѣднымъ, и онъ старался достигнуть большей силы и выразительности, отчасти придавая слогу бо́льшую сжатость, сокращая и даже вычеркивая цѣлыя фразы, отчасти освѣжая слогъ, замѣняя новыми живописными оборотами и образными выраженіями старые, звучавшіе слишкомъ просто, буднично.

Еще строже, чѣмъ прозаическія произведенія, критиковалъ Ибсенъ въ этой стадіи свои раннія стихотворенія. При видѣ выпущеннаго въ 1871 г. маленькаго томика его стихотвореній можно подумать, что продуктивность Ибсена, какъ поэта-лирика, была весьма и весьма невелика. Между тѣмъ онъ въ молодости написалъ и напечаталъ массу стихотвореній, и, если бы собрать ихъ всѣ, вышло бы нѣсколько такихъ сборниковъ, какой Ибсенъ составилъ, относясь къ себѣ самому строже всякаго критика.

Онъ еще въ 1850 г. или 1851 г. предполагалъ издать сборникъ своихъ стиховъ, и планъ этотъ уже настолько приближался къ осуществленію, что даже былъ отпечатанъ первый листъ сборника, но затѣмъ Ибсенъ раздумалъ и сталъ откладывать изданіе годъ за годомъ. Только черезъ двадцать лѣтъ онъ серьезно взялся за дѣло и такъ критически отнесся къ своимъ стихамъ, что призналъ достойными включенія въ сборникъ всего лишь съ полсотни стихотвореній. Изъ большого стихотворнаго разсказа «Субботній вечеръ въ Гардангерѣ», напечатаннаго въ свое время въ журналѣ «Человѣкъ», онъ взялъ лишь

маленькое интермеццо, которое подъ заглавіемъ «Музыканты» *) открываетъ сборникъ, да и оно сжато въ четыре строфы, вмѣсто прежнихъ девяти. Упоминавшійся выше циклъ «Въ картинной галлереѣ», состоявшій изъ двадцати трехъ стихотвореній, сжатъ въ одно маленькое стихотвореніе, а изъ отдѣльныхъ стихотвореній этого цикла въ сборникъ вошло только одно: «Свѣтобоязнь». Кромѣ того, двѣ-три мысли изъ разбросанныхъ въ этомъ циклѣ послужили основою для новыхъ небольшихъ стихотвореній: «Мое молодое вино», «Лебедь» и «Въ альбомъ». Изъ стихотворенія «Акерсхусъ» Ибсенъ вычеркнулъ четыре строфы, замѣнивъ ихъ шестью новыми. Четырехстрофное стихотвореніе «Планы» превратилось въ трехстрофное; шестнадцать строфъ «Гаги» сжаты въ семь, и т. д. Первоначально «Гага» служила Ибсену только символомъ терпѣливой выдержки, какой нѣтъ у людей:

И разъ у нихъ отнятъ ихъ кладъ дорогой—
Душа погружается въ мракъ гробовой,
Нѣтъ силъ продолжать свое дѣло, свой путь;
У нихъ есть одно лишь—кровавая грудь.

При переработкѣ эта строфа совсѣмъ исчезла, и судьба «Гаги» превратилась въ картину пережитого самимъ поэтомъ:

Но если и въ третій разъ та же бѣда—
Снимается гага съ пустого гнѣзда;
Туманъ прорѣзаетъ кровавая грудь,
На солнечный югъ держитъ гага свой путь!

Не менѣе характерно измѣненіе, которому подверглось упомянутое уже стихотвореніе «Планы». Вотъ какъ первоначально изображенъ былъ результатъ одновременнаго стремленія къ великой и къ малой цѣли—стать безсмертнымъ скальдомъ и обладать любовью избранницы сердца:

И планъ замысловатый, пока онъ былъ вчернѣ,
Казался гармоничнымъ, разумнымъ мнѣ вполнѣ;
Но поумнѣлъ строитель, и кончилось все тѣмъ:
Большое стало *малымъ*, а малое мнѣ *всѣмъ*.

Въ передѣланномъ стихотвореніи послѣдняя строка такова:

Большое стало малымъ, а малое—*ничѣмъ*.

Такія измѣненія обусловлены были *пережитымъ*, сообщившимъ взгляду Ибсена на жизнь болѣе мрачный колоритъ и пропитавшимъ горечью его настроеніе.

*) См. отдѣлъ «Стихотвореній».

Стихотворенія «Сила воспоминанія» и «Основа вѣры», относящіяся къ началу пребыванія Ибсена за границей, ярко и сильно выражаютъ настроеніе, заставившее его покинуть родину.

Съ теченіемъ времени онъ однако сталъ ощущать тоску по родинѣ. Недаромъ первое изданіе сборника стиховъ заканчивалось стихотвореніемъ «Сожженные корабли» съ ихъ краснорѣчивою заключительною строфою:

Онъ остался; по каждую ночь
Къ снѣжнымъ высямъ земли нелюдимой,
Отъ цвѣтущаго берега прочь,
Кто-то мчится, тоскою томимый.

А посланное имъ на родину годъ спустя большое юбилейное стихотвореніе «На тысячелѣтіе Норвегіи» начиналось такими примирительными строками:

Привѣтъ тебѣ я шлю, народъ родной,
Мнѣ поднесшій щедрою рукой
Горчайшій, но крѣпительный напитокъ,
Въ которомъ почерпалъ поэтъ избытокъ
Духовнаго подъема, мужества и силы,
И могъ бороться, стоя на краю могилы;
Тебѣ, народъ, что посохъ мнѣ дорожный,
Котомку, скорби полную, вручилъ
И, выведя меня на путь тревожный,
Стопы мнѣ гнѣвомъ окрылилъ.
Съ привѣтомъ и спасибо шлю тебѣ
За все, испытанное мной въ борьбѣ,
За очищающіе дни страданья!
Вѣдь все, на нивѣ моего призванья
Возросшее—колосья всѣ и всходы—
Посѣяно въ тяжелые тѣ годы;
Обязано оно своимъ расцвѣтомъ
Не меньше сѣвернымъ дождямъ невзгодъ,
Чѣмъ солнца южнаго привѣтамъ.
За все спасибо, мой народъ!

Пріемъ, оказанный этому стихотворному привѣтствію родиною, — вѣрнѣе, офиціальными ея представителями,—однако вновь наполнилъ горечью душу поэта, какъ это видно изъ его писемъ *). И не безъ сильной внутренней тревоги и сомнѣній рѣшился Ибсенъ послѣ десятилѣтняго добровольнаго изгнанія ступить вновь ногою на родную

*) См. письма къ Гегелю и Іогану Торесену, стр. 399—400.

почву лѣтомъ 1874 г. Признавшись въ этомъ въ рѣчи, обращенной къ норвежскимъ студентамъ *), онъ самое посѣщеніе свое мотивировалъ желаніемъ успокоить тревогу и сомнѣнія, смущавшія его до самаго послѣдняго времени, несмотря на хорошій пріемъ, какой давно уже встрѣчали на родинѣ его произведенія. «Каковы однако мои личныя отношенія къ моимъ землякамъ?» — спрашивалъ себя писатель и получилъ самый утѣшительный отвѣтъ: недолгое пребываніе его въ столицѣ Норвегіи превратилось въ сплошной рядъ торжествъ для него. Христіанійскіе студенты устроили въ честь его факельное шествіе **), а присутствіе писателя въ театрѣ на представленіи «Союза молодежи» подало поводъ къ восторженнымъ и дружнымъ овацiямъ по его адресу отъ лица всей переполненной зрительной залы.

Нельзя не видѣть въ этомъ нѣкоторой иронiи судьбы,— справедливо замѣчаетъ Лотаръ. Комедія «Союзъ молодежи» вѣдь какъ разъ была тою пьесой, первыя представленія которой вызвали въ Норвегіи величайшее озлобленіе противъ автора. Теперь постановкой ея выражался привѣтъ родины посѣтившему ее знаменитому сыну. И когда послѣдній окончательно вернулся на родину (въ 1901 г.), это событіе опять было ознаменовано торжественнымъ представленіемъ той же пьесы.

Въ упомянутой выше рѣчи студентамъ, участникамъ факельнаго шествія, Ибсенъ высказалъ также знаменательный взглядъ на главную задачу писателя: «выяснять себѣ и другимъ временные и вѣчные вопросы, волнующіе тотъ вѣкъ и то общество, которымъ писатель принадлежитъ».

Упомянувъ далѣе о томъ, что поэтъ по самой природѣ своей принадлежитъ къ породѣ дальнозоркихъ, и что никогда родина и жизнь на родинѣ не представлялись ему лично въ такомъ яркомъ свѣтѣ и цѣльномъ, выпукломъ видѣ, какъ именно на разстояніи, съ чужбины,— Ибсенъ далъ нѣкоторымъ образомъ оправданіе своему новому удаленію изъ отечества.

Мысль эта была, впрочемъ, высказана имъ еще раньше, въ письмѣ къ начинающей писательницѣ Лаурѣ Петерсенъ: «Яснѣе всего мы видимъ на извѣстномъ разстояніи отъ предмета; детали смущаютъ; надо отдѣлаться отъ всякой связи съ тѣмъ, о чемъ хочешь судить» ***).

А въ написанномъ также гораздо раньше этой поѣздки на родину письмѣ Ибсена къ тещѣ, извѣстной норвежской писательницѣ, можно отыскать намекъ на то, отъ чего собственно спасался Ибсенъ, вторично покидая родину. Высказавъ мнѣніе, что, живя за границей, имѣешь во всякомъ случаѣ преимущество «воспринимать родную дѣй-

*) См. стр. 275.

**) Чествованіе это, какъ свидѣтельствуютъ приводимыя ниже воспоминанія Паульсена, навѣяло Ибсену идею драмы «Столпы общества», особенно же послѣдняго дѣйствія этой драмы.

***) См. стр. 366.

ствительность очищенною, какъ бы въ видѣ экстракта», Ибсенъ добавилъ: «при этомъ избавленъ отъ уличной и базарной пошлости, а это уже немалый выигрышъ» *).

Въ другихъ письмахъ къ той же корреспонденткѣ, а также къ Бьёрнсону и Брандесу, Ибсенъ выражался объ условіяхъ жизни на родинѣ и преимуществахъ жизни за границею еще болѣе сильно, и все-таки ѣхалъ въ 1874 г. на родину не безъ намѣренія убѣдиться—не окажется ли возможнымъ остаться тамъ. Во всякомъ случаѣ, онъ писалъ передъ этой поѣздкой своему англійскому критику и переводчику Госсе: «Будущимъ лѣтомъ, по всей вѣроятности, поѣду въ Норвегію, гдѣ не былъ десять лѣтъ. Тогда и видно будетъ— смогу ли я ужиться у себя на родинѣ: если нѣтъ, то отправлюсь оттуда въ Римъ и, вѣроятно, навсегда» **).

Новымъ мѣстопребываніемъ Ибсена за границей однако сталъ Мюнхенъ, а не Римъ. Ближайшею причиною, заставившею писателя думать о выборѣ новаго мѣстожительства, была, повидимому, забота о воспитаніи и образованіи сына. Ибсенъ, какъ можно заключить, между прочимъ, изъ его писемъ, былъ очень заботливымъ отцомъ, самъ слѣдилъ за образованіемъ сына, и когда пришла пора серьезно рѣшить вопросъ о будущемъ юноши, въ отцѣ, вѣроятно, пробудилось естественное желаніе—попытаться устроиться на родинѣ. Когда же это намѣреніе было оставлено, Ибсенъ недолго вернулся въ Дрезденъ, а весною 1875 г. перебрался въ Мюнхенъ.

«Въ серединѣ апрѣля я покидаю Дрезденъ, чтобы поселиться до поры до времени въ Мюнхенѣ, — писалъ Ибсенъ въ февралѣ того же года Людвигу До ***).—Въ частномъ учебномъ заведеніи, которое посѣщалъ Сигурдъ, упразднены два старшихъ гимназическихъ класса, а здѣшнія казенныя училища я, по всѣмъ ихъ порядкамъ и методѣ, считаю неподходящими для учениковъ - иностранцевъ. Кромѣ того, меня опять обуяла жажда передвиженія, да и Дрезденъ въ послѣдніе годы все болѣе и болѣе пустѣетъ, покидаемый иностранцами. Переселяясь въ Мюнхенъ, я, къ сожалѣнію, буду еще дальше отъ родины, но зато подвинусь чуточку ближе къ Италіи и, кромѣ того, буду имѣть удовольствіе жить среди католиковъ, которыхъ здѣсь въ Германіи слѣдуетъ безусловно предпочесть протестантамъ».

Намекъ, заключающійся въ послѣднихъ строкахъ, развитъ въ другомъ письмѣ: «Въ апрѣлѣ ѣду въ Мюнхенъ и посмотрю, не удастся ли мнѣ тамъ прожить годика два-три. Надѣюсь, что умственная жизнь тамъ интенсивнѣе и свободнѣе, чѣмъ въ Сѣверной Германіи, гдѣ милитаризмъ и политика изнуряютъ народъ и душатъ мысль».

Особенное нерасположеніе Ибсенъ чувствовалъ къ отечеству мили-

*) См. стр. 337.
**) См. стр. 415.
***) См. стр. 426.

таризма, къ Пруссіи, и однажды въ бесѣдѣ съ Паульсеномъ высказалъ, что въ Пруссіи не можетъ быть ни одного поэта, или, по крайней мѣрѣ, ни одинъ истинный поэтъ не можетъ ужиться во враждебномъ красотѣ отечествѣ Бисмарка. Паульсенъ въ видѣ возраженія назвалъ даровитаго и несчастнаго Генриха Клейста, а Ибсенъ на это съ торжествомъ воскликнулъ: «Да вѣдь его примѣръ какъ разъ и подтверждаетъ мои слова. Онъ потому и застрѣлился, что имѣлъ несчастіе родиться въ Пруссіи. Жить тамъ оказалось ему невмоготу».

Сѣверо-германскій духъ, отъ котораго бѣжалъ Ибсенъ въ 1875 г., началъ понемногу отравлять ему жизнь еще раньше, какъ свидѣтельствуютъ воспоминанія Дитрихсона, посѣтившаго Ибсена въ Дрезденѣ въ 1872 году. Франко-прусская война обострила патріотическую щекотливость нѣмцевъ, и норвежскаго гостя публично обвинили въ антинѣмецкихъ симпатіяхъ, придравшись къ одному изъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ вышедшемъ въ 1871 году сборникѣ его стиховъ. Ибсену пришлось защищать себя въ печати *), а сыну его Сигурду даже прямо отбиваться кулаками отъ патріотически настроенныхъ товарищей-школьниковъ.

Кстати приведемъ изъ воспоминаній Дитрихсона нелишенное интереса сообщеніе о рѣдкой чести, которой удостоилъ его въ то же посѣщеніе Ибсенъ, прочитавъ ему вслухъ первую часть неоконченнаго еще тогда «Кесаря и Галилеянина». Сигурдъ былъ очень разочарованъ и огорченъ, когда его передъ началомъ чтенія выслали въ другую комнату учить урокъ по закону Божьему, и, уходя, тихонько сказалъ матери: «Я думаю, въ папиной пьесѣ не меньше религіи, чѣмъ въ моемъ учебникѣ». О самомъ чтеніи Дитрихсонъ отзывается такъ: «Ибсенъ, собственно, не отличается выдающимся талантомъ чтеца, но его пріятный голосъ и благородное, химически чистое отъ всякой искусственности чтеніе, въ которомъ каждое слово, лично имъ прочитанное, разумѣется, получало свое естественное значеніе и удареніе,—доставили мнѣ рѣдкое, высокое наслажденіе».

VIII.

Въ Мюнхенѣ и въ Римѣ.

Въ Мюнхенѣ Ибсенъ повелъ въ первые годы болѣе открытую и пріятную жизнь, чѣмъ въ Дрезденѣ. Съ одной стороны, къ этому времени въ Германіи успѣла распространиться его литературная извѣстность, съ другой—вполнѣ окрѣпло его экономическое положеніе. Домъ его въ Мюнхенѣ скоро и сталъ центромъ, привлекавшимъ находи-

*) См. стр. 262.

вшихся за границей земляковъ. Дитрихсонъ, который провелъ въ Мюнхенѣ около года,—съ декабря 1875 г. по февраль 1877 г.,—очень тепло отзывается о гостепріимствѣ своего знаменитаго земляка и его супруги: «Сколько путешественниковъ-сѣверянъ обязано благодарностью дому Ибсена и особенно неутомимой сердечной добротѣ фру Ибсенъ, оказывавшей молодымъ, одинокимъ землякамъ и землячкамъ самое доброжелательное гостепріимство въ баварской столицѣ, и какія богатыя воспоминанія связаны у нихъ и у меня самого съ этимъ домомъ, гдѣ царилъ духъ гостепріимства и доброжелательства, велись такія содержательныя, глубоко интересныя, дышавшія умомъ и сверкавшія остроуміемъ бесѣды».

Характерно, что бесѣды эти въ ту зиму, которую провелъ въ Мюнхенѣ Дитрихсонъ, вращались по преимуществу около вопроса: насколько писателю необходимо жить среди своего народа, чтобы вѣрно отражать его жизнь въ своихъ произведеніяхъ? Ибсенъ, по свидѣтельству Дитрихсона, «при этомъ энергично отстаивалъ пользу и даже необходимость обзора на разстояніи, съ болѣе удаленной и высокой точки, откуда открывается болѣе свободный и обширный видъ, нежели доступный тѣмъ, кто находится слишкомъ близко къ предмету наблюденія».

Припоминая свои тогдашнія возраженія, сводившіяся къ указанію на опасность слишкомъ удалиться отъ дѣйствительности при изображеніи живыхъ лицъ,—разъ писатель самъ не живетъ среди нихъ,—Дитрихсонъ чистосердечно признаётъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Ибсенъ этой опасности избѣжалъ и самымъ блестящимъ образомъ доказалъ своими произведеніями правильность своихъ упомянутыхъ утвержденій.

Свидѣтельства Дитрихсона такимъ образомъ вполнѣ совпадаютъ съ вышеприведенными письменными заявленіями Ибсена: отношеніе его музы къ дѣйствительности, какъ это уже было отмѣчено при разборѣ первыхъ періодовъ его поэтическаго творчества, всегда было свободнымъ отношеніемъ художника, а не фотографа. Дѣйствительность никогда не служила для него цѣлью, но всегда лишь средствомъ, исходною точкою, отъ которой онъ отправлялся въ собственный міръ идей и идеаловъ. Вотъ почему, несмотря на то, что основой для всѣхъ его произведеній—исключая лишь «Кесаря и Галилеянина»—оставалась именно родная дѣйствительность, онъ, собственно, не нуждался ни въ постоянномъ ни въ долговременномъ пребываніи на родинѣ. Напротивъ, какъ сказано, у него были скорѣе причины поспѣшить уѣхать оттуда. «Тамъ душно, тѣсно»,—говоритъ безумная Гердъ Бранду, когда онъ, желая отвлечь ее отъ опаснаго пути на горныя высоты, указываетъ ей на церковь въ долинѣ. Подобное же ощущеніе должно было тѣснить на родинѣ грудь Ибсена, привыкшаго за границей къ большей духовной свободѣ въ смыслѣ независимости отъ какихъ-либо партійныхъ взглядовъ, а также къ большему простору и разнообразію жи-

тейскихъ условій, дававшихъ ощутительнѣе чувствовать пульсъ міровой жизни. На родинѣ его ждали: обезличивающее, банальное однообразіе общественной жизни, засасывающая типа партійности и кружковщины, тысячи связывающихъ мелочныхъ соображеній, и немудрено, что онъ предпочелъ вернуться за границу къ свободѣ, независимости, одиночеству, т.-е. тому, что онъ особенно цѣнилъ, судя по его письмамъ. «Одинокій—сильнѣйшій», — недаромъ писалъ онъ однажды Брандесу *).

Несмотря на краткость посѣщенія родины послѣ долгаго отсутствія, Ибсенъ успѣлъ увезти оттуда въ Дрезденъ богатый и важный запасъ новыхъ, свѣжихъ впечатлѣній. Но привѣтливый городокъ, въ стилѣ рококо, на берегу широкой, спокойной Эльбы, какъ будто уже не могъ дать ему настроенія, нужнаго для поэтической обработки новыхъ впечатлѣній; онъ приступилъ къ ней лишь въ Мюнхенѣ, куда переселился весною въ 1875 году. Съ виду онъ такимъ образомъ еще удалился отъ родины, а въ сущности сталъ къ ней ближе. На возвышенной баварской равнинѣ, гдѣ лежитъ Мюнхенъ, климатъ зимою суровъ и непривѣтливъ, какъ въ Норвегіи. Много снѣгу, слякоти, гуляютъ пронзительные вѣтры. По городу пробѣгаетъ пѣнистыми зигзагами Изаръ, не лишенная сходства съ болѣе значительными изъ норвежскихъ горныхъ рѣкъ, а на дальнемъ горизонтѣ синѣютъ гордыя Баварскія Альпы. Въ лѣтнее же время Ибсенъ переправлялся черезъ Бреннеръ въ Тироль, гдѣ была масса узенькихъ, маленькихъ скалистыхъ долинъ, окаймленныхъ темными, стройными и густыми соснами и наполненныхъ шумомъ пѣнистыхъ горныхъ рѣчекъ, сбѣгающихъ съ снѣжныхъ высотъ.

«Баварская возвышенная равнина зимою и Тироль лѣтомъ и служили для Ибсена въ теченіе многихъ лѣтъ суррогатомъ Норвегіи»,— говоритъ Іегеръ.

Въ Мюнхенѣ началась новая полоса творческой дѣятельности Ибсена, между началомъ которой и выходомъ въ свѣтъ послѣдняго произведенія предыдущаго періода («Кесаря и Галилеянина») прошло цѣлыхъ четыре года. Если же выдѣлить «Кесаря и Галилеянина», которому принадлежитъ совершенно особое мѣсто, то промежутокъ этотъ оказывается еще значительнѣе,—цѣлыхъ восемь лѣтъ. Для Ибсена, видимо, вновь наступилъ періодъ сомнѣній и колебаній—чѣмъ и какъ начать теперь. Его мысль продолжала безостановочно работать дальше надъ занимавшими его всегда проблемами и постоянно дѣлала новые, все болѣе отвѣчавшіе духу времени выводы изъ того основного индивидуалистическаго міровоззрѣнія, которое онъ разъ навсегда усвоилъ себѣ; его умъ постоянно производилъ новыя наблюденія и новыя изслѣдованія, предметомъ которыхъ являлись отдѣльные люди и общество

*) См. стр. 393.

и вѣкъ; но поэтической формы для всего этого новаго онъ какъ будто не находилъ.

Въ 1875 году онъ, впрочемъ, напечаталъ въ датскомъ журналѣ «Девятнадцатый Вѣкъ» *) два стихотворенія, возбудившія большое вниманіе, особенно одно. Они и заслуживаютъ быть отмѣченными и разсмотрѣнными, такъ какъ представляютъ своего рода введеніе къ серіи послѣдующихъ драматическихъ произведеній Ибсена.

Первое изъ этихъ стихотвореній «Издали» трактуетъ сѣверныя, преимущественно норвежскія условія и задачи; второе—«Письмо въ стихахъ» **)—общечеловѣческія, выдвигаемыя вѣкомъ.

Лѣтомъ въ 1875 г. въ Упсалѣ состоялся съѣздъ студентовъ. Въ первый разъ послѣ жалкаго фіаско 1864 г. студенческій «скандинавизмъ» снова поднялъ голову,—въ первый, да и въ послѣдній разъ. Настроенные на старый торжественный ладъ, голоса «скандинавовъ» не имѣли прежней звучности, старыя высокопарныя рѣчи о «единомъ Сѣверѣ», о «могучемъ стволѣ отъ сѣвернаго корня» потеряли свою цѣнность. И молодые зеленые отпрыски «могучаго ствола» просто воспользовались случаемъ объединиться на болѣе практической почвѣ общаго веселья: повеселиться дружно, какъ можно больше, пока длится съѣздъ, а тамъ—пусть себѣ политика останется политикой и праздничныя рѣчи—праздничными рѣчами!

Съ норвежской стороны послѣдовало безтактное приглашеніе Ибсену написать привѣтственную пѣснь для съѣзда, хотя и можно было знать, какъ мало онъ съ 1864 г. сочувствовалъ такому *студенческому скандинавизму*. Онъ однако принялъ предложеніе и послалъ въ Швецію свой поэтическій привѣтъ. Въ привѣтѣ этомъ — довольно характерно—нѣтъ ни слова о самой велико-скандинавской идеѣ, подавшей поводъ къ съѣзду; говорится лишь о фактически существующемъ союзѣ между норвежцами и шведами, а заканчивается привѣтъ чисто по-ибсеновски приглашеніемъ поставить цѣлью союза упорный трудъ по выясненію и выполненію задачъ, диктуемыхъ человѣчеству смѣною эпохъ, приближеніемъ новаго вѣка.

Болѣе прекрасной и великой цѣли писатель не могъ указать норвежскимъ и шведскимъ студентамъ. Но онъ хорошо зналъ, что голосъ его останется одинокимъ на съѣздѣ, что его огненный призывъ потонетъ въ потокѣ фразъ, продиктованныхъ праздничнымъ настроеніемъ. Онъ зналъ, что не *будущему*, а *прошлому* будетъ предоставлено громкое слово на празднествѣ. И то обстоятельство, что и въ 1875 г. можно ѣсть, пить, пѣть и говорить въ честь «единаго Сѣвера», точь въ точь какъ тридцать лѣтъ назадъ, — можно, несмотря на все, что произошло, ни на шагъ не двинуться дальше ѣды, питья, пѣнія и рѣчей въ честь идеи, воодушевлявшей и его въ дни далекой юности, —

*) См. письмо къ Брандесу, стр. 423—425.

**) См. оба стихотворенія въ отдѣлѣ «Стихотвореній».

обстоятельство это вызвало въ Ибсенѣ какое-то жуткое чувство, точно передъ нимъ вставали привидѣнія. Въ пору его молодости Германія и Италія тоже лелѣяли великую мечту объединенія, какъ и Скандинавія, но теперь единая Германія была уже не мечтою, а вполнѣ совершившимся фактомъ, купленнымъ потоками крови; теперь даже ворота Рима принуждены были отвориться передъ напиравшими полчищами молодой Италіи. Эти страны воистину *хотѣли* воплощенія своей мечты, и она осуществилась. Имѣя въ Европѣ передъ глазами такіе факты, Ибсенъ и смотрѣлъ «издали» на скандинавскій съѣздъ на Сѣверѣ, какъ на что-то странное, чужое, далекое, а обращаясь къ юнымъ участникамъ съѣзда, не могъ вначалѣ удержаться отъ иронически-снисходительной улыбки. Эта улыбка чувствуется въ его пожеланіи счастья беззаботной толпѣ, довольствующейся забавою. Но затѣмъ улыбка исчезаетъ, уступая мѣсто суровому поученію: скандинавизмъ — привидѣніе въ міровой исторіи, а его приверженцы — выходцы изъ бездны минувшихъ временъ. Норвежцы не слѣдовали за ходомъ времени, плыли кормою, а все оттого, что слишкомъ рано и легко получили свободу. Она досталась имъ почти какъ подарокъ; они ея не завоевали, не боролись за нее, потому и не сумѣли ни оцѣнить ее ни воспользоваться ею. «Когда же придетъ и встряхнетъ ихъ отъ спячки духъ времени, провозгласивъ истинный лозунгъ вѣка?»

Вотъ основная точка зрѣнія на норвежскій народъ, обусловившая созданіе серіи новыхъ драматическихъ произведеній Ибсена.

Еще большее значеніе въ смыслѣ выясненія внутреннихъ основъ новаго періода въ творчествѣ Ибсена имѣетъ «Письмо въ стихахъ», гдѣ находятся знаменитыя строки о «трупѣ въ тюрьмѣ».

Корабль Европы держитъ курсъ въ новую страну, иначе говоря, человѣчество стремится въ страну обѣтованную — къ лучшему будущему; на видъ все на кораблѣ въ порядкѣ, но ходъ его замедляется и даже совсѣмъ пріостанавливается словно какою-то таинственною, злою силою, парализующею умы и волю: такъ бываетъ,— по повѣрью моряковъ,—когда въ трюмѣ скрытъ трупъ.

Что же подразумѣвалъ Ибсенъ подъ «трупомъ»?

Всякаго рода пережитки времени: старые истины, взгляды, обычаи и привычки, которые человѣчество влачитъ за собою въ своемъ стремленіи къ новому вѣку и отъ которыхъ такъ трудно отдѣлаться. Они крѣпко засѣли въ людяхъ и даютъ себя знать предразсудками, ограниченностью, нетерпимостью, недостаткомъ послѣдовательности въ мышленіи, въ чувствахъ и въ поступкахъ, и наконецъ сознательнымъ лицемѣріемъ, прикрывающимъ себялюбіе и низкіе корыстные расчеты. Въ какой бы формѣ они ни проявлялись, они представляютъ сильнѣйшую помѣху развитію человѣческой личности, какъ и всякому прогрессу вообще.

Въ стихотвореніи «Письмо—воздушный шаръ», написанномъ еще до появленія «Кесаря и Галилеянина», отразилось, хотя и въ шутли-

вой формѣ, торжественное настроеніе писателя въ ожиданіи наступленія новаго вѣка:

Оттого всегда въ перчаткахъ,
Въ бѣломъ галстукѣ хожу,
И въ зеленевыхъ тетрадкахъ
За стихомъ стихъ вывожу *).

Съ тѣхъ поръ онъ успѣлъ разочароваться въ быстромъ приближеніи человѣчества къ новой, болѣе свѣтлой эпохѣ, убѣдившись въ томъ, что оно влачитъ за собою «трупъ въ трюмѣ», и рѣшилъ—снять свои бѣлыя перчатки, засучить рукава и приняться «за вскрытіе трупа».

Иными словами: убѣдившись, что современному человѣчеству далеко еще до цѣли, которая идеальному, проникновенному взгляду поэта казалась уже столь близкою, Ибсенъ рѣшилъ отказаться отъ своего выжидательнаго положенія «жениха въ брачномъ нарядѣ», отказаться пока и отъ прямой проповѣди «третьяго царства» или указанія горнихъ высотъ идеаловъ и посвятить себя тяжелому, черному труду изслѣдованія пизшпъ и проваловъ жизни, вскрыванія гнойниковъ современнаго жизненнаго строя, отдаться постановкѣ діагнозовъ недугамъ настоящаго ради подготовленія почвы для будущаго, т.-е. для новой, болѣе здоровой и счастливой жизни человѣчества.

Поставивъ себѣ эту цѣль, Ибсенъ и подошелъ со своимъ безпощаднымъ скальпелемъ къ *родной* современной дѣйствительности, простившись какъ съ міромъ давно минувшихъ временъ, такъ и съ міромъ титановъ духа и героевъ, принадлежащихъ больше царству поэтическихъ грезъ, чѣмъ дѣйствительному міру. Гордое шествіе, начатое Катилиной, окончилось Юліаномъ. Съ этихъ поръ мятежный, ищущій, стремящійся къ освобожденію, просвѣтлѣнію и совершенствованію духъ человѣческій—настоящій герой всѣхъ произведеній Ибсена — принимаетъ исключительно облики болѣе или менѣе обыкновенныхъ людей изъ живой современной дѣйствительности.

Тяготѣніе къ родной дѣйствительности было вполнѣ естественно. Вѣдь если «трупъ въ трюмѣ» влачитъ за собою на пути къ будущему все человѣчество, то влачитъ и норвежскій народъ, какъ часть человѣчества. При этомъ ближе и удобнѣе оперировать надъ знакомымъ матеріаломъ и стремиться прежде всего къ вскрытію язвъ и ранъ и исцѣленію того организма, съ которымъ ощущается кровная связь.

То обстоятельство, что скальпель былъ введенъ въ норвежскую дѣйствительность, обострило борьбу Ибсена съ упомянутыми пережитками времени и старыхъ истинъ въ Норвегіи и даже на время пошатнуло завоеванную уже имъ позицію на родинѣ. Зато общечеловѣческое значеніе этой борьбы положило прочное начало широкой европейской славѣ Ибсена. Европа ощущала рѣзкія движенія скальпеля не непо-

*) См. отдѣлъ «Стихотвореній», стр. 193.

средственно: это была, такъ сказать, передача сплы на разстояніи, въ смягченномъ видѣ.

Свѣжія впечатлѣнія, вынесенныя Ибсеномъ изъ родной дѣйствительности, повидимому, были такого рода, что первымъ недугомъ, сосредоточившимъ на себѣ вниманіе писателя, явилось *лицемѣріе*.

Въ одной изъ статей извѣстнаго «апостола идеальнаго анархизма» Кропоткина жалкое лицемѣріе нашего времени охарактеризовано такъ: «Основныя правила нашей морали гласятъ: «люби своего ближняго, какъ самого себя»; но пусть только ребенокъ послѣдуетъ этому основному правилу и сниметъ съ себя курточку, чтобы одѣть озябшаго нищаго ребенка,—мать скажетъ ему, что правила морали никогда не слѣдуетъ понимать буквально. Если же станешь жить по нимъ, то самъ будешь ходить босикомъ, ничуть не уменьшивъ этимъ нищеты вокругъ себя. Итакъ, выходитъ, что мораль хороша на словахъ, но не на дѣлѣ. Наши проповѣдники говорятъ: «Кто работаетъ, тотъ молится». Но всякій стремится заставить другихъ работать на себя. Они говорятъ: «не лги». А вся политика — сплошная ложь. И мы пріучаемъ себя и своихъ дѣтей жить такою двойственною моралью и защищать эту двойственность софистикой. Лицемѣріе и софистика стали основами нашей жизни. Но общество не можетъ жить такою моралью. Такъ не можетъ оставаться: должно быть и будетъ по-иному».

Аналогичный взглядъ на современное общество легъ въ основу первыхъ четырехъ изъ серіи общественно-бытовыхъ пьесъ Ибсена, открывшейся комедіей «Столпы общества».

По мнѣнію Іегера, никто изъ европейскихъ писателей со временъ Мольера, написавшаго «Тартюфа», такъ основательно не пробиралъ общественнаго лицемѣрія, какъ Ибсенъ. Онъ изобразилъ основанія, на какихъ оно зиждется, условія, въ какихъ развивается, и формы, въ какихъ выражается, далъ и психологію и исторію лицемѣрія.

Одинъ глубокомысленный писатель выразился однажды, что «лицемѣріе — дань почтенія по адресу добродѣтели со стороны порока». Опредѣленіе весьма любезное, но лицемѣріе въ данномъ случаѣ рисуется въ черезчуръ ужъ розовомъ свѣтѣ. Въ сравненіи съ такимъ пониманіемъ лицемѣрія толкованіе Ибсена выходитъ почти чернымъ; но зато послѣднее имѣетъ то преимущество, что оно гораздо глубже. Лицемѣріе—маска, которую надѣваетъ порокъ, чтобы сойти за добродѣтель. Впрочемъ, порокъ, по мнѣнію Іегера, тутъ черезчуръ сильное выраженіе; вѣрнѣе формулировать сущность разоблачаемаго Ибсеномъ лицемѣрія такъ: «Трусливый эгоизмъ надѣваетъ маску альтруизма».

Чтобы не повторять здѣсь изложенія содержанія и главныхъ идей комедіи «Столпы общества», что уже дано въ предисловіи къ переводу пьесы *), выяснимъ только отношеніе этого произведенія Ибсена, по-

*) См. т. II, стр. 562.

строеннаго на основѣ родной дѣйствительности, къ общеевропейской дѣйствительности.

Іегеръ свидѣтельствуетъ, что европейскія событія той эпохи производили на среднюю норвежскую публику впечатлѣніе, граничащее съ паническимъ ужасомъ. Норвежскіе обыватели читали въ газетахъ сообщенія объ ужасахъ парижской коммуны и загадочныя извѣстія о таинственномъ обществѣ, именовавшемся «интернаціональнымъ» и задававшемся цѣлью сокрушить всю современную культуру. Читали обо всѣхъ этихъ «разнузданныхъ теоріяхъ большого свѣта» и узнавали, что нѣкоторыя изъ самыхъ худшихъ изъ нихъ, такъ сказать, уже стучатся въ двери къ добрымъ норвежцамъ. Но здѣсь, къ счастью, для этихъ теорій не оказывалось мѣста: здѣсь царилъ миръ, и въ нихъ не было надобности; «наше маленькое общество, слава Богу, покоилось на болѣе прочныхъ нравственныхъ устояхъ, чѣмъ тѣ большія общества». И на эти большія общества смотрѣли въ Норвегіи чаще всего, какъ на испорченныя въ корнѣ, прогнившія насквозь; норвежское общество, напротивъ, считалось еще здоровымъ, и надлежало сохранить его таковымъ, ограждая отъ всѣхъ тлетворныхъ вліяній и вѣяній, учредивъ своего рода духовный противочумный кордонъ. Моральныя преимущества норвежскаго общества сдѣлались аксіомою, принятою на вѣру, какъ это часто бываетъ въ маленькихъ странахъ, долго отгораживавшихъ себя отъ теченій высшей культурной жизни въ большихъ странахъ.

Противъ такого-то мѣстнаго общественнаго лицемѣрія спеціально и ополчился Ибсенъ въ «Столпахъ общества». По его мнѣнію, самая существенная разница между большими и маленькими обществами заключается въ томъ, что въ послѣднихъ больше скрытничаютъ, умалчиваютъ и больше лгутъ, чѣмъ въ первыхъ. Чѣмъ меньше общество, тѣмъ бо́льшую роль играютъ въ немъ соображенія, связывающія индивида, тѣмъ больше калѣчится личная инициатива и тѣмъ меньше совершается въ немъ великихъ дѣлъ, въ то время какъ подъ покровомъ показной общественной морали развиваются тѣ же самые пороки и преступленія.

Паульсенъ въ своихъ воспоминаніяхъ высказываетъ предположеніе, что сюжетъ драмы «Столпы общества» зародился у Ибсена во время чествованія его студентами въ Христіаніи. Поводомъ къ такому предположенію послужила Паульсену бесѣда съ Ибсеномъ на тему о томъ, «какъ впечатлѣнія дѣйствительности переходятъ въ творчество, часто даже помимо воли писателя, который и самъ того не сознаетъ».

Далѣе Паульсенъ разсказываетъ: «Во время этого посѣщенія Ибсеномъ Христіаніи его много чествовали, между прочимъ, факельнымъ шествіемъ. Полагали его этимъ порадовать; но зрѣлище это подѣйствовало на него — по его словамъ — тяжело. Онъ въ испугѣ отшатнулся при видѣ этой массы людей и развѣвающихся знаменъ. Быть-можетъ,

ему это чествованіе показалось неполнымъ, такъ какъ въ немъ участвовали *не всѣ* партіи? Ибсенъ былъ вѣдь въ то время «правымъ» или казался имъ. А быть-можетъ, онъ, всегда столь строгій къ себѣ самому, находилъ, что въ своей тогдашней духовной стадіи не заслуживалъ такого отличія? Пожалуй, онъ почувствовалъ тогда, что самъ, помимо своей воли, попалъ въ лжестолпы общества, т.-е. что онъ своимъ писательскимъ авторитетомъ поддерживаетъ партію, которой въ сущности не могъ искренно симпатизировать. Кто знаетъ? Вѣрно лишь то, что демонстрація произвела на него тяжелое впечатлѣніе; ему казалось, какъ онъ выразился, что тутъ «пахнетъ трупомъ».

Комедіей «Столпы общества» онъ и порвалъ съ правой партіей и ея политикой. А пережитое въ Христіаніи дало матеріалъ для замѣчательной сцены чествованія консула Берника, кричавшаго при видѣ иллюминаціи, флаговъ, транспарантовъ и прочаго: «Прочь все это! Видѣть не могу! Потушите! Потушите! Это издѣвательство! Развѣ вы не видите, что всѣ эти огненные языки дразнятъ васъ... Это погребальное шествіе».

Само собою разумѣется, что пьеса немедленно по выходѣ въ свѣтъ (осенью 1877 г.) вызвала на родинѣ писателя энергичные протесты какъ разъ со стороны представителей того самаго лицемѣрія, на которое напалъ авторъ. Норвежская критика увѣряла, что нарисованная имъ картина совсѣмъ невѣрна; онъ-де, сидя въ Мюнхенѣ, и не зналъ условій норвежской жизни, а только воображалъ, что знаетъ, вотъ и представлялъ себѣ норвежское общество такимъ жалкимъ, тогда какъ въ дѣйствительности оно совсѣмъ не таково, но гораздо честнѣе и лучше обществъ большихъ странъ.

Не прошло однако и десятка лѣтъ, какъ факты общественной жизни въ Норвегіи подтвердили вѣрность картины, нарисованной творческой рукой художника, и протесты лицемѣровъ должны были смолкнуть.

Пока же вопли продолжали раздаваться, а черезъ два года, съ появленіемъ въ печати второй пьесы, комедіи «Кукольный домъ», еще усилились, подкрѣпленные протестами мѣщанъ-лицемѣровъ въ Германіи.

Надо ли удивляться, что буржуазное норвежское общество, узкія понятія котораго о долгѣ и добродѣтели вообще и о семейной жизни въ частности, а также отношеніе руководителей или «столповъ» этого общества къ женщинѣ были такъ ярко охарактеризованы уже въ «Столпахъ общества» и еще ярче въ «Кукольномъ домѣ», — надо ли удивляться, что общество это было ошеломлено, услыхавъ дерзновенную фразу женщины,—жены и матери,—что она «прежде всего человѣкъ», т.-е. личность, и въ качествѣ таковой имѣетъ такое же право на свободное самоопредѣленіе, какъ и мужчина? Если припомнить, какой идеалъ женщины преобладалъ до тѣхъ поръ даже въ творчествѣ самого

Ибсена, всегда бывшаго такъ далеко впереди этого общества, то удивляться не приходится.

Ибсенъ въ предыдущіе періоды своей литературной дѣятельности создалъ нѣсколько отдѣльныхъ женскихъ типовъ, изобразилъ женщинъ исключительныхъ, сильныхъ волей, богатыхъ дарованіями и имѣвшихъ свое особое призваніе; остальнымъ своимъ героинямъ онъ предоставлялъ всецѣло жить для дѣла своихъ мужей, восхищаться мужскими подвигами и видѣлъ главную, достойную преклоненія добродѣтель женщины въ способности жертвовать всѣмъ ради любимаго мужчины—мужа, возлюбленнаго, сына. Любовь исчерпывала сущность такой женщины,—любовь, охотно жертвующая всѣмъ, не требуя за то награды. Въ «Борьбѣ за престолъ» эта точка зрѣнія на женщину создала афоризмъ: «Любить, жертвовать всѣмъ и быть забытой—вотъ сага женщины!» *). И эта же точка зрѣнія побуждала Ибсена окружать женщинъ поэтическимъ ореоломъ, противопоставляя ихъ самопожертвованіе себялюбію мужчинъ. Весь свойственный его таланту мягкій лиризмъ, всю подавляемую теплоту душевную, которыхъ ему некуда было приложить при созданіи мужскихъ типовъ, онъ тратилъ на этотъ сіяющій ореолъ, которымъ окружалъ головы женщинъ. Въ изображеніе послѣднихъ муза Ибсена вкладывала все самое нѣжное, самое задушевное, что имѣлось въ ея распоряженіи. Что можетъ быть граціознѣе и прелестнѣе любви Элины («Фру Ингеръ»), или Маргариты («Борьба за престолъ»), или Сольвейгъ («Перъ Гюнтъ»), что глубже, теплѣе и задушевнѣе тѣхъ сценъ четвертаго дѣйствія въ «Брандѣ», гдѣ Агнесъ мысленно разговариваетъ со своимъ умершимъ малюткой? Итакъ, Ибсенъ, собственно говоря, всегда былъ поэтомъ-рыцаремъ женщины, но *женщины, какъ женщины, а не какъ человѣка;* убѣжденнымъ защитникомъ общечеловѣческихъ правъ и обязанностей женщины онъ выступилъ только въ «Кукольномъ домѣ».

Впрочемъ, все его основное міровоззрѣніе обѣщало, что онъ когда-нибудь да подойдетъ и къ женщинѣ съ тою же мѣркою, какъ къ мужчинѣ, отнесется и къ ней, какъ къ личности; и тогда ея способность всецѣло жить для другихъ уже не будетъ казаться ему самымъ высшимъ ея назначеніемъ. Эта способность попрежнему вызываетъ его симпатіи, какъ діаметральная противоположность эгоизму; но «быть самимъ собою» означаетъ вѣдь не только убить въ себѣ свое «я»; какъ ни глубоко сталъ Ибсенъ преклоняться съ годами передъ альтруизмомъ, онъ все-таки не могъ отказаться отъ основныхъ требованій индивидуализма.

Отъ вниманія критиковъ не ушло, что уже въ возмущенномъ протестѣ женщины-куколки Сельмы въ третьемъ дѣйствіи «Союза молодежи» **) заключалось зерно «Кукольнаго дома». Но первый зародышъ

*) Слова Нагебьёргъ, т. II, стр. 82.

**) См. т. II, стр. 522—523.

темы можно найти еще раньше. Въ одной изъ сценъ любовнаго ухаживанія за Анитрой Перъ Гюнтъ говоритъ:

Хочу владыкой быть твоихъ желаній
И деспотомъ въ своемъ любовномъ царствѣ!
Должна ты мнѣ принадлежать всецѣло;
Хочу держать тебя въ плѣну, какъ держитъ
Оправа золотая брилліантъ.
И если мы разстанемся—конецъ...
Тебѣ, само собой, замѣть себѣ!
Я всю тебя хочу собой наполнить,
Чтобы ни помысловъ въ тебѣ ни воли
Не оставалось, все заполнилъ я...
Поэтому-то въ сущности и кстати,
Что пусто въ черепѣ твоемъ, дитя!
Душа насъ заставляетъ углубляться
Въ самихъ себя, собою заниматься.
Итакъ, ужъ разъ вопросъ затронутъ этотъ,
Ты можешь, если хочешь, получить
На щиколотки по кольцу; обоимъ
Такъ будетъ выгоднѣй, тебѣ и мнѣ;
Души же мѣсто самъ въ тебѣ займу я,
А прочее по-старому все будетъ *).

Эти строки прямо набрасываютъ портретъ Гельмера, героя «Кукольняго дома», пьесы, въ которой Ибсенъ предъявилъ и къ женщинѣ то же требованіе отстаиванія и развитія своей личности, чего онъ всегда требовалъ отъ мужчины.

Въ силу свойственнаго вообще Ибсену взгляда на женщину, это требованіе однако предъявлено имъ въ иной формѣ, нежели предъявлялось къ мужчинѣ,—не въ формѣ горькихъ обвиненій или ѣдкихъ насмѣшекъ, но сердечнаго призыва.

Вначалѣ Нора является настоящею излюбленною ибсеновскою героиней въ старомъ его стилѣ; она не стремится изображать нѣчто сама по себѣ и для себя; ей свойственно общее съ ея предшественницами въ творчествѣ Ибсена безграничное самопожертвованіе. Она не задумывается совершить подлогъ, чтобы только уберечь отъ огорченія своего отца и спасти жизнь мужа, и увѣрена, что совершаетъ похвальное дѣло. Когда она узнаётъ, что это считается преступленіемъ, она сначала просто не вѣритъ этому, но и когда убѣждается въ томъ, все-таки не раскаивается въ своемъ поступкѣ и съ радостью готова была бы повторить его, если бы понадобилось. Слова Гельмера: «Никто не жертвуетъ ради любимаго человѣка честью», заставляютъ ее высту-

*) Т. I, стр. 338.

пить адвокатомъ героинь Ибсена и, опицетворяя его взглядъ на женщину, отвѣтить: «Сотни тысячъ женщинъ дѣлали это!». Августъ Стриндбергъ въ предисловіи къ первой части «Яда» рѣзко нападаетъ на эту реплику, характеризуя ее, какъ своего рода рыцарскую любезность со стороны автора; но это говоритъ попросту лишь о недостаточномъ пониманіи Стриндбергомъ одной изъ самыхъ характерныхъ чертъ ибсеновскаго творчества.

Самъ Ибсенъ съ теченіемъ времени и развитіемъ своего міровоззрѣнія пришелъ къ тому взгляду, что безграничное самоотреченіе женщины угрожаетъ опасностью ей, какъ личности. Въ данномъ случаѣ опасность эта создается бракомъ, — бракомъ съ такимъ человѣкомъ, какъ Гельмеръ. Въ этомъ бракѣ Нора не можетъ стать человѣкомъ, а только куклой; ей даже не позволятъ стать ничѣмъ инымъ; идеалъ жены, лелѣемый Гельмеромъ, вѣдь граничитъ съ идеаломъ любовницы, лелѣемымъ Перомъ Гюнтомъ. Перъ Гюнтъ хочетъ занять мѣсто души въ Анитрѣ, а Гельмеръ хочетъ быть и волей и совѣстью Норы. Послѣдняя долго живетъ въ какомъ-то недоразвитомъ состояніи, мыслитъ, какъ дитя, и даетъ собою управлять, какъ дитя. И пока она безгранично преклоняется передъ мужемъ и безусловно полагается на него, жизнь ихъ еще идетъ, по-своему, благополучно; но въ тотъ день, когда она наконецъ прозрѣваетъ, что̀ за человѣкъ тотъ, для котораго она столькимъ пожертвовала,—въ ея жизни наступаетъ переломъ. Ей остается или окончательно отказаться отъ своего «я», или отстоять его. Ибсенъ выбираетъ, какъ извѣстно, второй исходъ, заставляя Нору порвать наложенныя на нее бракомъ и унижающія ее узы,—точь въ точь, какъ онъ заставлялъ своихъ прежнихъ героевъ-идеалистовъ порывать узы, наложенныя на нихъ обществомъ. Показавъ сначала опасность, которая грозитъ развитію самостоятельной личности со стороны общества, Ибсенъ перешелъ къ опасностямъ, заключающимся въ бракѣ, и закончилъ осужденіемъ многочисленнаго класса браковъ, въ которыхъ мужъ *все,* а жена *ничто.*

Развязка «Кукольнаго дома», какъ извѣстно, встрѣтила сильный отпоръ какъ со стороны общественнаго мнѣнія, такъ и со стороны критики и публики; исписано было пропасть бумаги, чтобы доказать безнравственность такой развязки. Ибсенъ, напротивъ, былъ того мнѣнія, что безнравственно продолжать сожительство при подобныхъ условіяхъ. «Да, но дѣти, дѣти? — спрашивали сердобольные люди: — съ дѣтьми-то какъ быть? Нельзя же все-таки оправдывать мать, бросающую дѣтей?»—«Да, дѣти... По-вашему, дѣти могутъ выиграть отъ того, что подобное сожительство будетъ продолжаться? Ошибаетесь!»—отвѣтилъ Ибсенъ драмой «Привидѣнія».

Всякому ясно, что «Привидѣнія» имѣютъ своего рода двойную связь съ «Кукольнымъ домомъ».

Предположимъ, что на другой день послѣ своего ухода изъ дома

мужа Нора снова вернулась къ послѣднему, и предположимъ, что этотъ мужъ отличался не только грубымъ и низменнымъ образомъ мыслей, но и пошлымъ и развратнымъ поведеніемъ. Предположимъ также, что до того у этой четы еще не было дѣтей, и родился ребенокъ уже послѣ того, какъ жена вернулась обратно,—и вотъ вамъ вся разница между Еленой Альвингъ и Норой Гельмеръ. Два послѣднія обстоятельства обусловливаютъ то, что драма «Привидѣнія» не представляетъ такой сильной, прямой защиты чисто-идеальныхъ основаній для развода — во имя высшей нравственности, какъ «Кукольный домъ», но зато она представляетъ еще болѣе глубокій и серьезный выпадъ противъ противоположнаго мнѣнія, защищающаго святость и нерасторжимость брака при всякихъ условіяхъ.

Каковъ же результатъ возвращенія жены въ лоно унижающаго ее брака? Отвѣтъ, даваемый драмой «Привидѣнія», приблизительно таковъ: неудавшаяся попытка освободиться отъ позорныхъ узъ надламываетъ въ женщинѣ самосознаніе, лишаетъ ея мышленіе самостоятельности; она уже не осмѣливается больше дѣйствовать согласно своимъ личнымъ сознательнымъ взглядамъ на правое и неправое, она боится такимъ путемъ придти въ столкновеніе съ тѣмъ, что думаютъ и говорятъ другіе люди. И такъ какъ она предвидитъ, что люди взвалятъ на нее, убѣгавшую жену, вину за развратное поведеніе мужа, то и прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы скрыть его поведеніе отъ глазъ свѣта. Такимъ образомъ и она становится жертвой общественнаго лицемѣрія. Сына своего, рожденнаго въ этомъ сожительствѣ, она принуждена удалить изъ дома, какъ только онъ достигаетъ такого возраста, когда можетъ уже начать понимать истинную сущность положенія. Раннее знакомство съ такими сторонами жизни могло бы только искалѣчить его душу, и мать, какъ ей ни больно, принуждена разстаться съ нимъ. Итакъ, вотъ что приноситъ дѣтямъ продолженіе подобнаго сожительства,—выигрышъ не великъ. Мужъ продолжаетъ свою развратную жизнь, жена въ страхѣ и трепетѣ изо всѣхъ силъ продолжаетъ охранять его доброе имя, зная, что каждое пятнышко, появившееся на немъ, дастъ два пятна на ея собственномъ добромъ имени. И даже по смерти мужа она продолжаетъ охранять и прославлять его память.

Но во время этого труда во лжи и въ рабскомъ страхѣ въ ней накипаетъ глухой протестъ противъ общества, трусливой рабыней котораго она является; мысль ея мало-по-малу подкапывается подъ всѣ эти условія и отношенія, которыя общество восхваляетъ какъ нѣчто незыблемое, свѣтлое и благородное, но которыя она успѣла познать во всемъ ихъ убожествѣ. Взаимоотношенія мужа и жены, брата и сестры, отца и сына становятся для ея изощреннаго горькимъ опытомъ ума пустыми формами, только окруженными ореоломъ красивыхъ фразъ, который продолжаетъ окружать упомянутыя отношенія лишь въ силу

человѣческой слабости, такъ ярко изображенной Андерсеномъ въ сказкѣ «Новый нарядъ короля». Наконецъ возвращается сынъ, и его скептицизмъ подкапывается уже подъ отношенія между матерью и сыномъ, подъ единственный устой, котораго не коснулась критическая мысль самой фру Альвингъ. Но и этимъ еще не исчерпаны результаты того сожительства, которое слѣдовало бы порвать, но которое продолжалось въ уступку требованіямъ общественной морали, или, вѣрнѣе, общественнаго лицемѣрія: въ Освальдѣ вдобавокъ таится недугъ—наслѣдіе отца, и, кромѣ того, отношенія между Освальдомъ и Региной открываютъ еще цѣлую бездну роковыхъ возможностей.

Вотъ къ чему приводитъ показная общественная мораль, вотъ послѣдствія господства тѣхъ ходячихъ мнѣній, которыя обращаются среди насъ, какъ привидѣнія. Откиньте покрывало, сорвите маску съ лицемѣрія, и вы увидите оскаленный голый черепъ эгоизма не только у такихъ индивидовъ, какъ Регина и столяръ Энгстрандъ, но даже у столь почтенныхъ и тупоголовыхъ общественныхъ дѣятелей, какъ пасторъ Мандерсъ!—говоритъ Ибсенъ.

Ни въ одномъ произведеніи Ибсена ходячая общественная мораль, являющаяся въ сущности маской лицемѣрія, надѣваемой на себя обществомъ, не анализирована такъ глубоко и широко, какъ въ «Привидѣніяхъ». Ибсенъ показалъ здѣсь, какъ неглубока эта ходячая мораль, во имя которой осуждали развязку «Кукольнаго дома», сколько грубости и пошлости, сколько трусости и лицемѣрія скрывается подъ ея оболочкой. Онъ показалъ, какъ шатка вся подобная основа въ качествѣ общественнаго устоя. Люди увидѣли, что общественная мораль представляетъ нѣчто въ родѣ обширнаго болота; лишь самыя легковѣсныя личности въ состояніи проходить по нему, не замѣчая, что подъ ногами у нихъ нѣтъ твердой почвы; первый же, кто провалился въ болото, узнаётъ, что чѣмъ глубже онъ погружается, тѣмъ жиже становится почва. Его охватываетъ паника, онъ бьется и старается найти точку опоры, но не находитъ,—ея и нѣтъ вовсе. Это даже хуже, чѣмъ провалиться въ болото; тутъ какъ будто вдругъ проваливается подъ ногами всякая почва, и человѣкъ сразу оказывается въ открытомъ морѣ.

Таково было впечатлѣніе, произведенное «Привидѣніями». Пьеса не только подавляла своимъ величественнымъ трагизмомъ, который дѣйствовалъ тѣмъ сильнѣе, что былъ выхваченъ прямо изъ современной жизни, но ужасала смѣлостью и глубиной своихъ идей; даже тѣ единичные читатели, которые слѣдили за развитіемъ ибсеновскаго міровоззрѣнія шагъ за шагомъ, переходя отъ одной его драмы къ другой, въ первую минуту отшатнулись въ страхѣ передъ открывшеюся ихъ глазамъ пропастью и попытались спастись бѣгствомъ; большая же публика и представители ея въ прессѣ подняли негодующіе крики, неслыханные съ появленія въ свѣтъ «Комедіи любви»; и въ 1881 г.

(годъ выхода «Привидѣній»), какъ въ 1861 г. (годъ выхода «Комедіи любви»), набросились на самого автора и какъ на общественнаго дѣятеля и какъ на частное лицо, пытаясь очернить его всѣми средствами, какія всегда находятся въ распоряженіи толпы, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы ослабить воздѣйствіе произведенія геніальнаго и смѣлаго ума.

Даже такой тонкій литературный критикъ, какъ Іегеръ, не сразу понялъ и оцѣнилъ «Привидѣнія»; вначалѣ и онъ находился среди тѣхъ, кого драма эта испугала; и онъ занялъ выжидательное положеніе: зато онъ имѣлъ полную возможность наблюдать дѣятельность вулкана или «сопки» общественнаго негодованія на близкомъ разстояніи. Зрѣлище было не изъ привлекательныхъ, и въ дѣйствительности ничто лучше не пропагандировало идеи пьесы, чѣмъ это отношеніе пристрастныхъ или недалекихъ умовъ.

Ожесточенный отпоръ общественнаго мнѣнія встрѣтили «Привидѣнія» и въ Германіи. Познакомясь съ содержаніемъ и идеями пьесы по отзывамъ рецензентовъ и литературныхъ критиковъ, опиравшихся главнымъ образомъ на отзывы норвежской и датской печати, нѣмецкая публика также ужаснулась и вознегодовала. Словомъ, общее настроеніе было таково, что даже переводъ пьесы на нѣмецкій языкъ представлялся преступленіемъ; на него и отважились лишь три года спустя. Смѣльчакомъ этимъ явилась женщина—баронесса фонъ-Борхъ. Дальнѣйшая судьба «Привидѣній» разсказана въ предисловіи къ русскому переводу, помѣщенному въ III-мъ томѣ, и въ статьѣ Гальворсена, приложенной къ біографіи.

Изъ писемъ Ибсена, въ которыхъ онъ касается отношенія критики и публики къ «Привидѣніямъ» *), видно — *кто* изъ представителей литературы на Сѣверѣ возвысилъ свой голосъ въ противовѣсъ дикому хору противниковъ новой пьесы. Изъ четырехъ указанныхъ Ибсеномъ лицъ, *трое* были датчане: Георгъ Брандесъ, Шандорфъ и Борхсеніусъ, и только *одинъ* норвежецъ—Бьёрнстьерне Бьёрнсонъ.

«Единственнымъ человѣкомъ въ Норвегіи, свободно, смѣло и мужественно выступившимъ на мою защиту, оказался Бьёрнсонъ. Это похоже на него. У него поистинѣ великая, королевская душа, и я никогда ему этого не забуду»,—писалъ Ибсенъ своему другу изъ «голландцевъ», Скавлану.

Со стороны Бьёрнсона это былъ первый шагъ навстрѣчу Ибсену со времени выхода въ свѣтъ комедіи «Союзъ молодежи», надолго, какъ извѣстно, разстроившей — не безъ содѣйствія «добрыхъ друзей»— добрыя отношенія между двумя крупнѣйшими литературными силами Норвегіи. Ибсенъ, впрочемъ, — какъ мы уже упоминали, — скоро по-

*) См. письма къ Пассарге, Гегелю. Брандесу. Шандорфу, Скавлану и Борхсеніусу, стр. 463—468.

пялъ роль друзей въ этомъ дѣлѣ, о чемъ свидѣтельствовали его письма, а также личное его заявленіе Паульсену: «Мы съ Бьёрнсономъ вовсе не враги, какъ многіе думаютъ. Это приверженцы наши принадлежатъ къ враждебнымъ лагерямъ, а не мы лично». Сознавъ это, Ибсенъ неоднократно и дѣлалъ попытки возстановить добрыя отношенія, но не встрѣчалъ отклика со стороны Бьёрнсона. Послѣдняя попытка относилась къ концу 1877 года. Бьёрнсонъ съ симпатіей отозвался о дѣятельности Георга Брандеса, и такое безпристрастіе со стороны Бьёрнсона по отношенію къ человѣку, въ большинствѣ вопросовъ круто расходившемуся съ нимъ, не могло не имѣть большого значенія въ глазахъ Ибсена, почему онъ и послалъ Бьёрнсону изъ Мюнхена 23 октября 1877 года экземпляръ комедіи «Столпы общества» съ коротенькимъ письмецомъ, къ сожалѣнію, утраченнымъ. Нѣтъ однако никакихъ указаній въ пользу того, чтобы этотъ шагъ къ сближенію имѣлъ результаты; во всякомъ случаѣ, Бьёрнсонъ, проѣзжая въ 1879 году Мюнхенъ, не посѣтилъ тамъ Ибсена.

Между тѣмъ за эти годы произошло значительное сближеніе литературныхъ путей писателей. Въ 1875 году Бьёрнсонъ вступилъ своими пьесами «Редакторъ» и «Банкротство» въ область современной общественно-бытовой драмы, а въ концѣ семидесятыхъ годовъ послѣ жестокой внутренней борьбы покончилъ со своимъ старымъ христіанскимъ міровоззрѣніемъ, и для него, какъ для Ибсена, стали съ этихъ поръ выше всего свободное мышленіе и высшая правда личности *). Въ 1877 г. Ибсенъ комедіей «Столпы общества» обратился къ той же области творчества. Въ сущности же зародыши соціальной драмы были заложены еще въ «Комедіи любви» и въ «Союзѣ молодежи»; теперь они созрѣли, и писатель принялся наносить современному обществу ударъ за ударомъ, одинъ рѣшительнѣе другого. Первый же серьезный выпадъ его и заставилъ призадуматься правую партію, считавшую, какъ упоминалось выше, Ибсена своимъ; а когда вышли въ свѣтъ «Привидѣнія», правые уже рѣзко отвернулись отъ него и отъ его «безбожной, безнравственной драмы, подрывающей всѣ основы и устои».

Такой поворотъ самъ по себѣ долженъ былъ сблизить писателей, успѣвшихъ за послѣднее время лучше понять и оцѣнить другъ друга, чѣмъ когда-либо прежде. Бьёрнсонъ еще въ 1880 году помѣстилъ въ одномъ американскомъ журналѣ статью о норвежской литературѣ, содержавшую такія строки объ Ибсенѣ: «Мнѣ кажется, что я хорошо знаю всеобщую драматическую литературу и не задумаюсь ни на минуту высказать, что величайшей силой въ области драматическаго творчества является въ наше время Генрикъ Ибсенъ. Я тѣмъ увѣреп-

*) Бьёрнсонъ уже въ своей рѣчи христіанійскимъ студентамъ 31-го октября 1877 года формулировалъ свою знаменитую программу «бытія **вонстину**».

нѣе произношу это свое сужденіе, что не всегда восхищаюсь его дѣятельностью драматурга». Рыцарское же выступленіе Бьёрнсона на защиту автора «Привидѣній» окончательно выяснило, что въ сущности оба писателя, хотя каждый по-своему, всегда боролись за одно и то же дѣло. Ибсенъ и высказалъ это убѣжденіе въ поздравительной телеграммѣ, посланной 10 августа 1882 г. Бьёрнсону по поводу его юбилея: «Спасибо за общій нашъ трудъ на службѣ дѣлу свободы въ теченіе протекшихъ двадцати пяти лѣтъ!»

Съ теченіемъ времени успѣлъ измѣниться и взглядъ Ибсена на политическую дѣятельность, которой Бьёрнсонъ съ такой страстью отдавался. Писатель, съ презрѣніемъ говорившій о «политиканствующихъ крикунахъ» на родинѣ, самъ началъ съ напряженнымъ интересомъ слѣдить за борьбой партій, когда лѣвые отъ словъ стали переходить къ дѣлу, и зимою 1883 — 1884 гг. Ибсенъ уже такъ близко принималъ къ сердцу политическія перемѣны въ Норвегіи, что—судя по письму къ Гегелю отъ 12 апрѣля 1884 г. — не могъ, какъ слѣдуетъ, сосредоточиться на своей обычной работѣ.

«Лѣвымъ» въ партійномъ смыслѣ Ибсенъ, разумѣется, никогда не сталъ, но литературное творчество его, развиваясь въ извѣстномъ направленіи, пошло объ руку съ общимъ освободительнымъ движеніемъ въ Норвегіи, включавшимъ и политику. Поэтому всѣ свободомыслящіе въ странѣ узрѣли нѣчто символическое въ встрѣчѣ Ибсена съ Бьёрнсономъ въ сентябрѣ 1884 г. въ Тиролѣ (въ Шварцѣ): встрѣча эта какъ бы приложила публично печать къ союзу свободныхъ силъ для общей работы. Оба старыхъ друга были глубоко растроганы при этой встрѣчѣ послѣ свыше двадцатилѣтней разлуки, и отношенія ихъ, снова скрѣпленныя теперь, больше уже не порывались, а въ 1892 г. они еще укрѣпились родствомъ: единственный сынъ Ибсена Сигурдъ женился на одной изъ дочерей Бьёрнсона. Въ день же своего 75-лѣтія Ибсенъ, отвѣчая на поздравленіе Бьёрнсона, со слезами высказалъ: «Ты вѣдь былъ мнѣ всегда всѣхъ дороже».

Мы нѣсколько забѣгаемъ впередъ, чтобы закончить здѣсь обрисовку характерныхъ отношеній между Ибсеномъ и Бьёрнсономъ, начатую нами еще въ главѣ, посвященной мрачному христіанійскому періоду въ жизни Ибсена. И, прежде чѣмъ вернуться къ прерванной исторіи «Привидѣній», остановимся на интересной параллели, которую проводитъ между двумя крупнѣйшими норвежскими писателями Лотаръ:

«Вотъ о комъ поистинѣ можно сказать: крайности сходятся. Въ молодости они представляли самый рѣзкій контрастъ. Ибсенъ—тихій, замкнутый, сосредоточенный и послѣдовательный въ стремленіи къ цѣли; Бьёрнсонъ—шумный, душа на распашку и разносторонній, какъ рѣдко кто, — и критикъ, и актеръ, и драматургъ, и беллетристъ, и лирикъ, и политическій агитаторъ, и журналистъ, и народный три-

бунъ. И немного понадобилось времени, чтобы оба писателя открыли, что они въ сущности являются соперниками.

«Къ чести Бьёрнсона должно отмѣтить, что представленіе объ Ибсенѣ, какъ о соперникѣ, совершенно въ немъ отсутствовало въ то время, когда Ибсену приходилось круто, и біографы Ибсена, а также собственныя его письма достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, насколько послѣдній цѣнилъ истинно-дружеское содѣйствіе Бьёрнсона въ тѣ тяжелые годы.

«Какъ и слѣдовало ожидать, подобное же различіе, какъ отмѣченное выше въ характерахъ писателей, сказывается въ ихъ литературной и общественной дѣятельности. Особенно даетъ себя знать это различіе въ изображенныхъ ими типичныхъ представителяхъ народа. Въ разсказѣ «Сюннёве Сольбаккенъ» Бьёрнсонъ далъ въ лицѣ Торбьёрна типъ свѣжаго, сильнаго, ловкаго молодца, драчуна и фантазера, который при всѣхъ своихъ недостаткахъ и слабостяхъ все-таки способенъ исправиться, что и доказываетъ на дѣлѣ. Такимъ представлялъ себѣ Бьёрнсонъ типичнаго молодца-норвежца. Въ параллель и въ контрастъ Торбьёрну Ибсенъ создалъ Пера Гюнта, надѣливъ его всѣми качествами Торбьёрна, но въ преувеличенныхъ, какъ бы въ карикатурныхъ размѣрахъ, и получилась неустойчивая, слабохарактерная, изолгавшаяся, половинчатая натура, которая не въ состояніи исправиться. Эти два типичныхъ представителя норвежскаго народа чрезвычайно характерно и оттѣняютъ различіе духовнаго склада и творчества обоихъ писателей. Бьёрнсонъ — сангвиникъ, несокрушимый оптимистъ; Ибсенъ также оптимистъ, но оптимистъ особаго рода; онъ вѣритъ въ будущее: наше же время, въ которое твердо упирается распростертыми руками Бьёрнсонъ, рисуется Ибсену въ черномъ свѣтѣ. Бьёрнсонъ— натура сильная, глубоко чувствующая, но способная ударяться и въ сентиментальность, выше всего ставитъ радостное, свѣжее, здоровое чувство жизни; Ибсенъ — аскетъ и судія, строгій, какъ древніе судіи Израиля. «Бьёрнсонъ — пророкъ, горячій провозвѣстникъ лучшихъ временъ»,—говоритъ Брандесъ. И это лучшее время наступаетъ для него уже завтра, если не сегодня. Ибсенъ также пророкъ лучшаго будущаго, но для него оно наступаетъ лишь послѣ потопа, который долженъ сначала смыть всѣ пороки, грѣхи и недостатки современнаго міра. Людямъ предстоитъ очиститься, оправдать на себѣ законъ перерожденія, прежде чѣмъ они войдутъ въ третье царство, для котораго пока еще не созрѣли. У Бьёрнсона всѣ конфликты обыкновенно разрѣшаются благополучно; онъ любитъ идиллическія, часто даже слащавыя развязки (примѣры: драма «Банкротство», вторая часть драмы «Сверхъ силъ»); развязки же пьесъ Ибсена обыкновенно проникнуты горчайшею ироніей. Для Бьёрнсона уединеніе—источникъ всевозможныхъ страданій; для Ибсена — источникъ силы. Бьёрнсонъ вѣчный боговѣстникъ, моралистъ, иногда даже религіозный проповѣдникъ;

Ибсенъ — высоко стоящій надъ догматическими мелочами этикъ. Въ одномъ лишь оба писателя безусловно и всегда солидарны: въ борьбѣ съ ложью, въ любви къ истинѣ, въ которой оба видятъ необходимую основу для общества.

«Первый періодъ творчества Бьёрнсона, какъ и Ибсена, посвященъ національнымъ темамъ, родной исторіи и народному романтизму. Бьёрнсонъ писалъ разсказы изъ народнаго быта, въ которыхъ изображалъ норвежскаго крестьянина въ ореолѣ, создаваемомъ его (Бьёрнсона) увлеченіемъ всѣмъ національнымъ, человѣческимъ оптимизмомъ и поэтическимъ идеализмомъ. Этотъ первый періодъ закончился 1870 г.; къ тому времени Бьёрнсонъ, авторъ «Арне», «Сюннёве Сольбаккенъ», трилогіи «Сигурдъ» и массы популярныхъ національныхъ пѣсенъ, былъ уже знаменитостью, и затѣмъ — смолкъ на цѣлые годы. У Ибсена тоже выпадали промежутки покоя, самососредоточенія, какъ бы раздумья; но затѣмъ онъ съ новыми силами продолжалъ свое дѣло, самъ выходя на новый путь. Бьёрнсонъ же въ этотъ промежутокъ литературнаго бездѣйствія съ головой ушелъ въ изученіе соціологовъ и натуралистовъ, зачитывался Миллемъ, Огюстомъ Контомъ, Дарвиномъ и обновилъ свое міровоззрѣніе, но на новый литературный путь навелъ его геній Ибсена. Комедія «Союзъ молодежи» стала для Бьёрнсона путеводной звѣздой. Спустя шесть лѣтъ Бьёрнсонъ также свернулъ на путь современной соціальной драмы. «Банкротство» и «Редакторъ» берутъ свое начала отъ «Союза молодежи», написаны подъ вліяніемъ этой комедіи, которою собственно и открылся циклъ современныхъ общественно-бытовыхъ пьесъ Ибсена. Итакъ, еще разъ пути писателей сошлись, но мнѣнія ихъ снова столкнулись: «Большинство всегда право!» — восклицалъ Бьёрнсонъ. «Большинство никогда не бываетъ право!»—полагалъ Ибсенъ. Бьёрнсонъ всегда былъ поэтомъ большинства, Ибсенъ — меньшинства.

«Меньшинство всегда право»,—писалъ Ибсенъ Брандесу *), благодаря его за доброжелательную статью о «Привидѣніяхъ», а затѣмъ развилъ эту идею въ новой пьесѣ «Врагъ народа», гдѣ уже прямо заявилъ, что «большинство *никогда* не бываетъ право».

Первоначально нападки печати и общества на «Привидѣнія», а главное, лжетолкованія какъ идей пьесы, такъ и авторскихъ намѣреній, внушили Ибсену желаніе отпарировать ихъ не новымъ драматическимъ произведеніемъ, а своего рода литературною исповѣдью, о чемъ онъ и писалъ своему издателю еще 31 мая 1880 г. **), а также упоминалъ въ письмѣ къ Скавлану отъ 12 ноября 1881 г. ***). Въ новомъ литературномъ произведеніи автобіографическаго характера Ибсенъ полагалъ освѣтить тѣ внѣшнія и внутреннія условія, въ силу

*) См. стр. 464.
**) См. стр. 454.
***) См. стр. 462.

которыхъ возникали одно за другимъ его произведенія. Но затѣмъ онъ—какъ можно судить, по совѣту издателя—отказался отъ этого литературнаго плана *), и отвѣтомъ на пріемъ, оказанный «Привидѣніямъ», явилась все-таки новая пьеса «Врагъ народа». Ибсенъ въ болѣе короткій, чѣмъ обыкновенно, срокъ **) закончилъ эту пьесу, представлявшую собою и самозащиту и обвиненіе въ отвѣтъ на обвиненія. Положеніе героя пьесы, доктора Томаса Стокмана, или «врага народа», аналогично положенію, въ которомъ оказался самъ Ибсенъ.

Докторъ, правда, не пытался доказать, что общая брачная мораль вытекаетъ изъ нечистыхъ, нездоровыхъ источниковъ, но онъ пытался сдѣлать нѣчто аналогичное: доказать, что благосостояніе его родного города имѣетъ сомнительные источники, такъ какъ морскія купанья, которыми живетъ весь городъ, представляютъ въ сущности источникъ заразы. Всѣ возстаютъ противъ разоблачителя, всѣ отшатываются отъ него, общее негодованіе растетъ, никто и слушать его не хочетъ. Развѣ непохоже это положеніе на то, которое въ первое время было создано для Ибсена «Привидѣніями»? И вотъ писатель заставилъ героя новой своей пьесы сдѣлать открытіе, что все общество зиждется на нездоровыхъ источникахъ, что все оно ничтожно и низменно. Ибсенъ устами Стокмана объяснился съ обществомъ начистоту, высказалъ ему въ глаза всю горькую правду. Быть преслѣдуемымъ такимъ обществомъ не стыдно, а, напротивъ, почетно; каждый выдающійся духовно человѣкъ долженъ искать такой чести, и вмѣсто того, чтобы пасть подъ бременемъ общественнаго негодованія, такой человѣкъ становится лишь сильнѣе; тотъ же, кто поетъ въ унисонъ обществу — человѣкъ слабый, ничтожная личность, связанная по рукамъ и ногамъ ходячею общественной моралью, ходячими мнѣніями и привычками; сильнѣе всѣхъ — самый одинокій изъ всѣхъ.

Самый способъ оборонительнаго наступленія, представляемаго пьесой, интересенъ и новъ. Это — прямое, открытое наступленіе по всей линіи и нападеніе не изъ безопаснаго убѣжища; это — атака, увлекающая самого атакующаго такъ далеко впередъ, какъ только можно; это — штурмъ, не считающійся съ тѣмъ — есть ли незанятые стратегическіе пункты на томъ пути, на который нападающій вышелъ; пусть даже съ этихъ пунктовъ открывается беззащитный тылъ самихъ штурмующихъ идей!

Такъ же интересенъ и новъ здѣсь выпадъ во имя свободы противъ либерализма и порожденной имъ тираніи большинства. Кто правъ—геній или общество, большинство или отдѣльная личность? «Большинство всегда право, на его сторонѣ истина»,—отвѣчаютъ два представи-

*) См. стр. 469.

**) Обыкновенно на обдумываньe и выполненіе драматическаго произведенія уходило у Ибсена два года, и почти всѣ его пьесы выходили съ такими промежутками.

теля большинства, Говстадъ и Биллингъ. «Большинство никогда не бываетъ право, никогда! — отвѣчаетъ докторъ Стокманъ. — Правъ я и немногія другія, отдѣльныя личности, усвоившія себѣ тѣ юныя истины, которыя еще слишкомъ новы для того, чтобы войти въ сознаніе міра, чтобы собрать вокругъ себя большинство... Эти люди какъ бы стоятъ на аванпостахъ *), такъ далеко впереди, что сплоченное большинство еще не добралось туда».

Самъ Стокманъ представляетъ вполнѣ новую и оригинальную фигуру въ галлереѣ ибсеновскихъ типовъ, несмотря на то, что созданъ по тѣмъ же принципамъ, какъ и прежніе герои Ибсена. Нельзя не усмотрѣть въ его сформированіи кое-чего новаго; въ смыслѣ развитія личности Стокманъ идетъ дальше дѣйствующихъ лицъ болѣе раннихъ произведеній Ибсена. Подобно Фальку, Бранду, Норѣ и др., Стокманъ кончаетъ одиночествомъ, но одиночество здѣсь уже не однозначаще съ бѣгствомъ изъ общества. Лишь одну минуту Стокманъ подумываетъ о бѣгствѣ; но затѣмъ, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, онъ отказывается отъ бѣгства, остается на своемъ посту, чтобы навербовать послѣдователей своихъ идей и возобновить борьбу. «Тутъ поле брани, тутъ должна разыграться битва, тутъ я и хочу побѣдить... Слушать себя я во всякомъ случаѣ ихъ заставлю, чортъ возьми! Я буду отчитывать ихъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ... Что же мнѣ—спасовать передъ общественнымъ мнѣніемъ и сплоченнымъ большинствомъ и тому подобной чертовщиной? Нѣтъ, благодарю покорно! А то, чего я хочу, такъ ясно и просто. Я хочу только вбить въ башку этимъ псамъ, что либералы — коварнѣйшіе враги свободныхъ людей... что своими партійными программами они душатъ всѣ новыя, молодыя, жизнеспособныя истины... что всякими тамъ «соображеніями» они выворачиваютъ на изнанку нравственность и справедливость **)...»

Если отбросить форму, приноровленную къ Стокману, то въ этихъ словахъ вся программа, поставленная Ибсеномъ самому себѣ послѣ того, какъ «Привидѣнія» были отвергнуты «большинствомъ» или «общественнымъ мнѣніемъ» скандинавскихъ странъ. Это былъ сильный и опредѣленный отвѣтъ на ласковый пріемъ. Ибсенъ никогда не былъ изъ тѣхъ, кого легко запугать. Если сопоставить вышеприведенныя реплики Стокмана съ нѣкоторыми письмами ***) самого Ибсена, то личное значеніе отповѣди, которою явился «Врагъ народа», станетъ еще очевиднѣе.

Но эта бурная отповѣдь не исчерпывала всѣхъ чувствъ и мыслей, вызванныхъ въ писателѣ пріемомъ, оказаннымъ «Привидѣніямъ». Приливы энергіи и упорнаго желанія новой, еще болѣе сильной борьбы,

*) Ср. письмо Ибсена къ Брандесу, стр. 476.

**) См. т. III, стр. 232.

***) См., напр., письма къ Брандесу, стр. 464 и 476, къ Скавланну, стр. 467, къ Борхсеніусу, стр. 468.

какъ видно, смѣнялись въ душѣ Ибсена припадками унынія. Къ чему въ сущности ведетъ вся борьба? Развѣ люди въ самомъ дѣлѣ способны къ усвоенію идеальныхъ точекъ зрѣнія, какія онъ устанавливалъ своимъ творчествомъ? Созданы ли они вообще для жизни въ духѣ истины и свободы? Не одни ли исключенія, единицы созданы для этого, и не необходима ли для среднихъ людей ложь, какъ воздухъ и пища для всѣхъ людей вообще? — Въ свое время было высказано по поводу «Бранда», что «проведенная въ жизнь мораль его привела бы половину человѣчества къ голодной смерти изъ любви къ идеалу»; не правы ли въ сущности высказавшіе это? И не касалось ли это не только морали Бранда, но и собственнаго міровоззрѣнія Ибсена во всей его идеальной цѣльности? Не безсмысленно ли было носиться съ безусловными идеальными требованіями, особенно, если предъявлять ихъ приходилось лишь простымъ обывателямъ?

И въ минуты такого настроенія, которое могло подсказать Ибсену подобные вопросы, онъ почти готовъ былъ отвѣчать на нихъ утвердительно, — во всякомъ случаѣ, на вопросъ о безполезности борьбы. «Какъ подумаешь о томъ, насколько у насъ на родинѣ еще туго, вяло, тупо критическое пониманіе, какъ представишь себѣ низкій уровень нашего общаго міросозерцанія,—невольно впадаешь въ глубокое уныніе, и мнѣ даже часто кажется, что лучше всего мнѣ немедленно прекратить свою литературную дѣятельность»,—писалъ Ибсенъ Брандесу *) въ одну изъ такихъ минутъ.

Конечнымъ результатомъ подобныхъ безотрадныхъ чувствъ и мыслей явилось однако не прекращеніе литературной дѣятельности, а новое произведеніе, до извѣстной степени построенное на новомъ выводѣ, къ которому пришелъ Ибсенъ путемъ упомянутой внутренней борьбы. «Я пересталъ ставить *общія* для всѣхъ требованія», — писалъ Ибсенъ Теодору Каспари **) въ годъ выхода въ свѣтъ этого новаго произведенія—драмы «Дикая утка», о которой въ другомъ письмѣ (къ Гегелю) высказалъ: «пьеса эта стоитъ въ извѣстномъ смыслѣ особнякомъ въ моемъ драматическомъ творчествѣ; способъ разработки идеи въ ней во многихъ отношеніяхъ отличается отъ прежняго» ***).

Дѣйствительно, Ибсенъ какъ будто бы снова взялся за своего идеальнаго героя, «берущаго приступомъ небо» (Брандъ), и принялся повертывать его мысленно во всѣ стороны, ставя въ новыя условія, — говоритъ Ісгеръ, а затѣмъ рѣшилъ въ коррективъ ему создать контрастъ. И вышелъ — Грегерсъ Верле.

Послѣдній не сохранилъ ничего отъ силы Бранда или боевой готовности Стокмана; онъ просто жалкій мечтатель, вездѣ и всюду оказывающійся лишнимъ, и вся роль его на свѣтѣ сводится въ сущности

*) См. стр. 465.
**) См. стр. 482.
***) См. стр. 483.

къ тому, чтобы быть «тринадцатымъ за столомъ». Одушевляемый наилучшими чувствами и желаніями, онъ тѣмъ не менѣе вездѣ творитъ зло, такъ какъ въ своемъ идеализмѣ и оптимизмѣ постоянно ошибается и въ средствахъ и въ цѣляхъ. Въ концѣ концовъ этотъ неудачникъ приходитъ къ мысли о самоубійствѣ; если дѣйствительно жизнь такова, какъ онъ начинаетъ понимать ее, то и не стоитъ жить!

Этому злосчастному Донъ-Кихоту истины противопоставленъ докторъ Реллингъ съ его теоріей о жизненной лжи и практикой, построенной на этой теоріи. Міръ жалокъ, люди тряпичны, такъ стоитъ ли пытаться вывести ихъ изъ болота лжи? Они ею живы; безъ лжи они почувствуютъ себя, какъ лягушка подъ стекляннымъ колпакомъ, изъ-подъ котораго выкачанъ воздухъ. И Реллингъ, въ противоположность Грегерсу, поддерживаетъ ложь въ жизни тѣхъ людей, которые уже обзавелись ею, а другимъ помогаетъ обрѣсти такую поддерживающую бодрость духа ложь. Въ сущности цѣль его та же, какою задается и Грегерсъ — содѣйствовать счастью и удовлетворенности людей; но оба настолько несогласны относительно средствъ достиженія этой цѣли, что становятся самыми ожесточенными противниками.

Кто же изъ нихъ двоихъ правъ? Писатель на этотъ вопросъ прямого отвѣта не даетъ, но можно вывести условный отвѣтъ изъ хода драмы, подробно разобранной въ предисловіи къ ея переводу *). Отвѣтъ этотъ таковъ: если всѣ средніе люди такого плохого закала, какъ Яльмаръ Экдаль, — самый жалкій человѣческій образъ въ галлереѣ ибсеновскихъ типовъ, — то безусловно правъ Реллингъ, а Грегерсъ Верле безусловно неправъ. Но вѣдь тогда и вся борьба Ибсена съ половинчатостью и ложью напрасна; тогда духъ истины и свободы — столповъ будущаго общества — вѣчно будетъ безпріютнымъ странникомъ на землѣ!

Въ томъ, что самъ Ибсенъ на такомъ выводѣ не остановился, убѣждаетъ насъ его дальнѣйшая литературная дѣятельность; но, прежде чѣмъ заняться ею, дополнимъ обзоръ даннаго періода жизни и дѣятельности Ибсена нѣкоторыми свѣдѣніями, касающимися его частной жизни за десятилѣтіе 1875—1885 гг. («Дикая утка» вышла въ концѣ 1884 г.).

Въ началѣ главы было упомянуто о переселеніи Ибсена въ Мюнхенъ въ 1875 г. и отчасти обрисовано его житье-бытье тамъ въ первое время — по воспоминаніямъ профессора Дитрихсона. Къ тому же времени относятся первыя воспоминанія Паульсена, познакомившагося съ Ибсеномъ въ августѣ 1876 г. въ Госсенсасѣ **). Паульсена повезъ туда извѣстный норвежскій композиторъ Григъ, которому надо было

*) Т. III, стр. 235.

**) Этимъ мѣстечкомъ въ Тиролѣ, любимымъ мѣстопребываніемъ Ибсена лѣтомъ, помѣчены многія его письма.

повидаться съ Ибсеномъ, чтобы переговорить о музыкѣ для «Пера Гюнта» *).

Вотъ какъ рисуетъ Паульсенъ впечатлѣнія первой встрѣчи: «Вдругъ мы увидѣли приземистаго пожилого господина, который медленно, чинно, въ глубокой задумчивости шелъ по дорогѣ. Я сразу узналъ его по фотографіямъ. Это былъ самъ Ибсенъ... Недавно шелъ дождь, августовскій вечеръ былъ такой сырой, сѣрый, земля мокрая... Крыши хижинъ блестѣли отъ сырости, дорожка была въ грязи. Среди этой обстановки безукоризненность и изысканность костюма и всего облика Ибсена производили тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе. Онъ напоминалъ женщина, нарядившагося, чтобы идти навстрѣчу невѣстѣ... Черная бархатная визитка съ орденской ленточкой въ петлицѣ, ослѣпительной бѣлизны и свѣжести бѣлье, галстукъ, завязанный изящнымъ бантомъ, черная, плюшеваго кастора, шляпа, размѣренныя движенія, сдержанныя манеры и выраженіе лица — все это заставило меня вспомнить тѣ его стихи, гдѣ говорится, что онъ боится толпы, не желаетъ быть забрызганнымъ ея грязью, но хочетъ дождаться «будущаго» въ свадебномъ нарядѣ, безъ единаго пятнышка.

«Григъ представилъ меня. Мы обмѣнялись обычными привѣтствіями. Лицо Ибсена не выразило при видѣ насъ ни удовольствія ни неудовольствія. Оно было невозмутимо-спокойно. Я украдкой изучалъ эту замѣчательную физіономію: небольшіе свинцово-сѣрые глаза, прикрытые золотыми очками, высокій, необыкновенно широкій и съ выпуклостями — словно съ «наростами мысли» — лобъ, длинныя баки съ просѣдью, характерный ротъ, тонкія, сжатыя губы котораго представляли полоску не шире острея ножа... не все не могъ разобрать, въ чемъ же собственно состояла характерная особенность этого лица, не могъ опредѣлить и своего собственнаго впечатлѣнія... Передо мною была глухая, скалистая стѣна, непроницаемая загадка».

Далѣе Паульсенъ разсказываетъ о необычайной несловоохотливости великаго писателя, почти ледяной его сдержанности, которыя невольно заставили молодого человѣка съ удивленіемъ вспомнить о данномъ когда-то Ибсену товарищами прозвищѣ «Герта Вестфальскаго» **).

Познакомившись поближе съ знаменитымъ землякомъ, Паульсенъ убѣдился однако, что въ интимномъ кружкѣ и особенно по вечерамъ Ибсенъ «какъ бы оттаивалъ, становился весьма сообщительнымъ и веселымъ». Это свидѣтельство объясняетъ высказанное Дитрихсономъ въ его воспоминаніяхъ (о встрѣчѣ съ Ибсеномъ въ Упсалѣ и въ Стокгольмѣ въ слѣдующемъ 1877 г.) удивленіе: «Какимъ образомъ вообще Ибсенъ могъ прослыть молчаливымъ, угрюмымъ и несловоохотливымъ, всегда было для меня непонятно». Очевидно, Дитрихсону, какъ дав-

*) См. письма Ибсена, стр. 418.
**) См. выше, стр. 582.

нишнему, близкому другу Ибсена, чаще всего приходилось видѣть послѣдняго въ такомъ именно общительномъ настроеніи, въ какомъ онъ бывалъ въ кругу друзей.

«Когда Ибсенъ приходилъ въ такое расположеніе духа,—сообщаетъ дальше Паульсенъ: — онъ становился большимъ юмористомъ, разсказывалъ съ тихимъ клокочущимъ смѣшкомъ *) свои житейскія впечатлѣнія, анекдоты или забавныя приключенія изъ своего путешествія въ Египетъ. Его разсказы живо напоминали, что передъ нами былъ богатый фантазіей авторъ «Пера Гюнта», въ которомъ такъ причудливо перемѣшаны самая необузданная фантазія съ блестящимъ юморомъ, національная рѣзкость съ геніальностью»...

Часто въ такихъ бесѣдахъ «отъ самыхъ будничныхъ темъ переходили къ самымъ возвышеннымъ, и завязывались жаркіе дебаты о величайшихъ проблемахъ жизни». Зато никогда бесѣды не принимали фривольнаго характера. «Ибсенъ отличался особою душевною стыдливостью, не всегда свойственной писателямъ, и отвращеніемъ къ разговорамъ на эротическія темы. Любовно-чувственный элементъ, играющій такую незначительную роль въ его произведеніяхъ, не выступалъ и въ его разговорахъ. Самые чопорные люди могли бы слушать его разсказы о пережитомъ, не краснѣя. Не могу также припомнить случая, чтобы у Ибсена когда-либо вырывались восторженныя выраженія, пылкія слова, которыя указывали бы, что въ его душевной жизни играетъ особенную роль чувство».

Изъ этого сообщенія можно заключить, что къ тому періоду жизни Ибсенъ уже глубоко затаилъ въ душѣ и выучился хорошо маскировать свою способность чувствовать сильно и глубоко, желая оставаться тонкимъ и точнымъ, безпощаднымъ аналитикомъ и операторомъ, вскрывателемъ язвъ и гнойниковъ современнаго общества.

О томъ же, что въ сущности онъ оставался добрымъ, сердечнымъ и отзывчивымъ человѣкомъ, свидѣтельствуетъ хотя бы отечески заботливое отношеніе его къ тому же молодому своему земляку Паульсену, о чемъ послѣдній говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ и на что указываютъ письма Ибсена отъ 7-го апрѣля 1877 г. и 20-го сентября 1879 г. **), а также отношеніе Ибсена къ другимъ землякамъ и молодымъ талантамъ, обрисованное въ началѣ главы по воспоминаніямъ Дитрихсона.

Словомъ, нелюдимымъ Ибсенъ въ то время еще не былъ; напротивъ, охотно входилъ въ общеніе съ людьми, болѣе или менѣе причастными къ литературѣ и искусству. При этомъ онъ водился не только съ земляками, сборнымъ пунктомъ которыхъ чаще всего служилъ кабачокъ на

---

*) Этимъ смѣшкомъ Ибсенъ надѣлилъ и нѣкоторыхъ своихъ героевъ, напр., Мортена Кійля въ драмѣ «Врагъ народа».

**) См. стр. 434—446.

Тюркенштрассе, по разъ въ недѣлю регулярно бывалъ и въ «Крокодилѣ» въ обществѣ нѣмецкихъ художниковъ и писателей, какъ сообщаетъ Лотаръ. Тамъ онъ встрѣчался съ Вильгельмомъ Герцемъ, Фрезеніусомъ, Людвигомъ Шпигансомъ и др. Изрѣдка появлялся тамъ и Пауль Гейзе, который, между прочимъ, увлекался планомъ совмѣстной поѣздки съ Ибсеномъ въ Швецію на празднованіе 400-лѣтія упсальскаго университета. Когда дошло до дѣла, впрочемъ, Гейзе пошелъ на попятный, «не зная, какъ его слабые нервы выдержатъ крѣпкій шведскій пуншъ!» Для Ибсена поѣздка въ Упсалу (осенью 1877 г.) сопровождалась новымъ рядомъ чествованій его, а также подношеніемъ ему (и Дитрихсону) отъ университета почетнаго докторскаго диплома.

Въ дополненіе къ описанному Паульсеномъ «первому впечатлѣнію» приведемъ описаніе первой встрѣчи съ Ибсеномъ директора—сначала Христіанійскаго театра, а затѣмъ «Новаго Стокгольмскаго» — Іозефсона *), перваго изъ театральныхъ дѣятелей, поставившаго на сцену драматическія поэмы Ибсена: «Брандъ» и «Перъ Гюнтъ».

Въ то время, когда Іозефсонъ былъ за границей, онъ заѣхалъ въ Дрезденъ, чтобы познакомиться съ Ибсеномъ, который жилъ тогда на дачѣ близъ города.

«Легко себѣ представить,— пишетъ Іозефсонъ:— съ какимъ интересомъ я ждалъ первой встрѣчи съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ. Я поспѣшилъ увѣдомить его о своемъ пріѣздѣ въ Дрезденъ и предупредить о намѣреніи посѣтить его. О «странностяхъ» Ибсена ходило столько разсказовъ, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи поподробнѣе описать нашу встрѣчу.

«Я отправился на пароходѣ въ лѣтнее мѣстопребываніе Ибсена — дачную мѣстность около лѣтняго дворца Пильницъ. Когда пароходъ подходилъ къ невзрачной маленькой пристани, я увидѣлъ на набережной прохаживавшагося взадъ и впередъ господина, въ черной сюртучной парѣ, съ орденской ленточкой въ петлицѣ, въ цилиндрѣ и бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ, — словомъ, одѣтаго не по сезону да и не во вкусѣ обстановки скромнаго сельскаго мѣстечка. Господинъ этотъ былъ не кто иной, какъ самъ великій писатель, который въ такомъ парадѣ вышелъ встрѣчать скромнаго туриста, директора театра. Я сразу узналъ его по портретамъ. Впечатлѣніе, производимое костюмомъ и всей сановитой внѣшностью, однако сразу исчезло послѣ перваго обмѣна привѣтствій. Подъ церемонною наружной оболочкой оказался самый милый, сердечный и простой въ обращеніи человѣкъ, свободный отъ всякой притязательности, столь вообще свойственной знаменитостямъ.

«Мнѣ часто случалось поворачивать обратно отъ самыхъ дверей

---

*) См. письма Ибсена къ нему (стр. 420, 426, 431, 486) и о немъ въ письмахъ къ Лассену (стр. 429, 440).

знаменитостей, съ которыми я собирался познакомиться; мнѣ вдругъ начинало казаться, что визитъ мой придется не въ пору, некстати, и я отказывался отъ удовольствія, которое предвкушалъ. На этотъ разъ мнѣ нечего было опасаться, такъ какъ Ибсенъ былъ предупрежденъ о моемъ пріѣздѣ и любезно пригласилъ меня къ себѣ. И немного понадобилось мнѣ времени, чтобы поддаться обаянію его свободной отъ всякой притязательности, прекрасной личности. Какая разница во внѣшнихъ пріемахъ между Ибсеномъ и Бьёрнсономъ! Бьёрнсонъ всегда имѣетъ въ виду произвести впечатлѣніе и играть первую роль, склоненъ къ жестикуляціи и говоритъ грознымъ металлическимъ голосомъ, когда проводитъ свои идеи или желаетъ обосновать и закрѣпить свои мнѣнія. Ибсенъ — тоже выдающаяся, крупная личность, но безпритязателенъ и сдержанъ; его всячески приходится вызывать на откровенность, чтобы онъ открылъ намъ свою душу, подѣлился своимъ глубокимъ знаніемъ людей и вещей.

«Зато, кто разъ вошелъ въ довѣріе къ Ибсену, тотъ знаетъ, что съ глазу на глазъ съ нимъ нечего опасаться его пресловутой молчаливости. Разъ ледъ проломленъ, въ дружеской бесѣдѣ за стаканомъ пѣнистаго пива или добраго вина Ибсенъ становится столь же словоохотливъ, какъ до того былъ молчаливъ, и то, что̀ льется съ его устъ,—о самыхъ ли возвышенныхъ предметахъ или о самыхъ простыхъ вещахъ,— такъ же интересно слушать, какъ читать его произведенія».

Въ другомъ мѣстѣ своихъ воспоминаній Іозефсонъ опять возвращается къ сердечной общительности Ибсена и говоритъ, что самыми пріятными часами изъ проведенныхъ имъ въ обществѣ Ибсена были «послѣобѣденные часы или вечера послѣ ужина, когда Ибсенъ распоряжался, чтобы подали пива собственнаго запаса, которое и нацѣживали прямо изъ боченка въ большой стеклянный сосудъ; послѣдній ставили на полу возлѣ Ибсена, и онъ самолично наполнялъ изъ него кружки пѣнящимся питьемъ».

Іозефсонъ видѣлся съ Ибсеномъ за границей еще нѣсколько разъ, напримѣръ, въ Мюнхенѣ, въ Госсенсасѣ. Во время пребыванія въ этомъ уголкѣ Тироля Іозефсонъ часто раздѣлялъ прогулки Ибсена, который отлично зналъ мѣстность и всегда выбиралъ самыя красивыя дороги, «гдѣ не умолкалъ шумъ быстрыхъ горныхъ рѣчекъ и водопадовъ, и гдѣ не прерывались виды, сильно напоминавшіе норвежскую природу».

Темой бесѣдъ часто служили Христіанійскій театръ и «Брандъ». Іозефсонъ считаетъ это произведеніе Ибсена самымъ грандіознымъ по основной идеѣ, по богатству и глубинѣ мыслей, благодаря чему оно и «захватываетъ до глубины души всѣхъ и каждаго безъ различія вѣроисповѣданія. Я много лѣтъ обдумывалъ и наконецъ предпринялъ постановку этой величественной драмы на сценѣ».

Являясь горячимъ цѣнителемъ «Бранда» и «Пера Гюнта», Іозеф-

сопъ и не могъ не огорчиться принципіально высказаннымъ Ибсеномъ въ позднѣйшій періодъ его дѣятельности отрицаніемъ стихотворной формы для драматическихъ произведеній *). «Просто непостижимо,— волнуется Іозефсонъ:—какъ человѣкъ, самъ написавшій столь превосходныя стихотворныя произведенія, къ тому же столь разнородныя по стилю, какъ «Комедія любви», «Брандъ», «Перъ Гюнтъ» и др., могъ захотѣть отпугать молодыхъ писателей отъ этой формы. Къ счастью, еще живы для потомства стихотворныя произведенія Шекспира и Мольера, да и чудесныя произведенія самого Ибсена ничуть не поблекли, какъ бы тамъ ни напирали литературные критики на то, что онъ своей прозой въ современно-бытовыхъ пьесахъ создалъ прекрасный, образцовый языкъ. Исключеніе стихотворной формы изъ драматическаго творчества—лишь поспѣшное, хотя и не злонамѣренное рѣшеніе, которое однако не можетъ быть окончательнымъ. Вѣдь самая идея и фабула пьесы невольно обусловливаютъ форму, и поэтъ слѣдуетъ въ такихъ случаяхъ невольному влеченію или вдохновенію. При этомъ многое зависитъ и отъ его вкуса и таланта. Для величественной поэтической темы наиболѣе подходятъ бѣлые ямбы, для комедіи легкій риѳмованный стихъ и т. п.» **).

Зиму (1878—79 гг.) Ибсенъ и его семья провели опять въ Римѣ,

---

*) См. письмо къ г-жѣ Вольфъ, стр. 474.

**) По нашему мнѣнію, Іозефсонъ напрасно такъ волновался по поводу отрицательнаго отзыва Ибсена, высказаннаго къ тому же въ частномъ письмѣ. Нельзя не принять во вниманіе, что отзывъ этотъ былъ высказанъ въ письмѣ къ извѣстной артисткѣ, въ отвѣтъ на ея просьбу-заказъ написать для ея бенефиса прологъ въ стихахъ. Всецѣло отдавшись новой области творчества—современной прозаической драмѣ, Ибсенъ, очевидно, чувствовалъ себя совершенно нерасположеннымъ къ тому поэтическому настроенію, которое требовалось для выполненія поставленной ему г-жой Вольфъ задачи, и вотъ это-то нерасположеніе, обусловленное обстоятельствами и временемъ, вѣроятно, и продиктовало ему такой общій приговоръ стихотворной формѣ.

Извѣстный датскій литераторъ и критикъ Отто Борхсеніусъ выразилъ по тому же поводу предположеніе, что въ приговорѣ Ибсена сказалось вліяніе духа времени. «Въ критикѣ, задававшей въ то время тонъ, просвѣчивало дурно скрываемое, почти личное недоброжелательство къ стихотворной формѣ. О томъ же, что и такой въ общемъ сильный и оригинальный умъ, какъ Ибсенъ, могъ поддаваться вліяніямъ извнѣ, свидѣтельствуютъ многія его письма. Во всякомъ случаѣ прежде Ибсенъ относился къ стихотворной формѣ совсѣмъ иначе. Большое «Письмо въ стихахъ», адресованное (весною 1871 г.) фру Гейбергъ, свидѣтельствуя о симпатіяхъ автора къ Даніи, устанавливаетъ и тотъ его взглядъ, что поэту приходится прибѣгать къ стихамъ, когда онъ хочетъ дать волю рождающимся въ немъ образамъ. *Проза служитъ*, какъ онъ выразился въ этомъ письмѣ, *для идей; стихи—для образовъ;* сладкимъ волненіямъ и мукамъ души, горю, покрывающему снѣгомъ-сѣдиной его голову, и гнѣву, озаряющему его душу молніями, онъ можетъ дать *самое полное, живое воплощеніе всего свободнѣе въ тѣсныхъ рамкахъ стиха.*

гдѣ жизнь ихъ носила болѣе тихій и замкнутый характеръ, какъ это видно изъ письма Ибсена Грёнвольду отъ 22 января 1879 г. *). Въ томъ же письмѣ говорится о новомъ пристрастіи Ибсена: онъ увлекся въ Римѣ покупкой картинъ старой итальянской школы, которыя затѣмъ и возилъ за собою всюду. Въ этомъ пристрастіи не было ничего удивительнаго, такъ какъ Ибсенъ, имѣвшій недюжинныя природныя способности къ живописи, всегда былъ большимъ любителемъ ея и хорошимъ знатокомъ.

Въ качествѣ такового онъ лѣтомъ 1873 г. и былъ избранъ въ составъ жюри на вѣнской международной художественной выставкѣ, и письма его по этому поводу **) показываютъ, насколько избраніе его имѣло основанія и насколько успѣшно онъ выполнилъ возложенную на него задачу.

Причины временнаго переселенія Ибсена въ Римъ отчасти выясняются изъ его письма къ Дитрихсону съ ходатайствомъ за одну нуждавшуюся въ стипендіи норвежскую художницу. Въ письмѣ этомъ упоминалось, между прочимъ, что «Сигурдъ прошлымъ лѣтомъ сдалъ въ Мюнхенѣ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости съ дипломомъ первой степени по всѣмъ предметамъ» и поступилъ на годъ въ римскій университетъ, а съ осени 1879 г. намѣревался заняться прохожденіемъ университетскаго курса юридическихъ наукъ опять въ Мюнхенѣ и затѣмъ года черезъ два отправиться для изученія спеціально норвежскаго права въ Христіанію. «Послѣдуемъ ли и мы за нимъ,—писалъ Ибсенъ:—и поселимся ли тамъ на нѣкоторое время, еще не рѣшено; у меня нѣтъ особой охоты къ такому шагу. Здѣсь (т.-е. въ Римѣ) намъ всѣмъ живется очень хорошо; я подготовляю—между нами будь сказано—новое драматическое произведеніе, которое напишу лѣтомъ» ***).

Произведеніе это, набросанное въ Римѣ и законченное лѣтомъ на Амальфи, было «Кукольный домъ». Свѣтлый фонъ этой серьезной пьесы еще разъ заставляетъ вспомнить слова Ибсена о вліяніи окружающей писателя обстановки на общій колоритъ его произведенія ****).

Слѣдующая пьеса, «Привидѣнія», сложилась у Ибсена въ Тиролѣ, въ Берхтесгаденѣ, гдѣ онъ проводилъ конецъ лѣта съ Паульсеномъ и гдѣ, по словамъ послѣдняго, «дождь лилъ безъ перерыва не хуже, чѣмъ въ Бергенѣ». Въ одинъ изъ туманныхъ, сырыхъ дней, какіе такъ часты тамъ въ горахъ, Паульсенъ въ отвѣтъ на свой вопросъ о томъ, чѣмъ занятъ теперь Ибсенъ, услыхалъ: «Это семейная драма, сѣрая и грустная, какъ этотъ туманный день». Все это время Ибсенъ былъ замкнутѣе и задумчивѣе обыкновеннаго, и въ общемъ два земляка провели сезонъ «въ какомъ-то аристократическомъ одиночествѣ».

*) См. стр. 444.
**) См. стр. 410—412, 413 и 414.
***) См. стр. 446.
****) См. стр. 371, а также 644.

Паульсенъ сблизился съ Ибсеномъ предыдущею зимою въ Мюнхенѣ, куда семья Ибсена вернулась изъ Италіи осенью 1879 г., и зимѣ этой удѣлено большое мѣсто въ воспоминаніяхъ Паульсена, между прочимъ, заключающихъ описаніе крупнаго событія той зимы—постановки въ Мюнхенѣ послѣдней вышедшей пьесы Ибсена «Кукольный домъ». Описаніе это помѣщено въ выдержкахъ въ предисловіи къ переводу пьесы.

Какъ воспоминанія Паульсена, такъ и воспоминанія Дитрихсона, снова свидѣвшагося съ Ибсеномъ въ Мюнхенѣ осенью 1880 г., рисуютъ этотъ мюнхенскій періодъ жизни Ибсена свѣтлыми красками. Жилось ему, видимо, очень пріятно и уютно. Тѣмъ не менѣе зимы 1881—1885 гг. онъ снова провелъ въ Римѣ, опять, очевидно, ради сына, который вернулся продолжать курсъ въ римскій университетъ. Планъ изученія норвежскаго права на родинѣ разстроился, какъ свидѣтельствуетъ письмо Ибсена къ Бакке *), изъ-за того, что ходатайство Ибсена о разрѣшеніи Сигурду перейти изъ мюнхенскаго университета, гдѣ онъ пробылъ уже полтора года, въ христіанійскій безъ новаго вступительнаго экзамена не было уважено тѣми, отъ кого разрѣшеніе это зависѣло.

Въ воспоминаніяхъ Дитрихсона есть нѣсколько страницъ, относящихся къ житью-бытью Ибсена въ Римѣ (1881 г.), гдѣ писатель поселился въ домѣ на Саро le Case, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ жилъ въ первый разъ, семнадцать лѣтъ назадъ. «Разумѣется, и на этотъ разъ,—пишетъ Дитрихсонъ:—семья Ибсена опять стала центромъ кружка земляковъ. И снова Ибсенъ провелъ сочельникъ въ Римѣ, снова возсѣдалъ за праздично-убраннымъ столомъ, за которымъ дамы были увѣнчаны розами, а мужчины въ вѣнкахъ изъ виноградныхъ листьевъ.

«Вотъ этому-то праздничному обычаю римскихъ скандинавовъ этому вакхическому настроенію и обязана Гедда Габлеръ тѣмъ представленіемъ объ «увѣнчанномъ виноградными листьями героѣ» (Эйлертѣ Лёвборгѣ), которое многимъ показалось вычурнымъ, неестественнымъ, такъ какъ обычай этотъ не всѣмъ на сѣверѣ былъ извѣстенъ».

Дальше Дитрихсонъ сообщаетъ, что въ бесѣдахъ Ибсена въ то время уже давали себя знать идеи, развитыя имъ въ комедіи «Врагъ народа», вышедшей въ 1882 году.

«Ибсенъ часто развивалъ тогда въ разговорахъ идею упраздненія общества, обусловленнаго географическими границами, и созданія общественнаго строя, основаннаго единственно на духовномъ единеніи, хотя — вѣроятно, по основательнымъ причинамъ — никогда и не давалъ даже самаго легкаго абриса организаціи и дѣятель-

*) См. стр. 478.

пости такого общества, какимъ оно должно было явиться въ дѣйствительности».

Весною друзья оживленно отпраздновали въ кружкѣ земляковъ день 17-го мая и вновь пережили «кое-что изъ прекраснаго прошлаго», предпринимая экскурсіи и прогулки въ мѣста, съ которыми были связаны особенно пріятныя воспоминанія изъ перваго римскаго періода ихъ личнаго знакомства. При посѣщеніи остеріи на берегу озера Неми Ибсенъ въ отвѣтъ на замѣчаніе Дитрихсона о пропешедшихъ за этотъ промежутокъ времени перемѣнахъ не только въ окружающемъ, но и въ ихъ внутренней жизни, вдругъ прервалъ свою рѣчь (защиту мнѣнія о непригодности современнаго общества для осуществленія великихъ идей) и сказалъ слѣдующее:

«Тебѣ, пожалуй, кажется, что я вращаюсь въ очень тѣсномъ кругу идей, но зато идеи эти наполняютъ меня всецѣло и всегда наполняли. Я не измѣнился. Люди полагаютъ, что я съ теченіемъ времени измѣнилъ свои взгляды; это большая ошибка; въ дѣйствительности мое развитіе вполнѣ послѣдовательно; я самъ могу ясно указать весь ходъ его, единство моихъ идей и постепенность ихъ развитія, и я собираюсь написать нѣкоторыя замѣтки, которыя покажутъ, насколько я остаюсь тѣмъ же, чѣмъ сталъ съ того времени, когда впервые нашелъ себя самого».

Въ слѣдующій разъ Дитрихсонъ встрѣтился съ Ибсеномъ уже лѣтомъ въ Сорренто, но на короткое время, и видѣлись друзья всего нѣсколько разъ по вечерамъ.

«Мы сидѣли обыкновенно, созерцая пылавшій въ темнотѣ Везувій, и у меня въ это время иной разъ шевелились въ головѣ мысли, предметомъ которыхъ были Ибсенъ и его жизнь.

«Усматриваютъ характерное противорѣчіе между литературнымъ новаторствомъ Ибсена и его революціоннымъ мышленіемъ—съ одной стороны, и его гармонически сложившеюся жизнью (во всякомъ случаѣ послѣ того, какъ улеглись его юношескія душевныя бури), всею его спокойною внѣшностью съ—другой стороны; противорѣчіе это бросалось въ глаза многимъ и дѣлало ихъ несправедливыми къ Ибсену, приводя къ заключенію, что революціонный образъ мыслей Ибсена не былъ истиннымъ его credo. Такой выводъ крайне ошибоченъ, такъ какъ самое противорѣчіе лишь кажущееся. Человѣкъ съ грудью, увѣшанной орденами, человѣкъ, обладающій самыми пріятными манерами въ обществѣ, находится не въ большемъ противорѣчіи съ переворачивающими міръ вверхъ дномъ идеями, живущими въ его мышленіи и творчествѣ, нежели изрыгающая пламя внутренность Везувія съ прелестною оболочкой вулкана, съ мягкими его контурами, роскошною растительностью, оливковыми рощами и виноградниками.

«Есть только контрастъ, но нѣтъ противорѣчія. Напротивъ, именно извергаемый вулканомъ пепелъ-то и дѣлаетъ окрестность такой уди-

вительно плодородной и потому такой прекрасною. Ужасаясь и восхищаясь дивнымъ зрѣлищемъ, которое представляетъ гора во время извержения, мы не осмѣливаемся приблизиться къ ней; когда же оно стихаетъ, мы съ такой же радостью останавливаемся на ея очаровательныхъ окрестностяхъ. Ибсенъ, даря насъ и ужасающимъ и восхитительнымъ зрѣлищемъ происходящихъ въ его душѣ бурь, тоже распространяетъ вокругъ себя страхъ; но съ внѣшней стороны онъ само спокойствіе, сама гармонія.

«Правда, однако, основное настроеніе Ибсена—глубокая ироніи, и его постоянною боевою поговоркой въ старину было: «Я буду пенстовствовать, — тогда другіе примутся за дѣло». Иными словами: онъ — упорный провозвѣстникъ идей будущаго, осуществленіе же ихъ—дѣло другихъ. Онъ вторгается въ душу человѣчества и задаетъ ей великіе серьезные вопросы; но отвѣчать на нихъ не его дѣло.

«Ибсенъ смотритъ на жизнь человѣческую, какъ на театръ, гдѣ онъ занимаетъ мѣсто зрителя и, съ напряженнымъ интересомъ наблюдая за смѣнами дѣйствій на сценѣ жизни, предается своимъ глубокимъ размышленіямъ по поводу ихъ. Но, чтобы имѣть возможность развить ихъ въ поэтическихъ образахъ, ему необходимо имѣть твердую увѣренность, что всѣ происходящіе тамъ на сценѣ перевороты не могутъ касаться его самого; онъ только созерцаетъ, но не смѣетъ играть въ нихъ страдательную роль: тогда созерцаніе поэта-мыслителя перешло бы въ личные интересы, что̀ отозвалось бы безусловно вредно на его «поэтическомъ зрѣніи». Вотъ въ какомъ смыслѣ до извѣстной степени можно истолковать высказанное имъ однажды положеніе, что поэту не по карману имѣть друзей—не по причинѣ того, что̀ они могутъ побудить его сдѣлать, но отъ чего могутъ побудить уклониться *); личныя соображенія могутъ оказаться въ ущербъ безпристрастію поэтическаго сужденія, и поэтъ не смѣетъ имъ отдаваться, онъ долженъ отказаться отъ активнаго участія въ жизненной борьбѣ. Вотъ также одна изъ причинъ того, что Ибсену такъ трудно было рѣшиться поселиться на родинѣ. Онъ отнюдь не изъ безучастныхъ, но не участвуетъ и не смѣетъ участвовать въ борьбѣ, чтобы не нанести ущерба своему творчеству. Принадлежитъ ли такое положеніе къ числу счастливыхъ?—Пожалуй, не такое ужъ счастье быть великимъ поэтомъ, сквозитъ въ письмѣ Ибсена къ Іонасу Коллину **).

Слѣдующая встрѣча друзей произошла уже въ Норвегіи лѣтомъ 1885 г. Лѣтніе мѣсяцы предыдущихъ годовъ, къ которымъ относится этотъ новый римскій періодъ жизни Ибсена, онъ проводилъ или на берегу моря въ Италіи (Сорренто), или въ горахъ Тироля (Госсенсасъ), съ семьей или одинъ, такъ какъ фру Ибсенъ съ сыномъ раза два про-

*) См. письмо къ Брандесу, стр. 360.
**) См. письмо къ І. Коллину, стр. 512.

водили лѣто въ Норвегіи (въ 1882 и 1884 гг.). Самъ Ибсенъ, хотя и былъ лѣтомъ 1882 г. недалеко отъ родины, въ Даніи,—правда, на очень короткое время,—въ Норвегію, видимо, не рѣшался заглянуть.

Пріѣздъ на родину въ 1885 г., какъ можно догадаться, до извѣстной степени былъ связанъ съ поступленіемъ на службу сына. Послѣднее ходатайство Ибсена, о которомъ говоритъ намъ его письмо къ Бакке отъ 30 ноября 1883 г. *), видимо, не осталось безъ результата: Сигурдъ Ибсенъ въ 1884 г. былъ зачисленъ въ консульское бюро норвежскаго департамента внутреннихъ дѣлъ, а въ 1885 г. началъ свою службу въ дипломатическомъ корпусѣ шведско-норвежскаго правительства.

Основаться на родинѣ, впрочемъ, Ибсенъ, даже ради того, чтобы быть поближе къ сыну, на этотъ разъ не собирался. Въ письмѣ къ Бьёрнсону, написанномъ осенью 1884 г., онъ довольно опредѣленно высказывается о невозможности для него жить и работать на родинѣ **). «Я просто не смогу *тамъ* писать совершенно свободно, непринужденно, какъ Богъ на душу положитъ. А для меня это и будетъ равносильно невозможности писать вообще. Десять лѣтъ тому назадъ, переплывая обратно заливъ, послѣ десятилѣтняго отсутствія, я въ буквальномъ смыслѣ ощущалъ стѣсненіе въ груди и дурноту. То же самое ощущеніе не покидало меня все время моего пребыванія на родинѣ; я уже не былъ самимъ собой подъ взглядами холодныхъ, непонимающихъ норвежскихъ глазъ въ окнахъ и на улицахъ».

И на этотъ разъ Ибсенъ ѣхалъ на родину не съ легкимъ сердцемъ: много накопилось за эти годы новыхъ тяжелыхъ впечатлѣній у автора «Привидѣній» и «Врага народа». И все же влекла его на родину не одна забота о сынѣ, но и тоска по этой родинѣ. Послѣдняя ясно звучитъ въ письмѣ къ Гегелю, относящемуся къ веснѣ 1885 г. Высказавъ предположеніе, что съ будущей зимы снова придется по дѣловымъ соображеніямъ поселиться въ Германіи, гдѣ въ это время его произведенія усердно переводились и ставились въ театрахъ, Ибсенъ прибавляетъ: «Кромѣ того, тогда я опять немножко подвинусь къ родинѣ. Я въ послѣднее время вѣдь крѣпко подумываю о томъ, какъ бы обзавестись небольшою виллою, или, вѣрнѣе, деревенскимъ домикомъ близъ Христіаніи на берегу фіорда... Больше всего не хватаетъ мнѣ здѣсь вида на море, и тоска по морю растетъ во мнѣ съ каждымъ годомъ» ***).

Упомянутое же выше тяжелое душевное настроеніе Ибсена подтверждается воспоминаніями хорошо его знавшаго Дитрихсона, который проводилъ 1885 г. лѣто въ томъ же уголкѣ Норвегіи на западномъ берегу (въ Мольде), куда пріѣхалъ на два мѣсяца Ибсенъ.

---

*) См. стр. 478.
**) См. стр. 484.
***) См. стр. 487.

«Ибсенъ находился въ это время въ чрезвычайно нервномъ настроеніи, граничащемъ съ раздраженіемъ. Ему казалось,—въ сущности ошибочно,—что его ненавидятъ и третируютъ на родинѣ. Впослѣдствіи онъ самъ такъ опредѣлилъ мнѣ свое тогдашнее состояніе духа: «Мнѣ казалось, что каждый прохожій здѣсь готовъ всадить мнѣ ножъ въ спину».

Говоря дальше объ этомъ періодѣ своего знакомства съ Ибсеномъ (т.-е. въ Мольде), Дитрихсонъ утверждаетъ, что Ибсенъ «держалъ себя на этотъ разъ болѣе обыкновеннаго застегнутымъ на всѣ пуговицы—даже по отношенію къ своимъ давнишнимъ друзьямъ. Дѣло въ томъ, что его вскорѣ по пріѣздѣ окружили люди извѣстной партіи, стараясь завербовать его въ сторонники своихъ взглядовъ, хотя это и должно было низвести его съ занятой имъ точки зрѣнія—внѣ и выше всѣхъ партій. Имъ и удалось его заполонить, но ненадолго. Затѣмъ произошелъ извѣстный инцидентъ во время недолгаго пребыванія Ибсена въ Христіаніи, этотъ взрывъ горечи и раздраженія съ его стороны, который я и до сихъ поръ не могу вполнѣ объяснить себѣ *).

«Ибсенъ отклонилъ чествованіе его обществомъ норвежскихъ студентовъ, старшиной котораго я состоялъ, и отклонилъ именно потому, что *я* былъ старшиной. Это было такъ непохоже на того Ибсена, котораго я зналъ раньше, который всегда относился ко мнѣ съ дружескимъ расположеніемъ. Я и не буду останавливаться на этомъ конфликтѣ, и безъ того хорошо извѣстномъ и возбудившемъ въ свое время большое вниманіе, но скажу только: время показало, что разрывъ нашъ не былъ непоправимымъ. Любезность, которую Ибсенъ проявилъ по отношенію ко мнѣ немедленно по возвращеніи своемъ на родину въ 1891 году, нельзя описать, и всякій слѣдъ размолвки сглаженъ. Самой размолвки мы коснулись въ бесѣдѣ всего одинъ единственный разъ въ первое же наше свиданіе, и вопросъ былъ рѣшенъ въ двухъ словахъ: люди воспользовались неосвѣдомленностью Ибсена относительно кое-какихъ взаимоотношеній и условій на родинѣ, чтобы завоевать его для идей и стремленій, какъ нельзя болѣе чуждыхъ ему».

Мы еще вернемся къ «Воспоминаніямъ проф. Дитрихсона», когда будемъ говорить о крайне разнорѣчивыхъ взглядахъ и сужденіяхъ критики и публики по отношенію къ Ибсену, теперь же перейдемъ ко вторичному продолжительному мюнхенскому періоду его жизни.

---

*) См. письмо Ибсена, стр. 488—492, и примѣчанія къ нему.

IX.

Снова въ Мюнхенѣ.

(Съ 1885 по 1891 гг.).

Итакъ, Ибсенъ снова вернулся въ германскій городъ, въ которомъ, повидимому, успѣлъ обжиться до своего временнаго переселенія по семейнымъ обстоятельствамъ въ Римъ, и снова зажилъ прежнею уютною, строго размѣренною жизнью, описаніе которой дастъ намъ Іегеръ въ извѣстномъ своемъ критико-біографическомъ трудѣ объ Ибсенѣ.

Вставалъ Ибсенъ обыкновенно въ семь часовъ утра лѣтомъ и немножко позже зимою. Туалетъ бралъ у него порядочно времени, такъ какъ у него установилась привычка обдумывать за одѣваніемъ свои литературные планы; проходило поэтому часа полтора прежде, чѣмъ онъ оказывался окончательно готовымъ и выходилъ къ утреннему завтраку — очень легкому и непродолжительному. Послѣдній ударъ часовъ, бившихъ девять, заставалъ Ибсена уже за письменнымъ столомъ. Въ часъ пополудни онъ оставлялъ работу и отправлялся на прогулку до обѣда, а послѣ обѣда читалъ. Ужиналъ онъ рано и рано ложился спать. Такъ проходили дни за днями, одинъ, какъ другой. И даже во время поѣздокъ и путешествій Ибсенъ старался по возможности держаться привычнаго порядка дня.

Съ годами Ибсенъ становился менѣе замкнутымъ; съ глазу на глазъ съ собесѣдникомъ онъ даже бывалъ очень сообщительнымъ. Но въ большомъ и незнакомомъ обществѣ оставался крайне сдержаннымъ; ему, какъ и скальду Ятгейру, свойственна была душевная стыдливость. Вполнѣ свободно, непринужденно чувствовалъ онъ себя только за своей работой.

Система работать у него была очень интересная и характерная. Остановившись на темѣ, онъ долго и тщательно ее вынашивалъ, обдумывалъ, не дотрогиваясь до пера и бумаги. Много этой умственной работы совершалось во время долгихъ одинокихъ прогулокъ. Когда же все было продумано и намѣчено въ главныхъ крупныхъ чертахъ, онъ писалъ набросокъ и затѣмъ приступалъ къ его подробной разработкѣ, что̀ шло уже быстро. По окончаніи этой работы начиналась болѣе детальная обработка рукописи. Самъ Ибсенъ говорилъ, что, лишь закончивъ первую черновую разработку сюжета, онъ считалъ, что близко познакомился со своими героями, уяснилъ себѣ вполнѣ ихъ характеръ и манеру выражаться; результатомъ этого знакомства и являлась вторичная разработка; въ третій разъ рукопись переписывалась уже набѣло, при чемъ дѣло не обходилось еще безъ нѣкоторыхъ мелкихъ исправленій.

Лучшимъ рабочимъ временемъ Ибсена бывало въ этотъ періодъ его жизни лѣто. Зимою онъ преимущественно обдумывалъ свои планы,

лѣтомъ же приводилъ ихъ въ исполненіе. Бо́льшая часть его произведеній и написана лѣтомъ.

Когда онъ приступалъ къ разработкѣ плана, то обыкновенно доводилъ свое и безъ того умѣренное ежедневное питаніе до минимума. Полчашки чернаго кофе и кусочекъ хлѣба — вотъ все, чѣмъ онъ позволялъ себѣ подкрѣпиться до того, какъ садился за работу, держась того мнѣнія, что сытый желудокъ—помѣха въ работѣ.

Рабочій кабинетъ его въ Мюнхенѣ былъ очень малъ и тѣсенъ, но зато онъ въ немъ не запирался, такъ какъ у него была привычка во время работы вставать и прохаживаться взадъ и впередъ, захватывая три-четыре комнаты подъ рядъ. Такъ проводилъ онъ четыре часа, то скрипя перомъ, то прохаживаясь и время отъ времени дѣлая нѣсколько затяжекъ изъ трубки-носогрѣйки. Въ другое время онъ рѣдко курилъ.

Въ эти рабочіе часы онъ вообще предпочиталъ оставаться совсѣмъ одинъ; единственнымъ человѣкомъ, присутствіе котораго не развлекало его, была его жена, но она сама обыкновенно предпочитала удаляться, чтобы какъ-нибудь не помѣшать мужу.

Къ этому описанію можно добавить еще нѣсколько штриховъ, которыми очерчиваетъ въ своихъ воспоминаніяхъ рабочія привычки Ибсена Паульсенъ.

«Работая надъ новымъ произведеніемъ, Ибсенъ нуждался въ полнѣйшей тишинѣ и уединеніи. Въ моменты совершавшагося въ немъ творческаго процесса довольно было дуновенья вѣтра, бездѣлицы, чтобы нарушить равновѣсіе его духа. Охотнѣе всего, кажется, онъ совсѣмъ ушелъ бы на это время отъ міра, заперся бы въ монастырь...

«Какъ шелковичный червь прядетъ свою шелковую нить, неустанно прялъ онъ въ одиночествѣ свою мысль, слѣдя за малѣйшими ея оттѣнками, связывая обрывки нити изо дня въ день...

«Отрываться отъ этой работы творческой фантазіи для отбыванія обычныхъ житейскихъ повинностей было для него настоящимъ мученіемъ. Какое-нибудь письмо, требовавшее отвѣта *), визитъ, который надо было отдать, оказывали на него въ эти моменты такое же дѣйствіе, какъ если бы въ тонкую кружевную ткань его мысли запустили булыжникъ.

«Однажды мы разговорились объ одномъ извѣстномъ писателѣ, который то и дѣло принималъ участіе въ торжественныхъ обѣдахъ и собраніяхъ въ честь его. «Непостижимо, — какъ только этотъ человѣкъ находитъ еще время сосредоточиваться и писать что-нибудь дѣльное!» — воскликнулъ Ибсенъ. Ему подобный образъ жизни казался нелѣпостью».

---

*) Здѣсь кстати припомнить, что большинство писемъ Ибсена и начинаются съ извиненій въ неаккуратности его, какъ корреспондента.

Дальше Паульсенъ говоритъ, что, по его наблюденіямъ, Ибсенъ, въ противоположность другимъ писателямъ, которые отводятъ для бесѣды съ музами опредѣленные часы, работалъ всегда: и дома, и внѣ дома, и за столомъ, и на прогулкахъ, и въ кафе, все стараясь найти соотвѣтствующую форму для идей, занимавшихъ его въ то время. Многія уже приведенныя нами выдержки изъ воспоминаній Дитрихсона подтверждаютъ вѣрность этихъ наблюденій Паульсена, который въ заключеніе приводитъ слова самого Ибсена, высказанныя въ минуту раздраженія по поводу безцеремонности одного нѣмецкаго литератора, часто отыскивавшаго норвежскаго писателя въ кафе и заводившаго съ нимъ разговоры. «Этотъ господинъ думаетъ, что я такъ себѣ, отъ-нечего-дѣлать, посиживаю въ кафе и попиваю пиво, тогда какъ на самомъ дѣлѣ я работаю, творю въ потѣ лица. Я вижу, какъ образы мои постепенно округляются, разсматриваю ихъ со всѣхъ сторонъ и т. д.».

Въ Мюнхенѣ у Ибсена и было излюбленное кафе—кафе Максимиліана, напротивъ Оперы, гдѣ его ежедневно, во всякую погоду, въ извѣстные часы вечеромъ — между половиной седьмого и половиной восьмого—можно было видѣть на насиженномъ мѣстечкѣ, у второго или третьяго столика направо, за кружкой пива или рюмкой коньяку, графиномъ воды и ворохомъ газетъ. Ибсенъ, по общимъ отзывамъ, всегда былъ усерднымъ читателемъ газетъ, въ которыхъ почерпалъ немало матеріала *). Но, конечно, сидя въ кафе, онъ не столько читалъ, сколько наблюдалъ.

Кое-какія интересныя черточки мюнхенскаго житья-бытья Ибсена даетъ нѣмецкій литераторъ Конрадъ въ своемъ дневникѣ за 1888—1891 гг., выдержки изъ котораго, касающіяся Ибсена, приведены въ извѣстной книгѣ Лотара, посвященной норвежскому драматургу.

Вотъ, между прочимъ, интересная бесѣда съ Ибсеномъ, къ которому Конрадъ зашелъ однажды утромъ по дѣлу. Конраду пришлось три раза позвонить у двери, на которой прибита была карточка съ надписью: «Dr. Henrik Ibsen». Наконецъ дверь отворилъ самъ хозяинъ, держа въ рукѣ вставочку отъ пера съ невысохшими еще на кончикѣ чернилами, — знакъ, что онъ всталъ прямо изъ-за письменнаго стола.

«Я извинился за безпокойство и прямо перешелъ къ дѣлу: Луи де-Гессемъ, Зола, Théâtre libre, авторизація...

«— Ахъ, да, конечно, письмо я получилъ. Но отвѣтить не успѣлъ. Ужасная вещь — корреспонденція. Столько времени отнимаетъ. Работаю надъ новой пьесой. Совсѣмъ некогда. Что дѣлать!

«Говоря это, онъ успѣлъ провести меня, держа за руку, черезъ

*) Припомнимъ его взглядъ на содержательность газетныхъ объявленій, о которомъ упоминаетъ Дитрихсонъ (стр. 365).

двѣ-три комнаты въ своей рабочій кабинетъ. Когда мы усѣлись тамъ, я заявилъ, что охотно берусь служить посредникомъ».

Ибсенъ живо согласился, и, покончивъ дѣловой разговоръ, Конрадъ позволилъ себѣ задать нѣкоторые вопросы насчетъ новой пьесы, которою былъ занятъ Ибсенъ.

«— Дѣйствіе происходитъ, разумѣется, въ Норвегіи?

«— Разумѣется. Свою страну знаешь лучше всего. Взявъ исходною точкою родину, чувствуешь себя вполнѣ увѣреннымъ. А неувѣренность—ужасная вещь. Прежде чѣмъ занести на бумагу хоть слово, мнѣ надо вполнѣ овладѣть возникшими у меня образами, заглянуть во всѣ уголки ихъ души. Я всегда исхожу отъ индивида. Явленія, сценическія картины, драматическій ансамбль — все это приходитъ послѣ, само собою, и я нисколько объ этомъ не безпокоюсь, разъ только я вполнѣ овладѣлъ индивидомъ во всей его человѣчности. Мнѣ необходимо также видѣть его предъ собою воочію всего, съ внѣшней стороны до послѣдней пуговицы, его походку, манеру, голосъ. А затѣмъ я уже не выпущу его, пока не свершится его судьба».

На вопросъ Конрада — какое впечатлѣніе производятъ на Ибсена созданные имъ образы въ воплощеніи артистовъ, соотвѣтствуетъ ли это воплощеніе образамъ его фантазіи, писатель отвѣтилъ «съ усмѣшкой, какъ-то скривившей его губы»:

«— Я вѣдь рѣдко хожу въ театръ. Если публика довольна, то и я доволенъ. Я сообщаю вамъ это какъ фактъ, но прошу не выводить изъ этого никакихъ дурныхъ заключеній».

Въ дальнѣйшей бесѣдѣ Ибсенъ горячо отвергъ предположеніе, что онъ вообще считается съ публикой, разсчитываетъ эффекты, когда творитъ новое произведеніе, и высказалъ, что въ такомъ случаѣ лучше бы его пьесамъ никогда и не быть написанными.

На вопросъ Конрада — не играетъ ли и въ новой пьесѣ такую же роль природа, какъ въ «Росмерсгольмѣ», т.-е. не такъ же ли подчеркнуто ея вліяніе на душевный складъ дѣйствующихъ лицъ, Ибсенъ отвѣтилъ:

«— Да; особенно море. Оно играетъ тутъ совершенно своеобразную роль. Море вѣдь налагаетъ на норвежцевъ совсѣмъ особый отпечатокъ. Я думаю, что въ другихъ странахъ едва ли даже могутъ имѣть объ этомъ вѣрное представленіе.

«— Ну, тогда мы истолкуемъ это съ символической или мистической точки зрѣнія. Наши истолкователи сумѣютъ найтись во всякомъ случаѣ,—замѣтилъ Конрадъ.

«— Да, да,—ужъ эти мнѣ истолкователи! Не всегда-то они удачно справляются со своей задачей. Они любятъ все сводить на символы, такъ какъ не уважаютъ дѣйствительности. А если преподнести имъ символъ, они его опошляютъ и бранятся».

Не замѣчая въ рѣчахъ Ибсена ни малѣйшихъ признаковъ истерiѣ-

нія или первности, Конрадъ заключилъ, что бесѣда эта явилась для писателя желаннымъ перерывомъ въ работѣ, потому и продолжалъ разговаривать и задавать разные вопросы. Послѣднимъ его вопросомъ, вызваннымъ одѣяніемъ хозяина (прямо на рубашку былъ надѣтъ двубортный, застегнутый на всѣ пуговицы, черный сюртукъ; ни воротничка ни галстука), былъ:

«— Не правда ли, дорогой учитель, вы не всегда сидите за письменнымъ столомъ въ сюртукѣ?

«— Помилуйте, совсѣмъ безъ сюртука!.. Вы застали меня врасплохъ, и я наскоро набросилъ на себя сюртукъ»... И опъ весело пожалъ Конраду руку на прощанье.

Это описаніе Конрада расходится со свидѣтельствомъ Паульсена, много лѣтъ бывшаго близкимъ къ семьѣ Ибсена и въ своихъ воспоминаніяхъ обрисовавшаго серьезно-торжественное, почти благоговѣйное отношеніе Ибсена къ своему труду, которое выражалось даже въ мелочахъ, между прочимъ, въ томъ, что онъ подходилъ къ своему письменному столу всегда тщательно одѣтый. Вѣрнѣе всего объяснить странное одѣяніе Ибсена во время визита Конрада тѣмъ, что онъ попросту еще не успѣлъ закончить своего туалета, который (по свидѣтельству Іегера) бралъ у писателя часа полтора, такъ какъ соединялся съ обдумываніемъ литературныхъ плановъ. Вышелъ же на звонокъ Конрада Ибсенъ съ перомъ въ рукахъ, чтобы показать посѣтителю,— кто бы онъ ни былъ, — что онъ явился въ неурочное время. Во всякомъ случаѣ, о такомъ же пріемѣ разсказываютъ многіе посѣтители Ибсена.

Въ дневникѣ Конрада есть еще описаніе торжественнаго празднованія въ Мюнхенѣ шестидесятилѣтія Ибсена (въ 1881 году). Квартира писателя имѣла въ этотъ день особенно эффектный видъ. «Высокія, большія комнаты, украшенныя прекрасными копіями итальянскихъ мастеровъ, были переполнены поздравителями, цвѣтами, вѣнками и всякими подношеніями — художественными произведеніями, книгами, разрисованными вѣерами, вышивками, адресами и пр.».

Самъ Ибсенъ такъ и сіялъ отъ удовольствія, принимая знаки безконечнаго вниманія со всѣхъ сторонъ.

«— Это черезчуръ. Я просто не знаю...»—то и дѣло восклицалъ онъ, указывая на кучу подношеній. Фру Ибсенъ тоже суетилась и широко раскрывала глаза отъ удивленія.—«Да, шутка ли! Такое генеральное нарушеніе обычнаго покоя!»

Записалъ Конрадъ и еще одну интересную бесѣду съ Ибсеномъ, весною 1891 года.

«Я зашелъ въ кафе Максимиліана изъ «Придворнаго театра». Ибсенъ какъ разъ уходилъ, и я пошелъ съ нимъ. Въ этотъ вечеръ въ театрѣ должна была идти въ первый разъ по возобновленіи комедія «Врагъ народа».

«— А васъ развѣ не тянетъ посмотрѣть?

«— Нѣтъ, право, не тянетъ. Знаю, что пьеса идетъ хорошо.

«— И даже очень хорошо,—сказалъ я.—Досадно только, когда такъ хорошо знаешь пьесу, за множество пропусковъ.

«— Да, вотъ въ томъ-то и дѣло,—возразилъ Ибсенъ.—Вы знаете книгу и ждете, что вотъ услышите такія-то и такія-то слова. А другіе зрители довольны тѣмъ, что услышатъ и увидятъ.

«— Такъ вы ничего не имѣете противъ пропусковъ?—спросилъ я, крайне заинтересованный.

«— Нѣтъ. Съ условіемъ, что они будутъ сдѣланы безъ ущерба для драматическаго дѣйствія, и что основная мысль будетъ выступать такъ же ярко. Суть не столько въ отдѣльныхъ словахъ. Кто хочетъ, можетъ отыскать ихъ въ книгѣ. Въ театрѣ я довольствуюсь настоящимъ сильнымъ впечатлѣніемъ.

«— Однако, г-нъ докторъ...—вырвалось у меня.

«— Да, да, знаю. Постановка пьесы безъ всякихъ урѣзокъ всегда останется идеаломъ. Но приходится брать людей театра, каковы они есть. Когда-нибудь да опомнятся. Вамъ извѣстно, что вышло у меня съ финаломъ «Норы» *)? Сначала его не могли переварить. Тогда я самъ взялся сгладить его и написалъ смягченный конецъ. Нѣкоторое время имъ пользовались, но потомъ, когда совсѣмъ прониклись пьесой, сами потребовали первоначальнаго настоящаго финала...»

Характерна и слѣдующая запись въ дневникѣ Конрада, относящаяся къ участію Ибсена въ торжествѣ, которое устроили главныя мюнхенскія литературныя силы въ честь семидесятилѣтія принца-регента. По обыкновенію, говорились подходящія къ случаю рѣчи, и въ числѣ послѣднихъ была произнесена рѣчь Мартиномъ Грейфомъ, поэтомъ-лирикомъ и драматургомъ, язычка котораго не безъ основанія побаивались въ минуты «повышеннаго настроенія». И на этотъ разъ онъ въ припадкѣ патріотизма сталъ яростно нападать на иностранныхъ драматурговъ, рѣзко задѣвая при этомъ почетнаго гостя—Ибсена.

«Ибсенъ постучалъ о стаканъ и попросилъ слова. Сенсація! Дѣло шло уже къ концу, головы были разгорячены, порядокъ нарушенъ, и въ выборѣ выраженій не стѣснялись.

«Ибсенъ произнесъ хвалу Мюнхену, какъ городу, гдѣ процвѣтаютъ искусства и гдѣ отдаютъ должное каждому таланту —будь онъ свой или чужой. И, конечно, самъ городъ отъ того не въ проигрышѣ, — слава его идетъ по всему міру. Почему однако такъ горячился по поводу драматурговъ-иностранцевъ Мартинъ Грейфъ, за которымъ признано значеніе главнымъ образомъ какъ за поэтомъ-лирикомъ, а не какъ за драматургомъ? Самъ Ибсенъ не чувствовалъ себя задѣтымъ выпадами Грейфа, такъ какъ не чувствовалъ себя въ Мюнхенѣ чу-

*) Комедія «Кукольный домъ» шла въ Германіи подъ заглавіемъ «Нора». См. подробнѣе въ предисловіи къ переводу пьесы.

жимъ. Пьесы его ставятся и пользуются здѣсь успѣхомъ у критики и публики по крайней мѣрѣ въ такой же степени, какъ пьесы Грейфа, вслѣдствіе чего Ибсенъ по-братски и безъ всякой зависти готовъ раздѣлить съ нимъ свои лавры...

«Множество иронических намековъ въ рѣчи Ибсена вызвали бурное одобреніе. Въ концѣ концовъ мнѣ удалось заключительною рѣчью повернуть дѣло такъ, что Ибсенъ и Грейфъ при всѣхъ протянули другъ другу руки».

Конрадъ провожалъ Ибсена домой, а тотъ продолжалъ ворчать по адресу Грейфа:

«— И чего было ему въ сущности нужно, этому Мартину Грейфу? Что за драмы онъ пишетъ? Драмы о людяхъ давно умершихъ, которыхъ онъ никогда не зналъ. Можно ли писать драмы о неизвѣстныхъ намъ людяхъ? И что ему—Мартину Грейфу—до нихъ, до этихъ умершихъ? Пусть оставитъ мертвецовъ съ миромъ, а живыхъ изображаетъ сколько душѣ угодно. Теперь вотъ онъ все тревожитъ покойныхъ баварскихъ королей въ ихъ могилахъ. А когда переберетъ ихъ всѣхъ, вѣрно, примется за Гогенцоллерновъ? Конечно, мертвыхъ королей достаточно. Исторія велика и обширна. Но нельзя же въ этомъ видѣть задачу современной драматургіи.

«И онъ вновь и вновь возвращался къ вопросу, что за дѣло Мартину Грейфу до мертвыхъ королей? Желая отвлечь его нѣсколько отъ этой темы, я сказалъ:—«Но, дорогой докторъ Ибсенъ! Вы же сами написали «Катилину».

«— Ого!—съ живостью подхватилъ онъ.—Во-первыхъ, Катилина былъ не король, а анархистъ. Во-вторыхъ, я въ то время былъ не драматургъ, а аптекарь. «Катилина» былъ первымъ драматическимъ опытомъ аптекаря. А Мартинъ Грейфъ развѣ былъ когда-нибудь аптекаремъ? Слѣдовательно!..

«Противъ такого аргумента возразить было нечего, особенно въ столь поздній часъ, и мы весело распростились, пожелавъ другъ другу доброй ночи и заодно добраго утра».

Къ приведенному слѣдуетъ прибавить высказанный Ибсеномъ въ другой разъ еще болѣе энергичный отзывъ о тѣхъ же сюжетахъ: «Ахъ, эти древніе герои, эти воспѣтые на всѣ лады мертвые короли! Надоѣли они мнѣ; и знать ихъ больше не хочу! Любой мостельщикъ улицъ для меня куда интереснѣе. Въ немъ я вижу частицу живой исторіи. Если я займусь имъ, мнѣ не придется тревожить могильнаго праха, перетряхивать древнихъ фоліантовъ. Въ немъ я имѣю передъ собою живой документъ. Онъ живетъ и движется у меня передъ глазами, рѣчь его раздается въ моихъ ушахъ. Я могу прослѣдить каждый его взглядъ, каждое біеніе сердца. Тутъ уже не ошибешься, не обманешься. Спокойной ночи, древняя исторія! Почивай себѣ съ миромъ!»

Въ приведенныхъ замѣткахъ Конрада дважды упоминается, что Ибсенъ почти не бывалъ въ театрѣ. Воспоминанія Паульсена добавляютъ, что въ описываемый періодъ жизни Ибсенъ пересталъ посѣщать и концерты, и музеи, и картинныя галлереи, и даже мало читалъ вообще,—словомъ, какъ бы отгородился отъ всего, что могло его разсѣять, отвлечь отъ прямого дѣла, которому онъ отдался всецѣло, на которомъ исключительно сосредоточились для него въ то время всѣ интересы. «Не хочется умереть, не высказавъ того, что есть у тебя на душѣ», — признался онъ однажды Паульсену. Вотъ, повидимому, постоянная затаенная мысль, которая подгоняла 60-лѣтняго писателя къ работѣ. «Неровенъ часъ, свалится тебѣ на голову черепица съ крыши прежде, чѣмъ успѣешь написать свой заключительный стихъ, — что тогда?» — звучитъ та же мысль въ одномъ изъ писемъ Ибсена къ Брандесу.

«Драматическое творчество требуетъ своего жреца всецѣло», — высказалъ въ другой разъ Ибсенъ Паульсену, и въ этомъ также объясненіе того равнодушія ко всѣмъ остальнымъ родамъ искусства, даже къ прежде столь любимой имъ живописи, которому такъ удивляется Паульсенъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Въ этихъ воспоминаніяхъ, какъ и въ дневникѣ Конрада, находимъ указаніе, что Ибсенъ неохотно бывалъ въ театрѣ даже на представленіи собственныхъ пьесъ, — почему, нетрудно догадаться.

«Ибсенъ вѣдь тысячу разъ видѣлъ пьесу въ своемъ воображеніи,— пишетъ Паульсонъ: — зналъ каждое лицо съ головы до пятъ, и наружность его, и платье, и осанку, и жесты, и привычки, и слабости. Онъ зналъ, напримѣръ — высокаго или маленькаго роста Нора, блондинка или брюнетка, какая у нея походка — быстрая или медленная; онъ изучилъ каждую малѣйшую особенность ея существа, подмѣтилъ, напримѣръ, что она нервно, почти сладострастно поводитъ плечами, когда кушаетъ запретныя миндальныя печенья.

«А на самомъ спектаклѣ разработанной воображеніемъ Ибсена въ мельчайшихъ подробностяхъ картинѣ приходится вступать въ борьбу съ сценической дѣйствительностью. И ему тяжело видѣть, какъ сценическое изображеніе разрушаетъ его мечты».

Какъ видно дальше изъ воспоминаній Паульсена, чтобы разрушить эти мечты, достаточно было въ гостиной Норы ковра, который оказывался иного цвѣта, нежели представлялъ его себѣ Ибсенъ, или того, что у артистки руки были не той формы и длины, какія *должны были* быть у настоящей Норы!

Въ воспоминаніяхъ Іозефсона находимъ еще нѣкоторыя сообщенія объ отношеніи Ибсена къ театру, а именно къ нѣмецкому. Самъ Іозефсонъ не особенно высоко ставилъ нѣмецкихъ актеровъ, и сужденія его иногда даже раздражали Ибсена.

«Помню, какъ я однажды послѣ представленія одной изъ шекспи-

ровскихъ пьесъ, а въ другой разъ послѣ представленія драмы Бьёрнсона «Банкротство», прямо вывелъ Ибсена изъ терпѣнія своими рѣзкими отзывами.

«— Нѣтъ, какъ вы можете такъ говорить, Іозефсонъ! — воскликнулъ онъ сердито. — Не можетъ быть, чтобы такіе артисты играли плохо. Вѣдь они считаются самыми лучшими здѣсь!

«Я на это возразилъ, что и первоклассные артисты могутъ играть плохо въ любой пьесѣ, если *не хотятъ* играть хорошо или приложить стараніе. Играть хорошо не всегда легко. И скажите мнѣ по правдѣ — сами-то вы дѣйствительно находите ихъ такими превосходными артистами? Вы вѣдь рѣдко посѣщаете театръ, какъ сами говорили мнѣ, — такъ вотъ дѣйствительно ли вы того мнѣнія, что они всегда играютъ хорошо, напримѣръ, наши сѣверныя пьесы, ваши или бьёрнсоновскія?

«Ибсенъ на это протянулъ: — «Нѣ-ѣтъ». — Замѣтивъ протяжность тона и желая выпытать отъ него побольше, я продолжалъ: — «Назовите мнѣ хоть одну пьесу, исполненіе которой васъ бы всецѣло захватило, — напримѣръ, одну изъ вашихъ собственныхъ?»

«На это Ибсенъ съ лукавой усмѣшкой отвѣтилъ: — «О, вы же знаете, я такъ рѣдко бываю въ театрѣ».

«Мнѣ вообще не часто удавалось завести съ нимъ разговоръ о нѣмецкомъ сценическомъ искусствѣ, и откровеннаго мнѣнія его я такъ и не добился. Ибсенъ, видно, какъ и большинство крупныхъ драматическихъ писателей, только присутствуетъ на нѣкоторыхъ представленіяхъ и почти никогда не смотритъ знакомую пьесу вторично».

Ибсенъ, какъ извѣстно, не стремился и присутствовать на репетиціяхъ своихъ пьесъ, а ужъ въ самую постановку никогда не вмѣшивался. Извѣстный датскій писатель Германъ Бангъ объясняетъ эту особенность Ибсена его же словами: «Я пишу свои пьесы, какъ *хочу*, а затѣмъ предоставляю артистамъ играть ихъ, какъ *могутъ*».

Бывшій премьеръ датскаго королевскаго театра Эмиль Паульсенъ также отмѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Ибсену, видимо, тяжело было присутствовать на представленіяхъ своихъ пьесъ. «Говорятъ, что онъ разрабатываетъ свои пьесы въ умѣ до мельчайшихъ подробностей, и только когда работа эта закончена, начинаетъ писать. Изъ этого можно заключить, что онъ до такой степени сживается съ созданными имъ лицами, что знаетъ каждую черту ихъ лица, каждую интонацію ихъ голоса, чуть ли не каждую складку ихъ одежды. Какъ же ему ожидать, что онъ увидитъ на сценѣ точное воспроизведеніе какъ разъ того, что онъ нарисовалъ себѣ? Ежеминутно можетъ случиться, что даваемый актеромъ образъ пойдетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ образомъ, который писатель самъ себѣ создалъ, будетъ стирать образъ, который такъ долго носился передъ умственнымъ взоромъ Ибсена.

Вотъ почему я и полагаю, что такое зрѣлище должно оставлять въ немъ тяжелое чувство.

«Повидимому, онъ съ годами и писалъ, имѣя въ виду главнымъ образомъ *читателей, а не зрителей*. Такъ, онъ мѣткими штрихами обрисовываетъ и мѣсто дѣйствія и лица. Его послѣднія пьесы прямо какъ будто иллюстрированы ремарками, въ которыхъ онъ самымъ обстоятельнымъ образомъ описываетъ и гримъ и одежду дѣйствующихъ лицъ передъ выходомъ ихъ на сцену. Можно было бы подумать, что онъ дѣлаетъ это для руководства актеровъ; но это не такъ. Онъ отлично знаетъ, что подобныя указанія — смерть для актера, котораго они связываютъ въ работѣ его фантазіи. Актеръ обязанъ слѣдовать предписаніямъ автора относительно одежды и грима, и публика, увидавъ его въ такомъ видѣ, смотритъ на него просто какъ на иллюстратора, чтеца въ костюмѣ.

«Въ пьесахъ Ибсена перваго и второго періода дается гораздо больше простора для фантазіи артистовъ. И это особенно замѣтно при возобновленіи какой-нибудь изъ пьесъ тѣхъ періодовъ; какъ только возьмешься за роль, такъ и закипитъ работа фантазіи, импульсъ сыплется за импульсомъ. Другое дѣло съ пьесами позднѣйшаго періода. Когда удастся проникнуться сжатой ясностью роли и основной идеей пьесы и приступишь къ исполненію, сразу чувствуешь себя какъ-то лишеннымъ всякой свободы творчества по отношенію къ задачѣ, какъ-то топчешься на мѣстѣ и дальше ни шагу,—загадка уже рѣшена не тобою.

«Но если Ибсенъ такимъ образомъ, въ силу того направленія, по которому пошло развитіе его художественнаго творчества, и не можетъ найти удовлетворенія при видѣ сценическаго воплощенія его твореній, то мы, актеры, зато находимся у него въ громадномъ долгу за ту новую азбуку сценическаго искусства, которой онъ училъ насъ своими произведеніями съ первой до послѣдней строки, — онъ училъ насъ *ясности, сжатости*. На сценѣ, имѣющей въ своемъ распоряженіи такой краткій промежутокъ времени, нѣтъ мѣста ничему лишнему, ничему безцѣльному, ничему несущественному; ничто не должно нарушать иллюзіи; все происходящее на сценѣ должно дойти до зрѣнія и слуха зрителей».

Тѣмъ не менѣе въ письмахъ Ибсена часто упоминается о поѣздкахъ его туда и сюда для присутствованія на представленіяхъ его пьесъ. Но побудительныя причины были далеки отъ любопытства, тщеславія или ожиданія особаго удовольствія.

«Веду въ настоящее время необычайную для меня скитальческую жизнь. Только-что было-отдохнулъ немножко отъ недѣли торжествъ въ Мейнингенѣ, какъ опять приходится ѣхать... на этотъ разъ въ Берлинъ, гдѣ въ воскресенье ставятъ въ Резиденцъ-театрѣ «Привидѣнія». Я бы предпочелъ остаться дома, но послѣ столькихъ приглашеній неудобно не показаться, тѣмъ болѣе, что «Привидѣнія» создали

жгучій литературно-театральный конфликтъ въ Германіи. Я и готовъ встрѣтить въ Берлинѣ всякаго рода отпоръ со стороны консервативной прессы. Но это для меня также одна изъ побудительныхъ причинъ быть тамъ», — писалъ, напримѣръ, Ибсенъ Гегелю въ январѣ 1887 г. *).

Поѣздки, о которыхъ шла рѣчь, являлись, кромѣ того, полезною перемѣной и отдыхомъ послѣ напряженной усидчивой работы. Осенью предыдущаго 1886 года вышла новая драма «Росмерсгольмъ» — плодъ впечатлѣній и наблюденій, вынесенныхъ изъ послѣдней поѣздки въ Норвегію лѣтомъ 1885 года. Въ Норвегіи въ теченіе предыдущихъ лѣтъ разыгрались бурныя событія, вызванныя ожесточенною внутреннею распрей, и это оставило въ умахъ и сердцахъ сильный осадокъ фанатической нетерпимости, ѣдкой горечи и озлобленія, который сразу поразилъ Ибсена по его пріѣздѣ. Дальше ему съ болью пришлось убѣдиться, что люди, бывшіе прежде сердечными друзьями, стали злѣйшими врагами, хотя и ничѣмъ не обидѣли другъ друга лично, а только оказались въ различныхъ партіяхъ. Въ общемъ получалось такое впечатлѣніе,—какъ Ибсенъ самъ высказалъ однажды въ разговорѣ,— что Норвегія населена не двумя милліонами людей, но двумя милліонами кошекъ и собакъ. Это впечатлѣніе и дало себя знать въ изображеніи партійной вражды въ «Росмерсгольмѣ». Желчное озлобленіе побѣжденной партіи нашло великолѣпнаго представителя въ лицѣ ректора Кролля, а трусливое опасеніе побѣдившей партіи высказаться начистоту не менѣе ярко охарактеризовано личностью вольнодумца и представителя «цѣлесообразной политики» Мортенсгора, признающаго необходимымъ — въ интересахъ своей партіи — искать поддержки *вѣрующихъ*, религіозно-нравственныхъ круговъ общества **). «Недеръ Мортенсгоръ — вождь и господинъ будущаго, — говоритъ о немъ Ульрикъ Брендель.—Въ Недерѣ Мортенсгорѣ задатки всемогущества. Онъ и можетъ сдѣлать все, что хочетъ. Ибо—Недеръ Мортенсгоръ никогда и не захочетъ болѣе того, что сможетъ сдѣлать. Недеръ Мортенсгоръ способенъ прожить жизнь безъ идеаловъ. А въ этомъ-то, видишь ли, и весь великій секретъ дѣйствія и успѣха. Вотъ итогъ земной мудрости!» ***).

Въ изображеніи представителя либеральной партіи Недера Мортенсгора сказались не только наблюденія, сдѣланныя писателемъ въ послѣднее посѣщеніе родины, но и горькія наблюденія, сдѣланныя имъ еще за границею во время бури, которая поднялась въ Норвегіи изъ-за «Привидѣній». «Я во время этой бури сдѣлалъ немало наблюденій, извлекъ различныя указанія и сумѣю воспользоваться ими для будущихъ своихъ произведеній», — писалъ Ибсенъ своему издателю въ мартѣ 1882 г.

*) См. стр. 469.
**) Т. III, стр. 371—372.
***) Т. III, стр. 406.

А какого рода были эти наблюденія, поясняютъ другія письма, напр., письмо къ Каспари (іюнь 1884 г.), гдѣ Ибсенъ признаётся, что ему либералы стали глубоко противны за отсутствіе въ нихъ истиннаго свободомыслія *), и письмо къ Брандесу (январь 1882 г.), гдѣ Ибсенъ сожалѣетъ о томъ, что похвальное въ принципѣ стремленіе къ демократизаціи общества привело къ усвоенію обществомъ плебейскаго пошиба, а духовное благородство пошло на убыль **).

Пребываніе на родинѣ лѣтомъ 1885 г. только подкрѣпило эти наблюденія и впечатлѣнія, что до извѣстной степени и засвидѣтельствовалъ Ибсенъ рѣчью своей тронъемскимъ рабочимъ (14 іюня 1885 г.); констатировавъ въ этой рѣчи тотъ же недостатокъ духовнаго благородства въ странѣ, Ибсенъ провозгласилъ необходимость образованія *новой аристократіи*, создаваемой *характеромъ, волей и всѣмъ духовнымъ складомъ человѣка*.

Эта же мысль звучитъ въ рѣчахъ главнаго дѣйствующаго лица «Росмерсгольма», Іоганнеса Росмера, который готовъ посвятить свою жизнь выполненію высокой миссіи облагороженія, т.-е. просвѣтлѣнія и освобожденія душъ и умовъ человѣческихъ отъ темныхъ и низкихъ страстей, ради пріобщенія людей къ свѣтлой радости и истинному миру душевному.

Насколько герою Ибсена удается и не удается приблизиться къ этой высокой цѣли, выясняется въ предисловіи къ переводу пьесы. Добавимъ здѣсь лишь еще нѣкоторыя выдержки изъ характеристики двухъ центральныхъ лицъ пьесы — Росмера и Ребекки, — характеристики, принадлежащей Іегеру.

За этими двумя человѣческими индивидуальностями, кончающими гибелью, проступаютъ два различныхъ, но одинаково несовершенныхъ жизненныхъ принципа. Росмеръ — продуктъ старой, отжившей культуры, которая калѣчитъ въ человѣкѣ и взглядъ на жизнь и самую волю. Жизнепониманіе такого человѣка легче однако освободить отъ связывающихъ его путъ, чѣмъ исцѣлить волю; она остается искалѣченной. Ребекка — продуктъ юной, свѣжей культуры; ея взглядъ на жизнь свободенъ и воля сильна, но не чиста. Очистить ее способна только чистая, беззавѣтная любовь, возникающая подъ вліяніемъ общенія съ духовно-благороднымъ человѣкомъ, т.-е. съ человѣкомъ возвышенной, свѣтлой и чистой души, стремящимся къ высокой цѣли. Въ данномъ случаѣ такое очищеніе совершается слишкомъ поздно. Оба представителя несовершенныхъ жизненныхъ принциповъ и погибаютъ; но черезъ ихъ трупы пьеса указываетъ на великую свѣтлую мечту будущаго, лелѣемую авторомъ, — на человѣка съ свободнымъ умомъ и чистою волею. Это и будетъ «новый аристократъ», аристо-

*) См. стр. 482.
**) См. стр. 465.

кратъ духа человѣческаго, человѣкъ счастливый, облагороженный, живущій жизнью свободы и непорочной радости, человѣкъ, способный создать «третье царство», о которомъ мечтали кесарь Юліанъ съ мистикомъ Максимомъ и отъ котораго никогда не отрекался Ибсенъ.

И какъ на путь, ведущій къ этому царству, авторъ «Росмерсгольма» снова указалъ на путь самоотреченія и любви, противоположный пути эгоизма. «Росмерсгольмъ» — новое, сильнѣйшее прославленіе силы чистой, беззавѣтной любви. Эта облагораживающая и возвышающая сила является истиннымъ credo автора, и на этомъ credo построена вся пьеса. Одно время Ибсенъ главнымъ образомъ бичевалъ духовное рабство, дряблость, половинчатость и ложь во имя *свободы и истины*, затѣмъ сосредоточилъ свои удары на эгоизмѣ, какъ на первоисточникѣ лжи, нравственной трусости, общественнаго лицемѣрія и пр., и тогда съ особенной силой зазвучалъ лозунгъ *чистой, беззавѣтной любви, полной самоотреченія.*

Истина, свобода и любовь — три краеугольныхъ камня творчества Ибсена, какъ и жизненнаго принципа писателя, и особенно ярко, гармонично они выступаютъ въ драмѣ «Росмерсгольмъ».

Самъ Ибсенъ высказалъ въ письмѣ къ одному норвежскому студенту *), что «пьеса говоритъ о той борьбѣ, которую долженъ выдержать самъ съ собою каждый серьезный человѣкъ, чтобы привести въ *гармонію* свою жизнь со своимъ сознаніемъ».

Гармонія — гармонія внутренняго «я» человѣка съ его земнымъ назначеніемъ, опредѣляемымъ властью мірового порядка — является вообще наивысшимъ центральнымъ жизненнымъ принципомъ Ибсена, какъ это и подчеркиваетъ Лотаръ, говоря о драмѣ «Росмерсгольмъ», которую считаетъ *вершиною* цикла современныхъ драмъ Ибсена и второю вершиною ибсеновскаго творчества вообще.

«Никогда я не чувствовалъ себя болѣе чуждымъ житью-бытью моихъ норвежскихъ соотечественниковъ, нежели послѣ уроковъ, данныхъ мнѣ истекшимъ годомъ», — писалъ Ибсенъ Брандесу зимою 1886 года. Заключались эти уроки, какъ свидѣтельствуетъ то же письмо, не только въ наблюденіяхъ и впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ Ибсеномъ изъ его собственной поѣздки въ Норвегію въ 1885 г., но также изъ поѣздки въ Христіанію Брандеса. Ибсенъ нескоро и захотѣлъ обновить такія впечатлѣнія новою поѣздкою на родину. Сѣверное море однако настолько тянуло его, что лѣто 1886 г. онъ провелъ въ Сѣверной Ютландіи, въ датскомъ городѣ Сэбю. И глубокія впечатлѣнія, вынесенныя имъ отъ красоты и мощи приморскаго ландшафта и самаго моря, сказались въ слѣдующемъ произведеніи, планъ котораго Ибсенъ началъ обдумывать въ Сэбю.

Іегеръ, проведшій нѣсколько дней въ томъ же уголкѣ Даніи одно-

*) См. стр. 499.

временно съ Ибсеномъ, разсказываетъ, что Ибсенъ былъ всецѣло поглощенъ какимъ-то новымъ литературнымъ планомъ. «Спрашивать у него, что именно онъ обдумываетъ, было бы нелѣпо. Да и не думаю, чтобы онъ принялъ такой вопросъ особенно благосклонно *). Но изъ многаго я могъ заключить, что мысли его вращались около моря. Въ разговорахъ онъ то и дѣло возвращался къ морю. И каждое утро его можно было увидѣть на прогулкѣ на берегу стоящимъ и созерцающимъ море, не шевелясь иногда по получасу. За обѣдомъ онъ иногда вдругъ, безъ всякаго повода, начиналъ говорить о томъ, что видѣлъ тамъ, на днѣ моря; говорилъ о диковинной жизни тамъ, о крабахъ, о ракѣ-отшельникѣ, который живетъ со своими актиніями и прячетъ беззащитное туловище въ пустую раковинку труборога».

Итакъ, Ибсенъ самъ былъ подъ чарующею властью морской стихіи когда писалъ свою «Дочь моря».

И эта драма проникнута тою же вѣрою автора въ способность человѣческой души къ развитію и совершенствованію, какая звучала въ «Росмерсгольмѣ». Героиня новой драмы, Эллида, перерождается духовно, какъ и Ребекка, но здѣсь выставлены новые перерождающіе факторы— свобода и чувство отвѣтственности.

Въ предисловіи къ переводу пьесы данъ подробный разборъ ея нѣмецкимъ критикомъ Шлентеромъ. Прибавимъ къ этому краткую характеристику пьесы по Іегеру.

---

*) Въ воспоминаніяхъ Паульсена переданъ эпизодъ, рисующій, насколько неблагосклонно относился Ибсенъ къ попыткамъ заглянуть въ тайники его творчества. По словамъ его супруги, онъ не посвящалъ въ свои замыслы даже ея, и она только изъ преобладающихъ темъ его разговоровъ могла вывести нѣкоторыя заключенія насчетъ того, чѣмъ онъ былъ занятъ въ данное время. «Другое дѣло, когда рукопись закончена. Тогда я получаю разрѣшеніе прочесть ее,—я одна». Далѣе фру Ибсенъ разсказала, какъ она однажды, во время переѣзда съ мужемъ и сыномъ по желѣзной дорогѣ, подняла оброненный Ибсеномъ при выходѣ изъ вагона клочокъ бумажки, на которомъ было написано: «Докторъ говоритъ...». Это дало фру Ибсенъ и Сигурду ключикъ къ строго хранимой писателемъ тайнѣ новаго произведенія, которымъ онъ былъ въ то время занятъ, и они рѣшили немножко помистифицировать его. Когда Ибсенъ вернулся въ купе, жена лукаво поглядѣла на него и сказала: «А что это за докторъ, дѣйствующій въ твоей новой пьесѣ? Вѣрно, у него есть много интересныхъ темъ для разговора?» Если бы однако фру Ибсенъ могла предвидѣть, какое дѣйствіе произведетъ ея невинная шутка, она врядъ ли заговорила бы. Ибсенъ сразу словно онѣмѣлъ отъ изумленія и гнѣва, а когда даръ слова къ нему вернулся, разразился цѣлымъ потокомъ упрековъ. Что это значитъ? Онъ не можетъ быть спокойнымъ въ собственномъ домѣ? Его окружаютъ шпіоны? Забрались въ его письменный столъ, рылись въ его завѣтныхъ тайникахъ? Пришлось фру Ибсенъ поспѣшить успокоить его, протянувъ злополучный клочокъ и пояснивъ, что ни она ни сынъ и не знаютъ ничего больше.

Эллида—дитя моря, этой безпокойной, таинственной стихіи, которая «пугаетъ и влечетъ». Море наложило свою печать на весь духовный складъ Эллиды, на ея настроеніе. Она столь же измѣнчива, непостоянна, какъ самое море. Она принадлежитъ морю; и днемъ и ночью, зимою и лѣтомъ тоскуетъ по морю, вынужденная жить, какъ жена доктора Вангеля, на берегу узкаго фьорда, гдѣ вода кажется ей нездоровой и гдѣ даже зимою она не чувствуетъ вѣянія свѣжаго вѣтра.

Таинственная власть моря надъ ея душой олицетворяется таинственнымъ незнакомцемъ-морякомъ. «Этотъ человѣкъ—что море»,—говоритъ о немъ сама Эллида. И онъ имѣетъ на нее непонятное вліяніе, отъ котораго не избавляетъ ее даже его отсутствіе въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ. Бороться съ этимъ вліяніемъ серьезно она, впрочемъ, почти и не пытается, такъ какъ душа ея отягчена двойными путами,—одни наложены на нее стихійною властью ея внутренней природы, другія—бракомъ, заключеннымъ «не по доброй волѣ». Когда же вліяніе незнакомца выясняется ей, какъ духовное насиліе надъ ея личностью въ противоположность свободѣ, возвращаемой ей мужемъ, она проникается сознаніемъ отвѣтственности, которая неизбѣжно связана съ свободой, и вслѣдствіе этого настолько вырастаетъ духовно, что становится способной противостоять насилію и побѣждаетъ въ борьбѣ.

Свобода и личная отвѣтственность способны переродить, развить, облагородить и возвысить душу человѣческую. Вотъ широкая общая идея драмы. Но въ ней есть и частная, или интимная идея, которую отмѣчаетъ Лотаръ.

«Развязка «Дочери моря», этого заключительнаго звена трилогіи о бракѣ («Кукольный домъ», «Привидѣнія», «Дочь моря»), доказываетъ оптимизмъ и идеализмъ Ибсена. «Кукольный домъ» называли программой женской эмансипаціи. Въ такомъ случаѣ въ «Дочери моря»—разрѣшеніе женскаго вопроса. Только тогда, когда женщина будетъ выбирать свое призваніе вполнѣ свободно, подъ личною отвѣтственностью, только тогда можетъ она воистину стать личностью, а также истинной женой и матерью. Преданная, сильная своею искренностью и довѣріемъ мужа, радостно готовая на всѣ жертвы, но вмѣстѣ съ тѣмъ не связанная никакими путами, женщина была и осталась для Ибсена идеаломъ жены».

Бракъ не по доброй волѣ обращается для Эллиды въ концѣ концовъ въ бракъ по доброй волѣ,—оба супруга, очевидно, способны къ любви и самопожертвованію. Но какую развязку обѣщаетъ бракъ не по доброй волѣ, если супруги эгоистичны каждый по-своему?

Мотивъ непастоящаго брака—одинъ изъ главныхъ и постоянныхъ мотивовъ ибсеновскаго творчества, и въ драмѣ «Дочь моря» содержится не только развязка одного изъ непастоящихъ браковъ, кото-

рыс Ибсенъ изобличаетъ и бичуетъ на ряду съ другими язвами современнаго строя жизни, но и завязка другого. Болетта, старшая дочь Вангеля и падчерица Эллиды, выходитъ замужъ за своего «стараго учителя», инспектора Аргольма, такъ же не по доброй волѣ, какъ вышла за Вангеля Эллида. Бракъ Болетты и Аргольма представляетъ такую же «сдѣлку», необходимость расторженія которой сознали наконецъ Эллида и Вангель. Разница лишь въ томъ, что послѣдніе двое заключили эту сдѣлку безсознательно или полусознательно, т.-е. не вполнѣ отдавая себѣ отчетъ въ руководившихъ ими эгоистическихъ побужденіяхъ, а Болетта и Аргольмъ дѣйствуютъ сознательно. Каждый изъ нихъ, вступая въ бракъ, преслѣдуетъ *свою* эгоистическую цѣль. Въ этой четѣ и можно усмотрѣть эскизы для четы Гедды и Тесмана, являющейся центромъ слѣдующей драмы Ибсена, «Гедды Габлеръ», построенной на той же темѣ—непастоящаго брака.

Дочь генерала Габлера, баловапная, гордая свѣтская дѣвушка, вышла замужъ за «книжнаго червяка» и филистера Тесмана изъ тѣхъ же побужденій, какъ Болетта,—чтобы пристроиться и пожить въ свое удовольствіе. Развязка этого брака трагическая, такъ какъ оба супруга—эгоисты чистѣйшей воды, хотя эгоизмъ ихъ и различнаго характера. Гедда какъ личность—величина довольно крупная, богато одаренная духовно, хотя и искалѣченная въ своемъ развитіи; соотвѣтственно этому и эгоизмъ ея широкій, сознательный и по-своему красивый, тогда какъ Тесманъ—натура мелкая, и эгоизмъ его какой-то полумладенческій, полумѣщанскій.

Въ подробный разборъ драмы мы входить здѣсь не будемъ, такъ какъ онъ помѣщенъ въ предисловіи къ переводу пьесы; резюмируемъ лишь вкратцѣ выводъ Іегера, выясняющій главную внутреннюю идею драмы. Чисто-эгоистическое самоопредѣленіе личности ведетъ къ ея же гибели; культъ своего «я», въ смыслѣ культа красоты и наслажденія, не носитъ въ себѣ элементовъ будущаго. Будущее принадлежитъ истинно-свободной, цѣльной и совершенной личности, которая вырабатывается лишь путемъ альтруизма.

Выясненіе несостоятельности грозившаго стать лозунгомъ вѣка принципа самодовлѣющей личности въ смыслѣ жизненнаго принципа составляетъ въ сущности основное, внутреннее идейное содержаніе и всѣхъ послѣдующихъ драмъ Ибсена, какъ «Гедды Габлеръ». Въ послѣдней справедливо восхищаются техникой, особенно же виртуозностью діалога. Реплики дѣйствующихъ лицъ такъ немногословны (ни одна не занимаетъ болѣе трехъ печатныхъ строкъ; во всей пьесѣ ни одного монолога, ни одного обращенія въ сторону) и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ интенсивны и такъ жизненно-естественны, что подобныхъ примѣровъ найдется немного даже во всемірной драматической литературѣ. Кромѣ того, эти немногословныя реплики необычайно богаты содержаніемъ: въ нихъ заключается не только прямой, открытый

смыслъ, но и внутренній, болѣе глубокій, дающій ключъ къ психикѣ дѣйствующихъ лицъ и внутреннему смыслу внѣшняго дѣйствія. Символика языка и словъ, свойственная творчеству Ибсена, достигаетъ въ этой пьесѣ, по мнѣнію Лотара, наивысшей степени, и въ этомъ Лотаръ видитъ одну изъ причинъ того, что эта пьеса и позднѣйшія произведенія Ибсена такъ трудно понимаются публикой въ сценической передачѣ. Авторъ предполагаетъ въ своихъ слушателяхъ огромное напряженное и неослабное вниманіе, отъ котораго не ускользнулъ бы ни малѣйшій внутренній, побочный, двоякій смыслъ словъ.

Драма «Гедда Габлеръ» была послѣднимъ произведеніемъ, написаннымъ Ибсеномъ (1890 г.) за границей, и закончила мюнхенскую главу жизни Ибсена. Одно время казалось-было, что норвежскій писатель навсегда осѣлъ въ Мюнхенѣ, гдѣ чувствовалъ себя, повидимому, вполнѣ уютно и пріятно и гдѣ такъ торжественно была отпразднована 60-я годовщина дня его рожденія *). Послѣ того Ибсенъ, до тѣхъ поръ всегда довольствовавшійся за границей—и въ Римѣ и въ Дрезденѣ—«квартирою съ мебелью», что̀ какъ бы указывало на временный характеръ его житья-бытья за границей, сталъ обзаводиться собственной обстановкой. Одинъ старый другъ его, посѣтившій его въ то время, разсказывалъ, что хлопоты супруговъ Ибсенъ по пріобрѣтенію обстановки представляли поистинѣ замѣчательное зрѣлище; проживъ въ супружествѣ слишкомъ тридцать лѣтъ, они словно вдругъ превратились въ молодую парочку, которая только и думаетъ объ устройствѣ собственнаго гнѣздышка! И тѣмъ не менѣе лѣтомъ 1891 г. Ибсенъ въ одинъ прекрасный день сдалъ мебель въ складъ и отправился на Сѣверъ—посмотрѣть на полуночное солнце, которымъ бредили всѣ туристы и котораго онъ, природный сѣверянинъ, никогда не видалъ. Путь лежалъ черезъ Христіанію и Трольемъ на Нордкапъ. На обратномъ пути Ибсенъ остановился въ Христіаніи—какъ будто ненадолго. Но изъ дней складывались недѣли, изъ недѣль мѣсяцы, и въ концѣ концовъ онъ нанялъ себѣ прекрасную большую квартиру въ высоко расположенной новой аристократической части города («Терраса Викторіи 7в»), откуда открываются прекрасные виды, и выписалъ изъ Мюнхена всю обстановку. Теперь ужъ ясно было, что онъ остается на родинѣ. Онъ и остался, и хотя сначала все строилъ новые путевые планы, особенно лѣтомъ, но такъ съ тѣхъ поръ уже и не покидалъ Норвегіи.

---

*) См. выше, разсказъ Конрада, стр. 714.

X.

Послѣдніе годы.

Въ Христіаніи Ибсенъ повелъ тотъ же правильный образъ жизни, какъ въ Мюнхенѣ, Дрезденѣ или Римѣ. Въ теченіе десятка лѣтъ всегда въ одно и то же время утромъ, однимъ и тѣмъ же путемъ, отправлялся онъ въ свое «кафе», подъ которымъ здѣсь слѣдуетъ разумѣть читальню въ Грандъ-Отелѣ; затѣмъ совершалъ прогулку по улицѣ Карла-Іоганна и между 2 и 2½ часами пополудни останавливался передъ Грандъ-Отелемъ, чтобы дождаться трамвая и вернуться домой на «Террасу Викторіи». Одежда, походка, манеры остались тѣ же. Квартира не представляла ничего особеннаго. Изъ высокой, свѣтлой прихожей былъ входъ въ гостиную, изъ гостиной въ столовую; обстановка была простая, ничѣмъ не выдававшая знаменитости хозяина; о вкусахъ его говорили только картины, которыми были увѣшаны стѣны; эти картины долго странствовали съ хозяиномъ по разнымъ городамъ, пока достигли мирной пристани на родинѣ хозяина. Къ столовой примыкалъ рабочій кабинетъ Ибсена, гдѣ были развѣшаны наиболѣе любимыя имъ картины. Письменный столъ являлъ образецъ баснословной любви къ порядку и точную копію со стола писателя въ Мюнхенѣ. Прибавилось только еще нѣсколько вещичекъ: маленькій деревянный рѣзной медвѣдь (кустарное швейцарское издѣліе), бронзовый чертенокъ и два бронзовыхъ зайчика. Ибсенъ говорилъ, что у него во время работы являлась потребность вертѣть ихъ въ рукахъ *).

Въ этомъ рабочемъ кабинетѣ и были написаны четыре послѣднія драматическія произведенія Ибсена. Первымъ явилась драма «Строитель Сольнесъ», являющаяся вмѣстѣ съ тѣмъ первою пьесой послѣ «Борьбы за престолъ», написанною Ибсеномъ на родинѣ.

Всѣ драмы Ибсена находятся въ болѣе или менѣе тѣсной внутренней связи между собою, новая же драма «Строитель Сольнесъ», появившаяся въ свѣтъ въ концѣ 1892 г., и внѣшнимъ образомъ тѣсно связана съ одной изъ предыдущихъ драмъ, а именно съ «Дочерью моря». Лотаръ вѣрно опредѣляетъ, что вообще въ драмахъ послѣдняго періода творчества Ибсена проходятъ и повторяются, какъ въ калейдоскопѣ, и внутреннія и внѣшнія мотивы прежнихъ драмъ. Въ драмѣ «Гедда Габлеръ», этой «валькиріи въ корсетѣ», воскресаютъ лица и положенія изъ «Воителей въ Гельгеландѣ»; героиней драмы «Строитель Сольнесъ» является дочь и падчерица главныхъ дѣйствующихъ лицъ «Дочери моря», и вообще первая изъ названныхъ драмъ пред-

*) О такой же потребности—развлечься чѣмъ-нибудь время отъ времени — говоритъ и тарантулъ въ стаканѣ, о которомъ Ибсенъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ къ П. Гапсену, стр. 371.

ставляетъ по содержанію какъ бы варіантъ проблемы второй. Въ первой—неизвѣстный морякъ обѣщаетъ Эллидѣ вернуться за нею, когда придетъ время; во второй—строитель Сольнесъ, по увѣренію Гильды, обѣщаетъ вернуться за своей «маленькой принцессой» черезъ десять лѣтъ; но такъ какъ срокъ проходитъ, а онъ не является, то она приходитъ къ нему сама, спускается съ горныхъ высотъ, какъ Ребекка Вестъ, и, какъ она же, хочетъ привить своему избраннику сильную волю и здоровую совѣсть. Затѣмъ Гильда говоритъ: «Захочетъ ли дикая птица въ клѣтку?», а Сольнесъ договариваетъ: «Лучше гоняться за добычей по воздуху»; Эллида же *была* такою дикой птицей въ клѣткѣ. Можно найти въ «Строителѣ Сольнесѣ» и много другихъ внѣшнихъ и внутреннихъ мотивовъ изъ предыдущихъ произведеній, какъ показываетъ подробный разборъ драмы въ предисловіи къ ея переводу. Не меньше такихъ мотивовъ и въ слѣдующей драмѣ, «Маленькій Эйольфъ», появившейся ровно черезъ два года послѣ «Строителя Сольнеса»; мотивы эти проступаютъ и въ репликахъ и въ ходѣ дѣйствія. И здѣсь мертвые не даютъ покоя живымъ, какъ въ «Привидѣніяхъ» и въ «Росмерсгольмѣ». Альмерсъ узнаётъ, что утрата является въ извѣстномъ смыслѣ пріобрѣтеніемъ, т.-е. доходитъ до того же сознанія, которое Брандъ выразилъ словами: «То лишь, что̀ умерло, вѣчно твое». Затѣмъ, подобно тому, какъ въ «Дочери моря» дѣйствующія лица чувствуютъ себя сродни морю или землѣ, такъ въ «Маленькомъ Эйольфѣ» они чувствуютъ себя сродни небу и землѣ. Желаніемъ сжечь постройки прошлаго (хижины на берегу) Альмерсъ напоминаетъ Сольнеса. Знакомъ намъ изъ Бранда и девизъ: «все или ничего», съ которымъ здѣсь выступаетъ Рита; чудящееся ей пѣніе въ воздухѣ слышалось и Гильдѣ. И грызущая душу совѣсть и чувство отвѣтственности проходили красной нитью въ «Росмерсгольмѣ» и въ «Строителѣ Сольнесѣ». И въ развязкѣ пьесы, вырастающей изъ мрака, ужаса и смятенія душевнаго—на подкладкѣ эгоизма, звучитъ аккордъ примиренія, надежда на свѣтлое будущее — на основѣ альтруизма. Флагъ, поднимаемый супружеской четой, простившейся съ эгоистическимъ счастьемъ на землѣ, привѣтствуетъ это будущее.

Говоря, что драма «Маленькій Эйольфъ» по строенію своему можетъ считаться однимъ изъ наиболѣе совершенныхъ произведеній Ибсена, Лотаръ отмѣчаетъ одну особенность этого строенія: исходная точка драмы не въ прошломъ дѣйствующихъ лицъ, а въ первомъ дѣйствіи пьесы; пріема этого Ибсенъ давно уже не примѣнялъ.

Черезъ два года послѣ «Маленькаго Эйольфа» вышла новая драма—«Іонъ-Габріель Боркманъ» (1896 г.). Профессоръ Лицманъ указалъ, что зародышъ этой драмы можно найти въ «Привидѣніяхъ». Молодой Эргардъ Боркманъ, яркій контрастъ Освальда Альвинга, долженъ, какъ и послѣдній, вознаградить свою мать за все горе и несчастье, которыми отравилъ ея жизнь мужъ, и тоже обманываетъ надежды

матери, хотя и иным образомъ, нежели Освальдъ. Въ самомъ же мужѣ и отцѣ, бывшемъ директорѣ банка, многіе критики узнавали принявшаго гигантскіе размѣры консула Берника, но въ сущности онъ повторяетъ въ странной смѣси черты почти всѣхъ героевъ Ибсена. Онъ неудачный борецъ за престолъ, какъ герцогъ Скуле, онъ и поборникъ новаго царства, какъ Юліанъ. Послѣднія слова Боркмана напоминаютъ мощный кликъ: «Царство мое!». И Боркманъ хочетъ основать новое царство, создать новую культуру, какъ посѣдѣвшій Фаустъ во второй части поэмы. Но желаніе Боркмана «облагодѣтельствовать тысячи и тысячи людей» могло осуществиться лишь путемъ пробужденія «дремлющихъ духовъ золота», а чтобы получить возможность пробудить ихъ, Боркману пришлось совершить «великій смертный грѣхъ». Самый великій непокупимый грѣхъ — умертвить въ себѣ и въ другомъ человѣкѣ «душу живую, способную любить» *). И въ этомъ грѣхѣ—гибель его надеждъ и стремленій. Лишь чистыми путями, съ незапятнанной совѣстью можетъ человѣкъ осуществить свое призваніе. Мотивъ этотъ не разъ уже звучалъ въ драмахъ Ибсена, начиная съ самой первой. Повторяется въ «Нонѣ-Габріелѣ Боркманѣ» также положеніе героя между двумя женщинами, которыя борются изъ-за него. И въ отношеніяхъ между Боркманомъ и женой звучитъ старый мотивъ «неистоящаго» брака, а въ разговорѣ Боркмана съ Фольдалемъ повторяется мотивъ скрашивающей жизнь иллюзіи или самообмана,—жизненной лжи изъ «Дикой утки» **). А въ рѣшимости Боркмана рискнуть всѣмъ не звучитъ ли девизъ: «все или ничего», и самая смерть его среди снѣга и льда, на пустынной высотѣ, не напоминаетъ ли смерти Бранда?

Лотаръ усматриваетъ въ этомъ повтореніи прежнихъ мотивовъ трагикомическій или пародическій оттѣнокъ. Оттѣнокъ этотъ вообще свойственъ музѣ Ибсена, но въ данномъ произведеніи выступаетъ, по мнѣнію Лотара, особенно ярко. Нѣмецкій критикъ видитъ пародію, напр., и въ томъ, какъ молодой Боркманъ, слѣдуя праву свободнаго выбора, бросается въ жизнь, чтобы взять отъ нея все, что можно, и въ удивительномъ вліяніи (телепатія) фру Вильтонъ на своего молодого поклонника, и даже въ стремленіи ихъ обоихъ на югъ. «Развѣ это не насмѣшка надъ жаждой свободы, солнца и красоты, свойственной героямъ Ибсена? И развѣ самъ старикъ Боркманъ, ожидающій въ позѣ Наполеона призыва на царство, вѣрящій, что третье царство можетъ быть отъ міра сего, не трагикомическая фигура?» — спрашиваетъ Лотаръ. «Всю жизнь Боркмана тянуло ввысь, и передъ смертью онъ... всходитъ на холмъ, чтобы открыть себѣ широкіе горизонты! Боркману хотѣлось стать великимъ человѣкомъ, но онъ сталъ лишь

*) См. стр. 44.
**) См. стр. 39.

великимъ эгоистомъ; поэтому и его переѣзжаетъ колесо жизни, какъ старика Фольдаля переѣзжаютъ колеса возка, въ которомъ сидитъ молодежь. Такимъ образомъ и трагическій мотивъ, звучащій въ «Строителѣ Сольнесѣ», использованъ здѣсь въ видѣ пародіи.

«У Ибсена подъ старость все сильнѣе и горячѣе сказывалось влеченіе повторять мотивы прежнихъ своихъ драмъ въ томъ искаженномъ видѣ, какой сообщаетъ идеаламъ сила жизни. Вотъ это-то я и называю траги-пародіей въ творчествѣ Ибсена»,—замѣчаетъ Лотаръ.

---

20 марта (2 апрѣля н. с.) 1898 г. Норвегія и съ нею весь Сѣверъ торжественно отпраздновали 70-ю годовщину дня рожденія своего великаго писателя; откликнулся на чествованіе маститаго юбиляра и весь цивилизованный міръ; телеграммы и привѣтствія получены были со всѣхъ концовъ свѣта. Однимъ изъ наиболѣе знаменательныхъ подарковъ, которыми въ этотъ день осыпали юбиляра, явился сборникъ привѣтствій и статей, посвященныхъ Ибсену представителями духовной жизни трехъ скандинавскихъ странъ.

Рядъ литературныхъ привѣтствій юбиляру открывался въ сборникѣ привѣтомъ шведскаго короля Оскара, даровитаго поэта и горячаго поклонника Ибсена; затѣмъ шли привѣты датскаго поэта Драхмана и шведскихъ: графа Снойльскаго, Гейденстама и Левертина, статьи датскихъ литературныхъ критиковъ: Георга Брандеса и Вальдемара Веделя и норвежскаго Нильса Кьера, воспоминанія земляковъ Ибсена: Іонаса Ли и Йона Паульсена и др. Внесли свои лепты въ сборникъ и двѣ пользующіяся на Сѣверѣ громкою извѣстностью шведскія писательницы: Элленъ Кей и Сельма Лагерлёфъ, а также артисты: бывшій премьеръ датскаго Королевскаго театра Эмиль Паульсенъ и финская актриса Ида Альбергъ, и многія другія лица. Перелистывая эту толстую книгу (около 20 печатныхъ листовъ), убѣждаешься въ томъ, что Скандинавія сумѣла оцѣнить значеніе величайшаго изъ современныхъ представителей сѣверной литературы и выразить ему свое глубочайшее уваженіе и горячую любовь. Библіографическія же данныя Гальворсена, помѣщенныя въ концѣ сборника, повѣствуютъ о томъ, какъ Ибсенъ пріобрѣлъ всемірную славу, какъ уроженецъ незамѣтнаго провинціальнаго норвежскаго уголка сталъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ и сильныхъ двигателей современной европейской духовной культуры.

Ниже мы приводимъ нѣкоторыя изъ наиболѣе характерныхъ или содержательныхъ вкладовъ въ упомянутый сборникъ, а именно: привѣтъ короля Оскара, краткое «Слово» Левертина, статьи Георга Брандеса, Кьера и Веделя, отрывки изъ воспоминаній Іонаса Ли и Паульсена и обзоръ Гальворсена.

Сборникъ одновременно былъ выпущенъ къ торжественному дню

тремя сѣверными издательскими фирмами: Йона Грига въ Бергенѣ, Гергарта въ Стокгольмѣ и Гюльдендаля (Гегеля) въ Копенгагенѣ.

Копенгагенъ, по праву считавшій норвежскаго писателя наполовину своимъ, отозвался на торжество особенно сердечно. «Союзъ датскихъ студентовъ», включающій весь цвѣтъ датской интеллигенціи, устроилъ въ честь Ибсена грандіозное торжество, на которомъ привѣтственную рѣчь юбиляру произнесъ извѣстный датскій ученый, философъ Гёффдингъ. Эту характерную и замѣчательно-содержательную, несмотря на свою относительную краткость, рѣчь мы приводимъ здѣсь цѣликомъ.

«Докторъ Генрикъ Ибсенъ *)!

«Для васъ настало время чествованій и торжествъ. Но ему предшествовалъ долгій періодъ борьбы. Во-первыхъ, вы боролись съ диссонансами жизни, пытаясь разрѣшить проблемы жизни человѣческой и нашего вѣка. Затѣмъ вы боролись во имя великихъ задачъ искусства, вырабатывая новыя формы для художественнаго воспроизведенія дѣйствительности. И наконецъ вы боролись съ предубѣжденіемъ читателей и зрителей.

«Поговоримъ сначала объ этой послѣдней борьбѣ. Вызвало ее то обстоятельство, что вы предъявили вашимъ читателямъ и зрителямъ такія большія требованія, какихъ не предъявлялъ ни одинъ современный писатель. Дѣло въ томъ, что вы не подносите читателямъ готовыхъ рѣшеній или выводовъ. Но прочтеніи вашихъ произведеній въ душѣ читателя остается какъ бы жало въ видѣ открытыхъ вопросовъ и неразгаданныхъ загадокъ. Ваше творчество загадочно, какъ сама жизнь. Каждому читателю или зрителю приходится претворять въ себѣ самомъ даваемый вами матеріалъ. Истолкованіе, дополненіе— личное дѣло каждаго и зависитъ отъ того, какія струны затронуты въ душѣ его самого. Когда опустившійся занавѣсъ кладетъ конецъ вашей драмѣ на сценѣ, начинается новая драма — въ душѣ зрителя. Ему самому приходится выступить дѣйствующимъ лицомъ, хоть и не на внѣшней сценѣ. Вы требуете большой и самостоятельной работы отъ своихъ читателей и зрителей. Поэтому васъ стали считать холоднымъ и строгимъ. Люди подумали, что вы только втравляете другихъ въ борьбу съ диссонансами и проблемами жизни, сами же держитесь въ сторонѣ. Вы не даете ясныхъ и опредѣленныхъ отвѣтовъ, прямыхъ заключеній, гармоническихъ рѣшеній, которыя бы можно было прямо положить въ карманъ, и васъ за это прозвали врагомъ жизни и человѣчества; ваше имя стало символомъ противорѣчія.

«И вотъ теперь собралось чествовать васъ столько народа изъ различныхъ становъ не потому только, что люди научились цѣнить и

*) Ибсену еще въ 1877 году былъ поднесенъ почетный докторскій дипломъ (honoris causa) отъ упсальскаго университета.

любить въ васъ великаго художника, какимъ вы являетесь въ своихъ произведеніяхъ, но и потому, что поняли, что эти же самыя произведенія свидѣтельствуютъ о вашемъ участіи въ борьбѣ съ диссонансами жизни и проблемами вѣка. Люди научились смотрѣть на васъ, какъ на соратника въ этой великой борьбѣ, несущаго свою долю бремени,— труда и заботъ,—возлагаемаго вѣкомъ на всѣхъ насъ.

«Вы никогда не увлекались идеей солидарности, видя въ ней *опасность для развитія личности*. Но ваши произведенія свидѣтельствуютъ, что вы чувствовали себя солидарнымъ съ тѣми, кто страдаетъ и борется. Вы сами извѣдали душевный мракъ сомнѣнія, упадокъ духа, горечь, и — создали рядъ яркихъ образовъ, которые никогда не изгладятся изъ памяти, провели передъ нами цѣлый рядъ современныхъ человѣческихъ характеровъ и судебъ. Художнику не приходится дѣйствовать философскими положеніями и умозаключеніями. Онъ дѣйствуетъ посредствомъ живыхъ образовъ, посредствомъ созданныхъ его индивидуальностью картинъ, а ужъ дѣло самого читателя или зрителя рѣшать, правила это или исключенія, образцы для подражанія или предостереженія. То же самое заставляетъ насъ дѣлать жизнь: намъ самимъ приходится разбираться въ ея формахъ и явленіяхъ, рѣшать—слѣдуетъ ли смотрѣть на нихъ, какъ на правила или какъ на исключенія, подражать имъ или избѣгать ихъ. Вы однажды высказали: «Нѣтъ у меня голубей,— голуби символъ надежды». Но если вы вообще такъ рѣдко выступали вѣстникомъ надежды, то это, пожалуй, потому, что считаете надежду цѣлебнымъ средствомъ, которое надо давать маленькими дозами, такъ какъ люди склонны ею злоупотреблять. А пожалуй, также и потому, что истинная надежда обрѣтается лишь вмѣстѣ съ добытымъ въ борьбѣ уразумѣніемъ смысла явленія.

«Вы въ своихъ произведеніяхъ постоянно развертываете въ обратную сторону всю картину развитія событій и характеровъ вплоть до первоначальнаго момента, въ которомъ заключались зародыши всего этого развитія. Вы указываете на источникъ, откуда пошла болѣзнь. Вы какъ будто говорите намъ: этотъ потокъ, котораго нельзя остановить или отвести въ сторону теперь, когда онъ набрался силъ, могъ бы, пожалуй, быть остановленъ или отведенъ у своего первоисточника. Вотъ вашъ способъ учить насъ надеждѣ: путемъ уразумѣнія причинъ жизненныхъ диссонансовъ мы приходимъ къ пониманію того, какимъ образомъ можно достигнуть гармоніи жизни; путемъ уразумѣнія причинъ пагубныхъ явленій мы приходимъ къ уразумѣнію того, какъ должно бороться съ ними. Путешествуя по Египту, вы видѣли торчащія изъ песку пустыни развалины храмовъ, поверженныя божества, и сравниваете въ одномъ изъ своихъ стихотвореній эту картину съ картиной погибшаго каравана. Вы спрашиваете себя, почему все это погибло, даже не оставивъ по себѣ, какъ многіе другіе памятники кра-

соты, прочной памяти въ мысляхъ людей? И отвѣчаете: культура эта страдала недостаткомъ индивидуальности и слѣдовательно истинной жизненной силы. Такое истолкованіе и является основой для вашей надежды — проложить пути для будущаго надъ могилами погибшихъ караванокъ.

«Ваша борьба за художественную форму находится въ связи съ первыми двумя. Для изображенія развитія событій и характеровъ вы прибѣгаете къ новому художественному пріему — къ оглядывающемуся на прошлое, объединяющему, сводящему счеты діалогу. Вы ввели въ драматическое искусство перспективу. Тихій, ровный ходъ репликъ ведетъ насъ отъ момента разыгрывающагося событія въ глубь событій, въ прошлое дѣйствующихъ лицъ. Характеры и событія развертываются передъ нами съ самаго ихъ возникновенія, сокровенными ходами приводятъ насъ къ тому мѣсту, откуда открывается широкій горизонтъ жизни человѣческой. Какую сокровищницу психологическихъ наблюденій и житейской мудрости представляютъ эти діалоги!

«Этотъ мощный міръ образовъ и идей, созданный вами, приковываетъ нашъ умъ и наше воображеніе. Но онъ дается намъ не только для созерцанія. Онъ приводитъ въ движеніе наши душевныя струны, учитъ насъ постигать ходъ судьбы въ насъ и внѣ насъ, пробуждаетъ въ насъ самодѣятельность, силу сопротивленія, стремленіе сбросить съ себя всякій нездоровый гнетъ, и подготовляетъ къ новой сильной схваткѣ съ жизнью.

«Такъ поблагодаримъ же васъ за вашу вѣрную службу. Въ теченіе долгихъ лѣтъ одиночества и труда вы руководились однимъ вопросомъ—чего требуетъ отъ васъ истинное искусство, и, оставаясь вѣрнымъ искусству, вы оставались вѣрнымъ самому себѣ. Мы благодаримъ васъ не только за ваши произведенія, но и за то, что вы, неуклонно держась поставленной вами себѣ цѣли, стали образцомъ для каждаго, кто трудится во имя правды, красоты и свободы въ нашъ вѣкъ, который часто кажется поглощеннымъ совсѣмъ иными задачами. Вамъ удалось довести борьбу до конца и заставить людей отдать должное вниманіе тому, что вы поставили дѣломъ своей жизни, и этотъ вашъ успѣхъ не только вызываетъ въ насъ желаніе поздравить васъ, но и служитъ намъ залогомъ надежды, проблескомъ, обѣщающимъ освѣтить для насъ жизнь. Драма вашей собственной жизни становится чѣмъ дальше, тѣмъ свѣтлѣе, въ противоположность многимъ вашимъ поэтическимъ драмамъ. Пусть же этотъ свѣтлый отблескъ сопровождаетъ васъ, когда дни празднествъ снова смѣнятся для васъ днями труда—наиболѣе дорогими вамъ днями, и пусть выпадетъ вамъ на долю еще много этихъ плодотворныхъ трудовыхъ дней!»

Волненія, сопряженныя съ многочисленными доказательствами громкой популярности Ибсена на Сѣверѣ, со всѣми этими чествова-

піями и празднествами по поводу его семидесятилѣтія, по всей вѣроятности, нѣсколько и выбили маститаго писателя изъ обычной рабочей колеи; во всякомъ случаѣ, слѣдующее — и послѣднее — его произведеніе появилось лишь спустя три года послѣ предыдущаго, вмѣсто обычныхъ двухъ лѣтъ, т.-е. въ концѣ 1899 года, на самомъ рубежѣ новаго вѣка.

Нѣмецкій литературный критикъ и біографъ Ибсена Лотаръ, разбирая «лебединую пѣснь» сѣвернаго скальда: «Когда мы, мертвецы, пробуждаемся», задастъ себѣ вопросы: что хотѣлъ сказать поэтъ, называя это произведеніе «драматическимъ эпилогомъ»? — «Хотѣлъ ли онъ написать заключительное слово къ своимъ общественно-бытовымъ драмамъ, или дать въ одномъ произведеніи итогъ всего своего поэтически-художественнаго творчества, вложить въ это произведеніе, какъ въ свое завѣщаніе, весь итогъ своей житейской мудрости?.. Такъ или иначе, эпилогъ этотъ — мощная симфонія, заключающая въ себѣ всѣ темы, которыя трактовалъ Ибсенъ въ своей литературной дѣятельности. Еще разъ встаютъ всѣ мотивы, изъ которыхъ развивались его драмы, еще разъ обращаетъ пророкъ-поэтъ съ высокой горы свое слово къ человѣчеству, стоящему внизу. Для тѣхъ, кто знакомъ съ предыдущими драмами Ибсена, «драматическій эпилогъ» ни темнъ ни загадоченъ. Разбираясь въ творчествѣ Ибсена,—въ послѣдовательномъ порядкѣ его произведеній,—ясно видишь, какъ постепенно подготовлялась послѣдняя драма. Въ этомъ творчествѣ все болѣе и болѣе твердую форму принимала мысль, что *дѣла, а не мечты, рѣшаютъ все*,—какъ высказываетъ Боркманъ, или что

...Конторки достояньемъ
Поэзія бумажная годна служить,
И лишь поэзія живая можетъ жить,—

какъ наставляетъ Фалька Свангильдъ.

«Художественное творчество Ибсена посвящено прославленію *дѣла*,—дѣла, которое должно служить духовнымъ выраженіемъ всей жизни человѣка, посвященной труду. Ибсенъ былъ всегда горячимъ поклонникомъ жизни, — жизни въ красотѣ, жизни, озаренной солнцемъ, но не бездѣятельной, а жизни дѣла, труда; жизни, полной радостнаго, добровольнаго выполненія долга, жизни свободнаго выбора, совпадающаго съ назначеніемъ человѣка; жизни въ трудѣ, ради блага другихъ, жизни, отстаивающей права отдѣльной личности и тѣмъ содѣйствующей прогрессу человѣчества. Только такую жизнь, полную живой любви, и цѣнитъ Ибсенъ, потому что лишь въ такой жизни открывается человѣку весь безцѣнный, чудесный міръ, и загадки послѣдняго расцвѣтаютъ цвѣтами.

«И въ драмѣ «Когда мы, мертвецы, пробуждаемся» Ибсенъ, какъ всегда, проводитъ свои мысли съ помощью отрицательныхъ примѣ-

ровъ. Скульпторъ Рубекъ встрѣтилъ на своемъ пути чудную женщину Ирену, которая и послужила ему моделью для крупнаго произведенія «День воскресенія». Но, воспользовавшись ею для собственнаго возвеличенія или прославленія, для удовлетворенія своего эгоистическаго стремленія къ славѣ художника, онъ не сумѣлъ увидѣть въ ней живой души, которую она отдавала ему, и совершилъ по отношенію къ ней самый тяжелый, — по Ибсену, — непростительный грѣхъ: убилъ въ ней эту душу живую, способную любить. Цѣною такого грѣха противъ самой драгоцѣнной живой сущности любившей его женщины онъ создалъ мертвое художественное произведеніе. Но грѣхъ этотъ не прошелъ даромъ и для него самого; дѣло живой любви онъ презрѣлъ ради созданія мертваго произведенія искусства и впослѣдствіи исказилъ и самое произведеніе свое, изъ угожденія модянымъ вкусамъ толпы исковеркалъ свою идею. Затѣмъ ему только и оставалось, что лѣпить бюсты-портреты своихъ современниковъ, надъ которыми онъ смѣялся въ душѣ и которымъ, сохраняя внѣшнее сходство, сходно придавалъ внутреннее сходство съ животными: изъ-подъ человѣческой оболочки выглядывали звѣриныя морды. Нетрудно догадаться, что хотѣлъ сказать писатель этими «звѣриными мордами». Это — пародіи на идеалы, это — тѣ карикатуры, которыя Ибсенъ встрѣчалъ въ дѣйствительной жизни, это — искаженія его идей людьми будничной жизни. Это — образное сравненіе, характеризующее ибсеновскую технику; въ каждой изъ его драмъ можно встрѣтить эти звѣриныя морды.

«Вся жизнь Рубека, какъ художника, была сплошная ложь. И вотъ изъ «гроба поваленнаго», которому уподобляетъ Ибсенъ въ своихъ драмахъ жизнь во лжи, встаютъ спавшіе въ немъ живые мертвецы. Ложь — смерть; правда — жизнь».

Изъ предисловія къ переводу пьесы видно, съ какимъ напряженнымъ интересомъ ожидали на Сѣверѣ выхода новой драмы великаго писателя и какъ оживленно ее затѣмъ комментировали. Лотаръ отмѣчаетъ изъ всевозможныхъ кривотолковъ по этому поводу слѣдующіе, наиболѣе характерные:

«Нѣкоторые усматривали въ драмѣ осужденіе художественнаго творчества вообще. Между тѣмъ ничто не могло быть дальше отъ намѣреній автора. Взялъ онъ на этотъ разъ примѣромъ художника-скульптора потому лишь, что образъ этотъ предлагалъ ему хорошій образчикъ эгоизма. Кромѣ того, Рубекъ отнюдь не великій художникъ, — за таковыми Ибсенъ признаётъ право предъявлять людямъ требованія во исполненіе своего призванія, — а человѣкъ компромиссовъ; для такихъ же у Ибсена всегда готово слово осужденія. Трудъ такого человѣка безплоденъ.

«Какъ многіе герои Ибсена, Рубекъ тоже возвращается на родину послѣ долгаго отсутствія. На родинѣ онъ снова встрѣчается съ Ireной, а самое имя Ирена означаетъ — миръ. Итакъ, послѣднее слово, съ ко-

торымъ обратился къ человѣчеству строгій судія, умѣвшій такъ неумолимо ненавидѣть и страстно любить: «Миръ вамъ!». Послѣдній путь его, какъ и первый, — на высоты. И въ послѣдней своей драмѣ онъ выступилъ борцомъ за идеалы не отъ міра сего и съ надеждою на будущее, которое уже брезжитъ, какъ новый день на горизонтѣ, готовый разсѣять всѣ туманы нашего вѣка.

«И эта драма, какъ почти всѣ пьесы Ибсена, имѣла у публики и критики смѣшанный успѣхъ. Время для надлежащей оцѣнки ея тогда еще не настало. На ряду съ отзывами, въ которыхъ обнаруживалось полное пониманіе и восхищеніе, раздавались возгласы недоумѣнія, сужденія самыя отрицательныя. Самъ Толстой назвалъ пьесу сущимъ бредомъ, декадентщиной.

«Теперь едва ли нужно опровергать подобныя сужденія, какъ явныя недоразумѣнія. Германскіе народы знаютъ, что они имѣютъ въ Ибсенѣ. Онъ — поэтъ нашей тоски по новому вѣку, по новымъ людямъ, — людямъ третьяго царства, представителямъ духовнаго благородства, которые въ радости трудового бытія сумѣютъ найти силы для жизни въ красотѣ. Самый безжалостный и неустрашимый реалистъ и самый смѣлый мечтатель, рыцарь идеаловъ грядущаго, вѣчно ищущій истинныхъ путей, выводящихъ изъ тумановъ и тенетъ опутывающей насъ всѣхъ будничной жизни. Эта будничная жизнь — тюрьма, въ которую мы заключены, полная карикатуръ на идеалы. Ибсенъ — сокрушитель идоловъ, искатель истиннаго Бога, вольный поэтъ, который, подобно Фальку, бѣжитъ отъ безжизненной «комнатной» поэзіи, чтобы воплотить свои пѣсни въ жизни, т.-е. служить своимъ искусствомъ живой жизни, участвовать въ общемъ трудѣ, ведущемъ жизнь и человѣчество къ прогрессу. Ибсенъ — «странникъ по высотамъ», простирающій руки къ солнцу, чистыя руки жреца и судіи. Вотъ какимъ онъ сталъ на рубежѣ столѣтія. Все, что прошлое столѣтіе дало въ области мысли, все отразилось въ художественномъ творчествѣ Ибсена. Его анализъ отдѣльной личности является синтезомъ вѣка. Романтизмъ и реализмъ, пессимизмъ и оптимизмъ, соціализмъ и индивидуализмъ — всѣ теченія времени сумѣлъ Ибсенъ заставить служить своимъ цѣлямъ. И въ цѣломъ его трудъ былъ весь посвященъ будущему, которое должно дать людямъ то, что имъ принадлежитъ,—*права личности*».

Въ свою очередь Іегеръ, бросая взглядъ на художественное творчество Ибсена въ цѣломъ, справедливо подчеркиваетъ послѣдовательность его развитія, какъ и развитія самой личности писателя. «Духовное развитіе Ибсена совершалось съ логическою послѣдовательностью, рѣдкою въ поэтѣ. Онъ никогда не сбивался съ своего пути, никогда не дѣлалъ скачковъ, но подвигался ровно и увѣренно шагъ за шагомъ, достигалъ одной высшей ступени за другой въ послѣдовательномъ порядкѣ. Разстояніе, отдѣляющее исходную точку отъ достигнутой ни-

сателемъ въ концѣ концовъ, громадно, и «этапы» на этомъ пути многочисленны. Само собою разумѣется, что Ибсенъ съ годами отказывался отъ многаго, во что вѣрилъ раньше; вѣдь путникъ, совершающій длинный путь по живописной мѣстности, естественно теряетъ изъ виду часть пройденнаго пространства, но зато ему открываются новыя перспективы; самая суть же въ томъ, чтобы точка зрѣнія становилась все выше, видъ становился все свободнѣе, шире. Принципомъ общаго духовнаго развитія Ибсена являлось не только неустанное движеніе впередъ, но и непрерывное восхожденіе ввысь.

«Тотъ же принципъ господствовалъ въ спеціально-поэтическомъ развитіи Ибсена. Его историческія драмы выше его романтическихъ, а современныя общественно-бытовыя и психологическія драмы возвышаются въ художественномъ отношеніи надъ историческими.

«О формѣ этихъ современныхъ драмъ можно написать цѣлый трактатъ, и когда-нибудь онъ будетъ написанъ, такъ какъ въ техническомъ отношеніи Ибсенъ занимаетъ столь же выдающееся мѣсто среди современныхъ писателей, какое занимаетъ и въ духовномъ. Драма Ибсена положила начало новой эпохѣ въ исторіи драматическаго творчества и имѣла огромное вліяніе на драматурговъ новѣйшаго періода. У Ибсена среди нихъ столько послѣдователей и продолжателей, какъ ни у кого другого изъ современныхъ Ибсену европейскихъ драматурговъ.

«Дѣло въ томъ, что драма вообще не сразу оказалась на уровнѣ общаго духовнаго прогресса въ Европѣ. Середина и вторая половина XIX вѣка были эпохою господства романа, удовлетворявшаго крупнымъ запросамъ и требованіямъ времени въ смыслѣ правдивости и естественности. Драма же еще долго не удовлетворяла этимъ требованіямъ. Условности, изгнанныя изъ повѣствовательной литературы, продолжали царить въ драматической. Въ произведеніяхъ Ожье, Александра Дюма-сына, Сарду, словомъ, всѣхъ выдающихся драматурговъ того періода, такъ много условнаго, что Эмиль Зола, представитель натуралистическаго взгляда на искусство, недаромъ строго осудилъ ихъ; но и въ драматическихъ произведеніяхъ самого Зола еще столько условнаго — взять, напримѣръ, «Терезу Ракенъ», — что трудно повѣрить въ тожество этого драматурга съ главою натуралистической школы беллетристовъ.

«Въ ибсеновскихъ современныхъ драмахъ нѣтъ и слѣда тѣхъ условностей; ему удалось найти для драмы новую формулу, отвѣчающую натуралистической формулѣ романа. Оригинальность этой формулы въ томъ, что пьеса начинается не съ того момента, съ котораго началась бы обыкновенная пьеса, но съ того, когда обыкновенная пьеса кончилась бы. Всѣ послѣднія драмы Ибсена въ сущности лишь развязки, катастрофы или крупные трагическіе финалы. Положеніе опредѣлилось до начала пьесы, всѣ рѣшительные моменты позади; пьеса же освѣ-

щаетъ, выясняетъ данное положеніе и исчерпываетъ его до конца во всей послѣдовательности. Напиши «Кукольный домъ» обыкновенный драматургъ, подлогъ Норы занялъ бы центральный и кульминаціонный пунктъ въ пьесѣ, а послѣдствія его были бы представлены въ послѣднемъ актѣ. Для Ибсена, напротивъ, послѣдствія становятся главною темою, а самому подлогу онъ предоставляетъ совершиться до поднятія занавѣса. Обыкновенный драматургъ не далъ бы интригамъ Ребекки Вестъ разыграться внѣ пьесы; онъ показалъ бы намъ весь ихъ ходъ. Ибсенъ довольствуется анализомъ внѣшнихъ и внутреннихъ послѣдствій этихъ интригъ, и т. д.

«Этотъ аналитическій методъ формированія драмы роднитъ драму Ибсена съ аттичной трагедіей, какъ она сформировалась у Софокла; въ девятнадцатомъ вѣкѣ сдѣлалъ попытку воскресить ее Шиллеръ своей драмой «Марія Стюартъ». Великое, образующее эпоху значеніе драматическаго творчества Ибсена въ томъ и заключается, что онъ открылъ способность аналитической драмы давать въ драматической формѣ натуралистическое изображеніе жизни. Обыкновенная драма въ психологическомъ отношеніи рѣдко можетъ дать нѣчто больше очерка, абриса; аналитическая же способна дать цѣлую картину психической жизни, богатую деталями, дать дѣйствующимъ лицамъ возможность открывать самые завѣтные уголки своей души, изгибы своего мышленія, не имѣя нужды прибѣгать для этого къ монологамъ, рѣчамъ въ сторону и тому подобнымъ условностямъ.

«Ибсенъ понялъ это и пользовался этимъ; и вотъ его современныя драмы получили особый отпечатокъ правдоподобности, вѣрности дѣйствительности.

«Въ то же время и діалогъ въ драматическихъ произведеніяхъ Ибсена становился все болѣе и болѣе естественнымъ. Большинство драматическихъ произведеній страдаетъ однимъ недостатковъ, а именно — всѣ дѣйствующія лица говорятъ болѣе или менѣе языкомъ самого автора. У Ибсена, напротивъ, каждое лицо говоритъ своимъ собственнымъ языкомъ, при чемъ своеобразность послѣдняго выдержана до мелочей. Кто хоть разъ читалъ «Врага народа», «Дикую утку» или «Росмерсгольмъ», выдѣлитъ реплики доктора Стокмана, Гины Экдаль или Ульрика Бренделя изъ сотенъ другихъ.

«Какъ отецъ современной аналитической драмы, Ибсенъ и завоевалъ себѣ одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ во всеобщей литературѣ, и оказалъ огромное вліяніе на современную европейскую драматургію. Теперь геній Ибсена и его выдающаяся роль въ общемъ ходѣ міровой культуры признаны наиболѣе интеллигентною частью цивилизованнаго міра и засвидѣтельствованы критикой всѣхъ европейскихъ странъ; но какую борьбу пришлось ему выдержать, пока онъ добился этого признанія! Глубина его мыслей предъявляла большія требованія къ интеллигентности публики, и его находили слишкомъ тяжелымъ и труд-

нымъ для уразумѣнія, часто прямо не понимали его или пугались его строгаго суда, его мрачнаго трагизма. Но онъ спокойно шелъ своимъ путемъ, не гонялся за одобреніемъ большинства. «Ни благодарности ни угрозы не имѣютъ значенія для того, кто всецѣло хочетъ того, чего хочетъ». Онъ вполнѣ разрѣшилъ задачу — быть самимъ собою, и потому представляетъ собою такую могучую, крупную величину».

Общая картина упомянутой Іегеромъ борьбы Ибсена подробно вырисовывается изъ самого очерка жизни и дѣятельности писателя, — особенно же рельефно и сжато дана она въ рѣчи профессора Гёфдинга (см. выше, стр. 731—733), затѣмъ изъ приложенныхъ къ очерку статей норвежскихъ и датскихъ литературныхъ критиковъ, и наконецъ изъ вступительныхъ статей къ переводамъ отдѣльныхъ драматическихъ произведеній Ибсена. Причины недоразумѣній, недоумѣній, превратныхъ толкованій и горячихъ споровъ за и противъ идей и художественныхъ типовъ Ибсена также подробно выясняются литературными критиками и біографами норвежскаго драматурга, труды которыхъ использованы нами при составленіи очерка. Въ добавленіе же къ этому приведемъ здѣсь мнѣніе профессора Дитрихсона, представляющее интересъ въ качествѣ «голоса изъ публики», или голоса обыкновеннаго читателя — правда, весьма интеллигентнаго и къ тому же лично знавшаго Ибсена.

Разсказывая въ своихъ «Воспоминаніяхъ» о томъ, какъ произведенія Ибсена, начиная съ «Кукольнаго дома», дѣлили читающій міръ словно на два враждебныхъ лагеря, Дитрихсонъ находитъ оба эти лагеря неправыми, такъ какъ оба они видѣли центръ тяжести въ правотѣ того или другого изъ выведенныхъ Ибсеномъ дѣйствующихъ лицъ. Одинъ лагерь бралъ при этомъ, напр., всецѣло сторону Норы, другой Гельмера, тогда какъ «у Ибсена, — по словамъ Дитрихсона,—какъ и въ жизни вообще, не былъ безусловно правъ никто: писатель имѣлъ въ виду изобразить, какимъ образомъ создаваемые жизнью конфликты разрѣшаются различными индивидами». Вообще Дитрихсонъ полагаетъ, что произведенія Ибсена возбуждали такую ожесточенную борьбу мнѣній «отчасти потому, что Ибсена, несмотря на проявляемую имъ при обрисовкѣ создаваемыхъ имъ лицъ объективность, всегда страннымъ образомъ заподозрѣвали въ пристрастіи и симпатіяхъ въ томъ или иномъ направленіи, обусловливающемъ поступки дѣйствующихъ лицъ, отчасти же потому, что больше всегда обращали вниманіе на самую тему или на сущность даннаго конфликта, нежели на общее значеніе конфликтовъ въ жизни». Самъ Дитрихсонъ искренно дивится неумѣнію большой публики проводить черту, отдѣляющую автора отъ выводимыхъ имъ персонажей, различать личное мнѣніе автора отъ взглядовъ его героевъ, и, вспоминая проведенную имъ въ своихъ воспоминаніяхъ параллель между Ибсеномъ и Везу-

віемъ *), заключаетъ, что «на Ибсена слѣдуетъ смотрѣть главнымъ образомъ, какъ на могучую силу природы, и поэтому нельзя съ легкимъ сердцемъ возлагать на него отвѣтственность за то впечатлѣніе, которое производятъ создаваемые имъ образы».

Дитрихсонъ также глубоко убѣжденъ въ искренности заявленія Ибсена, что онъ никогда не выдумываетъ рѣчей своихъ героевъ, но прямо какъ бы слышитъ, что они говорятъ, и записываетъ ихъ рѣчи. «Лица эти вѣдь зародились и создались, сформировались въ нѣдрахъ его творческой души прежде, чѣмъ начали говорить,—слѣдовательно и должны высказываться въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что представляютъ собою въ смыслѣ личностей. Публика же воспринимаетъ реплики въ пьесахъ Ибсена, какъ результаты размышленій автора, заботящагося скорѣе о томъ, чтобы высказать свои собственныя мнѣнія, нежели взгляды и мысли дѣйствующихъ лицъ, которыя такимъ образомъ и являются скорѣе фонографами, чѣмъ живыми людьми. Такая повадка свойственна многимъ quasi-поэтамъ, но Ибсенъ вообще не былъ въ этомъ грѣшенъ. Онъ только разъ пустилъ въ ходъ фонографъ—доктора Стокмана».

Центръ тяжести творчества Ибсена Дитрихсонъ видитъ «въ томъ, что сильно перевѣшиваетъ возможныя симпатіи писателя въ любомъ направленіи, а именно—въ драматической ироніи, сатирическомъ элементѣ, который выдѣляется изъ глубины творческой личности писателя и опредѣляетъ отношенія созданныхъ имъ лицъ къ задачамъ жизни. Большая же публика такъ плохо понимаетъ это главнымъ образомъ потому, что, доискиваясь сущности, поступаетъ такъ же, какъ если бы принялась ощипывать съ луковицы листочки одинъ за другимъ, доискиваясь ядра, зерна или сѣмени,— вѣдь вся луковица сама такое ядро, сама въ себѣ обладаетъ вѣчной силой прорастанія. Публику увлекаетъ геніальность произведенія, но она не понимаетъ его цѣльности и пытается найти рѣшеніе проблемъ этихъ драмъ, проблемъ, которыя неразрѣшимы,—не потому, что это не настоящія проблемы, но потому, что проблемы и ихъ разрѣшеніе нераздѣлимы, потому, что и проблемы и ихъ разрѣшеніе безконечны, онѣ — *сама жизнь*. Потому-то о драмахъ Ибсена такъ горячо и спорятъ, какъ будто это подлинныя событія; но, какъ въ жизни нельзя дѣлать Создателя жизни отвѣтственнымъ за моральные проступки отдѣльныхъ людей, — хотя иной разъ и говорятъ про кого-нибудь, что онъ — «исчадіе ада», — такъ нельзя дѣлать отвѣтственнымъ и Ибсена за симпатіи, мнѣнія и дѣйствія созданныхъ имъ лицъ, а этимъ-то неползновеніемъ какъ разъ и грѣшитъ большая публика. Правда, съ одной стороны, ничто не можетъ служить большею похвалой писателю, чѣмъ такое отношеніе, съ другой же—ничто и не представляетъ болѣе обиднаго непониманія. Смѣшиваютъ драматурга съ поэтомъ-лирикомъ и серьезно полагаютъ, что

*) См. выше, стр. 706—707.

писатель, заставляя Макбета и его жену совершать извѣстныя дѣянія, и самъ способенъ сдѣлать то же самое, и взваливаютъ на него отвѣтственность! Вотъ откуда это ожиданіе въ Стокгольмѣ въ 1889 году узрѣть въ авторѣ «Бранда» мрачнаго аскета, вотъ откуда эти люди, надъ которыми Ибсенъ иронизируетъ своимъ Грегерсомъ Верле, — люди, которые расхаживаютъ по бѣлу свѣту маленькими копіями съ Бранда,—въ духѣ христіанина или наоборотъ, — держа въ карманѣ идеальныя требованія, словно Брандъ и вирмъ идеальный типъ. Вотъ откуда эти важничающіе представители молодого поколѣнія, которые сначала «вдохновлялись и парили ввысь» съ помощью лирической поэзіи Бьёрнсона, но не обладали тѣмъ балластомъ, который необходимъ, чтобъ удержаться на мѣстѣ въ серьезной жизненной борьбѣ, и которые сочли возможнымъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій броситься отъ лирики Бьёрнсона къ драматическому творчеству Ибсена и, превративъ неглубокаго, восторженнаго, порывающагося ввысь «сокола» изъ «Комедіи любви» въ свой идеалъ, съ восторгомъ стали распѣвать за нимъ эти великолѣпныя строки:

Быть-можетъ, на мель и наткнется мой челнъ,
Но чудно летѣть—пока можно!..

О такихъ исказителяхъ истинныхъ намѣреній писателя, о живыхъ пародіяхъ на его героевъ говоритъ и статья Веделя, помѣщенная въ приложеніи къ очерку и рисующая постепенное завоеваніе норвежскимъ драматургомъ критики и публики Даніи. Мощная индивидуальность автора, выливавшаяся въ создаваемыхъ имъ образахъ, дѣйствовала на слабые умы гипнотизирующе, и они нынялись изъ всѣхъ силъ, поддѣлываясь подъ самого Ибсена или подъ его героевъ.

Эта же могучая индивидуальность Ибсена проявлялась, какъ правильно отмѣчаетъ Іегеръ, въ его внѣшности. Какъ извѣстно, Ибсенъ былъ небольшого роста, но производилъ весьма внушительное впечатлѣніе. Сложенія Ибсенъ былъ крѣпкаго, и характерная голова вполнѣ отвѣчала всей его коренастой фигурѣ. Лицо обрамляли волнистые волосы и борода, рано посѣдѣвшіе, но сохранившіе свою густоту до самой старости. Плотно сжатыя тонкія губы, пристальный и проницательный взглядъ за очками и густыя брови производили въ общей сложности такое впечатлѣніе, какъ будто все лицо подобралось, сосредоточилось на какомъ-то рѣшеніи; доминировалъ же на этомъ лицѣ лобъ, такихъ могучихъ очертаній, что Іегеру невольно хотѣлось сравнить его съ идеализированнымъ челомъ Зевса Отриколійскаго. Весь обликъ въ цѣломъ производилъ впечатлѣніе могучаго борца. Въ одной изъ бесѣдъ съ Іегеромъ Ибсенъ сравнилъ извѣстнаго датскаго ученаго, богослова, поэта и общественнаго дѣятеля Грундтвига съ невысокимъ, но крѣпкимъ каменнымъ итальянскимъ дубомъ; по мнѣнію Іегера, лучшаго сравненія нельзя было подобрать и въ примѣненіи къ самому

Ибсену. «Никто и никогда не слыхалъ, чтобъ Ибсенъ хворалъ»,—добавляетъ Іегеръ; но въ данномъ случаѣ онъ нѣсколько ошибается, такъ какъ въ одномъ изъ писемъ Ибсена (къ Брандесу, стр. 373) есть прямое указаніе на то, что онъ испытывалъ сладкое ощущеніе выздоровленія, а слѣдовательно испыталъ и болѣе или менѣе серьезную болѣзнь. Во всякомъ случаѣ Іегеръ правъ, говоря, что Ибсенъ вообще казался олицетвореніемъ здоровья; аппетитъ у него и въ старости былъ такой, которому могъ бы позавидовать любой юноша; не боялся онъ также ни сквозниковъ, ни вѣтра, ни мороза, ни дождя. «Весьма вѣроятно,—добавляетъ Іегеръ:—что такимъ завиднымъ здоровьемъ Ибсенъ былъ обязанъ не только природной крѣпости организма, но и поразительной умѣренности и правильности своего образа жизни. Во всемъ, что бы онъ ни дѣлалъ, онъ являлся олицетвореннюю точностью и правильностью. Нескоро встрѣтишь другого знаменитаго человѣка, весь ходъ жизни котораго такъ строго согласовался бы съ ходомъ часовыхъ стрѣлокъ. Свойственныя вообще преклоннымъ годамъ недомоганія и щадили его до самаго послѣдняго времени, не прерывали его великаго дѣла, не угрожали ему тѣмъ, чего онъ больше всего боялся, а именно—«остановить на его устахъ недопѣтый стихъ».

Ибсенъ успѣлъ досказать все, что онъ имѣлъ и хотѣлъ сказать своему вѣку, и вполнѣ сознательно поставилъ своему творчеству точку «драматическимъ эпилогомъ»: «Когда мы, мертвецы, пробуждаемся». Лишь послѣ этой лебединой пѣсни постигъ пѣвца смертельный недугъ — первый сильный апоплексическій ударъ. Могучій организмъ, окруженный вдобавокъ самымъ заботливымъ уходомъ, однако долго противостоялъ недугу. Ибсенъ даже поправился послѣ удара настолько, что выѣзжалъ на прогулки въ городъ или выходилъ съ провожатымъ въ королевскій паркъ, находившійся визави его послѣдняго жилища въ Христіаніи, при чемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда паркъ, за пребываніемъ въ городѣ короля, закрывался для публики, Ибсену предоставлялся особый ключъ для входа. Но вотъ за два года до смерти случилось новое сильное кровоизліяніе въ мозгъ, послѣ чего Ибсенъ уже не переступалъ порога своего дома, принималъ у себя только самыхъ близкихъ друзей и то лишь на короткое время; съ этихъ поръ жизнь его стала медленнымъ угасаніемъ. Въ ночь на 10 (23) мая 1906 г. послѣдовалъ третій ударъ, и больной, не приходя уже больше въ сознаніе, тихо скончался отъ паралича сердца въ $2^1/_2$ часа пополудни того же дня.

Какъ только вѣсть о великой національной утратѣ достигла союза норвежскихъ писателей, члены его поручили своему предсѣдателю возложить роскошный вѣнокъ къ подножію статуи Ибсена, сооруженіемъ которой передъ фасадомъ Національнаго театра земляки знаменитаго писателя почтили его еще при жизни (1 сент. 1899 г.). Весь городъ облекся въ трауръ, всѣ флаги на зданіяхъ и на судахъ въ гавани были

присыпаны, а частью и окутаны чернымъ крепомъ. Накануне погребенія мимо гроба, стоявшаго на парадномъ катафалкѣ въ церкви Троицы, дефилировала многотысячная толпа народа всякаго званія, чтобы проститься съ прахомъ усопшаго. А въ самый день погребенія, 19 мая (1 іюня), въ церковь собралась вся официальная Норвегія съ министрами во главѣ, затѣмъ представители общественной и умственной жизни страны, а также представители дипломатіи, науки, искусства и литературы почти всего цивилизованнаго міра, и наконецъ друзья и родные покойнаго, въ томъ числѣ сынъ его, государственный министръ Сигурдъ Ибсенъ съ женой и двумя малолѣтними дѣтьми, сынъ сестры Ибсена (Гедвиги Стоуеландъ) съ женой и братъ и сестра фру Ибсенъ. Сама престарѣлая супруга писателя, не отходившая отъ него во время его болѣзни, на погребеніи не присутствовала.

Къ прибытію въ половинѣ второго пополудни короля Гокона церковь, богато украшенная зеленью и траурными драпировками, была переполнена, а передъ ней на площади и на прилегающихъ улицахъ толпились тысячи народа. Оркестръ Національнаго театра сыгралъ «Смерть Озе» Грига, и въ публикѣ воцарилась благоговѣйная тишина. Затѣмъ была пропѣта хоромъ студенческаго союза первая половина кантаты Т. Каспари, и на каоедру взошелъ священникъ Кристофферъ Брунъ, которому, согласно высказанному Ибсеномъ въ свое время желанію, была предоставлена честь произнести надгробное слово. Слово это сводилось къ прочувствованному «спасибо усопшему за то, чѣмъ онъ былъ и что далъ, спасибо за тотъ міръ идей, который онъ подарилъ своему дѣлу. Да, я могъ бы сказать спасибо и за тотъ міръ образовъ, которые онъ создалъ. Итакъ, мы всѣ говоримъ ему спасибо за міръ идей—отъ своего лица, отъ лица всей Норвегіи и отъ лица всего міра. Мы же, норвежцы, обязаны ему еще лишнимъ спасибо за то, что онъ далъ Норвегіи возможность стяжать признательное вниманіе всего міра; за то, что намъ дано было внести свою ленту, вѣчную ленту маленькой страны въ духовную жизнь человѣчества. Но мы говоримъ спасибо не за то лишь, что онъ далъ, а и за то, чѣмъ онъ былъ,—мы говоримъ ему спасибо за то, что намъ выпало на долю имѣть въ своей средѣ истинно-великаго человѣка. И малые и великіе члены общества имѣютъ свои грѣхи. Но за несовершенствомъ, ошибками и грѣхами мы видимъ великія задачи, божественную основу для строенія человѣческой души, и намъ легче увидать это у великихъ, нежели у малыхъ изъ насъ. Мы ясно видимъ тогда задатки безсмертія и безконечности и чувствуемъ безконечную отвѣтственность бытія человѣческаго».

Послѣ краткой благодарственной молитвы Тому, Кто послалъ Норвегіи великаго поэта, ораторъ помянулъ теплымъ словомъ «ту женщину, которая всю жизнь была его вѣрной спутницей, полной любви и глубокаго пониманія, спутницей въ свѣтлые дни счастья и любви и ангеломъ-хранителемъ въ тяжелые дни испытаній и смертельнаго не-

дуга. Она ходила за нимъ съ преданностью и самозабвеніемъ, которымъ трудно найти равный примѣръ. Мы, любящіе и почитающіе Генрика Ибсена, хорошо сдѣлаемъ, если мысленно пошлемъ наше почтительное спасибо и ей».

По произнесеніи оратомъ «Отче нашъ» и послѣдняго благословенія, тотъ же хоръ пропѣлъ вторую половину кантаты, и началось возложеніе на гробъ вѣнковъ, сопровождаемое краткими рѣчами возлагавшихъ. Длинный рядъ ихъ открылъ министръ Михельсенъ, сказавшій: «Съ признательностью возлагаю отъ имени норвежскаго правительства этотъ вѣнокъ на гробъ Генрика Ибсена»; вторымъ былъ президентъ стортинга Торпе, который произнесъ: «Въ качествѣ представителя норвежскаго народа, норвежскій стортингъ возлагаетъ этотъ вѣнокъ на смертное ложе Генрика Ибсена съ глубокою сердечною благодарностью за все, чѣмъ онъ подарилъ нашъ народъ и нашу страну». Отъ имени норвежскихъ писателей возложилъ вѣнокъ Гуннаръ Гейбергъ, отъ имени шведскихъ—Густавъ Гейерстамъ. Были вѣнки и отъ германскаго рейхсканцлера Бюлова, и отъ города Мюнхена, и отъ маленькаго уголка Тироля Госсенсаса, и отъ родного писателю города Скіена, и отъ театровъ—норвежскихъ, датскихъ, шведскихъ и французскаго L'Oeuvre, и отъ музыкальнаго міра, и отъ художниковъ, и отъ студентовъ, и пр. и пр. Когда всѣ вѣнки были возложены, гробъ подняли и понесли на рукахъ до погребальной колесницы восемь артистовъ Національнаго театра и театра Фальстрёма. Процессія тронулась подъ звуки траурнаго марша Ольсена, сопровождаемая тысячною толпою, надъ которою развѣвались значки и флаги разныхъ корпорацій.

Схоронили Ибсена на христіанійскомъ кладбищѣ Спасителя. Послѣ того, какъ родные, друзья и другіе избранные изъ присутствовавшихъ бросили въ могилу по горсти земли, военный оркестръ заигралъ полный настроенія траурный маршъ Грига, подъ звуки котораго мимо могилы продефилировали всѣ носители значковъ и флаговъ, преклоняя послѣдніе передъ быстро выраставшимъ могильнымъ холмомъ въ знакъ отданія послѣдней почести родному писателю. Затѣмъ самый холмъ вскорѣ потонулъ подъ грудой цвѣтовъ и вѣнковъ.

Всѣ скандинавскіе газеты и журналы въ недѣлю смерти и погребенія Ибсена были полны посвященными ему некрологами, статьями и стихами, а датскій «Соціалъ-Демократъ» кромѣ того отмѣтилъ печальное событіе собственными стихами покойнаго писателя: «Пережившимъ»:

Громко всѣ теперь поютъ хвалу герою,
Но побѣду вырвать долженъ былъ онъ съ бою.
Яркимъ свѣточемъ онъ былъ странѣ родимой,—
Вы зажгли подъ нимъ костеръ неугасимый.
Васъ мечомъ владѣть училъ онъ, сталью гибкой,—
Вы его кололи съ злобною улыбкой.

Злыя силы вѣка онъ разилъ нещадно,—
Смѣльчака паденья ждали вы злорадно.
Умеръ онъ; побѣды яркою звѣздою
Овладѣли вы, кичливою толпою.
Пусть; лишь не гасите свѣтъ ея желанный,—
Съ миромъ да почіетъ терніемъ вѣнчанный!

Та же газета, характеризуя писательскую личность и дѣятельность Ибсена, высказала: «Ибсенъ отнюдь не апостолъ и не народный трибунъ, какъ его литературный собратъ Бьёрнстьерне Бьёрнсонъ. Онъ былъ натурой замкнутою, размышляющею и анализирующею; его творенія брали не широтою, но глубиною; онъ былъ, какъ самъ себя обрисовалъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, *рудокопомъ* *), который своимъ тяжелымъ молотомъ пробиваетъ себѣ путь вглубь,— въ самыя нѣдра жизни и души человѣческой. Въ другомъ стихотвореніи онъ называетъ себя страдающимъ свѣтобоязнью, говоритъ, что дневные духи зла и шумъ жизни для него страшнѣе ночныхъ призраковъ, и кончаетъ слѣдующими строками:

Я грудью разсѣкаю
Туманъ, орломъ паря;
Но крылья опускаю,
Едва блеснетъ заря.
Такъ если подвигъ мною
И будетъ совершенъ,
Навѣрно, тьмой ночною
Навѣянъ будетъ онъ.

«Всѣ пьесы Ибсена и были въ извѣстномъ смыслѣ такими порожденіями ночного мрака, зачатыя и разработанныя подъ покровомъ глубочайшей тайны и всегда повергавшія читающій міръ какъ бы въ испугъ—отчасти своею пронизывающею, ледянящею жутью, отчасти таившеюся въ нихъ необузданной силою взрыва. Онѣ приковывали и увлекали публику широкихъ слоевъ цивилизованнаго міра своею кажущеюся таинственностью, загадочностью. Въ дѣйствительности этотъ оттѣнокъ придавало имъ то, что писатель, несмотря на свою замкнутость, личную недоступность, молчаливость и обособленность, находился въ самой тѣсной, живой связи съ еще полускрытыми или подавленными идеями, которыя вырабатывались въ глубинахъ современнаго общественнаго сознанія и которымъ предназначено было пересоздать міръ. Но мѣрѣ того, какъ это пересозданіе совершается, по мѣрѣ

*) На надгробномъ памятникѣ Ибсена, обелискѣ изъ лабрадора, и высѣчено—вмѣсто всякихъ надписей—орудіе рудокопа, горный молотокъ. На могильной же плитѣ, тоже изъ лабрадора, всего два слова: Генрикъ Ибсенъ.

того, какъ идеи эти овладѣваютъ общимъ сознаніемъ, исчезаетъ изъ произведеній Ибсена и элементъ таинственности, загадочности. Да онъ въ значительной степени уже и исчезъ, и многое въ произведеніяхъ Ибсена, что когда-то возбуждало недоумѣніе, удивленіе, досаду и отпоръ, кажется теперь простымъ и яснымъ, почти само самою разумѣемымъ. Жизненная сила драматическихъ произведеній Ибсена обусловливается въ сущности не идеями, которыя старятся, но силою и выпуклостью, съ какой обрисованы въ нихъ люди, и глубиною психическаго анализа. Но и самыя идеи живутъ, пока путемъ борьбы не осуществятся, не станутъ всецѣло достояніемъ даннаго времени. Громовыя рѣчи доктора Стокмана продолжаютъ дѣйствовать, какъ очищающій воздухъ ураганъ, въ обществѣ, гдѣ чернь—въ смыслѣ духовнаго развитія—пробирается и кишитъ на вершинахъ. И мечта Росмера—облагородить людей, создать изъ нихъ свободныхъ и радостныхъ аристократовъ духа, все еще остается далекою, свѣтлою мечтою; все еще звучатъ, какъ далекая, чуть слышная музыка, слова Росмера: «О, какъ радостно будетъ тогда жить! Никакой вражды, ожесточенной борьбы. Только благородное соревнованіе. Всѣ взоры направлены на одну цѣль. Воля всѣхъ, умы всѣхъ устремлены впередъ... ввысь... Каждый идетъ своимъ естественнымъ, непреложнымъ путемъ. Счастье для всѣхъ — создаваемое всѣми». Въ этомъ и заключалась вѣра самого Ибсена, его лучшая мечта о «третьемъ царствѣ»,—какъ это выражено въ «Кесарѣ и Галилеянинѣ»,—или о «новомъ вѣкѣ», когда всѣ противорѣчія сольются въ общей гармоніи. Но, сравнивая эту мечту съ тою дѣйствительностью, которая представлялась его взорамъ, онъ впадалъ въ уныніе и вкладывалъ въ уста строителю Сольнесу: «Ничего я въ сущности не создалъ». И вся его художественно-творческая дѣятельность казалась ему въ такія минуты ненужною, лишнею, какъ скульптору Рубеку въ «драматическомъ эпилогѣ», онъ вѣдь только *писалъ, а не жилъ*. Да, самъ онъ могъ страдать отъ этой мысли, отъ сознанія своего безсилія въ жизни, но все же своимъ творчествомъ онъ сильнѣе врѣзался въ жизнь нашего вѣка, нежели кто другой, владѣвшій, какъ и онъ, только силою слова».

Въ статьѣ Науля Левина въ одной изъ самыхъ крупныхъ копенгагенскихъ газетъ, «Politiken», особенно удачно было выражено настроеніе, которое должно было охватить въ тѣ дни многихъ серьезныхъ читателей и почитателей Ибсена изъ его современниковъ на Сѣверѣ.

«Первое впечатлѣніе отъ вѣсти о смерти Ибсена было таково: ну что же,—больной, сраженный ударомъ человѣкъ наконецъ освободился отъ бремени жизни. Самое событіе казалось такимъ далекимъ и не имѣющимъ особаго значенія. Мы вѣдь не такъ часто и не такъ близко видѣли Ибсена, чтобы его обликъ жилъ въ насъ; да и тотъ, кто имѣлъ случай говорить съ нимъ, какъ-то не выносилъ того впечатлѣнія, что стоялъ лицомъ къ лицу съ настоящимъ Генрикомъ Ибсеномъ. И по-

тому мы могли сказать себѣ: Ибсенъ умеръ, и для него счастье, что онъ умеръ.

«Но скоро настроеніе перемѣнилось. Предъ мысленнымъ взоромъ понемногу выросъ какой-то другой Ибсенъ. Не больной человѣкъ и не вѣжливый гость, но настоящій Ибсенъ: тотъ, у котораго не было собственно никакого облика, но чей образъ создался изъ впечатлѣній многихъ лѣтъ, изъ глубоко врѣзавшихся въ душу впечатлѣній отъ его творчества; при этомъ ожило и ощущеніе того волненія, какое вызывала, бывало, каждая новая его книга, обновилось и то сіяніе, которымъ озарены были его слова. И съ какимъ-то особымъ захватывающимъ чувствомъ вспомнилось, что человѣкъ этотъ былъ нашимъ современникомъ, что мы сами принадлежали тому вѣку, къ которому прежде всего была обращена его рѣчь. И вотъ, когда мы вспомнили все это и сознали все значеніе того, что были современниками Ибсена,— смерть его глубоко отозвалась въ нашей душѣ. И стало ясно, что въ ту минуту, когда имя Ибсена присоединилось къ именамъ перешедшихъ въ вѣчность безсмертныхъ геніевъ,—всѣ, говорившіе на языкѣ Ибсена и образовавшіе ближайшій кругъ его читателей, понесли болѣзненную утрату; надъ Сѣверомъ какъ будто погасла въ ту минуту яркая звѣзда!»

Дальше авторъ статьи справедливо высказываетъ, что сколько бы теперь ни раздавалось надъ свѣжей могилой Ибсена рѣчей и сужденій о немъ,—послѣдняго, окончательнаго слова не произнесено, да пока и не можетъ еще быть произнесено, такъ что современникамъ Ибсена не слѣдуетъ и торопиться высказываться или подводить итоги. «Чѣмъ больше, или, вѣрнѣе, чѣмъ серьезнѣе думаешь объ этомъ, тѣмъ сильнѣе чувствуешь, что былъ современникомъ Ибсена. Думая о твореніяхъ Ибсена, какъ будто пробѣгаешь взглядомъ ряды прожитыхъ лѣтъ, и приходится вернуться къ самымъ юнымъ годамъ, чтобы найти первоначальнаго Ибсена. Найдя же его, необходимо мысленно вновь пройти вмѣстѣ съ нимъ весь его путь. Мы должны снова перечитать произведенія Ибсена, внося въ это чтеніе весь опытъ протекшихъ годовъ, должны присоединить къ первымъ нашимъ впечатлѣніямъ то пониманіе, которое обрѣли въ жизненныхъ перипетіяхъ, должны хорошенько прочувствовать Ибсена, какъ живое, святое броженіе мысли, какъ великую освобождающую силу, какъ поэта, который становится все выше, чѣмъ ближе къ нему подходишь. И тогда только поймешь, какъ слѣдуетъ, все значеніе того, что Ибсенъ умеръ: умеръ самый свободный человѣкъ на Сѣверѣ,—человѣкъ, который на все дерзалъ, потому что хотѣлъ всѣхъ и каждаго вырвать изъ тины традицій, ходячихъ фразъ, эгоизма и самообмана, чтобы поставить лицомъ къ лицу съ истинною задачею, которую каждый носитъ въ самомъ себѣ. Чувствуешь, что Ибсенъ умеръ, и чудится, что идеалъ скорбно-молчаливо поникъ надъ его смертнымъ ложемъ, а вѣкъ шумно стремится дальше, даже не по-

дозрѣвая, чего лишился, — вѣкъ, который такъ нуждается въ Ибсенѣ, чтобы ложныя величины могли быть сброшены съ пьедесталовъ, чтобы стремящіяся впередъ массы могли научиться побѣждать, чтобы въ души новыхъ поколѣній могли быть заброшены сѣмена пытливой мысли.

«Но когда начнешь чисто-физически ощущать боль, причиненную смертью Ибсена, слѣдуетъ вспомнить о протекшей жизни его. Жизнь Ибсена, или все, что намъ слѣдуетъ знать о ней, заключена въ недавно вышедшемъ собраніи его писемъ. Что же они разсказываютъ? Нѣчто весьма обыкновенное объ осторожномъ, умномъ и сдержанномъ человѣкѣ и нѣчто возвышенное, незабвенное о писателѣ, который всю жизнь отдалъ своему искусству и не умѣлъ цѣнить ни своего ни чужого труда, если этотъ трудъ не выражалъ собою безусловнаго стремленія къ идеалу, къ истинѣ. Въ этихъ письмахъ навсегда останется жить бѣдный, измученный борьбою молодой поэтъ, бросившій родину, которая его угнетала, бросившій отечество, которое заставляло его голодать и насмѣхалось надъ его борьбой, бѣжавшій оттуда затѣмъ, чтобы сильно и цѣльно проникнуться задачами мирового прогресса, какъ чѣмъ-то близкимъ ему лично, и чтобы, твердо вѣря въ свое дѣло, преодолѣть все, что связываетъ по рукамъ и ногамъ въ жизни насъ, другихъ. Читая письмо Ибсена родными, написанное — послѣ долголѣтняго молчанія — по поводу смерти его отца и содержащее выраженіе благодарности за все то, что эти родные сдѣлали для старика и чѣмъ существенно облегчили самому Ибсену возможность отдаться осуществленію своихъ особыхъ задачъ, читая затѣмъ въ томъ же письмѣ о боязни Ибсена быть принужденнымъ жить и работать въ Норвегіи, гдѣ ему недоставало бы «соприкосновенія съ теченіями міровой жизни», «духовной свободы» и «широкаго взгляда на вещи» *),—читая эти съ виду спокойныя строки, читаешь волнующую повѣсть о вѣчной борьбѣ генія и о безконечныхъ требованіяхъ, которыя ставитъ искусство своимъ жрецамъ.

«Ибсенъ жилъ ради насъ, и потому его смерть для насъ личное горе. Поэтому въ данную минуту и нечего подбирать остроумныя сравненія, уподоблять Ибсена такимъ-то и такимъ писателемъ,—онъ былъ единственнымъ; излишній трудъ и жонглировать произведеніями Ибсена надъ его гробомъ,—довольно уже продѣлывалось этихъ фокусовъ при его жизни. Но чѣмъ сильнѣе чувствуемъ мы значеніе дѣла Ибсена, чѣмъ сильнѣе свобода, истина и чувство отвѣтственности вливаются изъ его произведеній, какъ три могучихъ потока, въ наши души, тѣмъ сильнѣе наша обязанность всмотрѣться въ свой вѣкъ, чтобы увидать—сколько же мы, живши одновременно съ Ибсеномъ, научились отъ него. Мы столько научились, что, если бы сегодня родился

*) См. стр. 443.

новый Генрикъ Ибсенъ, ему пришлось бы выдержать точь въ точь ту же борьбу! Ураганомъ промчались надъ головою вѣка «Брандъ», «Кукольный домъ» и «Привидѣнія», а когда ураганъ пронесся, наши фогты, Гельмеры и камергеры Альвинги снова подняли головы и продолжали жить себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Мы пережили и измѣну идеаламъ, и оплеваніе прежнихъ точекъ зрѣнія, и подчиненіе лжи, и недостатокъ чувства отвѣтственности передъ будущимъ,— какъ будто Ибсенъ никогда и не писалъ своихъ пьесъ, даже такихъ, какъ «Столпы общества» и «Союзъ молодежи», которыя однако не предъявляютъ чрезмѣрныхъ требованій для того, чтобы быть понятыми.

«Но неужели же Ибсенъ жилъ напрасно? Неужели же слова его мертвы потому, что прогрессъ вѣка совершается медленнѣе, нежели развитіе отдѣльныхъ людей? Нѣтъ, его рѣчь жива, будетъ жить, пока не явятся новые умы, чтобы схватить ее и пересадить изъ нея то или другое сѣмя въ жизнь. Съ каждымъ разомъ, какъ геній ставитъ передъ людьми идеалъ, имъ все труднѣе уклониться отъ него. Ибсенъ вознесся къ безсмертію, а его вѣкъ, хоть спотыкаясь, ощупью, медленно, но бредетъ впередъ по слѣдамъ мощнаго піонера».

Въ той же газетѣ «Politiken» помѣщено было интервью съ знаменитымъ землякомъ и литературнымъ собратомъ Ибсена, Бьёрнстьерне Бьёрнсономъ. Послѣдній, лѣчившійся въ то время въ Копенгагенѣ, впервые изъ устъ своего интервьюера услыхалъ скорбную вѣсть о кончинѣ Ибсена. Бьёрнсонъ посидѣлъ съ минуту молча, а затѣмъ проговорилъ:

«— Итакъ, свершилось. Бѣдняга настрадался. Въ послѣднее время даже говорить не могъ. И самъ одного только и желалъ—умереть. Тянулось это, кажется, лѣтъ пять въ общемъ. Когда прибылъ король Гоконъ, Ибсенъ былъ уже такъ слабъ, что боялись, какъ бы онъ не умеръ какъ разъ въ то время. Это его домашній докторъ Буль совершилъ чудо. Онъ пользовалъ Ибсена іодистымъ каліемъ — средствомъ, открытымъ французами противъ склероза.

«— Когда вы въ послѣдній разъ видѣлись съ Ибсеномъ?—задалъ вопросъ интервьюеръ.

«— Когда я получилъ нобелевскую премію. Я всегда заходилъ къ Ибсену, когда у меня случалось что-нибудь особенное. Онъ долго сидѣлъ молча, держа мою руку въ своихъ, и наконецъ съ трудомъ проленталъ нѣсколько сердечныхъ словъ.

«— А если бы я попросилъ васъ вкратцѣ высказать ваше мнѣніе о творчествѣ Ибсена?

«Бьёрнсонъ краснвымъ движеніемъ своихъ красивыхъ бѣлыхъ рукъ какъ бы отстранилъ отъ себя эту просьбу и сказалъ:

«— О, теперь столько напишутъ и наговорятъ о немъ по всему свѣту всѣ знаменитости. Я же въ сущности могу повторить лишь то, что однажды высказалъ въ публичной лекціи: произведенія Ибсена

подобны маякамъ; они указываютъ человѣку, куда *не* слѣдуетъ плыть, и они—первое, что̀ видишь, приближаясь къ Норвегіи. Я думаю, что это довольно вѣрно.

«— А какое изъ произведеній Ибсена имѣетъ по-вашему наибольшее значеніе?

«Бьёрнсонъ, не задумываясь, отвѣтилъ:

«— «Привидѣнія». Въ этой пьесѣ онъ развернулъ свое творческое дарованіе всего шире и разработалъ свою тему всего глубже. Не знаю, могу ли я сказать о немъ, что онъ величайшій писатель нашего времени въ смыслѣ художественно-творческаго дарованія. Но зато онъ—величайшій мастеръ въ смыслѣ построенія своихъ пьесъ. Возьмите «Дикую утку». Тамъ ни одной лишней реплики, каждое слово имѣетъ свою цѣль. Настоящее чудо искусства. Впрочемъ, онъ и обрабатывалъ каждую пьесу по два года и ничѣмъ больше ужъ не занимался въ это время. Вотъ это художественное превосходство пьесъ Ибсена и дѣлаетъ ихъ безсмертными».

Содержаніе множества другихъ статей, посвященныхъ скандинавской прессой памяти скончавшагося писателя, можно—включая сюда и коротенькую статью Георга Брандеса въ «Politiken»—вкратцѣ разюмировать такъ (при чемъ это резюме явится и резюме всѣхъ вообще серьезныхъ критическихъ сужденій объ Ибсенѣ):

Ибсенъ—носитель одного изъ величайшихъ именъ въ литературѣ трехъ сѣверныхъ странъ, а художественное творчество Ибсена—одно изъ высшихъ проявленій духовной жизни скандинавскихъ народовъ въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій; вмѣстѣ съ тѣмъ это творчество составляетъ какъ бы главу изъ жизни всего современнаго Ибсену вѣка, почему и смерть Ибсена явилась событіемъ мірового значенія. Идеи Ибсена частью уже вошли въ плоть и кровь вѣка, частью еще ждутъ своей очереди, а самъ Ибсенъ навсегда будетъ причисленъ къ тѣмъ міровымъ геніямъ, которые наиболѣе ярко и полно выразили собою духовную сущность своей эпохи, отражая своимъ творчествомъ всѣ важнѣйшія ея теченія и въ свою очередь оказывая на нихъ могучее вліяніе.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРІАЛЫ.

Изъ юбилейнаго литературнаго сборника, посвященнаго Ибсену и поднесеннаго ему въ день 70-й годовщины его рожденія.

Въ сборникѣ этомъ, какъ въ фокусѣ, отразилось отношеніе современной культурной Скандинавіи къ наиболѣе крупному изъ современныхъ ея писателей; самый сборникъ представляетъ сводъ мнѣній объ Ибсенѣ наиболѣе выдающихся изъ современныхъ ему представителей духовной жизни Сѣвера. Не имѣя возможности познакомить здѣсь русскихъ читателей съ содержаніемъ всего сборника, мы остановились на двухъ первыхъ, посвященіяхъ Ибсену—шведскаго короля Оскара и шведскаго поэта Левертина—и на нѣкоторыхъ наиболѣе характерныхъ статьяхъ сборника, которыя и приводимъ въ переводѣ отчасти полностью, отчасти въ сокращенномъ видѣ (воспоминанія Ли и статья Веделя).

Въ очеркѣ жизни и литературной дѣятельности Ибсена и въ предисловіяхъ къ переводамъ отдѣльныхъ его произведеній мы удѣлили особенно много мѣста взглядамъ и толкованіямъ одного изъ крупнѣйшихъ представителей скандинавской литературной критики старой школы, Генрика Іегера; одна же изъ помѣщаемыхъ здѣсь статей, заимствованныхъ изъ сборника, познакомитъ русскихъ читателей со взглядами представителя новой школы, Н. Кьера. Авторы двухъ другихъ статей: Георгъ Брандесъ и Вальдемаръ Ведель занимаютъ въ датской литературной критикѣ такое же выдающееся мѣсто, какъ два вышеупомянутыхъ критика въ норвежской. Статья Брандеса, впрочемъ, представляетъ интересъ болѣе въ смыслѣ обрисовки личнаго отношенія критика къ писателю, тогда какъ статья Веделя въ яркихъ, живыхъ чертахъ обрисовываетъ отношеніе къ великому норвежскому писателю родственной ему датской націи. Для русскихъ читателей послѣдняя статья, пожалуй, представитъ двойной интересъ, давая своимъ объясненіемъ причинъ неправильнаго пониманія и толкованія произведеній Ибсена въ Даніи матеріалъ для сопоставленій и параллелей, которыя могутъ способствовать установленію и у насъ болѣе вѣрныхъ взглядовъ не только на то или другое произведеніе

Ибсена, но и на все поэтическое его творчество. Если ужъ въ родственномъ писателю по крови и культурѣ народѣ, пользующемся къ тому же общимъ съ норвежцами государственнымъ и литературнымъ языкомъ, творчество Ибсена вызывало столько недоразумѣній, встрѣчало столько всякаго рода камней преткновенія для вѣрнаго пониманія и усвоенія, то, конечно, тѣмъ болѣе въ Россіи, гдѣ лишними препятствіями для такого пониманія и усвоенія служили: крайне малая распространенность знанія языка, на которомъ писалъ Ибсенъ, и слѣдовательно недоступность оригинала, и малое вообще знакомство съ жизнью и литературой скандинавскихъ странъ. Нельзя вполнѣ понять и оцѣнить писателя безъ знанія условій общественнаго быта и умственной жизни, которыя создали или опредѣлили его авторское «я». Исходя изъ этого положенія, мы и поставили себѣ цѣлью дать въ предпринятомъ изданіи, кромѣ возможно соотвѣтствующаго оригиналу перевода съ подлинника самыхъ произведеній Ибсена, возможно богатый критико-біографическій матеріалъ, исторію жизни и литературной дѣятельности Ибсена, составленную главнымъ образомъ по трудамъ скандинавскихъ и частью по трудамъ наиболѣе близкихъ ему по духу и хорошо знающихъ скандинавскую жизнь и литературу германскихъ критиковъ и біографовъ. Извлеченія изъ сборника послужатъ дополненіемъ къ этому матеріалу, — дополненіемъ, въ которомъ особую цѣнность представляетъ, какъ сказано, статья датскаго критика Веделя.

Для всѣхъ, кто интересуется духовною жизнью своей страны, отраженіе въ этой жизни творчества великихъ иностранныхъ писателей всегда представляетъ особый интересъ, и надо надѣяться, что статья Веделя дастъ толчокъ заняться и у насъ обстоятельнымъ изслѣдованіемъ постепеннаго завоеванія Ибсеномъ вниманія русскаго общества и отраженія этого завоеванія въ русской литературѣ.

Генрику Ибсену.

Богато одаренные духовно люди не только являются украшеніемъ своего народа, но и передовыми поборниками прогресса, піонерами по разработкѣ благородныхъ началъ, глубоко заложенныхъ Провидѣніемъ въ человѣческомъ сердцѣ. И хотя не сразу все великое и прекрасное, ими проявляемое, можетъ быть во всей своей полнотѣ схвачено и оцѣнено всѣми и каждымъ, все-таки они сѣютъ доброе сѣмя не напрасно. Будущее узритъ его ростки и благодатные плоды.

Вотъ что составляетъ награду и прочную славу богато одаренныхъ духовно, великихъ людей.

Оскаръ.

Да будетъ дано Генрику Ибсену еще долго жить и трудиться среди насъ. Ибо, когда пробьетъ часъ и отымется у насъ надежда услышать впредь его голосъ—насъ охватитъ чувство, похожее на то, съ какимъ въ жуткомъ снѣ ожидаешь удара полночнаго колокола. И съ возрастающею растерянностью и страхомъ передъ окутывающей насъ черной пустотой мы будемъ ждать и ждать напрасно. Этотъ колоколъ—призывъ къ пробужденію и суду—не будетъ больше раздаваться надъ Сѣверомъ. И насъ охватитъ такое чувство, какъ будто у мрака отнятъ тотъ языкъ изъ металла, который одинъ могъ воспѣть суть этого мрака; какъ будто ночь утратила свой мощный голосъ, заставлявшій насъ встрепенуться, заглянуть себѣ въ душу и устремиться къ правдѣ.

О. Левертинъ.

Личная точка зрѣнія.

(Георга Брандеса).

Я не буду говорить о трудахъ Ибсена; я уже много разъ говорилъ о нихъ. Я хочу попытаться отвѣтить себѣ самому на вопросъ—почему Ибсенъ, какъ духовная величина, занимаетъ такое выдающееся мѣсто въ кругу моихъ представленій? Чѣмъ я ему обязанъ? Какія такія особенныя отношенія существуютъ между нами?

Въ первую минуту мнѣ представляется, что это *особенное* заключается вотъ въ чемъ. Есть три группы представителей ума и духа человѣческаго, съ которыми каждый, кто самъ чѣмъ-нибудь проявилъ себя въ области мысли, находится въ извѣстной связи. Во-первыхъ, тѣ, которые въ моментъ его перваго выступленія въ этой области представляли собою уже вполнѣ развившіяся и признанныя величины, законченныхъ мастеровъ, и оказывали на него развивающее, поучительное вліяніе. Затѣмъ тѣ, которыхъ въ широкомъ смыслѣ можно назвать его современниками, развитіе которыхъ совершается у него на глазахъ, вслѣдствіе чего между ними возникаетъ иногда извѣстное взаимодѣйствіе, взаимовліяніе. И наконецъ современники въ болѣе узкомъ смыслѣ, т.-е. болѣе молодые въ сравненіи съ нимъ писатели, на которыхъ онъ, какъ болѣе зрѣлый или во всякомъ случаѣ старшій и болѣе опытный умъ, въ свою очередь оказываетъ вліяніе, но которые уже не вліяютъ на него.

Къ первой группѣ я отношу, изъ тѣхъ, кого я зналъ лично, Андерсена и Паллудана Мюллера; къ послѣдней—всѣхъ молодыхъ современныхъ писателей скандинавскихъ странъ. На какомъ же основаніи мнѣ, когда я подумаю о средней группѣ, Ибсенъ кажется почти единственнымъ писателемъ, развитія котораго я былъ до такой степени современникомъ, что оно врѣзалось въ мое сознаніе огненной ли-

ніей? Онъ вѣдь далеко не единственный, за чьей дѣятельностью я слѣдилъ съ живымъ интересомъ. Въ одной Франціи найдутся и драматурги, какъ Дюма и Ожье, мыслители, какъ Тэнъ и Ренанъ, романисты, какъ Зола и Доде, произведенія которыхъ частью или полностью вышли на моей памяти. Сильное впечатлѣніе воспринялъ я и отъ такихъ людей, какъ Стюартъ Милль, Дарвинъ и Свинбёрнъ въ Англіи, Пауль Гейзе и Фридрихъ Ницше въ Германіи, Брёкнеръ и Юлій Ланге въ Даніи.

Юлію Ланге я въ теченіе немногихъ важныхъ для меня лѣтъ былъ, пожалуй, обязанъ больше, чѣмъ кому другому; но его труды никогда не захватывали меня и не образовали въ моемъ представленіи ясной, опредѣленной линіи. Тэнъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ основательно поучалъ меня; Гейзе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ радовалъ и поучалъ меня; Ницше, какъ метеоръ, сверкнувъ на моемъ духовномъ горизонтѣ, блеснулъ и погасъ; Свинбёрнъ померкъ скоро, и т. д. Ни одинъ изъ нихъ не занялъ въ моей внутренней духовной жизни такого мѣста, какъ Ибсенъ.

Я былъ свидѣтелемъ того, какъ онъ *создавался*, — вотъ въ чемъ дѣло *). Юлій Ланге говоритъ гдѣ-то въ своихъ сочиненіяхъ, что во время его перваго пребыванія въ Римѣ одна изъ картинъ Карла Блока, надъ которой художникъ тогда еще только работалъ, стала ему (Ланге) дороже всѣхъ неподражаемыхъ шедевровъ былыхъ временъ. Но я вѣдь видѣлъ, какъ создавались и многіе другіе. Должно-быть, Ибсенъ говорилъ, если не вполнѣ, то почти-что родственнымъ мнѣ языкомъ, потому и сталъ ко мнѣ съ моими внутренними, безсознательными стремленіями и запросами ближе, чѣмъ люди, писавшіе на чужихъ языкахъ. Но, должно-быть, все-таки тутъ было и нѣчто большее, такъ какъ я вѣдь пережилъ и прослѣдилъ, отчасти съ большимъ интересомъ, также развитіе Б. Бьёрнсона. Но онъ захватилъ меня сравнительно лишь на короткое время, тогда какъ Ибсенъ надолго. Я и не испытываю по отношенію къ Бьёрнсону того чувства, что я лично чѣмъ-нибудь обязанъ ему въ духовномъ смыслѣ, какъ обязанъ Ибсену. Быть-можетъ, это потому, что Бьёрнсонъ, хотя и высокодаровитый писатель, менѣе глубокъ и оригиналенъ, чѣмъ Ибсенъ. А можетъ-быть, потому, что я понимаю Ибсена лучше, какъ и онъ меня. Но откуда же это обоюдное лучшее пониманіе? Развѣ, невзирая на разницу лѣтъ и духовнаго склада, невзирая на огромное превосходство

*) Это не вполнѣ вѣрно. Брандесъ, какъ видно изъ дальнѣйшаго, а также изъ предисловія къ сборнику его критическихъ статей объ Ибсенѣ, познакомился съ сочиненіями Ибсена лишь тогда, когда послѣдній успѣлъ уже создать и «Фру Ингеръ», и «Воителей въ Гельгеландѣ», и «Комедію любви», и «Борьбу за престолъ», т.-е. когда Ибсенъ успѣлъ уже достигнуть «первой вершины» своего творчества и когда ему оставался лишь шагъ до «Бранда».

дарованій и силъ Ибсена, между нимъ и мною существуетъ извѣстное сродство? Не знаю навѣрное. Во многомъ и многомъ мы не сходились. Натуры наши прямо противоположны. Съ самаго начала (1866—1867 гг.) онъ казался мнѣ совсѣмъ чуждымъ по духу. Какъ видно изъ моего перваго критическаго этюда объ Ибсенѣ, меня прежде всего оттолкнула отъ него пессимистическая основа его натуры. Тѣмъ не менѣе, всего нѣсколько лѣтъ спустя (1870—1871 гг.), именно непокорный, протестующій характеръ его мышленія и заставилъ мое сердце забиться въ тактъ его. Но и тогда еще многое-многое продолжало раздѣлять насъ съ нимъ, — точки зрѣнія, теоріи. Съ теченіемъ времени мы обмѣнялись мыслями о многомъ, и мнѣ казалось, что я понималъ его все лучше и лучше. Однажды (1871 г.) онъ обратилъ мое вниманіе на то, что между портретами различныхъ людей одной и той же старинной эпохи есть для насъ, современниковъ, извѣстное сходство *), а въ другой разъ (въ 1884 г.) написалъ мнѣ слѣдующее, чему я придаю извѣстное значеніе: «и мнѣ теперь, какъ и вамъ, сдается, что мы стали ближе другъ къ другу, чѣмъ въ первые годы нашего знакомства; причина, по-моему, та, что мы оба шли навстрѣчу другъ другу во время нашего внутренняго развитія» **).

Я обязанъ Ибсену большою благодарностью за многолѣтнюю дружбу. Дружба наша обнимаетъ больше половины обыкновенной человѣческой жизни. Первое письмо его ко мнѣ было написано въ апрѣлѣ 1866 г. Находиться въ долгой дружбѣ съ великимъ человѣкомъ уже само по себѣ счастье. Я однако очень мало видѣлся съ нимъ. Пытаясь припомнить, гдѣ и когда я имѣлъ случай войти съ нимъ въ личное общеніе, я нахожу, что было это лишь въ Дрезденѣ въ 1871 и 1872 гг., въ Мюнхенѣ въ 1877 г., въ Копенгагенѣ въ 1885 и 1887 гг. и въ Христіаніи въ 1890, 1892 и 1893 гг.—каждый разъ всего въ теченіе нѣсколькихъ дней или недѣль. Письма его ко мнѣ также не были особенно часты. Въ болѣе молодые годы онъ еще порою писалъ длинныя письма, находилъ для этого время, испытывалъ охоту подѣлиться своими мыслями; въ позднѣйшіе годы онъ писалъ рѣдко и мало. Но все-таки я получалъ отъ него письма, имѣвшія громаднѣйшее значеніе для меня лично.

Но ради ясности позволю себѣ начать сначала. Первое сильное впечатлѣніе отъ творчества Ибсена я вынесъ изъ чтенія «Борьбы за престолъ». Я купилъ первое изданіе Іоганна Даля (Христіанія, 1864 г.), напечатанное, какъ и другіе ранніе труды Ибсена, готическимъ шрифтомъ съ большими начальными буквами именъ существительныхъ и

*) Въ письмѣ Ибсена отъ 18 мая 1871 г. сказано: «Или вы никогда не замѣчали въ портретныхъ галлереяхъ какого-нибудь изъ прошлыхъ вѣковъ поразительнаго сходства между совершенно различными лицами, принадлежащими къ одной эпохѣ?» (См. стр. 380).

**) См. стр. 481.

написанное почти на чистомъ датскомъ языкѣ. «Комедія любви» не произвела на меня въ то время почти никакого впечатлѣнія, «Пиръ въ Сольхаугѣ» и «Воители въ Гельгеландѣ» лишь мимолетное; даже «Фру Ингеръ», въ которой мнѣ бросилось въ глаза нѣчто новое, не захватила меня лично. Но «Борьба за престолъ» поразила, увлекла меня, какъ художественное произведеніе, захватила глубоко и сильно выраженнымъ контрастомъ между Гокономъ и Скуле. И здѣсь не было ничего затрагивающаго меня лично въ интимномъ смыслѣ, но образъ Скуле невольно приковывалъ, и съ тѣхъ поръ, какъ я съ нимъ познакомился, Ибсенъ обрѣлъ во мнѣ горячаго почитателя. И долго Скуле былъ для меня какъ бы итогомъ того, что могло дать творчество Ибсена. Даже «Брандъ», появившійся въ 1866 г., не измѣнилъ этого взгляда. На насъ, молодыхъ писателей, воспитанныхъ на Сёренѣ Киркегорѣ, «Брандъ» далеко не произвелъ такого ошеломляющаго впечатлѣнія, какъ на широкій кругъ читателей, которымъ киркегоровская литература была мало доступна *). Тѣмъ не менѣе кто же бы не призналъ духовной мощи, которая сказывалась въ этомъ произведеніи? Да и въ чисто-художественномъ смыслѣ здѣсь было чѣмъ восхищаться,—прежде всего сценой, гдѣ мать борется за право сохранить одежду ея умершаго малютки. Слѣдующее произведеніе, «Перъ Гюнтъ», было еще богаче поэтическими красотами; лучшей сценой была, пожалуй, сцена смерти матери подъ сказки сына, который отвлекаетъ своими фантазіями ея вниманіе отъ серьезнаго значенія минуты. «Союзъ молодежи», пожалуй, не былъ оцѣненъ мною по достоинству при его появленіи, но я тогда почти еще не зналъ Норвегіи, никогда тамъ не бывалъ и не былъ въ состояніи судить объ отношеніи художественнаго произведенія къ изображенной въ немъ дѣйствительности. Зато тѣмъ воспріимчивѣе оказался я сразу къ лучшимъ изъ стихотвореній Ибсена; я читалъ ихъ и перечитывалъ; и какъ я наслаждался такими, какъ «Скрылась», «Сложная исторія», «Письмо въ стихахъ» (къ фру Гейбергъ)! Первое — одно изъ наиболѣе трогательныхъ стихотвореній Ибсена; второе—самое остроумное и мудрое изъ нихъ; третье—самое совершенное въ художественномъ отношеніи.

Но изданію стихотвореній предшествовалъ періодъ времени, когда Ибсенъ открывался мнѣ въ письмахъ и когда я узналъ его лично. Самыя задушевныя мои воспоминанія о немъ относятся къ 1871 году. Зимою 1870—71 гг. я провелъ четыре мѣсяца больнымъ въ Римѣ и получилъ за это время нѣсколько писемъ отъ норвежскаго писателя, жившаго тогда въ Дрезденѣ, и эти письма не только выраженною въ нихъ дружескою заботливостью о моемъ здоровьѣ, но еще болѣе вы-

*) Брандесъ вообще говоритъ о сочиненіяхъ Киркегора, какъ о «литературѣ въ литературѣ». Мало доступной же эта литература была по своему глубокому философскому содержанію и своеобразной манерѣ писателя, который намѣренно писалъ «не для толпы».

сказанными въ нихъ поразительно оригинальными мыслями и сужденіями, бодрящимъ и сильнымъ содержаніемъ произвели на меня болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ какое бы то ни было изъ его произведеній. Эти изліянія были адресованы мнѣ одному, а не относились, какъ его произведенія, ко всему свѣту; они поразили меня и вызвали во мнѣ сильную реакцію—частью противорѣчія, частью сочувствія.

Много лѣтъ спустя нѣкоторые отрывки изъ этихъ писемъ были съ согласія Ибсена опубликованы и возбудили не меньше вниманія и интереса, чѣмъ его поэтическія творенія. Они даже подали поводъ—довольно неосновательный—къ восхваленіямъ его съ одной стороны и къ порицаніямъ съ другой; эти частныя, брошенныя вскользь замѣчанія цитировались не какъ случайныя, но какъ программныя заявленія.

Въ видѣ заключительнаго слова въ одномъ изъ этихъ писемъ говорилось: «Нужна революція духа человѣческаго, и вы — одинъ изъ тѣхъ, кто долженъ идти впереди» *). Первая часть этого положенія перепечатывалась сотни разъ послѣ того, какъ я ее опубликовалъ; вторая же, оставшаяся до сихъ поръ неизвѣстной другимъ, подала мнѣ въ свое время поводъ послать Ибсену письмо въ стихахъ, которые выдавали мою юношескую жажду обрѣсти соратника и мой наивный взглядъ на Ибсена, какъ на возможнаго собрата по оружію... Съ тѣхъ поръ прошло 27 лѣтъ, но мнѣ не понадобилось и двухъ, чтобы понять, что Ибсену приходилось идти своимъ путемъ одному, и что я самъ былъ почти столь же неспособенъ къ товариществу въ области полемики, какъ онъ.

Съ тѣхъ поръ я изъ оруженосца **) шагнулъ въ рыцари, сталъ чѣмъ-то въ родѣ странствующаго рыцаря à la Донъ-Кихотъ и, кромѣ того, не чувствую ни малѣйшей охоты набиваться въ родственные умы и души Ибсену, да и не вѣрю вообще въ родственные умы и души, но, какъ сказано, когда-то я питалъ такія чувства, и они меня долгое время укрѣпляли.

«Кесарь и Галилеянинъ» — единственное произведеніе, изъ котораго Ибсенъ прочелъ мнѣ кое-что до его выхода въ свѣтъ. Я прослушалъ нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ сценъ, напримѣръ, сцену Юліана съ мистикомъ Максимомъ въ первой части. Несмотря на всю мощь этого произведенія, оно не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которымъ я чувствую себя чѣмъ-нибудь обязаннымъ въ чисто-личномъ смыслѣ. Зато я почувствовалъ себя захваченнымъ самымъ рѣшительнымъ

*) См. стр. 374.

**) Въ заключительной строфѣ посвященнаго Ибсену стихотворенія молодого Брандеса говорилось: «Братъ, я тебя нашелъ! Нужды нѣтъ, что ты несравненный вождь, а я созданъ оруженосцемъ, — души наши родственны, и мы вмѣстѣ будемъ призывать къ возмущенію духъ человѣческій».

образомъ въ тотъ день, когда у меня въ рукахъ очутился «Кукольный домъ». Пьеса производила безусловно впечатлѣніе настоящей, дѣйствительной жизни. Мнѣ казалось, что я знавалъ эту Нору, видѣлъ ее именно такою. Впечатлѣніе было ошеломляющее. Казалось, что самъ пережилъ все это, перестрадалъ страданія Норы и былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы ея быстрое и внезапное превращеніе въ другого человѣка могло показаться погрѣшностью съ художественной точки зрѣнія. Затѣмъ вышла драма «Привидѣнія», наэлектризовывавшая мужествомъ автора; и когда это крупное произведеніе встрѣтило въ тогдашней сѣверной прессѣ пріемъ, которымъ значительная часть этой прессы лишній разъ доказала свою грубость и глупость, у меня нашлось достаточно поводовъ возмущаться обиднымъ неуспѣхомъ Ибсена, и я не скрывалъ своего возмущенія. Слѣдующее произведеніе, «Врагъ народа», появилось, въ видѣ исключенія, всего годъ спустя послѣ предыдущаго и дало аллегорическое изображеніе бури, поднявшейся противъ автора «Привидѣній». Чувствовалось, что кровь такъ и кипѣла въ Ибсенѣ во время работы надъ этою быстро написанною, превосходною и полною юмора комедіей, въ которой онъ еще разъ прибѣгнулъ къ основнымъ мыслямъ Сёрена Киркегора. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ мастерскихъ произведеній, всѣмъ извѣстныхъ: драма «Дикая утка», полная глубины и новизны; драма «Росмерсгольмъ», столь остраго полемическаго характера и столь возвышенная по чувству; затѣмъ мистическо-символическая и все же бытовая пьеса «Дочь моря»; превосходный, чисто-психологическій этюдъ «Гедда Габлеръ» и наконецъ «Строитель Сольнесъ», который въ качествѣ поэтическаго произведенія стоитъ выше всего. Въ то время, какъ слѣдующія драмы: «Маленькій Эйольфъ» и «Йонъ-Габріель Боркманъ», насквозь проникнуты мрачною скорбью, въ этой пьесѣ сіяетъ смѣющійся, полный задора образъ Гильды—воплощеніе сверкающей энтузіазмомъ юности. Образъ этотъ съ одной стороны—до того норвежскій, что никогда болѣе яркаго воплощенія чисто-норвежскаго духа въ образѣ женщины и не бывало, съ другой — настолько общечеловѣченъ, что можетъ быть понятнымъ всѣмъ и всюду; затѣмъ самая драма въ цѣломъ, несмотря на свой символизмъ, можетъ быть понята въ буквальномъ смыслѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько сложна и глубока, что въ ней вездѣ и всюду просвѣчиваетъ двоякій смыслъ. Сольнесъ захватилъ меня одинаково сильно и поэтической и художественной стороной; драма вполнѣ реальна и въ то же время похожа на исповѣдь, на высказанное шопотомъ sub rosa; дѣйствуетъ, какъ личное признаніе, сказанное на ухо. Пьеса эта сблизила читателей съ авторомъ, какъ съ человѣкомъ, куда больше, чѣмъ какое-либо другое произведеніе Ибсена со времени «Бранда».

Да, ходъ развитія Ибсена рисуется мнѣ огненной линіей. Иногда мнѣ и кажется, какъ уже упомянуто, что особенности его натуры от-

крывались мнѣ такъ же ярко въ его прямыхъ личныхъ признаніяхъ и письмахъ, какъ въ тѣхъ косвенныхъ сообщеніяхъ, которыя онъ дастъ въ своихъ драмахъ; но я сознаю, что, не будь онъ такъ глубокъ и оригиналенъ въ своихъ произведеніяхъ, личныя его обращенія ко мнѣ не имѣли бы для меня такого серьезнаго значенія.

Въ концѣ концовъ, я думаю, что обязанъ ему главнымъ образомъ за тотъ личный примѣръ, который онъ подавалъ, примѣръ самососредоточенія, самоуглубленія, самоанализа. Чѣмъ глубже въ теченіе своего жизненнаго пути проникаешься иронісй земного существованія, тѣмъ основательнѣе излѣчиваешься отъ преувеличенной оцѣнки своихъ способностей, тѣмъ глубже понимаешь тщету и безплодность всѣхъ почти усилій, тѣмъ скорѣе склоняешься смотрѣть на всю свою жизнь и свое дѣло съ точки зрѣнія безразличія. И тогда невольно поражаешься, встрѣчая человѣка, который настолько наивенъ въ своемъ величіи, что, сомнѣваясь во всемъ остальномъ, вѣритъ въ свое дѣло, принимаетъ его вполнѣ въ серьезъ, безъ малѣйшей примѣси иронін, и живетъ исключительно для своего дѣла,—во славу ему и себѣ. Много лѣтъ тому назадъ, еще въ 1872 г., Ибсенъ написалъ мнѣ между прочимъ: «Сохраните дружески мѣстечко для меня и всего моего рядомъ съ тѣмъ, что для васъ отнынѣ должно стать важнѣе всего, такъ какъ это воистину ваше призваніе» *). Мнѣ и тогда уже трудно было считать свое дѣло важнѣе всего прочаго на свѣтѣ, и теперь еще это остается для меня невозможнымъ. Но я не хвалю себя за это. Вѣрнѣе всего, что именно противоположное отношеніе является условіемъ для полнаго развитія всего того, что съ самаго начала было заложено въ душѣ человѣка, и для выполненія всего, къ чему у него были задатки. Сила Ибсена въ томъ и заключалась, что онъ путемъ самоуглубленія дошелъ до такого взгляда на свое дѣло, какъ на нѣчто, съ его точки зрѣнія единственно важное въ свѣтѣ, и своимъ примѣромъ далъ каждому, кто хочетъ дойти до чего-нибудь великаго, незабвенное указаніе,—указалъ путь, который привелъ его самого къ безусловной высотѣ художественнаго творчества.

Генрикъ Ибсенъ.

(Нильса Кьера).

Недолго пересчитать писателей, которые сіяли человѣчеству изъ рода въ родъ, какъ звѣзды,—каждая своимъ особымъ блескомъ, имѣя свое особое значеніе. Но все же число ихъ достаточно велико для того, чтобы каждый, кто внимательно ихъ читаетъ, могъ составить себѣ ясное представленіе о людяхъ всевозможныхъ эпохъ, со всѣми особен-

*) См. стр. 393.

постями уклада ихъ мыслей, чувствъ и страстей. Эти писатели были лучшими знатоками и совершеннѣйшими выразителями своихъ эпохъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ соединяли въ своей личности и въ своемъ творчествѣ всѣ главныя человѣческія свойства, и это-то и сдѣлало ихъ доступными и привлекательными для всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ.

Для младшихъ скептическихъ и пытливыхъ поколѣній нашего XIX вѣка Генрикъ Ибсенъ — великій типичный писатель.

У него нѣтъ никакихъ прямыхъ литературныхъ предшественниковъ среди его собственнаго народа. Онъ стоитъ въ нашей литературѣ одинокимъ на своей высотѣ — безъ прямыхъ предшественниковъ и безъ прямыхъ преемниковъ. Мы однако привыкли къ тому, что чужеземная критика строитъ объясненіе того духа, которымъ пропитаны ибсеновскія произведенія, на общемъ фундаментѣ національнаго характера. Онъ-де сынъ своего народа, который живетъ на периферіи обитаемаго земного круга, тамъ, гдѣ души испытываютъ гнетъ суровыхъ силъ зимы, гдѣ мимолетныя радости жизни разсматриваются, какъ искушенія лукаваго, гдѣ, кромѣ того, мысль склонна къ углубленію въ этическія и религіозныя проблемы, а фантазія переполнена всевозможными дикими и уродливыми видѣніями, какія только способенъ создать страхъ.

Но народная индивидуальность достаточно сложна, чтобы объяснить любыя особенности души человѣческой, поэтому и не объясняетъ ни одной изъ нихъ. Объ отношеніи Ибсена къ своему народу нельзя пока сообщить ничего болѣе того, что народъ этотъ доставилъ ему модели для типичныхъ образовъ его портретной галлереи и далъ ему первыя горькія жизненныя впечатлѣнія, которыя сообщили извѣстную окраску его основному воззрѣнію на міръ и человѣчество.

Нѣкоторые люди рождаются дальнозоркими и съ неутомимымъ стремленіемъ вдаль и ввысь, къ чему-то лучшему, болѣе великому и высокому, нежели все, что предлагаетъ намъ жизнь. Они часто смотрятъ поверхъ или мимо міра, въ которомъ живутъ, и становятся чужими ему и праздными мечтателями. Ибсенъ былъ отъ природы надѣленъ повышеннымъ, страстнымъ сознаніемъ реальнаго значенія абсолютнаго, но не менѣе сильны были въ немъ и безошибочное чувство дѣйствительности и практическая энергія. Высокій идеалъ жизни и человѣчества, выросшій изъ этого сознанія, не могъ мириться съ опытомъ жизни, доказавшимъ общечеловѣческое или слишкомъ человѣческое ничтожество; но вмѣсто того, чтобы отвернуться либо отъ идеала, либо отъ дѣйствительности, природныя наклонности Ибсена побуждали его ставить людямъ идеальныя требованія и судить людей съ точки зрѣнія этихъ идеаловъ.

Въ «Строителѣ Сольнесѣ», этомъ замѣчательномъ ретроспективно-автобіографическомъ произведеніи, Ибсенъ сравниваетъ свое творчество въ молодости съ воздвиганіемъ храмовъ. Онъ хотѣлъ привести чело-

вѣчество подъ высокіе, безмолвные своды, подъ которыми самъ жилъ, но люди этого не хотѣли или не могли. Требованія были слишкомъ велики; и, чтобы они не остались совсѣмъ безплодными, пришлось сообразовать ихъ съ силами людей.

Для каждаго пророка наступаетъ моментъ, когда онъ чувствуетъ необходимость спуститься съ горы, изъ своего величаваго уединенія, внизъ къ людямъ. Для Ибсена этотъ моментъ наступилъ, когда онъ закончилъ свою послѣднюю философскую драму и сразу перешелъ къ прозаическому изображенію современныхъ людей.

Маленькое норвежское провинціальное общество, которое онъ изучалъ съ тѣмъ пристальнымъ и зоркимъ вниманіемъ, которое внушается человѣку чувствомъ негодованія, послужило твердою реальною основою для его творчества и упрощенною, легко схватываемою картиною большихъ обществъ съ ихъ болѣе обширными развѣтвленіями человѣческихъ интересовъ и болѣе обширными аренами для игры человѣческихъ страстей.

Въ маленькомъ провинціальномъ обществѣ на всѣ процессы жизни наброшенъ покровъ благопристойности. Тамъ гнѣздятся всѣ пороки, но втихомолку; снаружи все шито-крыто, и только лицемѣріе и нравственная трусость, прикидывающаяся скромностью, произрастаютъ свободно и, какъ лопухъ, заглушаютъ все другое.

Вотъ типичная среда, въ которой разыгрывается дѣйствіе всѣхъ позднѣйшихъ драмъ Ибсена. Внутри этого тѣснаго круга происходитъ борьба, въ которой ставками являются высшіе идеалы и рѣшаются— побѣдою или пораженіемъ—судьбы человѣческія. Безпощадно разоблачаетъ Ибсенъ лицемѣріе, ложь, предразсудки, эгоизмъ почтенныхъ гражданъ — столповъ этого общества; да не довольствуется и тѣмъ, а нападаетъ на самыя учрежденія, за которыми признаётся еще болѣе серьезное значеніе, чѣмъ за отдѣльными людьми, въ смыслѣ устоевъ морали и общаго блага. Ибсенъ раскрываетъ всѣ тайники, обнаруживаетъ всѣ скрытые изъяны, всѣ заплѣсневѣлыя представленія и понятія, которыя живутъ въ сознаніи людей, какъ «привидѣнія», и парализуютъ всякое проявленіе мужества.

Развязка перваго произведенія этого періода, комедіи «Столпы общества», еще въ духѣ оптимизма. Возмездіе, готовое справедливо обрушиться на шарлатана гражданскихъ добродѣтелей, отвращено руками любящихъ женщинъ; виновный осыпанъ незаслуженными благами, и духъ истины и свободы возстановленъ въ своихъ правахъ безъ кровопролитія. Нѣтъ на небѣ большей радости, какъ объ одномъ обращенномъ Тартюфѣ!

Развязка «Кукольнаго дома», напротивъ, сокрушаетъ, разрушаетъ, въ интересахъ освобожденія личности, нѣчто установленное обществомъ, а въ третьей и послѣдней пьесѣ этой группы всѣ нападки на существующіе предразсудки, на господствующую мораль, на данный обще-

ственный строй собраны, сконцентрированы въ размышленіяхъ фру Альвингъ, печальная справедливость которыхъ подтверждается судьбой Освальда, злополучной жертвы лжи и пороковъ.

Крикъ, поднятый обществомъ противъ «Привидѣній», вызвалъ отвѣтъ со стороны автора, а именно комедію «Врагъ народа», и эта пьеса отмѣтила начало новаго періода въ творчествѣ Ибсена. Онъ хотѣлъ, какъ самъ признавался (Сольнесъ), строить истинные семейные очаги для людей и началъ-было срывать старые, негодные. Но люди чувствовали себя хорошо въ своихъ старыхъ казармахъ и разъярились на разрушителя. И если до тѣхъ поръ въ Ибсенѣ еще сильны были надежды на успѣхъ его реформаторской дѣятельности, то послѣ такого опыта онъ, видимо, готовъ былъ проститься съ ними. На это указываетъ слѣдующій его трудъ, «Дикая утка»—горькое обоюдоострое обвиненіе, съ которымъ авторъ покинулъ боевую арену. Онъ покинулъ ее съ виду побѣжденнымъ, но пораженіе доставило ему новую драгоцѣнную мудрость — сознаніе, что ложь есть условіе людского счастья, и что тотъ, кто берется искоренить ее, борется съ одной изъ основныхъ силъ жизни.

«Росмерсгольмъ» свидѣтельствовалъ, что первая ѣдкая горечь такого умозаключенія перешла въ глубокую грусть. Драма эта прекраснѣйшее и богатѣйшее изъ произведеній, написанныхъ Ибсеномъ въ зрѣломъ возрастѣ. Въ ея глубокой грусти — осенняя прозрачность и тишина. Она служитъ выраженіемъ глубокой человѣческой тоски объ утраченныхъ иллюзіяхъ, которыя придаютъ жизни ея величайшій смыслъ...

Іоганнесъ Росмеръ — противоположность тѣхъ лицъ, въ уста которыхъ Ибсенъ обыкновенно вкладываетъ свои собственныя мысли. Росмеръ натура слабая, мало способная къ активной дѣятельности, но по характеру, видимо, все-таки созданъ въ противовѣсъ тому душевному состоянію, въ которомъ находился самъ авторъ, когда обдумывалъ это произведеніе. Слѣдующія драмы Ибсена рисуютъ постоянное дальнѣйшее углубленіе его мысли въ этическія проблемы, которыя занимали его съ юности.

Читая произведенія Ибсена въ хронологическомъ порядкѣ, поражаешься послѣдовательностью, связностью его духовнаго развитія. Никакихъ скачковъ или шатанія; оно логически прогрессировало безъ перерывовъ, безъ метаморфозъ. Современныя теченія орошали, оплодотворили его сады, но никогда ихъ не затопляли.

Его основное этическое міровоззрѣніе было всегда однимъ и тѣмъ же. Высокимъ идеаломъ его было всегда освобожденіе личности; онъ выставилъ этотъ идеалъ въ первыхъ же своихъ крупныхъ произведеніяхъ; въ своихъ общественно-бытовыхъ пьесахъ-сатирахъ онъ показалъ, какъ идеалъ этотъ топчется въ грязь, коверкается средними людьми, а послѣднія его произведенія трактовали о тѣхъ внутреннихъ

препятствіяхъ, сомнѣніяхъ и душевныхъ колебаніяхъ, которыя затрудняютъ освобожденіе личности.

Въ противоположность большинству современныхъ писателей, Ибсенъ любилъ изображать людей съ сильной волей и способныхъ дѣйствовать, и такая склонность связана съ его этическими интересами. Людей судятъ по дѣламъ ихъ. Въ то же время созданныхъ имъ людей гнететъ болѣзненное сознаніе виновности, такъ какъ неизбѣжныя и безконечныя послѣдствія ихъ поступковъ открываются имъ передъ тѣмъ, или во время того, или послѣ того, какъ они совершаютъ свои поступки. Совѣсть бьетъ ихъ рикошетомъ.

Психологическій принципъ Ибсена—недовѣріе. Это указываетъ на то, что психологія его имѣетъ этическую цѣль. И онъ мѣритъ людей съ точки зрѣнія этой цѣли, заранѣе подозрѣвая, что они ей не соотвѣтствуютъ. Его творчество—рядъ опытовъ, посредствомъ которыхъ его пессимизмъ ищетъ и находитъ себѣ оправданіе. Онъ ставитъ людей въ положенія, въ которыхъ испытывается и опредѣляется, чего они стоятъ, и сосредоточиваетъ драматическій интересъ именно на испытаніи ихъ человѣческой цѣнности. Каждая его драма представляется мнѣ силлогизмомъ; конечный выводъ — обыкновенный этическій законъ, и на основаніи этого закона произносится судъ. Каждая изъ его драмъ можетъ въ извѣстномъ смыслѣ разсматриваться, какъ часть общаго великаго обвинительнаго акта противъ человѣчества.

Человѣчество много бичевали, и бичъ — орудіе самой цивилизаціи. Первое слово Бога къ человѣку было: *ты долженъ*, и трудъ Ибсена— эхо Божьей заповѣди.

Труду этому недостаетъ неожиданныхъ и тѣмъ сильнѣе дѣйствующихъ красотъ. Надуманность послѣднихъ драмъ подавляетъ фантазію, планъ господствуетъ надъ частностями, законъ подчинилъ себѣ условности, но въ своемъ однообразномъ прямолинейно-благородномъ величіи трудъ этотъ высится свободною, одинокою горной вершиной, выражая собою стремленія земного міра къ высочайшимъ цѣлямъ, — трудъ высокій, импонирующій своею духовною силой, медленно и неуклонно совершаемый, трудъ, послушный только закону и никогда прихоти, трудъ, мощный въ своей холодной обособленности, трудъ, которому суждено въ теченіе долгихъ временъ приковывать взоры и мысли людей, а иногда и сердца ихъ.

Ибсенъ и Данія.

(Вальдемара Веделя).

I.

Ибсенъ и Данія, Данія и Ибсенъ... Сопоставленіе этихъ двухъ величинъ многимъ, пожалуй, можетъ съ перваго взгляда показаться мало

основательнымъ. Что такое Данія для Ибсена? Страна, гдѣ печатаются и издаются его сочиненія и гдѣ онъ останавливался на нѣсколько дней, проѣзжая изъ Норвегіи за границу и обратно,—страна, откуда былъ родомъ его прапрадѣдъ и гдѣ родилась мачеха его жены. Не Богъ вѣсть какъ много все это значитъ! Но если всмотрѣться хорошенько, то, пожалуй, найдутся еще кое-какія точки соприкосновенія поважнѣе. Если позволено будетъ напомнить о томъ, что первыя литературныя попытки Ибсена были навѣяны романтизмомъ Эленшлегера и Герца, а его первые шаги, какъ журналиста, продиктованы «Корсаромъ»; что первыми сильными впечатлѣніями въ области сценическаго искусства онъ былъ обязанъ датскимъ артистамъ Михаилу Винге и фру Гейбергъ,—что первый великій родственный духъ на Сѣверѣ, повліявшій на его развитіе, былъ Сёренъ Киркегоръ, а первое крупное историческое событіе, пережитое имъ и давшее рѣшительный толчокъ развитію его міросозерцанія, была несчастная война Даніи въ 1863—1864 гг.; далѣе, что первый крупный свой литературный успѣхъ Ибсенъ стяжалъ въ Даніи, что, пожалуй, долго самый главный и постоянный кружокъ его читателей находился тамъ же, что датскій театръ первый ставилъ и чаще всѣхъ другихъ сѣверныхъ театровъ давалъ многія изъ его пьесъ,—наконецъ, что датскіе критики, особенно Георгъ Брандесъ, долго были самыми энергичными защитниками и апологетами Ибсена на Сѣверѣ, — да, если припомнить все это, то станетъ понятно, что Данія имѣетъ нѣкоторыя права на Ибсена. Прежде всего Данія была для него въ общемъ страною высокаго духовнаго развитія и идейныхъ интересовъ, гдѣ его трудъ раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, нашелъ откликъ и поддержку въ публикѣ; затѣмъ—старою культурною страною, гдѣ онъ бралъ первые уроки по литературѣ и искусству, и наконецъ естественнымъ аванпостомъ Европы на Сѣверѣ, страною, сравнительно наиболѣе передовою и наиболѣе либерально относившеюся къ его «революціонному европеизму». Вотъ чѣмъ все-таки мы, датчане, въ правѣ похвалиться, хотя и готовы согласиться, что все это незначительно въ сравненіи съ тѣмъ, что далъ намъ самъ Ибсенъ.

Но теперь повернемъ вопросъ иначе: имѣетъ ли въ сущности Ибсенъ столь великое значеніе для Даніи?

Передо мною какъ разъ лежатъ разныя рождественскія издательскія объявленія съ портретами модныхъ датскихъ писателей, среди которыхъ вижу и хорошо знакомый портретъ норвежца Ибсена. Право, точно двѣ различныя расы. Среди миніатюрныхъ холеныхъ лицъ (К. Ларсена, П. Нансена, Свена Ланге, Г. Вида и др.), прямо, открыто, добродушно смотрящихъ на васъ будто въ живой бесѣдѣ съ вами, выдается словно голова статуи, съ суровымъ и замкнутымъ выраженіемъ лица, съ плотно сжатыми, тонкими губами, съ зоркимъ и пытливымъ взглядомъ за очками, голова въ овалѣ мятежно разметанныхъ волосъ

и торчащей бороды. Онъ и они... право, между ними какъ будто нѣтъ ничего общаго.

И все же, возьмите портретъ Ибсена и сопоставьте его съ типами датскихъ моряковъ или съ собраніемъ портретовъ датскихъ священниковъ или школьныхъ учителей, и вы увидите, что народный датскій типъ въ общемъ не такъ ужъ далекъ отъ описанныхъ суровыхъ, массивныхъ чертъ лица и плотно сжатаго рта Ибсена. А спросите нашихъ юристовъ, учителей, дѣловыхъ людей средняго возраста, словомъ, людей, которымъ удается прочесть въ годъ двѣ-три книжки, относящіяся къ отдѣлу изящной словесности, или обратитесь къ кругамъ читателей изъ слушателей высшихъ народныхъ школъ или изъ посѣтителей общедоступныхъ лекцій въ провинціи, и спросите: чьи сочиненія покупаютъ они себѣ въ подарокъ къ Рождеству, чьи произведенія играютъ роль въ ихъ духовной жизни, — и узнаете, какъ глубоко захватило творчество Ибсена большинство сознательныхъ членовъ датскаго общества.

Вотъ въ чемъ особенность отношенія Ибсена къ Даніи. Онъ писатель, главнымъ образомъ излюбленный у насъ не-писателями. Въ Германіи почитателями Ибсена являются по преимуществу молодые писатели, которые и подражаютъ его произведеніямъ. У насъ же онъ не основалъ никакой литературной школы: у него почти и нѣтъ послѣдователей. Даже напротивъ, у насъ какъ будто боятся идти по стопамъ льва. Зато во внѣ-литературной духовной жизни — къ счастью, не все у насъ исчерпывается одною литературой — «Кукольный домъ», «Росмерсгольмъ», «Строитель Сольнесъ» дали самый богатый посѣвъ. Это не означаетъ, что творчество Ибсена не имѣло у насъ силы и значенія, свойственныхъ искусству. Никто вѣдь не станетъ утверждать, что, напримѣръ, «Кукольный домъ» произвелъ бы такое сильное впечатлѣніе на умы, явись онъ только проповѣдью,—хотя бы и весьма краснорѣчивою,—проповѣдью женской эмансипаціи; разумѣется, самая идея завоевала наши симпатіи, заставила насъ поневолѣ принять въ рѣшеніи «женскаго вопроса» то или иное участіе лишь потому, что лица и положенія пьесы такъ ярки и жизненны. Указанное отношеніе свидѣтельствуетъ, что художественное творчество Ибсена не остается для насъ и въ насъ частицей литературы, которая непосредственно переходитъ въ новое художественное литературное творчество, но что оно входитъ, претворяется въ самую жизнь, въ теоріи и на практикѣ, становится частицей души читателей и затѣмъ уже постепенно, и часто даже неуловимо, проявляется въ общей литературѣ. Да не всегда ли такъ главнымъ образомъ и сказывалось вліяніе наиболѣе великихъ писателей? Новая литературная манера, имѣющая успѣхъ, часто сразу же порождаетъ подражанія, но что такое литературныя подражанія-посягательства, напр., на лиризмъ Гёте, въ сравненіи съ внѣ-литературнымъ его вліяніемъ на души и на умы современниковъ? Пожалуй,

то обстоятельство, что мы—не въ примѣръ нѣмцамъ новѣйшей школы—не торопимся превратить церковное строительство въ литье колоколовъ *), и показываетъ, насколько глубоко мы усваиваемъ себѣ Ибсена.

Я хочу предпринять попытку, которая не можетъ быть вполнѣ удачной, но и не должна совсѣмъ не удасться,—прослѣдить судьбу произведеній Ибсена въ Даніи, припомнить пріемъ, который они встрѣтили, опредѣлить произведенное ими впечатлѣніе, указать ихъ вліяніе, гдѣ его возможно уловить въ самой литературѣ, и объединить все это въ очеркъ о пониманіи и усвоеніи Ибсена въ Даніи.

II.

Ибсенъ появился на горизонтѣ нашей духовной жизни въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ и явился какъ нельзя болѣе кстати. Послѣ полувѣкового процвѣтанія нашей изящной словесности, соки ея стали изсякать, и эленшлегерско-гейберговское поэтическое лѣто стало пестрить сухими листочками и тощими дикими побѣгами. Нѣкоторые изъ великихъ писателей еще здравствовали, но были уже старыми профессорами и тайными совѣтниками и не могли больше поддерживать живой жизни въ литературѣ. А молодежь, выросшая подъ сѣнью стариковъ и слѣдовавшая по ихъ стопамъ, не имѣла передъ собой большого будущаго. Вдобавокъ, высокая волна національнаго либерализма 40—50-хъ годовъ опустилась послѣ несчастной войны 1864 г. Нравственный надломъ, перенесенный націей, имѣлъ ближайшимъ послѣдствіемъ склонность къ все принижающему легкомыслію и погруженію въ застой. Все же, что было въ націи жизнеспособнаго, искало теперь, разочаровавшись въ эстетикѣ и политикѣ, спасенія въ религіи и этикѣ. Киркегоръ наполнялъ духовную атмосферу. Книга «Вѣра и знаніе» Размуса Нильсена волновала всѣ умы въ Копенгагенѣ, а въ провинціи расцвѣталъ грундтвигіанизмъ.

И тутъ-то, въ 1866 г., появился «Брандъ» и пробудилъ интересъ также къ раннимъ литературнымъ произведеніямъ Ибсена, которыя, дойдя до Даніи лишь въ самомъ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, до тѣхъ поръ почти не привлекали вниманія. Это были: романтическія средневѣковыя драмы: «Фру Ингеръ» и «Ширъ въ Сольхаугѣ», историческія сѣверныя трагедіи: «Воители въ Гельгеландѣ» и «Борьба за престолъ», и наконецъ первое изъ сатирически-идейныхъ поэтическихъ произведеній на современныя темы: «Комедія любви». Вторымъ явился «Брандъ», а годъ спустя вышло и третье—«Перъ Гюнтъ». Въ каждой изъ упомянутыхъ областей творчество новаго норвежскаго писателя совпадало съ направленіями болѣе ранней датской литературы, хотя и шло дальше, сообразно норвежскимъ вку-

*) Намекъ на «Потопувшій колоколъ» Гауптмана, навѣянный «Строителемъ Сольнесомъ».

самъ и требованіямъ времени. Ничто въ этомъ творчествѣ не казалось—какъ, напримѣръ, народные разсказы Бьёрнсона — неожиданнымъ, счастливымъ даромъ природы; для пониманія Ибсена у насъ имѣлись налицо всѣ необходимыя данныя, такъ что представлялось возможнымъ выдѣлить въ его творчествѣ все дѣйствительно новое, испытать его и принять или отвергнуть; творчество это не заставало насъ врасплохъ, не ставило на распутье. Вотъ почему вначалѣ удѣломъ Ибсена въ Даніи и было съ одной стороны—недостаточное признаніе его оригинальности, а съ другой—легкое и быстрое завоеваніе имъ успѣха.

«Пиръ въ Сольхаугѣ» былъ признанъ своего рода онорвежденною драмою «Домъ Свена Дюринга» *); тотъ же стиль богатырскихъ пѣсенъ, и если не тотъ же, то похожій языкъ и многія схожія фигуры и положенія. То же, чѣмъ норвежское произведеніе отличалось отъ датскаго, истолковывалось не въ пользу перваго. Стихи находили мало гармоничными, стиль болѣе грубымъ, какъ и самую трактовку темы о любви: Герцъ-де символически опоэтизировалъ загадочную силу любви, а у Ибсена находили довольно-таки прозаическую «реальную любовь». Но молодые, этически настроенные умы привлекала болѣе глубокая моральная подкладка, отличавшая произведеніе норвежскаго писателя отъ драмы датчанина; они видѣли центръ тяжести въ драмѣ совѣсти, разыгрывавшейся въ душѣ Маргитъ. Это и было подчеркнуто въ первомъ датскомъ критическомъ этюдѣ отъ Ибсенѣ А. Фалькмана («Illustreret Tidende»): «отреченіе отъ эстетики и сильный до преувеличенія этическій духъ произведенія—вотъ наиболѣе знаменательныя черты, отмѣчающія переходъ отъ минувшаго датскаго періода литературы къ новому норвежскому».

«Вонтели въ Гельгеландѣ» произвели впечатлѣніе — по сравненію, напримѣръ, съ драмой Эленшлегера «Кьяртанъ и Гудрунъ» — болѣе рѣшительнаго разрыва съ прежними традиціями. Этотъ мощный древне-сѣверный духъ, эта страстная психологія и глубокая моральная подкладка оказались не во вкусѣ старой эстетической школы. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ сказывался совсѣмъ иной драматическій темпераментъ, нежели въ гладко-красивомъ краснорѣчіи ямбовъ Эленшлегера. Эти «тихія, но глубокія воды», эти каменныя глыбы, изъ которыхъ можно выжать лишь пару словъ, эти перекрестные удары репликъ, точно кремней, исторгающихъ искры, этотъ насыщенный электричествомъ воздухъ, это зловѣщее грозовое напряженіе драматическихъ явленій, наконецъ эти жестокія душевныя муки, ужасныя трагическія коллизіи — все это было въ иномъ вкусѣ и для другихъ нервовъ, нежели эленшлегеровская добродушная чувствительность и почти прѣсная простота. Зато молодежь, бредившая сѣверною мощью и «гор-

*) См. предисловіе къ переводу «Пиръ въ Сольхаугѣ», т. II, стр. 344—345.

нымъ норвежскимъ воздухомъ», пришла въ восторгъ. Но эти почитатели цѣнили въ творчествѣ Ибсена главнымъ образомъ умныя поэтическія заимствованія и совсѣмъ не понимали (какъ теперь мы, видѣвшіе Гедду Габлеръ и Гильду), до какой степени образъ Йордисъ былъ новъ и оригиналенъ, до какой степени онъ характеризовалъ новую ибсеновскую поэзію. Зато относительно одного произведенія — «Борьбы за престолъ» — мнѣнія быстро сошлись, и драма эта долго и почти единодушно считалась наиболѣе совершеннымъ изъ произведеній Ибсена.

Самый мотивъ казался знакомымъ; онъ успѣлъ уже занять центральное мѣсто въ датской духовной жизни благодаря двумъ наиболѣе значительнымъ произведеніямъ Эленшлегера: драматической поэмѣ «Аладдинъ» и трагедіи «Ярлъ Гаконъ». Избранникъ природы и счастья торжествуетъ надъ безплодно умствующимъ, стремящимся къ той же цѣли не въ союзѣ съ высшими силами; или: имѣющій за собой историческое право будущаго побѣждаетъ того, кто стоитъ на почвѣ прошлаго, отживающаго порядка вещей. Но сколько новаго — въ духѣ времени — было въ разработкѣ этого сюжета! Вмѣсто эленшлегеровской классически-спокойной, простой постановки и развязки конфликтовъ, у Ибсена чисто-шекспировская широта и глубина. И это новое, отталкивая представителей старой эстетической школы, увлекало молодежь. Главное же отличіе, образовавшее цѣлую бездну между драмой Ибсена и двумя эленшлегеровскими, заключалось въ глубокомъ психологическомъ анализѣ. Вообще во всей датской литературѣ не было подобныхъ образцовъ столь глубокаго и тонкаго психологическаго анализа, какъ ярлъ Скуле, снѣдаемый честолюбивой завистью и сомнѣніями, или епископъ Николасъ съ его физическою и духовною немощью, вырождающеюся въ злобу. Глубокій этическій геній Ибсена просвѣчивалъ и поражалъ новизною въ каждой репликѣ, въ каждой сценѣ пьесы. Отношеніе Скуле къ королевской мысли Гокона, его бесѣды со скальдомъ Ятгейромъ и возмездіе, поражающее его въ видѣ страстной вѣры въ него сына (Петера), — все это обнаруживало тонкую психологическую діалектику, знакомую датчанамъ только по сочиненіямъ Киркегора, а теперь открывавшуюся поколѣнію, воспитанному на Киркегорѣ, въ новой формѣ чудесной поэзіи. Благодаря этой глубинѣ психологически-этическаго анализа мотивъ трагедіи Эленшлегера «Ярлъ Гаконъ» расширился, открывая иные горизонты. То, къ чему Эленшлегеръ относился попросту, какъ къ фактической исторической борьбѣ, для Ибсена являлось символическимъ образцомъ вѣчной трагедіи души. Подъ историческою оболочкою «Борьбы за престолъ» дѣло шло ни больше ни меньше, какъ объ основной этически-метафизической проблемѣ, съ которою посылись критическіе умы всѣхъ вѣковъ. По какому праву Гоконъ правъ? Или: почему я, Скуле, сталъ пасынкомъ Божьимъ на землѣ? Почему Гоконъ вѣритъ въ себя, почему у него явилась королевская мысль, почему у него родился сынъ и наслѣдникъ, — почему

все это дано ему, а не мнѣ? — Или: какая связь между правомъ и счастьемъ, между виною и судьбой? Одна такая реплика, какъ первая изъ вышеприведенныхъ, является, по мнѣнію Брандеса (высказанному въ его первомъ критическомъ этюдѣ объ Ибсенѣ въ 1867 г.), показателемъ того, насколько время Ибсена ушло впередъ отъ времени Эленшлегера.

Таившійся подъ ортодоксальною оболочкой произведенія, какъ огонь подъ пепломъ, духъ морально-религіознаго сомнѣнія и протеста не могъ, конечно, остаться незамѣченнымъ. Брандесъ, который въ то время еще во многихъ отношеніяхъ оставался довольно-таки ортодоксальнымъ, сразу почувствовалъ, какъ сидящій въ немъ еретикъ увлекся діалектическими искушеніями Скуле и епископа Николаса на вѣру и этику. Наоборотъ, грундтвигіанецъ Розенбергъ, хотя и былъ подготовленъ къ Ибсену Киркегоромъ и восхищался «Борьбой за престолъ», не могъ не пожалѣть «о недостаткѣ у автора здороваго и гармоническаго жизневоззрѣнія». Затѣмъ, при постановкѣ «Борьбы за престолъ» на сценѣ Королевскаго театра, фру Гейбергъ, на правахъ главнаго режиссера, вычеркнула заключительную реплику о Скуле, называющую его «пасынкомъ Божьимъ». «У Бога вѣдь нѣтъ никакихъ пасынковъ»,— мотивировала это исключеніе знаменитая артистка въ своихъ мемуарахъ. Такимъ образомъ ортодоксальное напутствіе Сигридъ заключило сагу злополучнаго Скуле.

Тѣмъ не менѣе, невзирая на подобныя разногласія, «Борьба за престолъ» была именно такою этико-метафизическою трагедіей, какой жаждала Данія середины XIX столѣтія. У поколѣнія, воспитаннаго на Киркегорѣ, Мартенсенѣ, Наллуданѣ Мюллерѣ и Гольдшмитѣ, было иное понятіе о трагизмѣ, нежели у современниковъ драмъ Эленшлегера. Эстетика Фишера и «Современная драма» Геттнера выяснили имъ— какія должны существовать въ трагедіи отношенія между этическою виновностью и метафизическою судьбою, какъ всеобщее должно отражаться въ индивидуальномъ, а также каковы должны быть взаимныя отношенія нравственной правоты и поэтической правдивости. И вотъ появилась драма, какъ бы построенная по законамъ трагедіи, выработаннымъ нѣмецкою философіей. Всѣ лица и реплики пьесы вращались, такъ сказать, всецѣло въ области понятій и опредѣленій трагическаго. Георгъ Брандесъ, который незадолго до того въ своемъ конкурсномъ академическомъ сочиненіи «этико-метафизически» опредѣлилъ трагическую виновность и трагическую судьбу, не могъ не увлечься пьесой и написалъ восторженный отзывъ о «Борьбѣ за престолъ», какъ и два другихъ датскихъ критика совершенно иныхъ направленій: Розенбергъ и Фалькманъ.

Къ тому же времени подоспѣли и полемическія драмы Ибсена. «Брандъ» былъ первымъ его произведеніемъ, изданнымъ въ Копенгагенѣ (1866 г.); затѣмъ была тамъ же перепздана «Комедія любви», а

въ 1867 году вышелъ «Перъ Гюнтъ». Вотъ эти-то произведенія, и прежде всего «Брандъ», и подняли въ Даніи шумъ вокругъ имени Ибсена. Львиная лапа вдругъ отъ древнихъ временъ сразу перескочила къ нашему вѣку и впилась ему въ самое сердце такъ глубоко, что и до сихъ поръ не выпустила его. Историческими драмами Ибсена могли восхищаться эстеты, но публика интересовалась ими меньше; теперь, напротивъ, принялся шумѣть читающій міръ, отчасти уязвленный, отчасти восхищенный, и пришелъ чередъ эстетамъ качать головами. Это вѣдь было что-то, совсѣмъ несогласное съ гегелевскою эстетикою. И все-таки и эти произведенія отлично входили въ русло теченія датской литературы, съ тою лишь разницею, что быстрота ихъ теченія была несравненно сильнѣе.

«Комедія любви» заинтриговала нашу публику; пьесой очень интересовались, но рѣшительно не знали, какъ къ ней отнестись. Многимъ комедія эта показалась простымъ продолженіемъ борьбы романтизма съ филистерствомъ. Фру Гейбергъ же пришла въ восторгъ отъ этого «мощнаго выпада противъ всякой пошлости», находя, «что норвежцы лишній разъ доказали свою мелочность той злобой, съ которой встрѣтили столь крупное и оригинальное произведеніе, подобнаго которому, пожалуй, не найдется ни у какой другой націи въ свѣтѣ».

Но молодые представители этическаго міросозерцанія съ удовольствіемъ замѣчали, что сатира была направлена столько же на эстетизмъ, какъ на филистерство. Фалькъ былъ вѣдь въ сущности сродни кудрявому Фрицу, герою разсказа Пауля Мёллера *), сродни и «Адаму» Паллудана Мюллера **) и «Фантазёрамъ» Шака ***), появившимся въ датской литературѣ нѣсколькими годами раньше. Борьба съ эстетическимъ міровоззрѣніемъ стала со временъ Киркегора лозунгомъ цѣлаго поколѣнія: не слѣдовало, подобно Фальку, праздно слагать стихи и мечтать объ идеѣ; нѣтъ, идея должна была этически воплотиться въ жизни, а этическіе идеалы въ свою очередь должны были подчиниться религіознымъ.

И для эстетовъ и для религіозно настроенныхъ представителей этическаго міровоззрѣнія однако заключалось въ пьесѣ и нѣчто смущавшее и огорчавшее ихъ: Гульдстадъ разбиваетъ Фалька на-голову; и побѣда и Евангильдъ доставались Гульдстаду, въ которомъ эстеты видѣли олицетвореніе мѣщанскаго благоразумія, а противники ихъ не могли видѣть религіозно-нравственной антитезы эстетическому воззрѣнію.

---

*) Пауль Мёллеръ — даровитый датскій поэтъ и философъ.

**) «Adam Homo» — знаменитая поэма датскаго поэта Паллудана Мюллера; герой ея занимаетъ въ датской литературѣ мѣсто, подобное тому, какое занимаетъ въ русской Евгеній Онѣгинъ или Печоринъ.

***) Шакъ — талантливый датскій романистъ и беллетристъ, авторъ превосходнаго психологически-бытового романа «Фантазёры».

Тѣмъ полнѣе увлекались «Брандомъ» представители этическаго міровоззрѣнія и киркегоріанцы. Правда, многіе ортодоксальные христіане возмущались еретическимъ духомъ драмы, проповѣдывавшей, по ихъ мнѣнію, ложное ученіе, по которому человѣкъ можетъ обрѣсти искупленіе собственными силами, и возвеличившей мужественную волю, а не «милость», вслѣдствіе чего искупительный подвигъ Христа становился какъ бы излишнимъ. И этотъ Брандъ, самъ заявлявшій, что онъ не знаетъ даже — христіанинъ ли онъ, былъ, значитъ, въ сущности язычникомъ! Заключительныя слова о Deus caritatis мало помогали; это совсѣмъ не соотвѣтствовало тому христіанству, которое проповѣдывалъ Мартенсенъ *); зато всѣ, взывавшіе въ Даніи послѣ войны 1863 — 1864 гг. къ мужественному подъему духа, относились къ «Бранду» восторженно, какъ къ «гимну воли». И въ самомъ дѣлѣ, произведеніе это въ значительной степени сложилось у автора подъ впечатлѣніемъ событій 1864 г. Розенбергъ, который какъ разъ въ это время лишился должности за свою рьяную скандинавскую агитацію, былъ глубоко захваченъ «Брандомъ» и восхвалялъ его. Критикъ этотъ не допускалъ никакихъ возраженій противъ героя и потому не видѣлъ трагическаго оправданія паденію послѣдняго. «За героемъ, — писалъ онъ: — не числится никакой вины; онъ ни въ чемъ не провинился, и ничто не можетъ заставить читателя примириться съ ходомъ событій, приводящимъ героя къ гибели». Брандъ, по мнѣнію Розенберга, вовсе не лишенъ любви, какъ утверждали другіе; «онъ ведетъ войну противъ ложной, пресловутой любви, такъ какъ сердце его горитъ высшею любовью. Этотъ мятежный борецъ, какъ и многіе революціонеры, правъ во всемъ. И никто не можетъ упрекнуть его въ томъ, что онъ отказываетъ своей матери въ предсмертномъ утѣшеніи, — оно привело бы ее къ вѣчной гибели. Да прозвучитъ же этотъ грозный крикъ предостереженія надъ Сѣверомъ, да будетъ онъ услышанъ нами и да вдохнетъ въ насъ силы и то серьезное отношеніе къ дѣлу, отъ котораго зависитъ спасеніе Сѣвера!»

Въ піэтическихъ теченіяхъ въ Норвегіи было нѣчто общее съ проповѣдью Киркегора; киркегоріанцы и смотрѣли на «Бранда», какъ на переложеніе въ стихи философско-религіозныхъ произведеній Киркегора («Минута», «Пріобщеніе къ христіанству»). Въ нашей литературѣ уже имѣлись образцы такого опоэтизированія киркегоровскихъ идей; такъ, напримѣръ, библейская драма І. Фибигера «Іоаннъ Креститель» (1859 г.) какъ по духу, такъ и по формѣ казалась прямой предвѣстницей произведенія Ибсена. И подобно тому, какъ на Киркегора многіе смотрѣли, только какъ на проповѣдника христіанства, построеннаго на искупленіи, такъ большая публика читала и «Бранда»,

*) Епископъ Мартенсенъ, литературный противникъ Киркегора, стоявшій за датскую ортодоксальную церковь.

какъ пламенное религіозное поученіе. Въ самомъ дѣлѣ, Киркегоръ громилъ «слащавую болтовню» о христіанствѣ и о «добромъ Богѣ-дѣдушкѣ», а Ибсенъ нарядилъ устами Бранда этого Бога добрыхъ людей въ очки и ермолку. Въ сочиненіяхъ Киркегора выступалъ суровый Богъ, требующій «всего» и не позволяющій торговаться съ собою, и Брандъ говоритъ о такомъ же Богѣ. Киркегору положеніе человѣка, въ силу противорѣчія между натурой человѣческой и требованіями, предъявляемыми къ человѣку Богомъ, представлялось почти комическимъ, напоминая положеніе «рыбы на сушѣ». И Бранда занимаетъ комизмъ того же противорѣчія, и онъ говоритъ о «рыбѣ, страдающей водобоязнью». И какъ Киркегоръ захватывающе рисовалъ принесеніе Авраамомъ въ жертву сына, т.-е. исполненіе воли Божьей попраніемъ законовъ природы и человѣческой морали, такъ и Богъ Бранда олицетворяетъ грозу и трепетъ Израиля, требуя жертвы ребенкомъ. «Удивляться ли,—говоритъ Киркегоръ, подобно Агнесъ въ «Брандѣ»:— вѣрованію іудеевъ въ то, что узрѣть Бога значитъ умереть». Словомъ, всѣ образованные классы датскаго общества читали «Бранда», какъ громовую религіозную проповѣдь въ духѣ Киркегора, какъ напоминаніе о днѣ судномъ.

Лишь немногіе понимали, что и въ «Брандѣ», какъ въ киркегоровскихъ сочиненіяхъ, суть была не въ христіанской морали. Подобно тому, какъ борьба Киркегора съ теченіемъ времени стала пониматься болѣе свободными, развитыми умами, какъ борьба за внутреннюю правду, искренность и силу личности, такъ нѣкоторые отдѣльные читатели начали подозрѣвать, что и Брандъ — каково бы ни было содержаніе самой драмы — боролся за личность, за цѣльность и искренность ея вѣры, за силу ея характера, за внутреннюю связность, послѣдовательность всей ея жизни. Для такихъ читателей «Брандъ» и сталъ поэзіей «субъективизма».

И «Перъ Гюнтъ», сразу понятый, какъ отрицательный pendant къ Бранду, доказалъ, что писатель велъ борьбу этическую, а не религіозную, что для него главная суть была въ правдѣ и силѣ личности. Но отрицательный pendant далеко не впечатлѣнія, какъ «Брандъ», частью потому, что былъ лишенъ той религіозной окраски, частью потому, что самое время, видимо, требовало отъ поэзіи пафоса, а не ироніи. У насъ уже достаточно иронизировали надъ фантазерствомъ; послѣднее подвергалось и психологическому анализу и нравственному осужденію; къ тому же датское общество было слишкомъ развито въ эстетическомъ смыслѣ, чтобы гнѣвъ норвежца на фантазію не казался нѣсколько узкимъ и піэтическимъ. Норвежскимъ братьямъ снисходительно прощались и домашній медъ Доврскаго дѣда и національный ревъ Гугу; благодушно признавалась за спеціально-норвежскій недостатокъ и способность «довольствоваться самимъ собой». Но вотъ что сердило многихъ, въ томъ числѣ и Брандеса: «лишенное кра-

соты и извращенное жизневоззрѣніе», «забрасыванье грязью, оклеветаніе человѣческой природы». Романтизмъ надолго надѣлъ всѣмъ розовые очки, и многимъ еще и въ то время казалось, что Ибсену попалъ въ глаза осколокъ заколдованнаго зеркала Андерсена *).

Да и пониманіе чисто-поэтическихъ красотъ «Пера Гюнта», какъ и другихъ полемическихъ произведеній Ибсена, давалось въ то время труднѣе, чѣмъ теперь. Вообще многое въ поэзіи пылкаго, строптиваго норвежца невольно должно было оскорблять вкусъ датчанъ, воспитанныхъ на поэзіи Герца и Хр. Винтера. Ибсенъ какъ бы рубилъ свои стихи въ припадкѣ экстаза, и если слово не укладывалось въ данный размѣръ въ своей правильной формѣ, ему придавалась неправильная: ради риѳмы примѣнялись иногда варваризмы; то и дѣло попадались запутанныя, темныя или безвкусныя выраженія, видимо, взятыя наспѣхъ, какъ первыя, попавшіяся подъ руку; то выраженіе было сжато до-нельзя, то одна и та же мысль повторялась въ цѣломъ рядѣ картинъ. Самое остроуміе Ибсена часто казалось землякамъ утонченнаго остроумца Гейберга грубымъ и нелѣпымъ, юморъ неотесаннымъ и скачки мыслей несуразными; фантазія—то необузданной, то плоской, а поэтическія красоты чаще всего либо слишкомъ дикими, либо слишкомъ мучительными. Теперь даже трудно понять хорошенько, до чего боязливо-чопорные вкусы того времени были смущены манерой Ибсена. Остроуміе «Комедіи любви» казалось прѣснымъ или мальчишески-задорнымъ; четвертое дѣйствіе «Бранда» производило гнетущее впечатлѣніе; въ сценѣ смерти матушки Озе видѣли больше наивнаго, ребяческаго, чѣмъ трогательнаго. Въ датскія гостиныя вторгся норвежецъ, и его тонъ и манеры рѣзали глазъ и ухо. Съ тѣхъ поръ нашъ вкусъ, конечно, ушелъ дальше мелкаго пристрастія къ вылощенному, прилизанному искусству, и мы способны воспринимать болѣе рѣзкіе эффекты трагизма, какъ и комизма.

Творчество Ибсена сразу же вызвало и возраженія, ставшія затѣмъ ходячими, съ точки зрѣнія требованій и цѣлей искусства. Тогдашнему вѣку была еще совсѣмъ незнакома объективность, которая была такъ сильна въ творчествѣ Ибсена. Установилась привычка отыскивать въ художественномъ произведеніи извѣстное дѣйствующее лицо, которое выражало бы взгляды и симпатіи автора, а также опредѣленный выводъ, на которомъ читатели и авторъ могли бы сойтись ко взаимному удовольствію. Словомъ, отъ художественнаго произведенія требовался по меньшей мѣрѣ одинъ идеальный образъ, затѣмъ «поэтическая правда», т.-е. «примиряющая развязка». Поэтому у насъ то превращали Бранда въ рупоръ Ибсена, то огорчались отсутствіемъ въ поэмѣ «истиннаго ученика Христова», который бы являлся носителемъ

*) Въ сказкѣ «Снѣжная королева» говорится о зеркалѣ, въ которомъ все доброе и прекрасное отражалось въ искаженномъ, уродливомъ или смѣшномъ видѣ.

«единой истинной правды евангельской», и добивались узнать «идею» или положительное мнѣніе автора. Привычка къ авторской указкѣ сдѣлала послѣднюю необходимой. И даже Брандесъ жаловался, что «поэтъ предоставляетъ читателю самому выяснить себѣ односторонность героя». Правда, «Перъ Гюнтъ» утѣшилъ-таки подобныхъ читателей хоть однимъ «идеальнымъ» образомъ—Сольвейгъ, но и здѣсь, какъ въ «Брандѣ», не хватало авторскаго идеала. А по отношенію къ «Комедіи любви» прямо не знали, чего держаться; кричали объ измѣнѣ, о недостаткѣ «идеальныхъ убѣжденій», или о нечестности, или объ огульномъ отрицаніи. Брандесъ въ своихъ эстетическихъ наброскахъ высказалъ по этому поводу, что «художественное творчество хочетъ войны только для мира, приводитъ силы въ столкновеніе только для того, чтобы заключительная гармонія была тѣмъ полнѣе, глубже и возвышеннѣе».

Затѣмъ критики и читатели, судившіе Ибсена съ чисто-эстетической точки зрѣнія, вообще не были увѣрены въ томъ, что можно было отнести эти тенденціозныя произведенія къ поэзіи. «Это очень интересно и т. д., но поэзія ли это?» — повторялось на всѣ лады по поводу произведеній Ибсена, какъ въ свое время по поводу «Адама Человѣка» или «Фантазёровъ». Сатиру Ибсена находили слишкомъ злобно-полемической, не проясненной до юмора, и находили, что его моральное вдохновеніе, обращаясь со своей проповѣдью прямо къ публикѣ, было лишено эстетической свободы. Чѣмъ меньше хотѣли находить въ творчествѣ Ибсена объективности, тѣмъ больше усматривали въ немъ всюду тенденціи, хотя, казалось бы, постоянные споры изъ-за направленія могли бы навести людей на вѣрный слѣдъ. Что же это въ самомъ дѣлѣ за проповѣдникъ, разъ онъ такъ сбиваетъ людей, ищущихъ истиннаго смысла его проповѣди! Въ общемъ, по мнѣнію судей-эстетовъ, творчество Ибсена носило скорѣе печать разсудочности, нежели фантазіи. На ихъ взглядъ, уже въ «Борьбѣ за престолъ» художественные образы, какъ, напр., епископъ Николасъ, понемногу расплывались въ абстрактные принципы, а «Брандъ» и вовсе былъ насквозь пропитанъ разсчитанностью, надуманностью, которыя и не претворились въ поэтическіе образы; дѣйствующія лица были не живыми людьми, а олицетвореніями, положенія не реальными, а символическими; голая тема, скелетъ пьесы просвѣчивали повсюду. А ужъ «Перъ Гюнтъ», какъ объявилъ извѣстный критикъ Клемепсъ Петерсенъ, былъ и вовсе не поэзіей, а скорѣе всего напоминалъ «Корсара» *), только не политическаго, а этическаго, не остроумнаго, а страстнаго, не датскаго, а норвежскаго.

Всѣ эстеты чистой воды и высказывали—какъ Брандесъ въ 1868 г.—пожеланіе, чтобы Ибсенъ, не увлекаясь успѣхомъ своихъ полемиче-

*) Датскій сатирическій журналъ; см. о немъ выше, стр. 582.

скихъ произведеній и славою, которую они ему стяжали, бросилъ этотъ путь и вернулся вновь къ историческимъ драмамъ.

III.

Но годъ спустя вышла, какъ извѣстно, комедія «Союзъ молодежи». Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ее можно было разсматривать, какъ полуpendant (съ политической окраской) къ «Комедіи любви»; это была ѣдко-веселая сатира на тогдашнюю политическую кутерьму въ Норвегіи. Кромѣ того, въ пьесѣ было еще нѣчто новое, указывавшее, что авторъ вступилъ на совершенно новый путь; новое это заключалось, во-первыхъ, въ томъ, что пьеса была написана прозой, и стиль ея былъ уже не поэтическо-лирическій: языкъ дѣйствующихъ лицъ представлялъ поразительно вѣрное, живое воспроизведеніе настоящаго разговорнаго языка, — явленіе еще небывалое въ литературѣ; а во-вторыхъ, пьеса была всецѣло разсчитана на сценическое исполненіе. Успѣхъ ея въ датскомъ Королевскомъ театрѣ (1870 г.) и былъ огромный.

Тѣмъ не менѣе пьеса вызвала въ почитателяхъ Ибсена какъ будто разочарованіе. Послѣ «Бранда» ожиданія публики были такъ велики и достигли такого напряженія, что казалось трудно примириться «съ такимъ мелкимъ плаваніемъ» автора. Общимъ мнѣніемъ было, что въ этомъ произведеніи меньше поэзіи, нежели въ любомъ изъ прежнихъ произведеній Ибсена. Ибсенъ-де испугался своего высокаго полета и захотѣлъ быть «великимъ мастеромъ въ малыхъ дѣлахъ». «Это пертурбація, — писалъ Брандесъ: — въ которой звѣзда не идетъ назадъ, но дѣлаетъ петлю на своемъ пути». Къ тому же пьеса отличалась еще болѣе сильнымъ полемическимъ и отрицательнымъ духомъ, нежели какое-либо изъ прежнихъ произведеній Ибсена. «Ровно ничего возвышающаго, освобождающаго! Ни одного прекраснаго женскаго образа въ родѣ прежнихъ, — ни Сольвейгъ, ни Агнесъ, ни Маргитъ! Впечатлѣніе получается непріятное, какъ отъ экзекуціи. Это какая-то больница безъ цѣлебнаго источника, безъ врача. Нигдѣ не даетъ себя знать положительное, цѣльное жизнепониманіе».—Вотъ что повторяли на всѣ лады и Мольбекъ и Брандесъ. Только Розенбергъ, любитель борьбы, былъ доволенъ: «Хотятъ, чтобы писатель забавлялся, а не возмущался чужими глупостями; но если глупость вѣка не такого невиннаго свойства, если она равносильна язвѣ, разрушающей лучшее, что есть въ обществѣ, — что тогда дѣлать писателю? Можетъ ли онъ тогда, если дѣйствительно глубоко понимаетъ свой вѣкъ, быть расположеннымъ потѣшаться?» Копенгагенская интеллигенція была, впрочемъ, довольна тѣмъ, что доставалось народной партіи. «Вотъ бы намъ,—заключилъ свою статью Мольбекъ:—такого же Ибсена, который, изобразивъ безхарактернаго, запутавшагося и себялюбиваго политическаго фразера, имѣлъ бы мужество закончить свою пьесу

предсказаніемъ: черезъ десять лѣтъ онъ будетъ засѣдать въ нашемъ народномъ собраніи». Зато другой критикъ, Вейльбахъ, обидѣлся за молодежь: «Авторъ оклеветалъ настоящую молодежь, пригвоздивъ ее къ позорному столбу; быть не можетъ, чтобы Стенгоръ, способный такъ загораться и такъ горячо чувствовать, былъ только эгоистомъ; и такого-то представителя современной молодежи третируютъ по волѣ автора самымъ возмутительнымъ образомъ какіе-то нечистоплотные, подлые людишки!»

Въ Даніи не могли еще въ то время охватить той широты духовнаго и художественнаго развитія, которой достигъ Ибсенъ, живя въ Европѣ. Даже въ болѣе молодой и передовой части датскаго общества только еще начинала бродить проникшая туда изъ Европы новая закваска, которая по мѣрѣ того, какъ одиночные, самостоятельно работавшіе умы пропитывались ею, побуждала ихъ къ все болѣе и болѣе сильной оппозиціи противъ офиціальной Даніи. Одинъ изъ такихъ умовъ, а именно Брандесъ, наиболѣе прогрессивный и находившійся въ періодѣ самаго сильнаго броженія, лично встрѣтился съ Ибсеномъ за границей въ историческую эпоху франко-прусской войны и парижской коммуны, и эта встрѣча имѣла большое значеніе лично для Брандеса, а черезъ него и для духовной жизни датскаго общества.

По сужденіямъ Брандеса объ Ибсенѣ можно прослѣдить, какъ быстро шло духовное развитіе перваго въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Въ 1868 г. «Перъ Гюнтъ» заслужилъ почти-что осужденіе Брандеса, а къ 1869 году поэма уже чрезвычайно выросла въ его глазахъ. Тогда онъ вполнѣ въ духѣ времени и безъ доктринерства призналъ прекраснымъ, художественнымъ произведеніемъ всякое произведеніе, въ которомъ «чувствуется сильно взволнованная душа и дастъ себя знать глубокое личное настроеніе». Въ 1870—71 гг. Брандесъ совершилъ свою первую заграничную поѣздку и тогда-то и развился въ крупнаго революціонера мысли, которому предстояло по возвращеніи на родину внести пожаръ въ нашу духовную жизнь; въ эту поѣздку онъ лично познакомился съ Ибсеномъ и завязалъ съ нимъ оживленную переписку. Какъ сказано, знакомство это имѣло большое значеніе для нашей духовной жизни, такъ какъ Брандесъ, очевидно, былъ существенно обязанъ именно Ибсену посвященіемъ въ тѣ вопросы, во имя которыхъ поднялъ затѣмъ на родинѣ войну. Изъ личнаго общенія съ Ибсеномъ Брандесъ вынесъ еще больше, нежели до тѣхъ поръ изъ чтенія его произведеній; лишь теперь Брандесъ вполнѣ понялъ, чего можно было ожидать въ дальнѣйшемъ отъ автора «Бранда»; боевая ненависть Ибсена къ мелочнымъ условіямъ медвѣжьихъ угловъ на Сѣверѣ, его требованія свободы личности, освобожденія индивида отъ всѣхъ соціальныхъ и политическихъ путъ, его радикальное желаніе «революціи духа человѣческаго», — все это произвело зажигающее и оплодотворяющее дѣйствіе на Брандеса, который въ то время самъ

приближался къ той же стадіи развитія. И если Брандесъ въ своей первой же лекціи на родинѣ могъ развить тѣ взгляды, что Сѣверъ, изолированный своимъ самодовольствомъ отъ остальной Европы, обыкновенно отстаетъ отъ нея лѣтъ на сорокъ, и что молодому поколѣнію предстоитъ пересоздать все общественное міросозерцаніе для того, чтобы на Сѣверѣ могла расцвѣсти новая литература, то, во всякомъ случаѣ, тутъ не обошлось безъ содѣйствія Ибсена, который сильно укрѣпилъ въ Брандесѣ всѣ эти идеи. И ни къ кому такъ не подходило, какъ къ Ибсену, утвержденіе Брандеса, что писатели должны отнынѣ стать «врачевателями общества», и литература «должна ставить на обсужденіе проблемы».

Въ теченіе бурнаго переходнаго времени семидесятыхъ годовъ каждое новое произведеніе Ибсена, присылаемое намъ изъ-за границы, и знаменовало для молодого поколѣнія новую побѣду. Вышедшій въ 1871 году сборникъ стиховъ Ибсена, среди которыхъ были и стихи съ революціоннымъ настроеніемъ, явно вдохновилъ Драхмана, какъ то свидѣтельствуютъ форма и содержаніе двухъ первыхъ сборниковъ его поэзіи. Въ журналѣ «XIX Вѣкъ» Ибсенъ прислалъ свои стихотворенія о «трупѣ въ трюмѣ» и привѣтъ «Издали». Мощная драматическая двулогія «Кесарь и Галилеянинъ» явно принадлежала болѣе ранней стадіи развитія Ибсена, и выраженный въ ней религіозно-метафизическій взглядъ на міровую исторію въ послѣдній разъ доставилъ радость религіозно-философски настроеннымъ почитателямъ Ибсена шестидесятыхъ годовъ. Розенбергъ считалъ драму кульминаціонною точкой творчества Ибсена; стариковъ однако ужасали историческій детерминизмъ и шопенгауэровская теорія міровой воли, равнозначащіе, по ихъ мнѣнію, безплодному фатализму, тогда какъ молодые утверждали, что лишь своеобразная вѣра въ Провидѣніе, а не наука, приводитъ къ детерминизму такого рода.

Вышедшая въ 1877 г. драма «Столпы общества» уже всецѣло основывалась на «реальной почвѣ». Это былъ какъ бы итогъ всего, что считалось въ 70-хъ годахъ въ Даніи «современнымъ». Это была «сама дѣйствительность»; тутъ чистѣйшая проза была противопоставлена всему, что называлось романтической поэзіей; какъ и въ появившемся двумя годами раньше «Банкротствѣ» Бьёрнсона, трактовалось о коммерческихъ предпріятіяхъ, денежныхъ дѣлахъ и восхвалялась американская дѣловитость и практичность. Вдобавокъ, это была тоже сатира на общество, а тогда все современное теченіе въ Даніи было насквозь проникнуто общественными интересами. Первыя же лекціи Брандеса трактовали о государствѣ, о церкви, семьѣ, обществѣ и собственности; община вездѣ выдвигала на очередь вопросъ объ общественномъ строѣ; внезапно проявился у насъ съ большою силою соціализмъ, и литературная лѣвая партія, которая еще не входила въ соглашеніе съ «крестьянской лѣвой», чувствовала себя во многомъ

солидарною съ рабочимъ движеніемъ. Комедія «Столпы общества» своимъ иронически-полемическимъ заглавіемъ послужила эпиграфомъ къ цѣлому періоду общественной критики. И самый взглядъ на людей, выраженный пьесою Ибсена, былъ и остался взглядомъ, свойственнымъ семидесятымъ годамъ. Все было «лицемѣріемъ», всѣ жили болѣе или менѣе сознательною ложью; кандидатъ богословія Рёрлундъ олицетворялъ лицемѣріе пасторское, консулъ Берникъ — лицемѣріе высшей буржуазіи. На почвѣ же свободы и правды стояли эмансипированная американка и незаконная дочь наѣзднпка.

Столпы общества, т.-е. консервативная часть его, отлично выдержали по отношенію къ пьесѣ роль лицемѣровъ. Писатель уже пользовался у насъ такимъ прочнымъ авторитетомъ, что никакъ нельзя было позволить себѣ по отношенію къ нему ничего такого, на что рѣшались у насъ, напр., по отношенію къ Бьёрнсону, когда вышли въ свѣтъ «Леонарда» и «Новая система». Такимъ образомъ о «Столпахъ общества» высказывались только въ духѣ пониманія и признанія достоинствъ пьесы; лишь одинъ К. Плоугъ протестовалъ отъ имени «средняго сословія, которое г. Ибсенъ хотѣлъ доконать», и заявилъ, что *общество* ни въ Норвегіи ни въ Даніи никогда не признало бы за столповъ тѣхъ, кого столь очевидно несправедливо старается навязать обществу въ столпы Ибсенъ. Литературный же органъ политической лѣвой партіи «MorgenBladet» поспѣшилъ сообщить, что пьеса была направлена противъ національ-либераловъ, и вообще эксплоатировалъ пьесу для энергичнаго сведенія счетовъ съ великими—не міра сего, а — общества. Наши молодые «радикалы», и большіе и малые, продолжали въ концѣ 70-хъ годовъ усердно сражаться съ пасторами и статскими совѣтниками, съ «обществомъ» и «лицемѣріемъ».

Но вотъ въ 1879 году грянулъ со стороны Ибсена громовой ударъ въ другомъ направленіи, вызванный также поставленнымъ на очередь 70-ми годами женскимъ вопросомъ. О томъ, что ударъ пришелся по больному мѣсту, свидѣтельствовалъ поднявшійся въ обществѣ по поводу «Кукольнаго дома» крикъ и общій переполохъ. Со времени «Бранда» Ибсенъ никогда еще не становился такъ близко къ жизни. И еще ни отъ одной изъ пьесъ Ибсена не вѣяло до такой степени датскимъ духомъ, какъ отъ «Кукольнаго дома». Не только сюжетъ былъ, какъ говорили, почерпнутъ изъ незадолго передъ тѣмъ разыгравшагося въ уѣздномъ датскомъ городкѣ событія, но и самые типы—Гельмеръ съ его утонченнымъ эстетизмомъ и эстетическимъ эгоизмомъ, и поѣдающая миндальныя пирожныя щебетунья-пташка Нора — казались чисто-копенгагенскими типами. Пьеса вышла въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ 4 декабря, а въ двадцатыхъ числахъ того же мѣсяца уже шла на сценѣ Королевскаго театра; книга быстро достигла 3-го изданія, а пьеса въ исполненіи датскихъ артистовъ столь же быстро стала театральнымъ событіемъ первой важности. И безъ того уже

Нора была сродни намъ, копенгагенцамъ, исполнительница же этой роли, даровитая датская артистка фру Геннингсъ, еще усилила этотъ датскій отпечатокъ. Скоро въ городѣ ни о чемъ другомъ не было и разговора, какъ о «Кукольномъ домѣ», такъ что въ концѣ концовъ на званыхъ вечерахъ стали вывѣшивать въ гостиныхъ объявленія крупными буквами: «Возбраняется говорить о «Кукольномъ домѣ»!» Загорѣлась полемика въ газетахъ, посыпались вопросы: были ли вообще женщины похожи на Нору, а мужчины на Гельмера? Наказуемо ли въ сущности дѣяніе Норы? Можно ли требовать, чтобы мужъ бралъ на себя вину жены и добровольно садился въ тюрьму? Въ правѣ ли жена бросить мужа и дѣтей ради безпрепятственнаго развитія собственной личности? и т. п. Въ «Dagbladet» появилось, за подписью «Человѣка безъ собственнаго мнѣнія», обращенное къ директору банка Гельмеру письмо, въ которомъ заявлялось, что большинство мужчинъ поступили бы точно такъ же, какъ онъ, и что Нора, небось, вернется, притомъ — скорѣе даже, чѣмъ онъ думаетъ, и въ такой часъ, когда онъ меньше всего ожидаетъ. Цѣлая масса корреспондентокъ ополчилась на автора письма, защищая Нору, а защитникомъ «Человѣка безъ мнѣнія» выступилъ «Человѣкъ съ мнѣніемъ». Затѣмъ Норѣ было адресовано въ газетахъ сочувственное письмо отъ имени героини извѣстнаго водевиля Гейберга: «Первоапрѣльскіе дураки», которая на конфирмаціи не могла вспомнить изъ катехизиса ничего, кромѣ обязанностей къ самой себѣ, — какъ и Нора. Поборницы женской эмансипаціи въ свою очередь не упускали случая вставить ядовитое словцо по адресу мужчинъ. Въ общемъ же мнѣніе средняго трезваго большинства сводилось къ защитѣ Гельмера и объявленію Норы экзальтированной особой, истеричкой. Со стороны крайней правой партіи раздался одинокій рѣзкій протестъ К. Плоуга, обвинявшаго автора въ намѣреніи пошатнуть устои брака, въ отсутствіи не только христіанскаго, но и просто установленнаго законами во всемъ цивилизованномъ мірѣ взгляда на бракъ и т. п. Наоборотъ, представитель крайней лѣвой, Эдвардъ Брандесъ, ухватился за пьесу, какъ за орудіе для борьбы прогрессивной литературы съ реакціонерами Даніи и Норвегіи, называлъ Гельмера «старшиною студенческаго союза, заносчивымъ консерваторомъ, выразителемъ ходячихъ мнѣній хорошаго общества»; «это онъ былъ обиженъ «Столпами общества», это онъ съ развязностью уличнаго мальчишки отнесся къ «Редактору», это онъ скандалилъ по поводу «Леонарды» *).

Не менѣе ожесточенно, нежели на почвѣ общественной морали, велись споры и на почвѣ эстетики. Приверженцы старой романтической школы говорили о двухъ послѣднихъ пьесахъ Ибсена: это вѣдь проза; мы возвращаемся къ временамъ Коцебу и Ифланда; опять на сцену

*) «Редакторъ» и «Леонарда»—пьесы Б. Бьёрнсона.

тащатъ убожество будничной жизни, между тѣмъ какъ задача искусства—избавить насъ отъ житейской пошлости. Творчество Ибсена они признавали «этикой, политикой, педагогикой, но не эстетикой». При этомъ теоретики искусства, исходя изъ «понятія прекраснаго», говорили, что эстетика — это «самоосвобожденіе посредствомъ фантазіи», а не обсужденіе проблемъ; практики-драматурги утверждали, что публика не затѣмъ ходитъ въ театръ, чтобы слушать разсужденія; а барометръ копенгагенскихъ вкусовъ, литературный критикъ П. Гансенъ, шутилъ въ своей рецензіи надъ «нашимъ вѣкомъ, который не считаетъ достаточно серьезнымъ этическимъ подвигомъ поднесеніе авторомъ зеркала своимъ современникамъ, чтобы заставить ихъ посмѣяться надъ самимъ собою, но требуетъ патетически-серьезныхъ проповѣдниковъ». Наконецъ приверженцы старыхъ вкусовъ непремѣнно добивались точныхъ указаній насчетъ того, вернется Нора или нѣтъ, и былъ ли солидаренъ съ нею авторъ. «А то вѣдь это чистѣйшее отрицаніе! Авторъ не разрѣшаетъ проблемы. Ибсенъ хочетъ дать положительное и абсолютное разрѣшеніе брачныхъ конфликтовъ, но его невозможное разрѣшеніе не есть разрѣшеніе!»

Тѣмъ не менѣе «Кукольный домъ», какъ художественное произведеніе, одержалъ безусловную побѣду. Нора, Гельмеръ и докторъ Ранкъ и весь кукольный домъ жили у всѣхъ въ умѣ и воображеніи, обрѣли тамъ плоть и кровь настолько, что нельзя уже было отдѣлаться отъ нихъ; изъ этого-то живого зерна и вырастали все новые и новые отвлеченные споры. Всѣ знатоки искусства были поражены этимъ совершенно новымъ, сильнымъ драматическимъ искусствомъ. Всѣ дѣйствія разыгрываются въ одной и той же комнатѣ, а весь ходъ драмы охватываетъ какіе-нибудь два дня; дѣйствующихъ лицъ всего пять, которыя по очереди бесѣдуютъ по двое съ глазу на глазъ; изъ внѣшнихъ фактическихъ событій здѣсь играетъ роль всего-навсего письмо, которое сначала попадаетъ въ ящикъ для писемъ, а потомъ вынимается изъ ящика. Никогда еще не случалось въ театрѣ, чтобы зрители съ первой же минуты—отъ звонка въ передней при поднятіи занавѣса до глухого стука воротъ при послѣднемъ паденіи занавѣса—съ такой силой иллюзіи чувствовали себя перенесенными въ жизнь чужой семьи, изображенной передъ ними на сценѣ. Рѣчи такъ непринужденно слетали съ устъ дѣйствующихъ лицъ и такъ просто, разговорно передавались вниманію зрителей, что съ этихъ поръ стало почти невозможнымъ какъ произносить, такъ и слушать романтическіе ямбы или прозаическія книжныя реплики. У Ибсена нить разговоровъ прялась такъ легко и непринужденно, реплики незамѣтно мѣняли тонъ, настроеніе, темпераментъ, перескакивали какъ бы случайно и ненамѣренно съ предмета на предметъ, затрогивая по пути тысячу вещей, и слушатели, сами того не замѣчая, оказывались вовлеченными въ самые сложные жизненные конфликты, узнавали всю подноготную

трехъ-четырехъ дѣйствующихъ лицъ, чувствовали себя въ ихъ средѣ какъ дома, живѣйшимъ образомъ заинтересовывались дальнѣйшимъ развитіемъ конфликта. Раньше никто и никогда и представить себѣ не могъ, что люди могутъ такъ глубоко и полно обрисовываться тонко веденнымъ и съ виду чисто-будничнымъ разговоромъ, чтобы въ обмѣнѣ незначительныхъ съ виду фразъ улавливать толчки и столкновенія самыхъ различныхъ направленій мысли, и чтобы съ такимъ все возрастающимъ, захватывающимъ интересомъ приходилось слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ этихъ бесѣдъ, пока мало-по-малу интересъ этотъ, все усиливаясь, не переходилъ въ напряженіе и затѣмъ въ страхъ, перехватывавшій духъ. Такого дара втягивать зрителей въ свой заколдованный кругъ, заставляя ихъ позабыть обо всемъ остальномъ, такого неслыханнаго захвата всѣхъ силъ душевныхъ, при которомъ зритель весь поглощается тѣмъ, что происходитъ на сценѣ, у насъ до появленія «Кукольнаго дома» не знавали.

Для нашихъ крупнѣйшихъ сценическихъ талантовъ пьеса эта и ознаменовала собою переворотъ: повернула ихъ на путь новаго реальнаго искусства. А на всѣ литературные таланты она подѣйствовала, какъ призывъ къ драматическому творчеству, къ сценѣ. Ближайшіе годы показали, какіе шаги сдѣлала въ нашей литературѣ современная драма подъ этимъ вліяніемъ...

IV.

За «Кукольнымъ домомъ» слѣдовали «Привидѣнія». Если сравнить шумъ, поднятый въ обществѣ первою пьесой, съ переполохомъ на утиномъ дворѣ, куда бросили кочерыжку, то впечатлѣніе, произведенное второю, можно сравнить съ впечатлѣніемъ, которое производитъ неприличное до невозможности слово, внезапно произнесенное въ бонтонной гостиной, или вдругъ приключившійся въ богоспасаемомъ городкѣ случай чумной заразы. Въ газетахъ помалкивали, семейные дома были закрыты для такой литературы, отцы семействъ относились къ ней, какъ къ динамитной бомбѣ, сыновья же проносили ее въ домъ, какъ контрабанду; молодыя дѣвушки не смѣли признаться въ томъ, что читали ее, а книгопродавцы десятками возвращали издателю затребованные экземпляры; изданіе, напечатанное, въ чаяніи успѣха, выпавшаго на долю «Кукольнаго дома», въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, и разошлось лишь въ теченіе двѣнадцати лѣтъ. Зато на небольшой кружокъ чуткихъ читателей пьеса произвела впечатлѣніе чуть ли не еще болѣе глубокое, чѣмъ какое-либо изъ прежнихъ или позднѣйшихъ произведеній Ибсена, даже, пожалуй, болѣе сильное, чѣмъ какое-либо литературное произведеніе послѣдняго тридцатилѣтія. Въ общемъ пьеса произвела дѣйствіе, подобное дѣйствію кислоты, разложивъ читающую Ибсена публику на ея составные элементы.

Чтобы понять пріемъ, оказанный пьесѣ, надо припомнить, какая партійная горячка свирѣпствовала у насъ осенью 1881 г. Лѣвыя партіи — политическая и литературная — только-что нашли другъ друга и заключили союзъ, который весьма тревожно настроилъ консервативную партію. Роспускъ рикедага только усилилъ и сплотилъ лѣвыя группы и обострилъ политическій конфликтъ; обѣ стороны заняли угрожающее положеніе, одна готовила обструкцію, другая—временныя положенія. Атмосфера сгустилась до послѣдней крайности. Все это подготовило какъ нельзя болѣе подходящую среду для ибсеновской «бомбы».

Правыя газеты пришли въ ярость отъ «скандала» и пустили въ ходъ самую тяжелую артиллерію. Пьесу Ибсена называли не «семейной», а «революціонной» драмой; ея тему — отвратительной, идею разрушительной, подрывающей весь нашъ общественный строй. Устами Освальда и фру Альвингъ съ нами говорилъ вѣдь самъ Ибсенъ. А рѣчи эти потрясали семью и религію — устои общества. Запрещеніе церковью браковъ между братьями и сестрами и осужденіе самоубійства приравнивалось къ предразсудкамъ. Зато восхвалялась свободная любовь; отрицалось самое понятіе долга. И авторъ еще осмѣлился предложить такую пьесу датскому Королевскому театру! Это была съ его стороны или непонятная наивность, или сознательно-дерзкій вызовъ. Въ «Nationaltidende» было высказано, что, «лишь принимая во вниманіе извѣстность Ибсена и его литературное значеніе, нельзя безъ дальнѣйшихъ церемоній швырнуть его новую пьесу въ мусорную яму, гдѣ, въ сущности, ея настоящее мѣсто». Другая газета, «Berlingske Tidende», была только глубоко потрясена и огорчена: «Намъ еще не приходилось читать ничего подобнаго, ничего столь потрясающаго и возмутительнаго. Сюжетъ ужасенъ, ни единой свѣтлой точки; сплошной ужасъ и несчастье. Нѣтъ никакой возможности оправдать пьесу иначе, какъ только ставъ на ту точку зрѣнія, что авторъ написалъ ее съ цѣлью: потрясающимъ изображеніемъ бѣдствій, фактически причиняемыхъ отвратительнымъ недугомъ, напугать своихъ ближнихъ. И, конечно, проповѣдывать, что смерть — воздаяніе за грѣхи, никогда не лишнее, но да позволено будетъ спросить — нельзя ли было облечь такую проповѣдь въ иную форму?»

Нечего и говорить, что «Привидѣнія» явились какъ по заказу для правыхъ, давая имъ случай выдать европеизмъ за чистый нигилизмъ, чтобы напугать лѣвую крестьянскую партію, которая-де по простотѣ душевной вошла въ союзъ съ литературной лѣвой, зараженной европеизмомъ. Поэтому тѣмъ въ большую заслугу приходится вмѣнить газетѣ «Morgenbladet», органу одного изъ вождей лѣвыхъ, Берга, появленіе въ ней передовой статьи, въ которой Брандесъ защищалъ Ибсена отъ взведенныхъ на него лично нападокъ за рѣчи его героевъ и со всѣмъ превосходствомъ компетентнаго лица давалъ пьесѣ полное,

вѣрное освѣщеніе. Заслуга эта была тѣмъ значительнѣе, что норвежскіе либералы въ то время, если и отстаивали Ибсена, то весьма слабо (какъ Гарборгъ и Іегеръ), а то такъ даже яростно нападали на него. Въ заключеніе своей статьи Брандесъ, въ разрѣзъ общему теченію и пріему, оказанному «Привидѣніямъ» повсюду на Сѣверѣ, объявилъ пьесу «благороднѣйшимъ литературнымъ подвигомъ Ибсена».

Но «Привидѣніямъ» суждено было стать руководящею настольною книгою отнюдь не для поколѣнія, родственнаго Брандесу, а для болѣе молодыхъ, иначе сложившихся духовно поколѣній. Статья Брандеса все-таки не признавала данной пьесы наиболѣе значительнымъ произведеніемъ Ибсена и далеко не обнаруживала средства принциповъ. Статья только утверждала, что «нигилизмъ — неизбѣжный плодъ духовной тиранніи», что фатализмъ въ пьесѣ былъ лишь «древне-греческимъ натуралистическимъ пониманіемъ человѣческой жизни, къ которому вернулся нашъ вѣкъ, и что несправедливое вымещеніе пороковъ мужа на женѣ и сынѣ — несправедливость мірового порядка вещей, и не дѣло автора перепначивать этотъ порядокъ или представлять его въ новомъ ложномъ свѣтѣ».

Въ общемъ пьеса истолковывалась какъ поэтическая обработка ученія о наслѣдственности въ томъ видѣ, какъ оно было въ то время изложено профессоромъ Гёфдингомъ въ согласіи съ англійскими философами-эволюціонистами. Но въ силу основного тона своего драма «Привидѣнія» не могла захватить сильнаго, жаднаго къ жизни и боевого поколѣнія «бурнаго прорыва», къ которому принадлежали Брандесъ и Драхманъ, Скрамъ и Шандорфъ. Зато тѣмъ сильнѣе подѣйствовала она на болѣе молодое поколѣніе, дѣтскіе годы котораго протекли, омраченные тѣнью, отброшенной пораженіемъ Даніи въ 1864 г. и затѣмъ событіями 1870 года, и которое не участвовало въ духовномъ возмущеніи, охватившемъ старшія поколѣнія сразу послѣ упомянутыхъ событій, но только было свидѣтелемъ реакціи, съ удвоенной силой распространившейся послѣ 1870 г. по всей Европѣ, и прогрессирующаго безсилія нашей маленькой страны. Это поколѣніе заранѣе отказалось отъ намѣренія взбунтовать міръ, окутавшись въ плащъ усталой безнадежности, тихой задушевности и чувствительности. Его вдохновляли произведенія Топсё, романъ Якобсена «Нильсъ Люне» и муза Тургенева. И вотъ оно схватилось за ученіе о наслѣдственности, какъ за свое оправданіе, чувствуя себя слабымъ, утонченнымъ продуктомъ упадка — декадентами. Сенсаціонный романъ Германа Банга «Безнадежныя поколѣнія» (1880 г.) задалъ тонъ этому поколѣнію декадентовъ, а «Привидѣнія» стали его библіей. Ибсенъ геніально сгустилъ въ этомъ произведеніи всѣ духовныя міазмы безсилія и безнадежности, которыми была насыщена тогда атмосфера въ Европѣ.

Но въ то время, какъ декаденты видѣли центръ тяжести въ Освальдѣ,

и всѣ декадентствующіе актеры стремились играть Освальда, а просто декаденты поддѣлываться «подъ Освальда», самъ Ибсенъ видѣлъ центръ тяжести драмы въ фру Альвингъ и чувствовалъ родственную душу въ ней, а отнюдь не въ Освальдѣ. Ибсенъ вѣдь былъ и остался протестующимъ идеалистомъ, подозрительнымъ моралистомъ, который по волокнамъ расщипываетъ сросшіеся элементы и подкладываетъ мины подъ то, что̀ казалось основаннымъ на твердомъ фундаментѣ. Декадентствующая молодежь состояла изъ Освальдовъ, смѣявшихся надъ моралистами и спорами о проблемахъ; декаденты были артистами до мозга костей, искали возбуждающихъ стимуловъ въ шампанскомъ и въ Регинахъ, а въ общемъ предавались артистическому наслажденію утонченныхъ ощущеній, въ родѣ того, которое вызывали въ Освальдѣ слова: размягченіе мозга, рисуя передъ нимъ «драпри вишневаго бархата, которыя такъ и хочется погладить». Поэтому декадентская молодежь, увлекаясь «Привидѣніями», все больше и больше отходила отъ самого Ибсена въ послѣдующій періодъ. Въ 80—90-хъ гг. въ литературной молодежи нашей и стали преобладать утонченные, прилизанные эстеты, изящные новеллисты, изощренные наблюдатели, лирики-аматёры, которые уже понимали великаго писателя хуже, чѣмъ понимали и понимаютъ его люди семидесятыхъ годовъ. Въ нихъ было мало той силы «бурнаго прорыва», которая отличала Ибсена и Георга Брандеса.

Тѣмъ не менѣе двѣ ближайшія изъ слѣдующихъ пьесъ Ибсена эта молодежь была еще способна усвоить и использовать для своихъ цѣлей, а старшія поколѣнія опять-таки поняли ихъ невполнѣ такъ, какъ слѣдовало.

«Врагъ народа» врѣзался въ самую гущу нашей жаркой политической борьбы и нетерпимости, подобно собакѣ, ворвавшейся на кегельбанъ и опрокинувшей всю ставку. Пьеса производила впечатлѣніе вполнѣ въ духѣ самого Стокмана, и отнеслись къ ней точно такъ же, какъ къ нему. Если правые въ свое время выдали себя головой на «Привидѣніяхъ», то надо признаться, что на этотъ разъ съ изумительной готовностью поддались приглашенію скомпрометировать себя лѣвые. «Врагъ народа» со своей теоріей о сверхчеловѣкѣ и своимъ аристократическимъ радикализмомъ явился какъ нельзя болѣе некстати для нашихъ «европейцевъ», которые успѣли теперь занять позиціи добрыхъ демократовъ рядкомъ съ всегда нѣсколько подозрительными членами лѣвой крестьянской партіи. Имъ необходимо было громко заявить о своей несолидарности съ такими «аристократическими» воззрѣніями, и вотъ «Morgenbladet», органъ литературной лѣвой, взявшій подъ свою защиту «Привидѣнія», помѣстилъ уничтожающую рецензію Эдварда Брандеса. Въ ней говорилось, что новая пьеса Ибсена принесла большое разочарованіе поклонникамъ его творчества и далеко уступаетъ его предыдущимъ произведеніямъ; въ ней можно усмотрѣть шагъ назадъ въ смыслѣ сатиры или тенденціи. Далѣе

говорилось, что пьеса сыграетъ въ руку реакціи, и что авторъ, повидимому, сдѣлалъ ею уступку своимъ непримиримымъ противникамъ. Въ заключеніе рецензентъ выразилъ, что пьеса доказывала какъ разъ противоположное тому, что хотѣлъ сказать ею авторъ, а именно, выходитъ, что «одинокій—слабѣйшій». Доктору Стокману лучше было бы постараться поладить съ свободомыслящимъ большинствомъ, разъ за нимъ сила. Рѣшеніе вопросовъ большинствомъ голосовъ—единственно возможное рѣшеніе въ свѣтѣ; мы не можемъ удовлетвориться ренановскимъ презрительнымъ взглядомъ на всѣхъ, не принадлежащихъ къ аристократіи духа, какъ на какихъ-то псовъ. Да и гдѣ взять намъ этихъ единичныхъ аристократовъ духа? Нельзя же признать за такового самого Стокмана, этого жалкаго, скудоумнаго простака, ничего не смыслящаго въ окружающемъ его общественномъ порядкѣ. И Георгъ Брандесъ въ 1885 г. въ своихъ этюдахъ: «Люди нашего періода прорыва», тоже выразилъ сожалѣніе, что Ибсенъ «держалъ себя такъ свысока по отношенію къ партіямъ и не захотѣлъ поступить, какъ тѣ генералы-легитимисты, которые записывались на службу въ армію Конде простыми солдатами».

И куда дѣвалась *объективность* Ибсена, которую такъ еще недавно выставляли и прославляли по поводу «Привидѣній»! Теперь на Ибсена взваливали всѣ рѣчи Стокмана. А всего черезъ полтора года всѣ европейцы сами были выброшены изъ материнскаго лона «сплоченнаго большинства».

Молодежь, свободная отъ политическаго давленія, могла вволю симпатизировать «Врагу народа», не давая сбить себя съ толку аплодисментами театральной публики. Въ общемъ эта пьеса, а еще болѣе «Росмерсгольмъ» въ 1886 г., послужила для многихъ изъ нашей молодежи лозунгомъ политической безпартійности, который, съ одной стороны, дѣйствовалъ на нихъ освобождающе, съ другой — нѣсколько деморализующе. Въ сущности пора было напомнить о томъ, какую опасность для личности представляла партійная агитація, какъ и о томъ, что высшія цѣнности не умѣщаются въ партійныя рамки. Много среди насъ было редакторовъ Говстадовъ и ректоровъ Кроллей, и намъ особенно нужны были истинно-благородные люди въ томъ періодѣ измельчанія и озлобленности, которые явились послѣдствіями партійной борьбы. Пьесы Ибсена немало и содѣйствовали тому, что духовная жизнь у насъ стала понемногу эмансипироваться отъ политики, и что, напр., литература не выродилась въ хоровыя пѣсни по поводу выборовъ и демократическія картинки изъ народнаго быта. И у насъ не забудутъ, какъ въ старинныхъ, высокихъ покояхъ Росмерсгольма тихія рѣчи Росмера прозвучали съ силой задушевнаго призыва къ облагороженію и освобожденію и захватили больныхъ разлитіемъ желчи представителей 80-хъ годовъ. На этой пьесѣ лежалъ какой-то отблескъ далекой отъ жизни фантастической величавости, которая

производила удивительное очищающее дѣйствіе. Но все-таки подъ флагомъ политическаго крушенія у насъ замѣчалось какое-то общее sauve qui peut (спасайся, кто можетъ!), какъ послѣ кораблекрушенія, бѣгство изъ-подъ знаменъ,— чаще отъ усталости и безнадежности, нежели изъ трусости,—и подъ маской росмеровскаго благородства многіе спасали свое жизненное мужество и работоспособность съ помощью частичной измѣны самимъ себѣ. Все, что около 1890 г. выступило у насъ хорошаго и дурного въ формѣ ницшеанства, было подготовлено вліяніемъ на умы «Врага народа» и «Росмерсгольма».

Еще болѣе сильное и сбивчивое впечатлѣніе произвела въ 1884 г. «Дикая утка». На сценѣ нашего Королевскаго театра пьеса, превосходно поставленная и сыгранная, держится и до сихъ поръ, при чемъ произведенное ею съ самаго начала громадное впечатлѣніе нисколько не теряетъ своей силы. На взглядъ тѣхъ, кто способенъ былъ видѣть въ произведеніи больше, чѣмъ полукомическую, полутрагическую театральную пьесу, Ибсенъ никогда еще не предлагалъ такой удивительной смѣси всякихъ приправъ, такого рѣжущаго хора диссонансовъ. «Дикая утка» на многихъ и подѣйствовала, какъ незамѣтно разливающійся, разъѣдающій ядъ, отравляющій въ человѣкѣ всѣ источники жизни и высасывающій изъ нихъ всю живую силу, заставляющій поблекнуть для человѣка всѣ краски въ мірѣ. Повидимому, ничего другого и не оставалось, какъ, подобно доктору Реллингу,—у котораго тоже навѣрно засѣла въ тѣлѣ пара-другая дробинокъ,—пичкать снадобьями другихъ подстрѣленныхъ и горячечныхъ паціентовъ всеобщей больницы да выпроваживать отъ себя подальше всѣхъ коноваловъ идеи. Этотъ «докторъ жизненной лжи» скоро сталъ повторяться у насъ многими писателями; циничный и чувствительный, закаленный презрѣніемъ къ людямъ и слабый своею гуманностью, деморализованный принципомъ laisser faire, laisser aller, онъ своимъ до-нельзя трезвымъ взглядомъ отнималъ вдохновеніе у всѣхъ Грегерсовъ, а своимъ дряблымъ добродушіемъ накладывалъ заплаты на попорченныя жизни Экдалей и Мольвиковъ. Реллингъ сталъ чуть не героемъ 80-хъ и 90-хъ гг., оправдавшимъ пророчества семидесятниковъ. Да кое-что изъ доктора Реллинга засѣло и во всѣхъ насъ, представителяхъ новѣйшихъ поколѣній. Въ то же время въ «Дикой уткѣ» было нѣчто такое, отъ чего кружилась голова и спирало дыханіе: какой-то новый пріемъ ориентировки въ жизни; словно какой-то занавѣсъ, скрывавшій задній планъ, вдругъ отодвинулся и открылъ глубину, въ сравненіи съ которою всѣ отдѣльныя части сцены являлись декораціями только одного передняго плана. Промежутокъ, отдѣлявшій «Столпы общества» отъ «Дикой утки», отмѣтилъ собой цѣлый духовный переворотъ. Значеніе словъ, цѣнность вещей, истина и ложь, идеалъ и право и неправо,—все было переоцѣнено и перемѣчено по-новому; все разсматривалось какъ будто изнутри, съ изнанки и, вы-

вернутый такимъ образомъ, безпочвенный, лишенный знанія жизни и настоящей любви къ людямъ идеалистъ Грегерсъ, или старикъ Верле, или фру Сэрбю, или Гина—всѣ представлялись совершенно иными, нежели какими казались поверхностному взгляду, видѣвшему только ихъ наружную оболочку.

Разсказъ фру Сэрбю въ четвертомъ дѣйствіи о томъ, какъ Верле, здоровый, полный жизни мужчина, въ самую лучшую пору своей жизни только и слышалъ отъ своей болѣзненной супруги нравоучительныя проповѣди да упреки, по большей части въ воображаемыхъ проступкахъ, напоминаетъ признаніе фру Альвингъ въ «Привидѣніяхъ», которымъ она въ концѣ концовъ оправдываетъ покойнаго камергера Альвинга. А запоздалое и столь смутившее Ялмара и Грегерса открытіе, что въ сущности фру Сэрбю и Верле осуществляютъ, и какъ еще просто, идею истиннаго брака?—Вотъ когда пронія автора открываетъ передъ нами неизмѣримую глубину! Эта глубокая пронія надъ игрой жизни, въ которой истина чередуется съ ложью, и есть то, что̀ посѣяно въ наши души «Дикою уткой». И безсмертный Ялмаръ Экдаль явился столь же типично-датскимъ, какъ Нора и Гельмеръ, но болѣе глубоко и широко задуманнымъ типомъ. Вездѣ и всюду мы встрѣчаемъ Ялмаровъ Экдалей въ себѣ самихъ и въ другихъ. Мы слышимъ его въ извѣстныхъ оборотахъ рѣчи, въ извѣстномъ тонѣ, улавливаемъ его въ характерномъ жестѣ руки, во взглядѣ—у себя и у другихъ. И онъ же проскакиваетъ, то съ разрѣшенія, то безъ разрѣшенія самихъ авторовъ, между строкъ во многихъ ихъ произведеніяхъ, когда изображаемыя въ нихъ лица пользуются случаемъ выразиться получше, покрасивѣе, попрочувствованнѣе. Ялмаръ Экдаль все еще служитъ у насъ своего рода предостерегающимъ знакомъ, столь необходимымъ для насъ съ нашимъ не свободнымъ отъ сентиментальнаго пафоса національнымъ характеромъ.

По поводу «Дикой утки» еще достаточно разглагольствовали о жизненной лжи, объ истинномъ и ложномъ идеализмѣ и т. п., но одновременно съ тѣмъ, какъ Ибсенъ все больше и больше удалялся отъ разработки внѣшнихъ, болѣе осязательныхъ «вопросовъ и проблемъ», и его произведенія становились все болѣе психологическими монографіями,—нашъ вѣкъ, который самъ всецѣло отказался отъ тенденціознаго творчества, все лучше понималъ и цѣнилъ Ибсена, какъ художника, включая и его болѣе раннее творчество. «Кукольный домъ» и «Привидѣнія» перечитывались какъ бы совсѣмъ другими глазами, и читатель открывалъ, что реплики, прежде какъ будто указывавшія на что-то лежащее внѣ пьесы, какъ будто подносившія такія-то и такія-то сентенціи, которыя читателю предстояло подвергнуть испытанію и затѣмъ занять по отношенію къ нимъ соотвѣтственную точку зрѣнія, на самомъ дѣлѣ указывали вовнутрь, вводили въ душу самого говорившаго, представляли комментаріи для пониманія его душевной

жизни. Становясь на точку зрѣнія дѣйствующихъ лицъ, читатель видѣлъ, что все въ пьесахъ было *субъективнымъ*, а это въ свою очередь доказывало *объективность* автора и учило быть объективнымъ самихъ читателей. Только теперь послѣдніе стали понимать, какимъ почти жуткимъ безличіемъ отличалось искусство Ибсена и какою почти непостижимою способностью создавать разныя психологическія комбинаціи и моральные кризисы отличалась его фантазія. Теперь только почувствовали, съ какою геніальностью онъ схватывалъ психическое явленіе или общеинтересный житейскій фактъ и проникалъ въ него, углублялъ его, повертывалъ его во всѣ стороны, энергично заставляя его развертываться во всѣхъ направленіяхъ, выводилъ изъ него всевозможныя заключенія и затѣмъ уже съ мастерствомъ художника-зодчаго строплъ на этомъ явленіи или фактѣ свои пьесы. Такимъ образомъ Нора и Фру Альвингъ возникли прежде всего не какъ глашатаи какихъ бы то ни было идей, а попросту какъ два психологическихъ портрета, изображенія двухъ жизненныхъ судебъ, столь глубокія, тонкія и живыя, какихъ до тѣхъ поръ не знавала литература. Затѣмъ въ 80—90-хъ годахъ появились новые психологическіе портреты или изображенія человѣческихъ судебъ, какъ Ребекка Вестъ и Яльмаръ Экдаль, Гедда Габлеръ и Гильда, Сольнесъ и Боркманъ, или же моральныхъ недуговъ, напр., въ «Дочери моря» и «Маленькомъ Эйольфѣ». Всѣ мы могли бы указать среди своихъ знакомыхъ женщинъ съ задатками для Гедды; видѣли мы вокругъ себя и старѣющихъ знаменитостей à la Сольнесъ; только въ обработкѣ Ибсена фигуры эти выходятъ крупнѣе и глубже, а «недуги» усилены и обострены. Искусство Ибсена показываетъ намъ жизнь какъ бы подъ увеличительнымъ стекломъ, приводитъ насъ въ повышенное настроеніе и даетъ дѣйствительности такое толкованіе, до котораго намъ самимъ не дойти, какъ бы мы ни вглядывались въ стертыя каракули будничной жизни. Но и теперь, какъ прежде, особенностью ибсеновскаго творчества остается то, что психическое явленіе выбирается и преподносится намъ въ такой обработкѣ, благодаря которой получаетъ куда болѣе широкое значеніе, нежели какое имѣло бы само по себѣ; поставленный Ибсеномъ вопросъ обыкновенно затрагиваетъ общія моральныя проблемы такъ, что поневолѣ заставляетъ мысль и чувство заниматься ими. Только проблемы эти уже не носятъ внѣшняго, осязательнаго характера, какъ тѣ, которыя прежде ставились имъ на обсужденіе, и не достигаютъ той же популярности потому лишь, что въ сущности схвачены авторомъ гораздо глубже и шире. Эти новыя проблемы сводятся къ значенію родительской любви, къ праву «пользоваться помощниками и слугами», или «убивать въ человѣкѣ душу живую, способную любить». И теперь, какъ прежде, творчество Ибсена сохранило волшебную власть — проливать новый, неожиданный свѣтъ на обширныя области психической жизни и тревожить нравственное со-

знаніе вѣка. Но въ этомъ отношеніи Ибсенъ, какъ писатель, и становился въ нашей литературѣ все болѣе и болѣе одинокимъ, чужимъ; наши молодые спеціалисты-художники предпочитаютъ держаться подальше отъ обобщеній и обширныхъ горизонтовъ мысли.

Чѣмъ глубже Ибсенъ пробивалъ себѣ своимъ молотомъ путь въ ночную глубину психической жизни, тѣмъ болѣе необходимымъ оказывалось для него, ради драматической жизненности, дѣйствовать внушеніемъ, прибѣгая къ помощи символизма. Настала минута, когда строго-реальныя рамки стали для него узки, и за «бѣлыми конями» «Росмерсгольма» появился «незнакомецъ» въ «Дочери моря», а затѣмъ и «церковныя башни» Сольнеса и «подземное царство» Боркмана. Истинный правовѣрный натурализмъ содрогнулся при появленіи этихъ бѣлыхъ коней въ серединѣ 80-хъ годовъ. Ужъ не впалъ ли «великій старецъ» въ дѣтство? Эрикъ Скрамъ, типичный представитель натуралистическаго направленія въ литературѣ, поднялъ крикъ въ «Зрителѣ». Но дебютировавшее въ концѣ 80-хъ годовъ въ журналѣ «Новь» молодое поколѣніе, уставшее отъ всей этой суши бытовыхъ разсказовъ и плоскостей «реализма», жаждало въ литературѣ подъема настроенія и болѣе свободной фантазіи писателя-художника, и одинъ изъ критиковъ *), принадлежавшій къ этому молодому поколѣнію, доставилъ себѣ въ день 60-лѣтія Ибсена удовольствіе чествовать автора «Росмерсгольма», какъ «смѣлаго новатора, который не останавливается пугливо на случайномъ, узкомъ опытѣ дѣйствительности, но изъ личнаго опыта, глубокихъ думъ и мощныхъ настроеній своихъ способенъ творить нѣчто новое». Съ тѣхъ поръ въ Даніи такъ далеко отошли отъ трезвыхъ объективныхъ описаній дѣйствительности и подвинулись навстрѣчу лиризму настроенія и символизму фантазіи, что уже врядъ ли кто далъ себя отпугнуть башнестроительствомъ Сольнеса или бабкой-крысоловкой въ «Маленькомъ Эйольфѣ» и тому подобными символическими образами въ послѣднихъ произведеніяхъ Ибсена. Скорѣе же многимъ трудно переварить и въ чтеніи и на сценѣ свойственное этимъ произведеніямъ довольно рѣзкое сочетаніе воздушной фантастичности съ необычайно основательнымъ реализмомъ.

V.

Я даю здѣсь только исторически-психологическій набросокъ, а отнюдь не художественную критику. Разбираю не самыя произведенія Ибсена, но роль ихъ въ умственной жизни датскаго общества, или жизнь ихъ въ сознаніи, въ умахъ другихъ людей, куда писатель пересаживаетъ ихъ изъ своей души, какъ своего рода духовные ростки, отводки. Жизнь эта, и по окраскѣ и по формѣ, находится въ такой зависимости отъ новой, чужой почвы, что не всегда можетъ или должна

*) Самъ авторъ статьи Ведель.

походить на свой первоисточникъ. Мой этюдъ поэтому, быть-можетъ, въ состояніи внести косвеннымъ образомъ лепту и въ характеристику художественнаго творчества Ибсена, но прежде всего является лептой для характеристики нашей датской духовной жизни. Я какъ бы измѣряю и взвѣшиваю ее, разбирая ея отношеніе къ произведеніямъ Ибсена.

Позвольте же мнѣ попытаться опредѣлить это отношеніе съ помощью вышеизложеннаго и еще немножко поанализировать своихъ современниковъ.

Прежде всего нельзя отрицать, что, несмотря на все, что мы говорили о вліяніи Ибсена въ Даніи, въ самой натурѣ народной и направленіи вѣка не мало такого, что противится и всегда противилось этому вліянію.

Ибсенъ слишкомъ тяжелъ,—говорятъ прежде всего жизнерадостные, веселые копенгагенцы. Они хотятъ, чтобы ихъ забавляли, трогали, но не хотятъ, чтобъ ихъ мучили, возмущали или заставляли разгрызать крѣпкіе орѣхи идей. По крайней мѣрѣ въ театръ они ходятъ совсѣмъ не для этого; недаромъ, въ противовѣсъ тяжести и серьезности событій времени, копенгагенскій вкусъ и создалъ репертуаръ Королевскаго театра—преимущественно изъ гейберговскихъ да гоструповскихъ водевилей и лирическо-романтическихъ, фантастическихъ пьесъ.

Ибсенъ слишкомъ холоденъ и мраченъ,—говорятъ затѣмъ бѣлокурые, голубоглазые, добродушные датчане. Ихъ представителями можно назвать Гоструна и О. Борхсеніуса, тяготѣющихъ къ Бьёрнсону. Гострупъ увлекался «Кукольнымъ домомъ» изъ симпатіи къ женскому вопросу, но, когда вышли «Привидѣнія», высказалъ: «это черно, какъ ночь; я могу признать поэзіей только то, что заключаетъ въ себѣ нѣчто возвышающее, освобождающее духъ». И Борхсеніуса «Привидѣнія» заставили въ сущности отвернуться отъ Ибсена. Онъ тогда принадлежалъ къ «европейцамъ» и обнаружилъ въ своей рецензіи въ журналѣ «Ude og hjemme» («Дома и на чужбинѣ») очень тонкое пониманіе пьесы; но личные взгляды все-таки взяли верхъ надъ партійными соображеніями въ слѣдующихъ строкахъ рецензіи: «Вотъ въ чемъ всѣ оптимистически настроенныя натуры никогда не сойдутся съ великимъ пессимистомъ. творчество котораго — какъ высоко ни ставятъ онѣ его въ художественномъ отношеніи — не можетъ насытить ихъ души, дать имъ то, чѣмъ можно жить».

Ибсенъ слишкомъ туманенъ,—говорятъ далѣе люди разсудка, люди, которые неохотно отваживаются забираться въ такія глубокія мѣста, гдѣ уже не видно дна; то же самое говорятъ люди вѣры, которыхъ всякая неувѣренность, загадочность мучитъ и которые во что бы то ни стало хотятъ имѣть подъ ногами твердую почву. Ретивый пасторъ Шакъ пишетъ книгу за книгой противъ Ибсена, «страдающаго болѣзненнымъ недостаткомъ положительнаго міровоззрѣнія и жизнепони-

манія». Другой подобный же представитель вѣры говорилъ мнѣ, что въ молодости долго восхищался Ибсеномъ, въ полной увѣренности, что тотъ носитъ въ своей душѣ рѣшеніе загадокъ бытія и только упорно не хочетъ повѣдать міру этого рѣшенія: когда же ему вдругъ стало ясно, что Ибсенъ самъ не знаетъ рѣшенія, онъ сталъ смотрѣть на писателя просто какъ на блестящаго виртуоза, скрывающаго подъ наружнымъ блескомъ внутреннюю пустоту. Трезвымъ, склоннымъ къ раціонализму натурамъ творчество Ибсена также внушало инстинктивную непріязнь: «Въ чемъ суть? Говорите начистоту!»—заявляютъ онѣ. Простой, здравый смыслъ подымаетъ на дыбы противъ Ибсена многихъ изъ нашихъ наиболѣе положительныхъ писателей-реалистовъ, которые находятъ много страннаго, «незаконнорожденнаго» въ его образахъ, много неестественнаго и изломаннаго въ развитіи имъ дѣйствія и много туманнаго въ его символизмѣ. И этотъ протестъ трезвыхъ разсудковъ, простого здраваго смысла весьма въ характерѣ датчанъ.

Ибсенъ такой сухой, угловатый, — слышится со стороны нашихъ свѣжихъ дѣтей природы и космополитовъ-язычниковъ.—Вѣчно у него такія громоздкія фразы, торжественные обороты: «жизненная ложь», «убійство живой души, способной любить»; его фигуры скрипятъ на шарнирахъ, словно онѣ деревянныя, а не изъ плоти и крови; онъ риторитъ въ области морали и богословъ по образу мыслей, а мы—дѣти волнообразныхъ острововъ, вскормленныя тучной гречихой, любимъ жить и другимъ давать жить. Дѣланное, нечеловѣчное насъ не беретъ за живое, кто тамъ ни проповѣдуй — норвежецъ или нѣмецъ; «Prophete rechts, Prophete links—das Weltkind in der Mitte!»

Ибсенъ слишкомъ спокоенъ, почти безжизненъ, — по мнѣнію большинства нашихъ молодыхъ лириковъ жанра Штукенберга и Іоганна Юргенсона. Ихъ зло разбираетъ глядѣть, какъ онъ, сидя себѣ спокойно въ своемъ кабинетѣ, съ математическою точностью чертитъ планъ и создаетъ явленія и пьесы, какъ онъ опытной рукой смѣшиваетъ элементы и подготовляетъ характеры, то тутъ, то тамъ вкленвая немножко символизма; ихъ сердитъ, что онъ вообще такъ безупреченъ въ смыслѣ техники! И вотъ они въ «Дикой уткѣ», напр., способны не обратить никакого вниманія на превосходную фигуру Яльмара Экдаля, зато ужъ не пропустятъ «совинаго крика»: «Лѣсъ мститъ». Нѣтъ, онъ не настоящій поэтъ, сразу сказали про Ибсена такіе читатели; у него все размышленіе, а не чувство, нѣтъ непосредственности.

Наконецъ въ глазахъ нашихъ присяжныхъ знатоковъ искусства изъ модернистовъ Ибсенъ — недостаточно артистическая натура. Ни въ одной странѣ литература и искусство вообще не держались такъ далеко отъ современныхъ теченій общей культурной жизни, какъ въ Даніи: достаточно вспомнить, напримѣръ, какъ сравнительно мало

сказалось въ нашей изящной литературѣ вліяніе Киркегора на умы современниковъ. Девизъ «искусство для искусства» имѣетъ у насъ теперь, въ силу общей спеціализаціи современной жизни, еще бо́льшую силу, чѣмъ когда-либо. Мы не хотимъ, какъ выразился гдѣ-то Карлъ Ларсенъ, утилизировать искусство для морали, религіи, политики и пр. и пр. Ибсенъ для представителей такихъ взглядовъ поэтому большой художникъ, но зараженный недугомъ морали и философіи. Мы предпочитаемъ, говорятъ они, прибѣгать для изученія общественныхъ вопросовъ къ инымъ источникамъ, нежели «Кукольный домъ» или «Привидѣнія».

И тѣмъ не менѣе, несмотря на все это, всякая новая книга Ибсена пріобрѣтаетъ многочисленный и разнообразный кругъ читателей. Одно поколѣніе за другимъ беретъ исходною точкой то или другое изъ его сочиненій и отсюда уже слѣдуетъ за Ибсеномъ, тогда какъ болѣе старыя отпадаютъ. Для старшихъ поколѣній настоящій Ибсенъ въ «Перѣ Гюнтѣ» и «Брандѣ»; для слѣдующихъ онъ всегда остается авторомъ «Кукольнаго дома», а для новѣйшихъ онъ авторъ «Сольнеса» и «Боркмана». И каждый ищетъ и находитъ *свое* въ богатомъ, разнообразномъ творческомъ трудѣ Ибсена.

Прежде всего всѣ художники восхищаются — что бы они тамъ ни говорили — произведеніями Ибсена съ чисто-художественной точки зрѣнія. Наши талантливѣйшіе артисты жаждутъ и боятся взяться за ибсеновскія роли, и тѣ изъ артистовъ, которымъ никогда не удается сыграть ихъ для другихъ, не могутъ удержаться, чтобы не сыграть ихъ частнымъ образомъ для себя самихъ. Лучшіе знатоки языка у насъ смакуютъ ибсеновскія реплики, почти сплошь неподражаемыя по своей жизненности. Драматурги не могутъ надивиться, какъ чертовски хорошо укладываются у него въ драмы самыя «невозможныя» въ драматическомъ смыслѣ темы.

Затѣмъ натуры нервныя, экспансивныя притягиваетъ въ искусствѣ Ибсена свойственная ему захватывающая или подавляющая сила впечатлѣнія. Наша собственная смирненькая, щупленькая литература кажется имъ постной пищей; ихъ аппетитъ требуетъ сильныхъ ощущеній и утонченныхъ настроеній. Имъ любо ощущать дрожь, пробѣгающую по спинѣ отъ ужаса, задыхаться отъ напряженнаго ожиданія. Для писателей въ родѣ Германа Банга Ибсенъ прежде всего авторъ захватывающихъ дыханіе перипетій «Кукольнаго дома», ледянящихъ душу ужасовъ «Привидѣній», авторъ бьющихъ по нервамъ сценическихъ эффектовъ, въ родѣ крика дикой утки на чердакѣ, шаговъ плѣннаго волка надъ головой фру Боркманъ и Эллы Рентгеймъ, авторъ Гедды Габлеръ, содрогающейся отъ поговорки Тесмана: «подумай!» и бросающей въ огонь рукопись Лёвборга. И, безъ сомнѣнія, искусство Ибсена уже въ силу одного рѣзкаго воздѣйствія своего оказалось небезполезнымъ для насъ съ нашими изнѣженными вкусами.

По другимъ причинамъ дорого искусство Ибсена натурамъ критической, ироническій складки, часто съ оттѣнкомъ мистицизма,—дорого именно своей утонченностью и глубокомыслiемъ, своей сложностью и разносторонностью, изъ-за которыхъ не сразу за него ухватишься и не скоро его одолѣешь. Есть умы, любящіе просто игру контрастовъ и не нуждающіеся въ «разрѣшеніи», любящіе душевныя волненія, охотники сомнѣваться, вопрошать и свободно витать въ пространствѣ гипотезъ, не нуждающіеся въ твердой почвѣ, въ полномъ проясненіи своей внутренней жизни. Такимъ умамъ неокончательный конецъ «Кукольнаго дома» приноситъ что-то въ родѣ облегченія: безконечное внутреннее противорѣчіе «Дикой утки» имѣетъ для нихъ волшебную прелесть, а символизмъ строителя башенъ Сольнеса кажется имъ чудеснѣйшей поэзіей. Они любятъ въ Ибсенѣ постоянное передвиженіе и удвоеніе точекъ зрѣнія, любятъ иронію автора, которая то и дѣло ставитъ читателя втупикъ; ихъ привлекаетъ его почти подзадоривающая подозрительность, мятежная страсть къ разрушенію, его всеразлагающій анализъ. Для такихъ же мятежныхъ душъ, какъ Георгъ Брандесъ, Ибсенъ, какъ мы видѣли, съ самаго начала, съ первыхъ же бесѣдъ между Скуле и епископомъ Николасомъ, сталъ глашатаемъ «революціи духа человѣческаго». А для одного изъ совсѣмъ молодыхъ, иронически и мистически настроенныхъ умовъ, какъ Гельге Роде, позднѣйшее творчество Ибсена—неисчерпаемый кладезь мудрости. И если справедливо говорятъ, что мы, датчане, особенно склонны къ критикѣ и иронiи, то я полагаю, что у насъ имѣются и особыя данныя для пониманія и наслажденія этими сторонами ибсеновскаго творчества.

Далѣе, всегда, во всякое время Ибсенъ былъ, пожалуй, наиболѣе любимъ и читаемъ людьми, интересующимися психологіей. Такой глубокій и тонкій психологъ, какъ Юлій Ланге, былъ прямо увлеченъ строителемъ Сольнесомъ и Гильдой; такой опытный и прозорливый психологъ, какъ Гёфдингъ, былъ живѣйшимъ образомъ захваченъ «Боркманомъ». Изъ нашихъ писателей-романистовъ, беллетристовъ, драматурговъ и поэтовъ наиболѣе интересовались Ибсеномъ также писатели-психологи, какъ Якобсенъ, К. Ларсенъ, Нильсъ Мюллеръ и др.

Наконецъ, творчество Ибсена отъ «Бранда» до «Боркмана» привлекало и занимало, пожалуй, бо́льшую часть тѣхъ, кто живетъ сильною и самостоятельною религіозною или этическою жизнью. Такіе люди всегда принадлежали къ читателямъ, которые не просто оцѣнивали произведенія Ибсена съ эстетической точки зрѣнія, но усваивали ихъ духовно и согласно тому, насколько эти произведенія отвѣчали или не отвѣчали ихъ убѣжденіямъ,—горячо осуждали или горячо прославляли Ибсена,—въ обоихъ случаяхъ однако свидѣтельствуя своей горячностью о томъ, какъ глубоко запали эти произведенія имъ въ душу. Какъ автора «Бранда», Ибсена прославляли піэтисты и кирке-

горіанцы; какъ авторъ «Росмерсгольма», онъ заинтересовалъ религіозно настроенные круги общества, создавшіе «внутреннее миссіонерство». Вмѣстѣ съ тѣмъ произведенія Ибсена, какъ болѣе раннія, такъ и позднѣйшія, усердно и добросовѣстно читаются и восхваляются учителями и слушателями высшихъ народныхъ школъ, т.-е. въ средѣ, гдѣ, разумѣется, общимъ любимцемъ считается Бьёрнсонъ. На каждомъ курсѣ ученики читаютъ произведенія Ибсена и ведутъ собесѣдованія и пренія на темы: о королевской мысли Гокона, о бесѣдахъ скальда Ятгейра съ королемъ Скуле, о разницѣ между тѣмъ, чтобы «быть вѣрнымъ самому себѣ» и «быть довольнымъ самимъ собою», а также о духовномъ банкротствѣ Ульриха Бренделя, о радостномъ сознаніи свободы отъ грѣха и т. д. Въ наиболѣе свободомыслящихъ изъ такихъ кружковъ можно также услышать отзывы о «Привидѣніяхъ», какъ о полезной проповѣди для христіанской молодежи, проповѣди о «законахъ грѣха или плоти, побѣждающихъ волю человѣческую». Даже самый рьяный противникъ Ибсена, пасторъ Шакъ, противъ воли своей свидѣтельствуетъ о томъ, какъ глубоко его захватило то творчество, отъ котораго онъ такъ энергично открещивается. Да и внѣ христіанско-религіозныхъ кружковъ этически настроенные элементы общества сильно увлечены творчествомъ Ибсена. Подобно тому, какъ въ 60-хъ гг. докторъ Розенбергъ обнаружилъ высокое пониманіе и усвоеніе Ибсена съ этическо-религіозной точки зрѣнія, такъ сынъ Розенберга, писатель и режиссеръ, основалъ все свое проникнутое нравственной философіей міровоззрѣніе на Ибсенѣ и разсказываетъ, какъ онъ еще юношей семь разъ подъ рядъ прочелъ только-что вышедшую въ свѣтъ двулогію «Кесарь и Галилеянинъ» и наконецъ заплакалъ отъ отчаянія, что не могъ постичь Максима.

Такъ вотъ какія многочисленныя и разнообразныя завоеванія сдѣлало въ Даніи художественное творчество Ибсена. Всецѣло завоевать нашей страны оно не можетъ и не должно. Этому препятствуютъ наши веселые, сверкающіе на солнцѣ проливы, наши улыбающіеся буковые лѣса и хлѣбныя поля, наше измѣнчивое, вѣтряное апрѣльское настроеніе и наша туманная, грустная октябрьская чувствительность, наша трезвая, неуязвимая ютландская разсудочность, наше свѣтлое грундтвигіанство и... наша легковѣсная копенгагенщина. Но страна, полагающая, что можетъ питаться одними собственными жизненными соками, сильно заблуждается. И для нашей датской культурной жизни былъ большимъ счастьемъ ввозъ цѣнностей, которыхъ сама страна не въ силахъ была вырабатывать и въ которыхъ сильно нуждалась. Мы уже извлекли чрезвычайно много изъ великаго «дѣла жизни» Ибсена, но хорошо сдѣлаемъ, если постараемся извлечь изъ него еще больше и впитать все это въ себя такъ, чтобы оно вошло въ нашу плоть и кровь.

Изъ воспоминаній Іонаса Ли.

...Съ тѣхъ поръ прошло двадцать лѣтъ. Я жилъ тогда въ своемъ обычномъ лѣтнемъ уединеніи въ Берхтесгаденѣ.

Вдругъ, однажды, въ коридорѣ внизу послышались чужіе голоса, раздались привѣтствія — какъ будто на норвежскомъ языкѣ. У меня пробѣжала мысль-догадка: «Чортъ бы побралъ голландцевъ, у нихъ повсюду шпіоны» *). И тутъ же меня позвала съ лѣстницы жена такимъ тономъ, который предвѣщалъ сюрпризъ.

И — «кошмаръ меня задави».—какъ, бывало, выражались «голландцы» —передо мною былъ самъ Генрикъ Ибсенъ!

Оказалось, что онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ писателемъ Іономъ Паульсеномъ, и оба намѣревались провести въ Берхтесгаденѣ все лѣто. Я былъ такъ занятъ своимъ трудомъ, Ибсенъ, конечно, тоже, и потому сразу было установлено, что они будутъ нашими гостями по субботнимъ вечерамъ. И, смѣю сказать, эти субботники были незабвенными духовными праздниками. Генрикъ Ибсенъ былъ все тотъ же старый мой знакомый и все же другой: лицо такое просвѣтленное, ясное, лобъ такой открытый, мощный, взглядъ такой тихій, твердый и добрый, почти простодушный, часть лица около рта такъ тонко очерчена, дышала такимъ умомъ, а его манера держать себя... да, по отношенію ко мнѣ онъ никогда не проявлялъ той крайней сдержанности, сухости, о которой столько писали. Я никогда не видѣлъ его такимъ.

Между нами состоялся молчаливый уговоръ не мѣшать другъ другу въ теченіе недѣли. Но однажды, когда меня разбирало отчаяніе по поводу того, что мнѣ никакъ не давалось одно нужное мнѣ для новаго разсказа лицо, я наткнулся на Ибсена съ Паульсеномъ, возвращавшихся съ дальней прогулки, и сталъ жаловаться:—«Не клюетъ!»—«Гм... такъ надо распить по кружкѣ пива въ Нейгаузѣ»,—предложилъ Ибсенъ. Ну, вотъ мы и посидѣли въ саду, и на сердцѣ у меня стало такъ легко, что я велѣлъ-было подать еще пива.—«Нѣтъ, стой,—запротестовалъ Ибсенъ:—теперь маршъ домой и... увидишь!»—И въ самомъ дѣлѣ, по дорогѣ я такп-обрѣлъ стараго такелажнаго мастера для своей книги.

Много черточекъ и разговоровъ сохранилось отъ этого времени въ воспоминаніяхъ моей семьи, но воспоминанія эти слишкомъ интимны, чтобы ихъ передавать. Ласковый къ дѣтямъ, естественный и привѣтливый, Ибсенъ могъ подолгу сидѣть и съ большимъ интересомъ бесѣдовать съ мальчуганами о рыбной ловлѣ, а съ нашей дочуркой объ ея куклахъ. Дѣвочка очень къ нему благоволила, какъ къ человѣку, смастерившему «Кукольный домъ», который, какъ она думала, остался въ Мюнхенѣ.

---

*) См. стр. 611—612.

Теперь, въ день его семидесятилѣтія и чествованія, та же семья, свидѣтельствуя ему свою искреннюю признательность и уваженіе, шлетъ и самыя сердечныя и горячія поздравленія.

Парижъ, 1898 г. Іопасъ Ли.

Изъ воспоминаній Йона Паульсена *).

Публика всегда живо интересуется частной жизнью знаменитостей. Ей хочется знать, каковъ знаменитый человѣкъ въ тѣсномъ домашнемъ кругу, гдѣ онъ становится самимъ собой, какъ актеръ, сыгравшій роль и сошедшій съ подмостковъ; ей хочется знать, каковъ онъ въ халатѣ и туфляхъ, какія его любимыя блюда, какъ онъ «сморкается и откашливается» и т. п.

Но для того, кто имѣлъ счастье стоять близко къ такой знаменитости, нелегко держаться золотой середины. Если онъ будетъ слишкомъ скроменъ въ своихъ описаніяхъ, онъ рискуетъ показаться скучнымъ; если будетъ выкладывать все начистоту, безъ всякой ретуши, его обвинятъ въ недостаткѣ уваженія къ великому человѣку, да и самъ великій человѣкъ, того и гляди, обидится. Это вѣдь можетъ сбить его съ той позиціи, въ которую онъ самъ сталъ и въ которой желаетъ увѣковѣчиться въ памяти потомства!..

Съ Ибсеномъ я познакомился впервые въ 1876 г., въ мою первую заграничную поѣздку.

Я находился въ Байрейтѣ. Въ одинъ прекрасный день Григъ вдругъ говоритъ мнѣ:

— А не махнуть ли намъ къ Ибсену?

— Къ Ибсену? Къ Генрику Ибсену?

— А то къ какому же еще?.. Онъ недавно поселился въ Госсенсасѣ. Всего полдня пути по желѣзной дорогѣ и — мы тамъ.

— Ты думаешь, онъ насъ приметъ? — спросилъ я, затаивъ дыханіе.

Григъ улыбнулся моему волненію. Онъ на поѣздку эту смотрѣлъ до нѣкоторой степени, какъ на дѣловую. Ему надо было поговорить съ Ибсеномъ о музыкѣ, написанной имъ къ «Перу Гюнту». Пьесу какъ разъ готовились тогда поставить въ Христіаніи съ музыкой Грига.

На слѣдующій день мы уже сидѣли въ купе. Я бо́льшую часть дороги просидѣлъ молча, равнодушно пропуская мимо себя смѣняющіеся ландшафты, занятый думами объ Ибсенѣ. Я былъ хорошо знакомъ съ его

---

*) Изъ этихъ воспоминаній, помѣщенныхъ въ свое время въ журналѣ «Міръ Божій», исключены здѣсь тѣ мѣста, которыми мы уже воспользовались при составленіи очерка жизни и литературной дѣятельности Ибсена. См., между прочимъ, предисловіе къ переводу «Кукольнаго дома», т. III, стр. 4—5.

произведеніями, читалъ и перечитывалъ ихъ много разъ, но не всегда могъ проникнуть въ ихъ сокровенныя глубины... Сколько воскресеній просидѣлъ я одинъ-одинешенекъ въ своей каморкѣ съ «Пером Гюнтомъ» въ рукахъ, увлекаясь глубиной мысли и поэзіи этой драмы-поэмы, ломая голову надъ какимъ-нибудь темнымъ мѣстомъ!.. А теперь, такъ вдругъ, безъ всякой подготовки, предстать передъ моимъ знаменитымъ нелюдимымъ землякомъ, голову котораго разстояніе, геній и изгнаніе окружили тройнымъ ореоломъ!.. Я какъ будто находился во снѣ...

Мы подъѣхали къ Бреннеру.

— Теперь скоро будемъ и въ Госсенсасѣ, — сказалъ Григъ, который уже раньше бывалъ здѣсь.

Медленно, пыхтя, взбирался локомотивъ на крутизну. Мы достигли вершины Бреннера.

— Внизу лежитъ Госсенсасъ! — сказалъ Григъ и указалъ мнѣ на долину, лежавшую у моихъ ногъ. Я быстро опустилъ окно и высунулся.

Я увидѣлъ деревушку, хижину, домики, зданіе желѣзнодорожной станціи, церковь, живописно расположенную въ долинѣ, окруженной высокими, поросшими лѣсомъ горами. «Въ одномъ изъ этихъ домовъ живетъ онъ! Черезъ нѣсколько минутъ ты встрѣтишь его, будешь говорить съ нимъ... Что ты ему скажешь? Комплименты по поводу его произведеній одну изъ тѣхъ банальныхъ фразъ, которыхъ онъ столько наслышался, и которыя, конечно, такъ ему наскучили?»

Поклонники Гёте, совершавшіе въ старые годы паломничество въ Веймаръ, не могли приближаться къ мѣстопребыванію великаго олимпійца съ бо́льшимъ благоговѣніемъ, нежели я къ Госсенсасу.

Поѣздъ остановился. Мы были у цѣли. Передъ маленькимъ станціоннымъ домикомъ мы увидали игравшаго съ другимъ мальчикомъ подростка, похожаго на итальянца и застѣнчиваго на видъ. Мы спросили, гдѣ живетъ Ибсенъ. Случай намъ благопріятствовалъ. Смуглый, застѣнчивый подростокъ съ удивительными темными глазами оказался единственнымъ сыномъ писателя, Сигурдомъ, и выразилъ готовность проводить насъ къ отцу.

Какъ хорошо я помню эту первую встрѣчу съ нимъ, окружающую обстановку, мое собственное подавленное состояніе, причудливыя облака на небѣ *)!

Каждый вечеръ сходились мы къ ужину въ «Браухаузѣ», и этихъ

*) Описаніе самой встрѣчи выпускаемъ, такъ какъ оно вошло въ нашъ біографическій очеркъ. Далѣе переходимъ къ воспоминаніямъ Паульсена о бесѣдахъ, имѣвшихъ мѣсто въ госсенсасскомъ отелѣ во время пребыванія тамъ трехъ земляковъ

вечеровъ мнѣ не забыть. Они встаютъ въ моей памяти такъ живо, словно я переживаю ихъ снова, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Маленькая, уютная комнатка съ образомъ Мадонны на стѣнѣ, хозяинъ, молодой, добродушный, веселый тиролецъ, знавшій латинскій и итальянскій языки (онъ прошелъ курсъ гимназіи), ужинъ, состоявшій обыкновенно изъ глазуньи съ ветчиной, домашняго пива или простого деревенскаго вина и кисти винограда на десертъ, странствующіе музыканты съ цитрами, звуки которыхъ радовали меня и приводили въ ужасъ Грига, и наши бесѣды, которыя отъ самыхъ обыденныхъ темъ переходили къ самымъ возвышеннымъ и превращались въ жаркіе дебаты о величайшихъ проблемахъ жизни! Я отлично помню, что мы однажды цѣлый вечеръ проговорили о безсмертіи, если оно вообще есть. Съ какимъ благоговѣніемъ прислушивался я къ мнѣнію Ибсена, которымъ онъ разрѣшался послѣ долгаго молчанія.

Ибсенъ весь день бывалъ молчаливъ и непроницаемъ. Онъ часто приглашалъ меня съ собою на прогулки, но во время прогулки не обмѣнивался ни единымъ словомъ. Изъ уваженія къ нему я тоже не открывалъ рта, довольствуясь сбиваніемъ концомъ моей палки головокъ съ попадавшихся по краю дороги, ни въ чемъ неповинныхъ цвѣтовъ. Тѣмъ не менѣе Ибсенъ никогда не забывалъ на прощанье поблагодарить меня за «пріятную компанію», что я выслушивалъ съ улыбкой.

Уже въ сентябрѣ въ Госсенсасѣ выпалъ первый снѣгъ. Григъ отправился въ Норвегію, Ибсенъ же съ женой и сыномъ, а съ ними и я, перебрались южнѣе, въ Кальтернъ, маленькую, согрѣваемую солнцемъ деревушку близъ итальянской границы. Туда было 6—8 верстъ по желѣзной дорогѣ отъ Госсенсаса.

Но какъ велика была разница! Теплая солнечная погода вмѣсто снѣжной вьюги, виноградъ и вино вмѣсто ветчины и пива. Тутъ все уже отзывалось Италіей!

Ибсенъ часто бралъ меня съ собой на рыбную ловлю. Боясь, что я просплю, онъ самъ являлся на зарѣ въ мою убогую каморку будить меня.

Мы садились въ лодку. Солнце еще не вставало. Прудъ лежалъ такой темный, холодный. На востокѣ, на безоблачномъ небѣ, обѣщавшемъ прекрасный день, пробивалась блѣдно-золотистая полоска, и въ той же сторонѣ виднѣлись въ полусвѣтѣ сѣрыя, безформенныя очертанія виноградниковъ.

Ибсенъ, повидимому, былъ страстнымъ рыбакомъ, и ему удивительно везло. Всякій разъ, какъ онъ небрежно, словно въ разсѣянности, забрасывалъ удочку, на крючокъ тотчасъ же наклевывалась крупная рыба. Въ какіе-нибудь полчаса онъ налавливалъ ихъ съ десятокъ.

Мои собственныя попытки, напротивъ, оставались безрезультатными

Ибсенъ подъ конецъ приходилъ въ отличное настроеніе. Этотъ успѣхъ въ любимомъ спортѣ, пожалуй, радовалъ его больше, чѣмъ литературное торжество.

На обратномъ пути Ибсенъ погружался въ глубокую задумчивость. Онъ тогда работалъ надъ «Столпами общества».

Къ сожалѣнію, намъ скоро пришлось покинуть Кальтернъ, становившійся все болѣе и болѣе живописнымъ, богатымъ красками, чѣмъ больше подвигалась осень. 1-го октября сыну Ибсена надо было вернуться въ Мюнхенъ, чтобы продолжать курсъ въ гимназіи, и въ концѣ сентября, въ ясный, солнечный, чисто-лѣтній день, мы покинули этотъ идиллическій уголокъ южнаго Тироля, прекрасная природа и главное, сердечное населеніе котораго произвели на всѣхъ насъ глубокое впечатлѣніе.

Я поѣхалъ съ Ибсеномъ въ Мюнхенъ. Не видавъ тогда еще ни Парижа ни Рима, я былъ пораженъ величиной и внушительнымъ видомъ города, представившимся мнѣ изъ окна вагона.

— Какой огромный городъ! — вырвалось у меня.

— Въ меньшемъ нельзя и жить! — отвѣчалъ Ибсенъ съ выраженіемъ усталости на лицѣ.

Во время моего пребыванія въ Мюнхенѣ Ибсенъ выказалъ мнѣ много доброты и расположенія. Онъ представилъ меня, между прочимъ, барону ф.-Перфалю, директору королевскихъ театровъ, который и пригласилъ меня быть гостемъ на всѣхъ представленіяхъ въ драматическомъ театрѣ и оперѣ. Въ этотъ сезонъ давались, между прочимъ, «Вонтели въ Гельгеландѣ». Разыграна пьеса была превосходно; особенно блестящую исполнительницу нашла роль Йорднсъ. Обстановка была тоже великолѣпная, такъ что я съ грустью вспоминалъ нашъ бѣдный родной театръ.

Рѣшивъ встрѣтить Рождество въ Римѣ, я сталъ готовиться къ отъѣзду. Фру Ибсенъ, олицетворенная доброта, напротивъ, настойчиво уговаривала меня провести праздники въ Мюнхенѣ съ ними и другими моими земляками. Я однако устоялъ. Лавровыя и апельсинныя деревья Италіи манили меня больше родной елки у очага Ибсеновъ.

Послѣдній свой вечеръ въ Мюнхенѣ я провелъ у нихъ. Это былъ прощальный вечеръ. Я былъ огорченъ, но не въ такой степени, какъ можно было ожидать. Мои мысли уже нетерпѣливо неслись въ Италію, до которой былъ всего день пути...

— Прощайте, дорогой другъ, — сказалъ Ибсенъ, проводивъ меня до дверей на улицу и въ послѣдній разъ сердечно пожавъ мнѣ руку.

Итакъ, на мою долю выпало счастье, котораго тщетно добивались многіе талантливые мои земляки: я пріобрѣлъ расположеніе этого важнаго, неподкупнаго, молчаливаго писателя, сердцу котораго было нанесено столько ранъ свѣтомъ и имъ самимъ...

Молчаливѣйшій изъ людей, какихъ я знавалъ, явился для меня

богатѣйшимъ источникомъ мыслей и свѣдѣній. Онъ наложилъ печать на мою жизнь, явился однимъ изъ тѣхъ путевыхъ знаковъ на жизненномъ пути, на который оглядываешься, съ грустью измѣряя разстояніе между мечтой и жалкой достигнутой дѣйствительностью.

Убѣдившись, что Ибсенъ вѣритъ въ мой талантъ, я твердо рѣшился посвятить всю свою жизнь литературѣ, не боясь лишеній и жертвъ, какими обыкновенно бываетъ усѣянъ у насъ путь писателя *).

Лѣто приближалось. Люди стали строить планы поѣздокъ и путешествій. Я подумывалъ отправиться въ Берхтесгаденъ, гдѣ, я зналъ, проведетъ лѣто со своей семьей милѣйшій Іонасъ Ли. Жена Ибсена съ сыномъ собирались въ Норвегію, Ибсенъ же не рѣшилъ, куда отправиться. Похоже было, что онъ останется въ Мюнхенѣ.

Фру Ибсенъ съ Сигурдомъ уѣхали. Послѣдній вечеръ передъ ихъ отъѣздомъ я провелъ у нихъ. Фру Ибсенъ еще разъ убѣдительно стала уговаривать мужа поѣхать съ ними въ Норвегію, гдѣ «такъ дивно хорошо». Онъ съ минуту колебался. Видно было, что горячій призывъ жены производилъ на него свое дѣйствіе, но или остатокъ горечи противъ отечества, или нежеланіе разставаться съ милымъ, старымъ Мюнхеномъ и нарушать заведенный порядокъ жизни и привычки заставили-таки его въ концѣ концовъ рѣшительно отказаться.

Ибсенъ вообще не особенно любилъ сельскую жизнь. Онъ былъ типичный горожанинъ, острый наблюдатель и психологъ, которому сердце человѣческое, а не природа, представлялось наиболѣе заманчивымъ объектомъ для изученія. Какъ писатель исключительно драматическій, онъ, кромѣ того, и не нуждался въ описаніяхъ природы, предоставляя ихъ беллетристамъ.

Однажды онъ и высказалъ мнѣ свое удивленіе по поводу того, что люди, имѣющіе удобное, уютное гнѣздо, такъ торопятся, едва повѣетъ первымъ тепломъ въ воздухѣ, покинуть городъ, чтобы ютиться кое-какъ въ деревнѣ, торопятся отказаться отъ повседневныхъ удобствъ жизни, отъ привычекъ комфорта, отъ тишины рабочаго кабинета, отъ удобной постели, отъ кафе съ ихъ газетами, отъ обычнаго кружка знакомыхъ и пр. и пр., чтобы засѣсть въ скверномъ отелѣ въ какой-нибудь трущобѣ, гдѣ къ прочимъ напастямъ часто присоединяется еще дурная погода, заставляющая людей сидѣть взаперти, въ четырехъ стѣнахъ, лишенными всѣхъ городскихъ рессурсовъ для заполненія времени!

Своею нелюбовью къ жизни «на лонѣ природы» Ибсенъ походилъ на Камиллу Коллетъ, которая предпочитала лѣтомъ посѣщать Парижъ

---

*) Паульсенъ встрѣтился снова съ Ибсеномъ и его семьей въ Мюнхенѣ зимою 1879—1880 гг. и ближайшее лѣто провелъ вдвоемъ съ Ибсеномъ въ Берхтесгаденѣ.

вмѣсто того, чтобы отправляться въ горы. «Парижъ — моя санаторія!» — говаривала она.

Однажды Ибсенъ сталъ описывать мнѣ, какъ прекрасна и своеобразна жизнь большого города въ лѣтніе мѣсяцы, несмотря, или, вѣрнѣе, благодаря тому, что его покидаетъ большая часть жителей.

Слушая Ибсена, я невольно вспомнилъ о Римѣ, откуда я бѣжалъ на лѣто, хотя одинъ норвежскій скульпторъ, обреченный жить тамъ круглый годъ, описывалъ мнѣ житье въ Римѣ лѣтомъ въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ. «Кто не видалъ Рима лѣтомъ, когда всѣ иностранцы разъѣзжаются, въ сущности и не знаетъ ни Рима ни римской народной жизни!»—говорилъ онъ мнѣ восторженно.

Когда я уже готовъ былъ уѣхать изъ Мюнхена, Ибсенъ сообщилъ мнѣ, что и онъ думаетъ отправиться въ Берхтесгаденъ, гдѣ уже бывалъ раньше, и съ своей обычной любезностью предложилъ мнѣ, если я ничего не имѣю противъ, ѣхать вмѣстѣ.

Я, разумѣется, очень обрадовался рѣшенію Ибсена, заранѣе предвкушая, какой содержательной окажется для меня совмѣстная поѣздка съ Ибсеномъ. Провести съ нимъ цѣлое лѣто!..

Въ чудесное, солнечное іюльское утро я съ легкимъ сердцемъ катилъ къ вокзалу, гдѣ мы уговорились встрѣтиться. Я прибылъ заблаговременно, но Ибсенъ все-таки опередилъ меня. Аккуратность его въ этихъ случаяхъ доходила до щепетильности. На немъ былъ элегантный дорожный костюмъ и широкополая фетровая шляпа, которая дѣлала его почти неузнаваемымъ.

Въ дорогѣ я получилъ впечатлѣніе, что Ибсенъ смотрѣлъ на меня, какъ на весьма непрактичное существо. Онъ не отпускалъ меня отъ себя ни на шагъ, и когда я на одной станціи хотѣлъ на минуту выйти изъ душнаго вагона на платформу, онъ прямо-таки не позволилъ мнѣ этого, опасаясь, что я не попаду во-время обратно въ вагонъ, и т. д.

Когда мы прибыли въ Берхтесгаденъ, отель оказался переполненнымъ. Оставалась свободной одна маленькая комнатка, которую намъ и пришлось подѣлить на первую ночь.

Немного надобно было времени для открытія, что Ибсенъ со всѣми своими превосходными качествами былъ изъ тѣхъ, кого мы называемъ «утренними брюзгами». Расположеніе его духа, какъ и утреннее солнце, подымалось съ каждымъ часомъ.

Если мнѣ утромъ, тотчасъ послѣ вставанія, приходило на умъ обратиться къ нему съ какимъ-нибудь самымъ невиннымъ вопросомъ, въ отвѣтъ слышалось лишь предостерегающее кряхтѣнье. Онъ словно хотѣлъ этимъ сказать: «Какъ можетъ придти въ голову цивилизованному человѣку разговаривать съ другимъ въ такую рань!»

Попозже, днемъ, онъ начиналъ понемногу разговаривать, послѣ обѣда становился сообщительнымъ и привѣтливымъ, а вечеромъ уже въ высшей степени добродушнымъ и обходительнымъ.

Но если Ибсенъ вообще мало говорилъ, то его улыбки, рукопожатіе, манера похлопывать гостя по плечу выражали много. Мое впечатлѣніе было таково, что Ибсенъ просто страдалъ душевною застѣнчивостью, которая мѣшала ему выражать свои чувства словами.

Вотъ маленькое подтвержденіе этого.

Одинъ изъ моихъ друзей, норвежскій художникъ, провелъ цѣлый вечеръ въ гостяхъ у Ибсена. Я потомъ спросилъ его, какъ сошло его посѣщеніе, и что говорилъ Ибсенъ. Другъ мой отвѣтилъ:

— Да, видишь ли, въ сущности онъ ничего не говорилъ, но его манера, какъ онъ набивалъ мнѣ трубку, его взглядъ, когда онъ подавалъ мнѣ ее, прямо-таки растрогали меня!

Въ первое время мнѣ не очень-то нравилось въ Берхтесгаденѣ. Дождь лилъ безъ перерыва, хуже, чѣмъ въ Бергенѣ, а это что-нибудь да значитъ. Кромѣ того, я чувствовалъ себя одинокимъ. Ибсенъ по большей части сидѣлъ у себя въ комнатѣ за работой, а ни съ кѣмъ больше изъ пріѣзжихъ въ отелѣ я не былъ знакомъ.

Ибсенъ вскорѣ по нашемъ прибытіи въ Берхтесгаденъ усвоилъ себѣ тотъ же строго размѣренный порядокъ жизни, какъ и въ Мюнхенѣ. Работа, прогулки, трапезы и т. д., и т. д. смѣнялись ровной чередой.

По утрамъ онъ работалъ за письменнымъ столомъ (я зналъ, что онъ послѣ кратковременнаго отдыха по окончаніи «Кукольнаго дома» принялся за новое произведеніе). Потомъ гулялъ, послѣ обѣда позволялъ себѣ немножко вздремнуть на диванѣ, затѣмъ принимался за корреспонденцію и т. д.

Не знаю, былъ ли Ибсенъ въ молодости хорошимъ туристомъ, теперь же онъ не любилъ карабкаться по горамъ, въ противоположность своей супругѣ, которая была смѣлой альпинисткой. Мы подымались съ ней въ Тиролѣ на высоту 8.000 футовъ.

Ибсенъ на прогулкахъ придерживался широкой, удобной дороги въ долинѣ, гулялъ въ опредѣленные часы и всегда медленнымъ шагомъ, предаваясь глубокому размышленію.

Крестьянскіе ребятишки обыкновенно оборачивались вслѣдъ этому удивительному господину... Изъ дѣвочекъ многія знали, что это «знаменитый писатель изъ Норвегіи», и почтительно приѣдали передъ нимъ при встрѣчахъ. Мальчики были болѣе тупоголовы.

Ибсенъ, слывшій вообще такимъ суровымъ и недоступнымъ, по отношенію ко мнѣ былъ воплощенной добротой и привѣтливостью. Но его молчаливость—бывали дни, когда онъ почти не раскрывалъ рта—дѣйствовала на меня удручающе, особенно за долгими трапезами.

Ибсенъ и я обѣдали за отдѣльнымъ столомъ, особо отъ прочихъ гостей. Вставъ изъ-за такого молчаливаго обѣда, я чувствовалъ настоящее облегченіе, когда могъ замѣшаться въ толпу гостей, и отъ всего сердца смѣялся и болталъ съ моими сверстниками, молодыми баварцами.

Въ сущности требовалось немало дипломатическаго такта при ежедневномъ общеніи съ Ибсеномъ. Я не позволялъ себѣ никого представлять ему и не рѣшался самъ заводить новыхъ знакомствъ или возобновлять старыхъ изъ боязни, что это будетъ непріятно тому, чьимъ обществомъ я имѣлъ честь пользоваться.

Въ общемъ мы съ нимъ жили въ какомъ-то аристократическомъ одиночествѣ.

Однажды въ отель прибылъ изъ Мюнхена одинъ молодой художникъ, мой знакомый. Явился онъ какъ разъ во время ужина и безъ всякихъ церемоній прямо подсѣлъ къ нашему столу. Зато Ибсенъ и принялъ его болѣе чѣмъ нелюбезно. Съ нимъ шутки были плохія, когда онъ сердился. Голосъ его переходилъ тогда въ какой-то шопотъ, который пугалъ больше всякихъ громовыхъ упрековъ.

Неудовольствіе Ибсена, вызванное невоспитанностью художника, скоро однако улеглось, но мнѣ приходилось при другихъ обстоятельствахъ видѣть Ибсена разгнѣваннымъ не на шутку, и тогда онъ бывалъ страшенъ.

Въ это лѣто Ибсенъ былъ замкнутѣе и задумчивѣе обыкновеннаго. Онъ какъ разъ началъ тогда «Привидѣнія». Черезъ годъ эта драма уже шла въ Сорренто.

Однажды утромъ, вскорѣ по нашемъ прибытіи въ Берхтесгаденъ, Ибсенъ сказалъ мнѣ:

— Ну, пойдемъ навѣстить Іонаса Ли съ женою.

Я очень обрадовался. Мнѣ всегда страстно хотѣлось лично познакомиться съ авторомъ «Прозорливца». Сколько разъ я перечитывалъ это оригинальное задушевное произведеніе, въ которомъ открывалась намъ мистическая поэзія нашего Сѣвера.

Ли занималъ маленькій, привѣтливый бѣлый домикъ съ садикомъ недалеко отъ нашего отеля и встрѣтилъ насъ еще на лѣстницѣ громкими сердечными привѣтствіями. Ибсенъ представилъ меня, и на мою долю немедленно выпало крѣпкое норвежское рукопожатіе. Я полюбилъ Ли съ перваго взгляда.

Передъ отъѣздомъ изъ Норвегіи я видѣлъ въ одномъ изъ иллюстрированныхъ журналовъ портретъ Ли, на которомъ онъ былъ изображенъ молодымъ, нѣсколько тщедушнымъ на видъ человѣкомъ съ длинными волосами и цвѣткомъ въ петлицѣ. Поэтому я было немало удивленъ, встрѣтивъ пожилого господина въ черной шелковой шапочкѣ, плотно надвинутой на голову.

Его оригинальное лицо съ неправильными чертами и темными глазами, съ острымъ, иногда точно колющимъ взглядомъ, напоминало финновъ, которыхъ онъ такъ часто и съ такимъ мастерствомъ изображаетъ. По всей вѣроятности, въ жилахъ писателя и есть нѣкоторая

доза финской крови. Онъ самъ высказываетъ такое предположеніе въ стихотвореніи «Финскій ростокъ».

Съ тѣхъ поръ каждый субботній вечеръ Ибсенъ и я неизмѣнно проводили у Ли. Это былъ ихъ пріемный день. Все остальное время Ли былъ поглощенъ работой. Онъ лихорадочно писалъ тогда свой романъ изъ быта моряковъ «Рутландъ», который надо было окончить къ Рождеству въ видѣ рождественскаго привѣта родинѣ.

Каждый такой вечеръ доставлялъ мнѣ радости на цѣлую недѣлю. Къ рѣдкому радушію и любезности Ли и его жены присоединялось еще удивительное ихъ умѣнье сдѣлать свой домъ пріятнымъ и уютнымъ уголкомъ для каждаго гостя.

Сидя въ маленькой уютной комнатѣ, выходившей въ садъ, въ обществѣ Ли, его славной жены и способныхъ, прекрасно воспитанныхъ дѣтей, всѣ мы чувствовали себя какъ будто на родинѣ, въ нашей милой Норвегіи.

Все въ домѣ Ли носило норвежскій отпечатокъ, начиная съ обстановки, стола и служанки, прислуживавшей за столомъ.

Подобно нашимъ древнимъ предкамъ, отплывавшимъ въ Исландію, семья Ли взяла съ собою на чужбину характерные предметы домашняго очага.

И норвежскій флагъ, водруженный «мальчиками» Ли и привѣтствовавшій своими яркими цвѣтами гостей еще на самомъ порогѣ домѣ, былъ тутъ не пустымъ символомъ.

Послѣ солиднаго ужина,—въ родномъ норвежскомъ вкусѣ,—изъ жаренаго мяса съ картофелемъ и зеленью, подавались пуншъ и сигары, и настроеніе сильно подымалось. Маленькая норвежская колонія въ Берхтесгаденѣ въ эти минуты, повидимому, не чувствовала тоски по родинѣ.

Въ тѣсномъ кружкѣ у Ли, гдѣ все дышало такою сердечностью, откровенностью и доброжелательствомъ къ ближнему,—кто бы онъ ни былъ, великій мужъ или маленькій человѣчекъ,—Ибсенъ становился совсѣмъ другимъ.

Я едва узнавалъ его. Молчальникъ становился разговорчивымъ, скрытный—откровеннымъ. Осадокъ горечи и подозрительности, скопившійся въ его душѣ со временъ тяжелой борьбы со свѣтомъ, какъ будто совсѣмъ исчезалъ.

Ли былъ старымъ другомъ и товарищемъ Ибсена по школѣ. Ихъ связывало много добрыхъ, дорогихъ воспоминаній. Довольно было маленькой искры—слова, чтобы освѣтить передъ ними яркимъ свѣтомъ все прошлое.

Ибсенъ смѣялся самъ и смѣшилъ другихъ, разсказывалъ забавныя исторіи, не выпуская при этомъ изо рта сигары, и совсѣмъ уничтожалъ тотъ суровый образъ, который создали себѣ многіе, прочитавъ «Бранда»

Между прочимъ, онъ разсказывалъ забавный случай изъ своей поѣздки въ Египетъ на открытіе Суэцкаго канала, гдѣ онъ явился гостемъ хедива.

Щедрый хедивъ, въ числѣ прочихъ доказательствъ своего милостиваго расположенія къ Ибсену, осчастливилъ его молодой красивой невольницей-негритянкой. Ибсенъ, примѣрнѣйшій семьянинъ, былъ очень смущенъ такимъ подаркомъ. Куда ему было дѣваться съ нею! Кое-какъ сбылъ ее съ рукъ, а самъ все-таки написалъ женѣ письмо, которымъ напугалъ добрую женщину на смерть, извѣщая, что скоро пріѣзжаетъ со второй «черной женой».

Я былъ свидѣтелемъ, какъ Ибсенъ иногда поддразнивалъ жену этимъ подаркомъ хедива. Посмѣиваясь, онъ заявлялъ женѣ, что она обязана ему вѣчной благодарностью за то, что онъ оставилъ эту вторую жену въ Египтѣ между сфинксами и пирамидами, вмѣсто того, чтобы привезти ее съ собой домой въ качествѣ законной своей собственности. Фру Ибсенъ только молча улыбалась на это и покачивала головой.

Ибсена забавляло также выступать въ разговорѣ съ какимъ-нибудь отчаяннымъ парадоксомъ, который неминуемо вызывалъ ожесточенныя возраженія и сразу придавалъ разговору характеръ страстнаго спора. Остроумная рѣчь самого Ибсена лилась при этомъ рѣкой, но къ остроумію иногда примѣшивался и нѣкоторый цинизмъ, и это грубое остроуміе напоминало, что передъ нами авторъ «Пера Гюнта».

Въ другое время серьезно трактовались важнѣйшіе вопросы, занимающіе умъ человѣческій: вѣра, безсмертіе и пр.

Помню, Ибсенъ разъ высказалъ въ одномъ изъ подобныхъ разговоровъ слѣдующее:

— Я ничего не имѣю противъ того, чтобы пожить подольше,— всегда вѣдь любопытно видѣть дальнѣйшее развитіе человѣчества,— но я не боюсь и умереть. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо сознаться, что мысль о смерти пугаетъ меня, какъ подумаю во время работы надъ какимъ-нибудь произведеніемъ, что могу умереть, не докончивъ его. Не хочется умереть, не высказавъ того, что есть у тебя на душѣ.

Когда Ибсенъ, этотъ великій скептикъ, потрясшій всѣ наши старые идеалы, высказывалъ въ разговорѣ одну дерзновенную мысль за другою, фру Ли, воспитанная въ старой вѣрующей чиновничьей семьѣ, иногда возражала ему, ссылаясь на св. писаніе.

Она, видимо, считала Ибсена революціонеромъ.

Но Ибсенъ являлся революціонеромъ лишь въ бесѣдахъ да въ своихъ произведеніяхъ, а никакъ не въ ежедневномъ своемъ быту, въ прямую противоположность Бьёрнсону, который круто, часто не глядя ни на что, нарушаетъ всѣ формы и обычаи, выдвигая впередъ свое мощное «я».

Лишь въ неприступномъ мірѣ фантазіи, стоящемъ выше всѣхъ общественныхъ условностей, Ибсенъ является самимъ собою.

Онъ, такъ презирающій буржуазію и отдавшій на судъ критики такого типичнаго буржуа, какъ Гельмеръ въ «Кукольномъ домѣ», самъ имѣетъ въ себѣ немало буржуазнаго; въ повседневной жизни онъ корректенъ и консервативенъ до кончиковъ ногтей, такъ уважаетъ приличія и стоитъ за то, что̀ «принято», что всякое нарушеніе формъ общежитія, даже извиняемое молодостью или талантливостью, отталкиваетъ его, какъ грубость или недостатокъ воспитанія.

Въ повседневной жизни онъ требуетъ уваженія къ себѣ отъ того же самаго буржуазнаго міра, который казнитъ въ своихъ произведеніяхъ, и самъ платитъ этому міру такимъ же уваженіемъ—по крайней мѣрѣ формальнымъ.

Своимъ мятежнымъ образомъ мыслей и приверженностью къ установившимся формамъ въ дѣйствительной жизни Ибсенъ очень напоминаетъ Гёте.

Виною такой двойственности людей, какъ Гёте, какъ Ибсенъ, отчасти современный имъ общественный строй, не позволяющій гражданину и личности слиться воедино.

Но вернемся къ «субботникамъ» у Ли.

Зашелъ какъ-то разговоръ о Гёте и его отношеніяхъ къ Христинѣ Вульпіусъ, завѣдывавшей его хозяйствомъ и затѣмъ ставшей женой великаго поэта. Гёте, какъ извѣстно, воспользовался общественною сумятицей, вызванною пораженіемъ нѣмцевъ подъ Іеной, чтобы втихомолку обвѣнчаться съ Христиной. Бракъ однако оказался, какъ мы знаемъ, далеко не изъ счастливыхъ.

Ибсена поражалъ «божественный эгоизмъ» Гёте, особенно выступающій въ его перепискѣ. Такъ, когда Гёте былъ поднесенъ жителями одного изъ прирейнскихъ городовъ художественно выполненный адресъ, онъ писалъ, что, конечно, адресъ былъ очень красивъ, но что лучше было бы, если-бъ городъ вмѣсто адреса поднесъ ему хорошаго рейнвейна, которымъ славится.

Пользуясь паузой въ разговорѣ, фру Ли встала и вернулась къ намъ съ раскрытой книгой. Это оказалась пьеса Ибсена «Кукольный домъ». Фру Ли прочла намъ реплику Норы о подаркахъ дѣтямъ на ёлку: «А вотъ кукла и кроватка для Эмми... Простенькія, *но она все равно скоро поломаетъ!*» — Фру Ли съ особымъ удареніемъ прочла подчеркнутыя слова.

— Откуда взялись у васъ, мужчины, такія слова?—спросила она Ибсена.—Вѣдь это восхитительно по своей естественности! Это какъ будто писала женщина, мать. «Но она все равно скоро поломаетъ!» Вы просто подслушиваете у насъ все!

Ибсенъ отвѣтилъ улыбкой удовольствія на восторженный отзывъ хозяйки дома. Она была литературной сотрудницей мужа, и подобный

комплиментъ изъ ея устъ долженъ былъ показаться Ибсену вдвое дороже.

Разговоръ, конечно, не замедлилъ перейти на тему о женскомъ вопросѣ.

Первоначально Ибсенъ не особенно благосклонно относился къ идеѣ эмансипаціи женщины. Брандесъ разсказываетъ въ своихъ очеркахъ, что знаменитая книга Милля совсѣмъ не понравилась Ибсену, когда вышла, а увѣренія Милля, что онъ обязанъ женѣ своей лучшими своими литературными трудами, показались Ибсену просто смѣшными. Ибсенъ былъ слишкомъ индивидуаленъ, чтобы понять возможность подобнаго сотрудничества. Перемѣна во взглядахъ Ибсена произошла, по моему мнѣнію, подъ вліяніемъ двухъ такихъ рѣдкихъ женщинъ, какъ его жена и ея подруга, Камилла Коллетъ.

Для фру Ибсенъ первая встрѣча съ Камиллой Коллетъ—это было въ Дрезденѣ въ шестидесятыхъ годахъ—имѣла рѣшающее значеніе.

При всѣхъ дарованіяхъ и полнѣйшей свободѣ отъ предразсудковъ, фру Ибсенъ во многомъ оставалась дочерью пастора изъ набожнаго норвежскаго мелкаго городка. Камилла Коллетъ взяла на себя задачу открыть своей подругѣ глаза на ненормальное положеніе женщины въ обществѣ и убѣдить ее въ необходимости его улучшенія. Фру Ибсенъ, въ свою очередь, повліяла на мужа не столько словами, сколько дѣломъ, величіемъ характера, напоминавшаго и древнихъ женщинъ сагъ и современныхъ, въ родѣ фру Альвингъ въ «Привидѣніяхъ». Жена Ибсена всегда понимала отвѣтственность своего положенія въ качествѣ подруги жизни знаменитаго писателя, а позже почувствовала и свой долгъ быть представительницей за свой полъ у великой литературной силы, чьи слова распространялись по всему свѣту и имѣли власть и поднять женщину и пригнуть ее подъ ярмо.

Сама она постоянно служила ему незанятнапнымъ олицетвореніемъ самостоятельной и благородной женской натуры съ великой душой. Недаромъ онъ воспѣлъ ее въ посвященномъ ей стихотвореніи «Спасибо».

Камилла Коллетъ сама разсказывала мнѣ, какъ она была изумлена при первой встрѣчѣ съ Ибсеномъ въ Дрезденѣ его устарѣлыми воззрѣніями на женщину. Такъ могъ говорить какой-нибудь ветхозавѣтный пророкъ! Она не разъ вступала съ нимъ въ ожесточенный споръ, защищая свой полъ.

Фру Ибсенъ, которая теперь отличается такой самостоятельностью личности и смѣлостью мысли, сидѣла тогда молча, не осмѣливаясь вмѣшаться въ споръ.

Позже Камилла Коллетъ, къ своей великой радости, дождалась того, что Ибсенъ изъ противника великаго дѣла, которому она посвятила всѣ свои силы, сталъ ревностнымъ его поборникомъ. «Кукольный домъ»—настоящій гимнъ освобожденію женщины.

Первоначальную антипатію Ибсена къ женской эмансипаціи я приписываю отчасти впечатлѣніямъ дѣтства, проведеннаго въ маленькомъ городкѣ съ населеніемъ, склоннымъ къ піэтизму. Какъ часто приходилось Ибсену имѣть дѣло — и въ книгахъ и въ проповѣдяхъ — со строгими словами апостола Павла, гласящими, что мужъ долженъ быть главой и господиномъ, а жена его всепокорнѣйшею служанкою.

Да, дивные то были вечера въ домѣ Ли въ Берхтесгаденѣ, и теперь они встаютъ въ моемъ воспоминаніи даже еще болѣе свѣтлыми.

Мы часто отворяли дверь въ садъ и любовались величественнымъ горнымъ видомъ, освѣщеннымъ лунными сіяніемъ.

Иногда я затѣвалъ въ саду игру въ жмурки съ дѣтьми Ли, самъ становясь ребенкомъ и предоставляя Ибсену и Ли однимъ продолжать споръ о жизненныхъ проблемахъ...

Однажды я невольно нарушилъ обычное мирное теченіе суботника у Ли. Дѣло было такъ.

Какъ-то разъ, гуляя съ Ибсеномъ, мы увидали на дорогѣ задавленную жабу, и онъ сказалъ, что не раздѣляетъ общаго отвращенія къ жабамъ, змѣйкамъ и т. п. Наоборотъ.

Я вполнѣ понималъ Ибсена, такъ какъ самъ всегда находилъ крайне несправедливымъ обычное предразсудочно-непріязненное отношеніе къ уродливымъ тварямъ и людямъ.

Эти бѣдняги не сами же создали себя таковыми. Если бы они сами могли выбирать себѣ внѣшнюю оболочку, жаба, навѣрно, предпочла бы стать бабочкой, а горбунъ—Аполлономъ Бельведерскимъ.

И вотъ гулялъ я разъ въ субботу послѣ обѣда съ однимъ изъ старшихъ сыновей Ли, Монсомъ, теперь тоже писателемъ, и увидѣлъ въ полѣ большую, черную, съ желтыми пятнами, жабу, такъ-называемую саламандру. Не безъ труда поймалъ я ее и завернулъ въ газетный листъ, оказавшійся у меня въ карманѣ.

Монсъ съ изумленіемъ спросилъ меня, что я собираюсь дѣлать съ безобразнымъ животнымъ.

— Подарить его вечеромъ Ибсену,—отвѣтилъ я.—Онъ любитъ такихъ ползуновъ.

Монсъ засмѣялся, недовѣрчиво покачивая головой.

Явившись вечеромъ къ Ли, гдѣ уже находился пунктуальный, какъ всегда, Ибсенъ, я и принесъ свой оригинальный подарокъ. Я держалъ жабу въ рукахъ, завернутую въ бумагу. Но, пока я отвѣчалъ Ибсену на вопросъ о причинѣ моего запозданія, жаба высвободилась изъ обертки и однимъ прыжкомъ—сильные, должно-быть, у нея были мускулы!—очутилась на носу перепуганнаго Ибсена, а другимъ — перенеслась неизвѣстно куда.

Общій переполохъ, поиски,—нѣкоторые полагаютъ, что саламандры ядовиты, — но жаба словно сгибла. Фру Ли утѣшала насъ, увѣряя,

что животное выпрыгнуло въ открытое окно къ сосѣду-аптекарю, который сумѣетъ примѣнить къ дѣлу такую рѣдкую находку.

Ибсенъ очень разсердился на мою мальчишескую шутку. Особенно обидѣло его то, что это вышло у Ли. Будь еще это у насъ дома, въ отелѣ!.. Что-жъ, я заслужилъ всѣ суровыя слова, которыми меня осыпали, но такой финалъ не отбилъ у меня охоты хохотать отъ всей души всякій разъ, какъ только вспомню эту комическую сцену.

Разъ мы вышли отъ Ли часовъ около 12 ночи и попали подъ такую грозу, какія только и бываютъ въ горахъ. Небо было совсѣмъ черно, дождь такъ и хлесталъ, молніи бороздили мракъ ослѣпительно-бѣлыми змѣями, а удары грома, будившіе эхо въ горахъ, напоминали пушечную пальбу.

Ибсенъ шелъ съ обычнымъ спокойствіемъ, медленнымъ, размѣреннымъ шагомъ, прикрываясь пзящнымъ зонтикомъ, словно прогуливался по улицѣ Карла-Іоганна *). По дорогѣ онъ разсказывалъ мнѣ, что значительная часть его драмы «Императоръ и Галилеянинъ» была написана имъ здѣсь, въ Берхтесгаденѣ, въ такую именно погоду, при блескѣ молніи и подъ аккомпанементъ грома...

Иногда Ибсенъ нарушалъ однообразный порядокъ своей жизни въ Берхтесгаденѣ, измѣнялъ своей обычной дорогѣ для прогулокъ и предпринималъ вмѣстѣ со мною экскурсію въ горы. Мы проводили въ такомъ случаѣ внѣ дома весь день и обѣдали въ какой-нибудь деревенской харчевнѣ. Столъ, по желанію Ибсена, всегда накрывали на вольномъ воздухѣ. Ибсенъ далеко не былъ гурманомъ, ѣлъ вообще крайне мало и выбиралъ всегда самыя простыя, скромныя блюда, предпочитая изъ нихъ тѣ, которыя были приготовлены по-домашнему и напоминали ему пищу, какою онъ питался въ дѣтствѣ въ Норвегіи.

Послѣ такого деревенскаго обѣда, когда Ибсенъ закуривалъ сигару и облачка дыма медленно расплывались въ тихомъ воздухѣ, съ голубого неба сіяло солнце, а съ полей и горъ неслось благоуханіе свѣжаго сѣна и сосенъ, Ибсенъ становился особенно общительнымъ и откровеннымъ, какимъ вообще и бывалъ только съ глазу на глазъ.

Мы говорили о Бергенѣ, гдѣ Ибсенъ цѣлыхъ шесть лѣтъ прослужилъ директоромъ театра, о тамошнихъ общихъ друзьяхъ и знакомыхъ нашихъ. Говорили о моемъ учителѣ, старомъ, умудренномъ жизнью Лодингѣ, который былъ сотоварищемъ Ибсена по театральной дирекціи и которому Ибсенъ однажды, считая себя оскорбленнымъ имъ, послалъ вызовъ на дуэль на пистолетахъ.

Ибсену въ то время было всего двадцать съ чѣмъ-то лѣтъ; силы и страсти въ немъ такъ и кипѣли. Это не былъ тотъ важный, пожилой

---

*) Главная улица въ Христіаніи.

господинъ, котораго христіанійцы ежедневно видятъ теперь въ извѣстный часъ прогуливающимся по улицѣ Карла-Іоганна!

Заходила рѣчь и о моемъ старомъ дорогомъ другѣ Петерѣ Блюттѣ, бывшемъ тогда однимъ изъ заправилъ театра. Этому самому Блютту Ибсенъ въ свое время лично вручилъ для просмотра новую историческую драму, подписанную псевдонимомъ. Блюттъ былъ тогда наилучшимъ цѣнителемъ литературы и искусства среди членовъ дирекціи.

Блюттъ, какъ онъ самъ разсказывалъ мнѣ, былъ сразу пораженъ величіемъ характеровъ, поэтическою силою языка и чисто по-скрибовски (Блюттъ, какъ и всѣ его современники, восхищался Скрибомъ), искусно веденною интригою. И онъ все ломалъ себѣ голову, кто бы такой могъ быть этотъ молодой писатель, авторъ столь замѣчательнаго произведенія.

Объ Ибсенѣ онъ никакъ не думалъ.

Пьеса неизвѣстнаго автора была принята и поставлена. Заглавіе ея было «Фру Ингеръ изъ Эстрота». Надо отдать честь Блютту, что онъ, воспитанный на Скрибѣ и Эленшлегерѣ, сумѣлъ все-таки прозрѣть, что съ постановкой этой драмы открывается новая эра драматической литературы.

Драма имѣла большой успѣхъ. Но, когда стали вызывать автора, кто же вышелъ, къ полному изумленію Блютта? Не кто иной, какъ Генрикъ Ибсенъ.

Иногда на прогулкахъ Ибсену случалось разговориться и о литературѣ, тогда какъ вообще онъ тщательно избѣгалъ этой темы.

Онъ сообщалъ мнѣ свои юношескіе поэтическіе замыслы, которыхъ такъ и не удалось ему осуществить. Между прочимъ, онъ собирался написать драму, въ которой главнымъ лицомъ былъ бы король Свеерре, потому, по мнѣнію Ибсена, столь непопулярный въ народѣ, что былъ брюнетомъ, какъ и самъ Ибсенъ. Я въ эту минуту не могъ не вспомнить о Бьёрнсонѣ, златокудромъ и рыжебородомъ, какъ Торъ, и сумѣвшемъ воцариться, какъ возлюбленный царь и владыка, въ горячихъ, вѣрующихъ сердцахъ человѣческихъ.

Искушалъ Ибсена и мощный образъ императора Адріана, которымъ позже воспользовался для своей драмы Науль Гейзе.

Писатель, какимъ бы огромнымъ талантомъ ни обладалъ, всегда стоитъ на плечахъ своего времени. Онъ не выскакиваетъ, какъ Минерва, во всеоружіи изъ головы Юпитера, но имѣетъ духовныхъ предшественниковъ и собратьевъ-современниковъ, у которыхъ состоитъ въ долгу.

Самъ Ибсенъ никогда не называлъ мнѣ писателей, отъ которыхъ учился, или произведеній, оказавшихъ воздѣйствіе на его творчество, и, если судить по его энергичному протесту противъ предположенія, что онъ находился подъ вліяніемъ Герца, когда писалъ «Пиръ въ

Сольхаугѣ», то ему даже непріятно, если въ его произведеніяхъ открываютъ чужое вліяніе. Тѣмъ не менѣе для человѣка, знающаго сѣверную литературу, нетрудно прослѣдить это вліяніе.

За «Брандомъ» стоитъ Киркегоръ, отбрасывая на это произведеніе свою мощную тѣнь.

Читая «Пера Гюнта», нельзя не вспомнить шедевровъ датскихъ писателей, напримѣръ, «Фантазёровъ» Шака, которыми Ибсенъ такъ восхищался, и «Душу послѣ смерти» Гейберга.

Изъ родныхъ норвежскихъ писателей вліяла на Ибсена больше всѣхъ Камилла Коллетъ. Ея духъ витаетъ надъ «Комедіей любви» *).

Съ французскими писателями Ибсенъ вовсе не былъ знакомъ. Когда я пріѣхалъ въ Мюнхенъ изъ Парижа, онъ разспрашивалъ меня о теченіяхъ во французской литературѣ, и я могъ изъ его вопросовъ заключить, что онъ совершенно не знаетъ ея. Я хорошо помню, что онъ, выслушавъ отъ меня характеристику Сарду, высказалъ: «Такимъ я и представлялъ его себѣ. Это не художникъ, а литературныхъ дѣлъ мастеръ».

Изъ произведеній Жоржъ-Зандъ Ибсенъ не читалъ ни единой строчки. Зато жена его бредила «Консуэлло» и перечитывала романъ нѣсколько разъ. Дѣйствительно, первая часть романа очаровательна.

Александра Дюма Ибсенъ зналъ лишь по имени, которое встрѣчалъ въ газетахъ.

О несправедливости и непониманіи критики даже по отношенію къ такимъ талантамъ, какъ Ибсенъ, можно судить лучше всего по французскимъ критикамъ, которые во многихъ произведеніяхъ Ибсена видятъ отраженіе — если не прямое подражаніе — идей Жоржъ-Зандъ и техники Александра Дюма-сына.

Строгій этикъ Ибсенъ могъ находиться подъ вліяніемъ излюбленнаго автора полусвѣта!

Напротивъ, Ибсенъ, такъ же, какъ великіе русскіе писатели Толстой, Достоевскій и др., влилъ свѣжую кровь въ однообразную и шаблонную французскую драму, которая до тѣхъ поръ вращалась преимущественно въ области обольщенія да адюльтера.

«Датскій Мольеръ», Людвигъ Гольбергъ, какъ извѣстно, любилъ вступать въ бесѣды съ простымъ народомъ и утверждалъ, что всегда учился чему-нибудь изъ этихъ бесѣдъ.

У Ибсена была такая же склонность. Насколько онъ былъ необщителенъ съ людьми своего круга, которые набивались къ нему съ разговорами, настолько же онъ готовъ былъ болтать съ какимъ-нибудь

---

*) Дѣвичій романъ знаменитой писательницы съ не менѣе знаменитымъ писателемъ Вельгавеномъ развязкой своей напоминаетъ финалъ любовной исторіи Свангильдъ и Фалька.

рабочимъ или мастеровымъ. Обыкновенно онъ даже самъ первый заговаривалъ съ ними.

Однажды, прогуливаясь вмѣстѣ утромъ, мы натолкнулись на сапожника, который въ эту прекрасную, солнечную погоду сидѣлъ, согнувшись, за работой передъ своимъ домикомъ. Возлѣ него стоялъ столикъ съ инструментами.

Славный на видъ старикъ подкидывалъ подметки къ сапогамъ, мурлыча себѣ подъ носъ, видимо, довольный и собой и всѣмъ міромъ.

Ибсенъ привѣтливо поздоровался съ нимъ и съ интересомъ спеціалиста сталъ разсматривать его инструменты и работу.

Сапожникъ за словомъ въ карманъ не лазилъ, да и самъ Ибсенъ, видимо, былъ очень въ духѣ. Подъ конецъ онъ взялъ сапогъ и, внимательно осмотрѣвъ новыя подметки, съ удивленіемъ сказалъ:

— Развѣ теперь дѣлаютъ это такъ? (Я не припомню техническаго выраженія). Въ мое время дѣлали вотъ какъ...

Когда Ибсенъ собрался уходить, сапожникъ привсталъ и почтительно раскланялся. Онъ, видимо, проникся уваженіемъ къ познаніямъ Ибсена по части сапожнаго искусства и, кажется, остался въ томъ убѣжденіи, что имѣлъ дѣло съ выдающимся коллегой.

Въ Берхтесгаденѣ многіе крестьяне хорошо играли на цитрѣ. Ибсенъ не выносилъ этой музыки, а я, напротивъ, очень любилъ.

Онъ и вообще не былъ охотникомъ до музыки, ни до примитивной, какъ у этихъ крестьянъ, ни до исполняемыхъ виртуозами произведеній большихъ мастеровъ.

Одна почтенная дама, норвежка, проживавшая въ Мюнхенѣ, дала какъ-то въ честь Ибсена обѣдъ, на который собралась вся норвежская колонія.

Послѣ обѣда музицировали. Одна изъ красавицъ-дочерей хозяйки дома исполнила пѣснь Сольвейгъ изъ «Пера Гюнта», положенную на музыку Григомъ.

Пѣснь эта была тогда новинкой, которую разучили спеціально, чтобы сдѣлать удовольствіе присутствующему писателю.

Но онъ сидѣлъ молча, невозмутимо, не выражая ни одобренія ни удовольствія. Видимо, онъ столь же мало интересовался музыкой, какъ и текстомъ. И только когда одинъ изъ гостей наконецъ обратилъ его вниманіе, что поютъ его стихи, удалось вытянуть у него любезный отзывъ, который однако плохо маскировалъ его полное равнодушіе.

Къ композиторамъ Ибсенъ питаетъ чувство, близкое къ презрѣнію. Я имѣю всѣ основанія полагать, что ихъ занятіе представляется ему совершенно пустымъ, безполезнымъ дѣломъ.

Объ одномъ извѣстномъ поэтѣ, творчество котораго было бѣдно мыслями, но богато настроеніями, Ибсенъ выразился при мнѣ такъ:

— Это не поэтъ, — для поэта мало одного настроенія, нужны и мысли. Это просто лирикъ, музыкантъ-композиторъ.

Я не могъ не улыбнуться этому опредѣленію и подумалъ: «Послушалъ бы тебя Григъ, ставящій свое искусство выше всего на свѣтѣ! То-то бы споръ загорѣлся!»

Какихъ политическихъ мнѣній держится Ибсенъ? Принадлежитъ ли онъ къ «правой» или къ «лѣвой»?—часто слышатся вопросы.

По-моему, онъ рѣшительно внѣ партій. Онъ любитъ свободу, полную, истинную свободу и независимость духа.

17 мая 1881 г. въ Христіаніи состоялось торжество открытія памятника Вергеланду. По этому случаю Ибсенъ, жившій тогда въ Римѣ, устроилъ у себя маленькій пиръ, на которомъ присутствовала и Камилла Коллетъ, удостоившаяся въ качествѣ сестры и какъ бы представительницы Вергеланда особыхъ овацій.

Всѣ мы были въ самомъ патріотическомъ настроеніи. Еще бы! 17 мая и чествованіе Вергеланда! Самое счастливое совпаденіе.

Ибсенъ всталъ съ бокаломъ въ рукахъ и произнесъ рѣчь. Вступленіе было шутливое. Онъ разсказалъ, что сегодня измѣнилъ своей обычной прогулкѣ и отправился къ дому шведско-норвежскаго посланника посмотрѣть, поднятъ ли флагъ. Разумѣется, нѣтъ. Гдѣ же имъ вспомнить, что сегодня у норвежцевъ двойной праздникъ! Затѣмъ Ибсенъ коснулся положенія родины и закончилъ рѣчь такими словами: «Норвегія обладаетъ девяносто девятью вольностями, но не свободой. А главное-то, милостивые государыни и государи, свобода, одна свобода!»

Свобода для Ибсена то же, что воздухъ. Но понимаетъ онъ ее не столько въ смыслѣ гражданской, сколько личной. Что толку, въ самомъ дѣлѣ, обладать правомъ голоса, если не выработалъ себѣ свободы личности?

Свобода для Ибсена—манящій идеалъ, развѣвающееся на недоступной вершинѣ знамя. Для него главную цѣнность имѣетъ стремленіе къ свободѣ, развивающее всѣ наши силы куда больше, нежели самое обладаніе ею.

Ибсенъ хорошій хозяинъ и бережливый человѣкъ. Зато онъ и является единственнымъ изъ нашихъ писателей, которому удалось своими трудами составить себѣ, по нашимъ условіямъ, значительное состояніе.

Разъ я засталъ Ибсена за сведеніемъ счетовъ. На столѣ передъ нимъ лежала большая счетоводная книга.

Я извинился, что помѣшалъ, но онъ отвѣтилъ, что, напротивъ, я пришелъ очень кстати.

— Вы служили въ Бергенѣ въ торговой конторѣ и, вѣрно, знаете

бухгалтерію. Будьте же добры сказать мнѣ, такъ ли я веду книгу, чтобы въ случаѣ моей смерти сразу можно было опредѣлить, какъ велико мое имущество.

Онъ пододвинулъ ко мнѣ книгу. Я пробѣжалъ ее и не могъ не подивиться дѣловитости и практической сметкѣ Ибсена, столь рѣдко встрѣчающимся у писателей.

Разумѣется, книга была ведена не по итальянской системѣ, которую я изучалъ на родинѣ, но по собственной системѣ Ибсена, настолько однако простой и ясной, что мнѣ довольно было мелькомъ пробѣжать книгу, чтобы опредѣлить сумму имущества Ибсена въ то время.

Читалъ Ибсенъ крайне мало. Съ новѣйшими произведеніями изящной словесности и философской мысли онъ знакомился больше изъ бесѣдъ съ другими, нежели путемъ личнаго изученія.

И даже удивительно, что онъ могъ такъ слѣдить за вѣкомъ. Мало того слѣдить,—онъ имѣлъ настоящій даръ ясновидѣнія, позволявшій ему предугадывать надвигавшіяся великія событія.

Георгъ Брандесъ разсказываетъ, напр., что Ибсенъ, тотчасъ по окончаніи франко-прусской войны, предсказывалъ возникновеніе парижской коммуны.

Всего два раза за мое долгое знакомство съ Ибсеномъ я засталъ его углубившимся въ книгу.

«Что бы это могла быть за книга?»—подумалъ я съ любопытствомъ. Книга была необычайно толстая и большая, такъ что ее нетрудно было узнать въ другой разъ. Однажды я и увидалъ ее на столѣ къ комнатѣ Ибсена и позволилъ себѣ заглянуть въ нее. Это оказалась «Святая земля» Фольсрата Фогта съ краткимъ, но много говорящимъ предисловіемъ: «Я писалъ эту книгу 15 лѣтъ».

Какъ характеризуетъ Ибсена этотъ выборъ чтенія! Лишь книга о странѣ, гдѣ родился Спаситель міра, гдѣ въ воздухѣ витаютъ видѣнія пророковъ и апостоловъ, и могла приковать, сосредоточить на себѣ эту глубокую, религіозную, ищущую истины натуру...

Міровая слава Ибсена.

(I.-Б. Гальворсена).

> Man kann ihn verehren oder befehden, aber Eines ist ausgeschlossen: kalt und gleichgültig lässt er Niemanden *).
>
> D-r S. Sadger („Neue Freie-Presse", 4 Febr. 1896).

> Ibsen é actualmente o nome, que mais preocupa a critica e a exegese de todos os paizes cultos **).
>
> A. Leitura (Mag. Litt. Rio de Janeiro 1895).

Вышеприведенные эпиграфы заимствованы изъ новѣйшей критической литературы объ Ибсенѣ, притомъ изъ двухъ органовъ печати, которые никакъ не могутъ быть заподозрѣны въ воздѣйствіи одинъ на другой, да нельзя и подозрѣвать вліянія на нихъ изъ какого-нибудь общаго источника. Оба, совершенно независимо одинъ отъ другого, констатируютъ два факта, при чемъ фактъ, утверждаемый австрійскою столичною газетой, фактъ литературнаго признанія значенія Ибсена, столь же неоспоримъ, какъ и фактъ историческій, устанавливаемый бразильскимъ журналомъ. Въ настоящее время существуютъ три писателя, произведенія которыхъ пользуются извѣстностью во всей Европѣ, читаются всѣми образованными классами общества, а также значительно распространены и въ другихъ частяхъ свѣта; это—*Зола*, *Толстой*, *Ибсенъ*. Они завоевали міръ приблизительно въ одно и то же время и почти одинаково быстро. Самый младшій изъ трехъ—Зола—положилъ начало своей широкой извѣстности первыми романами своего обширнаго цикла «Ругонъ-Макаровъ» въ 1870—1871 гг., послѣ войны и паденія имперіи; Толстой, который моложе Ибсена нѣсколькими мѣсяцами, завоевалъ себѣ славу своимъ крупнымъ романомъ «Война и миръ», напечатаннымъ въ 1865—68 гг.; и всѣмъ извѣстно, что только съ появленіемъ въ свѣтъ «Бранда» весною 1866 г. имя Ибсена проникло за предѣлы Норвегіи—сначала въ двѣ сосѣднія скандинавскія страны, нѣсколько лѣтъ спустя въ Германію, и затѣмъ, пріобрѣтая все бо́льшую и бо́льшую извѣстность, достигло міровой славы, какой не выпадало на долю ни одного сѣвернаго поэта или писателя со дней Гольберга. Впрочемъ, и такое сопоставленіе Ибсена съ Гольбергомъ не можетъ дать вполнѣ вѣрнаго мѣрила славы перваго; оставляя въ сторонѣ значеніе того и другого писателя для современной имъ родной и всеобщей духовной культуры,

*) Можно чтить его или порицать; одно только исключается: онъ никого не оставляетъ холоднымъ и равнодушнымъ.

**) Ибсенъ—дѣйствительно имя, которое особенно занимаетъ критику и изслѣдователей всѣхъ культурныхъ странъ.

мы имѣемъ здѣсь въ виду лишь ихъ господство въ общемъ сознаніи своего вѣка и распространеніе ихъ произведеній въ переводахъ на иностранные языки и въ исполненіи на иностранныхъ сценахъ, а также обширную критическую литературу, всю эту массу истолкованій, полемики, пародій, лекцій, журнальныхъ и газетныхъ статей, вызванную литературнымъ творчествомъ обоихъ писателей, не говоря уже о преніяхъ и спорахъ въ частныхъ кружкахъ. Разумѣется, болѣе широкая въ сравненіи съ Гольбергомъ извѣстность Ибсена обусловлена не разницей въ талантѣ, но главнымъ образомъ разницею во времени, въ эпохѣ. Правда, Гольбергъ иногда писалъ и на всемірно-распространенномъ латинскомъ языкѣ (какъ, напр., «Подземное путешествіе Нильса Клима» и эпиграммы), но всѣ его поэтическія, драматическія, историческія и философскія произведенія написаны на датскомъ языкѣ; такимъ образомъ обоимъ знаменитымъ землякамъ *) пришлось при завоеваніи себѣ болѣе широкой арены бороться съ одними и тѣми же затрудненіями, которыя ставила имъ принадлежность къ маленькому народу, говорящему на мало извѣстномъ въ Европѣ языкѣ. Но самыя средства общенія, матеріальныя и духовныя, были во времена Ибсена уже иныя, и геній его нашелъ въ нихъ посредниковъ, которымъ онъ и его родина и обязаны тѣмъ, что имя, которое какихъ-нибудь 30 лѣтъ назадъ было извѣстно лишь сотнямъ тысячъ въ лежащей въ сторонѣ отъ большого свѣта Норвегіи и сосѣднихъ съ нею сѣверныхъ странахъ, теперь, ко дню его 70-лѣтія, извѣстно милліонамъ, сіяетъ лучами міровой славы.

«Ueber Ibsen lassen sich Bücher schreiben» (объ Ибсенѣ можно писать книги),—говоритъ швейцарскій критикъ д-ръ Т. Эдинга въ одномъ вообще незначительномъ этюдѣ объ Ибсенѣ, помѣщенномъ въ сборникѣ «Kleine Studien» (Эрфуртъ, 1892 г.). Теперь о немъ уже и написано столько книгъ, что онѣ составляютъ цѣлую библіотеку въ 60—70 томовъ. Въ нашей родной литературѣ, кромѣ монографіи въ «Словарѣ норвежскихъ писателей», изданной съ добавленіями также отдѣльною брошюрою, имѣются: два труда профессора Генрика Іегера, изъ которыхъ первый, критико-біографическаго характера, былъ изданъ ко дню 60-лѣтія Ибсена въ 1888 г. и впослѣдствіи цѣликомъ

*) Гольбергъ былъ уроженецъ Норвегіи, гдѣ и провелъ дѣтскіе и отроческіе годы; окончилъ же онъ свое образованіе въ университетѣ въ Копенгагенѣ и послѣ своихъ путешествій по Европѣ возвратился опять въ Копенгагенъ, гдѣ и провелъ всю остальную жизнь, работая для просвѣщенія Скандинавіи. Разносторонняя и необычайно плодовитая литературная дѣятельность стяжала Гольбергу имя «отца датской литературы», а геніальныя его комедіи-сатиры доставили ему прозвище «датскаго Мольера». Между Ибсеномъ и Гольбергомъ вообще много общаго; особенно же сближаетъ ихъ писательскія «я», сатирическій и полемическій духъ ихъ литературной дѣятельности. И оба они были, въ широкомъ значеніи слова, учителями своего народа.

переведенъ на нѣмецкій и англійскій языки; второй же его, авторизованный самимъ Ибсеномъ, критическій трудъ: «Генрикъ Ибсенъ и его произведенія», вышелъ въ 1892 году. Далеко не всѣ, а точнѣе—лишь весьма немногіе изъ многочисленныхъ иностранныхъ истолкователей Ибсена знаютъ нашъ языкъ настолько основательно, что могутъ читать его произведенія или упомянутые критико-біографическіе труды въ оригиналѣ. Впрочемъ, въ послѣднее время въ Германіи, Франціи и Англіи появилось немало поклонниковъ Ибсена, изучившихъ нашъ языкъ только для того, чтобы получить доступъ къ названнымъ первоисточникамъ, и нѣкоторые изъ нихъ даже долго занимались въ нашихъ библіотекахъ; къ таковымъ принадлежатъ, напр.: тонкій и основательный истолкователь Ибсена, мюнхенскій доцентъ д-ръ Романъ Вёрнеръ; затѣмъ, много путешествовавшій по Норвегіи и хорошо познакомившійся съ нашимъ языкомъ и литературой Людвигъ Пассарге; англійскій профессоръ Герфордъ; превосходный переводчикъ на англійскій языкъ и истолкователь «Бранда» Вильямъ Арчеръ; англійскій священникъ Ф. Викстидъ; французскій профессоръ Огюстъ Эраръ и мн. др. Но огромное большинство иностранныхъ критиковъ Ибсена все-таки знакомо съ его творчествомъ только по переводамъ его произведеній *), равно исторически-литературными данными для пониманія Ибсена обязано главнымъ образомъ опять-таки переводамъ— трудовъ Іегера, Г. Брандеса и отчасти Вассеніуса, а также монографіямъ Пассарге **).

Въ перечисленіи отдѣльно изданныхъ критико-біографическихъ сочиненій объ Ибсенѣ, даномъ въ «Словарѣ норвежскихъ писателей», указано 12 книгъ. Съ тѣхъ поръ (1889 г.) число это увеличилось во много разъ вышедшими за это время новыми сочиненіями на шведскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ, испанскомъ, голландскомъ, венгерскомъ, польскомъ и русскомъ языкахъ. Въ этой ибсеновской библіотекѣ встрѣчаются труды, которые съ большою пользою могутъ быть изучены даже нашими сѣверными знатоками Ибсена, напр., книга Ад.-Ф. Ганштейна: «Ибсенъ, какъ идеалистъ» (Ibsen als Idealist, Лейпцигъ, 1897), Эм. Рейха: «Драмы

*) Собранія сочиненій Ибсена изданы въ переводахъ на слѣдующихъ языкахъ: англійскомъ, итальянскомъ, французскомъ и русскомъ. Кромѣ того, имѣются изданія отдѣльныхъ произведеній (иногда по нѣсколько изданій одной пьесы въ разныхъ переводахъ) на слѣдующихъ языкахъ: шведскомъ, финскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, голландскомъ, фламандскомъ, итальянскомъ, испанскомъ, португальскомъ, польскомъ, русскомъ, венгерскомъ, сербскомъ и армянскомъ.

Примѣч. автора.

**) Для нашего русскаго изданія мы имѣли возможность воспользоваться, кромѣ указанныхъ трудовъ, еще болѣе новыми источниками, какъ-то: сочиненіями Дитрихсона, Паульсена, Іозефсона, Мёллера, Торупа, Ламбека, Лотара и Шлентера.

Ибсена» (Ibsen Dramen, Вѣна, 1894 г.), Р. Вёрнера: «Юношескія драмы Ибсена» (Ibsen Jugenddramen, Мюнхенъ, 1895 г.), О. Эрара: «Ибсенъ и норвежскій театръ» (Ibsen et le théâtre norvegien, Парижъ, 1893 г.); встрѣчается, конечно, и немало такихъ, которые весьма основательно свидѣтельствуютъ только о малой критической основательности ихъ авторовъ. Историки литературы, эстеты, драматурги, философы, соціологи, юристы, врачи, естествоиспытатели, протестантскіе и католическіе священники, и кто-кто только ни высказывался въ книгахъ, брошюрахъ, журналахъ и газетахъ и Стараго и Новаго Свѣта о произведеніяхъ норвежскаго писателя, то превознося его технику до небесъ, то объявляя ее никуда негодной, то проповѣдуя его идеи, какъ спасительныя для общества, то осуждая ихъ, какъ губительныя, отыскивая въ его пьесахъ тексты для проповѣдей и темы для медицинскихъ и психологическихъ лекцій, истолковывая его творчество съ точки зрѣнія идеализма, реализма, натурализма, соціализма и анархизма. Словомъ, Ибсенъ задалъ работу умамъ и перьямъ всего міра, привлекъ на себя всеобщее вниманіе, которое въ нѣкоторыхъ кругахъ приняло характеръ восторженнаго культа, а въ другихъ форму такого страстнаго негодованія и возмущенія, словно Ибсенъ— самъ антихристъ; появленіе каждаго новаго его произведенія въ печати или на сценѣ, начиная съ «Кукольнаго дома», становилось событіемъ, возбуждавшимъ сенсацію, которая часто заставляла даже забывать самое произведеніе.

Но съ каждымъ разомъ, какъ онъ снова и снова вызывалъ такую, часто слишкомъ бурную сенсацію, увеличивалась и его слава, или извѣстность, или популярность—какъ хотите, такъ и назовите. Когда вышелъ «Брандъ», пасторъ Векселькъ избралъ идею произведенія— *все или ничего*—текстомъ для одной изъ своихъ вечернихъ бесѣдъ въ церкви Спасителя. Теперь подобное явленіе уже не рѣдкость, во всякомъ случаѣ, въ Англіи и Америкѣ. Выше упоминавшійся пасторъ Викстидъ уже въ 1888 году не разъ черпалъ тексты для своихъ проповѣдей изъ «Пера Гюнта», а въ 1892 г. англійскій священникъ Дерберъ говорилъ съ каѳедры церкви св. Николая въ Лондонѣ исключительно объ Ибсенѣ, какъ объ одномъ изъ учителей народа въ нашъ вѣкъ. И на каѳедрахъ многихъ германскихъ и австрійскихъ университетовъ въ послѣдніе годы читались не только обыкновенныя публичныя популярно-научныя лекціи о художественномъ творчествѣ Ибсена, какъ, напр., рядъ лекцій вышеупомянутаго д-ра Гаштейна въ берлинской академіи Гумбольдта, но и систематическія лекціи для студентовъ, или о драмахъ Ибсена въ частности (въ Вѣнѣ въ 1893 г. д-ромъ Рейхомъ, въ Мюнхенѣ въ 1896 г. д-ромъ Вёрнеромъ), или объ Ибсенѣ и современной драмѣ вообще (проф. Лецманъ въ Боннѣ 1893 — 94 г.); нѣкоторыя изъ этихъ лекцій напечатаны и изданы отдѣльно, другія печатались въ повременныхъ изданіяхъ. Болѣе же

популярно изложенныхъ лекцій о художественномъ творчествѣ Ибсена въ цѣломъ или объ одной или нѣсколькихъ изъ его пьесъ нѣтъ возможности и перечислить; онѣ читались повсюду, во всѣхъ уголкахъ земного шара, или какъ введеніе къ сценическому воспроизведенію его пьесъ, — какъ, напр., бывало въ Парижѣ на представленіяхъ Théâtre libre и L'Oeuvre,—или въ защиту его идей, или въ отраженіе нападокъ на него въ печати. Одна изъ первыхъ лекцій въ Англіи была прочитана въ іюлѣ 1890 г. въ извѣстномъ «Fabian Society» Джорджемъ Шау, который вскорѣ затѣмъ издалъ свою лекцію подъ заглавіемъ: «Квинтъ-эссенція ибсенизма» (The Quintessence of Ibsenism); главною цѣлью лектора была защита писателя отъ бѣшеныхъ нападокъ англійской прессы, полныхъ инсинуацій и брани, по поводу «Привидѣній». Нападки эти въ газетныхъ фельетонахъ и театральныхъ рецензіяхъ представляли по языку и тону, выражаясь мягко, настоящее злоупотребленіе печатнымъ словомъ, что и отмѣтилъ Вильямъ Арчеръ, собравшій самые грубые отзывы о трудахъ писателя, о его личности и о его почитателяхъ и составившій изъ нихъ своего рода Schimpf-Lexikon (ругательный словарь), помѣщенный въ «Pall-Mall Gazette» (8 апрѣля 1891 г.). Такимъ образомъ жало, оставленное такими нападками въ общественномъ мнѣніи, было извлечено. Позже онъ же въ статьѣ, озаглавленной: «The Mausoleum of Ibsen» (Fortnightly Review 1895 г.), далъ обзоръ критической литературы объ Ибсенѣ въ англійской періодической прессѣ. Подобную же защиту норвежскаго писателя взялъ на себя въ декабрѣ того же года извѣстный поэтъ и историкъ литературы Эдмундъ Госсе въ лекціи, прочитанной передъ большимъ собраніемъ слушателей въ «London Institution»; въ лекціи этой докладчикъ изложилъ, на какихъ предразсудкахъ основывалось отношеніе англійской критики и публики къ новому иностранному писателю, котораго встрѣчали то криками восторга, какъ «божественнаго», «дивнаго» поэта, то бранью, какъ «отвратительнаго», «гнилого», «больного», «безумнаго» и т. п. По поводу такого отношенія критики прочелъ также лекцію объ Ибсенѣ въ University-College въ Ливерпулѣ 26 января 1894 г. извѣстный членъ нижней палаты сэръ Эдвардъ Руссель, сказавшій во вступленіи, что нѣтъ ничего легче, какъ такимъ образомъ отдѣлаться отъ права новаго великаго человѣка на вниманіе общества. И Шекспира, и Бетховена, и Гаррика, и Дарвина, и Вагнера вѣдь съ легкимъ сердцемъ объявляли такими свѣточами, которые слѣдовало загасить, но они все же не погасли; не погаснетъ и Ибсенъ.

Широкую публику въ Европѣ Ибсенъ привлекъ къ себѣ собственно комедіей «Столпы общества» около 20 лѣтъ тому назадъ, когда она проникла на сцены средней Европы. Въ февралѣ 1878 г. пьеса эта одновременно входила въ репертуаръ пяти берлинскихъ театровъ и даже на одной недѣлѣ шла въ трехъ изъ нихъ.

Самъ Ибсенъ восемью слѣдующими своими пьесами показалъ намъ, насколько возможно было превзойти эту первую тенденціозную пьесу съ ея мѣстами черезчуръ подчеркнутою моралью и театральнымъ финаломъ. Но въ то время, какъ отдѣльные молодые ибсенисты, тогда еще немногочисленные, все болѣе и болѣе охладѣвали къ этой пьесѣ, она привлекала все большее и большее вниманіе широкой публики. Въ репертуарѣ «Deutsches Theater» она въ теченіе многихъ лѣтъ оставалась пьесой, дѣлающей сборы, и когда—въ лучшемъ переводѣ (Эммы Клингенфельдъ), но въ болѣе слабомъ исполненіи — перекочевала въ «Berliner Theater», повторилось то же самое. И въ другихъ мѣстахъ сценическій успѣхъ пьесы также возрасталъ съ годами, напр., въ Вѣнѣ, гдѣ она произвела настоящій фуроръ «въ «Deutsches Volkstheater» въ мартѣ 1890 г.; объясненіе этого успѣха «Allgemeine Zeitung» искала, между прочимъ, въ томъ, что основное настроеніе нѣмецкой публики—особенно же вѣнской — съ теченіемъ времени стало болѣе серьезнымъ, и мѣщанскія комедіи мѣстнаго производства, какъ и ввозныя французскія сенсаціонныя мелодрамы, стали казаться скучными. Нѣчто подобное приходится отмѣтить и по поводу возобновленій пьесы въ 1896 г. въ придворномъ дрезденскомъ театрѣ и въ королевскомъ копенгагенскомъ и первыхъ представленій въ Тріестѣ, въ Римѣ въ 1893 г. и въ Лондонѣ, куда Ибсенъ вообще проникъ впервые въ декабрѣ 1880 г., когда были поставлены «The Pillars of Society», и въ Южной Африкѣ (Іоганнесбургъ 1892 г.), и въ Нью-Іоркѣ, и въ театрѣ «L'Oeuvre» въ Парижѣ, и наконецъ даже въ хорватскомъ театрѣ въ Аграмѣ (1891 г.).

Тѣмъ не менѣе только «Кукольный домъ», или «Нора», какъ названа пьеса въ большинствѣ переводовъ, могъ распространить имя автора далеко за предѣлами его родины и укрѣпить его въ сознаніи образованнаго міра.

Со дня появленія этой пьесы не прошло еще двадцати лѣтъ, но она успѣла за это время обойти сцены буквально всего земного шара; переведена она почти на всѣ европейскіе языки, иногда даже по нѣскольку разъ на одинъ и тотъ же; многимъ талантливѣйшимъ актрисамъ роль Норы доставила самые крупные тріумфы и на ихъ родныхъ сценахъ и во время турне по крупнымъ городамъ за границей; назовемъ, напр., минуя нашихъ сѣверныхъ артистокъ, наиболѣе извѣстныя имена въ Европѣ: г-жу Ипманъ-Рабе, г-жу Конрадъ-Рамло, Агнесу Сорма, Елену Модржеевскую, m-me Режанъ, Элеонору Дузе и др. *). «Видѣть г-жу Рабе въ роли Норы—одно изъ величайшихъ наслажденій, какое въ настоящее время нѣмецкая сцена способна предложить друзьямъ искусства»,—писалъ одинъ нѣмецкій критикъ въ 1880 г.

*) На русской сценѣ большой и прочный успѣхъ въ роли Норы стяжала, какъ извѣстно, артистка В. Коммиссаржевская.

Элеонора Дузе вызывала исполненіемъ той же роли въ 1892—93 гг. небывалые восторги переполненныхъ публикою театральныхъ залъ въ Берлинѣ, Петербургѣ и Лондонѣ. «Въ теченіе многихъ лѣтъ ни разу не наблюдалось въ Лондонѣ такого взрыва энтузіазма,—писали оттуда въ «Nat. Zeitung» въ 1893 г. — Даже партеръ, даже флегматичные, разодѣтые во фраки джентльмены первыхъ рядовъ креселъ бросали въ воздухъ шляпы и кричали «браво». «Моя лучшая мечта сбылась: Режанъ создала Нору въ Парижѣ»,—телеграфировалъ Ибсенъ знаменитой французской артисткѣ послѣ перваго представленія пьесы въ апрѣлѣ 1894 г., а его земляки и художественные собратья Эдвардъ Григъ, Іонасъ Ли и Фрицъ Тауловъ прислали ей въ антрактѣ свои поздравленія и привѣтствовали цвѣтами.

Отношеніе критики и публики къ пьесѣ всюду говорило о возбужденіи умовъ, но намъ извѣстенъ лишь одинъ примѣръ вызваннаго такимъ возбужденіемъ вмѣшательства властей, какое имѣло мѣсто въ іюнѣ 1895 г. въ Брауншвейгѣ, гдѣ полиція запретила представленія. Зато критика во многихъ городахъ и въ Европѣ и въ другихъ частяхъ свѣта обнаружила большую нетерпимость. Наименьшее пониманіе и наибольшую ограниченность проявили англо-американцы и англо-австралійцы. Когда мистеръ Чаррингтонъ и миссъ Ачерчъ, рискнувшіе своимъ состояніемъ и своей славой, чтобы доставить Ибсену побѣду надъ лондонской публикой, отправились, послѣ своихъ первыхъ тріумфовъ въ столицѣ Англіи въ 1889 г., въ Южную Америку и въ Австралію, включивъ въ свой репертуаръ, между прочимъ, «Кукольный домъ», послѣдняя пьеса была встрѣчена въ театрѣ Сиднея руготней, свистками и мяуканьемъ, и одинъ изъ критиковъ вліятельной мельбурнской газеты написалъ слѣдующія внушительныя строки: «Шекспиръ можетъ дать Ибсену 300 лѣтъ или очковъ впередъ въ смыслѣ знанія человѣческой природы и все-таки перегнать норвежскаго джентльмена; черезъ триста лѣтъ не сохранится ни клочка отъ его фальшиваго созданія, тогда какъ Дездемона все будетъ продолжать льнуть къ своему возлюбленному въ добромъ старомъ стилѣ». Когда же миссъ Ачерчъ объявила о своихъ гастроляхъ въ той же пьесѣ въ Нью-Іоркѣ, намѣреніе ея было заранѣе опротестовано въ одномъ изъ крупнѣйшихъ литературныхъ журналовъ американской столицы: «Мы допускаемъ, что трудно найти хорошую пьесу, но трудно было артисткѣ найти и худшую, чѣмъ пьеса Ибсена». Послѣ такихъ протестовъ въ далекомъ Новомъ Свѣтѣ авторъ и его почитатели могли утѣшаться тѣмъ, что пьеса завоевала-таки себѣ положеніе въ старыхъ и разборчивыхъ центрахъ искусства, войдя въ репертуары лучшихъ театровъ. Такъ, въ Амстердамѣ пьеса уже въ сентябрѣ 1890 г. достигла сотаго представленія; затѣмъ придворная Веймарская труппа выступила съ пьесой въ декабрѣ 1891 г. въ Лейпцигѣ, гдѣ члены этой труппы не гастролировали съ 1807 г., когда представленіями руководилъ самъ

Гёте. Съ другой стороны, приходили извѣстія все о новыхъ завоеваніяхъ пьесы въ качествѣ драматической новинки въ такихъ молодыхъ театрахъ, какъ фламандскій, хорватскій, сербскій и армянскій (спектакли въ Антверпенѣ въ 1888 г., въ Аграмѣ въ 1890 г., въ Бѣлградѣ въ 1889 г. и въ Тифлисѣ въ 1893 г.).

Какъ извѣстно, наибольшимъ нападкамъ публики и отчасти критики подвергался конецъ пьесы. И многіе театральные директора, болѣе практичные, нежели понимающіе, позволяли себѣ измѣнять конецъ, а второстепенные и третьестепенные писатели поддавались искушенію писать «продолженія» «Кукольнаго дома». Уже въ 1881 году въ Новомъ театрѣ въ Гельсингфорсѣ шла пьеса «Невозможное возможно», представлявшая одно изъ такихъ «продолженій». Подобное же продолженіе или «поправку» далъ въ беллетристической формѣ англійскій писатель Вальтеръ Безантъ въ январской книжкѣ «English Illustrated Magazine» 1890 г. Въ разсказѣ Безанта дочь Норы, выросши, становится невѣстой сына Крогстада. Гельмера авторъ заставилъ спиться послѣ ухода Норы, зато Крогстада исправилъ и сдѣлалъ образцомъ всѣхъ добродѣтелей; но при этомъ все-таки оставилъ въ немъ и старую закваску ростовщика и крючкотвора, и Крогстадъ повторяетъ прежнюю тактику, размахивая передъ своей будущей невѣсткой фальшивымъ векселемъ, выданнымъ ея братомъ, и грозя ей подвести виновника подъ судъ, если она не откажется отъ брака съ его сыномъ, брака, безчестящаго, по его мнѣнію, имя Крогстадовъ. Молодая дѣвушка, поставленная передъ такимъ выборомъ, отваживается на то, на что не рѣшилась ея мать—идетъ и топится. Трактовка Безантомъ характеровъ Гельмера и Норы и того настроенія, въ какомъ послѣдняя покинула свой домъ, не понравилась американской писательницѣ Эдитѣ Ченей; но и развязка пьесы Ибсена была ей не по вкусу, да вдобавокъ писательница раздѣляла любопытство толпы насчетъ того—вернется ли Нора къ мужу и дѣтямъ или нѣтъ, и такъ какъ сама полагала, что да, вернется, то и написала «Возвращеніе Норы» («Nora's return», Бостонъ, 1890 г.). По мнѣнію г-жи Ченей, возвращеніе это должно было совершиться, когда Нора познаетъ истинный свой долгъ и отвѣтственность, возлагаемую на насъ жизнью, научится жить для другихъ, и когда Гельмеръ дойдетъ до того, что признаетъ права и свободную волю другихъ людей и пойметъ, что задача любви не въ одной рабской покорности. Въ произведеніи американской писательницы Нора превращена въ сестру милосердія и въ качествѣ таковой вторично спасаетъ жизнь своему мужу во время холерной эпидеміи, когда, неузнанная мужемъ, является къ нему въ свой прежній домъ. Гельмеръ однако во время выздоровленія узнаётъ Нору, несмотря на ея одѣяніе, и затѣмъ письменно признаётся ей въ своей глубокой благодарности и заклинаетъ ее ради дѣтей вернуться въ семью. Она соглашается, онъ увозитъ ее изъ госпиталя, и при веселыхъ крикахъ

дѣтей въ домѣ ихъ восходитъ новогоднее солнце, озаряя «чудо изъ чудесъ»: супруги возсоединяются въ бракѣ, основанномъ на истинѣ и любви.

Разъ идетъ рѣчь о *продолженіяхъ* «Кукольнаго дома», нельзя не упомянуть еще объ одномъ варіантѣ, принадлежащемъ перу истиннаго поэта и даровитаго писателя, а именно о пьесѣ Джіакозо (автора «Tristi amori»), которую Элеонора Дузе въ 1896 году включила въ свой берлинскій репертуаръ подъ названіемъ «Права души». Намъ эта пьеса извѣстна лишь по отзывамъ нѣмецкихъ газетъ. Согласно этимъ отзывамъ, Гельмеръ, или Паоло, какъ назвалъ своего героя Джіакозо, разбирая бумаги своего умершаго друга, доктора Ранка, находитъ нѣсколько написанныхъ тайкомъ отъ мужа, но въ сущности совершенно невинныхъ писемъ Норы, или, по пьесѣ итальянца, Анны. Это приводитъ къ объясненію между супругами, а оно кончается тѣмъ, что жена уходитъ отъ мужа, и ворота захлопываются за нею, «какъ въ знаменитомъ образцѣ».

Два года, съ декабря 1889 г. до декабря 1891 г., весь міръ говорилъ и писалъ объ авторѣ «Кукольнаго дома», пока онъ своею послѣдующею «семейною» драмою «Привидѣнія» не далъ новой темы для споровъ и въ то же время не возбудилъ еще болѣе глубокаго и далеко заходящаго чувства негодованія въ извѣстныхъ кружкахъ, а въ другихъ—еще большаго восхищенія. И до сего дня еще не смолкаютъ въ газетахъ и журналахъ всего міра дебаты по поводу идей, воззрѣній, теорій наслѣдственности и художественной техники драмы, возобновляясь съ новой силой тамъ, гдѣ драма эта впервые попадаетъ на сцену или возобновляется въ новомъ сценическомъ истолкованіи или съ новыми исполнителями. Только на родинѣ автора пьесы споры уже затихли и негодованіе улеглось, что̀ и обнаружилось, когда Августъ Линдбергъ снова выступилъ въ роли Освальда (въ театрѣ Тиволи въ Христіаніи) на торжественномъ спектаклѣ 17 февраля 1891 г. въ присутствіи автора, а также въ январѣ 1897 г. Въ Германіи «Привидѣнія» подали въ свое время сигналъ къ еще болѣе сильной борьбѣ мнѣній, чѣмъ «Нора». Драма была принята, какъ новое слово, какъ программа новой школы драматическаго искусства и литературы (Freie Bühne), и безспорно, что съ перваго представленія «Привидѣній», даннаго мейнингенцами для избранной публики въ декабрѣ 1886 г., и затѣмъ особаго утренняго представленія въ берлинскомъ Residenz-театрѣ 9 января 1887 г. (подъ управленіемъ Антона Анно) началось обновленіе нѣмецкаго театра и нѣмецкой драматической литературы. Изъ вышеизложеннаго видно, что имя и дѣятельность Ибсена не были уже въ то время безызвѣстны нѣмецкимъ литературнымъ кругамъ. Умы были уже подготовлены къ воспринятію его идей и художественной формы, особенно статьей Брандеса объ Ибсенѣ въ журналѣ Пауля Линдау «Nord und Süd» въ 1883 г. и статьей Отто Брама въ «Deutsche

Rundschau» (1886 г.). Послѣ спектакля мейнингенцевъ въ декабрѣ 1886 г. рецензентъ «Berliner Tageblatt» послалъ въ свою газету статью, въ которой исполненіе драмы называетъ восхитительнымъ, но самую драму—пьесой «лишенной всякаго слѣда проясненнаго поэтическаго вдохновенія», пьесой «раздирательной, бьющей по нервамъ, но ничего не говорящей ни сердцу, ни уму, ни чувству прекраснаго въ человѣкѣ. Изъ академическаго музея мы вступаемъ въ публичный домъ, — храмъ искусства находится не на этой улицѣ». И вотъ на охарактеризованную такимъ образомъ пьесу берлинцы—«самый скептическій народъ въ мірѣ», какъ называетъ ихъ Науль Линдау — набросились на рубежѣ новаго 1887 года такъ, что книга въ переводѣ баронессы Ф. Борхъ была распродана почти мгновенно; пришлось на спѣхъ выписывать еще 5.000 экземпляровъ изъ Лейпцига, а на утренній воскресный спектакль, назначенный въ маленькомъ Резиденцъ-театрѣ, который вмѣщаетъ всего 1.000 зрителей, жаждало попасть свыше 14.000. Какъ же прошелъ самый спектакль? «Успѣхъ былъ бурный, колоссальный, небывалый»,—писалъ на другой день Науль Линдау въ «Berliner Börsen-Courrier».—Избранная и торжественно настроенная публика была увлечена захватывающей силой грандіознаго произведенія, и громовое «ура» привѣтствовало присутствовавшаго на спектаклѣ автора, когда онъ по окончаніи представленія разъ за разомъ принужденъ былъ выходить на вызовы и принимать восторженную благодарность публики. Затѣмъ вдругъ воцарилась тишина, и всѣ хлынули къ выходу, навстрѣчу освѣжающему, холодному вѣянію яснаго январскаго дня. Но на обратномъ пути домой по шумнымъ улицамъ столицы въ памяти вставали самыя величивыя картины изъ поэтическихъ произведеній минувшихъ временъ и становились рядомъ съ произведеніемъ норвежскаго писателя: отчаянное бѣгство Ореста отъ сонма Эринній, почное блужданіе безпріютнаго Лира по степи, безумный лепетъ Маргариты на соломенномъ ложѣ въ тюрьмѣ—вотъ что вставало со дна души, вызванное муками и смертельной тоской Освальда Альвинга. Но къ этому примѣшивалось и нѣчто новое, необычное. «Эсхилъ, Шекспиръ и Гёте смягчаютъ ужасъ изображенія тѣмъ, что рисуютъ борьбу и муки, относящіяся къ далекому прошлому; Ибсенъ обостряетъ впечатлѣніе, увеличиваетъ боль состраданія тѣмъ, что безпощадно срываетъ покровъ съ грѣха и страданій нашего вѣка», — писалъ по поводу этого представленія профессоръ Ю. Гофори («Зритель» 1888, 63). Для этого частнаго спектакля, устроеннаго вдобавокъ съ благотворительной цѣлью, удалось добиться разрѣшенія высшихъ властей; но когда вслѣдъ затѣмъ обратились за разрѣшеніемъ для публичнаго представленія, въ немъ было уже отказано, и примѣру берлинской полиціи послѣдовали блюстители порядка и въ другихъ мѣстахъ (въ Дрезденѣ, Бреславлѣ, Прагѣ, Швейцаріи и пр.). Но никакія полицейскія запрещенія не могли остановить дальнѣйшаго тріумфальнаго ше-

ствія произведенія Ибсена. Черезъ два дня послѣ упомянутаго представленія «Привидѣній» состоялся въ большой залѣ «Kaiserhof'а» банкетъ, устроенный въ честь Ибсена многочисленными избранными представителями литературы, искусства, науки, парламента и прессы. Ибсенъ въ своей отвѣтной рѣчи на привѣтствія выразилъ, между прочимъ, надежду, что настанетъ время, когда его перестанутъ считать чужимъ среди германцевъ. Въ тотъ же сезонъ въ Берлинѣ были поставлены двѣ другія его пьесы: «Врагъ народа» и «Росмерсгольмъ», и объ драмы доставили нашему земляку новые лавры. Буря, поднятая въ критикѣ «Норой» и «Привидѣніями», опять было-возобновилась порывами, но теперь партіи противниковъ и сторонниковъ Ибсена были уже почти равны, и споры о новой пьесѣ были свободны отъ политической окраски. Органы крайней лѣвой и крайней правой оказались въ числѣ рѣшительныхъ его противниковъ, тогда какъ болѣе солидные органы и того и другого оттѣнка воспѣвали ему хвалу въ длинныхъ обстоятельныхъ статьяхъ. Офиціозъ «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» занялъ рѣзко оппозиціонное положеніе по отношенію къ творчеству Ибсена, а другой офиціознѣйшій германскій печатный органъ «Deutscher Reichs-Anzeiger» восторженно восхвалялъ «грандіозное искусство и титаническую силу поэзіи Ибсена». И, какъ подчеркнулъ профессоръ Гофори въ своемъ цитированномъ выше очеркѣ пребыванія Ибсена въ Берлинѣ въ 1887 г., «все, что пишутъ противъ Ибсена, не меньше того, что пишутъ въ похвалу ему, способствуетъ упроченію его творчества въ сознаніи нѣмецкаго народа. Никогда ни одинъ сѣверный писатель не оказывалъ на духовную жизнь великаго культурнаго народа такого глубокаго вліянія, какъ въ наши дни Генрикъ Ибсенъ».

Почти одновременно съ этими завоеваніями Ибсена въ Германіи возникло въ Парижѣ, по иниціативѣ молодого инженера Антуана, посвящавшаго вмѣстѣ съ нѣсколькими друзьями свой досугъ сценическому искусству, предпріятіе, имѣвшее цѣлью литературное и сценическо-техническое обновленіе драматическаго искусства во Франціи. 30-го марта 1887 г. «Théâtre libre» далъ свое первое представленіе въ залѣ пассажа de l'Elisée-des-Beaux-Arts, а три года спустя друзья новаго искусства впервые познакомились, благодаря этому театру, съ Ибсеномъ и «Привидѣніями». Говорятъ, что это Зола обратилъ вниманіе Антуана на пьесу, которая подъ заглавіемъ «Les revenants» и была исполнена труппой Свободнаго театра въ хорошемъ, лишь немного сокращенномъ переводѣ молодого писателя Рудольфа Дарзанса. Норвежскій корреспондентъ «Aftenposten» телеграфировалъ редакціи газеты послѣ генеральной репетиціи, что театръ былъ полонъ, одобренія были часты и сильны, сыграна пьеса въ общемъ хорошо, а мѣстами даже превосходно. Черезъ нѣсколько дней тотъ же корреспондентъ могъ по отзывамъ ежедневной печати составить отчетъ, свидѣтельствовавшій,

что и вся критика, за малыми исключеніями, отнеслась къ пьесѣ не только благосклонно, но прямо восторженно; имя Ибсена ставилось на ряду съ именами Софокла, Шекспира и даже Данте.

То, что здѣсь было сообщено о сценической судьбѣ за предѣлами Сѣвера тѣхъ изъ произведеній Ибсена, которыя подавали поводъ къ наибольшимъ разногласіямъ и спорамъ, представляетъ лишь бѣглый обзоръ того, какъ создавалась его всемірная слава, — обзоръ, сдѣланный безпристрастно издали; чтобы прослѣдить дальнѣйшее распространеніе этой славы шагъ за шагомъ, понадобилась бы не краткая статья, приноровленная къ случаю, но капитальный трудъ. Но и сообщеннаго здѣсь вкратцѣ достаточно для того, чтобы засвидѣтельствовать передъ земляками писателя, что онъ уже теперь, въ пору полной рабочей силы, достигъ вершины славы и популярности, разъ имя его извѣстно во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, и произведенія его читаются, смотрятся и истолковываются на языкахъ всѣхъ этихъ странъ, служатъ источниками цитатъ для сборниковъ избранныхъ мыслей (Gleamings from Ibsen), или распространяются для обихода тѣхъ широкихъ слоевъ населенія, которые зовутся у нѣмцевъ «образованными людьми» (Die Theaterstücke der Weltlitteratur, Berlin, 1892); на его пьесы пишутся пародіи, исполнители главныхъ его героевъ гримируются самимъ авторомъ (напр., въ Лондонѣ и Нью-Іоркѣ), и даже на иностранныхъ языкахъ образовались техническія слова, произведенныя отъ имени Ибсена. Но еще большее значеніе, нежели все это, имѣетъ для упроченія его настоящаго положенія и всемірной славы господство его духовнаго вліянія; онъ дожилъ до того, что его самого и дѣло его жизни стали понимать все лучше и лучше, что его идеи стали усваиваться вѣкомъ, въ которомъ онъ сначала явился одинокимъ, какъ докторъ Стокманъ; теперь вліяніе его художественнаго творчества и его смѣлой своеобразной техники можно прослѣдить и указать въ искусствѣ и литературѣ великихъ націй.

Оглавленіе

IV ТОМА.

стр.

Іонъ-Габріель Боркманъ. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ 3
Когда мы, мертвецы, пробуждаемся. Драматическій эпилогъ въ трехъ дѣйствіяхъ . . . . . — 74

Избранныя стихотворенія.

Музыканты 132
Планы . . . . . —
Полевой цвѣтокъ и комнатные 133
Птичье щебетанье . . . . . —
Акерсхусъ 134
Гага 136
Водяная лилія . . . . . —
Птичка и птицеловъ 137
Рудокопъ 138
Свѣтобоязнь 139
Пѣсня поэта 140
Ущелье . . . . . —
Въ горахъ 141
На праздникъ пѣвцовъ 142
Женщинѣ слава 144
Лебедь . . . . . —
Пережившимъ 145
Колыбельная пѣсня . . . . . —
Скрылась! . . . . . —
Буревѣстникъ 146
Агнесъ . . . . . —
Въ альбомъ 147
Сила воспоминаній . . . . . —
Драпа Эрнульфа 148
Братъ въ бѣдѣ 150
Основа вѣры 151
Терье Вигенъ 152
Сложная исторія 162
Изъ моей домашней жизни 163

Храмъ 164
Въ картинной галлереѣ . . . . . —
Хоръ невидимыхъ 165
На высотахъ . . . . . —
Молитва женщинъ 175
Спасибо 176
Убійство Авраама Линкольна . . . . . —
Моему другу, оратору-революціонеру 178
У Порть-Санда 179
Письмо съ воздушнымъ шаромъ 180
Въ альбомъ композитору 194
Сожженные корабли . . . . . —
Издали 195
Письмо въ стихахъ 197
„Въ своемъ старомъ домѣ, въ уютѣ, въ теплѣ...“ 201
На тысячелѣтіе Норвегіи . . . . . —
„Что значитъ жить?..“ 206
Примѣчанія 207

Статьи.

Обитель Гульдры 211
Кое-что по поводу театральныхъ замѣтокъ П. І. Стуба 212
Богатырскія пѣсни и ихъ значеніе для искусства 214
„Деревенская исторія“ на сценѣ Христіанійскаго театра 230
Антонъ-Вильгельмъ Виге 231
„Лордъ Вильямъ Руссель“ на сценѣ Христіанійскаго театра . . . 233
Господину Х. Х. изъ Бергена 236
Къ характеристикѣ дирекціи датскаго театра въ Христіаніи . . . 238
Новыя замѣтки по театральному вопросу 241
Предварительное заключеніе 252
Чѣмъ пробавляется „Христіанійская почта“ 254
Театральный кризисъ 256
„Сигурдъ Слембе“, драма Бьёрнстьерне Бьёрнсона 260
Предисловіе ко 2-му изданію „Комедіи любви“ 261
Поправка 262
Соціалъ-демократія 264

Норвежскія сказанія.

Лѣсъ убитаго у Норфьорда 266
Ларсъ Тормодсенъ Медлидъ 267
Заколдованная стрѣла у церкви Болсё 268
Чортъ въ водопадѣ 269
Сонъ 270

Рѣчи.

Рѣчь, произнесенная на открытіи памятника П. А. Мунху на могилѣ его въ Римѣ 271
Рѣчь норвежскимъ студентамъ 275
„ троньемскимъ рабочимъ 277
„ на празднествѣ въ Берлинѣ 278
„ „ „ въ Стокгольмѣ . . . . . —
„ на торжественномъ обѣдѣ въ Христіаніи 279
„ „ „ „ въ Копенгагенѣ 281
„ на празднествѣ въ шведскомъ Союзѣ писателей въ Стокгольмѣ 282

Рѣчь на торжественномъ обѣдѣ въ Стокгольмѣ 283
„ на празднествѣ, данномъ Союзомъ норвежскихъ женщинъ . . —
Письма Ибсена 285
Примѣчанія къ статьямъ и рѣчамъ. 519
Примѣчанія къ письмамъ 521
Жизнь и литературная дѣятельность Ибсена. 544
Дополнительные матеріалы.
Изъ юбилейнаго литературнаго сборника, посвященнаго Ибсену и поднесеннаго ему въ день 70-ой годовщины его рожденія 751
Привѣтствіе короля Оскара 752
„ „ О. Левертина 753
Личная точка зрѣнія (Георга Брандеса) 753
Генрикъ Ибсенъ (Нильса Кьера) 759
Ибсенъ и Данія (Вальдемара Веделя). 763
Изъ воспоминаній Іонаса Ли. 795
„ „ Іона Паульсена. 796
Міровая слава Ибсена (І.-Б. Гальворсена) 815

FL 4-12-63

Robarts Library
DUE DATE:
Sept. 9, 1994

For telephone renewals
call

PT
8852
R9H3
t.4

Ibsen, Henrik
Polnoe sobranie sochi-
nenii